

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 01297694 4

MICROFILMED

KN. 6 ONLY

12052

ЗАПИСКИ

28

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Книжка IV.

ИЗДАНА ПОДЪ СМОТРЕНИЕМЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВА.

ДАНЕЮ ЧЛЕНА ИМП. РУСС. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

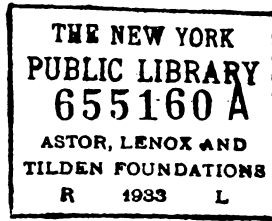
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ЦЕПОГРАФИИ Ф. КОРОЛЬКОВА.

1850.

12

PRINTED IN RUSSIA

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 16 апрѣля 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	строк.
I. Журналъ веденный во время Экспедиціи для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, въ 1836 году, <i>И. Ф. Бларамбергомъ</i>	1.
II. Топографическое и статистическое описаніе восточнаго берега Каспійскаго-Моря отъ Астрабадскаго-Залива до мыса Тюкъ-Карагана. <i>Его же</i>	49.
III. Областные выраженія Русскаго Языка въ Архангельской Губерніи. <i>А. И. Шренка</i> (Д.Ч.О.)	121.
IV. Этнографическія замѣтки о жителяхъ Нижней-Нубіи. <i>А. А. Рафаювича</i> (Д.Ч.О.)	168.
V. О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ. <i>Палладіа Каварова</i>	224. ←
VI. Заслуги Петра-Великаго по-части распространенія географическихъ познаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земляхъ Азіи. <i>К. М. Бэра</i> (Д.Ч.О.). Статья II и послѣдняя.	230.
VII. Отчетъ Русскаго Географическаго Общества за 1848 годъ.	284.

ЖУРНАЛЪ

ВЕДЕННЫЙ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ ОБОЗРѢНІЯ ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ КАСПІЙСКАГО-МОРЯ, ВЪ 1836 ГОДУ,

КАПИТАНОМЪ (°) ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
И. Ф. БЛАРАМБЕРГОМЪ.

Экспедиція, по Высочайшему повелѣнію назначенная для обозрѣнія восточныхъ береговъ *Каспійскаго-Моря*, должна была начать свои дѣйствія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, и всѣ чиновники, поступившіе въ составъ этой Экспедиціи, прибыли въ г. Астрахань въ послѣднихъ числахъ августа, кромѣ Начальника оной, которому воспрепятствовала въ этомъ тяжелая болѣзнь, удержавшая его въ Оренбургѣ. Въ-слѣдствіе сего Экспедиція отложена была до весны 1836 года. Чиновники, между-тѣмъ, чтобъ не терять времени, отправлены были съ разными порученіями въ Закавказскій-Край (въ Тифлисъ и Талышинское-Хакство), гдѣ въ г. Баку, 16 мая 1836 года, соединились съ Начальникомъ Экспедиціи, прибывшимъ туда изъ Астрахани на шкоутѣ «Св. Гавріилъ», назначенномъ для предпринимаемаго обозрѣнія, вмѣстѣ съ разѣзднымъ судномъ «Василій». Въ составъ Экспедиціи поступили:

(*) Нынѣ Полковникъ.

1) Начальникъ, Колежскій Ассесоръ *Григорій Силинъ Карелинъ*, бывшій уже въ двухъ экспедиціяхъ къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго-Моря.

2) Генеральнаго Штаба Капитанъ *Иванъ Федоровичъ Бла-рамбергъ*.

3) Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручикъ *Михаилъ Ивановичъ Фелькнеръ*.

4) Лекаръ *Павелъ Парфентьевичъ Заблоцкий*.

5) Оренбургскаго Линейнаго Батальона № 2-го Прапорщикъ *Масляниковъ*.

6) Отставной Штабсъ-Капитанъ и Штурманъ *Васильевъ*.

7) Вольный Штурманъ *Муригинъ*, вынужденный изъ Школы Штурмановъ для купеческихъ судовъ.

8) Урядникъ Уральскаго Казачьяго Войска *Масляниковъ* (чучельникъ).

9) Топографъ 1-й Полуроты № 4-го Топографовъ, Унтеръ-Офицеръ *Ульяновъ*.

10) Живописецъ *Жерновой* 11-го Кавказскаго Линейнаго Батальона.

11) Два Переводчика и Писарь.

Экипажъ состоялъ изъ 20 Астраханскихъ Казаковъ, въ числѣ коихъ 2 урядника и 4 артиллериста; 20 Уральскихъ Казаковъ, 18 вольныхъ музуровъ (матросовъ) и 3 денщиковъ; всего на обоихъ судахъ находилось 74 человѣка.

Шкоутъ «Гавріилъ» (марсельное судно) былъ вооруженъ двумя 3-хъ фунтовыми пушками, однимъ 10-ти фунтовымъ единорогомъ, нѣсколькими фалконетами, съ потребнымъ къ нимъ количествомъ боевыхъ зарядовъ, и снабженъ всѣми припасами на 15 мѣсяцевъ.

Цѣлью Экспедиціи было: опредѣлить съ возможною точностію береговые предѣлы между *Персією* и землями, занимаемыми *Туркменцами*; обозрѣть весь восточный берегъ *Каспійскаго-Моря*, отъ *Астрабадскаго-Залива* до мыса *Тюкъ-Карагана*, и войти въ торговыя сношенія съ прибрежными *Туркменцами*. Для сего-последняго, Начальникъ Экспедиціи взялъ съ собою разные товары и подарки, сообразные съ ихъ образомъ жизни, нуждами и потребностями.

Топографическое описаніе означеннаго берега, этнографія его обитателей, астрономическія наблюденія и проч., составляютъ предметъ особой статьи; здѣсь-же излагаются вкратцѣ только Журналъ Экспедиціи.

Мая 19. Въ полдень, при свѣжемъ вѣтрѣ Н. О., снялись мы съ якоря и оставили Бакинскую-Гавань. Скоро прошли островъ *Наргенъ*, а подѣ-вечеръ — и островъ *Вумфъ*.

20 и 21 мая. Дулъ тихій вѣтеръ и въ полдень былъ штиль. Лотъ въ 80 сажень не доставалъ до дна. Занятія наши въ продолженіе сего времени были весьма разнообразны, и палуба судна нашего представляла любопытное зрѣлище. Часть ея была покрыта растѣніями собранными въ Тальшахъ, въ окрестностяхъ г. Баку и на горѣ Бешъ-Бармакъ; ихъ перекладывали въ бумажные листы, для сушенія. Одинъ накалывалъ букашекъ въ ящики, нарочно для того приготовленные; другой мылъ змѣй и ящерицъ, и клалъ ихъ въ спиртъ, или приготовлялъ убитыхъ птицъ для набивки чучелъ; третій занимался чтеніемъ, ибо мы запаслись отборною библіотекою не только книгъ, прямо касавшихся до предмета нашего путешествія, но и всѣми новѣйшими сочиненіями на разныхъ языкахъ по-части Естественной Исторіи, Географіи, Минералогіи и проч. На суднѣ находился цѣлый звѣринецъ пѣзъ всякихъ птицъ, не считая полудюжины собакъ и кошекъ, нужныхъ какъ для истребленія крысъ, такъ и для увеселенія экипажа; послѣдній въ свободное время забавлялся разными играми, а вечеромъ пѣснями. Для защиты отъ палящихъ лучей солнца въ-продолженіе дня, тентъ натягивался вдоль всей палубы; во время штиля экипажъ купался въ морѣ; вообще, приняты были всѣ мѣры для сохраненія здоровья людей, и строго наблюдаемо за чистотою и опрятностію какъ судна, такъ и одежды экипажа.

22 и 23 мая. По причинѣ противныхъ вѣтровъ, мы мало подвинулись къ В. Разѣздное судно наше «Василій» было отправлено впередъ, къ островамъ *Челекеню* и *Огуртинскому*.

24 мая. До восхожденія солнца видѣли землю на В., а когда солнце взошло, то туманъ засталъ горизонтъ. Вѣтеръ былъ противный; мы лавировали взадъ и впередъ, и чуть не попали на отмель противу *Красноводскаго*-Залива, ибо глубина отъ девяти саженъ уменьшилась вдругъ до двухъ. Передъ закатомъ солнца стояли на якорѣ. Почти во всю дорогу изъ Баку шкоутъ изрѣдка посѣщали птицы, а сего числа поздно вечеромъ вились надъ кормомъ насѣкомыя и морскіе комары; берегъ былъ близокъ.

25 мая. Въ 4 часа утромъ увидѣли берегъ. *Красноводскій*-Заливъ былъ влѣвъ; за нимъ обрывистыя горы *Балханскія* на В.С.В.; а вправѣ желтъѣлъ островъ *Челекенъ*. По восхожденіи солнца, *Красноводскій*-Заливъ и *Балханы* закрылись мглою; *Челекенъ* едва былъ видимъ. Бросили якорь. Въ первомъ часу дулъ свѣжій N.W.; мы снялись опять и шли прямо на *Челекенъ*, по 3, 5 и 7 узловъ. Берегъ былъ видѣнъ ясно; можно было различать людей; но вѣтеръ скрѣпчалъ, и мы, подъ одними верхними парусами, пустились вдоль *Челекени*. Термометръ Реомюра показывалъ + 25° въ тѣни. Въ 4 часа по полудни стали на якорѣ противъ западнаго берега полуострова *Дервиша*.

26 мая. Рано утромъ отправились въ шлюбокъ на берегъ, черезъ страшный бурунъ, принудившій часть казаковъ броситься по грудь въ море, и держать шлюбку по обѣимъ сторонамъ, чтобы не опрокинули ее волны. На этомъ песчаномъ и бесплодномъ берегу мы нашли нѣсколько пастуховъ, которые сторожили тощихъ верблюдовъ; они сказали намъ, что туркменскаго старшины Кіатъ-Бега нѣтъ тутъ, а находится онъ на островѣ *Дакъ-Ада*. Собравъ кое-какіе предметы по-части Естественной Исторіи, мы воротились на судно, всѣ вымоченные буруномъ, чрезъ который казаки тянули шлюпку нашу, стоя опять въ водѣ по шею. Казаки эти, особливо Уральцы, не только отличные стрѣлки, но и весьма хорошіе моряки, и почти всѣ понимаютъ татарскій языкъ. Многіе изъ нихъ, бывши уже въ прежнихъ экспедиціяхъ вмѣстѣ съ г. Карелинымъ, имѣютъ нѣкоторыя понятія о растѣніяхъ и насѣкомыхъ, и помогали собирать ихъ; кромѣ-того, двое изъ нихъ умѣютъ весьма хорошо набивать чучелы. Прибывши на шкоутъ, мы снялись съ якоря, и, оставляя вправѣ *Тюлений*-Банкъ,

прошли въ заливъ, лежащій между восточнымъ берегомъ *Жаспійскаго-Моря* и *Огурчинскимъ-Островомъ*. Ночевать на якорѣ въ разстояніи около 8 верстъ отъ сѣверо-восточнаго берега послѣдняго, мы послали туда «Василія» для отысканія прѣсной воды, которую, по словамъ Туркменцевъ, можно было тамъ найти.

27 мая. Сами выѣхали на этотъ островъ, называемый Туркменцами *Айдакъ*. Два старшины, прибывшихъ съ *Челекени*, провожали насъ. Жара была неспосна; случій песокъ, большей-части составляющій грунтъ *Айдака*, такъ нагрѣлся отъ палящихъ лучей солнца, что жегъ даже сквозь подошву сапоговъ. Между-тѣмъ-какъ г. Карелинъ производилъ поиски по-части Естественной Исторіи, я, съ однимъ туркменскимъ старшиною и нѣсколькими казаками, запасшись лопатами, отправился на сѣверо-западный берегъ; тамъ, туркменецъ показалъ намъ мѣсто, отстоящее около 50 саженъ отъ морскаго берега, увѣряя, что мы найдемъ тутъ прѣсную воду близъ самой поверхности земли. И въ-самомъ-дѣлѣ, разрывъ песокъ на глубину около 1½ аршина, мы нашли чистую и хорошую прѣсную воду; потомъ выкопали еще одинъ колодезь, въ близкомъ разстояніи отъ перваго, и наполнили водою всего три боченка. Топографъ снималъ между-тѣмъ сѣверную часть *Айдака*, длина коего около 35 верстъ, а ширина въ серединѣ 2 версты. Вечеромъ наслаждались мы купаньемъ въ морѣ, дно котораго состоитъ здѣсь изъ чистаго мелкаго песку; разбили палатки и почсвали возлѣ берега.

28 мая. Казаки наши поймали 4 барановъ, стада которыхъ живутъ на этомъ островѣ безъ присмотра, равно-какъ козы и нѣсколько тощихъ одnogорбыхъ верблюдовъ. Жителей на *Айдакѣ* нѣтъ. Отпустивъ туркменскихъ старшинъ съ подарками, какъ для нихъ самихъ, такъ и для жены Кіатъ-Бега, мы выкопали еще два-три колодца въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу; но вода показалась въ нихъ солоноватая; между-тѣмъ охотники наши привезли намъ три красныхъ гуся, куликовъ и утокъ; въ часъ пополудни мы отправились обратно на шкоутъ. Транспортъ «Василій» соединился опять съ нами, и привезъ туркменскаго старшину Аширъ-Мамеда. Снявшись съ якоря, мы продолжали путь нашъ къ Ю., проходя при свѣжесъ вѣтрѣ N.W., по 7½ узловъ въ часъ.

29 мая. Низменного восточного берега было не видно; мы могли только замѣтить *Блмй-Бугоръ*, противъ котораго легли на якорь, по причинѣ постоянно-противнаго вѣтра; каната отдали болѣе 50 сажень; сильная боковая и килевая качка беспокоила насъ въ-продолженіе цѣлой ночи и слѣдующаго дня, такъ-что невозможно было ни чѣмъ заняться.

31 мая. Въ 6 часовъ утра мы снялись съ якоря при слабомъ вѣтрѣ W., и прошли *Блмй-Бугоръ*, имѣющій видъ продолговатой и усѣченной пирамиды; берегъ вообще низменный и близко подходить къ нему нельзя, по причинѣ отмели, простирающейся верстѣ на 8 въ море; покрытъ кустарникомъ, по-большей-части жидовникомъ. Въ 3½ часа пополудни бросили якорь противъ *Гассанъ-Кулѣ*, гдѣ стояли три русскія судна, принадлежавшія астраханскому купцу Герасимову, и занимавшіяся здѣсь рыбною ловлею. Сыновья почетнаго туркменскаго старшины Кіатъ-Бега, Яхши-Мамедъ и Хадырь-Мамедъ, съ нѣсколькими туркменскими старшинами, пришли изъ своихъ прибрежныхъ кочевьевъ посѣтить насъ; ихъ приняли съ пушечною пальбою, угощали и отпустили съ подарками, при стрѣльбѣ и ракетахъ. Яхши-Мамедъ, старшій сынъ Кіатъ-Бега, воспитанъ въ Тифлисѣ (куда былъ доставленъ Н. Н. Муравьевымъ, послѣ поѣздки его въ Хиву); онъ говоритъ по-русски и имѣетъ нѣкоторое образованіе. Поручикъ Фелькнеръ снялъ съ него портретъ, равно-какъ и съ брата его, Хадырь-Мамеда.

1 іюня. Яхши-Мамедъ вторично пріѣхалъ къ намъ съ родственникомъ своимъ Назаръ-Кулѣ, который долженъ былъ провожать насъ въ Астрабадскій-Заливъ. Въ 3 часа пополудни мы снялись съ якоря и пошли къ Ю.З. при слабомъ вѣтрѣ N.O. Къ-вечеру показались въ туманѣ *Астрабадскія-Горы*; восточного берега не было видно.

2 іюня. Съ разсвѣтомъ, горы *Астрабадскія* открылись во всемъ блескѣ. Восходящее солнце освѣтило вершину горы *Гѣздагъ* какъ-бы осыпанную хлопьями снѣга; тонкія облака нестрѣли около нея; крутоберегія долины курились, и вереница паровъ то опоясывала хребетъ, покрытый сплошъ густымъ лѣсомъ, то, свиваясь, поднималась къ вершинамъ, таяла въ лучахъ солнца, и безпрестанно измѣняла очаровательную картину, тѣмъ-болѣе поразительную, что глаза наши раз-

знакомились уже съ высотами, не видя въ-теченіе 18 дней ничего кромѣ однообразной пустыни моря и низкихъ береговъ острововъ *Челекени* и *Айдака*. — Становилось жарко; въ 7½ часовъ утра термометръ показывалъ уже +18° въ тѣни. Мы взяли направленіе къ В. Ю. В., чтобы войти въ *Астрабадскій-Заливъ*; баркасъ шелъ впередъ для промѣриванія глубины. Въ 2 часа пополудни бросили якорь между устьями рр. *Кара-Су* и *Багу*; три лодки, посланныя на берегъ, воротились съ вѣтвями гранатоваго дерева въ цвѣту и убитымъ бѣлымъ чапуромъ.

3 іюня. Поручикъ Фелькнеръ съ 25 вооруженными казаками поѣхалъ на берегъ для изслѣдованія *Мазандеранскихъ-Горъ*; мы провожали его до устья р. *Багу*, осматривали ея окрестности и любовались прелестною картиною здѣшней природы. Темная зелень гранатовыхъ кустарниковъ горѣла цвѣтами; огромныя смоковичныя, туковыя, орѣховыя и другія деревья, около коихъ вились дикія виноградныя лозы, находились на каждомъ шагу. Плодородная земля сама производитъ здѣсь ягоды всякаго рода; чалтыки (поля, засѣянные сарапнскимъ пшепомъ) простираются вдоль берега; но испаренія водъ, икъ покрывающихъ, заражаютъ воздухъ. Вечеромъ мы купались въ заливѣ, а Фелькнеръ воротился отъ подошвы горъ. Яхши-Мамедъ пріѣхалъ къ намъ съ Серебрянаго-Бугра съ 12 туркменцами.

4 іюня. Опять съѣзжали на берегъ; Фелькнеръ вторично ѣздилъ въ горы, а я, съ 6 казаками, отправился въ лодкѣ около 5 верстъ вверхъ по *Черной-Рѣчкѣ* (*Кара-Су*); она покрыта огромнымъ камышемъ, между коимъ воздухъ тяжелъ и зноенъ. Снявъ теченіе этой рѣчки, я воротился на судно; Фелькнеръ воротился не ранѣе полуночи.

5 іюня. Посѣтилъ островъ *Аширъ*, въ сопровожденіи 15 казаковъ и матросовъ; противный вѣтръ задержалъ меня на морѣ цѣлые 6 часовъ. Занимался съемкою этого острова: онъ имѣетъ всего 2 версты въ окружности, и покрытъ камышемъ съ нѣсколькими гранатовыми кустарниками. Мы вырыли нѣсколько колодцевъ, и нашли въ нихъ хорошую прѣсную воду.

6 іюня. Окончивъ съемку *Ашира*, равно-какъ и косы, простирающейся по обѣимъ его сторонамъ, я воротился на судно,

но не нашли тамъ никого изъ чиновниковъ; всѣ они отправились въ горы.

7 июля. Топографъ нашъ снималъ берегъ залива между рр. *Кара-Су* и *Сермелла*. Я остался на суднѣ и разспрашивалъ Яхши-Мамеда относительно туркменскихъ поколѣній *Юмудъ*, *Теке* и *Жокланъ*, и земель ими обитаемыхъ. Вечеромъ воротился Карелинъ съ другими чиновниками, и послалъ нашего переводчика въ г. Астрабадъ за разными покупками.

8 июня. Собирались объѣхать *Астрабадскій-Заливъ*, какъ вдругъ причалилъ къ судну туркменецъ въ кулаѣ (выдолбленномъ деревѣ) съ запискою отъ нашего Консула въ Гилъни А. И. Ходзко, въ которой онъ просилъ повидаться съ нами. Карелинъ и я тотчасъ же отправились къ нему въ *Сенгиръ* (укрѣпленіе на Кара-Су), а вечеромъ самъ Ходзко пріѣхалъ къ намъ на судно, вмѣстѣ съ братомъ правителя Астрабадской-Области, Могаммедъ-Измаилъ-Бегомъ. Послѣдній, одинъ изъ меченосцевъ Его Персидскаго Величества, хотя и поклонникъ Магомета, опорожнилъ полдюжины стакановъ портвейна. Послѣ объѣда, оба отправились, сопровождаемые нами, обратно въ Сенгиръ; «Гаврилъ» салютовалъ отъѣзжающимъ. Могаммедъ-Измаилъ-Бегъ такъ былъ доволенъ столомъ, виномъ и тремя хрустальными стаканами ему подаренными, что въ избыткѣ чувства чуть не отдарилъ Карелина всею Персією, и настаивалъ, съ цѣлію имѣть случай показать свою благодарность, чтобы тотъ приказалъ ему исполнить что-нибудь невозможное; на-дѣлъ благодарность эта ограничилась полсотнею огурцовъ, которые прислалъ онъ намъ на другой день. А. И. Ходзко, простившись съ нами, назначилъ слѣдующее свиданіе въ Эшрефъ.

9 июня. Пошли на трехъ лодкахъ къ устью *Багу*, для обслѣдованія *Астрабадскаго-Залива*. Яхши-Мамедъ съ четырьмя туркменцами провожалъ насъ. Искупавшись здѣсь, поплыли на З. вдоль берега, мимо рр. *Сердэхъ* и *Сермелла*; на р. *Гездъ* дѣлали привалъ. Подъ-вечеръ пошли далѣе, съ-тѣмъ-чтобы, по совѣту Яхши-Мамеда, ночевать на устьѣ р. *Ливанъ*; но солнце между-тѣмъ сѣло; а когда подѣхали къ берегу, насъ опажнуло запахомъ гнили: голая коса, гдѣ должны мы были расположиться, оказалась залитомою буруномъ, а р. *Ливанъ* окруженною болотами. Нельзя было достать ни воды,

ни дровъ; однихъ комаровъ было только въ изобиліи. Въ потьмахъ пошли мы далѣе; часовъ въ 10 миновали р. *Джару*, составляющую границу между Астрабадскою и Мазандеранскою областями, и около часа пополуночи достигли до р. *Гамга*, гдѣ и разбили палатки для ночлега.

10 іюня. По рассказамъ здѣшнихъ жителей, море, 20 лѣтъ тому назадъ, покрывало весь этотъ берегъ и простиралось до возвышенія, находящагося на правомъ берегу р. *Гамга*; выше показывается бугоръ *Гирей-Дююнъ*, гдѣ видны еще остатки батареи, построенной Графомъ Войновичемъ въ 1782 году. Противный вѣтеръ не позволялъ идти далѣе, а дурная вода р. *Гамга* заставила насъ перенести мѣсто стана версты за три далѣе, на устьѣ р. *Ширшері*. Мѣстоположеніе здѣсь было лучше, но вода также негодна для употребленія, потому-что рѣчка эта разведена по чалтыкамъ. Мы брали воду изъ колодезѣвъ, вырытыхъ въ 3 верстахъ отъ морскаго берега; она была холодна, но мутна. Сотни буйволовъ, принадлежащихъ правителю области, паслись на тучныхъ поляхъ. Вечеромъ пріѣхалъ хозяинъ ихъ, Мирза-Мамедъ-Ханъ, и привезъ въ пешкешъ (подарокъ) барана, огурцовъ, буйволоваго молока и два куска льду. Мы отдачили его тремя хрустальными стаканами, и онъ обѣщалъ намъ доставить къ завтрашнему числу выючныхъ лошадей и проводника, для поѣздки въ горы.

11 іюня. Карелинъ, я и другіе чиновники—верхами, а 15 казаковъ—пѣшими, отправились въ горы. До селенія *Сераджи*, на рѣчкѣ тогоже имени, проѣхали по полямъ засѣянными пшеницею, до половины убранною; потомъ путь нашъ шелъ между фруктовыми деревьями. Отъ селенія поднимались въ горы по крутой тропинкѣ. Видъ на море и на плоскую полосу земли подъ ногами, усыпанную деревьями и полями, былъ прекрасенъ. Проливной дождь, захвативъ насъ въ густомъ лѣсу, задержалъ и, наконецъ, принудилъ возвратиться въ селеніе. Мы поднимались на гору не болѣе 200 сажень, и тогда-какъ въ горахъ мочилъ насъ ливень, на равнинѣ не было его ни капли. Горы эти изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, и кусты бирюзы унизаны были зрѣлыми ягодами. Когда мы сушились въ селеніи, Персіанки бѣжали отъ насъ сначала; но мы стали раздавать имъ иголки, и онѣ сдѣлались смѣлѣе, принялись даже смотрѣть на насъ съ любопытствомъ: мы

были первые Русскіе, посѣтившіе ихъ селеніе. Вечеромъ воротились въ лагерь на устьѣ *Ширшери*. Чакалки не давали намъ спать всю ночь.

12 іюня. Еще до восхожденія солнца вышли изъ устья р. *Ширшери* для дальнѣйшаго обозрѣнія и описанія берега; за противнымъ вѣтромъ шли на веслахъ; прошли рр. *Суреуджу* и *Келекъ*, и къ первому часу достигли р. *Шагиль*, гдѣ и расположились лагеремъ. Нашъ переводчикъ Абдулла Тенъшесвъ, вмѣстѣ съ другимъ туркменцемъ, отправленъ былъ въ Эшрефъ съ письмомъ къ А. И. Ходзко, и для разныхъ покупокъ, потому-что всѣ припасы вышли; хлѣба ни крошки не было. Казаки между-тѣмъ убили двухъ кабановъ и чакаленка.

13 іюня. Рано утромъ Туркменцы привели 5 лошадей, 5 кабыровъ и провожатыхъ. Абдулла съ товарищемъ чуть не взбаламутили всего Эшрефа: ихъ приняли тамъ за лазутчиковъ. Мы пустились въ путь, оставивъ казаковъ въ лагерѣ. Дорога шла сперва чалтыками; верстахъ въ 5 отъ лагеря нѣхали мы въ лѣсъ, откуда почти столькоже оставалось до Эшрефа. Лѣса эти великолѣпны: природа сама производитъ здѣсь дикія гранатовыя, смоковичныя и тузовыя деревья, около которыхъ вьются виноградныя лозы огромной величины.

Эшрефъ — небольшое селеніе съ сырцовыми кирпичными домами и заборами накрытыми сверху напоротниками и соломой. Каждый домъ отдѣленъ отъ другаго фруктовымъ садомъ. Дворцы обнесены стѣною въ родѣ крѣпости, равно-какъ и дворецъ *Сефи-Абадъ*, лежащій отдѣльно, на горѣ къ З. отъ селенія. Они расположены подъ навѣсомъ горы, невысокой, по крутой и покрытой густымъ лѣсомъ. Изъ ней проведена вода въ главный бассейнъ передъ большимъ кіоскомъ, въ которомъ мы почевали и гдѣ встрѣтилъ насъ А. И. Ходзко. За одной стѣной насчиталъ я пять дворцовъ и кіосковъ; посреди ихъ находится большой кіоскъ, а выше его, по длинному руслу неглубокой канавы, проведена вода въ главный бассейнъ. Вода переливается съ уступа на уступъ и протекаетъ чрезъ средину большого кіоска. Отсюда ясно видны Заливъ и полуостровъ *Потеликинъ* съ его деревьями. Во второмъ дворцѣ живетъ Правитель (Хакимъ) Эшрефа. Третій дворецъ называется *Сердъ-Абъ*; вода проведена отсюда изъ бассейна во всѣ стороны

крестообразно; это самое лучшее и больше всѣхъ потерпѣвшее отъ времени зданіе. Четвертый дворецъ находится ближе къ горѣ. Наконецъ, вѣво — Гаремъ, всѣхъ ихъ огромнѣйшій. Стѣна его, обращенная къ улицѣ, безъ оконъ; фасадъ очень хорошъ, хотя и не оштукатуренъ. Всѣ дворцы складены изъ кирпича, расположеннаго различными узорами, а высокіе стрѣльчатые своды обложены кирпичемъ глазурированнымъ и расписаннымъ яркими узорами.

Эшрефъ построенъ Аббасомъ-Великимъ лѣтъ за 200, и въ его время сады были достойны строителя; лѣтъ за 100 назадъ онъ былъ почти истребленъ пожаромъ и возобновленъ Надиръ-Шахомъ. Нѣкоторые дворцы перенесены на другія мѣста; но не доставало ни охоты или вкуса великаго Аббаса: нищенскія зданія замѣнили великолѣпнѣе прежнихъ; это, одна-кожъ, не могло испортить прелести здѣшней природы: кипарисы, кедры, лимонъ, гранатовые кусты, тополь, букъ, орѣшникъ, фиговые, померанцовыя и другія деревья, расположены то аллеями, то неправильными кучами, тѣснящимися къ горѣ и такъ-будто хотящими укрыться подъ ея тѣнью. Темноцвѣтныя, стройныя кипарисы, какъ часовые, стоятъ не шелохнувшись вдоль плоскихъ канавъ, окаймленныхъ широкими плитами (въ которыхъ еще видны дыры, куда вставлялись факелы или свѣчи во время шахскихъ праздниковъ), или смотрятся въ стекло бассейновъ. Гранатъ горитъ цвѣтами, и изъ-за густой зелени ихъ выглядываютъ полуразрушенные дворцы, съ своими полукруглыми и подъёмными рѣзными азіатскими окнами, которыя блестятъ разноцвѣтными стеклами, хотя и выбиты во многихъ мѣстахъ. Обрушенные израсцовые своды ихъ, въ трещинахъ конхъ поселились уже гранатъ и фиговые деревья, какъ-будто висятъ въ лазури, и фестонами спадаютъ съ нихъ виноградъ до самой земли; все это живописно-дико. Прибавьте къ тому, что воздухъ растворенъ ароматами, небо ясно, и мѣсяцъ обливаетъ эту картину своимъ магическимъ свѣтомъ. Я ничего не видѣлъ очаровательнѣе Эшрефа, но Персіане, нынѣшніе его жители, не умѣютъ цѣнить этотъ рай. Прекраснѣйшія мѣста оставлены ими безъ всякаго вниманія. Старина для нихъ ничего не значить. Они живутъ только въ настоящемъ и для настоящаго. Во дворцѣ, гдѣ находится главный источникъ, средній куполъ упалъ въ бассейнъ; обломки кирпича и израс-

цвѣтъ запрудили выходъ, и чистая, студеная вода шумить, вырвавшись изъ искусственнаго ложа, пѣнится и сверкаетъ между цвѣтными обломками свода, пробираясь въ кустарники, гдѣ на волѣ постъ соловей, но не такъ какъ прежде: пѣснь его коротка и отрывиста; онъ какъ-будто сѣтуетъ надъ запустѣніемъ Эшрефа! Все валится, все измѣнилось. Тамъ, гдѣ купались затворницы Гарема въ виду Шаха Аббаса, въ большомъ бассейнѣ, напротивъ перваго павильона, распѣваютъ теперь лягушки; въ Гаремѣ — стойло ишековъ, катыровъ и мѣстороженіе блохъ; а стѣны дворца исписаны стихами изъ корана и надписями проѣзжающихъ; между ними есть и русскія, напримѣръ: «Здѣсь былъ Самсонъ-Ханъ (*), 1835 года.» Мы спали въ большомъ павильонѣ, возлѣ водопровода, журчаніе коего смѣшивалось съ кваканьемъ лягушекъ. А. И. Ходзко подчивалъ насъ передъ тѣмъ превосходнымъ ужиномъ въ персидскомъ вкусѣ, съ кальянами и ширазскимъ виномъ.

14 іюня. Встали до восхожденія солнца и, напившись чаю, отправились въ верхній дворецъ *Сефи-Абадъ*. Онъ уцѣлѣлъ не многимъ болѣе противъ видѣнныхъ нами другихъ дворцовъ. Покойный Фетхъ-Али-Шахъ былъ въ немъ, и, вѣроятно для его проѣзда, онъ былъ выштукатуренъ. Видъ съ третьяго этажа великолѣпенъ: весь Астрабадскій-Заливъ, со всѣми его извилинами, косами и бухтами, представляется какъ на ладони; влѣво — понижающіеся и уже почти холмистые отроги Мазандеранскаго-Кряжа; а сзади, подъ ногами зрителя, кой-гдѣ выглядываетъ изъ-за зелени селеніе Эшрефъ. Въ 10 часовъ, А. И. Ходзко простился съ нами, и мы воротились въ Эшрефъ, гдѣ уже приготовлены были лошади; между-тѣмъ живописецъ нашъ успѣлъ снять шесть разныхъ видовъ здѣшнихъ садовъ и развалинъ. Часа чрезъ два мы были уже въ нашемъ лагерѣ на р. *Шагимъ*, и тотчасъ же, при свѣжѣмъ W. N. W., поплыли на шкоутъ, куда и прибыли въ 6 часовъ вечера. Во время отсутствія нашего, Штурманъ Муригинъ промѣрилъ глубину водъ вдоль полуострова *Потемкина*.

15 — 16 іюня. Посѣщали насъ братъ Астраханскаго купца Миръ-Батрова, Миръ-Садыкъ, и Измаиль-Бегъ, изъ

(*) Начальникъ бывшаго Русско-Персидскаго Батальона.

Курды-Магала. Переводчикъ, посланный въ Астрабадъ, воротился оттуда съ разными покупками.

17 — 24 іюня. Въ-продолженіе этихъ дней мы жили на берегу; шкоутъ былъ накрененъ и выконопаченъ; приготовлены сухари, нарубленъ лѣсъ для дровъ, и судно снабжено свѣжею водою. Живописный лагерь нашъ былъ разбитъ при устьѣ р. *Багу*. Вся коллекція растѣній и букашекъ, собранныхъ нами съ начала Экспедиціи, была приведена въ порядокъ и закупорена въ смоляные ящики. Почти каждую ночь попадались въ наши капканы дикія кошки, чакалки и барсуки.

25 іюня. День рожденія Государя Императора провели мы на берегу и праздновали какъ могли. Назначена была стрѣльба въ цѣль для нашихъ казаковъ, съ опредѣленіемъ разныхъ награжденій лучшимъ стрѣлкамъ, а во время обѣденнаго тоста за здоровье Монарха, при громкомъ ура, гулъ русскихъ пушекъ отдался въ Мазандеранскихъ-Горахъ, гдѣ не слыхали ихъ быть-можетъ съ 1782 года.

26 — 27 іюня. Пріѣхалъ къ намъ со свитою, съ Серебрянаго-Бугра, младшій сынъ Кіата, Хадыръ-Мамедъ.

28 — 30 іюня. Собиралъ разныя свѣденія о торговлѣ, правленіи, нравахъ, и прочемъ относящемся до жителей здѣшняго края.

1 — 3 іюля. Пріѣзжалъ къ Начальнику Экспедиціи Гамзатъ-Ханъ Наукендскій, который въ 1827 году былъ взятъ въ плѣнъ въ Эривани, и жилъ 8 мѣсяцевъ въ Тифлисѣ, а въ 1833 году, провожалъ, по приказанію Аббасъ-Мирзы, извѣстнаго путешественника Бориса изъ Кучана (въ Хорасанѣ) до туркменскихъ границъ, бывъ назначенъ тогда правителемъ поколѣнія *Кокланъ*. Онъ обѣщалъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія, и дать намъ проводниковъ и лошадей въ горы, если мы будемъ къ нему съ нашимъ лекаремъ, который, дня за два, по его же приглашенію, ѣздилъ въ Наукендъ лечить его жену. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я, Фелькнеръ и Заблоцкій, съ переводчикомъ Абдуллою и 10 казаками, запасшись барометромъ, отправились, третьяго числа передъ захожденіемъ солнца, на баркасѣ, къ устью р. *Чебекенда*, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

4 іюля. Пошли на разсвѣтъ въ село *Наукендъ* (5 верстъ), гдѣ до 1 часа дожидались лошадей, а между-тѣмъ Заблоцкій

съ переводчикомъ Абдуллою ходилъ въ гаремъ. *Наукендъ*—селеніе, состоящее изъ 1000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу, такъ-что дома почти не видны изъ-за деревьевъ ихъ окружающихъ, обтекается рѣкою того же имени. Гамзатъ-Ханъ и меньшей его братъ, Сефи-Ханъ, приняли насъ очень ласково и дали намъ собственныхъ своихъ жеребцовъ и выючныхъ лошадей. Изъ Наукенда дорога шла пологою покатостью въ горы между рощищами изъ фруктовыхъ деревьевъ и мимозъ, покрытыхъ прекрасными пурпурными цвѣтами, и паноротникомъ столь высокимъ, что въ немъ едва видно всадника. Тяжелый запахъ отъ него произвелъ у нѣкоторыхъ изъ насъ головную боль. Первое барометрическое наблюденіе сдѣлано было въ селѣ *Банюшъ-Тепъ* (30 дворовъ), расположенномъ у самой подошвы горъ, на рѣкѣ *Малекастельъ*. На морскомъ берегу, при устьѣ р. *Багу*, г. Карелинъ дѣлалъ между-тѣмъ подобныя наблюденія каждыя полчаса, во все продолженіе пребыванія нашего въ горахъ. Отъ селенія Банюшъ-Тепе стали подниматься въ гору густымъ лѣсомъ и насплу выѣхали на дорогу, ведущую изъ Наукенда въ *Хезаръ-Джерибъ*, лежащій по другую сторону Мазандеранскаго-Кряжа. Дорога пролегала сперва лѣсомъ, и мы пересѣкли три рукава полныхъ рѣчекъ, означающихъ слѣдъ своей толстымъ наносомъ валуновъ и галекъ; а потомъ шли вдоль ручья вливающагося въ р. *Наукендъ*, по крутому обрыву берега; ручей ревѣлъ отъ дождей подъ нашими ногами, но въ такой глубинѣ, что слышанъ былъ только шумъ, а воды не видно. Въ 4 часа пополудни сдѣлали второе наблюденіе. Дорога пошла круче, грязнѣе и все хуже-и-хуже, а погода, между-тѣмъ, становилась пасмурной. Немного не доходя до горы или мѣста *Дюкесаръ*, мы любовались прелестнымъ видомъ: вся плоская равнина, опоясывающая Астрабадскій-Заливъ и называемая здѣсь *Энезангошъ*, была подъ нашими ногами; далѣе залитъ этотъ, Потемкинъ-Полуостровъ, островъ Аширъ и за ними Каспійское-Море. Густые лѣса около берега казались только пятнами темнѣйшими зелени чалтыковъ и пашень; деревни курились, солнце закатывалось въ тонкихъ облакахъ и вечерняя прохлада сходила на землю. Здѣсь, на Дюкесарѣ, въ 6 часовъ вечера, произвели мы еще наблюденіе, и потомъ расположились почевать на открытомъ воздухѣ, кто въ чемъ былъ, подъ покровомъ въ-

коваго бука, вѣтви котораго и были для насъ единственною защитою отъ дождя, шедшаго почти во всю ночь. Кромѣ водки и сухарей, съ нами не было никакихъ другихъ припасовъ.

5 іюля. Въ 4 часа утра отправились далѣе. Чѣмъ—выше поднимались въ гору, тѣмъ дорога была круче и грязнѣе. Она пролегалъ по отрогу, называемому *Ассаръ*, между двумя пропастями; направо шумѣлъ протокъ *Абра-Чешме*, направо же обрывъ былъ столь крутъ и глубокъ, что шумъ воды не долеталъ до верху. Добравшись на-силу до истока Абра-Чешме, мы сдѣлали здѣсь послѣднее наблюденіе, въ 7½ часовъ утра. Туманъ въ перевалахъ, то покрывалъ насъ, то прощипался, притягиваемый вершинами хребта. По сдѣланнымъ здѣсь вычисленіямъ, мы находились выше горизонта Каспійскаго-Моря около 570 тоазовъ. Итти далѣе вверхъ мы не рѣшились, боясь потерять или сломать барометръ, и стали спускаться. Спускались кто какъ умѣлъ, падали часто, и въ 9 часовъ дошли до бывшаго нашего ночлега. Отсюда, навьючивши лошадей, стали спускаться пѣшкомъ, ведя жеребцовъ и лошадей на поводу, и въ 2 часа пополудни прибыли въ Наукендъ. Ханъ далъ намъ лошадей до берега, и казаки наши оставили селеніе съ пѣснями; пѣсни эти выманили изъ домовъ множество женщинъ и дѣвушекъ, которыя и провожали насъ за селеніе, ради рѣдкости случая. Въ 4 часа прибыли мы къ нашей лодкѣ, а въ 6 вечеромъ были уже въ лагерьъ при р. Багу.

6—10 іюля. Хадырь-Мамедъ уѣхалъ впередъ въ Гассанъ-Куль, а мы собирались въ дорогу. Во все время пребыванія нашего въ Астрабадскомъ-Заливѣ погода стояла болѣе ясная, чѣмъ пасмурная и дождливая, и почти никогда не измѣнялись періодическіе вѣтры: ночью — съ горъ, а днемъ — съ моря (западные). Стоянка на якорѣ тоже была самая покойная. На шкуотѣ жаръ не доходилъ въ полдень болѣе +24° а ночью +18°. На берегу было жарче, а въ штиль и душливо, особливо въ началѣ іюля, когда начала цвѣсти хлопчатая бумага. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ казаковъ заболѣли, вѣроятно отъ климата, а не отъ трудовъ или отъ пищи, въ которой не только не нуждались, но даже роскошествовали. За неимѣніемъ барацовъ, угоняемыхъ на лѣто въ горы, нѣсколько быковъ было куплено у Персіанъ, или привезено съ Серебря-

наго-Бугра. Говядина портилась въ концѣ другаго дня. При неосторожности въ пищу, чувствовали какую-то тяжесть и разслабленіе. Но, благодаря искусству нашего медика, никто не заболѣлъ опасно, и всѣ мы оставили Астрабадскій-Заливъ въ добромъ здоровьи, живши тамъ около шести недѣль.

11 іюля. Снялись вечеромъ съ якоря и ночью вышли изъ Астрабадскаго-Залива.

12 іюля. По причинѣ то штиля, то весьма слабаго вѣтра, только около полудня могли мы стать на якорѣ въ семи верстахъ отъ берега, на противъ *Гюлишъ-Тепъ*, или *Серебрянаго-Бугра*. Сперва послали на бударкѣ переводчика Абдуллу, съ приказаніемъ приготовить для насъ кибитки и дать сигналъ когда можно съѣхать на берегъ, а потомъ, когда сигналъ былъ поданъ, около 3 часовъ пополудни, въ двухъ лодкахъ съ 20 казаками, отправились туда сами. Толпа мальчишекъ встрѣтила насъ у самаго берега, гдѣ, по причинѣ отмели и камней, мы должны были остановиться саженьхъ въ 20 отъ него, и провожали насъ съ крикомъ и шумомъ до вершины бугра, гдѣ для насъ была приготовлена кибитка. Насилу могли мы добраться туда сквозь толпу наглыхъ Туркменцевъ. Старшина Аманъ-Назаръ верхомъ пріѣхалъ встрѣтить насъ, и между «добро-пожаловать» и «милости-просимъ» (*аманъ-башъ* и *хошъ-гельди*) объявилъ, что съѣхать на берегъ не такъ-то безопасно; но, получивши въ отвѣтъ что Русскіе ворочаться не любятъ, предложилъ лошадь свою Карелину, и потомъ угощалъ насъ дынями, арбузами и разными высокопарными привѣтствіями. Карелинъ пригласилъ Туркменцевъ бороться, скакать на лошадяхъ, и проч.; но все исполнялось съ такимъ крикомъ и шумомъ, что мы сами не рады были, что попали между этихъ буйныхъ толпъ нищихъ и наглецовъ, не признающихъ никакой власти. Съ ужаснымъ шумомъ и толкотней едва составили маленькій кругъ. *Дарги*, или полицмейстеръ, долженъ былъ нагайкою по ногамъ выравнивать круговую линію. Въ борьбѣ Туркменцевъ видна только сила, а не ловкость. Хотя подарки имъ даны были довольно значительные, но они требовали болѣе, и одинъ старшина, Назаръ-Бергенъ, хотѣлъ подарка даже за то, что не успѣлъ пріѣхать въ Астрабадскій-Заливъ и участвовать въ стрѣльбѣ, которая была устроена для нашихъ казаковъ, 25 іюня. Особенно не поправилось намъ низкое обра-

щеніе ихъ съ плѣнниками. Одинъ молодой персіанецъ былъ захваченъ въ плѣнъ съ-недѣлю назадъ, и окованъ. Съдой туркменъ вывелъ его какъ на-показъ, и заставляя ходить взадъ и впередъ, наслаждался бряцаніемъ цѣней. Мы оставили берегъ какъ-только осмотрѣли бугоръ; онъ незначителенъ; имѣетъ всего 3 или 4 сажени въ вышину, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій; море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются подъ водою, вдоль берега, до р. *Кара-Су*, на протяженіи 30 верстъ. Видъ съ вершины бугра нравился намъ новизною. Съ одной стороны — море; напротивъ — ровная стѣна, и горизонтъ оканчивается небольшими продолговатыми возвышеніями; подъ ногами — какъ улья, торчатъ кибитки Юмудовъ, числомъ до 200; а вправо — понижающійся мало-помалу бугоръ, въ видѣ овальнаго вала, идетъ полукругомъ къ р. *Гюргени*, и сливается со степью. Ауль *Гюлишъ-Тепѣ* находится въ $1\frac{1}{2}$ верстъ отъ р. Гюргени, изъ которой и довольствуются водою его жители. Въ 9 часовъ вечера, при свѣтѣ мѣсяца, прибыли мы обратно на судно.

13 іюля. Снялись съ якоря въ $4\frac{1}{2}$ часа утра, но двинулись впередъ мало, а въ полдень былъ совершенный штиль. Въ 3 часа пополудни легли на якоръ въ 14 верстахъ отъ берега, насупротивъ *Гассанъ-Кули*, по близости судовъ купца Герасимова, которыя нагружались здѣсь рыбнымъ товаромъ, приготовленнымъ для него Туркменцами Гассанъ-Кулинскаго вольнаго общества. Оба брата Герасимовы посѣтили насъ, и провели ночь на нашемъ суднѣ.

14 іюля. Въ 4 часа поутру посѣтилъ насъ Яхши-Мамедъ съ 20 туркменцами; ихъ угостили и отпустили съ-тѣмъ-чтобы они приготовили для насъ кибитки возлѣ берега; между-тѣмъ мы приблизились къ судамъ Герасимова, и въ 5 часовъ пополудни отправились въ 4 лодкахъ на берегъ, съ пушкою и въ сопровожденіи 40 казаковъ. Во 100 саженьяхъ отъ берега должны мы были остановиться, ибо нельзя было подѣхать ближе. Хадыръ-Мамедъ со многими туркменцами встрѣтили насъ верхами, и отдали намъ лошадей, чтобы доѣхать до берега; а здѣсь самъ почтенный старикъ Кіатъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и потомъ провожалъ до двухъ кибитокъ, нарочно для насъ приготовленныхъ. Толпа любопытныхъ туркменцевъ провожала и окружала насъ: но они были гораздо

смирѣе нежели собратія ихъ въ Гюмшиъ-Тепѣ. Въ толпѣ ихъ, старшій сынъ Кіата, Яхши-Мамедъ, былъ какъ посторонній; онъ не вошелъ даже съ отцомъ и съ нами въ кибитку. Послѣ мы узнали, что онъ, женившись безъ отцовскаго позволенія, былъ въ опалѣ. Черта эта въ характерѣ Туркменцевъ заслуживаетъ уваженія. Здѣсь повиновеніе волѣ родительской безпрекословно; и въ этомъ отношеніи господствуютъ странныя обычаи, особенно между женщинами: свиха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обратится къ нему съ вопросомъ сама, но даже отвѣчаетъ ему чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно. Тоже самое дѣлаетъ она и въ отношеніи къ старшему дѣверю. — Мы показали Туркменцамъ ловкость и скорость нашихъ артиллеристовъ въ стрѣльбѣ, пускали ракеты къ большому ихъ удивленію, пригласили потомъ старшинъ къ чаю, и уже поздно вечеромъ распустили нашихъ гостей-хозяевъ. Ауль *Гассанъ-Кулі* расположенъ на полуостровѣ или, лучше сказать, на косѣ; отъ нашего стана отдѣлился онъ бакчами (огородами) съ арбузами и дынями. Ровная какъ море и безлѣсная степь сливалась непримѣтно съ водою; мѣсяцъ, полный и свѣтлый, взошелъ на безоблачномъ небѣ; вѣтеръ едва струилъ воздухъ; ночь была плѣнительная, и мы почти всѣ спали на открытомъ воздухѣ. Вокругъ лагеря поставлены были трое часовыхъ.

15 іюля. Мы были принуждены взять воду съ судна, ибо Туркмены достаютъ ее здѣсь изъ р. *Атреха*, находящейся въ 14 верстахъ отъ аула; по малой глубинѣ култука, они наливаютъ ее въ куласы и такъ привозятъ въ Гассанъ-Кулі. Жаръ былъ несносенъ: термометръ показывалъ + 27° въ тѣни. Послѣ обѣда осматривали мы аулъ; онъ состоитъ почти изъ 200 кибитокъ, расположенныхъ по западному берегу култука. Внутри ихъ довольно опрятно; во многихъ мѣстахъ мы видѣли женщинъ занимающихся на открытомъ воздухѣ, только подъ навѣсомъ, приготовленіемъ войлоковъ и тканьемъ ковровъ. Возлѣ берега култука стояли многочисленные киржимы и русскія лодки; послѣднія принадлежали астраханскому купцу Герасимову, а ватага его выстроена близъ самага берега култука. Послѣ, посѣщали мы кибитку Хадыръ-Мамеда и видѣли его жену и дочерей; женщины надѣваютъ здѣсь на голову

огромные кокошники украшенные многочисленными золотыми монетами, а ротъ закрываютъ платкомъ. Онѣ, впрочемъ, не стыдятся показываться съ открытымъ лицомъ. Вечеромъ мы заставляли туркменскихъ мальчиковъ бороться между собою, раздавая побѣдителямъ по куску сахара.

16 — 17 іюля. Занимался съемкою огромнаго Гассанъ-Кулинскаго Култука, въ которомъ р. *Атрекъ* разливается на многочисленные рукава. Для этого я долженъ былъ употребить куласъ, потому-что кулукъ только въ серединѣ имѣлъ 3 или 4 фута глубины, а возлѣ береговъ всего 1 футъ. Мы были первые Русскіе, которымъ удалось подняться вверхъ по Атреку; устья этой рѣки очень мелки; она разливается по низкимъ, илистымъ берегамъ безчисленными рукавами. Я долженъ былъ вытти изъ куласа, который казаки тащили между-тѣмъ пѣшкомъ черезъ пространство нѣсколькихъ верстъ, чтобы попасть въ одинъ изъ главныхъ рукавовъ, и шель такимъ образомъ, то по грязи, то по горячему песку, босыми ногами. По этому рукаву поднялись мы вверхъ по рѣкѣ, имѣющей теченіе быстрое, воду очень мутную, и разливающейся въ полую воду на большое пространство. Въ-продолженіе съемки, одинъ изъ моихъ уральскихъ казаковъ отправился въ нѣ на охоту за сомами. Съ кинжаломъ въ рукахъ бросился онъ на огромнаго сома, боролся съ нимъ нѣсколько времени и разрѣзалъ ему брюхо; потомъ сталъ преслѣдовать другаго, и нанесъ ему жестокий ударъ, какъ кинжалъ отскочилъ отъ спинной кости животнаго, и казакъ самаго себя ранилъ тяжело въ правую руку. Жара была такъ велика, что вода даже въ кулукѣ сдѣлалась совершенно тепла. Воротившись 17 числа въ нашъ лагерь, я нашелъ Карелина съ полудюжиною жепцинѣ, жепгъ почетнѣйшихъ старшинъ, которыхъ онъ угощалъ чаемъ; каждая принесла по коври или по сумкѣ въ подарокъ. Нашъ живописецъ снялъ портреты съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и срисовалъ костюмъ двухъ туркменскихъ всадниковъ верхомъ.

18 — 19. іюля. Жара утомительная; а какъ море было далеко отъ лагеря и притомъ слишкомъ мелко для купанья, то казаки ежедневно катали бочку съ морскою водою въ нашъ лагерь, и мы обливались по нѣсколько разъ въ день; ходили всѣ въ однихъ рубашкахъ.

20 июля. Прибыль изъ степи Казы Магомедъ-Таганъ, глава духовенства Юмудовъ. Послѣ обѣда была скачка; десять туркменъ скакали по нѣскольку разъ. Лошади ихъ не очень хороши и гораздо ниже того мѣста, которое имѣли мы прежде о туркменскихъ лошадяхъ, славящихся красотою, быстротою и переносливостію; въ послѣднемъ, впрочемъ, нельзя отказать и здѣшнимъ: скудные кормы и полусоленая вода поддерживаютъ ихъ существованіе, тогда-какъ наши лошади издохли-бы на такомъ содержаніи. Славной породы туркменскихъ лошадей *Текѣ* надобно впрочемъ искать не здѣсь, а около *Шерекса*, въ Хорасанскомъ Курдистанѣ. Скакавшимъ были розданы въ награду деньги, котлы и таганы. Всѣ старшины были приглашены нами къ чаю. Казы и около 50 старшинъ прибыли къ захожденію солнца, но прежде-чѣмъ вошли въ нарочно приготовленную для нихъ кибитку, совершили вечернюю молитву: обратились всѣ лицомъ къ Меккѣ, и подъ предводительствомъ Казы, то падали на колѣна, то молились въ тишинѣ, стоя неподвижно. Напоивши чаемъ, Карелинъ объявилъ имъ о цѣли нашей Экспедиціи; они начали разсуждать съ нами о рыбной ловлѣ, имъ принадлежащей, торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею и проч., и мы получили свѣдѣнія на-счетъ сношеній ихъ съ Персіею и съ Хивою. Между-тѣмъ приготовили ужинъ на 100 человѣкъ, для чего были зарѣзаны 4 барана. Мы угощали эту толпу на открытой степи, при освѣщеніи фонарями, привѣшенными къ казачьимъ пикамъ. Каждый изъ гостей получилъ въ подарокъ чашку, изъ которой ѣлъ, а на прощанье пущена была дюжина ракетъ и сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Всѣ казались очень довольными и согласились на всѣ предложенія Карелина, но это не помѣшало имъ украсть у насъ нѣсколько кожъ, на которыхъ они сидѣли. Къ-счастію, казаки наши поймали воровъ, которые извинились, говоря, что хотѣли только пошутить.

21 — 23 июля. Жары продолжались. Мы опорожняли ежедневно 40-ведерную бочку прѣсной воды; барказъ привезъ намъ съ судна черезъ день еще двѣ новыя бочки; но вода отъ жару протухла и нельзя было пить ее безъ примѣси кислоты. Къ-счастію мы могли купить здѣсь дынь и арбузовъ, которые растутъ въ большомъ изобиліи; ихъ привозятъ также изъ Гюмишъ-Тепѣ; они отменно хороши и огромной величины.

Кіатъ-Бегъ, Казы и нѣсколько старшинъ посѣтили насъ и общались сдѣлать контрактъ съ Герасимовымъ на-счетъ рыбной ловли въ водахъ собственно имъ принадлежащихъ. Казы на другой день той (праздника) имѣлъ свиданіе съ Карелинымъ и общался кончить все какъ-можно поспѣшнѣе.

24 іюля. Еще разъ ѣздилъ я съ нашимъ медикомъ по р. Атреку, въ трехъ куласахъ; мы достигли почти до бугра *Хозу-Курана*, находящагося около 10 верстъ отъ устья этой рѣки. Казаки стрѣляли копыковъ, чупуровъ, зеленыхъ пѣтушковъ и куликовъ, которыми изобилуютъ эти мѣста. Въ камышахъ мы видѣли многочисленныя слѣды барсовъ и кабановъ. Воротились въ лагерь очень поздно; противный вѣтеръ заплескалъ наши куласы и промочилъ насъ до костей. Съ *Зелено-го-Бугра* привезли намъ нѣсколько варанусовъ (по туркменски *замзамъ*), родъ ящерицъ похожихъ на крокодила, и величиною отъ 3 до 4 футовъ. Мы умертвили ихъ, бросивъ имъ въ ротъ нюхательнаго табаку, отъ чего они немедленно впади въ сильныя судороги и задохнулись.

25 — 26 іюля. Последняго числа, Казы и главные старшины: Мамедъ-Сардаръ, Султанъ Али-Ханъ, сынъ султана Мамедъ-Хана, Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Черкесъ-Ханъ и другіе, приложили печати къ контракту, заключенному ими съ купцомъ Герасимовымъ, въ томъ, что они отдаютъ ему на откупъ, въ-продолженіе 10 лѣтъ, свои рыбныя ловли, отъ Гассанъ-Кулинскаго-Култука до р. Гюргени. Всѣмъ имъ были розданы подарки.

27 іюля. Отправились изъ култука къ С., на урочище *Гарлицъ*, для добытія каменной соли, 33 киржима. Грозная эта для Персіянъ флотилія разлетѣлась-бы отъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и не устрасила бы горсти Русскихъ. Звѣринецъ нашъ увеличился: кромѣ молодой дикой козы мелкой породы, полученной нами въ Астрабадскомъ-Заливѣ, намъ подарили здѣсь 5 джейрановъ (*Antilopes*); они скоро сдѣлались ручными и стали брать сахаръ и хлѣбъ изъ нашихъ рукъ.

28 — 31 іюля. Въ-продолженіе этого времени мы занимались разспросами на-счетъ дорогъ ведущихъ въ Хиву, теченія рр. *Атрека* и *Гюргени*, народонаселенія *Юмудовъ*, *Текѣ*, *Коклановъ* и проч. Свѣдѣнія эти дали намъ Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Ма-

медъ-Сардаръ, Черкесъ-Ханъ, Казы и другія лица. Извѣстіе о прибытіи русскаго судна съ подарками для Юмудскаго Народа, распространилось весьма скоро по степи и притомъ съ разными преувеличеніями, такъ-что многіе старшины прѣхали къ намъ изъ-за 200 и 300 верстъ, чтобъ получить что-нибудь. Мы принимали только главныхъ, разспрашивали ихъ относительно края ими обитаемаго, о Хивѣ, о Персіи, и никогда не отпускали не показавъ имъ дѣйствія нашей артиллеріи. Они весьма удивлялись скорости съ какою слѣдовали выстрѣлы одинъ-за-другимъ, любовались рикошетами ядеръ по морю, и говорили обыкновенно, что покада другіе зарядятъ ружье одинъ разъ, Русскіе успѣютъ зарядить и выстрѣлить четыре раза изъ пушки, слѣдовательно невозможно, чтобы кавалерія туркменская или хивинская могла дѣйствовать противъ Русскихъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля былъ сильный штормъ съ 3.; сообщеніе съ судами прекратилось; бурунъ и волны были страшны, а море чуть не достигало до нашихъ кибитокъ, находившихся болѣе 50 сажень отъ берега. Окончивши наши дѣла здѣсь, мы съ нетерпѣніемъ ожидали восточныхъ или южныхъ вѣтровъ, чтобъ продолжать путь; но къ-несчастью западные вѣтры дули въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Августа 1. Мы приготовились къ отъѣзду, а между-тѣмъ Карелину нужно было удостовѣриться лично, въ какомъ положеніи находился нашъ шкоутъ. Во время шторма, его жестоко валяло и открылась течь до дюйма въ часъ; съ прекращеніемъ волненія она нѣсколько убавилась; но все-таки было весьма непріятно, что починка судна въ Астрабадскомъ-Заливѣ была почти бесполезна. Къ-тому-же Туркменцы выводили насъ изъ терпѣнія своею наглостію, требуя уже, а не прося, подарковъ за малѣйшія услуги, и никогда не довольствуясь тѣмъ, что получали. У нихъ на языкѣ какъ-будто нѣтъ слова «возьми», а все только «давай». Никто не повѣрилъ-бы, какъ они поступаютъ съ купцомъ Герасимовымъ: съ него берутъ деньги за рыбу, принимая рубль серебромъ за два съ половиною реала, вмѣсто трехъ, да, сверхъ-того, заставляютъ его платить по 50 процентовъ съ капитала въ годъ. Ласковое обращеніе съ ними никуда не годится: кто ихъ бьетъ, того они и уважаютъ, то-есть боятся. Нищій народъ этотъ не перемѣ-

нились несколько со времени посѣщенія П. Н. Муравьевымъ, и портретъ его, сдѣланный этимъ путешественникомъ, какъ нельзя болѣе вѣренъ. Въ послѣднее время нашего пребыванія мы ихъ хорошо узнали, и обращались съ ними безъ церемоній. Они всѣ равны между собою, и ссоры, особливо между холостыми, оканчиваются нѣсколькими ударами ножа или кинжала. Въ глазахъ нашихъ поссорились двое, и старшій изъ нихъ, лѣтъ 15, едва не зарѣзалъ другаго, нанеся ему сильныя раны въ шею и голову. Туркменцы не обратили на это ни какого вниманія, и на вопросъ нашъ: что-же они не вступились за избитаго? отвѣчали, что старшій природный *Юмудъ*, а отецъ послѣдняго недавно перешелъ въ ихъ поколѣнне. Впрочемъ, и между одноплемениками случается тоже самое. — Всякое приказаніе Карелина, или вызовъ на скачку, бѣганіе и проч. объявлялись Туркменцамъ чрезъ нашего глашатаго (Даражи).

2 — 3 августа. Во время пребыванія нашего здѣсь стояла постоянно ясная погода; только два видѣли мы облака; дни были утомительно жарки; изрѣдка западные вѣтры прохладжали воздухъ; но ночи были великолѣпны: тихи, теплы; чистое небо горѣло звѣздами, блудящіе огни бороздили темную лазурь. Аулъ Гассанъ-Кулинскій засыпалъ; все было тихо; лишь доносило тихимъ вѣтромъ ропотъ моря, да часовой пробуждалъ тишину окликомъ кого-нибудь изъ нашихъ. Въ безмолвіи ночи часто уходили мы въ степь, чтобъ насладиться ею вполнѣ. Иногда ночью, въ штиль, термометръ доходилъ до $+ 22^{\circ}$, и никогда не опускался ниже $+ 18^{\circ}$.

4 августа. Оставили наконецъ этотъ берегъ. Карелинъ, заболѣвши, былъ посаженъ на пушку, и мы отправились пѣшкомъ черезъ воду, до нашихъ гребныхъ судовъ, отстоявшихъ отъ берега сажень на 60. Противный вѣтеръ и сильное волненіе прoderжали насъ въ морѣ семь часовъ, и мы только въ сумерки достигли до нашихъ судовъ.

5 — 7 августа. По причинѣ противныхъ западныхъ вѣтровъ, шли впередъ весьма медленно, то бросая якорь, то снимаясь опять. 7 числа, найдяшись на якорѣ противъ *Балаго-Бугра*, я, Фелькнеръ и Заблоцкій, отправились въ двухъ лодкахъ на берегъ, находившійся около 10 верстъ отъ судна. Глубина почти до самаго берега простиралась до

6 футовъ; въ 50 саженьяхъ отъ него море было мелко. Мы углубились въ степь около 3 верстъ, идя чрезъ песчаные холмы и высохшій заливъ; наконецъ стали вязнуть и очутились по-колѣно въ черной иловатой землѣ, среди обширнаго высохшаго соленого озера; соль покрывала поверхность, а подъ ней находились илъ и вода. *Акъ-Тепѣ*, или Бѣлый-Бугоръ, находился еще въ 5 верстахъ отъ насъ. Характеръ берега похожъ на Огурчинскій, только въ большемъ видѣ. Три параллельныя гряды сыпучаго песку, связаннаго кустарными растѣнiями, служатъ оплотомъ отъ наводненiй бурнаго моря во время западныхъ штормовъ. Первая гряда саженьяхъ въ 30 отъ берега, остальные — въ верстѣ и менѣе одна-отъ-другой. Между ними — солончаковатая или ракушечная почва. Перевалившись за послѣднюю гряду, шли равниной, совершенно гладкой. День былъ жарокъ. Миражъ обманывалъ насъ какъ-нельзя лучше; вся степь, казалось, покрыта была водою, и даже тѣнь отъ бугровъ на горизонтѣ отражалась въ парахъ такъ живо, какъ въ тихой стоячей водѣ. Мы нѣсколько разъ обманывались и принимали миражъ за настоящую воду. Въ лѣвой рукѣ, когда шли къ Акъ-Тепѣ, блестѣла кора самосадочной соли. Акъ-Тепѣ вѣроятно доступенъ съ которой-нибудь стороны; видимо возвышается онъ изъ солончаковъ, и говорятъ, что на вершинѣ его бьютъ ключи горячей соленой воды. Тропинки вдоль берега показываютъ или обходную дорогу на него, или, быть-можетъ, пробиты онѣ охотниками-туркменцами, приѣзжающими сюда за джейранами, свѣжія слѣды коней видѣли мы во-множествѣ. Отъ насъ казался бугоръ круто-поднявшеюся, ровной, бѣлесоватой стѣною. Мы воротились, искупались въ морѣ, и прибыли на судно въ-сумерки.

8 августа. Снялись съ якоря въ 6 часовъ поутру, но мало ушли впередъ. Въ 11 часовъ остановились всего въ полутора верстѣ отъ берега; послѣ обѣда поѣхали туда въ 3 лодкахъ и нашли тамъ двѣ кибитки. Хозяева ихъ, Туркменцы, имѣли стада барановъ, козъ и около 20 верблюдовъ; недалеко отъ берега вырыли они себѣ въ песокъ нѣсколько колодезевъ; вода въ нихъ была солоновата. Степь имѣла тотъ же самый видъ, что при Бѣломъ-Бугрѣ. Мы купили 4 барановъ, купались въ бурнахъ, ибо западный вѣтеръ усилился, и потомъ воротились на

судно. Въ-продолженіе ночи вѣтеръ усилился и насъ беспокоила сильная качка.

9 августа. Карелинъ провелъ цѣлый день и слѣдующую ночь на берегу, чтобы избѣжать качки, продолжавшейся съ одинаковымъ силою.

10 августа. Съ-разсвѣтомъ снялись мы съ якоря, шли впередъ медленно, и прошли *Зеленый-Бугоръ* въ 4 часа пополудни, а къ-вечеру вѣтеръ утихъ и сдѣлался почти штиль. Ночь была прелестная, освѣщенная яркимъ свѣтомъ луны; море, осеребренное луною, тихо волновалось, и змѣистая полоса свѣта бѣжала за рулемъ едва двигавшагося судна.

11 августа. Цѣлый день кое-какъ подвигались впередъ; вѣтеръ отходилъ къ W. ten N. и насъ приваливало къ восточному берегу, въ-виду песчаныхъ бугровъ по-правую-руку нашего курса; бугры эти простираются отъ о. Челюскинъ къ Ю. В. до бывшаго *Хивинскаго-Залива* (нынѣ почти высохшаго). Въ 6 часовъ вечера стали на якорь на 4 саженьхъ глубины.

12 — 13 августа. Дни прекрасные; стояли на якорѣ, потому что западный вѣтеръ не пускалъ насъ къ о. *Огурчинскому*. Термометръ показывалъ $+ 20^{\circ}$ въ тѣни.

14 августа. Снялись съ якоря въ-полночь; вѣтеръ былъ чистый О., море покойно. Термометръ въ 1 часу пополудни показывалъ $+ 22^{\circ}$. Шкоутъ сперва шелъ прекрасно, и мы полагали, что еще къ-свѣту будемъ въ-виду о. Огурчинскаго; по вычисленію до него было верстъ 30. Вѣтеръ между-тѣмъ скрѣпчалъ; мы шли по 4 узла; наконецъ, передъ утромъ развело ужасное волненіе. Мы уже прошли 50 верстъ, а все не видали острова; горизонтъ былъ въ туманѣ, вѣтеръ съ пылью, волненіе жестокое и 7 сажень глубины; наконецъ глубина стала мало-по-малу уменьшаться; это обнадежило насъ, что мы еще не миновали острова; но зато мы могли попасть на *Толоній-Банкъ*. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ, съ баку увидѣли землю, а въ 7 бросили якорь верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ о. Огурчинскаго, на 4 саженьхъ глубины. Только-что успѣли съѣхать на берегъ, какъ вѣтеръ опять сталъ отходить къ W.

15 — 17 августа. Сѣверная часть о. *Огурчинскаго* снята была уже во время перваго нашего посѣщенія, 17 и 28 мая; въ-продолженіе-же этихъ трехъ дней я занимался, вмѣстѣ съ

топографомъ, съемкою остальной части этого острова. Какъ жаръ былъ утомителенъ, то я предпочелъ ходить босикомъ по заплескамъ вдоль берега, и надѣвалъ сандалии только тамъ, гдѣ надобно было выходить на бугоръ, чтобъ обозрѣть окрестности для внесенія на планшеть; раскаленный песокъ жегъ какъ горячее желѣзо. Такимъ образомъ, я сбѣгалъ болѣе 50 верстъ пѣшкомъ и босыми ногами. Во время съемки я часто вырывалъ колодцы, чтобы утолить жажду; прѣсную воду можно было добывать здѣсь во многихъ мѣстахъ на аршинѣ глубины отъ поверхности земли; впрочемъ случается, что вмѣсто прѣсной встрѣчается солоноватая, что зависитъ отъ большаго-или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега, и отъ болѣе-или-менѣ песчанаго грунта. Возлѣ южной оконечности острова мы нашли огромныя бакчи съ дынями и арбузами; 400 штукъ ихъ нагрузили мы въ лодки и перевезли послѣ на судно. Между-тѣмъ казаки вырыли между восточнымъ и западнымъ берегомъ нѣсколько колодцевъ и наполнили изъ нихъ водою 8 бочекъ. Въ довольномъ количествѣ набрали они также и валежнику, а стрѣлки наши приносили намъ каждый вечеръ до 60 и болѣе жирныхъ куликовъ, коими, равно-какъ бакланами и красными гусями, изобилуетъ островъ. Я часто любовался, съ какою ловкостью кулики возлѣ морскаго берега искали себѣ пищи, избѣгая волнъ и бурновъ, и кидались на червячковъ и т. п. выбрасываемыхъ моремъ. Я бралъ высоту солнца, когда погода это позволяла, и каждый вечеръ возвращался ночевать на судно, потому что комары изъѣли тѣхъ изъ насъ, которые спали на берегу безъ пологовъ. Фелькнеръ осматривалъ между-тѣмъ соленыя озера и собиралъ образцы разнаго рода соли. Жителей здѣсь нѣтъ. Туркменцы лишь временно пріѣзжаютъ сюда съ о. Челекени для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Мы нашли здѣсь стадо козъ и барановъ, нѣсколько верблюдовъ и табунъ лошадей, принадлежащихъ Кіату.

18 — 19 августа. Занимались приготовленіемъ бумагъ для отправленія въ Баку съ «Василіемъ». Съ этимъ судномъ откомандированъ былъ туда урядникъ Свѣчниковъ. Хотя вѣтры, стояли до-сихъ-поръ противные, но нельзя было долѣе медлить, ибо мы имѣли крайнюю нужду въ разныхъ припасахъ. Между-тѣмъ прибыли къ намъ изъ Гассанъ-Куля шкоуты «Св.

Андрей» и «Св. Николай», принадлежащіе кунцу Герасимову и нагруженные рыбными товарами; они запасались здѣсь свѣжею водою.

20 — 22 августа. «Василій» снялся съ якоря съ-разсвѣтомъ и обошелъ сѣверную косу о. Огурчинскаго; мы также снялись, чтобы продолжать путь въ *Красноводскій-Заливъ*, но успѣли отойти только 10 верстъ, какъ сѣверный вѣтеръ заставилъ насъ остановиться. Въ-продолженіе ночи онъ обратился въ сильный штормъ и дулъ безпрерывно 48 часовъ; мы пустили около 90 сажень якорнаго каната, чтобы уменьшить клесвую качку, которая весьма насъ беспокоила.

23 августа. Подъ-утро вѣтеръ стихъ и воздухъ сталъ прохладнѣе; скоро три мѣсяца, какъ стоятъ совершенно-противныя вѣтры. Вечеромъ вѣтеръ и волненіе затихли. *Балганы*, какъ облачко, видны были на N.O. ten O.

24 августа. Ночью снялись съ якоря и къ-утру подошли къ о. Челекени съ южной стороны. Тремя выстрѣлами дали мы знать о нашемъ прибытіи ожидавшему насъ здѣсь Хадыръ-Мамеду, который и прибылъ вечеромъ съ двумя туркменцами. Муригинъ промѣрилъ глубину около *Дервиша*. Послѣ шторма, течъ увеличилась; качали въ-теченіе дня 4 раза, и выкачали въ-сутки 24 дюйма воды. Вѣтеръ опять сдѣлался противный.

25 — 26 августа. Балхавскій-Кряжъ былъ видимъ весьма ясно передъ восхожденіемъ солнца; казаки говорили даже, что видѣлись Астрабадскія-горы. Стояли на якорѣ на томъ же мѣстѣ. Открыли течъ въ кормѣ и конопатили. Шпангоуты были гнилые, или, лучше сказать, крысы проѣли ихъ.

27 августа. Тамъ же на якорѣ. Казаки, посланные на берегъ, воротились и привезли туркменца Якубъ Курбу-Мамеда, который долженъ былъ проводить насъ въ Красноводскій-Заливъ. Вѣтеръ къ-ночи почти утихъ.

28 августа. Дулъ S. и S.O. Снялись съ якоря въ 7 часовъ утра, сдѣлали 6 или 7 верстъ и за штилемъ опять остановились. Убили тюленя. Поставили сѣти на рыбу, но ничего не поймали.

29 августа. Вѣтеръ N.N.O. Снялись съ-разсвѣтомъ, прошли мимо полуострова Дервиша съ южной его стороны, и по-причинѣ противнаго вѣтра стали на якорѣ въ 9 часовъ поутру.

День былъ прекрасный, и мы съ нетерпѣніемъ ждали попутнаго вѣтра.

30 августа. Рано утромъ при вѣтрѣ S. O. снялись съ якоря и шли къ З.С.З. вдоль Челекени до мыса, гдѣ островъ дѣлаетъ поворотъ на С.С.В. Шкоутъ долженъ былъ идти подъ парусами, и пройдя оконечность мыса поджидать насъ, убавивши парусовъ. На берегъ съѣхали на двухъ лодкахъ. Запахъ нефти поразилъ насъ еще за $\frac{1}{2}$ версты отъ берега. Обрывистые берега острова обманули насъ, ибо мы полагали себя вдвое ближе къ нимъ, нежели были въ-самомъ-дѣлѣ. Пристали вплотъ къ берегу. Онъ здѣсь обрывистъ, вышиною сажени три, и состоитъ изъ глины, проникнутой солью, которая притомъ покрываетъ глину, высыхая на поверхности ея въ-видѣ налета, чѣмъ глинѣ темносѣраго или синевато-сѣраго цвѣта придаетъ цвѣтъ бѣлосоватый. Нефть проникаетъ ее, то частицами непримѣтными, ощутительными только обонянію, то запитываетъ цѣлыми слоями, представляющимися въ-видѣ паралельныхъ морю горизонтальныхъ полосъ въ $\frac{1}{4}$ арш. толщиной. Отъ осѣданія берега, во многихъ мѣстахъ пласты поставлены трещинами въ болѣе-или-менѣе вертикальное положеніе. Поднявшись на берегъ, мы слѣдовали по песку изъ перетертыхъ раковинъ и пеплу, нѣжному и мягкому, такъ-что хотя нога и тонетъ, но потомъ свободно отдѣляется отъ него. На покатости горы называемой *Мирза-Бека*, мы встрѣтили соленые источники, теплота коихъ простирается отъ 29° до 29° Реомюра: они вытекаютъ изъ покатости горы и исчезаютъ въ песокъ; съ ними вмѣстѣ вытекаетъ и нефть, плавающая на поверхности воды струями; жители задерживаютъ ее досками: вода вытекаетъ, а нефть, какъ легчайшее вещество, остается, составляя верхній слой, и стекаетъ потомъ жолобомъ въ приготовленные для того подъемные амбары. Источники эти весьма живописны, падая съ уступа на уступъ по песчанику, проникнутому солью, то сильно, такъ-что она выступаетъ на его поверхность, то непримѣтными частицами. Вода пахнетъ нефтью и сѣрою. Возлѣ этихъ ручьевъ находится также нѣсколько колодезъ съ горячею, чистою, черною нефтью.

Ближе къ морю нашли мы на этомъ возвышеніи значительное количество колодезъ съ черною и бѣлою нефтью, покрытыхъ камнями, обсыпанными пескомъ; на многихъ видны

знаки: отпечатокъ руки или ноги. Приподнявши нѣкоторыя изъ этихъ камней, мы видѣли крестообразно положенныя перекладины изъ жидовника, до $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметръ; онѣ сдѣланы для-того-чтобы песокъ не обрушивался и не засыпалъ колодцевъ. Глубина сихъ-последнихъ отъ 3 до 7 аршинъ. Черная нефть покрываетъ воду, занимающую въ нихъ нижній горизонтъ, на дюймъ и болѣе, что мы узнавали опуская тростинку. Медикъ нашъ измѣрилъ температуру горячихъ ключей, и взялъ съ собою нѣсколько бутылокъ съ водою и нефтью.

Со времени пребыванія здѣсь Н. Н. Муравьева (въ 1821 году) море смыло и оторвало 250 сажень отъ западнаго берега сего острова. На картѣ, имъ составленной, обозначено небольшое озеро, въ которое впадаютъ всѣ вышеупомянутые родники; его уже не существуетъ. Дѣйствіе волнъ подтверждается и неравномѣрною глубиною моря, безпрестанно измѣняющагося около береговъ, и отторженными глыбами песчаника у мѣста нашего привала и далѣе къ С., гдѣ волны не могли размыть его равно-какъ и глину, составляющую настоящій берегъ. Пробывъ на островѣ не болѣе 5 часовъ и выкупавшись, мы воротились на шкутъ, ожидавшій насъ съ подобранными парусами. Вѣтеръ между-тѣмъ зашелъ противный, и къ-вечеру мы стали на якорь. Передъ сумерками казаки еще разъ сѣзжали на берегъ и привезли оттуда нѣсколько куликовъ и ра-стѣній.

31 августа. Снялись съ якоря утромъ и при тихомъ вѣтрѣ плыли вдоль берега Челекени. На-разсвѣтѣ обрисовались горы Красноводскія. Шли цѣлый день тихо и спокойно; вошли въ *Красноводскій-Заливъ* при $2\frac{1}{2}$ и 3 саж. глубины. Часовъ въ 7 вечера вѣтеръ повернулъ къ С.З. и мы бросили якорь. Заблочноій съ казаками еще утромъ сѣзжалъ на берегъ, но какъ мы шли, хотя и при тихомъ вѣтрѣ, но безъ волненія и подъ всѣми парусами, довольно скоро, то онъ, пробывши не много на сѣверной косѣ Челекени, потомъ едва догналъ насъ на лодкѣ. Любопытнаго ничего не привезли.

Въ-продолженіе всего августа мѣсяца также господствовали западные и сѣверные вѣтры; мы употребили 27 дней, чтобы прибыть изъ Гассанъ-Куль въ Красноводскъ. Погода стояла всегда прекрасная, и съ 9 іюля дождей не было. Замѣчатель-

во, что въ-продолженіе нашего плаванія, ни одного раза не было грозы.

Сентября 1. Съ 6½ часовъ снялись съ якоря и шли до 2 часа пополудни. Хадыръ-Мамелъ, его тестъ Туатъ и переводчикъ нашъ Абдулла пріѣхали къ намъ съ полуострова *Дарджи*. Направленіе наше было на С. С. В., прямо къ берегу. Гористый и разноцвѣтный сѣверный берегъ Красноводскаго или Балханскаго-Залива былъ видѣнъ весьма ясно. Темноцвѣтныя горы занимаютъ первый планъ; между ними виднѣются кирпично-красныя возвышенія и полосы, а за этими — обрывистый гребень, цвѣта, какъ намъ казалось, бѣложелтаго. Мы подвигались не-слишкомъ скоро, но очень спокойно; вѣтеръ былъ тихій, день ясный. За противнымъ вѣтромъ стали на якорь въ 2 часа, противъ мыса *Куба-Сенеиръ*, и съѣхали на берегъ. Здѣсь однакоже, какъ и на Челекени, обманулись въ разстояніи: горы и вообще высокой берегъ очень сближаютъ предметы. Мы были отъ берега верстахъ въ полутора или около двухъ. Только ступили мы на берегъ, какъ ужъ почувствовали переменѣ температуры; отражаемыя бѣлѣсоватыми скалами лучи солнца раскаляли воздухъ, и если-бы не прохладялъ его вѣтеръ, вырывающійся шквалами изъ-за горъ, то было-бы утомительно душно. Все побережье засыпано отторженцами скатившимися съ горъ, которыя начинаются отступя на 50 саженъ отъ берега. Онѣ не такъ круты съ подошвы, какъ къ вершинѣ; вышиною около 80 саженъ; состоятъ изъ известковыхъ обрывистыхъ скалъ. Я поднялся на вершину *Куба-Сенеира*, и любовался прекрасною картиною разстлавшеюся у моихъ ногъ. Почти весь *Балханскій-Заливъ* съ о. о. *Челекению*, *Дарджи* и *Даягъ Ада*, былъ видѣнъ какъ на ладони. Отсюда повѣрялъ я съемку Н. Н. Муравьева, сдѣланную весьма вѣрно. Послѣ, мнѣ захотѣлось спуститься по замѣченной мною тропинкѣ, но когда я дошелъ почти до подошвы горъ, остановилъ меня обрывъ въ 10-саженъ вышиною; и я съ неимоверною трудностью долженъ былъ лѣзть по крутымъ скаламъ до вершины, чтобы спуститься опять по другой дорогѣ. Попутный вѣтеръ побудилъ насъ сняться съ якоря въ 8 часовъ вечера, и идти далѣе къ *Бажуи*, куда прибыли въ 11 часовъ вечера, плывя всего только на трехъ парусахъ.

2 сентября. Карелинъ рано утромъ отправился въ море на берегъ, къ колодцамъ *Балкуи*. Шкоутъ снялся въ 11 часовъ утра и слѣдовалъ по тому же направлению, верстахъ въ двухъ отъ берега. Всѣ бочки были немедленно отправлены къ колодцамъ, причемъ и я также поѣхалъ на берегъ. Мѣстоположеніе Балкуи красиво. Порфировыя горы сходятъ постепенно уменьшающимися сопками къ морю; параллельно къ нимъ песчаниковыя горы упираются въ море крутой отвѣсной скалой, и поворачиваютъ къ *Уффраку*. Между ними полого скатывающаяся равнина, версты въ 2 шириною. У самаго берега находятся 2 колодца, выложенные камнемъ и глубиною до 5 аршинъ; вода въ нихъ немного солоновата, но чиста и хороша; намъ попалось въ ней много змѣиныхъ шкуръ, и притомъ здѣсь поятъ обыкновенно верблюдовъ; потому мы наливались водою въ другихъ колодцахъ, саженьхъ во 100 отъ первыхъ. Они называются *Балкуи* (медовые колодцы). Я подымался на гору *Шахъ-Адели*, съ которой прекрасный видъ на заливъ и косу красноводскіе. Хадыръ-Мамедъ поѣхалъ къ *Дарджи*, приготовить тамъ верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы. Нѣсколько туркменцевъ на верблюдахъ привѣзжали къ намъ изъ степи, и обѣщали пригнать барановъ, въ которыхъ мы очень нуждались. Жаръ былъ 23° въ тѣни. Фелькнеръ между-тѣмъ обозрѣвалъ берегъ и описывая составъ горъ, собиралъ образчики формаций.

3 сентября. Опять ѣздили на берегъ къ колодцамъ, гдѣ Карелинъ и лекарь нашъ ночевали въ палаткахъ. Повѣрялъ хронометръ и взялъ высоту солнца надъ самыми колодцами. Топографъ снималъ между-тѣмъ бухту *Соймонова*. Туркменцы привезли намъ трехъ тощихъ барановъ. Въ-продолженіе дня казаки налили водою 22 бочки. Всѣ мы оставили берегъ и прибыли на шкоутъ въ 7 часовъ вечера.

4 сентября. Рано утромъ снялись съ якоря, прошли мысъ *Ташъ-Отакъ*, потомъ вдоль берега мимо *Куба-Сенгиръ*, и вошли въ *Балханскій-Заливъ*. День былъ ясный, но прохладный; верстъ за 7 передъ о. *Дагъ-Аді*, вѣтеръ зашелъ намъ въ лицо, глубина уменьшилась и мы стали на якорь въ 6½ верстахъ отъ *Дагъ-Аді* и верстахъ въ 3 отъ *Дарджи*, на 10 футахъ глубины. Муригинъ ѣздилъ промѣрять глубину, и въ 9 часовъ вечера воротился. Глубина внутри залива — 1½ са-

жени и мѣнѣ; грунтъ — твердый илъ. Якорная стоянка здѣсь спокойна. Когда мы шли еще по 2 саженьмъ, дно было видно весьма ясно. Шкоутъ сталъ неподвижно. Ночью пошелъ порядочный дождь, и къ намъ въ каюту стало протекать, оттого-что въ-продолженіе двухъмѣсячныхъ жаровъ палуба высохла и потрескалась. Погода настала осенняя. Сильный сѣверный вѣтеръ дулъ болѣе 36 часовъ, но въ заливѣ волненіе было почти незамѣтно.

5 сентября. Въ 8½ часовъ утра снялись съ якоря, чтобы приблизиться къ *Дарджи*, и остановились около 3 верстѣ отъ него. Сѣверный вѣтеръ продолжалъ дуть весьма сильно. Температура въ 9 часовъ утра была $+14\frac{1}{2}^{\circ}$. Казаки поѣхали на о. *Дак-Ада* охотничать, но воротились вечеромъ безъ успѣха.

6 сентября. Погода опять стала прекрасна. Герасимовъ пріѣхалъ къ намъ съ *Дарджи* съ Хадырь-Мамедомъ; судъ его стояли въ заливѣ и ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ продолжать путь въ Астрахань. Часть казаковъ была отправлена на берегъ съ палатками, водою и сухарями для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы.

7 сентября. Поутру посѣтилъ насъ Хадырь-Мамедъ и сообщилъ, что со-стороны отца его все приготовлено для нашей поѣздки. Съ нашей стороны были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Карелинъ нанялъ у Кіата 5 лошадей для насъ и 24 верблюда для подъема тяжестей. Огрядъ состоялъ изъ всѣхъ чиновниковъ Экспедиціи (за исключеніемъ штурмана Васильева), 32 козаковъ, переводчика и живописца, всего изъ 45 человекъ русскихъ. Каждый казакъ имѣлъ при себѣ 30 боевыхъ патроновъ; сверхъ-того, взяты были 2 фалконета съ 60 зарядами. Сухарями и водкой запаслись на 10 дней. Воды, въ боченкахъ и турсукахъ взяли мы на 4 дня, потому-что имѣли надежду найти прѣсную воду въ Балханскихъ-Горахъ. Часть отряда должна была идти сухимъ путемъ чрезъ *Дарджи* до переправы на *Актамъ* (древнемъ Оксусѣ); другая-же часть, съ вольнымъ штурманомъ Муригинымъ, должна была отправиться водою въ двухъ киржимахъ и одномъ кулаѣ. Муригинъ получилъ предписаніе промѣрять глубину залива, и оставивъ киржимы тамъ, гдѣ мелководіе будетъ препятствовать дальнѣйшему на нихъ слѣдованію, достигнуть Актама

въ одномъ кулаѣ, чтобы тѣмъ доставить намъ возможность переправиться чрезъ него.

Въ-полдень оставили мы судно, и поѣхали въ двухъ лодкахъ на берегъ Дарджи; тутъ началась суматоха: Туркменцы съ своими верблюдами суетились такъ, что Карелинъ бился два часа, чтобы привести въ порядокъ число хозяевъ назначенныхъ для насъ верблюдовъ, и заставить ихъ нагрузить послѣднихъ надлежащимъ образомъ. Наконецъ палатки, сухари, водка и вода были навьючены, и мы пустились въ степь въ 4½ часа пополудни. Насъ провожали: самъ Кіатъ, меньшей сынъ его Хадыръ-Мамедъ, Булатъ-Ханъ съ сыномъ и другіе Туркменскіе старшины, всего около 20 человекъ съ 18 верблюдами, такъ-что караванъ нашъ состоялъ изъ 43 верблюдовъ. Хотя Туркменцы предупреждали насъ, будто-бы опасно проходить черезъ степь въ Балханскія-Горы, однакожъ мы, зная уже привычку ихъ страшать Русскихъ мнимыми опасностями, были увѣрены, что не встрѣтимъ ни души, какъ оно и оказалось на самомъ дѣлѣ. Направленіе наше было къ В., и мы шли чрезъ песчаную волнистую степь, покрытую разнымъ кустарникомъ, въ томъ числѣ и саксауломъ. Совершивъ 10-верстный переходъ, мы остановились въ 6½ часовъ вечера и расположились ночевать подъ открытымъ небомъ. Верблюдовъ пустили въ степь, а сами, пока не заснули, долго любовались прекрасною ночью и яркимъ свѣтомъ мѣсяца.

8 сентября. Поднялись до-разсвѣта, и продолжали путь нашъ по волнистой степи. Кулукъ *Бурк-Садыкъ* остался влѣвъ. Послѣ 15 верстъ перехода остановились въ 9½ часовъ; жаръ сдѣлался чувствителенъ: въ-полдень термометръ показывалъ +25° въ тѣни. Вода въ турсукахъ была совсѣмъ холодна, тогда-какъ въ боченкахъ значительно нагрѣлась. Въ часъ пополудни опять пустились въ дорогу черезъ степь, частью по солонцамъ, частью по буграмъ и потомъ чрезъ огромное высохшее озеро. Сдѣлавши такимъ образомъ еще 15 верстъ, мы поравнялись съ нашими киржимами и остановились на возвышеніи. Было 6 часовъ вечера; давши два-съ-половиною часа отдыха верблюдамъ, пустились далѣе. Ночь опять была очаровательная. Послѣ 10 верстъ перехода, остановились ночевать подъ открытымъ небомъ въ 11 часовъ вечера. Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, препятствовавшій нашимъ киржимамъ продолжать путь

къ устьямъ Актама, ибо выгнать воду изъ залива. Ночью мы ясно слышали крикъ красныхъ гусей на Актамѣ.

9 сентября. Поднялись въ 6 часовъ утра и продолжали путь чрезъ высохшія соленія озера и потомъ чрезъ песчаные весьма высокіе бугры. Актамъ остался у насъ влѣвѣ. Совершивши 12 верстъ по этой трудной дорогѣ и при утомительной жарѣ, мы наконецъ въ 10 часовъ утра достигли переправы на Актамѣ. Н. Н. Муравьевъ, бывшій здѣсь въ 1821 году, означилъ двумя кольями ширину рѣки, и кольца эти существуютъ еще до-сихъ-поръ. Ширина Актама при нашемъ посѣщеніи была 32 сажени. Я вымѣрилъ ширину стараго русла *Оксуса*, слѣды коего весьма ясно видны, и нашелъ ее во 150 сажень. Берегъ стараго русла состоитъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ, тянущихся параллельно теченію рѣки. На одномъ изъ этихъ бугровъ, съ лѣвой стороны Актама, находятся остатки землянаго укрѣпленія, названнаго Туркменцами *Кулеаръ-Сениръ*, а недалеко оттуда къ С. З., также на вершинѣ бугра, виднѣнъ памятникъ *Шихъ-Мустафы*, одного изъ ихъ Святыхъ. Въ ожиданіи прибытія Муригина съ куласомъ, мы расположились лагеремъ на берегу Актама, и купались въ волнахъ этой рѣки, вода которой неизвѣрно солона. Въ 2 часа пополудни, Муригинъ пришелъ пѣшкомъ съ своими казаками; онъ долженъ былъ оставить киржимы по-причинѣ мелководья, а куласъ прибылъ часомъ позже, провожаемый 3 казаками. Тотчасъ приказано было начать переправу. Верблюды и лошади переплыли черезъ Актамъ, равно-какъ Туркменцы и часть нашихъ казаковъ; всѣ же тяжести были перевезены мало-по-малу посредствомъ куласа, который не могъ поднимать много за-разъ. Глубина Актама въ мѣстѣ переправы — 2 сажени; дно вязко. Въ 6 часовъ вечера мы всѣ уже были на правомъ берегу древняго Оксуса, и расположились лагеремъ. Карелинъ купилъ у нашихъ Туркменцевъ 22 барана, оставивъ у нихъ половину изъ этого числа для кормленія. Развели огни, казаки варили себѣ кашу, и звуки русской пѣсни огласили мѣста, гдѣ можетъ-быть стоялъ когда-нибудь съ своими многочисленными ордами могучій Чингисъ. Туркменцы гоняли верблюдовъ своихъ на водопой къ колодцамъ *Молла-Кара-Куюсы*, находящимся въ $1\frac{1}{2}$ верстъ выше, на правомъ берегу; вода въ нихъ солона.

Версть 7 еще выше находится колодезь *Кара Актами*, въ которомъ вода мѣнѣе солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно ее пить. Ночь опять была прекрасна; живописный лагерь нашъ, расположенный на берегу древняго Оксуса, въ-виду Балханскихъ-Горъ, и освѣщенный магическимъ блескомъ мѣсяца, представлялъ картину великолѣпную.

10 сентября. Оставили Актамы въ 6 часовъ утра. Первые $1\frac{1}{2}$ версты шли по песчанымъ буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ этой рѣки. Направление наше было къ В. Потомъ вышли на огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ изъ саксаула, которая незамѣтною отлогостью поднимается до самой подошвы горъ. Восточная часть ея покрыта камнями, число и объемъ которыхъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ; равнина эта изборождена многими сухими руслами, остатками потоковъ, образуемыхъ дождевою водою. Сдѣлавъ 12 верстъ по этой равнинѣ, вошли въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ потоковъ; пройдя имъ 5 верстъ поворотили вдругъ направо къ Ю. В., и по покатосямъ горъ вступили въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей нашли, наконецъ, между камышемъ, родникъ *Адыхль-Чешмеси* съ отличною холодною водою, которою и утолили жажду нашу, возбужденную 20 верстами пути по утомительной жарѣ. Здѣсь мы пили свѣжю водою наши боченки и турсуки, и обѣдали; опредѣлили потомъ широту этого мѣста, и отдыхали до 3 часовъ пополудни. Послѣ, продолжали путь нашъ опять къ Ю. В., вверхъ по вышеупомянутой долинѣ, которая подымается отлогостью, и послѣ 5 верстъ перехода остановились, въ 5 часовъ, при родникѣ *Меулами-Кель-Чешмеси*, съ хорошою холодною водою, и также окруженномъ камышами. Мы находились здѣсь близъ подошвы, откуда собственно начинаются горы; сдѣлавъ прогулку въ нѣсколько верстъ по ближайшимъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ Фелькнеромъ, мы нашли въ ущельяхъ можжевельныя деревья, черешневый и смоковичный кустарникъ и рога горнаго козла (тура), обитателя самыхъ высокихъ скалистыхъ вершинъ горы. Ночь провели при упомянутомъ родникѣ *Меулами-Кель*, и сдѣлали всѣ приготовленія для дальнѣйшаго пути; ибо отъ этого мѣста начинались трудности подъема.

11 сентября. Оставивъ всѣ тяжести и верблюдовъ при родникѣ, подъ прикрытіемъ 8 казаковъ, Кіата и другихъ Туркменцевъ, мы въ 6½ часовъ утра пустились въ горы на-легкѣ; сухарей и водки взято было нами на 3 дня. Намъ провожали: туркменецъ Суюнъ, часто охотившійся въ здѣшнихъ горахъ, Хадырь-Мамедъ и сынъ Булатъ-Хана; лошади съ тяжестями должны были слѣдовать за нами еще около 5 или 6 верстъ; итти далѣе и для нихъ было невозможно, по трудности дорогъ. Мы поднимались по ущельямъ, частью по рытвинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ до родника *Тажава-Чашмеси*, окруженного можжевельновыми деревьями и смоковичными и черешневыми кустарниками. Здѣсь мы въ послѣдній разъ запаслись водою, и въ 8 часовъ утра достигли, послѣ нѣсколькихъ крутыхъ подъёмовъ, подошвы ядра Балхановъ. Отсюда отослали мы лошадей въ лагерь при *Меуламъ-Кель*, отдохнули съ-часть, и въ 9 часовъ начали подыматься по узкому ущелью, называемому Туркменцами *Эшекъ-Юмъ* (ослиная дорога). Ущелье это имѣло болѣе 50° паденія; грунтъ состоялъ не изъ скалъ и не изъ земли, а изъ сыпучихъ, мелкихъ и острыхъ известковыхъ камней подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*. Нога никакимъ образомъ не можетъ ступить на него твердо, и мы нѣсколько часовъ бились изо всѣхъ силъ, чтобы преодолѣть эти трудности; каждый изъ насъ падалъ не-разъ, и я имѣлъ несчастье изломать, при одномъ изъ такихъ случаевъ, бывшій съ нами барометръ. Въ-полдень мы достигли незначительнаго родника *Эшекъ-Юмъ-Чашмеси*, какъ-бы спрятаннаго подъ сводомъ огромной известковой скалы; воды въ немъ мало, но она весьма холодна. Медикъ нашъ нашелъ температуру его въ 6° Реомюра. Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельи и окруженъ высокими, отвѣсными и почти голыми скалами; лишь нѣсколько можжевельновыхъ деревьевъ, да барбарисовый кустарникъ разбросаны въ трещинахъ скалъ. Мы отдыхали здѣсь часа два, и потомъ подымались выше по узкой долинкѣ, окруженной высокими горами. Очень устали; и какъ невозможно было достигнуть въ тотъ же день вершины горъ, то рѣшились ночевать тутъ. Нѣкоторые изъ нашихъ казаковъ пошли охотничать, и всѣ запаслись множествомъ чубуковъ изъ черешневого дерева, которое растетъ здѣсь въ довольно-большомъ количе-

ствѣ. Пока Фелькнеръ осматривалъ горы и ихъ составъ, другіе занимались собираніемъ предметовъ по-части естественной исторіи. Къ-вечеру мы зажгли въ нашей долині траву и сухія можжевельовыя деревья, въ-слѣдствіе чего имѣли великолѣпную иллюминацію въ-продолженіе цѣлой ночи, которая была отъѣнно холодна: термометръ показывалъ на-разсвѣтъ + 3°; мы провели ее на голомъ камнѣ, покрытомъ, вмѣсто постели, нѣсколькими вѣтвями можжевельника.

12 сентября. Съ восхожденіемъ солнца отправились далѣе, и послѣ двухъ часовъ труднаго подъема по ущельямъ и крутымъ скаламъ, достигли въ 8 часовъ утра вершины *Диремъ-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ-Горъ. На половинѣ дороги, въ глубокомъ ущельи мы нашли незначительный родникъ, который назвали *Суюкъ-Чешмесы*, по имени нашего проводника. Съ вершины Диремъ-Дага наслаждались прекраснымъ видомъ на все пространство, находившееся подъ нашими ногами, но горизонтъ былъ покрытъ мглою. Карелинъ, я, Муригинъ и топографъ, сняли все это пространство, и посредствомъ бусоли произвели пересѣченіе всѣхъ главныхъ пунктовъ горъ съ Актамомъ, Балханскимъ-Заливомъ, полуостровомъ Дарджи и проч., а Муригинъ, сверхъ-того, повѣрилъ и повторилъ послѣ эту работу посредствомъ окружнаго инструмента. Мы опредѣлили также широту вершины Диремъ-Дага. Занятія эти продержали насъ до 3 часовъ пополудни; по окончаніи ихъ, казаки наши воздвигли на этой вершинѣ столбъ изъ камней, въ сажень вышиною, какъ памятникъ пребыванія Русскихъ на вершинѣ горъ, которыхъ никогда не касалась нога Европейца. Фелькнеръ окончилъ между-тѣмъ обзоръ горъ въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, и въ 5 часовъ мы спустились уже по ущелью *Эшекъ-Юлѣ*. Карелинъ остался ночевать на половинѣ дороги къ лагерю при *Меуламъ-Кель*, а я съ другими чиновниками продолжалъ путь до лагеря; мы потеряли въ-потьмахъ настоящую дорогу, шатались часа два по ущельямъ и по узкимъ рѣтвинамъ цроотоковъ, и только въ 9 часовъ вечера достигли наконецъ до *Меуламъ-Кель-Чешмесы*, уставши и съ разорванною обувью, или даже босикомъ, отъ каменистыхъ скалъ и дорогъ, по которымъ въ-продолженіе четырехъ сутокъ безпрестанно лазили. Я дѣлалъ

многократные походы въ нѣдрахъ Кавказскихъ-Горъ, посѣщалъ Талышинскія, былъ въ Мазандеранскихъ, но поѣздка въ горы Балханскія далеко превосходила испытанныя мною прежде трудности. Плодомъ этой поѣздки были коллекціи разныхъ предметовъ по-части естественной исторіи, и между прочимъ растѣніе дающее извѣстную смолу *Gummi gall anım*; растѣніе это, по словамъ Карелина, встрѣчаемо было досихъ-поръ только въ жаркихъ странахъ; нашли также много роговъ тура и аркара, скитающихся въ этихъ горахъ, гдѣ, по словамъ Туркменцевъ, водятся также и барсы.

13 сентября. Долина, въ которой мы находились, имѣетъ направленіе отъ Ю. В. къ С. З. Въ 8 часовъ утра прибыли къ намъ Карелинъ, въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ мы оставили родникъ Меуламъ-Кель, а въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ были уже у родника *Ядихаръ*. Здѣсь остановились съ-часъ, чтобы налить боченки и турсуки свѣжею водою, а въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ опять пустились въ путь по широкой долинѣ, въ направленіи къ Ю. З. сопровождающей отрасль горъ *Шахъ-Кумъ*, которая была у насъ влѣвѣ. Офицеры Н. Н. Муравьева посѣщали ихъ въ 1821 году и нашли тамъ колодезь *Беуръ-Куй-Гассанъ-Кумъ*. Сдѣлавши этою долиною 5 верстъ, мы опять вышли въ помянутую выше обширную долину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ и камнями. На половинѣ дороги сдѣлали привалъ, въ-продолженіе котораго я и Муригинъ опредѣлили высоту горъ тригонометрически, взявши базисъ въ 250 сажень длиною. Въ 4 часа пополудни продолжали путь и прибыли въ 5 $\frac{1}{2}$ часовъ къ правому берегу Актама. На противоположномъ берегу замѣтили мы 50 или 60 верблюдовъ: они принадлежали къ каравану, шедшему изъ Дарджи въ Хиву для покупки хлѣба. Пока топографъ нашъ снималъ переправу и окрестности, а Муригинъ производилъ пересѣченія съ главными вершинами горъ, посредствомъ бусоли, мы вытащили нашъ куласъ изъ камыша, куда онъ былъ спрятанъ, и начали переправляться. Въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера, мы и всѣ тяжести находились уже на лѣвомъ берегу Актама; верблюды и лошади переплыли рѣку ночью. Тутъ являлся къ намъ сынъ какого-то *Хаджи-Нефеса*, и показывалъ бумагу данную отцу его графомъ Войновичемъ въ 1781 году, и свидѣтельствовавшую потомъ полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году.

14 сентября. Топографъ нашъ продолжалъ съемку Актама, а я и Муригинъ опредѣляли астрономически широту рѣки и нашли ее $35^{\circ} 1' 14''$. Отъ западныхъ вѣтровъ вода въ ней прибыла, и колья полковника Муравьева были покрыты водою. Послѣ того, мы еще разъ опредѣлили тригонометрически высоту Балханскихъ-Горъ. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра температура воды въ Актамѣ была 12° Р. Въ 9 часовъ оставили мы мѣсто переправы и пустились внизъ по лѣвому берегу Актама. Топографъ въ кулацѣ ѣхалъ внизъ по немъ для съемки береговъ. Пройдя 3 версты по лѣвому берегу, весь караванъ взялъ влѣво, въ степь; послѣ 5 верстъ перехода сдѣлали привалъ; жара была утомительна; термометръ показывалъ въ полдень $+ 26^{\circ}$ въ тѣни. Въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни поднялись опять, и въ 5 часовъ вечера прибыли къ бугру напротивъ мѣста, гдѣ остались за мелководьемъ наши киржимы. Здѣсь я взялъ 11 казаковъ и двухъ хозяевъ киржимовъ, и продолжалъ путь водою, съ цѣлю повѣрить съемку Н. Н. Муравьева. Заливъ имѣлъ тутъ только $1\frac{1}{2}$ и 2 фута глубины, и дно было вязко. Остановившись въ 10 часовъ вечера на нѣсколько времени, чтобы сварить кашу, мы продолжали потомъ путь нашъ цѣлую ночь, при свѣтѣ мѣсяца. Приходилось отталкиваться, потому-что недостатокъ глубины не позволялъ грести, а противный вѣтеръ препятствовалъ поднять паруса.

15 сентября. Продолжали нашъ водяной путь; морская вода была неизмѣнно-прозрачна, такъ-что можно было видѣть на днѣ рѣки самые мелкіе предметы. Бились цѣлый день: противный вѣтеръ отбросилъ насъ къ сѣверному берегу, и только вечеромъ достигли мы о. Дагъ-Ада. Сигналы на Дарджи увѣдомили насъ о прибытіи туда остальной части отряда. Шкоутъ нашъ, стоявшій при западной оконечности Дагъ-Ада, отвѣчалъ пушечнымъ выстрѣломъ и немедленно снялся съ якоря, чтобы подойти ближе къ Дарджи; а мы, не зная этого, искали его послѣ въ темнотѣ, и только въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера причалили къ борту. Въ-продолженіе нашего отсутствія, шкоутъ былъ накрененъ и всѣ тяжести изъ него выгружены и перевезены на Дагъ-Ада, близъ котораго стоялъ онъ на якорѣ; судно починали: оказалось, что течь находилась въ кормѣ въ трехъ

разныхъ мѣстахъ; потомъ всѣ назы были вновь выкононачены, а снасти отчасти перемѣнены.

16 сентября. Карелинъ прибылъ на судно съ остальнымъ отрядомъ въ 10 часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадырь-Мамедомъ, а разѣздное судно наше «Василій» было усмотрѣно еще съ разсвѣтомъ; оно бросило якорь возлѣ насъ около полудня, возвратившись изъ Баку, куда было послано въ августѣ мѣсяцѣ. Во время шторма отъ С., 21 и 22 числа того же мѣсяца, оно было занесено къ Мазандеранскимъ берегамъ, потеряло лодку и при сильныхъ тамошнихъ бурунахъ едва удержалось на якорѣ. Оно привезло намъ бумаги изъ С. Петербурга, Тифлиса и Астрахани; сверхъ-того—вина и съѣстные и другіе припасы, въ которыхъ мы сильно нуждались.

Въ 3 часа пополудни, я и Фелькнеръ отправились на баркасѣ на о. Дагъ-Ада, который былъ снятъ уже нашимъ топографомъ. Здѣсь меня чуть не укусила змѣя самой ядовитой породы; казаки поймали ее живую и привезли къ нашему медику. Она принадлежала къ роду аспидовъ. Въ 8 часовъ вечера воротились на шкѣутъ.

17 сентября. Занимались укрѣпленіемъ винтовъ и другими судовыми работами. Вечеромъ снялись съ якоря и пошли къ *Бажуи*, но противный вѣтеръ принудилъ насъ опять стать на якорѣ въ 9 часовъ, пройдя *Куба-Сенири*.

18 сентября. Ночью опять снялись съ якоря и приблизились къ *Бажуи* на десять верстъ, но далѣе не могли идти по-причинѣ сильного N. W. Утромъ послали лодки къ колодцамъ, для наливанія бочекъ.

19 сентября. Сильный вѣтеръ отъ С. З. не прекращался; Топографъ былъ посланъ для снятія бухтъ Соймонова и Муравьева. Течь въ нашемъ суднѣ почти прекратилась, но застоялая въ трюмѣ вода причиняла сильный гнилой запахъ и принуждала насъ выкачивать ее весьма часто, и наливать въ трюмъ свѣжую. Починка снастей окончилась.

20 сентября. Снялись въ часъ полуночи и пошли опять къ Дарджи, чтобы проститься съ Кіатомъ. Въ 7 часовъ утра стали на якорь, около 7 верстъ отъ *Ам-Тенеси*. Хадырь-Мамедъ посѣтилъ насъ съ семью старшинами; ихъ угощали, и старшины получили каждый по котлу. Въ 3 часа пополудни мы проводили ихъ въ двухъ лодкахъ на берегъ; тамъ была

приготовлена для насъ кибитка. Кіатъ угостилъ насъ и познакомилъ съ своею женою; цѣлый вечеръ занимались мы разспросами и получили отъ старика разныя свѣдѣнія относительно Актама, Балхановъ, Хивы и Туркменскаго Народа вообще. Онъ позволилъ своему сыну Хадырь-Мамеду проводить насъ до Карабугазскаго-Залива. Мы расплатились за верблюдовъ и лошадей, и давши Кіату значительный подарокъ, простились съ этимъ добрымъ старикомъ, который такъ расположенъ къ Русскимъ (онъ же въ 1819 году провожалъ въ Хиву Н. Н. Муравьева), и прибыли на судно въ 10½ часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадыремъ. Тотчасъ послѣ того снялись съ якоря, чтобъ выйти изъ Балханскаго-Залива, но крутой западный вѣтеръ бросилъ насъ въ бухту между *Челекенью* и косою *Комати*.

21 — 22 сентября. Тянулись въ-продолженіе двухъ этихъ дней, чтобъ выйти изъ помянутой бухты.

23 сентября. Поутру вышли наконецъ изъ залива, но по причинѣ сѣверо-западнаго вѣтра бросили якорь въ 10 часовъ утра. Между-тѣмъ, чтобъ быть готовымъ выдержать осенніе штормы, спустили въ трюмъ единорогъ и одну изъ нашихъ пушекъ, и подняли потомъ на палубу баркасъ и лодки. Время ненастной погоды приближалось.

24 сентября. Снялись съ якоря въ часъ пополудни и направили путь къ С. З. День былъ прекрасенъ; въ полдень штилевали; потомъ вѣтеръ отошелъ къ С. З.; мы приблизились къ берегу и стали на якорь на 8 саженьхъ глубины противъ мыса *Дарта* и колодца *Чай-Буружъ*. Муригинъ отправился на берегъ промѣрять глубины; Хадырь-Мамедъ провожалъ его; воротились они вечеромъ съ 4 баранами и туркменцемъ Хаджи-Ари, бывшимъ нѣсколько разъ въ Карабугазскомъ-Заливѣ; онъ далъ намъ свѣдѣнія объ этомъ заливѣ и провожалъ насъ туда.

25 сентября. Стояли на якорѣ за противнымъ вѣтромъ. Нѣсколько Туркменцевъ съ берега посѣтили насъ и предлагали намъ лисьи шкуры; но ихъ не приняли.

26 сентября. Опять пріѣзжали Туркменцы съ берега и продали намъ бѣлугу, только-что ими пойманную. Между-тѣмъ снялись съ якоря при весьма-слабомъ юго-западномъ вѣтрѣ, но мало подвинулись впередъ; погода была прекрасна; въ пол-

день термометръ показывалъ $+ 18^{\circ}$ въ тѣни. Прошли мысъ *Акъ-Семгиръ*. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни вѣтеръ отошелъ къ З., прибывая къ берегу, и мы принуждены были бросить якорь на каменномъ и не очень-надежномъ грунтѣ. Потомъ въ-продолженіи цѣлой ночи дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Въ полночь насъ дрейфовало; страшный кликъ часового «*та-цита*» пробудилъ насъ, и мы вытравили около 40 сажень канату; боковая качка была очень сильна.

27 сентября. Сѣверный вѣтеръ и качка не уменьшались; къ вечеру вѣтеръ утихъ, но качка продолжалась и не было возможности заняться чѣмъ-нибудь.

28 сентября. Въ 3 часа пополудни подулъ свѣжій вѣтеръ отъ Ю. В. Мы снялись съ якоря и продолжали путь къ С. С. В. Къ-утру вѣтеръ посвѣжѣлъ еще, и мы дѣлали по $4\frac{3}{4}$ и по 5 узловъ въ часъ. Прошли *Кизылджа-Куй*. Въ-продолженіе якорной стоянки каменный грунтъ моря повредилъ нашъ канатъ. Широта мѣста въ-полдень была $40^{\circ} 45' 47''$. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни, прибыли наконецъ къ *Кара-Бугазу*, стали на якорь на 8 саженьхъ глубины и немедленно послали баркасъ съ Муригинымъ въ проходъ, для измѣренія глубины. Хадырь-Мамедъ и Хаджи-Ари провожали его. Съ вершины мачтъ заливъ показался намъ огроменъ. Въ $3\frac{1}{2}$ часа пополуночи Муригинъ воротился; онъ нашелъ проходъ и прошелъ имъ, но сильное теченіе въ заливъ съ моря долго препятствовало ему выйти обратно.

29 сентября. Запасшись на 5 дней сухарями, водою и водкою, въ 10 часовъ утра отправились мы въ двухъ лодкахъ съ 28 казаками, для обследованія этого залива, въ которомъ Русскіе никогда еще не бывали. Не доходя до прохода, мы выходили на полчаса на берегъ, для осмотра мѣстности. Берегъ низокъ и состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ покрытыхъ кустарниками гребенчика. За ними простирается обширная степь. Потомъ опять продолжали путь водою въ направленіи къ Ю. В., и въ-полдень вошли въ проливъ. Длина его— $1\frac{1}{2}$ версты, ширина—отъ 112 до 150 сажень, глубина посрединѣ — 3 сажени, а направленіе — отъ Ю. къ С. Берега его весьма низкіе, почти безъ всякихъ кустарниковъ: безъ-сомнѣнія тутъ было прежде морское дно. На этомъ берегу мы нашли одного верблюда, на которомъ и послали Хаджи-Ари отыскивать бара-

новъ и владѣльцевъ ихъ Турмэнцевъ, кочевавшихъ, по словамъ его, вблизи отъ залива; но онъ какъ скрылся изъ глазъ, такъ болѣе и не показывался: вѣроятно воротился къ своимъ кибиткамъ въ *Чай-Бурунъ*.

Небо было ясно, безъ облаковъ, день прекрасенъ, и мы радовались, что совершимъ поѣздку нашу безъ препятствій. Въ 2½ часа пополудни продолжали путь внутрь залива, въ направленіи къ С. В., а въ 3½ часа остановились, выходили на берегъ и рѣшили ночевать тутъ. Казаки отправились на охоту и привезли намъ множество утокъ и разнаго рода куликовъ и красныхъ гусей. Мы осматривали окрестности и удивлялись, что въ такое время цвѣлъ еще *Tamarix Pallasii*. Но вообще природа здѣсь мертва и мѣсто это не заслуживаетъ никакого вниманія. Спали подъ открытымъ небомъ.

30 сентября. Съ восхожденіемъ солнца продолжали путь; заливъ былъ тихъ и мы ясно замѣтили теченіе въ него изъ моря. Погода стояла славная; дулъ тихій восточный вѣтеръ; по наблюденіямъ нашимъ, скорость теченія была 3 версты въ часъ. Вначалѣ заливъ мелокъ и не имѣетъ болѣе 3½ и 5 футовъ глубины; далѣе онъ расширяется, такъ-что его можно назвать большимъ озеромъ. Въ 8 часовъ утра мы раздѣлились: Карелинъ долженъ былъ обслѣдовать восточный берегъ, а я — западный; мы условились соединиться 1 октября, при выходѣ изъ залива. Съ 12 казаками, Хадыръ-Мамедомъ и топографомъ взялъ я направленіе къ С. Вѣтеръ былъ попутный и мы дѣлали отъ 8 до 10 верстъ въ часъ. Я ѣхалъ вдоль берега для снятія и описанія онаго; въ 10 часовъ увидѣли киржимъ вытѣщенный на берегъ, и недалеко отъ него трехъ туркменцевъ верхомъ, охотившихся въ степи; они замѣтили насъ, но боялись приблизиться. Хадыръ-Мамедъ, вступивъ съ ними въ переговоры, узналъ что они принадлежатъ къ роду *Дервишъ*, который состоитъ изъ 40 — 50 кибитокъ, и увѣдомившись о прибытіи Русскаго судна, бѣжалъ далеко въ степь. Они обѣщали пригнать къ намъ барановъ и удалились. Продолжая путь далѣе къ С., я не замѣтилъ, какъ теченіе способствовало быстрому ходу моей лодки, и сдѣлалъ такимъ образомъ, до 3 часовъ пополудни, около 60 верстъ. Между-тѣмъ восточный вѣтеръ свѣжалъ мало-по-малу, волненіе въ заливѣ было какъ въ открытомъ морѣ, и я рѣшилъ

ся воротиться, тѣмъ-болѣе что вышеупомянутые туркменцы увѣрили меня, что заливъ простирается къ С. на три, а къ В. на четыре дня верховой ѣзды. Вѣтеръ крѣпчалъ, волненіе было ужасно, лодку нашу безпрестанно заплескивало, и наконецъ крутой вѣтеръ бросилъ ее въ буруны возлѣ берега. Мы всѣми силами выгребали опять въ заливъ и продолжали путь до 10 часовъ вечера. Море было покрыто пѣною и бросило насъ опять къ берегу, а бурунъ чуть не затопилъ лодки; казаки, выбившіеся изъ силъ, бросились въ воду по-шею и съ неимовернымъ трудомъ тащили лодку до берега, гдѣ мы ночевали безъ огня и промокшіе до костей. Вода въ заливѣ такъ солонa, что лица наши и все платье были покрыты солью.

1 октября. Восточный вѣтеръ продолжался съ одинаковою силою; бурунъ былъ страшенъ и никакой возможности не было возвратиться и соединиться съ баркасомъ. Я въ-настоящемъ-смыслѣ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Между-тѣмъ обозрѣлъ окрестности и дошелъ до моря, находящагося съ-версту къ З. отъ Кара-Бугазскаго берега. Въ часъ пополудни пришелъ ко мнѣ урядникъ съ нѣсколькими казаками, посланный Карелинымъ отыскивать меня; онъ находился въ 25 верстахъ къ Ю. отъ меня и былъ принужденъ воротиться еще вчерашняго числа къ выходу изъ залива, по-причинѣ противнаго вѣтра, препятствовавшаго ему обозрѣть восточный берегъ Кара-Бугаза. Онъ письменно просилъ меня подождать до завтра, извѣщая, что до того времени надѣется воротиться на шкоутъ, сняться съ якоря и послать за мною баркасъ съ морской стороны. Я весьма этому обрадовался, ибо восточный вѣтеръ могъ продуть еще цѣлый мѣсяцъ, и мы не имѣли-бы тогда никакой надежды воротиться на шкоутъ. Такимъ образомъ провелъ я въ степи еще ночь; вѣтеръ свирѣпствовалъ съ одинаковою силою и засыпалъ насъ пескомъ; сверхъ-того погода сдѣлалась холодная, и я не могъ закрыть глазъ: сотни мыслей самыхъ-печальныхъ приходили мнѣ въ голову, ибо если-бы не удалось Карелину соединиться со мною, послѣдствія отъ того могли-бы быть гибельны для меня и бывшихъ со мною казаковъ.

2 октября. Рано утромъ я велѣлъ казакамъ перетащить всѣ вещи черезъ степь къ морскому берегу, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія на горизонтѣ парусовъ шкоута, или бар-

каса. Наконецъ, въ первомъ часу мы замѣтили послѣдній. Чтобы не оставить лодки нашей въ рукахъ Туркменцевъ, я велѣлъ сжечь ее, и соединился съ товарищами въ 5 часовъ вечера. Сильный вѣтеръ гналъ насъ вдоль берега; мы дѣлали по 7 узловъ въ часъ и надѣялись прибыть на другой день къ *Кендерлинскому-Заливу*. Въ-продолженіе пребыванія нашего въ *Кара-Бугазскомъ-Заливѣ*, Карелинъ снималъ бусолью одну его часть, а я — другую; сдѣланы были также два наблюденія надъ высотой солнца. Туркменцы пригнали къ намъ 6 барановъ и продали масла; но новыхъ свѣдѣній на-счетъ края мы не могли получить отъ нихъ.

3 октября. Цѣлую ночь продолжали путь съ равною скоростью; но сильный восточный вѣтеръ препятствовалъ намъ войти въ *Кендерлинскій-Заливъ* и отбросилъ далеко къ С. З., такъ-что мы въ-полдень находились уже гораздо-западнѣе *Рахушегнаго-Ула*. Въ-слѣдствіе этого мы рѣшились идти прямо въ *Александръ-Бай*, а между-тѣмъ стояли съ-часть на якорѣ, и выходили на берегъ, представляющій взору лишь безплодные, каменистые обрывы, да песчаные бугры. Въ пещерахъ около берега нашли кое-какую домашнюю утварь Туркменцевъ, бѣжавшихъ при приближеніи нашего шкоута; воротившись-же въ 4 часа на бортъ, снялись немедленно, и при попутномъ вѣтрѣ, въ 10 часовъ ночью, прибыли въ *Александръ-Бай*, гдѣ стали на якорь при 3 саженахъ глубины; вѣтеръ въ-продолженіе ночи нѣсколько утихъ.

4 октября. Рано поутру была перевезена пушка на «Василія», а въ 10 часовъ, оставивъ шкоутъ, мы пересѣли на это разъѣздное судно и на баркасъ, и отправились впередъ для обозрѣнія *Александръ-Бай* и *Бектемиръ-Ишана*, въ которомъ Русскіе никогда не бывали. Карелинъ шелъ впередъ съ баркасомъ и 15 казаками для измѣренія глубины, а я съ Фелькнеромъ находился на «Василіѣ» и слѣдовали за нимъ. На косѣ, отдѣляющей *Александръ-Бай* отъ *Бектемиръ-Ишана*, была взята высота солнца; «Василій» остался въ первомъ, тогда-какъ Карелинъ съ Муригинымъ обозрѣвали послѣдній. Они воротились въ 8 часовъ на «Василія» и мы ночевали вмѣстѣ, ибо вѣтеръ перемѣнился во время нашей поѣздки и началъ дуть съ З., а потомъ съ С. Шкоутъ «Гавріилъ» утромъ еще снялся съ якоря, потомъ пошелъ.

далѣе къ Ю. въ заливъ, и сталъ на 7 саженьхъ глубины, чтобы воспользоваться первымъ вѣтромъ для выхода изъ залива. Ночью шелъ маленькій дождь и вѣтеръ гналъ тучи къ В.

5 октября. «Василій» и баркасъ снялись съ-разсвѣтомъ и въ 7 часовъ утра мы были уже на шкоутѣ. Приготовились было продолжать путь нашъ къ С., но сильный сѣверо-западный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлый день на якорѣ; впрочемъ волненіе не было чувствительно. Температура въ 8 часовъ была $+9^{\circ}$. Къ-вечеру вѣтеръ утихъ.

6 октября. Вѣтеръ дулъ съ Ю. къ З. Мы послали «Василія» къ *Пестанолу-Углу*, для измѣренія глубины, а сами старались между-тѣмъ вытянуться изъ Александръ-Бая; но сильный вѣтеръ не позволялъ намъ подвинуться впередъ болѣе версты. Къ-вечеру вѣтеръ подулъ вдругъ съ С. З. и обратился скоро въ настоящій штормъ; море волновалось, и боковая качка безпокоила насъ всю ночь.

7 октября. Штормъ продолжался съ равною жестокостію. Невозможно было ничѣмъ заняться. Воздухъ былъ весьма холоденъ; температура $+5^{\circ}$; волненіе моря все усиливалось; килевая и боковая качка безпокоили сильно, не взирая на то, что мы находились въ заливѣ, закрытомъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

8 октября. Штормъ продолжался, но къ-вечеру утихъ; поутру выпалъ снѣгъ.

9 октября. Въ 1 часу пополудни мы воспользовались тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ, чтобы выйти изъ Александръ-Бая. Въ 4 часу одинъ изъ нашихъ матросовъ на «Василіѣ», бросая лотъ, упалъ въ море; но былъ спасенъ однимъ изъ своихъ товарищей, а перемѣна платья и стаканъ водки съ перцемъ избавили его отъ горячки. Въ 8 часовъ утра проходили мысъ *Пестанный* и перемѣнили курсъ. Свѣжій вѣтеръ дулъ съ Ю. В. Мы взяли направленіе къ С. С. З. и шли по 5 узловъ въ часъ. Погода стояла славная. Въ 4 часа пополудни миновали *Мыловой-Уголъ*. Къ-вечеру вѣтеръ скрѣпчалъ и наконецъ обратился въ жестокий штормъ, продолжавшійся болѣе сутокъ. Въ 11 часовъ вечера шквалъ изорвалъ формарсель; мы сняли всѣ паруса, кромѣ двухъ; огромныя волны такъ и кидались на судно; 5 казаковъ въ-продолженіе цѣлой ночи держали

руль и его тали; боковая качка была самая жестокая; мы боялись, или что волны отшибутъ руль, или что мачты слетятъ долой отъ качки, ибо шкоутъ часто черпалъ воду бортами. Единственнымъ стараніемъ нашимъ было достигнуть до широты мыса *Тюхъ-Карагана*, выше котораго глубина измѣняется вдругъ съ 20 на 8 сажень, и гдѣ волненіе гораздо слабѣе. Къ счастью нашему ночь была свѣтла и мы могли ясно различать предметы, насъ окружавшіе; сверхъ того, штормъ дующій отъ Ю.З. былъ намъ попутенъ. Около полуночи разбѣздное судно наше «Василій», слѣдуя за нами въ нашемъ кильватерѣ, исчезло вдругъ; мы боялись, что оно поглощено волнами, угрожавшими и намъ подобною участію. Въ—продолженіе шторма каютъ—компанія представляла печальный видъ: всѣ вещи катались по полу отъ одного бока судна къ другому; трескъ и скрипъ шпангоутовъ, визгъ вѣтра въ снастяхъ, крики матросовъ, и шумъ волнъ, составляли страшное цѣлое. Я не могъ оставаться въ каютѣ, кой-какъ выбрался на палубу, и крѣпко обнявъ одну изъ мачтъ, любовался, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, страшною и величественною картиною, насъ окружавшею.

10 октября. Въ 4 часа пополудни миновали мысъ *Тюхъ-Караганъ* и взяли направленіе къ З.С.З., потому—что не возможно было достигнуть этого мыса по—причинѣ ужаснаго волненія и противнаго вѣтра, благопріятствовавшего теперь возвращенію нашему въ Астрахань. Штормъ продолжался до вечера съ одинаковою силою и потомъ утихъ. Мы миновали *Чистый-Банкъ*, и какъ находились уже не далеко отъ устья Волги, и глубина значительно уменьшилась, то бросили якорь до слѣдующаго дня, чтобы не потерять дороги между вѣхами, означающими фарватеръ. Къ—ночи «Василій» опять соединился съ нами; онъ былъ въ великой бѣдѣ и если избавился гибели, то благодаря только присутствію духа въ находившемся на немъ лодманѣ.

11 октября. Снялись съ якоря рано утромъ и въ 2 часа пополудни миновали Четырехъ-Бугорный Маякъ, около котораго стояло много судовъ, въ ожиданіи попутныхъ вѣтровъ, для отправленія въ Персію и въ Сальянъ. Между ними отличался красотою новый шкоутъ купца Герасимова «Александръ—Невскій». Наконецъ въ 5½ часовъ вечера мы бро-

сли якорь насупротивъ Астраханскаго Карантина, при устьяхъ Волги.

Такимъ образомъ окончилась благополучно Экспедиція наша и пяти-мѣсячное плаваніе по Каспійскому-Морю, въ-продолженіе коего мы не потеряли ни одного человѣка, и которое совершили съ желаемымъ успѣхомъ.

12 — 29. Выдерживали до 28 числа 14-дневную карантинную обсервацію на нашемъ шкуутѣ. Послѣ этого насъ выпустили, и мы отправились на лодкахъ въ Астрахань, куда и прибыли вечеромъ 29 числа.

30 октября. Въ Астрахани исполнили первый долгъ нашъ принесеніемъ благодарственнаго молебствія Всевышнему за благополучное окончаніе Экспедиціи. Потомъ, по приведеніи въ порядокъ записокъ моихъ, я въ началѣ января 1837 года отправился въ С. Петербургъ, куда и прибылъ 3 февраля, въ Москвѣ уже получивъ извѣстіе о новомъ назначеніи моемъ въ Персію.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ ОТЪ АСТРА- БАДСКАГО-ЗАЛИВА ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА *.

И. Ф. БЛАРАМБЕРГА.

ОВЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ КАСПІЙСКАГО МОРЕ.

Восточный берегъ Каспійскаго-Моря почти совершенно безплоденъ и представляетъ печальный видъ. Природа тамъ мертва, растительность ничтожна, и глазъ путника обнимаетъ только песчаную пустыню или обрывистыя голыя скалы, омываемыя бурунами моря. Единственное населеніе этихъ мѣстъ составляютъ бѣдныя, полунагія, дикія туркменскія поколѣнія; но и тѣ кочуютъ здѣсь въ весьма-маломъ количествѣ, ибо бесплодная и безводная степь вдоль морскаго берега препятствуетъ имъ жить многочисленными аулами.

Отъ мыса *Тюк-Карагана* до *Александр-Бал*, берегъ состоитъ по-большей-части изъ обрывистыхъ известковыхъ скалъ, высота которыхъ однако неочень значительна; далѣе скалы сіи превращаются въ отлогіе берега. Отъ *Кара Бугаза* до *Красноводской-Косы*, берегъ низкій, песчаный, изрѣдка прерывается невысокими буграми, покрытыми жидовникомъ. Сѣверная часть *Балханскаго-Залива* состоитъ изъ обрывистыхъ порфировыхъ и известковыхъ скалъ и изъ песчаника;

* Составлено въ 1836 году, въ-слѣдствіе экспедиціи, дневникъ которой помѣщенъ предъ симъ.

дальше къ югу, отъ полуострова *Дарджи* до *Гассанъ-Кулинскаго-Култука*, берегъ также весьма низокъ; а отъ сего-последняго до *Астрабадскаго-Залива*, онъ почти вездѣ покрытъ камышемъ, потому-что здѣсь находятся устья рѣкъ *Атрека* и *Гюргени*.

Глубина моря возлѣ берега отъ *Тюкъ-Карагана* до мыса *Тариш* весьма значительна; но якорныя стоянки тамъ ненадежны и даже опасны, по-причинѣ каменнаго грунта и подводныхъ скалъ. Дальше къ югу глубина уменьшается, и отъ бывшаго *Хивинскаго*, до *Астрабадскаго-Залива*, море такъ мелко, что судамъ ближе 7 верстъ нигдѣ къ берегу приставать не возможно; даже лодки останавливаются за 20, за 30 и за 50 сажень отъ него. Хорошія якорныя стоянки находятся только въ *Астрабадскомъ-Заливѣ*, при восточномъ берегѣ острова *Огурчинскаго*, въ заливахъ *Балханскомъ* и *Кендерминскомъ*, и въ *Александръ-Батъ*.

АСТРАБАДСКІЙ-ЗАЛИВЪ И ПОЛУОСТРОВЪ-ПОТЕМКИНЪ.

Заливъ этотъ, лежащій въ юго-восточной части Каспійскаго-Моря, между $36^{\circ} 45'$ и $36^{\circ} 52'$ с. ш., простирается вдоль части Астрабадской и Мазандеранской провинцій; вся его длина составляетъ 56 верстъ. Съ востока и юга закрывается онъ матерымъ берегомъ, а съ запада и сѣверо-запада — выходящимъ отъ *Ферабада* полуостровомъ, который выдается весьма далеко на востокъ и оканчивается длинною косою *Гаулымъ*, посрединѣ коей находится незначительный островъ *Ашуръ*, или *Ашуръ*. Входъ въ заливъ, шириною 3 версты, находится между этою косою и отмелью, отходящею между урочищами *Жара-Сениръ* и *Ханували* къ западу. Фарватеръ здѣсь въ $2\frac{1}{2}$ сажени и болѣе: слѣдовательно профессоръ Эйхвальдъ, посѣтившій страну эту въ 1825 году, ошибается, увѣряя, что глубина фарватера не болѣе 8 футовъ. По положенію своему, заливъ защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, что дѣлаетъ его удобною, для всякаго рода судовъ, гаванью. Самая большая его ширина — при островѣ *Ашуръ*, гдѣ составляетъ около 14 верстъ; потомъ она уменьшается; а ближе къ концу, заливъ

имѣетъ уже не болѣе 7 верстъ въ ширину. Глубина въ немъ, посрединѣ, слѣдуетъ той же пропорціи, а поблизости береговъ почти вездѣ тянется отмель, такъ-что гребныя суда близко къ нимъ не подходятъ. Грунтъ, посрединѣ, иловатый, состоящій изъ сѣрой глины, смѣшанной въ иныхъ мѣстахъ съ малыми раковинами, а подлѣ береговъ — почти вездѣ чистый песокъ.

Берегъ, окружающій заливъ съ его восточной стороны, низменъ, болотистъ и покрытъ непроходимымъ камышемъ, между коимъ изрѣдка только попадаютъ деревья. Простирающійся вдоль этого залива южный матерой берегъ гораздо выше восточнаго; поэтому болотъ находится здѣсь весьма мало, а камышъ растетъ только мѣстами. На разстояніи около 7 или 8 верстъ отъ берега воздымаются вдоль онаго, уступами, высокіе горы *Днезанъ-Куги*, идущія параллельно заливу; онѣ принадлежатъ къ цѣпи *Эмбурзи*, которая, сопровождая южную часть Каспійскаго-Моря вдоль Гилана, Мазандерана и Астрабада, простирается далѣе къ востоку въ Хорасанъ. Самыя высокія изъ этихъ горъ находятся противъ юго-восточной части залива, а къ обѣимъ его оконечностямъ онѣ становятся отложе; вершины ихъ вообще видны только при самой ясной погодѣ; въ другое-же время бываютъ покрыты облаками. Высочайшая точка горы *Гѣздагъ* имѣетъ, по нашимъ барометрическимъ и тригонометрическимъ измѣреніямъ, около 1,100 сажень вышины.

Весь берегъ Астрабадскаго-Залива имѣетъ очаровательный видъ, а горы еще болѣе украшаютъ его. Почти вездѣ покрытъ онъ густымъ лѣсомъ, который простирается вглубь до вершины горъ. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ испанскихъ строевыхъ и корабельныхъ деревьевъ отличной доброты, каковы: дубъ, чинаръ, самшитъ, клѣнъ, желѣзное дерево, азатъ, букъ и другія; а равно и изъ фруктовыхъ, между коими назовемъ смоквы, гранаты, грецкіе орѣхи, шелковицу бѣлую и черную, и проч.; почти около cadaго дерева вьются огромныя виноградныя лозы. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, находятся обширныя чистыя поляны, служащія для пастбы скота и изпещренныя разными цвѣтами и благовонными травами, а въ розчиствахъ представляются вездѣ селенія и пространныя поля, засѣяныя сарацинскимъ пшеномъ, пшеницею (которая на ю-

винахъ даетъ часто самъ-80); кунжутнымъ сѣменемъ, хлопчатую бумагою и другими произрастѣніями. Берегъ этотъ изобилуетъ также множествомъ дикихъ звѣрей, въ горахъ и лѣсахъ живущихъ, какъ-то: барсами, медвѣдями, чакалами, волками, лисицами, кабанамъ, дикобразами, дикими кошками и пр. Птицы находятся въ огромномъ количествѣ, особливо фазаны (преимущественно на полуостровѣ—Потемкинѣ), двухъ родовъ куропатки, и такъ-называемые «зеленые пѣтушки».

На этомъ же берегу находятся остатки разрушеннаго дворца шаха Аббаса-Великаго, именно въ *Дирефъ*, въ 10 верстахъ къ юго-западу отъ устья *Шагилл*. Дворецъ этотъ славился прежде великолѣпіемъ, и почти всѣ преемники шаха Аббаса проводили здѣсь часть своего времени; онъ состоялъ изъ множества увеселительныхъ замковъ и обширныхъ садовъ, украшенныхъ водопроводами, фонтанами, каскадами и великолѣпными деревьями разнаго рода: лимонными, померанцевыми, кипарисными, смоковичными, коими насажены цѣлыя аллеи. Сады эти разбросаны по горамъ, расположены въ азіатскомъ вкусѣ, и всѣ были обнесены каменною стѣною съ башнями, наподобіе крѣпости. Подробное описаніе этого любопытнаго мѣста можно видѣть въ путешествіяхъ Ганвея и Гмелина. По смерти Надиръ-Шаха сады эти подверглись разоренію и опустошенію, такъ-что остались только слѣды первобытнаго ихъ состоянія; но и теперь мѣстоположеніе ихъ очаровательно, а съ самаго-высшаго сада, *Сефи-Абада*, открывается великолѣпный видъ на весь Астрабадскій-Заливъ.

Полуостровъ—*Потемкинъ* защищающій Астрабадскій-Заливъ со стороны моря, начинается у матераго берега между *Кара-Тепѣ* и *Ферабадоли* и тянется съ запада къ востоку; вся длина его составляетъ 40 верстъ, а ширина различна; самая большая находится при выходѣ его отъ матераго берега: тутъ она $1\frac{1}{2}$ версты; но чѣмъ-ближе къ концу, тѣмъ полуостровъ становится уже, такъ-что близъ самой крайней оконечности своей онъ не шире 200 сажень. Сначала, въ западной части своей покрытъ онъ лѣсомъ, и грунтъ его таковъ же какъ на матерой землѣ, т. е. глинистый, смѣшанный съ черноземомъ; но далѣе и къ концу, состоитъ онъ изъ наноснаго морскаго песку съ ракушкою, на коемъ изрѣдка только встрѣчаются группы гранатовыхъ деревьевъ. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются вы-

рытые Туркменцами колодцы съ прѣсною водою. Изъ звѣрей водятся здѣсь: кабаны, шакалки, зайцы и, особенно, выдры; а изъ птицъ находятся тѣ ихъ породы, которыя живутъ въ болотистыхъ мѣстахъ. Сверхъ многихъ болотъ и топкихъ мѣстъ на самомъ полуостровѣ, онъ изнутри залива окруженъ весь отмелями, покрытыми густымъ камышемъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только гребныя суда могутъ приставать къ нему близко.

При крайней оконечности полуострова находится подводная коса, простирающаяся, въ видѣ полукруга, на $6\frac{1}{2}$ версты къ В. С. В.; за ней слѣдуетъ незначительный островъ *Аширъ*, длиною отъ востока къ западу около версты, шириною 200 сажень, а въ-окружности 3,200 шаговъ. Онъ низокъ и покрытъ по-большей-части камышемъ; но индѣ находятся также гранатовый кустарникъ и виноградныя лозы; грунтъ — песокъ, въ которомъ прѣсная вода кроется на аршинъ глубины отъ поверхности. На южномъ берегу суда могутъ приставать вполнѣ, ибо почти у самага берега имѣется 2 сажени глубины. Къ востоку отъ острова простирается, также на $6\frac{1}{2}$ верстъ, подводная коса *Гаулиши*. Она, подобно первой, покрыта страшными бурунами, которые при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ уничтожали и отмывали мало-по-малу находившіеся тутъ прежде острова *Оретосъ* и *Евгеній*, такъ-что теперь ихъ уже болѣе не существуетъ. На островѣ Аширѣ Туркменцы имѣютъ обыкновенное пристанище во-время набѣговъ на Персію, и тутъ же дѣлать добычу. Другая подводная коса, *Чанганъ*, находится на южной сторонѣ полуострова-Потемкина и простирается на 5 верстъ прямо къ востоку.

Изъ тридцати рѣчекъ, впадающихъ въ Астрабадскій-Заливъ, одна только *Кара-Су* или «Черная-Рѣчка» достойна замѣчанія, потому-что составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ. Другія-же рѣчки суть не что иное какъ горные потоки, по-большей-части незначительныя; въ лѣтнее время онѣ разливаются по чалтыкамъ, и вода въ нихъ считается тогда нездоровою.

Вотъ наименованія этихъ потоковъ, слѣдуя по заливу отъ востока къ западу: 1) *Кара-Су*; 2) *Казма-Куля*; 3) *Чагылъ* 4) *Багу* (съ хорошею водою; въ эту рѣчку впадаетъ съ лѣ-

вой стороны р. *Замзали*, съ живописными водопадами въ узкихъ ущельяхъ); 5) *Сердакъ*; 6) *Сермелла*; 7) *Веллафра*; 8) *Гездъ*; 9) *Бачобаги*; 10) *Чебекендъ*; 11) *Мерзень*; 12) *Наукендъ*; 13) *Неджаръ-Килл*; 14) *Ливанъ*; 15) *Джеры*, или *Джара-Куматъ* (граница Мазандерана); 16) *Хештекъ*; 17) *Талиса* (при ней бугоръ *Гирей-Дююнъ*); 18) *Шириери-Килл*; 19) *Сурруджу*; 20) *Карри-Келекъ*; 21) *Шакила*; 22) *Мулла-Килл*; 23) *Казма-Килл*; 24) *Кара-Тепъ*; 25) *Байрамъ-Ам-Киласы*; 26) *Бердизли-Калакъ*; 27) *Чармалъ*; 28) *Кектерханъ*; 29) *Похлуга*; и 30) *Тиришъ-Килл*. За ними слѣдуютъ заливы *Загамерзъ* и *Сю-Дербендъ*, находящіеся уже при полуостровѣ - Потемкинѣ.

Борнсъ, посѣтившій Астрабадскій-Заливъ въ 1833 году, говоритъ, что вода въ немъ прѣсная, присовокупляя, что это происходитъ отъ водъ рр. *Гюргени* и *Атрека*, которыя въ него вливаются; онъ весьма ошибся, ибо рѣки эти впадаютъ прямо въ Каспійское-Море, гораздо выше къ сѣверу отъ залива, и вода въ немъ соленая, невзирая на вливающиеся въ него вышеупомянутые 30 потоковъ.

Заливъ изобилуетъ рыбами разнаго рода, особливо весною; въ это время, бѣлуги, осетры и севрюги цѣлыми стадами стремятся къ устьямъ помянутыхъ рѣчекъ, для метанія икры: рыбная ловля тогда весьма значительна; другія-же мелкія породы ловятся во всякое время года; но самая (*шагъ-маги* т. е. «царская рыба») и кутумъ попадаются рѣдко. Кромѣ рыбъ, находятся въ заливѣ раки, какъ рѣчные, такъ и крупныя (крабы), и множество черепахъ.

Рыбная ловля въ заливѣ принадлежитъ Астраханскому купцу 1-й гильдіи, Персіанину Миръ-Абу-Талибъ Миръ-Багирову, который взялъ отъ Персидскаго правительства на откупъ рыбный промыселъ почти вдоль всего южнаго берега Каспійскаго-Моря и получаетъ отъ того огромныя барыши. Для рыболовства употребляетъ онъ нѣсколько шкоутовъ, стросенныхъ въ Астрахани; лоцманы и матросы на нихъ изъ Русскихъ, ибо Персіане вообще имѣютъ большое отвращеніе къ морю.

Область Астрабадская раздѣляется на семь уѣздовъ (*мэхалъ*), а именно:

1. *Энезанъ* съ главнымъ селеніемъ *Наукендъ*.
2. *Седемъ-Рустакъ* — — — — — *Курдъ Мегалъ*.

3. *Астрабадъ* съ городомъ *Астрабадомъ*.
4. *Астрабадъ Рустакъ* съ главнымъ селен. *Миръ-Мезалъ*.
5. *Кѣтулъ* — — — *Гену*.
6. *Федеристъ* — — — *Налитежу*.
7. *Френку-Фарзіанъ* . — — — *Френкъ*.

Городъ *Астрабадъ* лежитъ въ 25 верстахъ отъ устья р. *Кара-Су*, на сѣверной пологости горъ *Сандикъ*. Онъ обнесенъ глиняной съ башнями стѣною въ 2 аршина толщины и въ 2 сажени вышины, мѣстами обвалившеюся, съ сухимъ довольно-глубокимъ рвомъ, могущимъ во всякое время быть наполненнымъ водою. На стѣнахъ устроены ружейныя бойницы. Съ южной стороны города есть высота, которая имъ командуетъ. Дворовъ въ немъ считается около 3,000. Жители — Персіане. Астрабадъ есть родина настоящей династіи Шаховъ (каджарской); нынѣ онъ незначителенъ какъ по торговлѣ, такъ и по населенію; лучшимъ доказательствомъ тому — что прежде онъ былъ резиденціею одного изъ Шахъ-Заде, (царевичей) а теперь въ немъ живетъ просто Ханъ - Правитель. Несмотря на то, Каспійская торговля наша, производимая теперь вдоль южнаго берега моря, гдѣ нѣтъ ни одной порядочной якорной стоянки, рано-или-поздно должна сосредоточиться въ Астрабадскомъ-Заливѣ, отъ котораго, какъ выше сказано, городъ отстоитъ только на 25 верстъ. Онъ лежитъ въ плодотворной области, съ избыткомъ производящей весьма важныя статьи торговли, какъ-то: шелкъ, непряденую бумагу, разныя масла, красильныя и аптекарскіе матеріалы, мебельный и корабельный лѣсъ и проч.; сверхъ-того, онъ находится въ центрѣ, съ одной стороны — обширной Туркменіи и государствъ Средней-Азіи, а съ другой — богатѣйшихъ Персидскихъ провинцій, изъ которыхъ въ Хорасанской отъ главнаго города Мешгеда идутъ надежныя пути въ Гератъ, Кандагаръ и Кабуль.

Главнѣйшія селенія вдоль Астрабадскаго-Залива суть:

Курдъ-Мезалъ — состоитъ изъ пяти деревень, разбросанныхъ въ лѣсу.

Тузъ-Коинъ
Балбулюкъ
Волугузъ
Андагисаръ
Соликанти

всего около 2,500 дворовъ — по свѣдѣніямъ доставленнымъ А. И. Ходзко..

Баеу съ противоположнымъ селеніемъ *Каркенди* — всего 400 дворовъ.

Наукендъ — съ 1,000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу.

Кара-Тепъ — съ 200 дворовъ; по-большей-части населено Афганами.

Число всѣхъ селеній простирается до 90; находятся онѣ въ 3, 4, 6 и болѣе верстахъ отъ берега, равно по горамъ и въ ущельяхъ.

Народонаселеніе окрестностей залива довольно значительно, и простирается до 50,000 душъ. Поселенцы здѣшніе живутъ въ жестокомъ угнетеніи. Часть деревень пожалована въ пожизненное владѣніе Ханамъ и Бескамъ, а остальная принадлежитъ правительству. И тѣ и другіе платятъ тяжкія подати; кромѣ работъ на Бековъ, поселенцы вносятъ имъ съ cadaго дома $\frac{1}{5}$ часть жатвы сарацинскаго пшена, $\frac{1}{10}$ долю пшеницы, $\frac{1}{15}$ часть шелку, отъ 3 до 6 реаловъ деньгами (реаль, или саибкиранъ, равняется 120 к. асс.) и пошлину за каждую рогатую скотину. Сверхъ-того, обязаны они слѣдующими повинностями: 1) на время военныхъ дѣйствій, изъ 20 человекъ взрослыхъ мужчинъ даютъ всадника, котораго должны снаряжать на свой счетъ; 2) въ случаѣ движенія военнаго отряда, иногда умышленно Правителемъ затѣваемаго, собирается съ нихъ продовольствіе (*сурзатъ*); 3) должны угощать и дарить проѣзжающихъ чиновниковъ.

Относительно климата, Астрабадскій-Заливъ имѣетъ большое преимущество предъ другими рейдами или гаванями находящимися на южномъ берегу Каспійскаго-Моря. Во время пребыванія въ немъ Карелинской Экспедиціи съ 2 іюня по 11 іюля, жары были столь умеренны, что никогда не превышали 20 и 24° Р.; при этомъ никто изъ людей экипажа не заболѣлъ опасно, хотя большая часть ихъ жила на берегу, занимаясь безпрестанно рубкою лѣса, перевозкою бочекъ съ прѣсною водою и другими тяжелыми работами; къ этому, впрочемъ, способствовало много и хорошее содержаніе, ибо команда была безпрерывно довольствована свѣжимъ мясомъ, сарацинскомъ пшеномъ и разными огородными овощами. Осень и зима по-большей-части здѣсь теплы и пріятны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ на Персидскомъ берегу лежащихъ, въ эти времена года идутъ сильныя дожди, при штормахъ

по нѣскольку недѣль сряду. Наблюденія, сдѣланныя въ заливѣ во время пребыванія здѣсь русской эскадры въ 1781 — 1782 годахъ, подтверждаютъ сказанное. Обыкновенныя болѣзни, какъ горячки и лихорадки, которыя свирѣпствуютъ осенью въ приморскихъ Персидскихъ провинціяхъ, особливо въ Гилянѣ и Мазандеранѣ, не были почти вовсе замѣчены здѣсь; а кровавый поносъ у нѣкоторыхъ солдатъ и матросовъ произошелъ не отъ качества здѣшняго климата, а отъ неумѣреннаго употребленія разнаго рода плодовъ, которые всегда вредны, если ихъ употреблять безъ осторожности, или ѣсть незрѣлыми.

Что касается до вѣтровъ, господствующихъ въ заливѣ, то начиная съ апрѣля почти до ноября дуютъ обыкновенно: днемъ — сѣверные, сѣверо-западные и западные, а ночью — южные; т. е. днемъ — съ моря, а ночью — съ берега; и порядокъ этотъ, соотвѣтственно мѣстоположенію матераго берега, рѣдко измѣняется. Потомъ начинаются непостоянныя вѣтры, между которыми чаще, свирѣпѣе и продолжительнѣе всѣхъ—западный. Собственно на Каспійскомъ-Морѣ въ зимніе мѣсяцы по-большей-части господствуютъ сѣверные и сѣверо-западные штормы; но какъ горы, простирающіяся съ востока на западъ вдоль южнаго берега моря, полагаютъ препоны ихъ стремленію, то вѣтры, по этой причинѣ, перемѣняютъ направленіе, и дуютъ параллельно къ берегу, обращаются въ западный. Изъ другихъ непостоянныхъ вѣтровъ довольно рѣдокъ восточный: онъ дуетъ наиболѣе подъ исходъ зимы. Самый-же рѣдкій, это—настоящій южный, или такъ-называемый «теплый» вѣтеръ, который дуетъ черезъ горы; воздухъ становится тогда такъ густъ, что трудно дышать, и повсюду распространяется запахъ гари; къ-счастію, вѣтеръ этотъ рѣдко продолжается болѣе 24 часовъ сряду. Каждый изъ упомянутыхъ вѣтровъ производитъ перемѣну и въ самой погодѣ. Пока продолжаются періодическіе вѣтры, дни ясны, но собирающіеся на горахъ пары не рѣдко обращаются ночью въ дождь, который, вмѣстѣ съ береговымъ вѣтромъ, прохладяетъ воздухъ въ лѣтнее время. Западные вѣтры, вѣющіе чрезъ все пространство моря, и увлекающіе съ собою большое количество исходящей изъ него влажности, приносятъ, во всѣ почти времена года, мрачную и ненастную погоду; восточные и сѣверо-восточные, напротивъ,

проходя черезъ обширныя Туркменскія Степи — всегда ясную и сухую; а какъ зимою въ помянутыхъ степяхъ выпадаетъ много снѣгу, то воздухъ въ это время бываетъ довольно холоденъ.

Относительно прибыли и убыли воды въ заливѣ, послѣднюю можно замѣтить весьма ясно вдоль берега: гдѣ прежде было дно морское, тамъ теперь сухо, и море отступило по крайней-мѣрѣ на 20 сажень; а жители при рѣчкѣ Галига увѣрили насъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ море простиралось тамъ до бугра, отстоящаго теперь болѣе-чѣмъ на 150 сажень отъ нынѣшняго берега.

Сверхъ выгодъ и преимуществъ, коими Астрабадскій-Заливъ одаренъ отъ природы, онъ и относительно торговли заключаетъ въ себѣ всѣвозможныя удобства, особенно по выгодному положенію города Астрабада между Хивою, Бухаріею, Туркестаномъ, Афганистаномъ и собственно Персидскими областями. Главнѣйшіе Персидскіе города отстоятъ отъ него ближе, нежели отъ другихъ южныхъ прибережныхъ мѣстъ. Въ *Тегеранѣ* дорога ведетъ чрезъ *Наукендъ*, *Эшрефъ* (по дорогѣ устроенной еще Аббасомъ-Великимъ) и ущелье *Тиларъ*, пересѣкающее цѣпь Мазандеранскихъ-Горъ. До Герата путь идетъ черезъ *Кучанъ* или *Кабушанъ* и *Мешедъ*. До *Бухары* караваны идутъ 18 дней, черезъ *Кучанъ* и *Шерекъ*; наконецъ до *Хивы* — 12 дней, черезъ *Туркменскую-Степь*.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Астрабадскій-Заливъ во всѣхъ отношеніяхъ первая гавань на всемъ Каспійскомъ-Морѣ. По мѣстоположенію своему и естественнымъ выгодамъ онъ болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ способенъ къ распространенію Русской торговли, и нѣтъ сомнѣнія, что если со-временемъ Астраханская торговля разовьется и перейдетъ въ руки Русскихъ купцовъ (до-сихъ-поръ она находится въ рукахъ Армянъ и Персіянъ), то Астрабадскій-Заливъ получитъ вполне то важное значеніе, которое опредѣлено ему выгоднымъ его мѣстоположеніемъ.

РѢЧКА КАРА-СУ, ИЛИ ЧЕРНАЯ.

Составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ Юмудскаго колѣна. Источникъ этой рѣчки (которая имѣетъ названіе *Кара-Су* только при устьѣ) находится

въ ущельѣ *Кетуль*, около 60 верстъ къ В. С. В. отъ Астрабада (а по словамъ А. И. Ходзко, только 36 верстъ), лежащаго на лѣвомъ ея берегу, въ разстояніи 8 верстъ отъ него. Идя на востокъ отъ сего города переходять Кара-Су (называемую здѣсь *Адиали*) черезъ мостъ, именуемый *Алиерданъ*, при селеніи *Берестанъ*, въ 28 верстахъ отъ Астрабада. Рѣчка эта протекаетъ черезъ огромныя болота, покрытыя камышемъ. Первый ильмень, *Сіапала*, находится 7 верстъ ниже Астрабада; отсюда рѣчка продолжаетъ путь свой 3½ версты до ильменя *Аксина*; потомъ течетъ черезъ ильмень *Мурдъ-Аба*, или *Поштоволь*, отстоящій отъ Аксина на 9½ верстъ; отъ Мурдъ-Аба до моря остается еще 5 верстъ. Въ лодкѣ можно слѣдовать по ней отъ устья вверхъ по теченію около 4 верстъ; ширина ея здѣсь отъ 3 до 12, а глубина отъ 1 до 3 сажень; по обѣимъ сторонамъ растетъ огромный камышъ; въ 4 верстахъ отъ устья она дѣлается уже, и невозможно слѣдовать далѣе на лодкахъ, по-причинѣ густаго, непроходимаго камыша. На этомъ пространствѣ рѣчка въ нѣсколькихъ мѣстахъ запружена забойками для рыбной ловли, производящейся здѣсь весною. Въ 1½ верствѣ отъ устья, на лѣвомъ берегу, находится Персидское укрѣпленіе *Сенгиръ*, а на противоположномъ — пристань, гдѣ Туркмены въ зимнее время торгуютъ съ Персіянами. Лѣтомъ-же по обѣимъ берегамъ никто не живетъ. Вода въ Кара-Су прозрачна, но темнаго цвѣта и считается нездоровою.

Вышеупомянутые ильмени прежде принимаемы были за одно озеро, которое долго считалось заливомъ Каспійскаго-Моря, и на нѣкоторыхъ картахъ изображено въ такомъ видѣ. Конолли говоритъ, что это озеро на три мили не доходитъ до Каспійскаго-Моря и не имѣетъ съ нимъ никакого сообщенія. «Вода»—прибавляетъ онъ — «не имѣя истока, лѣтомъ загниваетъ и заражаетъ воздухъ вредными испареніями, отъ чего много страдаютъ жители Астрабада.» Конолли ошибается, ибо ильмени имѣютъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ Кара-Су; а вредныя испаренія происходятъ отъ множества чалтыковъ, находящихся въ окрестностяхъ Астрабада.

Общее направленіе этой рѣчки—отъ сѣверо-востока къ западу*.

* Сообщенія здѣсь о Кара-Су свидѣнія получены мною частью отъ А. И. Ходзко.

РѢКА ГЮРГЕНЬ.

Вытекаетъ двумя рукавами изъ горы *Гюли-Дага* въ Эльбурзѣ, нѣсколько верстѣ сѣвернѣе *Шабазы*, близъ кочевьевъ Гоклановъ колѣна *Кара-Балханъ*. Первый ея рукавъ называется также *Гюли-Дагъ*, а лѣвый и главный рукавъ — *Зау*; на правой сторонѣ его находятся остатки большого города *Мериша*. Оба рукава соединяются близъ скалы называемой *Каменною*, съ укрѣпленіемъ на ней по имени *Казанъ-Калъ*; между ними кочуютъ Гокланы *Эркекли*. Въ кочевьяхъ Гоклановъ *Янакъ*, или *Янгакъ*, параллельное разстояніе Гюргени отъ цѣпи Эльбурза будетъ около 90 верстѣ. Пространство, протекаемое рѣкою въ верхней ея части, представляетъ плодородный и очаровательный край: горы сплошь покрыты лѣсомъ до самой ихъ вершины; почти всѣ роды фруктовыхъ деревьевъ растутъ тутъ на-волѣ, и между ними смоковичныя, гранатныя, грецкій орѣхъ и виноградныя лозы, а близъ кочевьевъ туркменскихъ находится обширная плантація тутовыхъ деревьевъ.

Между протоками Гюргени *Зау* и *Дагъ* кочуютъ Гокланы *Халмадаглы*; а между р. *Догъ-Сауджакъ* и *Кпраджа Су* — Гокланы *Янакъ* и *Сенерикъ*. Рѣчка *Караджа-Су* составляетъ границу между кочевьями Гоклановъ и Юмудовъ. Побочныя рѣчки Гюргени, окружающія кочевья сихъ-последнихъ, суть: *Кара-Текенъ-Кошъ-Купри*, въ которую впадаетъ *Чагама*; и въ 15 верстахъ ниже урочища *Салмыкъ*, что при устьѣ Кошъ-Купри — рѣчка *Эдыржа*. Всѣ эти притоки впадаютъ въ Гюргень съ лѣвой стороны; съ правой-же не имѣетъ она ни одного. Въ 8 верстахъ ниже устья Эдыржи, съ лѣвой стороны, и не въ дальнемъ разстояніи отъ берега Гюргени, находятся развалины древняго города *Акъ-Кала*, а еще 7 верстѣ ниже, и близъ праваго берега этой рѣки — развалины города *Алтынъ-Кала*. Здѣсь Гюргень раздѣляется на два главные рукава свои.

Правый рукавъ, подъ названіемъ *Тумача-Аби*, впадаетъ, 4 версты ниже Алтынъ-Кала, въ ильмень *Кутукъ-Науры*, изъ котораго, уже подъ названіемъ *Гюлишиъ-Тепѣ-Агазы*, течетъ 30 верстѣ далѣе и впадаетъ въ море въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ южнѣе *Серебрянаго-Бугра*, раздѣляясь на нѣсколько мелкихъ рука-

вовъ. Полторы версты выше устья, отдѣляется отъ сего рукава другой, именуемый *Байрамъ-Килъ*, который впадаетъ въ море южнѣе и отдѣльно.

Главный, лѣвый, рукавъ течетъ къ юго-западу отъ Альтынъ-Кала 12 верстъ и впадаетъ въ ильмень *Каравалъ*, имѣющій въ окружности $3\frac{1}{2}$ версты. Изъ этого ильменя вытекаютъ два рукава: сѣверный, или *Большой Ходжа-Нефесъ*, и южный, называемый *Кикикъ-Гюргенъ*. Первый въ 2 верстахъ отъ моря дѣлится опять на два рукава, изъ коихъ правый, или *Малый Ходжа-Нефесъ*, отдѣляетъ отъ себя еще другой, называемый *Бай-Доулетъ-Килъ*. *Кикикъ-Гюргенъ*, по выходѣ изъ ильменя Каравала развѣтвляется также на два рукава: лѣвый называется собственно *Гюргенъ*, а правый — *Кара-Килекъ*. Всѣ эти семь рукавовъ мелки, покрыты камышемъ и несудоходны: только лодки и куласы могутъ входить въ нихъ.

Оба берега Гюргени весьма плодородны; многія канавы, отведенныя изъ этой рѣки (по нижней части ея теченія, ибо верхняя часть имѣетъ крутые и глубокіе берега), орошаютъ поля Юмудовъ и Гоклановъ, засѣянные пшеницею, сарацинскимъ пшеномъ, джогеномъ, арбузами и дынями, огромной величины и отличнаго вкуса. Въ весеннее время множество рыбъ разнаго рода входятъ изъ моря въ устья этой рѣки, для метанія икры.

Отъ Серебрянаго-Бугра вверхъ по правому берегу Гюргени до самой горы *Пейхалибера* (Пророка), простираются, на разстояніи 150 верстъ, остатки стѣнъ, называемыя *Кызыл-Аллакъ*; во многихъ мѣстахъ видны въ нихъ слѣды башенъ съ отверстіями для выхода, и на всемъ протяженіи ихъ насчитываются развалины семи древнихъ городовъ.

Длина теченія р. Гюргени, отъ источниковъ до моря, простирается на 180 верстъ *.

* Свѣдѣнія о теченіи Гюргени были собраны мною на мѣстѣ, лѣтомъ 1836 года, отъ сыновей Кіата и другихъ Туркменовъ. Тѣмъ же лѣтомъ 1836 года баронъ Бодѣ (бывшій секретарь Россійской миссіи при Тегеранскомъ Дворѣ) находился при шахской арміи въ верхнихъ долинахъ р. Гюргени, и также описывалъ теченіе этой рѣки и Туркмению вообще. Его свѣдѣнія подробнѣе и разнѣствуютъ съ вышеприведенными; я помѣстилъ ихъ въ моемъ описаніи Персіи. *Дат.* Свѣдѣнія, собранныя барономъ Бодѣ, о которыхъ говоритъ здѣсь г. Бларамбергъ, помѣщены уже въ Запискахъ Р. Г. О. ч. II, стр. 203—232.

ГЮМШИШЬ-ТЕНЕ, ИЛИ СЕРЕБРЯНЫЙ-БУГОРЬ.

Бугоръ этотъ лежитъ сѣвернѣе устья *Гюмшишъ-Тенѣ-Асазы* $1\frac{1}{2}$ верстами; онъ незначителенъ: имѣетъ только 3 или 4 сажени вышины, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій. Море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются еще подъ водою вдоль берега до р. *Кара-Су*, на протяженіи около 28 верстъ *.

РѢКА АТРЕКЪ.

Атрекъ, или *Отрекъ*, беретъ начало свое изъ озера *Хависъ*, въ горахъ Хорасанскаго—Курдистана, недалеко отъ *Кучана*, и протекаетъ мимо *Ширвана*, *Буджнурда* и *Гермаба*. Первоначальное направленіе его — къ сѣверо-западу, а потомъ — къ западу. Отрасли Хорасанскихъ горъ провожаютъ Атрекъ съ обѣихъ сторонъ: съ лѣвой—горы *Курдъ-Лига*, съ правой—*Зане-Дагъ*. Затѣмъ, на протяженіи около 200 верстъ своего теченія принимаетъ онъ съ правой стороны р. *Зулибаръ*, или *Зундъ*, въ которую, около 60 верстъ выше ея устья, впадаетъ съ лѣвой стороны р. *Чандыръ*. Съ правой стороны р. Зумбара простираются, по направленію къ сѣверо-западу, горы, называемыя *Карагагъ-Байры*, которыя оканчиваются со стороны *Зулибара* крутыми и многочисленными ущельями. *Зулибаръ*—единственный притокъ Атрека съ правой его стороны; съ лѣвой—же рѣка эта не принимаетъ побочныхъ притоковъ.

Выходя изъ ущелья *Челеударъ*, Атрекъ течетъ черезъ обширную степь, почти параллельно съ *Гюркеню*, отъ которой никогда далѣе 50 верстъ не отдалится. По обѣимъ его сторонамъ, находятся уединенные бугры, число которыхъ простирается до 20, причемъ каждый имѣетъ свое названіе; около нихъ располагаются зимою многочисленныя кибитки Туркменовъ Юмудскаго колѣна. Въ 6 верстахъ ниже бугра *Козу-Куранъ* (съ правой стороны рѣки) Атрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, 4 версты ниже, впадаютъ мно-

* Подробное описаніе этого бугра находится въ «Путешествіи» Муравьева; стр. 29 — 31.

гочисленными мелкими рукавами въ *Гассанъ-Кулинскій Култукъ*. Устья Атрека очень мелки; берега́ около нихъ низкіе и илистые; вода мутная, и теченіе очень быстрое. Въ полную воду Атрекъ разливается на большое пространство, отъ чего окрестная страна дѣлается весьма плодородною. Далѣе и вверхъ по рѣкѣ, берега́ круты, такъ-что Туркменамъ невозможно отводить изъ нея воду канавами. Теченіе Атрека отъ источника до устья составляетъ отъ 380 до 400 верстъ. Съ правой стороны Юмуды кочуютъ только зимою; весною-же откочевываютъ они въ степь; но между Атрекомъ и Гюренью аулы ихъ пестрѣютъ круглый годъ *.

ГАССАНЪ-КУЛИНСКІЙ-КУЛТУКЪ.

Заливъ этотъ простирается отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку около 14 верстъ, заключая въ себѣ площадь болѣе-чѣмъ во 150 кв. верстъ. Берега́ его низки, съ западной и сѣверной стороны песчаны, а съ восточной по-болѣе-части покрыты камышемъ, особливо около устьевъ Атрека, впадающаго въ култукъ съ восточной стороны. *Гассанъ-Кули*, аулъ состоящій изъ 200 кибитокъ, лежитъ на западномъ берегу култука. Мѣсто это было прежде островомъ; теперь-же, соединившись съ сѣверной стороны съ твердою землею, образуетъ полуостровъ, или лучше сказать, косу, называемую *Чагылъ* и простирающуюся къ юго-востоку почти на 5 верстъ; ширина косы — отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты. Подобная же коса, но только покрытая водою и камышемъ, и называемая *Каажъ*, простирается съ юга на сѣверъ; а между ними находится входъ въ култукъ, шириною около $4\frac{1}{2}$ верстъ; фарватеръ его не глубже 3 — $4\frac{1}{2}$ футовъ, слѣдовательно только лодки и киржимы могутъ входить въ оный; близъ береговъ глубина его различна: отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ фута. Въ этомъ култукѣ строятся туркменскіе киржимы (плоскодонныя лодки); лѣсъ для нихъ получается изъ Персіи. Тутъ же въ самомъ аулѣ *Гассанъ-Кули* находится русская ватага, принадлежащая Астраханскому купцу Герасимову. Култукъ этотъ изобилуетъ рыбами, особ-

* Въ моихъ «Запискахъ о Персіи» есть другое описаніе этой рѣки, нѣсколько отличное отъ настоящаго.

ливо весною: тогда крупные породы ихъ: бѣлуги, осетры и севрюги, цѣлыми стадами стремятся въ него для метанія икры.

Жители аула Гассанъ-Кули снабжаются водою изъ рѣки Атрека, устья коей находятся около 12 верстъ отъ аула; они наполняютъ ею куласы, въ которыхъ отправляются къ устьямъ рѣки, и такимъ образомъ привозятъ ее домой; на пути, отъ плесканія морскихъ волнъ въ кулакъ, дѣлается она нѣсколько солоновата.

РѢКА ТЕДЖЕНДЪ.

На нѣкоторыхъ картахъ означено ошибочно, будто-бы устья этой рѣки находятся въ *Хивинскомъ*-Заливѣ, подъ названіями *Гератъ*, *Охусъ* или *Тедженъ*. Посему описывается здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, настоящее ея теченіе.

Рѣка *Тедженъ*, или *Теджендъ*, имѣетъ начало свое въ *Хорасанскихъ* горахъ, въ недалекомъ разстояніи къ западу отъ г. *Мешгеда*, ниже котораго входитъ въ ущелье, называемое *Дербендъ*, потомъ протекаетъ черезъ *Шерекъ*, главное мѣсто туркменскаго поколѣнія *Салоръ*, и исчезаетъ въ пескахъ къ С. З. отъ сего мѣста и къ В. С. В. отъ *Келати-Надири*. Всего теченія ея около 70 верстъ. Въ Теджендъ впадаетъ, при *Ага-Дербендъ*, р. *Гери-Рудъ*, имѣющая начало свое въ горахъ *Параполиса*, къ востоку отъ г. *Герата*, и протекающая въ недалекомъ разстояніи отъ этого города въ направленіи къ сѣверо-западу *.

БЕРЕГЪ МЕЖДУ ГАССАНЪ-КУЛИ И ПОЛУОСТРОВОМЪ ДАРДЖИ.

Пространство это представляетъ бесплодную степь, вовсе необитаемую и покрытую солончаками. Единственные предметы, достойные здѣсь вниманія, суть:

1. *Бѣлый-Бугоръ*, или *Акъ-Тепѣ*; находится въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Гассанъ-Кули; имѣетъ видъ продолговатой усѣченной пирамиды, и довольно высокъ; отъ берега лежитъ онъ верстахъ въ десяти и кажется будто отдѣленъ отъ него моремъ; но это только соленая степь, или высохшее со-

* Подробное описаніе теченія *Гери-Руда* находится въ моихъ «Запискахъ о Персіи».

ленное озеро, окристаллизованная соль коего, сверкая от солнца сквозь волнующіеся пары, производимые теплотою или сгущеніемъ воздуха, представляет издали видъ воды. На вершинѣ его есть, какъ говорятъ, яма съ кипящей соленой водой.

2. *Зеленый-Бугоръ*, или *Гѣз-Бартлаукъ*, находится въ 30 верстахъ сѣвернѣе перваго, и имѣетъ видъ конуса, поперечникъ основанія коего въ три раза болѣе чѣмъ высота. На немъ, по рассказамъ Туркменовъ, также есть яма съ кипящей морской водой, испускающая сильный запахъ. Отъ морскаго берега бугоръ этотъ отстоитъ около 7 верстъ.

Оба означенные бугра служатъ морякамъ опознательными маяками.

3) Въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Зеленаго-Бугра, на самомъ берегу моря, находятся остатки древней мечети, называемой *Кыз-Мама*; отъ этого мѣста выходитъ въ море, прямо къ сѣверу, простирающаяся на 7 верстъ коса, при оконечности коей находится урочище *Гарлиъ*, изобилующее самосадочною солью; Туркмены собираютъ ее въ большомъ количествѣ какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи вдоль Персидскихъ береговъ.

Море здѣсь весьма мелко, и образуетъ довольно значительный заливъ, или култукъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *Хизинскаго* и теперь большею-частью высохъ; онъ простирается къ сѣверу до южной стороны полуострова *Дарджи* и усиленъ во множествѣ песчаными, бесплодными и безводными буграми. Берегъ здѣсь непрístupенъ, но-причинѣ мелководія, и даже въ куласахъ нельзя подходить къ нему близко.

ОГУРЧИНСКИЙ-ОСТРОВЪ.

Островъ этотъ, называемый Туркменами *Айдакъ*, заслуживаетъ, по величинѣ своей, болѣе вниманія, нежели прочіе острова находящіеся въ Каспійскомъ-Морѣ, и уступаетъ только острову Челекени. Грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песка и мелкихъ ракушекъ, на которыхъ растетъ повсюду множество тростника. Вдоль восточнаго и западнаго береговъ его тянутся, въ нѣсколько рядовъ, песчаные бугры, покрытые жидовникомъ, а между ними, во многихъ мѣстахъ, находятся солон-

цы, гдѣ соль садится разноцвѣтными пластами; кристаллы розоваго цвѣта въ-особенности красивы. Къ югу островъ оканчивается длинною и весьма узкою косою, соединяющеюся съ другимъ маленькимъ островомъ посредствомъ отмели. На этой оконечности Туркмены завели бакчи (огороды) съ арбузами и дынями. Длина острова отъ сѣвера къ югу — около 60 верстъ; сѣверная оконечность имѣетъ видъ полумѣсяца и направляется къ востоку. Ширина его посрединѣ около 2 верстъ; въ другихъ мѣстахъ различна: въ нѣкоторыхъ всего отъ 150 до 200 сажень.

Прѣсную воду можно добывать во многихъ мѣстахъ, вырывая колодцы на аршинъ глубиною, въ 20, 30 и болѣе саженьхъ отъ моря; впрочемъ, случается что вмѣсто прѣсной попадаетъ и солоноватая, что зависитъ отъ большаго или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега. Жителей нѣтъ; Туркмены наѣзжаютъ сюда лишь временно, съ острова Челекени, для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Изъ домашнихъ животныхъ пасется здѣсь небольшое число лошадей, да нѣсколько тощихъ верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ Челекенскимъ Туркменамъ. Изъ птицъ водятся во множествѣ кулики и кромѣ-того красные гуси, чайки, бакланы, скворцы, утки и проч.

Близъ сѣверо-восточной оконечности острова находится памятникъ Сеидъ-Бергена, одного изъ туркменскихъ Святыхъ; памятникъ этотъ служитъ маякомъ для Туркменовъ, плывущихъ сюда съ острова Челекени.

Якорная стоянка здѣсь весьма спокойна: возлѣ восточнаго берега острова, глубина моря, въ полуверстѣ отъ онаго, 3 или 4 сажени, а грунтъ — песокъ съ ракушею.

ОСТРОВЪ ЧЕЛЕКЕНЬ, ИЛИ НЕФТЯНОЙ *.

Имѣетъ въ-окружности около 80 верстъ.

Западный берегъ этого острова простирается къ сѣверо-востоку и къ югу двумя длинными и узкими косами, называющимися Ко-

* Топографическое описаніе *Челекени*, равно-какъ *Красноводской* - Косы и *Балханскаго*-Залива, взято, болѣею-частью, изъ записки Полковника Муравьева, вторично посѣтившаго этотъ берегъ въ 1821 году и производившаго здѣсь подробную инструментальную съемку.

пама и *Дервиш*. Начиная от южной оконечности *Дервиша* до сѣвернаго конца *Копали*, онъ имѣетъ болѣе 50 верстъ. По этому берегу морскія глубины весьма достаточны, такъ-что даже большія суда могутъ подходить къ нему довольно близко; но якорныя стоянки неудобны, потому-что со всѣхъ почти сторонъ открыты.

Южный берегъ представляетъ, напротивъ, хорошую якорную стоянку, ибо закрыть косою *Дервиш*, образующею въ этомъ мѣстѣ большой заливъ. Суда, идущія съ моря къ южному берегу Челекени, могутъ приплыть въ этотъ заливъ не обходя Огурчинскаго-Острова. Глубины около оконечности *Дервиша* показываютъ, что въ проливѣ между этимъ полуостровомъ и Огурчинскимъ, есть хорошій фарватеръ даже для большихъ судовъ; но они должны держаться ближе къ *Дервишу*, чтобы миновать подводный островъ, или банкъ, находящійся въ проливѣ. Глубины по всей восточной сторонѣ *Дервиша* очень мелки, и къ востоку отъ него идетъ даже нѣсколько подводныхъ откосковъ.

Юго-восточный берегъ Челекени состоитъ изъ небольшихъ заливовъ, отдѣленныхъ одинъ-отъ-другаго косами. Глубины въ этомъ мѣстѣ очень малы и часто бываютъ недостаточны даже для гребныхъ судовъ. Отсюда до сѣверо-восточной оконечности острова, море усыяно множествомъ малыхъ, песчаныхъ, бесплодныхъ и безводныхъ острововъ, составляющихъ продолженіе цѣпи бугровъ, тянущихся отъ полуострова *Дарджи* въ южную часть *Балханскаго-Залива*. Жители насчитываютъ ихъ болѣе 70, и каждый имѣетъ особенное наименованіе.

Сѣверный берегъ Челекени тянется прямо съ востока на западъ и не имѣетъ заливовъ; западный конецъ онаго прикрытъ косою *Копали*. Тутъ якорная стоянка хороша и спокойна, и суда могутъ близко подходить къ берегу. Отъ оконечности *Копали* тянется довольно-далеко въ море подводная коса.

Землетрясенія измѣнили прежніе берега Челекени. Полуостровъ *Дервиш*, около 40 лѣтъ тому назадъ, былъ островомъ. Глубины при юго-восточныхъ и восточныхъ берегахъ Челекени, равно-какъ и между сосѣдними съ ними песчаными островками, тоже измѣнились; въ нѣкоторыхъ проливахъ вода почти совсѣмъ исчезла, тогда-какъ прежде, нагруженные обывательскія суда свободно по нимъ ходили.

Вообще, водяные пути около восточныхъ береговъ Челекени часто измѣняются отъ вѣтровъ. Такъ, сѣверные вѣтры изгоняютъ воду изъ пролива *Тонгачъ*, отдѣляющаго Челекенъ отъ острова *Аричъ*; такое же мелководіе производитъ быть-можетъ отчасти и восточный вѣтеръ, наносящій много мелкаго песку съ Дарджи и другихъ острововъ. Вѣтры эти продолжаютъ иногда по нѣскольку дней сряду; вихри взметають верхи песчаныхъ грудъ Челекена и разносятъ ихъ по всему острову.

Съ запада на востокъ тянется среди острова цѣпь горъ, изъ коихъ самая высокая называется *Чохрахъ*; горы эти укладываются нѣсколько къ сѣверо-востоку и теряются въ цѣпяхъ песчаныхъ бугровъ, покрывающихъ берега Челекени, преимущественно съ восточной стороны. Цѣпи этихъ сыпучихъ песковъ занимають весь западный берегъ острова, отъ оконечности Дервиша до конца Копалчи; онѣ простираются также и по сѣверному берегу, впрочемъ отдаляясь здѣсь нѣсколько въ-середину острова. Юго-западная часть береговъ Челекени не имѣетъ такихъ глубокихъ песковъ.

Челекенъ ничего не производитъ: ни въ горахъ, ни на равнинахъ не видно зелени; природа мертва повсюду. На восточной сторонѣ острова примѣтны только въ иныхъ мѣстахъ растущія въ пескахъ мелкія деревья похожія на тальникъ, да на косяхъ Копалчи попадаются изрѣдка кусты жидовника.

По всему острову вообще свойство земли соленое; въ иныхъ мѣстахъ есть соленыя озера; изъ нихъ *Агаши-Баши*, лежащее въ восточной его части, доставляетъ обывателямъ матеріалъ для весьма значительнаго торга: они вывозятъ добываемую здѣсь соль въ прибрежныя провинціи Персіи.

Изъ горъ вытекають нѣсколько ручьевъ, которые теряются болѣею-частію въ пескахъ. Вода въ этихъ ручьяхъ соленая; нѣкоторые изъ нихъ текутъ съ черною нефтью и имѣють воду температурою отъ 29° до 39° Реом. По всему острову нѣтъ ни одного колодца съ прѣсною водою; та, которую жители употребляютъ для питья, не многимъ лучше морской. Дождевыя рѣчки, текущія иногда съ горъ, образуютъ рытвины, которыя запруживаются потомъ плотинами: вода добываемая изъ колодцевъ, вырытыхъ выше такихъ плотинъ, бываетъ нѣсколько лучше; но жители рѣдко рѣшаются и на этотъ малый трудъ, предпочитая ему употребленіе простой морской воды.

Туркменовъ, которые могутъ назваться постоянными обитателями Чалекени, живутъ здѣсь не болѣе какъ отъ 80 до 100 семействъ. Они не имѣютъ почти ни какого скотоводства, и держатъ всего нѣсколько тощихъ верблюдовъ, которые пасутся по бесплоднымъ степямъ острова; барановъ у нихъ тоже мало, а лошадей вовсе нѣтъ.

Главный и почти единственный промыселъ обитателей Чалекени состоитъ въ добываніи нефти и торговлѣ ею; нефть вывозится отсюда въ Персію около 100,000 пудовъ ежегодно; она вымѣнивается тамъ на пшеницу, сарацинское пшено и различныя матеріи для одежды. Произведеніе это добывается изъ колодцевъ, которыхъ, по словамъ Туркменовъ, считается на островѣ болѣе 3,000; изъ нихъ 1,500 принадлежатъ собственно семейству старшины Кіата. Средняя глубина колодцевъ — отъ 12 до 15 кулачей (маховыхъ сажень); глубочайшіе простираются до 35, а мелкіе — до $1\frac{1}{2}$ кулачей. Притокъ нефти различенъ и, кажется, соответствуетъ глубинѣ колодцевъ; обильнѣйшіе изъ нихъ даютъ до 10 тулуковъ (20 пудовъ) въ сутки; въ мелкихъ-же скопленіе нефти бываетъ столь медленно, что въ цѣлый мѣсяцъ не собирается болѣе одного пуда; среднюю добычею можно положить около одного тулука въ сутки. Нефть вычерпывается изъ колодцевъ кожаными мѣшками (бурдюками). Работа производится плѣнными Персіянами и покупаемыми у Персіянъ же Арабами, число коихъ однако незначительно. Нефть сохраняется въ ямахъ и подземныхъ амбарахъ, вмѣщающихъ отъ 100 до 500 тулуковъ каждый; главнѣйшій и изобильнѣйшій изъ этихъ амбаровъ и колодцевъ, по имени *Кара-Ситъ*, находится въ западной части острова.

Изъ разныхъ колодцевъ нефть получается не одинаковаго качества; Туркмены дѣлятъ ее на 4 сорта:

1) *Пирдъли* — чистая, свѣтлозеленая нефть; будучи смѣшана съ водою, горитъ весьма ясно.

2) *Яни-Тюфл* — качествомъ нѣсколько хуже первой.

3) *Карагуш*, или «черная нефть», — зеленовато-чернаго цвѣта, совершенно жидкая.

4. *Дазилъ* — имѣетъ всѣ свойства нефти, кромѣ жидкости; добывается въ твердомъ видѣ, чернаго цвѣта, и служитъ для освѣщенія; сдѣланныя изъ нея свѣчи горятъ очень ярко.

Къ этимъ отличіямъ должно еще прибавить : 5) сгустившуюся нефть, смѣшанную съ земляными частицами , которую называютъ здѣсь *катраномъ*, *киромъ* или *сомолю*, и 6) выбрасываемый морскими волнами *асфальтъ*.

Первые четыре сорта поступаютъ въ продажу; катранъ же употребляется для осмолки киржимовъ и лодокъ , также на изготовленіе факеловъ, очищаясь предварительно перетапливаніемъ.

Промыселъ этотъ могъ-бы усилиться еще болѣе, если-бы Туркмены не были такъ безпечны. Вырывая новые колодцы, они не обдѣлываютъ ихъ какъ слѣдуетъ, такъ-что края обваливаются. Весь хребетъ горъ, начиная отъ западной оконечности *Чохрака* до западнаго берега моря—нефтяннаго свойства; колодцевъ тутъ множество, и старыхъ и новыхъ.

Главные колодцы принадлежатъ тремъ хозяевамъ, и переходятъ изъ рода въ родъ. Собственность эта не утверждена никакими письменными свидѣтельствами; однѣ изустныя преданія, впрочемъ чрезвычайно уважаемыя у Туркменовъ, доставляютъ здѣсь потомкамъ безспорное право на владѣніе имуществомъ предковъ. Прочіе колодцы вырываются всякимъ желающимъ трудиться, безъ малѣйшаго воспрещенія съ чьей-либо стороны, ибо вся почти цѣпь горъ производитъ нефть.

Продажу нефти Туркмены производятъ сами, развозя оную на киржимахъ по Персидскимъ берегамъ, какъ то : въ Астрабадскій—Заливъ въ Мазандеранъ и Тункабинъ. Сбытъ и цѣны ея въ разныя времени года не одинаковы. Лѣтомъ привозъ менѣе и цѣны дешевле, потому-что одна только крайняя необходимость заставляетъ Туркменовъ отправляться тогда къ берегамъ, климатъ коихъ губеленъ для нихъ ; они спѣшатъ распродать товаръ и воротиться обратно какъ-можно скорѣе. А весною и осенью, въ бурное время этой части моря, они отправляются по нѣскольку киржимовъ и лодокъ вмѣстѣ, чтобы подать при случаѣ другъ-другу нужную помощь, и никогда не выпускаютъ береговъ изъ виду.

Туркменскій киржимъ поднимаетъ отъ 200 до 400 пудовъ, лодка — отъ 40 до 100 тулуковъ нефти ; среднимъ-числомъ можно положить по 300 тулуковъ на киржимъ и по 70 тулуковъ на лодку. Вотъ таблица приблизительнаго количества

нефти, вывозимой ежегодно въ Персію самими Туркменами:

въ АСТРАБАДСКІЙ-ЗАЛИВЪ.

ЛѢТОМЪ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
лодокъ	30	2,100	1	2,100
киржимовъ	10	3,000	1	3,000
весною, осенью и зимою:				
лодокъ	20	1,400	$1\frac{1}{4}$	1,750
киржимовъ	40	18,000	$1\frac{1}{8}$	22,500
всего	100	24,500	, ,	29,350

въ МАЗАНДЕРАНЪ и ТУНКАВИНЪ.

ЛѢТОМЪ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
лодокъ	40	2,800	1	2,800
киржимовъ	20	6,000	1	6,000
весною, осенью и зимою:				
лодокъ	20	1,400	$1\frac{1}{2}$	2,100
киржимовъ	110	33,000	$1\frac{1}{2}$	49,500
всего	190	43,200	, ,	60,400

Всего 67,700 тулуковъ, на сумму 89,750 реаловъ, или 135,400 пудовъ на 107,700 рублей асс. (принимая реалъ за 120 к. асс.), т. е. менѣе 80 к. асс. за пудъ нефти доставленной на мѣсто; между-тѣмъ-какъ въ Баку халваръ нефти продается по 7 рублей сер. или по 1 р. 26 к. асс. за пудъ, безъ перевозки *.

* Какъ свидѣнія эти сообщены намъ Туркменами, то быть-можетъ количество нефти, ежегодно вывозимое изъ Челекени, и преувеличено ими; во

Главная пристань обывательскихъ киржимовъ находится на южной сторонѣ острова; суда эти, при попутномъ вѣтрѣ, ходятъ очень скоро; но на веслахъ почти совсѣмъ не могутъ подвигаться; вмѣщаютъ они до 40 человекъ; на нихъ же перевозятъ Туркмены лошадей и верблюдовъ своихъ. Число киржимовъ вмѣющихся въ Челекени простирается до 50; сверхъ того приѣзжаютъ туда, для нефтянаго же промысла, киржимы изъ Гассанъ-Кули. Общее число всѣхъ судовъ принадлежащихъ Туркменамъ Челекени и Гассанъ-Кули простирается до 150 киржимовъ и лодокъ, не считая куласовъ. Лѣсъ для постройки этихъ судовъ получаютъ они изъ Персіи; на нихъ же производятъ они и набѣги свои въ Астрабадскій-Заливъ и другія прибрежныя провинціи края. Неожиданныя нападенія эти весьма беспокоятъ Персіянъ. Туркмены сажаютъ по пяти всадниковъ съ лошадьми на каждый киржимъ, и пристають къ берегамъ Персіи ночью; конные съѣзжаютъ за добычею и прежде разсвѣта возвращаются обратно на суда. Если-бы въ этихъ нападеніяхъ было болѣе единодушія, они могли-бы быть ужасны для Персіянъ; но и теперь они причиняютъ много вреда, тѣмъ-болѣе что слабое Персидское правительство не можетъ принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для отвращенія подобныхъ безпорядковъ въ земляхъ, которыя оно считаетъ своею собственностію **.

Главный старшина на Челекени Кіатъ, преслѣдуемый Персіянами, съ давняго времени уже поселился между жителями сего острова; бывши неоднократно въ Тифлисъ, и видѣвъ пользу образованія и общественнаго порядка, онъ старался обратить земляковъ своихъ къ трудолюбію, согласію и повиновенію одной власти, и успѣлъ кой-какъ въ своихъ намѣреніяхъ: жители Челекени, если не изъ страха, то изъ уваженія и привязанности, повинуются ему. Почтенный старикъ этотъ съ своими сыновьями Яхши и Хадыръ-Мамедомъ

всякомъ случаѣ, промыселъ этотъ долженъ доставлять жителямъ Челекени и Дарджи большія выгоды.

** Набѣги эти послѣ 1836 года усилились до того, что Персидское правительство (которое, по Туркменчайскому-Трактагу, не имѣетъ права держать судовъ на Каспійскомъ-Морѣ), принуждено было просить наше заштитить отъ нихъ Астрабадскій берегъ; въ-слѣдствіе чего въ Астрабадскомъ-Заливѣ находятся съ-тѣхъ-поръ два Русскіе брига.

въ-продолженіе двадцати лѣтъ не разъ доказалъ преданность свою нашему Правительству.

КРАСНОВОДСКАЯ КОСА.

Имѣеть въ-длинну около 28 верстъ, начиная отъ каменной горы *Кайната* до самой южной оконечности ея называемой *Алм-Сенери*. Направленіе ея отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Сѣверная часть косы имѣеть въ поперечникѣ 5 верстъ; на половинѣ длины своей она становится уже и имѣеть въ иныхъ мѣстахъ не болѣе 60 сажень ширины. Жители говорятъ, что при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ, морская вода переливается черезъ перешеекъ, называющійся *Кески*, въ *Балханскій-Заливъ*. Подъ-конецъ коса становится шире, и раздѣляясь на два мыса, образуетъ небольшой заливъ *Кизил-Су*, покойный для судовъ и имѣющій хорошія якорныя мѣста.

Весь западный берегъ косы, будучи открытъ, не представляетъ никакаго пристанища для судовъ; далѣе къ сѣверу онъ усѣянъ даже подводными камнями. При восточномъ берегу косы якорныя стоянки вездѣ хороши; но по-мѣрѣ приближенія къ югу, отдаляются отъ берега и наконецъ прерываются длинною подводною косою, тянущеюся отъ мыса *Порокли* далеко въ море. Коса эта исчезаетъ немного не доходя до косы *Копали*, идущей отъ острова Челекени, и кончается подводными островами, изъ коихъ нѣкоторые показываются изъ моря осенью и зимою во время маловодія.

Каменные горы, идущія по сѣверному берегу Балханскаго-Залива, пересѣкаются при началѣ Красноводской-Косы скалою *Кайната*; но отъ этого мѣста идутъ по Красноводской-Косѣ цѣпи пологихъ покатостей, кончающіяся посрединѣ ея взвышеніемъ *Кара-Баба*; къ югу отсюда западный берегъ покрытъ невысокими песчаными буграми; восточный-же весь состоитъ изъ ракуши.

На сѣверной половинѣ восточнаго берега косы, земля ничего не производитъ, кромѣ кустовъ жидовника; мѣстами можно найти хорошую глину весьма удобную для строеній; во-множествѣ находится также мягкій бѣлый песчаный камень

смѣшанный съ ракушею, который легко обдѣлывается: плиты всякаго вида и величины можно выскать изъ него почти безъ всякаго труда.

Южная половина Красноводской-Косы производитъ, на песчаныхъ буграхъ, высокую игловатую траву, которая растетъ кустами и можетъ замѣнять сѣно для лошадей; по низкимъ мѣстамъ видны камыши, но въ весьма маломъ количествѣ.

Съ сѣверной половины косы видно много солончаковъ и одно озеро съ хорошею солью розоваго цвѣта (отъ присутствія іодина), имѣющее около полуверсты въ поперечникѣ; прежде, когда русскія суда приходили на эти берега за солью, означенное озеро доставляло нѣкоторую пищу для промышленности обывателей; но нынѣ, какъ это запрещено, оно остается безъ разработки, удовлетворяя только собственнымъ ихъ малымъ потребностямъ.

По всей Красноводской-Косѣ нѣтъ ни одной рѣчки; прѣсная вода добывается здѣсь по нѣкоторымъ мѣстамъ только въ колодцахъ, преимущественно на западномъ берегу косы. При началѣ ея находятся издавна вырытые колодцы *Сегрешемъ*, около коихъ кочуютъ Туркмены; тутъ сѣютъ даже арбузы и дыни, и они очень хорошо принимаются. Отсюда къ сѣверу, по всему почти берегу моря до *Кара-Бугазскаго*-Пролива, особливо при урочищѣ *Дарта*, земля заключаетъ въ изобиліи настоящую прѣсную воду, лучшую чѣмъ въ колодцахъ *Сегрешемъ*, которая солоновата. Нѣсколько колодцевъ съ дурною водою встрѣчается также и на югъ отъ Сегрешема по берегу, именно противъ высоты *Кара-Баба*, находящейся на половинѣ косы. Далѣ къ югу также есть мѣста, гдѣ добывается изъ колодцевъ вода годная по-нуждѣ къ употребленію; на западной половинѣ оконечности косы есть мѣстность, гдѣ прѣсная вода имѣется на сплошномъ пространствѣ около версты въ-длину и 200 сажень въ-ширину; въ этомъ мѣстѣ почва состоитъ изъ ракуши, смѣшанной съ пескомъ; колодцы роютъ тутъ въ 3 аршина глубины; для добыванія-же воды изъ нихъ ставятъ въ ямы бочки съ выбитымъ дномъ, потому-что песокъ по рыхлости своей осыпается; свойства этой воды довольно странны: она становится горьковата если яму вырыть полуаршиномъ глубже горизонта воды, и если не вычерпывать скоро, то портится въ непродолжительномъ времени. Поэтому

должно думать, что вода здѣсь не природно-прѣсная, а морская, передѣлывающаяся въ прѣсную посредствомъ песка и ракушки; и что если-бы дѣлать въ колодцахъ срубы и вычерпывать изъ нихъ воду чаще, она была-бы еще лучше; впрочемъ, и теперь по-нуждѣ можно довольствоваться ею.

На этой оконечности косы кочевало прежде до 40 кибитокъ Туркменовъ разныхъ поколѣній, которые жили рыбною ловлею; въ концѣ 1821 года кочевье это удалилось отсюда и разбрелось по островамъ Балханскаго — Залива, чтобы быть въ безопасности отъ нападеній поколѣнія *Tene*.

У самой вершины малаго Красноводскаго-Залива, тамъ гдѣ соединяются двѣ косы, составляющія оконечность *Красноводской*, видны еще остатки укрѣпленія, построеннаго въ 1717 году Княземъ Бековичемъ. Мѣсто это въ 1764 году, когда обозрѣвалъ берега эти Инженеръ-Маіоръ Ладыженскій, залито было морскою водою; но мысъ, на которомъ добывается прѣсная вода, оставался наружи. Валъ и бастионы этого укрѣпленія обозначаются весьма-ясно, хотя и занесены ракушею; валъ имѣетъ болѣе аршина возвышенія надъ землею, а ширины — болѣе сажени. Ровъ заросъ мелкимъ камышемъ, въ которомъ гнѣздится множество змѣй. Все укрѣпленіе имѣло видъ криверка. На поверхности земли видно здѣсь еще много остатковъ, свидѣтельствующихъ о пребываніи Русскихъ, какъ то: обломки кирпичей, стекла, уголь и проч.; въ землѣ-же на кладбищѣ отрываются человѣческія кости, гробовыя доски, ржавыя желѣзныя вещи, ядра, кремни, мѣдныя пуговицы и проч. Передъ Укрѣпленіемъ находятся два озера, съ столчею морскою водою, тяжелыя испаренія коихъ заражаютъ воздухъ. Вода въ этихъ озерахъ покрыта у береговъ плесенью, и совершенно краснаго цвѣта, отъ присутствія водянисто-окисленнаго желѣза; тутъ-же есть въ одномъ мѣстѣ родникъ съ соленою водою, которая остается холодна въ самые жаркіе дни. Затѣмъ, къ помянутымъ озерамъ примыкаютъ еще остатки довольно-обширной пристройки, сдѣланной частію изъ твердаго чернаго камня (порфира), привезеннаго изъ Балкуинскихъ горъ: тутъ находилось русское кладбище. Укрѣпленіе было построено, какъ кажется, на 1,000 человекъ. Для этого числа людей и по малому времени, которое они тутъ находились, кладбище слишкомъ обширно и похороненныхъ

очень много, что ясно доказываетъ великую потерю въ людяхъ, претерпѣнную въ отрядѣ, который былъ тутъ расположенъ.

Климатъ въ этомъ мѣстѣ долженъ быть очень нездоровъ, какъ по-причинѣ вышеупомянутыхъ озеръ, такъ и отъ вѣтровъ, которые свободно дуютъ тутъ со всѣхъ сторонъ и бываютъ очень сильны. Жители Балханскаго-Залива вообще страдаютъ отъ глазной болѣзни; причина ея заключается, по-видимому, въ здѣшнихъ пескахъ, которые, взметаясь вѣтрами, затмѣваютъ воздухъ и проникаютъ всѣ предметы мелкою пылью. Лѣтомъ бываютъ здѣсь сильные жары, а зимою очень ощутительные холода: въ климатѣ умѣренности нѣтъ. Восточные берега Красноводской-Косы покрываются иногда льдомъ; но самый култукъ Красноводскій, или *Кызыл-Су*, никогда не замерзаетъ, и потому пристань эта, имѣющая порядочную глубину и закрытая почти со всѣхъ сторонъ, можетъ называться хорошею. Она имѣетъ болѣе полуторы версты въ-ширину, считая отъ оконечности *Али-Сенери* до оконечности *Порокли*, и столько же въ-длину. Близъ вершины ея есть нѣсколько подводныхъ откосковъ, которые опредѣлены промѣрами, также-какъ и подводная коса, тянущаяся отъ Порокли къ Челекени. Гребныя суда, плывущія въ Балханскій-Заливъ, могутъ переходить чрезъ эту подводную косу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ поглубже. Сообщение отсюда съ Балкунинскимъ ко-лодцемъ также довольно свободно: съ попутнымъ вѣтромъ гребныя суда могутъ въ одинъ день съѣздить туда и воротиться.

Звѣри, водящіеся на Красноводской-Косѣ, суть: волки, лисицы и зайцы; изъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ, есть разныхъ родовъ змѣи, изъ коихъ нѣкоторыя весьма опасны, и скорпионы съ тарантулами. И тѣ и другіе нерѣдко уязвляютъ здѣсь людей; но ядъ ихъ, хотя и производитъ сильную и продолжительную боль, смерти однакоже не наноситъ.

СЕВЕРНЫЙ ВЕРЕГЪ БАЛХАНСКАГО-ЗАЛИВА.

Состоитъ изъ горъ различныхъ свойствъ. Начало его, слѣдуя отъ запада къ востоку, у каменной (известковой) горы, называющейся *Кайната*; въ ней есть пещера неизвѣстно кѣмъ высѣченная; въ отверстіе ея можетъ войти только одинъ чело-

въхъ; внутри-же она имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ сажени глубины, сажень въ-ширину и столько же въ-вышину. За этою горою находится древнее кладбище Туркменовъ, весьма у нихъ уважаемое. Отсюда по всему берегу, болѣе-или-менѣе отдаляясь отъ моря, идутъ горы, простирающіеся до самыхъ Балханскихъ, отстоящихъ отъ Кайпаты, по направленію къ В. Ю. В., почти на 150 верстъ.

Въ 10 верстахъ отъ Кайпаты, каменные (известковые) горы прерываются при *Балхуи*. Вершины этой цѣпи имѣютъ разныя названія. У подошвы *Балхуи* есть нѣсколько колодезь съ прѣсною водою, которыми довольствуются всѣ окрестныя кочевья. Когда жителямъ Челекени, Дарджи и проч., надобно употребленіе морской воды, они приѣзжаютъ на своихъ лодкахъ къ Балхунскимъ колодезямъ; и здѣсь называютъ прѣсною, которую отвозятъ потомъ въ свои кочевья.

Балхунскія горы состоятъ, по развѣдкамъ Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, изъ варіолитъ-порфира, и всѣ вообще кремнистаго рода. Въ этихъ горахъ, недалеко отъ берега, есть родникъ хорошей прѣсной воды, названный Русскими *Моисеевымъ*. Жители называютъ его *Балхуи* («медовымъ-колодеземъ»); настоящее-же названіе колодезя, у подошвы горы лежащихъ, не *Балхуи*, а *Шахъ-Адамъ*. Вода въ нихъ можетъ назваться хорошею, хотя и имѣетъ нѣкоторую солоноватость. Главный колодезь даетъ отъ 10 до 12 сорокаведерныхъ бочекъ воды въ день. Моисеевъ-же родникъ не доставляетъ больше двухъ боченковъ въ день. Отъ Балхунской горы на востокъ примыкаетъ къ морю долина, имѣющая $1\frac{1}{2}$ версты въ-ширину. Западную окраину ея составляетъ упомянутая гора, съ восточной-же стороны означаетъ она высокимъ каменнымъ обрывомъ, кончающимся у моря угломъ, который называется *Ушамъ*; онъ имѣетъ около 100 сажень въ-вышину и видъ почти отвѣсной скалы. Отсюда на востокъ тянется эта скала на разстояніи 5 верстъ, гдѣ выдается въ море, на 3 версты, полуостровомъ, покрытымъ такими-же порфировыми горами, какъ и Балхунскій мысъ.

Горы эти называются *Уфракъ* и простираются отъ запада къ востоку на разстояніи 5 верстъ. Отъ сего мѣста свойство ихъ переменяется; онѣ тянутся вблизи берега, и послѣ 13 верстъ, кончаются высокимъ и крутымъ мысомъ, по-имени *Куба-*

Сенгирь. Высочайшая изъ горъ, находящихся въ цѣпи отъ Уфрака до Куба-Сенгира, называется *Кайли*; по скатамъ этихъ горъ, состоящихъ изъ песчаника, видны промѣины, произведенныя дождевою водою.

Степь находящаяся за этими горами возвышенна, хотя покатость на сѣверной сторонѣ ихъ и довольно значительна; на этой степи видна цѣпь горъ называемаяся *Кюрре*.

Глубина въ морѣ, начиная отъ Кайпаты по всему берегу до Куба-Сенгира, хорошая. Суда могутъ ложиться на якорь довольно близко къ берегу, кромѣ залива находящагося на восточной сторонѣ Уфрака. Здѣсь они не могутъ подходить къ берегу ближе двухъ верстъ; впрочемъ, грунтъ для якорной стоянки хорошъ повсюду.

Отъ мыса Куба-Сенгиръ, примѣтнаго со всѣхъ мѣстъ Балханскаго-Залива, берегъ поворачиваетъ нѣсколько къ сѣверу, и образуетъ большой заливъ, отъ береговъ котораго горы удаляются въ степь. Далѣе принимаетъ онъ направленіе къ В. Ю. В., и продолжившись въ немъ на большое разстояніе, огибаетъ съ сѣверной стороны длинный, узкій и мелкій заливъ, составляющій самое восточное углубленіе Балханскаго; поперечникъ его, имѣющій не болѣе 6 верстъ, кончается у сѣвернаго берега полуострова Дарджи. Въ этотъ заливъ изливалъ прежде воды свои *Оксусъ* Древнихъ, или нынѣшняя *Аму-Дарья*. На сѣверномъ берегу этого залива видны горы, изъ коихъ высочайшая называется *Борджаллы*. Онѣ соединяются съ Балханскими, лежащими за вершиною залива на востокъ. Жители говорятъ, что въ нихъ есть небольшіе родники съ хорошою прѣсною водою; верстахъ въ 30 отъ Куба-Сенгира, на востокъ, около берега, также есть колодець, воду коего, впрочемъ, могутъ пить только верблюды; онъ называется *Курдъ-Кухси*, или «Волчьимъ-Колодцемъ».

За мысомъ и горою Куба-Сенгиръ, глубины начинаютъ уменьшаться и становятся мельче, такъ—что большія суда должны останавливаться очень далеко отъ берега. Далѣе—же, подвигаясь къ самой вершинѣ Балханскаго-Залива, и гребныя суда останавливаются за мелководіемъ противъ горы Борджаллы, и даже плоскодонныя бударки (куласы) не могутъ подходить близко къ берегамъ. Дно въ этихъ мѣстахъ вязко и иловато, отчего сообщеніе съ берегомъ весьма трудно. Восточнѣе

сего, заливъ во многихъ мѣстахъ пересохъ, и кончается озеромъ соленой воды, къ которымъ вязкой грунтъ земли не позволяетъ подходить. Впрочемъ, мѣста эти приступны болѣе или-менѣ смотря по направленію вѣтровъ: восточный выгоняетъ воду изъ залива, а западный пригоняетъ ее туда.

Весь сѣверный берегъ Балханскаго-Залива не имѣетъ ни лѣсу, ни кустовъ, ни земли, ни воды (кромя вышеозначенныхъ колодцевъ Балкуи); но далѣе въ степи имѣются колодцы съ хорошею прѣсною водою.

Бѣдная страна эта была прежде населена многочисленнымъ поколѣніемъ Туркменовъ *Арз-Сары*. Въ 1819 году, во время поѣздки Муравьева въ Хиву, кочевало въ этомъ мѣстѣ около 1,000 семействъ Юмудовъ, искавшихъ подданства Россіи; но въ 1821 году, при вторичномъ посѣщеніи этой страны Муравьевымъ, не оставалось уже никого изъ нихъ. Боясь нападеній Туркменовъ *Текд* и *Гокланъ*, грабившихъ ихъ по приказаніямъ Хана Хивинскаго и Астрабадскаго Правителя, они удалились отъ этихъ мѣстъ: часть переселилась въ Хиву, а другая перешла къ границамъ Персіи и кочуетъ теперь на берегахъ рр. Атрека и Гюргени, производя частые набѣги на Персію. Въ 1836 году также не было найдено никакихъ жителей на описанномъ берегу.

Сухопутныя сообщенія по всему берегу этому затруднительны отъ безводія; настоящихъ дорогъ нѣтъ здѣсь, и только отъ Балкуинскихъ колодцевъ идетъ тропинка называющаяся «Хивинскою-Дорогою», по которой ходили прежде караваны; она поднимается верстахъ въ двухъ отъ моря на утесистую гору, окаймляющую съ восточной стороны Балкуинскую равнину, а тамъ идетъ степью на колодцы *Сюльменъ Сюйли* и *Туеръ*, въ близкомъ разстояніи отъ юговосточной оконечности Карабугазскаго-Залива.

Въ вышеописанныхъ горахъ водятся волки, лисицы, дикія козы (джейраны), а иногда бываютъ и барсы, заходящіе съ Балханскихъ-Горъ.

Вообще весь берегъ имѣетъ наружность дикую, неплодороденъ и не представляетъ никакого удобства для населенія. Кочевавшіе тутъ прежде Туркмены оживляли еще нѣсколько эти мѣста; теперь-же представляютъ они печальный видъ совершенной пустыни.

ОСТРОВЪ ДАГЪ-АДА.

Въ 20 верстахъ отъ мыса Куба-Сенгиръ на востокъ, и въ 4½ отъ сѣвернаго берега Балханскаго-Залива, лежитъ островъ *Дагъ-Ада*. Онъ имѣетъ около трехъ верстъ длины съ запада на востокъ, и около одной версты ширины съ сѣвера на югъ.

Островъ этотъ состоитъ изъ трехъ горъ, коихъ вершины и большую часть составляетъ известнякъ; да и повсюду здѣсь свойство земли также известковос. Прѣсной воды нѣтъ нигдѣ: въ копаняхъ, имѣющихъ до 4 сажень глубины, вода выступаетъ соленая. Южный берегъ покрытъ кустарникомъ, и доступъ до него, со стороны моря, неудобенъ, по-причинѣ мелководія и вязкаго грунта. Большія суда должны останавливаться въ 3 верстахъ отъ острова. Сѣверный берегъ каменистъ и представляетъ болѣе удобствъ: гребныя суда пристають къ нему вплотъ.

На этомъ безплодномъ островѣ теперь никто не живетъ; но прежде кочевало здѣсь нѣсколько семействъ Туркменовъ, укрывавшихся отъ нападенія сосѣдей; тутъ сидѣли они на берегу безъ воды и почти безъ пищи, ибо мало занимались рыбнымъ промысломъ. По словамъ Полковника Муравьева, въ 1821 году жило здѣсь всего пять семействъ, прикочевавшихъ изъ Красноводска; они имѣли при себѣ нѣсколько лодокъ, на которыхъ ѣздили изрѣдко въ Балкун за водою.

ПОЛУОСТРОВЪ ДАРДЖИ.

Полуостровъ этотъ очень обширенъ. Сѣверный берегъ его обозначаетъ узкую часть Балханскаго-Залива; къ сѣверовостоку граничитъ онъ съ лѣвымъ берегомъ русла древняго Оксуса; а къ западу выдается нѣсколькими мысами. Не доходя 20 верстъ до острова *Дагъ-Ада* отклоняется онъ на юго-западъ, и, между мысами *Атъ-Депесей* и *Чадыръ-Депесей*, образуетъ заливъ, при которомъ постоянно почти имѣется кочевье и пристань для киржимовъ жителей. Далѣе къ югу, берега Дарджи состоятъ изъ острововъ, которые отдѣляются отъ твердой земли мелкими рукавами. Острова эти принадлежатъ къ цѣпи песчаныхъ бугровъ, находящихся на юго-

восточной сторонѣ Челекени; острововъ этихъ множество; на нихъ нѣтъ ни прѣсной воды, ни растѣній, и вообще они не заслуживаютъ никакого вниманія. На этомъ южномъ берегу находятся также 4 залива: *Уркаги-Кызылымиш-Су*, *Иркек-Кызылымиш-Су*, *Кыска-Су* и *Узун-Су*. На востокъ полуостровъ отдѣляется отъ твердой земли руслами двухъ рукавовъ древняго Оксуса, изъ коихъ одинъ впадаетъ въ сѣверную, а другой въ южную часть Балханскаго - Залива. При раздвоеніи этихъ рукавовъ находится озеро *Баба - Коджаръ*, съ соленою водою; а посреди его есть островъ съ нефтяными ключами, дающій, по словамъ жителей, много нефти, но къ которому они не ѣздятъ по причинѣ мелководія и опасности подвергнуться нападенію враждебныхъ имъ поколѣній.

Сѣверо-западные берега Дарджи имѣютъ хорошія глубины, и представляютъ удобныя якорныя стоянки для большихъ судовъ очень близко къ берегамъ. О сѣверныхъ берегахъ было уже упомянуто при описаніи восточной части Балханскаго-Залива; мелководіе не позволяетъ здѣсь даже самымъ малымъ гребнымъ судамъ плыть вблизи отъ берега, а приставать къ нему почти вовсе невозможно, потому-что дно очень вязко.

При устьѣ древняго Оксуса, заливъ этотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересохъ; но съ Дарджи почти невозможно перенестись на сѣверный берегъ, за топкостью грунта; потому, позволительно сказать, что Дарджи въ этомъ мѣстѣ оканчивается лѣвымъ берегомъ бывшаго русла Оксуса.

Весь полуостровъ представляетъ печальное зрѣлище: безплодный край этотъ, на которомъ нѣтъ даже земли, покрытъ отчасти песками, отчасти солончаками, весьма трудно проходимыми въ дождливое время. Растительность самая жалкая: на сѣверномъ берегу и по берегамъ древняго Оксуса растутъ только мѣстами кусты жидовника. На степяхъ пасется довольно количество верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ жителямъ кочующимъ около моря, между мысами *Атъ* и *Чадыръ-Депеси*. Кочевья эти, изъ 40 кибитокъ, все почти поколѣнія *Шихъ*, принадлежатъ теперь старшинѣ Кіату, который живетъ лѣтомъ здѣсь, а зимою на Челекени.

Жители промышляютъ продажей нефти, которую они добываютъ на Челекени, равно-какъ и продажей соли. Озер-

ную самосадочную соль добываютъ они на томъ же островѣ и у себя на Дарджи; а въ урочищѣ *Гарлих*, на южномъ берегу Хивинскаго-Залива, добываютъ и каменную соль; ее вырубаютъ топорами въ видѣ правильныхъ четырехъ-угольныхъ кусковъ, называемыхъ по-мѣстному *кулюпами*, въ $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ каждый. Соль эта лежитъ горизонтальными пластами, толщиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 вершковъ, подъ легкими песчаными наносами. Толщина мѣсторожденія неизвѣстна; замѣчено только, что чѣмъ-глубже разработка, тѣмъ соль становится плотнѣе и прозрачнѣе. Длина и ширина мѣсторожденія, по словамъ жителей, необъятна. Изъ видѣнныхъ нами кулюповъ верхняго пласта, въ нѣкоторыхъ попадаются ужѣ гнѣзда прозрачной, безцвѣтной каменной соли, похожей на соль Илецкой-Защиты въ Оренбургскомъ-Краѣ. Соли этой развозятъ ежегодно Туркмены по сѣвернымъ областямъ Персїи болѣе 100,000 кулюповъ, или 150,000 пудовъ, продавая ее по $\frac{1}{2}$ реала (40 коп. асс.) за кулюпъ, всего на 40,500 руб. асс.; слѣдовательно, каждый пудъ соли съ доставкой въ Персїю обходится около 27 коп. асс. По разсказамъ Туркменовъ, Астраханскій купецъ персїянинъ Миръ-Багировъ, купилъ у нихъ въ 1835 году 70 киржимовъ, или болѣе 40,000 пудовъ каменной соли, для соленія рыбы, которую онъ свезъ потомъ въ Астрахань.

Жители Дарджи также ловятъ рыбу, но въ маломъ количествѣ; нѣкоторые ходятъ на охоту въ Балханскія-Горы. Общественныя должности ихъ состоятъ въ содержаніи караула близъ Актама (переправы чрезъ Оксусъ), и въ доставленіи прѣсной воды изъ Балкуинскихъ колодезевъ. Осенью многіе отправляются на лодкахъ для ловли птицъ, которыя покрываютъ тогда необозримыми стаями воды Балханскаго-Залива между Красноводскою-Косою и мысомъ Уфракъ. Охотники бьютъ ихъ палками и часто питаются однимъ ихъ мясомъ. Денегъ вообще бываетъ у Туркменовъ немного; нужныя имъ вещи вымѣниваютъ они большею-частью на нефть, верблюдовъ и барановъ. Послѣднихъ мало на Дарджи, и они очень худы, потому-что на всемъ полуостровѣ не имѣется пастбищныхъ мѣстъ; верблюды-же, довольствующіеся всякою пищею, могутъ держаться въ этихъ бесплодныхъ степяхъ; терпѣливое животное это составляетъ главную поддержку бытія лѣ-

живыхъ и безпечныхъ хозяевъ своихъ, которые безъ него не могли-бы существовать.

РУСЛО И УСТЬЕ ДРЕВНЯГО ОКСУСА.

Съ вершинъ *Дирели-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ Горъ, можно слѣдить глазами за старымъ русломъ Оксуса, которое извивается чрезъ степь и исчезаетъ за горою *Лалиба*; оно ясно обозначается среди степи; берега его имѣютъ вообще около 2 сажень вышины, параллельны и отстоятъ одинъ-отъ-другаго въ иныхъ мѣстахъ на-версту; тутъ становятся они возвышеннѣе. Слѣды этого русла видны вдоль всей Туркменской-Степи; мѣстными жителями называется оно *Уз-Бой* и *Огузъ*, тѣми самыми названіями, которое имѣетъ оно и при урочищѣ *Беш-Дишакъ*, что на двухъ-третяхъ дороги отъ Красноводска къ Хивѣ. Оно же соединяется съ соленымъ озеромъ *Баба-Коджаръ*, изъ котораго одинъ рукавъ его простирается къ сѣверу болѣе-чѣмъ на 30 верстъ, и впадаетъ въ Балханскій-Заливъ подъ названіемъ *Актама*; другой-же рукавъ, по имени *Аджаубъ*, идетъ изъ озера на юго-западъ, отъ 25 до 30 верстъ, и впадаетъ въ Хивинскій-Заливъ. Возлѣ Аджайба находится урочище *Кара-Баба*, весьма уважаемое Туркменами; здѣсь стоитъ, какъ говорятъ, старинная деревянная изба, построенная неизвѣстно кѣмъ, и которую никто не отваживается уничтожить.

Въ Актамѣ нѣтъ теченія, ибо устье занесено иломъ; вода въ немъ убавляется или прибавляется, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: съ востока или запада; русло Аджайба по-большей-части занесено песками. При урочищѣ *Актама* (бѣлая стѣна), у котораго Туркмены переправляются чрезъ рѣку, и по которому она получила нынѣшнее свое названіе, старое русло имѣетъ 150 саж. ширины; берега его состоятъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ; нынѣшнее русло имѣло въ 1836 году отъ 33 до 35 саж. ширины. Въ 1821 году Полковникъ Муравьевъ означилъ ширину рѣки двумя кольями: колья эти въ 1836 году найдены были на своихъ мѣстахъ. Глубина рѣки — около 2 саж.; но перемѣняется въ разныхъ мѣстахъ; при устьяхъ она весьма мелка; грунтъ вязкій, иловатый; а вода въ нынѣшнемъ Актамѣ такъ солона,

что даже верблюды не могут пить ее. На правомъ берегу, между высокими песчаными буграми, если рыть, показывается во многихъ мѣстахъ солоноватая вода, которую по большой нуждѣ можно пить. На лѣвой сторонѣ, противъ этой переправы, на бугрѣ изъ глины выстроена небольшая караульная башня, прозываемаяся *Кулеаръ-Сенгиръ*, а въ полуверстѣ далѣе къ сѣверо-западу, видно на вершинѣ бугра другое зданіе — родъ мечети, выстроенной изъ желтаго необожженного кирпича; куполъ ея выведенъ очень искусно, а полъ покрытъ большими плитами; внутри есть шесть надгробныхъ памятниковъ; на главномъ изъ нихъ накинаны рога аркара (горного барана), различные лоскутки, тряпки, обрывки матеріи и арабскія письма на клочкахъ бумаги. Строеніе это четырехугольное, съ нишами, имѣетъ двери, окна, около 4 саж. въ поперечникѣ, столько же въ вышину, и внутри выштукатурено. Жители называютъ его *Шихъ-Мустафа*, по имени одного святаго старца, весьма ими уважаемаго, который, по словамъ ихъ, похороненъ тутъ. Сюда ѣздить на богомолье и изъ другихъ мѣстъ. Около этой часовни видны развалины другихъ строеній и остатки земляныхъ стѣнъ.

Актамъ служитъ общему переправому для Туркменовъ, переходящихъ съ сѣвернаго берега залива на южный. Они обыкновенно переправляются сами на бурдюкахъ, пуская верблюдовъ своихъ вплавь. Мѣсто это почитается у нихъ однимъ изъ опасѣйшихъ, ибо хищники свободно могутъ пробираться къ переправѣ съ обѣихъ ея сторонъ, укрываясь съ сѣвернаго берега — за песчаными буграми, а съ южнаго — въ рывинахъ и ущельяхъ отдаленнаго берега рѣки.

Въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ выше переправы, на правомъ берегу находится колодезь *Молла-Кара-Кюсы*, съ соленою водою, годною для верблюдовъ; а нѣсколько верстѣ выше — колодезь *Кара-Акталы*, въ которомъ вода менѣе солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно пить ее и людямъ.

Что касается до прежняго впаденія Оксуса въ Каспійское-Море, то какъ самый очеркъ Балханскаго-Залива, такъ равно и составъ морскаго дна въ ономъ, подтверждаютъ эту гипотезу, если и не принимать даже въ разсужденіе разсказовъ и преданій объ этомъ у Туркменовъ. Всѣ они единогласно говорятъ, что *Аму-Деря* текла прежде отъ Хивы сюда; что

Хивинскіе владѣльцы брали 70,000 тилла (350,000 руб. асс.) откупа за рыболовство въ ея устьяхъ; и что отсюда проведено было множество водопроводовъ, коими орошались богатые заѣзвы сарацинскаго ишена. Они же, и въ 1836 году, неоднократно подтверждали, что одинъ рукавъ нынѣшней Аму-Деры съ недавняго времени взялъ направленіе къ западу, въ старое русло, пролился въ Туркменскую-Степь на 5 дней ѣзды отъ Хивы, и остановился при урочищѣ *Чахаръ-Саха-Кумъ*. Можетъ быть со-временемъ рѣка эта сама откроетъ себѣ старыи путь, если нѣтъ къ тому естественной препоны.*

БАЛХАНСКІЯ-ГОРЫ.

Балханскія (отъ слова *балъ*, «медъ»), или, какъ Русскіе ихъ называютъ, Балканскія-Горы, видны въ ясный день съ Красноводской-Косы и даже съ юго-западной стороны о. Челекени. Самый кряжъ имѣетъ видъ продолговатой кровли; правая, или южная, ея сторона ниже лѣвой и называется *Лалба*; лѣвая-же, или сѣверная, оконечность носитъ имя *Дирели-Дагъ*; вершины сей-последней горы, поднимающіяся около 500 саж. надъ поверхностію Каспійскаго-Моря, почитаются высочайшими точками въ цѣломъ хребтѣ.

Дирели-Дагъ есть сѣверо-западная оконечность Балханскаго-кряжа, который къ Ю. Ю. З. простирается на день ѣзды и оканчивается вышеупомянутою горою *Лалба*, имѣющею фигуру конуса, съ широкимъ основаніемъ. Къ В. Ю. В. кряжъ тянется на два дня ѣзды. Сѣверная и западная покатости этого кряжа состоятъ изъ обрывистыхъ, почти голыхъ скалъ, между коими находятся весьма крутыя ущелья; каждая отдѣльная гора имѣетъ свое названіе. Изъ отраслей Балхана, называющаяся *Шахъ-Кум-Бурукъ* отдѣляется съ западной покатости кряжа въ направленіи къ сѣверо-западу. Ущельями этой

* Строки эти писаны были въ 1836 году. Съ-тѣхъ поръ офицеры наши неоднократно были въ Хивѣ, именно: Штабсъ-Капитанъ Никифоровъ съ двумя топографами — въ 1841 году, и Подполковникъ Данилевскій съ двумя же топографами — въ 1842 году. Въ-слѣдствіе этого большая часть Хивинскаго Ханства была снята, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и русло Аму-Деры съ отводными канавами ея внутри земель хивинскихъ.

отрасли поѣхали офицеры, посланные Полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году; вершины-же самаго Балхана они не достигли. Затѣмъ, отъ Диремъ-Дага, прямо къ сѣверу и почти параллельно съ нимъ, тянется цѣпь *Уланъ-Даги*, замѣтная по четыремъ сопкамъ изъ нея выдающимся. Цѣпь эта описывается полукругъ къ юго-востоку и за горою *Потма-Даги* соединяется съ главнымъ кряжемъ Балхана; се пересѣкаютъ нѣсколько ущельевъ: *Кари-Гадиги*, *Каралли-Гадиги* (*гадиги*, значитъ «ворота») и другія, чрезъ которыя пролегаютъ караванныя дороги внутрь степи и въ Хиву. Къ сѣверо-западу отъ Диремъ-Дага, цѣпь горъ называемая *Хоша-Сюри*, тянется вдоль сѣвернаго берега Балханскаго-Залива и исчезаетъ въ степи. Возвышающіяся изъ нея двѣ сопки *Акъ-Манъ* также ясно видимы съ береговъ Актама и со-стороны Дарджи. Наконецъ, хребетъ называемый *Малый Балханъ* лежитъ отъ Диремъ-Дага къ юго-востоку, отдѣльно и въ довольно дальнемъ разстояніи отъ сего-послѣдняго.

Балханскія-Горы почти совершенно безплодны. По ущельямъ и покатостямъ ихъ растетъ можжевельное дерево (тогда-какъ въ другихъ странахъ оно является только въ видѣ кустарника) и кустарники черешни, смоквы и барбариса; а на самыхъ горахъ малыми кустарниками прозябаетъ *Astragalus*. Можжевельное дерево встрѣчается въ довольно-большомъ количествѣ; но, по недостатку надлежащей толщины, оно все негодно къ употребленію для построекъ; да если-бы находился тамъ даже и строевой лѣсъ, такъ никакими средствами не возможно было-бы доставить его оттуда въ долину, по-причинѣ недоступности горъ. Въ ущельяхъ Балхана, возлѣ родниковъ, находится также растѣніе, дающее извѣстную смолу *Gummi Galbanum*, которая продавалась прежде въ Россіи довольно-дорого; растѣніе это прозябаетъ обыкновенно только въ жаркихъ странахъ. Родниковъ, впрочемъ, немного, и воды въ нихъ не очень обильно. Что касается до металловъ, то, по изысканіямъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, и слѣдовъ ихъ тамъ нѣтъ: ядро горъ состоитъ все изъ раковистаго известняка и песчаника, въ которыхъ никогда руды находится не могутъ. Вообще весь край этотъ не представляетъ никакихъ выгодъ, и природа здѣсь мертва и безплодна.

Вотъ описаніе дороги къ вершинамъ Диремъ-Дага. Отъ переправы при Актамъ первыя полторы версты дорога идетъ по песчанымъ буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ древняго Оксуса. Направленіе дороги къ сѣверо-востоку. Потомъ пролегаетъ она чрезъ огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ; здѣсь, по-видимому, было въ древнѣйшее время корыто Оксуса. Равнина эта нечувствительною отлогостью поднимается до самой подошвы горъ; восточная часть ея покрыта камнями, количество и объемъ конхъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ. Она изборождена также многими сухими руслами потоковъ дождевой воды. Пройдя 12 верстъ по этой равнинѣ, дорога входитъ въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ протоковъ, а чрезъ 5 верстъ поворачиваетъ круто направо и по покатостямъ горъ выходитъ въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей находится между камышемъ родникъ *Ядыхль-Чешмесы*, съ отличною холодною водою. Отсюда дорога продолжается вверхъ по этой долинѣ къ юго-востоку, и на протяженіи 5 верстъ поднимается отлогостью до родника *Меуламъ-Кель-Чешмесы*, который даетъ воду хорошую, но въ небольшомъ количествѣ, и также окруженъ камышемъ. Отъ этого родника дорога, или, лучше сказать, тропинка идетъ въ направленіи къ востоку по ущельямъ, по рывтинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ, до родника *Тарава-Чешмесы*, окруженнаго можжевельными деревьями и смоковичными и черешнёвыми кустарниками (5 верстъ). Отсюда по крутымъ подъемамъ на пространствахъ 3 верстъ, тропинка приводитъ къ самой подошвѣ ядра Балхановъ, гдѣ поднимается по узкому ущелью, называемому Туркменами *Эшекъ-Юлз* и имѣющему болѣе 50° паденія; грунтъ состоитъ тутъ изъ сыпучихъ, мелкихъ, острыхъ известковыхъ камней, подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*, такъ-что нога никонимъ образомъ не можетъ ступать твердо. Не доходя до вершины этого ущелья, на лѣвой сторонѣ его встрѣчаешь незначительный родникъ *Эшекъ-Юлз-Чешмесы*, спрятанный такъ-сказать подъ сводомъ огромной известковой скалы; вода въ немъ въ маломъ количествѣ, но весьма холодная (6° Реомюра). Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельѣ, и окруженъ высокими

перпендикулярными и почти голыми скалами, по трещинахъ коихъ разбросано лишь нѣсколько можжевельныхъ деревьевъ и кустарниковъ барбариса. Вершина ущелья *Әшек-Юл* находится въ узкой долинѣ, окруженной высокими горами. Оттуда дорога, въ направленіи къ западу, ведетъ по ущельямъ и крутымъ подъемамъ до самой вершины Диремъ-Дага, съ которой можно обозрѣть огромное пространство степи. — Для вѣщей полноты представленнаго описанія Балханскихъ-Горъ, прилагаются при семъ слѣдующія замѣчанія, сдѣланныя Полковникомъ Муравьевымъ и его офицерами въ 1821 году, при поѣздкѣ сихъ-послѣднихъ въ горы *Шах-Кули-Бурукъ*.

«По переправѣ у *Актама* чрезъ *Оксузъ* путь къ Балхану идетъ около версты вверхъ, берегомъ рѣки, покрытымъ камышамъ въ ростъ человѣка; потомъ встрѣчаются, по направленію *O ten S*, сыпучіе песчаные курганы, занимающіе разстояніе 7 верстъ. За ними представляется обширная долина, усыпанная кустарниками, и имѣющая ровную къ востоку покатость, измытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дождевыми потоками; тутъ почва земли становится тверже, и видно много кустовъ сухой желтой травы, вышиною въ человѣческой ростъ. Пройдя 6 верстъ симъ мѣстомъ, дорога примѣтно начинаетъ подниматься по другой такой же равнинѣ, возвышающейся къ востоку по горамъ постепенно верстъ на 10. Здѣсь, между кустами сухой, желтой травы, видна изрѣдка мята съ маленькими фіолетовыми цвѣтами, и еще другая трава, растущая безъ листьевъ, кустами, въ видѣ прутьевъ, издающихъ сильный и пріятный запахъ; вкусомъ она горька и похожа на полынь.

«Вся долина, возвышаясь до самыхъ горъ, имѣетъ много рытвинъ отъ дождевой воды, и всѣ онѣ идутъ по направленію къ Ю. Ю. З. Прощедши отъ *Актама* вышеописанныя 22 версты, путешественникъ входитъ въ большое ущелье, заключающееся высокимъ и длиннымъ обрывомъ, въ самой глубинѣ коего находится колодезь *Беуръ-Куи-Гассани-Куи*; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, малыми гладкими возвышеніями, которыя покрыты травами; среди ихъ, къ югу идетъ небольшое ущелье, которымъ, по словамъ Туркменовъ, можно подняться на самый верхъ Балхана. Вода въ этомъ колодезѣ холодная и прѣсная, самого лучшаго вкуса.

Около него растутъ нѣсколько кустовъ смоовичныхъ деревьевъ посохшихъ отъ жару; мѣсто это можетъ почестъся самымъ лучшимъ во всей Туркменіи. Колодецъ не имѣетъ болѣе сажени глубины, но даетъ много воды; по окрестному около него мѣстоположенію, можно полагать, что во всѣхъ копаняхъ будетъ показываться хорошая прѣсная вода.

«Отъ этого мѣста подъемъ на Балханъ идетъ по крутымъ скаламъ; тутъ начинаютъ показываться въ ущельяхъ можжевельныя деревья. Выше, лѣсъ этотъ становится чаще, такъ-что деревья растутъ въ 20 и 30 саженьяхъ одно-отъ-другаго; онѣ облечены толстою корою и имѣютъ до полуаршина въ поперечникѣ; въ вышину-же нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ до 6 и 7 сажень; сучья ихъ издають запахъ кипариса. Источниковъ по всему подъему не имѣется, и хотя мѣсто сіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому-что во всей прибрежной Туркменіи нѣтъ почти нигдѣ ни хорошей воды, ни большихъ можжевельныхъ кустовъ, однако оно весьма далеко отъ того понятія, которое даютъ объ немъ Туркмены, не выдавшие ничего лучшаго. Они говорили, что источники на этихъ горахъ встрѣчаются на каждомъ шагу, а самыя горы покрыты высокимъ строевымъ лѣсомъ и изобилуютъ всякаго рода растѣніями.

«Цѣни горъ, лежащія на востокѣ отъ первой Балханской горы, но-видимому должны быть точно такихъ же свойствъ, какъ и вышеописанная гора; онѣ простираются далеко въ степь. Можно полагать, что первая гора, о которой здѣсь говорено, имѣетъ 300 сажень вышины, считая отъ колодца, до коего мѣстоположеніе отъ Актама уже примѣтно возвышается.

«Съ этой вершины ясно видны рукава Оксуса и соленое озеро, отъ котораго они раздѣляются. У подошвы ея идутъ дороги изъ *Астрабада* и изъ владѣній *Техъ*. Когда берега Балханскаго-Залива были болѣе населены кочевьями, то этими мѣстами часто ходили торговые караваны; нынѣ-же они служатъ путями хищникамъ.

«На Балханѣ паслись прежде конскіе табуны Туркменовъ; но по этому еще не должно заключать о богатыхъ пастбищахъ страны: лошади туркменскія пасутся и въ безплодныхъ степяхъ, и питаются почти тѣмъ же, чѣмъ и верблюды. Отличная порода туркменскихъ жеребцовъ не имѣетъ быть-можетъ

подобной себѣ въ свѣтѣ; они соединяютъ въ себѣ силу съ красотою, проворство съ терпѣніемъ, пробѣгаютъ ужасныя безводныя степи, проводятъ по двое и по трое сутокъ безъ воды, и довольствуются самою бѣдною пищею. Можно сказать, что созданіе это самое благородное во всей Туркменіи. Оно во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе людей этой страны, разумѣется говоря о нихъ вообще.

«Туркмены не живутъ сами въ Балханскихъ-Горахъ. До 1820 года укрывался въ нихъ многіе годы одинъ старикъ съ двумя сыновьями, славившійся разбоями. Боясь мщенія отъ своихъ соотчичей, онъ не смѣлъ показаться въ ихъ кочевья и жилъ одною ловлею. Потомъ онъ оставилъ горы и переселился въ Хиву.

«Туркмены, любящіе украшать старинныя преданія баснословными разсказами, разсказываютъ много чудесъ объ этихъ горахъ, о развалинахъ городовъ имѣющихся въ нихъ, о крѣпостяхъ и славныхъ чародѣяхъ жившихъ въ этихъ скалахъ. При такихъ разсказахъ принимаютъ они таинственный видъ, возбуждающій любопытство путника.

«Горы эти, когда текла между ними рѣка Оксусъ, были вѣроятно населены; въ нынѣшнемъ состояніи своемъ не заслуживаютъ онѣ большаго вниманія, тѣмъ-болѣе что доступъ до нихъ очень затруднителенъ, по-причинѣ безводія. Они простираются довольно далеко въ степь; восточная оконечность ихъ не обследована, и обследованіе это сопряжено съ большими затрудненіями. Жители, увеличивая все, разсказываютъ многое объ этихъ мѣстахъ; но судя о нихъ по видѣнному, не должно полагаться на слова ихъ, причиною коимъ служить между прочимъ и желаніе ихъ видѣть насъ поселившимися въ ихъ землѣ.»

ЗАЛИВЪ КАРА-БУГАЗЪ.

Отъ Красноводской-Косы къ сѣверу, начиная съ колодца *Сегрешилъ*, восточный берегъ Каспійскаго-Моря не представляетъ ни одного замѣчательнаго мѣста до самаго Кара-Бугаза. Между этими пунктами находятся: колодець *Чай-Бурунъ*, мысы *Дарта* и *Акъ-Сенгиръ*, колодцы *Кіапы* и *Кендерми*, русло

бывшей рѣчки *Кули*, и проч. При нихъ живутъ Туркмены Юмудскаго колѣна, занимающіеся рыбною ловлею и скотоводствомъ.

Кара-Богазъ, или *Кара-Бугазъ* (черное горло), посѣщенъ въ первый разъ въ 1836 году экспедиціею Карелина. Соймоновъ, ровно 110 лѣтъ тому назадъ (въ 1726), посѣтилъ берега эти, но опасныя якорныя стоянки и подводные камни пугали его и экипажъ, и онъ не отважился войти въ самый заливъ. Послѣ покушенія этого опытнаго и смѣлаго мореплавателя, никто изъ Русскихъ не рѣшался посѣтить этого залива, и, какъ сказано, совершить предпріятіе это съ успѣхомъ удалось только помянутой экспедиціи.

Кара-Бугазъ соединяется съ Каспійскимъ-Моремъ посредствомъ канала, или прохода, имѣющаго $1\frac{1}{2}$ версты въ-длину отъ юга къ сѣверу, отъ 110 до 120 сажень ширины и 3 сажени глубины посредиѣ; скорость теченія изъ моря въ заливъ, около $3\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ. Берега залива весьма низки и почти безплодны: ясно видно, что въ древнее время покрыты они были моремъ. Самый заливъ при началѣ своимъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ отмели, но далѣе глубина его довольно-значительна. Западный берегъ Кара-Бугаза низокъ; вдоль его тянутся песчаные бугры, покрытые кустарниками гребенчика. Далѣе къ сѣверу бугры эти возвышаются болѣе и соединяются наконецъ съ *Усть-Уртоли*. Начало залива отдѣляется отъ Каспійскаго-Моря узкою косою, ширина которой въ иныхъ мѣстахъ не болѣе версты.

Заливъ Кара-Бугазскій огроменъ; по словамъ Туркменовъ, онъ имѣетъ около 150 верстъ въ-длину отъ юга къ сѣверо-западу и болѣе 200 верстъ отъ запада къ востоку. Слѣдовательно, поверхность его заключаетъ въ себѣ болѣе 25,000 кв. верстъ, и величиною уступаетъ онъ только Аральскому-Морю. Озеро *Кули-Деря*, или *Аджи-Куюси*, видѣнное Муравьевымъ въ 1819 году, на пути его въ Хиву, въ разстояніи около 220 верстъ къ сѣверо-востоку отъ колодезь *Бамуи* въ Балханскомъ-Заливѣ, и соединяющееся, по словамъ Туркменовъ, съ Кара-Бугазомъ, есть безъ-сомнѣнія юго-восточная оконечность сего залива. Не безъ вѣроятности также и то, что въ прежнее время одинъ изъ рукавовъ *Аму-Дерги* впадалъ въ озеро *Кули-Деря* съ сѣверо-восточной его стороны; съ восточной, это было невозможно,

нбо тамъ тянется, отъ юга на сѣверъ, цѣнь горъ *Сара-Баба*, чрезъ которую Муравьевъ проѣхалъ въ 1819 году и описываетъ довольно подробно.

Кара-Бугазъ не заслуживаетъ большаго вниманія; море возлѣ пролива имѣетъ каменистые и такіе неровные грунты, что глубина переходитъ вдругъ съ 8 на 3 и потомъ до 2 и $1\frac{1}{2}$ саж. Входъ отъ пролива въ самый заливъ такъ мелокъ, что доступенъ для однихъ только гребныхъ судовъ. Якорная стоянка противъ залива самая опасная, и потому невозможно производить здѣсь никакой торговли. Вода въ немъ такъ солона и горька, что рыбы не водятся внутри залива, и даже водяныя птицы, находящіяся около пролива въ большомъ количествѣ, исчезаютъ далѣе внутрь залива. Жители увѣряютъ, что вышеупомянутое озеро *Куми-Деря* поглощаетъ воду Каспійскаго-Моря, потому-что теченіе онаго въ Кара-Бугазъ довольно сильно; достовѣрность послѣдняго обстоятельства не подвержена сомнѣнію, но я думаю, что причиною тому испареніе воды и всасываніе оной окружающими заливъ песками. Проливъ, въ который упомянутой экспедиціи удалось войти первой, названъ былъ ею, въ честь начальника своего, *Проливомъ-Карелина*.

При началѣ Кара-Бугаза кочуютъ послѣдніе Юмуды поколѣнія *Дервишъ*; они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ; число ихъ кибитокъ не болѣе 50; они живутъ смирно и пользуются уваженіемъ отъ другихъ туркменскихъ поколѣній. Далѣе къ сѣверу кочуютъ поколѣнія *Идыръ* и *Эрзари*. *

ЗАЛИВЪ КЕНДЕРЛИНСКІЙ.*

Отъ Кара-Бугазскаго-Залива восточный берегъ Каспійскаго-Моря тянется прямо къ сѣверу съ нѣкоторыми уклоненіями

* Для пополненія представленнаго здѣсь описанія *Кара-Бугазскаго-Залива* могутъ служить отчасти извѣстія объ немъ, извлеченныя изъ путешествія по Каспійскому-Морю въ 1726 году Ф. И. Соѣмонова, и помѣщенныя Академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ изданномъ имъ «Описаніи Каспійскаго-Моря». Сиб. 1763. Стр. 210—213.

* Какъ противные вѣтры воспрепятствовали Карелинской экспедиціи войти въ этотъ заливъ, то предлагаемое описаніе его взято мною изъ другихъ источниковъ и между прочими изъ карты Колодкина.

на сѣверо-западъ. На пути къ Кондерлинскому-Заливу находятся мысы: *Уголь-Камель*, *Телмир-Баба* и *Хомъ-Аджи*; море возлѣ этихъ обрывистыхъ береговъ весьма глубоко, а подводные камни дѣлають плаваніе около нихъ весьма опаснымъ, особливо между *Уголь-Камель* и *Телмир-Бабой*.

Кендерлинскій-Заливъ образуется съ одной стороны матерымъ берегомъ, углубляющимся здѣсь къ востоку и потомъ круто поворачивающимъ къ западу, а съ другой — косою *Агисъ-Ади*, отходящею отъ материка прямо къ сѣверо-западу, на протяженіи 25 верстъ. Входъ въ заливъ довольно широкъ, до 4 верстъ, а фарватеръ имѣетъ отъ 3 до 6 сажень глубины. Самый заливъ довольно обширенъ, простираясь на 24 версты отъ юга къ сѣверу и на 16 верстъ отъ востока къ западу; глубина въ ономъ отъ 2 до 6 сажень. Грунтъ — илъ и сѣрый песокъ. Оتمели находятся возлѣ береговъ, особливо къ сѣверо-востоку внутри залива. Коса *Агисъ-Ади* была прежде островомъ, но теперь соединяется съ матерымъ берегомъ. Якорная стоянка въ этомъ заливѣ весьма покойна; но чтобъ войти или выйти изъ него, нужны особенные попутные вѣтры. Окрестности залива безплодны и почти необитаемы; глѣтомъ кочуетъ вокругъ него нѣсколько кибитокъ Туркменовъ колѣна *Иедырь*.

Отъ Кендерлинскаго - Залива до мыса *Ракушечнаго* берегъ тянется къ западу; не доходя до послѣдняго находится другой мысъ — *Токмакъ*; отъ Ракушечнаго-же Мыса поворачиваетъ берегъ къ сѣверо-западу до залива *Александръ-Бай*. Повсюду здѣсь имѣетъ онъ одинакій видъ: обрывистъ и безплоденъ; море возлѣ него довольно-глубоко.

АЛЕКСАНДРЪ-БАЙ И БЕКТЕМИРЪ-ИШАНЪ.

Александръ-Бай имѣетъ почти фигуру подковы: при началѣ своемъ простирается на 20 верстъ отъ востока къ западу тогда-какъ длина его отъ юга къ сѣверу всего 10 верстъ. При сѣверной оконечности своей соединенъ онъ съ другимъ заливомъ, *Бектемиръ-Ишанъ*, посредствомъ пролива. *Бектемиръ-Ишанъ* довольно обширенъ и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ бухтъ; самая большая изъ нихъ — сѣверная. Якорная стоян-

на въ этомъ заливѣ была-бы весьма покойна, если-бы суда могли проходить черезъ отмель, находящуюся при входѣ въ него; впрочемъ, онъ не представляетъ никакихъ выгодъ, равно-какъ и *Александръ-Бай*, по немнѣню тамъ ни дровъ, ни прѣсной воды. Послѣдній заливъ закрытъ ото всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ; глубина въ немъ измѣняется отъ $2\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ сажень; грунтъ—сѣрый песокъ, но часто и каменистый.

Фигура Бектемиръ-Ишана совершенно другая, чѣмъ какую имѣеть онъ на картѣ Колодкина.

БЕРЕГЪ ОТЪ АЛЕКСАНДРЪ-БАЯ ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА.

На юго-западной оконечности залива Александръ-Бай находится Уголъ-*Песчаный*. Здѣсь берегъ круто поворачиваетъ къ сѣверу и потомъ къ сѣверо-западу, которое направленіе и сохраняетъ почти до мыса *Тюкъ-Караганъ*, не доходя до котораго обращается опять къ сѣверу. На этомъ пространствѣ, берегъ крутъ, обрывистъ и не представляетъ никакихъ мѣстъ достойныхъ вниманія. Углы *Мыловой* и *Притунъ*, находящіеся между вышеупомянутыми мѣстами, суть голыя, обрывистыя скалы, выдающіяся въ море. Около перваго кочуютъ Туркмены поколѣнія Абдалъ.

РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ ПУНКТАМИ БЕРЕГА ОТЪ ТЮКЪ-КАРАГАНА ДО АСТРАВАДСКАГО-ЗАЛИВА.

	верстъ.
Отъ мыса <i>Тюкъ-Карагана</i> до <i>Песчаного-Угла</i>	175
— <i>Песчаного-Угла</i> до <i>Кендерлинскаго-Залива</i>	125
— <i>Залива-Кендерлинскаго</i> до входа въ <i>Кара-Бугазъ</i>	180

* *Александръ-Бай* и *Бектемиръ-Ишанъ* посѣщены были въ 1846 году Подполковникомъ Генеральнаго-Штаба Ивановичемъ, который снялъ и описалъ окрестности обоихъ.

* Противные вѣтры воспрепятствовали Экспедиціи 1836 года пройти мысъ *Тюкъ-Караганъ*; послѣ того былъ онъ описанъ въ 1839 году Капитаномъ Генеральнаго-Штаба Ширковымъ, довольно подробно и снятъ на планъ; а въ 1844 году вторично снятъ и описанъ Подполковникомъ Матвѣевымъ.

	верст.
Отъ <i>Кара-Бугаза</i> до конца <i>Красноводской</i> Косы . . .	150
— <i>Красноводской</i> Косы до конца полуострова <i>Дервиша</i> . . .	40
— <i>Дервиша</i> до <i>Зеленаго-Бугра</i>	105
— <i>Зеленаго-Бугра</i> до <i>Благо-Бугра</i>	30
— <i>Благо-Бугра</i> до <i>Гассанъ-Кули</i>	25
— <i>Гассанъ-Кули</i> до <i>Серебрянаго-Бугра</i>	40
— <i>Серебрянаго-Бугра</i> до устья р. <i>Кара-Су</i>	30
<hr/>	
всего	900

**АСТРОНОМИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ВЪ 1836 ГОДУ ПУНКТЫ
ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ.**

	широта.
1. <i>Астрабадскій-Заливъ</i> — при устьѣ рѣчки <i>Багу</i> (10 іюля)	36° 46' 48'', 6.
2. <i>Гассанъ-Кули</i> (средній выводъ изъ пяти наблюдений: 19, 20, 21, 25 и 27 іюля)	37° 23' 15'', 3.
3. Островъ - <i>Огуринскій</i> (средній выводъ изъ трехъ наблюдений: 17, 18 и 19 августа) — по серединѣ и на восточномъ берегу	38° 56' 30'', 4.
— по другому наблюдению (15 августа) въ 5 верстахъ отъ сѣверной оконечности и на восточномъ же берегу	39° 5' 4'', 9.
4. <i>Балханскій-Заливъ</i> — восточные колодцы <i>Балжуи</i> (3 сентября)	39° 59' 33'', 7.
5. <i>Балханскія-Горы</i> — родникъ <i>Ядыхляръ-Чешмесы</i> (10 сентября)	40° 14' 1'', 3.
— юго-западная вершина <i>Дирели-Дага</i> (12 сентября)	40° 9' 58'', 3.
6. <i>Кара-Бугазъ</i> — на западной сторонѣ Пролива- <i>Карелина</i> (средній выводъ изъ двухъ наблюдений: 30 сентября и 1 октября)	41° 4' 13'', 1.
7. <i>Александръ-Бай</i> — входъ въ <i>Бектешир-Ишакъ</i> (4 октября)	43° 10' 1'', 9.
8. <i>Астраханскій-Карантинъ</i> (19 октября)	45° 41' 11'', 1.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПРИВРЕЖНЫХЪ ТУРМЕНСКИХЪ
ПОКОЛѢНІЯХЪ СО ВРЕМЕНИ ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ СНОШЕНІЯ
СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.***

Народъ Туркменскій былъ нѣкогда весьма многочисленъ и кочевалъ весь въ степяхъ Мангышлакскихъ и вдоль восточнаго берега Каспійскаго-Моря; но въ-послѣдствіи времени онъ раздѣлился, и частію перекочевалъ къ Хивѣ, частію въ Бухарію и даже въ Хорасанъ. Тѣ изъ Туркменовъ, кои остались въ предѣлахъ Мангышлака, почитали себя нѣкоторымъ образомъ въ подданствѣ у Хановъ Волжскихъ Калмыковъ и платили имъ легкую дань. Напослѣдокъ безпрерывныя набѣги Киргизовъ принудили эту часть народа выселиться изъ Мангышлака, такъ-что ихъ осталось тамъ не болѣе 3,000 кибитокъ, или семействъ.

Въ царствованіе Петра-Великаго производимы были неоднократно экспедиціи по Каспійскому-Морю, для точнѣйшаго опредѣленія береговъ его. Въ 1717 году въ Александръ-Баѣ и на Красноводской-Косѣ построены были даже крѣпостцы, которыя и заняты нашими войсками; но несчастная экспедиція Князя Бековича въ Хиву, непріязненность прибрежныхъ Туркменовъ, беспокоившихъ часто гарнизоны помянутыхъ крѣпостицъ, равно-какъ нездоровый климатъ и недостатокъ въ жизненныхъ и другихъ припасахъ, все это принудило наше правительство оставить сіи берега, и всѣ сношенія съ прибрежными Туркменами были на долгое время прекращены.*

Въ 1741 году, Туркмены кочевавшіе около Бухаріи и Хивы, устрасая нашествія на эти страны персидскаго Шаха Надира приходили въ числѣ 300,000 кибитокъ въ Мангышлакскую-Степь занять древнія свои кочевья, и просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани, откуда и былъ отправленъ къ нимъ

* Матеріалы для этой записки взяты большею-частью изъ дѣлъ Тифлискаго Архива.

* Любопытныя подробности относительно похода Князя Бековича въ Хиву, постройки упомянутыхъ крѣпостицъ на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря и оставленія ихъ, можно найти въ помянутой выше книгѣ Академика Миллера

корабль съ мукою ; но, свѣдавъ между-тѣмъ объ отступленіи Персіянъ , они опять возвратились на брошенные-было ими мѣста, и въ Мангышлакъ осталось ихъ тогда не болѣе 253 кибитокъ.

Съ 1745 года начали они искать покровительства Россіи; въ этомъ году шесть поколѣній, кочевавшихъ около Мангышлака, прислали въ С.-Петербургъ старѣйшинъ своихъ съ домогательствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи , и о построеніи у нихъ крѣпости для защиты ихъ отъ набѣговъ сосѣдей. Депутаты эти были отпущены безъ всякаго на просьбы ихъ рѣшенія ; ибо въ то же время узнано было о вѣроломствѣ соотчичей ихъ , сдѣлавшихъ насиліе судну нашему, возвышему къ нимъ съѣстные припасы. Затѣмъ Туркмены домогались , ужё черезъ Правителей Калмыцкихъ , дозволенія на переходъ черезъ р. Уралъ , для поселенія въ нашихъ степяхъ; но таковое желаніе ихъ отклонено было Астраханскимъ Губернаторомъ , по той причинѣ , что дозволить имъ переходъ значило-бы подать поводъ къ грабежамъ и разбоямъ для Киргизовъ.

Въ 1767 году, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представляла на Высочайшее усмотрѣніе мнѣніе свое, что для Россіи нѣтъ никакой выгоды принимать Туркменовъ подъ свое покровительство, тѣмъ-менѣе считаетъ ихъ своими подданными, ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ; что нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю , ибо они вмѣняють себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ , или обращать ихъ въ тяжкую неволю ; что единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было-бы построеніе крѣпости гдѣ-нибудь на берегу Каспійскаго-Моря , и что въ-слѣдствіе того съ 1744 года дѣлаемы были многократныя покушенія къ приисканію удобнаго мѣста для постройки такой крѣпости ; но что съ-одной-стороны Туркмены сами дѣлали въ томъ величайшія затрудненія , а съ-другой , изъ послѣднихъ свѣдѣній , сообщенныхъ инженеромъ Ладыженскимъ , оказывается, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго-Моря служитъ неопределимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія.

Въ 1798 году, Мангышлакскіе Туркмены прислали къ Астраханскому Губернатору депутацію съ ходатайствомъ о построеніи на мысѣ Тюкъ—Караганъ крѣпости, которая служила-бы мѣстомъ для складки товаровъ въ торговлѣ съ Ташкентомъ, Самаркандомъ, Бухарією, Ургенчемъ и Астраханью. Бывшій тогда въ Астрахани Губернаторъ Аршеневскій одобрялъ эту мысль, и на картѣ, имъ самимъ сочиненной, изъяснилъ всѣ выгоды, какія могли произойти оттого какъ для торговли нашей, такъ и для рыбной ловли, начиная отъ устья Урала до угла Тюкъ—Караганскаго. Предположеніе это не имѣло однако же никакого послѣдствія.

Въ 1802 году, Мангышлакскіе Туркмены, сами объявивъ себя російскими подданными, опять прислали въ С.-Петербургъ депутатовъ, съ возобновленіемъ просьбы о принятіи ихъ въ подданство Россіи, о построеніи крѣпости для защиты торговли ихъ отъ разбоевъ Киргизовъ, и о дозволеніи имъ производить ловъ тюленей при урочищѣ *Гедикъ*. Депутаты эти были приняты, и при обратномъ отправленіи вручена имъ Высочайшая грамота, данная отъ 16 апрѣля 1803 года, на имя Абдалскаго при Мангышлакѣ отдѣленія Туркменовъ, которою они всемилоостивѣйше удостоивались къ принятію подъ покровительство Россіи; самими-же депутатамъ, всего въ числѣ четырехъ человекъ, назначено жалованье, по 100 руб. сер. въ годъ каждому, изъ астраханскихъ доходовъ, и сверхъ-того пожалованы золотыя медали на алыхъ лентахъ.

Въ томъ же 1803 году, Высочайшимъ повелѣніемъ поручено было находившемуся тогда Главнокомандующимъ въ Грузіи Князю Циціанову рассмотреть: какимъ образомъ просимое Мангышлакскимъ Народомъ укрѣпленіе соружено быть можетъ, какаго рода оному быть должно, и какой гарнизонъ нужно будетъ въ немъ держать; затѣмъ составить всему смѣты и планы и представить ихъ при миѣніи своемъ на Высочайшее рассмотрѣніе. Равномѣрно велѣно было ему рассмотреть и просьбу относительно дозволенія Туркменамъ безпрепятственной ловли тюленей при урочищѣ Гедикъ, въ промыслѣ конихъ были они стѣснены по случаю отдачи амбенскихъ водъ Графу Кутайсову. Въ слѣдствіе сего посланъ былъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго-Моря Инженеръ-Поручикъ

Лашкаревъ, который призналъ самымъ лучшимъ мѣстомъ для постройки укрѣпленія помянутое урочище Гедикъ. Составленные Лашкаревымъ описаніе и планы представлены были Княземъ Циціановымъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, съ мнѣніемъ, чтобы рѣшительное о семъ положеніе отложить до весны 1804 года, въ которое время онъ предполагалъ лично осмотрѣть тѣ мѣста. Но какъ онъ не успѣлъ сдѣлать этого, то по Высочайшему повелѣнію, тоже порученіе возложено было на Инженеръ-Генералъ-Маіора Фелькерзама, который нашелъ выгодными къ построенію на нихъ укрѣпленія устья р. Эмбы и Тюкъ-Караганскій Уголь; издержки на это, по сдѣланнымъ нѣмъ смѣтамъ, должны были простираться до 250,000 руб. асс. Приведеніе сего въ исполненіе преемникъ Князя Циціанова Графъ Гудовичъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, полагалъ оставить до удобнѣйшаго времени, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, сообщенное отношеніемъ Графа Румянцова отъ 18 февраля 1808 года.

Въ 1811 году, пріѣзжали въ Астрахань шесть человекъ Туркменовъ чоудурскаго рода, и просили о позволеніи поколѣнію ихъ, въ числѣ 2,300 семействъ, поступить въ подданство Россіи и поселиться на астраханскихъ степяхъ: депутатамъ этимъ дозволено было предварительно осмотрѣть кочевыя мѣста въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Въ тоже время изъявили желаніе вступить въ подданство Россіи и поселиться въ предѣлахъ нашихъ еще 3,600 семействъ Туркменовъ другихъ поколѣній: по сношенію о томъ Генерала Ртищева съ Государственнымъ Канцлеромъ, предположено было послать военныхъ суда для перевозки всѣхъ тѣхъ семействъ; но въ назначеніи таковыхъ судовъ встрѣтилось затрудненіе; затѣмъ полагали нанять купеческія, но по сдѣланному Астраханскимъ Губернаторомъ исчисленію, оказалось, что при наймѣ для означенной цѣли 5 судовъ средней величины, вмѣщающихъ каждое до 250 человекъ, потребовалось бы 10 лѣтъ для перевозки однихъ только 2,300 семействъ, заключающихъ примѣрно до 11,500 душъ; а на перевозку на тѣхъ же судахъ скота ихъ, простиравшагося до 850,000 штукъ — 1720 лѣтъ, и на все нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ; переселить же ихъ посредствомъ перекочевки нашли невозможнымъ, по той причинѣ, что Туркмены въ такомъ случаѣ подверглись-

бы на пути нападеніямъ Киргизовъ и другихъ своихъ сосѣдей. Въ-слѣдствіе-того , шестеро депутатовъ, осматривавшихъ земли , отправлены были обратно въ Туркменію. Но послѣ нихъ пріѣхало оттуда восемь другихъ , которые , повторивъ просьбу о принятіи ихъ въ подданство Россіи , присовокупили , что они и всѣ вышеозначенные 5,900 семействъ не желаютъ оставить занимаемыхъ имъ мѣстъ , а просятъ только покровительства Россіи , и позволенія чтобы изъ Астрахани доставлялся имъ хлѣбъ для продовольствія.

Въ 1813 году , во время войны нашей съ Персіанами , какой-то Султанъ-Ханъ присылалъ , какъ видно изъ письма его къ Генералу Ртищеву , депутатовъ Гуссейнъ-Хана и Кіатъ-Бека съ увѣдомленіемъ , что онъ съ своими подвластными (юмудскаго колѣна) также возсталъ противъ Персіанъ и опустошилъ всѣ мѣста близъ Астрабада.

Въ 1819 году , Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ Ермоловъ отправилъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго-Моря Маіора Пономарева и Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева: имъ было поручено стараться болѣе всего о пріисканіи пристани , которая бы , сверхъ удобствъ къ закрытію судовъ отъ вѣтра , представляла по-близости прѣсную воду въ достаточномъ количествѣ , такъ-чтобы тамъ можно было учредить магазины для складки товаровъ и построить для прикрытія ихъ крѣпость. Капитану Муравьеву поручено было , сверхъ того , отправиться , если онъ найдетъ возможнымъ , въ Хиву и убѣдить тамошняго Хана , чтобы онъ направилъ торговлю Хивы на тотъ пунктъ , на которомъ найдется возможнымъ сдѣлать предположенныя постройки. При исполненіи возложеннаго на нихъ порученія , Пономаревъ и Муравьевъ не встрѣтили никакихъ препятствій со стороны Туркменъ юмудскаго колѣна , обитавшихъ въ числѣ 40,000 кибитокъ на пространствѣ отъ Серебрянаго-Бугра до Балханскаго-Залива; Туркмены эти даже просили о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи , и назначили отъ себя Кіатъ-Бека для нахождения при Маіорѣ Пономаревѣ въ-продолженіе его экспедиціи. Узнавъ здѣсь , что путь въ Хиву нисколько не опасенъ отъ разбойниковъ , Муравьевъ отправился къ Хивинскому Хану въ сопровожденіи Туркменовъ , избранныхъ помянутымъ Кіатомъ. Извѣстно , каковъ

былъ успѣхъ этого посольства: пріѣхавъ въ Хивинскія Владѣнія, Муравьевъ былъ, низачто-нипрочно, продержанъ 48 дней въ заключеніи, и хотя потомъ представился Хану, но не успѣлъ склонить его на предложенія нашего правительства, и тотчасъ же былъ отправленъ обратно изъ Хивы. Впрочемъ, Ханъ, по совѣту Муравьева, послалъ двухъ чиновниковъ своихъ съ письмомъ къ Генералу Ермолову. Съ ними посланными и Кіатъ-Агою, уполномоченнымъ со стороны Туркменовъ, Пономаревъ и Муравьевъ возвратились въ Тифлисъ. Выгоднѣйшими изъ всѣхъ мѣстъ, удобныхъ для построенія предположенныхъ магазиновъ и крѣпости, нашли они два пункта: одинъ—при Серебряномъ-Бугрѣ, близъ впаденія въ море рѣки Гюргени, а другой—въ Балханскомъ-Заливѣ у Красноводска. Первый обращалъ на себя вниманіе по близости его къ Астрабаду, отъ котораго отстоитъ онъ не болѣе какъ на 3 или на 4 часа ѣзды, по нахожденію тамъ прѣсной воды въ достаточномъ количествѣ, и не въ дальнемъ разстояніи оттуда — лѣса, годнаго для построекъ, и, наконецъ — рыбныхъ ловель тамошнихъ; при выгодахъ этихъ, неудобства представлялись тѣ, что рейдъ въ означенномъ пунктѣ совершенно открытъ, такъ-что въ зимнее время судамъ невозможно стоять тамъ безъ видимой опасности: почти на двѣ версты отъ берега простирается отмель, не позволяющая подходить къ нему близко даже гребнымъ судамъ. Последній, т. е. Красноводскъ, указанъ былъ, напротивъ, именно по преимуществамъ его рейда, который можетъ назваться самымъ покойнѣйшимъ, какого только желать можно; сообщеніе изъ онаго во всякое время года и со всѣми мѣстами совершенно удобно; но при этомъ предвидѣлся недостатокъ въ дровахъ, потому-что, хотя, по увѣренію жителей, и находится мелкій лѣсъ (кустарникъ) на полуостровѣ Дарджи, но лѣсъ этотъ весьма легко могъ быть истребленъ, а замѣнить его было-бы нечѣмъ. Юмуды — какъ изъяснялся Пономаревъ — «народъ безначальный въ полномъ смыслѣ сего слова; никто ими не управляетъ и нѣтъ у нихъ никакой власти, слѣдовательно не существуетъ между ними и никакихъ политическихъ связей».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1820 года, посланцы Хивинскаго Хана отправлены были обратно, съ письмомъ отъ Генерала Ермолова, равно-какъ и посланный Туркменами Кіатъ-Ага; о по-

сгднемъ Главикокомандующій отзывался съ самой выгодной стороны въ письмѣ своемъ къ Туркменскимъ Старшинамъ, обнадеживая сихъ-послѣднихъ въ тоже время, что просьба ихъ о принятіи въ подданство Россіи представлена имъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Между-тѣмъ рапорты и журналы Пономарева и Муравьева преспроваждены были къ Вице-Канцлеру, и переданы имъ въ учрежденный тогда для Азіатскихъ дѣлъ Комитетъ. Генералу Ермолову, въ-сгдствіе сего, предоставлено было отправить къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго — Моря вторую, морскую уже экспедицію, для осмотра мѣстоположенія ихъ со всею подробностію, и для тщательнѣйшаго въ-особенности освидѣтельствованія заливовъ Красноводскаго и Кендерлинскаго, съ-тѣмъ-чтобы, по возвращеніи сей экспедиціи, онъ изложилъ свое мнѣніе относительно выбора мѣста для укрѣпленія, и составилъ смѣту какъ денежныхъ суммъ, такъ и воинскимъ потребностямъ, необходимымъ для постройки и вооруженія крѣпости, которая могла-бы вмѣщать 1,000 человѣкъ гарнизона. На совершеніе таковой экспедиціи и для покупки хлѣба, который-бы можно было продавать и дарить Туркменамъ, вообще терпящимъ въ немъ недостатокъ, ассигновано было 25,000 р. асс., а дабы удержать Юмудское Поколѣніе въ благонамѣренномъ расположеніи, которое оно тогда изъявляю, назначено было еще 10,000 р. асс. на заготовленіе для него разныхъ подарковъ.

Экспедиція эта была отправлена въ 1821 году, подъ начальствомъ Муравьева, произведеннаго между-тѣмъ въ Полковники, а въ помощь ему даны Артиллеріи Подпоручики Рюминъ и Катани. Кіатъ-Бекъ, находившійся при выгѣздѣ Муравьева изъ Тифлиса въ городъ Баку, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Яхши-Мамедомъ, былъ взятъ имъ съ собою, и для поощренія къ дальнѣйшимъ услугамъ, получалъ въ подарокъ погребецъ съ чайнымъ приборомъ и другія вещи.

Окончивъ экспедицію, Муравьевъ возвратился въ Тифлисъ въ концѣ ноября 1821 года.

Онъ произвелъ обстоятельное обозрѣніе и даже инструментальную съемку Балханскаго-Залива, лежащаго по прямѣйшему направленію къ Хивѣ, избралъ на Красноводской-Косѣ удобнѣйшее для укрѣпленія мѣсто, неподалеку отъ спокойной для судовъ якорной стоянки, гдѣ можно притомъ имѣть хотя и

не лучшую, но съ предосторожностями годную къ употребленію прѣсную воду, и осмотрѣлъ Балханскія-Горы, пли отрасль этихъ горъ, гдѣ есть лѣсъ, хорошая прѣсная вода и пастбища; горы эти, почитаемые богатѣйшимъ мѣстомъ по всему восточному берегу и соединяющія всѣ возможныя выгоды съ хорошимъ климатомъ, могли бы, при построении на нихъ укрѣпленія, какъ полагалъ Муравьевъ, привлечь со-временемъ въ окрестности его многочисленныя кочевья разбѣяннаго колѣна Юмудовъ. «Построеніе здѣсь предположеннаго укрѣпленія, изъяснилъ Генералъ Ермоловъ въ отношеніи своемъ къ Вице-Кандлеру, отъ 27 марта 1822 года—дѣйствительно могло бы принести ожидаемую пользу; но всѣ удобства занятія Балханскихъ-Горъ уничтожаются препятствіями непреодолимыми: горы эти отстоятъ на 4 дня пути отъ того мѣста, гдѣ суда могутъ безопасно останавливаться на якорѣ; чтобы добраться до нихъ, надобно проходить степь совершенно безводную и переправляться черезъ рѣку Аму-Дерью, которую нельзя-же оставить безъ защиты, а защиту эту расположить нѣтъ никакой возможности». Отсылая къ Графу Нессельроде составленное Муравьевымъ описаніе Балханскаго-Залива, общій планъ того же залива, планъ Красноводской-Косы, особый подробный планъ оконечности ея, и планъ острова Челекени, Генералъ Ермоловъ присовокупилъ, что Муравьевъ, по наступленію поздняго осенняго времени, не успѣлъ произвести обзрѣнія Кара-Бугазскаго и Кендерлинскаго заливовъ, которыхъ не должно было-бы оставлять безъ изслѣдованія; что къ-сожалѣнію предвидится, что изъ всѣхъ трехъ поименованныхъ мѣстъ, гдѣ-бы ни было устроено укрѣпленіе наше, пути къ Хивѣ подлежатъ будутъ трудные; и, наконецъ, что не малое протечетъ время, пока нѣкоторая степень образованности сообщится Туркменамъ, кои, ища безопасности, соберутся подъ защиту укрѣпленія нашего, а между-тѣмъ невѣжество мусульманское безпрестанно будетъ изобрѣтать средства охлаждать ихъ къ намъ довѣренность.

Въ 1830 году, Графъ Паскевичъ посылалъ изъ Тифлиса въ Туркменію Есаула Лалаева: ему поручено было, чрезъ сближеніе съ Кіатъ-Бекомъ и другими старшинами, узнать: въ какомъ отношеніи находятся и каково расположены Туркмены

къ Персіи, Хивѣ и Россіи. Возвратившись, Лалаевъ донесъ, что по прибытіи въ Челекъ, былъ онъ въ аулѣ состоящемъ изъ 30 кибитокъ родственниковъ Кіатъ-Бека, откуда поѣхалъ, въ сопровожденіи самого Кіатъ-Бека, обследовать берегъ до Астрабала; но Кіатъ не хотѣлъ ѣхать съ нимъ внутрь Туркменіи, и въ ночное время бѣжалъ на привезшее ихъ судно. Послѣ того Лалаевъ допосылъ, что Туркмены весьма преданы Россіи, и предпочитаютъ ее прочимъ государствамъ; что всѣ ихъ поколѣнія въ политическомъ отношеніи согласны между собою; что разногласія, раздоровъ и междоусобій, прежде случавшихся, нынѣ не бываетъ, и, наконецъ, въ заключеніе представилъ именный списокъ старшинъ наиболѣе уважаемыхъ Туркменами.

Затѣмъ, при отъѣздѣ своемъ въ С. Петербургъ въ 1831 году, Графъ Паскевичъ снова приказалъ отправить Лалаева въ Туркменію, чтобы пригласить почтеннѣйшихъ старшинъ пріѣхать въ Тифлисъ, для переговоровъ о торговлѣ. По этому случаю, Тайный Совѣтникъ Родонинъ, въ отношеніи къ Барону Розену отъ 1 ноября того же 1831 года, писалъ, между прочимъ, что «Туркмены народъ кочующій, не признающій надъ собою никакой верховной власти, за исключеніемъ въ которыхъ лишь поколѣній ихъ, подвластныхъ Хану хивинскому; въ одномъ году кочуетъ близъ берега одно Туркменское колено, а въ слѣдующемъ, приставъ къ оному, находясь на мѣстѣ его совсѣмъ другое, не имѣющее съ первымъ никакихъ связей; посланцы ихъ, или повѣренныя, подписуютъ все, что угодно, единственно для того, чтобы получить подарки, обыкновенно имъ дѣлаемые при такихъ случаяхъ, и потомъ нисколько не беспокоятся о томъ, что подписаннаго ими никто не исполнитъ, ибо знаютъ, что ихъ, посланцевъ, никто не найдетъ для наказанія».

Въ 1832 году, Оренбургскій Губернаторъ Графъ Сухтеленъ приказалъ обозрѣть сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго-Моря, для выбора мѣста къ основанію тамъ крѣпости, и г. Карелинъ, которому поручено было это обозрѣніе, избралъ желаемый пунктъ въ заливѣ Мертвомъ-Култукъ, гдѣ, въ слѣдствіе того, въ 1833 году и построено Ново-Александровское Укрѣпленіе.

Въ 1835 году, предприимчивый астраханскій купецъ Герасимовъ поѣхалъ въ Гассанъ-Кули, и первый изъ русскихъ торговцевъ вступивъ въ сношеніе съ Юмудами, заключилъ съ ними условіе о томъ, чтобъ они ловили и приготовляли для него рыбу въ собственно имъ принадлежащихъ водахъ. Въ томъ же году привезъ онъ Кіата и сына его Хадырь-Мамеда въ Тифлисъ, для личнаго объясненія съ Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Барономъ Розеномъ, на-счетъ жалобъ принесенныхъ Кіатомъ на притѣсненія астраханскаго же купца персіянина Миръ-Багирова, оспаривавшаго у него туркменскія воды.

Въ 1835 году, Высочайше утверждена была Экспедиція для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, подъ начальствомъ Коллежскаго Ассесора Карелина, результаты которой изложены выше.

Послѣ того, какъ Ново-Александровское Укрѣпленіе оказалось построеннымъ на неудобномъ мѣстѣ, то въ 1839 году посланы были на Мангышлакскій берегъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Ширковъ и Флота Капитанъ-Лейтенантъ Бодиско, которые выбрали, для перенесенія туда Ново-Александровскаго Укрѣпленія, Николаевскую-Гавань на мысѣ Тюкъ-Караганъ. Въ 1844 году, мысѣ этотъ снова былъ осмотрѣнъ и снятъ Маіоромъ Матвѣевымъ, посланнымъ изъ Оренбурга отъ тамошняго Корпуснаго Командира Обручева.

Въ 1845 году, наконецъ, на томъ же мысѣ Тюкъ-Караганъ, на высотахъ Курганъ-Ташъ, возведено было Ново-Петровское Укрѣпленіе, а Ново-Александровское въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года упразднено.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТУРКМЕНОВЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЮМУДСКАГО КОЛѢНА.

Туркмены населяютъ степи лежащія между Каспійскимъ-Моремъ — съ одной, владѣніями Хивинскими и Бухарскими — съ другой, и Хорасаномъ — съ третьей стороны. Народъ этотъ состоитъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ, которыя въ-свою-очередь подраздѣляются на меньшіе роды. По родо-

словной таблицѣ, сообщенной намъ Кіатомъ, родоначальникомъ Туркменовъ былъ нѣкто Сеюнь-Ханъ, который имѣлъ двѣнадцать сыновей; имена ихъ, по порядку старшинства, суть: Гокланъ, или Исенъ; Текѣ; Арсари; Салоръ; Сарыкъ; Сакаръ; Уа; Юмудъ, или Юмудъ; Аймакъ; Карадашли; Алили; Емрели. По именамъ этихъ сыновей, называются и происшедшіе отъ нихъ двѣнадцать главныхъ колѣнъ народа.

Отъ старшаго сына, Гоклана, Сеюнь имѣлъ шесть внуковъ: Абдала, Игдыра, Бузачи, Мангшлу, Бурунчука и Чоудура, давшихъ имена существующимъ доселѣ родамъ Гокланова колѣна.

Осьмой сынъ Сеюна, Юмудъ имѣлъ въ-свою-очередь четверыхъ сыновей, по именамъ которыхъ колѣно Юмудовъ и раздѣляется доселѣ на четыре главные рода: Шеребъ, Чунн, Байрамъ-Чалн, Коджикъ, подраздѣляющіеся на 50 меньшихъ отдѣловъ, такимъ образомъ:

Шеребъ:	Чунн:	Байрамъ-Чалн:	Коджикъ:
<i>Каррауи</i>	<i>Атабай</i>	<i>Джюнаитъ</i>	<i>Татаръ</i>
<i>Белмикѣ</i>	<i>Акъ</i>	<i>Салакъ</i>	<i>Коджикъ</i>
<i>Бахѣ</i>	<i>Дазъ</i>	<i>Караходжа</i>	<i>Хивачи</i>
<i>Ильгай</i>	<i>Бардакъ</i>	<i>Укызъ</i>	<i>Кака</i>
<i>Деуджи</i>	<i>Каніокмазъ</i>	<i>Орусчи</i>	<i>Курама</i>
<i>Юнели</i>	<i>Конгарма</i>	<i>Карсакъ</i>	<i>Мараб</i>
<i>Огурджами</i>	<i>Маширыкъ</i>	<i>Калибулъ</i>	<i>Крикъ</i>
<i>Джафаръ-Бей.</i>	<i>Эймыръ</i>	<i>Кырымса</i>	<i>Аккарымъ</i>
	<i>Юлма</i>	<i>Умакъ</i>	<i>Дангрыкъ.</i>
	<i>Игдыръ</i>	<i>Тубелѣ</i>	
	<i>Когекъ.</i>	<i>Темешъ.</i>	

Джафаръ-Бей состоитъ въ свою очередь изъ слѣдующихъ 13 подраздѣленій: *Исанъ-Кули-Кюръ* (изъ котораго происходитъ многоупомянутый старшина Кіатъ), *Кельта*, *Карымджикъ*, *Панъ*, *Нурали*, *Ерали*, *Чукканъ*, *Арикъ*, *Сакалы*, *Кызыл*, *Бурказъ*, *Кюрдъ* и *Тевеккель-Кюръ*.

Огурджали также подраздѣляются на 4 вѣтви: *Гирей*, *Недими*, *Се.медимъ* и *Терекимъ*.

Наименше къ Юмудамъ же причисляются и слѣдующіе пять родовъ, считающіе себя происходящими отъ потомковъ и учениковъ Магомета: *Ходжа, Ата, Шихъ, Дервишъ и Махтылы.*

Вотъ, что извѣстно намъ о каждомъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ Туркменскаго Народа:

1. Гокланъ. Кочуютъ въ верховьяхъ рѣки Гюргени; до 1835 года повиновались Персіянамъ, но теперь (въ 1836 году) въ открытой войнѣ съ ними; вотъ роды ихъ, кочующіе вверхъ по Гюргени, начиная отъ урочища *Гулибети-Каусъ*:

<i>Дигахъ</i>	350	кибитокъ.
<i>Сенерикъ</i>	500	—
<i>Геркезъ</i>	300	—
<i>Чекеръ-Бедоли</i>	800	—
<i>Ай-Дервишъ</i>	600	—
<i>Геррекъ</i>	750	—
<i>Байендеръ</i>	600	—
<i>Кара-Балханъ</i>	800	—
<i>Еркекли</i>	} всего	600 —
<i>Кеікъ</i>		
<i>Суранли</i>		
<i>Текенджи</i>		
<i>Кель</i>	} всего	800 —
<i>Кизилъ</i>		
<i>Телекъ</i>		
<i>Бокаджо</i>		
<i>Дари</i>	}	
<i>Кернозъ</i>		

Послѣдніе десять родовъ называются у Персіянъ *Или-Ани*, «Новыми Родами». — Всѣ Гокланы въ непрерывной враждѣ съ Юмудами. Потомки сыновей Гоклана: *Мангешлы, Аб-дала, Игдыръ, Чоудура* и проч., кочуютъ въ степи и при восточномъ берегу Каспійскаго-Моря, отъ Мангышлака до Кара-Бугаза. Они частію независимы, частію повинуются Хивинцамъ.

2. Текѣ. Живутъ между Гокланами и Хивою; это народъ самый разбойническій, истинный бичъ Хорасана; независимы,

и кочуютъ на сѣверныхъ покатосяхъ цѣпи Эльбурза, отдѣляющей отъ Хорасана пустыни Харезма. Покатося эти простираются отъ *Кизилъ-Арвата* до *Мерв-и-Шаги-Джегана*, и представляютъ богатѣйшій край, гдѣ было прежде нѣсколько большихъ городовъ, каковы: *Нисса*, *Абисвердъ*, *Мерв* и другіе, а теперь видны только тучныя пастбища и плодородныя поля. Въ этихъ долинахъ пасутся извѣстные на всемъ Востокѣ, по отличнымъ качествамъ своимъ, лошади Текейцевъ; на этихъ-то скакунахъ владѣльцы ихъ, въ сопровожденіи Гоклановъ, производятъ гибельныя набѣги свои на сѣверный Хорасанъ, разоряя города и селенія и захватывая людей, которыхъ продаютъ потомъ въ Хиву *. Всякій разъ какъ Персидскій Шахъ предпринимаетъ походъ противъ нихъ, они откочевываютъ въ хивинскія степи, куда невозможно преслѣдовать ихъ, и остаются такимъ образомъ безнаказанными. Живя во враждѣ съ единоплеменниками своими Юудами, съ Хивинцами, напротивъ-того, находятся Текѣ въ весьма пріязненныхъ сношеніяхъ.

3. Арсари. Кочевали прежде около Балханскаго-Залива, но теперь перешли большею-частью въ Бухарію и покорились тамошнему владѣльцу.

4. Салоръ. Живутъ на востокъ отъ Текѣ; главное ихъ кочевье — *Шерекъ*. Поколѣніе это считаетъ себя самымъ благороднѣйшимъ между всѣми Туркменами.

5. Сарыкъ. Кочуютъ около Мерва, къ сѣверу отъ Салорцевъ.

6. Сакаръ. Кочуютъ въ Бухаріи, на лѣвомъ берегу Аму-Дерья.

7. Уа. Живутъ въ Хорасанѣ и находятся въ подданствѣ у Персіанъ.

8. Аймакъ

9. Карадашли

10. Алили

11. Емрели

кочуютъ на востокъ отъ Салорцевъ и въ Хорасанѣ.

* Послѣ 1837 года набѣги эти прекратились, и теперь всѣ вообще Туркмены живутъ гораздо смирнѣе прежняго. Любопытныя подробности о Текѣ и другихъ туркменскихъ поколѣніяхъ, находятся въ путешествіяхъ Бориса (часть III) и Конодди (часть I).

12. Юмуды. Часть ихъ живетъ постоянно около рѣкъ Атрека и Гюргени, а остальные кочуютъ вдоль береговъ Каспійскаго-Моря къ сѣверу до Кара-Бугаза, внутри степи и въ Хивѣ. Они не признаютъ надъ собою никакихъ законовъ, никакого начальства. Всякая семья имѣетъ своего *pater familias*, *акъ-сакала*, или «бѣлую бороду», которому и повинуются безпрекословно, управляясь во всемъ на основаніи обычаевъ. Блюстителями этихъ обычаевъ, кромѣ акъ-сакаловъ, являются еще избираемые изъ тѣхъ же акъ-сакаловъ Старшины; но власть сихъ послѣднихъ весьма слаба, ибо они не имѣютъ права наказывать своихъ единоплеменниковъ. Впрочемъ, такъ какъ они избираются всѣмъ поколѣніемъ и притомъ изъ старшихъ и опытнѣйшихъ людей, то вообще пользуются довѣренностію народа и находятся съ нимъ почти всегда въ добромъ согласіи. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ Старшинъ въ настоящее время (1836 году): на островѣ Челекени и въ Гассанъ-Кули — Кіатъ-Бегъ съ сыновьями своими Яхши и Хадырь-Мамедомъ; въ Гюмишъ-Тенѣ — Аманъ-Назаръ и Мамедъ-Сардаръ; внутри степи — Казы Магомедъ-Таганъ и Черкесъ-Хавъ; начальникомъ Нурали считается Пиръ-Кули-Ханъ, а начальникомъ Ерали — Султанъ Мамедъ-Ханъ.

Кромѣ раздѣленія на колѣна и роды, Юмуды дѣлятся еще, по образу жизни, на три отдѣла: Чумуровъ, Чорвовъ и Огурджали. *Чумурали* называются осѣдые Юмуды, занимающіеся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ: такіе живутъ по берегамъ Гюргени и Атрека. Имя *Чорвовъ* носятъ Юмуды кочующіе, занимающіеся исключительно скотоводствомъ: живутъ внутри степи. Наконецъ *Огурджали* зовутся тѣ, которые живутъ по берегамъ моря и занимаются рыболовствомъ, перевозкою нефти и соли въ Персію, и морскимъ разбоемъ. Къ сему-послѣднему отдѣлу принадлежатъ жители Челекени, Гассанъ-Кули и Серебрянаго-Бугра.

Наконецъ, прибрежные Юмуды могутъ быть подраздѣлены еще на два вида: на а) тѣхъ, которые, живя по Гюргени, въ сосѣдствѣ съ Персіянами, удержаны отчасти отъ грабительскихъ вторженій въ ихъ предѣлы; и на б) тѣхъ, которые, въ числѣ 8,000 кибитокъ, удалились отъ первыхъ къ сѣверу и поселились около Балхайовъ, откуда не перестаютъ беспокоить

Персію частыми набѣгами. Первые представляются въ-отношеніи къ Персіянамъ тѣмъ же, чѣмъ были въ отношеніи къ намъ, на Кавказѣ, «мирные» Чеченцы, пользовавшіеся правомъ пріѣзжать къ намъ и торговать, а тѣмъ-не-менѣе участвовавшіе во всѣхъ почти грабежахъ, которые производили единоплеменники ихъ, обитающіе въ болѣе непреступныхъ мѣстахъ. Послѣдніе, въ числѣ 8,000 кибитокъ поселившіеся около Балханскаго-Залива (откуда были ими вытѣснены кочевавшіе тутъ Туркмены же поколѣнія *Ата*), не имѣютъ другаго промысла кромѣ хищничества. Они пріѣзжаютъ на Гюргень, и подъ покровительствомъ родственниковъ своихъ дѣлаютъ набѣги на Персію, и уводятъ откуда плѣнныхъ на продажу въ Хиву. Не занимаясь ни хлѣбопашествомъ, ни порядочною торговлею, они, хотя и имѣютъ довольно большое количество денегъ, нуждаются однакоже даже въ самыхъ необходимыхъ для нихъ предметахъ: водой пользуются изъ колодезъ, по-большей-части солоноватую или горькую; а хлѣбъ добываютъ изъ Хивы, куда надо ѣхать за нимъ отъ 15 до 17 сутокъ, и притомъ по трудной дорогѣ. Подать, наложенная на нихъ Хивинскимъ Ханомъ, почти воспретила имъ и этотъ отдаленный путь; они злобствуютъ за это на Хана, и вотъ настоящая причина, побудившая Юмудовъ искать покровительства Россіи. Жители Балхановъ нуждаются въ этомъ покровительствѣ, а кочевья по Гюргени давно мечтаютъ о томъ, какъ-бы избавиться имъ отъ притѣсненій Персіянъ, съ которыми они теперь въ открытой войнѣ; но тѣхъ и другихъ самая пріятная надежда состоитъ въ томъ, что имъ будетъ гораздо свободнѣе грабить Астрабадскую Область.

Что касается до характера Юмудовъ, то они не переѣмлялись со времени Муравьева, который описалъ ихъ весьма вѣрно. Ишій народъ этотъ не имѣетъ понятія о гостепріимствѣ, алченъ къ деньгамъ, и изъ-за бездѣлницы готовъ сдѣлать всякаго рода низосты; повиновенія не знаютъ, объ общей пользѣ понятія не имѣютъ; всякой, желая что-нибудь получить, называетъ себя старшиною; но тому только, кто поумнѣе и поотважнѣе, покоряются они дѣйствительно, не заботясь объ его правѣ. Ласковое съ ними обращеніе считаютъ слабостію, а бояся тѣхъ, кто поступаетъ съ ними строго. Сказанное относится къ прибрежнымъ Туркменамъ; Гюнданы съ

Текѣ можетъ быть и лучше Юмудовъ. Между послѣднимъ, одинъ только Кіатъ-Бекъ и его семейство не походятъ на своихъ родичей.

Туркмены Юмудскаго Колѣна ростомъ высоки, широкоплечи, волосы на бородѣ имѣютъ короткіе, окладъ лица большею-частью калмыковатый; но дѣти ихъ отъ персидскихъ наложницъ и невольницъ, имѣютъ обыкновенно правильныя черты, принимая отчасти фizioномію матерей. Одежда прибрежныхъ Юмудовъ персидская; живущіе внутри степи носятъ такую-же, но шапки по-большей-части хивинскія. Волосы на головѣ они брѣютъ подобно всѣмъ магометанамъ суннитской секты; но молодые женатые люди, до рожденія у нихъ дитяти, носятъ зюльфы (локоны).

У женщинъ черты лица пріятны и довольно нѣжны; одежда состоитъ изъ цвѣтныхъ шараваръ, длинной красной, или синей, рубашки и головного убора, подобнаго русскимъ кокошникамъ, только вдвое выше. Кокошники эти, смотря по состоянію мужа, убираются золотыми и серебряными монетами; волосы на лбу оставляютъ при этомъ на-виду, и расчесываютъ ихъ съ тщаніемъ и очень опрятно на двѣ стороны, заплетая сзади въ длинную косу со множествомъ серебряныхъ погремусекъ. Ротъ и подбородокъ закрываютъ бѣлымъ платкомъ, (также-какъ Армянки въ Персіи) и никогда не снимаютъ его передъ посторонними людьми; около шеи носятъ обыкновенно большое серебряное кольцо съ цвѣтными камнями, которое также увѣшиваютъ серебряными погремусками.

Кибитки Туркменовъ дѣлаются на подобіе киргизскихъ или татарскихъ въ Грузіи. Жерди, или чубухи, обводятся камышевымъ плетнемъ и покрываются войлокомъ; внутри кибитки довольно опрятно и чисто; полъ устилается коврами, или войлоками, а около стѣнъ висятъ большіе мѣшки, сдѣланные также изъ ковровъ: въ нихъ находится домашняя утварь и хозяйственныя вещи. Женщины ткутъ эти ковры почти на открытомъ воздухѣ, иногда довольно-красивыми узорами.

По здѣшнимъ обычаямъ, сноха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обращается къ нему съ вопросомъ, но даже отвѣчаетъ чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно; тоже самое наблюдается и въ отношеніи къ старшему дѣверю. Во-

обще, Туркменки живутъ скромно, и всегда повинуются мужьямъ, а эти-послѣдніе оказываютъ безирекословное повиновеніе родительской воли: послѣдняя черта въ характерѣ Туркменовъ едва-ли не единственная, заслуживающая уваженія.

Юмуды и вообще Туркмены ненасытные и жадные тамъ, гдѣ это имъ ничего не стоитъ, дома, напротивъ-того, очень умѣренны; любимое ихъ кушанье — пловь изъ сарацинскаго пшена; но употребляется оно не въ-частую: обыкновенно питаются хлѣбомъ (чуреками) и бараниною; чай и сахаръ любятъ, но всякаго рода крѣпкими напитками гнушаются и пьянство презируютъ: обыкновенное питье Юмудовъ — вода и молоко. Ъдятъ два раза въ день: разъ — вскорѣ послѣ разсвѣта, а другой — передъ захожденіемъ солнца.

Языкъ Туркменовъ татарскій, сходный съ казанскимъ нарѣчіемъ. Грамотныхъ между ними, кромѣ муллъ, никого нѣтъ. Закона они Магомстанскаго, исповѣданія Омарова (сунниты); время молитвъ и всѣ обряды соблюдаютъ съ точностію, но о догматахъ своего закона яснаго понятія не имѣютъ; мечети замѣняются особенными кибитками для моленія. Къ кладбищамъ, древнимъ развалинамъ, и мѣстамъ гдѣ похоронены святыя ихъ, питаютъ большое уваженіе. Глава духовенства носитъ у Юмудовъ титулъ *Казы*.

Что касается до числа народа въ туркменскихъ поколѣніяхъ, то очень трудно и даже невозможно опредѣлить его съ точностію, потому-что поколѣнія эти почти всѣ ведутъ жизнь кочевую, и не имѣютъ ни начальства, ни управленія, слѣдовательно и никакой народной переписи. Кромѣ-того, они, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, изъ хвастовства преувеличиваютъ число кибитокъ каждаго колѣна, когда объ этомъ предметѣ спрашиваетъ ихъ чужеземецъ. Изъ помѣщаемой ниже сравнительной таблицы о числѣ кибитокъ въ туркменскихъ поколѣніяхъ, составленной по свѣдѣніямъ находящимся у Муравьева и Борнса, и отобраннымъ мною у Кіатъ-Бека и его сыновей — видно, что среднимъ числомъ всѣхъ кибитокъ можно положить до 308,200. Слѣдовательно, считая среднимъ числомъ по 4 человека на каждую кибитку, общее число Туркменскаго Народа оказывается простирающимся до 1,232,800 обоого пола душъ.

число кибитокъ, или семействъ.				
по свѣдѣніямъ				средній выводъ.
Муравьева.	Борнса.	Кіатъ-Бека и его сыновей.		
Гокланъ	40,000	9,000	40,000	29,600
Теке	50,000	40,000	50,000	46,000
Арсари.	100,000	40,000	100,000	80,000
Салоръ.	4,000	2,000	4,000	3,300
Сарыкъ	2,000	20,000	2,000	8,000
Сакаръ.	2,000	2,000	2,000	2,000
Уа (вмѣстѣ съ Аймакъ, Кара- дашли и Аяли)	80,000	»	80,000	80,000
Юмудъ.	40,000	20,000	40,000	33,300
Емрели.	3,000	»	3,000	3,000
Абдалъ.	»	»	5,000	} 15,000
Игдыръ	»	»	4,000	
Бузачи	»	»	} 6,000	
Мангышла	»	»		
Бурунчукъ. . . .	{ 8,000	8,000	8,000	8,000
Чоудуръ				

Юмуды, при среднемъ числѣ ихъ кибитокъ въ 33,000, или при 133,200 душъ ихъ поколѣнія, могутъ, въ случаѣ нужды, выставить до 20,000 всадниковъ; но малое число изъ нихъ имѣютъ хорошее оружіе. Оружіе это состоитъ въ кинжалѣ, саблѣ, копьѣ, лукѣ со стрѣлами и ружьѣ. Сабли у нихъ кривыя и бываютъ иногда изъ хорошаго хорасанскаго желѣза; это главное ихъ оружіе. Кинжалы носятъ рѣдко; тѣ-же, которые имѣютъ, сдѣланы на-подобіе большихъ ножей. Копья также употребляются не всѣми; древко, толщиною въ камышину, бываетъ не длиннѣе полуторы сажени; наконечники дѣлаются изъ хорошаго желѣза. Лукъ и стрѣлы въ употребленіи у тѣхъ, у кого нѣтъ ружей; луки эти невелики и недовольно упруги; стрѣла, пущенная изъ такого лука, далеко не

пролетить. Ружей, особливо съ замками и хорошаго качества, мало; встрѣчаемые обыкновенно — очень длинны, тяжелы, весьма малаго калибра, безъ замковъ и бѣльшую-частью сдѣланы винтовками; бьютъ довольно вѣрно и далеко, когда заряжены хорошимъ порохомъ, но очень неудобны: изъ нихъ нельзя стрѣлять съ лошади, а только съ присошекъ, лежа, и потому они употребляются только въ засадахъ; на длинныя приклады этихъ ружей навивается фитиль, конецъ котораго схваченъ желѣзными щипчиками, придѣланными къ прикладу; а щипчики эти приводятся къ полкѣ посредствомъ желѣзнаго прута, проведеннаго къ правой рукѣ стрѣлка; присошки придѣляются къ ложу около оконечности ствола, въ видѣ двухъ большихъ роговъ. Впрочемъ, нѣкоторые имѣютъ ружья съ замками, совершенно одного построения съ персидскими; вообще-же Туркмены любятъ украшать стволы всякаго рода ружей своихъ серебряною насѣчкою. Пистолеты видѣли мы единственно въ семействѣ Кіатъ-Бека, и то подаренные ему отъ нашего правительства.

Въ цѣль стрѣляютъ довольно-хорошо, но съ такими приготовлениями и медленностью, что въ рукахъ ихъ огнестрѣльное оружіе теряетъ свое значеніе. Чтобы выстрѣлить, стрѣлокъ сперва ложится, потомъ цѣлится долгое время; при этомъ фитиль часто гаснетъ; въ-заключеніе, онъ попадаетъ пулей въ цѣль, только на разстояніи какихъ-нибудь 60 или 80 шаговъ.

Лучшій военный доспѣхъ Туркменовъ состоитъ безпрекословно въ ихъ быстрыхъ, сильныхъ и красивыхъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы *Текѣ*, знаменитыхъ на всемъ Востокѣ. Труды переносимые этими животными неимоверны: пробѣгая въ восемь сутокъ до тысячи верстъ чрезъ безводныя степи, безъ травы и безъ сѣна, они питаются во все это время только тѣмъ количествомъ ячменя или джогена (родъ кукурузы), которое могутъ увезти на себѣ вмѣстѣ съ сѣдомомъ и по четверо сутокъ пробываютъ безъ воды. Туркмены поятъ лошадей своихъ горячихъ, но послѣ того долгое время скачутъ на нихъ. Даже дома, на отдыхѣ, лошадямъ этимъ даютъ самую скудную пищу: скупость и безпечность Туркменовъ распространяются и на тѣхъ животныхъ, безъ коихъ-бы они жить не могли.

Сѣдло туркменское нѣсколько отлично отъ персидскаго: лука у него также высока, но задъ дѣлается пошире; прочая конская збруя бываетъ у многихъ довольно богата: ремни обшиваются серебромъ, и вставляютъ въ нихъ большіе сердолики.

Туркмены, какъ уже выше сказано, неспособны ни къ какимъ долговременнымъ военнымъ предпріятіямъ; любимый ихъ образъ войны, есть разбой и хищничество. Главные разбои свои производятъ они въ предѣлахъ Персіи; на воровство пускаются обыкновенно собравшись шайкою отъ 50 до 300 конныхъ охотниковъ; хищники эти берутъ съ собой, для увоза добычи, довольно число верблюдовъ, и смѣло отправляются чрезъ обширныя степи, по извѣстнымъ имъ путямъ, къ границамъ Персіи; не доходя до нихъ на полтора дня пути, они останавливаются въ скрытныхъ и удобныхъ для защищенія мѣстахъ, и отправляютъ оттуда далѣе лишь тѣхъ изъ сообщниковъ своихъ, которые имѣютъ дружественныя и родственныя связи съ Туркменами обитающими на персидской границѣ. Эти—последніе, хотя по-временамъ и признаютъ надъ собою владычество Персіи, но съ охотою принимаютъ хищниковъ, и указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ съ выгодою можно произвести успѣшный разбой. По обстоятельному разузнаніи всего нужнаго, передовые посланные даютъ вѣсть остальнымъ, и хищники всѣ вмѣстѣ внезапно нападаютъ на указанныя имъ селенія или путешествующихъ, и грабятъ безощадно; но при этомъ они берегутъ жизнь несчастныхъ жертвъ своихъ, дорожа ими какъ товаромъ. Увозятъ они людей всякаго возраста и пола, и продаютъ ихъ потомъ въ Хивѣ; но сжали въ числѣ плѣнныхъ захватываютъ людей богатыхъ и семейныхъ, то всегда берегаютъ ихъ тщательно и не продаютъ, въ ожиданіи большаго выкупа отъ родственниковъ, каковой часто и получаютъ. Нерѣдко случается также, что Гокланы, по просьбѣ родственниковъ тѣхъ плѣнниковъ, коихъ они продали уже въ рабство, ѣдутъ опять въ Хиву и крадутъ ихъ обратно, за что получаютъ иногда богатое вознагражденіе.

Набѣги свои на Персію Туркмены производятъ въ разныхъ мѣстахъ; если число хищниковъ невелико, они придерживаются къ морю и производятъ нападенія неподалеку отъ Астрабада; или — отправляются на лодкахъ и киржимахъ въ Астрабадскій-Заливъ и грабятъ въ окрестностяхъ сего-по-

сѣдняго; по когда шайка ихъ многочисленна, тогда, слѣдуя вверхъ по р. Гюргени, дѣлають они грабежи въ Хорасанѣ, лѣсистыя мѣста котораго весьма имъ въ томъ способствуютъ: Туркмены скрываются въ нихъ и выжидаютъ удобнаго случая для нападенія на проѣзжихъ или на купеческій караванъ. Нападенія эти производять они преимущественно осенью, по окончаніи домашнихъ работъ, и нарочно для того откармливають лошадей. *

МАРШРУТЫ ВЪ ХИВУ.

Главныя караванныя дороги, ведущія отъ восточнаго и сѣверо-восточнаго береговъ Каспійскаго-Моря въ Хиву, суть:

1. *Мангышлакская.*
2. *Сары-Калмыш-Юль* (отъ Балханскаго-Залива).
3. *Дегели-Юль* (съ полуострова Дарджи).
4. *Орта-Куй-Юль* (отъ южнаго берега бывшаго Хивинскаго-Залива).

Первою ѣздить *Сарты* (осѣдлые туземцы Хивинскаго-Ханства), отправляясь изъ Хивы въ Астрахань большими караванами. Каждогодно въ началѣ мая мѣсяца отправляется караванъ изъ Хивы къ Мангышлаку, употребляя на этотъ путь отъ 25 до 29 дней. Дорога эта совершенно безлѣсна, но чрезъ одинъ или два перехода имѣются колодцы съ водою, болѣе или-менѣе прѣсною. Въ Мангышлакѣ Хивинцы садятся на наши купеческія суда, пріѣзжающія туда въ это время изъ Астрахани съ товарами, которыми, въ ожиданіи прибытія означеннаго каравана, купцы наши обмѣниваются съ прибрежными Киргизами или Туркменами.

Хивинцы ѣздить также и въ Оренбургъ, куда поспѣвають въ 35 и въ 42 дня. Путь туда лежитъ имъ чрезъ Усть-Уртъ и Киргизскую-Степь.

Товары, которые возять они къ намъ, состоятъ изъ выбоскъ, синей бязи, пряденой хлопчатой бумаги, различныхъ

* Часть приведенныхъ свѣдѣній заимствована изъ записокъ Полковника Муравьева. Любопытныя подробности касательно нравовъ и образа жизни прибрежныхъ Юмудовъ можно найти въ путешествіи Эйхвальда по Каспійскому-Морю въ 1825 году (часть I).

шелковыхъ матерій, кашемирскихъ шалей, бухарскихъ мерлушекъ, марены и разныхъ фруктовъ. Сартъ, желающій торговать съ Россіею, сперва отправляется за означенными товарами въ Бухарію, потому-что въ самой Хивѣ издѣльная промышленность въ большомъ несовершенствѣ. Такимъ образомъ, Хивинскіе Сарты суть только доставщики товаровъ изъ государствъ къ востоку отъ нихъ лежащихъ. Богатства-же находящіяся въ частныхъ рукахъ у людей сего ханства, имѣютъ источникъ во множествѣ хлѣба, который производитъ Хива и которымъ довольствуется она всѣ окружающіе ее народы.

Товары, вывозимые отъ насъ Хивинцами, суть: хорошія и посредственныя сукна; холстъ; посуда стеклянная, мѣдная и чугунная; свинецъ, кожи, ножи, ножницы, и разныя другія издѣлія, которыхъ они сами не умѣютъ изготовлять, и рубли серебряные.

Остальныя три изъ вышеупомянутыхъ дорогъ служатъ только для Туркменовъ отправляющихся съ восточнаго берега Каспійскаго-Моря въ Хиву, для закупки разныхъ потребностей. Съ этою цѣлію караваны ихъ собираются при колодцахъ *Бугдайли* на полуостровѣ Дарджи, или при колодцахъ *Сегрешели* въ Балханскомъ-Заливѣ; бываетъ это обыкновенно въ началѣ сентября, при восхожденіи надъ горизонтомъ звѣзды *Адракс* (Сириуса), когда жары уже спадаютъ. Во время пути, верблюды пьютъ и горькую воду, но для людей и лошадей бурдюки наполняются хорошею водою, тамъ гдѣ находится она въ колодцахъ, чтобы довольствоваться ею въ мѣстахъ вовсе безводныхъ, или тамъ, гдѣ есть колодцы только съ горькою водою. Эти осенніе караваны обыкновенно зимуютъ въ хивинскихъ владѣніяхъ, но сиѣшаты возвращаться обратно раннею весною, пока остается много воды по лужамъ, отъ растаившаго сиѣга. Туркменскіе караваны съ Каспійскаго-Моря нерѣдко также ходятъ въ Хиву и весною; въ такомъ случаѣ возвращаются они домой позднею осенью, чтобы избѣжать жаровъ. Товары, покупаемые Туркменами въ Хивѣ, суть: пшеничная мука, сукно, ситцы и разныя потребности для хозяйства, которыя они вымѣниваютъ на звѣриныя шкуры, барановъ, верблюдовъ, лошадей, войлоки, ковры и плѣнныхъ Персіянъ; когда гоняютъ барановъ, то на путь отъ Балханскаго-Залива до Хивы употребляютъ 40 дней.

Въ-заключеніе, прилагаемъ маршруты трехъ упомянутыхъ путей, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ, которыми въ 1819 году слѣдовалъ въ Хиву и обратно Н. Н. Муравьевъ.

САРЫ-КАМЫШЪ-ІОЛЪ.

названія колодцевъ:	дни ѣзды.	глубина ко- лодцевъ въ маховыхъ са- женяхъ.	качество воды въ колодцахъ.
<i>Сегрешемъ</i> (въ Балханскомъ-За- ливѣ, при горахъ <i>Окъ</i>) . . .	»	1	хороша.
<i>Бурнакъ</i>	$\frac{1}{2}$	3	id.
<i>Сольменъ</i>	$1\frac{1}{2}$	10	id.
<i>Сеули</i>	$1\frac{1}{2}$	25	горьковата.
<i>Язи-Эшелъ</i>	1	2	id.
<i>Еръ-Ойланъ</i>	$\frac{1}{2}$	7	id.
<i>Туеръ</i>	$\frac{1}{2}$	3	хороша.
<i>Диринъ-Депмъ</i>	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	солонватая.
<i>Озюкъ-Куй</i>	2	20	горьковата.
<i>Беишъ-Дилишъ</i>	2	$1\frac{1}{2}$	хороша.
Хивинская-Земля	3	»	»
ИТОГО	$15\frac{1}{2}$	»	»

По всей этой дорогѣ возлѣ каждаго почти колодца есть довольно кустарниковъ для варенія пищи.

ДЕГЕЛИ-ІОЛЪ.

колодцы и родники, начиная отъ п. <i>Дарджи</i> :	дни ѣзды.	глубина ко- лодцевъ въ ма- ховыхъ саже- няхъ.	качество воды.
к. <i>Орна</i>	2	$1\frac{1}{2}$	хороша.
к. <i>Гѣзла-Ата</i>	1	2	id.
к. <i>Туеръ</i>	2	3	id.
родн. <i>Донера</i>	2	«	»
к. <i>Акъ-Куй</i>	$1\frac{1}{2}$	3	хороша.
к. <i>Дегели</i>	2	3	id.
к. <i>Акъ-Набатъ</i>	2	5	горька.
г. Хива	2		
ИТОГО	14	»	»

Орта-Куй-Юлѣ.

названія урочищъ, начиная отъ колодца <i>Бугдайли</i> :	длн. язды.	глубина колодезь въ маховыхъ саженьяхъ.	качество воды.
<i>Дената</i> (родникъ)	1	»	довольно хороша.
<i>Асга</i> (илмень)	$2\frac{1}{2}$	»	id.
<i>Өсхабъ</i> (тоже)	1	»	id.
<i>Дикте</i> (колодезь)	$1\frac{1}{2}$	1	горьковата
<i>Джамалай</i> (тоже)	$1\frac{1}{2}$	2	хороша.
<i>Арбатли</i> (тоже)	$\frac{1}{2}$	2	горьковата
<i>Орта-Куй</i> (тоже)	3	3	хороша.
<i>Нефесъ Кули</i> (тоже)	1	5	горьковата
<i>Сокарта-Ага</i> (тоже)	2	12	»
<i>Хива</i>	1		
итого	15	«	»

Колодезь *Бугдайли* находится въ 30 верстахъ къ востоку отъ *Кызъ-Мали*, и въ двухъ дняхъ ѣзды къ сѣверу отъ *Гасанъ-Кули*. На этомъ пространствѣ имѣются колодцы почти на каждомъ агачѣ (7 верстѣ).

Путь Муравьева въ Хиву.

число верстъ,
считая по
4 версты на
часъ ѣзды.

Колодезь <i>Суджи-Кабилъ</i> (на сѣверо-востокъ отъ красноводской якорной стоянки Муравьева) . .	28.
Кол. <i>Сюльменъ</i>	60.
Кол. <i>Сюйли</i> (вода не хороша; глубина колодца — 15 сажень)	24.
Кол. <i>Демуръ-Джелъ</i> (на днѣ бывшаго въ семь мѣстѣ озера; кустарниковъ нѣтъ; находятся нѣсколко вправо отъ большой дороги; на дорогѣ-же имѣются тутъ колодцы <i>Ясакъ-Джелъ</i> , у которыхъ караваны не останавливаются, по причинѣ солоноватости воды въ нихъ)	30.

Кол. <i>Геройданъ</i> (вода не очень хороша; находится тоже нѣсколько вправо отъ дороги)	10.
Кол. <i>Туеръ</i> (6 колодець въ одномъ мѣстѣ; вода хороша, но кустарниковъ нѣтъ)	109.
Тутъ дорога раздѣляется: одна идетъ прямо, другая беретъ влѣво, уклоняясь къ сѣверо-востоку; послѣдняя двумя сутками ѣзды длиннѣе первой; идетъ она на	
Кол. <i>Диринъ</i> (обдѣланъ камнемъ; вода вонючая и солоноватая)	63.
Кол. <i>Бешъ-Дишикъ</i> (вода хороша; неходя 7 верстѣ до этихъ колодець, встрѣчается, на днѣ бывшаго русла Аму-Дарьп, родникъ съ прѣсною водою, пменуемый <i>Сары-Калышъ</i>)	216.
Первый водопроводъ	195.
Водопроводъ <i>Ахъ-Серай</i>	34.
Городъ Хива	50.

итого 819.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ МУРАВЬЕВА ИЗЪ ХИВЫ.

Изъ <i>Иль-Гельды</i> до <i>Бузь-Гельменъ</i> (послѣдняго водопровода въ Хивинскомъ-Ханствѣ)	32.
	верстѣ дней ѣзды.
<i>Шахъ-Сенель</i> (разоренная крѣпость и при ней лужа)	4.
<i>Ахъ-Набатъ</i> (колодець)	2.
<i>Энгюнджъ</i>	2.
<i>Дели</i> , или <i>Дегели</i> (колодець, на половинѣ дороги отъ Хивы до Красноводска)	2.
<i>Ахъ-Куй</i>	1.
<i>Тонера</i> (отъ Дегели досюда — 90 верстѣ)	1.
<i>Туеръ</i> (30 верстѣ)	1.
<i>Делуръ-Джелъ</i>	1.
<i>Сюйли</i>	$\frac{1}{2}$.
<i>Сюльменъ</i>	$\frac{1}{2}$.
Красноводскій-Заливъ	2.

итого 18 дней.

ОБЛАСТНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. *

Д. Ч. А. И. Шренка.

Ближайшею цѣлю Русскаго Географическаго Общества, какъ всѣмъ извѣстно, должно быть изученіе нашего обширнаго отечества, изученіе не ограниченное одними мѣстностями, но занимающееся съ неменьшею любовію и человѣкомъ, ихъ заселяющимъ, о которомъ познаніе столько же важно для географіи, какъ познаніе ниворослей важно для земледѣльца. Если это не подлежитъ сомнѣнію, то не менѣе справедливо и то, что человѣкъ

* Спустя нѣсколько времени по окончаніи предлагаемой статьи я имѣлъ случай ознакомиться съ богатымъ собраніемъ провинціализмовъ Сѣвернаго Нарѣчія, изданнымъ въ новѣйшее время и въ немногихъ экземплярахъ (особеннымъ оттискомъ изъ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей) жителемъ города Архангельска, г. Кузмищевымъ; не только радъ уступить ему первенство на этой стезѣ какъ природному Русскому, но и долженъ замѣтить, что сборникъ его, какъ долголѣтняго жителя сѣвернаго поморья, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе словъ, нежели сколько собрано ихъ мною. Несмотря на то, сличивъ поверхностно тотъ и другой трудъ, я рѣшился передать въ распоряженіе общества настоящую статью, которая не только въ изясненіи многихъ словъ можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. Кузмищева, но и содержитъ въ себѣ выраженія неупомянутыя въ его сборникѣ, чѣмъ доказывается, что трудъ надъ предметомъ насъ занимающимъ нѣмало еще не оконченъ; наконецъ, такъ-какъ обѣ статьи писаны независимо одна отъ другой, то онѣ взаимно послужатъ себѣ поправкою, по чему самому я не считалъ за нужное подробное ихъ сличеніе, и отсюда не дозволилъ себѣ никакихъ перемѣнъ или поправокъ тамъ, гдѣ мои извѣстія могли не согласоваться съ замѣчаніями моего предшественника. А. Ш.

русскій въ отдаленнѣйшихъ странахъ обширной родины, по естественному влеченію сердца, еще болѣе имѣетъ занимательности для Русскаго, еще въ болѣе мѣрѣ заслуживаетъ съ его стороны точнаго изслѣдованія, нежели 60 иноплемennыхъ народовъ, коихъ называетъ онъ земляками. Вотъ почему наблюдатель изъ среды тѣхъ иноплемennыхъ и поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе представить здѣсь собраніе областныхъ выраженій русскаго языка, употребляемыхъ въ Архангельской Губерніи. Быть можетъ нѣкоторые сдѣлаютъ мнѣ вопросъ: въ какой связи находятся провинціализмы русскаго языка, предметъ розысканій чисто-лингвистическихъ, съ занятіями Географическаго Общества? На этотъ вопросъ я отвѣчу, во-первыхъ, что языкъ есть живой отголосокъ думы человѣка: въ языкѣ познается *какъ онъ мыслитъ и понимаетъ*; къ познанію же человѣка, составляющему одну изъ ближайшихъ цѣлей нашихъ, относится конечно и познаніе его образа мыслей, ибо безъ мысли человѣкъ не есть человѣкъ. Во-вторыхъ — была уже рѣчь въ нашемъ обществѣ о составленіи русскаго географическо-терминологическаго лексикона; въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю такой *русскій* лексиконъ, это долженъ быть сборникъ всѣхъ выраженій, употребляемыхъ Русскими въ различныхъ частяхъ государства, для обозначенія мѣстностей, въ которомъ, слѣдовательно, должны заключаться и особенное вниманіе заслуживать областныя географическія выраженія всѣхъ странъ Россіи, ихъ объясненіе и производство; ибо что такое *гора*, это едва-ли кому неизвѣстно, и значеніе этого слова русскому человѣку не вѣдуется отыскивать въ географическомъ лексиконѣ; но что такое *хибѣнъ* или *вѣрака*, многіе изъ насъ не узнаютъ не наведя справки: а въ обыкновенномъ словарѣ не найдете этихъ словъ. Извѣстно также что такое *скала*; но знаете-ли вы значеніе словъ: *корга*, *подвѣдница*, *помѣѣха*, *пѣхта*, *сталикъ*, *лѣда*, *щерлѣнъ*? Едва-ли, если вамъ не случилось прогуляться по Бѣлому-Морю, или по Сѣверному-Океану, омывающему берега Архангельской Губерніи; и вотъ вамъ семь выраженій русскаго языка для означенія *скалы*; конечно вы пожелаете точнѣе узнать знаменованіе каждаго изъ нихъ, и для этой цѣли снова должны будете открыть географическій лексиконъ. Итакъ, изданіе подобнаго сборника безъ всякаго сомнѣнія будетъ весьма-полезно, и не

для однихъ Русскихъ, а и для иностранцевъ занимающихся географическимъ, или даже историческимъ, изслѣдованіемъ какого либо отдѣльнаго края Россіи.

Но этотъ географическій лексиконъ *спеціально-русскій* составить только малую часть того, что я понимаю подъ значеніемъ *общаго для Россіи* географическаго словаря. Этотъ послѣдній будетъ содержать въ себѣ изъясненіе выраженій, до мѣстностей относящихся, употребляемыхъ отдѣльно каждымъ народомъ Россіи подвластнымъ; это будетъ родъ *Vocabularium Petropolitanum* Екатерины II, ограничивающійся терминами географическими и народами русскими; и такой словарь не только поведетъ къ тому, что въ карты могутъ быть правильнѣе вносимы названія урочищъ, нерѣдко до невѣроятности искаженныя; но и болѣе того: въ странѣ обитаемой чуждымъ народомъ, названія отдѣльныхъ урочищъ, пестряющія на картѣ, составляютъ нынѣ мертвое скопище буквъ часто варварскаго звука, не имѣющее для насъ ни малѣйшаго значенія, не возбуждающее никакой мысли; если-же мы будемъ понимать знаменованіе географическихъ терминовъ народа той страны, то карта предъ взоромъ нашимъ оживится, и понятныя названія породятъ въ умѣ идеи, которыя поведутъ къ розысканіямъ. Разверните, напримѣръ, двѣ карты: одну Московской губерніи, другую-же Киргизской Степи, — и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго. Московская карта съ ея понятными названіями возбудитъ въ васъ множество мыслей, и часто изъ одного названія вы почерпнете весьма справедливое понятіе о мѣстности; напротивъ-того, карта Киргизской-Степи заставитъ васъ только зѣвать. Возьмемъ еще примѣръ изъ архангельскаго сѣвера. Здѣсь въ отдаленныхъ кочевьяхъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ протекаетъ довольно значительная, въ сравненіи съ другими, рѣка, которую Самоѣды назовутъ вамъ *Хаюдыдырама*. Что подумаете вы при этомъ варварскомъ названіи? ничего; рѣшительно ничего, кромѣ того, что подивитесь длинному слову и полудикимъ его звукамъ, которые едва будете въ состояніи удержать въ памяти; и посмотрите какъ оно нанесено на карты: *Халигура*, *Хайгудара*, *Хайгудырка*, и т. д. Которое изъ этихъ названій правильно? Для этого розысканія вы открываете географическій лексиконъ, и находите: *ма* на самоѣдскомъ языкѣ «рѣка»; *ныдыра* — «лѣсъ»: теперь вы знаете

по-крайней-мѣрѣ, что имѣете дѣло съ *рѣкою*, по которой *растетъ лѣсъ*, и быть можетъ подивитесь, что лѣса въ той сторонѣ тундры поднимаются столь высоко на сѣверъ, до 68-го градуса широты, между-тѣмъ какъ обыкновенная граница ихъ на всемъ пространствѣ архангельскихъ тундръ лежитъ на цѣлый градусъ широты ниже. Вотъ однимъ названіемъ порожденная въ васъ *мысль*, которая увлекаетъ повести розысканіе далѣе. Не находя въ географическомъ лексиконѣ значенія первой части названія — слова *хаіодъ*, вы развертываете нѣсколько бѣдныхъ собраній самоѣдскихъ словъ, — все, что только имѣемъ мы доселѣ о языкѣ этого народа, — съ намѣреніемъ, если возможно, отыскать его, и вамъ удастся: въ одномъ изъ нихъ встрѣчаете вы прилагательное *хаіодъ*, имѣющее значеніе «святаго», «неприкосновеннаго», взятое отъ существительнаго *хай*, которыми Самоѣды называютъ своихъ идоловъ. Итакъ, вотъ вамъ *рѣка святаго лѣса*; если это и не дастъ еще полного понятія о занимающей васъ рѣкѣ, ибо вы не знаете, отъ чего взято таковое ея названіе, то по-крайней-мѣрѣ вы уже въ состояніи правильно нанести его на карту; но если изъ какихъ-либо извѣстій вы получили уже свѣдѣніе, что *Шолоховскія Горы* на полуостровѣ Канинѣ подъ 67½ градусомъ широты не суть крайній къ сѣверу оазисъ лѣсовъ (обстоятельство которое дало имъ самоѣдское названіе *Хаіодъныдырагой*, т. е. *хребетъ святаго лѣса*), то вамъ не трудно заключить, что и здѣсь по рѣкѣ того же имени вѣроятно встрѣчается то же обстоятельство, по которой она получила названіе, — и дѣйствительно вы не ошибаетесь. Слѣдовательно географическій лексиконъ доставилъ вамъ не только средство исправить названіе мѣстности, но и побудилъ васъ къ изслѣдованіямъ, которыя довели до любопытнаго результата: означенія *вѣроятной* сѣверной границы лѣсовъ въ этой части Архангельской Тундры, которое позднѣйшему путешественнику по этой странѣ останется только утвердить.

Для того, однако, чтобы изданіе географическаго, или, лучше сказать, *топографическаго* лексикона, котораго пользу для русской географіи мы желали доказать, могло осуществиться въ этомъ видѣ и по этому размѣру, требуется много матеріаловъ не наудачу набросанныхъ и склѣнныхъ въ цѣлое съ грѣхомъ пополамъ, но тщательно собранныхъ

въ извѣстной полнотѣ для каждой страны, дабы зодчій, который предприметъ построить намъ желаемое зданіе, приведенный въ отчаяніе отъ недостатка данныхъ, не бросилъ его прежде окончанія, или-же не оставилъ въ немъ болѣе скважинъ нежели вывелъ стѣнъ.

Въ настоящей статьѣ, хотя писанной первоначально не для цѣлей Р. Г. Общества, и заключающей въ себѣ болѣе 350 словъ архангельскихъ областныхъ выраженій общаго значенія, собранныхъ въ-теченіе двухъ путешествій на востокъ и на западъ этого края, отчасти-же случайно извлеченныхъ при чтеніи сочиненій Лепехина, Фомина, Крестинина и другихъ, встрѣчается однако довольно и такихъ выраженій, которыя могутъ войти въ составъ русскаго географическаго лексикона, значеніе которыхъ отмѣчено съ болѣею точностію, и самое происхожденіе изъ русскаго, или языковъ сосѣднихъ народовъ, изъяснено, какъ мнѣ кажется, удовлетворительно. Вотъ причины, побудившія меня представить Обществу малую долю матеріаловъ нужныхъ для предполагаемаго лексикона: желаю тѣмъ содѣйствовать по силамъ къ составленію общаго. Если каждый принесетъ свой участокъ, то со-временемъ будетъ чѣмъ похвалиться.

Но прежде нежели приступимъ къ исчисленію отдѣльныхъ словъ, сдѣлаемъ предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній касательно русскаго языка въ Архангельской Губерніи.

Слушая рѣчь архангельскаго простолюдина, вы тотчасъ схватите ея разительное отлічіе отъ языка московскаго рѣзкимъ выговоромъ гласнаго звука *о*, который вездѣ произносится первымъ какъ чистое, внятное *о*, между-тѣмъ какъ извѣстно, что въ устахъ Москвича это *о* тамъ только удерживаетъ чистый звукъ свой, гдѣ стоитъ на немъ удареніе, во всѣхъ-же прочихъ случаяхъ превращается въ смягченное *а*, *хара́шій*, *хараи́о*, вмѣсто *хоро́шій*, *хорошо*, какъ принято писать и какъ постоянно вы услышите въ Архангельскѣ. Но какъ звукъ *о* въ русскомъ языкѣ встрѣчается довольно-часто, то, не будучи смягченъ, придаетъ онъ рѣчи архангельской нѣчто грубое, непріятное для слуха, чего умѣло избѣгать нарѣчіе московское. Въ этомъ отношеніи архангельское нарѣчіе относится къ московскому точно также, какъ суровый дорпческій діалектъ древнихъ Грековъ къ мягкому и плавному іоническому, или къ щеголеватому аттическому.

Сверхъ этой отличительной черты, вась поразить еще рѣчь архангельскаго крестьянина какой-то особенной пѣвучестью, которою постоянно сопровождается, и вы замѣтите, что эта пѣвучесть заключается въ протяженіи окончательнаго слога рѣчи, который выговаривается съ особеннымъ измѣненіемъ голоса въ нѣсколькихъ тонахъ. Откуда, спросите вы, эта странная привычка? Откуда взяли Архангельцы причудливый обычай говорить на распѣвъ? На вопросъ этотъ отвѣчать можно развѣ догадкою, которая для меня однако же имѣетъ полный вѣсъ убѣжденія: это вліяніе языка первобытныхъ обитателей Архангельской Губерніи, древней Заволоцкой Чуди, на переселенцевъ изъ Новгорода, вліяніе непримѣтно вкравшееся въ рѣчь побѣдителей изъ языка побѣжденныхъ; послѣдніе, во времена перваго заселенія Архангельской Губерніи, конечно имѣли свои жилища въ сосѣдствѣ новыхъ пришельцевъ, и, вступивъ съ ними мало-по-малу въ болѣе мирныя сношенія и торговые обороты, приняли наконецъ ихъ вѣру, а съ вѣрою и языкъ, утратили такимъ образомъ, въ-теченіе быть можетъ немногихъ столѣтій, свою народность, и обратились въ коренныхъ людей русскихъ; а языкъ этихъ, въ-свою-очередь, привыкнувъ къ пѣвучимъ звукамъ вокругъ нихъ разселенной Чуди, не могъ устоять противъ вкрадчиваго вліянія, котораго слѣды сохранилъ понынѣ. Причины, побуждающія меня къ такому предположенію — тѣ въ-особенности, что эти пѣвучіе звуки, столь странные для непривыкшаго къ нимъ уха, нигдѣ не сопровождаютъ рѣчи столь внятно и постоянно, какъ въ языкъ нынѣшнихъ Архангельскихъ Зырянъ, прямыхъ потомковъ Заволоцкой Чуди. По тому самому, вышеупомянутое произношеніе встрѣчается между Русскими только по системамъ рѣкъ Печоры, Мезени и Двины, гдѣ именно обитала древняя Чудь; далѣе-же на западъ, сколько мнѣ извѣстно, тердается въ послѣднихъ слѣдахъ тамъ, гдѣ пришельцы русскіе сошлись съ другими народами, хотя также финскаго племени, но которыхъ языкъ не имѣлъ этой отличительной черты нарѣчія Заволоцкой Чуди и ея потомковъ.

Впрочемъ, это не единственное вліяніе, какое имѣлъ языкъ финскихъ аборигеновъ на рѣчь пришельцевъ Русскихъ. Онъ оставилъ ему въ наслѣдство еще дурную привычку, также распространенную между Зырянами, превращать довольно-постоян-

но звукъ *ц* въ болѣе мягкое *ч*, что въ-особенности слышно на Мезени, рѣже въ Пинежскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, но опять весьма употребительно въ Олонецкой Губерніи; вы подивитесь словамъ *улил*, *курил*, *поилуй*, вмѣсто *улица*, *курица*, *поилуй*; хотя и этотъ обычай опять находитъ свои исключенія, нетрудныя для объясненія: такъ, напримѣръ, никогда не услышите вы *царство* вмѣсто *царство*, или *царевичъ* вмѣсто *царевичъ*; но вспомните, что это слова, которыхъ правильный выговоръ крестьянинъ каждое воскресенье, каждый праздничный день, слышитъ отъ священника.

Происхожденіе другихъ особенностей архангельскаго нарѣчія не иначе истолковывается, какъ случайнымъ введеніемъ въ употребленіе. Такъ, напримѣръ, гласный звукъ *ы* нерѣдко смягчается въ *и*, и вмѣсто *мды* промышленникъ говоритъ *мди*, а въ родительномъ падежѣ *мдей*; звукъ *ь* во многихъ мѣстахъ постоянно выговаривается какъ *и*: *хмбъ* вмѣсто *хмбь*, *сиверъ* вмѣсто *сиверъ*. Это, конечно, обычай, которымъ одолжены Архангельцы своимъ переселенцамъ изъ Малоросіи; оттуда же, быть можетъ, происходитъ и особенность — употреблять имена прилагательныя и нѣкоторыя мѣстоименія, кромѣ единственнаго числа мужескаго рода, постоянно въ видѣ усѣченномъ; напримѣръ: *она негодна*, *велико море*, Самоѣды *робки ребята*. Далѣе, къ особенностямъ архангельскаго нарѣчія принадлежитъ еще выбрасываніе гласной буквы *е* въстрѣтѣмъ лицъ единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ, оканчивающихся на *атъ*: вмѣсто *бываетъ*, *дѣлаетъ*, говорятъ *быватъ*, *дѣлатъ*; или-же во второмъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ возвратныхъ окончаніе *иася* превращается въ *се*; вы услышите: что ты *ругаессе* — вмѣсто *ругавишся*, и т. д.

Архангельскій языкъ весьма богатъ провинціализмами, и неудивительно: онъ со всѣхъ сторонъ собралъ обильную ихъ жатву, да и понынѣ не перестаетъ ими обогащаться. Самые древніе изъ его областныхъ выраженій суть сохранившіеся въ немъ остатки языка русскаго въ томъ видѣ, какъ говорили имъ за нѣсколько столѣтій въ Великомъ-Новѣгородѣ и отчасти въ другихъ странахъ Россіи; это слова, въ свое время бывшія общимъ достояніемъ Русскаго Народа, но которыя въ сердцѣ Россіи, вышедъ мало-по-малу изъ употребленія, живутъ теперь только въ глуши лѣсовъ архангельскихъ и въ отдаленныхъ де-

брыхъ Сибиря, гдѣ извлекаетъ ихъ изъ забвенія любопытный путешественникъ, и вноситъ въ число провинціализмовъ выраженія, то, что нѣкогда было кореннымъ и первобытнымъ въ языкѣ русскомъ. Между сибирскими провинціализмами много встрѣчается общеуботребительныхъ и въ Архангельской Губерніи, но неслышныхъ нигдѣ въ прочихъ краяхъ Россіи; это обстоятельство сперва поражаетъ вась недоумѣніемъ, если вы примете въ соображеніе взаимную отдаленность странъ; но причина тому естественна: Сибирь, точно также какъ и Архангельская Губернія, въ—теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно принимала въ себя поселенцевъ, частію изъ предприимчивыхъ промышленниковъ отыскивавшихъ добычи, частію служа убѣжищемъ недовольнымъ, въ—особенности упорнымъ фанатикамъ, которые укрывались здѣсь въ безвѣстной тогда отдаленности. Эта самая пустыньность края, преграждавшая имъ всякое сношеніе съ покинутою родиною, служила главною причиною къ сохраненію между ними многихъ словъ, затерянныхъ въ—послѣдствіи тамъ, откуда были вынесены.

Другой разрядъ провинціализмовъ принадлежитъ къ тѣмъ остаткамъ языка первобытной Чуди, которые, вкравшись мало—по—малу въ языкъ русскихъ переселенцевъ, сохранились въ немъ, между—тѣмъ какъ самый народъ, у коего были они заимствованы, обрусѣвши, или истребившись, исчезъ изъ страны, нѣкогда имъ занимаемой, оставивъ въ ней единственную по себѣ память въ названіяхъ множества урочищъ понынѣ употребительныхъ, и помощію языка русскаго рѣшительно неизъяснимыхъ, но которыхъ значеніе во многихъ случаяхъ еще можно вывести изъ языковъ финскихъ. Привожу въ примѣръ одно окончаніе названій множества рѣкъ въ Архангельской Губерніи на *га, уга, юга, ега* (Волонга, Паленга, Палуга, Иожуга, Рочуга, Еюга, Урдюга, Немнюга, Мудъюга, Пянега, Онега, Индега, Чусга, и мн. др.); означенныя окончанія суть ничто иное, какъ финское слово *jöggi, okki*, означающее «рѣку».

Еще многочисленнѣе словъ, заимствуемыхъ изъ нынѣ существующихъ языковъ сосѣдственныхъ народовъ, съ которыми Архангельцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, Самоѣдовъ и Зырянъ, Лопарей и Финновъ. Первые въ—особенности обогатили архангельское нарѣчіе своими словами.

Скитаясь между ними въ лѣтніе мѣсяцы со стадами оленей, Русскіе вмѣстѣ съ кочевой жизнію должны были принять и выраженія, необходимо требуемыя такимъ образомъ жизни. Скажемъ болѣе: проникая мало-по-малу въ дальнія страны угрюмага сѣвера, Русскіе должны были отчасти покинуть свою народную одежду, и въ замѣнъ ея запастись непроницаемою для лютыхъ морозовъ, но вмѣстѣ легкою и удобною, одеждою Самоѣдовъ, которая нынѣ распространилась болѣе-или-менѣе по всей Архангельской Губерніи, сохранивъ, въ цѣломъ и частяхъ, свои самоѣдскія наименованія. Самое понятіе *тундры* было вовсе новымъ для пришельцовъ изъ болѣе благодатныхъ странъ умѣреннаго сѣвера, и они заимствовали для него выраженіе изъ языка Лопарей. Извѣдавъ мало-по-малу, изъ-конца-въ-конецъ эту безмолвную тундру, Русскіе вышли на берегъ океана и предприимчивый духъ Великаго Новгорода вскорѣ возникъ властелиномъ надъ бурными водами его. Недолго утлый чолнъ тянулся боязливо у подножія скалистыхъ громадъ и по мелямъ, прибрежнымъ, отыскивая богатой топи семги, омыля, трески или палтусины; недолго отважный промышленникъ слѣдилъ тюленя и морскаго зайца на плывущихъ льдинахъ, несомый по произволу вѣтровъ и волнъ надъ глубиною пучины, не по днямъ и часамъ, а по недѣлямъ; или пускался за нимъ на длинныхъ лыжахъ по тѣмъ же зыбкимъ льдамъ, гдѣ одна ловкость и стремительность бѣга переносили его со льдины на льдину, верстъ за 30 въ открытое море, съ ежечасною опасностію мгновенно исчезнуть въ глубинѣ бездны: скоро чолнъ превратился въ ладью, и парусъ русскій заблѣлъ на неизмѣримомъ океанѣ, направляясь къ подполоснымъ льдамъ для прибыльной добычи моржа, или огибая уединенныя скалы Новой-Земли и Шпицбергена, по-архангельски — Груманта, или, наконецъ, пролагая себѣ путь далѣе-и-далѣе на востокъ, гдѣ, самъ себѣ не вѣря, явился въ устьяхъ Оби и Енисея, соперникомъ, по выгодной торговлѣ съ простодушными Самоѣдами, другихъ промышленниковъ, не менѣе предприимчивыхъ, открывшихъ уже тотъ край, сухимъ путемъ, изъ Сибири.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, лѣтопись нашего архангельскаго сѣвера, изъ коей, чтобъ возвратиться къ занимающему насъ предмету, проистекла новая обильная жатва множе-

ства словъ и выраженій, дотолѣ неслыханныхъ въ русскомъ языкѣ. На крайнемъ сѣверѣ нашемъ, соотечественники впервые познакомились подробнѣе, свыклись съ моремъ, и должны были найти особенныя выраженія для означенія свойства различныхъ мѣстностей и прибрежій того моря; отчасти заимствовали они эти выраженія отъ туземныхъ инородцевъ, болѣе-же изобрѣли свои собственные. Рыбная ловля, и въ-особенности береговые морскіе промыслы, требовали новыхъ техническихъ словъ. Пускайся, наконецъ, въ открытое море, промышленники должны были различать съ болѣею точностію страны свѣта для опредѣленія направленій вѣтровъ и берега, и обратили вниманіе на созвѣздія, по теченію которыхъ часто приводилось имъ направлять путь, и которыя, по тому самому, получили свои названія: ибо дивное изобрѣтеніе компаса, или *матогки*, долго оставалось имъ неизвѣстнымъ; да и понынѣ *еще* бойкій промышленникъ нерѣдко странствуетъ по морямъ, вдаль, не употребляя компаса, и руководствуемый свѣтилами небесными, да какимъ-то чутьемъ промышленнымъ. Не мало и погибаетъ ежегодно этихъ смѣльчаковъ; но несытый духъ предпріимчивости, и надежда, подкрѣпляемая русскимъ *авось*, съ каждою новою весною, открывающею взорамъ необъятную синеву морей, манитъ къ новымъ попыткамъ, вводитъ въ новыя опасности, гдѣ неблагоприятная отвага годъ-за-годомъ поглощаетъ новыя жертвы.

Замѣтимъ, наконецъ, что значительная торговля архангельскихъ поморцевъ, постоянно сближая Русскихъ съ чужеземными народами, въ-особенности съ жителями Норвегіи, занесла и отъ нихъ также нѣкоторое, хотя и незначительное, число новыхъ словъ, замѣчаемыхъ между архангельскими провинціализмами.

Касательно нарѣчій различныхъ краевъ Архангельской губерніи, чище другихъ сохранился языкъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ. Кольскій заимствовалъ лопарскія, Онежскій — финскія выраженія; южный Мезенскій и Шенкурскій уѣзды усвоили много зырянскихъ словъ; въ Шенкурскѣ, сверхъ-того, лѣсные промыслы, и въ-особенности смолокурение, ввели свои техническія обозначенія; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами и обогатился множествомъ терминовъ отъ мореплаванія и морскихъ промысловъ. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ

русскіе сосѣди Зырянѣ, по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь такъ сильно смѣшался съ русскимъ, что со-временемъ, быть-можетъ, исчезнетъ вѣсть съ финскою народностію, какъ исчезъ безвѣстно на Двинѣ: ибо народъ, занимающій высшую степень образованія, легко уничтожаетъ языкъ и національность менѣе развитаго народа, невозвысившагося еще до сознанія самобытности своего племени, между-тѣмъ какъ примѣровъ обратнаго хода исторія въ своей безсмертной лѣтописи временъ — не сохранила. Такъ Христіанство освѣщаетъ мракъ идолослуженія; но нигдѣ и никогда деревянныя кумиры не вытѣснили Бога Христіанъ.

Приступаемъ, къ исчисленію отдѣльныхъ словъ, составляющихъ архангельскія областныя выраженія.

1. *Вѣдріе*, — ясная погода; старинное русское слово *ведро* употребляется въ Устьцыльмѣ на Печорѣ.

2. *Бурсикъ*, — облако съ дождемъ или снѣгомъ; въ Мезенскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ. Происходитъ, вѣроятно, отъ финскаго глагола *puiskua*, «накрапываю».

3. *Марево* (во множ. ч. *маревъ*), — земныя испаренія.

4. *Засіятрка*, — суровая погода сопровождаемая вѣтрами въ лѣтнее время; въ Мезенскомъ Округѣ.

5. *Челмрі*, — густой туманъ, сопровождаемый обыкновеннымъ дождемъ; въ Кольскомъ Уѣздѣ, на морѣ.

6. *Липѹха*, — мокрый снѣгъ, осенній или весенній, который *липнетъ* къ предметамъ.

7. *Погода*, — буря: «на морѣхватила насъ сильная погода»; сокращеніе нѣтъ *непогода*.

8. *Пѹрга*, — зырянское слово, употребляемое въ Устьцыльмѣ, въ томъ-же значеніи: буря, непогода.

9. *Оддѣрналъ погода*, — буря на морѣ, отгоняющая (отдирающая) судно отъ берега.

10. *Порѣдка*, — слово употребляемое нынѣ въ обще-русскомъ языкѣ только въ уменьшительномъ видѣ — *порошка*; на Пянегѣ.

11. *Снѣгъ рындатъ* (вмѣсто рындаеть), — снѣгъ несется, падаетъ.

12. *Тѣло, тамікѣ*, — протаявшая, освободившаяся отъ снѣга почва; въ Архангельской и Олонецкой губ.

13. *Заря*, — сѣверное сіяніе, также какъ и утренняя или вечерняя заря.

14. *Слѣдлохи*, — сѣверное сіяніе, когда оно является въ видѣ бѣлыхъ мерцающихъ лучей, неяркаго свѣта.

15. *Столбы*, — сильное сѣверное сіяніе, какъ оно показывается въ ясныя зимнія ночи, когда яркіе лучи (столбы) покрываютъ небо до самаго зенита, играя разпыми цвѣтами, то потухая, то снова возгораясь.

16. *Божія-дуга*, — радуга.

17. *Зарніца*, — утренняя и вечерняя звѣзда.

18. *Лось*, — созвѣздіе Большой-Медвѣдницы.

19. *Остлцкал-лосъ*, — созвѣздіе Кассіопеи; взято съ самоѣдскаго *хабій-кулмъ*, т. е. *остлукое созвѣздіе*.

20. *Утигъ-енъздо*, — созвѣздіе Плеядъ; переведено съ самоѣдскаго *нлбы-сарнъ*, т. е. *утигги лица*.

*

21. *Мѣтха, мѣтошка*, — такъ называются маленькіе деревянные компасы, употребляемые иногда нашими промышленниками; см. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ. Самое слово происходитъ конечно отъ глагола *малтъся*, т. е. метаться въ ту и другую сторону, откуда также взято слово *малт-никъ*; нынѣ-же маточка въ Архангельскомъ-Поморьѣ почти вывелась изъ употребленія и мѣсто ея заступилъ порядочный компасъ, почему я однажды только слышалъ это названіе отъ Самоѣдовъ, которымъ передали его Русскіе. Отъ названія *маточки*, какъ замѣчаетъ нашъ морякъ въ вышеприведенномъ его сочиненіи, происходитъ названіе *Маточкина-Шара* на Новой-Землѣ.

22. *Сіверъ*, вм. сѣверъ, см. стр. 127.

23. *Полуночникъ*, — сѣверовосточный вѣтеръ.

24. *Глубникъ*, — сѣверозападный вѣтеръ. Тотъ же вѣтеръ въ Кольскомъ-Поморьѣ, гдѣ онъ несется вдоль по берегу, называется

25. *Поберѣжникъ*.

26. *Встокъ* (вм. востокъ), — восточный вѣтеръ.
27. *Лѣто*, *лѣтний* вѣтеръ, — югъ, южный вѣтеръ.
28. *Обѣдникъ*, — юговосточный вѣтеръ, такъ-какъ архангельскій крестьянинъ *обдаётъ* въ девятомъ или десятомъ часу утра, когда солнце стоитъ на юговостокѣ.
29. *Шелонекъ*, или *шелонникъ*, — югозападный вѣтеръ.
30. *Межникъ*, — называется всякій вѣтеръ между поименованными главными направленіями лежащій; такъ, на примѣръ, NNO есть «*межъ сиверъ и полуночникъ межникъ*»; SSW — «*межникъ межъ лѣто и шелонекъ*».
31. *Повѣтеръ*, *повѣтерня*, — попутный вѣтеръ.
32. *Противнѣй*, — противный вѣтеръ или противное сильное теченіе водъ.
33. *Поводъ*, — попутное теченіе рѣки или моря: «мы плыли *на-поводъ* рѣки», т. е. внизъ по теченію.
34. *За́водъ*, — загражденное скалою или выдавшимся мысомъ мѣсто у берега, гдѣ вода не имѣетъ теченія: «мы стояли *въ заводѣ* за длиннымъ носомъ».
-
35. *За́берега*, — окраина льда у берега.
36. *Ны́ласъ*, — первый тонкій ледъ на рѣкахъ.
37. *Сѣ́мьзъ*, — льдяная кора облекающая предметы, когда морозъ смѣняетъ сырую погоду.
38. *Чиръ*, — твердая ледянистая кора, которою покрывается поверхность смѣга, когда морозъ слѣдуетъ за оттепелью.
39. *Наракѹй*, — то же самое; взято изъ языка самоѣдскаго; въ Мезенскомъ Уѣздѣ.
40. *Мя́тѹха*, — мелкій ледъ; онъ глагола *метать*, ибо, по легкости, отъ *метется*, размѣтывается во всѣ стороны по произволу волнъ.
41. *Ропѹкъ*, — льдина небольшого объема.
42. *Ста́мѹха*, или *стаѹ́ха*, — большая льдина омельѣвшая и потому неподвижная между вокругъ несущимися льдинами; отъ глагола *стоятъ*.
43. *Несѹкъ*, — омельѣвшая во время морскаго отлива большая льдина, которую приливы *закоситъ* взгроможденными одна на другую льдинами меньшаго размѣра, образуя такимъ-образомъ мало-по-малу цѣлую гору льдовъ, нерѣдко гибельную для промышленныхъ лодокъ.

44. *Голомъ*, — открытое море; отъ прилагательнаго *голый*, голая поверхность водъ; оттуда-же прилагательное

45. *Голоманный*, — въ открытое море смотрящій; «держи судно *голоманнѣе*», т. е. болѣе въ открытое море; въ противуположномъ значеніи употребляется прилагательное въ одной сравнительной степени: *бережнѣе*, т. е. ближе къ берегу.

47. *Настрикъ*, — «судно идетъ *настрикъ*», мореходный терминъ Архангельцовъ, котораго значеніе мнѣ неизвѣстно; я нашелъ его въ одной *мореходной книгѣ*; такія книги, списываемыя одна съ другой, изъ-рода-въ-родъ, замѣняютъ цѣлымъ морякамъ, въ плаваніи по Мурманскому-Берегу въ дальнюю *Нордвегу*, морскія карты.

48. *Взвѣденъ* (во множ. ч. *взводни*), — высокая, сильная волна; происходитъ отъ глагола *возводитъ*, *взводитъ*.

49. *Плѣса*, — всякая на извѣстное пространство открытая поверхность водъ; узкая рѣка имѣетъ свои широкія *плѣсы*, море покрытое мелями — свои (свободныя отъ мелей); *плѣса* для улова рыбы, *плѣса* для прохода судовъ, и т. д.

50. *Сувѣй*, — полоса теченія рѣки и *фарватеръ* судовъ.

51. *Меженъ*, — середина; меженью, на примѣръ, называется середина лѣта или зимы.

52. *Меженная* вода, — всякая по временамъ измѣняющаяся водная поверхность на средней ея высотѣ.

53. *Прибылая* вода, — вода прибывающая, или повышающаяся дѣйствіемъ морскаго прилива; о началѣ дѣйствія прилива говорятъ: «вода *начала прибывать*, или *зажила въ берегахъ*».

54. *Полная* вода, — исполненный, достигшій до высшей точки стоянія приливъ.

55. *Убылая* вода, — вода убывающая, или понижающаяся дѣйствіемъ отлива. Въ томъ же значеніи и

56. *Палая* вода; о началѣ дѣйствія отлива говорятъ: «вода *запала*».

57. *Сухая* вода, — исполненный отливъ, или море при низшемъ горизонтѣ водъ *осушающее* низкіе берега и отмели свои.

58. *Воді*. — Водю называетъ архангельскій поморецъ, въ смыслѣ переносномъ, промежутокъ времени между каждыми двумя полными приливами или отливами: значитъ, около 12 часовъ. Итакъ, сутки онъ раздѣляетъ на двѣ *воды*, и замѣчая при томъ состояніе моря во время рассказываемаго про-

извѣстія, тѣмъ самымъ означаетъ время; на-припѣръ: «мы выѣхали на оленяхъ *на палюй водъ*, прѣѣхали къ мѣсту *на другой суходъ*»:—значить, поѣздка продолжалась около 15 часовъ. Такимъ образомъ промышленникъ въ морѣ имѣетъ всегда свои карманные часы.

59. *Маталха* и

60. *Болыйца*.—«Въ устьяхъ Двины»—такъ повѣствуетъ знаменитый изслѣдователь водъ нашего Сѣвернаго-Океана — «и далѣе отъ оныхъ, къ морю, до Зимнихъ-Горъ съ одной, и до Унской-Губы съ другой стороны, періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ, и потомъ падаетъ на $1\frac{1}{2}$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *болышца*, которая въ 2 или $2\frac{1}{2}$ часа, или ровно чрезъ 6 часовъ по началѣ прилива, приводитъ полный приливъ». См. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ.

•

61. *Щелл*,—высокій обрывъ берега, скалистый или земляной; вѣроятно — испорченное *ущелье*.

62. *Угѣръ*,—высокій берегъ моря; употребляется часто въ одномъ значеніи съ предшествовавшимъ словомъ.

63. *Материкъ*,—высокій земляной берегъ; отъ прилагательнаго *матерой*, сильный, большой.

64. *Кошка*, — такъ называются морскія мели, осушаемые отливомъ и снова покрываемыя, отчасти или вовсе, приливомъ. Кошкою также называется низкій берегъ морской у подножія высокой *щелли*, или *угора*. Это слово взято изъ лопарскаго *кюшкк*, которымъ означаются морскія мели, равно-какъ отмели и *пороги* въ рѣкахъ, и даже самые *водопады* рѣкъ. Финское *коски*, также означаетъ *водопадъ*.

65. *Куйпака*,—называется та часть *кошки*, которая обнажается каждымъ послѣднимъ отливомъ; такимъ-образомъ, куйпака бываетъ широкая при высокомъ приливѣ и на-оборотъ; а въ бурную погоду, при морскомъ вѣтрѣ, и вся *кошка* дѣлается *куйпакою*. Быть-можетъ слово это имѣетъ свой

корень въ славянскомъ языкѣ, составясь изъ словъ: *докуда* и *паки*, т. е. «*докуда* опять вода поднималась.»

66. *Коргъ*, — подводная скала; въ Кольскомъ Округѣ. Происходитъ, конечно, отъ финскаго прилагательнаго *korkia*, «возвышенный», употребляемаго какъ существительное для означенія скалистой горной высоты; такъ на островѣ Гохландъ горы: Loupa kõrgia, Pohja-kõrgi, и т. д. Здѣсь: возвышающаяся надъ морскимъ дномъ скалистая высота.

67. *Подводница*, — значеніе тоже, и также употребляется въ Колѣ.

68. *Поливѣха*, — низкая скала въ морѣ, которая покрывается, поливается приливомъ, а отливомъ снова обнажается.

69. *Пѣхта*, — скала возвышающаяся надъ поверхностію моря; такъ въ Кольской-Губѣ: *Абрамова-Пѣхта*, *Пиногорева-Пѣхта*, и др. Взято съ лопарскаго *пахъкъ*, означающаго *гору*; въ Кольскомъ Округѣ.

70. *Сталмъкъ*, — высокая скала, возвышающаяся крутымъ обрывомъ надъ моремъ; происходитъ отъ глагола *столтъ*; употребляется тамъ же.

71. *Лѣда*, — скала въ морѣ, низкій скалистый берегъ, и скалистое дно. Происходитъ отъ финскаго слова *лѣото*, означающаго небольшой островъ, скалу морскую и мель.

72. *Щерлѣны*, — высокіе скалистые обрывы.

73. *Вѣра*, или *вѣраха*, — всякая возвышенность почвы, холмъ, гора; взято съ финскаго и лопарскаго *вѣара*, означающаго у Финновъ скалу, гору вообще, а у Лопарей — гору съ плоскою вершиною. Употребительно въ Русской Лапландіи; такъ близъ Колы находятся горы: *Соловѣраха*, *Караумная-Вѣра*, и другія.

74. *Хибѣнь*, — въ Кольскомъ Округѣ; означаетъ также плоскія гористыя возвышенности, каковы, на-примѣръ, *Имандровскіе-Хибѣни*, или просто такъ-называемыя *Хибенскія-Горы* близъ озера Имандры; и *Ловозерскіе-Хибѣни* къ востоку отъ Умбозера. Слово это, по увѣренію Лопарей, чуждо ихъ языку; взято, оно, конечно, съ финскаго уменьшительнаго *луурраінен* означающаго небольшой холмъ.

75. *Степъ*; — степями въ Мезенскомъ Округѣ называются плоскія безлѣсныя возвышенности, простирающіяся краями среди лѣсистыхъ равнинъ, и раздѣляющія системы водъ; на-примѣръ *Чушовскія-Степъ*, и другія.

76. *Логовина, логъ*, — ущелье, узкая долина.

77. *Мурга*, — такъ называются, по рѣкѣ Пинегѣ, воронкообразныя впадины почвы, свойственныя странамъ лежащимъ на гипсовомъ основаніи, и образуемыя земляными провалами надъ пластами разрушенными дѣйствіемъ подземныхъ источниковъ.

78. *Лапта'*, — въ Мезенскомъ Округѣ означаетъ обширную равнину; такъ, на-примѣръ, часть Малой-Земли Самоѣдовъ называется *Малоземельскою-Лаптой*, а обитатели ея Малоземельскими *Лаптандералами*; такъ *Колвенская-Лапта* по рѣкѣ Колвѣ, и проч. Слова эти чисто самоѣдскія.

79. *Тундра*, — слово это, нынѣ вполне усвоенное русскимъ языкомъ, происходитъ отъ финскаго *тунтури*, которымъ означаются высокія плоскія вершины горъ, по возвышенному своему положенію не производящія лѣсовъ, но покрытыя мхами и поростами, смѣняющимися низкими подгорными травами, а индѣ мелкимъ кустарникомъ. Какъ въ верхнемъ, безлѣсномъ сѣверѣ всѣ равнины принимаютъ свойство этихъ возвышенностей, то Русскіе и отнесли къ нимъ общее названіе *тундры*. Самоѣдскому-же языку слово это совершенно чуждо.

80. *Тайбола*, — въ Мезенскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ означаетъ обширное необитаемое пространство, чрезъ которое ведетъ дорога, постоянная или въ одно только время года позволяющая сообщеніе; такъ *Верхняя*, или *Нисегорская-Тайбола* между рѣкою Мезенью и Пинегою; *Нижняя* или *Кулобская-Тайбола* между Мезенью и Кулоемъ, и *Вожгорская-Тайбола*, чрезъ которую ведетъ зимній путь отъ Вожгорскаго селенія на Мезени къ селенію Устьцыльмѣ на Печорѣ. Происходитъ вѣроятно отъ финскаго слова *taipaleet*, означающаго разстояніе по дорогѣ между двухъ мѣстъ.

81. *Виска*, — небольшая рѣчка; общеупотребительно въ Мезенскомъ Уѣздѣ; взято отъ зырянскаго слова *висъ*, означающаго то же самое, и сроднаго съ финскимъ *vezzi*.

82. *Ругей*, вм. *ругей*.

83. *Россѣха*, — такъ называются отдѣльныя рѣчки или источники при верховьяхъ рѣкъ, соединяющіяся въ одну главную рѣку.

84. *Падѹнь*, — волопадъ; въ Олонецк. и Арханг. губерніяхъ.

85. *Нива*, — словомъ этимъ, искаженнымъ изъ лопарскаго *нива*, въ Русской Лапландіи означаются незначительные пороги въ рѣкахъ.

86. *По́мьй*, — открытый, отверзтый; на-примѣръ: *рѣка по́ла*, т. е. не покрыта льдомъ; *двери помьй*, т. е. отверзтыя; отсюда

87. *Помьнъя*, — открытое мѣсто во льду покрывающемъ воды; слово употребляемое во многихъ странахъ Россіи, между прочимъ подъ самымъ Петербургомъ, и потому едва-ли областное.

88. *Полюй*, — протокъ между двухъ рѣкъ или озеръ, который, періодически или по-временамъ, наполняясь водою, служить къ временному соединенію тѣхъ рѣкъ или озеръ; такъ подъ самымъ городомъ Пинегою замѣчается *полюй*, сливающий въ весеннее разлитіе водъ рѣку Пинегу съ р. Кулоемъ. Слово это происходитъ отъ глагола *поливать*; вода, которая льется обыкновенно одною рѣкою въ известную сторону, въ полноводіе *поливается* въ другую рѣку и въ другую сторону*. Точно такъ же произведено слово

89. *Перелюй*. — «Перелосмъ называется на Холмогорахъ лощина между Нижнимъ и Глинскимъ, такъ-названная потому что во время ледохода, вода изъ Оногры въ Двинѣ *переливается* по сему удоу». См. Крестинина: Начертаніе исторіи города Холмогоръ. Стр. 24.

90. *Удолъ*, — также употребленное тамошнимъ историкомъ, въ приведенномъ мѣстѣ, архангельское слово, значеніе котораго въ-точности мнѣ неизвѣстно.

91. *Шаръ*, — проливъ между островами или между островомъ и материкомъ; слово, знакомое между нашими географическими выраженіями и общеупотребительное въ Архангельскомъ-Поморьѣ и по рѣкамъ, но котораго происхожденіе все еще не было удовлетворительно объяснено; по моему мнѣнію, это одно изъ словъ, принятыхъ архангельскими переселенцами отъ чудскихъ аборигеновъ Сѣвера, передавшихъ намъ свой языкъ, хотя вѣроятно нѣсколько измѣненный, въ языкъ

* Ученый-исследователь финскихъ языковъ г. Кастренъ производитъ это слово отъ финскаго корня (см. Bulletin hist. philol. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pet. t. III. 1847 p. 142), что однако несправедливо; оно чисто русское.

ныиѣшнихъ Зырянъ, гдѣ дѣйствительно встрѣчаемъ начало слова *шаръ* въ выраженіи *шоръ* или *шооръ*, означающемъ у нихъ не только проливы между островами, или островомъ и твердою землею, но и рукава рѣки, съ нею опять соединяющіеся, или-же углубляющіеся узкимъ протокомъ вдалѣ отъ берега, и теряющіеся безъ истока въ болотахъ и стоячихъ водахъ. Послѣдняя мѣстность у Архангельцовъ означаетъ названіемъ *хуръя*, а въ прибрежій Нижней-Оби — словомъ *зоръ* (испорченнымъ иногда въ *соръ*, какъ *Лалинъ-Соръ* и т. д.): вотъ и сибирскій провинціализмъ отъ того же корня происходящій, и принятый нашими промышленниками отъ сосѣднихъ финскихъ племенъ, для опредѣленія мѣстности другого рода, у этихъ Финновъ однимъ и тѣмъ же словомъ выражаемой. Языку Самоѣдовъ слово это чуждо, и они употребляютъ его иногда въ испорченномъ видѣ, выговаривая, по недостатку въ языкѣ ихъ звука *ш*, какъ *саръ*; но другое слово

92. *Салма*, — однозначительное слову *шаръ* по Мезенскому-Поморью, происходитъ, быть-можетъ, изъ самоѣдскаго языка, гдѣ *салъ-малъ* или *салмалъ*, значащее въ переводѣ «*конецъ мыса*», могло, въ переносномъ смыслѣ, перейти для означенія пролива образуемаго между концами двухъ мысовъ; но, конечно, это лишь предположеніе, хотя для меня и вѣроятное. Адмиралъ Литке въ Путешествіи къ Новой-Землѣ, приводитъ еще замѣчаніе поморскаго промышленника, который утверждалъ, что слово *салма* относится только къ проливамъ одного и того же моря, между-тѣмъ какъ для проливовъ, соединяющихъ различныя моря, правильнѣе употреблять слово *шаръ*. Но это конечно систематизирующая ученость промышленника, ни на чемъ не основанная: ибо *шары* между островами всѣхъ большихъ рѣкъ, вливающихся въ Сѣверный-Океанъ, искони называются *шарамы*, а никогда не именовались *салмами*, какъ-бы должно по системѣ того промышленника-языковѣда.

93. *Хуръя* — узкій протокъ, вдающійся отъ берега далеко въ твердую землю, гдѣ терется въ стоячихъ водахъ, безъ истока; ср. № 91.

94. *Кутъ*, — конечная внутренность залива, рѣки, улицы и т. д. См. Фомина: Описаніе Бѣлаго-Моря. Стр. 41. Это слово, быть-можетъ, взято изъ польскаго языка, гдѣ озна-

чаетъ *угол*; если такъ, то оно зашло на сѣверъ изъ Мало-россіи.

95. *Губа'*, — извѣстное слово, означающее заливъ морской; перешло въ русскій языкъ изъ архангельскаго, или сибирскаго сѣвера, равно-какъ и

96. *Носъ*, — вмѣсто мысъ. Если Русскіе, какъ почти всѣ европейскіе народы, не исключая Финновъ и Самоѣдовъ, сравнивали *усты* рѣкъ съ *устами* человѣческаго лица, то Архангельцы весьма естественно повели сравненіе еще далѣе и нашли въ очеркѣ береговъ къ тѣмъ *устамъ* принадлежащіе ихъ *губы* и *носъ*. По тому самому, *губами* могли называться, и вѣроятно назывались первоначально, только глубоко въ берегъ врѣзанные заливы (фіорды), ограниченные *носами*, какіе во множествѣ замѣчаются по сѣвернымъ берегамъ нашимъ; для заливовъ-же не глубоко вдающихся въ матерую землю, и, слѣдовательно, не ограниченныхъ носами, существуетъ понынѣ другое слово — *мѣхта*; и на картѣ вы не встрѣтите ни одной настоящей *губы*, которая-бы названа была *мѣхтою*, хотя *мѣхты* иногда и называются *губами*, потому, конечно, что происхожденіе и съ-тѣмъ-вмѣстѣ точное значеніе этихъ словъ мало-по-малу позабылось у самыхъ поморцевъ, не открывающихъ уже болѣе новыхъ береговъ, требующихъ новыхъ названій мѣстностямъ.

97. *Мѣхта*, — незначительный, неглубоко врѣзанный въ землю заливъ моря; сравн. предшеств. слово. Происходитъ отъ финскаго слова *мѣхти*, означающаго заливъ морской.

98. *Гора'*, вмѣсто берегъ; на-примѣръ: «вытащи карбасъ на-гору», т. е. на берегъ; отсюда прилагательное

99. *Горній*, вмѣсто береговой; «вѣтеръ горній», т. е. береговой, съ берега дующій.

100. *Прилука*, — этимъ словомъ означаютъ Архангельцы внѣшнюю дугу рѣчнаго берега, по которой въ-особенности стремится теченіе: «вода *прилужается*», или «идетъ *лука* воды»; и эти воды при каждомъ разлитіи подмываютъ здѣсь берегъ, обрѣзанный такимъ-образомъ обыкновенно крутыми обрывами.

101. *Наволока*, — напротивъ-того, есть низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды *вололится на сушу*, — берегъ омываемый обыкновенно внутреннею дугою рѣки, и приращающійся при

полюводіи отъ наносовъ, вымываемыхъ у подошвы высокаго берега *прилуковъ*; *наволоки* по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, питающими тучный скотъ холмогорскій.

102. *Лайда*, — прибрежная равнина, понимаемая весеннимъ половодіемъ или высокими приливами морскими. Происходитъ отъ финскаго прилагательнаго *лайто*, «отмелый, низменный».

103. *Дыбунъ*, — зыбкое, топкое болото; въ Мезенскомъ Окр.

104. *Калтусъ*, — клочистое, покрытое торфомъ болото; тамъ же.

105. *Саѣта* — синонимъ предшествовавшаго слова, въ тѣхъ же мѣстахъ употребительный.

106. *Лѣа*, *лѣжка*, — лужа, лужица.

107. *Нѣша*, — грязь.

*

108. *Инька*, — женщина не русская; такъ: самоѣдская инька, зырянская инька; употребительно въ Мезенскомъ Уѣздѣ; взято съ зырянскаго *инъ*, означающаго замужнюю женщину.

109. *Вота́тка*, — мать по Богу, т. е. крестная мать; въ Овезскомъ Округѣ.

110. *Крестивой*, — крещеный въ христіанство самоѣдинъ; въ Мезенскомъ Округѣ.

111. *Крестовой*; — Архангельцы имѣютъ обычай *братѣтсѣ*, т. е. заключать съ однимъ, или нѣсколькими изъ ближайшихъ пріятелей, союзъ братства, въ знакъ котораго мѣняются взаимно *крестами*, послѣ чего называютъ другъ-друга *крестовыми братьями*. Обычай этотъ существуетъ и въ другихъ странахъ Россіи, и вѣроятно былъ нѣкогда общимъ.

112. *Братѣнъ*, — двоюродный братъ.

113. *Жило*, вмѣсто жилище, — всякое жилое строеніе.

114. *Взвѣзъ*, — бревенчатая настилка, покато ведущая со двора въ верхній сарай, служащій обыкновенно сѣнникомъ, подъ которымъ внизу находится хлѣвъ для скота.

115. *Шумѣха*, или *чу́мѣха*, — волостная изба, въ которой собирается мірская сходка, при чемъ, конечно, безъ *шума* дѣло не обходится; слово это впрочемъ и въ Архангельскѣ устарѣлое, мало употребительное.

116. *Лопотъ*, *лопотѣна*, — одежда всякаго рода: «одѣнь лапоть, да пойдѣмъ.»

117. *Жица* (выгов. жиця), — пряжа.

118. *Покитокъ*, — родъ грубой самодѣльной ткани; въ Архангельскѣ.

119. *Сукманина*, — также самодѣльная грубая ткань; въ Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ.

120. *Тяжелко*, — старый обношенный кафтанъ, надѣваемый когда крестьянинъ отправляется въ *тяжелую* работу; въ Холмогорскомъ Округѣ.

121. *Дѣленки* или *дѣлнцы*, — рукавицы, или перчатки, употребляемыя для грубой работы; въ Онежскомъ Округѣ.

122. *Бахилы*, — большіе, выше колѣна подвязываемые, грубые сапоги, употребляемые промышленниками.

123. *Халѣва*, — периха; неопрятный, безнорядочный человекъ.

124. *Капость*, вм. пакость — мерзость, низость; отсюда глаголъ

125. *капостѣть*, — изпаковать, испортить; или сдѣлать низкій, подлый поступокъ; и существительное

126. *Капостунъ* (въ женск. *капостунѣ*), — пакостникъ, т. е. ничего незнающій, все портящій человекъ, или человекъ низкій, подлый.

127. *Страда'*, — сѣнокосъ: «пора идти на *страду*»; отсюда прилагательное

128. *страднѣй*, — сѣнокосный; *страднѣя пора'*, т. е. время сѣнокоса; и глаголъ

129. *страда'ть*, — косить сѣно; въ Архангельскѣ для сѣнокоса не употребляется.

130. *Стойка*, — обыкновенная русская коса; но въ общемъ употребленіи

131. *Горбуша*, — родъ косы съ двояко-выгнутою рукоятію, косы нѣсколько походящей на серпъ, и перебрасываемой при каждомъ взмахѣ со-стороны-на-сторону, при чемъ крестьянинъ трудится надъ работою въ согбенномъ положеніи, *сгорбившись*: это дѣлаетъ сѣнокосъ однимъ изъ самыхъ утомительныхъ полевыхъ занятій сѣверныхъ жителей, дѣлаетъ его истинною *страдою*, страданіемъ, и время сѣнокоса заставляетъ *страдать* весь сѣверъ; но не одинъ сѣверъ, цѣлая Сибирь въ это время *страдаетъ*, т. е. косить, также какъ и Архангельцы, *горбушею*: ибо русская коса, въ Сибирѣ *литов-*

кош, а въ Архангельскѣ *слийлою* называемая, которою крестьянинъ косить *стол*, не сгорбившись, слѣдовательно съ несравненно меньшимъ трудомъ, и здѣсь въ весьма еще не многихъ мѣстахъ, сколько мнѣ извѣстно, вошла въ обыкновеніе. Общее употребленіе *горбуши* въ Сибири и въ Архангельскѣ, общее названіе ея въ той и другой странѣ, и наконецъ названіе *литовки* для русской обыкновенной косы, заставляютъ полагать, что въ-старину вся Россія *страдала горбушею*, и освободилась отъ этого страданія введеніемъ изъ Литвы тамошней косы, не проникшей еще доселѣ до отдаленныхъ предѣловъ Архангельскаго Сѣвера и Сибири. Любопытно также мимоходомъ замѣтить, что въ одномъ изъ языковъ, принявшихъ сильную примѣсь отъ славянскаго, именно въ латышскомъ, глаголъ *straadat* вообще значитъ *работать*.

132. *Кишъ*, — шесть къ одной оконечности нѣскольکو выгнутый и сплюснутый, употребляемый въ Мезенскомъ Округѣ для молотбы хлѣба. См. Быстрова: Описаніе города Мезени (въ Ж. М. В. Д. за 1844 годъ; т. V, стр. 288).

133. *Зѣротъ*, — стогъ сѣна.

134. *Пожня*, — сѣнокосный лугъ каждаго отдѣльнаго владѣльца: «наши *пожни* на одномъ *наволоктѣ*».

135. *Жито*, — ячмень, и потомъ вообще *хлѣбъ въ полѣ*. Происходитъ отъ глагола *жатъ*, и перенесено изъ Малороссіи.

136. *орѣтъ*, — пахать землю.

137. *Щербѣ*, — уха, похлебка; зырянское слово, употребительное по берегамъ Печоры и Мезени.

138. *Шанги*, — родъ хлѣбовъ изъ пшеничной муки, у крестьянъ въ праздничные дни приготовляемыхъ.

139. *Зобѣнка*, — всякая корзинка, коробка, туясь; въ Онегѣ.

140. *Зыбка*, — люлька для младенцевъ. Происходитъ конечно отъ прилагательнаго *зыбкій*, качкій.

141. *Ципнѣ*, испорченное *герпнѣ*, — всякій сосудъ для *герпанѣ* жидкостей; въ Мезенскомъ Округѣ.

142. *Порѣнка*, — въ Архангельскомъ Округѣ тоже что *ципнѣ* по Мезени.

143. *Кубокъ*, — слово, которымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ назывался металлическій сосудъ для питья; въ сѣвер-

номъ нарѣчій сохранилось для извѣстной, не слишкомъ малой мѣры водки, выпиваемой нашими Архангельцами какъ ихъ нормальной и безвредной, изъ металлическаго же сосуда, служащаго для разливанія при казенной продажѣ; это *четверка*, по сибирски *четушка* (сокращ. четвертушка), или четвертая доля штофа.

144. *Кѣрста*, — могила; въ Онежскомъ Округѣ.

145. *Стѣнѣжъ*, или *стѣнѣжъ*, — тѣнь бросаемаго предметомъ.

146. *Обратъ*, — узда; въ Онежскомъ Округѣ.

147. *Вѣрга*, — дорога; зырянское слово, употребляемое въ Устьцѣльмѣ и далѣе вверхъ по Печорѣ.

148. *Околѣца*, — искривленіе прямаго направленія дороги, рѣки, или вообще всякаго пути: «эку мы околицу дали!» Оттуда прилагательное

149. *Околѣстый*, — извилистый; околистая рѣка, дорога, и т. д.

150. *Дверста*, вм. дресва; въ Холмогорахъ и на Онегѣ.

151. *Таланъ*, — успѣхъ свойственный кому-либо въ промышлѣ; и потомъ вообще успѣхъ, удача въ жизни: «плохой мой таланъ: звѣря ищу, — найти не могу, жены искалъ, — наполь».

152. *бла'го*, — очень, довольно, изобильно; на-примѣръ: «у него благо много оленей;» оттуда существительное

153. *Благода'тъ*, — довольство, изобиліе: «у него всякой всячины-то благодать».

154. *Болванъ*, — идолъ языческихъ народовъ, въ Архангельскѣ — Самоѣдовъ, вырѣзанный изъ дерева или каменный. Отсюда прилагательное

155. *Болванскій*, — нерѣдко встрѣчающееся въ названіяхъ мѣстностей архангельскаго востока, и означающее мѣсто, гдѣ нѣкогда поставлены были, или и понынѣ ставятся, самоѣдскіе идолы. Такъ извѣстенъ *Болванскій-Носъ* на югозападной оконечности острова Вайгача: такъ находимъ *Болванскую-Губу* при устьѣ Печоры, и по тремъ самоѣдскимъ тундрамъ много кое-гдѣ разбросанныхъ *болванскихъ сопокъ*.

156. *Талѣа'*, — клѣймо, или знакъ каждаго самоѣдскаго родовича, употребляемый имъ для заклѣйменія оленей, при рукоприкладствѣ, и т. д.

157. *Кома'рникъ*, — капюшонъ изъ какой-либо легкой ткани, съ мелкою сѣтью изъ конскаго волоса, заграждающею

лице, надѣваемый сѣверными жителями лѣтомъ, въ *комарное* время, для защиты отъ несмѣтнаго множества наполняющихъ воздухъ комаровъ.

158. *Икота*, — родъ истерической женской болѣзни, въ особенности распространенной по р. Пинегѣ, и гораздо рѣже въ Мезенскомъ Уѣздѣ. Причиною недуга, обнаруживающагося временными припадками походящими на съумасшествіе, почитаютъ простолюдины *поргу*, или злобное вліяніе пзвѣстныхъ людей на другихъ, заставляющее

159. *Икоткишу*, — т. е. особу, на которую переходитъ это вліяніе, противъ ея воли

160. *Ика'ть*, — т. е. обнаруживать подобные припадки дикаго съумасшествія. Болѣзнь эта между женщинами по Пинегѣ почти стольже общенародна, какъ въ другихъ странахъ крестинизмъ; замѣчу, однако, мимоходомъ, что быть-можетъ на половину между ею страждущими есть чисто притворная; ибо одно изъ удивительныхъ свойствъ ея то, что она обнаруживается всякій разъ, когда въ присутствіи женщины дѣлается нѣчто ей непріятное, противное; вы закурите сигару—и пять женщинъ старовѣрокъ, не терпящихъ, какъ вамъ извѣстно, табаку, начинаютъ всѣ вмѣстѣ, въ одной съ вами избѣ, затыкать платками рты и носы, вывертывать глаза, кричать дикими голосами, наконецъ произносить самыя безстыдныя ругательства; это и есть *икота*, дѣйствіе демона, вселившагося въ эти безгрѣшныя души: посмотришь на кутерьму, и радъ бросить любимую *Га҃а҃та*, чтобъ укротить тѣмъ основанія воплощеннаго въ пяти женскихъ тѣлахъ дьявола. Таковы пяти, которыми нѣжный полъ по Пинегѣ опутывается своихъ сунурговъ.

161. *Вѣжа*, — названіе жилища Лопарей по Мурманскому Берегу Россійской Лапландіи.

162. *Чум*, — такъ называются конусовидные кочевые шалаши, покрытые лѣтомъ берестою, а зимою оленьими кожами, служащіе временнымъ пристанищемъ бродячей жизни по тундрамъ. Хотя Русскіе и приняли ихъ издавна, вѣроятно отъ Самоѣдовъ, наименованіе ихъ однакоже не самоѣдское (ибо Самоѣды называютъ свой кочевой шалашъ *м*), но, какъ должно полагать, древнее чудское, сохранившееся еще въ выраз-

скомъ названіи *юмъ*; къ-тому, понынѣ существуютъ еще преданія, удостовѣряющія, что Чудь въ сѣверныхъ тундрахъ вела кочевую жизнь, какъ нынѣ Самоѣды.

163. *Чумовйце*, — мѣсто, на которомъ былъ расположенъ чумъ, снятый при откочеваніи далѣе.

164. *Копице*, — мѣсто, обыкновенно находящееся близъ чума, гдѣ *скоплется* въ тѣсную массу пасущееся вокругъ чума стадо оленей, вытаптывая торфянистую почву его такъ, что часто не остается на ней ни травинки, и все превращается въ черную перемѣшанную грязь. Эти копища многіе годы сохраняютъ видъ свой на тундрѣ.

165. *Нюкъ*, — такъ называется верхняя, шерстью наружу обращенная, покрывающая изъ сшитыхъ вмѣстѣ оленьихъ кожъ, которою въ зимнее время покрываютъ коническую огородку шестовъ, заключающую въ себѣ кочевой чумъ.

166. *Поднѣкъ*, — исподнее, *подъ нюкомъ* лежащее, одѣяло изъ оленьихъ кожъ, обращенное шерстью внутрь чума; точно такъ же какъ *малица* и *совикъ*, или *юпты* и *пишты* въ одеждѣ самоѣдской, обращены: исподнее — шерстью внутрь или къ тѣлу, верхнее же — шерстью наружу; это вѣками испытанная, лучшая теорія защищать себя отъ стужи.

167. *Ямидѣть* — откочевать съ мѣста; глаголѣ взятый изъ самоѣдскаго: «пора намъ *сыамидѣть*, *перелямидѣть*».

168. *Ѣдома*, — неимѣніе оленей, слѣдовательно средствъ къ кочеванію въ тундрахъ: «черезъ надежъ повыпали у Самоѣдовъ олени, и многіе *на пдоми* остались»; или: «лѣтомъ бѣдные Самоѣды *на пдоми* сидятъ». Происходитъ отъ самоѣдскаго слова *мда*, что значитъ *тѣшій*. Отсюда происходитъ, нерѣдко встрѣчаемое и въ официальныхъ бумагахъ, прилагательное

169. *Ѣдомскій*, т. е. безъоленный: «по озеру Харвею *пдомскіе* Самоѣды рыбу промышляютъ».

170. *Малица*, — самоѣдская шуба, безъ разрѣза впереди, на подобіе рубашки, и носимая мѣхомъ къ тѣлу. Слово самоѣдское.

171. *Совикъ*, — шуба другого рода, также безъ разрѣза впереди, соединенная съ капюшономъ; Самоѣды надѣваютъ ее поверхъ малицы, но шерстью наружу; по самоѣдски *соуѣкъ*.

172. *Паница*, — женская шуба Самоѣдовъ, на ихъ языкѣ *панъ*, впрочемъ не употребляемая русскими женщинами, ко-

торыя замѣняютъ ее несравненно болѣе теплою мужскою одеждою, т. е. малицею и совикомъ.

173. *Яндйца*, — по самоѣдски *лндй*, исподняя мѣховая одежда самоѣдскихъ женщинъ, носимая шерстью къ тѣлу.

174. *Пимы*, — по самоѣдски *пиуы*, сапоги изъ кожи съ оленьихъ ногъ, носимые Самоѣдами шерстью вверхъ, а въ зимнее время и Русскими на сѣверѣ.

175. *Лялты*, — по самоѣдски *люлтй*, родъ чулковъ изъ мягкаго мѣха молодыхъ оленей; они надѣваются подъ пимы, шерстью къ тѣлу.

176. *Тѣбуры*, — также и по самоѣдски, родъ короткихъ полу-сапоговъ, изъ кожи съ оленьихъ ногъ; Самоѣды употребляютъ ихъ въ сильные морозы еще поверхъ пимовъ, шерстью наружу.

177. *Керѣжка*, — легкіе сани, видомъ похожіе на маленькую лодку; въ керѣжкахъ Лопари ѣздятъ на оленяхъ, впрягая въ каждую по одному, который мчитъ своего сѣдока тундрами и спѣгами.

178. *Утица*, — легкіе самоѣдскіе сани, употребляемые по тундрамъ, для ѣзды на оленяхъ, зимою и лѣтомъ; взято съ самоѣдскаго *утѳ*.

179. *Са*, — прочный ремень, посредствомъ котораго запряженный олень тянетъ утицу; съ самоѣдскаго.

180. *Лялика*, — широкій ремень, проходящій выше шеи и по плечамъ оленя, концами прикрѣпляемый къ означенному ремню *са*, и такимъ — образомъ въ упряжи служащій оленю вмѣсто *холмута*, между-тѣмъ какъ *са* заступаетъ мѣсто *постролики*. Впрочемъ, слово *лялика*, на самоѣдскомъ *подѣръг*, есть чисто русское, старинное, употребляемое между-прочимъ также для наименованія широкаго ремня, посредствомъ коего суда тянутся по рѣкамъ людьми бичевою.

181. *Тѣсма*, — широкій ремень, который обвязывается черезъ хребетъ и подъ брюхо оленя, въ видѣ подпруги, для прикрѣпленія къ нему узды сосѣдняго. Слово заимствованное не отъ Самоѣдовъ, которые называютъ эту часть упряжи *ѣндина*; а быть-можетъ чисто русское, испорченное изъ *тесма*.

182. *Слжъ*, — узда, проведенная отъ головы одного оленя къ тасмѣ его товарища въ упряжи, по лѣвую руку; взято съ самоѣдскаго.

183. *Тынзёй*, — арканъ, которымъ ловятся изъ стада оленей; взято съ самоёдскаго.

184. *Харъй*, — длинный тонкій шестъ, которымъ подталкиваютъ сзади оленей, для понужденія ихъ; по самоёдски называется *торъ*; но слово *харъй* взято отъ повелительнаго на самоёдскомъ языкѣ *харъдъ*, т. е. «погоняй».

185 *Арешъ*, или *арёшиъ*, — кочевой обозъ Самоёдовъ. Слово зырянское, чудскаго происхожденія.

186. *Мъсто*, — постель, или все что служитъ постелью, слѣдовательно пуховикъ и въ-особенности оленья кожа, какъ обыкновенное ложе въ тундрѣ: «сколько *мъстъ* ты вывезъ изъ тундры?» т. е. сколько *оленьихъ кожъ*?

187. *Покопытныйя деньги*, — такъ называется у Мезенцевъ и означается въ официальныхъ бумагахъ небольшая денежная подать, платимая русскими владѣльцами оленей въ мірскую кассу Самоёдовъ, за пастбу стадъ по тундрамъ, составляющимъ родовую собственность туземцевъ. Эти деньги платятся по числу оленей, съ *копыта*.

188. *Хора*, — самецъ сѣвернаго оленя; съ самоёдскаго, гдѣ это слово означаетъ мужескій полъ всякаго животнаго, а безъ посторонняго сказуемаго — всегда оленя.

189. *Ва́женка*, — самка оленя, по самоёдски *лхадей*; слѣдовательно также неизвѣстнаго происхожденія, вѣроятно слово чудское.

190. *Быкъ*, — клadenый олень, въ-особенности употребляемый въ упряжь и для убоя.

191. *Пыжикъ*, — молодой олень до двухмѣсячнаго возраста, по самоёдски *сугъ*; также слово чудское; отсюда прилагательное

192. *Пыжийй*, — мѣхъ молодыхъ оленей, по мягкости шерсти много идущій въ продажу.

193. *Неблюй*, — олень отъ двухъ до трехмѣсячнаго возраста; по самоёдски *нэблю*.

194. *Телёнокъ*, — молодой олень вообще (пыжикъ и неблюй), а въ болѣе ограниченномъ смыслѣ—трехмѣсячный и далѣе, до степени взрослоаго.

195. *Лонца́къ*, или *лонча́къ*, — олень, или вообще животное *прошломътнее*. Происходитъ отъ областнаго выраженія *лони*, *лондъ*, т. е. въ прошломъ году.

196. *Чѣпурокъ*. — На Лапландскомъ Берегу Бѣлаго-Моря существуютъ, отчасти, другія названія для различныхъ возрастовъ оленя, нежели какія употребительны у мезенскихъ оленоводовъ. Такъ молодой олень, родясь *тыжиломъ*, удерживаетъ это названіе до Ильина-Дня, а потомъ дѣлается *чѣпуркомъ*, оставаясь имъ до Покрова-Дня (1 октября), когда чѣпурковъ убиваютъ на малицы. Избѣгнувшій гибельной участи *чѣпурокъ* отселѣ становится густошерстый зимній

197. *Лопанко*; а по достиженіи годичнаго возраста олень-самецъ называется

198. *Урѣкъ*; (*лоніакъ* по мезенскимъ тундрамъ).

199. *Вѣндѣлка*, — олень-самка годичнаго возраста (*ва'женка* по мезенскимъ тундрамъ), который въ женскомъ полѣ не перемѣняетъ уже болѣе названія, а въ мужескомъ съ каждымъ годомъ получаетъ новое:

200. *Уварсъ*, — двухгодичный олень-самецъ на третьемъ году своего возраста.

201. *Шѣламатъ*, — трехгодичный олень на четвертомъ году возраста.

202. *Китусъ*, — четырехгодичный на пятомъ году возраста.

203. *Быкъ*, — пятилѣтній на шестой годъ возраста, гдѣ дѣлаютъ его *быкомъ*, назначая для убоя; ибо для означенія кладеныхъ оленей и здѣсь употребляютъ слово *быкъ*, прибавляя по лѣтамъ возраста вышеозначенныя названія: *быкъ урѣкъ*, *быкъ-ѡварсъ*, и т. д. Въмѣсто слова *быкъ* употребляютъ также лопарскія слова:

204. *Гѣрвасъ*, и

205. *Шардунъ*; — *шардунъ-урѣкъ* есть тоже что *быкъ-уракъ*, т. е. кладеный олень на второмъ году возраста; *шардунъ-ѡварсъ* тоже что *быкъ-ѡварсъ*, и т. д.

206. *Путь*, — такъ называется морской промыселъ, свойственный извѣстному времени года; на-примѣръ: *зимній путь* есть ловля взрослого тюленя, предпринимаемая около 1 февраля изъ-подъ селенія Золотицы у Зимнихъ-Горъ; или *путь на Кедахъ* — ловля молодого тюленя послѣ 1 марта, предпринимаемая съ мѣста, называемаго *Кеды*, и т. д.

207. *Ка'рбасъ*, — обыкновенная лодка на Двинѣ, Мезени, Печорѣ и въ Поморѣ.

208. *Шляк'*, — такъ называются шлюпки, на которыхъ промышленники объѣзжаютъ лапландскіе берега, занимаясь рыбною ловлею.

209. *Ра'ница*, — родъ малаго судна, употребляемаго въ Вѣломъ-Морѣ промышленниками.

210. *Лихтеръ*, — ладья, употребляемая для облегченія груза большихъ купеческихъ судовъ, чтобъ провести ихъ чрезъ баръ, на устьѣ Двины, въ Архангельскъ. Около 20 или 30 такихъ *лихтеровъ* занимаются этою выгрузкою кораблей какъ промысломъ. См. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ. Слово это происходитъ конечно отъ нѣмецкаго *Lichter*.

211. *Каюкъ*, — судно употребляемое торговыми людьми, плавающими ежегодно внизъ по Печорѣ, для торгу съ при-срежними ея жителями. Каюкъ печорской несетъ отъ 1, 500 до 2,000, и рѣдко до 3,000 пудовъ груза; суда большаго размѣра, поднимающіе до 4 и 5,000 пудовъ, называются здѣсь *барками*, и разбиваются въ Устьцыльмѣ или Пустозерскѣ, не возвращаясь вверхъ по рѣкѣ. Каюки волжскіе напротивъ поднимаютъ до 30,000, а Камскіе — до 35,000 пудовъ.

212. *Павозка*, — большая лодка съ прямымъ парусомъ, несущая до 300 пудовъ груза, и сопровождающая суда большаго размѣра, плывущія внизъ по Печорѣ; лодки эти идутъ внизъ нагруженныя; въ обратный-же путь дѣлаются необходимыми для каюковъ при трудномъ плаваніи вверхъ по мелководнымъ рѣкамъ.

213. *Сойма*, и

214. *Козъ*, — въ-старину такъ назывались ладьи, на которыхъ ходили внизъ по Печорѣ, и оттуда берегомъ Большеземельской Самоѣдской Тундры и Карскимъ-Моремъ, чрезъ полуостровъ Ялмалъ, въ Обскую-Губу, для торговли съ Мангазеею. См. Purchas, his pilgrims. ч. III. стр. 549. Быть можетъ однако, что иностранцы не поняли точнаго значенія этихъ словъ, и что *козели* означали поморцы извѣстное число вмѣстѣ плывущихъ, *когующихъ*, судовъ, *соймалми* называемыхъ.

215. *Тѣлдасъ*, — досчаная устилка на днѣ карбаса.

216. *Пайлуба*, — досчаная покрывша, устроенная надъ лодкою, въ плаваніи по рѣкамъ, для защиты отъ дождя.

217. *Мурманъ* (во множ. Мурманъ), — обитатель норвежскихъ береговъ. Происходитъ отъ скандинавскаго названія Нормановъ. Отсюда прилагательное

218. *Мурманскій*, — Норманскій; такъ весь сѣверный берегъ Русской Лапландіи называется *Мурманскими-Берегами*.

219. *Нордвѣга*, — Норвегія.

220. *Грѹмантъ*, — Шницбергенъ, и т. д.

221. *Полѹры*, — вмѣсто Поморцы; но Мурманскому-Берегу называются *Полѹрами* промышленники кѣмскіе и онежскіе, выходящіе сюда весною, чрезъ Терскій-Полуостровъ, для рыбной ловли; къ зимѣ возвращаются они на родину водою, держась береговъ.

222. *Становище, становъ*, — удобное мѣсто для стоянія у берега.

223. *Отидѣ*, — отнесеніе вдоль отъ берега; гонясь за тюленемъ на плывущихъ въ морѣ льдахъ, промышленники нерѣдко вмѣстѣ съ этими глыбами «падаютъ въ отидѣ», т. е. относятся отъ береговъ въ неизвѣстную даль, гдѣ погибаютъ безъ-вѣсти, если, по-счастью, волны не выбросятъ ихъ на какую-либо скалу пустыннаго острова Моржовца или на кошку морскую, и тамъ, опять по случаю, не погибнуть они съ голода и холода.

224. *Сѣрка*, — общее названіе тюленя (*Phoca groenlandica*).

225. *Конжуй*, — такъ называется также *сѣрка* на Лапландскомъ Берегу Бѣлаго-моря, и кажется двумя различными именами отличаютъ, въ настоящемъ случаѣ, пола животнаго, какъ у взрослыхъ *мысунъ* и *утелъга* означаютъ самца и самку; но въ-точности я упустилъ развѣдать это обстоятельство.

226. *Блѣкъ* (во множ. *блѣки*), — тюлень покрытый бѣлою пушистою шерстью, какъ онъ является на свѣтъ. Чрезъ нѣсколько дней по рожденіи, эта первая шерсть его начинаетъ облѣзать, и *блѣкъ* принимаетъ названіе

227. *Холѹша*, — которое превращается въ

228. *Плѣханко*, — когда первой шерсти столько уже слиняло, что показываются черныя *плѣшины*, поростающія короткою грубою шерстью. Изъ плѣханка дѣлается

229. *Сѣрка sensu strictiori*, т. е. *шестинедѣльный блѣкъ*, отложившій вполнѣ свою первоначальную одежду, замѣнивъ ее другою, удобнѣйшею для будущаго образа жизни. Это названіе остается тюленю до болѣе зрѣлаго его развитія,

достигнувъ кеторога чрезъ годичный срокъ, онъ называется, если самецъ, то

230. *Спрукъ*, — а если самка, то еще носитъ названіе *спрки* до двухгодичнаго возраста, когда тюлень дѣлается способнымъ къ плодотворенію; тогда *спрукъ* становится

231. *Лисіука*, — двухлѣтній тюлень-самецъ; а самка

232. *Утелька*, — двухлѣтняя самка-тюлень. Эти послѣднія названія животное уже не измѣняетъ.

233. *Нёрпа*, — другой родъ тюленя, *Phoca hispida Fabr.*

234. *Залцъ*, *морской залцъ*, — третья особая порода тюленя, *Phoca alligera Pall.* Ото всѣхъ сихъ названій происходятъ относительныя прилагательныя: *мысий* или *мысуній*, *сприий*, *нерпий* или *нерпецкій*, *залій*, и проч.

235. *Залѣжка*; — въ извѣстное время подъ-конецъ зимы, тюлени (*Phoca groenlandica*) выбираются на обширныя льдины, гдѣ *лежатъ*, иногда многочисленными стадами, въ 500 и 600 головъ вмѣстѣ, въ лѣнивомъ спокойствіи, совершая дѣйствіе сонтія.

236. *Лалды*, — лыжи употребляемыя при нѣкоторыхъ зимнихъ и морскихъ промыслахъ, какъ на-примѣръ, при Конушиномъ, и другихъ.

237. *Колдъ*, — длинныя лыжи, особеннаго-ли вида, или чистый синонимъ предидущаго слово — мнѣ неизвѣстно.

238. *Посохъ*, — шесть, обыкновенно изъ черемуховаго дерева, около двухъ аршинъ длиною, вооруженный на одномъ концѣ

239. *Хвостягою*, — т. е. желѣзною застриною съ выгнутымъ наружу, у ея основанія крючкомъ. Этимъ орудіемъ колютъ тюленей.

240. *Кутило*, — другое орудіе, при тюленьемъ же промыслѣ употребляемое: это шесть на оконечности съ

241. *Зазуброу*, — родомъ гарпуна, или заостреннаго желѣза, съ крючкомъ на боку, насаженнаго на рукоятъ не плотно, а соединеннаго съ псю посредствомъ веревки, длиною около 10 сажень, которая удерживаетъ животное, пронзенное *зазуброу*, въ рукахъ ловца, на рукояти *кутила*.

242. *Стоянка*, — толстая веревка; это выраженіе произошло конечно отъ *столикъ* судовъ на якорѣ, съ помощію *веревки*; слышалъ я его въ Кольскомъ - Поморьѣ.

243. *Дупо́м, дупла́*, — родъ шапки изъ бѣлаго полотна, которую надѣваютъ, вмѣстѣ съ бѣлою рубашкою, поверхъ зимней одежды, при тюленьемъ промыслѣ (въ *зимний-путѣ*), дабы на льдахъ, покрытыхъ снѣгомъ, по бѣлизнѣ одежды незамѣтно приблизиться на ружейный выстрѣлъ къ добычѣ.

244. *Тупи́къ*, — выгнутая узкая полоса желѣза съ тупымъ остріемъ, и рукоятью на каждой оконечности, — орудіе которымъ *выбраваютъ* кожи морскихъ звѣрей, т. е. соскабливаютъ пластъ жира, устилающій внутреннюю полость ихъ.

245. *Юро́къ*, — извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ; на-примѣръ: *юрокъ олений*, *юрокъ зѣтриныхъ кожъ* и *юрокъ вицеѣ* (прутьевъ). Это слово происходитъ, по всей вѣроятности, отъ зырянскаго (всегда подразумеваемая первобытный чудскій, въ зырянскомъ сохранившійся) слова *юръ*, «голова», и, кажется, въ первоначальномъ употребленіи означало нѣсколько *головъ* скота, какъ бы и понынѣ говоримъ о животныхъ, считая *головами*.

246. *Кры́лье*, — вм. крыло, птицы.

247. *Маха́ло*, — также крыло, отъ глагола *махать*. Отъ тогоже корня

248. *Маха́вка*, — длинный шестъ, втыкаемый въ землю, на вершинѣ коего вѣетъ платокъ, рубашка, или тому подобно, чтобъ издали подавать условленный знакъ какого-либо дѣйствія; въ промыслахъ весьма нерѣдко встрѣчается надобность употреблять или *выставлять махавку*.

249. *Гурѣй*, — такъ по Мурманскому Берегу Русской Лапландіи называются конусообразно съ заостренными вершинами сложенные груды камней, мѣстами виднѣющіяся съ моря, и весьма важныя для нашихъ безкомпасныхъ плавателей, имѣющихъ по нимъ свои примѣты о растояніяхъ, становищахъ, и т. д.

250. *Кѣхуры*. — Слово это встрѣтилось мнѣ гдѣ-то въ печати и, кажется, есть синонимъ предшествовавшему, по тѣмъ же берегамъ употребляемый.

251. *Фы́тъль*, — сътъ устройствомъ своимъ похожая на обыкновенную связанную изъ прутьевъ *морду*, но въ болѣе разнѣрѣ и съ боковыми крыльями; употребляется по средней Печорѣ для улова рыбы.

252. *По́плавъ*, — сътъ съ крупными ячеями до 300 сажень длиною, и на 3 или 4 сажени идущая вглубь, употребляемая для

лови семги по Печорѣ, Мезени, и нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ. Она перебрасывается поперегъ глубокаго фарватера рѣки, и несется по теченію; одинъ конецъ ея остается въ рукахъ промышленнаго карбаса, внизъ по водѣ плывущаго, другой свободенъ и влечется теченіемъ; поправки во всю длину сѣти по одной, и привѣшенныя тяжести по другой сторонѣ, удерживаютъ ее постоянно въ вертикальномъ положеніи относительно къ руслу рѣки; такимъ — образомъ семга, идущая противъ теченія, ударяется на пути своемъ въ поправы, и попадаетъ въ ячеи ея, пропускающія рыбу выше грудныхъ перьевъ, но не дающія пройти ей цѣликомъ; обратно-же выскользнуть изъ ячеи рыбѣ препятствуютъ перья.

253. *Перемѣтъ*, — это сѣть, устроенная какъ и поправы, но глубиною не много выше сажени, употребляемая также для ловли семги въ мелководьяхъ моря, при устьяхъ тѣхъ же рѣкъ. Она протягивается въ прямомъ углу съ чертою берега, отчасти по твердой землѣ, понимаемой водами прилива, и потомъ въ отмелое море, сколь далеко позволяетъ то глубина его, что иногда распространяетъ длину всей сѣти верстъ на пять. Перемѣтъ этотъ удерживается по всей длинѣ своей постоянно въ вертикальномъ положеніи посредствомъ вбитыхъ въ почву кольевъ, и приборъ стоитъ въ-теченіе всего улова. Каждый приливъ покрываетъ перемѣтъ и приноситъ къ нему рыбу, которая попадаетъ въ ячеи, какъ описано выше; послѣ отливовъ промышленники объѣзжаютъ перемѣтъ во всемъ его объемѣ, и вынимаютъ изъ ячей заставшую въ нихъ рыбу.

254. *Пользѣ*, — простая крупная сѣть въ 2 или въ 3 сажени длины и въ сажень вышины, съ которою двѣ лодки плывутъ внизъ по рѣкѣ; ее вытаскиваютъ, какъ скоро ударится въ нее семга, идущая небольшими стаями (юрками) противъ теченія. Употребляется въ селеніи Поноѣ по Лапландскому Берегу Бѣлаго-Моря.

255. *Заборъ*, — рядъ кольевъ, который ставится поперегъ рѣки, для улова семги; Въ селеніи Поноѣ. Оттуда глаголь

256. *Забирѣтъ* рѣку, т. е. перегораживать кольями.

257. *Переплѣтъ*, — плетеная изъ прутьевъ перегородка, которая ставится на нѣкоторое разстояніе отъ берега въ рѣку, чтобъ произвести выше теченія ея *заводъ* (см. слово № 34), гдѣ ставится сѣть, называемая *сарга*, для улова семги. Въ Поноѣ.

258. *Гарва*, — сѣть съ крупными ячеями (въ 4 вершка поперечника), около 10 сажень длиною, и въ одну сажень вышины; она ставится въ *заводи* за выдавшеюся скалою, или *переплѣтотомъ* (см. предшествовавшее слово) и въ ячемъ она попадаетъ семга. Въ Поноѣ.

259. *Млѣице*, — крѣпкая сѣть, около 10 сажень длиною, и сажени 4 глубиною, съ ячеями около фута въ сторонѣ квадрата, употребляемая въ селеніи Поноѣ для ловли тюленей (нерпы и морскихъ зайцевъ) посредствомъ *крюка*.

260. *Крюкъ*, — сѣть изъ 5 соединенныхъ концами *млѣице*, заграждающая низменный заливъ моря такъ, что пространство между выдавшимся невысокимъ мысомъ и берегомъ занято сѣтью, поставленною въ видѣ крюка, вогнутаго внутрь залива, и остается только узкій проходъ мимо сѣти въ заливъ, куда заходятъ тюлени, но обратнаго пути найти не могутъ и запутываются въ тенетахъ.

261. *Ярусъ*, — приборъ сѣтей, употребляемый для рыбной ловли по Мурманскому Берегу Русской Лапландіи.

262. *Ошкунъ*, — бѣлый медвѣдь; взято съ зырянскаго названія чернаго медвѣдя — *ошъ*; древняя Чудь быть можетъ для того и другаго звѣря имѣла одно это наименованіе, отличая ихъ, какъ и мы по-русски, цвѣтомъ шерсти; пришельцы-же русскіе отнесли общее обозначеніе *породы* къ невиданному дотошъ ими *виду*, обладая уже въ своемъ языкѣ особымъ словомъ для другаго вида.

263. Медвѣдь *стервятникъ*, — черный медвѣдь, питающійся преимущественно мясомъ мертвыхъ животныхъ.

264. Медвѣдь *травникъ*, — о которомъ русскіе обитатели лѣсной страны Сѣвера увѣряютъ, будто-бы онъ никогда не трогаетъ пасущагося скота, а питается болѣе ягодами и «Богъ вѣсть чѣмъ». *Referta referto*.

265. *Норникъ*, — молодой песецъ (сѣверная лисица), пока онъ не оставляетъ своей *норы*; въ августъ и сентябрь онъ становится

266. *Крестовѣтникъ*, — какъ прозывается отъ своего сѣраго мѣха, по которому тянутся черноватыя полосы, одна вдоль по хребту, и двѣ поперегъ, *накрестъ* ее пересѣкающія, къ переднимъ и заднимъ лапамъ животнаго.

267. *Чуагъ*, — глухарь, глухой тетеревъ (*Tetrao Urogallus*).

268. *Мари́ха, марду́шка*, — самка глухого тетерева.
269. *Коса́ха*, — тетеревъ (T. Tetrix. L.) самецъ.
270. *Пестру́ха*, — тетерька, самка *косаха*.
271. *Рябь, рябѣхъ*, — рябчикъ (T. Bonasia L.)
272. *Куропатъ*, — сѣрая куропатка (Lagopus albus. L.)
273. *Морской ла́данъ*, — янтарь, мелкими зернами индѣ на берега выбрасываемый моремъ; ладаномъ этимъ жены окуриваютъ иногда сѣти мужей, ожидая отъ того счастливаго улова рыбы.
274. *Морское ма́сло*, — мягкое животное изъ класса аса-lerphae, плавающее иногда на поверхности водъ; промышленники вывозятъ его домой, какъ лекарство въ разныхъ бо-лѣзняхъ, предполагая въ этомъ морскомъ маслѣ сокровенныя цѣлительныя силы.
275. *Прю́дка*, — первая молодая зелень, весенними почками показывающаяся на деревьяхъ, и первая изъ земли выходящая трава.
276. *Ви́ца* (обыкновенно выговаривается *вѣца*), — гибкій пруть, хворостина (въ Мезенскомъ Округѣ); слово, кажется, финскаго происхожденія.
277. *Хю́мелъ*, — стволъ дерева, отъ зырянскаго *хю́мелъ*; отсюда прилагательное
278. *Зако́млистый*, — суковатый; о стволѣ дерева.
279. *Ка́ренга* — суковатый обрубокъ дерева; и прилагательное
280. *Каренговѣ́тый*, — суковатый, то же что *закомлистый*.
281. *Ва́кора*, — суковатый лѣсъ, то же что *каренга*.
282. *Кокора*, — остатокъ толстаго древеснаго ствола съ корнемъ вырваннаго бурей или водами, или павшаго отъ времени. Слова эти безъ сомнѣнія финскаго происхожденія, и въ окончаніи ихъ я вижу финское слово *кю́ри* (по эстляндски *коорѣ*), русское *корѣ*; это стволы, *обнаженные отъ коры*, ветхія.
283. *Дубъ*, — кора лиственныхъ деревьевъ: «березовый *дубъ* выкуривается на деготь, а сосновая *кора* на смолу».
287. *Па́лихъ*, — огорѣвшій, *опаленный* лѣсъ; въ Колюск. Окр.
285. *Подбѣры*, — это, кажется, опушка сосноваго *бора*.
286. *Порѣмъ*, — такъ называется по притокамъ Мезени и Пинеги извѣстное число сплоченныхъ вмѣстѣ бревенъ для поднятія ихъ по рѣкамъ или по берегу морскому въ другія рѣки

и рѣчки, которыми эти *поромы* сплавляются до Архангельскаго Порта. Отсюда глаголь

287. *Спорамливать*, — т. е. связывать бревна въ поромъ, спланивать; и *перепорамливать*, т. е. развязавъ поромъ, связать его въ другой видъ, большій или меньшій, по числу составляющихъ его деревьевъ, противъ прежняго, смотря какъ требуетъ того фарватеръ и другія обстоятельства.

288. *Плмѣ*, — техническое выраженіе, которымъ означаютъ слой бревенъ, составляющихъ *поромы*.

289. *Щапъ*, — такъ называется въ Шенкурскомъ Уѣздѣ, котораго жители особенно занимаются смолокурениемъ, засѣчка топоромъ въ сосновое дерево, для добыванія смолы. См. Лепехина: Путешествіе и проч. ч. IV. стр. 435. Прим.

290. *Засѣлка*, *засачиваніе* дерева, — когда съ сосноваго дерева соскабливается кора, съ цѣлюю чтобъ изъ обнаженнаго ствола *высачивались* на поверхность смолистыя вещества его; въ Шенкурскомъ Округѣ. Тамъ же, ч. IV, стр. 440.

291. *Смежѣ*, — разщепленные почти въ лучинную толщину полѣнья сосноваго дерева, для выкуриванья изъ нихъ смолы; въ Шенкурскомъ Округѣ. См. тамъ же.

292. *Майданъ*, — яма выкапываемая въ землѣ для смолокурения; въ Шенкурскомъ Округѣ. См. тамъ же.

293. *Плхъ*, — смола или родъ канифоли, получаемая чрезъ перегонку сосновой смолы; летучія частицы сей-последней удаляются въ видѣ паровъ, а остающееся стекаетъ изъ мѣднаго котла въ бочки и называется *плхъ*. Такъ изъ *скипидара* возгоняется *скипидарное масло*, а остающееся смолистое вещество есть *канифоль*. Пѣковареніе принадлежитъ уже къ городскому промыслу Архангельска. См. Лепехина: Путеш. ч. IV, стр. 448—450.

294. *Ера*, *ѣрникъ*, — всякій низкій кустарникъ по безлѣснымъ тундрамъ растущій, преимущественно же родъ березника — *Betula nana* L.

295. *Жимолѣдникъ*, — родъ жимолости, *Loniceræ Pallasii Ledeb.*

296. *Кобылица*, — тотъ же жимолостникъ.

297. *Кислица*, — красная смородина.

298. *Зеленица*, — *Lycorodium complanatum* L., употребляемая по Печорѣ для крашенія шерстяныхъ тканей, которымъ придаетъ блѣдножелтый цвѣтъ.

299. *Торица*, — такъ называется нѣсколько видовъ растѣній изъ семейства крестовидныхъ (въ-особенности *Thlaspi arvense* и *Sisymb. oheiranthoides*), во множествѣ растущихъ на поляхъ между ниворослей и которыхъ сѣмена, при неурожаѣ, смолотые въ муку, бѣднымъ жителямъ мезенскаго сѣвера отчасти замѣняютъ хлѣбъ. (Прочія названій растѣній см. въ моей «Флорѣ земель Архангельскихъ Самоѣдовъ»).

300. *Едний*, — единый, одинъ: «мы ни одной рыбки не ловили»; «насъ ни одного силы не стало»; впрочемъ, это слово почти обще въ русскомъ простонародіи.

301. *Дорѣдний*, — хорошій; и какъ нарѣчіе: *дородно* — хорошо. каковы твои кони? *дородны*; сдѣлаешь-ли это? *дородно*, сдѣлаю.

302. *Баской*, — ясный, красивый: «баско время на дворѣ», т. е. ясная погода, и «баска дѣвка». Отсюда глаголь

303. *Басится*, — охорашиваться: «какъ ты ни басиссе, все уродомъ останиссе».

304. *Солнопѣчный*, —¹ солнечный, ясный: «солнопечный день по Новой Землѣ на рѣдкость когда выдается».

305. *Хрушкой*, — крупный; въ Шенкурскѣ.

306. *Скрѣпкой*, — хрупкій, ломкій; тамъ же.

307. *Прилѣбый*, — говорится о берегѣ, вдоль котораго значительная покатость почвы заставляетъ воды скоро углубляться: «по *прилѣбамъ* берегъ *прилѣбъ*, а по *наволокамъ* мѣлокъ».

308. *Суровый*, — шаловливый; въ Холмогорскомъ Округѣ. Отсюда глаголь

309. *Суровѣться*, — шалить, рѣзвиться.

310. *Пѣхтусый*; — масломъ *пѣхтусымъ* называется нетопленое масло, продаваемое въ Петербургѣ подъ названіемъ «*пухонскаго*»; слово это, кажется, финское.

311. *Яловый*, — говорится о животномъ, не принесшемъ въ извѣстное время плода; на-примѣръ: *яловыя гусыни*, которыя въ лѣтнее время не вывели птенцовъ; *яловая кобыла*, кобыла не ожеребившаяся. Противуположное тому

312. *Дѣтнікъ*, — имѣющій дѣтей, птенцовъ; собственно имя прилагательное, измѣненное въ существительное; подобныя прилагательныя иногда встрѣчаются въ архангельскомъ нарѣ-

чин; на-примѣръ: *мѣлѣцъ*, вмѣсто *мѣлѣй*; такъ и въ общегосподствующемъ русскомъ говорится порою: *дѣлѣцъ-человѣкъ*, вмѣсто *дѣловой человѣкъ*, и проч.

313. *Лѣйной*, — вылинялый; лѣйные гуси, и т. д.

314. *Колѣмой*, — безрогий; по Печорѣ и ея притокамъ между рогатымъ скотомъ встрѣчается много *колѣмого*, не имѣющаго роговъ.

315. *Живой*, — не спящій; на-примѣръ: «по вечеру, какъ это приключилось, вся деревня была еще *жива*».

316. *Жить*, — не спать, борствовать; отсюда

317. *Зажить*, — проснуться, начать движеніе: «мы *зажили* утромъ рано»; или «вода *зажила* въ берегахъ». См. № 53; и

318. *Нажить*, — достать, добыть: «сходи *наживи* мнѣ веревку».

319. *Запада́тъ*, — начинать паденіе: «вода *запала* въ берегахъ», т. е. начала понижаться, падать.

320. *Попа́дѣтъ* (куда), — быть въ движеніи куда-либо, латинское *tendere*: «мы *попадали на судахъ* въ Нордвегу»; «попадали домой пѣшіе или на оленяхъ»; отсюда

321. *Попа́сть*, — достигнуть до мѣста; «мы попали изъ Архангельска въ Колу въ недѣлю».

322. *Покоси́тъ*, — плыть моремъ: «пора намъ *вышкосить*», т. е. отплыть; или «судно скоро *покосить*», плыветь.

323. *Итти съ хозъ*, — итти на развѣдку; слово техническое, употребляемое при тюленьемъ промыслѣ, гдѣ «*отправляются съ хозъ*» для развѣданія *залѣжки* тюленей.

324. *Паруси́тъ*, — исполнять дѣйствіе паруса, какъ въ движеніи противудѣйствующемъ направленію вѣтра или воды, такъ и въ покоѣ, стремящемся удержать тѣ силы; на-примѣръ, тѣло идущаго *паруси́тъ* въ холу противъ вѣтра, но не наоборотъ; или — снятыми съ судовъ и протянутыми поперекъ теченія парусами *паруси́тъ* малыя рѣки при мелководіи, чтобъ поднять высоту воды и образовать фарватеръ.

325. *Опрѣжѣтъ*, — опрокинуть: «*не опрѣжѣ* телѣги на косягорѣ»; въ Архангельской и Олонецкой губерніи; это испорченный глаголъ *обрушѣтъ*; отсюда съ перемѣною предлога произошло

326. *Запрѣжѣтъ* — опрокинуть на водѣ и потопить: «мы *запрѣжили* въ рѣкѣ весь грузъ».

327. *Пахѣтъ*, — мѣсти; такъ *подпахать*, *выпахать*, вмѣсто подмѣсти, вымѣсти; на-примѣръ: «выпаши дворъ».

328. *Напахѣтъ*, — запасти, накопить: «мы напахали сѣна на зиму».

329. *Робитъ*, — работать, дѣлать; слово малороссійское, общепотребительное въ Архангельской Губерніи равно какъ и въ Сибири.

330. *Ерколѣтъ*, — собравъ въ *юрокъ* особенными призывными звуками оленей, обычныхъ къ упряжи и тѣмъ звукамъ послушныхъ, окружаютъ этотъ юрокъ веревкою, къ которой привязываютъ число ихъ, назначаемое для предстоящаго употребленія, прочихъ отпуская на свободу; это называется техническимъ, съ самоѣдскаго взятымъ, глаголомъ *ерколѣтъ*.

331. *Огнѣжѣтъ*, — заболѣть цынгою.

332. *Завирѣтъ*, — завертывать, связывать вмѣстѣ; на-примѣръ, завираютъ въ юрокъ кожи, т. е., свернувъ ихъ, связываютъ вмѣстѣ.

333. *Выбривѣтъ*, — соскабливать *тупикомъ* слой жира, покрывающій нижнюю полость кожъ у морскихъ звѣрей. См. № 244.

334. *Толковѣтъ*, — понимать: «понимашь-ли другъ»? отвѣтъ: «*толкую*».

335. *Повалитъ*, — спать, и лечь спать: «мы поутру долго повалились», т. е. проспали; и «пора намъ повалиться», т. е. лечь спать; но говорятъ также: «пора намъ *леги повалиться*».

336. *Нарядитъ*, — вообще одѣться: «и ниціи *наряжается* въ свою *лѣпотъ*»; въ повелительномъ говорятъ *нарядся*, вмѣсто нарядись.

337. *Ротитъ*, — произносить клятву.

338. *Братитъ*, — заключать союзъ братства; см. № 111.

339. *Отливатъ*; — промышленники, на легкихъ судахъ или карбасахъ удаляющіеся отъ береговъ, будучи застигнуты сильною бурей въ открытомъ морѣ, для избѣжанія гибели въ волнахъ, избираютъ, по своему мнѣнію, послѣднее средство, и начинаютъ *отливатъ саюлы*, т. е. бросаютъ въ воду отъ-времени-до-времени жидкій жиръ морскихъ животныхъ, который, разстилаясь тончайшимъ слоемъ по ея поверхности, укрощаетъ нѣсколько бушующія зыби, не давая имъ подниматься столь высоко, чтобъ могли потопить карбасъ. Сред-

ство это въ Архангельскомъ-Поморѣ известно каждому; но дѣйствительно-ли оно въ самомъ дѣлѣ, о томъ спорятъ еще ученые физики, между-тѣмъ какъ промышленники продолжаютъ отливаться и — спасаются.

340. *Тепѣрьшо*, — теперь; въ Архангельскѣ.

341. *Оногдасъ*, или *оногдасъ*, — намѣдни; въ Кольскомъ Округѣ.

342. *Онолѣдъ*, — намѣдни; тамъ же.

343. *Онолмѣсъ*, — намѣдни; тамъ же.

344. *Посѣдни*, — намѣдни; въ Архангельскомъ Округѣ.

345. *Лони*, *лонисъ*, — въ прошедшемъ году: оттуда прилагательн.

346. *Лонской*, — прошлогодній, и существительное *Лонкахъ*; см. N 195.

347. *Вѣснусъ*, — прошедшею весною.

348. *Лѣтосъ*, — прошедшимъ лѣтомъ.

349. *Осенѣсъ*, — прошедшею осенью.

350. *Зимусъ*, — прошедшею зимою.

351. *Утросъ*, — въ прошедшее утро.

352. *Ночѣсъ*, — въ прошедшую ночь. По той же аналогіи, и въ общемъ русскомъ просторѣчій говорится: *вчерасъ*, *позавчерасъ*, вмѣсто вчера, позавчера (третьяго дня). Нѣкоторые изъ приведенныхъ нарѣчій сохранились и въ другихъ странахъ Россіи.

353. *Инеодъ*, или *инейодъ*, — иногда.

354. *Та'лотка*, — тамъ.

355. *Тѣтотка*, — тутъ.

356. *Тамѣякъ*, — туда, и *Потамѣякъ*, — болѣе туда, болѣе въ ту сторону: «держи карбасъ тамѣякъ въ море», или «потамѣякъ далѣ отъ щели»; въ Кольскомъ Округѣ.

357. *Судайкъ* и *Посудайкъ*, — сюда, и болѣе сюда, болѣе въ эту сторону: «правъ судайкъ въ становище», или «правъ посудайкъ, ближе къ берегу»; въ Кольскомъ Округѣ.

358. *На трѣхъ*, — на верхъ.

359. *Межъ*, — между.

360. *Вмѣстѣякъ*, — вмѣстѣ.

361. *Быва'тъ*, — можетъ быть; сокращенное *бываетъ*.

362. *Лиша-бы*, — лишь-бы.

363. *Когда нѣтъ*, — почему нѣтъ?

364. *Що*, — что (вопросительное); слышно часто въ Мезени; взято изъ малороссійскаго.

365. *Пошто*, — почему, зачѣмъ, для чего (вопросительное).

366. *Тако*, — такъ; славянское, часто употребляемое слово.

367. *Ино*, — такъ; въ Устьцыльмъ и по средней Печорѣ.

368. *Ново́й*, — иной, другой.

369. *Ражово́*, — такъ-и-сякъ, посредственно; въ Шенкурскѣ.

370. *Нѣмѣ́ка*, — не дурно, порядочно; въ Шенкурскѣ, а иногда и въ Мезени: «какъ твое здоровье»? «нѣмака, живу помалу».

371. *Пора́то*, — очень, весьма: «порато дорожный», т. е. очень хороший.

372. *Та́рко* (въ сравнительной степени *парѣе*), — сильно, крѣпко; въ Мезени; происходитъ, быть-можетъ, отъ существительнаго *парь*, и взялось изъ паровыхъ бань русскихъ.

373. *На-пово́дь*, или *на по́водъ*, — по теченію рѣки или морскаго потока.

374. *На-прóтивекъ*, — противъ теченія водъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ОБЪЯСНЕННЫХЪ СЛОВЪ.

	NN ^о		NN ^о
Аргышъ, арюшъ	185.	Братанъ	112.
Баситься	303.	Брататься	338.
Баской	302.	Бурсакъ	2.
Бахилы	122.	Бывать	361.
Бережѣе	46.	Быкъ	190 и 203.
Благо	152.	Бѣлѣкъ	226.
Благодать	153.	Важенка	189.
Божатка	109.	Вакора	281.
Божія-дуга	16.	Вара, варака	73.
Болванскій	155.	Ведріе	1.
Болванъ	154.	Вѣспусь	347.
Болонь	290.	Взводень	48.
Большница	60.	Взвозье	114.

Виска	81.	Завирать	332.
Виця	276.	Заводь	34.
Вмѣстѣхъ	360.	Зажить	317.
Вода	58.	Зазубра	241.
Вондѣжа	199.	Закомлистый	278.
Ворга	147.	Залѣжка	235.
Востокъ	26.	Западать	319.
Выбривать	333.	Запружить	326.
Вѣжа	161.	Зарница	17.
Въ хозѣ итти	323.	Заротъ	183.
Гарва	258.	Заря	13.
Гярвасъ	204.	Засивѣрка	4.
Глубникъ	24.	Засоча	290.
Голомя	44.	Заяцъ, морской заяцъ	234.
Голомянный	45.	Зеленица	298.
Гора	98.	Зимусъ	650.
Горній	99.	Зобѣнка	139.
Горбуша	131.	Зыбка	140.
Грумацъ	220.	Икать	160.
Губа	95.	Икота	158.
Гурей	249.	Икотница	159.
Дверста	150.	Ингодъ	353.
Дородный	301.	Ино	367.
Дубъ	283.	Инька	108.
Дыбунъ	103.	Калтусъ	104.
Дѣленки, дѣльницы	121.	Капостить	125.
Дѣтникъ	312.	Капостунъ	126.
Едний	300.	Капость	124.
Ера, ерникъ	294.	Карбасъ	207.
Ерколтать	330.	Каренга	279.
Желомудникъ	295.	Каюкъ	211.
Живой	315.	Кережка	177.
Жило	113.	Керста	144.
Жито	135.	Кислица	297.
Жить	316.	Кичыгъ	132.
Жица	117.	Кобылица	296.
Заберега	35.	Когда нѣтъ	363.
Забирать	256.	Кокора	282.
Заборъ	255.	Колги	237.

Комарникъ	157.	Лось	18.
Комель	277.	Луда	71.
Комольй	315.	Лысунъ	231.
Конжуй	225.	Лынной	313.
Контусъ	202.	Лѣто	27.
Копище	164.	Лѣтось	348.
Корга	66.	Ляга	106.
Коренговатый	280.	Лямка	180.
Косачъ	269.	Майданъ	292.
Кочъ	214.	Малица	170.
Кошка	64.	Манпха	59.
Крестивой	110.	Маревъ	3.
Крестовой	111.	Маргуха, маракушка	268.
Крестоватикъ	266.	Масло морское	274.
Крылье	246.	Материкъ	63.
Крюкъ	260.	Матка	21.
Кубокъ	143.	Махавка	248.
Куйпака	65.	Махало	227.
Куколь, кукля	243.	Меженная вода	5.
Кутило	240.	Межень	51.
Куть	94.	Межникъ	30.
Куропать	272.	Межь	359.
Курья	93.	Мурга	77.
Кѣкуры	250.	Мурманскій	218.
Ладанъ морской	273.	Мурманъ	217.
Лайда	102.	Мѣсто	186.
Ламды	236.	Мягище	259.
Лапта	78.	Мятуха	40.
Лахта	97.	Наволокъ	101.
Ляпты	175.	На-вѣрѣхъ	358.
Липуха	6.	На-поводъ	373.
Лихтеръ	210.	На-противень	374.
Лиша-бы	362.	Нажить	318.
Логовина	76.	Напахать	328.
Лони, лонисъ	345.	Наракуй	39.
Лонской	346.	Нарядиться	336.
Лончакъ, лонщакъ	195.	Настрикъ	47.
Лопанко	197.	Неблюй	193.
Лопоть, лопотина	116.	Нерпа	233.

Несякъ	43.	Пеструха	270.
Нива	85.	Пёхтусный	310.
Новой	368.	Пимы	174.
Нордвега	219.	Плёса	49.
Норникъ	265.	Плита	288.
Нось	96.	Плѣханко	228.
Ночѣсь	352.	Побережникъ	25.
Ныласъ	36.	Повалиться	335.
Нюкъ	165.	Поводъ	33.
Нѣмака	370.	Повѣтеръ, повѣтерня	31.
Няша	107.	Погода	7.
Обратъ	146.	Подборье	285.
Обѣдникъ	28.	Подводница	67.
Оддорная погода	9.	Подпючье	166.
Околистый	149.	Пожня	134.
Околица	148.	Покопытныя деньги	187.
Оногдась	341.	Покосить	322.
Ономнясь	343.	Поливуха	68.
Ономѣдъ	342.	Полная вода	54.
Опружить	325.	Полой	88.
Орать	136.	Полуночникъ	23.
Осенѣсь	349.	Польй	86.
Остяцкая лось	19.	Польнья	87.
Отливаться	339.	Поморы	221.
Относь	223.	Понитокъ	118.
Ошкуй	262.	Попадать	320.
Павозка	212.	Попасть	321.
Падунъ	84.	Поплавъ	252.
Палая вода	56.	Порато	371.
Паликъ	284.	Порока	10.
Палуба	216.	Порожъ	286.
Паница	172.	Порочка	142.
Парко	372.	Посохъ	238.
Парусить	324.	Посядни	344.
Пахать	327.	Пошто	365.
Пахта	69.	Поѣздъ	254.
Перелой	89.	Прибылая вода	53.
Перемѣтъ	253.	Приглубый	307.
Перепахтъ	257.	Прилукъ	100.

Противна	32.	Сувой	50.
Прочика	275	Судаякъ, посудаякъ . . .	357.
Пурга	8.	Сукманна	119.
Путь	206.	Суровиться	309.
Пыжикъ	191.	Суровый	308.
Пыжичій	192.	Сухая вода	57.
Пѣкъ	284.	Сѣльзъ	37.
Ражово	369.	Сѣрка	224 и 229.
Ранщина	209.	Сѣрунъ	230.
Робить	330.	Сянъ	182.
Ропакъ	41.	Тайбола	80.
Росоха	83.	Тако	366.
Ротиться	337.	Таланъ	151.
Ручей	82.	Тало, таликъ	12.
Рындатъ	11.	Тамга	156.
Рябъ, рябокъ	271.	Тамотка	354.
Са	179.	Тамьякъ, потамьякъ . . .	356.
Салма	92.	Тасма	181.
Сахта	105.	Тѣлдасъ	215.
Сиверь	22.	Телѣнокъ	194.
Саропной	306.	Теперьво	340.
Смолье	291.	Тобуры	176.
Совикъ	171.	Толковать	334.
Сойма	213.	Торица	299.
Солнопечный	304.	Травяникъ	264.
Сполохи	14.	Тундра	79.
Спорамливать	287.	Тупикъ	244.
Стамикъ	70.	Тутотка	355.
Стамуха, ставуха	42.	Тынзей	183.
Становище	222.	Тяжелко	120.
Степь	75.	Убылая вода	55.
Стервятникъ	263.	Уварсь	200.
Стойка	130.	Угоръ	62.
Столбы	15.	Удолъ	90.
Стоянка	242.	Утельга	232.
Страда	127.	Уракъ	198.
Страдать	129.	Утица	178.
Страдній	128.	Утичье гнѣздо	20.
Стѣнокъ, стѣнко	145.	Утрось	351.

Фѣтъль	251.	Шардунъ	205.
Халява	123.	Шаръ	91.
Харѣй	184.	Шелонекъ, шелонникъ	29.
Хвостяга	239.	Шняка	208.
Хибенъ	74.	Шумиха	115.
Хора	188.	Щапъ	289.
Хохлуша	227.	Щелья	61.
Хрушкой	305.	Щерба	137.
Ципня	141.	Щерлопы	72.
Чемра	5.	Що	364.
Чиръ	38.	Юрокъ	245.
Чопурокъ	196.	Ѣдома	168.
Чумовище	163.	Ѣдомской	169.
Чумъ	162.	Яловый	311.
Чухаръ	267.	Ямдоть	167.
Шаламать	201.	Яндица	173.
Шаньги	138.	Ярусъ	261.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЖИТЕЛЯХЪ НИЖНЕЙ НУБІИ.

(изъ письма къ В. В. Григорьеву)

Д. Ч. А. А. Рафаловича.

(читано въ собраніи 2 марта 1849 года)

Путешественникъ прибывшій изъ Европы въ Египетъ не скоро пріучается распознавать многочисленныя породы разноплеменныхъ жителей, встрѣчаемыхъ въ главныхъ торговыхъ городахъ этого края: Александріи, Каирѣ, Сіутѣ, и т. д. Наблюдателя сначала поражаетъ только одно: отличіе физіономіи, тѣлосложенія и языка туземнаго населенія вообще, ото всего видѣннаго имъ въ нашей части свѣта. Мало-по-малу только и постепенно глазъ его пріобрѣтаетъ способность отличать одну отъ другой самыя стихіи, входящія въ составъ этого населенія, казавшагося ему сперва однороднымъ. Онъ убѣждается, что феллахъ Нижне-Египетскій не похожъ на земледѣльца-Саидца, а этотъ отличенъ отъ Араба-бедуина, привольно кочующаго въ песчаныхъ пустыняхъ Африки, или сдѣлавшагося осѣдлымъ хлѣбопашцемъ; что Кобты и Евреи, Христіане Сирійскіе и Османлы, Мограбины Тунисскіе или Марокскіе и уроженцы Меккскіе представляются каждый съ постоянными характеристическими особенностями и признаками, не позволяющими, при нѣкоторомъ навыкѣ, ошибиться относительно происхожденія ихъ. То, что тутъ удается излѣдователю касательно *блага* населенія, также точно повторяется и для *цѣлѣн* жителей, стекающихся на берега «благословенной рѣки». Оливковые Абиссинцы, желтовато-смурые Индѣй-

пы, многочисленные типы черныхъ въ разныхъ оттѣнкахъ Негровъ, красновато-бурые Нубійцы, слившіеся сначала въ одну массу людей не-бѣлыхъ, постепенно отдѣляются одни отъ другихъ, и вы узнаете въ нихъ самостоятельныя, ясно-обозначенныя группы, изученіе которыхъ съ точки зрѣнія физиологической и правоописательной въ высокой мѣрѣ любопытно и занимательно.

Во время пребыванія моего въ Африкѣ я имѣлъ случай находиться въ весьма частыхъ и продолжительныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ этихъ племенъ въ-особенности: а именно—съ жителями Нижней-Нубіи, называющими себя *Барабра*, * и обитающими между первымъ нильскимъ катарактомъ въ Ассуанѣ, подь 24° 5' 23'', и вторымъ, у Уади-Халфы, подь 21° 53' 33'' с. ш. Область эта, издавна подчиненная египетскому скипетру, мало населена и заключаетъ въ себѣ какихъ-нибудь 80 небольшихъ деревень и одно мѣстечко, *Дорра*, считаемое нынѣ, по разрушеніи въ 1812 году города *Ибраіма* войсками Ибрагимъ-Паши, столицю этого края. Полоса удобной и обрабатываемой земли, окаймляющей берега Нила между сказанными двумя катарактами, очень узка и поверхность ея еще уменьшается ежегодно приваломъ наносимаго сѣверо-западными вѣтрами, изъ сосѣднихъ пустынь, кварцоваго песка, покрывающаго нынѣ на лѣвомъ берегу рѣки, значительныя пространства, которыя прежде, въ-древности, были воздѣлываемы. Естественныя произведенія этой области посему недостаточны для пропитанія всего населенія, не превышающаго впрочемъ 40,000 душъ обоего пола, и значительная часть его съ юныхъ лѣтъ оставляетъ родину, и отправляется въ Египетъ искать способовъ къ существованію и составленію небольшого капитала, съ которымъ Барабра возвращаются потомъ доживать вѣкъ въ семействѣ, подь знойнымъ солнцемъ и вѣчно-яснымъ небомъ своей скалистой Нубіи.

Прибывъ въ Египетъ, Барабра, которыхъ можно назвать Африканскими Савоярами, посвящаютъ себя преимущественно, и даже исключительно, двумъ родамъ занятій. Одна часть ихъ, и это самая многочисленная, за весьма малую плату поступаетъ матросами на вольныя и казенныя барки, коихъ

* Это множественное число слова *Барбари*.

многія тысячи отъ Ассуана до Средиземнаго-Моря бороздятъ желтыя волпы Нила — этого зыбкаго шоссе, составляющаго главный путь сообщенія въ краѣ, лишенномъ всякихъ почти другихъ дорогъ*. Трезвость, умѣренность въ пищѣ и чрезвычайная честность Барабра побуждаютъ судовладельцевъ отдавать имъ преимущество передъ матросами Египтянами. Тѣ же качества объясняютъ намъ почему столько Нубійцевъ нанимаются въ привратники и сторожа большихъ домовъ, купеческихъ конторъ и магазиновъ, лавокъ или складовъ товара на открытомъ воздухѣ, и т. п.: должности эти въ Александріи и Каирѣ предоставлены рѣшительно однимъ только Барабра**.

Въ—продолженіе путешествій моихъ по Египту, мнѣ пришлось провести почти цѣлыхъ пять мѣсяцевъ на Нилѣ, въ баркѣ: сперва въ январѣ и февралѣ 1847 года—на дорогѣ изъ Каира въ Розетъ и Дамьятъ водою, а потомъ съ 1 октября по 20 декабря тогоже года—во время поѣздки изъ Александріи чрезъ Верхній-Египетъ въ Нижнюю-Нубію до Уади-Халфы. Въ оба эти раза экипажъ моей барки состоялъ по-большей-части изъ Барабра, и я такимъ-образомъ имѣлъ случай про-извести нѣкоторые наблюденія относительно языка и нравовъ этого племени, которыя излагаются въ слѣдующихъ страни-цахъ. Не скрываю впрочемъ отъ самаго себя, что эти очерки весьма неполны и если могутъ показаться читателю занима-тельными, то развѣ потому только, что основаны на соб-ственномъ личномъ моемъ опытѣ и писаны съ природы.

Первый физическій признакъ поражающій васъ когда вы знакомитесь съ Барабра, это цвѣтъ ихъ кожи, красновато-

* Во время пребыванія Французской Экспедиціи въ Египтъ находилось Нильскихъ барокъ разной величины, около 4,000. Полагаю что въ настоящее время это число еще больше; на каждой баркѣ среднимъ числомъ бываетъ отъ 4 до 6 гребцовъ.

** Постановленіемъ 9 сентября 1706 года Французскій Консулъ въ Египтъ, Манлье, запретилъ всѣмъ жившимъ въ этомъ краѣ французско-подданнымъ, подъ опасеніемъ пени въ 300 ливровъ, держать прислугу нубійскую, и это за-прещеніе соблюдалось еще во время путешествія Соннини, въ 1772 году. Причиной тому было умерщвленіе королемъ сенарскимъ французскаго врана du Bouille, посланнаго Людовикомъ XIV въ Абиссинію. См. текстъ самаго постановленія въ Sonnini, Voyage dans la basse et haute Egypte. T. II стр. 386 и слѣд.

бурый, совершенно похожий на цвет шоколада в досках. Онъ свойственъ также поверхности громадныхъ гранитныхъ скалъ и острововъ, пересекающихъ русло Нила у первого и второго катаракта и выражаетъ, такъ—сказать, тѣсное родство этого племени съ заселяемою имъ землею, подобно тому какъ въ Египтѣ кофейный или, точнѣе, гороховый цветъ нильскихъ водъ отражается въ такомъ же окрашеніи кожи феллаховъ и городскихъ жителей. Для глазъ Европейца цветъ Барабра вовсе не противенъ и пріятнѣе оливковаго оттѣнка Абиссинцевъ, или грязно-чернаго пныхъ породъ Негровъ; поэтому не удивительно что Барабра, вовсе не считающіе себя *бѣлыми*, какъ ошибочно утверждаетъ одинъ ученый*, а называющіе цветъ свой *десса* (бурый), предпочитаютъ его и нашему бѣлому, и черному Негровъ. Роста мужчины Барабра средняго или выше средняго, рѣдко ниже; послѣднее, напротивъ, весьма часто бываетъ между женщинами. Тѣлосложеніе всѣ они худощаваго и весьма стройнаго; верхнія и нижнія оконечности у нихъ нѣсколько длинны, но отличаются художественнымъ совершенствомъ контуровъ; руки и ноги малы и красивой, щегольской формы, какъ у Египтянъ; мускулы развиты бѣдно, икръ почти нѣтъ, жира въ подкожной клетчаткѣ не встрѣчаешь, и тучной Барбэри такая же рѣдкость какъ дородный феллахъ въ Дельтѣ; грудь коническая, черепъ не великъ, лобъ высокой и прямой, глаза большіе, черные, и особенно у женщинъ съ весьма плѣнительнымъ выраженіемъ наивной, дѣтской стыдливости и кротости; брови тонки, лице продолговато и нѣсколько узко, но безъ выдающихся скулъ; носъ прямой и красивый, ротъ большой съ толстыми губами, не совершенно прикрывающими бѣлые, отѣсные и большіе зубы; челюсти мало развиты, подбородокъ малъ и пріятно округленъ, шея длинна и тонка, борода коротка и рѣдка, волосы на головѣ черны, безъ лоску, курчавы, но не похожи на шерсть, какъ у Негровъ. Два раза я видѣлъ дѣтей съ волосами свѣтлыми, желтоватыми, которые скорѣе можно сравнить съ осмолёнными, чѣмъ собственно бѣлокуроыми, какъ основательно замѣчаетъ Костаъ.

* Costaz, въ *Déscription de l’Egypte*, édit. Panckoucke, T. XII. стр. 265.

Изображенный здѣсь типъ подвергается важнымъ измѣненіямъ, если родители не оба племени нубійскаго. Весьма часто Барáбра женятся на Негритянкахъ, и тогда цвѣтъ кожи дѣтей становится темнѣе, волосы дѣлаются курчавѣе, носъ вдавливается, бѣлая оболочка глазныхъ яблоковъ принимаетъ желтоватый отливъ. Рѣже браки между Барáбра и Аббисинками или коренными Египтянками; въ такихъ случаяхъ потомство, хотя меньше удаляется отъ природнаго типа, но кожа дѣлается свѣтлѣе и волосы бываютъ желтоваты въ первыхъ годахъ жизни. Достойно замѣчанія, что феллахи южной части Оиванды и около Ассуана, работая обыкновенно нагіе въ поляхъ, до того загораютъ отъ солнца, что кожа ихъ становится гораздо темнѣе чѣмъ у Барáбра, живущихъ къ югу отъ нихъ; но этотъ загаръ — явленіе случайное, не органическое и посему не встрѣчается ни у женщинъ феллаховъ, меньше подвергающихъ себя вліянію солнечныхъ лучей, ни у малолѣтнихъ дѣтей, которыя едва-ли смуглѣе жителей Каира и Средняго-Египта, тогда-какъ красновато-бурый цвѣтъ Барáбра свойственъ всѣмъ лицамъ этого племени, безъ различія пола или возраста. Изъ сего любопытнаго факта можно, кажется, заключить что цвѣтоизмѣненія кожи и вообще племенные различія человѣческихъ породъ, не зависятъ единственно отъ вліяній климатическихъ или мѣстныхъ, какъ полагають многіе ученые. Населеніе мѣстечка Дэрра, въ Нижней-Нубіи, представляетъ новое доказательство нашему мнѣнію: жители Дэрра сами себя называютъ Барáбра и говорятъ ихъ языкомъ, а между-тѣмъ разительно отличаются отъ нихъ какъ цвѣтомъ кожи, который гораздо свѣтлѣе, такъ и самыми чертами лица; дѣйствительно они потомки Босняковъ, отправленныхъ въ Нубію Султаномъ Селимомъ послѣ завоеванія имъ Египта, и поселившихся въ Дэррѣ. Слишкомъ три столѣтія прошедшія съ тѣхъ поръ, не могли измѣнить кореннаго типа сихъ пришельцевъ.

Физиономія и вообще наружный видъ Барáбра представляютъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тѣмъ, что встрѣчаемъ у феллаговъ египетскихъ, но несмотря на это я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе пзлѣдователей и путешественниковъ, какъ Шамполліонъ — младшій и другіе, утверждающихъ, что Барáбра составляютъ именно то племя.

которое въ древнія, фараоновскія времена заселяло Египетъ*, и которое изображено въ живописяхъ, украшающихъ гробницы и ипогеи въ Оивахъ, Эл-Кабъ, Бени-Хассанъ и другихъ мѣстахъ. Главный доводъ, на которомъ основываютъ это мнѣніе, заключается въ томъ, что у изображаемыхъ въ сказанныхъ картинахъ *мужинъ*-Египтянъ, цвѣтъ кожи всегда написанъ краскою темно-коричневою или красновато-бурою, какъ у нынѣшнихъ Барабра. Внимательное изученіе этихъ живописей въ Оивскихъ гробницахъ и сравненіе ихъ съ тѣмъ, что я замѣчалъ при фізіологическомъ изслѣдованіи новѣйшихъ Египтянъ и Нубійцевъ, убѣдило меня въ неосновательности приведенной теоріи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ одинъ ипогей, высѣченный къ юго-западу отъ деревни Гурна въ восточномъ склонѣ Ливійской-Цѣпи горъ. Ипогей этотъ состоитъ изъ одной продолговатой четвероугольной комнаты; стѣны тщательно выштукатурены бѣлою мастикою и на ней красками, сохранившими всю свѣжесть и яркость оттѣнковъ, изображено между прочимъ шествіе *Негровъ* обоого пола и женщинъ и дѣтей *Барабра*, несущихъ дань и разные подарки. Шествіе это занимаетъ часть южной стѣны ипогея; типъ женщинъ Барабра весьма вѣрно схваченъ и переданъ живописцемъ, и до того сходствуетъ съ типомъ нынѣшнихъ жителей Нижней-Нубіи, что поразилъ не только меня, но и провожавшихъ меня во время экскурсій, матросовъ моей барки; вмѣстѣ съ этимъ фізіономіи ихъ однакожъ весьма отличны отъ фізіономій изображенныхъ тутъ-же на восточной стѣнѣ влѣво отъ входа, Египтянъ, занимающихся разными ремесленными работами, такъ-что очевидно, что это не есть одно и тоже племя. Сверхъ того, въ этихъ картинахъ у женщинъ и дѣтей Барабра кожа того же красновато-бураго цвѣта, который свойственъ имъ въ природѣ, тогда-какъ женщины Египтянки постоянно во всѣхъ ипогеяхъ написаны *желтою* краскою. Мы выше показали, что въ Саидѣ цвѣтъ кожи феллаховъ работающихъ подъ палящимъ солнцемъ, дѣйствительно гораздо смуглѣе оттѣнка сидящихъ въ тѣни избъ женщинъ и дѣтей. Оивскія картины удостовѣряютъ насъ, что древніе художники замѣтили эту разницу, и выражали ее приблизительно, чрезъ присвоеніе

* Champollion le jeune: Lettres écrites d'Egypte et de Nubie. crp. 429.

красновато-бураго оттѣнка мужчинамъ, и желтаго женщинамъ египетскимъ. У Барабра, конхъ цвѣтъ не производится дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, а зависитъ отъ общихъ естественныхъ условій ихъ организаціи — мужчины и женщины цвѣта одинаковаго. Повторяю, что основываясь на развитыхъ здѣсь обстоятельствахъ, я не могу вѣрить, чтобы Барабра были то племя, которое, по мнѣнію ученыхъ, издревле обитало въ Египтѣ и изображено въ ипогеяхъ. Другое возраженіе заимствуемъ изъ языка Барабра, который не представляетъ никакого сходства съ древнимъ кобтскимъ; но объ этомъ поговоримъ ниже.

Одежда Барабра-мужчинъ обрѣтающихся въ Египтѣ не отличается отъ одежды тамошнихъ феллаховъ или горожанъ низшихъ сословій. Сверхъ бѣлаго или цвѣтнаго ситцеваго жилета (*сидэйри*) безъ рукавовъ, застегиваемаго спереди множествомъ мелкихъ круглыхъ пуговицъ, и сверхъ широкихъ доходящихъ до колѣнъ шараваръ, надѣваютъ они длинную, темно-голубую или синюю бумажную рубаху (*эри*) съ широкими рукавами. Голову покрываютъ бѣлою бумажною ермолкою (*такіе*), или таковою же изъ сѣраго войлока (*мыб-дэ*) или краснымъ шерстянымъ тарбушемъ, окружаемымъ обыкновенно бѣлою шерстяною, рѣже кисейною шалью, которую матросы въ Египтѣ всегда обвязываютъ особымъ манеромъ, однимъ имъ свойственнымъ. Ходятъ босые и только въ торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ красные сафьянные башмаки; чулковъ никогда не употребляютъ. Въ холодную погоду кутаются въ широкій шерстяной плащъ (*аббаіе*) безъ рукавовъ, цвѣта сѣраго, бураго или съ бѣлыми и темными полосами. Сверхъ — того, мужчины, какъ взрослые такъ и мальчики, носятъ на лѣвой рукѣ, выше локтя, привязанный къ ремню плоскій кинжалъ или ножъ, въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ. На баркахъ во время плаванія и въ деревняхъ Нижней-Нубіи, костюмъ Барабра проще и состоитъ изъ одной только рубашки и бѣлаго *такіе* на головѣ. Дѣти обоего пола ходятъ совершенно нагіе до 8 или 10-лѣтняго возраста, а тамъ мальчики надѣваютъ рубаху или обвязываютъ бедра кускомъ холста; дѣвочки-же до замужства довольствуются окружающимъ нижнюю часть брюха ремнемъ, къ которому приделаны другіе, висящіе внизъ, тонкіе изъ кожи га-

зеленъ ромешки, длиною въ 5 или 6 вершковъ. Поясъ этотъ (*бадеи* на языкѣ нубійскомъ, *рахитъ* по-арабски) украшается бусами и раковинами, и составляетъ покрывало весьма прозрачное, которымъ однакожь вполне успокоена стыдливость ихъ. У выходящей замужъ дѣвицы, вечеромъ послѣ вѣнца, поясъ разрывается рукою новобрачнаго, и на другой день молодая жена уже является въ узкихъ, весьма прекраснаго покроя холщевыхъ панталонахъ; всю-же верхнюю часть тѣла по поясъ замужнія женщины оставляютъ нагою, и только выходя изъ дома накрываютъ ее и голову кускомъ бѣлаго холста. Въ Дэррѣ онѣ носятъ родъ рубахи безъ рукавовъ (*арыжи*), доходящую до колѣнъ и открытую по бокамъ во всю длину рубахи.

Барбра обоого пола тщательно удаляютъ, посредствомъ бритвы или мази изъ мыльяка съ известью, волосы растущіе въ разныхъ мѣстахъ туловища; мужчины, сверхъ-того, брѣютъ голову, оставляя только на макушкѣ клочокъ волосъ (*гутіаеи*), который многими заплетается въ нѣсколько тонкихъ косъ. У женщинъ и дѣвочекъ волосы висятъ вокругъ шеи и щекъ многими десятками тончайшихъ косичекъ (*иджики*), которыя образуютъ букли къ видѣ пробочниковъ когда ихъ расплетаютъ, что впрочемъ рѣдко случается. Этотъ головной уборъ, встрѣчаемый также въ Абиссиніи и разныхъ частяхъ Внутренней-Африки, употреблялся въ томъ же точно видѣ и древними Египтянками, какъ доказываютъ упомянутыя выше живописи и барельефы въ ипогеяхъ, равно — какъ и находимыя повѣнныя женскія муміи. Барабрачки мажутъ себѣ волосы рициновымъ масломъ, которое, стекая съ головы на шею и на грудь, напитываетъ одежду ихъ и распространяетъ запахъ весьма противный; растѣніе это (*сурудеи*) почти только для сей цѣли и воздѣлывается въ Нубіи. Онѣ также, подобно всѣмъ женщинамъ на Востокѣ, красятъ себѣ ногти и ладони въ оранжевый цвѣтъ, посредствомъ листьевъ ханны (*кофрѣеи*, *Launsonia inermis* L.); натираютъ свободные края глазныхъ вѣкъ сурмянымъ порошкомъ (*мидидеи*); татуируютъ (*тукитки*) подбородокъ, руки и другія части тѣла; вдѣваютъ въ правую ноздрю большое мѣдное или серебряное кольцо (*зумиджи*); надѣваютъ на руки и на ноги выше щиколотокъ запястья (*зовеи*) изъ тѣхъ-же металловъ или черныя изъ буйволоваго рога (*тумиджи*),

привозимыя изъ Сіута; уши украшаютъ серьгами (*шалатэки*) часто двойными, изъ конхъ однѣ привѣшены къ мочкѣ а другія къ верхнему краю ушнаго хряща, и носятъ на шеѣ множество ожерельевъ (*вінарйки*) изъ бусъ, коралловъ, раковинъ, гвоздикъ, а иногда также и массивныя серебряныя ободки.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ нарядѣ, и возвысивъ природныя прелести всѣми исчисленными ухищреніями искусства — юная Нубійка должна казаться единоплеменнымъ ей мужчинамъ тѣмъ болѣе очаровательною, что, вопреки общему обычаю мусульманскихъ женщинъ, послѣднія у Барабра постоянно являются съ открытымъ лицомъ. Но, какъ безпристрастный повѣствователь, я долженъ сознаться, что дѣйствительно хорошенькихъ между ними встрѣчаешь очень рѣдко, и то развѣ только между весьма молодыми дѣвочками. Старухи — же истинно страшны, особенно когда красятъ побѣлѣвшіе волосы въ огненный цвѣтъ посредствомъ ханны, какъ я это видѣлъ въ Дэррѣ. Замужнія женщины въ Нубіи весьма скоро старѣютъ — отъ тѣхъ-же причинъ какъ и женщины въ Египтѣ: ранняго вступленія въ бракъ, на 11 или 12 году, частыхъ родовъ, знойнаго климата, скудной пищи и изнурительныхъ работъ по хозяйству. Между послѣдними, приготовленіе муки изъ жесткихъ зеренъ *дулна* (родъ кукурузы, замѣняющей здѣсь верхне-египетскую *дурру*), безъ мельницъ и жернововъ, не самая легкая. Зерна раздробляются посредствомъ большаго круглаго булыжника, на нѣсколько выдолбленномъ и выглаженномъ гранитномъ камнѣ, обломкѣ древней колонны или истукана. Во время этой весьма продолжительной и утомительной операции женщина стоитъ на колѣнахъ, принимая при томъ позу совершенно классическую и очень граціозную.

Жилища Барабра въ деревняхъ Нижней-Нубіи ни удобствомъ, ни обширностью хвастать не могутъ, и въ этомъ отношеніи онѣ не лучше египетскихъ. Хижины низки, крыты сухими стеблями кукурузы и выстроены изъ сырыхъ кирпичей или и того чаще изъ сушеной грязи; иногда также (если деревня находится у подошвы горъ, идущихъ параллельно Нилу), изъ мелкаго щебня, отторгаемаго вѣтромъ съ отлогостей этихъ горъ, состоящихъ изъ рыхлаго песчаника. Неменѣе-того, деревни нубійскія имѣютъ то важное преимущество предъ селеніями Ниж-

ного и Средняго-Египта, что, будучи выстроены на грунтѣ никогда не покрываемомъ наводненіями Нила, онѣ не нуждаются въ искусственныхъ насыпяхъ, на которыхъ стоятъ избы въ этихъ-последнихъ. Посему въ Нубіи раскинуты онѣ на просторѣ, одна далеко отъ другой. Отъ этого въ нихъ и обращеніе воздуха гораздо свободнѣе, и больше опрятности; послѣдняя зависитъ еще и отъ малаго количества домашней скотины, которую Барабра держатъ только въ числѣ, какое необходимо для орошенія полей и подобныхъ работъ — по недостатку кормовыхъ травъ въ краѣ столь малоземельномъ. Передъ каждою избыю женщины устраиваютъ изъ нильской глины отвѣсныя, довольно-правильные цилиндры, пустые внутри и имѣющіе отъ 3 до 4 футовъ въ вышину и 1 или 2 фута въ поперчникѣ; толщина стѣнокъ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ дюйма. Кверху отверстіе этихъ цилиндровъ (*гусеги*) запирается плоскою круглою крышкою изъ глины же, а внутреннее пространство разбивается иногда отвѣсными простѣвками на нѣсколько подраздѣленій; если вышина цилиндра значительна, то снаружи и внутри въ стѣнки его вдѣлываются небольшіе камешки, одна надъ другими, образующіе такимъ образомъ ступеньки, по которымъ хозяйка можетъ подыматься на самый верхъ ихъ или влѣзать во внутренность. Эти цилиндры издали похожи на обломки колоннъ, но назначеніе ихъ чисто хозяйственное: по неимѣнію другихъ вмѣстилищъ болѣе удобныхъ, на-примѣръ деревянныхъ ящиковъ или огромныхъ глиняныхъ кувшиновъ, встрѣчаемыхъ въ Египтѣ, они служатъ для сбереженія и охраненія отъ мышей, птицъ и т. д., зерноваго хлѣба, финиковъ, бобовъ и тому подобныхъ припасовъ. Какъ ни плохъ и ни малопроченъ матеріаль (сырая глина), изъ котораго выглѣплены эти цилиндры, они хорошо сохраняются въ краѣ, гдѣ никогда нѣтъ дождей и гдѣ подъ солнечнымъ жаромъ, доходящимъ лѣтомъ въ песокъ до $+ 54^{\circ}$ R., глина почти обжигается. Посѣщая развалины опустѣвшаго города Ибрима, видишь, что домá и каменные мечети разрушены неменѣе крестьянскихъ избъ, тогда-какъ *гусеги*, выстроенныя у послѣднихъ, остались понынѣ въ цѣлости.

Проходя чрезъ деревни Барабра, часто находишь перелѣхаживающими мебель, вовсе неупотребительную въ Египтѣ и вообще между жителями Востока, даже высшихъ сословій. Это —

деревянные кровати (*срѣрки*), состоящія изъ опирающейся на четырехъ ножкахъ продолговатой деревянной рамы, обтянутой плетенымъ тростникомъ. На этихъ кроватяхъ, которыхъ соотечественникъ нашъ Е. П. Ковалевскій видѣлъ также и въ Верхней-Нубіи, Барабра спятъ во избѣжаніе насѣкомыхъ и пресмыкающихся, особенно скорпионовъ, весьма нерѣдкихъ въ этомъ краю, и коихъ укушеніе въ лѣтніе мѣсяцы очень опасно. Употребленіе *срѣрки* весьма полезно и тѣмъ, что не допускаетъ, во время сна ночью, накопленія слишкомъ большаго числа людей на одномъ тѣсномъ пространствѣ, какъ это бываетъ у феллаховъ египетскихъ, располагающихся цѣлымъ семействомъ на одной старой цыновкѣ постланной на полу, среди фѣкаго дыма и вредныхъ всякаго рода испареній. За исключеніемъ сказанныхъ кроватей, избы Барабра особенною роскошью мебели не отличаются. Въ нихъ находите лишь нѣсколько горшковъ и кувшиновъ разной величины, для черпанія и храненія воды и молока, курмыя клѣтки, цыновки домашней работы изъ тонкихъ финиковыхъ листьевъ, да иногда — растрескавшуюся фаянсовую тарелку, сшитую проволокою, одну или двѣ зеленныя бутылки изъ подъ вина и даже небольшое зеркальце въ красной картонной рамкѣ: послѣдніе предметы привозятся въ Нубію возвращающимися изъ Египта матросами. У шейховъ увидите сверхъ-того коврики сирійской или смирнской фабрики, длинное арабское ружье доставленное контрабандою изъ Каира, и два или три окрашенные венеціанскою ярью плетеные стула, приготовляемые въ «Матери Вселенной», какъ Арабы, со свойственной имъ скромностью, прозвали столицу Египта; но это роскошь, весьма немногимъ доступная; и такими зелеными стульями и ружьемъ здѣсь хвастаютъ такъ же точно, какъ это дѣлаетъ въ Парижѣ или Лондонѣ богатый охотникъ, за большіа деньги купившій какой-нибудь коммодъ или письменный столъ работы гениальнаго Буля, или какъ у насъ счастливый любитель гордится оправленными въ золото пистолетами неменѣе знаменитаго Кухенрейтера.

Хлѣбопашество въ Нижней-Нубіи, при малоземельности края и бѣдности и безпечности жителей, весьма мало развито и, какъ уже сказано выше, не въ состояніи прокормить всего населенія. Горы, простирающіяся вдоль береговъ Нила, отъ одного катаракта до другаго, оставляютъ весьма

узкую полосу земли между подошвою своєю и рѣкою; полоса эта мѣстами не шире 100 или 150 шаговъ. На многихъ пунктахъ, особенно лѣваго берега, находятся довольно обширныя равнины, нынѣ совершенно покрытыя пескомъ, на-примѣръ въ Уади-Хальфѣ, Уади-Себуѣ, около Амѣды и т. д.; и пустыня все болѣе-и-болѣе овладѣваетъ пространствами, которыя покрывались нѣкогда благотворными волнами и тучнымъ иломъ рѣки, и давали безъ сомнѣнія при древнихъ Египтянахъ обильныя жатвы. Тринадцать большихъ храмовъ, коихъ великолѣпныя остатки понынѣ встрѣчаются въ Нижней-Нубіи, служатъ въ глазахъ нашихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что эта область, нынѣ опустѣвшая, нѣкогда была въ положеніи цвѣтущемъ. Въ настоящее время, каналы, проведенныя въ-древности по краямъ пустыни, и плантаціи колючихъ акацій (*сумтэ*), служившія къ удержанію натиска песковъ—исчезли и «страшный Тифонъ безпрепятственно вторгается въ таинственное ложе Изиды». Нилъ уже не наводняетъ нынѣ полей, которыя однакожъ очевидно образовались изъ осадковъ его ила, и орошеніе полей круглый годъ совершается посредствомъ водочерпательныхъ снарядовъ: колесомъ съ привязанными къ длинной веревкѣ глиняными горшками (*сѣнѣ*), или, въ эпоху половодія—рычагами (*шадуфъ*), похожими нѣсколько на употребляемые въ Россіи колодезные «журавли». Главныя естественныя произведенія края суть: *дулкэ* (*holcus sorghum*), ячмень, бобы, чечевица, *кагранези*, тыква, дыни, баміе (*hibiscus esculentus*), немного табаку, сenna, *гисимусъ*, ханна и т. п.; изъ деревьевъ примѣчательнѣйшія—финиковыя пальмы, особенно въ сосѣдствѣ Ибрима и Дэрра, думъ, акацій, смоковницы и пр.

При изложенныхъ условіяхъ, и скотоводство здѣсь не можетъ процвѣтать; Барабра держатъ быковъ, буйволовъ, ословъ, козъ и овецъ, но въ небольшомъ количествѣ; верблюды и лошади находятся только у живущихъ въ сосѣднихъ пустыняхъ Арабовъ. Домашней птицы, кромѣ куръ и голубей, въ деревняхъ не встрѣчаешь.

Жители, повтому, мяса употребляютъ весьма мало (хотя и большіе до него охотники) и вообще чрезвычайно умѣренны въ пищѣ. Экипажъ моей барки постоянно питался одною чечевицею, отваренною къ водѣ съ солью, безъ всякой другой приправы, и хлѣбными сударями, а между-тѣмъ ему нѣрѣдко приходилось гре-

сти по 12 и 14 часовъ нѣсколько дней сряду, или съ утра до ночи тянуть бичевою тяжелую барку, подъ палящимъ жаромъ 35 и больше градусовъ по Р. По причинѣ этой скудной пищи, Барабра весьма скоро выбиваются изъ силъ, и конечно пять человѣкъ нашихъ матросовъ сдѣлали-бы дѣла больше чѣмъ десять Нубійцевъ. Путешественники увѣряютъ, что послѣдніе ѣдятъ безъ отвращенія ящерицъ, змѣй и крокодиловъ, нерѣдко убиваемыхъ деревенскими жителями; я не имѣлъ случая лично въ томъ убѣдиться, но видѣлъ съ какимъ наслажденіемъ пожирали они барановъ, которыхъ, по принятому обычаю, нѣсколько разъ дарилъ я имъ во время нашей поѣздки. Они сѣдали рѣшительно всѣ части животного, кромѣ кожи, которую бросали въ Нилъ, потому-что дубленія въ Нижней-Нубіи не знаютъ. Въ деревняхъ готовятъ изъ муки духна, смѣшиваемой съ горячею водою и оставляемой на броженіе, особый напитокъ (*мрисо*), который пипитъ какъ пиво, мутенъ, желтоватаго цвѣта, кислватаго вкуса, и чрезъ прибавленіе разныхъ травъ получаетъ качества хмѣльныя. Барабра страстно его любятъ, но на баркахъ держать его нельзя; въ Каирѣ есть нѣсколько заведений, въ которыхъ варятъ эту *мрисо* исключительно для Нубійцевъ; она разливается въ сосуды изъ сушеныхъ и выдолбленныхъ тыквъ; вкусъ ея мнѣ всегда казался противнымъ. Матросы на баркахъ курятъ табакъ изъ трубокъ, покупаемыхъ въ Египтѣ, но въ Нубіи послѣднія довольно рѣдко употребляются, и жители жуютъ сушеные и искрошенные листья сего растѣнія, прибавляя къ нимъ немного бѣлой соды.

Промышленная дѣятельность и торговля въ Нижней-Нубіи находятся въ совершенномъ младенчествѣ. Немногія нужны жителямъ издѣлія: холстъ, кожи, обувь и т. п., они получаютъ изъ Египта, а сами готовятъ только весьма грубую глиняную посуду, горшки для водочерпательныхъ колесъ *сакис* и большіе кувшины (*лодига*) съ широкимъ отверстіемъ, въ которыхъ женщины носятъ на головѣ воду изъ Нила; кромѣ-того—корзины разной величины и формы, и цыновки изъ плетеныхъ финиковыхъ листьевъ, съ довольно красивыми бурными и красными узорами, но непрочныя; лучшія продаются въ Дэррѣ, гдѣ цыновка длиною въ 5 или 6 футовъ и шириною въ 3, стоить отъ одного до шести піастровъ (отъ 6 до 36 коп.

сер.). Они дѣлають также вышеописанныя пояса для дѣвицъ, кожаныя фляжки для храненія сурьмы, ножи, длинныя копья и деревянныя ножны къ клинкамъ и рукоятямъ издѣлія египетскаго или нѣмецкаго, изъ Соллингена. Живя на берегахъ Нила, Барабра однакоже не строятъ барокъ, конечно по недостатку лѣса, и не имѣють даже лодокъ для переправы съ одного берега на другой, а въ случаѣ надобности переплываютъ черезъ рѣку или внизъ по теченію Нила, изъ одной деревни въ другую, сидя верхомъ на кускѣ нальмоваго пня и дѣйствуя ногами подъ водою въ видѣ весель; платье и провизію они въ это время держатъ на головѣ. Привыкнувъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ водѣ, въ которой дѣти цѣлый день купаются и рѣзвятся, они плавають какъ рыба: за подарокъ въ нѣсколькихъ копѣекъ, пяти или шестилѣтніе мальчики бросаются въ самыя кипучіе повороты и паденія катарактовъ. Торговля ограничивается продажею и вывозомъ въ Египетъ сушеныхъ финиковъ, породы мелкой, желтаго цвѣта, съ небольшими косточками, и весьма пріятнаго вкуса. Въ нубійскихъ деревняхъ, и даже въ Дэррѣ, нигдѣ не находилъ я базара, тогда—какъ онъ непременно встрѣчается во всѣхъ прибрежныхъ египетскихъ селеніяхъ. Если нужно что купить у Барабра, то отправляются къ нему на домъ, или—же они являются къ вамъ на барку; въ Дэррѣ, на площади близъ Нила, видѣлъ я однакожъ кучи финиковъ, высыпанныхъ для мелочной продажи, подъ открытымъ небомъ. Неспособность Барабра къ торговымъ сдѣлкамъ, даже самымъ ничтожнымъ, обнаруживается между—прочимъ и въ томъ, что объявивъ свою цѣну за вещь, они не отдають ея, если покупатель соглашается на эту цѣну, и требуютъ больше чѣмъ свазали сначала, какъ-бы раскаяваясь въ первомъ предложеніи своемъ. Это я безпрестанно видѣлъ въ деревняхъ, при покупкѣ провизіи или какихъ—нибудь древностей. Въ деревнѣ *Дажъ*, старикъ съ бѣлой бородою предложилъ мнѣ купить у него кожаную, довольно красивой работы, сумку для сурьмы, украшенную черными страусовыми перьями; онъ запросилъ 60 піастровъ, но послѣ долгаго торга отдалъ ее моему чловѣку за 8 піастровъ, получилъ деньги и ушелъ. Черезъ полчаса старикъ этотъ явился опять ко мнѣ на барку, говоря, что жена на продажу не соглашается, потребовалъ сумку назадъ, а деньги возвратилъ.

Барабра управляются въ деревняхъ своихъ шейхами, называемыми здѣсь *саламми*. Личныхъ повинностей въ настоящее время не несутъ и освобождены какъ отъ военной службы, такъ и отъ работъ на казенныхъ фабрикахъ въ Египтѣ. Мехмедъ-Али сначала попробовалъ—было брать съ нихъ рекрутовъ, но вскорѣ убѣдился, что любовь къ независимости и чрезвычайная привязанность къ родному краю дѣлаютъ ихъ совершенно неспособными къ службѣ и военной дисциплинѣ. Земельный сборъ опредѣляется не количествомъ воздѣлываемой земли, а взымается съ вышеупомянутыхъ водочерпательныхъ снарядовъ, употребляемыхъ для орошенія полей: за каждое *сакіе* около Ассуана платятъ 500 піастровъ; выше къ югу, гдѣ земли еще меньше, сакіе платятъ только 300 піастровъ въ годъ. Сверхъ-того, каждое финиковое дерево, каждая смоковница, кусты хенны и проч. обложены податью отъ четверти до цѣлаго піастра въ годъ. Казна также предоставила себѣ право, въ случаѣ надобности, покупать у земледѣльцевъ припасы, по цѣнамъ ею самою опредѣляемымъ, и которыя, какъ увѣряютъ жители, обыкновенно въ-половину ниже настоящей стоимости продуктовъ на-мѣстѣ. Матросы Нубійцы, промышленные въ Египтѣ на вольныхъ баркахъ, отъ подушнаго оклада (*фйрдѣ*) освобождены; но тѣ Барабра, которые постоянно жительствуютъ въ Камрѣ, Александріи и другихъ городахъ, наравнѣ съ Египтянами платятъ фйрдѣ, примѣрно равняющійся $\frac{1}{12}$ части получаемого въ годъ жалованья или дохода; подать эта собирается назначаемыми изъ среды ихъ старостами, или шейхами. Жалованье матросовъ на баркахъ чрезвычайно умеренно: они получаютъ отъ 30 до 40 піастровъ (отъ 180 до 240 к. сер.) въ мѣсяцъ, на собственныхъ своихъ харчахъ. Шкиперу и рулевому даютъ плату нѣсколько большую.

О болѣзняхъ встрѣчаемыхъ между жителями Нижней-Нубіи, не могу сообщить никакихъ особенныхъ подробностей, пробывъ слишкомъ мало времени въ этомъ краѣ. Нѣсколько чело-вѣкъ, мужчинъ и женщинъ, спрашивали у меня совѣта противъ разныхъ ревматическихъ припадковъ, разстройствъ желудка и сифилиса; много дѣтей похищаетъ оспа; глазныхъ пораженій, кромѣ легкаго раздраженія соединительной оболочки (*tunica conjunctiva*), я не встрѣчалъ; послѣднее легко устраняется посредствомъ впускаемаго въ глаза раствора синяго камня,

квасцовъ или сѣрноокислаго цинка. Однажды ночью позванъ былъ я изъ прибрежной деревни *М-барки*, у коей барка моя оставовилась, въ другое село, *Гина́ри*, на краю пустыни, къ дѣвочкѣ, которую за три часа передъ тѣмъ, во время сна на дворѣ, укусилъ въ голову скорпионъ. По всеобщей тревогѣ и волненію отъ этого приключенія во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ, я заключилъ, съ-одной-стороны, что эти укушенія должны быть весьма опасны, что подтвердили мнѣ потомъ и врачи въ Верхнемъ-Египтѣ, а съ-другой — что подобныя происшествія встрѣчаются здѣсь не часто: иначе они не возбуждали бы такой чрезвычайной суматохи. Мнѣ удалось спасти эту дѣвочку, чрезъ прикладываніе ѣдкаго нашатырнаго спирта къ укушенному мѣсту, и данныя внутрь съ водою, немногія капли тогоже состава, коихъ польза въ этихъ укушеніяхъ дознана опытомъ. Въ *Гина́ри*, лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нила, путешественниковъ-франковъ прежде никогда не видывали; прибытіе мое, европейскій костюмъ, и привезенное со мною лекарство, чрезвычайно поразили жителей; впрочемъ, они приняли меня весьма привѣтливо, и все спрашивали, сколько стоитъ у насъ пузырекъ подобнаго спирта? Проводникъ мой, дюжій и бывалый мужикъ, съ весьма важнымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ на это «*олфаинъ релъ*» (2000 талеровъ), что, конечно, немало усилило во всѣхъ довѣріе къ этому лекарству. Изъ дошедшихъ до насъ, впрочемъ весьма немногочисленныхъ, историческихъ свѣдѣній о древнихъ Нубійцахъ, видно что народъ сей не раньше VI или VII вѣка нашей эры озарился спасительнымъ свѣтомъ Евангелія, проникавшимъ къ нему отчасти изъ Египта, гдѣ Св. Маркъ учредилъ престолъ въ Александріи, отчасти изъ Абиссиніи, обращенной къ Христіанству около 330 г. до Р. Х., благодаря апостольской ревности Св. Фруменція. Въ развалинахъ города Ибрима я нашелъ нѣсколько гранитныхъ колоннъ съ выпуклыми на нихъ греческими крестами; капитель одной изъ этихъ колоннъ украшена четырьмя такими крестами. Въ *списсахъ* (высѣченыхъ въ горѣ храмахъ и часовняхъ древнихъ Египтянъ), которые находятся въ *Гебель-Адда*, на правомъ берегу Нила, въ разстояніи немногихъ часовъ къ сѣверу отъ Уади-Хальфскаго Катаракта — на потолкѣ довольно хорошо сохранилось писанное

красками изображеніе Спасителя; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаешь на стѣнахъ этихъ памятниковъ образъ Св. Георгія на конѣ. Въ знаменитомъ спеоу, называемомъ нынѣ *Бейтъ-Уали*, къ С. З. отъ храма *Халибше*, на лѣвомъ берегу Нила, вырѣзано на камнѣ по одному греческому кресту съ каждой стороны главнаго входа. Все это доказываетъ, что было время, когда и въ Нижней-Нубіи этотъ божественный символъ разливалъ животворящіе лучи свои на тамошнее населеніе. Но ученіе мусульманское, распространяемое не кротостію и убѣжденіемъ, не любовью и проповѣдью, а мечемъ и насиліемъ, весьма скоро вытѣснило Христіанство изъ Нубіи! Нынѣ всѣ Барабра ревностные послѣдователи Магомета, и въ исполненіи наружныхъ обрядовъ религіи весьма точны: вина не пьютъ, соблюдаютъ строго постъ Рамазана, обрѣзываютъ мальчиковъ, и т. п. Мечетей по деревнямъ нигдѣ я не видѣлъ; а видѣнныя мною въ Даррѣ и Короско весьма малы и выстроены изъ сыраго кирпича; между-тѣмъ Барабра совершаютъ свои молитвы по пяти разъ въ день съ необыкновенною теплотою, которая всегда внушала мнѣ уваженіе къ ихъ ревности, хотя нерѣдко выводила изъ терпѣнія. Когда яростные порывы вѣтра, дующаго иногда съ чрезвычайною силою въ извилистой и узкой какъ трубѣ нильской долины — рвали паруса моей двухмачтовой барки, и угрожали ей крушеніемъ, матросы преспокойно продолжали свои колѣнопрсклоненія на палубѣ, не обращая никакого вниманія на то, что происходило въ это время вокругъ нихъ *. Одинъ только рейсъ (шкиперъ) барки, А'шри Шауйшъ, высокій и худощавый старикъ съ коротенькою сѣдою бородкою, сидѣвшій по обязанности своей цѣлый день на носу судна, и находившійся слѣдовательно у меня подъ глазами — никогда не молился. Однажды я сдѣлалъ ему за это выговоръ, что весьма понравилось всему экипажу. Нубіецъ изъ Дарра, Хассанъ **, которому позволилъ я отправиться на моей баркѣ изъ

* Въ 1804 году, во время войнъ Вахабитовъ противъ меккскскаго шерифа Гатеба, отрядъ первыхъ застигнуть былъ меккскимъ войсками въ ту минуту, когда люди, слышавшіе съ дромадеровъ, совершали молитву, стоя на коленяхъ. Ихъ всѣхъ перерѣзали, и они предпочли погибнуть, чѣмъ прервать моленія свои, чтобы спастись бѣгствомъ или взяться за оружіе!...

** У этого Хассана было прозваніе *abu-karni*, коимъ Арабы означаютъ единорога — животное, кажется, вовсе не баснословное, если основываться на изслѣдованіяхъ ученаго Френеля.

Александрин до родины его въ Нубин, и который лежалъ тогда, больной диссентеріею, на крышѣ моей каюты — отозвался при этомъ случаѣ, что «*сала алуді аь-динъ*» (молитва есть столбъ вѣры). Впрочемъ, въ-послѣдствіи оказалось, что этотъ самый Хассанъ былъ плутъ и негодяй — и неудивительно: онъ слишкомъ долго находился въ соприкосновеніи съ Франками въ Александрин!... Всякій разъ какъ мы проѣзжали мимо встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ по теченію Нила могилъ шейховъ, которыхъ Европейцы прозвали *сантом*’ами, матросы мои постоянно прочитывали вслухъ *фатиха** — краткую молитву, во время которой молящійся, стоя, протягиваетъ въ направленіи могилы правую руку и потомъ проводитъ ее сверху внизъ по лицу и по бородѣ, если у кого она есть.

Благочестіе Барабра обнаруживается и въ другомъ примѣчательномъ обычаѣ: на сельскихъ кладбищахъ въ Нижней-Нубин, у каждой могилы, состоящей здѣсь изъ невысокой насыпи, окруженной кирпичною стѣнкою или покрытой камнями, чтобы хищные звѣри не могли вырыть трупа — поставленъ горшочикъ или хотя часть разбитаго ковша, которые жителями деревни-наполняются каждый день водою, для утоленія жажды проходящихъ. Въ Египтѣ также встрѣчается подобный обычай, но не на общихъ кладбищахъ, а только на стоящихъ уединенно, въ поляхъ и на отлогостяхъ холмовъ, могилахъ праведныхъ шейховъ: тутъ иногда устранивается даже цистерна (*сэбиъ*) и живетъ сторожъ раздающій воду утомленнымъ странствителямъ. Такое учрежденіе — истинное благодѣяніе въ знойномъ климатѣ, и во время путешествій моихъ по этому краю не разъ съ чувствомъ живой благодарности пользовался я водою этихъ *сэбиъ*’овъ. На осьмиверстномъ пути изъ Ассуана къ острову Філе, находятся по правому берегу Нила два небольшихъ зданія съ куполами въ видѣ мечетей: въ нихъ стоятъ большіе кувшины, которые жители прибрежныхъ деревень наполняютъ ежедневно свѣжею водою, за что получаютъ по 20 піастровъ въ мѣсяцъ отъ богатаго нубійца Хассанъ-Кашефа,

* *Аь-фатиха* есть сокращенное названіе первой главы корана, *ас-суратъ аь-фатиха аь китабъ аь алиъ* (глава введенія въ величественную книгу); въ этой главѣ мусульмане читаютъ особенное благоговѣніе, почему часто читаютъ ее вмѣсто молитвы и повторяютъ по нѣскольку разъ на день.

дэвр'скаго градоначальника, иждивеніемъ коего выстроены и сказанныя зданія.

Барáбра славятся повсюду въ Египтѣ примѣрною честностью. И дѣйствительно, воровство—проступокъ рѣшительно неизвѣстный между ними, хотя фуражировать въ засѣянныхъ овощами поляхъ вдоль береговъ Нила, матросы барокъ считаютъ позволительнымъ. Эта честность Нубійцевъ тѣмъ-болѣе достойна вниманія психолога, что у нихъ въ тоже время страсть къ деньгамъ, *сасга аугі фамес*, чрезвычайно развита, и даже больше чѣмъ у Египтянъ, у которыхъ она конечно не мала. Барáбра безпрестанно и за все требуютъ бахшиша *: не только за услугу, которую они вамъ оказали, но и за такую, которую вы имъ сдѣлали. Проживавшій въ Нубіи европейскій врачъ рассказываетъ, что нерѣдко больные, которымъ онъ давалъ совѣты и лекарства безмездно, по выздоровленіи приходили къ нему просить денежнаго награжденія; на вопросъ его: за что-же? они наивно отвѣчали: да вѣдь мы столько дней пили ваше лекарство!— Въ деревняхъ не только дѣти всѣхъ возрастовъ, но и взрослые мужчины и женщины преслѣдуютъ васъ толпами для полученія бахшиша, кланяясь и повторяя безпрестанно: *саламѣнто*! (привѣтъ) слово составленное изъ арабскаго «саламъ», къ которому прибавлено ими итальянское окончаніе. Одни предлагаютъ себя въ проводники, чтобы показать вамъ древнія развалины, другіе приносятъ для продажи разноцвѣтные булыжники, живыхъ ярко-зеленыхъ хамсеновъ, или разныя древности, къ которымъ они впрочемъ относятъ все, попадающееся имъ въ руки, на-примѣръ: черепки англійскихъ фаянсовыхъ тарелокъ или разбитыя графинныя пробки, выбрасываемыя изъ барокъ европейскихъ путешественниковъ. Въ одной деревнѣ, дѣвушка предложила мнѣ крышку полосатой шотландской табакерки, увѣряя и божась, что это «антіка». У меня на баркѣ находился осьмилѣтній сынъ шкипера, Али, или, какъ его звалъ отецъ, *Иліа*, мальчикъ весьма умный и бойкій. Онъ обыкновенно провожалъ меня во время экскурсій по деревнямъ, причемъ костюмъ его отличался живопис-

* Это слово, которое путешественникъ чаще всякаго другаго слышитъ вездѣ на Востокѣ, происходитъ отъ персидскаго глагола *бахшиден*: дарить.

вою простотою, состоя единственно изъ короткаго бѣлаго полотнянаго жилета. По нѣскольку разъ въ день, подѣ разными предлогами, являлся онъ ко мнѣ въ каюту, но кончалъ всегда просьбою, чтобы я далъ ему *хамсе* (мѣдная монета въ пять *фаддъ*, или $\frac{1}{4}$ копейки сер.). Я часто подвергалъ его слѣдующему опыту: положу, бывало, на тарелку изюму, миндаля и орѣховъ, а подлѣ на столѣ — мѣдную денъгу, и предлагаю Али выбрать, который изъ этихъ предметовъ ему больше нравится. Мальчикъ непремѣнно бросался къ монетѣ, а десертъ оставлялъ, хотя конечно онъ не менѣе другихъ дѣтей любилъ лакомства, и на хамсе ихъ въ Нубіи купить не могъ.

Это сребролюбіе Барабра объясняется впрочемъ бѣдностью ихъ и роднаго ихъ края, почти совершенною невозможностью зарабатывать тамъ на-мѣстѣ деньги, и въ-слѣдствіе того высокою цѣною и рѣдкостью сихъ-последнихъ. Потому оно естественнѣе и простибельнѣе, чѣмъ жадность Арабовъ и въ-особенности Бедуиновъ, у которыхъ деньги не суть средство для жизни, а цѣль ся. Я имѣлъ случай встрѣчать въ Египтѣ и Сиріи бедуинскихъ шейховъ, хорошо и даже богато одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ дорогимъ янтарнымъ мундштукомъ въ зубахъ, которые не стыдились просить бахшиша въ нѣсколько піастровъ, и притомъ весьма настойчиво и неотвязно.

Живя на родинѣ своей, Барабра отличаются также примѣрною чистотою нравовъ. Хотя женщины у нихъ не сидятъ за-порты въ домахъ, отъ чужихъ мужчинъ не прячутся и лица не закрываютъ, но тѣмъ-не-менѣе между ними нѣтъ ничего подобнаго египетскимъ *альмъ* и *гау'зи* (пѣвицамъ и танцовкамъ), у которыхъ развратъ не только ремесло, но и наука, имѣющая свои правила и систему... Другаго порока, свойственнаго Востоку, Барабра еще болѣе гнушаются. Но матросы прожившіе нѣсколько времени въ Египтѣ, под-конецъ увлекаются случаемъ, примѣромъ и дешевымъ соблазномъ, и слишкомъ часто привозятъ семейству своему въ Нубіи печальный подарокъ — сифилисъ, коимъ были одержимы также и два человѣка изъ моего экипажа. Этимъ путемъ любов-страстная болѣзнь вводится въ Нубію, и нынѣ тамъ вовсе не рѣдка.

Когда, въ 1799 году, французскія войска, овладѣвъ всѣмъ Египтомъ, взяли Ассуанъ и подступили къ острову Филэ, южнѣй-

шему предѣлу ихъ экспедиціи—то Барабра, жившіе тогда на этомъ островѣ, нынѣ необитаемомъ, принялись—было упорно защищаться противъ подошедшаго къ нимъ отряда въ 300 человекъ, подѣ начальствомъ генерала Белльера. Вооруженные однѣми пиками и саблями, они разумѣется не могли устоять противъ первыхъ выстрѣловъ сѣвшихъ на плоть французскихъ вольтижеровъ, и бросились всѣ въ воду вплавь, чтобы спастись бѣгствомъ. Нынѣ между ними нельзя найти никакихъ слѣдовъ воинственнаго духа; запрещеніе феллахамъ египетскимъ держать у себя огнестрѣльное оружіе распространено было Мехмедомъ-Али и на Нубію, и строго соблюдается мѣстнымъ начальствомъ. Въ—слѣдствіе того, европейскаго пистолета нынѣ боятся тамъ не менѣе чѣмъ въ Дельтѣ, и одинъ видъ двуствольнаго ружья способенъ разогнать цѣлую нубійскую деревню: я даже не разъ прибѣгалъ къ этому способу, чтобы избавиться отъ осаждавшихъ мою барку надоедливыхъ мужиковъ, требовавшихъ бакшиша. Обыкновенно достаточно было одного, отдаваемого вслухъ слугѣ моему, приказанія вынести изъ каюты пистолетъ, чтобы въ ту же минуту, и не дожидаясь исполненія, всѣ разбѣгались въ разныя стороны. Эта черта малодушія, нынѣ встрѣчаемая даже у Бедуиновъ въ сосѣдствѣ гизе'скихъ пирамидъ, благодаря полиціи «великаго» паши — рѣзко противоположна тому, что я испыталъ въ Сиріи, особенно сѣверной, гдѣ жители весьма заносчивы, и владѣя сами оружіемъ, угрозы европейскаго путешественника ни мало не страшатся *.

* Прибывъ 15 іюля 1847 года въ деревню *Датъ*, на дорогѣ изъ Антіохіи въ Алеппъ, около полудня и при палящемъ зноѣ, я присѣлъ отдохнуть подѣ тѣнью смоковницы, уединенно стоявшей среди плошадки и окруженной заборомъ. Жители тутъ оказались еще суровѣе видѣнныхъ мною прежде мужиковъ: двѣ дѣвочки, черпавшія воду изъ соседней цистерны, никакъ не хотѣли дать ея, чтобы напоить лошадей нашихъ; а нѣсколько мальчишекъ мѣзъ любопытства окружили дерево, подѣ которымъ я расположился, но никто не согласился принести мнѣ уголь, чтобы закурить сигару. «Если такъ—сказалъ я — подите же сейчасъ прочь и не стойте около меня». Видя, что они не слушались, я поднялъ лежавшее подѣ меня ружье — и мальчики медленно удалились; но одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ соседнюю избу и вскорѣ воротился оттуда съ ружьемъ, подошелъ къ дереву и сталъ грозить мнѣ. Онъ стоялъ такъ до самаго выѣзда моего изъ деревни, да и тамъ еще минутъ десять бѣжалъ за нами, неся ружье на плечѣ, и какъ-бы дразня насъ.

Я читалъ въ книгахъ и слышалъ изъ устъ многихъ путешественниковъ, что Барабра не любятъ Европейцевъ, что они злы, заносчивы, мстительны, и что съ ними весьма трудно справляться. Въ подтвержденіе приводятъ рассказы болѣе-или-менѣе романическіе. Самъ я лично не имѣлъ случая убѣдиться въ этомъ, и полагаю, что непріятныя столкновения, на которыя жалуются почти всѣ Европейцы, возвращающіеся изъ Нубіи, происходятъ отъ недоразумѣній, въ-слѣдствіе незнанія ими мѣстнаго языка и чрезвычайной склонности прибѣгать къ палкѣ или хлысту при всякомъ случаѣ, вмѣсто другихъ, болѣе мирныхъ объясненій. Странно и больно видѣть, какъ образованные туристы, едва поставивъ ногу на африканскую землю, вдругъ слагаютъ съ себя филантропизмъ, которымъ щеголяютъ въ Европѣ, и безъ повода и пощады колотятъ бѣдныхъ феллаховъ. Во время продолжительнаго пребыванія на Востокѣ, я никогда не имѣлъ надобности слѣдовать такому печальному примѣру: въ нубійскія деревни отправлялся всегда одинъ, или съ малолѣтнимъ Илією, безъ оружія, въ европейскомъ платьѣ, иногда даже ночью, и — ни разу не имѣлъ ни съ кѣмъ ссоры или непріятности. Обращеніе твердое и вмѣстѣ кроткое, безъ многословія, и кстати даваемый бакшишъ, пріобрѣли мнѣ также привязанность всего экипажа барки, и я почти никогда не испытывалъ тѣхъ замедленій, отлучекъ и даже возмущеній матросовъ, отъ которыхъ столь часто страдаютъ путешественники, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ Каира вверхъ по Нилу. Приставая къ какому-либо городу, я всякій разъ призывалъ шкипера, стараго А'шри, и объявлялъ ему на сколько времени — на сутки, полторы или больше — я намѣренъ быть тамъ остановиться. «Теперь видишь — говорилъ я ему, показывая часы — ровно полдень: завтра къ тому же времени непременно, я отправлюсь дальше. Отпусти матросовъ, но распорядись чтобы въ означенный часъ всѣ были на баркѣ. Ждать я никого не намѣренъ; кто не явится, тотъ останется на берегу». А'шри, вмѣсто отвѣта, прикладывалъ руку къ головѣ, въ знакъ повиновенія, кланялся, — и къ опредѣленному сроку барка снималась съ пристани, при полномъ комплектѣ матросовъ.

Умственные способности развиваются у Барабра весьма рано, такъ-что на пятомъ или шестомъ году дѣти ихъ быва-

ютъ гораздо бойче и самостоятельнѣе, чѣмъ замѣчается это у дѣтей въ европейскихъ, сѣверныхъ краяхъ. Но въ 14 или 16-лѣтнемъ возрастѣ это развитіе какъ-будто останавливается и дальше уже не идетъ; мальчикъ, казавшійся въ дѣтствѣ весьма умнымъ и смѣтливымъ, выходитъ молодымъ человекомъ довольно тупымъ. Тоже самое явленіе, и можетъ-быть еще въ высшей степени, замѣчается и у феллаховъ египетскихъ. Вообще, какъ они, такъ и Барабра вовсе не расторопны, и совершенно лишены качества, въ Европѣ вездѣ болѣе-или-менѣе свойственнаго простому народу, и проявляющагося самымъ блистательнымъ образомъ у нашего русскаго человека, а именно — *смышлености*, позволяющей ему послѣднему «находиться» въ разныхъ затруднительныхъ встрѣчахъ ежедневной жизни, и выпутываться собственнымъ умомъ и часто весьма ограниченными средствами, изъ бѣдъ и недоумѣній всякаго рода. Этотъ недостатокъ практической догадливости и ловкости у нашихъ матросовъ Барабра проявлялся особенно на Нилѣ, всякій разъ когда, бывало, барка садится на мель, что впрочемъ безпрестанно случается на этой своевольной и непостоянной рѣкѣ. Плывешь далеко отъ береговъ, на мѣстѣ кажущемся весьма глубокимъ, какъ вдругъ киль ударяетъ объ дно, слышишь какъ онъ трѣскается въ песокъ и, побороздивъ его нѣсколько сажень, наконецъ завязаетъ. Матросы тотчасъ-же бросаются нагіе въ воду, и стараются плечами сдвинуть барку съ мели. Проработавъ съ полчаса или больше, при крикѣ *о-хей-мисса*, или *а-іа-Мхалмедъ*, и выбившись совершенно изъ силъ, они убѣждаются что всѣ ихъ попытки тщетны и что барка будто приросла ко дну. Тогда только, но никакъ не прежде, кто-либо изъ матросовъ поумнѣе предложитъ посмотрѣть, куда идетъ направленіе мели и гдѣ собственно вода становится глубже? Оказывается всегда, что надо тащить барку совсѣмъ въ другую сторону: примутся снова за дѣло, потерявъ прежде понапрасну трудъ и время, и черезъ пять минутъ судно поднято и свободно плаваетъ.

Барабра и Египтянамъ нужно вѣчно все объяснять и толковать; имъ, какъ говорится, все въ ротъ положи, а то, если дѣло мало-мальски запутано, они сами никакъ не найдутся. Пошлите, на-примѣръ, слугу-нубійца куда-нибудь съ порученіемъ: надо чтобъ послѣднее было какъ-можно проще, малослож-

нѣе и ограничивалось всегда однимъ обстоятельствомъ, котораго посланный могъ-бы держаться буквально. Положиться на его смысленность невозможно: онъ все перепутаетъ, перевретъ, и толку не выйдетъ; предоставить ему чтобы онъ выбралъ то, что лучше или выгоднѣе, никакъ нельзя, потому — что онъ непременно выберетъ худшее! Однимъ-словомъ, у Барабра, какъ и у Египтянъ, понятливости, памяти, хитрости и даже ума много, но разсудительности или сужденія весьма мало: они вѣкъ свой остаются взрослыми дѣтьми. Въ Египтѣ это можно видѣть, между прочимъ, у молодыхъ людей, воспитывавшихся въ общественныхъ заведеніяхъ, и вышедшихъ оттуда инженерами, врачами, землемѣрами и т. д.; они почти всегда лишены самостоятельной, свободной умственной дѣятельности, и требуютъ безпрестаннаго за ними надзора и руководства. Нѣкоторые изслѣдователи ищутъ причины такого умственного младенчества нынѣшнихъ Египтянъ въ продолжительномъ порабоженіи ихъ безжалостными завоевателями — но это мусульманское тяготѣвшее столько столѣтій на Грекахъ, или угнетенія перенесенныя Евреями, были вовсе не легче, а умственными способности этихъ племенъ, какъ извѣстно, нисколько оттого не пострадали. Полагаю, поэтому, что на произведеніе описаннаго психологическаго явленія въ Египтѣ должны имѣть главное вліяніе фізіологическія условія самаго мозгового ихъ устройства. Во всякомъ случаѣ, оно сдѣлалось причиною, что уже слишкомъ 2000 лѣтъ, со времени Александра Македонскаго, какъ Египтяне потеряли политическое существованіе подъ собственными, единоплеменными имъ, владѣтелями!

Характеръ Барабра, при живомъ сангвиническомъ темпераментѣ, въ-теченіе цѣлой жизни сохраняетъ, еще больше чѣмъ у Египтянъ, многія черты дѣтской простоты, непостоянства, кротости, веселости и неопытности, выражающіяся особенно въ языкѣ ихъ и въ страсти къ сказкамъ, къ нарядамъ, къ музыкѣ, пѣнію и пляскѣ. На баркахъ, послѣ ужина, матросы ложатся въ кружокъ на палубѣ, укрываясь отъ ночной росы шерстяными плащами, и одинъ изъ нихъ, всегда родомъ Арабъ, услаждаетъ ихъ сказками, продолжающимися по нѣскольку часовъ, и которыя, точно какъ дѣти, они могутъ слушать двадцать разъ сряду и всегда съ равнымъ интересомъ. Разсказчикъ краснорѣчиво и часто выраженіями книжными, которыхъ бѣдныя

Нубійцы, вообще плохо говорящіе по-арабски, часто не понимаютъ — описываетъ походженія храбраго витязя *Абу-Зейта* и его кобылы, или прелести юной дѣвы, у которой «очи какъ глаза газелей» (*аюн'га к'аюнъ ол-гузлѣнъ*), «ротъ похожъ на перстень Сулеймана», «груди словно гранаты» (*румайнъ сьдр'га*), «станъ строенъ и тонокъ», а «бедрa широки и толсты». Онъ выводитъ на сцену замки съ золотыми стѣнами, сраженія Абу-Зейта съ великанами и чудовищами, похищенія красавицы, затѣи волшебниковъ; описываетъ пышные пиры, богатая одежда, кашмировые пояса, алмазные ожерелья придворныхъ невольницъ, и т. п., а добрые слушатели, наѣвшия пустой похлебки съ заплесневѣлыми сухарями, и щелкающіе зубами подъ дырявыми плащами — одинъ за другимъ засыпаютъ на голыхъ доскахъ палубы, мечтая о повелителѣ праворѣрныхъ, о равнинной Зыбейдѣ и прелестной Дулейкѣ! . . .

Пляска Барабра состоитъ въ дикихъ и весьма неблагопристойныхъ кривляніяхъ нижней части туловища, почти безъ всякаго движенія ногъ, не отдѣляющихся отъ земли; въ рукахъ пляшущій держитъ всегда длинную палку, на которую опирается; въ этихъ кривляніяхъ есть что-то обезьяньское, не человѣческое. Зрители сидятъ кругомъ, въ-тактъ хлопаютъ въ ладоши, и поютъ, аккомпанируя себѣ звуками любимой *дарабуки* — глинянаго барабана, похожаго на большую воронку; широкое отверстіе его обтянуто рыбьимъ пузыремъ, а меньшее открыто. Эту дарабуку, сидя, держатъ подъ лѣвою мышкою, и бьютъ въ нее прямо протянутыми пальцами обѣихъ рукъ. Выѣзжая изъ Каира на баркѣ, путешественникъ непременно обязанъ купить экипажу одну или двѣ дарабуки, безъ которыхъ матросы скупаютъ. На свадебныхъ празднествахъ въ Нижней-Нубіи, женщины танцуютъ вмѣстѣ съ мужчинами, выражая притомъ радость свою протяжными и безконечными *кимилери*: это горловый звукъ, похожій на быстро-повторенное продолжительное у-лу-лу-лу-лу; онъ употребляется въ тѣхъ же случаяхъ и въ Египтѣ, гдѣ эти восклицанія называются *зегроутъ*. Въ числѣ моихъ матросовъ былъ одинъ почти совсѣмъ черный Саидецъ, *Нисимъ-ад-Динъ*, шутъ записной и любимецъ экипажа. Онъ зналъ разныя пляски, и между-прочимъ извѣстную подъ названіемъ «пчелы» (*олъ-нахъ*), свойственную египетскимъ га-

уази. Танцующая особа, повторяя жалобнымъ голосомъ: *ол-нахъ лелли* (пчела меня кусаетъ), вертится въ кружкѣ и постепенно скидаетъ съ себя всѣ части одежды, будто ищетъ и преслѣдуетъ пчелку; въ это время оркестръ хоромъ поетъ *ол-нахъ л-елъ* (вогъ пчела); сбросивъ съ себя послѣднее покрывало, гауази падаетъ на полъ какъ-бы въ безчувствіи. . . Въ этотъ, самый эффектный моментъ, Нигмъ-ад-Динъ, успѣвъ совершенно раздѣться, бросался всегда черезъ бортъ въ Нилъ, и потомъ подплывалъ къ баркѣ съ противоположной стороны, къ великой потѣхѣ зрителей.

При попутномъ вѣтрѣ, когда матросамъ нечего дѣлать, они забавляются пѣніемъ. Пѣсни ихъ, которыхъ я слышалъ весьма много, обыкновенно содержанія эротическаго и всегда поются на арабскомъ языкѣ; одинъ только разъ слышалъ я коротенькую пѣсню бэрбэрийскую: та была совершенно другого характера и интонаціи. Не умѣю сказать кѣмъ въ Каирѣ и другихъ городахъ, заселенныхъ Арабами, сочиняются слова и музыка романсовъ (*мауалъ*); но часто выходятъ новые, которые весьма скоро, чрезъ пѣвцовъ и альмѣ, распространяются въ публикѣ и дѣлаются народными. Мелодіи иныхъ мауаловъ очень пріятны даже для европейскаго уха, коль-скоро оно успѣло привыкнуть къ музыкальнымъ интерваламъ восточной гаммы, которые меньше нашихъ, и къ головному тону, которымъ онѣ постоянно поются: грудныхъ нотъ Арабы никогда почти не употребляютъ. Барабра изучаютъ эти пѣсни въ Египтѣ и потомъ распространяютъ ихъ въ Нубіи; одинъ поетъ, а прочіе хоромъ повторяютъ послѣднія слова каждого куплета, прихлопывая въ тактъ руками и аккомпанируя себѣ дарабукой и тамбуриномъ. У меня былъ поваръ египтянинъ, Ахмедъ Меліанъ, который зналъ множество такихъ мауаловъ; онъ обыкновенно тѣшилъ ими матросовъ послѣ ужина, выдѣлывая притомъ безконечныя трели. Въ этихъ случаяхъ, по принятому обычаю, слушатели ободряютъ пѣвца, испуская громкій крикъ удивленія и удовольствія:—*а-а-а-а*... послѣ каждого куплета. Матросы, сверхъ-того, никогда не занимаются продолжительною работою, безъ пѣсни, облегчающей движенія веселъ или шестовъ, правильнымъ рѣмическимъ ходомъ звуковъ. Я часто имѣлъ случай видѣть какъ гребцы мои, уставшіе отъ утомительнаго труда въ-продолженіе многихъ часовъ сра-

ду, вдругъ ободрялись, когда, бывало, Ахмедъ затянетъ новую пѣсню. Путешествующіе по Нилу обыкновенно даютъ барабанъ или денежный бахшишъ экипажу въ каждомъ городѣ, въ которомъ останавливаются на нѣсколько времени; подъѣзжая къ пристани, матросы затягиваютъ пѣсню въ честь и хвалу своему господину, которая начинается всегда словами: *аллахъ лисуракъ, а хавага** (Богъ въ помощь тебѣ, баринъ); послѣ каждой строфы шкиперъ приговариваетъ: *иссалмилу*! (да здравствуетъ): тогда всѣ хоромъ поднимаютъ самый ужасный крикъ и ревутъ во все горло.

Въ-заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о нарѣчіи жителей Нижней-Нубіи. Костазъ, видѣвшій ихъ въ Ассуанѣ въ 1799 году, увѣряетъ, что когда Барабра впервые слышали языкъ прибывшихъ туда полковъ генерала Дезе, то сказали ему: «Мы думали, что вы говорите нашимъ языкомъ, только непонятнымъ для насъ образомъ.» Не будемъ пенять ученому Французу если, увлекаясь пріятнымъ самообольщеніемъ, онъ находилъ мнимое сходство между своимъ языкомъ и нубійскимъ, но не послѣдуетъ его примѣру, утверждая, что русскій нашъ языкъ похожъ на рѣчь Барабра, потому-что въ послѣдней столь часто встрѣчаются окончанія: *ки, ѳнки, ѳнко*, или даже слова какъ: *ѳурки, собаѳки, кѳбки, баѳки* и т. п. Но не въ томъ дѣло: нубійская рѣчь вообще для слуха гораздо пріятнѣе и несравненно мягче арабской, съ которою не представляетъ никакого сходства, ни въ звукахъ, ни въ словосочиненіи; тоже должно сказать и объ отношеніи ея къ прочимъ семитическимъ языкамъ (въ томъ числѣ и къ кобтскому). Еслибы Барабра и древніе Египтяне дѣйствительно составляли одно и тоже племя, какъ полагаетъ Шамполльонъ, то неужели въ языкѣ тѣхъ и другихъ не сохранилось-бы никакихъ слѣдовъ этого сродства?... Горловыхъ придыханій, столь затрудняющихъ произношеніе нѣкоторыхъ арабскихъ словъ, на-примѣръ: *ain, kkaf, hha* и т. п., у Нубійцевъ не встрѣчается. Гласныя

* *Хавага* — титулъ даваемый въ Египтѣ всякому европейцу, какого-бы онъ ни былъ званія, вѣроятно потому, что первые Франки, поселившіеся въ этомъ краѣ, всѣ занимались торговлею. По арабски слово это собственно значить «купецъ».

просты и выговариваются ясно. Вовсе нѣтъ у Барабра глухихъ звуковъ, свойственныхъ языку арабскому, въ которомъ *а* и *о*, *о* и *у*, *э* и *ы* или *и*, и т. п., безпрестанно сливаются, такъ-что ихъ трудно различать въ произношеніи. Но языкъ бербэрійскій бѣденъ, какъ и самое племя говорящее имъ; всѣ предметы выходящіе изъ тѣснаго круга знакомыхъ имъ изъ ежедневной жизни понятій, нубійскихъ названій не имѣютъ, а заимствованы изъ арабскаго языка; такимъ-образомъ, если, на-примѣръ, *жельзо* выражается бербэрійскимъ словомъ *schärtigi*, то *золото* и *серебро*, *déhebki* и *fäddagi* — названія арабскія. Подобныхъ примѣровъ можно-бы привести весьма много. Сверхъ-того, то обстоятельство, что столько Нубійцевъ про-являютъ, какъ было сказано выше, большую часть жизни въ Египтѣ, сдѣлалось причиною, что многіе предметы, имѣющие названія бербэрійскія, въ разговорѣ чаще замѣняются равнозначащими арабскими словами; это мы видимъ, на-примѣръ, въ числительныхъ именахъ отъ 30 до 90 включительно: нубійскія названія ихъ совершенно вытѣснены изъ употребленія арабскими. Жалованье, получаемое въ Египтѣ матросами, слугами и прочими рабочими изъ Барабра, весьма мало, рѣдко выше 40 или 50 піастровъ въ мѣсяцъ: имъ, по этой причинѣ, *сотили* считать почти не приходится, а оттого число *сто* и дальнѣйшія опять называются на собственномъ ихъ языкѣ.

Во время поѣздки отъ Ассуана до втораго нильскаго катаракта при Уади-Хальфѣ, я составилъ, для личнаго моего употребленія, небольшое собраніе словъ и краткихъ предложеній на бербэрійскомъ языкѣ, которое считаю не бесполезнымъ сообщить здѣсь, потому-что для лингвистовъ оно можетъ имѣть интересъ. Учителемъ моимъ былъ племянникъ стараго Ашри Шауишъ, шкипера моей барки — мальчикъ лѣтъ пятнадцати, по имени Фарàгъ, умный и бойкій, одаренный большою смѣшленостью и догадливостью чѣмъ многіе изъ его единоплеменниковъ. Фарàгъ былъ крови смѣшанной, отъ отца бербэрі, и матери негритянки; свободно объяснялся по-арабски, и прежде жилъ нѣсколько лѣтъ въ Донголѣ. Каждое утро я звалъ его къ себѣ въ каюту, и подъ диктовку его записывалъ слова, которыя мнѣ хотѣлось знать; этимъ занятіемъ онъ не мало возгордился передъ товарищами-матросами, давшими ему про-званіе «тергуманъ-баши» (главнаго переводчика). Дѣло наше

было однакожь не совсѣмъ легко: пока я записывалъ одни существительныя или прилагательныя, все шло хорошо; но когда я сталъ спрашивать у него перевода глаголовъ, а въ особенности фразъ, даже самыхъ простыхъ, учитель мой приходилъ въ крайнее затрудненіе. Юный наставникъ, сынъ природы, не имѣлъ и понятія объ отвлеченномъ значеніи и важности для меня предлагаемыхъ ему вопросовъ, и всегда относилъ ихъ къ положительному лицу, моему или его собственному. Когда я, на-примѣръ, говорилъ ему: «какъ на вашемъ языкѣ — *я боленъ?*», онъ всегда передавалъ это чрезъ «*ты боленъ?*», то есть не переводилъ моего вопроса, а отвѣчалъ на него; также точно вопросъ «*ты усталъ?*» онъ относилъ къ себѣ лично, и диктовалъ мнѣ «*я усталъ?*». Поэтому, не ручаясь за правильность конструкціи иныхъ изъ моихъ фразъ, тѣмъ-болѣе что Фарагъ никогда почти не переводилъ предложенія мало-мальски длиннаго, однимъ и тѣмъ-же образомъ, когда я заставлялъ его повторять переводъ. Въ этомъ отношеніи онъ иногда просто выводилъ меня изъ терпѣнія. При кратковременности пребыванія моего въ Нубіи, я не могъ ни практическимъ упражненіемъ получить лично болѣе точныя свѣдѣнія, ни развить и усовершенствовать понятливость моего учителя, хотя онъ къ такому усовершенствованію былъ весьма способенъ. За одно могу отвѣчать — за вѣрную транскрипцію всѣхъ приведенныхъ въ слѣдующихъ страницахъ нубійскихъ словъ, и за точное означеніе удареній на каждомъ изъ нихъ: въ томъ убѣдился я многократною повѣркою.

Въ Нубіи, коренные жители употребляютъ два главныя нарѣчія, представляющія между собою большое сходство, при нѣкоторыхъ немаловажныхъ впрочемъ различіяхъ: характеристическій признакъ нарѣчія *Донголы* состоитъ въ томъ, что всѣ имена существительныя, безъ исключенія, оканчиваются на *xi* или на *gi*; въ области *Даръ-Мэхасъ*, лежащей по берегамъ Нила къ сѣверу отъ Донголы, имена эти, напротивъ, оканчиваются постоянно на *la* или на *ga*. Фарагъ мой родился въ деревнѣ подлѣ острова Филъ, въ самомъ Ассуанскомъ Порогѣ и принадлежалъ къ *arén ademigi* «людямъ катаракта», какъ они сами себя называютъ, которыхъ языкъ, хотя довольно близко подходитъ къ донгольскому, но также представляетъ свои особенно-

сти: многія слова этого—послѣдняго нарѣчія у ассуанскихъ «припорожцевъ» вовсе не употребляются и замѣнены другими, впрочемъ тоже корня бѣрбѣрійскаго. У нихъ, въ—слѣдствіе частыхъ сношеній съ Египетскими Арабами, ввелось сверхъ-того большее число оборотовъ, формъ и словъ арабскихъ, нежели дальше на югъ. Въ моемъ собраніи, всѣ слова заимствованныя у послѣднихъ, отмѣнены звѣздочкою.

Окончаніе *ki* или *gi* прибавляется жителями Нижней-Нубіи, равно-какъ и донгольскими уроженцами, не только къ существительнымъ именамъ чисто бѣрбѣрійскаго происхожденія, но и къ словамъ заимствованнымъ у Арабовъ, получающимъ чрезъ то право гражданства у нихъ. Они говорятъ *gēbel gi* (гора)—отъ арабскаго *ge'el*; *ajnebbki* (виноградъ)—отъ араб. *ajneb*; *fūl gi* (бобы)—отъ арабск. *fūl*, и т. п. Между-тѣмъ я замѣтилъ, что приведенное окончаніе *ki* или *gi* обыкновенно отбрасывается, когда существительное имя стоитъ не одно, а входитъ въ составъ предложенія, или соединяется съ другимъ существительнымъ; на-примѣръ: слово *da'wa'gi* (чубукъ) откидываетъ слогъ *gi* въ фразѣ: *Ali and da'wa tokssu* (Али мой чубукъ сломалъ); тоже самое происходитъ съ словами *ōssigi* (нога) и *kussūgi* (мясо), когда они соединяются въ одно цѣлое *ōssi-kūssu*, означающее «икру». Иные разы однакожь это окончаніе въ подобныхъ же случаяхъ сохраняется, или измѣняется въ *ko* или *go*, или, наконецъ, прибавляется даже къ прилагательнымъ и глаголамъ: мнѣ казалось, что тутъ положительнаго правила не соблюдаютъ, а руководствуются болѣе-или-менѣе произволомъ.

Уже было сказано выше, что буквъ затрудняющихъ арабское произношеніе: *ain*, *ghāin*, *kkaf*, *hha* и т. д., и отъ которыхъ этотъ языкъ дѣлается столь жесткимъ и тяжелымъ для слуха — въ языкѣ Нубійцевъ нѣтъ; гдѣ такая буква встрѣчается въ заимствованномъ ими словѣ, они замѣняютъ ее другою, болѣе мягкой, на-примѣръ, вмѣсто *duchān* (табакъ) они говорятъ — *dahāngi*, и т. п. Согласныя *k* и *g* передъ гласными *e*, *i*, а иногда также передъ *u* и *o*, произносятся какъ наши *ъ* и *дж*, но нѣсколько мягче; впрочемъ, это произношеніе иными принято, другими нѣтъ, и посему вѣроятно также зависитъ отъ произвола. Вообще языкъ Нубійцевъ, по множеству въ немъ гласныхъ и отсутствію всякихъ приды-

ханій, горловыхъ и гортанныхъ звуковъ, и т. п., очень пріятенъ для слуха. Меня поразилъ еще — и это замѣчаніе собственно слѣдовало-бы помѣстить въ началѣ статьи — характеристическій звукъ (*timbre*) голоса вообще у Барабра, который сохраняетъ свою особенность у всѣхъ лицъ этого племени, несмотря на безчисленное множество оттѣнковъ въ высотѣ, объемѣ и другихъ качествахъ голоса у каждого нубійца въ частности. Я до того пріучился къ этому *timbre*, что узнавалъ по немъ между матросами пезнакомыми мнѣ, говорившими по-арабски въ другой комнатѣ или ночью, такъ-что видѣть ихъ я не могъ, кто изъ нихъ бербаріецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что причины этого фізіологическаго явленія заключаются въ особомъ устройствѣ дыхательнаго горла, гортани и прочихъ органовъ дѣйствующихъ при произведеніи человѣческаго голоса; но анатомическое изслѣдованіе этихъ частей наврядъ-ли можетъ послужить къ объясненію самаго феномена.

Сколько я ни старался, но не могъ дойти до заключенія, существуютъ-ли въ языкѣ Барабра *падежи*, единственное и множественное *число*, и *какъ* спрягаются глаголы? Употребленіе мѣстоимѣній также не совсѣмъ ясно для меня, такъ-что въ иныхъ изъ приведенныхъ фразъ, я не былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ отдѣлить одного слова отъ другаго. Вотъ, впрочемъ, что я замѣтилъ: когда два существительныхъ имени соединяются вмѣстѣ, то первое отбрасываетъ окончаніе *ki* или *gi* и замѣняетъ его буквою *n* (рѣже *m*), если слѣдующее слово начинается съ гласной буквы: на-примѣръ: изъ *missigi* (глазъ) и *agingi* (кожа) составлено слово *missin-agingi*—вѣко; изъ *deuka'gi* (кухня) и *ogig* (человѣкъ) образовалось *deukan-ogugi*—поваръ (кухонный человѣкъ). Эта вводная буква *n* выражаетъ нѣкоторымъ образомъ нашъ родительный падежъ; но если второе слово начинается съ согласной буквы, то *n* часто выпускается; на-примѣръ: изъ *ka'ki* (домъ, хижина), и *tyrti* (хозяинъ), образуется *ka'-tyrti*—хозяинъ дома.

Несмотря на всю неполноту и несовершенство моего словаря, полагаю, что привыкшіе къ лингвистическимъ анализамъ съумѣютъ вывести изъ него многія грамматическія заключенія, ускользнувшія отъ меня, совершеннаго профана въ этомъ дѣлѣ. Крайне сожалѣю, что я не воспользовался бывшею у меня возможностью умножить количество записанныхъ

Фразъ — но, находясь въ Нубіи, я не думалъ печатать этого собранія. Изъ извѣстныхъ мнѣ новѣйшихъ путешественниковъ, двое, Калльо * и Кададьвенъ **, сообщаютъ въ своихъ сочиненіяхъ пространные словари нубійскихъ нарѣчій. Первый даетъ списокъ словъ *Донгольскихъ*, но на-дѣлъ оказывается, что всѣ онѣ изъ нарѣчія *Дарь-Мехасъ*. Нубіецъ, диктовавшій Калльо эти слова, былъ изъ послѣдней области, а не изъ Донголы, и ввелъ въ заблужденіе достойнѣйшаго путешественника. Еще богаче словарь гг. Кададьвена и Брѣвери, содержащій въ отдѣльныхъ графахъ слова изъ обоихъ этихъ нарѣчій. Жаль только, что у нихъ очень много опечатокъ и неточностей; ударенія не выставлены вовсе, или выставлены неправильно, и самая транскрипція, по французскому правописанію, неясна и не всегда вѣрна. Собраніе это можетъ служить къ пополненію предлагаемаго мною.

Вотъ правила, коими руководствовался я въ слѣдующихъ страницахъ: я употребляю правописаніе *нѣмецкое*, наиболѣе подходящее къ звукамъ, которые мнѣ пужно было выразить. Поэтому, гласныя *a, e, i, o, u* — должны вездѣ быть произносимы какъ наши *a, e, u, o, y*; нѣмецкое *y* выражаетъ у меня наше *ы*; двѣ гласныя, или даже три, одна вслѣдъ-за-другою, произносятся каждая отдѣльно: *ai, ae, oi, ui* и т. д. всегда должны выговариваться здѣсь какъ наши *ai, ae, oi, yi* и проч. Буква *j* — согласная и произносится какъ въ словахъ *jung, jagen, Joseph*; *v* и *w* — соответствуютъ обѣ нашему *в*; но послѣдняя передъ гласными произносится почти какъ наше *y*. Одно *z* соответствуетъ нашему *з*, два *ss* должны быть выговариваемы какъ русское *с*, *sch* — какъ *ш*, *ch* — какъ *х*.

Наконецъ, позволю себѣ еще обратить вниманіе на простоту и такъ — сказать дѣтскую наивность нубійскаго языка, выражающуюся наиболѣе въ сочетаніи именъ существительныхъ, для означенія предметовъ не имѣющихъ въ немъ особенныхъ названій. Такъ, на-примѣръ, слово *agylu-éssi* (слина), составлено изъ *agylgi* (ротъ) и *éssigi*

* *Caillaud*: Voyage à Méroë, au fleuve blanc, etc. Paris 1827, Т. III, въ приложеніи.

** *Cadalvène et Breuvery*: l'Egypte et la Nubie; Paris 1841; Т. II, стр. 493 и слѣдующія.

(вода); *agylna-kütki* (челюсть) составлено изъ *agýlgi* (ротъ), и *kütki* (кость); слово *kamnéngi* (самка верблюда) образовалось изъ *kámgi* (верблюдъ—самецъ) и *eéngi* (жена). *Kaschfog-górki* значить громъ, и, кажется, составлено изъ словъ *ka'schki* (лошадь) и *foggór* (хромой): это названіе вѣроятно основано на какомъ-нибудь простонародномъ или суевѣрномъ объясненіи причинъ грома, впрочемъ весьма рѣдкаго въ Нижней-Нубіи, особенно вблизи Ассуана. Безполезно было-бы распространяться здѣсь на-счетъ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній, на-примѣръ: что повелительное наклоненіе обыкновенно оканчивается на *gò* или *kò* съ удареніемъ, или на *o*; что окончаніе *biigi* присвоено причастіямъ и т. п.: внимательный изслѣдователь самъ это замѣтитъ.— Я кончилъ свой словарь ¹⁹ ноября 1847 года, въ *Ибриль*, мѣстечкѣ Нижней-Нубіи.

С.-П.-Бургъ.

въ февралѣ 1849 г.

СОВРАНИЕ

СЛОВЪ И ПРОСТЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ИЗЪ НАРѢЧІЯ НА-РАБРА, ЖИВУЩИХЪ У ПЕРВАГО КАТАРАКТА НИЛЬСКАГО.

(Слова заимствованныя изъ арабскаго языка отмѣчены звездочкою)

А.

Арестантъ, *chabssébu*.*

Акація, *gjouigi*.

Б.

Баміе ¹⁾, *gjondógi*.

Баранъ, *egétki*.

¹⁾ *Hibiscus esculentus* L., растеніе огородное.

Барка, kúbki.
Башмакъ, koríski.
Башмачникъ, korisk-agáilgi.
Бедро, kulúlgí.
Бей! gjom!
Беременная, meé'wgi.
Близко, egítti.
Близнецы, barssikígi.
Бобы, hagjubígi.
Богатый, heérbu.
Больной, óddi.
Болтать, digrig-ajabánji.
Большой, dúlu.
Большой палець, mumúlgí.
Борода, ssame'gi.
Браслетъ, kumíki.
Братъ, ambe'ski,
Братъ матери, angígi.
Братъ отца, ambanági.
Бритва, ganírki.
Брить, gánjiri.
Бровь, hagjubígi.
Бросать, lufò, lufòss.
Брюхо, túgi.
Бумага (хлопчатая), abúki.
Бурый, de'sse.
Буря, ssóbági.*
Бусы, arýki.
Бѣдный, meskitódu.*
Бѣлый, arógi.
Бѣшеный, arrýbu.

В.

Вареный, kargióssu.
Вловецъ, ase'bkí.
Верблюдъ (самецъ), kámgi.
Верблюдъ (самка), kamnéngi.
Веревка, irígi.

Верѣться, *durdüre*.
Весло, *mukdáfki*.^{*}
Виноградъ, *ájnebki*.^{*}
Внизу, *tógo*
Внутри, *aàragi*.
Вода, *e'ssigi*.
Возьми! *ingè!*
Волкъ (гиенна), *éddigi*.
Волосы, *ssiirki*.
Волшебникъ, *dogírki*.
Воръ, *jamàgi*.
Востокъ, *màlti-téru*.
Врачъ, *dawági*.
Встань! *imbello!*
Vulva — *ebetégi*.
Вчера, *uulgi*.
Вымети! *káo!*
Вымой! *eé'wo, schúko!*
Вѣрь, *hewjedigi* ¹⁾.
Вѣко (глазное), *missin-agingi*.
Вѣтеръ, *turúgi*.
Вѣтру много, *túrug-digri*.
Вѣтру нѣтъ, *túrug-dámnu*.

Г.

Газель, *geelgi*.
Гвоздика, *kértódkí*.
Гвоздь, *schártigi* ²⁾.
Гдѣ? *ssáirre*.
Гитара, *kissírki*.^{*}
Гиппопотамъ, *eritki*.
Гладкій, *ssiri, schirgégi*.
Глазъ, *missigi*.
Глотать, *góllu*.

²⁾ Не отъ арабскаго-ли *hánuwa*, воздухъ.

³⁾ Schartigi значить также *жельзо*.

Глубокій, nàrri.
Глухой, térgu.
Глядѣть, ajnálli.
Гнилой, ssióssu, ssielle.
Гнѣздо, keetigi.
Годъ, gèngi.
Голова, úrki.
Голова деревенскій (шешъ), ssamilgi.
Голубъ, minegi.
Горбатый, korróngi.
Горькій, náddi.
Горячій, gjúgri.
Господь (Богъ), artigi.
Громъ, kasch-foggórki.
Грязный, értigi.
Грязь (пль), ssibégi.
Грудь, ókki.
Грудь (женская), értigi.
Губа, schúndgi.
Гусь, éssin-darbatki 4).

Д.

Далъ, élo.
Дай! átta!
Далеко, uàrri.
Даромъ, mogóssu.
Дверь, bàbki.
Деньги, dugúgi.
Деревня, aschejgi.
Дерево, djói.
Десны, nitkitki.
Длинный, nossógi.
Для меня, andogóru.
Добрый, adélto.
Довольный, gureburi.

4) Илз essigi — вода, и darbatki — курица.

Дождь, arun-éssigi.
Домъ, káki.
Дорога, girki.
Доска, dumísski.*
Дочь, emborúgi.
Дочь брата, ambess-borúgi.
Дочь сестры, anéss-imborúgi.
Дрожать (въ лихорадкѣ), kébkábkí.
Дрожать (отъ страха), kérkéri.
Другой, okkéłgi.
Другъ, tymbeski.
Дубить кожу, agingi-karigbu.
Дурень (лицемъ), míllí, dóbbó.
Дуть, úffí.
Душа, neúrtigi.
Дымъ, gussùtkí.
Дыравый, urúbu.
Дыханіе, nowértigi.
Дѣвица невинная, lejakółgi; loru-kóbbu.

Е.

Есть, (арабск. *fih*) da, dána.
Еще, nýdago.
Еще не, olgónu.

Ж.

Жатву собирать, gjoúru.
Желтый, korgóski.
Желѣзо, schártigi.
Жена, eéngi.
Жениться, bédri.
Женихъ, aríski *; erkenekółgi.
Жесткій, kogórki.
Жила (сухая), kójgi.
Жилеть, ssidéjrigi.*
Жирафъ, saráfki.
Жирный, doróma.

3.

Заблудиться, dabóssko.
Забывать, eóssi.
Завтра, assálgí.
Заканяться, agàkki.
Заколоть (зарѣзать), godjóssu.
Зáмокъ, dibki.
Западъ, tin-tèru, tingí.
Запахъ (хорошій), iriss-numelú.
Запахъ (дурной), iriss-sièllu ⁵⁾.
Засѣянное поле, ugutérbu.
Затылокъ, ornàhar.
Заяцъ, udlegí.
Звѣзда, uissiki.
Здѣсь, indoru.
Зеленый, désse.
Зембилъ ⁶⁾, schibírki.
Земля, gúgi.
Землякъ, an-aschéjdu.
Зеркало, koálligi.
Злой, milli.
Змѣя, ajági.*
Знаю, aj-oírri.
Зной, gjúgrí.
Зола (пепелъ), ubúrtigi.
Золото, de'hebki.*
Зубъ, ne'gi.
Зѣвать, jamarigéri.
Зэгроутэ ⁷⁾, killílera.

И.

Игла, itillégi.
Играть (въ дамки, кости и т. п.), káschkiri.

⁵⁾ Ssièllu, собственно значить *миллой*.

⁶⁾ Мѣшокъ изъ финиковыхъ листьевъ.

⁷⁾ *Зэгроутэ* (множ. число *загаритъ*), радостные крики арабскихъ женщинъ во время публичныхъ увеселеній и т. п.

Иди (ступай)! *tàniol*
Известь, *girkí*.
Изношенный, *kursse'łgi*.
Икота, *ssé'ké'ri*.
Икра (*mollet*), *óssi-kússu* ⁸⁾.
Индиго, *ssubáki*.
Истинно! *ale'ema*.

К.

Камень, *küllu*.
Камышъ, *goe'gi*.
Кашлять, *tósski, tóssliri*.
Квасцы, *schebígi*.
Кипѣть, *jawássi*.
Кислый, *gjúgri*.
Клещевинное масло ⁹⁾, *huruági*.
Книга, *bákigi* ¹⁰⁾, *bátšchigi*.
Кобыла, *kak-inéngi*.
Когда? *ssitáki?*
Когть, *ssútigi*.
Кожа (*cuir*), *agíngi*.
Коза, *bértigi*.
Козель, *butúłgi*.
Колесо (зубчатое у колодезь), *argade'gi*.
Колодезь, *mí árki*.
Кольце (въ ноздрѣ), *sumámgi*.
Колѣно, *óssi-kúrti*.
Комната, *hassilgi*.
Копыто, *ssútigi*.
Копье, *schaági*.
Коралль, *lulúgi*.
Корзина, *adági*.
Корень, *kógi*.
Корова, *tigi*.
Короткій, *urtunātu*.

⁸⁾ *Ossigi*—нога, *kussugi*—мясо.

⁹⁾ *Oleum Ricini*. *Huruagi* есть также и названіе самаго растенія.

¹⁰⁾ *Bákigi* значить еще *читать* и также *писать*.

Коса (на головѣ), *màlìkì*.
 Кость, *kiitki*.
 Кость (рыбья), *kare-kiitki* ¹¹⁾.
 Кость (финиковая), *fassàgi*.
 Кохль ¹²⁾, *niðmégi*.
 Кошка, *ssaàbki*.
 Красивый, *tóngilto*.
 Красный, *ge'legi*.
 Кривой (одноглазый), *anýrki*.
 Кровь, *geé'wgi*.
 Кровь открыть, *geé'wg-óssu*.
 Крокодилъ, *elúmgi*.
 Крошить табакъ, *dahàngì 'fermúss.*
 Круглый, *durebu*, *hagiotódu*.
 Кружка (жестяная), *dibitégi*.
 Крыло, *anýrki*.
 Крыса, *isskitegi*.
 Кто? *nì?*
 Кто тамъ? *eni tére?*
 Кувшинъ, *harràtki*.
 Кузнецъ, *tabítki*.
 Курить табакъ, *dahàngì liniri* ¹³⁾.
 Курица, *darbàtki*.
 Кусать, *aké'sso*.
 Кухня, *deukàgi*, *gjakútki*.

Л.

Ладонь, *ii-túgi*.
 Лаять, *ue'lgì jaháui*.
 Легкий, *schorógi*.
 Лимонъ, *lemúngi*.
 Листъ (древесный), *gabátki*.

¹¹⁾ *Karègi*—рыба, *kiitki*—кость.

¹²⁾ Сурмяной порошокъ для крашенія въкъ и бровей.

¹³⁾ *Biniri*—пить; по-арабски *ischrab* *duchan*, по-турецки *tjun* *itschmek*.

Лице, kóigt.
Лобъ, gurági.
Ловкій, dóhu.
Лодка, kubto-kínato.
Ложиться, turbóssu.
Ложно, mürssu.
Локоть, ii-kúrti.
Локоть (мѣра), keéwgi.
Лопатка, íim-bogjótú.
Лошадь, káschki.
Луковица, billégi.
Лукъ (оружіе), kilábki.
Луна, unátti.
Лѣнивый, haude'bu.
Лѣто, hogóngi.
Люблю тебя, e'kke dólli.
Лягушка, koráigi.
Лядвея, gjogingi.

М.

Маленькій, kínato.
Мало, tódu, galiltódu.*
Малъ (ростомъ), urtunatódu.
Масло (коровье), désski.
Мать, anéngi.
Мелководіе, éssi galílu.*
Медленно, nóre, noretái.
Мельница, gjúgi.
Мечеть, illi.
Membrum virile — gilitki.
Много, digri.
Могилá, tee'gi.
Мой, нашъ, ándu.*
Мокрый, gjáyrki.
Молятся, ssálligi.*
Молнія, farýkki.

Молодъ, ólgo, kinato.
Молоко, ikigi, itschigi.
Молотокъ, nawitki.
Молчи! kitete!
Море (Нилъ) ¹⁴⁾, bàchrki.*
Мука, поórtigi.
Муравей, górkí.
Муха, kúltigi.
Мѣсяць (тѣсто), kanissi.
Мѣсяць, scháhrki.*
Мѣдъ, nehásski.*
Мѣшокъ, telliski.
Мясо, kussúgi.

Н.

Нагой, uirigbu.
Награда, Lischáragi.
Наверху, dogógi.
Надувать (воздухомъ), ufúndu.
Небо, ssemégi.*
Небо (гортань), nil-kítki.
Невѣста, erkénekolgi.
Недовольный, gurebumai.
Недѣля, gumagi.*
Не знаю, oírminni.
Никогда, kiidir-nalkóm.
Нитка, uúlgí.
Новый, eérki.
Нога, óssigi.
Ноготь, ssútigi.
Ножъ, kándigi.
Носъ, ноздря, sseoringi.
Ночь, ugúgi.
Нѣтъ! illa.*
Нѣтъ (арабское *mafisch*), dámnu.

¹⁴⁾ И по-арабски *Бахр* значить одинаково и море и Нилъ.

О.

Обжора, *digri-kállí* ¹⁵⁾.
Обезьяна, *girýdki*.
Облако, *nikigi*.
Обнимать, *doógo*.
Обрѣзанный, *meróssu*.
Овца блаетъ, *egéda lee'ngi*.
Огонь, *iki*.
Огурецъ, *tibischki*.
Одѣяло, *schugági*.
Ожерелье, *e'jen-arýki* ¹⁶⁾.
Окно, *taágagi*.
Окунуться, *kýddiri*.
Опрокинутый, *gelbe'bu, gelbóssu*.
Орелъ, *schibillégi*.
Оселъ, *hanúgi*.
Оспа, *gidrigi*.
Оставь! *talgó!*
Островъ, *aártigi*.
Остроконечный, *kokitóteru*.
Острый, *agisbu*.
Отруби, *goregi*.
Отецъ, *imbábki*.

П.

Палатка, *ke'rrigi*.
Палецъ, *ssubági*.
Палка, *nabútki*.
Парусъ (большой), *gflági*.
Парусъ (малый: «trinquette»), *trinkítli*.
Паръ (vapeur), *güssútigi*.
Паукъ, *óssi-digriko* ¹⁷⁾.
Пасти (скотъ), *jagi'wri*.

¹⁵⁾ Буквально — многозвѣщій.

¹⁶⁾ *e'ja, e'jeki* (въ Донгольскомъ Наръчин) — шея, *aryki* — бусы.

¹⁷⁾ *óssi* — нога, *digri* — много.

Передникъ ¹⁸⁾, *bə'gi*.
 Перець, *fi'silgi*.
 Перо (птичье), *ri'schki*.
 Перо (писчее), *kal'əngi*.
 Песокъ, *ssiwgi*.
 Печка, *tabūngi*.
 Письмо, *kaát'schbu*.
 Пить, *níri*, *liniri* ¹⁹⁾.
 Плавать, *bón*.
 Плата, *arə'kki*.
 Плевать, *gjumbútki*.
 Племянникъ, *amles-tóki* ²⁰⁾.
 Плотникъ, *berk-akállgi* ²¹⁾.
 Пляшу, *aj abándi*.
 Пляшешь, *err abándi*.
 Поваръ, *čeukán-ogúgi*.
 Погоди! *ssabrə!*
 Подошва (ноги), *óssi-túgi*.
 Подбородокъ, *ssam'gi*.
 Подойти, *egittanóssu*.
 Подушка, *gjegitki*.
 Подыши! *ssókke!*
 Позови! *úe, uetta!*
 Покажи! *amýdde!*
 Покупать, *bigjándi*.
 Полный, *eenic'bu*.
 Половина, *lagátti*.
 Половодье, *éssi-dúlu* ²²⁾.
 Попугай, *sesúr-déssé*.
 Порогъ (рѣчной), *arəgi*.
 Порожний, *ssúdu*.
 Портки, *libásski*.

¹⁸⁾ Передникъ изъ ремешковъ, употребленный дѣвками до замужства
¹⁹⁾ *bí* прибавленное къ началу глагола, соответствуетъ, кажется, арабскому
bi, выражающему настоящее время.

²⁰⁾ *Ambéski* — братъ, *atdki* — сынъ.

²¹⁾ *Berki* — дерево, *akailgi* — мастеръ.

²²⁾ *Essi* — вода, *dulu* — большой.

Послѣ, ahárri.
Послѣ завтра, assál-uekági.
Постель, nebitki.
Потерянный, dabóssu.
Потолокъ, nukýlbu ²³).
Потрохъ, dugússki.
Потъ, értigi.
Поцѣлуй, doogédri.
Почки, kilwakígi.
Пою (пѣсню), aj loóri.
Ргаерутіумъ — gíltági.
Приходи! tá!
Присягать, gjóddo.
Пришедшій, taimbúri.
Продавать, bigjanússuru.
Прыгать, uagri.
Птица, sesúrki.
Пупъ, sseeengi.
Пчела, sinnigi.
Пшеница, illégi.
Пыль, esskétki.
Пѣтухъ, dárkan-óndigi.
Пятка, óssin-agábki.

Р.

Работа, hidmegi.*
Работы нѣтъ! hidmé' dāmnu.
Рабъ, nugútki.
Рабыня, nogógi.
Радуга, ssímen-arátki.
Разбей! tógo!
Разбитый, tógbu.
Раздѣлить, bágossu.
Разорвать, origéssu.
Рана, kórkí.

²³) Должно быть прилагательное: потолочный?

Ранить, *schágbu*.
Рано, *golgónu*.
Рвота, *egrígi*.
Ребро, *окна-kidígi*.
Ржание (лошади), *jahínnini*.
Ржание (осла), *jahòngi*.
Рогъ, *níschiki*.
Родиться, *uskóssu*.
Ротъ, *agýlgi*.
Рубаха, *kađégi*.
Ружье, *bundúki*.^{*}
Рука, *iigi*.
Руль, *deffági*.^{*}
Рыба, *karégi*.
Рѣка (вода), *e'ssigi*.
Рѣшето, *garbángi*.

С.

Сабля, *ssiuítki*.
Свадьба, *bátigi*.
Садись! *tœgu*!
Сажа, *ssege'mgi*.
Сакie ²⁴⁾, *kolégi*.
Салфетка, *orkéddi*.
Самецъ, *óndigi*.
Самка, *kàrri*.
Саранча, *magági*.
Свѣсиль, *sæolíkro*.
Свѣтло, *massíł'da* ²⁵⁾.
Свѣча, *schemáki*.^{*}
Сгибать, *gjauiłki*.
Сегодня, *inungúgi*.
Сердце, *aági*.

²⁴⁾ *Sákíe* — водочерпательный снарядъ.

²⁵⁾ *Massíłgi* — солнце, *dá* — есть.

Серебро, fáddagi.
Серьга, scheláscheli.
Сестра, ané'ssigi.
Сказка, kumági.
Скамья, ssurúgi.
Сколько? mukótire?
Скоро, bód.
Скорпионъ, ikkingi.
Скупой, deschscha, deschschám.
Сладкій, ingiri.
Сливки, gumbùtki.
Слуга, goásski, chaddámgi.
Слушай меня, ájgi gigírde.
Слеза, ormíssigi.
Слѣва, máintéru, maíngi.
Слѣпой, duguribbu.
Слюна, agýln-é'ssigi ²⁶⁾.
Смотри! nálu!
Сновидѣніе, ugunùti.
Снаружи, bókigi.
Снурокъ, oúlgí.
Собака, ué'lgí.
Солнце, massilgi.
Солома, ssíltigi.
Соль, umbùtki.
Сосокъ (грудн), érti-kóki.
Спина, gé'rkí.
Споръ, dýdigi.
Справа, iintéru.
Спѣлый, karígbu.
Средина, ssele'gi.
Старый, durúgi.
Стебель (луппы), agé'gi.
Столъ, tablie'gi.
Стоя, kútteteb.
Страусъ, riischki.

²⁶⁾ *Agýlgi* — ротъ, *éssigi* — вода.

Струпья (на головѣ), guùbki.
Стѣна, díbki ²⁷⁾.
Stuprage — bideníri.
Стрѣла, nischábki.
Ступай! nógu!
Сумасшедшій, doóschu, doóschki.
Сундукъ, ssandúgi.
Сухой, konèdu.
Сѣверъ, kalúmgi.
Сынъ, atóki.
Сырой (неваренный), dèssu.
Сѣдло, dagírki.
Сѣмя (sperma), garátki.
Сѣять, terárki, bittèri.

Т.

Талисманъ, hegjábki,
Тамъ, mándoru.
Tamarix — aradé'bki.
Теленокъ, tito-kínato ²⁸⁾.
Темно, núni.
Теперь, ele'kke.
Терять, dabóssu.
Testiculus — koukíki.
Тихо, nóre.
Топоръ, gambúgi.
Трубка (у чубука), dawa-kulúgi.
Трутъ, taámgi.
Тряпка, kadengúta.
Тупой, diíbu.
Тѣло, gittági.
Тяжелый, dúllo.

²⁷⁾ *Díbki*, значить также крѣпость, замокъ.

²⁸⁾ *Títóki* — корова, *kínato* — маленький.

У.

Уголь, ulútki.

Уголь (зажженный), kenétki.

Удавить, írige-golét.

Удочка, gjakárki.

Узелъ (связанный?), digírbu, digròssu ²⁹).

Узкій, deíktódu.^{*}

Украсить, de'go.

Уксусъ (кислый?), náddi.

Усталый, marisbúri.

Утонуть, kúdossu.

Утка, kirkítákí.

Ухо, ulúki.

Учитель, ájgi-kurkýdil (?).

Ф.

Фантазія ³⁰), bátigi.

Фасоль, ugútki.

Финиковое дерево, ombúgi.

Финикъ, hétti.

Х.

Хвостъ, ee'wgi.

Хлѣбъ, kálgi.

Хлѣбъ (въ видѣ лепешки), tobégi.

Хозяинъ, týrti.

Хозяинъ дома, ká-!ýrti.

Холодный, ótki.

Хромой, fóggor.

Худощавый, esseetódu.

Хѣнна ³¹), kofrégi.

²⁹) Полагаю, что это скорее прилагательное, чѣмъ существительное имя.

³⁰) *Фантазія* — публичное увеселеніе.

³¹) *Lawsonia inermis*. L., употребляется для красенія ноготок и ладо-
ней.

Ц.

Цвѣтокъ, kofrcégi.
Цыновка, nibítki.
Цѣлое, kamilgi.

Ч.

Чалма, kassírki.
Часть, ssaági.*
Человѣкъ, id, ogíg, adémgi.*
Челюсть, agylna-kiítki³²⁾.
Червь, wugítki.
Черный, urúmme.
Чесать (gratter), kódi.
Чеснокъ, tòmgí.*
Чечевица, neerki.
Чистый, nadiftódu.*
Чихать, ágini.
Чубукъ, dawági.*

Ш.

Шадуфъ³³⁾, kiég.
Шерсть, ssiírki.
Шея, gumúrki.
Шипъ (тернъ), kiníssegi.
Широкій, loíjógí.
Шить, bunúgiri.
Шкуру снять, agíng-óssu.
Шушэ³⁴⁾, gutiagi.

Щ.

Щека, giakmigi.
Щекотать, kíkilli.
Щиколотка, korokádi.
Щипать, ssulúkiri.

³²⁾ *Agylgi* — ротъ, *kiítki* — кость.

³³⁾ Водочерпательный снарядъ въ родѣ нашего «журавля».

³⁴⁾ *Шушэ* означаетъ ключокъ волосъ, оставляемый жителями Востока на макушкѣ бритой головы.

Ю.

Югъ, ongógi.

Я.

Языкъ, neŭki.

Яйцо, gaskáti.

Янтарь, massásski.

Ячмень, sseríngi.

Ящерица, áschigi.

Я голоденъ, aj orikburi.

Я жажду, aj eritburi.

Я сердитъ, aj saleburi.*

Я сплю, aj nerburi.

Я усталъ, aj marisluri.

Местоименія.

Я, aj, ájgi.

Ты, er, èkki.

Онъ, ter, mángi(?).

Мы, errgi, ajgi.

Вы, írrgi.

Они ³⁵⁾. —

Числительныя имена.

Одинъ, oèru.

Два, óu.

Три, tóssku.

Четыре, kémssu.

Пять, dikju, ditschju.

Шесть, górdju.

Семь, kólodu.

Восемь, jídu.

Девять, íssko.

Десять, dími.

³⁵⁾ Я никакъ не могъ добиться перевода этого слова у Фарага, не смотря на всѣ мои вопросы.

Одиннадцать, dimind'oèru.

Дѣнадцать, dimind'ou.

Двадцать, ári.

Двадцать-одинъ, árig'oèru.

Двадцать-два, árig'ou.

Числа отъ 30 до 90 включительно, выражаются по арабски.

Сто, imíl-oèru.

Двѣсти, imíl-ou.

Тысяча, eluf.*

Дни недели.

Суббота, kirakègi,

Воскресенье, ssamlègi.

Понедѣльникъ, etnéingi.*

Вторникъ, talatègi.*

Названія прочихъ дней тоже заимствованы изъ арабскаго,
съ прибавленіемъ окончанія *kí* или *gi*.

Фразы.

Я боюсь, ssarkimmi.

Ты боишься, aja ssarkýri.

Онъ боится, era ssarkýra.

Я ѣмъ, aj bekállì.

Ты ѣшь, ajgo bekállì.

Онъ ѣстъ, ajgo kall(?).

Я ѣлъ, aj kaléssi.

Ты ѣлъ, ajgo kaléssi.

Я смѣюсь, aj lossùri.

Ты смѣешься, ajgo lossùri.

Я плачу, aj boíri.

Ты плачешь, ajgo boíri.

Два человека, ogíg (или id) ou.

Три человека, ogig tòssku.

Четыре человека, id (или ogíg) kèmsou.

Пять дѣвицъ, burù dikju.

По чемъ это? mukótige?
Какъ твое имя? (арабское: *ismek eiaħ*) eki nēra?
Зажги огонь, iik arūbe.
Закрѣпи веревку, íri digró.
Не закрѣпляй, bidigirmīni.
Я завтра женюсь, assálgi bēdri.
Финики еще незрѣлы, bētti olgó karitsch kómnū.
Дай другой, átta ekēlgi.
Другого нѣтъ, ekēl dāmnu.
Нѣтъ ему равнаго (арабск. *mafisch zēyhu*), tergalíg dāmnu.
Есть подобный ему, (*fi zēyhu*), tergalíg dá.
Поди со мной, ájgo'lo tā.
Пойду съ тобой, ájgo'lo budjuri.
Отвори дверь, bálki kussó
Затвори дверь, bábki scherkó.
Какъ названіе этого мѣста? In aschejgi nēra?
У меня глазъ болитъ, amíssi ájga go lí.
У меня брюхо болитъ, tu ájga godí.
Надѣнь рубаху, kadé góndure
Понялъ ты? err gígirmá?
Я не понялъ, gígir kómnī.
Я не умѣю плавать, bóu ájgo oirmínni.
Не пужно, hagēmni.*
Это ничего, (арабск. *malech*) uē kámonu.
Нѣтъ извѣстій! cha'árki * kómnī.
Я говорю по-арабски, arabíge bubaindi.
Я не говорю по-арабски, arabíge bubaiminni.
Мнѣ не досугъ, aj fajgēmni.*
Дѣвушка хороша, imburi tóngiln.
Не хочу, hagēmni.
Онъ не хочетъ, ter hagēmnu.
Я былъ въ деревнѣ, aj aschej rēssi.
Я вчера ѣлъ баранину, ájgo uilli kálssi egētki.
Куда пошелъ твой сынъ? ató ssa gju?
Завтра приѣдемъ въ Уади-Хальфу, assálgi Vádi Halfa err kol-juri.
Сколько домовъ въ вашемъ селѣ? in aschej irr ká mukóteri?
Подай скорѣе немного воды, gowá * ēssi tódig átta.

Скажите рейсу, чтобъ онъ завтра пришелъ, Reïs k'iwétiru assálgi bitári.

Сколько тебѣ лѣтъ? (по арабски *imreck viah*) en umür * gja mukótere?

Я нашелъ деньги и взялъ ихъ, aj dugúgi gurélgi ingèssi.

Я тебя видѣлъ въ Каирѣ, ájki medíne nálssi ³⁶⁾.

Эта барка дурна, ikub milli.

У него много денегъ, inína dugu digri.

Ты женатъ? err etbuna?

Когда ты женишься? Ssitáki bédri?

Эта дѣвушка очень молода, imburu olgó kinatódu.

У ней нѣтъ ни матери, ни отца, ualla * tinengi uállá Im-bábki kómnu (арабскій оборотъ фразы).

У ней всѣ зубы сломаны, nellg' amil toogighbura.

Я не умѣю плясать, aj báttgi oírminni.

Отецъ хорошій человекъ, imkáb il adélu.

Мать зла, tinén dóbbu.

Я очень усталъ, aj digri maristùri.

Ступай, купи хлѣба и молока, gja kálgo itschigo'digianítta.

Я тебѣ завтра денегъ дамъ, aj assálgi dugúgi ekibtirri.

Въ Эснѣ всѣ женщины непотребны, Issn'erdé búru mály ssooróssu.

Я его увижу по возвращеніи, uidéri wátti binállí.

Крокодилъ ѣстъ дѣтей, elum afitoniga lállí.

Есть у васъ хорошіе финики? Enáj lett' adélt' dána?

Отъ чего барка не идетъ? kúl' ma táime.

Теперь идетъ хорошо, elléki alléa táini.

Кто разорвалъ парусъ? ni gilág orù?

Мой домъ подъ горою, ákka gebelna togóru.

Не ходи близъ барокъ, kúbly nawtir táime.

Покажи мнѣ языкъ твой? en netk' amýdde.

Умѣешь-ли пѣть? err ooinná oówgi?

Дурра еще не спѣла, iw' olgó karitsch-kómnu.

Если не пойдешь я тебя ударю, err gju méki bigjómgru.

Прійми столъ, tablié' ingé.

³⁶⁾ Барабра заимствованіи у Египтянъ обыкновеніе называть Каиръ — medine, или medinegi, то есть «города» по преимуществу.

Умѣешь-ли писать? *err bátschigi oinna?*

Кто выучилъ тебя по-арабски? *neki arabige kurkýddu?*

Мнѣ нуженъ хорошій слуга, *aj chaddám • a'el uegi haggèri.*

У меня голова очень болитъ, *an'ùru digrig óddi.*

Моя деревня разрушена, *an aschèj charbèbu.*

Я хочу чтобъ ты пошелъ со мною, *aj okki haggèri ájgo 'o gjù.*

Я очень люблю эту хорошенькую дѣвочку, *aj imburtóki tongiltóki digri dólli.*

Я вчера сломалъ чубукъ свой, *aj uilgi ánd' dawa-toókssi.*

Кто разбилъ твою трубку? *ni ánd' d'awá-kúlu toógu?*

Али разбилъ мою трубку, *Ali and' d'awa-kúlu toókssu.*

Кто тебя ударилъ по головѣ? *n'èkki úro gjómu?*

Жена меня ударила, *anèn ájge gjómssu.*

Мой домъ здѣсь, *ákka in'oru.*

Твой домъ гдѣ? *ékka ssáirre?*

Его домъ тамъ, *tékka mánd'oru* ³⁷⁾.

Я писалъ къ своему отцу, *aj' embábki bákissi* (выговаривается также *bátschissi*).

Ты писалъ къ своей матери, *err inéngi bakírssu.*

Онъ писалъ къ сестрѣ, *ter teníssi bakírssu.*

Куда ты идешь? *er ssái budjù?*

Куда онъ пошелъ? *ter ssái anù?*

У меня 13 человѣкъ, *anáj ogik diminde-tósski dá.*

У него хорошій домъ, *tenáj ká a'el verdá.*

У тебя добрый конь, *enáj kág adél verdá.*

Я вчера видѣлъ фантазію, *aj uilgi bátigi nálssi.*

Ты былъ на свадьбѣ? *irr (er?) bāti eressure?*

Онъ былъ въ деревнѣ, *ter aschèj rëssu.*

Мы пойдемъ въ Дэрръ, *árr Dërro budjuru.*

Вы возьмете весла, *err mukdáfki árue.*

Онъ возьметъ веревку, *tekón'irig árue.*

Я беру деньги, *aj dugùg bárí.*

Кто взялъ деньги? *nin dugùg indjù?*

Пришелъ (одинъ) человѣкъ и взялъ, *id oër tár g'ingèssu.*

³⁷⁾ Эти три примѣра показываютъ, что послѣдняя буква мѣстоименій *aj* (я), *er* (ты), *ter* (онъ), перемѣняется въ первую букву слѣдующаго существительнаго: *здѣсь* изъ *aj* и *ka* (*kàki*), сдѣлано *ákka* и т. д.

Что, невеста хороша? *erkenekól adeltó'e ma?*
Много-ли было тамъ людей? *mándo adém digri èssu?*
Мушны пляшутъ съ женщинами, *ogí buru igolu jabássa.*
Пили вы тамъ пиво ³⁸⁾? *irr mandó meríssagi nissúre?*
Блѣ ты что-нибудь? *háge mukótti kalssúre? **
Нѣтъ не блѣ! *illà, kalkómni.*
Женихъ скупъ, *erkenekól dèschcha.*
Кончимъ здѣсь, *indó chalssóssu.**

³⁸⁾ *Мэріса*— нубійское пиво, приготовленное чрезъ броженіе куурузной муки.

О ТОРГОВЫХЪ ПУТЯХЪ ПО КИТАЮ И ПОДВЛАСТНЫМЪ ЕМУ ВЛАДѢНІЯМЪ.

*Иеромонаха Палладія Каваарова *.*

І. ПУТИ ПО КИТАЮ.

Торговые пути пересекаютъ Китай во всѣхъ направленіяхъ, но здѣсь, какъ и во всемъ, что носитъ китайскій характеръ, еще многого не достаетъ для совершенства и удобства сообщеній. Первое, что поражаетъ европейца въ Китаѣ, есть недостатокъ искусственныхъ дорогъ, которыя хотя устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но не въ большомъ числѣ и то лишь въ пунктахъ важныхъ болѣе въ политическомъ, чѣмъ въ коммерческомъ отношеніи, преимущественно около столицы.

Способы перевозки сухимъ путемъ. — Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни каналовъ, товары перевозятся на вьючномъ скотѣ, или переносятся носильщиками. Въ Китаѣ весьма мало лошадей; многочисленные табуны монгольскіе назначены только для армій, и не расходуются по Китаю для другихъ потребностей; поэтому, для вьюковъ употребляютъ верблюдовъ, а чаще муловъ и ословъ. На всѣхъ дорогахъ по Китаю заведены становища для проѣзжающихъ купцовъ, гдѣ они нанимаютъ вьючный скотъ для перевозки своихъ товаровъ; въ мѣстахъ населенныхъ перемѣняютъ его часто; въ другихъ, на-примѣръ, отъ Желтой-Рѣки до Пекина, нанимаютъ его на весь переѣздъ. Товары перевозятся вьюками также у

* Нынѣ Архимандрита и Начальника Русской Духовной Миссіи въ Пекинѣ.

каналовъ и рѣкъ, когда онѣ бываютъ запружены судами съ хлѣбомъ, что весьма часто случается въ Южномъ—Китаѣ. Носильщики нанимаются для переноски товаровъ, преимущественно черезъ трудныя и опасныя мѣста: горы, ущелья, и т. п. Купцы нанимають для себя крытыя рогожаныя, или холщевыя, носилки, которыя утѣждаются на сѣдлахъ двухъ муловъ, идущихъ одинъ за другимъ. Есть еще способъ переѣзда на одноколкахъ (объ одномъ колесѣ), которыя подвигаются сзади наемными крестьянами; эти телѣжки употребляются въ Южномъ—Китаѣ для недалекихъ переѣздовъ и появляются въ Сѣверномъ съ прибытіемъ въ Пекинъ, изъ южныхъ губерній, студентовъ для экзамена. Близъ Пекина, со стороны Императорскаго—Канала, товары, доставляемые на судахъ, перегружаются на большія телѣги, въ пять и шесть муловъ, и отправляются на нихъ въ столицу.

Способы перевозки водой.—Водяныя сообщенія въ Китаѣ гораздо многочисленнѣе сухопутныхъ, но врядъ-ли справедливо пользуются громкою извѣстностью. Правда, что водянымъ путемъ сплавъ товаровъ удобнѣе и выгоднѣе перевозки сухимъ путемъ; но за то въ Китаѣ, больше чѣмъ въ другихъ странахъ, соединенъ онъ съ затрудненіями. Рѣки, въ теченіи своемъ, образуютъ извилины, удлиняющія путь; притомъ плаваніе удобно только внизъ по теченію рѣкъ, а вверхъ по водѣ, при быстротѣ китайскихъ рѣкъ, оно трудно и медленно; наконецъ, многія второстепенныя рѣки въ Китаѣ устьяны опасными порогами и водоворотами, а Желтая-Рѣка, въ теченіи своемъ на востокъ, знаменита только наводненіями и опустошеніями, и въ—слѣдствіе песчаныхъ наносовъ и частаго измѣненія ложа, вовсе неудобна для плаванія. Самая замѣчательная и удобная для торговыхъ сообщеній рѣка въ Китаѣ есть *Янъ цзы-цзынъ*; она соединяетъ западъ съ востокомъ и, пересѣкая Китай во всю его длину, служитъ проходной линіей для всѣхъ путей между сѣверомъ и югомъ. Искусственные каналы, устроенные въ Юговосточномъ—Китаѣ, особенно важны тѣмъ, что сообщаютъ между собою промышленныя и торговые городы. Что касается до Большаго, или Императорскаго, Канала, то первоначальное и главное назначеніе его есть доставка податнаго хлѣба изъ южныхъ хлѣбородныхъ губерній въ столицу. Китайскіе купцы также пользуются этимъ

путемъ, для перевоза своихъ товаровъ; однакожь часто предпочитаютъ переѣздъ моремъ, или сухопутный трактъ, потому что шлюзы на каналѣ, открываемые только въ опредѣленное время, когда въ бассейнахъ накапливается достаточное количество воды, причиняють задержки; притомъ, въ зимніе мѣсяцы, плаваніе по каналу прекращается.

Китайскія суда и лодки. — Самыя общеупотребительныя для перевозовъ суда въ Китаѣ суть хлѣбныя, на которыхъ сплавляется казенный хлѣбъ. Чиновники, непосредственно завыдающіе сплавомъ казеннаго хлѣба, находя гораздо выгоднѣе перевозъ частнаго груза, чѣмъ казеннаго, позволяютъ купцамъ грузить на эти суда и товары, иногда даже на половину больше чѣмъ хлѣба. Форма хлѣбныхъ судовъ, какъ и всѣхъ китайскихъ вообще, продолговато-квадратная; носъ тупой, корма высокая, на палубѣ устроены палатки изъ досокъ, замѣняющія каюты; мачтъ три: средняя — самая высокая, задняя — пониже, и передняя — еще ниже; паруса дѣлаются изъ цыновокъ. Носовой и кормчій большею частию живутъ на суднѣ съ семействами. Чиновникъ, надзирающій за хлѣбомъ, занимаетъ среднюю каюту; затѣмъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, размѣщаются матрасы и купцы. Грузъ всего судна обыкновенно простирается до 13,000 пудовъ (около 300 тоннъ). Изъ другихъ судовъ меньшаго размѣра, плавающихъ по рѣкамъ и около береговъ Китая, извѣстны: а) Цзянсійскія и Хугуанскія, со множествомъ подраздѣленій; вообще-же они отличаются одно отъ другаго формою своего корпуса (овальною или прямою), кормы и носа (усѣченнаго или сплюснутаго), палубными палатками (рогожаными или досчатыми), и проч.; б) легкія лодки, называемыя *хуа-цзы* и употребляемыя для скорого плаванія и переправы черезъ рѣки; в) лодки «ночныя», плавающія и ночью, что въ Китаѣ не въ обыкновеніи; г) лодки «теплыя», защищенныя отъ вѣтровъ и дождей, д) лодки «ракообразныя», узкія и длинныя, со множествомъ веселъ, употребляемыя въ контрабандѣ опиумомъ. У береговъ *Цзян-нань*, гдѣ много мелей, плавають на судахъ плоскодонныхъ, тогда-какъ Чжаоцзянцы дѣлають суда съ выпуклымъ дномъ.

Внутреннія таможи. — На всѣхъ главныхъ путяхъ по Внутреннему Китаю устроены таможи. Кромѣ доходовъ, онѣ доставляютъ Китайскому Правительству средство противодѣй-

ствовать заграничной торговлѣ повышепіемъ тарифа. Это обстоятельство, какъ извѣстно, не ускользнуло отъ вниманія Англичанъ, послѣ последней войны: въ Нанкинскомъ Трактатѣ они, между прочимъ, настояли и на томъ, чтобы Китайское Правительство не повышало пошлины на товары во внутреннихъ таможахъ. Доходы съ таможенъ опредѣленны, т. е. Правительство опредѣлило, какую сумму каждая таможня должна ежегодно доставлять въ Государственное Казначейство, предоставивъ себѣ право повышать эту сумму по усмотрѣнію, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ установивъ тарифъ для всѣхъ провозимыхъ товаровъ; этимъ оно дало таможеннымъ чиновникамъ поводъ злоупотреблять своею властію и налагать на купцовъ лишніе поборы; въ каждой таможнѣ, всякій проѣзжающій купецъ долженъ платить пошлину съ надбавочнымъ вѣсомъ, напримеръ вмѣсто 28 рублей — 32, и сверхъ-того, расходовать на мелкіе подарки до 3 р. сер. Кромѣ таможенъ, во всѣхъ частяхъ Китая есть множество заставъ, гдѣ проѣзжающіе купцы также должны вносить извѣстную плату. Впрочемъ, такъ-какъ злоупотребленія въ Китаѣ узаконены вѣковой практикой и обычаемъ, и приведены въ общезвѣстную форму, то купцы уже привычны къ встрѣчамъ подобнаго рода и напередъ знаютъ, что гдѣ ожидаетъ ихъ, сколько нужно заплатить за пропускъ товаровъ безъ осмотра, и проч.; о чемъ они и отмѣчаютъ въ своихъ дорожникахъ.

Предразсудки Китайцевъ на-счетъ несчастныхъ дней. — Говоря о торговомъ классѣ Китая, нельзя оставить безъ замѣчанія суевѣрій его на-счетъ счастливыхъ и несчастныхъ дней, впрочемъ общаго ему со всѣми другими классами. У Китайцевъ, въ такомъ дѣлѣ какъ торговля, счастливые и несчастные дни играютъ важную роль, поэтому подробно исчислены въ Купеческомъ Дорожникѣ. Есть дни, въ которые опасно выѣзжать куда-бы то ни было, потому-что они находятся подъ вліяніемъ зловѣщихъ созвѣздій, или злыхъ духовъ; или потому-что это дни рожденія какихъ-нибудь героевъ и ихъ святыхъ; есть и такіе дни, въ которые можно ѣхать только въ ту, а не въ другую страну свѣта, и т. п. Несчастныхъ дней въ году, по Купеческому Календарю, приходится ровно на половину.

Предшествующія замѣчанія составлены на основаніи Купеческихъ Дорожниковъ и Руководствъ. Изъ тѣхъ же источниковъ извлечены и предлагаемыя далѣе подробности о торговыхъ дорогахъ въ Китаѣ.

Главные торговые пункты и системы дорогъ въ Китаѣ. — Самые важные торговые пункты въ Китаѣ прилегаютъ къ бассейну *Янъ-цзы-цзяна*. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два: *Нанкинъ*, главный городъ Цзяннаньской губерніи, и *Ву-чанъ фу* — въ Хубэйской. Тотъ и другой расположены при *Янъ-цзы-цзянѣ*, среди болотъ и озеръ, на той низменной равнинѣ, къ которой, можно сказать, стекаются и воды, и торговые люди Китая; оба также стоятъ на распутіи двухъ системъ дорогъ между югомъ и сѣверомъ Китая: системы Нанкинской, или Восточной, и системы Хуаньской, или Западной.

Нанкинская система дорогъ. — Въ Нанкинской системѣ дорогъ извѣстны три главные пути, съ юга на сѣверъ: Кантонскій, или Мэйлинскій, которымъ сплавлялись въ Пекинъ англійскія и голландскія посольства; Береговой, извивающійся по морскому берегу и сообщающій приморскіе города и порты; и Фуцзяньскій, съ чайныхъ мѣсторожденій.

Кантонская дорога къ Нанкину. — Въ Кантонскій-Заливъ впадаютъ три рѣки, называемыя по странамъ, изъ которыхъ текутъ: Восточною, Сѣверною и Западною; Мэйлинскій-Путь идетъ вверхъ по Сѣверной-Рѣкѣ. Отъ Кантона ѣдутъ по ней на судахъ и лодкахъ 240 верстъ до города *Инь-дэ-сяня* довольно спокойно; далѣе, до самаго города *Шяо-чжоу-фу*, на разстояніи 160 верстъ, попадается много опасныхъ пороговъ и стремнинъ, какъ обыкновенно бываетъ въ горныхъ рѣкахъ. Въ *Шяо-чжоу-фу* устроена таможня. Отъ этого города считается 100 верстъ до мѣстечка *Цзянь-коу*, замѣчательнаго тѣмъ, что суда, сплавившія товары вверхъ по рѣкѣ до Мэйлинскихъ-Горъ, на обратномъ пути останавливаются здѣсь и нагружаются лѣсомъ и дровами, для сплава въ Кантонъ. Отъ *Цзянь-коу* не болѣе 70 верстъ до города *Нанъ-сюнь-фу*, послѣдняго на сѣверѣ Кантонской Губерніи. Здѣсь товары сгружаются на сушу и наемными носильщиками переносятся чрезъ Мэйлинскій — Хребетъ, отдѣляющій Кантонскую Губернію отъ Цзянсійской. Весь горный переходъ не болѣе 60 верстъ, счи-

тая разстояніе отъ вышепомянутаго города до *Нанъ-анъ-фу*, первого города Цзянсійской Губерніи съ юга. Здѣсь снова нанимаются суда, и товары сплавляются на нихъ внизъ по рѣкѣ *Чану* до *Нанъ-чанъ-фу*, главнаго города въ *Цзюнь-си*, на разстояніи 60 верстъ; на первой половинѣ пути, по рѣкѣ попадаетса много пороговъ; въ одномъ мѣстѣ товары оплачиваются пошлиной. *Нанъ-чанъ-фу*, одинъ изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ Китая, расположенъ на рѣкѣ *Чанъ*, впадающей псевдалекѣ отсюда въ озеро *По-ли*. Отъ этого города путь на сѣверъ раздвояется: одни продолжаютъ плыть на Нанкинъ черезъ озеро; другіе, для сокращенія пути, предпочитаютъ сухопутный трактъ, и, нанявъ въ *Нанъ-чанъ-фу* вычужный скотъ, отправляются западнѣе озера *По-ли*, перѣзжаютъ нѣсколько рѣкъ и черезъ 150 в. достигаютъ города *Цзю-цзюнь-фу*, что на правомъ берегу *Янь-цзы-цзюня*. Здѣсь также можно нанимать муловъ и ословъ, кому надобно ѣхать сухимъ путемъ, до самаго Пекина. По переправѣ черезъ *Янь-цзы-цзюнь*, дорога около 650 в. идетъ болѣею-частію губерніей *Янь-хой*, черезъ нѣсколько рѣкъ и по горнымъ мѣстамъ, до города *Сюй-чжоу-фу*, откуда, или озеромъ, или сухимъ путемъ, выѣзжаютъ на Нанкинскій Водяной Трактъ, оставивъ Нанкинъ позади верстахъ въ 250. Тѣ, которые отправляются изъ *Нанъ-чанъ-фу* водой, ѣдутъ на судахъ внизъ по рѣкѣ *Чану* 90 верстъ до Большаго-Рынка, гдѣ входятъ въ озеро *По-ли*; плаваніе по озеру простирается на 90 в. до сѣвернаго устья его, которымъ оно соединяется съ *Янь-цзы-цзюнемъ*; этимъ устьемъ суда входятъ въ рѣку и по теченію ея плывутъ на С.В. до самаго Нанкина; отъ устья *По-ли* считается 400 в. Всего отъ Кантона до Нанкина 1810 в.; изъ нихъ только 60 в. сухимъ путемъ, остальные же всѣ водой. Отъ Нанкина суда идутъ внизъ по теченію рѣки и, вступивъ въ Императорскій-Каналъ, у города *Янь-чжоу*, въ 90 верстахъ отъ Нанкина, выѣзжаютъ на Фуцзянскій Трактъ.

Береговая Кантонская дорога.—Береговой трактъ, отъ Кантона на сѣверъ, не ведетъ прямо на Нанкинъ, а состоитъ изъ частныхъ сообщеній между приморскими городами; преимущественно-же этимъ путемъ посѣщаютъ торговые приморскіе порты. Онъ идетъ кривой линіей, слѣдуя направленію берега и идѣ огибая ненаселенныя мѣста. Дорога отъ Кан-

тона до города *Чань-жюу*, находящагося противъ порта *Ся-мынь* (*Амой*), удаляется отъ берега и идетъ частию Восточной-Рѣкой, частию сухимъ путемъ, на разстояніи 1060 в. Отъ *Чань-жюу* до города и порта *Фу-жюу-фу* берегомъ 330 верстъ. Отселѣ до города и порта *Нинь-бо-фу* берегомъ же 750 верстъ, частию сухимъ путемъ, частию водой. Отъ *Нинь-бо-фу* до послѣдняго порта и города *Шань-хал* береговой трактъ идетъ на *Хань-жюу*, рѣками и каналами, а отсюда, также водой, до *Шань-хал*, на разстояніи 470 в. Всего отъ Кантона до *Шань-хал*, береговымъ путемъ, 2610 верстъ.

Фуцзяньская Дорога.— Между Мэйлипскимъ и Береговымъ путемъ простирается сѣтъ поперечныхъ и продольныхъ дорогъ, соединяющихъ между собою замѣчательныя мѣста этой страны, богатой чаями, шелкомъ и другими произведеніями. Та, которая идетъ отъ *Фу-жюу-фу* на сѣверъ, есть самая важная, такъ-какъ къ ней примыкають, или соединяются съ нею, другіе пути, преимущественно съ чайныхъ плантацій и отъ мануфактурныхъ городовъ. Эта дорога не отличается ни какими удобствами; напротивъ, едва-ли какая-либо другая дорога въ Китаѣ представляетъ столько затрудненій и опасностей для проѣзжающихъ, какъ этотъ Фуцзяньскій Трактъ. Онъ начинается въ городѣ и портѣ *Фу-жюу-фу*, гдѣ садятся на суда и ѣдутъ вверхъ по рѣкѣ *Ву-лунъ-цзюу*, на западъ, 110 в. до мѣстечка *Шуй-коу*; здѣсь многіе сгружаются на берегъ и отправляются далѣе сухимъ путемъ, не удаляясь отъ рѣки; и хотя этотъ путь чрезвычайно гористъ, труденъ и далѣе рѣчнаго, однакожъ предпочитаютъ его, потому-что плаваніе по рѣкѣ, особенно вверхъ, сопряжено съ большими опасностями; рѣка усеяна порогами и стремнинами, такъ-что судовщикамъ надобно имѣть большую опытность и умѣнье, чтобы лавировать между ними; ѣдущіе по берегу, для переноски товаровъ, нанимають носильщиковъ на 300 в. до *Пу-жень-саня*, городка, гдѣ окапчивается и водяной путь; а суда плывутъ вверхъ по рѣкѣ на С.С.З., около 80 в., до города *Янь-пинъ-фу*, среди быстринь и пороговъ; особенно опасенъ порогъ, называемый «Стрѣльчатымъ», въ 50 верстахъ отъ *Шуй-коу*, гдѣ дно усеяно камнями и теченіе воды чрезвычайно быстро: при неосторожности судовщиковъ, суда разбиваются здѣсь въ щепы. Отъ *Янь-пинъ-фу* суда плывутъ сна-

чала на сѣверъ, потомъ на С.В.; въ 5 верстахъ отъ помѣнутаго города есть порогъ, извѣстный подъ именемъ «Темнаго», самое знаменитое по опасностямъ мѣсто въ рѣкѣ *Ву-лунъ-цзянъ*; проѣзжающіе приносятъ здѣсь жертву духамъ. Отъ *Янь-пинъ-фу* до *Пу-чона*, водой, считается 220 верстъ; на всемъ этомъ протяженіи, рѣка также усѣяна порогами; одинъ изъ самыхъ опасныхъ, называемый «Крысынь», находится верстахъ въ 25 подоѣзжая до *Пу-чона*. Всего отъ *Фу-чжоу-фу* до *Пу-чона* 410 верстъ; это пространство внизъ по теченію рѣки проѣзжаютъ дней въ 6, а вверхъ по рѣкѣ — не менѣе какъ въ 17 или 18 дней. Отъ *Пу-чона*, далѣе на сѣверъ, идетъ сухопутный трактъ черезъ горы, отдѣляющіи губернію *Фу-цзянъ* отъ Чжецзянской; въ мѣстечкѣ *Цинъ-ху-чжень* (Чжецзянской Губерніи), во 100 съ небольшимъ верстахъ отъ *Пу-чона*, сухопутный трактъ прекращается и товары снова нагружаются на суда. Наемные носильщики переносятъ багажъ черезъ горы въ три дня, съ платою по 1 р. сер. за три пуда тяжести. Отъ *Цинъ-ху-чжень* плывутъ внизъ по небольшой рѣкѣ до города *Цюй-чжоу*, на разстояніи 56 верстъ (сухимъ путемъ только 40 в.), гдѣ входятъ въ рѣку *Цанъ-танъ*, по которой прибываютъ въ *Ханъ-чжоу*; въ случаѣ медководія въ Цинхучженской рѣкѣ, напимаютъ здѣсь небольшія лодки до *Цюй-чжоу* и въ этомъ послѣднемъ перегружаются на суда. *Ханъ-чжоу* отстоитъ отъ *Цинъ-ху-чжень* въ 340 верстахъ. Небольшая рѣка, о которой упомянуто выше, во время лѣтнихъ жаровъ, мелѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ другихъ стѣняется скалами, а индѣ усѣяна порогами; поэтому многіе предпочитаютъ сухопутный трактъ, тѣмъ-болѣе что онъ короче водянаго. Отъ *Цинъ-ху* до *Ханъ-чжоу* плывутъ шесть дней; столько-же и въ обратный путь. Проѣзжающіе купцы останавливаются обыкновенно на станціи *Цзянь-коу*. По сѣверную сторону города, въ 5 верстахъ отъ него, находится знаменитая во всемъ торговомъ Китаѣ таможня *Бэй-синъ-гуанъ*, т. е. Сѣверная Новая Таможня; здѣсь оплачиваются пошлиной всѣ товары, провозимые съ юга на сѣверъ: чай, ткани и другія естественныя и мануфактурныя произведенія Юговосточнаго-Китаю, равно-какъ и статьи заграничнаго привоза. Чтобы избѣжать выгрузки товаровъ, купцы или отправляютъ со станціи въ таможню факторовъ, которые предъявляютъ чиновникамъ количество и качество товаровъ

своихъ довѣрителей, или сами отправляются въ таможенную съ фактурами и, при помощи подарковъ, избавляютъ свой багажъ отъ наличнаго разбора.

Примѣчаніе. Для образца, предлагаются здѣсь списокъ торговыхъ статей, съ показаніемъ количества пошлины, вносимой за нихъ въ Бэйсиньгуаньской Таможнѣ; замѣтимъ при этомъ, что въ китайскомъ вѣсѣ: Гинъ (собственно *Гинъ* или *Цзинъ*, у Западныхъ Европейцевъ *catty*) равняется 1 фунту 36 золот. $39\frac{1}{20}$ долямъ; Лана (собственно *Ланъ*, у Запад. Европейцевъ *tael, talé*) 16-ая часть гинна = 2 р. $15\frac{1}{20}$ к. сер.; Чинъ (собств. *Цинъ* у Запад. Европ. *taise*) 10-ая часть ланы = $21\frac{16}{20}$ к. сер.; Фынъ (собственно *фынъ*, у Запад. Европ. *sandarine*) 10 часть чинна = $2\frac{8}{33}$ к. сер.; *ли* = $\frac{25}{116}$ к. с.; *хао* = $\frac{5}{232}$ к. с.; *сы* = $\frac{1}{464}$ к. сер.

Кусокъ *атласа*: пошлины — 1 чинъ 3 фына 8 ли. Тоже и сырцовыя ткани.

Кусокъ *бархату*: — 1 ч. 1 ф. 4 ли.

Кусокъ *простой тафты*: — 3 ф. 4 ли, 2 хао.

Кусокъ *цвѣтной тафты*: — 2 ф. 5 ли, 6 хао.

Кусокъ *флѣру*: — 1 ф. 7 ли, 8 сы.

Кусокъ *пемъковаго холста*: — 6 ли, 8 хао.

Кусокъ *бумажнаго холста*: — 5 ли, 8 хао.

Кусокъ *льнянаго холста*: — 6 ли, 8 хао.

Кусокъ *ткацкаго холста*: — 8 ли, 5 хао, 6 ли.

Пара *шелковыхъ сапоговъ*: — 1 ф. 2 ли.

Пара *хотицевыхъ сапоговъ*: — 4 ли.

Гнѣзда *саланганы* (ласточины), за гинъ: — 1 ф. 3 ли, 6 хао.

Ладонъ, за гинъ: — 2 ли.

Яктаръ, за гинъ: — 1 ч. 2 фына.

Издѣлія изъ *слоновой кости*, за гинъ: — 2 фына.

Бамбуковыя столовыя палочки, за десятокъ: — 4 ли.

Гребни, за сотню: — 1 ф. 2 ли.

Золото въ листахъ, за сто листовъ: — 1 ч. 2 ф.

Въера золотеные, за десятокъ: — 8 ли.

Въера, наведенные золотомъ, за десятокъ: — 4 ли.

Бѣлые въера, за десятокъ: — 8 хао.

Перувианскій бальзамъ, за гинъ: — 8 хао.

Варенъя и сласти, за сто гиновъ: — 2 ф. 6 ли, 8 хао.

Табакъ, за гинъ: — 1 ф. 9 ли.

Чай, за гинъ: — 2 лп.

Корень *Женъ-шенъ*, за гинъ: — 1 ч. 4 лп.

Ревенъ, за сто гиновъ: — 2 ланы, 4 фына.

Клей, черепаший и другой, за сто гиновъ: — 4 чина.

Для дальнѣйшаго плаванія, купцы нанимають въ *Ханъ-чжоу* суда до *Янь-чжоу*, отстоящаго отселѣ въ 400 верстахъ. Изъ судовъ предпочитаютъ мелкія, дабы удобнѣе было проходить по рѣчкамъ и каналамъ, запруженнымъ судами. За одно мелкое судно, или лодку, до *Янь-чжоу* платять отъ 4 до 6 руб. сер., не включая расходовъ на харчи лодочникамъ. До *Янь-чжоу* — 5 или 6 дней пути. Отъ станціи *Цзюнь-коу* до таможи считается 15 верстъ; суда, нанятые въ городѣ, проходятъ къ ней или чрезъ Западное-Озеро, или каналомъ черезъ городъ; иные нанимають суда у самой таможни, сплавляя къ ней товары на лодкахъ показанными выше путями. Отъ таможни до *Су-чжоу*, другаго важнѣйшаго города Южнаго-Китаа, считается 175 верстъ. Этотъ городъ принадлежитъ губерніи *Цзюнь-су*; въ 5 верстахъ отъ него на югъ, проѣзжаютъ знаменитымъ каменнымъ мостомъ, имѣющимъ около 70 сажень въ-длину. Въ 15 верстахъ на сѣверъ, товары снова оплачиваются пошлиной. Далѣе, путь идетъ къ *Чженъ-цзюнь-фу*, городу расположенному на правомъ берегу *Янь-цзы-цзяна*. За 15 верстъ до него, есть мѣстечко *Данъ-ту*, гдѣ зимой, отъ убыли воды въ рѣкѣ служащей каналомъ, товары перегружаются съ судовъ на лодки. Отъ *Су-чжоу* до *Чженъ-цзюнь-фу* считается 192 версты. Отъ станціи, на которой останавливаются купцы, 5 верстъ до берега *Янь-цзы-цзяна*, гдѣ переправляются черезъ него; рѣка въ этомъ мѣстѣ шириною 5 верстъ; переправа совершается раннимъ утромъ, во время заштыя, потому-что съ полудня начинается вѣтеръ и на рѣкѣ поднимаются сильныя волны. Для переправы нанимають небольшія лодки, съ платою по 8 или 10 коп. сер. за каждую. На противоположномъ берегу суда пристають у города *Гуа-чжоу*, извѣстнаго по своему огромному рынку. Отсюда, вверхъ по *Янь-цзы-цзяну*, не далеко до Нанкина, а до *Янь-чжоу-фу*, гдѣ сходится дорога изъ Нанкина, всего только 20 верстъ; проѣхавъ мимо *Гуа-чжоу*, суда Трехъ-шлюзнымъ Каналомъ вступаютъ въ Императорскій и прибываютъ въ *Янь-чжоу-фу*.

Нанкинскіе пути къ Пекину. — Въ этомъ-последнемъ городѣ, какъ уже сказано, соединяются дороги Кантонская и Фуцзяньская, и проходятъ товары изъ всѣхъ мѣстъ, которыхъ касаются непосредственно эти два главные пути. Товары оплачиваются пошлиной. Купцы рѣшаютъ здѣсь выборъ дальнѣйшаго пути на сѣверъ, смотря по времени года, или по своимъ надобностямъ. Одни нанимаютъ муловъ и ословъ, и сухимъ путемъ отправляются въ Пекинъ. Другіе, что всего чаще, нанимаютъ вьючный скотъ въ *Цинъ-цзинъ-ту*, на Желтой-Рѣкѣ, во 170 верстахъ отъ *Янь-чжоу-фу* на сѣверъ, гдѣ наемъ скота гораздо дешевле; а туда плывутъ на небольшихъ лодкахъ, по каналу; этотъ способъ гораздо удобнѣе, потому что сухой путь до Желтой-Рѣки труднѣе и дальше водянаго однимъ днемъ; притомъ, при переправѣ черезъ Желтую-Рѣку, надобно платить и за переправу вьючнаго скота. Наконецъ, третьи отправляются каналомъ, который расходится съ сухопутнымъ трактомъ у города *Хуай-аня*; отъ *Янь-чжоу-фу* со сего города плывутъ древнимъ каналомъ, соединяющимъ Желтую-Рѣку съ *Янь-цзы-цзяномъ*. Отъ *Хуай-аня* 20 верстъ до рынка *Цинъ-цзинъ-ту*, гдѣ переправа. Здѣсь дорога снова раздѣляется на двѣ: одна идетъ каналомъ, направо отъ перевоза; другая, направо отъ него — сухимъ путемъ.

Нанкинская дорога въ Пекинъ водой. — Отъ *Цинъ-цзинъ-ту* плывутъ каналомъ 200 верстъ до станціи *Цзэ-гоу*, гдѣ вступаютъ въ Шаньдунскую Губернію, и гдѣ также начинаются шлюзы. Отъ шлюза *Цзэ-гоу* до Наньванскаго 210 верстъ; на этомъ пространствѣ устроено 22 шлюза; Наньванскій замѣчательнъ своимъ центральнымъ положеніемъ; съ этого, относительно возвышеннаго, пункта воды канала принимаютъ различное направленіе: къ Нанкину на югъ, и къ Пекину на сѣверъ; рѣчка *Винъ*, соединяясь съ каналомъ, раздѣляетъ свои воды также на два русла: южное и сѣверное. Вообще, склонъ на югъ простирается до самаго *Гуа-чжоу* или до *Янь-цзы-цзана*, и каналъ, пересѣкая Желтую-Рѣку, уноситъ мутныя воды ея далеко на югъ; а отъ *Янь-цзы-цзана*, вплоть до *Хань-чжоу*, стелется равнина съ тихими и ровными водами. Теченіе воды отъ Наньванскаго шлюза на сѣверъ простирается до самаго *Танъ-цзиня*. У *Линъ-цзинъ-чжоу*, послѣдняго города Шаньдунской

Губерніи, шлюзы прекращаются; отъ Наньванскаго доселѣ считаются 72 шлюза, на пространствѣ 178 верстѣ. Здѣсь каналъ входитъ въ рѣку *Вэй*, по которой суда и доходятъ къ *Тань-цзиню*. Такимъ-образомъ каналъ, съ 92 шлюзами, собственно говоря, проходитъ только Шаньдунской Губерніей. Судя по количеству шлюзовъ по сѣверную и по южную сторону Наньванскаго, и сравнительному протяженію, на которомъ они устроены, легко замѣтить, что склонъ и теченіе воды на сѣверъ несравненно быстрее, чѣмъ на югъ. Отъ медленнаго теченія канала на югъ, происходитъ то, что нѣкоторые шлюзы, по недостаточному количеству воды въ бассейнахъ, отворяются только черезъ день; въ противномъ случаѣ, дно канала, обнажившись, могло-бы повредиться. *Линь-цзинь-жэу* есть торговый городъ, у котораго купеческія суда стоятъ, или плывутъ, цѣлыми рядами. Всѣ провозимые здѣсь товары складываются на Котельномъ-Рынкѣ и оплачиваются пошлиной. Отселѣ до *Тань-цзиня* 474 версты; за 105 верстѣ до этого города есть сухонутный трактъ въ Пекинъ, посѣщаемый въ зимнее время. *Тань-цзинь* есть пунктъ весьма важный въ торговомъ отношеніи; здѣсь сходятся два пути: каботажный—моремъ, и путь каналомъ; товары, какъ китайскіе, такъ и заграничные, стекаются на здѣшнюю пристань во множествѣ и весьма здѣсь дешевы. Привозные товары оплачиваются пошлиной. Отъ *Тань-цзиня* къ Пекину ѣдутъ или сухимъ путемъ, или на судахъ вверхъ по рѣкѣ *Бай-хэ* до пристани *Чжань-цзя-ванъ* — 150 верстѣ (сухимъ путемъ только 92 в.). Суда съ казеннымъ хлѣбомъ, не сгружаясь въ упомянутой пристани, идутъ до *Тунъ-джоу*, отстоящаго отъ нея въ 8 верстахъ; а отсюда казенный хлѣбъ перегружается на меншія суда и сплавляется въ Пекинъ каналомъ съ глухими шлюзами, проведеннымъ изъ столицы въ *Бай-хэ*. Что касается до купеческихъ товаровъ, то они сгружаются на сушу, болѣею частію еще въ *Чжань-цзя-вани*. Отъ этого мѣста расходятся дороги въ разныя стороны: одна идетъ къ *Калгану* на С.З.; другая — въ восточныя ворота Пекина (въ 27 в.); третья — въ юговосточныя ворота его (также въ 27 в.); четвертая, называемая Шаньсійской — въ восточныя ворота купеческой половины столицы. Для провоза своихъ товаровъ въ столицу, купцы начинаютъ

большія двухколесныя телеги, въ которыхъ помѣщается отъ 30 до 66 пудовъ клади.

Нанкинскій сухопутный трактъ въ Пекинѣ. — Сухопутный трактъ отъ *Цинъ-цзянь-пу* начинается по переправѣ черезъ Желтую-Рѣку, въ слободѣ *Ванъ-цзя-инъ*, которая отдѣляется отъ *Цинъ-цзянь-пу* только рѣкой, на разстояніи 2 верстъ. Нанявъ здѣсь муловъ, ословъ и носилки, отправляются вверхъ по берегу рѣки, болѣею частію по береговымъ плотинамъ, до городка *Сюй-цзянь-сяня*, отстоящаго отъ *Ванъ-цзя-ина* въ 82 верстахъ на С.З. Эти прибрежныя мѣста представляютъ пустынную и ненаселенную равнину, гдѣ проѣзжающіе купцы не встрѣчаютъ гостиницъ, столь частыхъ на другихъ дорогахъ, и принуждены останавливаться въ бѣдныхъ хижинахъ, построенныхъ изъ тростника. Такъ-какъ Желтая-Рѣка часто мѣняетъ свое ложе, приближаясь то къ тому, то къ другому берегу; то и нѣтъ здѣсь проложенной и постоянной дороги. Далѣе, на сѣверъ, тянутся ряды низкихъ холмовъ и насыпей; значительныя возвышенія встрѣчаются уже верстъ черезъ 70. Во время дождей, когда Желтая-Рѣка выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ окрестности, сообщенія прекращаются и проѣзжіе принуждены дѣлать дальніе объѣзды. У *Су-цзянь-сяня* сухопутный трактъ встрѣчается съ каналомъ и идетъ восточнѣе его. Въ 54 верстахъ отъ *Су-цзянь-сяня*, вступаютъ въ Шаньдунскую Губернію; отсюда 113 верстъ до городка *Панъ-Чэна*, гдѣ начинается горная дорога, простирающаяся на 252 версты до деревни *Манъ-цунъ*. Отъ *Манъ-цуня* въ 130 верстахъ, у города *Дэ-чжоу*, что на границѣ Чжилійской Губерніи, сухопутный трактъ снова встрѣчается съ каналомъ и, пересѣкши его, идетъ уже западнѣе. Далѣе, 260 верстъ до *Чжо-чжоу*, города нѣкогда славнаго, а нынѣ замѣчательнаго лишь тѣмъ, что болѣея часть дорогъ изъ южныхъ и западныхъ губерній въ столицу соединяются въ немъ. Отъ *Чжо-чжоу* 50 верстъ до моста *Лу-гоу-цзо*, построеннаго черезъ рѣку *Санъ-ганъ-хэ*, а отъ моста 15 в. до западныхъ воротъ Купеческаго Города при Пекинѣ.

Всей дороги отъ Нанкина до Пекина: Каналомъ — 1512, а сухимъ путемъ — 1218 верстъ. Отъ Кантона до Пекина счисляется 3322 версты.

Хугуанская система дорогъ. — Въ Хугуанской системѣ дорогъ, городъ *Ву-чанъ-фу* служить центромъ, къ которому идутъ пути со всѣхъ частей Китая. Этотъ городъ, нынѣ главный въ Хубэйской Губерніи, расположенъ на правомъ берегу *Янъ-цзы-цзана*; противъ него, на другомъ, западномъ или лѣвомъ берегу рѣки, стоитъ городъ *Хань-лянъ*, названный такъ отъ рѣкъ *Ханъ* и *Янъ*, которыя, соединившись здѣсь, впадаютъ въ *Янъ-цзы-цзанъ*; устье ихъ называется *Хань-коу* (устьемъ рѣки *Ханъ*); образовавшаяся здѣсь торговая слобода, называемая, по мѣсту, также *Хань-коу*, извѣстна во всемъ купеческомъ мірѣ китайскомъ, и столько же славна своимъ рынкомъ, на которомъ изобилуютъ произведенія всѣхъ губерній Китая, какъ и Бэйсиньгуанская Таможня.

Хугуанская дорога изъ Сы-чуани. — Съ запада на *Хань-коу* идетъ путь изъ самыхъ отдаленныхъ частей Западнаго-Китая и изъ Сычуаньскаго города *Чанъ-ду-фу* — рѣкою *Янъ-цзы-цзаномъ*. Верховья этой рѣки довольно опасны; во многихъ мѣстахъ, воды ея, стѣсняемая скалами, представляютъ быстрины, а индѣ встрѣчаются и пороги; однакожъ трудности плаванія, особенно вверхъ по рѣкѣ, и дальній путь по ней, не останавливаютъ предприимчивыхъ купцевъ и не препятствуютъ имъ посѣщать западъ Китая, богатый металлами, чаемъ и шелкомъ.

Хугуанская дорога изъ Юнь-нани. — Съ юго-запада идетъ на *Хань-коу* сухопутный трактъ изъ *Юнь-нани*, черезъ Губернію *Гуй-чжоу*, индѣ дикими мѣстами, черезъ горы, и вообще сопряженный часто съ большими затрудненіями и опасностями. У города *Ли-чжоу*, въ 1233 верстахъ отъ *Юнь-нани*, дорога раздѣляется на двѣ: одна идетъ прямо на сѣверъ, къ *Янъ-цзы-цзану*, который находится отселѣ только въ 125 верстахъ; другая склоняется на востокъ, къ озеру *Дунъ-тинъ-ху*, и потомъ соединяется съ первой дорогой у *Янъ-цзы-цзана*, которымъ и спускаются на судахъ къ *Хань-коу*, или, переѣхавъ его, отправляются далѣе къ *Сянъ-лиу*, который отстоитъ отселѣ въ 237 верстахъ.

Хугуанская дорога изъ Гуанъ-си. — Съ юга, на *Ву-чанъ-фу* есть водяной путь изъ губерніи *Гуанъ-си*. Отъ главнаго города ея *Гуй-лингъ-фу* суда плывутъ на сѣверъ 870 в. по рѣкѣ *Сянъ-цзану*, потомъ 110 в. озеромъ *Дунъ-тинъ-ху* и, наконецъ, по *Янъ-цзы-цзану* до *Хань-коу* — 250 верстѣ.

Отъ *Хань-коу* на сѣверъ идутъ два пути: одинъ — въ Пекинъ и весь Сѣверный-Китай, другой — въ *Си-ань-фу* и прочіе сѣверо-западные города Китая.

Хугуанская дорога въ Пекинъ. — Купцы отправляются въ столицу сухопутнымъ трактомъ, на наемномъ вьючномъ скотѣ; во 165 верстахъ отъ *Хань-коу*, у заставы *Ву-шенъ-гуанъ*, что на границѣ Хэнаньской Губерніи, начинается тѣсная и трудная дорога по горамъ и черезъ множество горныхъ потоковъ, на разстояніи 45 в., до города *Синь-ля*; далѣе идутъ 370 в. Хэнаньской Губерніей до Желтой-Рѣки; при переправѣ черезъ нее, за каждаго вьючнаго мула платятъ по 10 коп. сер. Отъ перевоза считается 84 в. до *Вэй-хой-фу*, одного изъ самыхъ торговыхъ городовъ въ Китаѣ; по центральному положенію своему, онъ служитъ какъ-бы факторіей въ торговлѣ между югомъ и сѣверомъ, сѣверозападомъ и сѣверовостокомъ Китая. Отъ этого города до границы Чжиданьской Губерніи — 145 в.; далѣе 208 в. до *Чжэнь-динъ-фу*, города черезъ который проходитъ дорога изъ столицы въ Западные Губерніи. Отсѣлъ на С.В. 142 в. до *Бао-динъ-фу*, потомъ 95 в. до *Чжэнь-жэю*, гдѣ сходятся сухопутный трактъ изъ Нанкина; далѣе 65 в. до Пекина. Всего отъ *Ву-чанъ-фу* до столицы — 1319 верстъ.

Хугуанская дорога въ сѣверозападные города Китая. — Отъ *Хань-коу* на С.З. дорога идетъ на городъ *Сян-ля*, отстоящій отъ нея въ 365 верстахъ. Отъ *Сян-ля* далѣе двѣ дороги: одна — къ *Си-ань-фу*, въ *Шань-си*, другая — въ *Гань-су*. Идущіе въ *Си-ань-фу*, плывутъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ *Хань* 90 в. до городка *Гуанъ-хуа*, а отсюда сухимъ путемъ 467 в. до *Си-ань-фу*. — По другой дорогѣ, отъ *Сян-ля* плывутъ вверхъ по рѣкѣ *Хань* 1130 в., до городка *Мань-сянъ*, гдѣ пересѣкаютъ прямую дорогу изъ *Сы-чу-ани* на сѣверъ; отсѣлъ 80 в. сухаго пути до переправы черезъ рѣку *Цзю-минъ*, отдѣляющую *Шань-си* отъ *Гань-су*; далѣе 335 в. до города *Гунъ-чанъ-фу*. Изъ *Мань-сянъ* доселѣ идутъ большею частію горными ложами, хотя этотъ путь и труденъ; лѣтомъ и осеніемъ ложа отъ дождей наводняются, а зимой дорога дѣлается скользкою. Купцы, идущіе въ *Сы-чуань* съ товарами, или для закупки ихъ въ этой губерніи, осенью и зимой отправляются изъ *Сян-ля* на югъ къ *Янь-цзы-цзыку*, и на наемныхъ судахъ плывутъ вверхъ по этой рѣкѣ; а весной и лѣ-

томъ, во время разлива рѣкъ, отправляются на небольшихъ лодкахъ по рѣкѣ Ханъ въ Мянъ-сянъ, отсюда сухимъ путемъ на западъ къ Янпинской-Заставѣ и, сѣвши здѣсь снова на суда, плывутъ по рѣкѣ Цзю-лину въ Сы-чуань.

Дорога изъ Си-анъ-фу въ Гунъ-чанъ-фу. — Въ Гунъ-чанъ-фу, Сянъянскій Трактъ соединяется съ дорогой изъ Си-анъ-фу на западъ. Изъ этого послѣдняго города дорога идетъ сначала 157 в. до Ци-шанъ-сяня, гдѣ встрѣчается дорога изъ Сы-чуани въ Си-анъ-фу; потомъ до Луннихъ-Горъ 85 в., а отселѣ 300 в. до Гунъ-чанъ-фу.

Дорога изъ Сы-чуани въ Си-анъ-фу. — Изъ Сы-чуани идетъ особый трактъ на сѣверъ къ Си-анъ-фу. Отъ Чанъ-ду-фу ѣдутъ сухимъ путемъ 560 в. до Чаодунскаго-Хребта; далѣе дорога пролегаетъ, на разстояніи 65 в., среди его отроговъ, до Удинскаго-Ущелья, откуда 75 в., также горами, до Мянъ-сяня; изъ этого перекрестнаго мѣста идутъ дороги: въ Гунъ-чанъ-фу на С.З., въ Сянъ-янъ на В., и въ Синъ-фу на С.; по послѣдней, отъ Мянъ-сяня 40 в. до города Бао-чена. Далѣе, въ 4 верстахъ отъ него, начинается знаменитый переѣздъ по Мостовой Дорогѣ, проложенной по вершинамъ горнаго хребта, на протяженіи 160 в., въ направленіи на С.З. Она названа такъ потому, что обложена деревомъ, и что черезъ горныя обрывы перекинуты деревянные мосты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заведены гостиницы, въ другихъ замѣняютъ ихъ горныя пещеры, гдѣ крестьяне, разведя огонь, ожидаютъ проезжающихъ. Дорога дѣлается ровною уже въ 240 в. отъ Бао-чена, у городка Фынъ-сяня; отселѣ на протяженіи 70 в. путь идетъ на востокъ по другой мостовой, называемой «Облачною», и въ городкѣ Ци-шанъ соединяется съ Сянъской Дорогой на западъ. Далѣе до Си-анъ-фу — 150 верстъ.

Примѣчаніе. Мы упомянули о дорогахъ отъ Ханъ-коу и Сянъ-яна на сѣверо-западъ потому, что, со-временемъ, этотъ трактъ можетъ сдѣлаться столь же посѣщаемымъ, какъ самые торговые пути въ Китаѣ. Въ настоящее время, торговля на сѣверо-западѣ Китая находится пока въ положеніи застоя и далеко не такъ обширна, какъ было нѣкогда; оттого, и существовавшія на этомъ трактѣ таможи нынѣ упразднены. Но если благоприятныя обстоятельства снова разовьютъ торговыя сношенія на сѣверо-западѣ Китая, то естественный путь изъ восточныхъ

и юго-восточныхъ частей его въ эту страну, болѣе-или-менѣе примыкаетъ къ Хугуанскому или Сянъянскому тракту, и по удобству взаимныхъ сообщеній южныхъ дорогъ, въ частой сѣти ихъ открываются на сѣверо-западъ путевыя линіи изъ всѣхъ губерній; такимъ-образомъ, Кантонскій Трактъ соединяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ Хугуанскимъ. Отъ Нанкина до *Сян-ля* путь извѣстенъ и часто посѣщаемъ; простирается онъ на 890 в.; Отъ *Хой-чжоу-фу* (въ губерніи *Ан-хой*), одного изъ богатѣйшихъ складочныхъ мѣстъ чая, до *Хань-коу* два пути: одинъ — водой въ 805 в., другой — сухимъ трактомъ и частію горами, въ 600 верстъ. — Всѣ пути на западъ, проходящіе чрезъ *Си-ань-фу*, *Хань-коу*, *Сян-ля* и *Мань-ся*, соединяются въ *Гунь-кань-фу*. Близъ этого города начинается пограничная линія и древніе рынки *Ди-дао*, *Хэ-чжоу* и *Си-нинь*, гдѣ производилась и производится мѣновая торговля: чаемъ съ одной стороны и лошадьми — съ другой; чрезъ него же проходятъ дороги въ Тибетъ, Туркестанъ и Или; посему *Гунь-кань-фу* долженъ занять въ торговыхъ сношеніяхъ Китая вообще, и западной его части въ-особенности, одно изъ первыхъ мѣстъ. Не менѣе долженъ быть важенъ городъ *Си-ань-фу*, древній *Чань-ань*, столица нѣсколькихъ китайскихъ династій и нѣкогда центръ торговыхъ и политическихъ сношеній на всемъ сѣверо-западѣ. Ему, какъ кажется, суждено быть складочнымъ мѣстомъ для сѣверо-западной и частію сѣверной торговли Китая, или, по-крайней-мѣрѣ, имѣть по отношенію къ ней такое же значеніе, какое имѣетъ Пекинъ по отношенію къ торговлѣ на сѣверѣ, и Шаньсѣйскій *Тай-юань-фу* къ торговлѣ съ Россіей.

О Каботажномъ плаваніи Китайцевъ — Обозрѣвъ торговые пути по Китаю, не излишнимъ считаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о торговомъ плаваніи Китайцевъ моремъ, прежде-чѣмъ скажемъ что-либо о торговыхъ путяхъ въ въ заграничныя владѣнія Китая. Впрочемъ, намъ не много предстоитъ сказать объ этомъ предметѣ; новѣйшія путешествія къ берегамъ Китая и гидрографическія съемки, произведенныя отъ Кантона до *Фу-чжоу-фу*, на счетъ Остѣ-Индской Англійской Компаніи, достаточно знакомятъ съ самыми важными прибрежными пунктами Китая, которые посѣщаются купеческими судами. Что касается до другихъ береговъ Китая и плаванія къ нимъ, то имѣющіяся объ нихъ извѣстія недо-

статочны, какъ у Европейцевъ, такъ и у Китайцевъ. Ограничимся немногими указаніями.

Плаваніе по Китайскому-Морю. — Извѣстно, что плаваніе около береговъ Китая сообразуется съ направленіемъ муссоновъ: весной и лѣтомъ — юго-западнаго, а осенью и зимой — сѣверо-восточнаго; соответственно физическому очертанію береговъ Китая, первый принимаетъ направленіе на С. и С.В. послѣдній — на Ю. и Ю.З. Въ началѣ весны и осени, при смѣнѣ муссоновъ, плаваніе по Китайскому-Морю весьма опасно, ибо въ это время свирѣпствуютъ бури и частые морскіе вихри, извѣстные подъ именемъ тифоновъ. Впрочемъ, плаваніе отъ Кантона до *Шан-хай* гораздо безопаснѣе и спокойнѣе, чѣмъ отъ *Шан-хай* далѣе на сѣверъ до Чжидійскаго-Залива включительно; причиною сему полагаютъ то, что юго-восточные берега Китая защищены множествомъ острововъ, которые умѣряютъ напоръ буръ и быстроту морскихъ отливовъ, тогда-какъ сѣверные берега его обнажены и беззащитны отъ того и другаго. Другой бичъ для торговыхъ мореходовъ китайскихъ — морскіе разбойники, отъ коихъ Китай до-сихъ-поръ не можетъ освободиться; плываая по протяженію всего берега Китая, они пристають на время отдыха къ уединеннымъ островамъ, которые повтому всѣ на счету у китайскихъ мореходовъ.

Песчаные мели. — Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ отъ *Шан-хай* до Чжидійскаго-Залива представляютъ песчаные мели, заслоняющія устье Желтой-Рѣки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и вѣроятно образовавшіяся отъ наносовъ поминутой рѣки. Такъ-какъ онѣ не нанесены на европейскія карты, то мы помѣщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе.

Пески простираются въ морѣ, съ запада на востокъ, пятью полосами неодинаковой длины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прерываясь, образуютъ они небольшіе перекрестные и продольные фарватеры, хорошо знакомые морскимъ разбойникамъ; Китайцы называютъ ихъ *Ву-то-ша*, или «Пятиполосными-Песками». Эта песчаная мель, во время морскаго прилива, потопляется водой на такую глубину, что суда могутъ свободно проходить черезъ нее; но въ отливъ, суда, увлеченныя теченіемъ отъ берега на мель, осаживаются на отмельные пески и немѣ-

нужно погибаютъ; а течение отлива здѣсь тѣмъ быстрее и сильнее, что берега не защищены островами могущими приостанавливать его. Прибрежные жители здѣшнихъ мѣстъ, наученные опытомъ, строятъ для плаванія плоскодонныя суда, который въ отливъ счастливо избѣгаютъ опасности, скользя по пескамъ, слегка покрытымъ водою, тогда-какъ дюжныя лодки, съ выпуклымъ дномъ и продольными обручами, глубоко врѣзываются въ пески и разбиваются морскими волнами. Китайскіе мореходы въ-точности не опредѣляютъ, на какое разстояніе простирается въ море эта печальная отмель; но судя по тому, что большія суда, отправляющіяся съ здѣшнихъ береговъ на сѣверъ, сначала плывутъ прямо на востокъ цѣлыя сутки, чтобы обогнуть мель, можно полагать длину ея съ запада на востокъ въ $1\frac{1}{2}$ градуса, а можетъ быть и до высоты Шаньдунскаго Мыса.

Китайскіе порты. — Стоитъ также особеннаго замѣчанія чрезвычайно-выгодное положеніе китайскихъ портовъ, вновь открытыхъ для европейской торговли, оттого-что къ нимъ болѣе-или-менѣе примыкаетъ непрерывная цѣпь сообщеній со Внутреннимъ Китаемъ. У Кантона стекаются съ разныхъ сторонъ три рѣки, какъ три пути внутрь страны. Противъ *Самтшан*, или *Амол*, Фуцзинскій городъ *Танг-чжоу* принимаетъ въ себя нѣсколько дорогъ съ сѣвера и запада и сообщается съ моремъ сухимъ путемъ и водой. На западъ отъ *Фу-чжоу-фу*, городъ *Янь-тин* сообщаетъ этотъ портъ съ губерніею *Цзян-си* и сѣверомъ Китая. Отъ *Нинъ-бо-фу* на западъ есть городъ *Хой-чжоу-фу*, имѣющій самое счастливое положеніе въ центрѣ путей, идущихъ къ нему со всѣхъ сторонъ; онъ сообщается съ *Нинъ-бо-фу* сухимъ путемъ и рѣками. Между портами *Нинъ-бо-фу* и *Фу-чжоу-фу* есть приморскій городъ *Ванг-чжоу* (подъ 28° шир.); судя по его положенію, столь же выгодному какъ и положеніе *Фу-чжоу-фу*, вѣроятно, онъ легко можетъ сдѣлаться портомъ; впрочемъ мы не вполне знаемъ прибрежную его мѣстность. Последний портъ, *Шанъ-хай*, имѣетъ ближайшее сообщеніе съ *Янь-цзы-цзюмол* и каналами перекрещивающимися эту сторону Китая; съ сѣвера находится онъ недалеко отъ города *Су-чжоу*, съ юга — отъ *Ханг-чжоу*. Изъ пристаней на сѣверномъ берегу Китая можно упомянуть о приморскомъ городѣ *Данг-чжоу*, въ Шаньдунской Губерніи, и *Ганг-цзинг* — въ Чи-

лѣйской. Известно, что Чжилѣйскій-Заливъ не глубокъ; одна-
комъ въ устьѣ рѣки *Бэй-хо*, ведущей къ *Гилъ-чунгу*, входятъ
суда въ 300 тоннъ. О другихъ берегахъ Чжилѣйскаго-Залива
известно только то, что около нихъ есть множество мелой и
песчаныхъ косъ.

Морская торговля Китайцевъ съ островами.—Китай-
цы ведутъ морскую торговлю, хотя не обширную, съ Японіей,
островами *Лю-цзю*, Сундой, Кохинхиной, Сіамомъ и Индіей;
торговля ихъ на Южномъ-Морѣ значительнѣе, чѣмъ на Во-
сточномъ. Обстоятельства, чисто политическія и ошибка Ки-
тайскаго Правительства давно уже разъединили Японію и
Китай, и поставили взаимную торговлю этихъ двухъ коммер-
ческихъ государствъ въ неопредѣленное положеніе, въ кото-
ромъ она находится и понынѣ. Между-тѣмъ, торговый
классъ въ Китаѣ вовсе не чуждается связей съ иностранца-
ми: однѣ неосновательныя опасенія Китайскаго Двора заграж-
даютъ входы и выходы для заграничной торговли, внушая
народу глубокое недовѣріе ко всему иностранному, вопреки
интересамъ и желаніямъ торговаго и промышленнаго класса
Китайцевъ.

Примѣчаніе. Китайцы вели морскую торговлю съ давнихъ
временъ. Владѣя компасомъ, они плавали къ японскимъ остро-
вамъ и *Лю-цзю*; можно даже подозрѣвать, что, хотя случайно,
они заходили далеко и къ островамъ Тихаго-Океана; ибо, если
справедливо, что мансъ, найденный въ Китаѣ съ давнихъ
поръ, есть уроженецъ Америки и слѣдовательно привезенъ
въ Китай съ востока: то естественно предполагать древнія
связи Китайцевъ или съ Америкой, или съ Гавайскими-Остро-
вами. Равнымъ образомъ легко могло статься, что какіе-
нибудь китайскія суда увлечены были бурей, или теченіемъ
моря, далеко на востокъ и въ послѣдствіи времени возврати-
лись въ Китай съ пагубнымъ вѣтромъ; это тѣмъ вѣроятнѣе,
что, по замѣчанію китайскихъ мореходовъ, за Японіей и *Лю-цзю*
морское теченіе направляется на востокъ. Гораздо известнѣе
древнія сношенія Китайцевъ съ южно-морскими островами
Сунды; въ здѣшнемъ морѣ они плавали какъ по своимъ вассаль-
нымъ владѣніямъ: ибо, кромѣ торговыхъ отношеній, южно-мор-
скіе острова были къ Китаю отношенія политическія и по тому
самому считались его владѣніями. Подобному какъ на во-

стои́тъ Китайцы могли ранѣе Европейцевъ познакомиться съ Новымъ-Свѣтомъ, такимъ же образомъ на юго-востокъ имъ возможно было издавна приставать къ берегамъ Новой-Голландіи. Плаваніе Китайцевъ въ южныхъ моряхъ простиралось отъ Борнео и Явы къ Суматрѣ, потомъ къ Цейлону, Коромандельскому-Берегу и устьямъ Ганга, — путь, который и нынѣ по-сѣщается китайскими торговыми судами.

II. ДОРОГИ ВЪ КИТАЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

О торговыхъ путяхъ во владѣнія Китая купеческіе дорожники китайскіе не говорятъ ничего. Заимствуемъ нѣсколько указаній по этому предмету у китайскихъ путешественниковъ. Мы разумѣемъ подъ именемъ китайскихъ владѣній: Маньчжурію, Монголію, Западный-Край и Тибетъ.

Дорога въ Маньчжурію. — Торговля сношенія Китая съ Маньчжуріей, особенно-же съ внутренними ея областями, приобрѣли нѣкоторое значеніе лишь съ недавняго времени. Такъ-какъ населеніе ея состоитъ преимущественно изъ поколѣній бродячихъ, еще не образующихъ гражданскихъ обществъ, то и торговыхъ путей въ ней еще мало, да и тѣ, какіе есть, несомнѣнъ извѣстны. Изъ Китая нуть въ Маньчжурію идетъ отъ Пекина къ С.В. на Шанхайгуанскую-Заставу въ Великой-Китайской-Стѣнѣ. Эта застава, служащая воротами въ Маньчжурію, отстоитъ отъ столицы въ 315 верстахъ и расположена на узкой полосѣ земли, съ юга омываемой водами Чжилійскаго-Залива, а съ сѣвера огражденной высокими горами. Отсюда до *Мукдена* сухимъ путемъ считается 395 в.; далѣе 120 в. до городка *Кай-жань*, по близости котораго проходитъ ивовая изгородь, отдѣляющая Ляодунскую Область отъ собственной Маньчжуріи. Отсель 8 станцій, или переѣздовъ, до города *Гириня*, стоящаго на рѣкѣ *Сунгари-ула*; здѣсь есть вервь, гдѣ строятъ суда для сообщенія по рѣкѣ съ различными пунктами. Несмотря на то, что Гириня есть главный городъ въ области этого имени, онъ не пользуется такимъ торговымъ значеніемъ, какъ *Нингута*. До этого города отъ Гириня дорога идетъ на востокъ черезъ лѣсистый хребтъ

и каменную возвышенность; разстоянія между этими двумя городами 7 дней пути, или 7 перевозовъ. *Нингута* расположена на рѣкѣ *Аму*, которая впадаетъ въ Амуръ, вытекала изъ Чанъбошаньскихъ-Горъ. Положеніе этого города внутри страны, въ смежности съ Кореей и съ племенами занимающимися звѣринымъ промысломъ, даетъ ему особенную важность въ торговомъ и политическомъ отношеніи; въ настоящее время онъ служитъ средоточіемъ торговли всей Внутренней Маньчжуріи, и китайскіе путешественники замѣчаютъ примѣтное развитіе торговыхъ сношеній въ этихъ странахъ. Мѣновая торговля производится Китайцами съ полудикими племенами обитающими по берегамъ Амура.

Примѣчаніе. Амуръ у Китайцевъ не носитъ, какъ у Русскихъ, одного названія; отъ границъ Россіи на Ю.В. до того мѣста, гдѣ соединяется съ нимъ Сунгари-ула, онъ называется у Маньчжуровъ *Сахалын-ула*, а у Китайцевъ — *Хэй-лунъ-цзля*, низовье же его отъ соединенія съ Сунгари-улой на востокъ называется у нихъ *Хун-тунъ-цзля*. По сказаніямъ китайскихъ писателей, по сѣверную сторону Сахалын-улы, или верховья Амура, обитаютъ *Солони* и *Дахури*, а по южную сторону его — племена: *Сибо*, *Гуама* и *Барху*; далѣе, по южную сторону *Хун-тунъ-цзля*, или низовья Амура — племена: *Хэйжэ* и *Кіла*, называемые «Собачьими», потому-что употребляютъ собакъ для вѣды; ближе, на Ю.З. — *Хейжэ*; еще ближе — *Хурха*; послѣднія три племени носятъ у Китайцевъ названіе «Лѣсныхъ», или «Рыбокожныхъ», потому-что онѣ дѣлаютъ одежду изъ рыбьей кожи. Страны, обитаемыя ими, изобилуютъ соболями, черными лисицами, бобрами, бѣлками, соколами; орлами, рыбою и морскими раковинами. Люди этихъ племенъ ежегодно пріѣзжаютъ въ Нингуту съ данью. По лѣвую, или сѣверную, сторону *Хун-тунъ-цзля* живутъ племена *Орогновъ*: ближе — конные, далѣе — оленные. Самыя отдаленныя племена суть *Килеръ* и *Філа*, обитающіе на *Кузи* (вѣроятно — *Тараканъ*) и другихъ островахъ; по отдаленности своего жилья, посланцы ихъ не могутъ пріѣзжать въ назначенное время въ Нингуту, а собираются, разъ въ годъ, въ мѣстечкѣ *Пу-му-санъ*, въ 150 верстахъ отъ Нингуты. Всѣ эти племена, и по образу жизни, и по потребностямъ, и по произведеніямъ ихъ страны, имѣютъ очевидно сходство, если не сродство, съ племенами Сѣ-

верной-Америки. Посему, въ видахъ будущей торговли съ Маньчжуріей, любопытно припомнить здѣсь статьи мѣшъ, доставляемыя въ Сѣверную-Америку опытными промышленниками Гудзонбайской-Компаніи. Слѣдующій списокъ ихъ помѣщенъ въ Коммерческомъ Словарѣ Гидьомена и составленъ на Сандвичевымъ-Островахъ:

1. Шерстяныя одѣяла, зеленого цвѣта съ черными бордюрами.
2. Сукно красное и голубое, 2-го и 3-го сорта.
3. Сукно грубое темноглубаго цвѣта.
4. Шотландская матерія (plaid stuff).
5. Фланель красного, желтаго и голубаго цвѣтовъ.
6. Широкий бумажный холстъ (cotton sheeting).
7. Бумажные платки.
8. Шотландская ткань (cotton plaid) хорошихъ цвѣтовъ.
9. Ситцы хорошихъ рисунковъ и доброты.
10. Равендукъ (кресчатый), какъ на подпругахъ.
11. Нитки красного, голубаго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ.
12. Рубашки: изъ красной фланели, полосатой бумажной ткани и обыкновенныя бѣлыя.
13. Чулки, вязанные изъ этомскихъ нитокъ (worsted).
14. Мужскія перчатки (mittens), шерстяныя или бумажныя.
15. Башмаки, особенно армейскіе (ammunition shoes).
16. Ружья хорошія, королевскія (king's arms) и охотничьи.
17. Порохъ.
18. Ружейныя пули.
19. Дробь.
20. Кремни.
21. Патронташи.
22. Молотки съ черенками.
23. Топоры (setting axes) съ топорницами.
24. Ручныя пилы, дачинныя и косы.
25. Удочки.
26. Фаянсовая посуда, только не бѣлая.
27. Матросскіе ножи.
28. Обыкновенныя ножички.
29. Ножницы большаго размѣра.
30. Швейныя иглы.
31. Маленькіе наперстки.

32. Перламутровыя пуговицы съ дырочками.
33. Небольшія зеркала.
34. Чугунная прсуда разной величины.
35. Блюда жестяныя.
36. Румяна.
37. Свистки разной величины.
38. Стеклянныя бусы краснаго, желтаго, или темноголубаго цвѣта.
39. Рись.
40. Патока (на половину съ морской водой).
41. Ромъ (на половину съ водой).
42. Листовой табакъ.
43. Мыло.
44. Чемоданы, крытые краснымъ сафьяномъ, съ широкими мѣдными вставками.
45. Китайскіе чемоданы изъ камфорнаго дерева, съ гвоздями и бляхами.

Китайцы, мало знакомые съ внутренними племенами Маньчжуріи, пока еще не приспособились къ ихъ вкусу; одну изъ главныхъ статей ихъ сбыта составляютъ шелковыя ткани и готовыя платья.

Дороги въ Монголію. — Пути изъ Китая въ Монголію проходятъ черезъ заставы, учрежденныя по всей линіи Великой-Стѣны. Изъ аймаковъ Внутренней, или прилегающей къ границамъ Китая, Монголіи, восточныя сообщаются съ Китаемъ двумя заставами: *Си-фынъ* и *Гу-бэй*. Дороги черезъ заставы: *Ду-ши*, *Чжанъ-цзя* и *Ша-ху* ведутъ въ городъ *Чэнъ-дэ*, къ Чахарамъ и *Гуй-хуа-чэну*. Въ этихъ мѣстахъ замѣчательны въ торговомъ отношеніи пункты: *Долонъ-норъ*, *Калганъ* и *Куку-хотонъ*. Ордою смеженъ съ западной *Шанъ-си* и опоясанъ съ сѣвера Желтой-Рѣкой, съ юга — Великой-Стѣною; главные пути къ нему проходятъ черезъ три заставы: на востокъ — *Плжъ-гуанъ*, на югъ — *Юй-линъ*, на западъ — *Нинъ-си*. Все пространство Монголіи исчерчено дорогами, или почтовыми (казенными), или торговыми (караванными), или частными, т. е. такими, которыми сообщаются между собой монгольскіе аймаки. Отъ Калгана и Куку-хотона дорога на сѣверъ раздѣляется, въ *Сайръ-усу*, на двѣ другія, изъ коихъ одна идетъ въ Ургу, другая — на С.З. въ Улясутай.

Примѣніе. Долохъ-норъ, Калганъ и Куку-хотонъ, суть мѣста Монголіи пользующіяся особенною извѣстностію. *Долохъ-норъ* (Семь-Озеръ), мѣсто лѣтняго пребыванія одного некинскаго кутухты, въ 250 верстахъ отъ столицы и не вдалекѣ отъ нѣкогда знаменитаго *Жо-хо*, сообщается съ Восточной и Сѣверовосточной Монголіей. *Каманъ* (Ворота), при заставѣ *Чжанъ-цз-хоу*, въ 200 верстахъ отъ Пекина, есть торговая слобода, оживляемая торговлей Китая съ Россіей, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ поддерживающая и укрѣпляющая торговля связи Монголовъ съ Китайцами. Чай, привозимые съ юга къ *Чжанъ-цз-ванъ* моремъ и каналомъ, а къ Пекину Хугуанской дорогой, отсюда-же доставляемые въ Калганъ, и далѣе по Монголіи черезъ Ургу въ Кяхту, провозятся на волахъ въ одноколкахъ; за Великой-Стѣной поселились цѣлыя деревни Шаньсійцевъ, занимающихся перевозкою чаевъ. *Куку-хотонъ* (Зеленый-Городъ), названный такъ по близъ лежащему древнему кургану, извѣстному подъ именемъ Зеленой-Могины въ 580 верстахъ отъ Пекина, 150 — отъ Великой-Стѣны и 460 — отъ Шаньсійскаго города *Ди-тунъ-фу*, по сношеніямъ своимъ съ Монголіей еще важнѣе двухъ первыхъ пунктовъ. Китайское вліяніе утвердилось здѣсь съ самыхъ давнихъ временъ, такъ-что въ настоящее время на западъ отъ этого городка, въ направленіи къ Желтой-Рѣкѣ, существуетъ по Линіи особое племя *Хабсуреа*, помѣсь Китайцевъ и Монголокъ. Хабсурга занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и живутъ не въ юртахъ, а хижинахъ. Кромѣ кирпичнаго чая, главной статьи торговли Китайцевъ съ Монголами, изъ Куку-хотона расходятся по всей Монгольской-Степи просо, листовой и нюхательный табакъ, тисненый холстъ на занавѣсы въ юртахъ, и нѣкоторыя мелкія вещи.

По другую сторону Гоби, въ *Урл*, или *Куренъ*, пребываніе кутухты Чжэбцзунъ-Дамбы (послѣ Далай-Ламы и Банчэнь-Ламы перваго лица въ ламскомъ мірѣ) и присутствіе Монгольскаго Лагеря, Пограничнаго Управленія и конторъ китайскихъ купцевъ, торгующихъ въ Кяхтѣ, образовало значительный рынокъ для торговли между Китайцами и Монголами. Здѣсь особенно примѣтно развитіе торговли чаемъ; по недостатку серебра, мелкая мѣна производится на число кирпичей чая и на чайныя ассигнаціи въ 2, 3, 4, и болѣе, кирпича. Кредитъ этихъ чайныхъ билетовъ простирается до самой Кяхты.

Большіе обороты и счёты перелгаются на ящики кирпичнаго чая (каждый ящикъ цѣнится въ 8 или 10 р. сер.).

Почти вся торговля съ Монголіею находится въ рукахъ Шаньсійцевъ, тѣхъ самыхъ, которые пользуются и монополіею торговли съ Русскими. Эти сѣверяне Китая, достойные соперники своихъ южныхъ соотечественниковъ въ дѣлѣ торговли, отличаются особенною предприимчивостію и промышленностію. Между тѣмъ какъ торговые дома въ *Тай-кант* и *Фин-жоу* отправляютъ Россію обозы съ чаемъ, заказываемыми на югѣ Китая, другіе Шаньсійцы, пользуясь соседствомъ Монголіи, или понуждаемые бѣдностію страны, проникаютъ, съ произведеніями земледѣлія и мелкой промышленности, въ глубину монгольскихъ степей, или заводятъ пастбища на пастбищныхъ лугахъ, или занимаются извозомъ по Монголіи, или переселяются съ семействами въ Кобдо и Улясутай. Можно съ вѣроятностію предположить, что современемъ, благодаря Шаньсійцамъ, одна только Гоби останется степью; а пастбищныя мѣста, прилегающія къ ней съ юга и сѣвера, потерявъ кочевой характеръ, населятся осѣдымъ народомъ.

Переѣздъ по Монголіи вовсе не такъ труденъ, какъ можно думать, судя по свойству степныхъ мѣстъ и предубѣжденію Китайцевъ, которые, по природѣ и многолѣтнему навыку къ осѣлости, питаютъ глубокое отвращеніе къ кочевой жизни. Сличая сказанія русскихъ и китайскихъ путешественниковъ, можно видѣть, что Гоби, или Пустынная-Степь, поднимается съ юга, начиная отъ Пекинской-Долины, тремя уступами; съ сѣвера, отъ Русской Границы—четырьмя. По этой возвышенной степи проходятъ съ востока песчаная полоса, прерывающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и разширяющаяся къ западу; это только и есть трудный переѣздъ на Монгольской-Степи. Что касается до другихъ неудобствъ: недостатка дѣла для топила, и воды, то въ первомъ не оказывается особенной нужды, при замѣнѣ его другимъ топливомъ, а послѣднюю, какъ доказано и китайскими путешественниками, можно находить во всѣхъ мѣстахъ Монголіи, при небольшой степной опытности.

Дорога въ Западный Край. — Дорога въ Западный-Край идетъ на Ганьсускій городъ *Су-жоу*, извѣстный по своимъ запаснымъ магазинамъ на случай войны на Западѣ, и отстоящій въ 940 верстахъ отъ *Пун-кан-фу*, черезъ который идутъ на

занадъ дороги изъ всего Китая. На З.С.З. отъ *Сун-мун*, въ 37 верстахъ, находится застава *Цзюй-гуан*, расположенная въ проходѣ между двумя горами. Отсель до самаго *Хами*, на протяженіи 755 в., простирается степь, прекращающаяся только за 15 в. до этого города; въ *Хами* устроены казенныя хлебныя магазины. Далѣе идутъ двѣ дороги: одна въ Чжунгарію, другая въ Туркестанъ.

По дорогѣ въ Чжунгарію, путь идетъ, черезъ восточную отрасль Небесныхъ Горъ, на *Баркулъ*, въ 165 верстахъ отъ *Хами*. Отъ *Баркула* на З. до *Уруми*, города замѣчательнаго тѣмъ, что въ войну съ Чжегангиромъ, сюда переведены были магазины военныхъ снарядовъ, считается 604 в.; далѣе, 282 в. до *Хурь-хара-усу*, а отъ сего-послѣдняго 408 в. до *Или*, или *Гульжи*. На сѣверъ въ *Тарбагатай*, или *Чучучакъ*, можно ѣхать или изъ Гульжи на С.В. (760 в. пути), или, не доѣзжая съ востока 25 в. до *Хурь-хара-усу*, уклониться на С. къ Чучучаку (370 в.). Отъ *Тарбагатай* считается 406 в. до *Бухтармы*, и 350 в. до *Кобдо*, Или и Кобдо раздѣляются Иртышемъ.

Дорога въ Туркестанъ отъ *Хами* идетъ на *Турфанъ* — 600 верстъ. Отъ этого города есть трактъ на С.З. черезъ хребетъ *Бодо-ола* въ *Уруми* — 245 в.; а на Ю.В. — другой трактъ черезъ Пичанскую Область къ озеру *Лобнору*, откуда идетъ, впрочемъ мало посѣщаемый, путь къ Тибету. Отъ *Турфана* на Ю.З. 450 в. до *Харашара*; отъ этого города на Ю.В. простираются топи и степи; а на С.З. есть трактъ, черезъ рѣку *Чжундусъ* и хребетъ *Наратъ-дабаханъ*, къ юговосточной границѣ Или. Отъ *Харашара* 320 в. до города *Бугура*, замѣчательнаго тѣмъ, что близь него устроена черезъ топи земляная насыпь — единственный проходъ съ З. на В. Далѣе, до *Куча* 150 верстъ; на Ю.В. отъ этого города простираются топи и тростниковыя болота. Отъ *Куча* 325 в. до *Аксу*, города весьма важнаго въ сообщеніяхъ по Туркестану. Отъ него идутъ четыре дороги: восточная — въ *Хотанъ*; сѣверная, черезъ Мусуръ-дабаханъ — въ *Или*, на разстояніи 615 в.; западная — на *Ушъ*, 120 в.; отъ *Уша* есть новый трактъ въ *Или*, 600 в., удобнѣе Мусуръ-дабаханскаго; отъ *Уша* же, черезъ степь, 350 в. до *Кашгара*. Средняя дорога изъ *Аксу* идетъ на Ю.З. Въ *Баркулъ*, въ 290 верстахъ отъ *Аксу*, дорога эта раздвояется: одна идетъ прямо въ *Кашгаръ*, другая —

въ *Яркентъ*, 380 верстъ. На Ю.В. отъ Яркенда 405 в. до *Хотана*; на С.З. — 170 в. до *Ингишара*; отъ сего-последняго 85 в. до *Кашгара*. Отъ Кашгара на С.З. идетъ дорога въ *Коканъ*, черезъ *Алай*, или вершину Болорскаго-Хребта; до перваго отрога горъ считается 150 в.; далѣе 110 в. до большаго хребта; потомъ 55 в. до третьяго перевала; отсюда 295 в. до города *Марасана*; отъ него 50 в. до *Кокана*. По всей этой дорогѣ есть трава, вода и дрова. Другой путь на западъ идетъ отъ Ингишара къ Ю.З. на *Сырыкулъ*, и потомъ спускается въ *Бадахшанъ*, отстоящій на 850 в. отъ Ингишара.

Призываніе. Въ Западномъ-Краѣ достойна особеннаго замѣчанія подоса земли, по которой протекаетъ рѣка *Тарымъ*, и гдѣ озеро *Лобноръ* служитъ вмѣстилищемъ водъ всего Туркестана. Озеро это лежитъ среди песчаныхъ равнинъ; южный берегъ его низокъ и покрытъ кучами деревьевъ; любопытные изъ китайскихъ путешественниковъ, поднявшись на нихъ, усматривали на югѣ безчисленное множество небольшихъ озеръ, въ двѣ или три версты въ окружности. Лобноръ принимаетъ въ себя рѣку Тарымъ, въ которую впадаетъ съ сѣвера *Хайдуголь*; обѣ эти рѣки судоходны, особенно послѣдняя. Отъ Лобнора на Ю.В. простираются пустынные степи и склоныя цѣпи горъ, тянущіяся отъ Хухунора до самаго Турфана; эта естественная граница раздѣляетъ туркестанскія степи на восточныя и западныя, или возвышенныя и низменныя; въ первыхъ голыя горы и сухая степь; въ послѣднихъ — болотныя равнины, топи, поросшія тростникомъ и камышомъ и пересѣкаемыя песчаными полосами, или гоби. Эти низменные равнины, взятые вмѣстѣ, образуютъ между Хотаномъ, Кучемъ, Харашаромъ и Турфаномъ, впадину склоняющуюся къ Лобнору.

Путь въ Западный-Краѣ знакомъ Китайцамъ съ давнихъ временъ; имъ проходили посланцы, торговые люди и буддійскіе монахи. По указаніямъ Китайской Исторіи, сношенія Китая съ Западомъ въ прежнія времена были обширнѣе чѣмъ нынѣ, особенно съ Туркестаномъ и за-Болорскими странами; нынѣшняя Или, или Чжунгарія, была посѣщаемъ Китайцами сравнительно меньше чѣмъ Туркестанъ, ибо первая населена была преимущественно кочевыми племенами, тогда-какъ Туркестанъ имѣлъ осѣдлыхъ обитателей. Есть также сказанія, что

Хотанская Область и прилежащія къ ней страны, нынѣ болѣе или менѣе пустынные, задолго до Р. Х. славились плодородіемъ земли и богатою природою, такъ-что, за два вѣка до Р. Х., переселилась сюда колонія Индѣйцевъ, привлеченныхъ богатствомъ страны. Физическіе перевороты, долженствовавшіе совершиться съ того времени до IV вѣка по Р. Х., измѣнили видъ страны: вмѣсто плодородныхъ равнинъ явились пустыни. Надобно также полагать, что съ VI вѣка до позднѣйшихъ временъ, природа Туркестана, съ теченіемъ времени дѣлалась все пустыннѣе, а песчанѣе полоса Монгольской Гоби все болѣе-и-болѣе подвигалась и расширялась на западъ; поэтому мѣста, гдѣ нѣкогда были цѣлыя владѣнія, нынѣ представляютъ видъ песчаныхъ и каменныхъ полосъ; даже дороги, пролежавшія изъ Китая на западъ, чрезъ эти владѣнія — или вовсе покинуты, или посѣщаются весьма рѣдко.

Въ прежнія времена, въ Западныхъ Странахъ изъ Китая было два пути, расходившихся въ разныя стороны изъ *Гуа-чжоу*, что въ 200 в. отъ заставы *Цзюй-гуань* на западъ; одинъ шелъ прямо съ Хотану на З., другой — къ Пичану на С.З.

Дорога на Хотанъ направлялась сначала отъ *Гуа-чжоу* на Ю.З. и пролегла степью, гдѣ нѣкогда былъ Шиньшаньское Владѣніе, на разстояніи 500 в.; потомъ, въ томъ же направленіи, шла 500 в. владѣніемъ *Цзюй-лю*; далѣе склонялась на З., 300 в., до Песчаной-Стени; затѣмъ, на пространствѣ 200 в., сыпучими песками, доходила до восточной границы Хотанскаго Владѣнія; отсель на З. она вела въ Хотанъ, на разстояніи 260 в. Отъ Хотана дорога направлялась на Яркендъ, черезъ ущелье, на разстояніи 550 в.; а отъ Яркенда на С.З., черезъ Песчаный-Хребетъ, на Кашгаръ, 250 верстъ. Отъ Кашгара, какъ и нынѣ, было двѣ дороги: одна шла въ Коканъ, нынѣшнимъ трактомъ; другая — на Ю.Ю.З., сначала на древній Ушъ, 250 в., черезъ дикія горы и каменную степь; потомъ черезъ восточную отрасль Луковаго-Хребта, 400 в.; далѣе 500 в. къ вершинѣ Памирской Возвышенности, или къ озеру Сырыкулю, черезъ снѣжныя и ледныя горы; наконецъ, 350 в., спускалась въ нынѣшній Кундузъ, трудными проходами и горными спусками.

Другая дорога, склонявшаяся на С.З. отъ Гуа-чжоу, шла сначала, 150 в., до Махайской-Стени, или западнаго протяженія монгольской Шамо; потомъ, въ томъ же направленіи,

Матайской-Стеню 400 в.; далѣ шла между Ю.З. и З. къ нынѣшнему Пичану, на разстояніи 333 верстъ. Отъ Пичана дорога шла на З. черезъ Гаочанское, или Уйгурское Владѣніе, 830 в., до Куча; отсюда, черезъ небольшую степь, 300 в. на З.; а потомъ на С.З., черезъ Каменистую-Степь, 150 в., до *Мусурь-дабахана*, или Ледяного-Хребта. Этими горами, путешественники ѣхали на З.С.З., подъ жестокими горными ураганами, 200 верстъ, до нынѣшняго озера *Тузкула*, близъ котораго обиталъ, въ свое время, Ханъ Турковъ. Отселѣ путь лежалъ на С.З., 250 в., до торговаго городка называвшагося *Чуй*, по рѣкѣ *Чуу*, на которомъ онъ стоялъ. Китайскіе путешественники говорятъ, что этотъ городокъ былъ рынкомъ, куда стекалось много купцовъ и варваровъ, и что такихъ городковъ, или рынковъ, было въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣсколько десятковъ. Отъ Чуйскаго городка на З., считалось 200 в. до *Тысли-Источниковъ*, или долины окаймленной съ юга послѣдними острогами Болорскаго-Хребта. По мнѣнію китайскихъ географовъ, этой долиной оканчивается насѣверѣ *Джуконь*, или Болорской, хребетъ; здѣсь же, въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х., Ханъ Турковъ имѣлъ лѣтнее пребываніе. Въ 75 верстахъ на З. отъ *Тысли-Источниковъ*, былъ городъ *Таласъ*, вѣроятно на нынѣшней рѣкѣ того же имени. Отъ сего мѣста дорога шла сначала на Ю.З., 100 в.; потомъ на Ю., 25 в., въ городъ *Нуши-аки* (Нушкендъ?); потомъ на З. въ древній *Шанъ*, стоявшій при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, 100 в.; а отсюда, наконецъ, въ Коканъ и Самаркандъ.

Дорога, описанная нами и пролегавшая на Тузкулъ, не была исключительно посѣщаема только тѣми путешественниками и караванами, которые шли къ бассейну Сыръ-и Аму-Дарьи; этимъ трактомъ путешествовали также и въ Индію изъ Китая, потому что ближайшая дорога черезъ Туркестанъ, при частой смѣнѣ владѣній и даже народовъ, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ, и при вліяніи тибетскихъ государей на Туркестанъ, не всегда была доступна или безопасна для путешественниковъ. Замѣтимъ также, какъ доказываетъ предложенный выше очеркъ древнихъ путей въ Западномъ-Краѣ, что въ-древности, изъ Средней-Азіи было три главныхъ пути черезъ Болорскія-Горы на западъ, именно при нынѣшнихъ урочищахъ: Сырыкулъ, Алаѣ и Тузкулъ, а не два, какъ догадываются европейскіе ученые.

Дорога въ Тибетъ. — Изъ собственнаго Китая въ Тибетъ ведутъ три дороги: Шаньсйская — изъ *Са-нина*, Сычуаньская — изъ *Да-цзинь-лу*, и Юньнаньская; послѣдняя проходитъ черезъ Аву и труднѣе первыхъ двухъ: ее посѣщаютъ только предпріимчивые купцы. Изъ другихъ двухъ дорогъ, болѣе посѣщаемая Сычуаньская, несмотря на то, что она гористѣе Шаньсйской и представляетъ затрудненія, какихъ нѣтъ на послѣдней; но для Китайцевъ, любящихъ во всемъ осѣдлость, она имѣетъ то преимущество, что съ границъ Китая вводитъ ихъ прямо во владѣнія Тибета, тогда какъ сѣверная дорога идетъ сначала степями, гдѣ кочуетъ народъ монгольскаго племени. Поэтому, замѣчаетъ Вэй-юань, одинъ изъ новѣйшихъ писателей китайскихъ, намѣстники, посылаемые въ Тибетъ и возвращающіеся оттуда, проѣзжаютъ Сычуаньской дорогой; равнымъ-образомъ, посланцы тибетскіе съ данью и купцы съѣзжаются въ *Да-цзинь-лу*. Вдѣшняя страна, продолжаетъ Вэй-юань, высока и холодна. Городъ *Да-цзинь-лу* стоитъ на горѣ и служитъ какъ-бы оплотомъ противъ западныхъ инородцевъ. Отъ него на 3. путь идетъ черезъ рѣку *Я-лунъ-цзинъ* въ *Митанъ*, 370 в.; потомъ 240 в. до *Батана*, откуда имѣются сообщенія съ Сининскимъ и Юньнаньскимъ трактомъ. Отъ Батана не болѣе 50 в. до *Чжалдо*, или, какъ обыкновенно называютъ его, Передняго-Тибета; здѣсь сходятся также Сининская и Юньнаньская дороги. Далѣе, дорога prosegue черезъ нѣсколько снѣжныхъ хребтовъ, и только во 150 верстахъ отъ Хлассы дѣлается ровнѣе и спокойнѣе; отъ Батана до Хлассы считается 1760. верстъ.

Шаньсйская дорога, начинаясь отъ *Са-нина*, сначала идетъ древнимъ трактомъ къ Хухунору; во 150 верстахъ отъ границы, у горы *Куку-тологал* (Зеленоглавая) она соединяется съ Монгольской, или той, по которой монгольскіе пилигримы путешествуютъ на поклоненіе Далай-Ламѣ, въ Хлассу. Монголы выходятъ изъ своихъ кочевьевъ къ Алатаускому Хребту; отсюда, направляясь на Ю.В., обходятъ заставу *Цзунъ-гуанъ* съ запада, и потомъ идутъ кочевьями Хухунорскихъ Монголовъ. Отъ Куку-тологалъ до границъ собственнаго Тибета путь проходитъ безлѣсной степью; однакожъ почти вездѣ есть трава и вода. По этой дорогѣ, какъ и по Сычуаньской, и почти во всей Средней-Азіи, господствуютъ заразные туманы,

опасныя, особенно въ зимнее время. Отъ *Си-ни* до Хлассы считается 1666 верстъ.

Отъ Хлассы идутъ дороги въ разныхъ направленіяхъ: къ *Таджа-мунбо*, мѣстопробыванію Банчанъ-Ламы (420 в.); къ озеру *Тенгри-мору*, что на сѣверной границѣ Тибета (205 в.); въ *Друмба*, полуиндѣйское владѣніе, гдѣ господствуетъ религія Красношапочныхъ Ламъ (520 в.); въ западныя области Тибета, *Ладакъ* и другіе города; во владѣніе *Балбо*, находящееся въ юго-западномъ углу Тибета; и, наконецъ, въ *Горкинское* Владѣніе. Въ эти дороги, хорошо извѣстныя китайскимъ географамъ, болѣею частию гористы и въ извѣстныя времена года непроходимы.

Примѣчаніе. Въ Тибетѣ, говоритъ Вэй-юань, дороги весьма часто пролегли черезъ горы, покрытыя вѣчными снѣгомъ; такихъ горъ въ этой странѣ чрезвычайно много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тропа идетъ около снѣжныхъ и ледяныхъ трещинъ, въ нѣсколько саженой глубиною, куда часто нападутъ путешественники и вьючный скотъ; съ вершины горъ скатываются нерѣдко огромныя какъ города лавины снѣгу; во время вьюги, съ горъ наносятъ цѣлыя тучи снѣгу, съ которыми далеко не могутъ сравниться самыя обильныя снѣга, низнобываемыя небомъ. Когда путники бываютъ застигнуты въ тибетскихъ горахъ подобною непогодою, то слѣзаютъ съ коней и двигаются впередъ, кто какъ можетъ, иные на четверенькахъ, между тѣмъ какъ усталый скотъ падаетъ и издыхаетъ на мѣстѣ; поэтому, горныя дороги въ Тибетѣ устныя косями животныхъ. Беда по горамъ и долинамъ Тибета удобна только лѣтомъ и осенью; впрочемъ, и лѣтомъ не всегда безопасно путешествовать въ путь, потому что въ это время ледъ въ горахъ таетъ, и вода, стекая по горнымъ скатамъ, наполняетъ низменныя мѣста и прекращаетъ сообщенія. Къ этому присоединяются заразные туманы, а въ Восточномъ Тибетѣ и морозное гусицое, на которое сильно жалуются китайскіе путешественники.

Съ сѣвера, кромѣ пути изъ Монголіи на Куку-тологай, существуютъ еще двѣ дороги въ Тибетъ: одна — черезъ *Хотанъ*, другая — изъ *Аркенда*; впрочемъ, китайскіе купцы, какъ кажется, вовсе не посѣщаютъ этихъ трактовъ, предоставивъ

ихъ Кашмирцамъ, Коканцамъ и Туркестанцамъ, которые, вѣроятно, не безъ пользы для себя, подтверждаютъ слухи о чрезвычайныхъ трудностяхъ и опасностяхъ этого пути. Главною препоною на немъ есть Кунылунскій-Хребетъ (*Дунду-мунъ* по-монгольски значить «преграда»), покрытый ледяными свѣгами и простирающійся неприступной стѣной отъ Яркенда до Хотана. Дороги въ Тибетъ огибають этотъ хребетъ: одна — съ запада, изъ Яркенда въ *Няри*; другая — съ востока, изъ Хотана въ *Хлассу*; обѣ онѣ чрезвычайно гористы, такъ-что проѣзжающіе часто проводятъ въ пути по нѣскольку мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Исторія представляетъ одинъ замѣчательный примѣръ смѣлаго похода изъ глубины Чжунгаріи въ Хлассу, черезъ Хотанскую Область. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, когда вся Средняя и Восточная Азія, Китай, Тибетъ и Монголія вооружились на Чжунгаровъ, а Туркестаны и Киргизы оказывали явную къ нимъ вражду, и, наконецъ, на Русской Границѣ усиливались сторожевые посты, Цзяванъ-Рабтанъ, тогдашній ханъ этого воинственнаго и храбраго племени, рѣшился сдѣлать новую попытку завладѣть Тибетомъ, надѣясь, быть-можетъ, спасти въ этой странѣ самобытность и независимость своего народа. Цзяванъ-Рабтана не останавливало то обстоятельство, что путь изъ Чжунгаріи въ Тибетъ лежалъ чрезъ непріязненныя ему страны; что съ востока сторожила его Китайцы и Хухунорскіе Монголы, съ запада — Туркестанцы, а Тибетскій Государь Лацзамъ укрѣпляетъ всю сѣверную границу Тибета, оставивъ незащищеннымъ одинъ трактъ къ Тэнгрову, такъ-какъ путь къ нему съ сѣвера считался непроходимымъ для войска, и такъ-какъ это озеро ограждается съ сѣвера сплошною цѣпью горъ, чрезъ которыя есть одинъ только проходъ, названный подъ именемъ «Места на желѣзныхъ дѣлкахъ». Цзяванъ-Рабтанъ, разсчитывая впередъ на такую неосторожность Лацзана, въ ноябрѣ 1716 года отправилъ въ Тибетъ отрядъ въ 6000 человекъ отборнаго войска, подъ предводительствомъ Цзярѣна-Дундоба, съ приказаніемъ обратиться къ Хлассѣ, черезъ Тэнгринорскій-Проходъ. Положительно неизвѣстно, гдѣ шелъ Дундобъ съ своимъ отрядомъ до Хотанской Области; но надобно думать, что онъ прошелъ чрезъ Аксу. Вступивъ, затѣмъ, въ Хотанскую Область, Дундобъ укла-

нился въ горы, чтобы миновать степныя мѣста, гдѣ обитаетъ народъ монгольскаго племени; опасаясь, чтобы здѣсь не открыли его отряда и не дали о томъ вѣсти китайскимъ карауламъ, онъ шелъ только ночью, а днемъ скрывался въ глубокихъ долинахъ. Въ дальнѣйшемъ пути своимъ отрядъ Чжунгаровъ долженъ былъ потерѣть много отъ суроваго времени года и отъ трудныхъ переходовъ черезъ снѣжныя горы, подъ вліяніемъ заразительныхъ тумановъ и при недостаткѣ провіанта. Наконецъ, въ августѣ 1717 года, черезъ девять мѣсяцовъ послѣ того какъ отправился изъ Джунгаріи, отрядъ вышелъ къ Тенгринору.

Намъ слѣдовало-бы, въ-заключеніе, обозрѣть пути изъ Китая въ остальныя страны, подвластныя или считающіяся подвластными ему, именно—въ *Корею* и *Аннамъ*; но, кромѣ голыхъ названій городовъ и мѣстечекъ, встрѣчающихся на пути въ помянутыя владѣнія, мы не находимъ у Китайцевъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній по этому предмету. Въ сочиненіяхъ Вэй-юаня, на котораго мы имѣли уже случай ссылаться, есть нѣсколько замѣчаній о дорогѣ въ *Сіамъ*; но авторъ говоритъ о ней мимоходомъ и замѣчаетъ только, что въ Сіамъ пріѣзжаютъ обыкновенно рѣкой, протекающей отъ сѣвера: главная цѣль Вэй-юаня есть изысканіе путей въ Индію.

Примѣчаніе. Вэй-юань, вооруженный противъ Англичанъ глубокою ненавистію, составилъ планъ, какъ дѣйствовать Китайскому Правительству для отраженія вліянія ихъ на Китай. Онъ признаетъ полезнымъ между прочимъ: 1) Учредить въ Кантонѣ училище для изученія европейскихъ языковъ, дабы, переводомъ на китайскій языкъ и чтеніемъ европейскихъ журналовъ и книгъ, постоянно слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. 2) Допустить въ китайскіе порты русскіе торговые корабли, для совмѣстничества съ Англичанами. 3) Поощрять Горкинцевъ къ нападенію на англійскія владѣнія въ Индіи. 4) Наконецъ, въ случаѣ нужды, отправить въ Индію войска съ разныхъ пунктовъ. По поводу этого послѣдняго соображенія, Вэй-юань замѣчаетъ, что дороги въ Индію есть и изъ Тибета, и изъ Китая. Самый западный путь идетъ изъ тибетской области Нгари внутрь Индіи, на разстояніи 1000 в. Другой путь, отъ Чжаши-лунбо на Ю.З., идетъ въ Восточную

Индію по границамъ владѣній Брукба и Балбо. Изъ Китая путь въ Индію начинается съ крайней оконечности Юнь-нани; но такъ-какъ отсюда прямо на западъ обитаютъ Красноволо- сые Дикари, то, для обхода ихъ, дорога раздѣляется на двое: одна идетъ къ Тибетской Границѣ и оттуда уже проникаетъ въ Индію; другая идетъ сначала къ югу, на Аву, а потомъ на западъ въ Индію (Восточную). Путь въ Среднюю Индію изъ Юнь-нани, черезъ Тибетъ, простирается на 1600, а чрезъ Аву—на 2550 верстѣ. По мнѣнію Вэй-юаня, если Красноволосые Дикари будутъ подвластны Китаю, то прямой путь въ Индію, черезъ ихъ страну, будетъ недалѣе какъ въ 900 съ небольшо- шимъ верстѣ. Этотъ путь весьма возможенъ: еще въ-древ- ности, одинъ государь династїи Хань намѣревался идти имъ противъ Даховъ (народа обитавшаго на западъ отъ Кашмира). Затѣмъ, Вэй-юань предлагаетъ отправить въ Индію, юньнань- ской дорогой, 10,000 отборнаго войска, для опустошенія план- таціи опиума, и употребить въ дѣло ненависть Бирманцевъ къ Англичанамъ. Кромѣ-того, заключаетъ онъ, въ Ти- бетѣ можно строить суда и на нихъ отправлять войска по рѣкѣ Са-лу-спу въ Мартабанъ, а изъ этого порта, моремъ, въ Индію.

III. РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ НѢКОТОРЫМИ ВАЖНѢЙШИМИ МѢ- СТАМИ ВЪ КИТАѢ И ЕГО ВЛАДѢНІЯХЪ.

	верстѣ.
Отъ Кантона до Нанкина	1818
Отъ Нанкина до Пекина: водой.	1512
— — — — — сухимъ путемъ	1210
Отъ Пекина до Кяхты	1500
Отъ Фу-чжоу-фу до Нанкина	1318
Отъ Нанкина до Сянъ-ана	890
Отъ Хой-чжоу-фу до Ханъ-коу: водой	805
— — — — — сухимъ путемъ	600
Отъ Гуй-линг-фу (Гуанъ-си) до Ханъ-коу.	1230
Отъ Юнь-нанъ-фу до Сянъ-ана	1597
Отъ Ханъ-коу до Пекина	5565
Отъ Ханъ-коу до Сянъ-ана.	311
Отъ Сянъ-ана до Си-анъ-фу	397

Отъ Пекина до Си-ань-фу.	1267
Отъ Сянь-яна до Мань-сяня	1130
Отъ Чань-ду-фу до Мань-сяня	700
Отъ Мань-сяня до Гунь-чань-фу.	415
Отъ Си-ань-фу до Гунь-чань-фу	542
Отъ Гунь-чань-фу до Цзя-юй-гуаня	977
Отъ Цзя-юй-гуаня до Хали	755
Отъ Хали до Куйтуна.	1026
Отъ Куйтуна до Тарбагатай	370
Отъ Тарбагатай до Бухтармы	406
Отъ Куйтуна до Хурь-хара-усу	25
Отъ Хурь-хара-усу до Или	408
Отъ Или до Тарбагатай.	750
Отъ Хали до Аксу.	1845
Отъ Аксу до Или	615
Отъ Аксу до Уша	120
Отъ Уша до Или.	600
Отъ Аксу до Яркенда	670
Отъ Яркенда до Хотана.	405
Отъ Яркенда до Кашгара.	255
Отъ Кашгара до Кокана.	660

ВЪ ОКТЯБРЬ 1848 ГОДА.

ЗАСЛУГИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПО ЧАСТИ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ
ВОЗНАНІЙ О РОССИИ И ПОГРАНИЧНЫХЪ СЪ НЕЮ
ЗЕМЛЯХЪ АЗИИ.

К. М. БѢРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Довершивъ разсказъ объ экспедиціяхъ Петра-Великаго къ восточнымъ границамъ Государства, во взаимной ихъ связи между собою, и изложивъ непосредственные ихъ результаты, повѣствованіе наше приняло столь обширный размѣръ, что трудно возвратиться въ прежніе предѣлы.

Отодвинемся теперь на западъ и начнемъ съ блистательнаго, всѣми просвѣщенными народами прославленнаго обогащенія Географіи, которымъ наука эта обязана непосредственно первому нашему Императору и юному его флоту: я разумѣю свѣдѣнія объ истинномъ видѣ Каспійскаго-Моря и удостовѣреніе, что большія рѣки Средне-азиатской Степи, Сиръ и Амударья, не впадаютъ въ это море.

Можетъ показаться баснословнымъ, но тѣмъ-не-менѣе достоверно, что до Петра ученый міръ вовсе не зналъ Аральскаго-Моря, и что Каспійское-Море на картахъ почти всегда означалось по свѣдѣніямъ собраннымъ въ Африкѣ за полторы тысячи лѣтъ, а именно—по Птоломею Александрійскому. Изъ совершенно-невыѣрныхъ географическихъ положеній его выведено было, что Каспійское-Море должно имѣть эллиптическій видъ, съ направленіемъ длиннѣйшей оси отъ востока на западъ. Такъ начерталъ его *Берлингери* въ XV, но преимущественно *Меркаторъ*, отецъ новѣйшей географіи, въ XVI вѣ-

кѣ; и данная ими этому морю форма повторялась во всѣхъ изданныхъ въ-послѣдствіи географическихъ картахъ*.

Объ Аральскомъ-Морѣ и рѣки не было, а потому естественно возникъ вопросъ: не было-ли занимаемое Каспійскимъ-Моремъ пространство во время Птолемея столь обширно, что заключало въ себѣ и Аральское-Озеро, при чемъ большія рѣки, названныя древними Араксомъ и Оксомъ, нынѣ Сиръ и Аму, должны были впадать въ это нераздѣльное море, по положительному увѣренію Древнихъ. Однакожъ, между настоящимъ западнымъ берегомъ Аральскаго и восточнымъ берегомъ Каспійскаго-Моря находится плоская возвышенность древняго образованія — Усть-Уртъ, которая не могла быть покрываемая водою, если-бы даже поверхность Каспійскаго-Моря и была гораздо выше нежели теперь; такъ-что на югъ только отъ этой плоскости, при высшей поверхности моря, можно было-бы допустить узкое соединеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло представить видъ эллипса. Досто-вѣрно также, что Аравитяне, въ цвѣтущее время своей литературы, почитали Аральское-Море отдѣльнымъ, и по ихъ мнѣнію, впадали въ него обѣ большія степныя рѣки; по ихъ же словамъ, Каспійское-Море протягивалось болѣе отъ сѣвера на югъ нежели отъ востока на западъ. Но эти данныя обнаружались лишь въ повѣйшее время изъ арабскихъ сочиненій. Средніе вѣка и начало новой литературы въ Западной Европѣ не обратили на нихъ вниманія и положились на показанія Грековъ и Римлянъ. Англійскій путешественникъ *Дженкинсонъ*, который въ 1558 году ѣздилъ чрезъ Москву, Астрахань и Мангышлакъ въ Ургенджъ (древнюю Хиву) и Бухару, вмѣсто-того-чтобы исправить старыя ошибки, самъ впалъ въ новое, весьма важное заблужденіе. Онъ узналъ, что большая хивинская рѣка Аму (древній Оксъ) впадаетъ, теперь по-крайней-мѣрѣ — не въ Каспійское-Море, а въ озеро лежащее на сѣверъ (именно Аральское). Это на сѣверъ отъ Ургенджа

* Карта *Берлингера* издана въ атласъ приложенномъ къ сочиненію *Hottaire de Hell: Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Russie méridionale etc.* Странно, что *Hottaire de Hell* вовсе не упоминаетъ объ атласѣ Меркатора, по которому обыкновенно изображалось Каспійское-Море въ-теченіе нѣлаго вѣка.

находящееся озеро почиталъ онъ за одно съ озеромъ, изъ котораго, по древнимъ русскимъ извѣстіямъ, вытекаетъ Обь (нынѣ Иртышъ), то-есть принялъ его за озеро Зайсанъ-Норъ. По его мнѣнію, Оксъ и рукавъ его Ардокъ, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ мпль, текутъ подъ землею и изливаются въ это китайское озеро. Столь важное недоразумѣніе естественно должно было еще болѣе запутать понятія объ этой водной системѣ, тѣмъ-болѣе что Дженкинсонъ и Аму-то почиталъ за притокъ Сира *.

Свѣдѣнія эти столько же мало выиграли и чрезъ голыштинское посольство въ Персію, въ первой половинѣ XII вѣка, слѣвавшееся извѣстнымъ по описанію его *Олеаріемъ*. Хотя и убѣдились, что протяженіе Каспійскаго-Моря отъ Астрахани до Астрабата болѣе нежелп отъ востока къ западу; но какъ Аральское-Море все еще оставалось неизвѣстнымъ, и прежній предразсудокъ о впаденіи Оксуса и Яксарта въ Каспійское-Море сохранялся, то Географія и отъ этого путешествія не подвинулась впередъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, *Юаннъ Струйсъ*, или *Страусъ* (по южно-германскому нарѣчію), путешествовавшій по Азін въ-теченіе 26 лѣтъ, издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ столько вымышленнаго и невѣрнаго, что оно не могло заслужить никакого довѣрія. Къ нему приложена карта Каспійскаго-Моря, которая болѣе всѣхъ прежнихъ приближается къ истинѣ; но и на нее не стали полагаться, по недостатку въ основательности всего сочиненія, которое по-видимому составлено изъ темныхъ воспоминаній. Въ-самомъ-дѣлѣ, и самая карта какъ-бы основана на разсказахъ: иначе устье Яика не могло-бы приттись въ первой третѣ восточнаго берега, а Эмбы — на половинѣ его **.

Доказательствомъ, какъ мало достовѣрны были эти-последнія извѣстія, можетъ служить карта Каспійскаго-Моря изданная въ 1700 году *Демилемъ*-Старшимъ, Королевскимъ Географомъ, при помощи всѣхъ имѣвшихся тогда, по его мнѣнію, основательныхъ свѣдѣній. Ширина моря на ней почти рав-

* Сравни. карту которая составлена самимъ Дженкинсономъ, или по его указанію, и срисована въ вышепомянутомъ атласѣ *Hommaire de Hell*'а.

** Карта эта также помѣщена въ атласъ *Hommaire de Hell*'а.

няется его длинѣ, западный берегъ изображенъ довольно вѣрно, но зато восточный — совершенно ложно и принимаетъ въ себя какъ Сигунъ, такъ и Гигунъ, или Сиръ и Аму. Аральское-Озеро и здѣсь не значится особо *.

Въ Россіи-же, по-крайней-мѣрѣ лѣтъ за сто до того, знали уже о существованіи Аральскаго-Озера. Въ книгѣ Большому Чертежу ** называется оно Синимъ-Моремъ, и въ это Синее-Море непосредственно впадаетъ Сиръ-и посредственно — Аму-Дарья; то-есть Аму впадаетъ въ Арзасъ, или Аргазъ, образующій стокъ изъ Синяго-Моря (Аральскаго-Озера) въ Хвалынское (Каспійское). Поэтому, Арзасъ есть тоже самое, что называли «старымъ русломъ,» или «западнымъ истокомъ» рѣки Аму. Однакожъ, изъ свѣдѣній имѣвшихся у Русскихъ объ Аральскомъ-Озерѣ, въ географическія сочиненія Западной Европы не перешло ничего положительнаго, несмотря на то, что въ началѣ XVII вѣка нѣкоторые ученые, какъ, на-примѣръ, *Исаакъ Масса*, и имѣли у себя копіи съ Большаго Чертежа ***.

Итакъ, вотъ на какой точкѣ остановилось знаніе водной системы большой Западно-азиатской Стени, когда Петръ-Великій призналъ необходимымъ пріобрѣтеніе болѣе точныхъ о ней свѣдѣній. Необходимость эта возникла въ-слѣдствіе того, что послѣ неудачнаго Прутскаго Похода, Азовъ со всѣмъ своимъ округомъ возвращенъ былъ Туркамъ, а Таганрогъ и другія незначительныя укрѣпленія по Азовскому-Морю скрыты и тѣмъ отрѣзаны отъ Россіи моря Азовское и Черное. Между-тѣмъ пріобрѣтена была значительная часть Балтійскаго Берега, и Петръ рѣшился сохранить ее, несмотря на упорное сопротивленіе Швеціи; тѣмъ-не-менѣе Государство и на югѣ не должно было лишиться торговли. Каспійское-Море представляло къ тому выгоды, которыхъ еще долго нельзя было

* Histoire et Mémoires de l'Academie de Paris. 1700.

** Книга Большому Чертежу. Изданіе 1838 года; ст. 71, 72, 156.

*** Кое-гдѣ мелькаетъ неясное свѣдѣніе объ Аральскомъ-Озерѣ на картахъ XVII вѣка; точно такъ и въ наше время нѣкоторые филологи принимаютъ древній *Palus Oxiatus* за Аральское-Озеро. Но въ наиболѣе употребительныхъ книгахъ и картахъ вообще замѣтно полное отсутствіе Аральскаго-Озера до времени Петра.

ожидать отъ Чернаго-Моря. Плаваніе по немъ Русскихъ было въ то время весьма ограничено. Кромѣ плаванія по сѣверному берегу для рыбной ловли, Русскіе доходили только до мыса Тюкъ-Карагана, для мѣновой торговли съ собиравшимися туда Туркменами, разбой которыхъ препятствовали Русскимъ достигать Хивы и Бухары. Съ Персією также производилась торговля, но большею-частію караванами, чрезъ Дагестанъ и Шарванъ, и на этомъ пути часто подвергалась нападеніямъ. Морской путь прямо изъ Астрахани къ персидскимъ портамъ совершенно прекратился, по-крайней-мѣрѣ для Русскихъ, со времени бунта Стеньки Разина (1667—1671). Даже Армяне и Индѣйцы, которые въ концѣ XVII вѣка поселились въ Астрахани и были торговыми посредниками между Русскими и Персіянами, по-видимому не провозили своихъ товаровъ водою *. Предложеніе сдѣланное Петру, въ самомъ началѣ его царствованія, въ 1691 году, хивинскимъ посломъ — о томъ чтобы воздвигнуть на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря укрѣпленіе, съ цѣлю вести оттуда торговлю краткимъ караваннымъ путемъ въ Хиву — осталось безъ вниманія **; но оно послужило, быть-можетъ, поводомъ къ описи береговъ Каспійскаго-Моря, продолжавшейся пять лѣтъ, и на основаніи которой будто-бы уже въ 1704 году составлена была карта, никогда впрочемъ неизданная. Объ этой описи говоритъ Миллеръ, основываясь лишь на изданной кѣмъ-то въ 1710 году біографіи Петра-Великаго и на словахъ *Лебрёна*, который упоминаетъ, въ путешествіи своемъ, о какомъ-то русскомъ флотскомъ капитанѣ *Майеръ*, бывшемъ въ Баку въ 1703 году ***. Новѣйшіе писатели **** говорятъ о той же описи утвердительно, ссылаясь впрочемъ на Миллера, который выражаетъ на-счетъ ея большое сомнѣніе. Признаюсь, мнѣ это предпріятіе кажется весьма сомнительнымъ. Съ 1699 по 1704 годъ русскій

* *Чужоземцы*: Ист. Росс. Комм. Т. II, часть 2, стр. 17 — 46.

** *Storch*: Hist.-stat. Gemälde des Russ. Reichs. B. IV, s. 309.

*** Samml. R. Geschichte. B. VI, s. 43.

**** *Шморгаль*, loc. cit. B. V, s. 438—439.; *Эйхвальдъ*: Alte Geographie des Caspischen Meeres, въ Reise auf dem Caspischen Meer und in den Caucasus. B. II, s. 123.

флотъ былъ еще въ младенчествѣ; къ тому же въ это самое время повторѣлась Сѣверная Война, на которую обращены были всѣ силы Государства. Иностраннаго капитана, конечно, можно было принять въ службу, но перевести иностранное судно въ Каспійское-Море — нельзя. Гдѣ-же его строили? Не было-ли это одно изъ тѣхъ судовъ, на которыхъ Русскіе ходили обыкновенно въ Тюкъ-Караганъ или отправлялись на ловлю тюленей? Какъ могло случиться, чтобы Миллеръ, почти современникъ этому событію, ничего о томъ не зналъ? Какъ въ послѣдствіи не оказалось о томъ никакихъ документовъ, и Соймоновъ, который чрезъ 15 только лѣтъ послѣ того объѣхалъ Каспійское-Море и оставилъ подробный дневникъ своего плаванія, не упомянулъ о прежнемъ предпріятіи? Въ надеждѣ, что новый разборъ всѣхъ актовъ относящихся до исторіи Петра-Великаго, предпринятый г. Устряловымъ, разъяснитъ эти недоразумѣнія, я теперь знаю лишь одно обстоятельство, указывающее на вышепомннутый фактъ, именно — совершенно-точное знаніе общаго вида Каспійскаго-Моря, обнаруженное Петромъ въ 1717 году, при посѣщеніи имъ Парижской Академіи и которымъ удивилъ онъ Делиля-старшаго. Если-бы подтверждалась столь равная опись Каспійскаго-Моря, опись произведенная именно въ то время когда взятіемъ Азова открытъ былъ доступъ къ Черному-Морю, и когда еще большія усилія обращены были на приобретеніе гавани на Балтійскомъ - Морѣ, — это послужило-бы новымъ доказательствомъ сильнаго желанія, съ какимъ Петръ стремился къ распространенію торговыхъ сношеній.

Когда Черное-Море было потеряно для Россіи, торговля на Каспійскомъ сдѣлалась для нея еще важнѣе. Во-первыхъ, предстояло оживить торговлю съ Персією, ибо по физическимъ обстоятельствамъ, по рѣзкому различію въ климатѣ между сѣвернымъ и южнымъ берегомъ этого моря, и по естественному оттого различію продуктовъ, торговля эта не прекращалась, несмотря на то, что оба народа, владѣвшіе этими берегами, Персіане и Русскіе, обнаруживали дотошъ мало наклонности къ мореплаванію и весьма малое въ немъ умѣніе; вмѣсто ихъ другіе народы, Армяне и Индійцы, овладѣли перекупною торговлею. Но, и тѣ, и другіе привыкли только къ караванному пути, на которомъ, при перевозѣ персидскихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій въ Россію или русскихъ товаровъ

въ Персію, предстоялъ выборъ между опасностями и затрудненіями безводной пустыни на востокъ или нападеніями горцевъ на западъ.

Положеніемъ прочнаго основанія торговлѣ по Каспійскому-Морю всякое торговое посредничество дѣлалось уже излишнимъ, и можно было надѣяться, что даже часть индѣйскихъ товаровъ будетъ пересылаться чрезъ Персію въ Россію. Поэтому, Волынской отправленъ былъ посломъ къ Персидскому Двору, для установленія взаимныхъ торговыхъ сношеній и для точнаго изученія произведеній и потребностей той страны. Ему же поручено было въ-послѣдствіи обратить вниманіе и на торговлю съ Индіею. Непосредственнымъ поводомъ къ этимъ мѣрамъ со-стороны нашего Правительства было, безъ сомнѣнія, возстаніе Лезгинцевъ, въ-слѣдствіе котораго, въ 1712 году, русско-персидская торговля претерпѣла значительный ущербъ. Но еще до посольства въ Персію, два почти одновременные проэкты привлекли вниманіе Государя на Востокъ и придали новое развитіе торговымъ планамъ его. Изъ проэктовъ сихъ произошли два отдѣльные ряда экспедицій, которыя можно по-справедливости назвать географическими, хотя онѣ въ существѣ были военныя.

Уже въ 1713 году именитый туркменъ *Ходжа-Нефесъ* обратился къ астраханскимъ купцамъ, прибывшимъ въ Тюкъ-Караганъ, съ просьбою взять его съ собою въ Астрахань, намѣреваясь сдѣлать Царю предложенія весьма выгодныя для Россіи. Въ Астрахани познакомился онъ съ нѣкоторымъ персидскимъ княземъ *Гилени*, принявшимъ русскую вѣру и русское имя — *Саманова*. Ему Нефесъ сообщилъ свое предположеніе, состоявшее въ томъ, чтобы Петръ завладѣлъ землями при истокѣ Аму, изобилующими золотымъ пескомъ, присовокупляя, что соотечественники его, Туркмены, изъ ненависти къ владычеству Хивинцевъ, будутъ непременно помогать этому. Сверхъ-того, предлагалъ онъ обратить по-прежнему въ Каспійское-Море рѣку Аму, которую Хивинцы, опасаясь Русскихъ, запрудили плотинами и совратили со стараго русла, и упрочить за собою обладаніе ея построеніемъ крѣпости въ устьѣ. *Саманову* показалось все это основательнымъ, такъ-что онъ рѣшился отправиться съ туркменомъ въ Цетербургъ. Здѣсь познакомились они съ Капитанъ-Поручикомъ

Императорской Гвардіи черкесскимъ княземъ *Александромъ Бесковичемъ*, пользовавшимся особенною милостію Петра за свой предпримчивый характеръ. Бесковичъ съ восторгомъ принялъ ихъ смѣлыя предложенія и обоихъ пріѣзжихъ представилъ Государю *.

Вскорѣ по прибытіи ихъ въ С.-Петербургъ, въ началѣ 1714 года, губернаторъ сибирскій, Князь *Гагаринъ*, вошелъ почти съ такимъ же докладомъ. Въ Сибирь привозился бухарскими купцами золотой песокъ для продажи. Князь Гагаринъ, справившись о мѣстѣ пріисковъ, узналъ что онъ добывается частью на юго-востокѣ отъ Тобольска изъ Китайскихъ Владѣній, частью на югѣ — изъ окрестностей города Эркети (Иркети), или Эркени (Иркени). Первый изъ этихъ путей велѣлъ Гагаринъ изслѣдовать дворянину Федору Чашникову, который дошелъ до Китайской Стѣны, и изъ окрестностей озера Кокона привезъ 200 лановъ золотого песку (можетъ быть золотой пыли?), съ извѣстіемъ что тамъ промывается довольно-значительное количество золота; ему самому встрѣтилось на дорогѣ общество изъ 150 золотопромышленниковъ; по его словамъ, Калмыки и Тибетцы еще болѣе добывали золота на югѣ, частью изъ какой-то горы, частью изъ рѣки Альтынъ-Голь, т. е. «Золотой-Рѣки». Касательно окрестностей Эркети, Гагаринъ еще ничего не предпринималъ, а только по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ предложилъ Царю назначить туда военную экспедицію, которая на пути могла-бы, для болѣе безопасности, воздвигать укрѣпленія.

Къ-сожалѣнію, свѣдѣнія, доставленные Гагарину о золотыхъ пріискахъ въ Эркети, или Эркени, были не совсемъ положительны. Къ тому же, по сравненіямъ мною извѣстіямъ, сомнительно: съ тѣмъ-ли прибылъ Гагаринъ въ С.-Петербургъ чтобы предложить экспедицію, или предположенія туркмена Невеса, о которыхъ онъ здѣсь узналъ, побудили его сдѣлать подобное предложеніе, основанное на доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ. Трудно рѣшить, онъ-ли, или кто другой, впервые распространилъ ошибочное извѣстіе будто Яркентъ (Эркетъ) лежитъ близъ Аральскаго-Моря. Это обстоятельство было-бы интересно

* *Müller: Sammlung Russischer Geschichte. B. VII, s. 157.*

пояснить, потому именно, что въ послѣдствіи времени, когда судился этотъ губернаторъ, его обвиняли въ томъ, что опъ ложными свѣдѣніями вовлекъ Государя въ дорогія и притомъ бесполезныя экспедиціи къ золотымъ рѣкамъ. Могли полагать, что свѣдѣнія эти относятся къ тѣмъ самымъ странамъ, о которыхъ говорилъ туркменъ, ибо Гагаринъ утверждалъ что упоминаемый имъ Эркетъ находится на берегу рѣки «Дарья», а Нефесъ говорилъ о золотомъ пескѣ при Аму-Дарьѣ; но вообще «дарья» на татарскихъ нарѣчіяхъ означаетъ всякую рѣку: слѣдовательно, либо Гагаринъ вовсе не зналъ собственнаго имени той рѣки, на которой, по его мнѣнію, находился Эркетъ (по нашимъ картамъ — Яркентъ), либо захотѣлъ скрыть это имя, какъ не соглашавшееся съ показаніемъ Нефеса *.

Гагаринъ-ли полагалъ или кто другой, что яркентское золото — тоже, что и золото добываемое при истокѣ Аму, во всякомъ случаѣ очевидно, что Петръ колебался сомнѣніемъ, и велѣлъ обо всемъ распросить случившагося здѣсь хивинскаго посла, прибывшаго объявить Царю о вступленіи на престолъ новаго хана. Тотъ подтвердилъ существованіе золотого песку по рѣкѣ Аму, увѣрилъ Государя, что если ему угодно будетъ назначить экспедицію для изслѣдованія этихъ странъ, то Хивинскій Ханъ окажетъ всякое къ тому содѣйствіе, и также предлагалъ построить укрѣпленія при Каспійскомъ-Морѣ, какъ видно послѣднее изъ инструкціи данной Царемъ Бековичу. Но объ Эркети, или Эркени, кажется, ничего не зналъ, ибо Петръ рѣшился начать дѣйствія въ ту и другую сторону, соответственно двумъ доставленнымъ ему свѣдѣніямъ. Съ этимъ соединились важныя политическія и торговыя намѣренія.

Если вспомнить какую цѣну въ то время придавали владѣнію золотоносною или среброносною землею, и какъ поздно дознали, что богатства лишь тамъ сосредоточиваются, гдѣ развита разнообразная дѣятельность, — съ удовольствіемъ увидимъ, изъ подробныхъ донесеній о поверхности изложен-

* При оправданіи своемъ, Гагаринъ называлъ рѣку протекающую близъ Эркети (Яркента) прямо: *Аму-Дарья*, а прежде называлъ просто *Дарья* (см. *Müller: Samml. Russ. Gesch. B. VII, s. 198, 192.*

ныхъ нами экспедиціяхъ, что великій Государь гораздо меньше заботился о золотѣ, нежели объ обезпеченіи промышленности и торговли. Преимущество данное Петромъ торговлѣ предъ золотопромышленностію еще болѣе явствуетъ изъ исторіи экспедицій къ Каспійскому-Морю, которыми мы сейчасъ займемся.

Выше сказано уже, что въ началѣ 1714 года прибылъ въ С.-Петербургъ туркменъ предложившій Русскому Государю завладѣть золотыми розсыпями по верхней части Аму-Дарьи и возстановить прежнее теченіе этой рѣки въ Каспійское-Море. Последнее предложеніе Петръ принялъ и въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устремлялъ на него свое вниманіе. Онъ тотчасъ же, или по-крайней-мѣрѣ вскорѣ, создалъ планъ для установленія торговаго пути между Россією и Индією чрезъ Аму, потому-ли что ему самому путь этотъ казался естественнымъ, или потому что во времена Римлянъ индійскіе товары шли по Оксу (Аму) *.

Далѣе увидимъ мы, что Петръ уже прежде старался войти въ торговыя сношенія съ Индією, и слѣдовательно предложеніе касательно рѣки Аму соотвѣтствовало его желаніямъ. Съ другой-стороны, онъ никогда не имѣлъ намѣренія завладѣть золотыми розсыпями, а хотѣлъ лишь ввести въ свое Государство торговлю золотомъ. Если-бы онъ имѣлъ въ виду завоеваніе, то не требовалъ-бы свѣдѣній отъ бывшаго тогда въ С. Петербургѣ хивинскаго посла, который не только увѣрялъ, что Ханъ будетъ содѣйствовать предпріятію, но даже предложилъ Петру построить крѣпость при устьѣ Аму и занять ее гарнизономъ въ 1000 человекъ.

Для приведенія всего этого въ исполненіе самымъ способнымъ человекомъ былъ Князь *Бековичъ*, который, будучи родомъ изъ Кабардинцевъ, зналъ превосходно татарскій языкъ, а женившись на Княгинѣ Голицыной, по родственнымъ связямъ, еще болѣе нежели по прежней службѣ въ Императорской Гвар-

* Такъ утверждаетъ Плиній, говоря что Оксъ изливается въ Каспійское-Море; ошибается-ли Плиній, или въ-самомъ-дѣлѣ впадала въ то время Аму въ Каспійское-Море, во всякомъ случаѣ нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что индійскіе товары шли на Западъ чрезъ Афганистанъ и Балхъ, по рѣкѣ Аму.

дін, преданъ былъ Россіи. Къ тому же онъ былъ молодъ, предпріимчивъ и съ самаго начала, горячо принявшись за прозектъ туркмена, доложилъ о немъ Государю; въ-слѣдствіе того и назначенъ онъ былъ исполнителемъ оного.

Прибывшій незадолго до того въ Петербургъ хивинскій посолъ доставилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ новаго хана. Въ отвѣтъ на это Бековичъ долженъ былъ передать Хану поздравленіе нашего Царя; кромѣ-того получилъ онъ еще и другое порученіе — на Кавказъ. Еще до хивинскаго предпріятія увѣдомилъ онъ Государя, что Ханъ *Европейскихъ* (Крымскихъ ?) Татаръ склоняетъ Кавказскихъ Горцевъ къ признанію надъ собою верховнаго владычества Турецкаго Султана, и что ханскіе посланцы, получивши отказъ отъ Черкесовъ, были однакожъ благосклонно приняты у Кумыковъ. Поэтому, онъ долгомъ почелъ увѣдомить Царя, что Султанъ можетъ возымѣть замыселъ покорить Кавказскій-Край, тѣмъ-болѣе что прежде многіе князья кавказскіе постоянно платили дань Русскому Царю, а теперь обычай этотъ вывелся *.

Бековичу поручено было, сдѣлавъ въ Казани предварительныя распоряженія для хивинскаго похода, отправиться въ Кабарду и тамъ дѣйствовать въ пользу Россіи; о чемъ и данъ указъ Сенату 21 мая 1714 года, съ корабля Св. Екатерины, при Березовыхъ-Островахъ. Мы упомянули объ этомъ неважномъ обстоятельстве, чтобы доказать до какой степени Петръ лично распоряжался подобными предпріятіями, и даже въ путешествіяхъ и походахъ употреблялъ на то свободныя минуты. Мая 18, находясь у Кронслота, на кораблѣ же, Петръ изустно передалъ нѣкоторымъ находившимся при немъ сенаторамъ планы свои касательно Аму, и ссылается на это въ указѣ данномъ при Березовыхъ-Островахъ, гдѣ пробылъ онъ всего нѣсколько часовъ. 22 числа начертанъ былъ планъ похода, и въ то же время отправленъ Бухольцъ; 23 начались военныя дѣйствія. Извѣстно, что лѣтомъ 1714 одержана была Петромъ первая морская побѣда надъ Шведами.

О дѣляняхъ Бековича на Кавказѣ не дошло до насъ ничего. Извѣстно только, что онъ пробылъ тамъ весь 1714

* Докладъ Князя Бековича помѣщенъ въ приложеніяхъ къ Журналу Петра Великаго (ч. II. стр. 350).

годъ. Лишь въ 1715 году выступилъ онъ весною изъ Астрахани въ море, дабы заранѣе убѣдиться въ возможности возобновить прежнее теченіе Аму въ Каспійское-Море и выискать способныя мѣста для постройки крѣпостей. Бековичъ сперва сошелъ на берегъ при Караганскѣ (вѣроятно — нынѣшнемъ Тюктъ-Караганѣ), куда Русскіе ходили уже издавна, и собралъ нѣсколько Туркменовъ чтобы развѣдать отъ нихъ, полагаютъ-ли они возможнымъ провести рѣку Аму въ Каспійское-Море? Они отвѣчали что для этого достаточно только прорѣзать устроенную далѣе внутри страны плотину, и вырыть верстѣ на 20 канаву до извѣстнаго углубленія, чрезъ которое рѣка протекала дотолѣ. Въ-слѣдствіе этого, Бековичъ немедленно отправилъ двухъ человѣкъ, въ сопровожденіи Ходжи *Нефеса* (вѣроятно тогоже самага, который былъ въ Петербургѣ), для обозрѣнія плотины. Они пробыли въ дорогѣ 17 дней и пришли къ земляному валу вышиною въ $1\frac{1}{4}$ аршинъ, шириною въ 3 сажени и длиною въ 5 верстѣ, на разстояніи двухъ или трехъ верстѣ отъ русла рѣки Аму, которая во время большихъ наводненій, какъ и тогда случилось, разливается до самой плотины. Потомъ повели ихъ далѣе верстѣ на 20, до нѣкоторой низменности, по которой они въ три дня дошли до Атай-Ибраима. Къ-сожалѣнію, низменность эта не описана подробно и даже не сказано имѣеть-ли она видъ изсякшаго русла. Путешественники-же увѣрились въ томъ, что въ ней когда-то была вода, ибо замѣтили каналы проведенные изъ оной къ сосѣднимъ полямъ и (уже опустѣвшимъ) жилищамъ. При Атай-Ибраимѣ Нефесъ утверждалъ, что эта низменность простирается до Каспійскаго-Моря, но отказался сопровождать туда Русскихъ, боясь преслѣдованій Хивинцевъ. Наши вернулись назадъ (неизвѣстно какимъ путемъ) къ «Краснымъ-Водамъ», куда прибылъ и Бековичъ. Онъ принялъ Балханскій-Заливъ за прежнее устье рѣки, и, полагаясь на доставленные свѣдѣнія, радостно объявилъ о томъ Государю, обѣщая лично изложить все подробнѣе. Зимой 1715—16 года поспѣшилъ онъ къ Его Величеству и засталъ Государя въ Либавѣ, на пути въ Копенгагенъ. Такъ-какъ умолчано о подробностяхъ личнаго донесенія, то неизвѣстно гдѣ именно Бековичъ нашелъ устье, какого оно свойства, и въ боковой-ли Актанской-Губѣ, которую *Ейхвалдъ*, и, черезъ годъ послѣ него, Капитанъ-Лейтенантъ *Ба-*

сарикъ, признали за древнее русло *. Этотъ вопросъ интересно было-бы рѣшить, ибо, какъ въ-послѣдствіи увидимъ, Лейтенантъ *Кожинъ* рѣшительно опровергаетъ показаніе Бекевича.

Но Петръ былъ убѣжденъ. Онъ пожаловалъ Бекевича въ Капитаны и самъ, 14 февраля 1716 года, написалъ полную инструкцію для новаго, болѣе пространнаго путешествія **.

При прежнемъ устьѣ Аму, должна была воздвигнуться крѣпость на 1000 человекъ, согласно съ мнѣніемъ Хивинскаго Посла. Затѣмъ повелѣвалось Бекевичу отправиться посломъ въ Хиву, и слѣдуя по упомянутой рѣкѣ, тщательно разсмотрѣть теченіе ея и плотины, и въ то же время изслѣдовать: нельзя-ли направить эту рѣку снова въ прежнее русло, а теперешнія устья въ Аральское-Море — запрудить, и сколько потребуется на эту работу людей; у самой плотины или на берегу рѣки отыскать удобное мѣсто, гдѣ-бы скрытнымъ образомъ можно было выстроить другую крѣпость, и, если окажется къ тому возможность, то и построить ее; Хивинскаго Хана склонить «къ *вѣрности и подданству*» обѣщаніемъ упрочить престолонаслѣдіе за его потомствомъ, и предложить ему охранительную стражу съ условіемъ, что Ханъ будетъ служить Царю вѣрою и правдою; этимъ или другимъ способомъ склонивъ Хана на свою сторону, Князь долженъ былъ просить его дать ему нѣсколько человекъ, которые, въ сопровожденіи двухъ Русскихъ,

* Reise auf dem Caspischen Meer. В. I, 268 — 273, и В. II, 173 — 178.

** Инструкція эта перепечатана въ Журналъ Петра-Великаго, ч. II, стр. 354, съ припискою: «Сіе писано Его Императорскаго Величества собственною рукою»: здѣсь разумѣются послѣднія строки, въ которыхъ поручается Сенату обратить на дѣло ревностное вниманіе, и который Петръ написалъ собственноручно, вмѣсто подписи. Мы вообще не знаемъ было-ли обыкновеніе, вмѣсто краткой подписи, дѣлать собственноручно подобную приписку, которая весьма часто встрѣчается; нѣтъ сомнѣнія, что вся инструкція самимъ Петромъ написана или имъ продиктована, ибо на ней лежитъ отпечатокъ его слога: въ частностяхъ нѣтъ строгаго порядка; мысли преданы бумагѣ по мѣрѣ развитія ихъ въ умъ. Въ § 10 сказано, что Лейтенантъ *Кожинъ* пойдетъ въ Индію или въ Яркентъ; § 11 и 12 — о воинскомъ конвоѣ; § 13-мъ вѣщается *Кожину* въ обязанность освѣдомиться тамъ (т. е. въ Индіи) о пріисостахъ и другихъ товарахъ: забыто, что § 10-мъ предоставляется *Кожину* отправиться въ Индію или въ Яркентъ; § 12-мъ назначается конвой и его обязанности. Далѣе вносится командующему не притѣснять туземцевъ. Вдругъ

должны были отправиться вверхъ по Сыръ-Дарьѣ до города Эркети, для отысканія золота, а равно и нѣсколько лодокъ, чтобы подняться на нихъ вверхъ по Аму-Дарьѣ, сколько будетъ можно; съ этими судами отправить въ Индію фактора, который съ того мѣста, гдѣ останутся суда, послѣдуетъ далѣе въ Индію и подробно опишетъ путь; изъ Индіи-же возвратится ему къ Каспійскому-Морю тѣмъ же путемъ или другимъ, если въ Индіи услышитъ о лучшемъ. Далѣе говорится, чтобы Лейтенанта *Кожика* назначить для поѣздки въ Индію, поручивъ ему освѣдомиться тамъ о пріятностяхъ и другихъ товарахъ, и отправить съ нимъ двухъ толковыхъ людей изъ купцовъ, но не очень старыхъ; заготовить письма къ Ханамъ и Великому Моголу; Бековичу постараться о томъ, чтобы Бухарскаго Хана склонить если не къ подданству, то по-крайней-мѣрѣ къ заключенію дружественнаго союза; на конной и крѣпостной гарнизонъ назначить 4000 человекъ регулярнаго войска съ потребнымъ числомъ лодокъ, и сверхъ того 1500 Яицкихъ Казаковъ, 500 Гребенскихъ и 100 драгунъ должны были сопровождать караванъ идущій изъ Астрахани, остановиться у плотины, и построить предполагаемую тамъ крѣпость.

Мы видимъ, что здѣсь уже и не упоминается о пріискавіи золота по рѣкѣ Аму, а только о незначительной посто­ронней экспедиціи для отысканія пути въ Яркентъ; главная-же мысль — проложить себѣ безопасный торговый путь въ Индію.

Незадолго до отъѣзда Государя изъ С.-Петербурга, Лейтенантъ *Кожикъ* отправленъ былъ къ Каспійскому-Морю для

является мысль, что приказано выстроить крѣпости и назначена на сей предметъ конница; потому и приписано тутъ же, безъ всякой логической связи, что конница не должна забыть взять съ собою лопаты и молоты для постройки крѣпостей. Вовсе непонятно то, что касается до караваннаго хозяйства; оно могло объясниться только изъ предшествовавшихъ личныхъ разговоровъ. Весьма естественно отсутствіе подписи: инструкция была переписана; копія пропала у Бековича; черновал-же найдена въ кабинетѣ Государя, вмѣстѣ со всеми приложениями къ печатному Журналу. Отсутствіе подписи побудило припечатать, что черновое написано Его Императорскаго Вѣдическаго собственною рукою ».

съемки восточнаго его берега. Теперь, велѣно ему было состоять въ распоряженіи Князя Бековича; а опись берега долженъ былъ довершить Лейтенантъ *Травинъ*. Кожинъ получилъ отъ Царя особую собственноручную инструкцію о походѣ въ Индію *; ему велѣно было изслѣдовать какъ можно больше рѣкъ, составя имъ и всему пути карты, и обо всемъ вести подробный журналъ **. Онъ долженъ былъ путешествовать подъ именемъ купца; дѣйствительною-же цѣлю его назначалось — найти водяной путь въ Индію.

Итакъ, походъ въ Индію не былъ слѣдствіемъ случайной мысли, а, напротивъ, главною цѣлю всей экспедиціи.

Бековичъ, употребивъ все лѣто 1716 года на снаряженіе, отправился въ сентябрѣ изъ Астрахани въ Тюкъ-Караганъ, и здѣсь построилъ первую крѣпость, которая однакожъ терпѣла совершенный недостатокъ въ прѣсной водѣ. Въ южной губѣ, названной въ честь его *Александровскою*, выстроилъ онъ другую крѣпость, и наконецъ третью — у Красныхъ-Водъ при устьѣ Балханскаго-Залива, въ вершинѣ котораго, во 100 верстахъ отъ построенной крѣпости, предполагали прежнее устье Аму. Бековичъ отыскивалъ это устье и думалъ уже что нашелъ, ибо на 5 верстъ отъ моря встрѣчалъ еще раковины. Лейтенантъ Кожинъ утверждалъ потомъ, что всѣ показанія о прежнемъ руслѣ существовали только въ воображеніи Бековича.

Оставя гарнизоны въ крѣпостяхъ, Бековичъ и Кожинъ возвратились въ Астрахань, и въ 1717 году, о пасхѣ, предприняли походъ въ Хиву, съ кавалеріею, которую нельзя было перевезти на судахъ. Для извѣщенія Хана отправлены были предварительно три гонца, изъ которыхъ однакоже ни одинъ не возвратился. Двоимъ изъ нихъ удалось дать знать въ Астрахань, что въ Хивѣ и окрестностяхъ собираютъ значительное число всадниковъ и питаютъ злые замыслы; что съ ними вѣстниками, обращаются дурно. Аюка, Ханъ Волжскихъ Калмыковъ, также писалъ два предостерегательныя письма,

* Эта инструкція находится у Голикова. Ч. V, стр. 127.

** По мнѣнію Миллера, дѣйствія Кожина долженъ былъ окончить *Урусоевъ*, но изъ приложеній къ Журналу Петра-Великаго видно, что на то назначенъ былъ Лейтенантъ *Травинъ*.

изъ которыхъ послѣднее можетъ быть опоздало. Бековичъ ничему этому не вѣрилъ; Кожинъ-же былъ осторожнѣе, и, общавъ ему вскорѣ за нимъ послѣдовать, не трогался съ мѣста; а когда Астраханскій Губернаторъ хотѣлъ его къ тому понудить, то сталъ обвинять Бековича въ измѣнѣ, увѣряя что открытіе имъ стараго устья Аму была только выдумка, сдѣланная имъ съ цѣлю предать русскія войска Хивинскому Хану. Должно полагать, что отказъ Кожина слѣдовать за Бековичемъ, еще до отъѣзда его дошелъ до Государя, ибо Князь на пятомъ переходѣ отъ устьевъ Эмбы настигнуть былъ Высочайшимъ повелѣніемъ отправить черезъ Персію въ Индію знающаго тамошніе языки человѣка, съ порученіемъ собирать всѣ возможныя свѣдѣнія о лежащихъ на пути его странахъ, преимущественно о золотыхъ россыпяхъ, и затѣмъ возвратиться черезъ Китай и Бухарію. Такимъ-образомъ, едва не явился у насъ второй Марко-Поло. Половинныя мѣры не были дѣломъ Петра. Бековичъ избралъ изъ своего конвоя Мурзу *Тевкелева*. Этотъ-послѣдній долженъ былъ моремъ ѣхать въ Шемаху, а оттуда сухимъ путемъ въ Испагань; но его бросило бурсю къ Астрабату; здѣсь взять былъ онъ въ плѣнъ персидскимъ намѣстникомъ, и оставался въ плѣну до тѣхъ поръ пока освободилъ его русскій посланникъ при Персидскомъ Дворѣ. Узнавъ-же объ участи постигшей Бековича, Тевкелевъ возвратился въ Россію *. Гибель Бековича отъ коварства Хивинскаго Хана и собственной самонадѣянности есть событіе столь грустное для каждаго патріота, что мы не станемъ здѣсь объ немъ распространяться.

Для Географіи экспедиція Бековича имѣла ту выгоду, что доставила довольно точныя свѣдѣнія о восточномъ берегу Каспійскаго-Моря. Еще въ 1715 году, въ первую поѣздки свою, самъ начерталъ онъ карту, которая однако болѣею-частію основана не на положительныхъ данныхъ, а на указаніяхъ Туркменовъ. Но по ней Царь, въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1717 году, могъ исправить карту Делиля-Старшаго и увѣрить его, что теперь Оксусъ не впадаетъ въ Каспійское-Море, что на восточномъ берегу его находится узкая губа съ весь-

* Sammlung Russ. Gesch. B. XI, s. 175.

ма селесою водою (Карабугазскій-Заливъ), и что рассказы о стремящихся въ глубину водоворотахъ, ничто иное какъ сказка. Петръ показывалъ Денилю карту *, можетъ быть начертанную Бековичемъ въ первую его поѣздку; или, быть-можетъ, въ 1704 году дѣйствительно сочинена была карта, которую Петръ взялъ съ собою (см. выше). Еще болѣе было сдѣлано для познанія восточнаго берега во время построения Бековичемъ крѣпостей, зимою 1716 — 1717 г.; Лейтенантъ Кожинъ участвовалъ въ этой работѣ.

Кожинъ, какъ выше сказано, отказался участвовать въ послѣдней военной экспедиціи и за это былъ преданъ суду. Такъ-какъ онъ преимущественно оправдывалъ себя тѣмъ, что слѣды прежняго русла въ вершинѣ Балханскаго-Залива существовали только въ воображеніи Бековича, то Государь отправилъ туда Князя *Урусова*, для проверки его показаній, и поручилъ ему снова изслѣдовать Балханскій-Заливъ. Урусовъ по возвращеніи своемъ объявилъ, что и по его мнѣнію слѣдовъ бывшаго русла не оказывается **. Весьма вѣроятно, что Урусовъ, во время этого путешествія, посѣтилъ и другіе пункты Каспійскаго-Моря; но объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Позднѣе онъ употребленъ былъ на западномъ берегу.

Изслѣдованіе Каспійскаго-Моря долженствовало еще долго занимать русскій флотъ. Мы уже видѣли, что еще въ 1715 году Петръ отправилъ Волынскаго посломъ къ Персидскому Двору, для основанія торговыхъ сношеній. Посолъ этотъ пребылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ-теченіе которыхъ возмущеніе афганскихъ князьковъ все болѣе-и-болѣе распространялось, такъ-что Шахъ не только не могъ обезпечить торговли, но съ каждымъ днемъ видѣлъ возрастающую опасность для своего престола. Поэтому, Волынскій представилъ Государю, что одно средство обезопасить торговлю, есть занять войсками западный берегъ Каспійскаго-Моря. Въ концѣ 1718 года, Волынскій воз-

* Mémoires de l'Académie de Paris. 1727, p. 382.

** Кожинъ также утверждалъ, что и существованіе плотины близъ Хивы — вымышлено. Но одинъ изъ людей участвовавшихъ въ присканіи оной, будучи официально о томъ допрошенъ, подтвердилъ прежнее показаніе. Обясненіе его помѣщено въ приложеніяхъ къ Журналу Петра-Великаго.

вратился въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что Шахъ соглашается на занятіе Русскими Гилана и Мазандерана, если только это поведетъ къ укрощенію мятежа. Петръ рѣшился приступить къ этому занятію водою, но сперва велѣлъ сдѣлать вѣрную съемку западнаго и южнаго береговъ Каспійскаго-Моря. Съ этимъ порученіемъ отправлены были Капитанъ-Лейтенантъ Карлъ *Фонъ-Верденъ* и Лейтенанты *Соймоновъ* и *Урусовъ*, съ небольшимъ отрядомъ войскъ. Соймоновъ составилъ подробный журналъ этой экспедиціи, продолжавшейся два года (1719 и 1720). По окончаніи ея, Петръ велѣлъ къ картѣ, основанной на послѣдней съемкѣ, присовокупить и съемку восточнаго берега, сдѣланную Бсковичемъ, Кожинымъ (и Травнымъ?). Такъ возникла первая, на точныхъ данныхъ основанная карта Каспійскаго-Моря. Петръ, избранный во уваженіе географическихъ свѣдѣній его о Россіи, Членомъ Парижской Академіи, доставилъ ей эту новую карту, съ приложеніемъ въ некоторыхъ подробностяхъ о съемкѣ. Академія приняла ее какъ трудъ Дѣйствительнаго Академика и помѣстила въ своихъ «Запискахъ». Въ статьѣ къ ней приложенной, Делиль-Старшій доказалъ сколько Географія Азій вообще отъ того выиграла. Сверхъ-того, Делиль издалъ на своемъ изданіи эту же самую карту въ двухъ листахъ.

Вотъ почему Парижская Академія, по смерти Государя, составила жизнеописаніе его подъ заглавіемъ: *Eloge du Czar Pierre I*, что дѣлалось исключительно для Дѣйствительныхъ Академиковъ, а отнюдь не для покровителей науки, хотя-бы и изъ Царственныхъ Особъ, которые не доставляли въ Академію собственныхъ трудовъ.

Но тѣмъ еще не ограничились заслуги Петра касательно свѣдѣній о Каспійскомъ-Морѣ. По заключеніи Ништадтскаго-Мира, Царь, въ 1722 году, предпринялъ походъ въ Персію или, лучше сказать, въ Дагестанъ и Ширванъ. *Соймонову* и другимъ флотскимъ офицерамъ повелѣно было подробно изслѣдовать, водою и сухимъ путемъ, отдѣльныя части западнаго берега и составить имъ описанія. Въ слѣдующіе два года—когда Раштъ занятъ былъ русскими войсками, для обезпеченія

* *Mémoires de l'Académie de Paris. 1721.*

торговли, при совершенномъ разстройствѣ Персидскаго Государства, чрезъ изгнаніе прежней династіи — изслѣдованія ихъ простерлись и на южный берегъ. Нѣсколько лѣтъ продолжавшаяся экспедиція *Гербера* (о которой упоминали мы въ началѣ статьи) также сюда относится, ибо имѣла цѣлю изслѣдованіе климата и почвы областей по западному берегу. Что занятіемъ этихъ провинцій имѣлось въ виду не столько распространеніе Государства, сколько развитіе торговли — объявилъ самъ великій Монархъ, сказавши въ отвѣтъ на поздравленія, принесенныя ему по случаю присоединенія новыхъ областей: «Вы въ заблужденіи, если думаете что я стремлюсь къ завоеванію новыхъ земель: у меня ихъ можетъ-быть уже слишкомъ много; мнѣ надобно только побольше воды. Планъ его еще явственнѣе обнаруживается въ Журналѣ Соймонова: при вѣрномъ взглядѣ своемъ, не могъ онъ не видѣть, что страны лежащія по восточному берегу Каспійскаго-Моря не могутъ дать торговлѣ столь свободнаго развитія, какъ западный берегъ. Изучивъ ихъ самъ, онъ рѣшился основать при истокѣ рѣки Кура складочное мѣсто, изъ котораго съ-одной-стороны могли-бы производиться удобныя сообщенія съ устьями Волги и Яика и съ отличными гаванями Астрабата и Ряшта, а съ другой — съ Тифлисомъ; притомъ же, по близости Хивы, часть караванной торговли съ этимъ краемъ могла обратиться на западъ, къ морю. Исполненіе этого плана возложено было на *Соймонова* и Генерала *Матюшкина*; имъ данъ былъ отрядъ войска и поручено дѣлать частію венныя, частію геодезическія экспедиціи. Соймоновъ часто упоминаетъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, ибо ему исключительно предоставлено было избраніе мѣста для построенія города. Съемка страны, прилежащей къ устьямъ Кура была уже готова и мѣсто для будущаго города назначено; но въ 1724 году самой постройкѣ мѣшали еще нападенія Персіянъ на укрѣпившійся въ Ряштѣ отрядъ. Наконецъ, весною 1725 года все было приготовлено, и собрано 5000 человекъ рабочихъ, съ-тѣмъ-чтобы приступить къ дѣлу, какъ получили извѣстіе о кончинѣ великаго Государя. Сочтено было нужнымъ ожидать новыхъ приказаній.

* Samml. R. G. VII, 258, 266, 349, 367, 513.

Исполненіе Петрова плана было оставлено ; но, кажется, еще не совсѣмъ, ибо Соймоновъ, съ 1719 по 1725 годъ пробывшій въ Каспійскомъ-Морѣ почти безотлучно и нетерпѣливо желавшій возвратиться, получилъ въ 1726 году повелѣніе пополнить произведенную Кожинымъ съемку восточнаго берега до Астрабата. Результатомъ продолжительныхъ работъ его была вторая, позднѣйшая карта Каспійскаго-Моря, изданная въ 1743 году; весьма сомнительно, чтобы путешественникъ *Брюсъ*, близкій родственникъ знаменитаго фельдцейхмейстера Брюса, доставилъ какіе-либо важныя матеріалы для этой карты: она заключаетъ въ себѣ лишь открытія Кожина, Вердена и преимущественно Соймонова. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ не могу я и согласиться съ г. Ейхвальдомъ, по мнѣнію котораго изданная въ 1731 году карта составляетъ эпоху для свѣдѣній о Каспійскомъ-Морѣ; настоящую эпоху, по справедливому признанію Французской Академіи, составляетъ карта 1721 года, хотя она была составлена по повелѣнію Государя и на неполныхъ матеріалахъ: г. Ейхвальдъ, кажется, слишкомъ увлекся авторитетомъ Миллера. Несмотря на великія заслуги сего-последняго, какъ распространителя свѣдѣній о географическихъ предпріятіяхъ въ Россіи, и на примѣрную его точность, я не могу не упрекнуть его, если не въ пристрастіи, то по-крайней-мѣрѣ, въ предубѣжденіи противъ Кожина, котораго онъ слишкомъ унижалъ въ сравненіи съ Соймоновымъ, тогда еще живымъ. Кожинъ, зависѣвшій отъ экспедиціи Бековича, не могъ производить вѣрной съемки; но за-всѣмъ-тѣмъ онъ первый указалъ настоящее направленіе восточнаго берега и истинный видъ Каспійскаго-Моря. Миллеръ замѣчаетъ, что на картѣ 1721 года почти всѣ пункты по восточному берегу положены на цѣлый градусъ сѣвернѣе настоящаго ихъ положенія. Такъ, но весьма вѣроятно, что виною тому составитель карты, а не самъ Кожинъ, который былъ тогда въ немилости и конечно не участвовалъ въ изданіи карты.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оставлены были завоеванія на южномъ берегу Каспійскаго-Моря, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и мысль о вліяніи на Восточную торговлю.

Что касается до Петра, то несмотря на неудачныя попытки, онъ не терялъ Индіи изъ вида; узнавъ изъ распросовъ жившихъ въ Астрахани Индѣйцевъ, что иностранцы продолжа-

ютъ еще ходить съ индѣйскими товарами въ Астрабатъ и Раштъ, онъ предвидѣлъ возможность направить эти товары въ Средиземное-Море чрезъ тотъ торговый городъ, который онъ предполагалъ построить на берегу Кура. Оживленіе торговли съ Индіею была мыслью еще юныхъ лѣтъ Петра-Великаго. Уже въ 1694 году, на двадцать-третьемъ году отъ рожденія, и чрезъ шесть лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ онъ въ Индію и въ Персію, для установленія торговыхъ сношеній, московскаго купца *Селена Маленькаго*, приказавъ снабдить его, кромѣ денегъ, и товарами: красною юфтью, моржовымъ зубомъ, тонкими голандскими и англійскими сукнами и проч.; сверхъ-того далъ ему грамоты къ Персидскому Шаху и къ Великому Моголу. Маленькій отправился въ ноябрѣ 1694 года, изъ Астрахани Каспійскимъ-Моремъ въ Низабатъ, а отсюда сухимъ путемъ въ Испаганъ, гдѣ вручилъ Шаху грамоту отъ Царя и имѣлъ у него нѣсколько аудиенцій. Шахъ писалъ даже о немъ къ Петру *. Въ Испаганѣ пробылъ онъ пять мѣсяцовъ, послѣ чего отправился на верблюдахъ въ портовый городъ Бендеръ - Аббасъ, а отсюда въ Суратъ. Обѣхавъ большую-часть Индіи, посѣтивъ Агру и Дели, нашелъ онъ тамъ хорошій сбытъ для юфти. На пути къ Агрѣ, представился онъ Великому Моголу, который далъ ему слона въ подарокъ Русскому Царю. Изъ Индіи возвратился онъ тѣмъ же путемъ: чрезъ Суратъ, Бендеръ-Аббасъ и Испаганъ; въ Персидскомъ-Заливѣ подвергся нападенію арабскихъ морскихъ разбойниковъ, а достигнувъ Шемахи, скончался тамъ. Сопутникъ его, послѣ пятилѣтняго отсутствія, возвратился въ Астрахань одинъ. По смерти Маленькаго, слуга его никуда не являлся, и они оба какъ-будто исчезли. Но экспедиція Бековича напомнила объ нихъ Государю. Человѣка отыскали, распросили, и показанія его внесли въ протоколъ, найденный потомъ въ Кабинетномъ Архивѣ и приложенной къ Журналу Петра-Великаго. Безъ этого протокола до насъ вѣроятно не дошло-бы ничего о столь знаменитомъ путешествіи. Такъ-какъ показанія отобраны отъ необразованнаго и неграмотнаго человѣка, то въ нихъ нѣтъ не-

* *Рыжиковъ*: *Дѣянія Петра-Великаго*. I, 246 (второго. изданія).

чего достойнаго вниманія для науки; видно только, что Маленькій вездѣ собиралъ свѣдѣнія о торговлѣ.— Затѣмъ, въ первую бытность свою въ Амстердамѣ, Петръ послалъ Князя Ивана Шаховскаго, съ двумя другими лицами, въ Остъ-Индію, для поученія морскому дѣлу; какой былъ результатъ этой посылки, мнѣ неизвѣстно; но она доказываетъ, что Петръ, и въ то уже время признавалъ для Русскихъ возможность ходить моремъ въ Индію, хотя они могли отправляться только изъ Бѣлаго и Азовскаго морей, ибо путь по Балтійскому-Морю не былъ еще имъ открытъ*. Точно-ли Петръ сдѣлалъ тщетную попытку, отправивъ два корабля изъ Архангельска для отысканія чрезъ Ледовитое-Море пути въ Индію, какъ утверждаетъ Французская Академія въ *Bloge du Czar*, я не знаю, ибо не могъ донинѣ найти никакихъ тому доказательствъ. Голликовъ упоминаетъ объ этомъ по устному преданію Миллера, который самъ можетъ-быть кромѣ Похвальнаго Слова не имѣлъ другихъ для того источниковъ. Наконецъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, не задолго до кончины своей, Петръ съ новымъ одушевленіемъ вспомнилъ объ Индіи и рѣшился послать туда небольшую эскадру. Поводомъ къ этому были обстоятельства довольно-странныя; потому экспедиція предпринята была втайнѣ и сдѣлалась извѣстна немногимъ. Дѣло въ томъ, что на Мадагаскарѣ поселились искатели приключеній. Они желали пріобрѣсти покровительство одной изъ европейскихъ морскихъ державъ, и какъ между ними было нѣсколько Шведовъ, то обратились къ Шведскому Королю Карлу XII, слава котораго можетъ быть только-что дошла тогда до Мадагаскара. Просьба ихъ получена была въ Стокгольмѣ уже не задолго до смерти Короля, и осталась безъ дѣйствія. Въ 1720 году, однакожъ, отправленъ былъ корабль изъ Швеціи въ Мадагаскаръ, для защиты этой колоніи. Петръ, получивъ объ этомъ краткое увѣдомленіе отъ своего посла, могъ думать, что его покровительство будетъ гораздо сильнѣе Шведскаго. Во всякомъ случаѣ, для будущей торго-

* Голлицова: Донданисія. Часть I. Другой Князь Шаховской въ то же время посланъ былъ въ Востъ-Индію.

вли въ Индіи, точка опоры въ Мадагаскаръ была-бы чрезвычайно важна. Потому онъ послалъ къ мнимому Мадагаскарскому Королю грамоту, донынѣ сохранившуюся, съ предложеніемъ покровительства. Вице-Адмиралу *Вильстеру* (въ 1723 году) повелѣно было вооружить тайно въ Рогервикѣ три фрегата для похода въ Бенгалію. Ему поручалось склонить Великаго Могола къ торговымъ сношеніямъ, узнать какіе въ Индіи употребляютъ русскіе товары и, вмѣсто балласта, привести тамошняго лѣсу отъ 26 до 30 дюймовъ въ діаметръ. На пути долженъ онъ былъ избѣгать всякихъ морскихъ церемоній, даже не выкидывать флага и никуда не заходить кромѣ Мадагаскара, если не принудить къ тому какое-либо несчастье. На другіе два корабля назначены были командирами Капитанъ *Мѣрный* и Капитанъ-Лейтенантъ *Коселевъ*. Но вооруженіе шло медленно и дурно; Великій Адмиралъ Апраксинъ торопилъ и грозилъ военнымъ судомъ; Вильстеръ донесъ наконецъ, что фрегаты слишкомъ ветхи и просилъ позволенія построятъ новые. Начали строить, 1724 годъ прошелъ, а въ началѣ 1725 скончался Государь: предпріятіе было оставлено.

По смерти Петра цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ русскій флагъ не проходилъ чрезъ экваторъ. Между-тѣмъ Англія овладѣла Бенгалією и большею-частью Индіи.

При взглядѣ на рядъ экспедицій Петра въ Сибирь, Китай, Японію, Америку, Большую и Малую Бухарію, Персію и Индію, невольно рождается мысль, что онѣ были и слишкомъ разнообразны, и повидимому недовольно обдуманы; но имѣютъ-ли Петербургскіе жители право произнести подобное сужденіе? Не казалось-ли необдуманнѣе основать на шведской землѣ главный портъ и столицу Русскаго Государства, тогда-какъ побѣдоносныя войска шведскія вытѣсняли Польскаго Короля изъ одного города въ другой, принуждая его отказаться отъ престола, и въ нѣсколько дней заставили Датскаго Короля заключить миръ? Но Петръ зналъ, что шведское могущество рушилось и считалъ излишнимъ преслѣдовать ихъ войска. Въ 1723 году, Россія, имѣя первый флотъ въ Балтикѣ, могла ужъ искать себѣ точку опоры въ Мадагаскарѣ. Это предпріятіе заклю-

чало въ себѣ болѣе условій успѣха, чѣмъ завоеваніе и присвоеніе, за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, устья Невы, когда Россія не имѣла ни одного корабля на Балтикѣ. Планъ Петра: оживить Каспійское-Море торговлею прилежащихъ къ нему земель — естественно родился изъ географическаго ихъ положенія, и только опыты могъ доказать, что земли эти неплодородны и море для плаванія неблагопріятно. Чтобы обсудить опыты сосредоточить большую часть индѣйской торговли въ русской гавани, должно вспомнить, что Англичане въ то время не имѣли еще въ Индіи собственныхъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что по-крайней-мѣрѣ изъ Сѣверной-Индіи товары стали-бы провозиться Каспійскимъ-Моремъ, если-бы по восточному и западному берегу его были торговые города для принятія ихъ и дальнѣйшаго отпращиванія. Въ минуту кончины Петра готовились три предпріятія: основаніе при устьѣ Куры складочнаго мѣста для восточной торговли; открытіе непосредственныхъ судоходныхъ сношеній съ Индіею; и отысканіе раздѣла между Азіею и Америкою. Первые два предположенія оставлены были по его кончинѣ. Одинъ только Берингъ исполнилъ свое порученіе, несмотря на то, что уже не стало творца предположеннаго ему плана. Исполняя мысль Петра, онъ оказалъ Россіи великую ученую заслугу — открытіемъ Берингова-Пролива, и вещественную — пріобрѣтеніемъ ей береговъ Сѣверной-Америки.

ОТЧЕТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за 1848 годъ.

(читанъ въ годовомъ собраніи 12 января 1849 года.)

Ваше Императорское Высочество и милостивые государи!

Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества имѣетъ честь представить Вамъ отчетъ за *третій* годъ ученой дѣятельности Общества.

Изученіе Россіи въ-отношеніи *географическомъ, статистическомъ и этнографическомъ* было въ-теченіе всего года главнымъ предметомъ занятій Общества. Слѣдуя въ-точности Высочайше утвержденному Временному Уставу, оно не упускало впрочемъ удобныхъ случаевъ для приобрѣтенія свѣдѣній и о другихъ странахъ, но преимущественное вниманіе его было постоянно посвящено нашему обширному отечеству.

Дѣятельность Общества на этомъ поприщѣ была и въ нынѣшнемъ году весьма разнообразна. Ученыя Экспедиціи продолжали трудиться въ разныхъ мѣстахъ по его начертаніямъ и инструкціямъ; разныя Коммисіи, учрежденныя изъ Членовъ Общества, занимались разными частными вопросами, входящими въ область науки; Отдѣленія Общества, каждое

* Составленъ А. В. Голицынымъ (Д. Ч. О.)

въ той отрасли науки, которая составляет преимущественный предметъ его трудовъ, собирали и обрабатывали полезные свѣдѣнія; многіе изъ гг. Членовъ занимались, сверхъ того, отдѣльно учеными изслѣдованіями; — но всѣ эти труды, совершенные разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, имѣли одну общую цѣль и одно направленіе.

Глубоко сознавая важнѣйшую современную потребность каждаго образованнаго *Русскаго*, потребность *ближайшаго познанія Россіи*, и проникнутое горячею любовью къ отечеству, Русское Географическое Общество во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководилось этою мыслью, было оживлено этимъ чувствомъ, и постоянно стремилось оправдать высокое довѣріе Августѣйшаго Монарха, который предоставилъ въ его распоряженіе значительныя средства. Изслѣдуя малозвѣстные края Россіи, изучая разнообразныя явленія народной жизни въ разныхъ племенахъ ея, пользуясь случаями для собиранія свѣдѣній о другихъ странахъ, входя въ сношенія съ иностранными учеными съ цѣлію знакомить Русскихъ съ ихъ трудами, Русское Географическое Общество во всемъ имѣло въ виду только пользу отечества и стремилось заслужить право на его признательность.

Столь разнообразная ученая дѣятельность, при недавнемъ существованіи Общества, не могла еще получить полного развитія. Всякое начинаніе сопряжено съ многоразличными трудностями и потому Совѣтъ просить Ваше Императорское Высочество и Васъ, Милостивые Государи, обратить благосклонное вниманіе Ваше болѣе на направленіе ученыхъ работъ; болѣе на намѣренія Общества, чѣмъ на результаты труда, кои въ столь короткое время не вездѣ можно было достигнуть.

А. УЧЕНЫЯ ЭКСПЕДИЦІИ.

1. *Уральская Экспедиція.*

Важнѣйшимъ ученымъ предпріятіемъ Общества была и въ нынѣшнемъ году геологическо-географическая экспедиція къ Сѣверному-Уралу, на которую употреблены были главныя средства Общества. Личный составъ Экспедиціи оставался тотъ

же. Подъ начальствомъ г. полковника Гофмана (Д. Ч. О.), она состояла изъ гг. майора Стражевскаго (Д. Ч. О.), Магистра Ковальскаго и естествоиспытателя Брандта. При нихъ находились два топографа военнаго вѣдомства и нѣскольکو горнорабочихъ. Въ 1847 году Экспедиція, какъ извѣстно изъ прежнихъ отчетовъ, изслѣдовала часть Урала отъ Чердыни до горы Квосьмъ-піяръ. На этомъ пространствѣ, составляющемъ 4 градуса широты, опредѣлены были тогда астрономически многіе пункты, произведены геологическія и метеорологическія наблюденія, изслѣдованія надъ царствомъ животнымъ и растительнымъ, и съемка направленія рѣкъ и горъ. Въ 1848 году Экспедиція дѣйствовала такимъ же образомъ далѣе на сѣверѣ.

Согласно съ мнѣніемъ гг. Гофмана и Стражевскаго, которые находились временно въ Петербургѣ въ-теченіе зимы 1847 года, начертанъ былъ слѣдующій общій планъ Экспедиціи на 1848 годъ:

«Мѣстомъ соединенія членовъ Экспедиціи назначается Тобольскъ. По вскрытіи рѣкъ, Экспедиція отправляется внизъ по Иртышу и Оби въ Березовъ, откуда далѣе по Оби до устья Войкара, и вверхъ по этой рѣкѣ до того мѣста, гдѣ она становится мелководною, а затѣмъ слѣдуетъ на оленяхъ по хребту до горы Паришенго. Здѣсь Экспедиція должна раздѣлиться.

«Г. Майоръ Стражевскій отправляется къ югу по хребту, для осмотра восточнаго склона.

«Г. Гофманъ съ Ковальскимъ и Брандтомъ идетъ на сѣверъ, опредѣляетъ направленіе хребта, спускается по рр. Каръ и Пыдератъ до впаденія ихъ въ море, переходитъ на островъ Вайгачъ и возвращается по западному склону хребта».

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что предполагала совершить Экспедиція въ минувшемъ году. Неблагопріятныя обстоятельства принудили измѣнить отчасти этотъ планъ, но главная цѣль Экспедиціи: *изслѣдованіе сѣверной части Урала* — была достигнута, благодаря твердости и усердію членовъ Экспедиціи и въ-особенности распорядительности и рѣшимости начальника оной.

Пока Экспедиція готовилась къ работамъ втораго лѣта, г. Ковальскій оканчивалъ наблюденія свои въ Пустозерскѣ; за-

тѣмъ отправился (въ половинѣ марта) въ селеніе Колву на Уссѣ, а оттуда къ р. Косси и въ Обдорскъ, куда и прибылъ 2 апрѣля.

При переѣздѣ отъ устья р. Косси въ Обдорскъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько наблюденій для опредѣленія широты; изъ Обдорска-же дѣлалъ хронометрическія поѣздки къ Обской-Губѣ и къ источникамъ р. Кары, дабы соединить съ Обдорскомъ нѣсколько пунктовъ того края и отнести къ нимъ въ-послѣдствіи долготы пунктовъ Сѣвернаго-Урала, кои предполагалось опредѣлять въ-теченіе лѣта.

Для дальнѣйшаго слѣдованія г. Ковальскаго начальникъ Экспедиціи составилъ уже на-мѣстѣ новый планъ, на который испрашивалъ разрѣшенія Совѣта. Планъ этотъ разсмотрѣлъ въ-подробности и одобрилъ г. Управляющій Отдѣленіемъ Географіи Россіи: мнѣніе г. Струве было сообщено г. Ковальскому въ руководство.

Г. Струве полагалъ, между прочимъ, что необходимо опредѣлить на восточномъ склонѣ одинъ пунктъ посредствомъ лунныхъ кульминацій, а именно Обдорскъ, и соединить его хронометрически съ Березовымъ. Сдѣлавъ это опредѣленіе, г. Ковальскій долженъ былъ перейти Хребетъ, опредѣлить положеніе горы Квосьмъ-ніяръ на западномъ склонѣ и соединить хронометрически съ Чердынюю гору Ишеримъ, истокъ Малой-Печоры и деревню Усть-Улсуй.

Изъ С.-Петербурга въ Tobольскъ гг. Гофманъ и Стражевскій отправились въ апрѣлѣ. По причинѣ льда, покрывавшаго рѣки, они не могли выѣхать изъ Tobольска ранѣе 16 мая. 30 числа они прибыли въ Березовъ, гдѣ нашли г. Ковальскаго. Въ началѣ іюня Экспедиція отправилась къ устью Войкара, гдѣ неблагоприятная похода задержала ее нѣсколько дней. Тогда-какъ въ Березовѣ, который только на 200 верстъ южнѣе устья Войкара, земля оттаяла на 12 — 14 вершковъ, на этомъ пунктѣ она была столь сильно мерзлою, что не было возможности вбить въ нее колья для палатокъ.

Вверхъ по Войкару Экспедиція слѣдовала два дня, а затѣмъ отправилась далѣе по Хребту въ партахъ съ приготовленными заблаговременно оленями. Г. Стражевскій съ топографомъ Юрьевымъ отправился на югъ, съ-тѣмъ-чтобы изслѣдовать преимущественно восточной склонъ Хребта. Г. Гофманъ на-

правильнѣ путь свой на сѣверъ. До симаго Ледовитаго-Моря ему предстояло бороться непрерывно съ препятствіями разнаго рода и подвергаться множеству лишеній. Мириады комаровъ измучили людей и оленей, которые едва могли двигаться. Г. Гофманъ называетъ эту часть Хребта — *Пустынными-Уральскими*, также *Коляровыми-Горами*, ибо, по причинѣ множества насѣкомыхъ, человекъ избѣгаетъ этихъ мѣстъ и сюда никогда не прикочевываютъ инородцы восточнаго и западнаго склона. Вскорѣ начался падежъ между оленями. Каждый день падало по нѣскольку и скорѣ изъ 200 оленей при Экспедиціи осталось только сотня измученныхъ переходами и комарами. Г. Гофманъ побросалъ дорогой всѣ вещи, безъ которыхъ, хотя, впрочемъ, и съ трудомъ, но возможно было обойтись. Выѣсто быковъ, которые не могли уже везти тяжести, запрягли въ нарты бывшихъ при Экспедиціи коровъ*. Іюля 27 прибылъ г. Гофманъ къ берегамъ Уссы. Отсюда онъ послалъ проводниковъ за другими оленями, и по прибытіи ихъ немедленно отправился далѣе. Среди всѣхъ этихъ препятствій, времени прошло много и потеря эта, по краткости сѣвернаго лѣта, была незнаградима.

По прибытіи Экспедиціи къ берегамъ Кары, наступилъ холодъ весьма чувствительный въ близости моря, но зато исчезли мучители комары. Г. Гофманъ всходилъ 6 августа на самую сѣверную гору Уральскаго-Хребта. Оконечность Хребта окружена здѣсь съ трехъ сторонъ тундровыми озерами, и отсюда видно уже море. Г. Гофманъ предлагаетъ назвать это мѣсто, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества — *Константиновскими-Калинами*. На рѣкѣ Карѣ, сѣверный отрядъ раздѣлялся. Г. Ковальскій отправился въ Обдорскъ, а г. Гофманъ, перѣхавъ Кару, слѣдовалъ вдоль хребта Пай-хой до Югорскаго-Шара (пролива, отдѣляющаго островъ Вайгачъ отъ материка), куда и прибылъ 23 августа. Краткость времени, оставшагося для обратнаго пути, не дозволила ему перѣхать на Вайгачъ. Возвратясь къ р. Карѣ, гдѣ оставался по болѣзни г. Брандтъ, г. Гофманъ отправился съ нимъ по

* На Оби и Петурѣ *белыми* называютъ туземцы оленей-самцовъ, а *черными* — самокъ. Обыкновенно употребляютъ для вѣды только быковъ.

тундрѣ къ р. Уссу, слѣдовать внизъ по этой рѣкѣ до Усть-Уссы, затѣмъ по Печорѣ, Цылымъ и Мылѣ до Ямъ-Озера, наконецъ по Южной-Пижемѣ къ Мезени, и 13 ноября прибыть въ городъ Мезень.

Г. Гофманъ отзывается съ признательностію объ усердіи Березовскаго Исправника г. Булыгина, Зырянскаго Терентьева и въ-особенности Обдорскаго купца Трофимова, которому Экспедиція обязана не только успѣхомъ своихъ дѣйствій, но даже возможностью совершить тотъ путь, который она прошла въ 1848 году. Въ то время, когда нельзя было и за деньги снабдить Экспедицію потребнымъ числомъ оленей и доставить ей запасы провіанта въ назначенныя мѣста, купецъ Трофимовъ, изъ одного просвѣщеннаго желанія, чтобы родной край его былъ ближе изслѣдованъ, снабдилъ Экспедицію безвозмездно цѣлымъ стадомъ оленей, быковъ и коровъ, всего до 300 головъ. Падежъ оленей причинилъ ему убытка на 2000 рублей серебромъ, но онъ отказался принять какое-либо вознагражденіе.

О свойствѣхъ пройденной мѣстности г. Гофманъ сообщалъ уже Обществу краткія свѣдѣнія. Нынѣ занимается онъ подробнымъ описаніемъ изслѣдованнаго края. На параллели Обдорска, говоритъ онъ, хребетъ поворачиваетъ почти прямо на востокъ, но черезъ 30—35 верстъ принимаетъ прежнее направленіе къ С.С.В. и слѣдуетъ оному до $68^{\circ}28'$ сѣв. шир., дѣмѣняясь только въ высотѣ; затѣмъ вдругъ исчезаетъ въ тундрѣ, которая простирается на 50 верстъ до самаго моря. Верстахъ въ 40 къ Ю.З. отъ источниковъ Кары возвышается хребетъ Поембой, идущій параллельно къ Уралу. Прямо на З. отъ послѣдней горы его тянется къ Вайгачскому-Проливу рядъ каменистыхъ горъ и скалъ, переходящихъ на Вайгачъ. Эта цѣпь называется Самоѣдами Пай хой. Какъ направленіемъ своимъ, такъ и видомъ она совершенно отлична отъ Урала. Первый состоитъ изъ небольшихъ покрытыхъ мхомъ, отлогихъ горъ, а послѣдняя представляетъ рядъ обнаженныхъ и относительно высокихъ скалъ. Самая высокая гора Сѣвернаго-Урала, Пай-яръ, т. е. *голландскій камень*, имѣетъ болѣе 3500 футовъ. Хребетъ изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ долинами, изъ коихъ нѣкоторыя образуютъ проходы изъ Европы въ Азію.

Растительность на Сѣверномъ-Уралѣ весьма бѣдная. Причиною этому сѣверо-восточные вѣтры. Низкорастущія березы

и нвы суть единственныя деревья, которыя встрѣчаются къ сѣверу отъ 60°. Изъ царства животнаго встрѣчаются медвѣди, волки, лисицы. Въ тундрѣ особенно много мышей.

Озера и рѣки изобилуютъ рыбою; нѣкоторыя породы перелетныхъ птицъ прилетаютъ сюда лѣтомъ и высиживаютъ здѣсь яйца. Впрочемъ, царство животныхъ и растѣній на Сѣверомъ-Уралѣ вообще весьма бѣдно, и потому, несмотря на неутомимые поиски г. Брандта, ему удалось прибавить весьма немногое къ своимъ собраніямъ. Г. Гофманъ сообщилъ также нѣкоторыя этнографическія замѣчанія объ ипородцахъ, кочующихъ близъ Сѣвернаго-Урала. Къ сѣверу отъ Кары встрѣчаются Самоѣды, къ югу — Остяки. Въ-особенности любопытны собранныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ Зырянъ-Ижемцевъ, которые смышленностью своей, неутомимостью и сметливостью приобрѣли господство въ тундрѣ.

Сообщая вкратцѣ о трудахъ cadaго изъ лицъ, участвовавшихъ въ Экспедиціи, г. Гофманъ говоритъ, что магистръ Ковальскій во все продолженіе пути дѣлалъ непрерывно астрономическія опредѣленія и произвелъ цѣлый рядъ геодезическихъ измѣреній. Съ величайшей похвалою отзывается онъ также и объ усердіи топографа Брагина, который занимался своимъ дѣломъ неутомимо, несмотря на то, что по роду занятій своихъ болѣе другихъ былъ подверженъ мученію отъ комаровъ. О трудахъ маіора Стражевскаго со времени раздѣленія Экспедиціи при горѣ Паришенго донесенія еще не получено; извѣстно однакоже, что по чрезмѣрному усиленію падежа и сибирской язвы въ пройденной имъ странѣ, онъ, совершивъ значительную часть пути пѣшкомъ и питаясь нѣскольکو дней лишь ягодами и мхомъ, достигъ съ крайнимъ трудомъ города Березова, гдѣ сдѣлался боленъ, но потомъ благополучно прибылъ въ Екатеринбургъ.

Г. Ковальскій, въ послѣднемъ донесеніи своемъ изъ Обдорска, объясняетъ тоже, что падежъ скота у Остяковъ служитъ я ему величайшимъ препятствіемъ для развѣздовъ и что онъ долженъ поэтому терять много времени въ ожиданіи оленей.

2. Исправленіе межевыхъ губернскихъ атласовъ.

Въ отчетѣ за 1847 годъ изложено было въ-подробности предположеніе Общества объ исправленіи губернскихъ атла-

совъ, составленныхъ въ Межевомъ Вѣдомствѣ и служившихъ матеріаломъ для значительной части специальной 60-листовой карты Имперіи, изданной Военно-Топографическимъ Депо, причемъ были описаны и произведенныя для этого предпріятія хронометрическія экспедиціи гг. М. П. Вронченко и А. Н. Драшусова (Д. Ч. О.) и геодезическія работы Генераль-Маіора Мендта (Д. Ч. О.).

Въ-теченіе 1848 года г. Мендтъ продолжалъ заниматься по этому предмету въ Тверской Губерніи. Изъ представленныхъ имъ отчетовъ видно:

а) Что онъ предполагалъ производить геодезическія дѣйствія въ Тверской Губерніи въ-теченіе 6 мѣсяцевъ, но что необходимыя приготовительныя чертежныя работы, сколько по новости дѣла для межевыхъ чиновъ, столько и по другимъ непредвидимымъ обстоятельствамъ, заняли времени гораздо болѣе противъ предполагаемаго, такъ-что болѣею-частью окончены были во второй половинѣ мая, а нѣкоторыя — даже въ началѣ іюня, отчего полевая работа открылась полутора мѣсяцомъ позже.

б) Что при этомъ однако исполнено не только все то количество работъ, какое предполагалось въ декабрѣ 1847 года, а именно снятіе 35,000 кв. верстъ; но необыкновенными усиліями и стараніемъ подчиненныхъ Генералу Мендту межевыхъ чиновъ, въ-теченіе 4 мѣсяцевъ снято даже болѣе чѣмъ предполагалось, именно 37,408 кв. верстъ; и

в) Что въ 1849 году, за вычетомъ съемки 1848 года, остается всего снять въ Тверской Губерніи около 18,500 кв. верстъ. Генераль Мендтъ полагаетъ употребить на эту работу часть межевыхъ чиновъ, которые будутъ назначены въ его распоряженіе, часть ихъ употребить для приготовительныхъ дѣйствій въ другой губерніи, которая избрана будетъ для съемки, нѣкоторое-же число оставить для окончательнаго вычерчиванія на бѣло атласа Тверской Губерніи, ибо нынѣшнею зимою невозможно эту работу совершенно окончить.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что въ одной изъ главныхъ по пространству своему и положенію между обѣими столицами губерній, въ-продолженіе одного года, начиная съ сентября 1847 года, всѣ генерально обмежеванныя дачи (въ числѣ 18,000) окончательно связаны инструментально съ три-

гонометрическими пунктами и нанесены со всеми урочищами на правильно-составленную съѣзку; затѣмъ въ-продолженіе 5 мѣсяцевъ нынѣшняго года 37 лицами сдѣлана инструментальная топографическая рекогносцировка съ нанесеніемъ всей ситуациі, на пространствѣ 37,408 кв. верстъ, т. е. болѣе двухъ третей всей губерніи; и что, наконецъ, остальная часть всей топографической съемки можетъ быть окончена въ первой половинѣ лѣта 1849 года.

Такой блистательный успѣхъ должно приписать сколько упрощенной методѣ, принятой для составленія атласа Тверской Губерніи по предложенію Географическаго Общества, столько же особому усердію и распорядительности производителя этихъ работъ Генералъ-Маіора Мендта, при содѣйствіи разныхъ Управленій и особенно Межеваго Вѣдомства. Основываясь на этомъ, можно надѣяться, что при дальнѣйшемъ продолженіи сихъ занятій по предложенному Географическимъ Обществомъ плану, въ непродолжительномъ времени и съ умѣренными издержками, будутъ составлены вѣрные и подробные атласы болѣе части Центральной Россіи.

Изъ прошлагодняго отчета, гг. Членамъ извѣстно, что Государь Императоръ, удостоивъ утвержденія представленный Русскимъ Географическимъ Обществомъ планъ геодезическихъ работъ по сочиненію атласа Имперіи межевыми чинами, Высочайше повелѣть соизволилъ: «предоставить Русскому Географическому Обществу составить, по предварительномъ сношеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Генеральнымъ Штабомъ и Межевымъ Вѣдомствомъ, подробную инструкцію межевымъ чинамъ для производства статистическихъ работъ при сказанныхъ геодезическихъ дѣйствіяхъ.» Высочайшее повелѣніе сіе было объявлено къ исполненію Отдѣленію Статистики Россіи. Отдѣленіе назначило особую Коммисію изъ гг. Дд. Чч. Д. А. Милютинъ, В. С. Порошина и А. К. Гирса, для начертанія проекта требуемой инструкціи и внесенія оной на разсмотрѣніе Отдѣленія. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Предсѣдатель Временнаго Статистическаго Комитета, учрежденнаго при Министерствѣ, М. И. Лексъ (Д. Ч. О.) сообщилъ сказанной Коммисіи, какъ матеріалъ для возложеннаго на нее

труда, сдѣланнымъ на мѣстахъ, чиновникомъ Министерства Графомъ Д. А. Толстымъ (Д. Ч. О.), изслѣдованія о статистическихъ работахъ, произведенныхъ въ разное время межевными чинами при Генеральномъ Межеваніи. Для полученія дальнѣйшихъ необходимыхъ свѣдѣній, Общество обратилось съ просьбой въ Межевое Вѣдомство. Коммисія-же, до собранія всѣхъ нужныхъ ей матеріаловъ, приступитъ къ исполненію возложеннаго на нее Отдѣленіемъ порученія.

Изъ донесенія Графа Толстаго Министру Внутреннихъ Дѣлъ видно, что при производствѣ генеральнаго межеванія въ царствованіе Императрицы Екатерины II собраны были межевыми чинами, по большей части генерально обмежеванныхъ губерній*, и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, заключающіяся въ такъ-называемыхъ «экономическихъ примѣчаніяхъ», приложенныхъ къ межевымъ атласамъ тѣхъ губерній. Въ этихъ *экономическихъ примѣчаніяхъ*, составленныхъ на основаніи инструкціи 1766 года, описывалось: положеніе дачи, грунтъ земли, различныя роды пропастѣній и лѣсовъ, крестьянскіе промыслы, способъ обработки земли и уплаты оброка; при описаніи фабрикъ и заводовъ, показывались находящіеся на оныхъ фабричныя принадлежности, размѣръ ежегодной выработки, качество и количество производимыхъ продуктовъ, мѣста покупки первоначальныхъ матеріаловъ, и т. п. Достоинство всѣхъ этихъ описаній неодинаково, ибо необходимо зависѣло отъ образованности и рвенія лицъ, коимъ было поручаемо; но во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ вниманія, какъ первые опыты статистическихъ работъ въ Россіи; сравненіе-же заключающихся въ нихъ данныхъ со свѣдѣніями современными можетъ не рѣдко вести къ замѣчательнымъ выводамъ. Собираніе статистическихъ свѣдѣній продолжалось и въ послѣдствіи — при генеральномъ межеваніи по инструкціи 1797 года; но какъ объ эти инструкціи, составленныя въ прошедшемъ сто-

* Эти губерніи суть: Смоленская, Тульская, Калужская, Воронежская, Слободско-Украинская, Орловская, Московская, Владимірская, Рязанская, Тверская, Ярославская, Костромская, Могилевская, Пензенская, С.-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Вологодская, Псковская, Тамбовская, Витебская, Нижегородская и Курская.

лѣтъ, не могутъ соответствовать настоящему состоянію науки, то необходимость составленія новой дѣлается очевидною.

3. *Экспедиція въ Южный-Египетъ.*

Въ 1848 году получены были краткія извѣстія отъ магистра естественныхъ наукъ г. Ценковского, путешествующаго по долинь Нила. Отдѣлившись отъ полковника Ковалевскаго, г. Ценковскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи Фазогло, занимаясь ботаническими изслѣдованіями. Затѣмъ желалъ онъ присоединиться къ купеческому каравану, отправляющемуся, по окончаніи періода дождей, въ октябрѣ или ноябрѣ, изъ Хартума вверхъ по Бѣлому-Нилу и достигающему иногда до 4-го градуса сѣверной широты; но, къ-сожалѣнію, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не могъ сего исполнить. Г. Ценковскій надѣется во всякомъ случаѣ пробыть въ Египтѣ еще годъ.

4. *Изслѣдованія г. Дорошина въ Русской Америкѣ.*

Въ 1847 году отправленъ былъ въ колоніи Россійско-Американской Компаніи, для геологическихъ изслѣдованій, горный инженеръ г. Дорошинъ. Русское Географическое Общество поручило ему произвести метеорологическія наблюденія и измѣренія высотъ, и снабдило его нужными къ сему инструментами и наставленіями. Въ-теченіе 1848 года не было получено отъ г. Дорошина никакихъ извѣстій.

В. ТРУДЫ РАЗНЫХЪ КОМПССІЙ.

1. *Изслѣдованіе высотъ отъ Смоленска до Пензы и опредѣленіе проходящей по нимъ оси девоніанской системы.*

Гг. Члены Общества помнятъ предложеніе Барона А. К. Мейендорфа (Д. Ч. О.) объ изслѣдованіи черноземной полосы, простирающейся внутри Россіи отъ Самары и Хвалынска на Волгѣ до Черкасъ и Канева на Днѣпрѣ, и высотъ отъ Смоленска до Пензы, съ опредѣленіемъ проходящей по нимъ оси девоніанской системы.

Предложение это было рассмотрѣно въ-подробности особой Коммисіей * и Отдѣленіемъ Статистики, и затѣмъ соображенія Коммисіи внесены въ Совѣтъ Общества. Совѣтъ, найдя, что осуществленіе этого предпріятія во всемъ предполагаемомъ объемѣ превысило-бы средства Общества, отдѣлилъ отъ него часть, по преимуществу географическую, именно: изслѣдованіе сказанныхъ высотъ и опредѣленіе проходящей по нимъ бси девианской системы, съ-тѣмъ-чтобы привести это въ исполненіе по окончаніи Уральской Экспедиціи, а между-тѣмъ поручилъ г. Управляющему Отдѣленіемъ Общей Географіи г. Полковнику Гельмерсену заняться составленіемъ ближайшихъ по сему предмету соображеній.

2. *Изслѣдованіе состоянія внутренней торговли Россіи.*

С.-Петербургское купечество пожертвовало въ распоряженіе Общества 5000 руб. сер., съ-тѣмъ-чтобы употребить ихъ «*для изслѣдованія состоянія Внутренней торговли Россіи.*»

Особая Коммисія **, назначенная Отдѣленіемъ Статистики, занялась изысканіемъ средствъ для исполненія желанія жертвователей. Признавъ, что для соразмѣренія предстоящихъ изслѣдованій съ предоставленными для нихъ денежными способами, необходимо опредѣлить точнѣе кругъ сихъ изслѣдованій, Коммисія полагала, что преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе: во-первыхъ — на однѣ лишь главныя статьи торговли, и во-вторыхъ — на торговые обороты собственно Европейской-Россіи, а въ ней именно того пространства, которое по-справедливости можетъ считаться средоточіемъ и источникомъ ея внутренняго коммерческаго движенія. Затѣмъ, обсудивъ подробно разныя способы собиранія тѣхъ свѣдѣній о главныхъ отрасляхъ внутренней торговли, коими опредѣлилось-бы состояніе оной, Коммисія признала наиболѣе удобнымъ составленіе, посредствомъ особой редакціи, сочиненія, объемлющаго обзоръ главныхъ отраслей внутренней тор-

* Коммисія состояла изъ гг. Членовъ: К. И. Арсеньева, А. С. Джунковскаго, Барона Е. К. Мейендорфа, А. О. Озерскаго и Е. К. Петерсона.

** Изъ гг. членовъ: А. Н. Миллютина, Г. П. Небольсина и В. С. Порошина.

говли, и затѣмъ начертала основанія, на коихъ упомянутое сочиненіе должно быть составлено.

Отдѣленіе Статистики, согласясь съ заключеніемъ Комисіи, учредило особый Совѣщательный Комитетъ изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ и редактора, для приведенія сказаннаго предприятия въ дѣйствіе.

Редакторъ обязанъ отыскивать спеціальныхъ людей, которые могутъ заняться составленіемъ отдѣльныхъ статей для упомянутого сочиненія; Комитетъ разсматриваетъ эти статьи, присуждаетъ за нихъ денежныя вознагражденія, повѣряетъ получаемыя свѣдѣнія чрезъ сношенія съ разными мѣстами и лицами, и затѣмъ озабочивается объ общемъ сводѣ ихъ.

Въ члены Комитета избраны гг. К. И. Арсеньевъ Баронъ А. К. Мейендорфъ, Н. А. Милютинъ и В. С. Порошинъ; Г. П. Небольсинъ назначенъ Редакторомъ.

На изложенномъ основаніи, Комитетъ составилъ уже подробную програму сказаннаго сочиненія, по которой всѣ статьи по содержанію своему распредѣляются на два отдѣла: къ первому относятся частныя описанія главнѣйшихъ предметовъ внутренняго торгова; ко второму — общія изслѣдованія о ярманкахъ и главнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ; о торговомъ кредитѣ, образѣ сѣлокъ, средствахъ перевозки, состояніи торговаго класса, и проч. Статьи будутъ выходить по мѣрѣ изготовленія и составятъ двѣ отдѣльныя части одного общаго труда. Комитетъ, начертавъ общія основанія для статей обоого рода, приступилъ къ изготовленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ-что въ-продолженіе наступившаго года полагаетъ возможнымъ начать печатаніе перваго тома.

3. Разработываніе Географической Терминологіи.

Въ отчетѣ за 1847 годъ было упомянуто объ учрежденіи особой Комисіи * по предмету обработыванія Географической Терминологіи, причеиъ сказано, что въ-слѣдствіе разосланнаго Комисіею краткаго объявленія о цѣли ея трудовъ, начали

* Изъ М. Н. Богдановича, В. В. Григорьева, Д. А. и Н. А. Милютинныхъ, Н. И. Надеждина, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. Ф. Стевана.

уже тогда поступать въ Общество изъ губерній разныя мѣстные слова, означающія географическіе предметы. Въ концѣ 1847 года, Комиссія составила краткую инструкцію для сообщенія оной тѣмъ лицамъ, отъ коихъ можно надѣяться содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Этой инструкціи разослано было въ теченіе 1848 года около 3,000 экземпляровъ по всей Россіи, въ разныя мѣдѣства и управленія.

Призывъ этотъ былъ принятъ съ полнымъ сочувствіемъ: изъ разныхъ краевъ получено въ теченіе года болѣе 600 мѣстныхъ географическихъ и этнографическихъ выраженій, доставленныхъ крестьянами, мѣщанами, помѣщиками, учителями уѣздныхъ училищъ, священниками и нѣкоторыми членами Географическаго Общества *. Доставленные доселѣ слова получены изъ губерній: Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Иркутской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской, изъ Малороссіи, Новороссійскаго-Края, Камчатки, съ Каспійскаго и Бѣлаго морей и съ береговъ Сѣвернаго-Океана. Матеріалъ, собранный Комиссіею нынѣ, хотя довольно значителенъ, но еще недостаточенъ, чтобъ приступить къ его обработкѣ. Изъ многихъ мѣстностей Россіи не получено еще никакихъ извѣстій. Комиссія, озабочаясь о пополненіи своихъ матеріаловъ, надѣется, что въ 1850 году, по накопленіи оныхъ, будетъ въ состояніи приступить къ систематическому своду собранныхъ терминовъ.

4. Собираніе свѣдѣній о климатѣ чрезъ сношенія съ жителями губерній.

Во второй книжкѣ Записокъ Общества помѣщена статья В. С. Порошина (Д. Ч. О.) «о средствахъ къ опредѣненію климата». Г. Порошинъ излагалъ въ ней, между прочимъ, что независимо отъ измѣненій барометра и термометра, есть много другихъ явленій, изъ которыхъ также можно дѣлать

* Изъ гг. Членовъ Общества доставили значительныя собранія географическихъ мѣстныхъ выраженій гг. Стефанъ, Шренкъ, Даль и Князь Н. М. Голицынъ. Последний сообщилъ слова, употребляемыя въ Сибири, собранными имъ во время развадовъ по этому краю.

выводы о разности климатовъ, на-примѣръ: время посѣва, сбора, цвѣтенія и жатвы разныхъ хлѣбовъ, распространеніе до нѣкоторыхъ предѣловъ разныхъ породъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, также различныхъ растѣній, многіе обычаи народныя, основанные на разности климатовъ, и т. д. Въ заключеніе, г. Порошинъ представлялъ, что было-бы весьма полезно заняться собираніемъ помянутыхъ свѣдѣній чрезъ сношенія съ жителями губерній.

Для дальнѣйшаго развитія этого предположенія, учреждена была особая коммисія изъ гг. Членовъ Э. Х. Лейца, О. И. Шиховскаго и В. С. Порошина.

Коммисія сія составила для наблюдателей рядъ вопросовъ и подробное наставленіе къ собиранію нужныхъ свѣдѣній. Вопросы и наставленіе напечатаны, согласно предположенію Коммисіи, въ числѣ 12,000 экземпляровъ и разосланы по губерніямъ. Поступающіе изъ разныхъ мѣстъ въ большомъ числѣ отвѣты передаются по-принадлежности въ Комитетъ Физической Географіи Отдѣленія Географіи Россіи.

При семъ случаѣ должно упомянуть съ признательностью, что гг. Дд. Чч. М. Н. Муравьевъ и А. И. Левшинъ оказали особенное содѣйствіе Обществу при распространеніи помянутаго наставленія между лицами, могущими съ особымъ успѣхомъ способствовать доставленію требуемыхъ свѣдѣній, именно; между чинами Межеваго Вѣдомства, отправленными для практическихъ дѣйствій въ разные уѣзды, и многими мѣстами и лицами вѣдомства Департамента Сельскаго Хозяйства.

В. ТРУДЫ НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА НЕЗАВИСИМО ОТЪ РАБОТЪ ОТДѢЛЕНІЙ И КОММИССІЙ.

1. *Хозяйственный Атласъ Россіи.*

Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства А. И. Левшинъ прислалъ Обществу въ даръ карту Европейской-Россіи съ обозначеніемъ на ней главнаго характера почвъ, причемъ объяснялъ, что эта карта входитъ въ составъ изготавляемаго, по его предназначеніямъ и подѣ непосредственнымъ его над-

воромъ, **Хозяйственного Статистическаго Атласа Россійской Имперіи.**

Этотъ атласъ будетъ состоять изъ значительнаго числа картъ, на которыхъ графическимъ и нагляднымъ образомъ представятся важнѣйшіе предметы Земледѣльской Статистики, какъ то: климатъ, хозяйственные растѣнія, движеніе хлѣбной торговли, лѣсное хозяйство, разныя отрасли земледѣльской промышленности, скотоводство и пр. Основаніемъ этой работы служатъ свѣдѣнія, собиравшіяся въ теченіе трехъ лѣтъ, по распоряженію Департамента Сельскаго Хозяйства, чиновниками Департамента, Учебными Фермами, Членами-Корреспондентами Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и другими лицами.

При недостаточной у насъ вообще обработкѣ Хозяйственной Статистики, подобный трудъ положить, безъ сомнѣнія, весьма важное начало будущему развитію этой науки.

Къ атласу составляется особый текстъ, который представить опытъ систематическаго изложенія Хозяйственной Статистики.

Сводомъ и обработываніемъ помннутыхъ свѣдѣній, также какъ и составленіемъ самаго текста, занимается, по указаніямъ г. Левшина, К. И. Веселовскій (Д. Ч. О.).

2. Этнографическая карта Европейской-Россіи.

Академикъ П. И. Кеппенъ (Д. Ч. О.) продолжалъ трудиться надъ составленіемъ этнографической карты Европейской-Россіи и пояснительнаго текста къ ней.

Въ настоящее время всѣ четыре листа карты въ главныхъ контурахъ граверомъ отдѣланы. На 2-мъ и 4-мъ листахъ гравировуются названія. На 1-мъ листѣ понадобилось сдѣлать нѣкоторыя поясненія въ-отношеніи къ населенію Финляндіи, въ-свѣдѣніе поѣздки въ 1848 году по этому краю Магистра Вереліуса, который успѣлъ опредѣлить границы Квеискаго Нарѣчія. Изготовление 3-го листа останавливается за неполученіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Въ-свѣдѣніе просьбы г. Кеппена, истребованы были, по Высочайшему повелѣнію, Департаментомъ Военныхъ Поселеній, свѣдѣнія о Волохахъ и Сербяхъ, въ поселеніяхъ этихъ жи-

вудныхъ. Такия же свѣдѣнія собираются нынѣ въ Подольской Губерніи по распоряженію мѣстнаго Военнаго Губернатора. Сверхъ того не достаесть еще свѣдѣній о. Литовцахъ Виленской и Гродненской губерній. Географическое Общество просило гг. Губернаторовъ о сообщеніи оныхъ.

Совершенная въ теченіе прошлаго лѣта самимъ г. Кеппеномъ поѣздка по нѣкоторымъ уѣздамъ С.-Петербургской Губерніи, для повѣрки и пополненія показаній, собранныхъ въ теченіе пяти лѣтъ, послужила къ точнѣйшему познанію этнографическаго положенія Губерніи: между новыми выводами и прежними показаніями обнаружилась разность. Всего болѣе эта поѣздка служила къ опредѣленію мѣстопробыванія и числа финскихъ поколѣній Воти и Ижоры.

О Карелахъ Новгородской и Тверской губерній г. Кеппонъ получилъ отъ посѣтившаго эти губерніи г. Европеуса дополнителныя свѣдѣнія, послужившія къ точнѣйшему обозначенію на картѣ ихъ мѣстопробываній. О Карелахъ, водворенныхъ некогда въ Ковловскомъ уѣздѣ Тамбовской Губерніи, г. Кеппенъ, не взирая на сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ и съ разными частными лицами, не могъ получить никакихъ свѣдѣній.

Нынѣ составляются, по указаніямъ г. Кеппена, о каждомъ народѣ, означенномъ на картѣ, историческія выписки, съ-тѣмъ-чтобы въ поясненіяхъ къ этнографической картѣ можно было съ болѣею достовѣрностію означить все, что до него касается.

Для повѣрки получаемыхъ свѣдѣній и дополненія оныхъ, г. Кеппенъ продолжалъ непрерывно обширную переписку съ лицами разныхъ званій въ разныхъ мѣстахъ. Въ-особенности принесли пользу по С.-Петербургской Губерніи сношенія его съ лютеранскими пасторами, которые сообщали вообще свѣдѣнія весьма точныя и подробныя.

3. Труды г. Журавскаго.

Членъ—Сотрудникъ г. Журавскій представилъ Обществу, въ прошломъ году, предположенія свои объ устройствѣ Официальной Статистики посредствомъ разработки, по общему плану, свѣдѣній и матеріаловъ, заключающихся въ дѣлопроизводствѣ

присутственных мѣстъ. Особая Комиссія *, разсматривавшая въ-подробности это предположеніе, оцѣнивъ всю важность статистическихъ данныхъ, которые могутъ быть извлечены изъ актовъ и дѣлъ присутственных мѣстъ, признала, что было-бы весьма полезно обратить вниманіе частныхъ лицъ, занимающихся статистическими изслѣдованіями, на способы обработки матеріаловъ изъ сего источника. Заключивъ, затѣмъ, что г. Журавскій, по доказанной имъ опытности въ этихъ занятіяхъ, лучше всѣхъ могъ-бы примѣнять на самомъ дѣлѣ изложенныя имъ предположенія, Комиссія представила Обществу, что по мнѣнію ея слѣдовало-бы просить г. Журавскаго принять на себя производство опытныхъ статистическихъ работъ по Кіевской Губерніи.

Въ-слѣдствіе сдѣланнаго по сему предмету сношенія съ г. Журавскимъ, онъ изъявилъ готовность принять на себя этотъ трудъ. Въ то же время, по просьбѣ Совѣта Общества, г. Кіевскій Генералъ-Губернаторъ изъявилъ готовность содѣйствовать зависящими отъ него средствами успѣху занятій г. Журавскаго.

Нынѣ г. Журавскій представилъ нѣсколько опытныхъ извлеченій изъ актовъ и дѣлъ разныхъ вѣдомствъ Кіевской Губерніи, съ образцами статистической обработки оныхъ. Трудъ этотъ, который заключаетъ въ себѣ 19 весьма многосложныхъ таблицъ и вѣдомостей и около 200 страницъ объясненій и соображеній, совершенъ г. Журавскимъ въ самомъ непродолжительномъ времени и свидѣтельствуетъ вновь какъ о способностяхъ его въ производствѣ статистическихъ работъ, такъ и объ усердіи къ пользамъ науки. Комиссія, разсматривавшая первоначальное предположеніе г. Журавскаго, поручено заняться разсмотрѣніемъ и этого опыта его труда.

А. Путешествіе по Южной-Россіи Графа А. С. Уварова.

Графъ А. С. Уваровъ (Д. Ч. О.) совершилъ въ 1848 году путешествіе по Южной-Россіи отъ береговъ Дуная до Анапы,

* Изъ гг. Членовъ: А. К. Гирса, В. И. Дала, А. П. Заблоцкаго.

собственно для изслѣдованій археологическихъ; но вмѣстѣ съ-тѣмъ занимался онъ и этнографическими наблюденіями при посѣщеніи Сербскихъ переселенцевъ, начавшихъ переходить въ Россію съ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Болгарскихъ колоній, Ногайскихъ и Крымскихъ Татаръ, Мариупольскихъ Грековъ и другихъ прибрежныхъ жителей Чернаго-Моря. Графъ А. С. Уваровъ вездѣ старался знакомиться съ тѣми лицами, которыя обладаютъ знаніемъ края, вступилъ въ связи и переписку съ нѣкоторыми учеными, и обѣщалъ доставить въ этнографическій музей нашего Общества народныя одѣянія нѣкоторыхъ жителей Южной-Россіи*. Онъ предполагаетъ издать свое путешествіе въ-теченіе 1849 года, съ приложеніемъ картъ, плановъ и рисунковъ. Археологическія изслѣдованія Графа А. С. Уварова могутъ быть также полезны Русскому Географическому Обществу, ибо обнимаютъ область Исторической Географіи, которая была до сего времени у насъ весьма мало обработана, въ-особенности относительно среднихъ вѣковъ существованія Русскаго Государства.

5. Труды г. Мельникова.

Другой членъ Географическаго Общества, П. И. Мельниковъ, находился въ-теченіе года въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по Нижегородской Губерніи для статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Г. Мельниковъ, извѣстный своими замѣчательными статьями о Нижегородской Губерніи, помѣщенными въ тамошнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, своимъ описаніемъ тамошней ярманки, и публичными въ Нижнемъ-Новгородѣ чтеніями «о Россіи и Нижнемъ въ началѣ XVII столѣтія» (чтеніями, на которыя собиралось болѣе 350 слушателей), состоитъ уже нѣсколько лѣтъ Правителемъ дѣлъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета и по этому званію имѣлъ возможность собрать множество любопытныхъ дан-

* Другой Членъ Р. Г. О., Князь Н. М. Голицынъ, обѣщалъ доставить одѣянія Сибирскихъ инородцевъ, собранныя имъ во время путешествія по Сибири.

ныхъ объ этомъ весьма важномъ краѣ. Поѣздки г. Мельникова въ 1848 году имѣли отчасти цѣлю повѣрить нѣкоторыя изъ полученныхъ имъ свѣдѣній, съ тѣмъ-чтобы въ 1849 году могъ онъ приступить къ систематической обработкѣ своего богатаго запаса матеріаловъ и составить для Русскаго Географическаго Общества полное описаніе Нижегородской Губерніи. Ученымъ трудамъ г. Мельникова оказывали постоянно просвѣщающее свое содѣйствіе: Преосвященный Нижегородскій Іаковъ и Начальникъ губерніи Князь Урусовъ.

6. *Труды г. Бакунина.*

Дѣйствительный Членъ Общества А. П. Бакунинъ, управляя съ 1843 года Тверской Губерніею, непрестанно заботился о собираніи статистическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ и старался всѣми зависящими отъ него средствами возбуждать въ губерніи ученую дѣятельность, направляя оную къ изученію окружающихъ малопознанныхъ предметовъ. Постоянные труды Г. Бакунина увѣнчались уже успѣхомъ, ибо въ-теченіе пяти лѣтъ, при ограниченныхъ средствахъ, бывшихъ въ его распоряженіи, составлены по его предначертаніямъ и подъ ближайшимъ его руководствомъ:

- 1) Подробное описаніе всѣхъ фабрикъ и заводовъ губерніи.
- 2) Сборники статистическихъ данныхъ за пять лѣтъ, напечатанные подъ названіемъ «Памятной Книжки къ Отчету Тверскаго Гражданскаго Губернатора».
- 3) Описаніе состоянія лѣсовъ Тверской Губерніи, неподлежащихъ вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ.
- 4) Подробное описаніе всѣхъ мельницъ, находящихся въ губерніи.
- 5) Сравнительное описаніе Тверской Губерніи въ 1783 и 1846 году.
- 6) Топографическое описаніе всѣхъ почтовыхъ и торговыхъ дорогъ губерніи.

Сверхъ-того въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ-часто были помѣщаемы статьи, содержащія любопытныя статистическія и этнографическія свѣдѣнія.

Весьма желательно, чтобъ усердный на пользу науки трудъ г. Бакунина нашелъ многихъ послѣдователей. Трудъ этотъ,

представивъ добросовѣстныхъ описаній разныхъ частей губерній и разныхъ отраслей народной ея промышленности, разъяснивъ многіе темные до того предметы и вообще собравъ записи поучительныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, облегчилъ конечно во многомъ и административную дѣятельность просвѣщающаго начальника края, который досуги свои отъ занятій служебныхъ посвящаетъ ученому изученію той области, къ управленію коей призванъ онъ Высочайшимъ довѣріемъ Государя Императора.

7. Занятія г. Дала.

В. И. Даль (Д. Ч. О.) занимался въ-теченіе года приведеніемъ въ порядокъ своихъ обширныхъ этнографическихъ запасовъ, въ-особенности — огромнаго собранія *поговорокъ и пословицъ*, и — *словарей*, который онъ предположилъ издать подъ названіемъ: «Словарь живаго народнаго Русскаго Языка по всѣмъ нарѣчіямъ». Трудъ этотъ, по самому существу своему, требуетъ не малаго времени, ибо даже разборъ, приведеніе въ систематическій порядокъ и дополненіе справками и поясненіями собранныхъ матеріаловъ, не могутъ быть окончены въ-скорости. Система, принятая г. Далемъ для расpredѣленія пословицъ, отличается тѣмъ, что онъ располагаетъ ихъ не въ азбучномъ порядкѣ, а по смыслу ихъ, и потому изъ каждаго почти разряда можно сдѣлать любопытные выводы о томъ, какъ народъ нашъ смотритъ на извѣстный предметъ, какое чувствуетъ къ нему расположеніе, и проч. Словарь г. Дала также не сходенъ съ изданными до сихъ поръ словарями. Въ нынѣшнихъ, даже самыхъ полныхъ словаряхъ, значительную часть занимаютъ, если можно такъ выразиться, слова искусственныя, въ живомъ разговорѣ рѣдко или и вовсе неупотребляемыя. Напротивъ-того живой *разговорный, въ-особенности простонародный Русскій Языкъ* вошелъ въ нихъ въ самомъ неполномъ составѣ. Въ словарѣ г. Дала большая часть словъ суть слова бытовые, обиходныя, употребляемыя народомъ ежедневно. Важность этихъ словъ для этнографіи безспорна: они касаются многихъ обычаевъ народныхъ, повѣрій, суевѣрій и проч. и весьма часто объединяютъ ихъ. Въ дополненіе къ словарю своему, г. Даль состав-

лаетъ карту, на которой будетъ показано географическое распределение разныхъ нарѣчій.

Часть матеріаловъ для помннутыхъ значительныхъ работъ извлекъ г. Даль изъ многочисленныхъ отвѣтовъ, полученныхъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ съ разныхъ концовъ Россіи на этнографическій циркуляръ, разосланный еще въ 1846 году. Изъ этого видно, что присылаемыя въ Общество свѣдѣнія, даже самыя отрывочныя или краткія, если и не всегда могутъ входить въ изданія Общества, то не остаются однако безъ вниманія, при первомъ удобствѣ съ пользою употребляются и по мѣрѣ возможности обрабатываются. При семъ случаѣ повторимъ искреннѣйшую признательность тѣмъ просвѣщеннымъ и благонамѣреннымъ соотечественникамъ, которые отозвались на призывъ Общества. Повторимъ и желаніе, чтобы сообщеніе изъ губерній мѣстныхъ словъ, поговорокъ и пословицъ продолжалось и впредь, тѣмъ болѣе, что полезное для всѣхъ Русскихъ предпріятіе г. Дали можетъ увѣичаться полнымъ успѣхомъ только при содѣйствіи значительнаго числа лицъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Г. ПРЕМІИ ЗА УЧЕНЫЕ ТРУДЫ.

1. *Константиновская Медаль.*

Совѣтъ надѣялся представить въ настоящемъ засѣданіи медаль преміи, учрежденной Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества, для награжденія географическихъ трудовъ, но къ—сожалѣнію художникъ, которому поручено было изготовленіе оной, умеръ отъ холеры; другой, на котораго нынѣ возложенъ этотъ трудъ, не успѣлъ еще его окончить.

2. *Статистическая Премія.*

Въ 1848 году предстояло Русскому Географическому Обществу во второй разъ, на основаніи положенія о Жуковской Преміи, назначить ее лучшему статистическому сочиненію о *Россіи*, написанному *по-русски*.

Представлены были къ составанію два рукописныя сочиненія, которыя заключали въ себѣ статистическія монографіи. Коммисія, учрежденная для разсмотрѣнія оныхъ, имѣя въ виду, что по новости учрежденія премій не могло еще поступить достаточнаго числа сочиненій, не присудила преміи. Отдѣленіе Статистики, утвердивъ это постановленіе, опредѣлило присоединить премію нынѣшняго года къ преміи 1849 года, и предоставило Управляющему Отдѣленіемъ А. П. Заблоцкому сдѣлать заблаговременно публикацію и назначить срокъ къ представленію сочиненій.

д. сношенія общества съ жителями губерній и съ иностранными учеными.

Въ-теченіе всего истекшаго года сношенія Общества съ жителями губерній продолжались непрерывно. Стараясь возбудить желаніе къ изученію Отечества, стараясь направлять надлежащимъ образомъ труды лицъ, посвятившихъ себя на это дѣло, Общество продолжало разсылать свои разнородныя извѣщенія, наставленія, объявленія, и всего разослало ихъ въ-теченіе года болѣе 30,000 экземпляровъ. Одно это число доказываетъ, въ какомъ обширномъ размѣрѣ дѣйствовало Общество. Отвѣты поступали непрерывно, и мы вправѣ сказать что Географическое Общество было столь счастливо, что во многихъ мѣстахъ возбуждало живѣйшее сочувствіе къ трудамъ своимъ и желаніе содѣйствовать полезной его дѣятельности. Наставленія и извѣщенія Общества находятся нынѣ во всей Россіи, читаются лицами разныхъ сословій и обратили многихъ къ труду полезному и благородному.

Посему, можно смѣло утверждать, что Географическое Общество имѣло благотворное вліяніе на умственную дѣятельность въ разныхъ концахъ Россіи: оно вездѣ согрѣвало Русскихъ любовью къ отечеству и этимъ сильнымъ способомъ побуждало ихъ къ изученію Россіи. Жители самыхъ отдаленныхъ губерній, видя, что труды ученаго сословія, удостоеннаго личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государа Великаго Князя Константина Николаевича, направлены къ этой цѣли, съ радостію отзывались на

призывъ Общества и стремились посильнымъ трудомъ своимъ способствовать благой для всей Россіи цѣли его.

Такимъ образомъ Русское Географическое Общество становится постепенно средоточіемъ ученой дѣятельности, развивающейся въ разныхъ мѣстахъ для познанія Россіи; къ нему стекаются со всѣхъ сторонъ труды множества лицъ, и въ немъ собирается обильный запасъ драгоценныхъ свѣдѣній.

Нѣкоторые наставленія и объявленія, разосланные Обществомъ, были уже поминованы въ настоящемъ отчетѣ. Должно сказать еще объ одномъ изъ нихъ, разосланномъ по Отдѣленію Этнографіи, съ цѣлію собрать свѣдѣнія о *простомъ русскомъ головѣ*, о народномъ бытѣ кореннаго русскаго населенія во всѣхъ его отгѣнкахъ. Имѣя въ виду, что тѣ свойства, тѣ отличительныя черты, которые составляютъ родовую принадлежность *русскаго головѣ*, сохранялись въ чистотѣ своей наиболѣе въ простомъ народѣ, Географическое Общество начертало подробную программу тѣхъ сторонъ, съ которыхъ простонародный бытъ долженъ быть подвергаться изученію съ пользою для Этнографіи. Оно пригласило людей любознательныхъ, въ подручныхъ наблюденію ихъ мѣстностяхъ, обратить вниманіе: 1) на наружность туземныхъ жителей, замѣчая всѣ болѣе-или-менѣе характеристическія особенности ихъ тѣлосложенія и вида; 2) на языкъ, главный органъ народности, во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ; 3) на домашній бытъ, въ которомъ всего вѣрнѣе сохраняется древнее наслѣдіе первобытныхъ нравовъ и обычаевъ народа; 4) на тѣ остатки быта общественнаго, гдѣ сила времени и другихъ вліяній не затерла слѣдовъ первоначальнаго устройства народной жизни изъ самой себя; 5) на умственныя и нравственныя отличія, во сколько видно въ нихъ природное направленіе и развитіе народнаго духа, а не внѣшніе заимствованія путемъ подражанія и перенимчивости; наконецъ 6) на народныя преданія и памятники—эту живую, безпристрастную исторію, въ которой народъ высказываетъ себя какъ онъ есть, безъ всякаго притворства и самообольщенія.—Многіе изъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ отвѣчали уже на этотъ призывъ, и нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ постепеннаго наполненія этой обширной программы должна наконецъ составиться полная, на живыхъ фактахъ основанная

энциклопедія народнаго русскаго быта, основаніе доселѣ невоздѣланной науки Русской Этнографіи.

Сношенія Общества съ иностранными учеными чрезъ посредство многихъ изъ членовъ его, продолжались. Между прочимъ г. Помощникъ Предсѣдателя О. П. Литке, г. Управляющій Отдѣленіемъ Географіи Россіи В. Я. Струве, и Князь Э. М. Голицынъ (Д.Ч.О.), которые, во время многократныхъ путешествій своихъ, завели знакомство и связи со многими изъ извѣстнѣйшихъ подвижниковъ въ дѣлѣ науки за границей, находились и въ нынѣшнемъ году въ дѣятельной перепискѣ съ ними, сообщали имъ правильныя свѣдѣнія о томъ, что совершается на пользу науки въ Россіи и наоборотъ получали отъ нихъ новѣйшія извѣстія объ успѣхахъ разныхъ отраслей Землевѣдѣнія за границей.

Изъ помянутыхъ лицъ, Князь Голицынъ находился въ постоянной перепискѣ съ Парижскими Обществами: Географическимъ и Геологическимъ. Между прочими сочиненіями сообщилъ онъ Парижскому Географическому Обществу свои переводы путешествій по Сибири Сенатора Карнилова, Мартоса и другихъ, описаніе своей поѣздки въ Финляндію, извѣстія о трудахъ нашей Уральской Экспедиціи, и проч.

В. ИЗДАВІА ОБЩЕСТВА.

Въ-теченіе 1848 года приступлено къ печатанію III-ей и IV-ой книжекъ Записокъ Общества, ко второму изданію I-ой и II-ой и сверхъ-того собраны матеріалы для V-ой и VI-ой книжекъ.

Съ начала 1848 года Общество приступило къ изданію мѣсячныхъ прибавленій къ запискамъ своимъ подъ заглавіемъ «Географическія Извѣстія». Изданіе это находилось подъ редакціею Н. И. Надеждина (Д.Ч.О.) и содержало въ себѣ:

1. Свѣдѣнія о занятіяхъ Общества въ составѣ общихъ его собраній, совѣта, отдѣленій и разныхъ комиссій, а также объ относящихся къ цѣли Общества отдѣльныхъ трудахъ гг. членовъ и сотрудниковъ.

2. Извѣстія о занятіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, имѣющихъ подобный кругъ дѣятельности.

3. Всякаго рода любопытныя географическія новости, какъ то : извѣстія о снаряжаемыхъ и объ отправленныхъ уже ученыхъ экспедиціяхъ, о путешествіяхъ предпринятыхъ въ разныя страны, сдѣланныхъ открытіяхъ и описаніяхъ, и т. п.

4. Краткія, имѣющія современный интересъ, замѣтки и указанія по-части географіи, статистики и этнографіи, преимущественно *русской*, но не исключая и другихъ странъ.

5. Библиографическія извѣстія объ изданныхъ въ послѣднее время книгахъ, картахъ, атласахъ и проч.

Нѣкоторые изъ гг. членовъ занимались приготовленіемъ статей для Статистическаго Сборника, изданіе коего предположило себѣ Отдѣленіе Статистики Россіи, и для II-го тома Карманной Книжки для любителей Землеводія.

Ж. ПЕРЕВОДЪ ЗЕМЛЕВОДІЯ РИТТЕРА.

Дѣйств. Членъ и Членъ-Соревнователь Общества П. В. Голубковъ, предположивъ издать на своемъ изданіи русскій переводъ знаменитаго творенія Риттера, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ ученымъ въ Москвѣ. Въ числѣ ихъ находится и ученикъ Риттера А. П. Ефремовъ (Д.Ч.О.). Онъ уже перевелъ первый томъ, который и печатается въ Москвѣ подъ его наблюденіемъ. Потомъ г. Голубковъ доставилъ Обществу 5,000 р. сер. на составленіе дополненій къ сочиненію Риттера, соответственныхъ новѣйшему положенію географическихъ знаній. Въ-послѣдствіи-же, не признавъ удобнымъ продолжать въ Москвѣ переводъ и изданіе Риттера, г. Голубковъ предложилъ Географическому Обществу принять на себя это многотрудное дѣло, и доставилъ на сей предметъ 15,000 р. сер. Предложеніе г. Голубкова было принято съ полною признательностію за его благородный подвигъ на пользу науки.

Изо всего вышеизложеннаго, Ваше Императорское Высочество и Вы, Милостивые Государи, изволите усмотрѣть, что истекшій годъ былъ для Русскаго Географическаго Общества годомъ по преимуществу *труда*, годомъ непрерывныхъ, раз-

вообразныхъ занятій. Свойство многихъ ученыхъ работъ Общества таково, что только послѣ многолѣтней постоянной дѣятельности окажутся во всей полнотѣ своей результаты ихъ; только въ самомъ концѣ труда являются плоды его. Посему-то прошедшій годъ и не можетъ еще представить прямыхъ результатовъ тѣхъ ученыхъ работъ, которыя продолжались непрерывно во все его теченіе.

Въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали ученые экспедиціи; отдѣльныя комиссіи занимались по разнымъ частнымъ вопросамъ науки; отдѣленія Общества разсматривали и обсуживали положенія этихъ комиссій; многіе изъ гг. членовъ занимались отдѣльно учеными изслѣдованіями; Общество находилось въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями разныхъ губерній; переписка со многими иностранными учеными поддерживалась; собрано много важныхъ и любопытныхъ статей для наполненія вдругъ нѣсколькихъ томовъ Записокъ; готовились статьи для Статистическаго Сборника, для Обзорія Русской Торговли, для II-го тома Карманной Географической Книжки; готовился переводъ огромнаго творенія Риттера; гравировалась этнографическая карта Европейской Россіи, и со всѣхъ предѣловъ отечества нашего собирались свѣдѣнія, къ познанію его полезныя.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ всей вышензложенной ученой дѣятельности Географическаго Общества.

Оканчивая настоящій отчетъ, Совѣтъ Географическаго Общества съ удовольствіемъ обращаетъ вниманіе Вашего Императорскаго Высочества и ваше, Милостивые Государи, на наступившій четвертый годъ существованія Общества. Въ теченіе этого наступившаго года должны явиться нѣкоторые плоды многихъ трехлѣтнихъ работъ. Остается желать, чтобы единоедушное стремленіе всѣхъ членовъ къ той цѣли, которая насъ здѣсь соединяетъ, продолжалось непрерывно, чтобы просвѣщенная любовь къ Россіи оживляла всѣ труды наши и чтобы изученіе Россіи подвигло впередъ и Науку на пользу и славу Отечества.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА V,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. Г. РѢДКИНА,

ДѢЙСТВ. ЧЛЕНА ИМП. РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1851.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 23 февраля 1851 года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

О Т Ч Е Т Ъ РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за 1849 годъ,

*читанный въ годовомъ собраніи Общества, 22 февраля 1850 года,
въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Вели-
каго Князя Константина Николаевича, Предсѣдателя
Общества.*

*Ваше Императорское Высочество
и Милостивые Государи!*

Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества имѣетъ честь
представить Вамъ краткое обзорнѣе дѣйствій Общества за
четвертый годъ его существованія.

Въ обзорнѣи семь, Совѣтъ считаетъ долгомъ обратить
предварительно вниманіе Ваше на предметы, относящіеся до
внутренняго устройства самаго Общества, и затѣмъ перейти къ
изложенію ученыхъ трудовъ его на обширномъ поприщѣ, ко-
торое указано его дѣятельности.

А. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА.

Коммисія, учрежденная Обществомъ, еще въ исходѣ 1847
года, для пересмотра Временнаго Устава, Высочайше одобрен-
наго 6 августа 1845 на три года, составила, какъ извѣстно
Собранію, въ 1848 году, проектъ новаго Устава, который былъ и

внесень на разсмотрѣніе Совѣта. Здѣсь трудъ Комисіи подвергся подробному обсужденію; вслѣдствіе чего, представленный ею проектъ отчасти измѣненъ, отчасти дополненъ, а затѣмъ, по отпечатаніи, разосланъ ко всемъ Дѣйствительнымъ Членамъ для просмотра. Обсудивъ всѣ представленныя гг. Членами замѣчанія, Совѣтъ, вмѣстѣ съ особо-избранными отъ Общества Членами, составилъ, въ теченіе минувшаго года, окончательный проектъ новаго Устава, который былъ предъявленъ Общему Собранію Общества, и, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, и съ нѣкоторыми сдѣланными Его Высочествомъ замѣчаніями, представленъ, чрезъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на Высочайшее утвержденіе.

Не входя здѣсь въ подробное изложеніе измѣненій, предположенныхъ противъ Временнаго Устава, слѣдуетъ замѣтить, что многочисленныя и продолжительныя разсужденія, происходившія при пересмотрѣ Устава, и свидѣтельствующія какъ о важности самаго предмета, такъ и объ отчетливости и добросовѣстности, съ которыми онъ обсуживался въ особой Комисіи и Совѣтѣ, имѣли всѣ одинъ характеръ и одно направленіе: не измѣняя высокой патріотической цѣли, указанной дѣятельности Общества во Временномъ Уставѣ, выразить эту цѣль съ большею, по возможности, ясностію и опредѣлительностію, и изыскать наиболѣе практическіе, согласные съ указаніями четырехлѣтняго опыта, способы къ достиженію этой цѣли.

Эта мысль, которою руководилось Общество, заслужило въполнѣ одобреніе высшаго Правительства. Въ давномъ, 28 числа минувшаго декабря, милостію Августѣйшаго Монарха нашего, новымъ Уставъ, въ который вошли предположенныя Комисіею и Совѣтомъ частныя измѣненія, не только утверждены прежде предоставленныя Обществу значительныя пособія и правъ, но и дарованы новыя преимущества, присвоеніемъ ему наименованія Императорскаго Географическаго Общества и правъ государственной службы Письмоводителямъ Канцеляріи его. Высокія милости, оказываемыя Обществу нашему Августѣйшимъ Покровителемъ всякаго полезнаго начинанія, всякой полезной дѣятельности въ отечествѣ, обязываютъ насъ, Милостивые Государи, къ продолженію и къ усугубленію, по возможности, трудовъ нашихъ.

По истеченіи трехлѣтняго срока дѣйствовавшаго донынѣ Временнаго Устава Общества, надлежало, еще въ концѣ 1848 года, на основаніи § 44 сего Устава, приступить къ избранію, на слѣдующее трехлѣтіе, Предсѣдателя; но Общество нашло необходимымъ приостановиться симъ дѣломъ, до окончательнаго пересмотра и утвержденія Устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Общемъ Собраніи 4 декабря 1848 года положено единогласно выразить, предъ лицомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, ревностное желаніе, чтобы Его Высочество осчастливилъ Общество милостивымъ сохраненіемъ званія Предсѣдателя, и продолжилъ бы тѣмъ Высокое Свое покровительство, какъ вѣрнѣйшій залогъ преуспѣянія Общества. Изъявленное Его Императорскимъ Высочествомъ согласіе на удержаніе за собою званія Предсѣдателя принято Обществомъ съ чувствомъ живѣйшей признательности, какъ новое свидѣтельство милостиваго вниманія къ Обществу.

Въ составѣ Совѣта произошли, въ минувшемъ году, слѣдующія перемѣны:

Выбыли по очереди, на основаніи § 12 Временнаго Устава, Члены: А. И. Левшинъ и Э. Х. Ленцъ; Н. И. Надеждинъ избранъ въ Управляющіе Отдѣленіемъ Этнографіи; за умножившимися служебными занятіями, сложили съ себя званіе Членовъ Совѣта: П. Н. Фусъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Намѣсто сихъ 5 Членовъ, избраны, въ годовомъ Собраніи 12 января 1849 года, Дѣйствительные Члены Общества: Д. А. Милотинъ, А. М. Бялжевичъ и И. П. Шульгинъ, и въ Общемъ Собраніи 12 апрѣля: П. А. Тучковъ и А. С. Норокъ.

Составъ самаго Общества увеличился избраніемъ 39 Дѣйствительныхъ Членовъ и 6 Членовъ Сотрудниковъ. Къ 4 декабря 1849 года Общество имѣло:

Почетныхъ Членовъ	45
Иностранныхъ Почетныхъ Членовъ	13
Членовъ Соревнователей	2
Дѣйствительныхъ Членовъ	375
Членовъ Сотрудниковъ	44
Иностранныхъ Членовъ Корреспондентовъ	23

Состояніе суммъ, съ 1 декабря 1848 по 1 декабря 1849 года, о которыхъ представляется, въ настоящемъ засѣданіи, подробная печатная ведомость, было, въ общихъ цифрахъ, слѣдующее :

Остатка къ 1 декабря 1848 г.	25,683 р. 86 $\frac{1}{2}$ к.
Въ приходѣ	31,330 — 67 $\frac{1}{2}$ —
Въ расходѣ	7,898 — 2 —
Остатка къ 1 декабря 1849 г.	49,116 — 52 $\frac{1}{2}$ —
Въ томъ числѣ :	
а) Остатка отъ текущихъ доходовъ	12,446 — 8 $\frac{1}{2}$ —
б) Неприкосновеннаго капитала	3,600 —
в) Суммъ, имѣющихъ специальное назначеніе на разныя ученыя предпріятія	32,670 — 44 —

По части казначейской составлены Совѣтомъ дополнителныя правила, для удобнѣйшей и легчайшей отчетности по ежегоднымъ взносамъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ.

Библіотека Общества обогатилась 376 сочиненіями. Изъ нихъ: принесено въ даръ отъ сочинителей 38;
куплено на счетъ Общества 338.

Главное приращеніе произошло отъ пріобрѣтенія, у книгопродавца Смирдина, всѣхъ извѣстнѣйшихъ, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ сочиненій по части географіи, статистики и этнографіи Россіи. Для выбора сихъ сочиненій была составлена особая Комиссія изъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ : А. С. Норова, Н. И. Надеждина и П. С. Савельева. Комиссіею выбрано 220 сочиненій, которыя всѣ и пріобрѣтены.

До минувшаго года бібліотека Общества находилась въ заведываніи Секретаря. Съ постепеннымъ ея приращеніемъ, Совѣтъ призналъ необходимымъ поручить заведываніе ея особому лицу. При этомъ Д. Ч. П. Н. Семеновъ, желая быть полезнымъ Обществу зависящими отъ него средствами, вызвался принять на себя безвозмездно обязанности Библіотекаря. Принявъ съ благодарностію такой вызовъ г. Семенова, Совѣтъ призналъ его Библіотекаремъ, и просилъ приступить немедленно къ составленію систематическаго каталога книгамъ, картамъ и рукописямъ, находящимся въ бібліотекѣ. Каталогъ этотъ нынѣ изготовленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ проектъ инструкціи для руководства Библіотекаремъ.

Музей Общества увеличился, въ минувшемъ году, нѣсколькими любопытными предметами. Отъ березовскаго купца Андрея Трофимова присланы въ даръ Обществу одежды инородцевъ Березовскаго Края; отъ Архангельскаго Военнаго Губернатора — одежды инородцевъ Архангельской Губерніи; отъ Д. Ч. князя Н. М. Голицына — лѣтній парадъ Туингуса Якутской Области.

Въ заключеніе къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о состояніи Общества и его устройствѣ, слѣдуетъ упомянуть о предположеніи, для распространенія ученой дѣятельности Общества, учредить на Кавказѣ особый Отдѣлъ его.

Нѣкоторые Члены Общества и многія другія лица, находящаяся постоянно на Кавказѣ, занимаются изученіемъ этого края; но труды ихъ, появляясь довольно рѣдко въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, болѣею частью остаются въ портфеляхъ и архивахъ. Съ цѣлю, чтобы столь полезная дѣятельность не оставалась безъизвѣстною, чтобы она получила одно общее направленіе, и чтобы взаимное содѣйствіе трудящихся облегчилось, по возможности, работу каждаго, сообщено было г. Намѣстнику Кавказскому предположеніе объ учрежденіи, подъ его покровительствомъ, особаго Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) чтобы Отдѣлъ самъ увеличивалъ составъ свой избраніемъ въ Члены свои тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть для него полезны, а эти лица тѣмъ самымъ получали бы званіе Членовъ Сотрудниковъ Р. Г. О.; 2) чтобы тѣ сочиненія гг. Членовъ Отдѣла, которыя они не пожелаютъ издать на свой счетъ, и на изданіе коихъ Начальство Кавказское не признаетъ возможнымъ удѣлить денежныхъ средствъ, сообщались Обществу въ С.-Петербургъ, для напечатанія по его усмотрѣнію, и 3) чтобы Кавказскій Отдѣлъ находился въ постоянномъ сношеніи съ Р. Г. Обществомъ, и получалъ безденежно всѣ его изданія, а въ случаѣ возможности, и нѣкоторые денежные средства. Впрочемъ желательно было бы, чтобы Главное Начальство края также предоставило, съ своей стороны, нѣкоторые способы для полезной дѣятельности Отдѣла. — Одобривъ эти предположенія и изъявивъ пол-

кую готовность содействовать полезной цѣли Общества, Его Сіятельство, князь Намѣстникъ просилъ Советъ дать сему дѣлу дальнѣйшій ходъ и прислать ему проектъ Устава для Отдѣла, дабы, по разсмотрѣніи сего проекта, онъ могъ доставить тѣ замѣчанія, которыя найдутся нужными по мѣстнымъ обстоятельствамъ края. Проектъ такого Устава, составленный, по порученію Совета, гг. Дѣйствительными Членами Н. И. Надеждинымъ и А. В. Головиннымъ, и подробно разсмотрѣнный и дополненный въ Советѣ, препровожденъ уже къ князю Михаилу Семеновичу Воронцову.

Б. УЧЕННЫЕ ТРУДЫ.

1. УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Изъ послѣдняго отчета Обществу извѣстно о блистательномъ успѣхѣ, съ которымъ совершенно, не смотря на много-различныя затрудненія, лѣтомъ 1848 года, главнымъ отрядомъ Уральской Экспедиціи, при коемъ находился самъ Начальникъ Экспедиціи, полковникъ Э. К. Гофманъ, изслѣдованіе Уральского Хребта, отъ истоковъ Войкара до самаго Ледовитаго Моря, а также о неодолимомъ препятствіи, которое встрѣтилъ второй отрядъ, майора Стражевскаго, по случаю потери всѣхъ оленей, въ возложенномъ на него изслѣдованіи части восточнаго склона хребта. По возвращеніи, въ исходѣ 1848 г., Начальника Экспедиціи въ С.-Петербургъ, сопровождавшій его къ Ледовитому Морю астрономъ Экспедиціи, магистръ Ковальскій отправился въ Обдорскъ для занятій, которыя, по составленному плану, подлежало ему окончить въ продолженіе зимы съ 1848 на 1849 годъ. Разставшись съ полковникомъ Гофманомъ у Карскаго Лимана, и опредѣливъ мысъ Толстой, г. Ковальскій предпринялъ путешествіе вдоль береговъ моря, и обогнувъ сѣверную оконечность Урала, достигъ устья рѣки Пыдераты. Здѣсь онъ положительно убѣдился, что восточная цѣпь Урала, помѣщенная на картѣ Регули, въ дѣйствительности не существуетъ. Переехавъ Пыдерату и достигнувъ р. Щучин, г. Ковальскій спустился внизъ по этой рѣкѣ до Оби, и по сей послѣдней прибылъ; 17. сентября 1848 г., въ Обдорскъ.

На восточной сторонѣ Урала г. Ковальскому предстоило опредѣленіе Обдорска, Березова и некоторыхъ мѣстъ по Оби между этими двумя городами. Всѣ эти работы окончены астрономомъ, съ совершеннымъ успѣхомъ, къ 4 января 1849 года. 16 января онъ оставилъ Тобольскую Губернію, и на оленяхъ ижемскаго крестьянина Терентьева, который отказался отъ всякаго вознагражденія, переехалъ по р. Уссу на Печору. Наступившая оттепель затруднила чрезвычайно путешествіе вверхъ по Печорѣ до г. Чердыни. Мѣстами онъ долженъ былъ идти на лыжахъ. Прибывъ въ Чердынь 23 февраля, г. Ковальскій соединилъ этотъ городъ хронометрически съ деревнею Усть-Улсуи и сопкою Монинъ-Тумпъ, близъ истоковъ Вишеры. 21 марта онъ оставилъ Чердынь, и 17 апреля 1849 года прибылъ въ С.-Петербургъ. Всего, въ теченіе двухлѣтнихъ работъ на Уралѣ и въ при-Уралѣ, астрономъ Экспедиціи опредѣлялъ: на самомъ Уралѣ 167 точекъ, изъ нихъ — 49, и, кромѣ того, измѣрилъ геодезически 40 высотъ. Въ это послѣднее число не входятъ произведенныя имъ барометрическія нивелированія.

Для доставленія г. магистру Ковальскому возможности привести окончательныя вычисленія всѣхъ этихъ многочисленныхъ наблюденій, Совѣтъ, по ходатайству г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, опредѣлилъ продолжить этому ревностному молодому ученому еще на одинъ годъ, съ 9 апреля 1849 г., то содержаніе, какое онъ получалъ отъ Общества, находясь при Уральской Экспедиціи въ качествѣ астронома.

Въ то же самое время Совѣтъ вошелъ въ подробныя соображенія объ окончательномъ изслѣдованіи той части Уральского Хребта, описаніе котораго предоставлено было отряду майора Стражевскаго. Незислѣдованною осталась именно часть хребта между горою *Косымъ-Нырѣ*, лежащею на пути изъ деревни Оранца въ Березовъ подъ $64\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш., и *Кополовымъ Переходомъ*. Между тѣмъ это пространство, на протяженіи всего не болѣе 200 верстъ, есть, быть можетъ, наиболѣе доступная, по природѣ своей, часть Уральского Хребта, такъ что съемка и изслѣдованіе этой части, по мнѣнію бывшаго Начальника Уральской Экспедиціи, могутъ быть окончены въ два мѣсяца, если только, послѣ падежа, остались еще тамъ олени, или мож-

мо ихъ пригнать туда. Въ этомъ предположеніи, г. Гофманъ составилъ подробный планъ дополнительной экспедиціи лѣтомъ 1850 года, для изслѣдованія означеннаго пространства Уральскаго Хребта. По плану сему, обсужденному и вполне одобренному Совѣтомъ, составъ экспедиціи ограничится тремя лицами: геогностомъ, топографомъ и служителемъ. Первый приготовится, въ теченіе зимы, и къ астрономическимъ опредѣленіямъ, которыхъ придется сдѣлать весьма немного, собственно между 64 и 66° сѣвер. шир. Какъ до 1 іюня горы, по причинѣ снѣговъ, непроходимы, то путешественники отправятся изъ Петербурга не ранѣе половины апрѣля, для прибытія къ концу мая въ Оранецъ. Здѣсь должны ждать экспедицію олени, на которыхъ она отправится чрезъ горы Сабля до Квосьмъ - Ньяра, — отдаленнѣйшаго пункта, до котораго достигъ г. Гофманъ въ 1847 году. Отсюда путешественники направятся, по самому хребту горъ, на сѣверъ до пункта, гдѣ раздѣлилась Экспедиція въ 1848 году подъ 66° с. ш., и оттуда по р. Уссъ, или притоку ея р. Лемвъ, гдѣ должна быть приготовлена помѣстительная лодка для отплытія въ Печору. Изслѣдованіе всей неосмотрѣнной еще части Урала должно быть приведено къ окончанію къ срединѣ іюля. Затѣмъ путешественники могутъ быть въ концѣ іюля на р. Печорѣ, а обратно въ Петербургъ въ началѣ сентября.

Озабочиваясь благовременнымъ принятіемъ мѣръ къ обезпеченію успѣха этого предпріятія, Совѣтъ Общества вошелъ, еще въ началѣ минувшаго лѣта, въ сношеніе съ Помощникомъ Пинежскаго Окружнаго Начальника Государственныхъ Имуществъ, имѣющимъ пребываніе въ слободѣ Ижмѣ, и просилъ его принять на себя трудъ договорить одного изъ Ижемскихъ Зырянъ къ поставкѣ, къ исходу мая 1850 года, необходимыхъ для путешествія оленей, нартъ, переводчика и рабочихъ, и приготовить лодку на Лемвъ или Уссъ, гдѣ, по мѣстнымъ сообщеніямъ, представится болѣе удобнымъ. Въмѣстѣ съ симъ, сообщено было, что Его Императорское Высочество, Августѣйшій Предсѣдатель Общества, основываясь на отзывѣхъ полковника Гофмана о прекрасномъ духѣ и отважности Зырянъ, надѣется, что они, по преданности своей къ Правительству и отечеству, не откажутся содѣйствовать этому предпріятію, и

приведуть его къ счастливому концу, со свойственными имъ рѣзкостію и смелостію.

По отзыву, полученному отъ Пинежскаго Помощника Окружнаго Начальника еще въ началѣ сентября 1849 года, Ижемскіе Зыряне съ полною готовностію изъявили согласіе поставить, въ началѣ будущаго лѣта, подъ проводъ экспедиціи къ указанному мѣсту, потребныхъ оленей, съ нартами, вожатыми, переводчикомъ и рабочими, для чего, въ родѣ пожертвованія, подписались болѣе чѣмъ на 200 оленей. Лодка тоже будетъ приготовлена на рѣкѣ Усѣѣ. Если послѣдовалъ бы, однакоже, въ лѣто текущаго года, подобно двумъ предыдущимъ годамъ, падежъ оленей, который лишилъ бы Зырянъ возможности доказать усердіе свое къ дѣлу, предпринимаемому на пользу общую, то о семъ Географическое Общество будетъ увѣдомлено заблаговременно.

Донельзя не получено никакихъ неблагопріятныхъ извѣстій на счетъ состоянія оленьихъ стадъ и Ижемскихъ Зырянъ, и есть полная надежда, что предполагаемая дополнительная экспедиція увѣнчается успѣхомъ.

Между тѣмъ всѣ многочисленныя и важныя матеріалы, собранныя главною Экспедиціею, какъ собственно по части географіи, такъ и для зоологіи, ботаники, геогнозіи, приводились, въ теченіе всего минувшаго года, подъ надзоромъ полковника Гофмана, въ порядокъ, для обнародованія ихъ на судъ ученаго свѣта.

Астрономъ Экспедиціи, г. Ковальскій, занимался, съ примѣрнымъ усердіемъ, вычисленіемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ многочисленныхъ астрономическихъ, геодезическихъ, барометрическихъ и магнитныхъ наблюденій. Работы его, по главнѣйшей, собственно астрономической части, уже окончены, и дали возможность приступить къ составленію подробной карты изслѣдуемаго края. Карта эта составляется участвовавшими въ Экспедиціи офицерами Корпуса Топографовъ, гг. Брагинымъ и Юрьевымъ, въ масштабѣ 25 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Сѣть къ ней изготовлена Д. Ч. Общества, полковникомъ О. О. Максимовымъ, а подлежащіе къ нанесенію на сѣть астрономически-опредѣленные пункты уже сообщены г. Ковальскимъ. Карта будетъ окончена не позже апрѣля ны-

вѣшного года. Зоологическая коллекція приведена въ порядокъ г. академикомъ Брандомъ, а ботаническая г. академикомъ Рупрехтомъ. Сдѣланныя самимъ Начальникомъ Экспедиціи геогностическія наблюденія обработаны и приведены въ порядокъ, еще частію во время самаго путешествія. Опрежденіе собранныхъ окаменѣлостей принялъ на себя извѣстный нашъ ученый, графъ Кейзерлингъ. По полученіи отъ него этого труда, вся геогностическая часть можетъ быть окончательно обработана въ самомъ непродолжительномъ времени.

Г. Гофманъ представилъ Совѣту подробный планъ изданія трудовъ Уральской Экспедиціи и приблизительное исчисленіе необходимыхъ на этотъ предметъ издержекъ. Предварительно разсмотрѣнія этого плана во всей подробности, Совѣтъ, въ видахъ сокращенія издержекъ Общества по этому изданію, обратился съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о принятіи въ семь дѣлъ участія Горнымъ Вѣдомствомъ, для котораго обнародованіе геогностическаго и палеонтологическихъ изслѣдованій должно принести непосредственную пользу. Г. Министръ Финансовъ увѣдомилъ нынѣ, что, вслѣдствіе ходатайства Общества, онъ имѣлъ счастье войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ отпускѣ Обществу, въ два года, изъ суммъ Горнаго Вѣдомства, 5,300 р. серебромъ, на изданіе въ полномъ объемѣ сочиненія изслѣдованій Уральской Экспедиціи; на что, 20 истекшаго января, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Совѣтъ поручилъ полковнику Гофману представить сообщенія свои о порядкѣ изданія и подробную смету всѣмъ предстоящимъ по этому предмету издержкамъ.

II. ИСПРАВЛЕНІЕ МЕЖЕВЫХЪ ГУБЕРНСКИХЪ АТЛАСОВЪ.

Въ отчетахъ за 1847 и 1848 г. сообщено было, что, по предположенію Общества о постепенномъ исправленіи губернскихъ атласовъ, служащихъ матеріаломъ для значительной части спеціальной 60-ти листовой карты Россіи, и по составленному въ Обществѣ плану и техническому наставленію для производства съ сею цѣлію геодезическихъ работъ, начаты были сіи работы, по Высочайшему повелѣнію, еще въ 1847 году въ Тверской Губерніи, чинами Межеваго Корпуса, подъ начальствомъ Д. Ч. генералъ-маіора Мендта. Въ сихъ же отче-

такъ изложено было о томъ непосредственномъ участіи, которое приняло Общество въ семь важномъ дѣлѣ, опредѣленіи, посредствомъ особой хронометрической экспедиціи, географическаго положенія значительнаго числа пунктовъ въ губерніяхъ: Владимирской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Орловской.

Въ мартѣ минувшаго года г. Министръ Юстиціи уведомилъ Общество, что г. Военный Министръ, удостовѣривъ въ успѣхъ работъ, производимыхъ генераль-маіоромъ Медетомъ, и въ пользу принятой для нихъ системы (ибо симъ способомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Генеральный Штабъ получитъ топографическія карты двухъ губерній, вполнѣ соответствующія его потребностямъ, а Межевое Вѣдомство будетъ имѣть вѣрно-составленные атласы тѣхъ губерній), подносилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о продолженіи этого государственнаго труда совокупными силами Генеральнаго Штаба и Межеваго Вѣдомства. Его Императорское Величество, выслушавъ докладъ сей съ удовольствіемъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить продолжать это полезное дѣло производствомъ подобныхъ геодезическихъ работъ и въ другихъ обмежеванныхъ губерніяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Московскаго Меридіана, начавъ, въ 1849 году, съ Рязанской Губерніи, и руководствуясь при этомъ принятыми для сего по Тверской Губерніи способомъ и порядкомъ; по окончаніи же работъ въ Рязанской Губерніи, приступить къ съемкѣ Владимирской, потомъ Ярославской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Казанской губерній, такъ, чтобы въ 1859 году, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ, всѣ эти десять губерній были сняты; для чего и назначить къ симъ работамъ, вмѣсто 36 межевщиковъ, при нихъ находящихся, 40, а вмѣсто прикомандированныхъ 4 офицеровъ Корпуса Топографовъ, 8. Къ исполненію изъясненной Высочайшей воли приняты, въ минувшемъ же году, надлежащія мѣры гг. Министрами Военнымъ и Юстиціи.

Что касается до самаго хода геодезическихъ работъ, то г. Главный Директоръ Межеваго Корпуса уведомилъ Общество: 1) что, въ бытность свою, въ минувшемъ году, въ Москвѣ, объѣздивъ ихъ лично и нашедъ въ наилучшемъ видѣ; 2) что, въ теченіе минувшаго лѣта, съемка всей Тверской Губерніи уже

совершенно окончена, а по Рязанской Губерніи съ 15 мал по 1 октября всего пройдено, снятіемъ почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ и рѣкъ, 5,505½ верстъ, и привязано 541 пунктъ генеральныхъ междъ, 17 тригонометрическихъ и 19 астрономическихъ.

Изъ всего изложеннаго Собраніе увидить, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ, что начатое, по предположенію Общества и частію при содѣйствіи его, дѣло составленія вѣрныхъ губернскихъ атласовъ продолжаетъ производиться, подѣ просвѣщеннымъ управленіемъ нашего достопочтеннаго Сочлена, г. Главнаго Директора Межеваго Корпуса, съ успѣхомъ, который, видя въ соотвѣтствіи видамъ Правительства, общаешь, вмѣстѣ съ тѣмъ, обогатить, въ непродолжительномъ времени, географію Россіи обильнымъ запасомъ новыхъ и возможно-вѣрныхъ топографическихъ свѣдѣній о внутреннихъ губерніяхъ.

При утвержденіи Его Императорскимъ Величествомъ плана геодезическихъ работъ по сочиненію атласа Имперіи, было Высочайше предоставлено Русскому Географическому Обществу, какъ извѣстно Собранію: «составить, по предварительномъ сношеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Генеральнымъ Штабомъ и Межевымъ Вѣдомствомъ, «подробную инструкцію Межевымъ Чиномъ для производства «статистическихъ работъ при геодезическихъ дѣйствіяхъ». Учрежденная для сего при Статистическомъ Отдѣленіи особая Комиссія, рассмотрѣвъ въ подробности сообщенныя ей, въ видѣ матеріаловъ, свѣдѣнія изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нашла необходимымъ, для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нее порученія, просить о сообщеніи ей еще нѣкоторыхъ свѣдѣній, какъ отъ сказаннаго Министерства, такъ и отъ Межеваго Вѣдомства и Генеральнаго Штаба, и предложила, какъ удобнѣйшее средство для полученія всѣхъ необходимыхъ ей данныхъ, просить все три упомянутыя вѣдомства, чтобы они назначили по одному изъ своихъ чиновниковъ, занимающихся специально симъ предметомъ, въ составъ Комиссіи. Предположеніе это, сообщенное г. Главному Директору Межеваго Корпуса, передано имъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ при ономъ учреждена, для этого же дѣла, особая Комиссія, въ которой назначенъ Членомъ чиновникъ и отъ Межеваго Вѣдомства.

Но получивши ожидаемого отклика, Советъ войдетъ въ под-
лежащее сношеніе о согласіи на работъ обнхъ Коммисіи по
составленію упомянутой инструкціи Межевымъ Чинамъ.

III. ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВЫСОТЪ ВНУТРИ РОССИИ, ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО ПЕНЗЫ.

Вслѣдствіе предложенія Д. Ч. барона Ал. К. Мейендор-
фа о разностороннемъ изслѣдованіи черноземной полосы внут-
ренней Россіи, предположено было Советомъ, какъ извѣстно
гг. Членамъ изъ прошлагодняго отчета, привести въ исполне-
ніе одну географическую часть этого проекта, именно изслѣ-
дованіе высотъ, составляющихъ сѣверную границу чернозем-
ной полосы, и опредѣленіе проходящей по нимъ оси дево-
нской системы (древняго краснаго песчаника), и поручено бы-
ло г. Управлявшему Отдѣленіемъ Общей Географіи, Гр. П.
Гельмерсену, представить ближайшія по сему предмету со-
ображенія.

По разсмотрѣніи представленныхъ г. Гельмерсеномъ пред-
положеній, Советъ положилъ: 1) по значительной длинѣ всей
возвышенной полосы, подлежащей къ изслѣдованію въ геогно-
стическомъ и физико-географическомъ отношеніяхъ, и прости-
рающейся на 4,200 верстъ, и по невозможности произвести
эти изслѣдованія въ короткое время, распределить исполненіе
этого труда на два года, съ тѣмъ, чтобы въ лѣтніе мѣсяцы
1849 года изслѣдовать сѣверо-западную половину упомянутыхъ
высотъ, отъ Витебской Губерніи до береговъ Дона, а въ слѣ-
дующій годъ восточную половину, отъ береговъ Дона до Вол-
ги; 2) для точнаго опредѣленія высоты девоновской полосы надъ
уровнемъ моря, произвести, вмѣсто барометрическихъ наблю-
деній, геодезическую нивелировку, именно посредствомъ усо-
вершенствованныхъ въ Вѣнѣ дистанциемессеровъ * Штаммера,
и 3) для успѣха предположеннаго предпріятія, геогностиче-
скія изслѣдованія и нивелированіе произвести разными лиц-
ми, такъ какъ геогностъ долженъ указать путь геодезисту, и
для сего предварительно ознакомиться съ мѣстностію.

* Съ устройствомъ и способомъ употребленія сего превосходнагоinstru-
мента Д. Ч. генералъ-маіоръ Волотовъ подробно описываетъ гг. Члены въ
одномъ изъ Общихъ Собраній, въ 1849 году.

Согласно такому вѣдѣнію своему, Совѣтъ принялъ немедленно мѣры къ снаряженію, еще въ 1849 году, предполагаемой ученой экспедиціи. Еще въ началѣ 1849 года сдѣлано было, чрезъ Посольство наше въ Вѣнѣ, сношеніе съ Директоромъ инструментальнаго заведенія при тамошнемъ Политехническомъ Институтѣ объ изготовленіи Обществу для сей экспедиціи двухъ усовершенствованныхъ дистанциемессеровъ; а съ приближеніемъ времени, удобнаго для отправленія экспедиціи, Совѣтъ обратился съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о назначеніи отъ Горнаго Вѣдомства и на его издѣленіи Члена Совѣта Общества, полковника Гр. П. Гельмерсена, въ качествѣ геогноста и начальника экспедиціи, и въ Департаментъ Генеральнаго Штаба о командированіи въ экспедицію, для геодезическихъ работъ, одного оберъ-офицера Корпуса Военныхъ Топографовъ и двухъ военныхъ топографовъ.

Г. Министръ Финансовъ, изъявивъ согласіе на командированіе полковника Г. П. Гельмерсена, встрѣтилъ, однакоже, затрудненіе въ отнесеніи, въ минувшемъ году, издержекъ по сей командировкѣ на счетъ горныхъ суммъ. Департаментъ же Генеральнаго Штаба, по случаю бывшей въ минувшемъ году крайней потребности въ топографахъ для самаго Военнаго Вѣдомства, не имѣлъ возможности командировать ни одного изъ нихъ въ распоряженіе Общества.

По сими обстоятельствамъ, Совѣтъ, затрудняясь въ отправленіи для однихъ геогностическихъ изслѣдованій полковника Гельмерсена, и притомъ съ значительными для Общества издержками, не вошедшими въ смету на 1849 г., и принявъ въ соображеніе, что геодезическая нивелировка, къ которой въ минувшемъ году не могло быть приступлено за неимѣніемъ топографовъ, должна быть произведена, во всякомъ случаѣ, подъ наблюденіемъ начальника экспедиціи, нашелъ необходимымъ отложить и самыя геогностическія изслѣдованія до 1850 года, дабы затѣмъ всѣ работы по экспедиціи могли быть окончены, какъ предполагено, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Между тѣмъ инструменты, заказанные въ Вѣнѣ, получены Обществомъ еще въ теченіе минувшаго лѣта, и по испытаніи Д. Ч. А. П. Болотовымъ, найдены превосходными. — Озабочен-

ваясь благовременнымъ принятіемъ всѣхъ мѣръ къ успешному ходу экспедиціи, Совѣтъ обратился, еще въ концѣ минувшаго года, вновь съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о командированіи, на изживеніи Горнаго Вѣдомства, опытнаго въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ штабъ-офицера Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

Г. Министръ Финансовъ уведомилъ нынѣ, что имъ назначенъ въ предположенную въ текущемъ году Обществомъ экспедицію полковникъ Г. П. Гельмерсенъ, съ оставленіемъ получаемого имъ по службѣ содержанія и съ назначеніемъ ему особаго пособія на командировку.

Совѣтъ сдѣлаетъ, въ слѣдъ за симъ, всѣ необходимыя распоряженія къ снаряженію экспедиціи.

IV. ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЮЖНЫЙ ЕГИПЕТЪ.

Магистръ Ценковский, отправленный въ 1847 году, по ходатайству Общества, и при пособіи его и другихъ ученыхъ учреждений, въ Южный Египетъ съ экспедиціею полковника Ковалевскаго, для изслѣдованій по части географіи и естественныхъ наукъ, оставался, для продолженія возложенныхъ на него ученыхъ занятій, въ долину Нила и по возвращеніи г. Ковалевскаго въ 1848 г. въ Россію. По полученнымъ нынѣ извѣстіямъ, г. Ценковский окончилъ изслѣдованія свои въ теченіе минувшаго года, и, оставивъ Египетъ, прибылъ въ Триестъ, откуда возвратится въ Россію чрезъ Швейцарію и Германію. У Генеральнаго Консула нашего въ Египтѣ оставлены г. Ценковскимъ, для отправленія въ С.-Петербургъ, богатая коллекція разныхъ предметовъ естественной исторіи. Совѣтъ надѣется, что двухгодичныя изслѣдованія г. Ценковскаго въ любопытномъ краѣ, по которому онъ путешествовалъ, обогатятъ новыми свѣдѣніями и науки, входящія непосредственно въ кругъ занятій Общества.

V. ТРУДЫ РАЗНЫХЪ КОМИССІЙ.

- 1) *Составленіе проекта о производствѣ наблюдений надъ качаніями маятника въ разныхъ мѣстахъ Россіи.*

Д. Ч. А. Н. Савичъ сдѣлалъ Совѣту Общества предложеніе о производствѣ наблюдений надъ качаніями маятника, или

надъ относительнымъ напряженіемъ силы тяжести земли въ разныхъ странахъ Россіи, чрезъ которыя проходитъ дуга меридіана, опредѣляемого градуснымъ измѣреніемъ. При этомъ А. Н. Савичъ вошелъ въ нѣкоторыя объясненія и соображенія, относительно выбора пунктовъ для наблюденій и необходимаго для нихъ снаряда.

Важность наблюденій надъ перемѣнами силы тяжести въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности неоспорима, ибо они представляютъ для физической географіи драгоценный матеріалъ, изъ котораго можно выводить хотя нѣкоторыя заключенія о внутреннемъ строеніи земли. До сихъ поръ болѣею частью наблюденій надъ качаніями маятника произведена была учеными мореплавателями хотя и на твердой землѣ, но въ со-
сѣдствѣ съ обширными морями въ западной части Европы; въ восточной же совершенно еще весьма мало наблюденій. Одобривъ, по симъ уваженіямъ, предложеніе г. Савича, и полагая, что Русское Географическое Общество, согласно самой цѣли его учрежденія, должно способствовать къ распространенію въ нашемъ отечествѣ такихъ работъ по части географіи; которыя, по существу своему, сохранять навсегда почетное мѣсто въ наукѣ, Советъ назначилъ особую Коммисію изъ г. Управляющаго Отдѣленіемъ Географіи Россіи В. Я. Струве и гг. Членовъ Э. Х. Ленца и А. Н. Савича, для подробнаго обсужденія и дальнѣйшаго развитія сдѣланнаго предложенія. Коммисія эта приступила къ совѣщаніямъ еще въ концѣ истекшаго года.

2) *Разработываніе географической терминологіи.*

Коммисія, учрежденная для разработыванія русской географической терминологіи, продолжала свои занятія и въ минувшемъ году. Въ теченіе 1848 и 1849 годовъ доставлены въ Коммисію, преимущественно посторонними Обществу лицами, съ разныхъ концовъ Россіи, немалозначительныя собранія мѣстныхъ географическихъ терминовъ. Собранный, такимъ образомъ, запасъ русскихъ географическихъ словъ уже достаточенъ для систематической ихъ обработки, къ которой Коммисія не замедлитъ приступить.

3) *Разсмотрѣніе китайскаго географическаго лексикона, составленнаго Членомъ Сотрудникомъ З. О. Леонтьевскимъ.*

Членъ Сотрудникъ г. Леонтьевскій, сообщивъ, что онъ, въ теченіи 15 лѣтъ, занимается составленіемъ китайскаго энциклопедическаго лексикона, обратился съ просьбою въ Совѣтъ о напечатаніи на счетъ Общества или всего лексикона, или отдѣльно, по русскому алфавиту и по порядку китайскихъ ключей, сокращеннаго китайскаго географическаго лексикона, съ указаніемъ сочиненій, изъ которыхъ можно извлечь для него матеріалы. По важности источника, представляемаго китайскою литературою для географіи сопредѣльных нашему отечеству частей Средней Азіи, Совѣтъ обратилъ на предложеніе г. Леонтьевскаго особое вниманіе, и назначилъ, для разсмотрѣнія составленнаго имъ энциклопедическаго лексикона, особую Комисію: изъ Члена Сотрудника Архимандрита Аввакума и Дѣйствительныхъ Членовъ: Г. П. Гельмерсена и В. В. Григорьева.

4) *Исследование состоянія внутренней торговли Россіи.*

Въ отчетъ за 1848 годъ изложено было подробно предположеніе Отдѣленія Статистики издать, на пожертвованную с.-петербургскимъ купечествомъ сумму 5000 р. сер. для исследования состоянія внутренней торговли Россіи, особое сочиненіе, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе внутренней торговли Россіи», и упомянуто было объ учрежденномъ при Отдѣленіи Издательномъ Комитетъ, для приведенія въ дѣйствіе этого предпріятія.

По разсмотрѣніи и утвержденіи Совѣтомъ въ началѣ минувшаго года представленнаго Отдѣленіемъ плана сего изданія, было приступлено къ немедленному отпечатанію, въ 1200 экземплярахъ, подробной программы, въ которой объяснены сущность и порядокъ изложенія предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ Обозрѣнія. Программа эта была сообщена всѣмъ гг. Членамъ Общества, съ просьбою оказать изданію, предпринимаемому на пользу общую, содѣйствіе сообщеніемъ свѣдѣній по тѣмъ изъ предметовъ, которые кому ближе извѣстны, а равно приглашеніемъ къ сему и постороннимъ Обществу лицъ. Вместе съ тѣмъ, по ходатайству Совѣта Общества, сказанная программа разслана въ потребномъ количествѣ

экземпляровъ, Почтовымъ Департаментомъ, Департаментомъ Сельскаго Хозяйства, Департаментомъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и Департаментомъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, въ подвѣдомственные имъ присутственныя мѣста и къ подчиненнымъ имъ лицамъ, съ приглашеніемъ доставить въ Общество тѣ ответныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть ими собраны по вопросамъ, изложеннымъ въ программѣ. Сверхъ того, Совѣтъ обратился съ такимъ же ходатайствомъ во все Общество Сельскаго Хозяйства, и, чрезъ гг. Начальниковъ Губерній, во все Губернскіе Статистическіе Комитеты. Отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ получено благосклонное дозволеніе одному изъ сотрудниковъ Редакціи Обозрѣнія, г. Крюкову, извлечь изъ матеріаловъ Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ оказаться нужными для предполагаемаго изданія.

Изъявленная, какъ многими изъ гг. Членовъ Общества, такъ и Правительственными мѣстами и лицами, полная готовность содѣйствовать этому, столь важному, для отечественной статистики и въ особенности для торгующаго сословія, предпріятію, подаетъ Совѣту основательную надежду, что, по истеченіи нѣкотораго времени, необходимаго для собранія и обработки мѣстныхъ свѣдѣній, требуемыхъ программой, въ Обществѣ сосредоточится богатый запасъ новыхъ и возможно - вѣрныхъ матеріаловъ для описанія внутренней торговли. Въ настоящее время, по невозможности опредѣлить еще, положительнымъ образомъ, количество и объемъ матеріаловъ, которые могутъ быть пріобрѣтены этимъ путемъ, обширный, многосложный и разнообразный трудъ, который предначертанъ программой Обозрѣнія, долженъ естественно нѣсколько замедлиться въ самомъ его началѣ. Тѣмъ не менѣе Редакція не только длительно заботится, съ своей стороны, объ изысканіи и пріобрѣтеніи матеріаловъ, посредствомъ частныхъ сношеній, пользуясь всякимъ благопріятнымъ къ тому случаемъ, но и приступила уже частію къ самому составленію статей, которыя, согласно программѣ, должны составить первый отдѣлъ предполагаемаго сочиненія, именно: Обозрѣніе главныхъ отраслей внутренней торговли Россіи. Статьи о хлѣбѣ составляются П. С. Усовымъ; о скотѣ, сѣнѣ и кожахъ П. С. Крюковымъ и г. Хо-

децкимъ; статья: пенька, ленъ, масло конопляное и льнової товаръ принялъ на себя Д. Ч. И. С. Вавиловъ.

5) *Разсмотрѣніе проекта г. Члена Сотрудника Журавскаго объ устройствѣ оффиціальной статистики.*

Коммисія, назначенная для разсмотрѣнія какъ проекта г. Члена Сотрудника Журавскаго объ устройствѣ оффиціальной статистики, такъ и представленныхъ имъ многочисленныхъ образцовъ статистической обработки оффиціальныхъ матеріаловъ, представила Совѣту мнѣніе свое объ этомъ обширномъ и замѣчательномъ трудѣ. Нашелъ, согласно заключенію Коммисіи, что полное статистическое описаніе какой-либо губерніи, составленное самимъ г. Журавскимъ съ тою же подробностію, какъ представленные образцы, и на основаніи всѣхъ указанныхъ имъ источниковъ, могло бы сдѣлаться дѣйствительно образцовымъ трудомъ для занимающихся статистическими изслѣдованіями, и что ученый трудъ подобнаго рода заслуживалъ бы посему возможнаго поощренія со стороны Общества, Совѣтъ отнесся къ г. Журавскому съ предложеніемъ: принять на себя составленіе статистическаго описанія Кіевской Губерніи, въ которой онъ имѣетъ мѣстопробываніе, и просилъ, въ случаѣ согласія, сообщить Совѣту какъ подробную программу такого труда, такъ и предположенія свои о средствахъ, которыя надлежало бы для сего предоставить со стороны мѣстнаго Губернскаго Начальства и Русскаго Географическаго Общества.

VI. ТРУДЫ НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА, НЕЗАВИСИМО ОТЪ РАБОТЪ ОТДѢЛЕНІЙ И КОММИСІЙ.

Этнографическая карта и полный этнографическій атласъ Европейской Россіи.

Собранію извѣстно, что Сочленъ нашъ П. И. Кеппель принялъ на себя, по порученію Общества, составленіе и приготовленіе къ изданію этнографической четырехлистовой карты Европейской Россіи. Гравированіе названій на 2 и 4 листахъ, составляющихъ восточную половину всей карты, продолжалось и окончено въ теченіе минувшаго года. Собственно граверныя работы нѣсколько замедлялись по необходимости:

★

1) отдѣлать карту удовлетворительнѣе той, которая была принята въ основаніе; 2) увеличить число надписей, и 3) неоднократно измѣнять и отдѣлывать вновь нѣкоторыя части карты.

Для полученія всѣхъ необходимыхъ данныхъ для сей карты, продолжалась, какъ отъ Общества, такъ и отъ самаго П. И. Кеппена, переписка съ Правительственными мѣстами и немалымъ числомъ лицъ. Отъ г. Виленскаго, Гродненскаго и Минскаго Генералъ-Губернатора доставлены были весьма подробныя свѣдѣнія о селеніяхъ Виленской и Гродненской губерній, обитаемыхъ Литовцами, Поляками, Евреями и другими инородцами, и вѣдомости о Татарахъ и Цыганахъ, проживающихъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ; а отъ Начальника Херсонской Губерніи свѣдѣнія о числѣ Болгаръ, обитающихъ въ этой губерніи. При содѣйствіи нѣсколькихъ любителей этнографіи (въ томъ числѣ гг. Ленрота, Кастрена, Тикканета и др.) получены П. И. Кеппеномъ, между прочимъ, весьма важныя замѣчанія о разноплеменныхъ жителяхъ Финляндіи. Д. Ч. графъ Дм. Андр. Толстой, во время пребыванія своего, въ минувшемъ году, въ Западныхъ Губерніяхъ, содѣйствовалъ также П. И. Кеппену въ полученіи точнѣйшихъ свѣдѣній о жителяхъ сихъ губерній.

Весьма важны изысканія, произведенныя П. И. Кеппеномъ, объ этнографическихъ отношеніяхъ С.-Петербургской Губерніи. Вслѣдствіе собственныхъ его поѣздокъ и сношеній съ приходскими священниками, онъ убѣдился, что число жителей, принадлежащихъ къ финскимъ поколѣніямъ *Воти* (Чудь) и *Ижоры*, гораздо значительнѣе, чѣмъ показывалось донинѣ. Въ минувшемъ году, наконецъ, рѣшенъ вопросъ о томъ, какого колѣвна тѣ Финны, которые обитаютъ въ сѣверо-восточной части Лугскаго Уѣзда: оказалось, что это *Ижоры*.

Независимо отъ этнографической карты Россіи, приготовляемой къ изданію отъ Общества, П. И. Кеппенъ предложилъ, въ началѣ минувшаго года, изготovitъ для Общества акземпляръ полнаго этнографическаго атласа Европейской Россіи, составленнаго имъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, изъ 60 листовъ спеціальнѣйшей карты Западной Россіи и сдѣлкомъ 40 листовъ подробной (такъ - называемой *столистой*) карты Россіи. Советъ, принявъ съ благодарностью

это предложеніе, назначилъ, въ распоряженіе П. И. Кеп-
пена, сумму необходимую на изготовленіе сего экземпляра.
Трудъ сей оконченъ еще въ теченіе минувшаго года.

Труды П. И. Срезневскаго.

Д. Ч. Профессоръ И. И. Срезневскій составилъ этногра-
фическую карту Европы на четырехъ листахъ, съ обозначеніемъ
пространства, занятаго каждымъ изъ племенъ и языковъ евро-
пейскихъ. Карта эта будетъ издана какъ приложеніе къ эт-
нографическому обозрѣнію Европы, приготавлируемому къ печати.

Труды И. М. Симонова.

Д. Ч. Общества и Заслуженный Профессоръ Император-
скаго Казанскаго Университета И. М. Симоновъ занима-
ясь, въ теченіе минувшаго года, вычисленіемъ сдѣланныхъ имъ,
во время астрономическаго путешествія его по Казанской,
Симбирской и частію Оренбургской губерніямъ, барометриче-
скихъ наблюденій, для опредѣленія возвышенія многихъ мѣстъ
сего края надъ уровнемъ моря. Въ особой запискѣ, сообщен-
ной г. Симоновымъ Обществу, изложены какъ самый журналъ
его наблюденій, такъ и полученные изъ нихъ, почтеннымъ Со-
членомъ нами, выводы, которыми опредѣляется возвышеніе
надъ уровнемъ моря 31 пункта въ восточной Россіи.

Труды И. Ѳ. Штукенберга.

Членъ Сотрудникъ И. Ѳ. Штукенбергъ предложилъ Совѣ-
ту составить для Общества особую карту, съ обозначеніемъ
постепеннаго приращенія Имперіи, съ 1650 года до Адриано-
польскаго мира, и оборонительныхъ линій, которыя были учреж-
даемы, въ теченіе этого времени, противу вѣнскихъ враговъ.
Совѣтъ принялъ съ благодарностію это предложеніе И. Ѳ. Шту-
кенберга.

Независимо отъ сего, г. Штукенбергъ продолжалъ тру-
диться, въ теченіе минувшаго года, надъ изданіемъ указателя
источниковъ для географіи, статистики, картографіи и этно-
графіи Россіи, и полагаетъ приступить къ печатанію втораго
отдѣленія этого труда; которое будетъ состоять изъ такъ на-
зываемой имъ законодательной статистики (*legale Statistik*),

т. е. систематическаго обозрѣнія всѣхъ статистическихъ свѣдѣній, заключающихся въ Полномъ Собраніи Законовъ съ 1649 года.

Труды А. П. Архипова.

Членъ Сотрудникъ А. П. Архиповъ занимался составленіемъ для Общества весьма подробнаго описанія Ногайцевъ, кочующихъ въ Ставропольской Губерніи. По сообщенной имъ программѣ, въ составъ этого описанія входитъ географическое обозрѣніе земель, находящихся въ пользованіи Ногайцевъ, статистическое и этнографическое обозрѣніе сихъ инородцевъ. Для совершенной полноты и ясности описанія Ногайцевъ, г. Архиповъ заказалъ уже, и доставить вмѣстѣ съ трудомъ своимъ въ Общество, разныя серебряныя украшенія женской одежды и значительное число моделей разныхъ орудій, употребляемыхъ въ домашнемъ быту Ногайцевъ.

Пятинадцатилѣтнее знакомство г. Архипова съ Ногайцами и сообщенныя уже прежде Обществу этнографическія замѣтки о Тукменахъ * заставляютъ полагать, что и оканчиваемый имъ нынѣ трудъ обогатитъ прекрасною статью одно изъ изданій Общества.

Кромѣ изслѣдованій о Ногайцахъ, предметомъ занятій г. Архипова въ минувшемъ году было собраніе разныхъ матеріаловъ по изданной Обществомъ программѣ для обозрѣнія внутренней торговли Россіи.

Труды Профессора В. И. Лаппина.

Сверхъ замѣчательной статьи: «О сухомъ туманѣ, бывшемъ въ апрѣлѣ 1849 года въ южныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи», уже напечатанной въ Географическихъ Извѣстіяхъ, Членъ Сотрудникъ В. И. Лаппинъ обрабатывалъ, въ теченіе минувшаго года, метеорологическія наблюденія, произведенныя имъ въ Харьковѣ съ 1844 по 1849 годъ. Г. Лаппинъ приводитъ къ окончанію сводъ этихъ наблюденій и надѣется представить его въ скоромъ времени Обществу.

* Замѣтки эти были напечатаны въ 6 выпускѣ Географическихъ Извѣстій за 1848 годъ, подъ заглавіемъ: «Три дня въ аулѣ Юсуфъ-Кады».

Труды А. А. Рафаловича.

Д. Ч. А. А. Рафаловичъ, кромѣ читанной имъ, въ одномъ изъ собраній Общества, статьи: «Этнографическія замѣтки о Нубійцахъ», которая будетъ напечатана въ V книжкѣ Записокъ Общества, приступилъ, въ прошедшемъ году, къ печатанію иностраннаго труда, подъ заглавіемъ: «Этнографическіе очерки Константинополя», и окончилъ первую часть «Записокъ русскаго путешественника на востокъ», въ которомъ содержится описаніе Южнаго Египта и внутреннихъ областей Дельты.

Труды Э. Н. Эйхвальда.

Д. Ч. Э. Н. Эйхвальдъ сообщилъ Обществу, также въ одномъ изъ собраній минувшаго года, статью о совершенномъ имъ, въ 1848 году, путешествіи въ Алжиръ и къ подошвамъ Атласа, въ которой представилъ весьма любопытныя подробности о настоящемъ положеніи Алжиріи и главнаго ея города, и занимаясь, сверхъ того, въ теченіе минувшаго года, любопытнымъ, въ этнографическомъ и анатомическомъ отношеніяхъ, сравненіемъ черепа Кабиловъ и Лезгиновъ.

Труды В. В. Григорьева.

Советъ поставилъ себѣ долгомъ упомянуть, съ особою благодарностію, о трудахъ Д. Ч. В. В. Григорьева, заведывавшаго, въ теченіе минувшаго года, редакціею Географическихъ Извѣстій и принявшаго на себя, сверхъ того, редакцію IV книжки Записокъ Общества.

Мѣстные изслѣдованія разныхъ Членовъ Общества.

Многіе изъ иногородныхъ гг. Членовъ Общества занимаютъ ся непрестанно собираніемъ и обработываніемъ мѣстныхъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній.

Советъ считаетъ долгомъ упомянуть здѣсь о слѣдующихъ извѣстныхъ ему работахъ сего рода, которыя производились, въ минувшемъ году, нѣкоторыми Дѣйствительными Членами и Членами Сотрудниками.

Членъ Сотрудникъ контръ-адмиралъ Кузьминцевъ занимался собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о мореходныхъ купеческихъ судахъ Архангельской Губерніи, и приводитъ этотъ трудъ уже къ окончанію. По краткой программѣ сего труда, сообщенной

почтеннымъ Сотрудникомъ Обществу, можно ожидать, что избранный имъ и столь мало извѣстный донынѣ предметъ его изслѣдованій будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ.

Членъ Сотрудникъ Н. Н. *Мурзавичъ* занимался собираніемъ свѣдѣній о селахъ и деревняхъ Екатеринославской Губерніи, которую объѣзжалъ минувшимъ лѣтомъ; г. Д. Ч. *Ляликовъ* -- составленіемъ географическихъ замѣтокъ о Новороссійскомъ Краѣ; Д. Ч. *Азбукинъ* -- составленіемъ историко-статистическаго описанія Орловской Губерніи; гг. Члены Сотрудники: Н. М. *Семеновскій* -- изслѣдованіемъ Малороссійскаго Края, о которомъ онъ составляетъ географическія, статистическія и этнографическія записки; А. П. *Рославскій-Петровскій*, Профессоръ Харьковскаго Университета -- разработкою матеріаловъ для полной статистики Харьковской Губерніи и собственно для «Обозрѣнія внутренней торговли» пополненіемъ, согласно изданной отъ Общества программъ, доставленныхъ имъ уже прежде въ Общество свѣдѣній о ходѣ торговли на харьковскихъ ярмаркахъ; М. Ѳ. *Арбузовъ* -- статистическимъ описаніемъ города Великихъ-Луки и его уѣзда.

Сверхъ сихъ вновь начатыхъ въ минувшемъ году работъ, должно упомянуть еще о занятіяхъ извѣстнаго своими статистическими работами Д. Ч. П. И. *Мельникова*, который продолжалъ трудиться надъ собираніемъ и обработкою матеріаловъ для полного описанія Нижегородской Губерніи; Д. Ч. А. П. *Бакунина*, которымъ сообщены составленные и изданные, подъ его руководствомъ: а) сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской Губерніи за 1848 годъ, подъ заглавіемъ: «Памятная книжка къ отчету Тверскаго Гражданскаго Губернатора» и б) описаніе всѣхъ мельницъ, находящихся въ губерніи, и Д. Ч. В. И. *Далъ*, который продолжаетъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ и приготовленіемъ къ изданію собранныхъ имъ богатыхъ матеріаловъ для русскаго народнаго словаря.

VII. СНОШЕНІЯ ОБЩЕСТВА СЪ ЖИТЕЛЯМИ ГУБЕРНІЙ И СЪ ИНОСТРАННЫМИ УЧЕНЫМИ.

Въ теченіе всего минувшаго года, Общество находилось въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями губерній, получая

постоянно, изъ всѣхъ частей нашего отечества, болѣе или менѣе обширныя статьи и замѣтки, съ отвѣтами и свѣдѣніями по разнымъ разосланнымъ отъ него наставленіямъ и объявленіямъ. Искреннее и живое участіе, оказанное всеми сословіями ученымъ предпріятіямъ Общества, имѣющимъ цѣлю ближайшее познаніе Россіи, свидѣтельствуешь о пользѣ и современной потребности самыхъ предпріятій, и оживляетъ надежду, что Общество, стремясь неослабно къ достиженію указанной ему Уставомъ цѣли, заслужитъ одобреніе соотечественниковъ.

О подробной программѣ, разосланной отъ Общества для полученія разныхъ свѣдѣній о внутренней торговлѣ Россіи, было уже выше упомянуто. Здѣсь должно сказать еще нѣсколько словъ объ успѣхѣ сношеній Общества по собранію свѣдѣній, служащихъ къ опредѣленію климата и этнографическихъ матеріаловъ.

По разосланнымъ, въ апрѣль мѣсяцѣ 1848 года, печатнымъ программамъ о собраніи свѣдѣній климатологическихъ, получены, въ концѣ того же и въ началѣ 1849 года, отвѣты отъ многихъ лицъ, — къ сожалѣнію, не отъ всѣхъ тѣхъ, къ кому обращалось Общество съ этими вопросами. Причины такой неполноты заключаются въ томъ, что до иныхъ программы сіи дошли слишкомъ поздно, отчасти осенью, и нѣкоторые вопросы о явленіяхъ весны и лѣта потому самому не могли быть ими удовлетворительно рѣшены; эпидемія, свирѣпствовавшая въ разныхъ частяхъ Имперіи, необычайная засуха въ южныхъ губерніяхъ и другія неблагопріятныя обстоятельства, ознаменовавшія 1848 годъ, лишили другихъ всякой возможности дѣлать наблюденія надъ природою по указаніямъ Общества. А какъ, сверхъ того, изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ прежней программѣ, то дополненія эти, въ началѣ 1849 года, составлены и разосланы, въ числѣ 6000 экземпляровъ, чрезъ мѣстныхъ Начальствъ, къ тѣмъ, которые отвѣтовъ своихъ еще не доставили, съ новымъ приглашеніемъ ихъ сообщить замѣчанія свои о физическихъ явленіяхъ, бывшихъ въ 1849 году. Письмъ ежедневно получаютъ, въ значительномъ количествѣ, ожидаемые отзывы и сообщенія по этой части.

Плоды самые обильные и чрезвычайно полезныя пріобрѣтены Обществомъ вслѣдствіе программы, разосланной имъ

по Отдѣленію Этнографіи, съ цѣлію собрать на мѣстахъ живыя свидѣнія о народномъ бытѣ разнообразнаго населенія нашего великаго отечества, въ особенности коренной и господствующей его стихіи русской.

Число отвѣтовъ на эту программу, поступившихъ доселѣ въ Общество, простирается до 500 номеровъ. Они получаютъ со всѣхъ концовъ Россіи, не выключая отдаленныхъ предѣловъ Сибири. Присылаютъ ихъ лица всѣхъ сословій и званій: помѣщики, чиновники, духовенство, городскіе и даже сельскіе обыватели. Нельзя при семъ не порадоваться сколько, съ одной стороны, тому общему радушію, какимъ встрѣченъ всюду призывъ Общества участвовать въ его трудахъ, столько же, или еще болѣе, той вѣрности и точности, съ которой, почти всѣми отвѣчавшими, поняты намѣренія Общества, изложенныя въ программѣ, а равно и той добросовѣстности и отчетливости, съ которыми составлена большая часть отвѣтовъ. Главный предметъ ихъ есть народность русская, для которой собственно и составлена разосланная отъ Общества программа; но нѣкоторые касаются и другихъ инородческихъ элементовъ населенія Россіи, какъ-то: литовскаго, румынскаго, въ особенности финскаго и отчасти татарскаго. Не всѣ отвѣты исчерпываютъ все содержаніе программы; многіе преимущественно или даже и исключительно занимаются наблюденіями лингвистическими; вслѣдствіе чего собранъ уже довольно богатый запасъ любопытныхъ матеріаловъ о разныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ и отгѣнкахъ русскаго живаго языка, которыхъ польза для этнографіи не подлежитъ сомнѣнію. Но всего важнѣе полныя отвѣты на программу, изъ которыхъ многіе имѣютъ видъ тщательно-обработанныхъ и совершенно-удовлетворительныхъ монографій разныхъ мѣстностей, городовъ, посадовъ, мѣстечекъ и прочихъ селеній, описанныхъ прямо съ натуры ихъ природными или давнишними жителями: содержащіяся въ нихъ этнографическія, а также топографическія и статистическія подробности, не оставляютъ ничего желать для полнаго, въ видахъ науки, познанія этихъ мѣстностей, изъ которыхъ большая часть до сихъ поръ ученому свѣту неизвѣстна даже и по имени. При этомъ Свѣтъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ засвидѣтельствовать съ признательностью, что наибольшую частію этихъ драгоценныхъ мо-

пографіи обязано Общество мѣстнымъ православнымъ священникамъ, личное усердіе которыхъ было, какъ видно, ободряемо и покровительствуемо просвѣщенными архипастырями. Особенно въ семъ отношеніи должно упомянуть имя Сотрудника нашего, Высокопреосвященнаго Архіепископа Нижегородскаго *Іакова*, который и самъ лично почтилъ насъ многими заслуживающими полную признательность присылками; а потомъ изъ управляемой имъ Епархіи получено наиболѣе отъ духовныхъ лицъ мѣстныхъ описаній, отличающихся подробностію и отчетливостію. Инспекторъ тамошней Епархіальной Семинаріи, Іеромонахъ Макарій, нынѣ признанный Сотрудникомъ Общества, одинъ доставилъ и продолжаетъ доставлять множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній и изслѣдованій о мордовскомъ населеніи Нижегородской Губерніи, которое, какъ видно, составляетъ специальный предметъ его занятій. Заклѣчимъ увѣдомленіемъ, что всѣ полученные, такимъ образомъ, матеріалы нынѣ рассмотрѣны Членами Общества по Отдѣленію Этнографіи, и что уже предполагено приступить къ постепенному изданію ихъ въ свѣтъ, подъ надзоромъ и распоряженіемъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Надеждина.

Сношенія Общества съ иностранными учеными продолжались и въ минувшемъ году, частію непосредственно отъ Совета, частію чрезъ посредство нѣкоторыхъ изъ гг. Членовъ Общества. Д. Ч. князь Е. М. Голицынъ, находясь въ постоянной перепискѣ съ Парижскимъ Географическимъ Обществомъ, извѣщалъ оное объ ученой дѣятельности нашего Общества, и препровождалъ въ переводѣ отрывки изъ замѣчательнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ нашихъ изданіяхъ.

VIII. ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА.

Въ теченіе минувшаго 1849 г., вышла въ свѣтъ III книжка Записокъ Общества и печаталась IV книжка. Сверхъ того, отпечатаны вторымъ изданіемъ: а) I и II книжки Записокъ и б) Карманная книжка для любителей землѣдѣнія, которая, между разными изданіями Общества, имѣла наибольшій успѣхъ.

Географическія Извѣстія, имѣющія цѣлю своевременное сообщеніе любителямъ географіи и прикосновенныхъ къ ней

наукъ, какъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ самаго Общества, такъ и вообще текущихъ любопытныхъ новостей по сими наукамъ, издавались, въ прошедшемъ году, подъ редакціею Д. Ч. В. В. Григорьева. Съ настоящаго года редакцію этого повременнаго изданія принялъ на себя Д. Ч. М. И. Талызинъ.

Членъ Соревнователь Общества, коллежскій совѣтникъ П. В. Голубковъ, известный многочисленными пожертвованіями въ пользу распространенія въ Россіи географическихъ свѣдѣній объ Азій, далъ новое доказательство усердія своего къ успѣхамъ науки. Желая содѣйствовать изданію генеральной карты Азій, которая была бы составлена по достовѣрнѣйшимъ и новѣйшимъ свѣдѣніямъ объ этой части свѣта, онъ препроводилъ въ Общество 2000 руб. сер., съ просьбою употребить эти деньги для достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе сего, по предварительномъ сношеніи съ известнымъ Директоромъ Веймарскаго Географическаго Института, докт. Фрориномъ, заключено Совѣтомъ, въ апрѣлѣ минувшаго года, условіе съ Институтомъ, о составленіи, въ семь послѣднемъ, по новѣйшимъ матеріаламъ, большой стѣнной карты Азій на 4 листахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Представивъ Вамъ, Милостивые Государи, очеркъ годичныхъ занятій Общества, Совѣтъ возобновилъ только въ памяти вашей какъ дѣйствія свои, о которыхъ онъ доводилъ до Вашего свѣдѣнія въ мѣсячныхъ собраніяхъ, такъ и собственныя труды Ваши. Изъ этого очерка Вы убѣдитесь, что Общество, по всемъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій, отчасти предприняло, отчасти дало ходъ и направленіе важнымъ для науки и отечества изслѣдованіямъ.

Результаты нѣкоторыхъ изъ сихъ изслѣдованій должны явиться въ скоромъ времени въ разныхъ приготовляемыхъ Обществомъ изданіяхъ. Совѣтъ не сомнѣвается, что, при единомыслии стремленіи гг. Членовъ къ исполненію обязанности, которую они приняли сами на себя по чувству благороднаго соревнованія къ пользамъ географическихъ наукъ, и по мѣрѣ распространенія сношеній Общества съ разными лицами внутри

Имперіи, труды Общества будутъ съ каждымъ годомъ приносить плоды, тѣмъ болѣе обильные, что нынѣ, щедротами Августѣйшаго Монарха, упрочено существованіе Общества, и дарованы ему всѣ средства къ достиженію его полезной и патріотической цѣли.

ОПИСАНІЕ

АРАЛЬСКАГО МОРЯ.

*Статья Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана,
Макисева **

О географіи Турана, или бассейна Аральскаго моря, существовали, до позднѣйшихъ временъ, весьма темныя, неточныя и часто одно другому противорѣчащія понятія. Это происходило, вѣроятно, отъ того, что страна за Ураломъ и Каспійскимъ Моремъ представляетъ совершенно голую степь, не одаренную ни однимъ изъ тѣхъ естественныхъ произведеній, которыя бы могли возбудить вниманіе торговаго міра, и обитаемую постоянно племенами кочующими, а слѣдовательно болѣе или менѣе невѣжественными и чуждыми народамъ образованнымъ. Только въ позднѣйшія времена и вслѣдствіе сближенія съ одной стороны Россіи, а съ другой англійской Восточной Индіи съ Среднею Азією, географія этой страны начала мало по малу разъясняться. Въ 1848 и 1849 годахъ оказаны особенно важныя услуги въ этомъ отношеніи тщательнымъ изслѣдо-

* Препровождена въ Императорское Русское Географическое Общество изъ Военнаго Министерства по Высочайшему повелѣнію, для напечатанія въ Запискахъ Общества. Г. Макисевъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Флота капитанъ-лейтенанта Бутакова.

занієм Аральскаго Моря, на основаніи котораго и составленъ предлагаемое описаніе, съ прибавленіемъ очерка историческихъ о немъ извѣстій.

*Историческія извѣстія объ Аральскомъ Морѣ *.*

Греческіе географы имѣли весьма неточныя понятія о бассейнѣ Каспійскаго и Аральскаго морей. Почти всѣ они утверждали, что Каспійское Море непосредственно соединяется съ Ледовитымъ. Многіе признаки прежняго пребыванія странъ Средней Азіи подъ морскою водою, постепенное высыханіе Каспійскаго, особенно Аральскаго Моря, и другихъ озеръ Киргизской Степи, наконецъ преданія Китайцевъ о *горькомъ морѣ* въ Сибири,—все вмѣстѣ согласуется съ этимъ извѣстіемъ **. Гумбольдтъ относитъ, однакоже, это соединеніе ко временамъ за-долго доисторическимъ, когда вся огромная впадина Турана могла составлять обширное внутреннее море, которое сливалось съ одной стороны съ Чернымъ, а съ другой, полоскою болѣе или менѣе широкою, съ Ледовитымъ и озерами Теле, Таласъ и Балкашъ.

Что же касается до Аральскаго Моря, то греческіе географы не упоминаютъ о немъ ни слова, а описывая теченіе *Яксарта* (Сыръ-Дарья) и *Окуса* (Аму-Дарья), единогласно и положительно говорятъ, что обѣ эти рѣки впадаютъ въ Каспійское Море. Левшинъ, разобравъ показанія древнихъ о Яксартѣ, выводитъ заключеніе, что, во времена Александра Великаго,

* Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены только выводы изъ изслѣдованій *Левшина* (Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей) и *Гумбольдта* (*Asie centrale*).

** О пониженіи уровня Аральскаго Моря можно судить: по разсказамъ стариковъ-Киргизовъ; по обнаженію изъ-подъ воды мелей, превращающихся въ острова; по прибрежнымъ утесамъ, поднятымъ волненіемъ на высоту, до которой теперешнее волненіе достигнуть не можетъ, и по береговымъ насыпямъ гальновъ и песку. Сравнивая карту геодезиста Муравина, составленную въ 1741 году, съ нынѣшними, видимъ, что въ его время заливъ Сары-Чаганакъ вдавался въ материкъ на 80 перстъ далѣе теперешняго. Баронъ Мейендорфъ, путешествовавшій въ Бухару въ 1839 году мимо сѣверо-восточныхъ береговъ Аральскаго Моря, говоритъ, что, по словамъ старыхъ Киргизовъ, оно, лѣтъ за 40 назадъ, простиралось до высотъ Сары-Вулакъ и Кукъ-Туинакъ, а теперь эти высоты находятся отъ берега вѣрста въ 60.

Аральское Море составляло часть Каспійскаго; но Гумбольдтъ не разделяетъ этого мнѣнія. Невѣдѣніе, въ которомъ находилась вся классическая древность относительно существованія Аральскаго Моря, не доказываетъ, по мнѣнію Гумбольдта, непремѣннаго соединенія обоихъ бассейновъ, а могло произойти совершенно отъ другихъ причинъ; положеніе плоской возвышенности Усть-Урта, какъ бы ни была нова ея формація, должно было послужить преградою подобному соединенію.

Свѣдѣніями о существованіи Усть-Урта мы обязаны экспедиціи полковника Берга (нынѣ генералъ-квартирмейстеръ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), произведенной, въ концѣ 1825 и началѣ 1826 годовъ, отъ Сарайчиковской Крѣпости на Уралѣ до западныхъ береговъ Аральскаго Моря*. Подъ именемъ Усть-Урта, означающимъ по-киргизски возвышенную (устъ) равнину (уртъ) (plateau), разумѣется, обыкновенно, перешеекъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, около 600 футовъ высоты надъ поверхностію своихъ бассейновъ. Плоскость Усть-Урта очерчивается крутымъ, обрывистымъ берегомъ, называемымъ по-киргизски *Чинкъ*. Хотя берегъ этотъ отъ времени довольно обрушился, но донынѣ еще такъ крутъ, что не вездѣ доступенъ для взохода. Плоская возвышенность представляется глазамъ голою степью, почва которой состоитъ изъ песчаной глины, переходящей въ пески и солонцы, съ весьма скудною растительностію. На востокъ Усть-Уртъ примыкаетъ къ Аральскому Морю и простирается еще верстъ на 100 южнѣе; далѣе Чинкъ поворачиваетъ на западъ; потомъ идетъ на сѣверо-западъ къ южной оконечности залива Кайдакъ, образуетъ восточный его берегъ, проходитъ мимо южнаго берега Мертваго Култука и отсюда слѣдуетъ почти прямо на сѣверо-востокъ къ южной части Мугоджарскихъ горъ,

* Участвовавшіе въ этой экспедиціи гг. офицеры: *Анжу*, *Загоскинъ* и *Дюгамель* произвели, подъ руководствомъ полковника Берга, отъ 13 января по 1 февраля, на протяженіи 242 верстъ, отъ Мертваго Култука до Аральскаго Моря, прямо на востокъ, подъ 45° с. ш., барометрическую нивелировку: оказалось, что уровень Аральскаго Моря выше поверхности Каспійскаго 117,652 англійскими футами (почти 17 саженьми). Въ этой же экспедиціи участвовалъ, въ качествѣ натуралиста, *Эверсманъ*, слывшій описаніе Усть-Урта, изъ котораго помѣщено здѣсь извлеченіе.

гдѣ и теряется. Отъ этой точки до сѣверо-западнаго угла Аральскаго Моря берегъ Усть-Урта не крутъ; Чинка нѣтъ вовсе; его замѣняютъ пески Большіе Барсуки. По низменной степи, вдоль Чинка и въ различныхъ отъ него разстояніяхъ, разстѣяны холмы и плоскія возвышенности одного образованія и почти одной высоты съ Усть-Уртомъ.

«Нѣтъ сомнѣній, говорить *Эверсманъ*, что вся плоская возвышенность, нѣкогда, при высшей поверхности морей, составляла большой полуостровъ, который примыкала къ твердой землѣ только съ той стороны, гдѣ граничитъ съ песками Барсуки; Чинкъ прежде былъ морскимъ берегомъ, а разстѣянные предъ нимъ холмы были островами, отдѣленными отъ твердой земли дѣйствіемъ воды». Кляпротъ повелъ это предположеніе далѣе, и думаетъ, что Усть-Уртъ составлялъ нѣкогда совершенный островъ (по-киргизски Араль), отъ чего Аральское Море и могло получить названіе. Но Гумбольдтъ, допуская возможность соединенія обоихъ морей во времена историческія только съ юга отъ плоской возвышенности, посредствомъ продолженія залива Карабугазъ, сомнѣвается въ соединеніи ихъ въ тѣ же времена съ сѣвера, принимая во вниманіе связь Чинка съ Мугоджарскими горами*.

Понятія Грековъ о бассейнѣ Арало-Каспійскомъ, перейдя, вмѣстѣ съ греческою литературою, въ западную Европу, поддерживались тамъ весьма долго. Удаленность Средней Азіи отъ запада, отсутствіе всякихъ непосредственныхъ сношеній между ними и излишнее уваженіе въ Европѣ къ классической древности были причиною, что заблужденія Грековъ повторялись до позднѣйшихъ временъ. Первые намеки о существова-

* Генеральнаго Штаба капитанъ Муравьевъ, путешествовавшій въ Хиву въ 1819 году по направлению отъ Балканскаго Залива, доставилъ весьма любопытныя извѣстія, подтверждающія соединеніе морей южныя Усть-Урта. Южная оконечность этой плоской возвышенности, лежащая подъ 42° с. ш., не доходя до стараго русла Оксуса, нѣкогда сливавшаяся въ Каспійское Море, возвышается надъ равниною, идущею отъ него къ югу, сажень на 20, и имѣетъ видъ морского берега, съ заливами и мысами, изрытыми водою. Сосѣдственныя племена обыкновенно называютъ эту оконечность старымъ морскимъ берегомъ. Въ противоположной отъ нея сторонѣ, Муравьевъ на картѣ своей означилъ другой подобный обрывъ или берегъ, такъ что заключающееся между обоими пространства соединяло два морскаго пролива, на которомъ вѣдѣ встрѣчаются селенія и горскія озера.

ни Аральскаго Моря начинаютъ встрѣчаться у европейскихъ путешественниковъ не ранѣе XVI столѣтія, а мнѣніе объ отдѣльномъ его существованіи утвердилось вполне только въ XVIII.

Извѣстія восточныхъ писателей объ этомъ морѣ едва ли не самыя древнѣйшія. Въ половинѣ VIII вѣка Арабы распространили свои владѣнія до *Сейхуна* (Сыръ-Дарья), а съ X писатели ихъ начинаютъ уже ясно говорить о *Ховарезмскомъ*, т. е. Аральскомъ Морѣ.

Русскіе, живя въ сосѣдствѣ съ востокомъ, также съ давнихъ временъ знали истинное положеніе *Синлго*, т. е. Аральскаго Моря; но до конца XVII столѣтія они такъ мало имѣли сношеній съ Европою, что свѣдѣнія ихъ объ Азіи не могли принести ученому міру никакой пользы. Въ любопытной Русской Географіи, извѣстной подъ именемъ *Книги Большому Чертежу* и писанной въ концѣ XVI столѣтія, находимъ слѣдующія извѣстія:

«А отъ *Хвалиссаго* (Каспійскаго) Моря до *Синева* Моря на лѣвнѣй на солнечный востокъ прямо 250 верстъ. А Синимъ Моремъ до устья Сыра рѣки 280 верстъ». Далѣе читаемъ: «Въ *Сясе* Море съ востоку впаде рѣка Сыръ».

Источники новѣйшихъ свѣдѣній объ Аральскомъ Морѣ.

Петръ Великій, не забывая ничего, что бы могло клониться къ упроченію благоденствія и славы горячо-любимаго имъ отечества, обращалъ свои геніальные виды и на юго-восточные предѣлы Россіи. Устройствомъ линіи на Уралѣ, Онъ думалъ утвердить безопасность этихъ границъ отъ набѣговъ Киргизовъ, обуздать своевольный Башкирскій народъ и положить путь для торговли съ Среднею Азіею и Индіею. Безчеловѣчное убіеніе князя Бековича-Черкаскаго въ Хивѣ, въ 1747 году, не остановило бы его отъ исполненія этихъ предначертаній, если бы не препятствовали другія болѣе важныя обстоятельства, какъ-то: борьба съ Шведами и заботы объ упроченіи новыхъ владѣній на Балтійскомъ Морѣ.

Пять лѣтъ спустя послѣ кончины Петра Великаго, сами Киргизы изъявили, наконецъ, желаніе покориться Россіи. Въ

1730 году ханъ Меньшой Орды (той части степи, которая нынѣ находится подъ вѣдѣніемъ Оренбургскаго Управленія) *Абулъ Хаиръ* отправилъ въ Пестербургъ посланцевъ съ письменнымъ предложеніемъ о принятіи его со всѣмъ народомъ въ подданство Россіи; вѣлѣдствіе чего, *Тевкелевъ*, посланный въ орду, принялъ, въ 1732 году, присягу отъ него, отъ хана Средней Орды *Шемаки* и многочисленнаго собранія изъ всѣхъ ордъ. Тогда же *Каракалпаки*, кочевавшіе около Сыръ-Дарьи, послѣдовали примѣру Киргизовъ. По возвращеніи Тевкелева въ Петербургъ, статскій совѣтникъ *Кириловъ* составилъ нѣсколько предположеній объ устройствѣ линіи на Уралѣ и объ утвержденіи владычества Россіи надъ Киргизами, которыя всѣ были такъ основательны, что заслужили одобреніе Императрицы Анны Іоанновны, и, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, назначенъ былъ самъ Кириловъ. Въ инструкціи, данной ему, отъ 18 мая 1734 года, при отправленіи изъ Петербурга, для основанія новаго города при впаденіи Ори въ Уралъ, между прочимъ было сказано: «Стараться завести на Аральскомъ Морѣ пристань и вооруженныя суда; для чего построить сначала на Уралѣ нѣсколько небольшихъ лодокъ, которыя потомъ, разобравъ, держать со всѣми снастями въ постоянной готовности. Когда же городъ построенъ, и связи съ Киргизами и Каракалпаками утвердятся, то разобранныя суда въ зимнее время перевезти на Аральское Море, и, опять собравъ и вооруживъ ихъ, открыть плаваніе, для изслѣдованія моря и для торговли». Распоряженіе это было, однако, отменено Именнымъ указомъ отъ 20 августа 1739 года, на томъ основаніи, что мѣста, окрестныя Аральскому Морю, еще весьма мало извѣстны, безъ чего пристань устроить невозможно. Для осмотра же этихъ мѣстъ и для нанесенія ихъ на бумагу, посланъ былъ, въ 1741 году, геодезистъ *Мурашинъ*, который и составилъ карту Аральскаго моря, служившую до позднѣйшихъ временъ основаніемъ при черченіи моря.

Съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начали принимать особенно часто экспедиціи вглубь Киргизской Степи, съ различными цѣлями, преимущественно же для обозрѣнія этой обширной страны по частямъ. Изъ нихъ имѣющимъ отношеніе къ Аральскому Морю были слѣдующія:

Экспедиція полковника Берга въ 1825 и 1826 годах, оказавъ большую услугу наукъ изслѣдованіемъ перешейки, отдѣляющаго Каспійское Море отъ Аральскаго, осмотрѣла, между прочимъ, западный берегъ послѣдняго.

Въ 1840 году была произведена рекогносцировка, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генералъ-маіора Жемчужникова, отъ рѣки Эмбы на югъ до залива Каратамакъ, или до сѣверо-западной части Аральскаго Моря.

Въ 1841 году Генеральнаго Штаба подполковникъ Бларамбергъ, провожавшій до Сыръ-Дарьи миссіи, снаряженныя въ Бухару и Хиву подъ начальствомъ подполковника Бутенева и Генеральнаго Штаба капитана Никифорова, обрекогносцировали сѣверо-восточную часть моря, отъ залива Перовскаго до устья рѣки Сыръ, а также теченіе Сыра вверхъ до коканскаго укрѣпленія Кошъ-Курганъ.

Въ 1842 году новая миссія въ Хиву, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго, слѣдовала взадъ и впередъ по западному берегу Аральскаго Моря.

Въ 1846 году капитанъ Шульцъ вторично осмотрѣлъ восточный берегъ залива Сары-Чаганакъ, а капитанъ Лемъ опредѣлилъ нѣсколько астрономическихъ пунктовъ въ Киргизской Степи и около Аральскаго Моря.

Такимъ образомъ до 1847 года, или до заложенія укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ, мы имѣли довольно удовлетворительныя съемки береговъ: восточнаго, до устья Сыръ-Дарьи; сѣвернаго, за исключеніемъ средней части, къ которой примыкаетъ Кугъ-Аралъ, и западнаго. Что же касается до остальныхъ береговъ и до острововъ, то они чертились, большею частію, по преданію.

Время управленія Оренбургскимъ Краемъ генерала отъ инфантеріи Обручева составляетъ важную эпоху въ отношеніи пріобрѣтенія подробныхъ и достовѣрныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этихъ обширныхъ степяхъ, которыя отъ Урала тянутся далеко на югъ, примыкая къ такимъ же степямъ хивинскимъ, бухарскимъ и коканскимъ владѣній. Систематическое производство полунинструментальной съемки, начатое съ 1843 года, и устройство нѣсколькихъ укрѣпленій въ Киргизской Степи, оказали въ этомъ отношеніи особенно важныя услуги.

По возведеніи въ 1847 году, укрѣпленія на урочищѣ Ранимъ, въ 60 верстахъ отъ устья Сыръ-Дарьи, Русскіе стали твердою ногою на этой рѣкѣ, и получили возможность, заведя судоходство на Аральскомъ Морѣ, познакомиться съ нимъ поближе и пополнить, наконецъ, пробѣлъ въ наукѣ. Море это—одно изъ самыхъ малыхъ на всемъ земномъ шарѣ, такъ что многіе географы называютъ его даже озеромъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не имѣло еще полного описанія и было предметомъ многихъ гипотезъ.

Въ началѣ 1847 года, въ Оренбургѣ были построены два двухъ-мачтовые суда: одно военное *Николай*, а другое частное *Михаилъ*. Первое назначалось исключительно для изслѣдованія моря, а второе для заведенія на немъ рыболовства основанною въ этомъ же году компаніею на акціяхъ. Оба суда были потомъ разобраны и весною перевезены на подводахъ за 1000 верстъ на Ранимъ, гдѣ они снова были собраны и спущены на воду. Шкуна *Николай* тотчасъ же выступила въ море, подъ командою бывшаго Флота лейтенанта Мертваго; но первое плаваніе ея, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устьемъ Сыра. Весною слѣдующаго года шкуна снова выступила въ море и обозрѣла сѣверный его берегъ. Между тѣмъ въ Оренбургѣ было построено другое военное судно, *Константинъ*, нѣсколько большее перваго, которое такимъ же образомъ было доставлено на Ранимъ; на немъ лейтенантъ Бутаковъ началъ, осенью 1848 года, полную опись Аральскаго Моря, продолжавшуюся два года. Во время двухмѣсячнаго плаванія шкуны *Константинъ* въ 1848 году, были осмотрѣны всѣ берега Аральскаго Моря, за исключеніемъ восточнаго; открыта и описана группа значительныхъ острововъ, названныхъ *Царскими*, и определено нѣсколько астрономическихъ пунктовъ; а въ теченіе компаніи 1849 года, продолжавшейся 5½ мѣсяцевъ, на обоихъ судахъ, капитанъ-лейтенантомъ Бутаковымъ и Корпуса Флотскихъ Штурмановъ прапорщикомъ Поспѣловымъ были совершенно окончены: опредѣленія пунктовъ, съемка береговъ, промѣры и вообще вся опись, такъ что теперь море это сдѣлалось намъ вполне извѣстнымъ; и если остается чего либо желать въ этомъ отношеніи, то это подробнѣйшаго изслѣдованія вдающихся въ него рѣкъ.

Взгляд на Аральское Море.

Въ русскихъ летописяхъ Аральское Море именуется *Синимъ*; у восточныхъ писателей оно слыветъ подъ именемъ *Ховарезмскаго Озера* (отъ Ховарезма, что нынѣ хивинскія владѣнія); но Киргизы и соседственныя съ ними племена называютъ его *Аралъ-Денгизъ*, что значить *Островитное Море*.

Аральское Море лежитъ между $43^{\circ}42'41''2$ и $46^{\circ}44'42''2$ сѣверной широты и между $58^{\circ}18'47''7$ и $61^{\circ}46'44''8$ восточной долготы отъ Гринвичскаго меридіана *. Оно имѣетъ почти

* Т А Б Л И Ц А			
АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ПУНКТОВЪ, ПО КОТОРЫМЪ УСТАНОВЛЕНО МОРЕ.			
МѢСТА.	ШИРОТЫ.	ДОЛГОТЫ.	ЗАМѢЧАНІЯ.
Кость Аральскій фортъ	$46^{\circ}1'17''7$	$61^{\circ}1'44''6$	Опредѣленъ Бутаковымъ.
Южная оконечность полуострова Рамна . .	$46^{\circ}4'19''$	$61^{\circ}41'48''$	Опредѣлены въ 1846 г. Леммонъ, который считалъ свои долготы отъ острова Ферро. Для перевода ихъ на Гринвичскій меридіанъ, Бутаковъ употребляетъ разность въ $17^{\circ}45'8''$.
Могилы Акъ-Джулпасъ около залива Сары-Чаганакъ.	$46^{\circ}41'32''$	$61^{\circ}43'43''$	
Южный берегъ входа въ гавань Чубаръ-Тарузъ	$46^{\circ}44'42''2$	$60^{\circ}30'59''6$	
Мысъ Узунъ-Каиръ.	$45^{\circ}46'3''5$	$59^{\circ}17'44''9$	
Мысъ Акъ-Гумсукъ.	$44^{\circ}36'1''8$	$58^{\circ}18'47''7$	
Мысъ Акъ-Суатъ. .	$43^{\circ}42'41''2$	$58^{\circ}22'6''5$	
Островъ Николай I (въ южной бухтѣ) . .	$44^{\circ}59'4''6$	$59^{\circ}16'54''6$	Опредѣлены Бутаковымъ.
Островъ Беминстаузенъ	$44^{\circ}35'35''$	$58^{\circ}56'11''$	
Островъ Ермолова .	$43^{\circ}43'23''3$	$60^{\circ}18'30''6$	
Мысъ Кунганъ Савданъ	$44^{\circ}52'43''$	$61^{\circ}46'44''8$	

одинаковое протяженіе, какъ въ длину, такъ и въ ширину, за исключеніемъ сѣверо-восточной части, которая вдастся глубоко въ материкъ и образуетъ, такимъ образомъ, средиземный заливъ, называемый *Малымъ Моремъ* (Кичкине-Денгизъ), въ отличіе отъ остальной части, известной подъ названіемъ *Большого Моря* (Улу-Денгизъ) *. Малое Море имѣетъ площадь въ 400 квадратныхъ географическихъ миль, отдѣляется отъ Большого островомъ Кугъ-Аралъ и соединяется съ нимъ двумя проливами, изъ которыхъ главный, лежащій между Кугъ-Араломъ и устьями Сыра, имѣетъ до 25 верстъ въ ширину, а другой, между тѣмъ же островомъ и материкомъ, весьма узокъ и мелокъ. Большое Море, котораго площадь простирается до 4000 кв. географическихъ миль, какъ въ длину, такъ и въ ширину, около 250 верстъ **.

Вкусъ воды въ Аральскомъ Морѣ горько-соленый, но несравненно въ меньшей степени, чѣмъ въ океанѣ, что происходитъ отъ множества прѣсной воды, вливающейся въ него рѣ-

* Надобно замѣтить, что только тѣ мѣстные предметы носятъ между всѣми Киргизами одинаковыя названія, которые имѣютъ какіе-либо особенно-рѣзкіе отличительные признаки. Въ отношеніи же другихъ, они часто сбиваются: одни называютъ ихъ такъ, а другіе совершенно иначе. Некоторые, напримеръ, называютъ Малымъ Моремъ средиземный заливъ, ограничивающійся къ югу островомъ Кугъ-Аралъ, между тѣмъ какъ другіе придаютъ это названіе всей сѣверной части моря, простирающейся до южнаго берега острова Барса-Килымаъ и замерзающей ежегодно. Конечно, послѣдній призывъ весьма важенъ; но, по словамъ путешественниковъ, Аральское Море замерзаетъ отъ всѣхъ береговъ такъ далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, и вѣроятно случаются зимы, когда оно покрывается льдомъ почти сплошь: иначе нельзя бы было объяснить, какимъ образомъ попали сайгаки на островъ Николай I.

** Самое болыное разстояніе на Аральскомъ Морѣ—это отъ сѣверо-восточной части залива Сыръ-Дарыаакъ до юго-западной оконечности моря, или до мыса Ургу-Мурутъ: оно простирается до 400 верстъ. Разстоянія отъ устья Сыръ-Дарыа до важнѣйшихъ пунктовъ моря суть слѣдующія :

до сѣверныхъ частей Малаго Моря	100 вер.
— полуострова Куланды	120 »
— острова Барса-Килымаъ	100 »
— западнаго берега моря	180 »
— острова Николай I	160 »
— южнаго берега моря	220 »
— устья Кузанъ-Дарыа	120 »

ками Сыръ и Аму. Рыба здѣсь водится различныхъ родовъ, какъ-то: небольшіе осетры (осетріе), шипы, сомы, усачи, сазаны и особый родъ сельдей; а въ рѣкахъ, кромѣ того: жерехи, судаки, щуки, облы и подлещики. Замѣчательно, что тюленей, которыхъ въ Каспійскомъ Морѣ такое множество, здѣсь нѣтъ совершенно.

Глубина моря въ серединѣ простирается до 15 морскихъ сажень (въ 6 футовъ каждая), а по мѣрѣ приближенія къ островамъ и къ берегамъ сѣверному, особенно восточному и южному, она уменьшается постепенно; но къ западному возрастаетъ, такъ что у самаго почти берега достигаетъ до 37 сажень. Такимъ образомъ въ сѣверо-западной части моря, между Царскими Островами и берегами, образуется какъ-бы яма, къ которой наклонится морское дно. Глубина Малаго Моря также весьма значительна: мѣстами простирается свыше 12 сажень. Грунтъ дна состоитъ въ сѣверо-западной половинѣ моря изъ ила, а въ юго-восточной изъ песку. Подводные камни есть только по южную и сѣверную сторону острова Николай I, на сѣверо-востокъ отъ острова Ермолова и около полуострова Куланды. Мелей въ открытомъ морѣ нѣтъ: онѣ встрѣчаются только около песчаныхъ и низменныхъ береговъ и острововъ.

Вообще Аральское Море принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ здѣсь вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбь, при которой лавировать нѣтъ никакой возможности. Ровныхъ вѣтровъ, которые бы дули по нѣскольку сутокъ сряду, почти не бываетъ; большею частию стоятъ или штили, или крѣпкіе вѣтры, а нерѣдко жестокіе штормы. Господствующіе вѣтры на морѣ сѣверо-восточные: они дуютъ упорно по цѣлымъ мѣсяцамъ, и если иногда сменяются, то только на нѣсколько дней. Поэтому, идучи съ сѣвера на югъ, здѣсь можно всегда рассчитывать на попутный вѣтеръ, тогда какъ путь отъ юга къ сѣверу сопряженъ съ большими затрудненіями. Вотъ причина, почему, для успѣшнаго плаванія по Аральскому Морю, недостаточны парусныя суда, а необходимы мелко-сидящіе въ водѣ желѣзные пароходы.

Аральское Море почти не имѣетъ хорошихъ якорныхъ стоянокъ, закрытыхъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Въ Маломъ Морѣ есть,

правда, весьма удобны стоянки; но какъ господствующіе здѣсь вѣтры сѣверные, то судамъ врядъ ли придется укрываться въ нихъ въ штормъ. У сѣверныхъ береговъ Большого Моря можно съ пользою укрыться отъ сѣверо-восточнымъ вѣтровъ за мысами Южнымъ (на островъ Кугъ-Аралъ), Тюбе-Кара и Узунъ-Каиръ (на полуостровъ Куланды). У западнаго берега рѣшительно нѣтъ ни одного порядочнаго якорнаго мѣста. Южный, по мелкости своей, также не представляетъ въ этомъ отношеніи никакого удобства. У восточнаго берега есть хорошія бухты; но такъ какъ тамъ всѣ берега похожи одинъ на другой, то, въ случаѣ жестокаго вѣтра, легко ошибиться, и, вмѣсто надежнаго убѣжища, попасть на мель и претерпѣть крушеніе. Въ срединѣ моря можно укрыться въ сѣверной и южной бухтахъ острова Николай I.

Совершенно закрытыхъ природныхъ гаваней найдено на морѣ только три: въ заливѣ *Чубаръ-Тараузъ*, составляющемъ западную часть залива Перовскаго, въ заливѣ *Гуше-Басъ*, находящемся около устья Джанъ-Дарыи, и на юго-восточномъ берегу полуострова *Куланды*.

Топографическое описаніе береговъ и острововъ Аральскаго Моря.

Берега Аральскаго Моря представляютъ совершенную пустыню. Лѣтомъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстъ юго-западнаго и южнаго, вовсе необитаемы; зимою же киргизскія кочевки встрѣчаются по сѣверному и по восточному берегамъ, а также и на прилегающихъ къ нимъ островахъ. *Сѣверные берега* мѣстами низменны и песчаны, но большею частію состоятъ изъ глинисто-солонцеватыхъ высотъ, поднимающихся надъ поверхностію моря отъ 400 до 300 футовъ, обрывающихся съ южной стороны и отлого-склоняющихся къ сѣверной. Берега эти очерчиваются весьма извилисто, и образуютъ много заливовъ, полуострововъ и мысовъ. Сюда же должно отнести острова *Кугъ-Аралъ* и *Барса-Кильмась*, между тѣмъ какъ полуостровъ *Куланды*, подобно группѣ *Царскихъ Острововъ* и *Острову Лизирева*, имѣетъ совершенно другое образованіе, и состоятъ мѣстами изъ пластовъ известняка. Къ сѣверному берегу примыкаютъ въ двухъ мѣстахъ пески, а именно: къ заливу *Чубаръ-Тараузъ* — *Милые Барсуки*, а къ восточному берегу

полуострова Куланды — *Болшіе Барсуки*. Западный берег моря очерчивается обрывами плоской возвышенности Усть-Урта, состоящей изъ пластовъ песчаныхъ, глинистыхъ и известковыхъ. Южный берегъ низменъ и состоитъ изъ заросшаго камышемъ наноснаго ила изъ Аму-Дарьи, которая многими рукавами вливается въ море на всемъ его протяженіи, и изъ песку, намываемого волненіемъ, происходящимъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Около этого берега лежитъ островъ *Токмакъ-Ата*. Наконецъ восточный берегъ, къ которому прилегаютъ, сѣвернѣе Сыръ-Дарьи, пески *Кара-Кумъ*, а южнѣе — *Кизиль-Кумъ*, вообще низменъ, песчанъ, покрытъ кустарникомъ и камышемъ, и извилистъ. Около него находится множество песчаныхъ острововъ.

Сѣверо-восточная часть моря, вдаваясь въ материкъ, образуетъ такъ-называемое Малое Море, которое раздѣляется на двѣ части: одна направляется на сѣверо-востокъ и образуетъ заливъ *Сары-Чаганакъ*, къ которому, около могилы Акъ-Джупасъ, примыкаетъ транспортная дорога, идущая изъ Уральскаго укрѣпленія въ Равиъ, а другая идетъ на западъ отъ первой, и образуетъ заливы: *Перовскаго*, *Джедели*, *Паскевича* и *Нессельроде*.

Восточный берегъ Малаго Моря, на всемъ протяженіи отъ устья Сыръ-Дарьи до урочища *Мергенъ-Сий*, лежащаго слишкомъ въ 20 верстахъ на западъ отъ могилы Акъ-Джупасъ, низменъ и песчанъ; а въ небольшомъ отъ него разстояніи тянется полоса сыпучихъ холмовъ, устьянныхъ кустами *саксаула* (Пандеръ называетъ его *salsola*, а Лихтенштейнъ причисляетъ къ роду *tamarix*) и *гребенщика* (по-киргизски *джангыль*, *tamarix germanica*).

Между заливами Сары-Чаганакъ и Перовскаго находится глинисто-солонцеватая плоская возвышенность полуострова *Кукъ-Турнакъ*, склоняющаяся къ обоимъ заливамъ некрутою покатостію, у подножія которой образуется песчаное побережье, а къ юго-западу — почти отвѣснымъ обрывомъ, въ 300 футовъ высоты надъ поверхностію воды.

Сѣверный берегъ залива Перовскаго поднимается надъ уровнемъ моря на 270 футовъ, и также весьма обрывистъ. Съ него видны, въ дальнемъ разстояніи, поросшіе кустарникомъ песчаные бугры *Малыхъ Барсуковъ*, которые примыкаютъ къ

морю между заливами Перовскаго и Чубарь-Тараузъ. На этомъ же берегу встрѣчаются родники прѣсной воды, обозначающіеся клочками яркой зелени, состоящей изъ камыша и дикой конопли.

Въ западной сторонѣ залива Перовскаго находится заливъ, или, скорѣе, озеро, *Чубарь-Тараузъ*, представляющее собою превосходную природную гавань, около которой находится вода въ копанихъ, и есть также топливо, хотя не въ большомъ количествѣ. Къ югу отъ входа заливъ мелокъ, но къ сѣверу, вдоль восточнаго берега, глубина его простирается до 5 и даже до 8 футовъ, т. е. совершенно достаточная для судовъ, могущихъ плавать по Аральскому Морю. Около залива встрѣчаются слѣды киргизскихъ зимовокъ.

Между заливами Перовскаго и Паскевича находится также глинисто-солонцеватая плоская возвышенность полуострова *Чубарь*, обрывисто упирающаяся въ море только на юго-востокъ, а съ остальныхъ сторонъ довольно отлогая.

Проливъ, соединяющій заливъ Перовскаго съ остальною частью Малаго Моря, глубокъ, и имѣетъ верстъ 7 ширины. Правый берегъ его (отъ юга къ сѣверу) составляетъ обрывистая возвышенность, отъ 30 до 50 футовъ вышиною, поверхность которой покрыта кустами джангыла и джиды (имѣющей плодъ въ родѣ финиковъ), а лѣвый — *Мысъ Св. Василія*, голая и бесплодная высота, поднимающаяся футовъ на 200 отъ поверхности воды, довольно крутая съ южной и отлогая съ сѣверной стороны.

Нагорный берегъ около залива Паскевича, отдѣляющая отъ себя съ восточной стороны небольшія бухты или озера, подобныя Чубарь-Тараузу, *Тересь-Тюбекъ* и *Чумыш-Куль*, вообще не высокъ и удаленъ отъ моря. У подножія его образуется песчаное, большею частію, побережье, и только мѣстами встрѣчаются отдѣльно выдающіяся высоты.

Малое Море ограничивается къ югу островомъ *Кузь-Араль*, въ длину отъ запада къ востоку до 40, а въ ширину до 10 верстъ. Островъ состоитъ изъ плоской возвышенности, южный берегъ которой крутъ и образуетъ мысы *Южный* и *Болванчинъ*; покатости же другихъ сторонъ довольно отлоги. Берега около Южнаго Мыса представляютъ обрывистые утесы, высотой надъ поверхностію моря до 160 футовъ. Уте-

сы эти подходят къ самому берегу, взгромождены уступами и прорыты во многих мѣстахъ глубокими оврагами и промоинами. Всклодъ на верхъ довольно затруднителенъ и не вездѣ возможенъ. Верстахъ въ трехъ къ западу отъ Южнаго Мыса нагорный берегъ отходитъ отъ моря и постепенно понижается; но по мѣрѣ приближенія къ Мысу Болванчину, снова повышается. Нагорное пространство почти совершенно плоско, имѣетъ почву глинисто-солонцеватую, одаренную необыкновеннымъ обиліемъ слюды, и представляетъ собою пустыню съ весьма скудною растительностію. На кочкахъ, которыми устлана поверхность, растетъ мохъ; впрочемъ, въ оврагахъ встрѣчается небольшое количество ржаннику, и почти вездѣ кусты саксаулы и гребешника. Почва низменнаго пространства, образующагося особенно - значительными участками въ сѣверо-восточной и въ западной частяхъ острова, песчаная. На восточной сторонѣ Кугъ-Арала, саженихъ въ 150 отъ берега, есть самосадочная соль. На островѣ почти каждую зиму кочуетъ довольно много Киргизовъ *.

* Въ январѣ мѣсяцъ 1848 г. сюда перекочевало по льду нѣсколько ауловъ съ Косъ-Арала, гдѣ, по большому скопленію Киргизовъ съ ихъ стадами, чувствовался недостатокъ въ подножномъ кормѣ и въ топливѣ. Откочевывавшіе Киргизы рассчитывали весною вернуться назадъ; но дождь и происшедшая отъ того гололедица представили затрудненіе для перегона скота и особенно верблюдовъ. Поэтому только часть Киргизовъ возвратилась назадъ, и то съ большими потерями, а прочіе, въ числѣ 43 душъ обоего пола, остались на Кугъ-Аралѣ; но вскорѣ, для перелѣтны подножнаго корма, перекочевали на островъ *Бююргунды*. Здѣсь, въ началѣ июля, толпа усть-уртскихъ Киргизовъ, предавшихъ Хивинцамъ, напала на нихъ, и, угнавъ весь скотъ (500 барановъ, 85 штукъ рогатаго скота, 20 верблюдовъ и 16 лошадей), лишила ихъ не только всего богатства, но даже средствъ къ дальнѣйшему существованію. Боясь вторичнаго нападенія, Киргизы перекочевали на *салатъ*, или докахъ, сдѣланныхъ изъ камыша, на островъ *Киндерм*. Въ продолженіе почти трехъ недѣль они питались оставшимися при нихъ двумя или тремя баранами; но этотъ скудный запасъ уже приходилъ къ концу, и ихъ ожидала голодная смерть, какъ вдругъ, 24 числа, показалось въ виду острова, рыболовецкое судно *Михаилъ*, возвращавшееся изъ залива Перовскаго на Косъ-Аральскую пристань. Рыболовы, увидавъ подаваемые имъ съ острова сигналы, придержались къ берегу, стали на якорь, и, узнавъ положеніе знакомыхъ имъ Киргизовъ, рѣшились перевести ихъ на Косъ-Аралъ, гдѣ они и были высажены 27 июля.

Около сѣверо-западной оконечности Кугъ-Арала находится нѣсколько острововъ, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательны *Бююрзунды*, длиною около 10 и шириною до 3 верстъ, и *Киндерли*, длиною около 3, а шириною около 2 верстъ.

Сѣверный берегъ, начиная ограничивать Большое Море отъ пролива, отдѣляющаго Кугъ-Араль отъ материка, не теряетъ первоначальнаго своего характера, и продолжаетъ идти значительными изгибами, образуя полуострова *Тюбе-Кара* и *Куланды*, и заливы: *Тше-Башъ* и *Чернышева*.

Полуостровъ *Тюбе-Кара*, какъ по наружному виду, такъ и по свойствамъ своимъ, совершенно сходенъ съ Южнымъ Мысомъ Кугъ-Арала, съ тою только разницею, что высота его значительнѣе и простирается свыше 200 футовъ надъ поверхностью воды. Нагорный берегъ, подходя къ самому морю, такъ крутъ, что входъ на него доступенъ весьма не во многихъ мѣстахъ, и сопряженъ съ крайними затрудненіями.

Сѣверный берегъ залива *Тше-Башъ* состоитъ изъ высотъ, постепенно понижающихся къ западу; а западный берегъ, къ которому, кажется, прилегаютъ пески *Болшіе Барсуки*, совершенно низменъ; параллельно ему тянется полоса сыпучихъ бугровъ, поросшихъ гребенщикомъ.

Полуостровъ *Куланды* состоитъ изъ плоской возвышенности, оканчивающейся съ юго-востока каменнымъ мысомъ *Изенъ-Араль*, а съ юго-запада мысомъ *Узунъ-Каиръ*.

Мысъ *Изенъ-Араль*, занимая пространство слишкомъ въ 170 сажень длины и около 80 сажень ширины, почти совершенно отдѣленъ отъ полуострова, съ которымъ соединяется низменнымъ перешейкомъ, длиною болѣе полуверсты, а шириною мѣстами не болѣе 2 сажень. Мысъ этотъ возвышается надъ водою футовъ на 45. Южная его сторона, выставленная на дѣйствіе волнъ, обнаруживаетъ постепенно подмываемую и разрушающуюся известковую скалу, такъ что обрушенія эти образовали 15 небольшихъ ущелій, окруженных обрывистыми и иногда навѣсно склоняющимися контрфорсами. Восточная оконечность мыса состоитъ изъ перпендикулярной стѣны, у подошвы которой лежатъ 5 большихъ и весьма много малыхъ обломковъ утеса. Сѣверная сторона не такъ обрывиста, и представляетъ даже возможность для вихода. Вообще весь мысъ окруженъ, болѣе чѣмъ на версту,

множеством различной величины подводных камней; а въ 6 верстахъ къ сѣверу отъ него и верстахъ въ двухъ отъ берега находится *Свнтой-Камень* (Тасы-Аулія), который составляетъ островокъ, тянущійся отъ юго-востока къ сѣверо-западу на 50 сажень и продолжающійся къ сѣверу подводною косою на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты. Камень этотъ, обрывистый со всехъ сторонъ, такъ что всходъ на верхъ едва доступенъ, и состоящій изъ пластовъ известняка, имѣетъ въ высоту 35 футовъ надъ поверхностію моря. Вершина его представляетъ собою фигуру трапеціи, которой непараллельныя стороны имѣютъ по 38; изъ параллельныхъ же — сѣверо-западная 42, а юго-восточная 30 шаговъ. Весь камень, особенно вершина его, покрыты гнѣздами пеликановъ и баклановъ.

Перешеекъ, отдѣляющій Изень-Аралъ отъ материка, по видимому, болѣе и болѣе заливается водою, такъ что со временемъ мысь этотъ вѣроятно будетъ составлять островъ. При оконечности перешейка находится бугоръ одинаковой высоты съ мысомъ, но гораздо меньшаго объема; а въ полуверстѣ отъ него къ западу — другой, составленный весь изъ осадковъ и окаменѣлостей. Прямо на югъ отъ этого послѣдняго, въ разстояніи одной версты, торчатъ надъ водою два огромные известковые камня, оставляя между собою промежутокъ въ 15 сажень. Замѣчательно, что глубина пролива, отдѣляющаго эти камни отъ берега, простирается до 2 сажень. Отъ горы окаменѣлостей нагорный берегъ становится весьма не высокъ (футовъ въ 20), постоянно отходить отъ воды и имѣетъ почву, подобно Кугъ-Аралу и Тюбе-Кара, глинисто-солонцеватую, одаренную весьма скудною растительностію. Низменная часть берега песчана, камениста и заросла во многихъ мѣстахъ камышемъ, перемѣшаннымъ иногда съ луговою травою, гребенщикомъ и саксауломъ. По мѣрѣ отдаленія къ западу отъ Изень-Арала, подводные камни замѣняются береговыми отмелями, которыя препятствуютъ подходить къ берегу, даже небольшой шлюпкѣ, ближе чѣмъ на полверсты. Верстахъ въ 10 отъ мыса, нагорный берегъ снова возвышается. Высоты эти, известковаго образованія и замѣтныя съ моря съ весьма дальняго разстоянія, огибаютъ небольшой заливъ, который можетъ служить хорошею гаванью.

Къ юго-западу отъ известковыхъ возвышеній выдается въ море мысъ *Узунъ-Каиръ*, покрытый песчаными буграми съ каменистыми насыпями и заросшій, по большей части, камышемъ и кустарникомъ. Онъ продолжается еще подъ водою двумя длинными косами, изъ которыхъ одна каменистая, шириною сажень въ 25, направляется версты на 2 на югъ, а другая песчаная — на юго-западъ. Верстахъ въ 5 къ сѣверу отъ Узунъ-Каира находится весьма хорошая, хотя и не сильная, самосадочная соль.

На полуостровѣ Куланды вырывая колодцы, можно добыть во многихъ мѣстахъ хорошую прѣсную воду. Зимой, кажется, здѣсь кочуетъ довольно много Киргизовъ.

Отъ полуострова Куланды, западные берега котораго низменны и песчаны, до самаго Усть-Урта идутъ довольно крутыя глинистыя возвышенія, мѣстами до 100 футовъ высоты надъ поверхностію моря. У подножія ихъ растилается болѣе или менѣе узкое песчаное побережье. Это урочища *Корджюнды*, *Кумъ-Сутъ* и *Каратамакъ*.

Верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ полуострова Куланды находится островъ *Барса-Кильмась*. Название его, означающее по-русски «дойдешь и не вернешься», произошло отъ нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, бывшихъ, можетъ быть, съ переломывающимися туда по льду Киргизами. Онъ въ длину отъ сѣверо-востока къ юго-западу 22 версты, а въ ширину отъ 4 до 9 верстъ; самая большая ширина находится въ юго-западной части. Поверхность его простирается до 130 кв. верстъ. Островъ состоитъ изъ плоской возвышенности, вышиною около 200 футовъ надъ уровнемъ моря, крутой съ юго-востока и отлого склоняющейся къ сѣверо-западу. Возвышенность эта имѣетъ свойства одинаковыя со всеми высотами сѣвернаго берега. Низменное побережье, простирающееся по сѣверо-восточной части острова во всю его длину, и имѣющее ширины болѣе версты, представляетъ грунтъ песчаный. Здѣсь встрѣчаются готовыя уже копани, съ водою, годною для употребленія, хотя нѣсколько горьковатою. Растительность на Барса-Кильмась довольно скудная, и если бы островъ не изобиловалъ кустарникомъ, то казался бы совершенно обнаженнымъ.

На Барса-Кильмаст до весны 1848 года жили, семь летъ сряду, Киргизы. Они перебрались сюда по льду, и, кочуя въ безопасности отъ грабежей Хивинцевъ и своихъ одноплеменныхъ барантавщиковъ, значительно разбогатѣли скотомъ; но, переселившись на материкъ, изъ неупой боязни къ русскимъ судамъ, были тотчасъ же ограблены.

Западный берегъ Аральскаго Моря, примыкая, на протяженіи около 280 верстъ, отъ оврага Каратамакъ до мыса Ургу-Мурунь, къ плоской возвышенности Усть-Урта, идетъ почти въ одномъ направленіи, по крайней мѣрѣ не образуетъ замѣтныхъ заливовъ, и взгромождено неправильными каменистыми обвалами и утесами, нерѣдко совершенно вертикально упирающимися въ море, особенно около выдающихся отъ материка мысовъ. При солнечномъ освѣщеніи, эти безпорядочно размѣщенные утесы, имѣя мѣстами надъ поверхностію моря свыше 500 футовъ, отъ разноцвѣтности слоевъ каменистыхъ породъ, представляютъ какой-то волшебный видъ съ моря. Взоръ обманывается небольшою, и на этихъ пустынныхъ берегахъ рисуются для зрѣнія различныя развалины: храмы, бани, шатры, колонны и проч. При всемъ, однако, разнообразіи этихъ рисунковъ, для моряка весьма трудно отличить одинъ береговой предметъ отъ другого. Усть-уртскія высоты особенно высоки и обрывисты около середины западнаго берега; по мѣрѣ же приближенія къ сѣверу, особенно къ югу, онѣ замѣтно понижаются. Во многихъ мѣстахъ подъемъ на вершину невозможенъ; даже не можетъ пристать къ берегу небольшая шлюпка. Киргизы устроили на высотѣ у тѣхъ мѣстъ, гдѣ удобно спускаться на водонои, различныя примѣты. По окраниѣ Усть-Урта пролегаетъ караванная дорога изъ Оренбурга въ Хиву, по которой встрѣчаются, хотя не въ близкомъ одна отъ другой разстояніи, копали съ водою, по нуждѣ годною къ употребленію, а на скатахъ—родники. На всемъ западномъ берегу, по причинѣ прямого его очертанія и значительной глубины моря, нѣтъ ни одного удобнаго мѣста для якорной стоянки, что составляетъ большое неудобство, при дующихъ почти постоянно сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ. Въ южныхъ частяхъ западнаго берега кочуютъ Киргизы, приверженные хивинскому хану.

Южный берег Аральскаго Моря вообще низменъ, песчанъ и обросъ камышемъ и кугою. На всемъ протяженіи его впадаетъ въ море многими рукавами Аму-Дарья, образуя заливы съ прѣсною водою: *Кинь-Камысь*, *Талдыкъ*, *Кугъ-Ўзюкъ* и *Тиче-Башъ* у Бишь-Кума. Прѣсная вода выбивается въ море отъ всего южнаго берега верстъ на 15; но, при продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, она смѣшивается съ морскою, даже въ заливахъ. Отмели отъ берега отходятъ здѣсь также весьма далеко. Около залива Талдыкъ и у Бишь-Кума постоянно кочуютъ, кажется, Каракалпаки.

Между заливами Кинь-Камысь и Талдыкъ лежитъ островъ *Токмакъ-Ата*, получившій названіе отъ находящейся на немъ могилы одного святого (аулія) *. Онъ въ длину отъ сѣверо-запада къ юго-востоку верстъ 25, а въ ширину верстъ 5, такъ что поверхность его простирается до 85 кв. верстъ. Островъ вообще песчанъ и низменъ. На немъ растутъ въ изобиліи кусты джангыла и джидовника, а берега обросли камышемъ. Только въ двухъ мѣстахъ представляются на немъ глинисто-солонцеватая высота, именно: въ восточной, гдѣ находится могила святого, и въ юго-западной.

Токмакъ-Ата отдѣляется отъ материка проливомъ съ прѣсною водою, шириною версты въ 4, а глубиною фута въ 2 и даже менѣе. Хивинцы сообщаются чрезъ него, посредствомъ маленькихъ лодокъ, на которыхъ толкаются на шестахъ, или же въ бродъ.

На Токмакъ-Ата постоянныхъ кочевокъ не бываетъ; но съ августа мѣсяца сюда приходитъ на поклоненіе много богомольцевъ, а зимою разъ въ годъ ѣздитъ по льду и самъ ханъ. Богомольцевъ не пускаютъ на островъ, пока особые чиновники не соберутъ для хана растущую здѣсь въ большомъ изобиліи ягоду джиду, для сбереженія которой строго запрещается рубить кустарникъ.

* Между ордынцами сохраняется преданіе, что пока этотъ святой будетъ покровительствовать Хивинскому народу, ни одно чужеземное судно не подойдетъ къ устьямъ Аму-Дарьи. Другое преданіе говоритъ, что къ сѣверу отъ Токмакъ-Ата находится пучина, втягивающая въ себя всякое приближающееся судно. Последніе экспедиціи достаточно доказали нелѣпость этой молвы.

Восточный берег моря, вдавался тупымъ угломъ въ материкъ, вообще низменъ, песчанъ, весьма извилистъ и изрѣзанъ множествомъ глубоко вдающихся во внутрь заливовъ, съ узкими и мелкими входами, изъ которыхъ самыя большіе: *Аше-Башъ*, *Кильты*, *Акъ-Сага*, *Бикъ-Тау*, *Слуу*, *Бусай*, *Учъ-Уткуль*, *Манасъ*, въ который впадаютъ южныя устья Кувана, *Чумышъ-Куль*, около котораго впадаютъ стѣверныя устья Кувана, и проч. Обиліе прилегающихъ къ этому берегу острововъ, отдѣляющихся отъ материка болѣе или менѣе широкими проливами, дополняетъ еще болѣе извилистое его очертаніе. Изъ острововъ замѣчательнѣйшіе: *Каскагуланъ*, *Кушъ-Джидмисъ*, *Джангильды-Тюбекъ*, *Сорча-Аралъ*, *Аталыкъ*, *Узунъ-Каиръ* и острова: *Меншикова*, *Толмачева* и *Обручева*, лежащіе слишкомъ въ 20 верстахъ отъ берега, а потому неизвѣстные ордынцамъ до экспедиціи Бутакова.

Параллельно побережью, какъ материка, такъ и острововъ, заросшему мѣстами камышемъ, тянутся обыкновенно песчанья насыпи, или дюны, покрытыя кустарникомъ, за которыми постепенно возвышаются песчаные бугры и холмы, перерѣзывающіеся нерѣдко горько-солеными озерами или рукавами моря. Глинисто-солонцеватыя возвышенія, и то незначительныя, встрѣчаются только въ немногихъ мѣстахъ, а именно: между стѣверными и южными устьями Кувана-Дарьи, или около заливовъ Чумышъ-Куль и Манасъ, на островѣ Сорчи-Аралъ и мѣстами на урочищахъ *Кунганъ-Санданъ* и *Кіуи-Башъ*. На восточномъ берегу прѣсная вода, кромѣ Кувана-Дарьи, встрѣчается только въ копаняхъ. Киргизскія и каракалпакскія кочевки производятся здѣсь только зимою, когда спѣгъ можетъ замѣнить имъ воду, камыши доставить убѣжище отъ бурановъ и отчасти кормъ для скота, а кустарникъ топливо. Изъ замѣчательнѣйшихъ растений на восточномъ берегу и на прилегающихъ къ нему островахъ встрѣчаются: *гребенщикъ*, *саксауль*, иногда *джидденникъ*, *кулянъ-суюкъ*, изъ котораго Киргизы добываютъ желтую краску, *дикая конопля*, изъ которой они же дѣлаютъ рыболовныя сѣти, и проч.; изъ животныхъ: *тигры* (джуль-барсъ), *кабаны*, *лисицы*, *сайгаки* и проч. Мѣста эти особенно богаты птицами. Многіе острова устьяны несмѣтнымъ количествомъ гнѣздъ *бабы-птицы*, *баклановъ*, *мартышекъ*, *лебедей*, *чакъ* и проч.

Разсмотрѣвъ берега Аральскаго Моря съ прилегающими къ нимъ островами, остается обратить вниманіе на группу *Царскихъ Острововъ*, открытую въ 1848 году, и на острова *Беллинсгаузена* и *Лазарева*, открытые въ 1849 году.

Группа Царскихъ острововъ находится въ равномъ разстояніи (верстахъ въ 60) отъ острова Барса-Кильмась, полуострова Куланды и западнаго берега моря. Самый большій изъ этой группы и самый замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ острововъ, находящихся на Аральскомъ Морѣ, есть, безспорно, *Николай I*. Онъ заключаетъ въ себѣ до 200 кв. верстъ. О существованіи его до 1848 года рѣшительно ничего не было извѣстно. Островъ не видниъ ни съ одного берега, а ордынцы, не имѣя парусныхъ судовъ, съ которыми бы могли пускаться въ открытое море, ограничиваются только самымъ близкимъ береговымъ плаваніемъ. Зимой же море, отдѣляющее его отъ береговъ, если и замерзаетъ, то не всегда; но и въ эти рѣдкія зимы, не имѣя никакой нужды переходить чрезъ него поперекъ и подвергать себя безъ цѣли опасности отъ бурановъ, они не могли на него натолкнуться. Наконецъ, судя по мѣстнымъ признакамъ и потому, что объ островѣ не существовало до сихъ поръ никакихъ, даже темныхъ преданій, до которыхъ Азіятцы большіе охотники, съ достовѣрностію можно заключить, что до 1848 года на него никогда не вступала человѣческая нога.

Островъ Николай I раздѣляется на двѣ части: восточную и западную. Восточная состоитъ изъ плоской возвышенности, основаніемъ которой, по большей части, служатъ пласты известняка. Возвышенность эта имѣетъ въ длину отъ сѣвера къ югу верстъ 12, а въ ширину верстъ 5. Къ югу она выдается двумя мысами, между которыми образуется небольшая бухта, а къ сѣверу продолжается суживающеюся постепенно половою, которая потомъ поворачиваетъ на западъ и идетъ обрывистою глинистою косою, ограничивающею съ сѣвера другую бухту. У подножія этой плоской возвышенности разстилается песчаное побережье, шириною въ $\frac{1}{4}$ версты.

Западная часть острова длиною отъ запада къ востоку въ 10, шириною въ 6 верстъ, весьма недавно, по видимому, освободилась изъ-подъ воды, и по свойствамъ своимъ похожа на восточные берега Аральскаго Моря. Она отдѣляется отъ себя два полуост-

*

рова, изъ которыхъ одинъ идетъ на сѣверъ и замыкаетъ сѣверную бухту съ юго-запада, а другой на югъ. За прибрежьемъ, поросшимъ камышемъ и шириною въ нѣсколько сотъ сажень, тянутся, обыкновенно параллельно берегу, въ три ряда песчаные бугры, или дюны. Далѣе представляется низменное песчаное пространство, среди котораго встрѣчаются глинисто-солонцеватыя площадки и горько-соленыя озера.

Весь островъ (особенно низменная его часть) почти сплошь покрытъ чрезвычайно густымъ и мѣстами почти непроходимымъ кустарникомъ саксаула и гребенщика. Кромѣ того, онъ изобилуетъ сайгаками, мясо которыхъ весьма вкусно; изъ другихъ же четвероногихъ найденъ былъ только ежъ и замѣчены слѣды лисицъ. На островѣ есть также змѣи и земляныя черепахи. Вода въ копаняхъ здѣсь довольно хороша.

Островъ Николай I имѣетъ двѣ бухты: *сѣверную* и *южную*. Поперекъ *сѣверной* идетъ песчаная коса, доходящая до острова *Наслѣдникъ*. Черезъ нее можно проходить только при восточныхъ вѣтрахъ, когда нѣтъ волненія; но при сѣверо-западныхъ и западныхъ весьма не безопасно. Къ югу отъ нея глубина простирается до 5 сажень, а къ сѣверу до 12. Якорная стоянка въ этой бухтѣ весьма удобна.

Южная бухта представляетъ также прекрасную якорную стоянку, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ, за исключеніемъ юго-западныхъ, да и тѣ, встрѣчая на пути своемъ островъ *Константинъ*, не могутъ быть опасны. На сѣверномъ берегу бухты, за высотами, есть соленое озеро съ прекрасною бѣлою солью. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ нѣтъ прѣсной воды.

Къ группѣ Царскихъ Острововъ принадлежатъ также острова: *Наслѣдникъ* и *Константинъ*. Первый лежитъ верстахъ въ 15 къ сѣверо-западу отъ острова Николай I, а второй верстахъ въ 6 къ югу. Кромѣ того, есть еще другіе два маленькіе острова: одинъ на продолженіи сѣверной косы, а другой къ сѣверо-востоку отъ нея.

Островъ *Наслѣдникъ* простирается въ длину отъ сѣвера къ югу на 9 верстъ, а въ ширину отъ 100 до 200 сажень. Островъ низменъ, песчанъ и почти сплошь покрытъ густымъ камышемъ, заглушающимъ собою всякую другую растительность; мѣстами встрѣчаются, однако, отдѣльные кусты саксау-

ла. Съ острова въ ясную погоду видѣются высоты Усть-Ур-та.

Островъ Константина, длиною въ 7 верстъ, весьма узокъ, низменъ и песчанъ, какъ большая часть острововъ Аральскаго Моря. На песчаныхъ буграхъ его растутъ саксаулъ и гребенщикъ, а по закраинамъ — камышъ. Къ югу отъ острова тянется несчаная коса, къ востоку въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть весьма опасные подводные камни, а къ западу присоединяется къ нему двумя отмелями небольшой низменный островокъ.

Верстахъ въ 50 къ юго-западу отъ острова Николай I, въ такомъ же разстояніи отъ Усть-Урта, и верстахъ въ 80 къ сѣверу отъ Токмакъ-Ата, находится *Островъ Беллингсгаузена*. Это узкая песчаная коса, въ длину отъ сѣвера къ югу около 3 верстъ, а въ ширину отъ 10 до 30 сажень. Отъ обѣихъ оконечностей ея идутъ мелн. На всемъ островѣ есть всего только два кусточка лебеды.

Верстахъ въ 10 къ югу отъ Острова Беллингсгаузена выходитъ изъ-подъ воды невысокая известковая скала, до 3 верстъ въ длину и около одной въ ширину, и названная *Островомъ Лазарева*. На немъ разбросаны кусты гребенщика, а по закраинамъ юго-западной стороны встрѣчается камышъ.

О рѣкахъ, впадающихъ въ Аральское Море.

Аральское Море принимаетъ въ себя только двѣ рѣки: *Сыръ* и *Аму*, изъ которыхъ каждая протекаетъ до 2,000 верстъ. Онѣ стали извѣстны образованному міру съ глубокой древности; къ сожалѣнію, однако, до сихъ поръ еще весьма мало изслѣдованы.

Рѣка *Сыръ* или *Сыръ-Дарья* называлась у Грековъ, со временъ Александра Великаго, *Яксартонъ*, а у Арабовъ *Сейхунанъ*; но настоящее ея имя уже было извѣстно, между жившими по берегамъ ея турецкими племенами, еще въ XIII столѣтіи. Она беретъ свое начало нѣсколькими истоками изъ горъ, лежащихъ между Коканомъ и Кашгаромъ, и идетъ сначала на западъ, потомъ отъ *Ходжента* поворачивается на сѣверъ, а около *Туркестана* на сѣверо-западъ, совершая большую часть своего те-

челія въ предѣлахъ коканскихъ владѣній. Пройдя урочище *Акт-Мечеть*, она раздѣляется на три рукава, изъ которыхъ съ-верный удерживаетъ названіе *Сыра*, средній именуется *Куванъ-Дарью*, а южный *Яны-Дарью*. Далѣе, миновавъ коканское у-крѣпленіе *Кошъ-Курганъ*, она течетъ уже, на протяженіи слиш-комъ 300 верстъ, въ предѣлахъ русскихъ владѣній.

Рѣка Сыръ орошаетъ сначала страну, наполненную высо-кими и лѣсистыми горами, изъ которыхъ стремятся въ нсе ручьи и рѣчки; но отъ изгиба ея, около Ходжанта на сѣверъ, къ ней примыкаютъ съ лѣвой стороны пески *Кизиль-Кумъ*, за-нимающіе пространство между Аральскимъ Моремъ и нижни-ми половинами рѣкъ Сыръ и Аму; а отъ раздѣленія рѣки на рукава, съ правой стороны къ ней подходятъ пески *Кара-Кумъ*, направляющіеся на сѣверо-западъ. Во второй половинѣ своего теченія, рѣка Сыръ не принимаетъ въ себя ни одной рѣч-ки, и, по мѣрѣ приближенія къ устью, раздѣляется на мно-гіе рукава (прораны), между которыми образуются остро-ва. Какъ эти острова, такъ и берега рѣки здѣсь низмен-ны и покрыты камышемъ почти во всю ширину долины. Ат-томъ, во время половодія, пространство, занимаемое камы-шемъ, заливается водою, отъ чего переправы черезъ рѣку возможны здѣсь не вездѣ *. Самая высокая вода въ Сыръ бы-ваетъ въ июль, отъ тайніа снѣговъ въ горахъ, находящихся при истокахъ рѣки.

Отъ самаго соединенія истоковъ, Сыръ-Дарья достигаетъ уже значительной ширины и глубины, и дѣлается, кажет-

* Отъ Кошъ-Кургана до устья Сыра, мѣста, удобныя для переправы, суть слѣдующія :

Кошъ-Курганъ

Акт-Чика	145 верстъ.
Майлибагы	32 —
Учъ-Урга	30 —
Кара-Тюбе	22 —
Тальбугутъ	89 —
Аманъ-Уткуль	20 —
Ханъ-Уткуль	8 —
Устье Сыра	44 —

Итого 390 верстъ.

ся, судоходною на всемъ своемъ протяженіи; но изъ этого свойства рѣки до сихъ поръ не извлечено еще никакой пользы для торговли; она приноситъ несравненно бѣльшія выгоды земледѣлію, орошая, посредствомъ проводимыхъ изъ нея каналовъ, пахатныя поля, которыя, безъ этого пособія, были бы совершенно неспособны къ обработыванію *. При устьяхъ Сыра образуются, однако, отмели версть на 15, между которыми наибольшій фарватеръ бываетъ въ 3, а иногда и меньше, футовъ; кромѣ того, онъ весьма узокъ, извилистъ и подверженъ частымъ измѣненіямъ. Зимой, когда ледъ лежитъ во многихъ мѣстахъ на самомъ днѣ, теченіе воды продираетъ себѣ подъ нимъ путь и промываетъ, такимъ образомъ, къ веснѣ фарватеры въ 3½ и 4 фута: но къ осени они заносятся опять до 2 и 2½ футовъ. Ежегодное обмелѣніе устьевъ происходитъ, кажется, отъ быстроты теченія рѣки, которая, унося съ своего дна частицы ила, дѣлается весьма мутной, и образуетъ, при своемъ впаденіи въ море, обширныя мели, превращающіяся впоследствии въ песчаные острова. Изъ такихъ острововъ самый замѣчатель-

* Во многихъ мѣстахъ Турапа, для орошенія полей, производится весьма обширныя гидравлическія работы. Для примѣра можно представить нѣкоторыя работы прежнихъ обитателей низовьевъ Сыръ-Дарьи, Каракалпакотъ, занимавшихся преимущественно земледѣліемъ. Такъ, отъ *Тальбузгута* до *Аманъ-Уткуля*, на протяженіи слишкомъ 20 верстъ, для удержанія рѣки въ восточномъ ея руслѣ, устроена ими на самомъ берегу небольшая плотина, около аршина въ высоту и столько же въ ширину. Черезъ это рѣка течетъ какъ-бы въ корытѣ съ весьма крутыми боками, такъ что, въ разстояніи не болѣе одной сажени отъ плотины, вода покрываетъ уже ростъ человека. Но одна эта насыпь не могла исполнить своего назначенія безъ другой, которая-бы, пролегая перпендикулярно къ рѣкѣ, не пускала воду изъ верхнихъ ея разливовъ. Для этой послѣдней цѣли, устроена ими же плотина у *Тальбузгута* (10 верстами выше Ранма), 280 сажень въ длину, около сажени въ ширину и аршина два въ высоту. Посредствомъ такихъ работъ, Каракалпаки осушали пашни, которыя всегда могли поливаться водою изъ рѣки, выпуская ее, посредствомъ покрытій береговой плотины, въ такомъ количествѣ, въ какомъ имъ было необходимо. Подобными же работами оранжцы осушаютъ по временамъ озера или, лучше, заливы происходящіе отъ разлитія рѣки, какъ напримѣръ: *Акъ-Герикъ*, *Ранма*, *Джалангачъ*, *Камышлы-Башъ* и проч., и засѣваютъ два ихъ хлѣбомъ. Такъ въ 1841 году долина *Акъ-Герикъ* была совершенно подъ водою; въ 1846 и 1847 годахъ большая часть ея была также залита; но въ 1848 году она представляла осушенное пространство, покрытое засѣянными пашнями.

ный, по своему положению, *Косъ-Аралъ* (прибавляющийся остров). Онъ огибается съ двухъ сторонъ устьями Сыра, изъ которыхъ южное нынѣ совершенно обмелѣло, и заросло камышемъ и кугою. На островъ помѣщается рыболовная ватага, и устроенъ редутъ, для обороны судовъ, плавающихъ по морю *.

Около устьевъ Сыръ-Дарьи, по обѣимъ ея берегамъ, равно и на Косъ-Аралѣ, кочуетъ довольно много Киргизовъ, особенно зимою. Всѣ они въ крайней нищетѣ: скота у нихъ весьма мало, хлѣбопашество производятъ въ небольшихъ размѣрахъ, а для рыбной ловли имѣютъ болѣе чѣмъ скудные средства. Киргизы обѣихъ береговъ сообщаются между собою посредствомъ *саломъ*, или небольшихъ плотовъ, сдѣланныхъ изъ камыша **.

Куванъ-Дарья течетъ сначала на западъ, и скоро раздѣляется на пять рукавовъ, называемыхъ *Башъ-Узакъ*; потомъ опять соединяется въ одно ложе, поворачиваетъ на сѣверъ и дѣлаетъ снова течетъ на западъ. Въ настоящее время она не вливаетъ воды въ Аральское Море. Оба устья ея совершенно обсохли и на 60 верстѣ запружены Киргизами для земледѣлія. Вода, набѣгающая весною, во время таянія снѣговъ, удерживается только въ ямахъ или омутахъ. Изъ пересохшихъ устьевъ Кувана, сѣверное впадаетъ съ южной стороны въ заливъ *Чимышъ-Куль*, а южное, кажется, болѣе—въ заливъ *Манастъ*. Около перваго находятся развалины укрѣпленія *Куюкъ-Кила*.

Лны, или *Янга-Дарья* (по киргизскому произношенію *Джаны*, или *Джанга-Дарья*), въ переводѣ «новая рѣка», произошла, какъ увѣряютъ Киргизы, между 1760 и 1770 годами ***.

* Въ 1947 году ватага помѣстилась сначала на песчаной косѣ острова, при самомъ выходѣ изъ рѣки въ море; но вскорѣ случилась такъ-называемая *морья*,—вѣтеръ съ моря, которая залила эту часть острова и заставила, такимъ образомъ, рыболововъ перенести ватагу на настоящее ея мѣсто, находящееся верстахъ въ 5 выше устья. Осенью 1849 года часть рыболововъ осталась зимовать на островѣ Николай I, чтобы раннею весною открыть ловъ въ уловныхъ мѣстахъ.

** Подобные плоты портятъ отчасти русло рѣки. Если сала оторвется отъ берега, и, отплывъ на середину, остановится на мелкомъ мѣстѣ, то, служа преградой для свободнаго теченія воды, она не пускаетъ пещущіяся съ берега земляныя частицы, которыя, накопившись мало по малу, образуютъ мель, а потомъ и вязиennyй островокъ.

*** Муравинъ не видалъ этой рѣки и потому не внесъ въ свою карту. Въ подробныхъ караванныхъ маршрутахъ того времени также не упоминается о ней ни

Отдвлясь отъ Кувана, она текла на юго-западъ и впадала въ юго-восточную часть Аральскаго Моря. Въ 1816 году рѣка эта была еще весьма значительна; но въ 1820 баронъ *Мейендорфъ*, путешествовавшій въ Бухару, на мѣстѣ ея нашелъ, къ великому удивленію сопровождавшихъ его Киргизовъ, одно только сухое русло. Въ 1849 году, въ юго-восточной части моря найдены глубокія устья рѣки, называющейся также *Джанъ-Дарыю*; но есть ли это прежняя Яны-Дарья, возобновившая свое теченіе, или новый рукавъ Аму?—задача эта остается еще неизслѣдованною. Въ пользу перваго предположенія можно сказать то, что найденныя устья — единственныя въ этихъ мѣстахъ и находятся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старыхъ картахъ обозначалось впаденіе Яны-Дарьи; а также, что рѣка эта, по увѣренію Киргизовъ, съ 1848 года опять начала образовываться *; но съ другой стороны устья эти слишкомъ глубоки для такого протока, какъ Яны-Дарья, и скорѣе могли образоваться чрезъ отдѣленія отъ Аму новаго рукава, куда устремилась изъ этой рѣки главная масса воды **. Можетъ быть, однако, что оба эти предположенія въ нѣкоторой степени справедливы, и новый рукавъ Аму, прежде впа-

слова. Можетъ быть, рѣка эта существовала и прежде, но впоследствии русло ея пересохло, и новая рѣка была не что иное, какъ возобновленіе старой, направль: *Кизиль-Дарыи*.

* Въ запискѣ, составленной, по разпросамъ Киргизовъ, находящихся при Раимскомъ укрѣпленіи, чиновникомъ Оренбургской Пограничной Комиссіи (въ 1848 г.) объ Яны-Дарьѣ разсказывается слѣдующее: «За 70 лѣтъ тому назадъ, когда Киргизы разныхъ родовъ, соединились, подъ предводительствомъ бѣи и батыря *Джанке*, согнали Каракалпаковъ съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, послѣдніе переселились къ урочищу Акъ-Мечеть и къ тому мѣсту, гдѣ Куванъ-Дарья отдѣляется отъ Сыра. Вскорѣ они прорыли для хлѣбопашества каналъ, изъ которой образовалась Яны-Дарья, первоначально изываемая *Каракалпакъ-Дарья*. Впослѣдствіи Каракалпаки оставили Яны-Дарью и переселились къ Аму, а она пересохла. Въ 1848 году Киргизы Чумекскаго рода, кочующіе около отдѣленія Куванъ-Дарьи, расчистили для хлѣбопашества истокъ Яны-Дарьи, и отъ того рѣка эта опять начала образовываться.»

** Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, по словамъ своего вожакъ Киргиза, называетъ Джанъ-Дарью новымъ устьемъ Аму, отдѣлившимся, 9 лѣтъ тому назадъ, отъ восточнаго ея рукава *Кукъ-Узюкъ*, означеннаго на старыхъ картахъ подъ именемъ *Улу-Дарыи*. «Когда Кукъ-Узюкъ, говоритъ онъ, пересохъ въ главномъ своемъ руслѣ, то образовались изъ него два рукава: *Джалпакъ* и *Джанъ-Дарья*»

денія своего въ море, соединяется съ возобновившеюся Яны-Дарью.

Джань-Дарья впадаетъ многими устьями въ заливъ *Туще-Бишъ*, отдѣляющійся отъ моря нѣсколькими песчаными островами, между которыми самый замѣчательный Островъ *Ермолова*. Входъ въ заливъ довольно затруднителенъ, по множеству мелей; но зато за островами представляется прекрасная якорная стоянка, спокойнѣе и удобнѣе которой нѣтъ во всемъ морѣ. Отъ Острова Ермолова до ближайшаго устья Джань-Дарьи — верстъ 7. Въ самыхъ устьяхъ теченіе весьма слабо, но вода чиста, и глубина, на протяженіи 3 верстъ къ верху, не менѣе 4 футовъ, не уменьшаясь, по видимому, и далѣе *. Между устьями находится много низменныхъ песчаныхъ острововъ, образующихъ урочище *Бишъ-Кумъ*. На этихъ островахъ растутъ въ изобиліи джидовникъ, а по берегамъ камышъ и куга. Около Бишъ-Кума кочуютъ по временамъ Каракалпаки.

Аму-Дарья ** называлась у Грековъ *Оксусомъ*, а у восточныхъ писателей *Джэй-Хуномъ*. Она вытекаетъ изъ озера *Сары-Куль*, лежащаго на нагорной площади *Памиръ*, и извиается сначала въ юго-западномъ направленіи, по гористой странѣ кундузскихъ владѣній, а около *Балха* поворачиваетъ на сѣверо-западъ и течетъ почти прямою линією, по бухарскимъ и хивинскимъ владѣніямъ, среди обширной песчаной пустыни, къ Аральскому Морю, куда впадаетъ нѣсколькими рукавами.

Выходя изъ нагорной площади Памиръ, Аму-Дарья орошаетъ сначала *Воханъ*, — страну чрезвычайно гористую и холодную; здѣсь она принимаетъ въ себя пять притоковъ, и потому называется *Пенджъ-Дарью*. Далѣе съ южной стороны къ ней примыкаетъ также гористая область *Бедакшанъ*, славящаяся здоровымъ климатомъ, живописнымъ мѣстоположеніемъ и богатыми копиями рубиновъ. Здѣсь впадаетъ въ Аму много мелкихъ притоковъ, изъ которыхъ *Бедакшанъ* самый замѣчательный, и рѣка принимаетъ уже настоящее свое названіе. На сѣ-

* Верстахъ въ 25 выше устья, по словамъ вожака, находится переправа Каракалпаковъ на лодкахъ.

** Свѣдѣнія о теченіи этой рѣки заимствованы изъ записокъ бывшаго Предсѣдателя Оренбургской Гограничной Комиссіи, покойнаго генерала Гейса.

верномъ берегу Аму, противъ Бедахшана, находится весьма гористая и мало населенная страна, известная подъ общимъ именемъ *Хуттель*. За Бедахшаномъ и Хуттель простираются: къ югу отъ Аму *Кундузская Долина*, а къ северу оазисъ *Гисаръ*. Долина *Кундуза* орошается двумя притоками, изъ которыхъ на одномъ построены городъ *Кундузъ*, а на другомъ *Тамшанъ*, и которые, соединясь, образуютъ рѣку *Акъ-Сераи*, впадающую въ Аму-Дарью. Долина углубляется во всю страну верстъ на 60, имѣетъ климатъ крайне нездоровый и состоитъ, по большей части, изъ непроходимыхъ болотъ, чрезъ которые дороги устроены на сваяхъ. Западнѣе Кундуза находится небольшая долина *Хулумъ*, образующаяся по обѣимъ сторонамъ рѣки того же имени, на которой находится города *Хулумъ* и *Гейбекъ*; долина эта славится своими садами. Еще западнѣе лежитъ область *Билхъ*, отдѣленная отъ Аму пустынною полосой. На северномъ берегу рѣки, противъ Кундуза и Хулума, находится оазисъ *Гисаръ*, страна гористая, но весьма хорошо орошенная водою и изобилующая рисомъ. Отъ областей *Билха* и *Гисара*, Аму-Дарья течетъ уже до самаго устья среди песчаной пустыни. Съ лѣвой стороны, начиная отъ *Хулума* и *Билха*, къ ней примыкаютъ *Трухменскіе Пески*, простирающіеся до Устья-Урта, Каспійскаго Моря и горъ, отдѣляющихъ Иранъ съ сѣвера; а съ правой стороны, начиная отъ *Калифи* и *Чирджъ*, пески *Кизиль-Кумъ*. Здѣсь берега рѣки совершенно плоски; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воды есть другіе довольно высокіе, которые то примыкаютъ къ самому ея руслу, то удаляются отъ него верстъ на 5 и на 6, и образуютъ, такимъ образомъ, узкую долину, пересѣченную, для земледѣлія, каналами во всѣхъ направленіяхъ, покрытую зеленью и украшенную кучами деревьевъ. Не смотря однако на плодородіе этой узкой полосы, во многихъ мѣстахъ ея, особенно по правую сторону русла, или совершенно нѣтъ жителей, или они не занимаютъ подъ пашни всей удобной земли. Самая широкая, болѣе другихъ воздѣланная и плодородная часть этой долины, заключается въ *хивинскихъ владѣніяхъ*.

Аму-Дарья, до соединенія съ кундузскою рѣкою *Акъ-Сераи*, имѣетъ ширины не болѣе 400 сажень и представляетъ всюду броды; а отъ этого пункта становится уже на всемъ

остальномъ теченіи судоходною, и бродовъ болѣе не имѣетъ. Замѣчательнѣшія переправы на лодкахъ встрѣчаются здѣсь въ слѣдующихъ пунктахъ:

При *Термизъ*, на дорогѣ изъ *Самарканда* въ *Балхъ*;

При *Калифъ*, на дорогѣ изъ *Бухары* въ *Балхъ*. Здѣсь оканчиваются уже прибрежные холмы, и рѣка начинаетъ имѣть теченіе въ плоскихъ берегахъ. Ширина рѣки у перевоза простирается до 150 сажень. Верстахъ въ 25 къ западу отъ *Калифа* находится переправа при селеніи *Ходже-Салегъ*, гдѣ ширина рѣки достигаетъ до 350 сажень, а глубина отъ 1 до 3 и даже 4 сажень. Еще западнѣе встрѣчается ширина въ 400 сажень,—самая большая на всемъ протяженіи рѣки.

При *Кирки*, на дорогѣ изъ *Бухары* въ *Анхой*, и оттуда въ *Балхъ*, *Хулумъ*, *Кундузъ*, *Талиханъ* и проч.

При *Чарджу*, на военной дорогѣ изъ *Бухары* въ *Мервъ* и *Персію*. Здѣсь рѣка имѣетъ до 280 сажень ширины и отъ 2 до 3 и даже 4 сажень глубины.

Отъ *Чарджу* до хивинскихъ владѣній есть нѣсколько частныхъ перевозовъ, изъ которыхъ самый замѣчательный находится въ *Эльджинъ*, гдѣ нагружаютъ товары, идущіе изъ *Бухары* въ *Хиву*.

Зимою переправа черезъ рѣку облегчается тѣмъ, что *Аму* замерзаетъ на большей части своего теченія.

Аму-Дарья, не смотря на свою судоходность, въ настоящее время не приноситъ никакой пользы для торговли. Суда здѣсь строятся плоскодонныя, длиною въ 7 сажень, а глубиною аршина въ два, изъ кусковъ дерева, обдѣланныхъ квадратно и спаянныхъ желѣзомъ. Вверхъ ихъ тянутъ бечевой, а внизъ обращаютъ бокомъ, и пускаютъ, такимъ образомъ, по теченію. Эти барки могутъ подымать грузу до 20 тоннъ, или помѣстить до 150 человекъ. На всемъ теченіи рѣки ихъ находится, однако, весьма ограниченное число. Отъ *Акъ-Серая* до *Чарджу* есть около 15 перевозовъ, и на каждомъ по 2 лодки; другихъ же судовъ тутъ почти не видно. На пространствѣ отъ *Чарджу* до хивинскихъ владѣній ходитъ не болѣе 150 судовъ; здѣсь они служатъ уже не только паромами, но и для перевоза товаровъ, нагружаемыхъ обыкновенно въ *Эльджинъ*. Плотовъ на *Аму-Дарьѣ* нѣтъ совершенно.

Самая высокая вода въ рѣкѣ бываетъ лѣтомъ, отъ таянія снѣговъ въ горахъ; вода начинается обыкновенно подыматься въ маѣ и возвращается къ прежнему уровню въ октябрь. Въ началѣ іюля она достигаетъ своей высочайшей точки, и тогда бываетъ наводненіе, обнаруживающее свое дѣйствіе рѣдко далѣе, какъ на полторы версты отъ обыкновеннаго русла. Возвышеніе уровня, не производя, однако, наводненія, бываетъ еще весною, а иногда и осенью.

Аму - Дарья впадаетъ въ Аральское Море тремя главными устьями: *Западное*, идущее вдоль Усть-Урта къ заливу *Кини-Камышъ*, обмелѣло до 2 футовъ и заросло почти сплошь камышемъ; *Среднее* впадаетъ въ заливъ *Талдыкъ*, на восточной сторонѣ острова Токмакъ-Ата. Оно раздѣляется на множество рукавовъ; кромѣ того, Каракалпаки отвели изъ него для земледѣлія выходящіе въ море каналы: *Карабайлы* и *Бузь - Узюкъ*. Изъ этихъ рукавовъ только одинъ, при весьма быстромъ теченіи, имѣетъ глубину въ 3 фута; всѣ же остальные—не болѣе какъ 2½, 2 и 1½ фута. *Восточное* устье *Джалпакъ* впадаетъ въ заливъ *Кукъ-Узюкъ*. Протокъ этотъ весьма мелокъ и имѣетъ теченіе до того слабое, что за двухъ-футовою мелью, тянущеюся поперекъ залива, послѣ продолжительныхъ и крѣпкихъ сѣверныхъ вѣтровъ, бываетъ солоноватая вода. Наконецъ *Джанъ-Дарья* есть, можетъ быть, четвертое и самое главное устье Аму.

Въ прежнія времена Аму - Дарья впадала также въ одинъ изъ заливовъ Каспійскаго Моря. Англичанинъ *Джекинсонъ*, путешествовавшій въ Хиву въ 1558 году, и ханъ *Абунгази Богадуръ*, родившійся въ 1605 году и господствовавшій въ Ховарезмѣ съ 1643 по 1663 годъ, подтверждая это извѣстіе, говорятъ, однако, что въ ихъ времена рѣка не текла уже болѣе мимо Ургенча на западъ, а имѣла направленіе на сѣверъ. Когда же именно Аму - Дарья перестала вливать свои воды въ Каспійское Море?—задача эта до сихъ поръ еще не рѣшена, хотя объ этомъ и существуетъ много различныхъ предположеній.

О П И С А Н І Е

ХИВИНСКАГО ХАНСТВА *.

Описаніе это Хивинскаго Ханства основано: на личномъ обзорѣннѣ большей части его пространства, на глазомѣрной съемкѣ пройденныхъ въ Ханствѣ путей и на распросныхъ свѣдѣніяхъ, достоверность которыхъ не подвергалась сомнѣнію.

Подозрительный характеръ хивинскихъ сановниковъ и всего народа вообще, равно какъ и условія, при которыхъ мы находились въ Ханствѣ, стѣсняли не разъ нашу волю, и нерѣдко отнимали у насъ самыя близкія средства къ изученію края.

Чтобы представить полнѣйшее описаніе Хивинскаго Ханства, намъ недоставало: времени, пособія нѣкоторыхъ книгъ о Средней Азійи и способностей, которыя могли бы, если не замѣнить эти два недостатка, то, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ очевидное вліяніе на трудъ нашъ.

І. ПРЕДѢЛЫ.

Нынѣшнее Хивинское Ханство не имѣетъ опредѣленныхъ границъ: это есть оазъ, занимающій небольшое пространство

* Составлено въ 1843 году подполковникомъ (нынѣ полковникомъ) Генеральнаго Штаба Г. Н. Данилевскимъ, который въ томъ же году возвратился изъ Хивы, куда ѣздилъ имѣть съ миссіею, отправленною нашимъ Правительствомъ.

земли посреди песчаныхъ степей Западнаго Туркестана, прикосновенныхъ къ морямъ Каспійскому и Аральскому, и лежащихъ между владѣніями Россіи, Персіи и Бухаріи.

II. КЛИМАТЪ.

Кратковременное пребываніе въ Ханствѣ не позволило намъ собрать достаточнаго числа данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести удовлетворительное заключеніе о его климатѣ, и мы, по необходимости, должны руководствоваться, большею частію, распросными свидѣніями.

Хотя, по сжатости предѣловъ осядлаго Ханства, должно бы предполагать совершенно-одинаковый климатъ на всемъ его пространствѣ, однако сѣверная полоса, а именно низовья Аму-Дарьи, Кунградъ и даже Ходженли, нѣсколько долѣ подвергается зимнимъ холодамъ, чѣмъ полоса, лежащая южнѣ означенныхъ пунктовъ. Но въ этомъ только и заключается вся разница, которая, впрочемъ, имѣетъ мало вліянія на растительность. Сарачинское пшено, виноградъ и разныя фруктовыя деревья разводятся, одинаково успешно, на всемъ пространствѣ между г. Питнякомъ и г. Кунградомъ включительно, и только одна хлопчатая бумага не достигаетъ надлежащей зрѣлости въ окрестностяхъ Кунграда, что, впрочемъ, Хивинцы приписываютъ свойству почвы, а не атмосферическимъ вліяніямъ.

Весна въ Ханствѣ * наступаетъ обыкновенно въ срединѣ февраля; самая поздняя — въ началѣ марта. Ежегодно въ первой половинѣ этого мѣсяца ханъ выезжаетъ къ устью канала Полванъ-Ата, и присутствуетъ при чисткѣ и напущеніи въ него воды изъ Аму-Дарьи. Эта работа продолжается обыкновенно отъ 6 до 8 дней; а по возвращеніи хана въ Хиву, виноградныя лозы, гранатовыя и фиговыя деревья раскрываются, и въ первыхъ числахъ апрѣля начинаютъ уже покрываться зеленью. Апрельскіе жары весьма сильны и возрастаютъ постепенно до середины іюля, въ продолженіе котораго зной чрезмѣренъ, и не только не прохладается вѣтрами, постоянно и сильно дуо-

* Мы говорили объ осядлой части.

щими въ это время, но еще дѣлается удушливѣе, отъ густыхъ облаковъ пыли, вздымаемыхъ съ песчано-глинистой почвы, которая лѣтомъ никогда не увлажняется дождями. Въ первыхъ числахъ юня уже начинаютъ жать пшеницу; около этого же времени поспѣваютъ абрикосы, желтыя сливы и одинъ сортъ темнокраснаго винограда, называемый халили. Во второй половинѣ августа созрѣваютъ всѣ прочіе плоды, а въ сентябрѣ собираютъ сарачинское пшено, марсуну и кунжутъ. Первые утренники начинаются въ самомъ концѣ сентября, но весьма слабы и становятся нѣсколько ощутительнѣе только къ послѣднимъ числамъ ноября, въ продолженіе котораго дни стоятъ постоянно теплые и тихіе; листь на деревьяхъ начинаетъ желтѣть и падать, замѣтнымъ образомъ, не ранѣе, какъ въ первой половинѣ этого мѣсяца. Лѣтнія ночи хотя и не душливы, однако вообще не такъ прохладны, сравнительно съ температурою дня, какъ бывають обыкновенно въ южныхъ краяхъ.

Наступленіе зимы весьма измѣнчиво, и непостоянство погоды, въ продолженіе этого времени года, составляетъ ея отличительный характеръ *. Бывають годы, когда снѣгъ вовсе не выпадаетъ, и Аму-Дарья замерзаетъ только около береговъ. Это послѣднее обстоятельство случается изрѣдка и не повторялось съ 1836 года. Большею же частію снѣгъ начинается порошить въ среднихъ числахъ декабря, выпадая весьма рѣдко въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго покрывтія земли нѣскольکو толстымъ слоемъ, и лежитъ обыкновенно не долѣе трехъ или четырехъ дней сряду. Морозы бывають иногда довольно сильны, но не продолжительны, и перемежаются безпрестанными оттепелями. Аму-Дарья обыкновенно замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ декабря, или въ началѣ января, и весьма рѣдко ранѣе перваго срока; толщина льда на Дарьѣ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ аршина. Ледъ стоитъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ недѣль, и Аму неизмѣнно расходится каждый годъ къ февралю мѣсяцу. Въ продолженіе

* Во время нашего пребыванія въ Хивѣ, снѣгъ выпалъ 9 декабря при 19° Р., между тѣмъ какъ наканунѣ этой внезапной стужи и въ продолженіе всѣхъ предшлущихъ зимнихъ дней, холодъ въ полдень не превышалъ ни разу 4° Р. Эта стужа продолжалась три дня, а на четвертый ртуть возвысилась опять до 3° Р., потомъ теплая погода продолжалась неизмѣнно весь декабрь мѣсяць.

самых суровых зимъ, земля не замерзаетъ глубже 8 вершковъ; впрочемъ, это обстоятельство должно приписать отчасти и повсемѣстной солонцоватости почвы Ханства.

Дожди, какъ мы уже сказали выше, не часты въ Ханствѣ, и перепадають обыкновенно лишь весною и осенью, лѣтомъ же почти никогда. Нѣсколько дождливая весна вредить хлопчатой бумагѣ и маренѣ, и жители предпочитаютъ сухую весну.

Господствующіе вѣтры въ Ханствѣ: сѣверо-восточный и восточный; они дуютъ, большею частию, лѣтомъ и въ средніе зимы, но рѣдко бываютъ сильны. Самый порывистый вѣтеръ — западный: Хивинцы рассказываютъ, что онъ часто срываетъ кибитки и даже деревья; онъ свирѣпствуетъ только весною, когда деревья начинаютъ одѣваться листьями.

Грозь и града почти никогда не бываетъ. Сухость воздуха весьма велика, даже въ осенніе мѣсяцы*.

Для пополненія этихъ свѣдѣній о климатѣ Ханства, мы прилагаемъ выписку изъ сдѣланныхъ нами метеорологическихъ наблюдений, въ продолженіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Ханствѣ, въ концѣ 1842 года.

Температура.

	вышш.	низш.	средн.
Сентябрь . . .	+ 25° 2	— 4° 5	+ 12° 2
Октябрь . . .	+ 17° 3	— 2	+ 8° 3
Ноябрь . . .	+ 11° 5	— 6	+ 4° 9
Декабрь . . .	+ 4°	— 19	+ 5° 4

Состояніе атмосферы.

	ясныхъ.	пасмурныхъ.	дождливыхъ или спѣжныхъ.
Въ сентябрѣ было дней	26	4	не было.
— октябрь . . .	23	8	не было.
— ноябрь . . .	19	7	4
— декабрь . . .	14	15	2
всего	82	34	6

* Произведенныя натуралистомъ Базинеромъ психрометрическія наблюденія, съ 1 сентября по январь мѣсяцъ, совершенно подтверждаютъ это мнѣніе.

Вѣтры.

	Въ сентябрѣ.	октябрь.	ноябрь и декабрь	
Восточныхъ	4	7	6	7
Южныхъ	2	4	4	2
Западныхъ	3	3	4	—
Сѣверныхъ	4	2	—	4
Юго-восточныхъ . .	2	2	4	4
Юго-западныхъ . . .	5	—	4	4
Сѣверо-восточныхъ .	6	3	2	5
Сѣверо-западныхъ .	2	4	—	—
Тихихъ дней было .	9	12	15	11

Вліяніе климата Ханства на физическія силы жителей невозможно опредѣлить съ точностію, не имѣвши ни времени, ни средствъ собрать достаточныхъ, по этому предмету, свѣдѣній; мы должны ограничиться только указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ.

1. Климатъ Ханства вообще благопріятствуетъ здоровью туземцевъ, и, не смотря на отсутствіе правильныхъ медицинскихъ пособій, смертность не велика.

2. Вода какъ въ Аму-Дарьѣ и въ каналахъ, изъ нея вытекающихъ, такъ и въ колодцахъ всего осядлаго Ханства, весьма здорова; хотя на видъ мутна, но имѣетъ пріятный и легкій вкусъ.

3. Плоды здоровы, даже излишнее ихъ употребленіе не имѣетъ вредныхъ послѣдствій.

4. Эпидемическихъ опустошительныхъ болѣзней не бываетъ въ Ханствѣ; жителямъ памятенъ только одинъ подобный случай—это годъ, когда свирѣпствовала у нихъ холера.

5. Господствующія болѣзни въ Ханствѣ суть:

Лихорадка обнаруживается большею частию весною и въ началѣ зимы. Хивинскіе эмпирики дѣлятъ ее на три разряда, именуя ихъ: *лягмы*, *зяки* и *тебли*. Въ первомъ пароксизмъ бываетъ каждый день, но слабый, и лихорадка въ этомъ видѣ не упорна; второй обнаруживается пароксизмомъ чрезъ день, а третій чрезъ два дня. Лихорадка второго свойства весьма упорна и продолжительна; отъ лихорадки же третьяго разряда большею частию умираютъ.

Горячки свирѣпствуютъ несравненно рѣже, и уступаютъ пособіямъ лекарствъ скорѣе, чѣмъ лихорадки.

Простудный кашель обнаруживается часто осенью и продолжается весьма долго, съ присоединеніемъ потери голоса.

Венерическая болѣзнь свирѣпствуетъ въ сильной степени.

Оспа похищаетъ многихъ дѣтей, преимущественно между 2 и 5 годами.

Чихотка поражаетъ обыкновенно тѣхъ, которые употребляютъ опій, и, при сильной сухости воздуха, скоро развивается.

Воспаленіе глазъ составляетъ одну изъ главныхъ хроническихъ болѣзней Хивинцевъ; число слѣпыхъ значительно велико, что, впрочемъ, объясняется, весьма естественно, недостатками надлежащихъ врачебныхъ пособій и чрезмѣрной пылью и сухостію воздуха въ продолженіе почти цѣлаго года *.

6. Въ іюль и январь бываетъ наибольшее число больныхъ, и смертность значительнѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣсяцахъ.

7. Хотя Хивинцы пользуются вообще хорошимъ здоровьемъ, однако рѣдкіе изъ нихъ достигаютъ до глубокой старости, признаки которой обнаруживаются, большею частію, преждевременно. Мы полагаемъ, что главная причина этого явленія заключается не въ свойствѣ климата, а въ образѣ жизни Хивинцевъ.

Хивинскій климатъ нисколько не обнаруживаетъ вреднаго дѣйствія и на здоровье чужеземцевъ. Доказательствомъ тому могутъ служить Персіане, весьма скоро къ нему привыкающіе, а равномѣрно и бывшіе въ Ханствѣ русскіе плѣнные,

* О леченіи сколько-нибудь правильномъ Хивинцы не имѣютъ никакого понятія; хотя къ нимъ завозятся, изъ Бухаріи, Персіи и Индіи, нѣкоторые медикаменты, однако ихъ употребленіе производится безъ всякаго знанія лечебнаго дѣла, которое находится въ рукахъ нѣсколькихъ шарлатановъ, присоединяющихъ къ сомнительной опытности пособія ворожбы и симпатическихъ средствъ. Кровопусканіе въ маломъ употребленіи, и количество выпускаемой крови никогда не превышаетъ полуфунта. Они пускаютъ кровь маленькимъ пожемъ изъ рукъ, изъ ногъ, а чаще изъ переносыя. Прививаніе оспы вовсе неизвестно Хивинцамъ, и эта болѣзнь ежегодно похищаетъ значительное число дѣтей. Объ акушерствѣ не имѣютъ никакого понятія, и, вмѣсто всякаго пособія въ трудныхъ родахъ, жгутъ передъ родовыми щелями змѣйную кожу. Нѣкоторые потогонныя и кровочистительныя средства употребляются Хивинцами, но вообще безъ соображенія съ болѣзнію или возрастомъ больного, а по одному произволу знахара.

которые всѣ почти сохраняли, до освобожденія ихъ изъ неволи, неизмѣнно-хорошее здоровье. Въ подтвержденіе здоровости климата Ханства, можемъ указать и на то обстоятельство, что изъ числа 40 человекъ, находившихся въ составѣ Россійской Императорской Миссіи въ Хивѣ въ 1842 году, не было, въ продолженіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія ея въ Ханствѣ, ни одного нѣсколько серьезнаго больного.

Если бы Хивинское Правительство могло понять пользу медицинскихъ заведеній и благотворительное дѣйствіе прививанія оспы, и ввести ихъ въ Ханство, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, народонаселеніе возросло бы значительно въ самое непродолжительное время.

III. ОРОГРАФІЯ.

Юго-восточный чинкъ Усть-Урта и горы Шейхъ - Джели суть главныя возвышенности заселенной части Ханства, на горизонтально - ровной поверхности котораго встрѣчаются еще нѣсколько другихъ холмовъ. Хотя послѣдніе, по незначительной высотѣ и небольшому объему, не заслуживали бы особеннаго вниманія; однако, для полноты этой статьи, мы не вовсе умолчимъ о нихъ. *

1. *Юго-восточный чинкъ Усть-Урта.* Восточная часть чинка, идущая вдоль западнаго берега Аральскаго Моря, имѣетъ видъ обрывистый, изрѣзана всюду глубокими оврагами и разстланна, и у подножія своего устлана безчисленными обломками, которые стоятъ у моря отдѣльными и громадными утесами, въ самыхъ своенравныхъ формахъ и положеніяхъ, какъ-бы отъ случайностей внезапнаго прекращенія той страшной силы, которая оторвала ихъ отъ Усть-Урта, и обнаруживаютъ, рѣзкими полосами, разнородныя пласты составныхъ частей этой плоской возвышенности (plateau). Юго-восточный же чинкъ Усть-Урта тянется между мысомъ Урга и урочища Бишъ - Тюбя, омываясь, у подошвы своей, Айбугирскимъ Озеромъ **. По мѣ-

* При семъ прилагается оро-гидрографическая карта Ханства.

** Отъ мыса Урга до урочища Айбугирь.

ръ удаленія отъ моря, эта часть чинка замѣтно понижается, постепенно теряетъ свой прежній разрушенный характеръ, и хотя еще довольно долго сохраняетъ утесистый видъ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ уже удобные подъемы. Приближаясь же къ урочищу Айбугиру и далѣе до урочища Бишъ-Тюбъ, чинкъ превращается въ невысокіе холмистые скаты, всюду отлогіе, и только по срединѣ всего описываемаго нами протяженія, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Айбугиръ образуетъ глубоко-вдающийся въ Усть-Уртъ заливъ Акъ-Чеганакъ, высота чинка увеличивается, и прежній обрывистый характеръ проявляется снова, но лишь вокругъ означеннаго залива. Отъ урочища Бишъ-Тюбъ чинкъ круто загибается на западъ. Спуски съ Усть-Урта на этомъ протяженіи находятся при урочищахъ: Тайла, Карла-Умбетъ, Мулла-Турумъ и Айбугиръ. Всѣ они весьма удобны, послѣдній же совершенно отлогій.

2. *Шейхъ-Джели*. На правой сторонѣ Аму-Дарьи, между широтами городовъ Н. Ургенча и Ходженли, тянется, по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, цѣпь горъ, называемая Шейхъ-Джели. Она начинается невысокими холмами, отстоящими отъ Аму-Дарьи верстахъ въ 16, и постепенно повышается, приближаясь къ Дарьѣ; между городовъ Мангытъ и Кипчакъ она подходитъ къ рѣкѣ, на разстояніе отъ трехъ до одной версты, и примыкаетъ почти вплотъ противъ Кипчака. Далѣе, она быстро понижается и, принимая видъ отлогіхъ холмовъ, отклоняется отъ рѣки почти на 6 верстъ, оканчиваясь противъ рукава Лаудана, выходящаго съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, горою Бишъ-Тюбъ, состоящею изъ пяти невысокихъ сопокъ. Высшія точки (points culminants) хребта Шейхъ-Джели находятся противъ городовъ: Гурлена, Кытая, Мангыта и Кипчака. Первая и вторая носятъ общее названіе цѣпи; третья именуется Султанъ-Увайсъ, а четвертая — Чалыкъ. Нижніе уступы Султанъ-Увайса и отрожекъ его примыкаютъ къ небольшому заливу Ходжа-Куль, выходящему изъ Аму-Дарьи. Юго-западный скатъ Шейхъ-Джели изрытъ крутыми оврагами и перерѣзанъ разстланными; къ водонѣжью хребта онъ образуетъ частые уступы, которые, приближаясь къ Аму-Дарьѣ, принимаютъ постепенно видъ плоской покатости. Общій характеръ сѣверо-восточнаго ската представляетъ отлогіе и ровные спуски,

которыми горы Шейхъ-Джели, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, сливаются съ песками Кизиль-Кумъ. Гребень этой цѣпи несетъ на себѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средняго ея протяженія, конусообразныя сопки. Почва хребта вообще глинистая, бѣловатаго цвѣта, и на ней кой-гдѣ находятся желѣзо-рудный кварцевый и песчаный камень. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, преимущественно противъ г. Гурлена, Хивинцы добываютъ мраморъ довольно большими кусками, но онъ показался намъ дурного свойства и скважистъ *. Главную высоту Шейхъ-Джели мы не имѣли времени опредѣлить; но полагаемъ, что она довольно значительна, принимая въ соображеніе, что, на 50-верстномъ разстояніи, центральная часть этихъ горъ весьма ясно обозначается на горизонтѣ. Въ длину хребетъ Шейхъ-Джели имѣетъ слишкомъ 400 верстъ.

3. *Куба-Тау*, 4. *Мазлымъ-Суфи* и 5. *Тюбя-Тау* суть три небольшія возвышенія. Первое находится на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ г. Мангыта; второе — на 8 верстъ къ западу отъ г. Ходженли; третье — въ 46 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ г. Кунграда, между рукавами Талдыкъ-Дарьей и Улу-Дарьей. Общій характеръ этихъ возвышеній почти одинаковъ, и состоитъ изъ конусообразныхъ вершинъ и круто-покатыхъ подножій, возвышающихся надъ горизонтальною окрестностію. Почва этихъ горъ вообще глинисто-солонцоватая и перемѣшана мѣстами съ мелкимъ камнемъ.

IV. ГИДРОГРАФІЯ.

а. рѣки.

Аму-Дарья протекаетъ около 700 верстъ по Хивинскому Ханству, считая отъ крайнихъ юго-западныхъ предѣловъ его къ Бухаріи до впаденія рѣки въ Аральское Море, и на этомъ протяженіи слишкомъ 400 верстъ по населенной долинѣ Хан-

* Мы видѣли, въ нѣкоторыхъ домахъ хана, куски мрамора, которые имѣли до двухъ и болѣе кубическихъ аршинъ. При Махомедѣ Рахимъ-Ханѣ производилась разработка мѣди въ горахъ Шейхъ-Джели, но была оставлена и съ тѣхъ поръ не возобновлялась. Издержки разработки, втроемъ по признанію дѣла, превышали стоимость добытаго металла.

ства. Теченіе Дарьи до г. Питняка клонится постоянно на сѣверо-западъ, и продолжается въ этомъ направленіи до Н. Ургенча. Нѣсколько ниже этого города, она отклоняется къ сѣверу до Мангыта; отсюда же описываетъ выпуклую на востокъ дугу, и отъ г. Кипчака постепенно отклоняется на западъ, а въ 30 верстахъ отъ Кипчака, отдѣляя отъ себя рукавъ *Амударья*, довольно круто сворачиваетъ вновь на сѣверъ до г. Ходженли, оставляя, не доходя до этого города, съ правой стороны рукавъ *Кукъ-Узакъ*. Отъ Ходженли течетъ она растянутою дугою на сѣверо-западъ и потомъ недолго на западъ до рукавовъ: *Карибайли*, выходящаго съ правой стороны, и *Чуманая* — съ лѣвой, а отъ послѣдняго рукава поворачиваетъ крутымъ изгибомъ на сѣверо-западъ, и, сохраняя это направленіе до самаго Кунграда, образуетъ, на означенномъ протяженіи, частыя луки и извилины, и отдѣляетъ отъ себя съ лѣвой стороны рукава *Кыятъ-Джарганъ* и *Кокъ-Дарья*. У Кунграда, Аму-Дарья описываетъ небольшую сжатую дугу, и направляетъ свое теченіе на сѣверо-востокъ, развѣтвляясь въ 7 верстахъ отъ города на два рукава: *Талдыкъ-Дарья* и *Улу-Дарья*. Послѣдній есть главное русло рѣки, и сохраняетъ сказанное направленіе до впаденія въ море, т. е. около 90 верстъ; а на полупути отъ Кунграда, отдѣляетъ отъ себя съ правой стороны еще одинъ рукавъ — *Казакъ-Дарья*. Хотя Аму-Дарья раздробляется, какъ мы видимъ изъ этого описанія, на 9 главныхъ рукавовъ; однако только три изъ нихъ, именно послѣдніе, впадаютъ въ море; прочіе же образуютъ два озера, лежащія на правой и лѣвой сторонахъ долины рѣки; а потому, въ строгомъ смыслѣ слова, дельта Дарьи начинается 7 верстами ниже г. Кунграда, а не съ того мѣста, откуда вытекаетъ ея первый рукавъ.

Ширина Аму-Дарьи, на описываемомъ нами протяженіи, т. е. между Питнякомъ и ея устьемъ, измѣняется довольно часто. Наибольшій просторъ ея русла — въ южной половинѣ ея теченія, до г. Гурлена, и простирается отъ 200 до 425 саженъ, сохраняя, впрочемъ, чаще этотъ послѣдній размѣръ; далѣе, до рукава Лаудана, наибольшая ея ширина въ 330 саженъ, и отсюда уже она начинаетъ значительно суживаться, такъ что противъ Кунграда имѣетъ только 60 саженъ въ поперечникѣ.

Служиваніе Аму-Дарьи, по мѣрѣ приближенія ея къ устью, весьма понятно, принявъ въ соображеніе ту огромную массу воды, которую устраняють отъ главнаго ея русла многочисленные рукава и искусственные каналы, изъ него выходящіе, между тѣмъ какъ ни одинъ протокъ не вознаграждаетъ этой убыли воды.

Быстроту теченія Дарьи мы не могли изслѣдовать съ совершенною точностію; ибо видѣли эту рѣку въ зимнее время, когда она, на пройденномъ нами протяженіи, была покрыта льдомъ. Результатъ дѣланныхъ нами наблюденій въ полыньяхъ показалъ, что вода убѣгаетъ въ минуту отъ 30 до 35 сажень. Мы убѣждены, однако, что это средняя скорость ея теченія, ибо видѣли многія незамерзшія мѣста, гдѣ бѣгъ воды очевидно превышалъ быстроту, измѣренную нами; но, къ сожалѣнію, непрочность льда въ такихъ мѣстахъ не позволяла это точнѣе изслѣдовать. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, скажемъ, что косная лодка, съ значительнымъ грузомъ товаровъ, совершаетъ плаваніе, безъ пособія весель и паруса, отъ Н. Ургенча до Кунграда, нѣсколько менѣе чѣмъ въ полторы сутки, что составить до 7 верстъ въ часъ и болѣе, принявъ въ соображеніе частыя извилины рѣки. Съ приближеніемъ къ морю, скорость теченія Дарьи уменьшается: сдѣланныя изслѣдованія по рукаву Талдыка къ Дарьи показали, что вода убѣгаетъ не болѣе 20 сажень въ минуту.

Глубину Аму-Дарьи мы измѣрили, на протяженіи между Мангытомъ и устьемъ Талдыка, во многихъ мѣстахъ, и не находили ни одного, которое было бы глубже 7 аршинъ. Конечно, это могло быть случайностію; но показанія жителей вообще подтверждаютъ, что Дарья не имѣетъ слишкомъ значительной глубины; бродовъ же нигдѣ нѣтъ. Впрочемъ, если бы мелководіе и дозволяло перейти чрезъ рѣку, то топкость дна, повсюду глинисто-иловатаго, служила бы тому препятствіемъ.

Лѣвый берегъ Аму-Дарьи, начиная отъ Питняка, обрываетъ, при незначительной высотѣ, нигдѣ непревышающей 2 сажень; этотъ видъ онъ сохраняетъ почти до самаго Кунграда, перемѣщаясь изрѣдка отлогими мѣстами. Ниже этого города, окъ, на нѣкоторомъ пространствѣ, тоже крутъ, но, съ приближеніемъ къ устью, становится совершенно отлогимъ. Правый берегъ, отъ Питняка до южной оконечности хребта Шейхъ-

Джели, нѣсколько ниже и отложе лѣваго; на протяженіи этихъ горъ повышается и становится немного круче; противъ же горы Челныкъ опять понижается и принимаетъ прежній полуотлогій видъ. Береговой грунтъ земли, съ правой стороны рѣки, глинисто-солонцоватый и изрѣдка песчаный; съ лѣвой же большею частію песчаный. Тальникъ и довольно высокій колючій кустарникъ покрываютъ оба берега рѣки, за исключеніемъ рѣдкихъ и небольшихъ промежутковъ, на которыхъ они открыты. Въ 10 верстахъ ниже Ходженли, на лѣвомъ берегу Дары, растеть, кромѣ кустарника, густой камышъ, который ниже Кунграда становится сплошнымъ до самаго моря, и покрываетъ значительную часть пространства, занимаемаго дельтою Аму-Дары, будучи проходимъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Каракалпаки и Киргизы, для сообщенія между собою, прорубили узенькія тропы.

Описаніе рукавовъ Аму-Дары мы расположимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изъ нея вытекають *.

1. *Лауданъ* отдѣляется съ лѣвой стороны отъ главнаго русла рѣки, противъ горы Бишъ-Тюбя, въ 30 верстахъ ниже города Кинчака. На протяженіи 15 верстъ отъ его начала, впадаютъ въ него три небольшіе рукава: Ала-Бія, Кула-Бія и Кувлякъ, выходящіе изъ Дары въ 3 верстахъ выше его. Протекая по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ нѣсколько болѣе 100 верстъ, Лауданъ впадаетъ или, правильнѣе, образуетъ озеро Айбугиръ, лежащее у подошвы юго-восточнаго чинка Усть-Юрта, и отдѣляется отъ себя, до впаденія въ озеро, протокъ, который, проходя возлѣ Куля-Ургенча, именуется Саркраукомъ и течетъ по древнему руслу Аму-Дары, исчезая въ пескахъ этого русла, за нѣсколько десятковъ верстъ на юго-западъ отъ города. Лауданъ — самый значительный рукавъ Аму-

* Описаніе теченія рукавовъ: *Лаудана*, *Кукъ-Узьяка*, *Кара-Бийи*, *Чуманя*, *Кыяты-Джаргана*, *Кокъ-Дары* и *Улу-Дары*, при отдѣленіи ихъ отъ главнаго русла рѣки, основано на личномъ обозрѣніи этихъ мѣстъ и на глазомерной съемкѣ; дальнѣйшее же теченіе этихъ рукавовъ описано здѣсь и внесено на карту по распросамъ свидѣтелей, собраннымъ на мѣстахъ. Рукавъ *Талдыкъ* былъ обозрѣнъ и снятъ глазомерно на всемъ его протяженіи; *Казакъ-Даря* описывается по распросамъ, достоверность которыхъ не должна подвергаться сомнѣнію, ибо основана на многочисленныхъ и единогласныхъ показаніяхъ прибрежныхъ жителей.

Дарьи; ширина его простирается до 70 сажень; берега не высоки, обрывисты и глинисто-солонцоватаго грунта; теченіе его весьма быстро. Замѣчательно, что прежде Лауданъ вытекалъ изъ Аму ниже нынѣшняго мѣста *, и ежегоднымъ расширеніемъ своего русла и прибылью воды угрожалъ затопить всю западную часть Ханства, такъ что 30 лѣтъ тому назадъ, при Махомедъ-Рахимъ-Ханѣ, онъ былъ по этому случаю запруженъ; но чрезъ 5 лѣтъ, послѣ того, открылъ себѣ новый путь въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ вытекаетъ **. Жители замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени напоръ воды изъ Аму-Дарьи въ Лауданъ ежегодно усиливается, и русло этого рукава становится все глубже и шире.

2. *Кукъ-Узякъ* вытекаетъ изъ Дарьи съ правой стороны, двумя верстами выше г. Ходжели. Первоначальное его направленіе — съ юго-запада на сѣверо-востокъ; на 60-верстномъ разстояніи онъ впадаетъ въ озеро Дау-Кара. Ширина его при началѣ въ 20 сажень; берега песчано-глинистые и крутые.

3. *Кара-Байлы* начинается съ правой стороны Дарьи, 40 верстами ниже Кукъ-Узяка, и, при сѣверо-восточномъ направленіи, впадаетъ 20 верстами сѣвернѣе его въ озеро Дау-Кара. Ширина Кара-Байлы сначала въ 15 сажень; берега плоскіе и песчано-глинистые.

4. *Чуманай* отдѣляется съ лѣвой стороны Дарьи 2 верстами ниже Кара-Байлы; описываетъ при началѣ дугу, потомъ направляется на сѣверо-западъ и расходится въ камышахъ озера Айбугира. Ширина Чуманая при началѣ 40 сажень; берега около Дарьи обрывисты, далѣе же отлоги.

5. *Кыль-Джангаръ* вытекаетъ съ лѣвой стороны Дарьи, ниже Чуманая 20 верстами; имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ и впадаетъ въ озеро Айбугиръ, почти противъ урочища Кара-Умбетъ. Ширина рукава въ началѣ 40 сажень; берега обрывисты и глинистаго грунта.

6. *Кокъ-Дарья* вытекаетъ съ лѣвой стороны, ниже предъидущаго рукава 40 верстами, и имѣетъ почти параллельное съ

* Близъ г. Ходжели.

** Слѣды прежняго русла рѣки дѣйствительно видны съ лѣвой стороны г. Ходжели.

нимъ теченіе. Ширина Кокъ-Дарьи въ началѣ 10 сажень; берега круты и солощовато-глинистаго грунта: далѣе же плоски. Рукавъ этотъ теряется въ камышахъ Айбугирскаго Озера.

7. *Талдыкъ-Дарья* отдѣляется съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, 7 верстами ниже г. Кунграда, и, сохраняя главное направленіе на сѣверъ, впадаетъ, послѣ 75-верстнаго теченія, въ море 8 протоками, на которые начинается раздробляться въ 6 верстахъ отъ своего устья. Главные изъ нихъ: *Кенъ-Каиръ*, *Майлю-Узюкъ* и *Талгу-Узюкъ* съ правой стороны, и *Сусся* съ лѣвой. Каждый изъ поименованныхъ протоковъ имѣетъ отъ 20 до 30 сажень ширины и отъ 2 до 14 верстъ протяженія; прочіе же не шире 2 сажень. Рукавъ Талдыкъ, отъ начала своего до раздробленія на эти протоки, сохраняетъ почти всюду 50-саженную ширину; приближаясь же къ устью, расширяется до 100 сажень. На сказанномъ протяженіи, берега его большею частію обрывисты, но не высоки, и не превышаютъ нигдѣ 3 аршинъ; въ 15 же верстахъ отъ моря становятся совершенно плоски. Глубина воды вообще не значительна. Въ 15 верстахъ противъ устья Талдыка находится, въ Аральскомъ Морѣ, островъ Токманъ-Ата, имѣющій въ длину 15, а въ ширину 6½ верстъ; на немъ кочуетъ небольшое число Киргизовъ Табынскаго рода.

8. *Улу-Дарья* есть главное русло Аму-Дарьи, какъ мы сказали выше. Ширина ея отъ 50 до 100 сажень; берега почти совершенно отлогіе. Она впадаетъ въ море въ 40 верстахъ отъ устья Талдыкъ-Дарьи. Намъ неизвѣстно, на сколько протоковъ она раздробляется при самомъ впаденіи.

9. *Казикъ-Дарья* выходитъ съ правой стороны Улу-Дарьи, въ 50 верстахъ ниже Кунграда, и протекаетъ около 45 верстъ до впаденія въ море, въ сѣверо-восточномъ направленіи. Устье этого рукава отъ главнаго устья Дарьи въ 12 верстахъ. Ширина Казакъ-Дарьи не значительна. Кромѣ описанныхъ рукавовъ, съ лѣвой стороны Аму-Дарьи выходитъ еще нѣсколько небольшихъ протоковъ, о которыхъ, по маловажности ихъ, не упоминаемъ.

При быстромъ и извилистомъ теченіи, Аму-Дарья, на протяженіи отъ Питняка до дельты своей, образуетъ значительное число острововъ. Длина нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается до 15 верстъ, а поверхность надъ водою довольно возвышена и

покрыта густымъ кустарникомъ; большая же часть острововъ низки и, по всѣмъ вѣроятностямъ, обнаруживаются только въ позднюю осень и даже смѣняются часто другими, отъ случайныхъ напоровъ воды этой быстрой рѣки. *

Аму-Дарья имѣетъ въ году три главные прилива воды. Первый происходитъ обыкновенно въ началѣ февраля мѣсяца, когда рѣка освобождается отъ льда; онъ вообще не значителенъ и не продолжителенъ. Второй начинается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; прибывъ воды возрастаетъ въ продолженіи 15 дней, и столько же проходитъ времени, пока Дарья войдетъ въ свои обыкновенные берега; это половодье — самое значительное и самое важное для земледѣльцевъ Ханства. Третій приливъ въ Дарьѣ случается или въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, и продолжается обыкновенно отъ 8 до 40 дней; отъ этой осенней прибыви воды зависятъ хорошіе всходы пшеницы, которая одна только съется Хивинцами осенью и требуетъ до зимы безпрестанныхъ орошеній, возможныхъ, въ подлежащей мѣрѣ, только, когда Дарья, достаточнымъ возвышеніемъ своего лѣтняго уровня, разноситъ по каналамъ чужое для того количество воды. Сверхъ этихъ приливовъ, Аму имѣетъ, въ продолженіе всего лѣта, постоянное періодическое повышеніе и пониженіе воды, и это явленіе совершается, по замѣчаніямъ прибрежныхъ жителей, безошибочно каждыя 40 дней. Аму-Дарья, во время описываемыхъ нами половодій, никогда не выходитъ изъ своихъ береговъ и, при наибольшей высотѣ воды, течетъ въ уровень съ ними; въ мѣстахъ же отложихъ, которыя могли бы дать ей просторъ къ разлитію, сдѣланы невысокія земляныя насыпи, идущія параллельно съ берегомъ рѣки иногда на нѣсколько верстъ, и служащія достаточнымъ оплотомъ противъ разливовъ. ** Были однако случаи, что не только близкія къ берегу

* Слѣдуя около береговъ Аму-Дарьи, при возвращеніи изъ Хивы въ Россію, мы не могли, по многимъ причинамъ, посвящать столько времени, сколько бы желали, для тщательнаго изслѣдованія Аму-Дарьи, а потому не можемъ представить полнаго описанія острововъ ея, пожертвовавъ этимъ предостомъ, который казался намъ менѣе важнымъ, въ пользу другихъ свидѣній объ этой рѣкѣ.

** Значительный приливъ воды, посредствомъ рукава Амударьи въ Айбугируское Озеро, во время половодій Аму-Дарьи, расширяетъ это озеро на большое пространство, такъ что въ нѣные годы вода не только подходитъ до подошвы Усть-Урта, около урочища Айбугира, гдѣ находится спускъ въ Ханство съ этой пло-

жидля, но и довольно отдаленныя понимались водою; епрочемъ, это происходило единственно отъ непрочности плотинъ, которыми запруживаются каналы, выходящiе изъ Дарьи, или по оплошности при сломкѣ ихъ весною. *

II. *Мерва*, или Мургабъ, какъ называетъ ее г. Бюрнсъ, протекаетъ по кочевой части Хивинскаго Ханства около 370 верстъ, по направленiю съ юго - востока на сѣверо - западъ, и теряется въ пескахъ, въ 289 верстахъ въ прямой линiи на юго-востокъ отъ г. Хивы, образуя на этомъ мѣстѣ песчанистыя топи. ** Ширина рѣки не велика; но бассейнъ ея долженъ заключать довольно значительную массу воды, принимая въ соображенiе, что она наполняетъ множество канавъ, вырытыхъ, вдоль обоихъ ся береговъ, Туркменами, для орошенiя ихъ пашень. Мерва никогда не замерзаетъ.

III. *Тенджентъ* слѣдуетъ тоже причислить къ рѣкамъ Хивинскаго Ханства; ибо онъ протекаетъ чрезъ укрѣпленiе Сараксъ, подвѣдомственное хивинскимъ владѣтелямъ; но мы не имѣемъ никакихъ точныхъ о немъ свѣдѣнiй; знаемъ только изъ распросовъ, что Туркмены пользуются его водою, для орошенiя канавами разводимаго по берегамъ рѣки хлѣбопашества.

В. озера.

Большое число озеръ, находящихся въ заселенной части Ханства, по мелководiю и незначительному пространству своему, не представляютъ никакого гидрографическаго интереса; мы ограничимся описанiемъ только тѣхъ, которыя, по величинѣ своихъ бассейновъ, заслуживаютъ особеннаго вниманiя, обозначая прочiя на приложенной при семъ гидрографической картѣ.

1. Айбугиръ. *** Подошва юго-восточнаго обрыва Усть-Урта, начиная отъ мыса Урга до урочища Айбугира, омывается ской возвышенности, но даже покрываетъ всю нижнюю часть этого отлогого спуска, что и подало поводъ къ ошибочному мнѣнiю, будто разлитiе озера не что иное, какъ продолженiе разлива Дарьи, тогда какъ пространство, между Аму и восточнымъ берегомъ озера, никогда не затопляется.

* Подобная оплошность случилась года три тому назадъ, и окрестности Тажурса были затоплены отъ внезапнаго прилива воды въ каналъ Шахъ-Аббети.

** Это описанiе основано на распросныхъ свѣдѣнiяхъ, отобраныхъ отъ тѣхъ, которые часто бывали на этой рѣкѣ.

*** Описанiе Айбугирскаго Озера, кромѣ небольшой части юго-восточнаго берега, основано на личномъ обзорѣ и произведенной глазомерной съемкѣ. При

озеромъ Айбугиръ. Наибольшая длина его, между означенныхъ урочищъ, простирается до 125 верстъ. Сѣверный берегъ его примыкаеть, почти вплоть, къ южному берегу Аральскаго моря, такъ что воды ихъ, во время бури, или при повышеніи уровня озера, нѣтъко слизаются. Восточный и южный берега Айбугира совершенно плоски. Рукава Аму-Дарьи: Лауданъ, Чуманай, Кыль-Джаргинъ и Кокъ-Дарья суть его главные притоки, и вливають въ него огромную массу воды, которая, на означенномъ нами пространствѣ, разливается неуравнительно и образуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокіе заливы, а въ другихъ представляетъ мелководные разливы, которые расширяются, или суживаются, смотря по прибыли и убыли воды въ его притокахъ. Наибольшая глубина Айбугирскаго Озера находится въ заливѣ Акъ-Чеганакъ, который ограничивается обрывистымъ и высокимъ чинкомъ Усть-Урта; въ прочихъ же мѣстахъ, озеро сохраняетъ, почти повсемѣстно, отъ 2 до 5 футовъ глубины; ширина его измѣняется отъ 15 до 40 верстъ. Берега Айбугирскаго Озера, за исключеніемъ пространства, занимаемаго заливомъ Акъ-Чеганакъ, поросли густымъ камышемъ, который почти повсемѣстно покрываетъ и самую поверхность воды, кромѣ небольшого пространства, лежащаго между мысомъ Урга и урочищемъ Кара-Гумбетъ, залива Акъ-Чеганакъ и узенькихъ полосъ въ сѣверной части озера, по которымъ производится плаваніе Каракалпаками на небольшихъ лодкахъ. Вода озера всюду прѣсная; грунтъ береговъ его глинисто-солонцоватый, а дно въ неглубокихъ мѣстахъ иловатое, въ заливѣ же Акъ-Чеганакъ глинистое и каменистое.

II. *Дау-Кара*. * Это озеро лежитъ по правой сторонѣ Аму-Дарьи и, подобно Айбугирскому, образуется ея рукавами. Сѣверный берегъ Дау-Кара примыкаеть вплоть къ морю и почти сливается съ нимъ. Наибольшая длина его до 120 верстъ. Берега плоски и почти повсемѣстно поросли камышемъ. Рука-

возвращенія пашемъ въ Россію изъ Хивы чрезъ г. Кунградъ, мы проходили это озеро, по льду, противъ мыса Урга.

* Южная окопность этого озера была глазомерно снята въ 1840 г. капитаномъ Никифоровымъ. Представленное описаніе основано на разпросныхъ свѣдѣніяхъ, изъ которыхъ мы помѣстили только то, что намъ казалось, по мѣстнымъ соображеніямъ и единогласнымъ показаніямъ, вѣроятнымъ никакому сомнѣнію.

ва, выходящіе съ правой стороны Аму-Дарьи: Кукъ-Узлякъ и Кара-Байли суть притоки этого озера, какъ мы сказали выше, и вливаются въ него въ 25 верстахъ одинъ отъ другого. Глубина озера не должна быть значительна, судя по плоскости его береговъ. Прибрежный грунтъ земли вообще чисто-песчаный, перемежающійся, въ западной части, глиною и солонцемъ.

III. *Аузыль* находится на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, въ 50 верстахъ на сѣверо-западъ отъ г. Кунграда, и образуется двумя небольшими протоками, выходящими съ лѣвой стороны изъ рукава *Талдыкъ-Дарья*. Аузыль имѣетъ продолговатую фигуру въ 8 верстѣ длины и въ $4\frac{1}{2}$ версты ширины. Сѣверная его оконечность соединяется съ Аральскимъ Моремъ небольшими и мелкими плесами, покрытыми густымъ камышемъ, которымъ поросли и прочія его стороны. Глубина озера нигдѣ не превышаетъ 5 футовъ. Вода прѣсная; берега плоскіе и глинисто-солонцоватаго грунта.

IV. *Аякъ-Куль*, въ 13 верстахъ на сѣверо-западъ отъ г. Питняка, имѣетъ 12 верстѣ въ длину и не болѣе одной версты въ ширину. Берега плоски и глинисто-солонцоваты. Наибольшая глубина 8 футовъ, но осенью вода понижается и прибрежья высыхаютъ. Аякъ-Куль образуется весеннимъ приливомъ воды изъ каналовъ: Питнякъ, Сундубы и Мухаманъ, входящихъ въ него съ двухъ сторонъ.

V. *Порсу*, около 30 верстѣ на востокъ отъ г. Кулл-Ургенча, наполняется водою изъ канала Арна, входящаго въ него съ восточной стороны; берега Порсу совершенно плоски и поросли камышемъ; глубина его не значительна. *

VI. *Султанъ-Сулджеръ-Мазы* — соленое озеро, лежащее на востокъ отъ г. Питняка и въ одной верстѣ отъ Аму-Дарьи. Длина его въ 10, ширина въ $4\frac{1}{2}$ версты. Жители добываютъ изъ него соль, которая разводится по всей южной части Ханства. Соль эта дурного качества и имѣетъ черноватый цвѣтъ.

С. КАНАЛЫ.

Заселенная часть западной долины Аму-Дарьи перерѣзана большимъ числомъ искусственныхъ каналовъ, изъ нея прове-

* Распросныя свидѣнія.

денныхъ. Многіе изъ нихъ, по не большому протяженію и ширинѣ, не имѣютъ никакого значенія; поэтому мы, въ этомъ описаніи, дадимъ мѣсто только главнымъ каналамъ, которые, по величинѣ и системѣ своего развѣтвленія, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія. Порядокъ описанія каналовъ мы расположимъ послѣдовательно, начиная съ самаго южнаго.

I. *Питнякъ* вытекаетъ въ 3 верстахъ отъ г. Питняка и до него направляется на юго-западъ, далѣе же описываетъ, ломаными линіями, растянутую дугу на югъ, и, окончательно поворотивъ на сѣверо-западъ, впадаетъ въ озеро Аякъ-Куль. Длина теченія 26 верстъ, ширина почти всюду 2½ сажени, кромѣ нижняго конца, суживающагося до одной сажени. Изъ Питняка проведено много мелкихъ канавъ, направленіе которыхъ измѣняется ежегодно, смотря по соображенію земледѣльцевъ.

II. *Полванъ-Амъ* — главный каналъ Ханства, не по протяженію, а по большому числу вытекающихъ изъ него среднихъ канавъ и по пространству земли, орошаемому системою его водъ. Полванъ выходитъ изъ Аму-Дарьи, 42 верстами ниже Питняка; имѣетъ главное направленіе съ востока на западъ до половины своего протяженія, а потомъ склоняется на юго-западъ и, послѣ 85-верстнаго теченія, оканчивается, недалеко отъ г. Хивы, маленькимъ озеромъ Курактази. На протяженіи полуверсты отъ своего начала, Полванъ имѣетъ 25 сажень ширины, потомъ вдругъ суживается до 42 сажень и эту послѣднюю ширину сохраняетъ до половины своего теченія; а отсюда уже поперечникъ его постепенно уменьшается и доходитъ при концѣ до 5 футовъ. Берега его при вершинѣ высоки, отъ насыпной земли, выбрасываемой ежегодно, во время чистки его русла; но далѣе — почти повсемѣстно ровны съ горизонтомъ окрестности. Наибольшая глубина канала 3 сажени, меньшая 4 фута. Въ началѣ ноября Полванъ запруживается двумя плотинами, для предосторожности отъ весенняго напора воды изъ Аму-Дарьи. Изъ Полвана выходятъ 25 среднихъ канавъ, а именно:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Мухаманъ	18 верстъ	1½ саж.
2. Каса	19 —	1½ —
3. Джуванды	16 —	1 —
4. Чалки	13 —	1½ —
5. Шаршили	12 —	1 —
6. Китай	20 —	1 —
7. Мастей	18 —	1½ —
8. Тами	17 —	1½ —
9. Багатъ	15 —	1 —
10. Найманъ	20 —	2½ —
11. Атю - Кую	22 —	2½ —
12. Камратъ	22 —	1½ —
13. Янарикъ	23 —	2 —
14. Шерраватъ	10 —	1 —
15. Саятъ	10 —	1 —
16. Голюбмахъ	6 —	1 —
17. Фернухасъ	8 —	1 —
18. Пешкеникъ	8 —	1 —
19. Чаштюбя	7 —	1 —
20. Ингрикъ	6½ —	1 —
21. Черджели	9 —	1 —

Главное направленіе этихъ канавъ изъ юго-западъ и на югъ; нѣкоторыя изъ нихъ оканчиваются въ пескахъ, другія образуютъ небольшія озера. Всѣ онѣ развѣтвляются на множество мелкихъ канавокъ, для орошенія пашней и садовъ; направленіе этихъ канавокъ часто измѣняется, по указанію надобности.

Съ правой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Бишъ - Япъ	36 верстъ	1½ саж.
2. Зей - Таку	20 —	2 —
3. Куукъ	10 —	1 —
4. Бала - Султанъ	10 —	1 —

Главное направленіе этихъ канавъ на сѣверо-западъ и, подобно первымъ, онѣ раздробляются на мелкія канавы и расходятся по пашнямъ.

III. *Казаватъ* вытекаетъ 14 верстами ниже к. Полванъ, имѣя главное направленіе съ востока на западъ; проходитъ возлѣ городовъ: Ханки, Кошъ - Купырѣ и Казаватъ, и оканчивается въ пескахъ, недалеко за г. Казаватомъ, послѣ 90 верстъ теченія. Ширина этого канала, отъ вершины до Кошъ - Купыра, повсюду въ 40 сажень; далѣе же постепенно уменьшается. Берега Казавата въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнесены насыпью, въ другихъ ровны съ окрестностью, и, на протяженіи 40 верстъ отъ Аму-Дарьи, покрыты кустарникомъ. Средняя глубина русла канала простирается до 1 сажени. Казаватъ отдѣляетъ отъ себя канавы съ одной лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Ишимъ	15 верстъ	4 саж.
2. Салыкъ	19 —	4½ —
3. Кенегенъ	15 —	4 —
4. Казаватъ	20 —	2 —
5. Есибы	6 —	4 —

Всѣ эти канавы текутъ съ востока на западъ и раздробляются на большое число мелкихъ канавъ, расходящихся по нашимъ.

IV. *Шахъ - Абатъ*, длиннѣйшій изъ всѣхъ каналовъ Ханства, выходитъ изъ Аму-Дарьи, 26 верстами ниже предъидущаго канала; проходитъ вблизи городовъ: Н. Ургенча, Шахъ - Абата, Амбара, Тамгуса и Ильялы, имѣя главное направленіе до Н. Ургенча на юго-западъ, и оканчивается въ пескахъ 5 верстами западнѣе г. Ильялы. Длина этого канала простирается до 135 верстъ; ширина въ 14 сажень. Берега, отъ вершины до г. Амбара, почти повсемѣстно покрыты земляною насыпью; далѣе же ровны съ окрестностію. Средняя глубина русла въ 1½ сажени. Шахъ - Абатъ замѣчательнѣе быстрой теченія воды и тѣмъ, что круглый годъ не пересыхаетъ на всемъ протяженіи, сохраняя въ самую позднюю осень отъ 5 до 6 футовъ глубины. Девять канавъ вытекаютъ изъ Шахъ - Абата:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Япы-Ярганъ	23 версты	2½ саж.
2. Матъ-Назаръ-Ипахъ	15 —	4 —
3. Арвикъ-Каракашлы	40 —	4 —

Съ правой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Алманиязь	13 версть	4 саж.
2. Янга-Япъ	20 —	4½ —
3. Тянгры-Берды-Калмакъ . .	40 —	2½ —
4. Юсуфъ-Бекъ	15 —	4½ —
5. Тамаусъ	6 —	4 —

Всѣ эти каналы имѣютъ главное направленіе на сѣверо-западъ и раздробляются на безчисленное множество мелкихъ канавъ.

V. *Ярмышъ* вытекаетъ 15 верстами ниже канала *Шахъ-Абата*, течетъ почти параллельно съ нимъ и на протяженіи 95 верстъ оканчивается въ пескахъ, 10 верстами сѣвернѣе г. *Иль-ялы*. Средняя ширина *Ярмыша* 8 сажень. Берега его круты и нѣсколько возвышеннѣе, отъ насыпной земли. Выходящія изъ него канавы незначительны.

VI. *Клычъ-Ніязъ-Бай*, вытекая 8 верстами ниже *Ярмыша*, течетъ почти параллельно ему 96 верстъ и оканчивается въ пескахъ, въ 15 верстахъ на сѣверъ отъ г. *Иль-ялы*. Ширина *Клычъ-Ніязъ-Бая* почти всюду 10 сажень. Изъ него выходятъ:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Бишъ-Уйли	9 версть	4½ саж.

Съ правой стороны:

1. Гурленъ	22 —	4 —
2. Нукусъ	45 —	4 —
3. Югуръ	37 —	2½ —
4. Полванъ-Бекъ	20 —	½ —

Главное направленіе этихъ канавъ на сѣверо-западъ. Всѣ онѣ оканчиваются въ пескахъ, кромѣ канавы *Гурлена*, которая, въ 8 верстахъ отъ г. *Гурлена*, впадаетъ въ *Аму-Дарью*. Сѣтъ выходящихъ изъ нихъ мелкихъ канавъ занимаетъ все пространство между городами *Клычъ-Баемъ* и *Гурленомъ*.

VII. *Карагузъ* беретъ начало 32 верстами ниже канала *Клычъ-Ніязъ-Бай*, имѣя главное направленіе на сѣверо-западъ; протекаетъ 80 верстъ и на этомъ протяженіи оканчивается въ пескахъ, на сѣверо-западъ отъ *Булдумзаса*. Средняя шири-

на этого канала 6 сажень. Выходящія изъ него канавы, по протяженію и ширинѣ своей, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

VIII. *Арна* выходитъ ниже Карагузы 24 верстами; течетъ съ востока на западъ 60 верстъ, при 8-саженной ширинѣ, и оканчивается озеромъ Порсу. Г. Мангытъ расположенъ вдоль праваго берега канала, въ 8 верстахъ отъ его вершины. Изъ Арны выходитъ одна только замѣчательная канава, по протяженію своему, Яны-Япъ; она отдѣляется съ лѣвой его стороны, въ 8 верстахъ отъ озера Порсу, и, направляясь на юго-западъ, проходитъ чрезъ ханскій домъ Чербакъ, за которымъ въ 6 верстахъ теряется въ пескахъ. Длина Яны-Япа 33 версты, средняя ширина 2 сажени.

IX. *Сувалли* вытекаетъ 10 верстами ниже рукава Лаудана; проходитъ чрезъ г. Ходженли, расположенный по обѣимъ его сторонамъ, и въ 7 верстахъ отъ сего города впадаетъ въ Аму-Дарью, составляя какъ-бы хорду дуги, описываемой въ этомъ мѣстѣ Дарьей. Протяженіе этого канала 24 верста, ширина его 10 сажень; берега ровны съ окрестностію; средняя глубина 1 сажень. Съ лѣвой стороны изъ Сувалли вытекаетъ довольно большое число канавъ, раздробляющихся на многія другія; но только три имѣютъ названія:

	Длина.	Сред. шир.
1. Суали	8 верстъ	1 саж.
2. Тенегезъ	16 —	1½ —
3. Ташлы	8 —	1½ —

Эти канавы текутъ главнымъ направленіемъ на западъ; изъ нихъ послѣдняя образуетъ озерко Сары-Чунъ-Куль; остальные расходятся по пашнямъ.

X. *Ханскій*. Истокъ этого канала расположенъ 5 верстами выше г. Кунграда, возлѣ котораго онъ проходитъ; главное направленіе теченія на сѣверъ и на сѣверо-западъ. Вода исчезаетъ по пашнямъ, послѣ 20 верстъ. Средняя ширина канала 2½ сажени. Берега его ровны съ окрестностію. Изъ Ханскаго выходятъ многія канавы; но ни одна изъ нихъ не имѣетъ замѣчательнаго размѣра.

Кромѣ этихъ 40 главныхъ каналовъ, вытекающихъ съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, находятся еще четыре по правой ея

сторонѣ, между городомъ Хазарь-Аспомъ и южною оконечностію горъ Шейхъ-Джели. О послѣднихъ каналахъ мы имѣемъ только однѣ распросныя свѣдѣнія; а потому ограничимся однимъ обозначеніемъ ихъ названій и размѣровъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

	Длина.	Сред. шир.
I. Шараханъ	45 верстъ	8 саж.
II. Найманъ	22 —	4½ —
III. Уйгуръ	28 —	4½ —
IV. Ильтезеръ-Ханскій	25 —	2 —

Главное направленіе ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; они теряются въ пескахъ Кизиль-Кумъ. Развѣтвленіе ихъ на среднія и мелкія каналы должно быть довольно значительно, принимая въ соображеніе, что пространство, занимаемое этими каналами, покрыто садами и пашиними *.

Кромѣ вышеописанныхъ 14 главныхъ каналовъ, еще два вытекаютъ изъ Айбугирскаго Озера; но, по маловажности своей, они должны быть причислены не къ главнымъ, а къ среднимъ каналамъ; это:

1. *Янгъ-Сыгъ*, выходящій съ восточной стороны Айбугирскаго Озера, на 30 верстъ къ сѣверо-западу отъ г. Кунграда. Длина канала 15 верстъ; средняя ширина 2 сажени; главное направленіе на сѣверо-востокъ. Выходящія изъ него небольшія каналы разносятъ воду по пашнямъ Каракалпаковъ и Киргизовъ.

2. *Сеитъ-Казы* выходитъ 12 верстами сѣвернѣе предыдущаго, и, при 8-верстномъ теченіи на сѣверо-востокъ, оканчивается, раздробляясь на малыя каналы. Значительнѣйшая ширина его 4½ сажени.

Мы полагаемъ уместнымъ заключить это описаніе изложеніемъ соблюдаемаго Хивинцами порядка во время чистки и запруженія каналовъ.

Изъ всѣхъ главныхъ каналовъ Ханства, одинъ только Полванъ-Ата состоитъ въ непосредственномъ владѣніи самаго хивинскаго хана, который ежегодно присутствуетъ и лично распоряжается при чисткѣ русла его. Чистка Полвана начинается обыкновенно въ первой половинѣ марта. Изъ всего народонаселенія, занимающаго пространство, орошаемое системою

* Принадлежащими хану, его родственникамъ и чиновникамъ.

воду этого канала, каждое семейство обязано выставлять одного работника, который, по предварительной повѣсткѣ, долженъ явиться къ назначенному дню на указанное мѣсто. Ханъ выезжаетъ къ нижнему концу канала, назначаетъ надсмотрщиковъ за каждымъ участкомъ и, по мѣрѣ успѣха работъ, слѣдуетъ вверхъ по каналу до того мѣста, гдѣ онъ выходитъ изъ Аму-Дарьи. По окончаніи чистки, плотина, устроенная осенью, разрушается постепенно, соображаясь съ возвышеніемъ и напоромъ воды въ Дарьѣ. Вся эта работа продолжается обыкновенно отъ 6 до 8 дней. Прочіе каналы прочищаются чрезъ годъ, а нѣкоторые чрезъ два года. Порядокъ сбора работниковъ, по числу семействъ, заселяющихъ систему каждаго канала, одинаковъ, съ тою лишь разницею, что ханъ, не присутствуя при чисткѣ, высылаетъ, для каждаго изъ нихъ, особеннаго чиновника *. Средніе каналы, выходящіе изъ главныхъ, прочищаются ранѣе этихъ послѣднихъ, — всегда въ концѣ февраля, для того, чтобы каждый земледѣлецъ, по напущеніи воды въ главный каналъ, могъ провести ее немедленно на свои пашни. Вода во всѣхъ главныхъ каналахъ держится круглый годъ; но къ концу октября уровень ея понижается, такъ что они не могутъ уже питать выходящихъ изъ нихъ боковыхъ канавъ, которыя съ этого времени высыхаютъ до слѣдующей весны. Запруженіе каналовъ производится обыкновенно въ началѣ ноября. На каналъ Полванъ устриваютъ двѣ плотины: одну при самой вершинѣ, другую въ 30 верстахъ ниже. Въ прочихъ же каналахъ заграждаются только одніе вершины; а нѣкоторые изъ нихъ, именно тѣ, которыя не подвергаются слишкомъ внезапнымъ приливамъ воды изъ Аму-Дарьи, вовсе не запруживаются. Устройство плотинъ, или, правильнѣе, насыпей, производится слѣдующимъ образомъ: изъ кустарника,

* Сверхъ повинности чистить каналы, каждый работникъ обязанъ вносить по одному аббазу, въ пользу надсматривающаго чиновника; это постановленіе даетъ поводъ къ величайшимъ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ, что богатые лишнимъ взвѣсомъ денегъ откупаются отъ работъ, а на бѣдныхъ лежитъ двойная. Впрочемъ, изъ всѣхъ злоупотребленій ханскаго управленія, это менѣе другихъ возбуждаетъ ропотъ въ народѣ, который, зная, что въ лучшемъ устройствѣ каналовъ заключаются условія его существованія, не тяготится и лишнею работою.

растущаго въ изобиліи по берегамъ Дарьи, устраиваютъ родъ туръ, внутренняя пустота которыхъ наполняется глыбами глины; эти туры связываются между собою толстыми канатами, свитыми изъ камыша, и опускаются, въ нѣсколько рядовъ, на дно канала; сверхъ этого слоя туръ кладется другой и третій, смотря по надобности; потомъ набрасывается земля и кустарникъ, а для большей прочности, вколачивается рядъ толстыхъ кольевъ со стороны рѣки. Мелководіе каналовъ и самой Дарьи въ это время года облегчаетъ весьма много работу, не вынуждая прорывать временное русло для отклоненія воды отъ мѣста, гдѣ должна производиться работа. Впрочемъ, этотъ послѣдній способъ употребляется тоже Хивинцами, когда они, по какому-нибудь случаю, должны произвести исправленіе въ каналахъ во время паводка.

d. Сухія русла.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли средствъ и не могли удѣлить времени для тщательнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ сухихъ руселъ, находящихся въ западной долинѣ Аму - Дарьи. Нѣтъ сомнѣнія, что прилежное изученіе этого предмета дало бы намъ возможность собрать нѣсколько любопытныхъ фактовъ о прежнемъ теченіи Дарьи въ Каспійское Море, и привести къ заключеніямъ, которыя могли бы бросить хотя нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, остающійся доселѣ въ совершенномъ нерѣшеніи, не смотря на всѣ геологическія гипотезы, которыми старались объяснить измѣненіе теченія этой рѣки.

При всей къ себѣ недовѣрчивости, скажемъ, однако, нѣсколько словъ о нашемъ мнѣніи, касательно прежняго направленія Дарьи, основываясь на томъ, что мы видѣли лично и узнали изъ распросныхъ свѣдѣній.

Слѣдуя изъ г. Хивы въ Кунградъ, мы проходили, въ окрестностяхъ г. Ходженли, по сухой и песчаной ложинѣ, лежащей почти параллельно теченію Аму - Дарьи, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; далѣе и ниже Ходженли, эта ложина отклонилась отъ нашего направленія, на сѣверо-западъ. Характеръ этой ложины являетъ всѣ признаки прежняго присутствія въ ней воды; это заключеніе единогласно подтверж-

дается и туземными жителями. Соображая это обстоятельство съ тѣмъ, что сказано нами въ описаніи рукава Лаудана, мы должны убѣдиться, что по той лощинѣ, около 30 лѣтъ тому назадъ, протекалъ этотъ рукавъ до запруженія его, какъ сказано выше, при Махомедъ-Рахимъ-Ханѣ. Между тѣмъ, соотвѣтственное положеніе этого сухого русла съ протокомъ Саркраукъ, проходящимъ чрезъ г. Куя-Ургенчъ и текущимъ по древнему руслу Аму-Дарьи, какъ утверждаютъ жители, невольно заставляетъ предполагать, что описываемая нами лощина когда-то была главнымъ русломъ самой Дарьи; наконецъ, самое свойство теченія Лаудана, показывающее постоянное усиленіе поворотить къ тому направленію, гдѣ находятся слѣды древняго русла рѣки *, подтверждаетъ это предположеніе. При томъ, замѣченное жителями съ нѣкотораго времени расширеніе Лаудана и возрастающій ежегодно напоръ въ него воды изъ Дарьи, показывая усиленіе его возвратиться въ прежнее ложе, придаетъ большую вѣроятность мнѣнію, что въ давнія времена Аму-Дарья, для впаденія въ Каспійское Море, описывала дугу, которая обозначается упоминаемого нами сухою лощиною и протокомъ Саркраукомъ.

Всѣ преданія Хивинцевъ единогласно утверждаютъ, что Аму-Дарья впадала нѣкогда въ Каспійское Море; но ни одно изъ нихъ не упоминаетъ о какомъ-либо земномъ переворотѣ, слѣдствіемъ котораго былъ бы поворотъ Дарьи въ Аральское Море. Напротивъ, они объясняютъ это явленіе гораздо проще и едвали не естественнѣе, говоря, что послѣдній изъ харезмскихъ шаховъ, по имени Султанъ-Мегемедъ, имѣя столицю своего ханства г. Куя-Ургенчъ, чрезъ который протекала Аму-Дарья, желалъ заселить часть пустырей, лежащихъ между правымъ берегомъ Дарьи и Аральскимъ Моремъ, по тому случаю, что пески, находившіеся на лѣвомъ берегу рѣки, не давали достаточнаго простора земледѣлію; поэтому онъ приказалъ прорыть нѣсколько каналовъ, съ правой стороны рѣки, для оплодотворенія части сказаннаго пространства.

* Это доказывается тѣмъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ протокъ Саркраукъ выходитъ изъ Лаудана, устроена крѣпкая и прочная насыпь, ежегодно исправляемая, съ цѣлью воспрепятствовать этому рукаву обратиться всею массою своей воды въ Саркраукъ.

Первый опытъ былъ удаченъ, и переселеніе жителей на это мѣсто стало ежегодно увеличиваться, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось число каналовъ и самый объемъ ихъ, такъ что каналы, выходящіе съ лѣвой стороны рѣки, стали мельтѣть, а новые ежегодно болѣе и болѣе наполняться водою; слѣдствіемъ этого было, что Аму-Дарья увлеклась, наконецъ, этимъ новымъ направленіемъ, которое и привело ее къ Аральскому Морю. * Мы должны согласиться, что это преданіе имѣетъ нѣкоторую основательность, когда примемъ въ соображеніе, что проявляющіяся, въ настоящее время, усилія Аму-Дарьи своротить на западъ могутъ объясняться тою же самою причиною, а именно тѣмъ, что всѣ главные каналы Ханства, будучи устроены нынѣ на западной сторонѣ рѣки, привлекаютъ въ эту сторону напоръ ея водъ.

Въ 38 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Кунграда выходитъ, съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, сухая ложина, называемая Мулла-Хуразъ, замѣчательная только тѣмъ, что описываемая ею дуга совершенно параллельна той ложинѣ, о которой мы говорили выше.

в. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ НАСЕЛЕННОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ ДОЛИНЫ АМУ-ДАРЬИ.

Пространство, ограниченное съ сѣвера Аральскимъ Моремъ, съ востока теченіемъ Аму-Дарьи, между г. Питнякомъ и ея устьями, съ юга и юго-запада песками, а съ запада юго-восточнымъ чинкомъ Усть-Урта, должно раздѣлить на три полосы: южную, среднюю и сѣверную, представляющія различный характеръ и видъ мѣстности.

Южная полоса заключается въ пространствѣ, обнимаемомъ системою каналовъ: Полванъ-Ата, Казавата и Шахъ-Абата. Здѣсь сосредоточивается главная часть хивинскаго орошлага

* Хивинцы рассказываютъ, при этомъ случаѣ, что у шаха Султанъ-Мегмеда былъ рабъ, по имени Ходжа, который, за оказанныя имъ услуги, получилъ свободу и, по повелѣнію шаха, сталъ именоваться Ходжа-Гарханъ. Пользуясь свободою, онъ предпринялъ путешествіе по Аму-Дарьѣ въ Каспійское Море, достигъ его западнаго берега, при устьяхъ Волги, и основалъ тамъ городъ, который называлъ своимъ именемъ. Хивинцы и теперь не иначе называютъ Астрахань, какъ Ходжи-Гарханъ, а море Каспійское—Ходжи-Гарханъ-Араль.

народонаселенія, и дѣятельное земледѣліе жителей покрываетъ всю поверхность этой полосы пашнями, садами, безчисленнымъ множествомъ каналовъ и жилищами, близко одно отъ другого расположенными среди обработанныхъ полей; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пески вторгаются въ предѣлы этой густой осыдлости и нарушаютъ ея однообразный характеръ. Мѣстность этого участка совершенно ровная, при нечувствительномъ наклонѣ съ востока на западъ. * Почва, за исключеніемъ песчаныхъ полосъ, всюду глинистая и глинисто-солонцеватая.

Средняя полоса лежитъ между каналомъ Ярмышъ и рукавомъ Лауданъ. Здѣсь народонаселеніе начинаетъ примѣтно рѣдѣть, количество обработанной земли уменьшается, и пустыри составляютъ преобладающую часть этой полосы. Поверхность одинаково-ровная съ предъидущею, съ наклономъ на западъ, нѣсколько болѣе ощутительнымъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются небольшія, отдѣльныя возвышенія. Почва глинистая и глинисто-солонцеватая, и перемежается тоже песчаными полосами, иногда бугристыми.

Сѣверная полоса заключается между рукавомъ Лауданомъ и южнымъ берегомъ Аральскаго Моря. Она разительно отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что вся ея поверхность, за исключеніемъ немногихъ промежутковъ, покрыта густымъ кустарникомъ и камышемъ, во многихъ мѣстахъ непроходимымъ. Осыдлость и земледѣліе находятся преимущественно у прибрежій Аму-Дарьи. Почва одинакова съ предъидущими участками, съ тою только разницею, что солонецъ преобладаетъ и не перемежается уже нигдѣ песками. Озеро Айбугиръ занимаетъ главную часть этого пространства; впадающіе въ него рукава Аму - Дарьи дѣлятъ всю эту полосу на нѣсколько большихъ острововъ. Поверхность полосы совершенно ровная, и покатость, характеризующая первые два участка, здѣсь ничѣмъ не обнаруживается.

VI. СОСТАВЪ И ЧИСЛО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Главныя составныя части разноплеменнаго народонаселенія Ханства суть:

* Это заключеніе мы основываемъ на томъ, что всѣ каналы, находящіеся на пространствѣ этой полосы, несравненно глубже вырыты при вершинахъ, чѣмъ при окончаніи ихъ.

Сарты, Узбеки и Аралы — остьдые жители.

Каракалпаки, Киргизы и Туркмены — кочевыя племена.

Персіяне и Ямишды — плѣнные.

Сверхъ того, въ составъ народонаселенія входятъ нѣсколь-
ко семействъ Аравитянъ и Евреевъ.

Сарты составляютъ преобладающее племя остьдлаго народо-
населенія и суть коренные жители Ханства. Азіятцы называ-
ютъ Сартами всѣхъ Хивинцевъ вообще. Они живутъ преиму-
щественно въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею,
которая почти исключительно находится въ ихъ рукахъ. Пра-
вительственныя лица, за исключеніемъ самаго хана и кушъ-
бегія, изъ Сартовъ. Всѣ порученія, почетныя и выгодныя, воз-
лагаются на нихъ же, а равно и управленіе городами и хан-
скими имуществами. Этотъ политическій перевѣсъ, при помо-
щи торговли, способствуетъ немало къ ихъ обогащенію и
упроченію возрастающаго первенства.

Узбеки, завоеватели края, нѣкогда сильные и гордые по-
корители Сартовъ, составляютъ нынѣ второстепенный классъ
народонаселенія Ханства, по числу и политическому значенію.
Упадокъ ихъ должно отнести ко временамъ Елтезеръ-Хана.
Присвоивъ себѣ единовластіе надъ всѣми родами Узбековъ,
дотолъ отдѣльно управлявшихся инахами, и страшась со-
вѣстниковъ, онъ истребилъ значительнѣйшихъ по происхож-
денію и многихъ изъ ихъ приверженцевъ. Братъ его, Моха-
медъ-Рахимъ, дѣдъ нынѣшняго хана, руководствовался, для
утвержденія своей власти, тою же кровавою политикою, и
довершилъ начатое Елтезеромъ, уничтоживъ хитростію и си-
лою цѣлыя отдѣленія Узбековъ, которые пытались возста-
новить прежній порядокъ управленія инахами. Съ тѣхъ поръ
Узбеки, постепенно удаленные отъ правительственныхъ долж-
ностей, потеряли свое прежнее значеніе и сохранили одно-
тщеславное преимущество гордиться своею дикою аристо-
кратіею предъ хитрыми Сартами. Узбеки живутъ разсыянно
по всему Ханству, но главное ихъ мѣстопребываніе въ Хивѣ,
Гурленѣ, Хазарѣ-Аспѣ, Мангытѣ и Кипчакѣ, и въ окрестно-
стяхъ этихъ городовъ. Они занимаются земледѣліемъ и сопро-
вождаютъ хана на войну, выставя, впрочемъ, небольшое чи-
сло воиновъ. Мы не беремся распределить ихъ на роды, зная,

вслѣдствіе сдѣланныхъ нами распросовъ, какъ этотъ предметъ запутанъ и даже мало знакомъ самимъ Узбекамъ.

Аралы. Узбеки, живущіе въ стверной части Ханства, носятъ названіе Араловъ, т. е. островитянъ, потому что живутъ по островамъ, образуемымъ, какъ мы видѣли въ предъидущей статьѣ, рукавами Аму-Дарьи, впадающими въ Айбугирское Озеро. Это наименованіе подало поводъ къ ошибочному мнѣнію всѣхъ географовъ, будто бы Аралы или Аральцы, какъ ихъ у насъ называютъ, суть особенное, коренное племя, которое при Аувязъ-Ивахъ составляло еще самобытное ханство, а при Мохамедъ-Рахимъ поступили въ подданство хивинскихъ хановъ *. Такъ какъ Аралы суть не что иное, какъ Узбеки, то намъ не слѣдовало помѣщать ихъ, въ этомъ описаніи, отдѣльно отъ послѣднихъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего разнороднаго; мы это сдѣлали для того только, чтобъ очевиднѣе указать на сказанную ошибку. Кромѣ земледѣлія, Узбеки стверной части Ханства, или Аралы занимаются рыболовствомъ по Аму-Дарьи, но этотъ промыселъ у нихъ мало развитъ, и заключается только въ ловлѣ сазановъ и мелкой рыбы, хотя Дарья изобилуетъ осетрами и бѣлорыбцею. Сверхъ-того, Аралы охотятся осенью на фазановъ, которые водятся въ чрезвычайномъ изобиліи въ камышахъ, окружающихъ городъ Ходженли и всѣ низовья Аму-Дарьи, и возятъ ихъ цѣлыми сотнями на продажу, въ южную часть Ханства. Города Кунградъ и Ходженли населены преимущественно Аралами. Весьма немногіе изъ нихъ ведутъ еще кочевую жизнь.

Каракалпаки дѣлятся на нѣсколько отдѣленій; кочуютъ въ стверной части Ханства, по юго-западному и южному берегамъ Аральскаго Моря, по низовьямъ Аму-Дарьи, въ окрестностяхъ Кунграда, Ходженли, Мангыта, Кипчака и частію на правой сторонѣ Дарьи, около озера Даукара; занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и ведутъ кочевую жизнь; обязаны выставлять людей на войну, и, болѣе другихъ подвластныхъ Ханству племенъ, отягощены налогами, которые совер-

* Историческія событія вѣрны; ибо при Мохамедъ-Рахимъ действительно всѣ роды Узбековъ, какъ мы видѣли выше, присоединились къ его власти, послѣ взятія имъ г. Кунграда; вся ошибка состоитъ въ томъ только, что не Аралы поступили въ подданство Хивы, а Узбеки-Аралы.

шенно разоряютъ ихъ. Каждое отдѣленіе управляется особливимъ начальникомъ, состоящимъ въ вѣдѣніи кушъ-бегіа, по части сбора податей и закята. Подобно Араламъ, они занимаются рыболовствомъ и сверхъ того держатъ лодки для перевоза чрезъ Айбугирское Озеро купеческихъ небольшихъ каравановъ, которые иногда избираютъ этотъ путь *.

Киргизы, находящіеся въ управленіи хивинскаго хана, дѣлятся на нѣсколько родовъ; главные: Табышцы, Адаевцы и Чиклинцы. Первые, кочуя на западномъ берегу Аральскаго Моря, между урочищами Кчи-Кулмагуромъ и Тайлою, на островѣ Токмакъ-Ата, противъ устья Аму-Дарьи, и разсѣянно около нѣкоторыхъ городовъ сѣверной части Ханства, до того бѣдны, что не могутъ и не платятъ почти никакой подати хану. Адаевцы занимаютъ полуостровъ Бузачи и нѣкоторыя урочища на Усть-Уртѣ, имѣютъ достаточное скотоводство и платятъ дань Хивѣ, по требованіямъ, посылаемыхъ къ нимъ сборщиковъ закята. Многочисленныя отдѣленія Чиклинскаго Рода кочуютъ на озерѣ Дау-Кара, около горъ Шейхъ-Джели, въ камышахъ, на восточномъ берегу Аральскаго Моря и на Сыръ-Дарьѣ; вносятъ ежегодно закятъ и управляются хивинскимъ чиновникомъ, находящимся постоянно въ крѣпостцѣ Бишъ-Кала, построенной на Сыръ **. Они искренно и сильно желаютъ другого порядка вещей; но внутреннія ихъ вражды съ другими родами ордынцевъ и привольныя для зимнихъ кочевьевъ мѣста по Сыръ-Дарьѣ и около прибрежій моря заставляютъ ихъ подвергаться и переносить притѣсненія хивинскаго правительства, въ ожиданіи лучшей участи.

Туркмены. Принятое мнѣніе, что туркменскіе роды разсѣяны по всей обширной и песчаной равнинѣ, лежащей между восточными берегами Каспійскаго Моря и Аму-Дарьей, даетъ сбивчивое понятіе о настоящихъ мѣстахъ ихъ кочевьевъ. Туркменскіе аулы окаймляютъ, такъ сказать, указанное про-

* Товары перевозятся на лодкахъ, а верблюды и лошади переводятся въ бродъ или вплаваютъ.

** Осенью 1842 года крѣпость Бишъ-Кала была взята шайкою Киргизовъ, и начальникъ крѣпости, хивинскій чиновникъ, былъ при этомъ убитъ. До сихъ поръ отъ хивинскаго правительства не послѣдовало еще распоряженія къ водворенію прежняго порядка управленія надъ сыръ-дарьинскими Киргизами.

странство, никогда не занимая постоянно его внутренней части, состоящей преимущественно изъ солонцовъ и почти безплодныхъ песковъ; только на короткое время, при наступленіи холодовъ, углубляются въ средину для пастбы верблюдовъ и барановъ, сосредоточиваясь потомъ во весь годъ на постоянныхъ своихъ кочевьяхъ. Мы постараемся общими указаніями опредѣлить эти урочища; но прежде обозначимъ мѣстопребываніе Туркменъ, которые, со временъ Мохамедъ - Рахима, кочуютъ постоянно въ предѣлахъ осѣдлой части Ханства. Они состоятъ изъ *Чаудуръ*, *Ямудъ*, *Ерь-Сары*, *Кара-Ташлы* и *Гокланъ*, которыхъ Мохамедъ-Рахимъ, за какую-то непокорность, отдѣлилъ отъ ихъ однородцевъ и пригналъ въ окрестности Куля-Ургенча, Ильялы, Тамауса, Кипчака и Ходженли, гдѣ они съ тѣхъ поръ занимаются хлѣбопашествомъ на отведенныхъ имъ земляхъ. Означенные Туркмены имѣютъ бѣдное скотоводство, ткутъ ковры и дѣлаютъ кибитки для продажи; обложены налогами и обязаны выставлять людей въ войско, по требованію хана, съ трехъ кибитокъ одного всадника; управляются старшинами изъ своихъ родовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи кушъ-беги. Они сильно ропщутъ на бѣдное свое положеніе, вслѣдствіе притѣснительныхъ дѣйствій хивинскаго правительства.

Южнѣе города Питяка находится, близъ развалинъ города Даргана, малочисленная часть Туркменъ отдѣленія Ата; они ведутъ, у прибрежій Аму-Дарьи, кочевую жизнь, не занимаются хлѣбопашествомъ и платятъ одинъ закятъ.

Далѣе на югъ, многолюдныя отдѣленія Туркменъ: *Текѣ*, *Салыхъ*, *Ерь-Сары*, *Пенджи*, *Арбачи* и *Ходжасъ* сосредоточены въ окрестностяхъ Мервы, Юлатана и Пенджи; управляются чиновникомъ, постановленнымъ отъ хивинскаго хана, Ніязь-Мохамедъ-Баемъ (родственникомъ Мяхтера), пребывающимъ постоянно въ Мервѣ, и помощникомъ его, хивинскимъ юсъ-башею Махмедъ-Енимомъ, живущимъ въ Юлатанѣ. На юго-западъ отъ этой орды кочуютъ Туркмены тѣхъ же отдѣленій, около Саракса, подъ начальствомъ двухъ своихъ старшинъ, Ходжамъ-Чукуръ-Хана и Уразъ-Хана, состоящихъ непосредственно въ вѣдѣніи начальника Мервы Ніязь-Махмедъ-Бая.

Понимованные Туркмены * занимаются хлѣбопашествомъ: первые по побережьямъ рѣки Мервы, вторые по рѣкѣ Теджентъ, и скотоводствомъ, состоящимъ преимущественно въ верблюдахъ и баранахъ; рогатаго скота и лошадей разводятъ весьма мало, по недостатку хорошихъ пастбищъ. Всѣ вообще платятъ небольшую подать зерномъ и закатъ со скота, и выставляютъ, по требованію хана, часть войска, въ особенности для набѣговъ на границы Персіи. Ханъ обходится съ ними нѣсколько человѣколюбивѣе, нежели съ прочими своими подданными, опасаясь ихъ силы и воинственного духа.

Вдоль Хорасанскихъ горъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ихъ подошвы, тянутся на западъ аулы отдѣленія Текѣ и Ахаль-Текѣ **, къ вершинамъ притоковъ р. Атрека и до мѣстъ кочевья Гоклановъ и Ямудовъ, зависящихъ отъ Персіи. Здѣсь власть хивинскаго хана часто встрѣчаетъ непокорность; но онъ возстановляетъ ее появленіемъ съ войскомъ, что дѣлается послѣ всякаго раза, когда сборщики закята возвращаются безъ ожидаемой дани. Эти Туркмены заводятъ хлѣбопашество по маленькимъ рѣчкамъ, выходящимъ изъ горъ, и имѣютъ скотоводство довольно обширное, состоящее тоже преимущественно изъ верблюдовъ и барановъ.

Изъ Туркменовъ, занимающихъ побережья Каспійскаго моря, отъ Тюкь-Карагана до Балканскихъ горъ и южнѣе до р. Атрека, только одни Чаудурцы ***, кочующіе на Караганѣ, признаютъ свою зависимость отъ хана и платятъ ему закатъ, по умѣреніи другихъ. Отдаленность спасаетъ ихъ отъ притѣсненій хана, которому они, сверхъ незначительнаго закята, посылаютъ иногда, въ знакъ покорности, нѣкоторые подарки, состоящіе изъ лошадей красивыхъ и иноходцевъ ****.

* Изъ полученныхъ нами распросныхъ свидѣній оказывается, что вообще число понимованныхъ туркменскихъ отдѣленій простирается до 40 т. кибитокъ.

** Хивинцы опредѣляютъ въ 25 т. кибитокъ эти два отдѣленія Туркменъ.

*** Число Чаудурцовъ Хивинцы полагаютъ въ 90 т. кибитокъ.

**** Въ 1842 году посланы были для сбора закята хивинскіе чиновники: Кытай-Мехремъ къ при-Каспійскимъ Туркменамъ; Кутумъ-Мехремъ къ тѣмъ, которые кочуютъ у подошвы Хорасанскихъ горъ. Закатъ же съ Туркменъ, кочующихъ около Мервы и Саракса, собирается и передается хану начальникомъ Мервы.

Принимая въ соображеніе огромное число Туркменъ, ихъ отдаленіе отъ заселенной части Ханства, сомнительную преданность хивинскому правительству и возможность уклоняться такъ легко отъ его требованій, власть хана надъ Туркменами должна показаться съ перваго взгляда непонятною. Но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, нельзя не убѣдиться, что покорность ихъ вынуждена мѣстными обстоятельствами. При-Каспійскіе Туркмены зависятъ отъ Хивы по случаю торговыхъ сношеній съ Астраханью: занимаясь караваннымъ перевозомъ товаровъ въ Хиву, они часто бываютъ въ рукахъ хивинскаго правительства и, за неудовольствія его на ихъ родъ, могли бы служить отвѣтчиками. Сверхъ того, они должны, по необходимости, посѣщать хивинскіе базары, для мѣны скота на жизненные припасы, не имѣя другихъ способовъ къ ихъ добытію. Туркмены, кочующіе на южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ Ханства, могли бы, конечно, прибѣгнуть къ защитѣ Персін; но они знаютъ, какъ заступничество персидскаго правительства не надежно, видя, съ какою слабостію оно дѣйствуетъ для возвращенія своихъ собственныхъ подданныхъ изъ тяжкаго рабства, въ которомъ они, съ давнихъ временъ, находятся у Хивинцевъ и, сверхъ того, обоюдные хищничества Туркменъ и пограничныхъ жителей Хорасана, поселили между ними непримиримую вражду. Къ тому же надо еще прибавить, что Туркмены дорожатъ привольемъ своихъ земель въ Ханствѣ, на которыхъ завелись хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, по рѣкамъ Мервъ и Теджентъ. О тѣхъ же Туркменахъ, которые заключены въ осѣдлой части Ханства, и говорить нечего: ихъ слабость — лучшая порука въ покорности хану.

Персіане. Частые набѣги, производимые хивинскими ханами на границы Персін, почти ежегодно увеличиваютъ число плѣнныхъ Персіанъ. Нылъ ихъ въ Ханствѣ 15,000 семействъ; изъ этого числа 10,000 находятся въ самомъ тягостномъ рабствѣ, а 5,000 выкупились или выпущены изъ неволи, и живутъ въ разныхъ частяхъ Ханства, на отведенныхъ имъ земляхъ, платятъ подать съ земли хану, и хотя называются свободными, однако вернуть на родину имъ невозможно. Персіане составляютъ самое необходимое сословіе хивинскаго па-

родонаселенія: земледѣліе, садоводство и почти всѣ домашнія работы производятся ихъ руками. Нѣтъ сомнѣній, однако, что хивинскій ханъ согласился бы на выдачу Персіи нѣкотораго числа изъ нихъ; но отъ этого отклоняютъ его приближенные къ нему сановники, которые лишились бы чрезъ то своихъ доходовъ; ибо каждый изъ нихъ имѣетъ отъ 50 до 200 и болѣе рабовъ изъ Персіянъ, занятыхъ земледѣліемъ.

Ямшиды, родомъ Авганцы, составляли кочевое племя изъ 42,000 кибитокъ въ предѣлахъ гератскаго владѣнія; при богатомъ скотоводствѣ, вели привольную жизнь и управлялись своимъ султаномъ Миръ - Ахметомъ, который, состоя въ зависимости отъ гератскаго правителя, платилъ ему часть собираемой имъ подати съ Ямшидовъ. Въ концѣ 1839 года, нынѣшній ханъ, будучи въ то время еще инакомъ, напалъ на нихъ въ расплохъ и пригналъ въ Хиву до 7,000 кибитокъ. Имъ даны земли въ соседствѣ съ Туркменами, около Куля - Ургенча и далѣе на востокъ по направленію къ Мангыту и Кипчаку; но полученное ими вспоможеніе для обзаведенія было такъ скудно, что они до сихъ поръ пропитываются, занимаясь въ работники, и живутъ въ крайней нищетѣ. Подать и закятъ съ нихъ еще не берутся; но, по приказанію хана, они участвовали въ сдѣланномъ имъ набѣгѣ на Бухарію въ 1842 году.

Аравитяне. Ихъ весьма мало; они ведутъ кочевую жизнь разсѣянно, около нѣкоторыхъ южныхъ городовъ Ханства. Немногіе изъ нихъ сохранили свой языкъ. Хивинцы относятъ ихъ появленіе въ Ханствѣ къ отдаленнымъ временамъ, говоря, что какой-то хорезмскій шахъ, желая имѣть знающихъ толкователей и учителей исламизма, выписалъ 40 человекъ Аравитянъ изъ Мекки, и что эти 40 человекъ суть прародители нынѣ живущихъ въ Ханствѣ. Они бѣдны и занимаются однимъ скотоводствомъ.

Евреи. Ихъ неболѣе 8 семействъ. Они пришли въ Хиву, 46 лѣтъ тому назадъ, изъ Бухаріи, и съ тѣхъ поръ поселились въ Ханствѣ; занимаются красивымъ ремесломъ. Хивинское правительство не притѣсняетъ ихъ и допускаетъ свободное соблюденіе обрядовъ ихъ религіи; но замѣтно, что они охладѣли къ вѣрѣ и только изрѣдка отправляютъ свое богослуженіе.

Къ сдѣланному нами обзору племенъ, составляющихъ народонаселеніе Ханства, слѣдовало бы присовокупить около 5,000 семействъ Бухарцевъ, похищенныхъ Алла-Кули-Ханомъ, въ прошломъ году, съ юго-западныхъ границъ Бухаріи. Но какъ о возвращеніи ихъ на родину бухарскій эмиръ вступилъ въ переговоры съ хивинскимъ правительствомъ и окончательнаго рѣшенія еще нѣтъ съ обѣихъ сторонъ, то упомянемъ только о намѣреніи хана заселить ими пустопорожнія земли, въ сѣверной и западной частяхъ Ханства, куда одна часть уже отправлена.

Главные препятствія къ точному опредѣленію количества народонаселенія въ осыдлой части Ханства суть: 1) недостатокъ вѣрныхъ свѣдѣній у самаго хивинскаго правительства; 2) недовѣрчивость Хивинцевъ, встрѣчающая всякую попытку къ разъясненію этого вопроса; 3) рѣшительное отсутствіе порядка и справедливости при нарядахъ работниковъ на общественныя или казенныя работы и, наконецъ, 4) образъ заселенія жителей, обитающихъ отдѣльными домами, разсыпанными между городовъ, тогда какъ въ послѣднихъ сосредоточивается только самая малозначущая часть народонаселенія.

Сдѣланные до сихъ поръ приблизительные выводы о количествѣ хивинскаго народонаселенія были основаны или на распросахъ, или на соображеніи числа работниковъ, наряжаемыхъ на чистку каналовъ. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ послѣдній способъ могъ бы быть весьма основательнымъ и положительнымъ средствомъ къ достиженію цѣли, но не иначе, какъ при стеченіи многихъ благопріятныхъ къ тому условій. Мы сказали уже выше, что наряды на работы производятся неуравнительно. Но предположивъ даже противное, и тогда встрѣтилось бы много препятствій къ выводу точныхъ заключеній о числѣ народа, потому что какъ каждый главный каналъ чистится тѣми жителями, которые обитаютъ на пространствѣ, обнимаемомъ стѣю выходящихъ изъ него среднихъ канавъ, то, слѣдовательно, для опредѣленія этимъ способомъ общаго числа жителей Ханства, необходимо было бы собрать вѣрныя свѣдѣнія объ отдѣльномъ числѣ работниковъ, исправляющихъ каждый каналъ, что, очевидно, не доступно для Европейца. Заключить же объ

этомъ числѣ работниковъ по чисткѣ одного канала — рѣшительно невозможно; ибо свойство и глубина каналовъ различны, какъ и самый объемъ, протяженіе и быстрота ихъ водъ; следовательно вычисленія, основанныя на соображеніи задаваемыхъ работникамъ уроковъ съ общимъ числомъ дней, въ которые производилась чистка одного канала, ни въ какомъ случаѣ не могли бы быть примѣнены къ другому каналу.

Вышеизложенныя причины и отсутствіе другихъ основныхъ данныхъ заставляютъ насъ, по неволѣ, прибѣгнуть къ результатамъ, выведеннымъ нами изъ распросныхъ свѣдѣній. Но такъ какъ они произведены были на самомъ мѣстѣ и могли свѣряться хоть нагляднымъ наблюденіемъ, и какъ, сверхъ того, эти свѣдѣнія были преимущественно отбираемы отъ Персіанъ, которые имѣютъ менѣе причинъ, чѣмъ Хивинцы, къ скрытности или къ хвастливому преувеличенію народныхъ силъ Ханства, то мы, не ручаясь за ихъ совершенную непогрѣшность, убѣждены, по крайней мѣрѣ, что они подходятъ къ истинѣ ближе всѣхъ свѣдѣнныхъ до сихъ поръ оцѣнокъ.

Изъ собранныхъ нами распросныхъ свѣдѣній оказывается, что народонаселеніе, обитающее въ предѣлахъ осыдой части Ханства, состоитъ изъ 75,500 семействъ.

Распределеніе этого населенія по племенамъ, образу жизни, вѣроисповѣданію и сословіямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По племенамъ:

Сартовъ	20,000 семействъ.
Узбековъ	18,000 —
Персіанъ * свободныхъ	5,000 —
— рабовъ	10,000 —
Ямшидовъ **	7,000 кибитокъ.
Каракалпаковъ	8,000 —
Туркменъ	5,000 —
Киргизъ	500 —

* Число Персіанъ основано на свѣдѣніяхъ, собранныхъ персидскимъ посломъ, бывшимъ въ 1843 году въ Хивѣ, для переговоровъ объ освобожденіи своихъ соотечественниковъ изъ Ханства.

** Число Ямшидовъ определено по единогласному показанію нѣсколькихъ старшинъ этого племени, неимѣющихъ никакихъ причинъ къ скрытію истины.

По образу жизни:

Осѣдлыхъ	53,000	кибитокъ.
Кочевыхъ	20,500	—

По происхожденію:

Суннитовъ	58,500	—
Шитовъ *	15,000	—

По сословіямъ:

Чиновниковъ **	500	—
Духовенства ***	1,000	—
Торговыхъ ****	3,000	—
Хлѣбопашцевъ осѣдлыхъ	48,500	—
— кочевыхъ	20,500	—

Считая круглымъ счетомъ по 4 человека въ семействѣ или кибиткѣ, мы получимъ, что все населеніе осѣдлаго Ханства состоитъ изъ 294,000 душъ обоего пола, и составитъ 773 человека на одну квадратную милю.

Капитанъ Муравьевъ, въ 1849 году, опредѣлилъ народонаселеніе Ханства въ 300,000 душъ. Разница нашихъ съ нимъ выводовъ покажется весьма значительною, когда примемъ въ соображеніе: 1) что съ того времени народонаселеніе должно было возрасти по крайней мѣрѣ одною третью; 2) что оно увеличилось 28,000 душъ Ямшидовъ и 3) значительнымъ числомъ Персіянъ, отъ частыхъ набѣговъ, произведенныхъ Алла-Кули-ханомъ на границы Персіи. Между тѣмъ, эта разница объясняется весьма просто. Капитанъ Муравьевъ, во всю бытность свою въ Ханствѣ, находился съ начала въ Ингильды, а потомъ въ Хивѣ и поэтому видѣлъ одну южную полосу Ханства, кото-

* Секты шитъ въ цѣломъ Ханствѣ одни только Персіице.

** Число чиновниковъ мы опредѣляемъ приблизительно, принимая въ расчетъ: окружающихъ хана постоянно; начальствующихъ надъ городами Ханства; управляющихъ отдѣльными кочевыхъ племенъ, и состоящихъ при каждомъ изъ нихъ помощниковъ.

*** Духовенство сосредоточено въ Хивѣ и составляетъ одну изъ главныхъ частей его вассаленія: въ прочихъ городахъ Ханства находятъ только по нѣсколько муллъ. Это обстоятельство и извѣстность народонаселенія Хивы служило намъ основаніемъ къ заключенію объ ихъ числѣ.

**** Торговое сословіе находится, безъ изыятія, во всѣхъ городахъ Ханства: преобладающее же число живетъ въ Хивѣ и Н. Ургенчѣ. Мы полагаемъ, что въ обоихъ городахъ до 1,500 купцовъ и столько же въ остальной части Ханства.

рая, какъ уже сказано въ предыдущей статьѣ, дѣйствительно замѣчательна своею населенностію и должна была непременно заставить его полагать, что населеніе всего пространства осѣдлыхъ владѣній хана можетъ быть выражено числомъ 300,000 душъ. Мы же имѣли возможность обозрѣть почти все Ханство, отъ Питняка до Аральскаго Моря и отъ Усть-Юрта до г. Ходженли, и вслѣдствіе того убѣдиться вполне, что почти $\frac{3}{4}$ Ханства столько же безлюдна, сколько южная его полоса населена.

Отношеніе числа жителей къ землѣ, выведенное изъ нашего расчета о населеніи, не должно казаться малымъ, принимая въ уваженіе, что около $\frac{1}{3}$ народонаселенія состоитъ изъ кочевыхъ племенъ, для которыхъ нуженъ гораздо большій просторъ, чѣмъ для осѣдлыхъ жителей. Но сверхъ того, это отношеніе значительно измѣнится, когда прибавимъ, что пространство, занятое водою, непроходимымъ камышемъ, кустарникомъ и песчаными полосами, составляетъ безъ малаго $\frac{1}{3}$ всего Ханства, и слѣдовательно жители относятся къ землѣ не какъ 773:1, а уже какъ 1150 чел. на 1 квадратную милю.

Этотъ результатъ, сличенный съ населенностію средней и сѣверной полосъ Ханства, гдѣ пустыри, воды и камышъ несоизмѣрно преобладаютъ, могъ бы поколебать нашу довѣренность къ сдѣланной нами оцѣнкѣ, представляя ее преувеличенною, если бы чрезмѣрная густота населеній и многолюдства всего пространства, обнимаемаго системою каналовъ Полванъ-Ата, Казавата и частію Шахъ-Абата, не успокоивали насъ на счетъ этого сомнѣнія.

VII. ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ХАНСТВА.

Изъ всѣхъ городовъ Ханства, только Хива и Пово-Ургенчъ заслуживаютъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, это названіе, заключаая въ стѣнахъ своихъ нѣсколько значительное населеніе и являя въ большей степени признаки торговой дѣятельности. Но чтобы опредѣлить относительное значеніе сосредоточенныхъ заселеній, назовемъ городами тѣ только заселенія, которыя служатъ мѣстопребываніемъ ханскихъ чиновниковъ, поставленныхъ для заведыванія ими, и гдѣ бываютъ ежедневныя базары.

Чтобы не увеличить объема этой статьи повтореніями, прежде всего укажем на общія черты хивинскихъ городовъ.

1. Всѣ почти города Ханства обнесены глиняными стѣнами, непрочность которыхъ, соединяясь съ недостаткомъ всякаго оборонительнаго вооруженія, не даетъ имъ совершенно никакого воинскаго значенія.

2. Окрестности всѣхъ городовъ состоятъ изъ обработанныхъ полей, посреди которыхъ разбросаны дома, отдѣльно одинъ отъ другого стоящіе.

3. Въ продолженіе большей части года, городскіе и окрестные жители пользуются водою изъ канавъ; но съ позднсю осенью, когда главные каналы мелѣютъ и не могутъ уже разносить воду въ средніе каналы, Хивинцы вырываютъ колодцы, которые хотя очень неглубоки и скоро вычерпываются, зато и легко замѣняются другими, по причинѣ близкаго и почти повсемѣстнаго присутствія воды подъ землею *.

4. Дома, лавки и городскія стѣны построены, во всѣхъ городахъ, на одинъ ладъ и одинаковымъ способомъ, и всюду представляютъ единообразный видъ; только нѣкоторыя жилища ханскія или зажиточныхъ людей отличаются отъ прочихъ величиною своихъ размѣровъ и нѣкоторою тщательностію въ отдѣлкѣ. О каменныхъ строеніяхъ, которыхъ, впрочемъ, весьма мало, будемъ говорить при описаніи городовъ, гдѣ такіа зданія находятся.

Описаніе городовъ Ханства расположимъ въ азбучномъ порядкѣ; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о способѣ ихъ постройки.

Матеріалы, употребляемые Хивинцами для построекъ, суть: тополевыя столбы, кустарникъ и глина, перемѣшанная, для большей прочности, съ соломою.

Городскія стѣны строятся слѣдующимъ образомъ: на разстояніи 10 сажень, врываются въ землю столбы изъ пирами-

* Вода этихъ колодцевъ не ключевая. Мы полагаемъ, что почти повсемѣстное присутствіе на столь небольшой глубинѣ можно объяснить безпрестаннымъ прошеніями поверхности земли каплями. Просачиваясь сквозь рыхлые слои папиры, вода доходитъ до густыхъ и часто глинистыхъ пластовъ, находящихся ниже первыхъ которые, по непроницаемости своей (*impenetrabilité*), составляютъ родъ малыхъ подземныхъ водохранилищъ.

дальнаго тополя; между нихъ становится стоймъ, въ нѣсколько ярусовъ, кустарникъ, связываемый перекладинами; потомъ, все это обмазывается съ обѣихъ сторонъ глиною, толстыми слоями, такъ что стѣна имѣетъ обыкновенно внизу до 4 саж. толщины, во всегда суживается къ верху. Вокругъ стѣны складываются, тоже изъ глины, на разстояніи отъ 40—25 сажень, контрфорсы, въ видѣ разрывныхъ сверху до основанія конусовъ. Высота стѣны имѣетъ до 4 сажень; вокругъ нея приделаны бойницы для ружейныхъ выстрѣловъ. Мѣста для воротъ складываютъ изъ камня, а на половинки употребляются толстыя доски изъ одного прочнаго дерева, называемаго Хивинцами *шаруанъ*.

Все дома, безъ изъятій, окружаются точно такими же стѣнами, какъ вышеописанная, съ тою только разницею, что объемъ ихъ зависитъ отъ воли или достатка хозяина. Внутренняя площадь заключаетъ въ себѣ жилье и садъ. Часть, занятая жильемъ, устроивается обыкновенно такъ, что крытый корридоръ, примыкающій къ наружнымъ воротамъ, раздѣляетъ ее на двѣ половины; каждая изъ этихъ половинъ разгорожена глиняными стѣнами, которыя образуютъ нѣсколько четверугольных большихъ дворовъ; вдоль боковъ этихъ внутреннихъ стѣнъ устроены отдѣльныя комнаты, одна возлѣ другой, съ плоскими крышами, рѣшетчатыми окнами и рѣзными дверями. На плоской крышѣ этихъ комнатъ тянется крытая галлерей. Посреди каждаго изъ дворовъ находится обыкновенно бассейнъ съ водою, вокругъ котораго растутъ нѣсколько виноградныхъ лозъ и тополей.

а. Города.

1. *Амбаръ* — въ 47 верстахъ на с.з. отъ Хибы; расположенъ на лѣвой сторонѣ канавы Шахъ-Абатъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ домовъ и лавокъ, окруженныхъ полуразвалившеюся стѣною, имѣющею, въ каждомъ боку, до 250 сажень. Между домами и лавками находятся пашни. Жителей весьма мало. Два раза въ недѣлю, по нашему по четвергамъ и воскресеньямъ, бываеъ базаръ, на который пріѣзжаютъ только ближніе сосѣдніе жители. Народонаселеніе состоитъ изъ Сартъ и Персіянъ, а въ окрестности кочуетъ малое число Ямшидъ. Амбаромъ завѣдуетъ чиновникъ Матъ-Назаръ.

2. *Багатъ* — въ 47 верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ по обѣимъ сторонамъ канавы того же имени; строенія разбросаны между садовъ и пашень. Жители большею частию Узбеки. Лавокъ въ Багатъ до 70; онѣ построены въ два ряда по дорогѣ въ г. Ханки; въ городѣ, два раза въ недѣлю, въ среду и воскресенье, бываетъ базаръ. Начальникъ города Мулла-Артыкъ.

3. *Булдумсаъ* — въ 88 верстахъ на с.з. отъ Хивы, на возвышенномъ мѣстѣ, въ 1½ верстѣ отъ канавы Кызыль-Аланъ, вытекающей изъ канала Клычъ-Ниязъ-Бая; былъ когда-то обведенъ стѣною, отъ которой нынѣ едва остались слѣды, и состоитъ изъ однихъ развалинъ, покинутыхъ жителями. Въ окрестностяхъ кочуютъ Ямуды, Чаудуры и небольшое число Ямнидовъ.

4. *Гурленъ* — въ 43 верстахъ на с. отъ Хивы; расположенъ между канавами Гурленъ и Югуръ, въ одной верстѣ отъ последней; не обведенъ стѣною и застроенъ тѣсно и въ безпорядкѣ; его раздѣляетъ одна главная, кривая улица на двѣ части. Въ Гурленѣ три глиняныя мечети и около 66 лавокъ; часть ихъ въ срединѣ города, по обѣимъ сторонамъ главной улицы, а остальные расположены въ сѣверо-западномъ концѣ города. Въ первыхъ торгуютъ каждый день, а въ послѣднихъ только во время базаровъ, бывающихъ по вторникамъ и четвергамъ. Жители города — Сарты и большею частию Узбеки. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы Табынскаго Рода. Начальникъ города Алла-Муратъ.

5. *Джагатай* — въ 35½ верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ въ безпорядкѣ по обѣимъ сторонамъ канавы Арвикъ-Кара-Камлы, вытекающей изъ канавы Шахъ-Абатъ; въ немъ находится до 25 глиняныхъ домовъ и 12 лавокъ. Жители — Сарты и Персіяне. Въ окрестности кочуютъ Туркмены въ небольшомъ числѣ. Джагатаемъ управляетъ чиновникъ Вали-Ага.

6. *Ильалы* или *Джеланды* — въ 84 верстахъ на с.з. отъ Хивы; заселенъ при ханѣ Алла-Кулѣ и раскинутъ по обѣимъ сторонамъ канала Шахъ-Абатъ; домовъ считается до 35; всѣ они глиняные, съ плоскими крышами, и разбросаны въ безпорядкѣ между пашень и садовъ. Главное строеніе этого города — ханскій домъ съ садомъ; возлѣ него нѣсколько лавокъ.

Жители — Сарты, Узбеки, Туркмены и Персіяне. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю. Въ окрестностяхъ Ильялы кочуютъ Туркмены и Ямшиды. Начальникомъ города Якупжанъ-Махрамъ, братъ Ходжа-Махрама.

7. *Игланъ* — въ 43 верстахъ на в. отъ Хивы; расположенъ по обѣимъ сторонамъ канала Шершели, и нѣсколько вѣтвь отъ дороги, идущей отъ Хивы въ Хазаръ-Аспъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и средамъ; лавокъ считается до 70, построенныхъ изъ глины въ два ряда; въ нихъ торгуютъ только въ базарные дни. Жителей въ городѣ весьма мало; они состоятъ изъ Узбековъ и Сартовъ. Домовъ около 50. Начальникъ Иглана Абдрахманъ-Наипъ.

8. *Казаватъ* — въ 23½ верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канала Казаватъ; состоитъ изъ небольшого числа домовъ, одной мечети на каменномъ фундаментѣ и 25 лавокъ, выстроенныхъ около канала въ два ряда. Базаръ бываетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ, но весьма немногочисленъ. Жители — Сарты. Начальникъ города Арунъ-Юсъ-Баши.

9. *Кипчакъ* — въ 96 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; построенъ на лѣвой сторонѣ рѣки Аму-Дарьи, при вершинѣ канавы Кинжагалы, выходящей изъ рѣки; не обнесенъ стѣною и заключаетъ въ себѣ 5 мечетей, до 70 лавокъ и небольшое число домовъ; всѣ эти строенія изъ глины. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и пятницамъ. Жители города — Узбеки, называемые Аралами; небольшая часть Каракалпаковъ и Киргизовъ, Дюртькаринскаго, Табынскаго и Баюлинскаго родовъ, кочуютъ въ окрестностяхъ. Начальникъ города Хожа-Ниязъ-Бій.

10. *Китай* — въ 66 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на сѣверной сторонѣ канала Карагуза; не обнесенъ стѣною, и состоитъ только изъ хавскаго дома съ башнею и малаго числа частныхъ глиняныхъ домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ около ханскаго. Вблизи послѣдняго находятся 25 лавокъ, гдѣ торгуютъ только въ базарные дни, два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ. Жителей весьма мало; они состоятъ изъ Узбековъ. Домъ и садъ Рахманъ-Берды-Бія, хавскаго дяди, находится возлѣ Китая.

11. *Клычи-Ниязъ-Бай* — въ 72 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канавы того же названія; не обведенъ стѣною, и состоитъ изъ ханскаго дома съ садомъ, трехъ глиняныхъ мечетей и до 400 лавокъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ. Жители города — Сарты и небольшая часть Узбековъ. Начальникъ города Хатме-Байтъ.

12. *Кошъ-Купырзъ* — въ 18 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канавы Казавать; обведенъ глиняною стѣною, имѣющею въ каждомъ боку до 450 саж., и заключаетъ въ себѣ до 40 домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, и 15 лавокъ, построенныхъ въ южномъ концѣ города. Жители — Узбеки и въ маломъ числѣ Сарты. Постояннаго базара не бываетъ, по близости города къ Хивѣ. Начальникъ города Мухамедъ-Мурадъ-Катаулъ.

13. *Кунградъ* — въ 204½ верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ около лѣвой стороны канавы Ханской и въ 200 саженьяхъ отъ Аму-Дарьи; состоитъ изъ ханскаго дома, окруженнаго стариннымъ садомъ, изъ домовъ начальника города и двухъ его помощниковъ, 7 мечетей, 315 лавокъ и нѣсколькихъ частныхъ домиковъ; всѣ эти строенія глиняныя и не обнесены стѣнами. Между правымъ берегомъ канавы Ханской и Аму-Дарьи тянется широкая насыпная стѣна, имѣющая около 4 версты въ длину; около нея, ближе къ берегу рѣки, возвышается другая, которая примыкаетъ двумя сторонами вплоть къ Дарьѣ и составляетъ, съ берегомъ ея, продолговатый четвероугольникъ. Эти двѣ стѣны были некогда укрѣпленіемъ прежняго Кунграда, который, еще въ началѣ царствованія Мохамедъ-Рахимъ-Хана, не зависѣлъ отъ Хивы, управлялся своими тюрмами изъ Узбековъ и считалъ своею принадлежностію города: Ходженли, Мангытъ и Кипчакъ. Правители Кунграда часто дѣлали набѣги на хивинскія владѣнія, опустошая нѣрѣдко окрестности г. Китая и Гурлена. Ельтезеръ-Ханъ не разъ пытался укротить беспокойныхъ сосѣдей; но послѣ всякой попытки, отступалъ съ урономъ. Последній правитель Кунграда, Тюря-Суфи, Узбекъ, изъ роду Кунградъ, долго сопротивлялся нападеніямъ Мохамедъ-Рахимъ-Хана; но былъ предательски убитъ, во время осады города, однимъ изъ своихъ приближен-

ныхъ, Ходай-Берды-Бажманомъ, и Кунградъ, съ принадлежащими ему землями и прочими городами, поступилъ съ тѣхъ поръ подъ власть хивинскихъ хановъ. Базаръ въ Кунградѣ бываетъ еженедѣльно два раза, по средамъ и воскресеньямъ, и привлекаетъ значительное число кочевыхъ племенъ. Жители города—Узбеки, называемые Аралами, съ небольшимъ числомъ Сартовъ. Между ними есть нѣсколько богатыхъ купцовъ. Въ окрестностяхъ кочуютъ Каракалпаки и Киргизы, Табынскаго, Алачивскаго, Чиклинскаго и Баулинскаго родовъ. Начальникъ города Кутлумрадъ-Бій. Это званіе наследственно, и, со времени покоренія Кунграда, переходитъ отъ отца къ сыну. Въ 21 верстѣ на сѣверъ отъ Кунграда находится, въ 6 верстахъ отъ лѣваго берега Аму-Дарьи, могила св. Хакимъ-Ата; возлѣ нея поселено нѣсколько жителей, пользующихся подаваніемъ богомольцевъ, которые посѣщаютъ довольно часто это мѣсто.

14. *Куил - Ургенч* (старый Ургенчъ) — въ 140 верстахъ на с.з. отъ Хивы. Хивинцы относятъ заселеніе стараго Ургенча къ весьма отдаленнымъ временамъ, утверждая, что онъ былъ расположенъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, когда она текла въ Каспійское Море, и указываютъ на рѣчку Саркраукъ, вблизи которой находится развалины Ургенча, какъ на прежнее русло этой рѣки. Изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго Ургенча, особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) минаретъ, имѣющій помынъ до 280 футовъ вышины съ основанія, но не болѣе 75 футовъ въ окружности; онъ нигдѣ не поврежденъ, кромѣ верха, недавно обрушившагося на нѣсколько футовъ; 2) развалины дома, гдѣ жила и была похоронена Тюрюбъ-Ханымъ, любимая дочь какого-то правителя Куия-Ургенча, и 3) гробница св. Шейхъ-Наджумутдинъ-Кабріе, построенная въ видѣ двухъ соединенныхъ мечетей. Эти три зданія — изъ тесанныхъ камней, выкрашенные яркою зеленою краскою, до сихъ поръ хорошо сохранившіеся. Въ окрестности виднѣются еще нѣсколько обломковъ минаретовъ, нѣсколько полуразвалившихся сводовъ и слѣды каменной стѣны. Относительно упадка Куия-Ургенча нѣтъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, кромѣ преданія, что онъ былъ разоренъ Калмыками, подъ предводительствомъ Бара-Хана; но никто изъ Хивинцевъ не знаетъ ни времени, ни подробностей этого вторженія. Вновь заселяемая часть города

находится въ верстѣ отъ развалинъ, и расположена по обѣимъ сторонамъ канавы Ханской. Главныя строенія въ ней суть ханскій домъ съ садомъ, обнесеннымъ глиняною стѣною, и каменная мечеть, еще недостроенная; глиняныхъ домовъ считается около 35, лавокъ до 75. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ. Заселеніе города началось нѣсколько дѣтѣльнѣе при Ала-Куль-Ханъ. Жители города — Сарты, Узбеки, Персіяне и небольшое число Туркменъ. Въ Куля-Ургенчѣ находится таможенная застава, гдѣ, впрочемъ, не осматриваются товары, а приводится только въ извѣстность число верблюдовъ, тюковъ и приходящихъ купеческихъ каравановъ. Въ окрестности кочуютъ Туркмены и Ямшиды. Начальникъ города Мухамедъ-Хуссейнъ.

15. *Кятъ* — въ 36½ верстахъ на сѣверъ отъ Хивы; построенъ на небольшой возвышенности и окруженъ четырехъугольною стѣною, имѣющею въ окружности до 500 сажень. Въ восточной сторонѣ находятся ворота и сторожевая башня; внутри стѣны — около 50 развалившихся глиняныхъ домовъ. Никто не живетъ въ городѣ, и стѣны его почти совсѣмъ обвалились. Лавокъ въ Кятѣ 40; онѣ построены на полу-возвышенности, въ двѣ линіи противу городскихъ воротъ; только часть ихъ ежедневно занята продавцами сухихъ плодовъ, курительнаго табаку и мелочныхъ вещей. Базаръ бываетъ еженедѣльно, по средамъ и субботамъ. Окрестные жители большею частію Сарты. Начальникъ города Мухамедъ-Ніязъ Бай.

16. *Мангытъ* — въ 81 верстѣ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ вдоль правой стороны канавы Арны, и застроенъ маленькими глиняными домами, разбросанными въ безпорядкѣ между кривыхъ и узкихъ улицъ. Кромѣ частныхъ домовъ, въ Мангытѣ находится одна медреса (училище), 9 мечетей и 40 лавокъ, построенныхъ въ восточномъ концѣ города; въ нихъ торгуютъ два раза въ недѣлю, во время базаровъ, по средамъ и субботамъ. Жители города — Узбеки, Аралы, небольшая часть Сартовъ и Каракалпаковъ. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы Табынскаго Рода и Каракалпаки, живя въ кибиткахъ, загороженныхъ невысокими глиняными стѣнами. Начальникъ Мангыта Досымъ-Бій.

17. *Новый Ургенч* — въ 34 верстахъ на с.в. отъ Хивы; построенъ въ 1½ верствъ отъ праваго берега канавы Шахъ-Абатъ; былъ когда-то обведенъ четырехъугольною глиняною стѣною, имѣвшею въ длину 225, а въ ширину 200 саж., отъ которой нынѣ остались только одни обломки, угловыя башни и двое полуразвалившихся каменныхъ воротъ, съ южной и сѣверной сторонъ города, называемыхъ Машерли и Базаръ-Дарвази. Городъ застроенъ въ безпорядкѣ глиняными домами, числомъ до 300. Жители считаютъ въ немъ 15 мечетей и 2 медресы: Атибай и Алтбай. Какъ мечети, такъ и медресы наружнымъ видомъ не отличаются отъ прочихъ глиняныхъ строеній. Лавокъ въ Ургенчѣ до 320; часть ихъ въ городѣ, близъ воротъ Базаръ-Дарвази, а остальные съ вѣтшей стороны и въ три ряда. На этомъ мѣстѣ, два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ, бываетъ базаръ. Городское населеніе едва простирается до 2,000 душъ обоего пола, и состоитъ изъ Сартовъ и весьма небольшого числа Узбековъ. Богатѣйшіе хивинскіе купцы преимущественно поселены въ Н. Ургенчѣ, гдѣ сосредоточивается главная торговля и ремесленная промышленность Ханства. Хлопчатая бумага, марена, халаты и бязь привозятся сюда, для оптовой продажи, въ базарные дни. Иноземные купцы производятъ, исключительно здѣсь, закупку товаровъ, и отсюда уже выступаютъ съ караванами въ обратный путь. Въ окрестностяхъ Н. Ургенча выдѣлываютъ пороховъ, во въ весьма небольшомъ количествѣ и не въ одномъ мѣстѣ. Начальникъ города Кабуль-Бай.

18. *Питнякъ* — въ 76½ верстахъ на востокъ отъ Хивы; заселенъ на канавѣ Питнякъ, въ 3 верстахъ отъ Аму-Дарьи, и состоитъ изъ небольшого числа глиняныхъ домовъ и лавокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на пространствѣ 3,500 квадр. саж. Алла - Кули - Ханъ въ 1842 году * приказалъ обвести его стѣною; но работа при самомъ началѣ была оставлена. Базаръ бываетъ одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ, и посѣщается небольшимъ числомъ жителей Хазаръ-Аспа, для мелочной продажи нѣкоторыхъ издѣлій. Начальникъ города Адашъ-Наипъ.

* Предъ выступленіемъ своимъ въ походъ противъ Бухары.

19. *Порсу*—въ 108 верстахъ на с.з. отъ Хивы; состоитъ изъ ханскаго дома съ садомъ, обнесеннымъ глиняною стѣною, изъ небольшого числа лавокъ, гдѣ бываетъ два раза въ недѣлю базаръ, и изъ нѣсколькихъ частныхъ домиковъ. Порсу расположенъ на канавѣ Арны, недалеко отъ впаденія ея въ озеро Порсу. Это мѣсто возбуждаетъ горестное воспоминаніе о предательскомъ убійствѣ князя Бековича-Черкаскаго, который, послѣ заключеннаго съ Хивинцами мирнаго договора, былъ приглашенъ сюда съ небольшою свитою на пирь *, и, по окончаніи трапезы, убитъ, вмѣстѣ съ прочими Русскими, бывшими при немъ.

20. *Таглаузъ*—въ 61½ верстѣ на с.з. отъ Хивы; состоитъ изъ небольшого числа глиняныхъ домовъ, частію полуразрушенныхъ и разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ канавы Шахъ-Абатъ, и 180 глиняныхъ лавокъ, расположенныхъ въ два ряда, около деревяннаго моста, построеннаго на канавѣ. Вблизи лавокъ, на правой сторонѣ Шахъ-Абата, построено укрѣпленіе, состоящее изъ четырехъ-угольной стѣны съ угловыми круглыми башнями. Длиннику въ каждомъ боку 300 саж.; высота стѣны въ 4 саж., толщина ея внизу имѣетъ 3 саж., а къ верху суживается до 1½ футовъ. Это укрѣпленіе имѣетъ трое воротъ: съ востока, съвера и юга; они сложены изъ кирпичей, стѣна же и башни изъ глины, и во многихъ мѣстахъ обвалились. Внутри укрѣпленія никто не живетъ, и въ немъ нѣтъ никакихъ воинскихъ запасовъ и средствъ къ оборонѣ. Около лавокъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, бываетъ базаръ, на который съѣзжается довольно значительное число окрестныхъ жителей и Туркменъ. Жителей въ городъ весьма мало. Народонаселеніе окрестностей довольно многолюдно, и состоитъ преимущественно изъ Сартовъ. Туркмены и Ямшиды кочуютъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Таглауза. Начальникъ города Якубжанъ-Махрямъ, завѣдующій и Ильялами.

* Бековичъ пріѣхалъ съ малымъ конвоемъ и безъ оружія. Хивинцы, подъ предлогомъ лучше угостить гостей, рассадили за обѣдомъ каждого Русскаго между двухъ Хивинцевъ, притворными изъясненіями радужія усыпили всякое подозрѣніе Русскихъ, и, при концѣ трапезы, по условному знаку, схватили спрятанные подъ одеждой кинжалы, и умертвили доверчивыхъ гостей своихъ, встѣхъ безъ извѣстія.

21. *Хазарь-Аспъ* — мѣстопребываніе хивинскихъ инаховъ; въ 57 верстахъ на востокъ отъ Хивы; расположенъ на лѣвой сторонѣ канавы Коса, вытекающей изъ кан. Полванъ, и обведенъ четырехъугольною глиняною стѣною, съ кирпичными воротами на югъ. Стѣна имѣетъ въ каждомъ боку 185 сажень длины и 2½ высоты. При постройкѣ ея образовалась, около трехъ сторонъ города, низменность, которая весною понимается водою изъ канавы Полванъ, но не можетъ служить оборонительнымъ средствомъ для города, будучи мелка и всюду проходима въ бродъ. Въ Хазарь-Аспѣ 10 глиняныхъ мечетей, одна каменная медреса, домъ (арикъ) инаха и около 150 лавокъ. Медреса, называемая Кутпу-Инахъ, построена въ 1827 году, при Рахманъ-Куль-Инахъ, и украшена въ нѣсколькихъ мѣстахъ изразцами. Домъ (арикъ) инаха построенъ изъ кирпича и обведенъ глиняною стѣною; на верху арика возведены два купола, покрытые синими изразцами. Большая часть лавокъ расположена въ два и три ряда, съ вѣншей стороны города, разстояніемъ отъ него въ 200 сажень, по дорогѣ въ Хиву. На этомъ мѣстѣ ежедневно, по понедѣльникамъ и пятницамъ, бываетъ базаръ. Жители города — Сарты, Узбеки въ маломъ числѣ и Персіяне. Городомъ завѣдуетъ инахъ Мохамедъ-Еминъ, братъ нынѣшняго хана.

22. *Ханки*, въ 34 верстѣ на с.в. отъ Хивы, на правой сторонѣ канавы Казанатъ; окруженъ квадратною глиняною стѣною, съ одними воротами на югъ, складенными изъ камня; длинникъ въ каждомъ боку стѣны 100 саж.; она во многихъ мѣстахъ совершенно обвалилась и заключаетъ небольшое число глиняныхъ домовъ. Лавки, въ числѣ 85, выстроены передъ воротами, въ два ряда; въ нихъ ежедневно торгуютъ жители мелочными вещами; а базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ. Жители города и окрестностей — Сарты и Узбеки. Начальникъ города Ибрагимъ-Бай.

23. *Хива* — главный городъ Ханства и мѣстопребыванія хивинскихъ хановъ; расположенъ между канавъ Ингрикъ и Чарджели, вытекающихъ изъ канавы Полванъ, и обведенъ двумя глиняными стѣнами. Одна, ограничивая главную часть города, построена на небольшой возвышенности, и образуетъ довольно правильный продолговатый четвероугольникъ, съ четырьмя башнями по угламъ: длина ея 320, а шири-

на 200 сажень, что составляет 2 версты и 40 сажень въ окружности; высота стѣны до 3½ сажень, при 4-хъ-саженной толщинѣ въ нижней части и не болѣе 1 фута въ верхней. Эта часть города имѣетъ трое воротъ: на востокъ Абдалъ-Баба, на сѣверъ Бакчи-Дарваза, на западъ Шермухаметь-Ата; всѣ они складены изъ кирпичей и украшены изразцами. Другая стѣна построена въ 1842 году, за мѣсяцъ до выступленія хана съ войскомъ въ Бухарію; она обхватываетъ, вмѣстѣ съ прежнимъ городомъ, часть окрестностей, вошедшихъ нынѣ въ составъ его, и имѣетъ неправильную фигуру; окружность ея въ 6 верстъ и 400 сажень, прочіе же размѣры одинаковы съ внутреннею стѣною; изъ 12 воротъ, продѣланныхъ въ этой вѣншей стѣнѣ, только 8 складены изъ кирпичей и отдѣланы, для прочихъ же оставлены мѣста. Въ Хивѣ считается: два ханскихъ дворца, 17 мечетей, 22 медресы, караванъ-сарай, крытые ряды и около 260 лавокъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ города, вдоль вѣншей стороны городской стѣны, между воротами Бакчи-Дарваза и Шермухаметь-Ата. Изъ этихъ строеній замѣчательнѣйшія суть: 1) мечеть Полванъ-Ата. Она выстроена, въ честь святого того же имени, ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ, въ 1814 году; имѣетъ въ длину 40, а въ ширину 7 сажень; складена изъ кирпича и украшена куполомъ зеленого цвѣта съ позолоченою маковкою. Внутренность мечети вся выложена пестрыми и голубыми изразцами, и раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ, противъ входа, поставлена, на возвышеніи, гробница хана Мухамедъ-Рахима, окруженная мѣдною рѣшеткою; надъ гробницею повѣшены люстра * и знамя, принадлежавшее покойному хану. Съ правой и лѣвой стороны этой гробницы устроены еще двѣ: въ одной похороненъ киргизскій ханъ Ширгазы, въ другой Алла-Кули-Ханъ, умершій въ 1842 году. Во второмъ отдѣлѣ мечети, слабо освѣщенномъ однимъ небольшимъ рѣшетчатымъ окномъ, сооружена гробница св. Полвану, имѣющая 12 футовъ длины, 5 ширины и 4 вышины. 2) Мечеть Сентъ-Бай построена изъ кирпичей при ханѣ Алла-Куль, въ 1835 году; украшена каменными колоннами, имѣетъ довольно правильные размѣры и освѣщается большими готи-

* Вывезенная, въ 1817 году, изъ Астрахани, какимъ-то хивинскимъ купцомъ.

ческими окнами, безъ стеколъ, но съ желѣзными рѣшетками; верхъ мечети покрытъ плоскою крышею. 3) Ханскій дворецъ (арикъ) построенъ возлѣ городскихъ воротъ Шермухамедъ-Ата. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій; нѣкоторыя занимаются ханомъ и его семействомъ, другія назначены для главныхъ сановниковъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ этомъ дворцѣ свою особливую комнату, куда обязанъ приходить послѣ вечерней молитвы и ожидать ханскихъ приказаній; кругомъ дворца глиняная стѣна. Противъ главнаго входа вырыта яма въ 15 футовъ глубины; въ ней казнятъ преступниковъ. Около этой ямы разбросаны, въ совершенной небрежности, 20 мѣдныхъ артиллерійскихъ орудій разнаго калибра. 4) Караванъ-сарай построенъ въ 1823 году при ханѣ Мухамедъ-Рахимѣ; расположенъ въ восточной части города, и одна стѣна его составляетъ часть городской; складенъ изъ кирпича въ два этажа, правильнымъ четвероугольникомъ, внутри котораго находится площадь, для выгрузки товаровъ; каждый бокъ караванъ-сарая имѣетъ 30 сажень; въ немъ 46 лавокъ въ нижнемъ этажѣ и столько же комнатъ въ верхнемъ для жилья торговцевъ; ворота одни, съ южной стороны. Къ караванъ-сарая примыкаютъ крытые ряды, построенные изъ глины. 5) Медреса Кутлу-Мратъ-Инахъ—довольно обширное и красивое строеніе, близъ караванъ-сарая, построенное изъ кирпичей, со многими отдѣленіями; посреди находится площадка, на которой вырытъ глубокой и просторный колодезь, покрытый кирпичнымъ сводомъ. Прочія мечети и медресы носятъ названіе своихъ учредителей и построены изъ глины, ничѣмъ не отличающіяся отъ частныхъ домовъ, которые все вообще состоятъ изъ плоско-крытыхъ мазанокъ, обнесенныхъ стѣнами. Площадей въ Хивѣ нѣтъ; улицы узки, извилисты, до нечистоты нечисты, и общій видъ города представляетъ одну безобразную грудъ глиняныхъ глыбъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и пятницамъ, около лавокъ, расположенныхъ вдоль городской стѣны, и привлекаетъ довольно большое число жителей окрестныхъ хуторовъ и городовъ. Народонаселеніе Хивы не превышаетъ 4,000 душъ обоего пола и состоитъ преимущественно изъ чиновниковъ, духовенства и купечества. Между ними преобладаютъ Сарты, потомъ слѣдуютъ Персіане

и Узбеки. Окрестность города состоит из обработанных полей, садовъ и домовъ, принадлежащихъ болѣею частію хану и его приближеннымъ; въ числѣ этихъ дачъ, нѣсколько опрятнѣе и красивѣе прочихъ ханскій домикъ Ангерикъ. *

24. *Ходженли* — въ 127 верстахъ на с.з. отъ Хивы; заселенъ по обѣимъ сторонамъ канавы Суванли. Городъ этотъ не укрѣпленъ, и состоитъ изъ 180 глиняныхъ домовъ и до 150 лавокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ съ южной стороны города, на лѣвомъ берегу к. Суванли; часть ихъ ежедневно бываетъ занята торгующими жителями, остальная только въ базарные дни, по понедѣльникамъ и пятницамъ, ежедневно. Жители города — Узбеки-Аралы. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы и Каракалпаки. Начальникъ города Луязъ-Ходина-Бій.

25. *Шахъ-Абатъ* — въ 33 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ между канавами Мать-Назаромъ и Шахъ-Абатомъ, и обведенъ четырехъ-угольною глиняною стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась; вышина ея до 2½ саж., длина въ каждой сторонѣ 200 саж. Въ Шахъ-Абатъ ханскій домъ съ садомъ, одна мечеть, до 100 лавокъ и небольшое число частныхъ домовъ; всѣ эти строенія изъ глины. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ. Начальникъ города Тюря-Аталыкъ.

Мерва, Юлатанъ, Пенджи и Сараксъ находятся внѣ предѣловъ осѣдой части Ханства и суть центральные пункты, около которыхъ расположены многолюдные аулы Туркменъ. Первый изъ нихъ въ 478 верстахъ на ю.в. отъ Хивы, и состоитъ изъ одного дома, принадлежащаго хивинскому чиновнику Ниязъ-Магомедъ-Баю, который управляетъ Туркменами. Юлатанъ, Пенджи и Сараксъ не имѣютъ другихъ строеній, кромѣ глиняныхъ четырехъ-угольныхъ стѣнъ, возведенныхъ Туркменами, по распоряженію хивинскаго правительства, для укрытія и обороны, на случай внезапнаго нападенія пограничныхъ жителей Персін. Первый и второй въ 30 и 35 верстахъ отъ Мервы; третій составляетъ крайнюю точку кочевой части Хан-

* Россійская Императорская Миссія, находившаяся въ 1842 году въ Хивѣ, имѣла въ немъ свое пребываніе.

ства, и отстоятъ отъ Хивы въ 585 верстахъ на ю.в. Сады этихъ трехъ мѣстъ славятся въ Ханствѣ изобиліемъ и качествомъ плодовъ.

Для полноты этого описанія, мы присовокупимъ здѣсь, въ азбучномъ же порядкѣ, деревни Ханства, съ опредѣленіемъ ихъ разстояній отъ города Хивы и топографическаго положенія. Незначительность этихъ деревень, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлаетъ подробнѣйшее описаніе совершенно бесполезнымъ.

6. Деревни:

1. *Акмакъ-Мечеть* — въ 19 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги, идущей изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

2. *Акъ-Мечеть* — въ 16 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспъ.

3. *Алай* — въ 136 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

4. *Алла-Чишканъ* — въ 13 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ.

5. *Астанада* — въ 16 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспъ.

6. *Атаніязъ* — въ 87 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 9½ верстахъ отъ дороги изъ Китая въ Мангытъ.

7. *Бабахаджа* — въ 84 верстѣ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

8. *Балъ* — въ 16 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги въ Хазарь-Аспъ.

9. *Бисетень* — въ 22 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспъ.

10. *Бигабабъ* — въ 19 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

11. *Бигабабъ* — въ 34 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Шана въ Багаты.

12. *Бидай* — въ 133 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

13. *Бишь-Мергенъ* — въ 31 верстѣ отъ Хивы, по дорогѣ въ Кятъ.

14. *Бишь-Уйли* — въ 51 верстѣ отъ Хивы, влѣво въ 2 верстахъ отъ дороги изъ Кята въ Китай.

15. *Гальдельганъ* — въ 2 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги въ Хазарь-Аспъ. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ башнею и садомъ.

★

16. *Гумомбахъ* — въ 8 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

17. *Джуванды* — въ 54 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

18. *Джермень* — въ 94 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

19. *Джеремись* — въ 12 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 5 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

20. *Дюсень* — въ 138 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

21. *Зиръ* — въ 4 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

22. *Зиръ-Шайтанъ* — въ 4½ верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

23. *Итимъ* — въ 11 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

24. *Караманъ* — въ 17 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

25. *Калчикъ* — въ 32 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

26. *Карватъ* — въ 63 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Хазарь-Аспа въ Питнякъ.

27. *Кенегень* — въ 14 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

28. *Кинтебахъ* — въ 12½ верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

29. *Китай* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

30. *Камратъ* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

31. *Кулусумъ* — въ 29 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

32. *Кобыль-Кала* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспь. Въ ней жителей нѣтъ; остались одни только слѣды каменной стѣны.

33. *Куруктамды* — въ 23 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

34. *Меше* — въ 43½ верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Тамауса въ Гурленъ.

35. *Найманъ-Куль* — въ 30 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ.

36. *Найманъ* — въ 130 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

37. *Нукасъ* — въ 22½ верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 4 верстахъ отъ дороги, идущей изъ Багата въ Ханки.

38. *Нудюкъ* — въ 50 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

39. *Нукусъ* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 6 верстахъ отъ дороги изъ Багата въ Ханки.

40. *Нукусъ* — въ 75 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

41. *Нурку* — въ 47½ верстахъ отъ Хивы, въ одной верстѣ вправо отъ дороги изъ Тамауса въ Ургенчъ.

42. *Пишкеникъ* — въ 6 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 3 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

43. *Порганъ* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 3 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

44. *Сары-Тут-Куль* — въ 139 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

45. *Саятъ* — въ 9 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ садомъ.

46. *Тупрдыкъ* — въ 37 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 10 верстахъ отъ дороги изъ Ханки въ Ургенчъ.

47. *Улу-Уба* — въ 32 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Мангытъ.

48. *Фернукасъ* — въ 5 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ.

49. *Ходжа-баба* — въ 93 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

50. *Чарджели* — въ 8 верстахъ отъ Хивы на ю.в., около песковъ.

51. *Чаршели* — въ 51 верстѣ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ.

52. *Чакли* — въ 52 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ.

53. *Чаши-Тюбя* — въ 4 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

54. *Чербакъ* — въ 110 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Куня-Ургенча въ Ильялы.

55. *Шаманъ* — въ 7 перстахъ и 200 саженьхъ по дорогѣ изъ Хивы въ Ургенчъ.

56. *Шедъ* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

57. *Шерраватъ* — въ 13 верстахъ отъ Хивы и въ 2½ верстахъ вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ.

58. *Шихарыкъ* — въ 35 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Ишана въ Багатъ.

59. *Ювархасъ* — въ 66 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Хазарь-Асна въ Питнякъ.

60. *Янарикъ* — въ 20 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспъ. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ садомъ.

VIII. СРЕДСТВА СООБЩЕНІЙ.

а. Сухопутный.

Главныя дороги Ханства суть: 1) изъ Куня-Ургенча въ Хиву, 2) изъ Хивы въ Н. Ургенчъ и Гурленъ, и 3) изъ Хивы въ Хазарь-Аспъ. Мы называемъ ихъ главными потому только, что онѣ связываютъ самыя торговыя мѣста Ханства, а впрочемъ не отличаются ничѣмъ отъ другихъ дорогъ, на устройство которыхъ хивинское правительство не обращаетъ никакого вниманія. Эта небрежность не влечетъ, однако, за собою большихъ затрудненій, потому что, при неизмѣнно-ровной поверхности края, дороги вездѣ удобопроходимы: черезъ среднія канавы переправляются въ бродъ, а на главныхъ устроены мосты, хотя и непрочные, но, по неслишкомъ значительной ширинѣ каналовъ, не превышающей 18 сажень, можно весьма скоро ихъ исправить, имѣя вездѣ подъ рукою нужные для того матеріалы въ прибрежныхъ садахъ.

б. Водный.

Хотя Ханство перерезано 40 каналами, и всѣ они удобны для сплавовъ, а пять изъ нихъ: *Полванг-Оста*, *Казаватъ*, *Шахъ-Абатъ*, *Клычъ-Нилъ-Бай* и *Арна* даже соединяютъ всѣ условія

для судоходства въ продолженіе 5 мѣслцевъ въ году; однако Хивинцы пользуются этимъ средствомъ сообщенія очень мало, по причинѣ слабости вѣтренныхъ сношеній и близости разстояній внутри Ханства. Только ханскій хлѣбъ, собираемый въ сѣверной полосѣ, перевозится въ Хиву водою, равно какъ соль, добываемая въ нѣкоторыхъ озерахъ Ханства и расположенныхъ на Усть-Уртѣ.

По теченію Аму-Дарьи производится сплавъ кустарника, растущаго въ изобиліи выше Питняка, по берегамъ рѣки. Купцы тоже отправляютъ иногда свои товары въ Бухару по Дарьѣ, бичевою, отъ Ургенча до Ельджика; но вообще караванный способъ перевозки товаровъ предпочитается.

Хивинцы строятъ лодки изъ пирамидальнаго тополя; онѣ плоскодонны и имѣютъ обыкновенно отъ 24 до 36 футовъ въ длину. Число лодокъ въ цѣломъ Ханствѣ можетъ простирается до 400.

IX. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Сельское хозяйство и торговля составляютъ главныя, или, лучше сказать, единственныя отрасли промышленности Хивинцевъ, у которыхъ фабричная и ремесленная производительность до того скудна и стоитъ на столь низкой степени, что не можетъ вполнѣ удовлетворять даже собственнымъ потребностямъ народа, не смотря на простоту и ограниченность его нуждъ.

А. сельское хозяйство.

Хивинское сельское хозяйство ограничивается хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и шелководствомъ; прочія же отрасли земледѣлія не существуютъ въ Ханствѣ.

а. Хлѣбопашество.

Должно отдать справедливость Хивинцамъ въ умѣнии и трудолюбіи, съ которыми они обрабатываютъ свои поля, неблагодарная почва которыхъ, повсемѣстно солонцеватая и песчано-глинистая, мало пріохочиваетъ ихъ къ воздѣлыванію.

Мѣсто, назначенное для пашни, раздѣляется на танапы*; каждый изъ нихъ окапывается съ четырехъ сторонъ неболь-

* Танапы, хивинская поземельная мѣра, имѣетъ въ каждомъ боку 30 саж. Одинъ танапы = 0,375 десят.

пою канавою, которая приводится въ сообщеніе съ ближайшею среднею канавою. Мѣсто для пашни срывается на четверть ниже уровня боковъ канавокъ, его окаймляющихъ, и на немъ, въ замѣнъ назема, расбрасываютъ небольшими кучами землю, взятую около жильевъ, перемѣшивая ее съ сухою травою, иногда съ золою и даже съ глиною изъ разрушенныхъ строеній, которая, отъ примѣси соломы и постороннихъ веществъ, получаетъ нѣкоторую плодородность*. Потомъ разравниваютъ эти кучки лопатами и напускаютъ воду въ канавки до тѣхъ поръ, пока она покроетъ все приготовленное для пашни мѣсто, на два и болѣе дюймовъ. Когда вода уйдетъ въ землю, и поверхность поля, сохраняя еще нѣкоторую влажность, перестанетъ уже быть топкою, то начинаютъ распашку; потомъ производятъ посѣвъ, по окончаніи котораго боронятъ зубчатою доскою, и потомъ снова напускаютъ воду тѣмъ же способомъ, повторяя этотъ процессъ по указанію надобности.

Въ мѣстахъ, уровень которыхъ нѣсколько выше и гдѣ пониженіе его сопряжено было бы съ большимъ трудомъ, употребляется водоподъемная машина для наполненія канавокъ водою.

Время и число орошеній засѣянныхъ полей зависитъ отъ погоды и преимущественно отъ рода посѣяннаго зерна.

Растенія, разводимыя въ Хивинскомъ Ханствѣ, суть слѣдующія:

1. Хлѣбныя:

Пшеница. Сѣютъ ее всегда раннею осенью, а убираютъ въ началѣ іюня. Землю уваживаютъ тщательно, чѣмъ для всякаго другого хлѣба, и наводняютъ отъ 5 до 6 разъ, до тѣхъ поръ, пока зерно начнетъ наливаясь: тогда орошеніе прекращается. На одинъ танапъ сѣютъ 5 батмановъ **, и снимается въ урожайный годъ отъ 60 до 70. Цѣна батману пшеницы отъ 75 к. до 1 р. асс.

Сарачинское пшено сѣютъ всегда въ началѣ апрѣля, а снимаютъ въ сентябрѣ. Этотъ родъ хлѣба, требуя безпрестанной

* Хивяны для удобренія землѣ не употребляютъ другого средства уваживанія, по причинѣ весьма ограниченнаго скотоводства; у нихъ главное средство улучшенія землѣ есть сухая трава.

** Батманъ = 1 пуд. 3 фунт.

поливки, разводится преимущественно тамъ, гдѣ изобилуютъ средства къ орошеніямъ; а именно по системѣ каналовъ: Полванъ-Ата и Шашъ-Абата, и въ окрестностяхъ Ходженли и Кунграда. На одинъ танапъ высѣвають три батмана, собираютъ отъ 70 до 100; цѣна батману отъ 2 до 3 р. 50 к. асс.

Ячмень и *просо* производятся въ маломъ количествѣ, преимущественно въ сѣверной части Ханства, Карапалками и Киргизами. Эти хлѣба сѣютъ въ апрѣлѣ, собираютъ въ началѣ сентября; они большой поливки не требуютъ. Собирается до 20 батмановъ съ танапа; цѣна батману отъ 75 к. до 1 р. асс.

Джугару сѣютъ въ началѣ апрѣля, орошаютъ только два раза послѣ посѣва, и снимаютъ послѣ первыхъ морозовъ, обыкновенно въ концѣ сентября или въ началѣ октябля. На одинъ танапъ сѣютъ 1 батманъ и собираютъ отъ 80 до 150; цѣна отъ 75 к. до 1 р. асс. за батманъ. Зерно употребляется въ пищу и вмѣсто овса, а стебель замѣняетъ сѣно для лошадей и другого домашняго скота.

Чечевицу сѣютъ въ маломъ количествѣ въ началѣ апрѣля, а собираютъ, послѣ сарачинскаго пшена, въ концѣ сентября. Она требуетъ не много поливки; съ танапа собирается отъ 20 до 30 батмановъ. Цѣна отъ 1 до 2 р. асс. за батманъ.

Горохъ сѣютъ очень мало и въ одно время съ чечевицею, собирается же онъ нѣсколько ранѣе; поливки требуетъ мало; высѣвають на танапъ 1 батманъ и собираютъ до 5; цѣна 50 к. и 1 р. асс. за батманъ.

2. Фабричныя растенія:

Хлопчатую бумагу сѣютъ въ началѣ апрѣля. Когда растеніе начнетъ подыматься, то въ боковыя канавки, окаймляющія корни, напускаютъ воду въ такомъ количествѣ, чтобъ она не могла наводнять засѣянное мѣсто; это производится одинъ и никакъ не болѣе двухъ разъ въ годъ. Дождливая весна губельна для растеній; тогда землю перепаживаютъ и засѣваютъ снова. Хлопчатая бумага собирается въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Стебель растенія подымается отъ $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ; на каждомъ стеблѣ отъ 12 до 40 и болѣе круглыхъ орѣховъ, величиною въ діаметръ около $\frac{3}{4}$ дюйма. Орѣхъ этотъ, созрѣвъ, раскалывается на четыре части и доставляетъ около $\frac{1}{3}$

золотника бумаги и 7 сѣмянныхъ зеренъ. Очистка бумаги отъ зеренъ производится небольшою машиною. На одинъ танапъ сѣютъ отъ 4½ до 5 батмановъ, которые даютъ отъ 20 до 25 чистой хлопчатой бумаги. Цѣна батману отъ 10 до 12 р. асс. Хлопчатая бумага сѣется преимущественно въ южной части Ханства.

Кополу сѣютъ въ весьма маломъ количествѣ въ сѣверной части Ханства, и единственно для дѣланія веревокъ.

Табакъ сѣютъ въ маломъ количествѣ; собираютъ до 20 батмановъ съ одного танапа, и продаютъ: низшій сортъ по 15 р., лучшій по 20 р. асс. Бухарскій табакъ предпочитается хивинскому.

3. Красильныя растенія:

Марену сѣютъ на грядахъ, впуская воду лишь въ промежуточные канавки, безъ наводненія самихъ грядъ. Снимаютъ растеніе на второй и третій годъ; лучшая марена двулѣтняя. На одинъ танапъ сѣютъ 5 батмановъ и собираютъ съ него отъ 40 до 50; каждый продается по 6 р. асс. Корень употребляется на краску и окрашиваетъ въ хорошій красный цвѣтъ.

Конжутъ сѣютъ въ началѣ весны и собираютъ въ августѣ, не допуская совершенно дозрѣть, чтобы при жатвѣ не было растраты сѣмянъ; по уборкѣ, высушиваютъ его въ снопахъ. Конжутъ не требуетъ болѣе двухъ разъ въ годъ поливки; стебель его не молотятъ, а вытрясываютъ зерно руками. На танапъ сѣютъ 3 батмана 10 фунтовъ, которые даютъ отъ 20 до 30. Цѣна сѣмени отъ 2 р. 50 к. до 3 р. асс. за батманъ. По выдѣланіи масла, употребляютъ выжимки отъ сѣмянъ на кормъ верблюдовъ и коровъ, и продаютъ ихъ по 50 к. за батманъ.

Ленъ разводится въ весьма маломъ количествѣ въ сѣверной части Ханства, и единственно для масла, употребляемаго въ краску.

5. Огородныя растенія:

Арбузы, дыни, тыквы, моркови, лукъ сѣются на грядахъ и не требуютъ большой поливки. Съ дынь, при хорошемъ урожаѣ, получаютъ съ танапа 10 тиллей и болѣе чистаго барыша, за исключеніемъ домашняго употребленія.

Луговъ Хивинцы не имѣютъ, а въ замѣнъ разводятъ растеніе, называемое джунучка, которая употребляется вмѣсто дико-растущей травы. Джунучку сѣютъ въ 6 лѣтъ одинъ разъ, и косить по 3 и 4 раза въ годъ. Послѣ джунучки, обыкновенно высѣваютъ на томъ же полѣ пшеницу.

Земледѣльскія орудія употребляются слѣдующія: 1) плугъ съ чугуннымъ, иногда съ деревяннымъ сошникомъ; 2) желѣзная и чугунная лопата, для уравниванія земли; 3) мотыги и вилы, для уборки джугары; 4) доска съ желѣзными гвоздями, въ родѣ нашей борозны.

Землю пахутъ обыкновенно быками или лошадьми, запряженными по-парно.

Молотильныхъ и вѣяльныхъ машинъ Хивинцы не имѣютъ. Обмолотку хлѣба производятъ лошадьми, заставляя ихъ бѣгать кругомъ столба, около котораго разстилаются снопы, подобно тому, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ.

Количество обработанной земли, состоящей подъ пашнями и садами, простирается, въ цѣломъ оѣздѣ Ханствъ, по лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, до 700,000 десятинъ, или 1.866,666 танаповъ. Значительная часть воздѣланной земли принадлежитъ хану, его родственникамъ, главнымъ сановникамъ *, прочимъ чиновникамъ, духовенству, медресамъ и торговому сословію. Но принимая въ расчетъ, что въ ихъ исключительномъ владѣніи состоитъ все обработанное пространство по правой сторонѣ Аму-Дарьи, между каналами Шараханомъ и Ельтезеръ-Ханскимъ, можно полагать, что, изъ означеннаго выше количества пашень, 1 миллионъ танаповъ составляетъ принадлежность простого народа; принимая въ соображеніе итогъ его, приходится съ небольшимъ по 4¹/₂ танапа на душу. Такой результатъ совершенно подтверждаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, полученные нами изъ многократныхъ разспросовъ, а именно: земледѣлецъ, имѣющій отъ 8 до 10 танаповъ, считается вполне зажиточнымъ хозяиномъ, и многіе Хивинцы пропитываютъ цѣлое семейство, обрабатывая не болѣе одного танапа земли **.

* Нерѣдкій изъ нихъ имѣетъ отъ 2 до 3 тысячъ танаповъ.

** Этому не должно удивляться, припомнивъ чрезвычайную производительность земли, какъ мы это видали въ статьѣ о земледѣліи и садоводствѣ.

По незначительности этой пропорции, не должно, однако, заключать о недостаткѣ свободной земли въ Ханствѣ. Одно воззрѣніе на карту осыдлой части убѣдить въ противномъ; вышеприведенный же результатъ объясняетъ невозможность обрабатывать, средствами одного семейства, большее число танаповъ *, по причинѣ чрезвычайныхъ трудовъ, предстоящихъ всякому земледѣльцу для удобренія и орошенія полей. Сверхъ того, онъ служитъ новымъ доказательствомъ недостатка рукъ въ Ханствѣ: ибо съ многочислѣннѣйшимъ народонаселеніемъ, система орошенія могла бы быть приведена въ несравненно лучшее состояніе, и тогда жители не вынуждены бы тѣсниться на пространствѣ, обнимаемомъ к. Полванъ - Ата, который лучшимъ, противъ другихъ каналовъ, устройствомъ, представляеть болѣе удобствъ для земледѣльцевъ.

б. Садоводство.

Хивинцы разводятъ сады обыкновенно около домовъ и вообще въ малыхъ размѣрахъ; не смотря на то, они получаютъ значительныя выгоды, отъ чрезвычайнаго изобилія плодовъ. Сады всегда окружены высокою глиняною стѣною, имѣющею видъ продолговатаго четвероугольника; посреди сада находится бассейнъ, который наполняется водою изъ ближайшей къ нему средней канавы; отъ него же проведены во все направленія сада небольшія канавки для орошенія деревьевъ.

Разводимыя Хивинцами плоды суть слѣдующіе:

Абрикосы пяти сортовъ: хасеки, гукъ, кызыль, нугуль и хандякъ. Все они поспѣваютъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, и сборъ ихъ очень обилень: съ одного дерева получается до двухъ батмановъ **. Лучшіе сорта—три послѣдніе, и продаются по 7 р. асс. за батманъ; первые два менѣе уважаются, и цѣна батману ихъ не превышаетъ 3 р. асс.

Сливы четырехъ сортовъ: пивенди или бухарскіе, рагакъ, бегимъ и шербаты; поспѣваютъ въ началѣ іюля и въ августѣ.

* Немногіе изъ небогатыхъ хозяевъ имѣютъ возможность покупать или нанимать работниковъ.

** Мы принимаемъ здѣсь въ расчетъ количество и цѣнность батмановъ уже высушенныхъ абрикосовъ, ибо они иначе не продаются.

Первый сортъ болѣе уважается; изъ него высушиваютъ черносливъ, который хотя разводится въ значительномъ количествѣ, однако мало поступаетъ въ продажу; цѣна черносливу 15 р. асс. батманъ; съ одного дерева получается до 2 батмановъ. Прочіе сорта продаются въ свѣжемъ видѣ и весьма дешево.

Персики трехъ сортовъ: красные, желтые и бѣлые; поспѣваютъ въ августѣ. Хивинцы ихъ не сушатъ; съ одного дерева собирается отъ 7 до 9 батмановъ; цѣна батману отъ 1 до 2 р. асс.

Яблоки четырехъ сортовъ: кукъ, ходжа, хармени и клехи. Первые три поспѣваютъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ, и не могутъ долго сберегаться; послѣдній въ августѣ, и сохраняется всю зиму; третій сортъ похожъ на наши наливные яблоки. Съ одного дерева собирается отъ 4 до 6 батмановъ и продается отъ 1 р. 50 к. до 2 р. асс.; послѣдняго сорта до 5 батмановъ; цѣна каждого до 3 р. 80 к. асс.

Виноградъ десяти сортовъ: халили поспѣваетъ въ іюнѣ; шимергани (безъ зеренъ) въ началѣ іюля; хусейни въ концѣ іюля; прочіе сорта: маски, хармени, кишъ-миши (безъ зеренъ), али-какули, султани, сахиды и аскери собираются въ августѣ и продаются сушеные. Съ одного танана получается отъ 50 до 60 батмановъ изюму. Цѣна батману отъ 4 до 6 р. асс. Послѣдній сортъ болѣе всѣхъ уважается и платится до 8 р. асс. за батманъ.

Гранаты двухъ сортовъ: трумъ и ширинъ, кислые и сладкія; первая красная, вторая бѣлаго цвѣта; поспѣваютъ въ сентябрѣ. Ихъ разводятъ немного и преимущественно въ ханскихъ садахъ.

Фиги стали недавно разводить въ Хивѣ, а то въ однихъ ханскихъ садахъ.

Айва (квитовое яблоко) употребляется въ пищу, какъ овощъ, и имѣетъ очень пріятный кисловатый вкусъ; разводится мало. Дерево походитъ на яблоню, но гораздо выше и толще.

Джиди — небольшая ягода, красная и продолговатая, внутри мучная и заключающая въ себѣ много сахарныхъ частицъ. Ее высушиваютъ и употребляютъ вмѣсто муки на конфекты.

Изъ поименованныхъ нами фруктовыхъ деревьевъ, только гранаты, фиги и виноградъ зарываются на зиму; для прочихъ же не принимаютъ никакихъ предосторожностей отъ холодовъ.

Въ случаѣ сильныхъ морозовъ, сборъ плодовъ бываетъ менѣе обилень, но деревья не гибнутъ.

Сверхъ того, въ Ханствѣ разводятся:

Тополь, серебристый и пирамидальный; перваго мало, второй растеть въ изобиліи, составляетъ опушку садовъ и бассейновъ среднихъ канавъ, и достигаетъ до 53 фут. высоты. Изобиліе этого дерева позволяетъ хозяевамъ употреблять его на нѣкоторыя постройки, преимущественно для настилокъ потолковъ въ домахъ и сараяхъ, и для связей между стѣнъ. Лодки тоже строятся изъ тополя.

Тутъ разводится въ большомъ количествѣ около канавъ. Онъ одѣвается листьями ранѣ прочихъ деревьевъ, и первая зелень, употребляемая для корма шелковичныхъ червей, продается довольно дорого, отъ 50 до 75 к. асс. за небольшую связку.

Наруанъ и *караманъ* (родъ вяза); оба одной породы и различаются только тѣмъ, что наруанъ растеть совершенно прямо, весьма красивъ и вѣтвистъ, и даетъ много тѣни; дуло стараго дерева достигаетъ 16 футовъ въ окружности, вышина до 37 футовъ. Изъ карамана дѣлаютъ колеса и арбы. Подпоры крышъ и навѣсовъ въ домахъ вытачиваются изъ наруана, въ видѣ колоннъ, украшенныхъ рѣзбою, довольно чистой и мелкой работы. Вышина подобныхъ колоннъ доходить иногда до 25 футовъ.

Какъ фруктовыя, такъ и прочія деревья, растущія въ Ханствѣ, оклиматированы въ Хивѣ только посредствомъ тщательнаго удобренія земли и частыхъ орошеній. Туземная же растительность ограничивается саксаульникомъ и колючимъ кустарникомъ разныхъ родовъ; первый покрываетъ многія необработанныя и солонцеватыя полосы Ханства, а другой растеть по побережьямъ Аму-Дарьи. Саксауль употребляется на топливо и даетъ самый жаркій и не скоро гаснущій уголь. Кустарникъ входитъ въ составъ стронтельныхъ матеріаловъ.

с. Скотоводство.

Совершенный недостатокъ луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ препятствуетъ развитію скотоводства. Въ самомъ дѣлѣ, оно

весьма ограниченно, и составляет самую ничтожную отрасль хивинского сельского хозяйства.

Въ остальной части Ханства роды скота суть:

Бараны, киргизской и бухарской породы; послѣднихъ очень мало. Круглый годъ они должны содержаться въ сараяхъ и кормиться стеблемъ джугары; у зажиточнаго хозяина не бываетъ болѣе 10, много 15 головъ.

Рогатый скотъ вообще очень мелкій, слабосильный и обыкновенной породы; держится хозяевами преимущественно для однихъ полевыхъ работъ.

Верблюды, породы одnogорбой, называемой наръ. Они сильны, рослы, поднимаютъ отъ 15 до 18 пудъ тяжести и гораздо ходятъ двугорбыхъ. Ихъ держатъ весьма немногіе хозяева, производя внутреннюю перевозку своихъ произведеній болѣею частью на арбахъ; для заграничныхъ же отправленій нанимаютъ верблюдовъ у кочевыхъ племенъ.

Ослы употребляются въ упряжь, въ двухъ-колесныя телеги (арбы), и подъ верхъ; они довольно сильны, хотя и малорослы.

Лошади трехъ породъ: киргизскія, карабаиры и аргмаки. Первые малорослы, слабосильны и неуклюжи: онѣ употребляются для полевыхъ работъ и въ упряжь, а подъ верхъ однимъ только небогатымъ сословіемъ. Вторая порода происходитъ отъ помѣси киргизской матки съ аргмакомъ; лошади этой породы крѣпки и довольно статны, вообще на низкихъ ногахъ, широкогруды и съ сильными крестцами; употребляются только подъ верхъ; цѣнятся отъ 20 до 50 тилъ. Аргмаки суть лошади чистой туркменской породы; отличаются отъ карабаировъ рослостію, тонкостію и легкостію статей; имѣютъ прямые крестцы, въ родѣ арабскихъ лошадей, сухія головы, длинныя и хорошо поставленныя шеи, но вообще узкогруды и на высокихъ ногахъ; однако, не смотря на этотъ недостатокъ, онѣ сильны и выдерживаютъ весьма быстрыя поѣздки, въ ѣздѣ горячи, быстры, поворотливы и замѣчательно крѣпки на ноги. Эти двѣ послѣднія породы лошадей составляютъ предметъ роскоши у Хивинцевъ. Аргмаки цѣнятся отъ 30 до 200 тиллей.

Хивинцы не имѣютъ ни конскихъ заводовъ, ни табуновъ. Аргамаковъ покупаютъ или вымѣниваютъ у Ямудовъ, кочующихъ въ осѣдлой части Ханства и занимающихся ихъ разведениемъ, хотя тоже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ; иногда жители Ханства выращаютъ жеребятъ дома, но мало и большею частію случайно. Необходимость кормить лошадей круглый годъ сухимъ фуражемъ не позволяетъ, и достаточному хозяину, имѣть болѣе двухъ, много трехъ аргамаковъ.

Скотоводство различныхъ кочевыхъ племенъ Ханства находится не въ одинаковой степени богатства; мы имѣемъ весьма мало данныхъ, чтобъ сдѣлать о немъ положительные выводы; знаемъ только, что Киргизы, кочующіе на полуостровѣ Бузачи и на прибрежьяхъ Сыръ-Дарьи, богаты многочисленными стадами барановъ, рогатаго скота и лошадьми. Туркмены, кочующіе около Мервы и Саракса, держатъ болѣе верблюдовъ, имѣя пастбища, преимущественно только для нихъ годныя; число же барановъ рѣдко превышаетъ у зажиточнаго Туркмена 1.000 головъ, между тѣмъ какъ весьма многіе имѣютъ по 200 и болѣе верблюдовъ. Рогатымъ скотомъ и лошадьми простой породы Туркмены бѣдны, по недостатку для нихъ привольныхъ пажитей; аргамаковъ разводятъ съ тщательностію, но въ маломъ количествѣ *. Каракалпаки и Туркмены, кочующіе въ границахъ осѣдлаго Ханства, имѣютъ изрядное скотоводство, состоящее изъ рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ,—перваго наиболѣе. Лошадей у этихъ Туркменъ мало; одни Ямуды, какъ сказано выше, разводятъ аргамаковъ для продажи. О при-каспійскихъ Туркменахъ мы не имѣемъ никакихъ, даже приблизительныхъ свѣдѣній.

а. Шелководство.

Шелководствомъ занимаются преимущественно жители южной полосы Ханства; но сколько мы могли замѣтить, не съ большимъ успѣхомъ. Купцы наши не одобряютъ качество шел-

* Одинъ житель Келата сказывалъ намъ, что бытъ очевидцемъ, какъ Туркмены, собираясь отомстить Келетцамъ за угнанный у нихъ скотъ, не могли набрать 2.000 лошадей для вѣзга, не смотря на то, что число туркменскихъ кибитокъ простиралось до 10.000.

ка, въ особенности окрашеннаго, и почти не закупаютъ его для ввоза въ Россію. Сырецъ продается въ Хивѣ и Н. Ургенчѣ отъ 10 до 12 р. асс. за фунтъ.

В. ТОРГОВАЯ.

а. *Вывозная.*

Фабричная промышленность Хивинцевъ состоитъ единственно въ производствѣ издѣлій бумажныхъ и шелковыхъ, самой грубой или непрочной работы; поэтому земледѣльческія произведенія и нѣкоторые другіе сырые матеріалы составляютъ, почти исключительно, все народное богатство Ханства.

Выгодный сбытъ этихъ продуктовъ возможенъ только въ Россію; ибо сосѣднія съ Ханствомъ азійскія владѣнія сами изобилуютъ ими, требуютъ ихъ мало или не вывозятъ вовсе. Изъ этого очевидно, что торговли Хивинцевъ съ Бухарою не можетъ имѣть большого развитія, а должна, при настоящихъ обстоятельствахъ, всегда ограничиваться незначительными размѣрами, и, сверхъ того, происходитъ на условіяхъ, вовсе невыгодныхъ для Хивинцевъ; ибо при одинаковомъ богатствѣ въ сырыхъ произведеніяхъ, фабричность бухарская несравненно болѣе развита и стоитъ на высшей степени совершенства, чѣмъ въ Хивѣ.

Главные предметы, вывозимые Хивинцами изъ Бухары, суть: зеленый чай, курительный табакъ, китайскій фарфоръ и нѣкоторое количество шелковыхъ и бумажныхъ матерій; въ замѣнъ Хивинцы должны отдавать наличную монету, когда не имѣютъ въ запасѣ достаточнаго количества русскихъ товаровъ.

Съ Коканомъ Хива не имѣетъ прямыхъ торговыхъ сношеній, равноутрно съ Гератомъ и Мешедомъ; хотя караваны изъ Персіи проходятъ чрезъ Мерву, однако почти никогда не останавливаются въ Хивинскомъ Ханствѣ, а слѣдуютъ прямо въ Бухару.

Изъ сказаннаго легко убѣдиться, что единственная и возможная, по крайней мѣрѣ до этого времени, торговля для Хивы, это съ Россіею; ибо снабжая Ханство нашими сукнами, юфтями, чугуномъ, сахаромъ, шелковыми и бумажны-

ми матеріями, и многими другими мануфактурными произведеніями, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, открываемъ ему путь къ выгодно-му сбыту его сырыхъ матеріаловъ и даже пѣкоторыхъ грубыхъ рукодѣлій *. Хищническая и строломная политика хивинскихъ хановъ, неустройство и безпорядки, долго существовавшіе въ Киргизской Степи, были причиною, что до 1836 года торговля сношенія наши съ Хивою ограничивались, не смотря на давность ихъ, однимъ приходомъ въ Россію небольшихъ хивинскихъ каравановъ, безъ дѣлительнаго съ нашей стороны участія въ этой торговлѣ. Съ 1836 до 1840 года сношенія съ Хивою были вовсе прекращены, и только въ слѣдующемъ году, при возобновленіи ихъ, русскіе караваны стали, въ первый разъ, ходить въ Хиву, а хивинскіе купцы, по собственнымъ словамъ ихъ, начали оживать отъ убытковъ прошлыхъ годовъ.

Выгода нашей торговли для Хивы столь очевидна самимъ жителямъ Ханства, что, по всей вѣроятности, они будутъ теперь болѣе прежняго дорожить этими сношеніями; но остается рѣшить, можетъ ли этотъ торгъ получить значительное развитіе.

Требованія хивинскаго народа, стоящаго на самой низкой степени образованности, весьма ограничены и, вѣроятно, безъ непредвидимо-выгодныхъ обстоятельствъ, долго еще будутъ таковыми. Сверхъ того, между хивинскими купцами нѣтъ капиталистовъ, чтобъ вести, нашими товарами, транзитную торговлю съ сосѣдними азіатскими владѣніями, и слѣдовательно ввозъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній въ Хиву долженъ сдерживаться, по этимъ причинамъ, съ незначительнымъ количествомъ ея потребностей.

Съ другой стороны представляется:

1) Что Хива есть ближайшій къ намъ средне-азіатскій рынокъ;

2) Что путь, ведущій къ ней изъ Оренбурга чрезъ Усть-Уртъ, удобнѣе и безопаснѣе прочихъ путей степныхъ, пролегающаго между кочевьями Киргизовъ, болѣе другихъ признающихъ свою зависимость отъ Россіи; изъ Астрахани же русскіе товары приходятъ чрезъ Мангышлакъ, въ 18 и 20 дней;

* Халаты и бязь, раскупаемые Киргизами и полнейшими оренбургскими жителями.

3) Пошлина, собираемая въ Хивѣ съ нашихъ товаровъ, умерена и въ трое мѣнѣе противъ той, какую мы платимъ въ Бухаръ, и наконецъ

4) Обхожденіе хивинскихъ таможенныхъ чиновниковъ и вообще всего народа съ нашими купцами пріязнено и довѣрчиво, а не притѣснительно, какъ въ Бухарѣ.

Изъ этихъ замѣчаній можно вывести заключеніе, что торговля наша съ Хивой, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не можетъ имѣть значительнаго развитія, и что для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій необходимы прямыя сношенія съ Бухарою. Но учрежденіе склада русскихъ товаровъ и торговой конторы въ Хивѣ позволить намъ воспользоваться всеми изложенными выгодами, и, въ то же время, устранить прочія обстоятельства, стѣсняющія развитіе торговли. Сверхъ того, постоянное присутствіе нашего купечества въ Хивѣ укажетъ ему, какъ лучше приспособить торговлю къ требованіямъ всего Турана и огромнаго числа кочевыхъ его племенъ, богатыхъ скотоводствомъ; слѣдовательно откроетъ, въ непродолжительномъ времени, свободный и просторный стокъ нашимъ мануфактурнымъ произведеніямъ. *

* Купцы наши, не успѣвши еще хорошо ознакомиться съ хивинскою торговлею, не извлекаютъ, изъ сношеній своихъ съ Хивой, возможной, даже при настоящихъ обстоятельствахъ, выгоды. За исключеніемъ хлопчатой бумаги, они вывозятъ изъ Ханства, болышею частію, бязь, выбойку и халаты, оставляя почти безъ вниманія марену и кунжутное сѣмя, сбытъ которыхъ въ Россію доставлялъ бы имъ огромные барыши. Марена, получаемая изъ Кавказскихъ областей, преимущественно изъ Дербента, покупается на мѣстѣ по 8 р. сер. или 28 р. асс. пудъ; — въ Хивѣ батманъ, или 1 пудъ 8 фунтовъ, можно купить за 6 р. асс. Если и предположить, что доброты здѣшней марены нѣже дербентской, то и тутъ огромная разность цѣнъ должна служить порукою за выгоды ввоза въ Россію этого красильнаго вещества; но мы имѣемъ причины думать, что она не хуже получаемой изъ Дербента. Прикащикъ купца Пачугапа сдѣлалъ первый опытъ, въ концѣ 1842 года, закупивъ некоторое количество марены. Есть сомнѣнія, что, по возвращеніи его въ Россію, выгодный сбытъ этого товара подтвердитъ наши слова. Кунжутное сѣмя, изъ котораго выдѣлывается здѣсь, самымъ простымъ и дешевымъ способомъ, масло, превращающееся добротою напе деревянное, не говоря уже о ламповомъ, и одинаково годное какъ для освѣщенія, такъ и для употребленія въ пищу, покупается въ Хивѣ по 5 р. 50 к. асс. 2 батмана или 2 пуда 16 фунт., изъ чего выдѣлывается одинъ батманъ, или 1 пудъ 8 ф., масла. Перевозка, чрезъ степь въ Оренбургъ, а оттуда водою до Нижняго, обойдется не дороже 5 р. 50 к. асс. съ пуда. Пудъ же ламповаго масла продается внутри Россіи отъ 16 до 20 р. асс.

*

Новый Ургенчъ и Хива суть самые торговые города Ханства, въ особенности первый. Складка русскихъ товаровъ находится въ Хивѣ; но вся закупка туземныхъ произведеній производится въ Н. Ургенчѣ; по окончаніи торговыхъ дѣлъ въ Ханствѣ, наши купцы выступаютъ съ караванами, обратно въ Россію, изъ этого города.

Преобладающіе товары на хивинскихъ базарахъ суть, неоспоримо, русскіе, потомъ бухарскіе; англійскихъ же такъ мало, что они почти не могутъ войти ни въ какой расчетъ. Последніе получаютъ изъ Бухары и не скоро распродаютъ, состоя преимущественно изъ однихъ ситцевъ, довольно дорогихъ, употребляемыхъ только богатымъ сословіемъ, и то въ маломъ количествѣ.

Таможенные постановленія въ Ханствѣ различны для русскихъ, азійскихъ и туземныхъ торговцевъ. Первые, по договору, заключенному съ хивинскимъ ханомъ въ 1842 г., платятъ по 5⁰/₀ съ настоящей цѣны товаровъ, одинъ только разъ въ годъ, и чрезъ это пользуются весьма выгоднымъ преимуществомъ, дозволяющимъ имъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ въ теченіе года, безъ всякаго вторичнаго вноса пошлины. Азіятцы чужихъ владѣній обязаны вносить по 2⁰/₀ при ввозѣ товаровъ и столько же при вывозѣ. Туземные купцы, отправляясь въ Россію, платятъ за каждаго верблюда съ хлопчатой бумагой, съ бязью и халатами, по $\frac{1}{2}$ тилли съ перваго, по $1\frac{1}{2}$ со втораго и по 2 съ третьяго, и столько же съ того самаго числа верблюдовъ при возвращеніи въ Хиву, не обращая вниманія на свойство и количество привезенныхъ ими изъ Россіи товаровъ. Эта пошлина составляетъ 12⁰/₀, и учреждена ханомъ Алла-Куломъ недавно, вслѣдствіе тайнаго провоза монеты хивинскими купцами.

d. *Внутренняя.*

Внутренняя торговля въ Хивинскомъ Ханствѣ довольно дѣятельна, по причинѣ значительнаго числа кочевыхъ народовъ, стекающихся на его базары для мѣны скота на нѣкоторые жизненные припасы; но корыстолюбіе хана и злоупотребленія его чиновниковъ стѣсняютъ и эту мѣну отягощенными и произвольными налогами.

Мы заключимъ эту статью изложеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о хивинской промышленности вообще.

Съ приходомъ русскаго каравана въ Хиву, въ 1842 году, настала для хивинскаго народа новая эпоха.

До сихъ поръ ограниченность внутреннихъ требованій Ханства и ничтожность внешнихъ вывозовъ сырыхъ матеріаловъ и земляныхъ произведеній его не только не содѣйствовали расширенію круга земледѣльской дѣятельности, но постоянно заключали ее въ тѣсныя предѣлы одной необходимости.

Треть земли Ханства лежитъ не обработанною, по недостатку сбыта сельскихъ произведеній.

Между тѣмъ, климатъ Хивы и распространенная тамъ система орошеній благопріятствуютъ разведенію многихъ южныхъ растений, о торговой пользѣ которыхъ жители не имѣютъ до сихъ поръ понятія. Поверхность и недра Ханства заключаютъ въ себѣ многіе новые источники народнаго богатства, на которое хивинское правительство смотритъ съ жалкимъ равнодушіемъ невѣжества. Аральское Море, Аму и Сырь изобилуютъ красною рыбою; по всѣмъ вѣроятностямъ, горы Шенхъ-Джели хранятъ металлическіе рудники; въ камышахъ сѣверной части Ханства водятся, въ безчисленномъ множествѣ, фазаны; лисы и барсы находятся въ изобиліи на всей его поверхности. Но несметливые и притѣсненные своимъ собственнымъ правительствомъ Хивинцы оставляли доселѣ безъ вниманія и употребленія эти источники богатыхъ и вѣрныхъ промысловъ. Должно надѣяться, однако же, что причины къ пробужденію народной дѣятельности не замедлятъ явиться.

УПРАВЛЕНІЕ.

Хивинское Ханство не имѣетъ никакихъ административныхъ подраздѣленій. Хотя Кунъ-Беги и Мяхтеръ заведуютъ, первый сѣверною, а второй южною полосою Ханства; однако власть этихъ сановниковъ односторонна, относясь только до сборовъ податей и казны въ означенныхъ полосахъ, отдѣляющихся одна отъ другой теченіемъ канала Шахъ-Абата. Въ каждомъ городѣ Ханства хотя и поставленъ начальникъ, заведующій городскими и окрестными жителями; но кругъ дѣятельности его огра-

личизается однимъ слабымъ полицейскимъ надзоромъ и разбирательствомъ самыхъ ничтожныхъ дѣлъ.

Судопроизводство и власть исполнительная принадлежать собственно одному хану. Всѣ дѣла тяжбы и уголовныя поступаютъ прямо къ нему, не проходя ни чрезъ какія инстанціи, производятся имъ всегда словесно и рѣшаются не на основаніи коренныхъ законовъ, которыхъ нѣтъ, но по собственному его произволу, или по внушеніямъ приближенныхъ, когда они принимаютъ участіе въ прикосновенныхъ къ дѣлу лицахъ. Въ случаяхъ, нѣсколько запутанныхъ, ханъ отсылаетъ челобитчика и обвиненнаго къ старшему казы, первому духовному лицу въ Ханствѣ, который къ обстоятельствамъ дѣла прилагаетъ, по возможности, изреченія Корана и на этомъ основываетъ свое мнѣніе. Если же въ догматахъ исламизма нельзя приискать чего-либо примѣняемаго къ разсматриваемымъ обстоятельствамъ, то предлагаютъ обвиненному присягу, и признають, его невиновнымъ, когда онъ оправдается ею. Свидѣтельство постороннихъ лицъ принимается въ уваженіе, но не всегда, ибо и на этотъ предметъ нѣтъ основныхъ постановленій. Приговоръ казы обыкновенно утверждается ханомъ безъ перемѣны и немедленно приводится въ исполненіе.

Чтобы нѣсколькими словами опредѣлить духъ и свойство хивинскаго судопроизводства, а равно и то вліяніе, которое оно должно имѣть на народную нравственность, мы присовокупимъ, что самое маловажное воровство нерѣдко наказывается смертію, между тѣмъ какъ уголовный преступникъ, убійца, часто избавляется отъ казни, заплативши истцу известную сумму денегъ, что возвращаетъ преступнику всѣ права гражданства.

Можно сказать, что въ хивинскомъ уложеніи существуетъ только одинъ основной законъ: онъ состоитъ въ томъ, что за преступленія — Суннитовъ вѣшаютъ, а Шинтовъ сажаютъ на колъ, такъ что этому роду казни подвергаются только Персіяне — одни, въ цѣломъ Ханствѣ, принадлежащіе къ этой сектѣ.

Управленіе кочевыми племенами, находящимися внѣ предѣловъ осѣдлой части Ханства, возложено на особыхъ чиновниковъ, съ предоставленіемъ имъ права казни по ихъ собственному усмотрѣнію. Этимъ правомъ пользуются: начальникъ сыр-

дарьгенскихъ Киргизовъ и правитель Туркменъ, кочующихъ около Мервы. Такое уполномочіе влекло бы за собою большія злоупотребленія, если бы означенные начальники не опасались слишкомъ часто пользоваться своею властію, зная изъ опыта, * что племена, имъ подвѣдомственные, не разъ отомщали смертію за казни своихъ однородцевъ. Притомъ же они не имѣютъ при себѣ никакой охранительной стражи; почему исполнительная власть ихъ нерѣдко встрѣчаетъ сопротивленіе.

Въ Хивѣ нѣтъ особеннаго тюремнаго замка; обвиняемые содержатся подѣ стражею въ ханскомъ дворцѣ, и не долго ждутъ приговора хана, такъ какъ ханъ безъ проволочекъ, не ожидая приведенія дѣла въ ясность, рѣшаетъ, большею частію, по самымъ ничтожнымъ уликамъ.

Мѣсто казни находится передъ дворцемъ ханскимъ и на базарной площади.

XI ФИНАНСЫ.

Источники доходовъ хивинскаго хана слѣдующіа:

- 1) Подать съ земли (салгытъ);
- 2) Закатъ съ кочевыхъ племенъ;
- 3) Сборъ хлѣба съ земель, принадлежащихъ хану;
- 4) Пошлина съ товаровъ;
- 5) — съ лавокъ во всемъ Ханствѣ;
- 6) — съ продающагося, на базарахъ, скота;
- 7) Отдача ханскихъ садовъ на откупъ.

Подать съ земли собирается съ Сартовъ, Узбековъ, Каракалпаковъ, Персіянъ, освобожденныхъ отъ рабства, и съ тѣхъ Туркменъ, которые, кочуя въ предѣлахъ заселенной части Ханства, обзавелись хлѣбопашествомъ, — всего приблизительно съ 56,000 домовъ, или кибитокъ. Съ cadaго дома взимается отъ $\frac{1}{3}$ до 3 тиллей, * смотря по достатку хозяевъ. Итогъ этой подати составляетъ ежегодно до 100,000 тиллей, или полтора милліона р. асс.

* Два предѣстника пыталнаго правителя Мервы были убиты Туркменами; ханъ наказалъ ихъ слабо.

** Одна тилля содержитъ въ себѣ 15 р. асс. на наши деньги.

Закятъ съ кочевыхъ племенъ, или сборомъ сороковой части ихъ скотоводства, обложены Каракалпаки, Киргизы и все Туркмены, не исключая тѣхъ, которые кочуютъ въ предѣлахъ оспадной части Ханства. Закятъ собирается не скотомъ, а деньгами: съ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота по 5 тиллей съ сорока головъ, и по 10 аббазъ* съ сорока барановъ. Определить съ точностію сумму ежегоднаго закята невозможно; но какъ онъ составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ханскихъ доходовъ, то мы полагаемъ, что онъ простирается до 1 милліона р. асс.

Сборъ хлѣба съ земель, принадлежащихъ хану. Ханскія земли отдаются ежегодно въ распашку, подъ условіемъ, чтобы третье зерно поступало въ ханскія житницы. Количество этого хлѣба простирается до 150,000 батмановъ ** и составляетъ по среднимъ цѣнамъ, 150,000 р. асс. въ годъ.

Пошлина съ товаровъ взимается: съ Азіятцевъ по 2½ съ привезенныхъ и столько же съ вывезенныхъ товаровъ; съ русскихъ купцовъ берется единожды въ годъ 5%. Полагая, по примѣру 1842 года, что сумма привезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ простирается до 700,000 р. асс., получимъ таможеннаго сбора до 35,000 р. асс. въ годъ.

Пошлина съ лавокъ. Лавки во всѣхъ городахъ Ханства суть собственность хивинскаго правителя, и отдаются въ наймы отъ 1 до 6 тиллей въ годъ, смотря по величинѣ и близости ихъ къ базарному мѣсту. Общій сборъ съ лавокъ въ г. Хивѣ простирается до 1,500 тиллей; полагая такое же количество въ Н. Ургенчѣ, и, круглымъ счетомъ, по 50 тиллей въ прочихъ городахъ и базарныхъ мѣстахъ, получимъ всего 50,000 р. асс.

Пошлина съ продаваемого на базарахъ скота взимается: съ барана 25 к., съ лошади и рогатаго скота 2 р., съ верблюда 4 р. асс. Для этого сбора определены особливые чиновники, въ вѣдѣніи которыхъ находятся по нѣскольку базаровъ. Хива, Ургенчъ, Гурленъ и еще 6 базарныхъ мѣстъ состоятъ въ зависимости, по этому сбору, отъ диванъ-бегія. Опре-

* Аббазъ = 1 р. асс.

** Распросное свидѣніе.

дѣлать этотъ сборъ невозможно. Хотя онъ отяготителенъ для народа, однако не долженъ приносить большого дохода хану; ибо дѣйствіе сборщиковъ не контролируется: они могутъ безответственно удерживать часть сбора въ свою пользу.

Отдача ланскихъ садовъ на откупъ приноситъ ему ежегодно до 50,000 р. асс. Этотъ расчетъ основанъ на томъ, что у хава собственныхъ садовъ до 38; за исключеніемъ немногихъ, всѣ отдаются на откупъ, и плата за нихъ отъ 80 до 250 тиллъ; принимая среднюю цѣну найма 165 тиллъ, получимъ указанное число.

Итакъ всѣ статьи ханскихъ доходовъ составить въ годъ до 2,785,000 р. асс.

Если прибавимъ къ этой суммѣ: 1) денежный сборъ на перевозахъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ взимается съ каждаго верблюда, навьюченнаго товаромъ, по 1 р. 50 к., а съ порожняго 75 к.; 2) акцизъ, по 8 тиллей, съ каждаго танапа, засѣяннаго табакомъ; 3) ежегодный денежный подарокъ въ 1,000 тиллей, платимый Каракалпаками; 4) пошлину съ продаваемого скота на базарахъ и 5) подарки, получаемые ханомъ отъ чиновниковъ, въ видѣ непремѣнной обязанности: то годовой доходъ хана можно будетъ опредѣлить въ 3 милліона р. асс.

Постоянныхъ значительныхъ расходовъ хивинскій ханъ не имѣетъ. Главнѣйшія же издержки его составляютъ:

1) Жалованье войску во время похода, по 5 тиллъ каждому всаднику. Принимая въ расчетъ наибольшую численность войска, т. е. 15,000 человекъ, мы получимъ 75,000 тиллей жалованья, или 1,125,000 р. асс.

2. На подъемъ во время войны главнымъ чиновникамъ отпускается до 1,000 тиллей или 15,000 р. асс.

2) Вознагражденіе за палыхъ лошадей, во время похода. 5 тиллъ за каждую.

4) Подарки сукошными и парчевыми халатами, по окончаніи войны, составляютъ до 25,000 р. асс., согласно съ расходомъ, который по этому предмету былъ сдѣланъ по возвращеніи Алла-Кули-Хана, въ 1812 году, изъ Бухары.

Общая сумма расходовъ по вышеизложеннымъ статьямъ составить, съ вознагражденіями за упалыхъ лошадей, не болѣе 1,170,000 р. асс., изъ которыхъ часть выдается не деньгами.

а зерномъ изъ ханскихъ житницъ; при чемъ, для соблюденія экономіи, прибѣгаютъ даже къ наглымъ обманамъ.*

5) На содержаніе медресъ идетъ сборъ пошлины съ лавокъ въ г. Хивѣ, составляющій 1,500 тиллей, или 22,500 р. асс.

6) Содержаніе ханскаго дома заключается въ ежедневномъ отпускѣ: 2 батмановъ пшеничной муки, 2 батмановъ сарачинскаго пшена, 1½ батмана баранины и 10 фунтовъ кунжутнаго масла, на пищу и освѣщеніе, что составитъ до 5,000 р. асс. въ годъ.

Такъ какъ большая часть ханскихъ расходовъ не постоянна, то и не можетъ быть опредѣлена годовою нормальною суммою. Но чтобы дать приблизительное понятіе объ его казнѣ, мы представимъ сравнительный расчетъ его доходовъ и расходовъ за послѣднее десятилетіе.

Доходъ за 10 лѣтъ:

Считая въ годъ по 3 милліона 30,000,000 р. асс.

Расходъ за 10 лѣтъ:

- a) Совершенные въ этотъ періодъ восемь походовъ, считая по 1 милліону каждый . 8,000,000 — —
- b) Содержаніе медресъ 225,000 — —
- c) вспоможеніе 28,000
- Ямшидамъ, пригнаннымъ, въ прошломъ году, изъ-подъ Герата, по 5 батмановъ пшеницы каждому, или по 5 р. . . . 140,000 — —
- d) Содержаніе ханскаго дома 50,000 — —
- e) Экстраординарныхъ расходовъ на 50,000 въ годъ 500,000 — —

итого 8.915,000 р. асс.

По этому расчету окажется, что ханская казна содержитъ въ себѣ съ небольшимъ 24 милліонъ рублей ассигн. ** Мы не полагаемъ однако, чтобы и такая сумма находилась въ

* Притыпываются песокъ и зола для увеличенія веса.

** Плавный Персидскій рассказывалъ намъ, что онъ, года два тому назадъ, провѣтривалъ комнаты, гдѣ хранятся ханскія богатства, и, передвигая сундуки, замѣтилъ только четыре тяжелыхъ, такъ что ихъ поднимали неменѣе 6 человекъ; онъ заключилъ изъ этого, что въ нихъ содержатся слитки золота и серебра. Вычеканенная монета хранится тоже въ ханскомъ дворцѣ, но особливо, и состоитъ въ вѣдѣніи одного чиновника.

наличности въ его сундукахъ, зная недобросовѣстность чиновниковъ, чрезъ руки которыхъ проходятъ эти доходы, и понимая, какъ легко этимъ чиновникамъ удовлетворять свою алчность и корыстолюбіе, за отсутствіемъ всякаго административнаго порядка.

Въ заключеніе этой статьи, прилагаемъ означеніе курса золотой, серебряной и мѣдной монеты, обращающейся въ Хивинскомъ Ханствѣ въ 1842 году.

Золотая, серебряная и мѣдная хивинская монета.	По установленному постоянному курсу 3 р. 50 к. асс. на серебряный рубль.
Золотая тилля	45 р. асс.
Серебряныя: сичерикъ или акъ-тенга	75 к.
— кара-тенга	50 —
Мѣдная пулъ	2 —

Аббазъ, шай и ярымъ-шай суть именительныя монеты: первый равняется нашему ассигнаціонному рублю, второй и третій 25 и 42½ копѣекъ мѣдью. Тилля почти нѣтъ въ обращеніи, что доказываетъ недостатокъ золота въ казнѣ ханской.

СВѢДѢНІЯ

О ДИКОКАМЕННЫХЪ КИРГИЗАХЪ*.

По народному преданію, земли, занимаемыя нынѣ Черными Киргизами, были прежде обитаемы татарскими (ногайскими) племенами, жившими здѣсь осѣло. Въ доказательство приводятъ развалины древнихъ укрѣпленій, слѣды которыхъ видны и нынѣ. Нѣкоторые изъ Черныхъ Киргизовъ выводятъ свое происхожденіе отъ Ногаевъ; другіе увѣряютъ, что родоначальникъ ихъ, Кыргызбай, съ двумя сыновьями, Атыгенемъ и Тогаемъ, и многими подвѣдомственными ему родами, удалился отъ притѣсненій ногайскихъ старѣйшинъ, Манаса и сына его Саметя, съ береговъ Или, въ горы, лежащія на югъ. Старшій изъ сыновей Кыргызбая овладѣлъ землями по вершинамъ рѣкъ: Аму-Дарьи, Сыръ-Дарьи и другихъ не столь значительныхъ, протекающихъ по Кашкаріи; младшій, съ подвѣдомственными ему родами, занялъ озеро Иссыкъ-Куль и его окрестности.

Всѣ поколѣнія Дикокаменной Орды называютъ себя Киргизами; Кара-Киргизами, то-есть Черными Киргизами, называютъ ихъ прочія орды и близкіе сосѣди, какъ напримѣръ: Кокандцы, Кашкардцы и даже Китайцы; Дикокаменными же называли ихъ Русскіе.

Политическое состояніе Орды.

Незначительное число Черныхъ Киргизовъ, кочующихъ въ горахъ близъ Каратигена и Кашкаріи, считаютъ себя поддан-

* Доставлены отъ г. Генералъ-Губернатора Западной-Сибирѣ.

ными Китаю; всл. затѣмъ, Орда до 1843 г. платила дань кокандскимъ ханамъ; но, послѣ умерщвленія, въ 1842 году, Бухарцами Махамедъ-Али-Хана и возникшихъ въ Кокандѣ безпорядковъ, главные роды Черныхъ Киргизовъ, кочующіе въ окрѣстностяхъ Исыкъ-Куля, признали себя независимыми, подъ видомъ незнанія, кому повиноваться, и выгнали Кокандцевъ изъ небольшихъ укрѣпленій, устроенныхъ на рѣчкахъ Караколъ, Баскауитъ и Конуръ-Уленъ, для содержанія военныхъ постовъ, силою, отъ 40 до 60 человекъ, въ видахъ обезпеченія торговыхъ каравановъ и содѣйствія чиновникамъ въ сборѣ ясака.

Раздѣленіе и управленіе.

Вся Черная Орда дѣлится на многіе роды и отдѣленія; главнѣйшія изъ нихъ: Богу, Сары-Багышъ, Султы и проч. Каждый родъ и отдѣленіе управляются манапами, избираемыми большинствомъ народа; хотя достоинство это не есть наследственное, но передается преимущественно сыновьямъ и другимъ родственникамъ вышедшаго манапа, если богатство и личныя достоинства внушаютъ къ нимъ уваженіе.

Число жителей.

Число жителей Черной Орды неизвѣстно и исчисленія самихъ Киргизовъ только приблизительны. Манапы: Урманъ, Джантай и Джанкарачъ, изъявившіе, въ 1847 году, желаніе поступить въ подданство Россіи, считаютъ подвѣдомственныхъ имъ Киргизовъ до 40,000 юртъ; у манапа же Буромбая, управляющаго родомъ Богу, полагаютъ до 10,000 юртъ и 100,000 лошадей.

Границы.

Обыкновенно на картахъ означаютъ границы Дикокаменной Орды сѣжными хребтами, окружающими озеро Исыкъ-Куль; но Киргизы не признаютъ этихъ предѣловъ и кочуютъ безпрепятственно отъ озера Исыкъ-Куля на востокъ до китайской пикетной дороги (изъ Кульджи въ Аксу), на югъ до независимыхъ мелкихъ владѣній Бадахшана и Каратигена, на западъ до Коканда и Ташкента, а на сѣверъ до высоты горъ Кунги-Ала-Тау и по вершинамъ рѣчки Чарына.

Горы.

Небольшое пространство, занимаемое Дикокаменной Ордою, перерезывается, въ разныхъ направлєніяхъ, горными, нерѣдко снѣжными хребтами, составляющими на сѣверѣ отрасли Белуртага.

Первая снѣжная цѣпь, отдѣляющая отъ Кашкаръ-Давана, устремляется на сѣверъ; огибаєтъ одну изъ вершинъ рѣки Аму-дарьи, называемую *Алай*, гдѣ извѣстна подъ именемъ Теректы-Даванъ; потомъ тянется на востокъ и, развѣтляясь, принимаетъ различныя названія отъ омывающихъ подошвы ея рѣкъ, какъ-то: Тонъ-Бурунъ, Тонинъ-Тау, Теректы-Тау и Когуртыкъ-Тау.

Вторая снѣжная вѣтвь, называемая вообще *Киргизынынъ-Ала-Тау*, устремляется на западъ также подъ разными названіями: Кетмень-Тюбе, Карабура, Кендырь-Тау, Боролдай, и оканчивается горами Кара-Тау, близъ города Акмечети; къ востоку вѣтвь эта, по соединеніи съ горами Кунги-Ала-Тау, дѣлится на многія отрасли, огибающія вершины рѣки Или, называемыя общимъ именемъ *Музарды-Даванъ* (ледяной хребетъ); одна изъ этихъ отраслей даетъ начало семи рѣкамъ, и извѣстна подъ именемъ Ала-Тау (пестрыхъ горъ).

Третія цѣпь Кунги-Ала-Тау соединяется къ востоку, на вершинахъ рѣчки Туиъ, съ кряжемъ Киргизынынъ-Ала-Тау, а на западѣ оканчивается незначительными холмами, составляющими правый берегъ рѣки Чу.

Склоны, идущіе по разнымъ направлєніямъ отъ главныхъ хребтовъ, иногда покрываются снѣгомъ, но лѣтомъ составляютъ самыя роскошныя пастбища и доставляютъ пріятное убѣжище отъ зноя.

Въ особенности замѣчательны южныя покатости хребта Киргизынынъ-Ала-Тау, называемыя общимъ именемъ *Сырты*, или *Сары-Язъ*, гдѣ, даже въ продолженіе всей зимы, кочуютъ многія поколѣнія Черныхъ Киргизовъ.

Всѣ исчисленныя снѣжныя кряжи имѣютъ горныя проходы, или пониженія, называемыя *Асу*; въ этихъ пониженіяхъ снѣгъ выпадаетъ мелкій, скоро растаиваетъ, и потому представляется возможность переѣзжать хребты во всякое время года, даже съ тяжелыми вьюками.

Озера.

Средоточіе земель независимыхъ Черныхъ Киргизовъ составляетъ озеро Иссыкъ-Куль (теплое), лежащее на обширной долинь, окруженной снѣжными хребтами Кунги и Киргизынь - Ала - Тау. Иссыкъ - Куль изобилуетъ рыбою, окружено весьма плодородною мѣстностью, орошаемою множествомъ рѣчекъ, поросшихъ лѣсами и кустарниками. Огражденное со всѣхъ сторонъ снѣжными горами, Иссыкъ-Куль представляетъ надежное убѣжище своимъ дикимъ обитателямъ, и, по качеству земель, представляетъ наибольшія удобства для зимнихъ кочевьевъ. *Теплымъ* оно названо потому, что никогда не замерзаетъ. Окружность его полагають до 450, длину до 200, а самую большую ширину до 80 верстъ. Берега имѣетъ низменные, песчаные и частію болотистые, поросшіе камышами. Вода озера весною и лѣтомъ мало годна къ употребленію, а осенью и зимою принимаетъ дурной запахъ; притомъ она горька и вредна для здоровья. Глубина озера неизвѣстна, но полагають ее значительною. Многіе рассказываютъ, будто бы часть восточнаго берега Иссыкъ-Куля, во времена Ногаевъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими ихъ селеніями, на значительное пространство обрушилась въ озеро, чѣмъ стараются объяснить дурное свойство воды. Впрочемъ, мнѣніе объ обрывѣ берега и гибели ногайскихъ селеній имѣетъ нѣкоторое основаніе: озеро, послѣ сильныхъ бурь, выбрасываетъ на берега разныя принадлежности домашняго быта; такъ, въ числѣ другихъ, въ 1842 году, на южную сторону озера, не далеко отъ мыса Кара-Бурунь, выкинуло волнами огромной величины мѣдный котелъ, который былъ отобранъ кокандскимъ чиновникомъ и отправленъ ко двору; въ прошлое лѣто, на сѣверномъ берегу озера, близъ устья рѣчки Аксу, найденъ, послѣ бури, другой котелъ, меньше перваго, который и теперь хранится у Черныхъ Киргизовъ поколѣнія Сары-Багышъ.

Рѣки.

Въ озеро Иссыкъ-Куль впадаютъ множество рѣчекъ, вытекающихъ изъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ самая большія отъ 70 до 90 верстъ длиною. Теченіе ихъ вообще быстрое; дно каменистое; берега въ вершинахъ крутые и скалистые; порос-

шіе еловымъ лѣсомъ; персправы удобныя въ бродъ, во всякое время года.

Весною въ нихъ бываетъ очень много рыбы, которую Киргизы бьютъ палками и ловятъ мѣшками, спитыми на подобіе палатокъ. Главныя изъ этихъ рѣчекъ: Тупъ, Иргаланъ, Караколь, Иртыкъ, Кызылъ-Су. Ювки или Зоувки, Баскаунъ, Джитмугузъ, Шаршмакъ. Топъ, Конуръ-Улень, Аксу и другія. Изъ нихъ Иргаланъ и Кызылъ-Су имѣютъ въ вершинахъ горячіе ключи, называемые арасаными. Рѣчка Ювки замѣчательна главными караванными путями, идущими чрезъ ея вершины въ Капкарию и Кокандъ; на правой ея сторонѣ построены въ 1843 году курганъ * изъ глины съ бѣйницами, называемый *Кызыл-Уигуръ*, главнымъ правителемъ отдѣленія Богу. Буромбаемъ Бекмуратовымъ. для защиты каравановъ отъ грабежей и для сохраненія своего имущества, въ случаѣ нападеній Сара-Балышевъ, враждующихъ съ отдѣленіемъ Богу. Во внутренности кургана помѣщается до 40 юртъ, для складки зерноваго хлѣба, собираемаго ежегодно. Караваны, идущіе по этой дорогѣ въ Кошкаръ и другіе города, выпрашиваютъ подарковъ у Буромбы по нѣскольку вооруженныхъ людей, для сопровожденія ихъ и защиты при нападеніи Барантачей.

На различныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Иссыкъ-Куль, построено Киргизами до 25 водяныхъ мельницъ.

Изъ сѣверныхъ покатостей сѣжнаго хребта Киргизынь-Ала-Тау вытекаетъ замѣчательная, по своей величинѣ, рѣчка Чу, которая составляется изъ рѣчекъ Кошкаръ-Су, Джумгалъ-Шамси и Каракошира. Рѣчка эта, разсткая сѣжный хребетъ, принимаетъ въ себя съ правой стороны небольшую рѣчку, вытекающую изъ озера Иссыкъ-Куля и называемую *Кутемалды*. Теченіе Чу въ вершинахъ очень быстрое, берега и русло каменисты; ниже она изливается по песчаной долинѣ, и имѣетъ воду всегда мутную. Изъ рыбъ водятся въ ней: сомы, сазаны, судаки и другія.

По лѣвую сторону рѣки Чу находятся два кокандскія селенія: Токмакъ-Курганъ и Пишпекъ; первое расположено въ 250, а послѣднее въ 350 верстахъ отъ вершинъ. Въ Пишпекъ ежегодно, весною и осенью, приходитъ отрядъ Кипчаковъ,

* Небольшое укрѣпленіе.

для сбора дани съ Киргизовъ Черной и Большой Орды, кочующихъ по близости. Постоянный гарнизонъ въ этомъ селеніи не значителенъ, но сильнѣе другихъ нѣсколькими десятками чело-вѣкъ. Увѣряють, что въ прошлое лѣто отрядъ Кипчаковъ, со-бранный въ Пишпекъ, состоялъ изъ 10,000 всадниковъ, съ нѣ-сколькими орудіями, возимыми на верблюдахъ. Песчаные бе-рега Чу начинаются отъ с. Пишпека; длину рѣки полагають около 900 верстъ.

Рѣка Таласъ вытекаетъ изъ снѣжнаго хребта, отдѣляю-щаго эту рѣку отъ Чу, тремя вершинами, называемыми Учъ-Кошъ-Сай. На лѣвомъ ея берегу, близъ снѣжныхъ горъ, въ 75 верстахъ отъ вершинъ, построено Кокандцами укрѣпленіе, называемое Аувліе-Та, гдѣ помѣщается небольшой гарнизонъ, для наблюденія за Черными Киргизами и охраненія отъ ихъ нападеній каравановъ, идущихъ въ Кокандъ и другіе города Ташкеніи. Таласъ быстро изливается съ горъ, и, пройдя пес-чаныя степи, впадаетъ въ озеро Каракуль.

Рѣка Чирчикъ, вытекая изъ снѣжнаго хребта Кетменъ-Тю-бе, имѣетъ направленіе на западъ. Близъ ея вершинъ, на лѣ-вомъ берегу, построены Кокандцами небольшой курганъ, для охраненія караванныхъ путей и для сбора закята съ кочую-щихъ Киргизовъ. Говорять, что рѣка эта содержитъ золотосое-ные пески, и что Ташкенцы добываютъ золото коврами, погру-жая въ воду противъ ворсы.

Рѣка Сыръ-Дарья беретъ начало изъ юго-западныхъ ко-катостей снѣжныхъ горъ, и составляется изъ трехъ рѣкъ: *Нарына*, *Чулишана* и *Ума*. Первая, вытекая многими ключами, называемыми *Гаригай*, изъ горъ Киргизынъ-Ала-Тау, не дале-ко отъ Иссыкъ-Куля, имѣетъ направленіе на западъ; теченіе ея такъ быстро, что, на соединеніи караванныхъ путей, вы-ше кокандскаго кургана *Куртка*, въ 110 или 120 верстахъ отъ вершинъ, чрезъ нее перекинуть бревенчатый мостъ, впро-чемъ мало-надежный для переправы значительныхъ тяжестей. Длина Нарына около 450 верстъ; ширина доходитъ до 450 са-женъ; вершины изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, а ниже по те-ченію, Киргизы имѣють большія пашни. Гулишанъ вытекаетъ изъ снѣжныхъ хребтовъ Тонъ-Бурунъ и Тонъ-Тау, идетъ та-же прямо на западъ и, близъ города Ума, соединяется съ тре-

тѣю вершиною *Ушъ*, а не доходя до города *Намангана* 15 верстъ, соединится съ *Нарыномъ*, откуда и получаетъ общее названіе *Сыръ-Дары*. Длина *Гулишана* до 260 верстъ; ширина до 150 сажень; теченіе весьма быстрое; дно каменистое.

Берега *Гулишана* и *Нарына* круты и бесплодны; долины по теченію ихъ глинисты и хлѣбородны. Во всѣхъ почти селеніяхъ, лежащихъ по этимъ рѣкамъ, переправляютъ на лодкахъ, за определенную плату; въ частяхъ ненаселенныхъ, переправы содержатъ Черные Киргизы.

Рѣка Кара-Даръя, изливающаяся по *Кашкарин*, составляетъ изъ двухъ вершинъ: рѣчки *Тюмень-Су*, текущей чрезъ городъ *Кашкаръ*, и рѣчки *Аксу* — чрезъ городъ того же имени. *Аксу* необыкновенно быстра; не имѣетъ бродовъ; русло завалено огромными камнями, и отъ того неудобно для плаванія. *Тюмень-Су* въ вершинахъ имѣетъ броды; выше города *Кашкара* выставлено на ней, для наблюденія за караванами, два пикета: одинъ китайскій, а другой кокандскій; разстояніе между ними не болѣе 15 верстъ.

Съ лѣвой стороны въ *Тюмень-Су* впадаетъ рѣчка *Астынь-Артышъ*; на ней расположенъ городъ *Артышъ* (*Азретъ-Султанъ*), а близъ устья селеніе *Маралъ-Баши*, замѣчательное сосредоточеніемъ здѣсь, въ 1847 и 1848 годахъ, китайскихъ войскъ, противъ возмущившихся кашкарскихъ хожей, и одержанною Китайцами побѣдою. Селеніе это расположено на дорогѣ изъ *Аксу* въ *Кашкаръ*; по свойству его мѣстоположенія, искусственнымъ наводненіемъ обширной долины можно препятствовать движенію непріятельскаго отряда въ *Кашкаръ*. Изъ притоковъ рѣчки *Аксу* замѣчательнѣйшіе: съ правой стороны рѣчка *Какшаль*, при которой построенъ городъ *Турианъ* (*Учъ-Турианъ*); съ лѣвой рѣчка *Музардъ*; по ея теченію расположено 6 китайскихъ пикетовъ, въ направленіи изъ *Кульджи* къ *Аксу*.

Берега *Аксу* каменисты, утесисты и почти до самаго устья чрезвычайно высоки; напротивъ, по теченію рѣчки *Тюмень-Су*, мѣстность болѣе ровная, глинистая и мѣстами солонцоватая; переправы устроены на лодкахъ.

Изъ сѣверныхъ покатостей сѣжнаго хребта *Кунги-Ала-Тау* вытекаютъ рѣчки: *Чиликъ*, *Торгонъ*, *Талгаръ*, *Учъ-Алматы*, *Каскеленъ* и *Курту*; изъ горъ - *Текесъ-Тау*, *Чарынъ* съ прито-

ками и Текесь. Всѣ онѣ имѣютъ направленіе съ юга на сѣверъ (исключая Текеса), и впадаютъ въ рѣку Илю съ лѣвой стороны. Въ вершинахъ ихъ растутъ еловые лѣса и фруктовые деревья: урюкъ * и виноградъ въ дикомъ состояніи; воды ихъ изобилуютъ рыбою, а долины сѣнокосными лугами; дно рѣчекъ каменистое; берега въ вершинахъ скалисты, въ среднихъ и нижнихъ частяхъ болѣе низменны; переправы въ бродъ встрѣчаются во всякое время года. Отъ устья рѣчки Чарыла до города Кульджи тянется, вверхъ по Илѣ, цѣпь китайскихъ карауловъ и селеній.

Сообщенія.

Изъ Семирѣчинскаго Края всѣ караванные пути въ Кашкарію пролегаютъ чрезъ горный проходъ Сенташъ, и сосредоточиваются при курганѣ Кызыль-Унгуръ, построенномъ Мананомъ Буромбаемъ. По этимъ дорогамъ можно проходить съ безопасноію чрезъ всѣ горные проходы (Асу) и перевозить тяжести до кургана Кызыль-Унгуръ на телегахъ, а далѣе на вьюкахъ; переправы чрезъ рѣчки въ бродъ не затруднительны.

Въ Кокандѣ дорога направляется чрезъ курганы: Пишкенъ, Мерке, Аувліе-Та и городъ Наманганъ; для тележныхъ обозовъ она большею частію непроходима, и даже для вьючныхъ затруднительна зимою, по причинѣ глубокихъ снѣговъ въ горныхъ проходахъ.

Изъ Коканда въ Кашкаръ кратчайшій путь лежитъ чрезъ города Маргеланъ и Ушъ, составляя не болѣе 12 или 15 переходовъ; но переправа чрезъ горы Теректы-Даванъ крайне затруднительна, и отъ снѣжныхъ обваловъ погибаютъ нередко цѣлые караваны; во избѣжаніе такой опасности, многіе караваны, достигнувъ хребта Теректы-Даванъ, слѣдуютъ, по его направленію, на югъ до урочища Таллыкъ-Асу, и, пройдя здѣсь горы безъ затрудненія, возвращаются къ прежней дорогѣ; потомъ, перѣхавъ хребетъ Тонъ-Бурунъ, достигаютъ, по рѣчкѣ Тюменъ-Су, города Кашкара. Обходъ требуетъ лишнихъ 10 переходовъ.

Изъ Кашкара дорога до Аксу довольно удобна, и на ней расположено 14 китайскихъ пикетовъ; но отъ Аксу до Куль-

* Годъ абрикосовъ.

джи крайне затруднительна; на этомъ пути также устроено Китайцами 18 пикетовъ, изъ числа которыхъ 4 расположены въ горахъ Музардъ-Даванъ. Люди, занимающіе пикеты въ горахъ, обязываются, каждый разъ послѣ бурной погоды, расчищать дорогу отъ снѣга и льдовъ, а также препровождать проезжающихъ чиновниковъ и караваны; впрочемъ, послѣдніе проходятъ здѣсь рѣдко, и даже торговцамъ, не подданнымъ Китая, путь этотъ воспрещенъ; а потому они направляются изъ Кашкара въ городъ Кара-Шаръ, гдѣ поворачиваютъ въ Кульджу или Урум-джу, и слѣдуютъ по ровной, хотя вдвое длиннѣйшей дорогѣ.

Кромѣ караванныхъ путей, земли Черныхъ Киргизовъ перерѣзываются, въ разныхъ направленіяхъ, болѣе или менѣе удобными кочевыми дорогами.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Лѣса.

Стреловой лѣсъ, исключительно еловый, растетъ по южнѣе склонамъ, идущимъ въ разные стороны отъ сѣверныхъ хребтовъ Кунги и Киргизыи-Ала-Тау; гужеваго вывозка его изъ горныхъ мѣстъ довольно удобна, сплавка же водою невозможна потому, что рѣчки завалены огромными камнями и въ вершинахъ маловодны. Кромѣ ели, произрастаютъ фруктовыя деревья въ дикомъ состояніи, какъ-то: яблони, персики, урюкъ (абрикосы), виноградъ и разнаго рода кустарники.

Животныя.

Изъ дикихъ звѣрей водятся: маралы, дикіе и каменные козлы, аркары (каменные бараны), сайги, абукень, тигры, барсы, ирбисы, медвѣди, волки, лисы, куницы, рыси, россомахи, выдры и зайцы; изъ птицъ: фазаны, беркуты, ястребы, соколы и другія.

Ископаемыя.

Золото.

Утверждаютъ, что нѣкоторыя рѣчки, впадающія въ озеро Иссыкъ-Куль, въ особенности Иргалана, содержатъ золото-

цесные пески; трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ показанія эти справедливы.

Жельзо.

Жельзо, на дѣланіе оружія и домашнихъ принадлежностей, Черные Киргизы добываютъ, въ малыхъ частяхъ и весьма грубыми способами, изъ чернаго крупнаго песку, собираемаго на берегахъ Иссыкъ-Куля.

Свинець.

Свинець покупаютъ преимущественно у китайскихъ невольниковъ, называемыхъ Чанпаами, разрабатывающихъ эту руду на вершинахъ рѣчки Кигинъ, недалеко отъ Кульджи. Говорятъ, что свинцовыя руды встрѣчаются и въ кочевьяхъ Черныхъ Киргизовъ, но не разрабатываются, вѣроятно по неумѣнію.

Соль.

Соль достаютъ Черные Киргизы съ вершинъ рѣкъ Чарына и Чу, также по рѣчкѣ Кетмень-Тюбе.

Драгоценные камни.

Вѣроятно, горы кочевьевъ Черныхъ Киргизовъ изобилуютъ драгоценными камнями; но Ордынцы не умѣютъ распознавать ихъ достоинство. Разсказываютъ, что, въ 1840 году, въ рѣчкѣ Тонъ найденъ прозрачный камень голубого или синяго цвѣта, который, переходя изъ рукъ въ руки, достался, наконецъ, какому-то кокандскому чиновнику за 1,000 тиллей.

Древности.

Къ древностямъ можно отнести развалины старинныхъ укрѣпленій, и находимыя въ нихъ монеты и другія вещи. Въ 1847 году, на древнихъ развалинахъ, по теченію рѣчки Кара-Кола, найдено въ землѣ 96 серебряныхъ монетъ, величинаю въ нашъ полтинникъ, съ татарскою надписью. Недавно на рѣчкѣ Шамси, впадающей въ Чу, недалеко отъ кокандскаго кургана Токмакъ, на развалинахъ древней башни, называемой Мунара, найденъ глиняный кувшинъ, наполненный мѣдною мо-

ветою, величиною въ копѣйку серебра; рассказываютъ и другіе подобные случаи.

Климатъ.

Въ лѣтнее время климатъ у Черныхъ Киргизовъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ степяхъ Семирѣчинскаго Края; хлѣбъ, созрѣвающий въ Большой Ордѣ въ 3½ или 4 мѣсяца, у Черныхъ Киргизовъ едва поспѣваетъ въ 6 мѣсяцевъ. Сильные жары бываютъ рѣдко, и никогда не достигаютъ степени семирѣчинскихъ.

Зимою морозы бываютъ лишь въ горахъ; въ окрестностяхъ же Исыкъ-Куля температура воздуха всегда выше нуля. Снѣгъ выпадаетъ въ ноябрѣ и растаиваетъ въ началѣ марта мѣсяца; въ низкихъ мѣстахъ снѣгъ бываетъ очень мелкій; дожди осѣждаютъ почву преимущественно весною, и отъ того падсжа въ скотѣ, называемаго джуть, Черные Киргизы почти не знаютъ.

Образъ жизни.

Образъ жизни Черныхъ Киргизовъ, сходствуя, во всѣхъ почти отношеніяхъ, съ образомъ жизни другихъ ордъ, отличается лишь нѣкоторыми оттѣнками ташкентскаго вліянія.

Одежда.

Верхняя одежда Черныхъ Киргизовъ шьется изъ кашкарскихъ матерій, нижняя изъ бѣлыхъ бязей, выдѣлываемыхъ въ Кокандѣ и Китаѣ, а обувь изъ русскихъ красныхъ кожъ.

Вооруженіе.

Вооруженіе составляютъ: айбалты (родъ топоровъ), сабли, пики и ружья. Черные Киргизы, сравнительно съ другими ордами, имѣютъ болѣе оружія, въ особенности огнестрѣльнаго, пріобрѣтаемаго въ Кокандѣ; но ружья ихъ, называемыя турками, вообще длинны, тяжелы и съ фитилями, вмѣсто замковъ. Холодное оружіе частью покупаютъ, а частью изготовляютъ сами.

Киргизы увѣряютъ, что сами дѣлаютъ порохъ, но не хвалятся его добротою, и потому по дорогой цѣнѣ покупаютъ его въ ближайшихъ городахъ Коканда и Кашкаріи.

З а н я т і я .

Хлѣбопашество.

Хлѣбопашествомъ занимаются почти всѣ Черные Киргизы, и оно на высшей степени, чѣмъ у Киргизовъ Большой Орды. Урожай, даже необильный, удовлетворяетъ потребностямъ всего народонаселенія.

Окрестности озера Иссыкъ-Куля, а также долины рѣкъ Чу, Таласа и другихъ, покрыты пажитями и отличаются хлѣбородствомъ. Черные Киргизы сѣютъ: пшеницу, ячмень и просо; изъ первой готовятъ хлѣбъ; послѣднія употребляютъ въ пищу; притомъ изъ проса дѣлаютъ бузу и перегоняютъ водку. Бѣдные люди не имѣютъ своихъ пашень, но, нанимаясь въ услуженіе у богатыхъ, получаютъ въ лѣто за работу зернового хлѣба отъ 4 до 6 мѣшковъ.

Скотоводство.

Къ разведенію огромнаго скотоводства способствуетъ самая мѣстность: гористое положеніе страны доставляетъ кочующимъ прохладу и здоровый воздухъ во всѣ лѣтніе знойные мѣсяцы. Скотъ вообще лучшихъ породъ, въ особенности рогатый; лошади крѣпки и привычны къ горной ѣздѣ. Барановъ разведено много; торговцы вымѣниваютъ ихъ на большія суммы и отправляютъ въ Кокандъ. Наши купцы съ выгодой также вымѣниваютъ пушной товаръ на русскіе нанки, ситцы, вервереть, чугунные котлы, красныя юфты и проч.

Издѣлія.

Черные Киргизы другими издѣліями не занимаются, кромѣ войлоковъ, попонъ, сѣделъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ домашнихъ принадлежностей.

Торговля.

Почти все торговые обороты Черныхъ Киргизовъ ограничиваются мѣною своего скота торговцамъ, приходящимъ изъ Кашкаріи, Россіи, Коканіи и Китая.

Охота.

Звѣриною охотою Черные Киргизы занимаются мало, потому что звѣри водятся или въ самыхъ высокихъ горахъ, или на топкихъ, поросшихъ камышами, болотахъ, куда можно пробираться только пѣшимъ, что для Азіятца кажется невозможнымъ.

Баранта.

Черные Киргизы, какъ и другіе ордынцы, склонны къ хищничеству, барантѣ и воровству. Разграбленіе каравановъ, отгонъ скота у сосѣдей считаются удальствомъ и наѣздничествомъ. Со времени прекращенія владычества Кокандцевъ, своеволіе усилилось, и потому благоразумнѣйшіе родоначальники стараются всеми мѣрами пріобрѣсти покровительство нашего правительства, и просятъ о введеніи въ Орду устройства, подобнаго округамъ.

Отъ набѣговъ Черныхъ Киргизовъ терпятъ наиболѣе китайскіе Калмыки и Юсуновцы; въ кокандскіе предѣлы они отправляются не охотно, потому что грабежи ихъ строго наказываются. Впрочемъ, и Юсуновцы находятъ удобный случай для разсчета, а именно осенью, когда Черные Киргизы гонять бузу, и, предавшись въ излишествѣ этому напитку, дѣлаются оплошными.

Наиболѣе отличаются хищничествомъ роды: Сары-Багышъ, Султы и нѣкоторыя отдѣленія родовъ Беликпай и Тонакъ.

Съ появленіемъ въ Семирѣчійскомъ Краѣ русскихъ войскъ, барантачи стали рѣдко показываться, не только на правой, но даже и на лѣвой сторонѣ рѣки Или.

Богатство.

Дикокаменная Орда вообще богаче Большой Орды; многіе зажиточные люди ежегодно вымѣниваютъ въ Китаѣ сантжи

серебра, называемые ямбами, которые не передаютъ торговцамъ, а хранятъ у себя.

Бѣдные люди не терпятъ такихъ нуждъ, какъ въ другихъ ордахъ, имѣя всегда возможность пріобрѣсти хлѣбъ отъ богатыхъ за самый умѣренный трудъ.

Подати.

Отдѣленія, кочующія въ окрестностяхъ Иссыкъ-Куля, до своего освобожденія отъ власти Коканда, платили хану съ 40 штукъ наличнаго скота по одной. Съ другихъ родовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Коканда и Ташкента, прежде взыскивалось и нынѣ собирается по одной штукѣ съ 25, за исключеніемъ верблюдовъ. Пошлина эта, или закятъ, собирается кокандскими чиновниками, которые, сверхъ казенной подати, требуютъ для себя съ каждой юрты по одному барану, опираясь въ правахъ своихъ на печать хана. Требования кокандскаго правительства приводятся въ исполненіе безъ различія способовъ каждаго Киргиза, отъ чего бѣдные лишаются послѣдняго достоянія, а иногда и дѣтей, которыхъ отдаютъ или богатымъ въ услуженіе, или чиновникамъ хана въ видѣ залога.

Наконецъ, каждую осень командируются особые чиновники для сбора съ каждой юрты по два барана, на продовольствіе хана и двора; вообще, въ обоихъ этихъ случаяхъ сборы усиливаются отъ злоупотребленій чиновниковъ.

ОБЗОРЪ

ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССИИ.

*Статья Д. Ч. Корпуса Топографовъ и капитана О. О. Максимова *.*

Въ 1845 году, въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества декабря 12 дня, читанъ былъ обзоръ географическихъ работъ въ Россіи, гдѣ въ подробности было сказано объ астрономическихъ работахъ, но только слегка упомянуто о всѣхъ губерніяхъ Россіи, покрытыхъ триангуляціями. Въ 1846 году мал 8 читанъ былъ взглядъ на современное состояніе геодезическихъ и топографическихъ дѣйствій въ Европѣ. Нынѣ, по ближайшему отношенію геодезическихъ дѣйствій въ Россіи къ Русскому Географическому Обществу, сдѣлано болѣе подробное обозрѣніе топографическихъ работъ въ Россіи.

Работы тригонометрическія, составляя самое прочное основаніе для всѣхъ государственныхъ топографическихъ и экономическихъ съемокъ, должны бы всегда предшествовать съемкамъ всякаго рода; но потому ли, что прежде не было приготовленныхъ людей и инструментовъ для тригонометрическихъ наблюдений и исчисленій, или — что снимая части, не заботились о составленіи изъ нихъ цѣлаго, или — что каждое вѣдомство дѣлало съемку, не сносясь съ другими, всего же вѣроятнѣе отъ того, что планы и съемки, не основанные на тригонометрическихъ пунктахъ, не имѣли над-

* Читана въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества 15 октября 1848 года.

лежащей точности, — одно ведомство могло подозревать другое въ невѣрности. Нынѣ, ходатайствомъ Русскаго Географическаго Общества, это, кажется, устраняется: съемки и даже другія описанія должны производиться общими силами всѣхъ министерствъ, что уже и наблюдается при исправленіи атласовъ Тверской губерніи.

Еще въ 1801 году, Военное ведомство почувствовало необходимость имѣть точно-опредѣленные пункты для составленія съемокъ и картъ; а потому оно, усиливаясь достигнуть этого прежде другихъ ведомствъ, приступило къ производству триангуляцій въ Россіи; съ 1816 года непрерывно продолжались тригонометрическія измѣренія въ разныхъ губерніяхъ. Полагая, что для гг. Членовъ Географическаго Общества любопытенъ будетъ краткій обзоръ всѣхъ триангуляцій, произведенныхъ по 1848 годъ.

О геодезическихъ работахъ въ Россіи.

Тригонометрическія работы предпринимаются съ цѣлію опредѣлить взаимное положеніе точекъ страны по широтѣ, долготѣ и возвышенію надъ поверхностію моря, чтобы, такимъ образомъ, доставить прочное основаніе для съемокъ и картъ всякаго рода. Вычисленіе широтъ и долготъ точекъ земной поверхности предполагаетъ знаніе фигуры и величины земли; самые же размѣры ея узнаются измѣреніемъ длины и направленія линій на ея поверхности.

Поэтому существуетъ взаимное отношеніе между тригонометрическими дѣйствіями и опредѣленіемъ земной фигуры, т. е. триангуляціи не могутъ быть правильно исчислены и употреблены въ дѣло, если не будетъ извѣстна величина земли; и, наоборотъ, познаніе фигуры земли не иначе можетъ быть достигнуто, какъ тригонометрическими измѣреніями на ея поверхности, соединенными съ астрономическими наблюденіями.

Но чѣмъ пространство должна быть мѣстность, покрывал тригонометрическою сѣтью, тѣмъ необходимѣе познаніе фигуры и величины земли, для вѣрнаго вычисленія всей сѣти.

Въ Россіи произведены уже тригонометрическія измѣренія Лифляндіи, Эстляндіи (по берегамъ) и губерній: С.-Петербургской, Псковской и части Новгородской, Тверской, Московской,

Калужской, Тульской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской, Волынской, Каменецъ-Подольской и Киевской, полуострова Крыма и Бессарабіи; сверхъ того, дѣлаются измѣренія Царства Польскаго, Закавказскаго Края, Новороссійскаго Края и губерній: Орловской и Черниговской. Но для надлежащей связи и полноты, необходимо еще произвести и многія другія.

Общій взглядъ на положеніе геодезическихъ работъ въ Россіи.

Геодезическія работы, раздѣляясь на тригонометрическія и топографическія, получили въ Россіи, въ послѣднія пять лѣтъ, развитіе болѣе обширное и цѣли своей соответственное.

Триангуляція Царства Польскаго, производящаяся съ 1845 года, и градусное измѣреніе по Бессарабіи, съ 1846 года, совершенно оканчиваютъ наши работы на западныхъ границахъ; вмѣстѣ съ градуснымъ измѣреніемъ по западнымъ губерніямъ, онѣ служатъ соединеніемъ русскихъ геодезическихъ работъ съ прусскими и австрійскими, а слѣдовательно со всѣми европейскими. Такимъ образомъ, по окончаніи полнаго русскаго градуснаго измѣренія (отъ Лапландіи до устьевъ Дуная, на протяженіи 21° по широтѣ), и триангуляцій на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ Краѣ, получится непрерывная европейская тригонометрическая сеть отъ Каспійскаго и Чернаго морей до береговъ Ледовитаго и Атлантическаго океановъ, и Средиземнаго Моря, или отъ границъ Персіи до Швеціи, Шотландіи и Испаніи.

Чтобы познакомиться съ ходомъ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, начавшихся только въ этомъ столѣтіи, расскажемъ ихъ исторію.

Назначенный, 31 іюля 1801 года, генераль-квартирмейстеромъ, инженеръ-генераль Петръ Корнилевичъ фонъ-Сухтеленъ нашелъ весьма важный недостатокъ въ издававшейся тогда подробной картѣ Россіи (извѣстной подъ названіемъ столистоюй), а именно: совершенное отсутствіе вѣрныхъ пунктовъ, по которымъ бы можно было составить основную сеть и связать произведенныя въ Россіи съемки; поэтому онъ принужденъ былъ определить сначала хотя нѣсколько астрономическихъ пунктовъ; для чего и были назначены, въ 1802 году, девять

офицеровъ Квартирмейстерской Части обучаться астрономіи у академика Шуберта. По окончаніи курса, въ 1804 и 1805 годахъ, эти офицеры употреблены были для астрономическихъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ Россіи; трудами ихъ определены по географическому положенію города: Сердоболь, Повънецъ, Онега, Архангельскъ, Вытегра, Кемь, Новгородъ, Новая-Ладога, крѣпость Нейшлотъ, кирка Мендугарія (Выборгской губерніи), Нарва, Ревель, Выборгъ, Гапсаль и Перновъ; монастыри: Соловецкій и Никольскій. Определеніемъ этихъ пунктовъ ограничилиcя на первый разъ, астрономическія дѣйствія для столитовой карты; впоследствии же астрономическія работы были оставлены на нѣкоторое время.

Въ 1824 году, для обученія практической астрономіи офицеровъ Квартирмейстерской Части, приглашенъ былъ профессоръ Дерптскаго Университета (нынѣ академикъ и директоръ Пулковской Обсерваторіи), г. Струве. Съ того времени къ нему постоянно уже отправлялись (въ Дерптъ, а съ 1840 года на Главную Пулковскую Обсерваторію) желающіе обучаться астрономіи офицеры какъ Генеральнаго Штаба, такъ и Корпуса Топографовъ. Курсъ продолжается отъ двухъ до трехъ лѣтъ; по окончаніи курса, офицеры командируются для астрономическихъ наблюденій и разныхъ тригонометрическихъ измѣреній, производящихся подъ вѣдѣніемъ Генеральнаго Штаба *.

Тригонометрическія работы до 1846 года.

Въ 1809 году былъ сдѣланъ опытъ тригонометрическаго измѣренія надворнымъ совѣтникомъ Пансеромъ, поручикомъ (нынѣ генераль-лейтенантомъ) Теннеромъ и подпоручикомъ Достомъ.

Въ 1810 году надворный совѣтникъ Пансеръ, капитанъ Теннеръ и поручикъ Илановъ сдѣлали опытъ тригонометрическаго измѣренія около Финскаго Залива, между городами С.-Петербургомъ, Ревелемъ и Дерптомъ. Это пространство было

* Съ 1824 по 1848 годъ слушавшихъ астрономическія лекціи было:

офицеровъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба	1.
— Генеральнаго Штаба	11.
— Корпуса Топографовъ	12.

впослѣдствіи измѣрено съ большею точностію академикомъ Струве и полковникомъ Врангелемъ.

Военное время остановило продолженіе тригонометрическихъ съемокъ; но зато съ 1816 года онѣ начинаютъ производиться уже не въ видѣ опытовъ, а систематически, людьми, пріобрѣтшими спеціальныя познанія въ этомъ дѣлѣ у профессоровъ астрономіи.

Чтобы не повторять одного и того же въ описаніи каждой триангуляціи, сдѣлаемъ нѣкоторыя общія замѣчанія о производствѣ тригонометрическихъ измѣреній *.

І. РЕКОГНОСЦИРОВКА.

По полученіи Высочайшаго разрѣшенія о произведеніи какого-либо тригонометрическаго измѣренія, посылается опытное лицо осмотрѣть мѣстность и выбрать точки для триангуляціи; потомъ составляется проектъ и смета работъ.

ІІ. ПОСТРОЙКА СИГНАЛОВЪ.

Когда послѣдуетъ Высочайшее утвержденіе сметы и положенія, то первое дѣло выбрать основаніе (базисъ) и построить знаки на избранныхъ вершинахъ для треугольниковъ; эти знаки бываютъ: или колокольныя церкви, или сквозные сигналы, состоящіе изъ четырехъ основныхъ бревенъ (связанныхъ поперечными брусьями и двумя или тремя полами), покрытыхъ легкою крышею, или изъ пирамидъ и даже толстыхъ жердей (вѣхъ).

ІІІ. ИЗМѢРЕНІЕ БАЗИСОВЪ.

Для каждой отдѣльной триангуляціи измѣряется, особо устроенными приборами, основаніе (базисъ), или длина одной линіи отъ 5 до 10 верстъ. Измѣренная линія проводится къ

* Производство работъ по триангуляціи можно раздѣлить на три части: 1) выборъ и постройка сигналовъ; 2) наблюденія тригонометрическія и астрономическія, и 3) исчисленія. Начальникъ измѣренія долженъ знать сущность каждой части; но собственно его занятіе состоитъ въ исчисленіяхъ по тригонометрической и астрономической части, равно какъ въ описаніяхъ и приведеніи въ порядокъ конечныхъ результатовъ.

морской поверхности, обращая вниманіе на то, чтобы мѣры соответствовали своей длинѣ при извѣстныхъ градусахъ теплоты. Въ случаѣ большого отдаленія триангуляціи отъ базиса, измѣряется еще другой базисъ, называемый повѣрительнымъ. Концы измѣренной линіи означаются задѣланными въ землю чугунными плитами, съ надписью длины и времени измѣренія. Сравнивъ совершенно поверхность земли, надъ концами выстраиваются пирамиды, каменные или деревянные.

Въ Россіи было только шесть приборовъ, употребляемыхъ для измѣренія базисовъ на государственныхъ триангуляціяхъ и градусныхъ измѣреніяхъ.

Первый приборъ, академика Струве, употребленъ при измѣреніи двухъ основаній въ Лифляндіи и Финляндіи для градусныхъ измѣреній, также для измѣренія двухъ основаній въ Бессарабіи; онъ же будетъ употребленъ для тригонометрическаго измѣренія Новороссійскаго Края.

Второй приборъ употребленъ для измѣренія 7 основаній на тригонометрическихъ измѣреніяхъ, произведенныхъ подъ начальствомъ генерала Шуберта, и осьмого основанія для триангуляцій Крыма.

Третій приборъ употребленъ для измѣренія 11 основаній на триангуляціяхъ, произведенныхъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Теннера.

Четвертый приборъ употребленъ при измѣреніи основанія для Калужской и Тульской триангуляціи подъ начальствомъ полковника Оберга.

Пятый приборъ употребленъ при измѣреніи двухъ основаній для триангуляціи Закавказскаго Края подъ начальствомъ полковника Ходзько, и

Шестой приборъ употребленъ для измѣренія основанія лифляндскаго астрономическаго и тригонометрическаго измѣренія; онъ состоялъ изъ 5 деревянныхъ брусковъ.

Всѣ эти шесть базисныхъ аппаратовъ представляютъ нѣкоторыя существенныя разницы въ опредѣленіи разстоянія между концами жезловъ * и въ устройствѣ для установленія ихъ

* Такъ напримѣръ: въ однихъ измѣряются разстоянія высочайшими (лингетамі) съ серебряными или стальными концами; въ другихъ — устроеннымъ рычаж-

въ вертикальной и горизонтальной плоскостяхъ, равно какъ и въ означеніи точекъ по окончаніи дневныхъ работъ.

Каждый приборъ состоитъ изъ четырехъ желѣзныхъ жезловъ (брусковъ), съ стальными концами, длиною въ двѣ сажени или туаза. При каждомъ жезлѣ есть снарядъ для измѣренія теплоты и наклоненія. Въ некоторыхъ приборахъ, вмѣсто термометровъ при жезлахъ, употребляютъ два бруска (жезла) изъ разныхъ металловъ. Длина каждого жезла сравнена, при извѣстной температурѣ, съ нормальными сажеными и двухъ-саженными мѣрами, доставленными изъ Англіи и Франціи. Сравненіе всѣхъ жезловъ производилось г. академикомъ Струве.

Самыя сравненія и измѣренія такъ интересны, что сообщеніе ихъ доставило бы удовольствіе, если бы самъ г. Струве изложилъ когда-либо всѣ подробности, въ свойственномъ ему ясномъ и завлекательномъ разсказѣ.

IV. ИЗМѢРЕНІЕ УГЛОВЪ.

Углы, при производствѣ тригонометрическихъ измѣреній, бываютъ 1, 2 и 3 класса, смотря по ихъ точности; при градусныхъ измѣреніяхъ — только 1 класса. Углы измѣряются различными инструментами, какъ-то: универсальными инструментами, теодолитами, земными и астрономическими, и секстантами.

V АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Въ каждой триангуляціи опредѣляется астрономически широта одного или двухъ и болѣе пунктовъ, и направленія сторонъ въ отношеніи къ меридіану (азимуты), для которыхъ тѣ опредѣляемыя точки служатъ вершиною. Иногда дѣлаются наблюденія и для вывода долготы этихъ точекъ.

Въ нихъ отодвигались стрѣлки (сѣль-тебелъ), въ третьихъ — стеклянными клиньями; въ нихъ — микроскопами и проч. Форму приборовъ г. академика Струве, генераловъ Шуберта и Теннера можно видѣть въ изданныхъ уже книгахъ: «Градусное измѣреніе въ Остзейскихъ Провинціяхъ» и «Записки Военно-Топографическаго Департамента» часть II и VIII.

VI. ИСЧИСЛЕНІЕ ТРЕУГОЛЬНИКОВЪ.

По измѣреннымъ непосредственно одной линіи и вѣсьмъ угламъ, исчисляютъ сферическіе треугольники 1, 2 и 3 класса. Метода исчисленія треугольниковъ есть общая, Лежандровъ, въ углы приводятся къ 180° и треугольники вычисляются какъ плоскіе. Раздѣленіе треугольниковъ на классы основано на томъ, что одни составляютъ главную сѣть страны, другіе служатъ къ опредѣленію побочныхъ сторонъ, служащихъ основаніями треугольникамъ третьяго класса, опредѣляющимъ постоянныя точки для топографическихъ съемокъ.

VII. ИСЧИСЛЕНІЕ ШИРОТЪ И ДОЛГОТЪ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ ТОЧЕКЪ.

По опредѣленіи вѣсьхъ сторонъ и угловъ треугольниковъ, исчисляютъ разности широтъ и разности долготъ вѣсьхъ точекъ, начиная отъ одной главной, широта которой известна изъ астрономическихъ наблюдений и на которой измѣренъ азимутъ одной изъ сторонъ триангуляціи. Исчисленія широтъ и долготъ производятся по обще-принятой методѣ Лежандра, разрывая каждый треугольникъ на шаръ, описанномъ нормалью, соответствующую вершинѣ треугольника*, и вводя поправку отъ сжатія земли. Изъ вѣсьхъ конечныхъ результатовъ составляются списки широтамъ и азимутамъ.

VIII. ЧЕРЧЕНІЕ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКОЙ СѢТИ.

Получивъ широты и разности долготъ отъ главной точки триангуляціи вѣсьхъ тригонометрическихъ пунктовъ, составляютъ общій чертежъ, то-есть вносятъ ихъ въ проекцію меридіановъ и параллельныхъ круговъ, начерченныхъ для каждой губерніи. Карта эта служитъ сборнымъ листомъ для топографическихъ листовъ съемки каждой губерніи, равнымъ образомъ указателемъ мѣста cadaго тригонометрическаго пункта.

* Начальство Военно-Топографическаго Депо намѣрено перечислять широты и долготы вѣсьхъ точекъ триангуляціи 1 класса по методу Гаусса, для чего уже и составлены таблицы. Метода Гаусса употреблена въ первый разъ въ іосіи при исчисленіи широтъ и разности долготъ: въ 1843 году для тригонометрическихъ точекъ Ярославской Губерніи, а въ 1849 году для пунктовъ тригонометрическаго измѣренія въ Новороссійскомъ Краѣ.

IX. РАЗДѢЛЕНІЕ СѢТИ НА ТОПОГРАФИЧЕСКІЕ ЛИСТЫ.

Сѣть съ меридіанами, параллельными кругами и тригонометрическими пунктами раздѣляется на листы * для топографическихъ съемокъ и поручается особому начальнику для исполненія ея топографическими подробностями, въ принятомъ масштабѣ.

X. ИСЧИСЛЕНІЕ КООРДИНАТЪ.

До 1847 года тригонометрическіе пункты наносились на топографическіе листы посредствомъ координатъ; поэтому, сверхъ исчисленныхъ широтъ, долготъ и азимутовъ, исчислялись еще двѣ координаты для каждой точки **. Нынѣ принято вносить тригонометрическіе пункты на топографическіе листы посредствомъ широтъ и долготъ, и тѣмъ восстановлено единство внесенія точекъ, опредѣленныхъ тригонометрически и астрономически.

XI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ДОЛГОТЫ ТОЧЕКЪ, НЕСОЕДИНЕННЫХЪ ТРИАНГУЛЯЦІЯМИ.

Когда широты и разности долготъ тригонометрическихъ точекъ будутъ извѣстны и топографическія съемки многихъ губерній окончены, то, для помѣщенія ихъ на общую карту государства, необходимо опредѣлить разность долготъ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ относительно центральной observa-

* Раздѣленіе на мензульные листы прежде было основано на томъ, чтобы каждый листъ представлялъ квадратъ извѣстной длины, и чтобы его стороны были параллельны главному меридіану и вертикалу, проходящимъ чрезъ какую-либо одну точку триангуляціи. Нынѣ мензульные листы ограничиваются съ двухъ сторонъ меридіанами, а съ другихъ двухъ сторонъ параллельными кругами, следовательно представляютъ трапецію. Величина листовъ — около 15 до 20 дюймовъ въ длину и ширину, или около 10' широты и 15' долготы.

** Подъ координатами разумѣются генерала Тенвера разстояніе каждой точки отъ главнаго меридіана и длина дуги этого меридіана отъ начальной точки до конца этого перпендикуляра; въ съемкахъ же генерала Шуберта разумѣется разстояніе по меридіану и первому вертикалу до большихъ круговъ, проведенныхъ чрезъ точку перпендикулярно къ меридіану и первому вертикалу. Положительные квадраты по меридіану приравнивались къ сѣверу отъ главной точки, а по первому вертикалу — въ восточную сторону отъ меридіана.

торіи, а эту послѣднюю связать разностию долготъ съ главными обсерваторіями Европы. Для этого предпринимаются или большія хронометрическія экспедиціи, или долготѣнія астрономическія наблюденія на постоянныхъ обсерваторіяхъ. Первые предпочитаютъ послѣднимъ.

Надо замѣтить, что опредѣленіе разности долготъ есть одинъ изъ трудныхъ предметовъ въ астрономіи, такъ что въ которыя обсерваторіи (на которыхъ въ теченіе уже многихъ лѣтъ производятся наблюденія для полученія долготъ) не опредѣлены еще до 20" въ дугѣ.

Теперь опредѣляютъ перевозкою хронометровъ разность долготъ весьма отдаленныхъ точекъ, съ значительною точностію, удовлетворяющею всемъ потребностямъ географіи.

ХІІ. СОСТАВЛЕНІЕ СѢТИ МЕРИДІАНОВЪ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫХЪ КРУГОВЪ ДЛЯ КАРТЪ.

Географическія положенія мѣстъ, опредѣленные астрономически или тригонометрически, были бы весьма мало полезны, если бы не назначать ихъ правильно на листахъ топографическихъ картъ. Поэтому, для изображенія частей земной поверхности и цѣлой земли на плоскости бумаги, приняты разныя условія, извѣстныя подъ именемъ проекцій.

Для картъ, представляющихъ большія пространства, употреблялись прежде двѣ проекціи: для морскихъ плоскія и меркаторскія, а для географическихъ картъ проекція Банна. Нынѣ въ Военно-Топографическомъ Депо употребляется проекція Гаусса, введенная для генеральныхъ и специальныхъ картъ, если послѣднія заключаютъ не болѣе 40° широты. Но она еще не употребляется и едва ли можетъ быть употреблена для съемокъ и военно-топографическихъ картъ, по случаю измѣняющихся въ ней масштабовъ.

Г Л А В А I.

**ОПИСАНІЕ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ СЪЕМОКЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ
ВЪ ВѢДЬНІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.**

**А. Подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенанта
Теннера.**

1. Виленская тригонометрическая съемка.*

По Высочайшему повелѣнію, начата въ 1816 году и окончена въ 1821 году. Она произведена подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта (бывшаго тогда полковникомъ) Теннера.

Базисами для исчисленія триангуляціи были три непосредственно измѣренныя линіи: первал на Дрисвятскомъ Озерѣ, къ сѣверу отъ города Видзы, длиною 5.407,150 сажень; вторая при мѣстечкѣ Поневѣжи, близъ курляндской границы, между городами Поневѣжемъ и Якобштадомъ, длиною 5.531,629 сажень, и третья при мѣстечкѣ Полагепъ, въ Курляндіи, близъ города Мемеля, длиною 4.633,148 сажень**.

Эти основанія связаны между собою первоклассными треугольниками; общія разстоянія, исчисленныя съ этихъ базисовъ, различествовали весьма мало; но и такія небольшія поправки приняты во вниманіе. Виленская триангуляція имѣла всего треугольниковъ 4 класса 149, определяющихъ 100 точекъ; съ 2 и 3 класса содержала 3,020 треугольниковъ, определяющихъ 1,225 точекъ. Для всѣхъ точекъ 4 класса опредѣлены высоты надъ поверхностію моря, посредствомъ наблюденія взаимныхъ зенитальныхъ разстояній. Результатами триангуляціи были, какъ обыкновенно, исчисленныя широты и долготы всѣхъ точекъ и азимуты боковъ треугольниковъ 4 и 2 класса. Широты, долготы и азимуты вычислены изъ Немѣжа—средней точки литовскаго градуснаго измѣренія, принявъ для нея $54^{\circ}29'3",23$ широты и $22^{\circ}59'16",50$

* Хотя теперь названіе «тригонометрическая съемка» рѣдко употребляется оно замѣнено словомъ «тригонометрическое измѣреніе»; во описываемыя здѣсь измѣренія извѣстны подъ именемъ тригонометрическихъ съемокъ, или триангуляцій.

** Все базисы генерала Теннера приведены къ морской поверхности, чрезъ известную высоту обоихъ концовъ базиса, надъ поверхностію моря, посредствомъ геодезическихъ наблюденій.

долготы отъ Парижской Обсерваторіи. Сверхъ того, для нанесенія на топографическіе листы, исчислены прямоугольныя координаты вѣхъ тригонометрическихъ точекъ, принимая за оси меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ тригонометрической пунктъ Мышканцы, лежащій къ северу отъ Вильны и Немѣжа. Главный рядъ треугольниковъ виленской триангуляціи входитъ въ составъ литовскаго градуснаго измѣренія.

Астрономически наблюденныхъ пунктовъ для виленской триангуляціи было четыре, именно: г. Вильна, Немѣжъ, Мышканцы и Эйтенъ-Тайцы.

Виленская триангуляція приведена въ связь съ прусскою триангуляціею профессора Бесселя при г. Мемель. Общія линіи для обѣихъ триангуляцій были стороны Лепайцы и Якубово, съ точностію:

0,000004304 части цѣлаго или своей длины.

— Лепайцы Мемель — — — — 0,000004364 част. цѣл.

— Лепайцы маякъ — — — — 0,000004236 — —

Широта астрономической точки у маяка,

наблюденная г. Бесселемъ = 55°43'40,"9.

исчисленная изъ Кенигсберга = 44, 3.

исчисленная изъ Немѣжа = 43, 3.

долгота, исчисленная изъ Кенигсберга = 18°45'51,"67.

— — — Немѣжа = 84.58, 34.

Разность въ долготахъ, простирающихся до 7', происходитъ отъ неточно-принятой долготы Дерпта и, можетъ быть, отъ уклоненія отвѣса. Но, сверхъ того, эти долготы еще не вѣрны, по моему мнѣнію, на 20", чѣмъ и доказывается трудность опредѣлить съ точностію долготу астрономическими наблюденіями, даже въ Дерптѣ и Кенигсбергѣ, между тѣмъ какъ изъ соединенія этихъ двухъ триангуляцій получается вѣрная разность долготъ Дерпта и Кенигсберга = 6°13'38",3.

2. Курляндская тригонометрическая съемка.

Съемка этой губерніи пачата въ 1822 году и окончена въ 1826 году. Она включаетъ 42 треугольника 1-го класса, которыми опредѣляются 43 точки; 740 треугольниковъ 2-го и 3-го класса опредѣляютъ 375 точекъ. Тригонометрическая

есть была вычислена по понедѣльскому и полянгенскому основаніямъ. По причинѣ большого согласія общихъ сторонъ, исчисленныхъ съ обоихъ основаній, въ Курляндіи не было измѣрѣно повѣрительнаго базиса. Высоты первоклассныхъ точекъ надъ поверхностію Балтійскаго Моря были опредѣлены взаимными зенитальными разстояніями. Исчисленіе широтъ и долготъ тригонометрическихъ точекъ Курляндіи было продолженіемъ исчисленій виленской тригонометрической съемки. Для тригонометрическихъ пунктовъ Курляндіи исчислены были прямоугольныя координаты, считая ихъ отъ меридіана и перпендикуляра, проходящихъ чрезъ тригонометрическій пунктъ Мышканцы виленской триангуляціи.

Въ курляндской триангуляціи заключаются три пункта, астрономически опредѣленныхъ: Крейзбургъ, Бристенъ и Ми-тава. Пунктъ Крейзбургъ есть общій генерала Шуберта, генерала Теннера и академика Струве; его положеніе:

у генерала Шуберта	широта	=	54° 30' 41,82	долг.	23° 31' 10,6
— — — Теннера	—	=	54° 30' 43,6	—	23° 31' 10,3
— академика Струве	—	=	54° 30' 42,7	—	23° 31' 9,7

3. Гродненская тригонометрическая съемка.

Гродненская триангуляція начата въ 1825 году, окончена въ 1829 году. Она содержитъ 34 треугольника и 34 точки 1 класса; 1,059 треугольниковъ и 554 точки 2 и 3 класса. Для удостовѣренія въ точности исчисленныхъ сторонъ, измѣренъ въ Гродненской Губерніи, между городами Кобриномъ и Пинскомъ, основниціи повѣрительный базисъ, имѣющій 5.225,197 сажень, или около 10½ верстъ, при 13° Реомюра. Съ этого базиса и понедѣльскаго былъ исчисленъ главный рядъ треугольниковъ виленской и гродненской съемокъ, входящій въ градусное измѣреніе. Въ гродненской триангуляціи сдѣлано астрономическое наблюденіе на точкѣ Бѣлинь, составляющей южную точку литовскаго градуснаго измѣренія. Длина дуги меридіана литовскаго градуснаго измѣренія была исчислена между Немѣжемъ и Якобштатомъ въ 2° 44' 52",6, и между Немѣжемъ и Бѣлиномъ 2° 36' 23",7. Въ доказательство согласія результатовъ и общихъ сторонъ градуснаго измѣренія лифляндскаго и литовскаго, довольно упомянуть, что начальствующие, въ полной

уверенности въ своей точности, не сообщили прямо другъ другу конечныхъ величинъ сторонъ и угловъ, а отослали запечатанными къ постороннимъ ученымъ. Для этого были избраны, по взаимному согласію генерала Теннера и профессора Струве, генераль-маіоръ Шубертъ и кенигсбергскій профессоръ Бессель. По полученіи результатовъ отъ обѣихъ сторонъ, генераль Шубертъ писалъ къ генералу Теннеру: «Вчерашняго числа имѣлъ я удовольствіе получить письмо Вашего Превосходительства отъ 11 января за № 21, съ приложеніемъ 11, 14 и 15 главъ геодезической части литовскаго градуснаго измѣренія. Распечатавъ тогда же полученный въ октябрѣ мѣсяцъ 1829 года и хранившійся въ Военно-Топографическомъ Дѣпо пакетъ отъ г. профессора Струве, я тотчасъ приступилъ къ исчисленію двухъ треугольниковъ: Зестукальнъ-Гайзекальнъ — Даборскальнъ и Гайзекальнъ — Даборскальнъ — Крейзбургъ, и спѣшу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить о совершенно удовлетворительномъ согласіи Вашей съемки со съемкою г. Струве. Принося Вамъ искреннее мое поздравленіе съ столь явнымъ доказательствомъ точности обѣихъ сихъ геодезическихъ работъ, прилагаю выписку изъ сего сличенія, изъ коего Ваше Превосходительство изволите сами усмотрѣть всѣ подробности.»

Сравненіе результатовъ, полученныхъ съ обѣихъ сторонъ для общихъ треугольниковъ 60 и 61.

№ треугол.	НАЗВАНІЕ	Струве.	Теннеръ	Струве	Теннеръ	Разности.
	УГЛОВЪ.	наблюденные углы.		сѣерм.	углы.	Теннеръ Струве наблюд. сѣерм.
60	Гайзекальнъ	18.29'18,"38	20,"28	19,"10	20,"10	+1,90 +1,90
	Даборскальнъ	101.11.56,39	55, 64	57, 42	55, 57	—0,75 —1,55
	Крейзбургъ	60.18.44,21	45, 67	44, 94	45, 49	+1,46 +0,56
		179.59.58,98	1, 59	1, 46	1, 46	
	Погрѣшность наблюд.	= 2.18 +0,43				
61	Зестукальнъ	92.59. 8,26	8, 49	8, 49	7, 91	—0,07 —0,27
	Гайзскальнъ	53.11. 6,66	5, 76	6, 60	5, 49	—0,90 —1,14
	Даборскальнъ	33.49.46.72	48, 15	46, 66	48, 05	+1,43 +1,39
		180. 0. 1,64	2, 10	1, 45	1, 45	
	Погрѣшность наблюд.	= +1,49 +0,65.				

Сравненіе боковъ.

		<i>Струве</i>		<i>Теннеръ</i>		<i>Разности,</i>	
		Тузмы при + 13	Реомюра.	Теннера	Струве	съ тузмахъ въ частяхъ цѣлаго.	
Даборскальнъ == Крейзбургъ	0705,3214	6705,253	—	0.0593	0.0000078		
Крейзбургъ == Гайзекальнъ	27° 43' 1383	29741.690	—	0.4493	0.0000216		
Даборскальнъ == Гайзекальнъ	18367.9777	18308.877	—	0.4007	0.0000218		
Даборскальнъ == Зестукальнъ	14° 35,9082	14725.586	—	0.3892	0.0000230		
Зестукальнъ == Гайзекальнъ	10240.5033	10240.379	—	0.1223	0.0000119		

Высота общихъ точекъ надъ поверхностію Балтійскаго Моря:

Названіе точекъ	Высота сверхъ моря въ тузахъ,		Разность Теннера	Струве.
	Струве	Теннера.		
Гайзекальнъ . . .	161,32	159,29	—	2,03
Зестукальнъ . . .	112,38	110,67	—	1,71
Даборскальнъ . . .	82,25	80,39	—	1,86
Крейзбургъ . . .	46,21	44,84	—	1,37

Для гродненской триангуляціи были, какъ обыкновенно, исчислены широты и долготы всѣхъ тригонометрическихъ точекъ, и азимуты сторонъ 1 и 2 класса, также разности высотъ пунктовъ надъ поверхностію моря. Широты, долготы и азимуты исчислены отъ Немѣжа, следовательно составляютъ продолженіе виленской триангуляціи. Гродненская триангуляція соединяется съ триангуляціею бѣлостокскою и Царства Польскаго.

Для нанесенія на топографическіе листы тригонометрическихъ пунктовъ, исчислены были для каждой точки координаты, при нанесеніи которыхъ приняты осями меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Мѣшканы. Описаніе и конечные результаты градуснаго измѣренія по Курляндской, Виленской и Гродненской губерніямъ напечатаны въ VIII и IX части Записокъ Военно-Топографическаго Депо, въ 1843 и 1844 годахъ.

4. *Минская тригонометрическая сетка.*

Первоклассная тригонометрическая сеть Минской Губерніи, начатая въ 1830 и оконченная въ 1834 году, содержитъ 56 треугольниковъ, опредѣляющихъ 56 точекъ, и 439 треугольни-

ковъ 2-го и 3-го класса, опредѣляющихъ 215 точекъ. Вся триангуляція исчислена до основному основанію. Широты, долготы и азимуты, равно какъ и высоты первоклассныхъ точекъ надъ поверхностію моря, исчислены изъ Невъжа, следовательно составляютъ продолженіе виленской и гродненской триангуляцій. Минская триангуляція соединяется съ триангуляціею витебскою, генерала Шуберта, стороною Пышиногоры-Григоровичи, близъ г. Деселя. Согласіе широтъ и долготъ было слѣдующее:

	Широта.	Долгота.
Пышиногоры по триангуляціи витебской . . .	54°55'38"6.	6°14'57"9.
— — — — — минской	41.3. . . .	58.3.
	Разность 2,7.	0,4.

Для минской триангуляціи исчислены координаты, служащія къ нанесенію тригонометрическихъ пунктовъ на топографическіе листы. Осии координатъ для нанесенія приняты меридіанъ и первый вертикаль, проходящій чрезъ соборный костелъ въ г. Минскѣ.

По причинѣ большихъ лѣсовъ, въ южной части Минской Губерніи триангуляціи не произведено.

Описаніе и конечные результаты, т. е. широты и долготы для 1,418 тригонометрическихъ постоянныхъ точекъ виленской, курляндской, гродненской и минской триангуляцій, напечатаны въ X и XI частяхъ Записокъ Военно-Топографическаго Депо.

5. Волынская и подольская тригонометрическая съемка.

Волынская и подольская триангуляція, начатая въ 1836 и оконченная въ 1840 году, содержитъ всего 100 первоклассныхъ треугольниковъ, опредѣляющихъ 97 точекъ; 1,416, треугольниковъ 2-го и 3-го класса, опредѣляющихъ 544 точки. Широты и азимуты опредѣлены астрономически на первоклассныхъ тригонометрическихъ точкахъ: Бѣлинъ, Кременецъ, Погорѣлая, Супрунковцы и Балта. Точка Бѣлинъ принадлежитъ къ гродненской триангуляціи. Среднее согласіе исчисленныхъ и наблюденныхъ широтъ было до 3", азимутовъ до 7'. Для волынской и подольской триангуляціи дѣлалось вычисленіе треугольниковъ 4-го класса дважды; во второй разъ было сдѣлано по причинѣ полученнаго вѣса (достоинства) угловъ 4-го класса.

Широты и долготы всѣхъ точекъ, равно какъ и азимуты

боковъ 1-го класса, исчислены отъ гродненской триангуляціи; следовательно отъ Немѣжа, — средней точки литовскаго градуснаго измѣренія. Для всѣхъ тригонометрическихъ точекъ исчислены координаты, служащія къ нанесенію ихъ на топографическіе листы; осями, при нанесеніи, были приняты меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ г. Староконстантиновъ.

Главный рядъ треугольниковъ этой триангуляціи, идущей отъ сѣвера на югъ, входитъ въ составъ градуснаго измѣренія въ Россіи.

Волинская и подольская триангуляція, составляя продолженіе гродненской, сама служатъ для продолженія отъ нея кievской и бессарабской. Сверхъ того, она соединяется съ херсонскою и Царства Польскаго.

Описаніе волинской и подольской триангуляціи, со всѣми конечными результатами, напечатано въ XII части Записокъ Военно-Топографическаго Деню.

6. *Кіевская тригонометрическая съемка.*

Кіевская триангуляція начата по Высочайшему повелѣнію въ 1843 году работами въ полѣ и окончена въ 1845 году. Базисомъ для треугольниковъ ея была измѣрена линія близъ Бѣлой-Церкви, длиною въ 2.909,209 сажень. Всего тригонометрическихъ точекъ опредѣлено 901. Астрономическій главный пунктъ этой триангуляціи есть обсерваторія въ г. Кіевѣ. Широты и долготы пунктовъ кievской триангуляціи, и азимуты сторонъ 1 и 2 класса исчислены отъ подольской триангуляціи.

Для точекъ кievской триангуляціи исчислены прямоугольныя координаты, принимая за оси координатъ меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ обсерваторію въ Кіевѣ.

Полнаго описанія этой съемки отъ начальника ея еще не доставлено, а потому прочія подробности здѣсь не сообщаются.

7. *Бѣлостокская тригонометрическая съемка.*

Начатая въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, бѣлостокская тригонометрическая съемка была окончена въ 1845 году. Сдѣлано было 23 треугольника 1 класса и 342 треуголь-

ника 2 и 3 класса, определяющихъ 244 тригонометрическихъ точекъ. Бѣлостокская триангуляція составляетъ продолженіе гродненской, а потому широты, долготы и азимуты были исчислены отъ Немѣжа. Астрономическихъ наблюденій, особенно для этой съемки, произведено не было.

Стороны южныхъ треугольниковъ бѣлостокской триангуляціи служатъ общими линиями триангуляціи Царства Польскаго.

8. Бессарабская тригонометрическая съемка.

Генераль-квартирмейстеръ генераль-лейтенантъ Бергъ и Директоръ Военно-Топографическаго Депо генераль-лейтенантъ Тучковъ, разсматривая, при вступленіи своемъ въ должность, огромный тригонометрическія работы, произведенныя на западъ, немедленно обратили свое вниманіе на оставшіяся пограничныя пространства: Царство Польское, Бессарабскую Область и Новороссійскій Край, измѣреніе которыхъ должно было предшествовать прочимъ тригонометрическимъ работамъ.

Бессарабская триангуляція, предпринятая, по Высочайшему повелѣнію, въ 1846 году, болѣе для пользы ученой, служить самымъ южнымъ окончаніемъ русскаго градуснаго измѣренія дуги дерптскаго меридіана. Она полевыми работами совершенно окончена въ 1849 году. Въ Бессарабіи измѣрены два базиса приборомъ, принадлежащимъ Пулковской Обсерваторіи, для вывода результатовъ градуснаго измѣренія.

Астрономическія наблюденія сдѣланы на двухъ тригонометрическихъ точкахъ: Вадалуи и Старо-Некраевка, близъ Измаила.

Широты и долготы точекъ бессарабской триангуляціи, и азимуты сторонъ точекъ 1 и 2 класса исчислены отъ подольской тригонометрической съемки.

Бессарабская триангуляція даетъ возможность заключить изъ сравненія высотъ морей Чернаго и Балтійскаго, что уровни ихъ совершенно одинаковы по высотѣ; ибо триангуляціи генерала Теннера простираются отъ Балтійскаго до Чернаго Моря, а въ соединеніи съ градуснымъ измѣреніемъ академика Струва—до Финскаго Залива и сѣверной оконечности Ботническаго; въ соединеніи же съ норвежскимъ измѣреніемъ—до Норд-Капа.

9. Тріангуляція Царства Польскаго.

Еще бывший генералъ-квартирмейстеръ, генералъ отъ инфантеріи Шубертъ послалъ двухъ опытныхъ офицеровъ для рекогносцировки Царства Польскаго. Нынѣшній генералъ-квартирмейстеръ генералъ-адъютантъ Бергъ вызвалъ въ С.-Петербургу предназначаемаго начальникомъ генералъ-лейтенанта Теннера для скорѣйшаго составленія проекта и смѣты на производство тригонометрическаго измѣренія въ Царствѣ Польскомъ, который, по окончательному соображенію Директора Военно-Топографическаго Депо генералъ-лейтенанта Тучкова, и былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе.

Тріангуляція Царства Польскаго начата въ 1845 году и должна продолжиться до 1854 года. Базисовъ въ этой тріангуляціи будетъ измѣрено до 4, астрономическихъ пунктовъ до 8, включая въ то число и Варшавскую Обсерваторію.

Тріангуляція эта оканчивается связь нашихъ геодезическихъ работъ съ прусскими и австрійскими на западѣ. Австрійская тріангуляція уже соединена близъ городовъ Тарнограда и Кракова; съ австрійской стороны въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Директоръ Отдѣленія Австрійскихъ Тріангуляцій въ Императорско-Королевскомъ Военно-Геодезическомъ Институтѣ подполковникъ Маріени.

Широты и долготы всѣхъ тригонометрическихъ точекъ, равно какъ и азимуты сторонъ треугольниковъ 1 и 2 класса, будутъ исчислены отъ бѣлостокской и гродненской тріангуляцій, следовательно составятъ продолженіе исчисленій виленской тріангуляціи. Координаты будутъ исчислены отъ Варшавы.

Такъ какъ тріангуляція еще не окончена, то и невозможно сообщить о ней всѣхъ подробностей. Пространство всѣхъ губерній, гдѣ тріангуляціи произведены подъ начальствомъ генерала Теннера, составляетъ гораздо болѣе цѣлой Франціи и почти осьмую часть всей Европейской Россіи. Всего было измѣрено 13 основаній и опредѣлено до 6,000 тригонометрическихъ пунктовъ.

В. Подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генерала отъ инфантеріи Шуберта.

4. *С.-Петербургская, новгородская, псковская и витебская тригонометрическія съемки.*

Въ 1820 году поручена была полковнику Шуберту съемка Шлиссельбургскаго Уѣзда, и, вѣсть съ этою топографическою работою, предписано было ему составить для ней тригонометрическую сеть, и стараться связать ее съ С.-Петербургомъ. Маловажная работа эта была потомъ распространена; она служила первымъ основаніемъ обширныхъ геодезическихъ работъ, производившихся безпрерывно и до этого времени. Конечно, послѣ того измѣнилось многое относительно инструментовъ, методовъ наблюденій и способовъ исчисленія.

Полевые дѣйствія этой съемки окончены въ 1832 году. Для этихъ триангуляцій, распространяющихся по четыремъ губерніямъ, измѣрено 4 основанія; два — почти на одномъ и томъ же мѣстѣ, по старой московской дорогѣ, отъ московской Славянки до возвышенія за Ижорою, длина котораго была 4,910,165 сажень; третіе основаніе — на южномъ берегу Ильменя Озера, отъ деревни Успомена до села Корыстыни, длиною 4,136,555 сажень; а четвертое основаніе измѣрено въ Витебской Губерніи, близъ м. Освей, между Костелами Замляе и деревнею Баркуницы, длиною 5,125,789 сажень. Высота мѣстъ, на которыхъ измѣрены базисы, были опредѣлены различно: для базиса близъ С.-Петербурга топографическимъ нивелированіемъ, для базиса близъ Ильменя Озера — по сношенію съ вѣдомствомъ Путей Сообщенія, а для базиса освейскаго — чрезъ топографическое нивелированіе изъ большое пространство, доходя до точекъ курляндской триангуляціи. Всѣ основанія связаны треугольниками 1 класса, которыхъ было 322; треугольниковъ 2 класса было 557, а треугольниковъ 3 класса 1,025. Этими дѣйствіями опредѣлено 1,336 тригонометрическихъ точекъ. Для астрономическихъ работъ по этой триангуляціи были употреблены точки: Мегги, Пелюсъ (на островѣ Гохландѣ), С.-Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, Тарасова-Гора (близъ города Опочки), Пожлоцная - Гора (близъ города Великихъ-Луки), Званье.

(близъ города Полоцка), Телятникова (близъ города Витебска). Разность наблюденныхъ и исчисленныхъ широтъ не простира-
лась болѣе 4 секундъ. Широта обсерваторіи Академіи Наукъ
въ С.-Петербургѣ была опредѣлена дважды многократными на-
блюденіями: по первому ряду наблюденій получено $59^{\circ}56'30''01$, по второму $31''46$. Второй результатъ признанъ вѣр-
нѣйшимъ; но по наблюденіямъ, сдѣланнымъ на Пулковской
Обсерваторіи, широта эта должна быть $59^{\circ}56'29''7$, слѣдо-
вательно отъ результата, опредѣленнаго гораздо болѣе, чѣмъ
400 наблюденіями, отклоняется на $1''7$, что доказываетъ труд-
ность получить широту обыкновенными инструментами съ точ-
ностію $1''$, хотя гораздо основательнѣе предположить уклоненіе
отъ вѣсъ къ югу въ С.-Петербургѣ.

Для всѣхъ точекъ триангуляцій: с.-петербургской, псков-
ской, витебской и новгородской, исчислены были сначала пря-
моугольныя координаты, и по нимъ уже исчислены широты и
долготы каждой точки. Осями координатъ приняты меридіанъ
и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Обсерваторію Академіи
Наукъ въ С.-Петербургѣ, имѣющую широты $59^{\circ}56'31''46$ и
долготы отъ Пулкова $0^{\circ}4'17''94$, а отъ Парижа $27^{\circ}57'58''1$ (по
выводу хронометрической экспедиціи). Триангуляціи эти свя-
зываются на сѣверъ съ триангуляціею по Финскому Заливу, про-
изведенною отъ Гидрографическаго Департамента; на западъ
съ триангуляціею и градуснымъ измѣреніемъ академика Струве;
на юго-западъ съ триангуляціею генерала Теннера; на востокъ
съ триангуляціею генерала Тучкова близъ Новгорода. Свѣдѣнія
о триангуляціи по С.-Петербургской, Псковской и Витебской
губерніямъ напечатаны въ Запискахъ Военно-Топографическаго Де-
по: въ I и IV части о наблюденныхъ астрономическихъ широтахъ
и азимутахъ; во II объ измѣреніи базисовъ и угловъ; въ VI
всѣ треугольники 1, 2 и 3 разрядовъ, и наконецъ въ VII ко-
нечные результаты и весь ходъ исчисленій, какъ-то: широты
и долготы (отъ С.-Петербурга), всѣхъ 4,336 тригонометриче-
скихъ точекъ.

2. Могилевская и смоленская тригонометрическая съемка.

Въ 1833 году Высочайше повелѣно было проложить
триангуляцію отъ Могилева и Смоленска до Москвы. Основані-

емъ для этой триангуляціи избрана была линія близъ Смоленска, въ Верховскомъ Приказѣ. Базисъ, приведенный къ морской поверхности, имѣлъ 3,120,430 сажень. Высота мѣстности подъ измѣреннымъ базисомъ определена барометрически. Смоленская и могилевская тригонометрическія съемки составляютъ одну нераздѣльную триангуляцію. Съ базиса, измѣреннаго близъ Смоленска, составлено 192 треугольниковъ 1 класса, 208 треугольниковъ 2 класса и 709 треугольниковъ 3 класса. Этими треугольниками определяется 690 тригонометрическихъ пунктовъ. Астрономически измѣрены широты и азимуты на 12 точкахъ, именно: г. Смоленскъ, Тарасовичи, Алексѣйки, Миренова, Бахатова, Забродье, Пячковичи, Буда, Холмецъ, Никольское, Никитѣ и Жулева. За начальный пунктъ исчисленія широтъ, долготъ и координатъ принята въ г. Смоленскѣ колокольня церкви Николая Чудотворца, имѣющая широту $54^{\circ}46'33''58$, и разность долготъ отъ Пулкова $+ 1^{\circ}43'55''74$, а отъ Парижа $29^{\circ}43'11''79$. Прямоугольныя координаты исчислены, принимая за оси меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Смоленскъ. Изъ этихъ координатъ исчислены широты и разности долготъ всѣхъ точекъ смоленской и могилевской триангуляціи. Средняя разность исчисленныхъ и измѣренныхъ широтъ была до $3''$. Триангуляція соединяется съ тригонометрическими съемками: с.-петербургскою, минскою, московскою, тверскою, калужскою и черниговскою.

3. *Московская тригонометрическая съемка.*

По окончаніи с.-петербургской, новгородской, псковской и витебской триангуляцій, Высочайше повелѣно было, въ 1833 году, продолжать съемку отъ Витебской губерніи до Могилева, Бѣлорусскаго и отъ послѣдняго чрезъ Смоленскъ до Москвы. Чтобы употребить, для скорѣйшаго успѣха этой триангуляціи, большое число отицеровъ и инструментовъ, она была раздѣлена на двѣ триангуляціи, которыя начали работы въ одно и то же время въ Смоленскѣ и Москвѣ, вычисляя каждую работу съ особаго базиса. Для этого измѣрена была близъ Москвы линія, по приведеніи на поверхность моря и къ температурѣ 14° Реомюра, длиною въ 3,505,849 сажень. Высота мѣста, на которомъ измѣренъ базисъ, была выведена изъ ба-

рометрическихъ наблюдений. Съ этого основанія была исчислена вся триангуляція по Московской Губерніи. Дѣйствіями ея сдѣлано треугольниковъ 4 класса 129, 2 класса 148, 3 класса 4, 417; этими треугольниками опредѣляется 1,030 точекъ. Для триангуляціи московской сдѣланы астрономическія наблюденія на точкахъ: Москва, Лапина, Митлева, Рождество, Новоселки, Богородская и Жумева.

Начальнымъ пунктомъ для исчисленія прямоуглыхъ координатъ была принята колокольня Ивана-Великаго въ Москвѣ. Но известнымъ координатамъ были исчислены широты и разности долготъ всѣхъ точекъ московской триангуляціи. Положеніе Москвы было принято: широта $55^{\circ} 44' 54'' 56$, и разность долготъ отъ Пулкова $7^{\circ} 17' 36'' 4$, а отъ Парижа $35^{\circ} 16' 52'' 4$. Эта триангуляція соединяется со смоленскою, калужскою и рязанскою триангуляціями астрономическою съѣткою; сама же служитъ для продолженія тверской. Смоленская и московская триангуляціи кончены въ 1839 году.

4. Тверская тригонометрическая съемка.

По окончаніи московской и смоленской триангуляціи, начата была въ 1840 году, какъ ихъ продолженіе, тверская триангуляція; она окончена и всѣ исчисленія сдѣланы подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова.

5. Крымская тригонометрическая съемка.

Съ 1836 по 1838 годъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шуберта, была произведена триангуляція полуострова Крыма. Отдѣльнымъ ея производителемъ былъ Генеральнаго Штаба полковникъ Обергъ.

6. Тригонометрическая съемка Финскаго Залива.

Съ 1828 года, въ бытность Директоромъ Гидрографическаго Департамента генералъ-лейтенанта Шуберта; замѣчено, что мореходцы съ некотораго времени начали жаловаться на разность, замѣчаемую въ атласахъ Балтійскаго Моря—Сарычева, Спассарьска, Норденшкьера, Климта и другихъ, которые хо-

ти всѣ удобны къ употребленію, но не соответствовали той степени совершенства, на которой находится нынѣ гидрографія. Несогласіе это приписывали тому, что ни одна изъ этихъ картъ не была снята по строгимъ методамъ высшей геодезіи и по одной общей системѣ; но что онѣ, болѣе или менѣе, составлены были изъ частныхъ съемокъ, произведенныхъ различными и отчасти несовершенными инструментами, каковыми съемками исправлялись прежнія карты. Изъ этого заключили (какъ и подтвердилось опытомъ), что всѣ существовавшія карты Балтійскаго Моря, хотя во многихъ частяхъ весьма драгоценны, но въ общемъ объемѣ не представляли точнаго изображенія.

По вступленіи Его Свѣтлости Князя Меншикова въ должность Начальника Главнаго Морскаго Штаба, онъ обратилъ вниманіе на гидрографію русскихъ морей вообще, въ особенности Балтійскаго. По его приказанію, былъ составленъ проектъ для съемки русскихъ береговъ Балтійскаго Моря.

Всѣ его предположенія были Высочайше утверждены 23 марта 1828 года. Базисъ для финской триангуляціи былъ измѣренъ по льду на ревельскомъ рейдѣ два раза, длиною 2252,75 сажень, въ направленіи оптической оси полуденной трубы ревельской обсерваторіи.

Триангуляція простиралась по обѣимъ сторонамъ Финскаго Залива къ Або чрезъ Аландскіе острова до Стокгольма и чрезъ Ревель къ Гапсалу, острову Дагерорту и г. Пернову, причемъ на Аландскихъ островахъ былъ измѣренъ базисъ. Всего треугольниковъ 1-го класса было до 130; 2 класса до 58, а 3 класса около 500. Этими треугольниками опредѣлено 609 точекъ.

Для триангуляціи были сдѣланы астрономическія наблюденія въ Ревель, Мегги-Пелесъ, Дагерортъ, Гельсингфорсъ, Гангъ-Э-Уть, Угъ-Э, Або, Вестершеръ и Стокгольмъ. Для всѣхъ тригонометрическихъ точекъ были исчислены прямоугольныя координаты, а изъ нихъ широта и долгота. Начальнымъ пунктомъ при этихъ исчисленіяхъ была принята ревельская обсерваторія, имѣющая широту $59^{\circ}26'6'',5$, и долготу отъ Пулкова $5^{\circ}32'5'',5$, а отъ Парижа $22^{\circ}27'40'',6$. Финская триангуляція соединяется съ градуснымъ измѣреніемъ въ Гохландъ и на берегахъ Эстляндіи, съ триангуляціею генерала Шуберта по

Финскому Заливу и около Нарвы, съ лифляндскимъ измѣреніемъ въ Перновѣ, съ шведскимъ на Аландскихъ островахъ.

Пространство губерній, гдѣ сдѣланы триангуляціи подъ начальствомъ генерала Шуберта, составляетъ болѣе половины Франціи, или около десятой части Европейской Россіи.

С. подъ начальствомъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта Тучкова.

4. Тверская и новгородская тригонометрическая съемка.

Тверская и новгородская триангуляція составляетъ продолженіе московской, до соединенія ея съ коростынскимъ базисомъ прежней новгородской триангуляціи. Тверская и новгородская сѣтъ имѣетъ треугольниковъ 1 класса 231, 2 класса 237, 3 класса 1,610. Этими треугольниками определяется 1,127 тригонометрическихъ точекъ. Астрономическіе пункты въ этой триангуляціи были: Горбовцы, г. Осташковъ и г. Валдай. Такъ какъ по треугольникамъ, идущимъ отъ московскаго основанія, исчисленный коростынской базисъ имѣлъ весьма малую разность отъ непосредственно-измѣреннаго въ 1824 году, то для тверской и новгородской триангуляціи не было измѣрено повѣрительнаго основанія. Исчисленіе широтъ и долготъ всѣхъ тригонометрическихъ точекъ и азимутовъ сторонъ треугольниковъ 1-го и 2-го класса произведено отъ Москвы.

Для точекъ тверской и новгородской триангуляціи прямоугольныхъ координатъ исчислено не было. Тригонометрическіе пункты на листы, для исправленія атласовъ Тверской Губерніи, въ первый разъ въ 1847 году были нанесены по широтамъ и долготамъ въ сѣтъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ, отъ 5' до 5'. Для этого были исчислены разстоянія каждой точки отъ ближайшаго меридіана и параллели.

По окончаніи тверской и новгородской триангуляціи, начальникъ ея, генералъ-лейтенантъ Тучковъ, сравнивая конечные результаты широтъ тригонометрическихъ точекъ, исчисленныхъ изъ Москвы, съ опредѣленіями астрономическими тѣхъ же точекъ, замѣтилъ, что, при самомъ большемъ согласіи долготъ, полученныхъ хронометрическими экспедиціями и тригонометрическими операціями, исчисленные и наблюденныя широты,

значительно не согласны, и притомъ всѣ точки, исчисленныя отъ Москвы, на 10" меньше наблюденныхъ, что подало поводъ думать о неврѣности широты Москвы; но какъ широта эта, по наблюденіямъ Корпуса Топографовъ капитана Васильева и астрономовъ: профессора Перовщикова, надворнаго совѣтника Струве и Швейцера, была почти одна и та же; то это привело къ заключенію объ уклоненіи отвѣсной линіи въ Москвѣ, о чемъ и было словесно передано Совѣщательному Астроному Военно-Топографическаго Депо, надворному Совѣтнику Струве, который съ ученою цѣлію сообщилъ о познаніи фигуры земли Московскому Университету, а директоръ и астрономы тотчасъ приступили къ необходимымъ наблюденіямъ въ окрестностяхъ Москвы. Результаты этого важнаго изслѣдованія будутъ вѣроятно когда-либо сообщены Русскому Географическому Обществу.

2. Южная часть могилевской тригонометрической съемки.

Смоленская и могилевская триангуляція, подъ начальствомъ генерала Шуберта, оканчивалась къ югу въ Могилевской Губерніи до г. Могилева; остальная же, южная часть—безъ тригонометрическихъ пунктовъ; а потому, по Высочайше одобренному предположенію, была предпринята, въ 1847 году, триангуляція въ южной части Могилевской Губерніи, для связи ея съ начатою, въ 1848 году, черниговскою. Въ южной части Могилевской Губерніи опредѣлено астрономически одинъ пунктъ—Тарасовичи близъ Могилева; сдѣлано до 32 треугольниковъ 1 класса, до 120 треугольниковъ 2 класса и до 200 треугольниковъ 3 класса. Этими дѣйствіями опредѣлено до 450 тригонометрическихъ точекъ, и притомъ триангуляція связана съ черниговскою.

3. Тригонометрическая съемка по Волгѣ.

Генераль Тучковъ, принявъ въ свое начальство тверскую триангуляцію, производившуюся прежде подъ вѣдѣніемъ генерала Шуберта, началъ ее въ Осташковскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ, гдѣ находятся, какъ извѣстно, Валдайскія горы и ис-

токъ рѣки Волги. При этомъ случаѣ онъ замѣтилъ, что, для полноты триангуляцій, необходимо знать, кромѣ широты и долготы, еще третью координату, т. е. взаимныя разности высотъ тригонометрическихъ точекъ (а отсюда и высоту ихъ надъ поверхностію моря), тѣмъ болѣе, что это дѣлается во всей Европѣ, и у насъ дѣлалось съ 1816 года на съемкахъ генерала Теннера. Поэтому съ 1844 года были измѣрены на всѣхъ тригонометрическихъ точкахъ 1 класса зенитальныя разстоянія. Такимъ образомъ найдено, что высота города Осташкова или озера Селигера надъ поверхностію озера Ильменя составляетъ 645 футовъ; вѣдомствомъ же Путей Сообщенія данная высота озера Ильменя 407 футовъ, изъ которыхъ 48 футовъ составляютъ паденіе рѣки Волхова, а 49 футовъ представляютъ разность горизонтовъ Ладожскаго Озера и Финскаго Залива. Отсюда выводится высота озера Селигера надъ поверхностію Финскаго Залива 752 фута. Самое высокое мѣсто около Валдая къ югу — гора Рыжуха — 4024 футъ, около г. Осташкова къ западу — гора Палицы — 4055 футовъ, а къ юго-востоку — Козловица — 4044 фута надъ поверхностію Финскаго Залива. Известно, что Черное Море имѣетъ почти одинаковую высоту съ Балтійскимъ и что Каспійское Море 84 фута ниже горизонта Чернаго; следовательно, рѣка Волга отъ истока до устья имѣетъ 834 фута паденія.

Такъ какъ къ 1848 году соединеніе триангуляцій, идущихъ отъ С.-Петербурга и Москвы къ Новгороду, было окончено; триангуляціи по Бессарабской Области и Царству Польскому производились; къ рекогносцированію Новороссійскаго Края было приступлено, и, сверхъ того, какъ многія губерніи въ 1847 году вдругъ были покрыты достаточнымъ числомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ; то, казалось бы, что самое производство триангуляцій было уже кончено. Тогда Директоръ Военно-Топографическаго Депо, соображая точность военно-топографическихъ съемокъ съ ихъ потребностію, обратилъ вниманіе на проложеніе такихъ триангуляцій, которыя бы, обхватывая большое пространство однимъ рядомъ треугольниковъ, соединялись съ оконченными уже триангуляціями, и тѣмъ самымъ служили бы повѣркой точности какъ самыхъ триангуляцій, такъ и астрономическихъ съѣтъ.

Рѣка Волга была первая избрана для этой цѣли, какъ обнимающая большую часть Европейской Россіи; а потому, въ предположеніяхъ на 1848 годъ, Высочайше утверждено продолженіе триангуляціи отъ Могилева и Москвы по Волгѣ къ Ярославлю. Наблюденія этого года еще не обработаны и никакихъ о томъ подробностей сообщить нельзя. Пространство частей губерній, гдѣ произведены тригонометрическія съемки подъ начальствомъ генерала Тучкова, составляютъ до пятидесятой части Европейской Россіи.

Д. подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Оберга.

Въ 1836 году, по осмотру мѣстности Крымскаго Полуострова подполковникомъ Обергомъ, онъ назначенъ былъ производителемъ этой триангуляціи. Базисомъ было избрано мѣсто близъ города Евпаторіи. Длина этого базиса, по измѣреніи и приведеніи къ поверхности Чернаго Моря и къ $+14^{\circ}$ по Реомюру, была въ 3.676,507 сажень. Съ этого основанія сдѣлано на всемъ полуостровѣ треугольниковъ 1 класса 89, 2 класса 94, а 3 класса 170. Этими дѣйствіями опредѣлено 224 тригонометрическая точка. Астрономическими наблюденіями было опредѣлено 5 пунктовъ, именно: Чуфуть-Кале (близъ г. Бакчисарая), Тете-Оба (близъ г. Осодосіи), Еникале (близъ пролива и недалеко отъ г. Еникаля), Чорюмъ (близъ г. Перекоса) и Булгагъ-Оба (между Евпаторією и Симферополемъ). Повѣрительнаго базиса для триангуляціи измѣрено не было; но ряды треугольниковъ, составляя сомкнутый полигонъ по морямъ Черному, Азовскому и Сивашу, сходятся опять у первоначальнаго базиса. Координаты и по нимъ широты и долготы этой триангуляціи исчислены отъ точки Чуфуть-Кале, имѣющей широты $44^{\circ} 43' 58''$, 79 и долготы отъ Пулкова къ востоку $3^{\circ} 37' 40''$, а отъ Парижа $34^{\circ} 36' 56''$. Крымскою триангуляцією опредѣлены нѣкоторые пункты на противоположномъ берегу Еникальскаго Пролива близъ Тамани, также и самый Тамань.

Опредѣленные высоты тригонометрическихъ точекъ 1 разряда относятся къ Черному Морю.

Крымская триангуляція окончена въ 1838 году.

Высочайшія горы на Крымскомъ Полуостровѣ суть: Кемаль-Агерекъ 715 сажень или 5,007 футовъ, Чатырь - Дагъ 714 сажень или 4,995 футовъ; оба высоты находятся на одномъ непрерывномъ хребтѣ, отъ Симферополя къ южному берегу за Бакчисараемъ.

2. Калужская и тульская тригонометрическая съемка.

По окончаніи триангуляціи Крыма, полковнику Обергу было поручено осмотрѣть мѣстность Калужской и Тульской губерній, съ тѣмъ, чтобы составить примѣрную смѣту и положеніе для производства триангуляціи. Въ 1840 году Высочайше разрѣшено производить тригонометрическую съемку въ Калужской и Тульской губерніяхъ, вслѣдствіе чего былъ измѣренъ, въ 1843 году, базисъ близъ города Болхова Орловской Губерніи, длиною въ 3,990 сажень; базисъ этотъ былъ приведенъ къ поверхности московскаго базиса посредствомъ геодезическаго нивелированія; но, доведя эту триангуляцію чрезъ орловскую и черниговскую триангуляціи до кіевской, можно получить повѣрку относительно приведенія базиса къ поверхности горизонта. Калужская и тульская триангуляціи окончены въ 1847 году. Дѣйствиємъ ихъ сдѣлано въ Калужской Губерніи треугольниковъ 1-го класса 116, 2-го класса 858, а 3-го класса 979. Въ Тульской Губерніи треугольниковъ 1-го класса 86, 2-го класса 835 и 3-го класса 966. Всего определено въ Калужской Губерніи точекъ 1-го класса 76, 2-го класса 215, а 3-го класса 282; въ Тульской Губерніи — точекъ 1-го класса 64, 2-го класса 254, а 3-го класса 326. Начальнымъ пунктомъ былъ городъ Болховъ Орловской Губерніи. Триангуляція соединяется съ московскою, смоленскою и орловскою триангуляціями астрономическою сѣтью. Въ 1848 году триангуляція эта продолжается чрезъ Орловскую Губернію въ Черниговскую, и продолжается повинъ до соединенія съ кіевскою триангуляціею.

3. Черниговская тригонометрическая съемка.

Предположеніемъ о геодезическихъ работахъ на 1848 годъ Высочайше разрѣшено: по окончаніи тульской триангуляціи, продолжать триангуляцію калужскую по Орловской Губерніи въ Черниговскую, до соединенія съ Кіевскою. Черниговская

триангуляція, начата въ 1848 году, продолжается въ разныхъ уѣздахъ губерній.

Пространство губерній, гдѣ произведены триангуляціи подѣ начальствомъ полковника Оберга, составляетъ около тридцатой части всей Европейской Россіи.

Е. тригонометрическое измѣреніе новороссійскаго края.

До 1848 года губерніи Херсонская и Екатеринославская, не будучи покрыты тригонометрическою сѣтью, составляли замѣтный промежутокъ между оконченными триангуляціями: кievскою, крымскою и бессарабскою; поэтому въ 1848 году, по Высочайше одобренному представленію, было поручено генералъ-маіору Вронченко рекогносцировать Новороссійскій Край, для составленія проекта и смѣты къ производству тамъ триангуляціи.

При осмотрѣ Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній, предположено провести 7 главныхъ рядовъ треугольниковъ, числомъ до 220, которые бы служили для соединенія этой триангуляціи съ таковыми же: бессарабскою, кievскою, крымскою и съ астрономическими сѣтями харьковскою и Земли Войска Донскаго. О производствѣ этого измѣренія, производящагося съ особенною быстротою, я постараюсь сообщить когда-нибудь Русскому Географическому Обществу.

Г. тригонометрическая съемка закавказскаго края.

Гористая страна Закавказскаго Края представляетъ удобство для проведенія триангуляціи. Тригонометрическія и астрономическія работы, подѣ начальствомъ Генеральнаго Штаба полковника Ходзько, начаты тамъ въ 1846 году, и въ 1847 году измѣренъ шамхарскій базисъ длиною въ 4.296,411 сажень; сдѣлано 29 треугольниковъ 4-го класса; опредѣлены нѣкоторые астрономическіе пункты въ путешествіе съ хронометрами; опредѣлены положенія и высоты горъ Казбека и Арарата точными наблюденіями. Стороны треугольниковъ, опредѣляющихъ горы Араратъ, болѣе 100 верстъ, а стороны треугольниковъ, опредѣляющихъ Казбекъ, болѣе 150 верстъ.

Въ нынѣшнемъ году производится триангуляція по рѣкѣ Араксу къ сѣверу. Такъ какъ триангуляція еще не окончена,

то и не известны подробности, которыя, по окончаніи, должны составить любопытное чтеніе въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества. Измѣряемыя взаимныя зенитныя разстоянія столь значительныхъ горъ, какъ Эльбрусъ, Казбекъ, Араратъ и другихъ, послужатъ къ опредѣленію постоянныхъ коэффициентовъ земной рефракціи, которые доселѣ были выведены изъ наблюденій въ мѣстахъ, не столь возвышенныхъ.

Г Л А В А II.

О ГЕОДЕЗИЧЕСКИХЪ РАБОТАХЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ПОДЪ ВѢДѢНІЕМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. ЛИФЛЯНДСКОЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЕ И ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗМѢРЕНІЕ.

Лифляндское измѣреніе произведено въ 1816, 1817 и 1818 годахъ отъ Дерптскаго Университета профессоромъ (нынѣ Директоромъ Главной Обсерваторіи) Струве. Триангуляція эта, долженствуя служить основаніемъ атласа Лифляндскаго Экономическаго Общества, была сдѣлана секстантомъ, какъ удобнѣйшимъ изъ инструментовъ, находившимся тогда въ математическомъ кабинетѣ Университета; но согласіе ея сторонъ съ общими сторонами градуснаго измѣренія въ Лифляндіи и триангуляцій псковской и балтійской, доказываютъ, что при тщаніи можно наблюдать хорошо и посредственными, даже неудобными къ тому инструментами.

Базисомъ для триангуляціи служила линія въ 6844,92 туаза, или въ 6252,93 сажень, непосредственно - измѣренная приборомъ, состоящимъ изъ пяти деревянныхъ брусковъ, на Озерѣ Вирцярвѣ. Весь базисъ находился на восточной сторонѣ озера, между деревнями Уникюль, принадлежащею мызѣ Ранденъ, и Кубія, принадлежащею мызѣ Вальгута. Нормальною мѣрою для брусковъ былъ желѣзный туазъ работы Леннеля. Вся триангуляція имѣла треугольниковъ 2 и 3 класса 313. Этими дѣйствіями было опредѣлено 292 пункта. Сверхъ того, была произведена астрономическая и тригонометрическая съѣтъ по восточному берегу Рижскаго Залива,

отъ Риги до Пернова. На этомъ пространствѣ опредѣлено 13 пунктовъ. Близъ города Пернова былъ измѣренъ базисъ, съ котораго, въ окрестностяхъ этого города, произведена также особая триангуляція. Всего же опредѣлено 325 тригонометрическихъ точекъ.

Согласіе результатовъ съ близлежащими было слѣдующее:

		широта.	долгота.
Рига, Кирка домъ.	Струве	56°56'59"6	41°45'53"
	Теннера	59,0	53
Перновъ, цер. Св. Екатерины	Струве	56°23' 2"9	43° 9'43"
	Врангеля	5,6	37
Добарскальнъ, пирамида.	Струве	56°35' 5"8	43°21'40"
	Шуберта	3,8	44
Мунналеги, пирамида	Струве	56°42'52"4	44°43'38"
	Шуберта	51,2	37

Замѣтное противъ другихъ, хотя въ сущности и незначительное, несогласіе въ результатъ долготы города Пернова произошло отъ измѣренія по восточному берегу Рижскаго Залива; ибо тамъ астрономическія наблюденія были произведены секстантомъ, что для 13 опредѣленныхъ пунктовъ, отъ погрѣшностей въ азимутахъ и широтахъ, легко могло составить до 70 сажень. Но если предположимъ, что въ триангуляціи по Финскому Заливу, простирающейся отъ Ревеля до Пернова слишкомъ на 200 верстъ, находятся погрѣшности, то остается самое большее несогласіе до 40 сажень.

Кромѣ опредѣленія широты, долготы и координатъ 325 точекъ въ Лифляндіи, сдѣлано также опредѣленіе высотъ надъ поверхностію моря 280 точекъ. Эти послѣдніе результаты были такъ удовлетворительны, что, по сравненіи ихъ съ результатами высотъ лифляндскаго градуснаго измѣренія, оказалась средняя разность въ 8 дюймовъ. Результаты этой триангуляціи изданы въ 1844 году на нѣмецкомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ, томъ IV.

При исчисленіи координатъ этой триангуляціи, началомъ принята произвольная точка, имѣющая широты 56° 30'51,"51 и долготы отъ Дерпта 1° 17' 46,"50. Точка эта не со-

отвѣтствовала никакому опредѣленному мѣсту въ триангуляціи, но широта принадлежала мѣстечку Крейзбургу; а меридіанъ имѣлъ разность долготъ отъ Дерпта $1^{\circ} 17' 46'' 5$ къ западу или $43^{\circ} 5' 28'' 5$ къ востоку отъ перваго меридіана.

В. градусное измѣреніе въ остзейскихъ провинціяхъ.

Измѣреніе градусовъ широты по дерптскому меридіану въ Остзейскихъ провинціяхъ было предпринято въ 1821 году, съ Высочайшаго соизволенія, бывшимъ Директоромъ Дерптской Обсерваторіи Струве. Работы продолжались до 1830 года. Это измѣреніе столь извѣстно ученому свѣту, по его точности, что излишне бы было о немъ говорить; но, для полноты предпринятаго описанія, сообщаемъ нѣкоторыя общія его основанія.

Базисъ, или начальная непосредственно-измѣренная линія для этой важной работы, была къ сѣверу отъ Дерпта, между деревнями Вайбиферъ и Катко. Разстояніе, приведенное къ горизонту моря и къ температурѣ $+14^{\circ}$, было 2315,131 туаза, или 2,114,906 сажень. Отъ этой линіи была распространѣна, въ выгодномъ по возможности расположеніи, сѣтъ треугольниковъ около меридіана, идущаго чрезъ Дерптскую Обсерваторію. Сѣтъ была доведена съ южной стороны къ Двинѣ до г. Якобштата, а къ сѣверу до острова Гохланда на Финскомъ Заливѣ. Все протяженіе меридіана было $3^{\circ} 35' 5'' 209$ или 204819,554 туаза. Не входя въ любопытныя подробности о самомъ производствѣ и инструментахъ, скажемъ только, что всего было въ градусномъ измѣреніи 33 треугольника по порядку въ главной сѣти и 7 треугольниковъ для связи съ нею нѣкоторыхъ точекъ, какъ-то: концовъ базиса и другихъ. Этими треугольниками опредѣлено 32 главныя точки, для которыхъ исчислены были изъ Дерптской Обсерваторіи полярныя координаты въ туазахъ *.

По этимъ координатамъ были исчислены длины двухъ дугъ меридіановъ, которые суммою своею дали цѣлую длину между

* Хотя спеціально занимающіеся геодезическими работами извѣстно значеніе полярныхъ координатъ: но не излишне будетъ сказать, что полярными координатами опредѣляются точки, если разстоянія до нея отъ какой-либо главной точки извѣстны и притомъ дано положеніе этого разстоянія относительно линіи, постоянно проведенной чрезъ главную точку.

Якобштатомъ и Гохландомъ. Сличая линейную длину дугъ между Якобштатомъ и Дерптомъ, и между Дерптомъ и Гохландомъ (Мегги-Пелюсъ) съ числомъ градусовъ этихъ дугъ, полученныхъ изъ астрономическихъ наблюдений, выведены длины каждого градуса меридіана для этого протяженія. Любопытныя и важныя для Географическаго Общества подробности о градусныхъ измѣреніяхъ выходятъ изъ круга нашего описанія. Это градусное измѣреніе соединяется съ литовскимъ генерала Теннера при Якобштатѣ. О согласіи результатовъ этого соединенія было упомянуто выше, въ описаніи гродненской триангуляціи. Оно соединится также со съемками генерала Шуберта въ Лифляндіи, на сигналахъ Ленардъ и Гайзекальне, и въ Финскомъ Заливѣ у острова Гохланда. Кромѣ вывода длины градусовъ меридіана, бдительный наблюдатель не оставилъ безъ вниманія, при этихъ многотрудныхъ занятіяхъ, опредѣлить высоты всѣхъ точекъ сѣти градуснаго измѣренія надъ поверхностію Балтійскаго Моря, а увлекаясь наукою, ученый производитель вывелъ изъ взаимныхъ опредѣленій разности высотъ точекъ постоянные факторы, употребляемые при земной рефракціи.

Я не дозволяю себѣ сравнивать эти работы даже съ лучшими европейскими; но могу замѣтить, что, если сдѣланныя уже наблюденія, отъ Нордъ-Капа до Измаила или почти отъ Ледовитаго Моря до Чернаго, будутъ также счастливо окончены, какъ и описанное градусное измѣреніе, то они заслужатъ благодарность грядущаго потомства и будутъ прекраснымъ памятникомъ современной дѣятельности.

Описаніе этого градуснаго измѣренія посвящено Государю Императору и было издано, въ 1831 году, въ Дерптѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

С. градусное измѣреніе въ Финляндіи.

Окончивъ градусное измѣреніе въ Остзейскихъ провинціяхъ, г. Струве, по Высочайше одобренному, въ 1830 году, предположенію приступилъ къ продолженію градуснаго измѣренія по Финляндіи, начиная отъ острова Гохланда. Сначала были измѣряемы только углы, а потомъ, въ 1843 и 1845 годахъ, измѣрены два базиса: первый къ сѣверу отъ г. Ловизы

въ кирхшпилъ Елимъ, а второй близъ г. Улеборха. Вся часть этого измѣренія отъ острова Гохланда до г. Торнео имѣетъ 76 треугольниковъ, служащихъ къ опредѣленію дуги въ $5^{\circ} 46'$ съ секундами. Это измѣреніе продолжено шведскимъ правительствомъ до Ледовитаго Моря. Еще не исчислены всѣ результаты, а потому прочихъ любопытныхъ подробностей не сообщаемъ.

Д. каспійская экспедиція между чернымъ и каспійскимъ морями.

По случаю несогласія въ результатахъ ученыхъ, опредѣлявшихъ барометрически разность высотъ между уровнями Чернаго и Каспійскаго морей, снаряжена была, въ 1836 году, отъ Академіи Наукъ, по представленію г. Струве, экспедиція въ Дерптъ, изъ астрономовъ: Фуса, Заблера и Савича, которые, въ теченіе 1836 и 1837 годовъ, окончили свои дѣйствія.

Кромѣ главнаго вывода пониженія Каспійскаго Моря на 84 русскихъ футовъ противъ Чернаго (что найдено помощію трехъ независимыхъ одно отъ другаго геодезическихъ нивелированныхъ), опредѣлены были тригонометрически всѣ деревни и нѣкоторыя примѣчательныя урочища, лежащія по направленію большой дороги, идущей чрезъ часть Екатеринославской Губерніи, Землю Войска Донскаго и Кавказскую Область; также опредѣлены астрономически изъ этихъ пунктовъ по широтѣ и долготѣ географическое положеніе главнѣйшихъ вершинъ Кавказа и высоты ихъ надъ поверхностію Чернаго Моря, что доставить, можетъ быть, пользу для физической географіи. Изданное описаніе этой экспедиціи содержитъ всѣ подробности, относящіяся къ измѣренію: какъ разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей, такъ и руководство для употребленія нѣкоторыхъ постоянныхъ величинъ при исчисленіи земной рефракціи; кромѣ того, широты, долготы и высоты 32 точекъ, лежащихъ на протяженіи отъ Новочеркаска до Кизляра. Въ описаніи помѣщены высоты горъ: Бешетау 4589 футовъ или 6,556 сажень, западной вершины Эльбруса 18,514 футовъ или 2,645 сажень, и Казбека 16,545 футовъ или 2,363 сажени.

ГЛАВА III.

О ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ РАБОТАХ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ ВЪ
ВѢДѢНІИ МИНИСТЕРСТВЪ, ВОЕННАГО И НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕ-
НІЯ, И РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Астрономическія спити.

Открытая гористая мѣстность, имѣющая вблизи роши и лѣса, годные для постройки, есть самая удобная для производства тріангуляцій. Сверхъ того, пограничныя губерніи, требующія твердыхъ основаній для подробныхъ топографическихъ съемокъ, должны быть непременно покрыты точными тригонометрическими сѣтями. Но въ мѣстахъ лѣсистыхъ и плоскихъ почти невозможно производить тригонометрическія работы, какъ напримѣръ: въ сѣверной части губерніи Новгородской, Олонецкой и другихъ. Поэтому для лѣсистыхъ губерній, лежащихъ внутри государства, Начальство Генеральнаго Штаба всегда имѣло въ виду, по окончаніи тріангуляцій на западъ и югъ, приступить къ производству покрытія астрономическими сѣтями тѣхъ мѣстъ лѣсистыхъ губерній, гдѣ невозможно, безъ огромныхъ издержекъ, произвести тріангуляціи. Хотя пункты, полученные скорыми астрономическими наблюденіями, иногда не представляютъ потребной точности топографическихъ и экономическихъ съемокъ, но они почти всегда удовлетворительны для составленія картъ, даже специальныхъ.

Принявъ во вниманіе сказанныя обстоятельства и имѣя въ виду, что точныя тріангуляціи требуютъ несравненно болѣе времени и издержекъ, нежели составленіе астрономическихъ сѣтей, Русское Географическое Общество, чтобы исправить и составить губернскіе атласы, могущіе служить лучшими матеріалами для специальныхъ картъ, предложило, въ 1846 году, для сокращенія времени, употребить способъ астрономическихъ наблюденій въ губерніяхъ, непокрытыхъ тріангуляціями. Это предложеніе было принято Начальствомъ Генеральнаго Штаба и Главнымъ Начальникомъ Межеваго Корпуса. Вслѣдствіе чего, въ 1847 году были предприняты хронометрическія экспедиціи, для наполненія астрономическими пунктами губерній: Владимир-

ской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской и Земли Войска Донского, которые съ успѣхомъ почти всѣ уже и окончены. Здѣсь слѣдуетъ краткое обозрѣніе этихъ экспедицій, а также двухъ экспедицій, совершенныхъ по предложенію Генеральнаго Штаба астрономомъ Пулковской Обсерваторіи, надворнымъ совѣтникомъ Струве.

А. ВОЛШІЯ ХРОНОМЕТРИЧЕСКІЯ ЭКСПЕДИЦІИ АСТРОНОМА НАДВОРНАГО СОВѢТНИКА СТРУВЕ.

Въ 1842 году, пулковскій астрономъ надворный совѣтникъ Струве посланъ былъ отъ Главной Пулковской Обсерваторіи въ г. Липецкъ Тамбовской Губерніи, для наблюденія тамъ 26 іюня полного солнечнаго затмѣнія. Снабженный всеми потребными инструментами для наблюденій времени и широты, и 12 хронометрами, астрономъ, во время 36-дневнаго путешествія, опредѣлилъ положеніе городовъ: Новгорода, Москвы, Рязани, Липецка, Воронежа и Тулы. Сверхъ того, это путешествіе устранило всякое сомнѣніе относительно перевозки хронометровъ сухимъ путемъ, даже на большихъ разстояніяхъ, для точнаго опредѣленія долготы мѣстъ.

Эти результаты подали поводъ Начальству Генеральнаго Штаба предложить Директору Главной Пулковской Обсерваторіи опредѣлить инструментами обсерваторіи нѣсколько астрономическихъ пунктовъ, лежащихъ на линіяхъ, соединяющихъ три точки: Пулково, Москву и Варшаву, и чрезъ то доставить независимую повѣрку долготамъ, получаемымъ триангуляціями и хронометрическими экспедиціями.

Когда это предположеніе было Высочайше утверждено, то Директоръ Главной Пулковской Обсерваторіи счелъ необходимымъ сначала опредѣлить точнѣе долготу самого Пулкова, ибо не надежно было бы избрать за начальный пунктъ долготы неопредѣленный точно, относительно главныхъ европейскихъ обсерваторій.

По представленію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, было Высочайше утверждено совершить двѣ хронометрическія экспедиціи въ 1843 году между Невой и Эльбою, для опредѣленія разности долготъ С.-Петербурга и Альтоны, а въ 1844

году между Эльбою и Темзою, для соединенія разностию долготъ Альтоны и Гринвича. Получивъ эти результаты, съ величайшею, неслышанною прежде точностію, до нѣсколькихъ сотыхъ долей секунды во времени, можно было приступить къ производству работъ, предложенныхъ Генеральнымъ Штабомъ, внутри Россіи. Описаніе этихъ экспедицій выдано въ 1844 и 1846 годахъ.

Въ 1845 году было произведено соединеніе Пулкова съ Москвою и Варшавою, подъ начальствомъ астронома Пулковской Обсерваторіи, надворнаго совѣтника Струве. Съ 16 мая по 19 іюня съ 40 хронометрами совершено было 8 путей между Пулковымъ, Валдаемъ и Москвою.

Въ томъ же году, отъ начала іюля до 1 сентября, хронометрическою экспедиціею сдѣлано еще 8 путей съ 40 хронометрами, между Пулковымъ, Вилькомиромъ и Варшавою.

Хронометрическими экспедиціями въ 1845 году были опредѣлены разности долготъ Москвы, Валдая, Вилькомира и Варшавы отъ Пулковской Обсерваторіи.

Въ 1846 году, подъ начальствомъ того же астронома, была сдѣлана южная хронометрическая экспедиція, между Москвою и Варшавою чрезъ Николаевъ.

Отправившись 20 іюня съ 40 лучшими хронометрами изъ Москвы чрезъ Николаевъ, астрономъ Струве прибылъ 11 іюля въ Варшаву. Во время этого путешествія опредѣлено было, кромѣ Николаева, положеніе Харькова, Кіева и Житомира.

Іюля 16 экспедиція отправилась обратно изъ Варшавы чрезъ Николаевъ въ Москву, куда и достигла 9 августа. На обратномъ пути опредѣлено положеніе Одессы, Кременчуга, Полтавы, Орла и во второй разъ Харькова. 14 августа экспедиція возвратилась въ Пулково.

Хронометрическою экспедиціею въ 1846 году были опредѣлены по широтѣ и долготѣ: Житомиръ, Полтава, Кіевъ, Одесса, Николаевъ, Кременчугъ, Харьковъ и Орель.

Всѣ любопытныя подробности объ этихъ экспедиціяхъ будутъ сообщены въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ.

Не входя въ численные выводы широтъ и долготъ опредѣленныхъ этими экспедиціями точекъ, любопытно упомянуть о согласіи между разностями долготъ Москвы и Пулкова, кото-

рыя выведены изъ триангуляцій, произведенныхъ подъ начальствомъ генераловъ Шуберта и Тучкова.

долгота отъ Пулкова.

1) Подъ начальствомъ генерала Шуберта (триангуляціями: с.-петербургскою, псковскою, витебскою, могилевскую, смоленскую и московскою) 7°14'36,"6.

2) Подъ начальствомъ генерала Шуберта (триангуляціями: с.-петербургскою, псковскою, и новгородскою:) и генерала Тучкова (триангуляціями тверскою и новгородскою) 7°14'34,"0.

среднее 35"3.

3) По опредѣленію астронома Струве (сына) (экспедиціею 1845 года). 7°14'34,"1.

Разность 4,"2 въ дугѣ, или 10 сажень, на разстояніи 600 верстъ, достаточно показываетъ чрезвычайную точность работъ хронометрическихъ и въ особенности тригонометрическихъ. •

В. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ СѢТЬ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРОМЪ ВРОНЧЕНКО.

Въ 1847 году, по представленію Русскаго Географическаго Общества, Высочайше утверждено: сдѣлать астрономическую сѣть губерній: Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Орловской. Членъ Общества, дѣйствительный статскій советникъ Вронченко (нынѣ генераль-маіоръ) принялъ на себя эту обязанность и выполнилъ лично съ желаемымъ успѣхомъ.

По надлежащемъ совѣщаніи съ Директоромъ Главной Пулковской Обсерваторіи и Начальникомъ Межеваго Корпуса, М. П. Вронченко получилъ, для производства работъ, 8 отличныхъ хронометровъ, астрономическій теодолитъ и два барометра. Ко времени его отправленія, Главный Начальникъ Межеваго Корпуса, желая воспользоваться этимъ случаемъ, съ согласія М. П. Вронченко, прикомандировалъ къ нему двухъ старшихъ землеѣрныхъ помощниковъ для наблюденій въ каждомъ уѣздномъ городѣ съ избраннаго пункта азимутовъ

замѣчательныхъ зданій (что впоследствии можетъ служить къ самому вѣрному опредѣленію отклоненія магнитной стрѣлки отъ меридіана); причемъ они могли приучиться и къ другимъ астрономическимъ наблюденіямъ. Для наблюденія азимутовъ, былъ взятъ малый универсальный инструментъ и карманный хронометръ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 года, М. П. Вронченко отправился въ Москву и оттуда по вышеупомянутымъ губерніямъ. Основными для долготъ точками этой хронометрической экспедиціи были Москва и Орелъ; сверхъ того, главными точками были Владиміръ, Рязань, Липецкъ, Козловъ и Тамбовъ, опредѣленные прежде. Всего опредѣлено астрономически, въ Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Орловской губерніяхъ, 70 точекъ. Широты ихъ вычислены самимъ наблюдателемъ; долготы же, по случаю откомандированія генераль-маіора Вронченко для исполненія другого порученія, были переданы въ Главную Пулковскую Обсерваторію. Всѣ исчисленія по этому предмету нынѣ уже окончены.

Эта астрономическая сѣть связывается общими пунктами съ подобными ей сѣтями, произведенными подполковникомъ Леммомъ въ Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ. Согласіе результатовъ слѣдующее:

	широта	Отъ Пулкова долгота.
г. Новохоперскъ у генерала Вронченко	51.° 5.57,"7.	11.°18.45,"0.
— - подполковника Лемма	55, 5.	48, 0.
— Борисоглѣбскъ у генерала Вронченко	51. 21. 56, 2.	11. 44. 24, 3.
— - подполковника Лемма	54, 5.	20, 85.

Сверхъ того, эта сѣть соединяется съ московскою и калужскою триангуляціями. Результаты еще не сравнены и потому о согласіи не извѣстно. Сравненіе результатовъ астрономическихъ и тригонометрическихъ бываетъ интересно, по различію въ точности тригонометрическихъ и астрономическихъ дѣйствій.

С. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ РАБОТЫ, ПРОИЗВЕДЕННЫЯ КОРПУСА ТОПОГРАФОВЪ
ПОДПОЛКОВНИКОМЪ ЛЕММЪ.

1. *Астрономическая съѣзды Земли Войска Донскаго.*

По представленію Генераль-Квартирмейстера генераль-адъютанта Берга, Высочайше повелѣно произвести астрономическія наблюденія въ Землѣ Войска Донскаго, для чего былъ назначенъ астрономъ Корпуса Топографовъ подполковникъ Леммъ.

По надлежащемъ совѣщаніи съ Директоромъ Главной Пулковской Обсерваторіи, въ іюнѣ 1847 года, подполковникъ Леммъ, снабженный шестью хронометрами, астрономическимъ теодолитомъ, барометромъ и другими предметами, нужными для астрономическихъ наблюденій, отправился въ г. Харьковъ, а оттуда, по предварительному плану, въ Воронежъ и обратно въ Харьковъ, въ Новочеркасскъ, по Землѣ Войска Донскаго, дважды въ Сарепту и дважды въ Воронежъ, опредѣляя на пути разныя точки. Всего было опредѣлено этою экспедиціею 70 пунктовъ. Главными основными точками для долготъ были: Харьковъ, Воронежъ, Новочеркасскъ и Сарепта. Съѣзды связывались съ сѣтями, произведенными дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вронченко въ Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ, съ сѣтью харьковскаго профессора Шидловскаго въ Харьковъ, Воронежъ и Новочеркасскъ, и съ опредѣленіемъ астрономовъ каспійской экспедиціи въ Новочеркасскъ.

Согласіе результатовъ было слѣдующее:

Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ были выше:

	широта.	Отъ Харькова. долгота.
Новочеркасскъ у подполковника Лемма	47°24'46"0	3°52'27"75
у профессора Шидловскаго		30,"90
у астрономовъ каспійской экспедиціи	47°24'34,"9.	

Результаты этой сѣти исчислены и уже употреблены къ составленію оригиналовъ для военно-топографической карты Россіи.

2. *Астрономическая съѣзды северныхъ частей Новгородской Губерніи.*

Обращая вниманіе на важность геодезическихъ работъ въ западныхъ и южныхъ частяхъ Россіи, Генераль-Квартирмейстеръ, генераль-адъютантъ Бергъ, по представленію Директора Военно

Топографическаго Депо, генералъ-лейтенанта Тучкова, исходатайствовалъ, въ 1848 году, Высочайшее разрѣшеніе производить триангуляцію въ Новороссійскомъ Краѣ, какъ составляющемъ необходимое звѣно непрерывной цѣпи триангуляцій, которыя обхватываютъ Россію съ западной и южной сторонъ, отъ Ботническаго Залива до береговъ Каспійскаго Моря. Потомъ, озабочиваясь составленіемъ вѣрныхъ съемокъ и картъ внутреннихъ губерній, Директоръ Военно-Топографическаго Депо не преминулъ, какъ уже выше упомянуто, немедля привести въ исполненіе составленный давно проектъ опредѣлить сколь возможно болѣе астрономическихъ пунктовъ въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ невозможно, безъ огромныхъ издержекъ, производить триангуляцію.

Для этого избрана была Новгородская Губернія, лѣсистая въ сѣверныхъ частяхъ и совершенно неудобная къ производству тригонометрическаго измѣренія. Въ томъ же 1848 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначенъ былъ астрономъ Корпуса Топографовъ подполковникъ Леммъ для составленія астрономической сѣти въ Новгородской Губерніи. Снабженный 8 хронометрами, астрономическимъ теодолитомъ, барометромъ и нѣкоторыми другими мелкими инструментами, онъ отправился, въ іюнѣ, изъ Пулкова въ Новую Ладогу и потомъ въ Новгородскую Губернію, избравъ основными точками для долготъ Пулковскую Обсерваторію, Устюжцу, Боровичи, Тихвинъ, Кириловъ и Вологду; первый двѣ точки принадлежать къ тверской и новгородской триангуляціи. Всего опредѣлено 43 пункта, въ томъ числѣ губернскій городъ Вологда. Въ сентябрѣ астрономъ возвратился въ С.-Петербургъ, и исчислилъ широты и долготы изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій.

d. астрономическая сѣть владимірской губерніи, произведенная московскимъ профессоромъ драшусовымъ.

Профессоръ Драшусовъ, имѣя 6 хронометровъ, два пассажные инструмента, барометръ и прочіи принадлежности для астрономическихъ наблюденій, опредѣлилъ, въ три поѣздки изъ Москвы, основный пунктъ Владиміръ, а къ путешествія съ хронометрами отъ этого пункта еще опредѣлилъ 6 городовъ Владимірской Губерніи. Городъ Владиміръ есть общій пунктъ, принятый за основаніе сѣти генерала Вронченко.

*

Е. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ СѢТЬ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ВОРОНЕЖСКОЙ, ПОЛТАВСКОЙ, ХАРЬКОВСКОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ КУРСКОЙ.

Въ 1847 и 1848 годахъ по губерніямъ Воронежской, Харьковской и южной части Курской предположено определить астрономически до 30 точекъ, въ томъ числѣ города: Воронежъ, Харьковъ и Новочеркасскъ. Работы произведены харьковскимъ профессоромъ Шидловскимъ съ 6 хронометрами и астрономическимъ теодолитомъ. Сѣть связывается съ астрономическою сѣтью подполковника Лемма въ Воронежъ, Харьковъ и Новочеркасскъ. Главною основною точкою для долготъ былъ городъ Харьковъ. Всего определено было 39 точекъ.

Г. УГАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Въ 1847 году Русскимъ Географическимъ Обществомъ была снаряжена Геологическо-Географическая Экспедиція къ Северному Уралу; членами ея были: полковникъ Гофманъ, майоръ Стрижевскій, магистръ Ковальскій и естествоиспытатель Брандтъ; при нихъ находились топографы Военнаго Вѣдомства Юрьевъ и Брагинъ, и нѣсколько чернорабочихъ. Членъ экспедиціи, магистръ Ковальскій, въ продолженіе 1847 и 1848 годовъ, определялъ по географическому положенію до 180 пунктовъ; главными точками при опредѣленіи долготъ были избраны: г. Чердынь, Оранецъ, Пустозерскъ, Березовъ, Обдорскъ и другія. Долгота нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ была определена лунными кульминаціями и закрытіями звѣздъ. Полное описаніе экспедиціи будетъ обнародовано въ самомъ не продолжительномъ времени.

Примчаніе 1. О вѣстьхъ прочихъ экспедиціяхъ, служащихъ къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ, было сообщено въ «Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи», напечатанномъ въ первой книжкѣ Записокъ Русскаго Географическаго Общества.

Примчаніе 2. Вѣсьми астрономическими и тригонометрическими дѣйствіями опредѣлено въ Россіи до 40,000 точекъ по географическому положенію; изъ нихъ до 6,000 постоянныхъ, а прочія суть знаки, служащія для наблюденій.

По окончаніи всѣхъ описанныхъ важнѣйшихъ геодезическихъ работъ, можно будетъ ожидать, что занятія эти тѣмъ же порядкомъ будутъ продолжаться постепенно по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ Европейской и Азіатской Россіи, пролагая въ открытыхъ и гористыхъ мѣстахъ тригонометрическія, а въ лѣсистыхъ мѣстахъ астрономическія сѣти. Въ губерніяхъ же, покрываемыхъ триангуляціями, будутъ постоянно производиться военно-топографическія съемки. Между тѣмъ, основанныя на астрономическихъ сѣтяхъ съемки Межеваго Корпуса, принятія для исправленія межевыхъ атласовъ, скоро доставятъ матеріалы, достаточныя къ составленію спеціальной карты тѣхъ губерній, гдѣ еще не произведено военно-топографическихъ съемокъ.

Сообразивъ огромность пространства, на которомъ производились въ Россіи измѣренія, быстроту и точность работъ, должно согласиться, что у насъ сдѣлано для пользы наукъ и государства въ этомъ отношеніи такъ много, что прочимъ образованнымъ народамъ остается только завидовать нашей деятельности.

НѢСКОЛЬКО

КЛИМАТИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ ГОРОДУ ХАРЬКОВУ.

Статья Профессора Императорскаго Харьковскаго Универси-

тета *В. И. Лапина.*

Харьковская Губернія причисляется къ южнымъ губерніямъ Европейской Россіи, отличающимся благораствореннымъ климатомъ. Но свѣдѣній о различныхъ обстоятельствахъ, которыми съ точностію опредѣляются климатическія отношенія данной мѣстности, нѣтъ не только о цѣлой губерніи, но даже и о городѣ Харьковѣ. Имя Харькова до сихъ поръ не внесено въ списокъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ средняя годичная температура извѣстна. Я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ, и съ 1844 года началъ производить метеорологическія наблюденія въ Харьковѣ. Сообщаемыя нынѣ мною свѣдѣнія, будучи извлечены изъ слишкомъ краткаго 8-лѣтняго періода наблюденій, заключаютъ ближайшіе только, средніе метеорологическіе выводы, которые послужатъ началомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій періодическихъ и не періодическихъ перемѣнъ, отличающихъ климатъ Харькова и всей окрестной страны.

Примѣчаніе.

Широта Харькова 50° 0' 10"

Долгота отъ Гринича 2° 24' 53" 5

Эти данныя заимствованы изъ хронометрической экспеди-
ціи пулковской.

Температура по R.

Показанія барометра сведены къ

13 $\frac{1}{2}$ R., и считаются полулиніями
англ.

Счетъ времени по новому стилю.

Сокращенныя названія вѣтровъ: O—восточный.

W—западный.

Сообразно съ этимъ и другіе,
какъ-то:

NO—сѣверо-восточный.

NW—сѣверо-западный.

SO—юго-восточный.

SW—юго-западный.

А. ТЕМПЕРАТУРА.

Т А Б Л И Ц А 1,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНІЯ ТЕМПЕРАТУРЫ * КАЖДАГО МЯСЯЦА И ГОДА ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1841 — 1848.

мѣсяцы.	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1841—1848	разность меж- ду макс. и мин.
январь .	— 6.**	— 9.40	— 4.57 ***	— 4.88	— 6.02	— 4.53	— 7.61	— 12.88	— 6.91	— 6.91
февраль .	— 12.36	— 4.33	2.09	— 1.12	— 9.03	— 3.23	— 2.39	— 2.49	— 4.11	.
мартъ .	— 3.06	— 0.40	0.49	— 1.29	— 3.08	0.72	— 2.87	0.90	— 1.07	.
апрѣль .	5.38	3.45	5.67	3.04	5.05	6.43	6.12	40.23	5.67	.
май .	12.06	11.98	8.43	12.82	10.42	9.80	8.93	40.94	10.67	.
іюнь .	16.70	14.53	16.36	13.35	14.38	12.33	14.57	17.13	14.92	.
іюль .	17.81	15.40	14.77	15.93	18.31	15.90	15.87	18.39	16.55	16.55
августъ .	14.79	13.80	14.11	14.90	14.52	15.80	16.19	16.72	15.10	.
сентябрь .	11.45	9.66	9.37	11.05	9.48	9.83	12.81	11.26	10.61	.
октябрь .	6.66	4.12	7.12	4.29	6.10	6.16	5.46	6.43	5.80	.
ноябрь .	1.25	1.29	1.38	— 3.32	2.03	— 1.61	0.06	1.43	0.31	.
декабрь .	— 2.91	— 2.31	— 1.58	— 8.59	— 0.53	— 1.78	— 7.26	— 5.35	— 3.80	.
средняя тем- перат. года.	5.14	4.82	6.14	4.68	5.14	5.49	4.98	6.11	5.31	23.46

* Среднія температуры вычислены по методу Шо (Schow), причемъ въ основаніе приняты наблюденія Чинисило въ Падуръ.

** Температура января 1841 г. выведена изъ наблюдений въ продолженіе 21 дни; не достаетъ съ 13 по 23 число. Въ январѣ 1843 года не достаетъ 13 дней, съ 13 по 26 число.

*** Температура считается по Р., а время по в. с.

КАКЪ И РАЗНОСТИ МЕЖДУ НИМИ.

	46.		1847.				1848.			
	Разн.	Мах. и мин. въ году.	Мах.	Мин.	Разн.	Мах. и мин. въ году.	Мах.	Мин.	Разн.	Мах. и мин. въ году.
Январь . . .	24	— 21	2.5	— 17.5	20	.	— 22	— 22.7	24.9	.
Февраль . . .	22.1	.	4	— 14	18	.	4.2	— 24.6	28.8	.
Мартъ . . .	8 19.6	.	7.4	— 17	24.4	.	11	— 11.2	22.2	.
Апрѣль . . .	18	.	16.5	— 5	21.5	.	22.8	— 9	31.8	.
Май . . .	22	.	20.2	— 1.5	21.7	.	23.2	— 4	27.2	.
Июнь . . .	3 18.7	.	23.5	4.3	19.2	.	28	3.5	24.5	.
Июль . . .	19.4	25.4	23	6	17	.	29.1	5	24.1	20.1
Августъ . . .	5 19.8	.	25.3	9	16.3	25.3	29	21	26.6	.
Сентябрь . . .	3 19.9	.	25	5.8	19.2	.	26.5	0.2	23.3	.
Октябрь . . .	22.3	.	16	— 5	21	.	17.5	— 6.2	23.7	.
Ноябрь . . .	18	.	8.2	— 10.5	18.7	.	12.5	— 10.8	23.3	.
Декабрь . . .	22.5	.	2	— 20	22	— 20	8	— 26	34	— 26
	46.4		45.3				55.1			

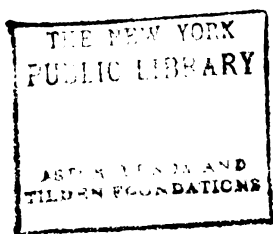

ТАБЛИЦА 3,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШІЯ И НАИМЕНЬШІЯ МѢСЯЧ-
НЫЯ ТЕМПЕРАТУРЫ,
ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1841 — 1848 г.

МѢСЯЦЫ.	НАИБОЛЬШАЯ ТЕМПЕРАТУРА.	НАИМЕНЬШАЯ ТЕМПЕРАТУРА.	РАЗНОСТЬ.
январь . . .	— 4.53 (1846)	—12.88 (1848)	8.35
февраль . .	2.09 (1843)	—12.36 (1841)	14.45
мартъ . . .	0.90 (1848)	— 3.08 (1845)	3.98
апрѣль . . .	10.23 (1848)	3.04 (1844)	7.19
май	12.82 (1844)	8.43 (1843)	4.39
іюнь	17.13 (1848)	12.33 (1846)	4.80
іюль	18.39 (1848)	14.77 (1843)	3.62
августъ . . .	16.72 (1848)	13.80 (1842)	2.92
сентябрь . .	12.81 (1847)	9.37 (1843)	3.44
октябрь . . .	7.12 (1843)	4.12 (1842)	3.
ноябрь . . .	2.03 (1845)	— 3.32 (1844)	5.35
декабрь . .	— 0.53 (1845)	— 8.59 (1844)	8.06

<p align="center">Т А Б Л И Ц А 4, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНІЯ ТЕМПЕРАТУРЫ ВРЕМЕНЬ ГОДА.</p>							
	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Метср. годъ.	Грѣжд. годъ.	Разность.
1841	—9.10	4.79	16.43	6.45	4.64	5.14	—0.51
1842	—5.55	5.01	11.58	5.02	4.76	4.82	—0.06
1843	—1.60	4.86	15.08	5.96	6.08	6.14	—0.06
1844	—2.53	4.86	14.73	4.01	5.27	4.68	0.59
1845	—7.88	4.13	15.74	5.87	4.46	5.14	—0.68
1846	—2.76	5.65	14.68	4.79	5.59	5.49	—0.10
1847	—3.93	4.06	15.54	6.11	5.45	4.98	0.47
1848	—7.38	7.36	17.41	6.37	5.94	6.11	—0.17
Въ осьми- лѣтней сло- жности.	—5.09	5.09	15.52	5.57	5.27	5.31	—0.04

<p align="center">Т А Б Л И Ц А 5, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШУЮ И НАИМЕНЬШУЮ СРЕД- НЮЮ ТЕМПЕРАТУРУ ВРЕМЕНЬ ГОДА ВЪ 1841—1848.</p>			
	Maximum.	Minimum.	Разность.
Зима.	—1.60	—9.10	7.50
Весна	7.36	4.06	3.30
Лѣто.	17.41	14.58	2.83
Осень	6.45	4.01	2.44

Т А Б Л И Ц А 6,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СКОЛЬКО ВЪ ИЗВѢСТНЫЕ МѢСЯЦЫ И
ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОДА БЫЛО ДНЕЙ, ВЪ КОТОРЫЕ
ТЕРМОМЕТРЪ СТОЯЛЪ НИЖЕ 0°.

Годы.	Мѣсяцы.	Цѣлый день.	Утромъ.	Вече- ромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. для ниже 0°.
1841.	январь . .	20	.	.	1	21	21
	февраль . .	28	.	.	.	28	28
	мартъ . .	16	2	1	6	25	21
	апрѣль . .	3	1	.	.	4	3
	октябрь . .	.	3	.	1	4	1
	ноябрь . .	3	7	2	4	16	5
	декабрь . .	18	3	.	1	22	19
	общее число.	88	16	3	13	120	98
1842.	январь . .	29	1	.	1	31	31
	февраль . .	20	1	.	3	24	23
	мартъ . .	7	4	1	11	23	14
	апрѣль . .	.	10	2	1	18	1
	октябрь . .	.	8	.	1	9	0
	ноябрь . .	7	6	.	3	16	9
	декабрь . .	16	5	3	2	26	19
	общее число.	79	35	6	22	142	97
1843.	январь . .	12	3	1	.	16	13
	февраль . .	.	2	1	1	4	1
	мартъ . .	7	8	1	4	20	14
	апрѣль . .	.	3	.	1	4	0
	октябрь . .	.	6	.	.	6	0
	ноябрь . .	6	6	.	2	14	8
	декабрь . .	14	1	1	1	17	15
	общее число.	39	29	4	9	81	48

Годы.	Месяцы.	Цѣлый день.	Утромъ.	Вечеромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. дня ниже 0°.
1844.	январь . .	28	.	1	.	29	28
	февраль. .	12	11	.	5	28	16
	мартъ . .	14	6	.	7	27	19
	апрѣль . .	4	10	.	3	17	4
	октябрь . .	.	8	1	2	11	0
	ноябрь . .	20	1	2	2	25	24
	декабрь . .	30	1	.	.	31	31
	общее число.	108	37	4	19	168	122
1845.	январь . .	28	1	1	1	31	31
	февраль. .	28	.	.	.	28	28
	мартъ . .	17	5	3	5	30	21
	апрѣль . .	5	3	.	.	8	6
	май	1	.	.	1	.
	октябрь.
	ноябрь . .	5	5	.	2	12	7
	декабрь. .	11	4	2	3	20	14
	общее число.	94	19	6	11	130	107
1846.	январь . .	23	2	.	2	27	25
	февраль. .	14	8	2	1	25	18
	мартъ . .	4	7	2	5	18	8
	апрѣль . .	.	2	.	.	2	.
	май	2	.	.	2	.
	октябрь . .	2	4	.	1	7	2
	ноябрь . .	13	4	.	10	27	24
	декабрь . .	15	5	2	1	23	18
	общее число.	71	34	6	20	131	95
1847.	январь . .	29	1	.	1	31	29
	февраль. .	16	3	2	5	26	20
	мартъ . .	13	5	.	12	30	23
	апрѣль . .	.	9	.	.	9	.
	октябрь. .	.	9	.	2	11	.

Годы.	Мѣсяцы.	Цѣлый день.	Утромъ.	Вечеромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. для ниже 0°.
1847.	ноябрь . .	6	7	1	10	24	12
	декабрь . .	23	3	3	2	31	26
	общее число.	87	37	6	32	162	110
1848.	январь . .	31	.	.	.	31	31
	февраль . .	13	11	1	3	28	17
	мартъ . .	3	22	2	4	31	7
	апрѣль . .	.	4	.	.	4	.
	май . .	.	7	.	.	7	.
	октябрь . .	.	8	.	.	8	.
	ноябрь . .	11	11	.	3	25	11
	декабрь . .	17	6	1	1	25	20
	общее число.	75	69	4	11	159	86
Среднее 8-лѣтнее годовичное число.		80	34	5	17	136	95

ВРЕМЯ ЗАМЕРЗАНИЯ И ВСКРЫТІЯ ХАРЬКОВСКИХЪ

РѢКЪ.

- 1840 стали 28 ноября.
 1841 вскрылись . . . 10 апрѣля.
 1841 стали 21 декабря (17—21 замерзали).
 1842 вскрылись . . . 2 апрѣля.
 3 апрѣля разлились.
 1842 стали 20 декабря.
 1843 вскрылись . . . 20 февраля.
 20 марта вторично стали.
 2 апрѣля окончательно вскрылись.

1843 стали 21 ноября въ первый разъ.

3 декабря окончательно.

1844 вскрылись . . 7 апрѣля.

1844 стали . . . 18 ноября.

1845 вскрылись . . 12 апреля и сильно разлились.

1845 стали . . . 12 декабря.

1846 вскрылись . . 23 марта.

1846 стали. . . . 7 ноября (замерзание началось еще съ
1-го). Съ 27 ноября по 1 декабря
ледь медленно талъ и исчезалъ.

2 декабря окончательно стали.

1847 вскрылись . . 30 марта.

1847 стали . . . 6 ноября.

17 ноября ледъ расплылся и исчезъ.

24 — окончательно стали.

1848 вскрылись . . 30 марта.

1848 стали . . . 18 поября.

8 декабря разошлись.

12 декабря окончательно стали.

Самое раннее замерзание 6 ноября
Самое позднее замерзание 21 декабря

44 дня.

Самое позднее замерзание 21 декабря (44 дня).

Среднее время замерзанія приходится около 28 ноября, или, вообще говоря, въ концѣ ноября.

Самое раннее вскрытие.	23 марта	{ 20 дней.
Самое позднее вскрытие.	42 апреля	

Самое позднее вскрытие 12 апреля } 20 дней.

Среднимъ числомъ рѣки вскрываются у насъ въ первыхъ числахъ апрѣля.

По этому расчету харьковскія рѣки покрыты льдомъ въ теченіе 121—125 дней.

Примѣчаніе. Въ 1843 году рѣки разошлись 20 февраля. Это надобно считать рѣдкимъ случаемъ и исключеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году рѣки вторично стали, и разошлись уже 2 апрѣля.

На основаніи предъидущихъ данныхъ составлена слѣдующая таблица.

<p align="center">Т А Б Л И Ц А 7, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ГОДУ РЪКИ ПОКРЫТЫ ЛЬДОМЪ И СКОЛЬКО СВОБОДНЫ ОТЪ НЕГО.</p>			
Годы.	Ледъ ле- жить.	Годы.	Рѣки свобод- ны отъ льда.
18 ⁰ ₄₁	134	1841	255
18 ¹ ₄₂	102	1842	262
18 ² ₄₃	75	1843	261
18 ³ ₄₄	137	1844	226
18 ⁴ ₄₅	146	1845	244
18 ⁵ ₄₆	100	1846	229
18 ⁶ ₄₇	138	1847	228
18 ⁷ ₄₈	138	1848	236
Среднимъ числомъ.	121	Среднимъ числомъ.	243

Вышеприведенныя таблицы среднихъ температуръ показываютъ, что въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, съ 1841 на 1848 годъ, самые теплые вообще годы суть 1843 и 1848, самый холодный 1844.

Самая холодная зима . . . въ 1841 году.

Самая теплая — . . . — 1843 —

Самая холодная весна . . . — 1847 —

Самая теплая — . . . — 1848 —

Самое холодное лѣто . . . — 1842 и 1844.

Самое теплое — . . . — 1848 году.

Самая холодная осень . . . въ 1814 году

Самая теплая — . . . — 1841 и 1849.

Въ продолженіе 136 дней термометръ показываетъ ниже 0°.

Изъ этого числа $\frac{2}{3}$ средняя температура дня ниже 0°.

Рѣки покрыты льдомъ треть года.

В. ДАВЛЕНИЕ ВОЗДУХА.

ТАБЛИЦА 8,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ МЕСЯЧНЫЯ И ГОДИЧНЫЯ ВЫСОТЫ

БАРОМЕТРА съ 1844 по 1848 г.

мѣсяцы.	ГОДЫ.	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	1844-1848.
январь . .		600.36	598.29	592.81	600.86	601.65	598.79
февраль . .		592.51	591.89	589.27	587.48	593.50	590.94
мартъ . . .		591.60	590.57	593.67	595.72	595.10	593.33
апрѣль . .		594.10	591.16	591.39	589.64	590.55	591.37
май		592.99	589.39	592.02	591.54	593.21	591.83
іюнь		588.58	591.82	588.27	590.12	591.88	590.13
іюль		590.49	591.60	590.88	589.71	591.45	590.83
августъ . .		590.22	592.10	591.10	593.08	592.94	592.49
сентябрь . .		595.90	591.16	592.75	592.84	592.44	593.62
октябрь . .		594.31	591.75	598.30	593.96	595.54	594.75
ноябрь . . .		595.96	597.73	597.82	600.42	594.59	597.30
декабрь . .		600.84	590.09	592.41	602.51	594.51	596.07
средняя го- дичная высо- та		593.99	592.54	592.80	593.99	593.95	593.45

Т А Б Л И Ц А 9,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШАЯ И НАИМЕНЬШАЯ ВЫСОТЫ БАРОМЕТРА ДЛЯ КАЖДАГО МЕСЯЦА И ГОДА.

мѣслцы.	1844.			1845.			1846.			1847.			1848.		
	max.	min.	разн.	max.	min.	разн.	max.	min.	разн.	max.	min.	разн.	max.	min.	разн.
январь . .	601.24	573.60	27.64	611.12	588.55	22.57	607.57	579.84	27.73	608.27	588.83	21.44	608.63	595.98	12.65
февраль . .	596.14	582.91	13.20	602.00	578.07	23.92	600.76	578.02	22.74	595.86	574.49	22.37	603.70	580.10	23.60
мартъ . .	603.76	578.91	24.95	605.76	579.31	27.45	602.12	580.07	22.05	603.30	585.57	17.73	606.33	582.27	24.06
апрель . .	600.66	587.46	13.20	595.88	582.70	13.18	596.08	584.52	11.56	598.96	577.66	21.30	597.52	584.05	13.47
май . .	599.	587.59	11.41	598.05	580.42	17.63	598.09	583.49	14.60	603.27	583.86	19.41	598.28	587.39	10.89
июнь . .	594.09	585.43	8.66	597.62	580.84	16.78	593.50	588.52	5.07	595.16	584.42	10.74	598.07	585.70	12.37
июль . .	594.47	585.99	8.48	597.84	587.00	10.84	596.18	584.66	11.52	596.36	585.22	11.14	596.62	582.52	14.10
августъ . .	597.45	586.27	11.18	601.03	585.07	15.96	599.20	590.25	8.95	593.28	588.76	10.52	599.40	587.07	12.33
сентябрь . .	600.96	588.74	12.22	598.54	586.14	12.40	590.76	576.83	23.93	598.19	586.83	11.36	597.65	586.76	10.89
октябрь . .	605.13	581.65	23.48	602.34	580.67	21.67	607.00	593.10	13.90	601.75	582.94	18.78	605.06	584.40	20.66
ноябрь . .	609.93	579.10	30.83	605.39	586.06	19.33	607.37	584.27	23.10	609.26	591.29	17.97	603.73	582.19	21.54
декабрь . .	607.72	591.33	16.39	604.04	577.90	26.14	609.00	581.48	27.52	612.40	591.29	21.11	603.73	578.54	25.19

ТАБЛИЦА 10,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ВЫСОТЫ БАРОМЕТРА ПО ВРЕМЕНАМЪ
ГОДА.**

ГОДЫ.	зима.	весна.	лѣто.	осень.	метеоролог. годъ.	гражданск. годъ.	разн.
1844.	594.77	592.90	589.76	595.39	593.20	593.99	— 0.79
1845.	597.01	590.77	591.84	594.55	593.44	592.54	0.90
1846.	590.72	592.36	591.08	596.29	592.61	592.80	— 0.19
1847.	593.58	592.30	590.97	595.74	593.15	593.99	— 0.84
1848.	594.75	592.18	591.15	595.22	593.32	593.95	— 0.63
1844 — 1848.	594.15	592.02	590.96	595.44	593.14	593.45	— 0.31

ВЫСОТА ХАРЬКОВА НАДЪ ПОВЕРХНОСТІЮ МОРЯ.

Введя въ вычисленія * высоты какого-нибудь мѣста, лежащаго между 50° и 60° ш., среднюю высоту барометра 593.45 полул., и среднюю температуру Харькова 5° 31 R.; найдемъ, что высота Харькова надъ поверхностію моря равняется 315.88 *англ. футамъ*, или 96.28 *метр.*

* Kupfer. Note sur le calcul de l'élévation d'un lieu pour lequel la hauteur barométrique moyenne est connue, au dessus du niveau de l'océan.

С. В Ъ Т Р Ы.

Т А Б Л И Ц А 11,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНЕЕ ЧИСЛО КАЖДАГО ВѢТРА ИЗЪ
5-ЛѢТНИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.**

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.
январь	5	44	47	28	8	49	23	45
февраль	3	7	30	37	12	23	31	27
мартъ	7	12	48	38	9	45	24	33
апрѣль	2	11	28	36	10	49	26	48
май	5	18	33	27	9	20	32	42
іюнь	5	11	15	17	8	21	38	65
іюль	8	15	24	21	7	14	41	56
августъ	5	30	41	30	5	12	19	44
сентябрь	12	23	41	23	4	16	21	35
октябрь	8	17	35	37	8	19	32	32
ноябрь	5	10	32	43	8	17	28	37
декабрь	5	18	35	39	10	19	21	39
общее число, све- денное къ 1000 .	32	84	186	174	45	97	153	229

Т А Б Л И Ц А 12,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВѢТРОВЪ И СРЕДНЕЕ
НАПРАВЛЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ КАЖДАГО ГОДА.**

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1844	37	109	204	161	43	81	140	225	N 30, O
1845	20	40	142	217	41	112	168	260	S 69 W
1846	37	91	151	163	56	100	152	250	N 62 W
1847	28	90	223	152	33	83	162	223	N 21 O
1848	34	90	209	180	49	102	142	191	S 74, O
1844 - 1848	32	84	185	175	45	97	153	229	N 49 W

Т А Б Л И Ц А 13,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И СРЕДНЕЕ НАПРАВ-
ЛЕНИЕ ВЕТРОВЪ, ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	N.	NO.	O.	SO.	С.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1844 годъ.									
зима . . .	31	60	134	171	92	123	164	225 S	57 W
весна . . .	47	167	316	141	35	46	80	168 N	70 O
лѣто . . .	29	14	42	151	43	111	281	326 N	81 O
осень . . .	42	123	255	165	29	75	96	215 N	62 O
годъ . . .	37	91	187	158	50	89	155	233 N	25 W
1845 годъ.									
зима . . .	24	98	255	183	41	50	107	232 N	72 O
весна . . .	12	38	118	190	63	134	188	257 S	69 W
лѣто . . .	14	53	116	177	24	76	145	395 N	58 W
осень . . .	33	41	139	278	6	115	194	191 S	29 O
годъ . . .	21	57	159	207	33	91	159	270 N	85 W
1846 годъ.									
зима . . .	11	5	87	181	61	223	234	195 S	58 W
весна . . .	29	38	111	210	63	85	152	312 N	88 W
лѣто . . .	18	168	203	76	42	72	138	283 N	4 W
осень . . .	83	123	233	159	64	62	101	169 N	74 O
годъ . . .	36	85	158	157	58	110	156	240 N	75 O
1847 годъ.									
зима . . .	21	72	72	203	72	100	158	206 S	88 O
весна . . .	13	53	206	141	35	111	191	217 S	73 O
лѣто . . .	36	127	231	109	35	65	169	208 N	23 O
осень . . .	29	90	207	178	25	75	181	212 N	14 O
годъ . . .	26	85	185	158	42	95	170	233 N	59 O

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1848 годъ.									
зима . . .	22	75	462	212	35	33	64	97 S 83	O
весна. . .	23	77	239	233	60	83	122	163 S 61	O
лѣто . . .	63	141	113	101	39	101	156	286 N 27½	W
осень. . .	24	82	137	210	54	156	174	163 S. 26	W
годъ .	33	94	237	189	47	93	129	177 S. 79½	O
1844 — 1848 годъ.									
зима . . .	22	63	205	192	61	105	144	208 S 19	O
весна. . .	25	74	200	183	51	97	147	223 S 29	W
лѣто . . .	32	101	145	123	36	85	178	299 N 69	W
осень. . .	48	97	192	185	35	93	147	203 N 49	O
годъ .	32	84	185	170	46	95	154	234 N 43	W

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ оказывается, что

1. Господствующіе вѣтры въ Харьковѣ суть восточные и сѣверо-западные.
2. Среднее годовичное направленіе вѣтра NW.
3. Среднее направленіе вѣтра лѣтомъ сѣверо-западное.

D. СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ.

ТАБЛИЦА 14 *

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ АТМОСФЕРЫ
съ 1841 по 1848 годъ.

	Ясно и без- облачно.	При облач- номъ ясно.	То облачно, то ясно.	Облачно и пасмурно.	Туманъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Молнія.	Громъ.	Градъ.	Гроза.	Буря.	Матерь.
1841	125	42	56	160	28	87	25	13	17	2	3	3	9
1842	88	7	51	215	29	115	54	12	10	3	1	1	1
1843	58	18	27	249	38	112	41	14	14	2	5	5	3
1844	79	33	59	195	23	83	62	6	8	3	4	4	4
1845	64	79	31	191	26	78	43	4	9	1	2	2	9
1846	100	11	64	190	19	85	53	2	3	1	.	.	11
1847	102	44	54	165	22	88	41	12	17	2	3	3	4
1848	109	32	67	158	35	77	36	7	6	2	5	5	7
Среднимъ числомъ.	90	30	51	190	27	91	15	9	8	2	4	2	6

* Числа этой таблицы означаютъ число дней, въ которые данное явленіе замѣчалось.

Въ январь	} 1841 недостасть года	10	дней наблюденія.	
— июнь		1	—	—
— июль		1	—	—

всего 12 дней наблюденія.

Въ октябрѣ 1842 года недостасть 4 дней наблюденія.

— январь 1843 — — 13 — —

Оттого въ среднемъ выводъ за 8 лѣтъ и не выходитъ пол-
наго числа дней въ году.

ТАБЛИЦА 15

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ АТМОСФЕРЫ ПО ВРЕ-
МЕНАМЪ ГОДА.

Годы.	Вре- на года.	Ясно.	При обла- номъ ясно.	То облачно, то ясно.	Облачно и па- смурно.	Туманъ.	Дождь.	Сильг.	Молніи.	Гроизъ.	Градъ.	Гроза.	Буря.	Мятежъ.
1841.	зима .	24	.	10	46	5	5	8	9
	весна .	26	1	16	49	7	19	6	1	1	1	.	.	4
	лѣто .	40	8	18	24	.	30	.	11	16	1	3	2	.
	осень .	30	1	15	45	10	26	5	1	.
	общее	120	10	59	164	22	80	19	12	17	2	3	3	13
	число.	130												
1842.	зима .	33	3	9	45	16	10	24	1
	весна .	22	4	16	50	.	35	15	1	1	.	.	.	1
	лѣто .	23	.	18	51	.	44	.	9	7	.	.	2	.
	осень .	18	1	7	61	12	30	5	2	2	.	.	2	.
	общее	96	8	50	207	28	119	44	12	10	.	.	4	2
	число.	104												
1843.	зима .	7	2	6	62	17	14	27
	весна .	22	.	6	64	6	23	10
	лѣто .	22	11	5	54	.	41	.	11	12	.	4	2	.
	осень .	9	6	10	66	12	33	3	1	1
	общее	60	19	27	246	35	111	40	12	13	.	4	2	.
	число.	79												
1844.	зима .	6	2	10	73	8	12	34	6
	весна .	22	13	20	37	9	17	14
	лѣто .	21	16	10	45	3	35	.	5	7	2	3	1	.
	осень .	25	2	14	50	7	23	13
	общее	74	33	54	205	27	87	61	5	7	2	3	1	6
	число.	107												

Годы.	Вре- на года.	Ясно.	При облач- номъ ясно.	То облачно, то ясно.	Облачно и пасмурно.	Туманъ.	Дождь.	Снегъ.	Морозъ.	Грозы.	Градъ.	Гроза.	Буря.	Матеръ.
1845.	зима .	19	.	13	58	7	2	31	9
	весна .	17	21	13	41	4	24	18	3	4	1	1	.	.
	лѣто .	21	48	6	17	.	15	.	1	5	.	1	1	.
	осень .	14	9	5	63	8	27
	общее	71	78	37	179	19	68	49	4	9	1	2	1	9
	число.	149												
1846.	зима .	8	1	11	70	11	9	38	6
	весна .	20	11	13	48	4	30	6	2	1	1	.	1	2
	лѣто .	48	.	15	29	.	35	.	.	2	.	.	1	.
	осень .	22	.	21	48	6	5	11	2
	общее	98	12	60	195	21	79	55	2	3	1	.	2	10
	число.	110												
1847.	зима .	9	6	14	61	11	16	33	2
	весна .	28	11	21	32	3	12	10	2	2	1	.	.	.
	лѣто .	31	19	10	32	2	35	.	9	12	.	2	.	.
	осень .	28	6	12	45	5	24	3	1	3
	общее	96	42	57	170	21	87	46	12	17	1	2	.	2
	число.	138												
1848.	зима .	23	5	8	55	14	9	24	5
	весна .	36	10	21	25	1	17	3	3	3	.	3	.	.
	лѣто .	35	12	22	23	.	22	.	2	.	.	2	5	.
	осень .	18	7	13	53	16	26	6
	общее	112	34	64	156	31	74	33	5	3	.	5	5	5
	число.	146												
1841—1848.	зима .	16	2	10	59	11	10	27	5
	весна .	24	12	16	43	4	22	10	2	2	.	.	.	1
	лѣто .	30	14	12	36	.	32	.	6	7	.	2	2	.
	осень .	20	2	12	54	10	24	6
	общее	90	30	50	192	25	88	43	8	9	.	2	2	6
	число.	120												

Т А Б Л И Ц А 16
КОЛИЧЕСТВА ДОЖДЕВОЙ И СНЕГОВОЙ ВОДЫ СЪ 1843 ПО 1848 ГОДЪ,
 ВЫРАЖЕННОЕ ВЪ АНГЛИЙСКИХЪ ДЮЙМАХЪ.

	1843.		1844.		1845.		1846.		1847.		1848.		среднее 5-лѣт- ное число.	
	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Дождь.	Снѣгъ.
январь				1.28		0.12	1.16	1.01		0.06		0.21	0.23	0.54
февраль			0.67	0.84		1.47	0.37	1.35		2.61		0.75	0.55	1.40
мартъ			0.71	1.95		1.00	1.25	1.11		0.41		0.02	0.69	0.90
апрѣль	4.48		0.66	0.11		0.01	3.06			0.04			1.64	0.03
май	1.95		0.35				2.92						2.33	
июнь	4.93		4.86				3.12						3.28	
июль	2.92		3.00				3.52						2.10	
августъ	3.00		2.43				—						1.51	
сентябрь	2.65		4.02				2.32						2.18	
октябрь	0.73		0.79				0.28			0.20			1.01	0.04
ноябрь	0.99		1.31	0.45			0.04	0.40				0.47	0.80	0.27
декабрь	0.74	0.09	1.32	0.43			1.11	2.18		—		1.12	0.74	0.98
Годъ			47.12	5.06			19.15	6.05		3.62		2.60	17.06	4.16
			22.18		19.13		25.20		22.83		16.77		21.22	

Т А Б Л И Ц А 17

**РАСПРЕДЕЛЕНІЯ ДОЖДЕВОЙ И СНѢГОВОЙ ВОДЫ ПО
ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.**

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	4.22	3.34	5.34	6.83	2.11	4.37
весна	3.78	7.53	8.34	5.24	3.05	5.59
лѣто	10.29	4.71	6.64	9.17	3.66	6.89
осень	3.57	3.85	3.04	4.58	6.45	4.30
годъ	21.80	19.13	23.36	25.82	15.27	21.15

Т А Б Л И Ц А 18

РАСПРЕДЕЛЕНІЯ ДОЖДЯ ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	1.41	1.32	2.13	1.98	0.82	1.53
весна	1.72	6.52	7.23	4.79	3.03	4.66
лѣто	10.29	4.71	6.64	9.17	3.66	6.89
осень	3.12	3.83	2.64	4.38	5.98	3.99
годъ	16.54	16.38	18.64	20.32	13.49	17.07

Т А Б Л И Ц А 19

РАСПРЕДЕЛЕНІЯ СНѢГУ ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	2.81	2.02	3.21	4.85	1.29	2.84
весна. . . .	2.06	1.01	1.11	0.45	0.02	0.93
осень. . . .	0.45	0.02	0.40	0.20	0.47	0.34
годъ. . . .	5.32	4.05	4.72	5.50	1.78	4.08

Изъ таблицъ 14 и 15 видно, что ясныхъ дней, въ теченіе года, въ Харьковѣ 120—122. Если присовокупить къ нимъ и не совсѣмъ безоблачные (то облачно, то ясно), число ихъ составитъ почти полгода. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что пріятная и хорошая погода бываетъ при облачномъ и пасмурномъ небѣ, выйдетъ, что Харьковъ слишкомъ полгода наслаждается хорошею погодою. Зимой приходится на половину ясныхъ дней, на половину пасмурныхъ и облачныхъ; весною число ясныхъ дней превышаетъ; лѣтомъ это отношеніе выходить въ 1½ раза болѣе; осенью такое же отношеніе на оборотъ.

Наибольшимъ числомъ ясныхъ дней отличились	наименьшимъ числомъ ясныхъ дней.
зима 1842 года	зима . 1844 года.
весна 1848 —	весна . 1843
лѣто 1845 —	лѣто . 1843
осень 1847 и 1841	осень . 1843

Въ общей сложности 1848 годъ. Въ общ. сложн. 1843 годъ.

Число дождливыхъ дней вдвое больше противъ снѣжныхъ; тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ нѣсколько больше трети года.

Обильнѣйшее дождемъ лѣто было въ 1844 году: въ этотъ годъ выпало дождя почти половина всего годоваго количества атмосферной влаги, и въ полтора раза больше средняго лѣтняго количества за 5 лѣтъ.

По числу дождливыхъ дней, 1844 и 1842 годы превышаютъ всѣ прочіе. 1848 годъ замѣчательнѣе тѣмъ, что количество дождя, выпавшаго лѣтомъ, составляетъ только половину средняго пятилѣтняго количества дождевой воды.

Ни одинъ годъ не былъ такъ малоснѣженъ какъ 1847⁴⁸.

Безснѣжная зима, бездождная весна и сухое лѣто сдѣлали 1848 годъ замѣчательнымъ въ метеорологическомъ, и особенно въ хозяйственномъ отношеніи. Этотъ годъ былъ гибеленъ не для однихъ окрестныхъ мѣстъ Харькова, но и для всего полуденнаго края Россіи. Урожай хлѣба былъ вообще не завидный, но недостатка въ немъ не чувствовали, по причинѣ прошлогоднихъ запасовъ. Зато плодовъ и овощей почти никакихъ; недостатокъ сѣна и соломы повсемѣстный *.

Неурожай капусты и свеклы, составляющихъ необходимую принадлежность кислой пищи простаго народа, былъ одною изъ немаловажныхъ причинъ цынготной болѣзни, свирѣпство-

Вотъ нѣсколько хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній.

1000 огурцовъ продавалось по 3 и по 3½ р. с., тогда какъ обыкновенная дорога цѣна 1 р. с.

Вотъ свеклы (бураковъ) 3 р. 50 к. с., тогда какъ въ обыкновенное время не покупается дороже 75 к. или 1 р. с.

Мишокъ картофелю (четверикъ) 70 к. с., и болѣе: обыкновенная цѣна 15 к. с. Сотня белой капусты, не крупнои — 6 р. с. Обыкновенная цѣна 70 — 80 к. с., даже и того дешевле: самая высокая 1 р. с.

Возъ сѣна, пудовъ въ 20, въ Харьковѣ продавался 10 и 12 р. с., обыкновенно же не дороже 2½ р. с.

Возъ соломы, вѣсомъ не болѣе 9 или 10 пуд., продавался по 1½ р. с., въ другое время 40 — 50 к. с.

Подъ конецъ зимы, въ Изюмскомъ и Купяскомъ уѣздахъ, за стогъ сѣна въ 150 пуд., платили не болѣе 100 — 150 р. с.

Примѣчаніе. Въ томъ же Купяскомъ Уѣздѣ, такой же стогъ можно было, пынѣею зимою, т. е. въ 1850 году, купить, съ доставкою на мѣсто, за 20 и болѣе верстъ, за 7 и 8 р. с.

За кубическую сажень соломы, которую можно погрузить на 5 легкихъ возахъ въ одну лошадь, въ тѣхъ же уѣздахъ, платили по 20 р. с. и болѣе.

вавшей въ концѣ 1848 и началъ 1849 года. Началомъ ея можно полагать чрезвычайно дождливую осень 1848 года, въ продолженіе которой дождя выпало вдвое больше противъ 1844 и 1846, къ полтора раза противъ 1845 и 1847 годовъ и сравнительно съ среднимъ пятилѣтнимъ количествомъ.

Недостатокъ сѣна и соломы былъ гибелемъ для овцеводства нашего края. Къ этому присоединилась суровая и продолжительная зима 1849 года. Можно навѣрное положить, что въ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ пропало двѣ трети всего числа овецъ. Многіе богатые помѣщики, скормивъ весь запасъ сѣна и соломы пресжихъ лѣтъ, покупали ихъ, подъ конецъ зимы, несмыханною цѣною, и все-таки не сберегли своихъ стадъ: множество овецъ пало въ то самое время, когда, казалось, пора бы пускать на подножный кормъ, т. е. въ мартъ, а зима простояла и этотъ мѣсяцъ.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

1. Средняя температура Харькова 5°34 R
2. Средняя температура зимы 5°09
 — — весны 5°09
 — — лѣта 15°52
 — — осени 5°57
3. Среднее число дней, въ которые термометръ показывалъ ниже 0°, составляетъ 136.
4. Средняя высота барометра 593.45
 полул. англ., при темпер. 13°½ R.
5. Высота Харькова надъ поверхностью моря 315.88 фут. англ. = 93.28 метр.
6. Господствующіе вѣтры: восточные и сѣверо-западные.
 Среднее годичное направленіе — сѣверо-западное.
7. Ясныхъ дней и хорошей погоды — полгода.
8. Дождливыхъ дней вдвое больше противъ сызнихъ, а вѣтвѣтъ нѣсколько больше ½ года.
9. Среднее количество дожда и снѣгу . . 21,22 дюйм.
 Среднее количество дожда 17.06
 Среднее количество снѣгу 4.16
10. Рѣки покрыты льдомъ треть года; стапываются въ послѣднихъ числахъ ноября, вскрываются въ началѣ апрѣля.

ВТОРОЕ

ПРИСУЖДЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ПРЕМИИ,

УЧРЕЖДЕННОЙ КОММЕРЦИИ-СОВѢТНИКОМЪ

ЖУКОВЫМЪ.

Отдѣленіе Статистики, на основаніи Положенія, составило особую, изъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Г. П. Небольсина, Д. А. Милютина и К. С. Веселовскаго, Комисію, которая, вслѣдствіе сего, представила Отдѣленію Статистики слѣдующее донесеніе.

Мм. Гг.! Отдѣленію Статистики Русскаго Географическаго Общества, на основаніи § 7 Положенія о статистической преміи Коммерціи-Совѣтника Жукова, поручило намъ представить мнѣніе о присланныхъ въ Общество рукописныхъ и о всѣхъ вышедшихъ въ послѣднее время статистическихъ сочиненіяхъ.

Исполняя нынѣ такое порученіе Отдѣленія, Комисія, Вами назначенная, имѣетъ честь представить слѣдующее:

Статистическія сочиненія, которыя, положеніемъ о преміи, допускаются къ соисканію, и которыя поѣтому подлежали разсмотрѣнію Комисіи, раздѣляются на двѣ категоріи:

1. Рукописныя, представленныя въ Общество до 1 марта 1849 года, и

2. Издачныя въ послѣдніе три года.

По первой категоріи, Комисіи переданы были три сочиненія:

1. Рукопись, доставленная отъ Военнаго Губернатора г. Харькова и Харьковскаго Гражданскаго Губернатора, подъ за-

главiемъ: *Географическія и статистическія свѣдѣнія Куплянскаго Уѣзда*; рукопись подписана: «за Предводителя Депутатомъ «Дворянства Кондратьевымъ» и скрѣплена Письмоводителемъ; in ф°, 68 страницъ.

2. Рукопись безъ особаго заглавія, содержащая въ себѣ описаніе и результаты потѣзки г. Артемьева по Казанской Губерніи; in 4°, 116 страницъ, и

3. Рукопись подъ заглавіемъ: *Очерки статистическаго описанія Саратовской Губерніи*, бывшаго Саратовскаго Гражданскаго Губернатора А. М. Фадѣева; in ф°, 207 стр. и 7 приложений.

По отдѣлу печатныхъ сочиненій, Коммисія, имѣя въ виду, что назначенная, по случаю присужденія Жуковской преміи за 1847 годъ, Коммисія подвергала своему разсмотрѣнію всѣ сочиненія, вышедшія въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ (съ 1 іюля 1844 года по 1 іюля 1847 года), сочла своею обязанностію разсмотрѣть тѣ, которыя вышли съ 1 іюля 1817 г. При этомъ, по примѣру первой Коммисіи, она признала нужнымъ исключить изъ своего разсмотрѣнія статьи, появившіяся въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Такимъ образомъ обсужденію Коммисіи представились слѣдующія печатныя сочиненія:

1. *Записки о Полтавской Губерніи, Н. Арандаренка*. Ч. I. Полтава. 1848.

2. *Древній и нынѣшній Переяславль-Залѣпскій, въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ*. Спб. 1848.

3. *Пешеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ; произведенная лейтенантомъ Загоскинымъ*. 2 части. Спб. 1848.

4. *Краткій взглядъ на свѣрный и средній Дагестанъ въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Невъросскаго*. Спб. 1848.

5. *Новые очерки Закавказья, Ю. А. Гагемейстера*. Спб. 1848.

6. *Статистическіе очерки Новороссійскаго Края, А. А. Скамковскаго*. Одесса. 1848.

7. *Обозрѣніе экономической статистики Россіи, И. Горлова*. Спб. 1849.

8. *Статистическіе очерки Россіи, К. И. Арсеньева*. Спб. 1848.

Сверхъ сего, передано въ Коммисію собраніе отдѣльных оттисковъ статей, напечатанныхъ г. Богуславомъ въ *Трудахъ*

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно: I. *Взглядъ на бѣломорскіе промыслы*; II. *Обозрѣніе причинъ, породившихъ застои въ бѣломорской сѣвѣльной промышленности*; III. *Историческій взглядъ на бѣломорскіе промыслы*; IV. *Новая Земля и новоземельскіе промыслы*, и двѣ книжки Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ которыхъ напечатаны статьи того же автора: V. *Взглядъ на бѣломорскіе запырише промыслы* (№ 4, 1847 г.), и VI. *Бѣломорская Карелія* (№ 5, 1847 г.).

Географическія и статистическія свѣдѣнія Купянскаго Уѣзда. Рукопись состоитъ изъ трехъ частей; первая названа: *Географическія свѣдѣнія*, вторая *Статистическія свѣдѣнія*, а третья — о характерѣ Малороссіянъ — имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Вмѣсто характеристики, по неимѣнію этнографическихъ свѣдѣній, предлагается слѣдующая статья*.

Въ изложеніи всей этой рукописи замѣтно отсутствіе всякой системы, недостатокъ раціональнаго пониманія существенныхъ условій статистическаго труда и наконецъ рѣшительное пренебреженіе правилами русскаго языка. Даже фактовъ замѣчательныхъ она въ себѣ не заключаетъ: вмѣсто столь опредѣлительнаго языка цифръ, авторъ употребляетъ выраженія: мало, много, слабо и т. п.; поэтому означенная рукопись не имѣетъ значенія даже въ видѣ матеріала.

Рукопись г. Артемьева о Казанской Губерніи есть плодъ поѣздки, совершенной имъ по ѣвкоторой части губерніи, въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, лѣтомъ 1848 года. Эта поѣздка, какъ говоритъ авторъ, была предпринята по распоряженію бывшаго тогда Вице-Губернаторомъ М. Д. Завелѣйскаго, который предложилъ Русскому Географическому Обществу снарядить ученую экспедицію для описанія губерніи.

Но уже изъ одной краткости времени, употребленнаго на поѣздку, можно заключить, что не было возможности основательно описать цѣлую губернію, особенно когда путешествіе не имѣло опредѣленной, специальной цѣли, или, точнѣе, имѣло цѣль слишкомъ обширную. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что единственною его инструкціею были слѣдующія слова, прописанныя въ данномъ ему видѣ, или подорожной: «Для со-

бирания свѣдѣній географическихъ и статистическихъ, а также и для обозрѣнія памятниковъ древности и историческихъ урочищъ».

Авторъ представилъ, какъ объяснено въ предисловіи, двѣ части своего отчета: первую называетъ онъ историческою, т. е. дневникъ путешествій; вторая заключаетъ въ себѣ результаты поездки въ отношеніи а) географіи, б) этнографіи, в) статистики и г) древностей. Но въ представленной рукописи недостаетъ двухъ послѣднихъ изъ обѣщанныхъ отдѣловъ, слѣдовательно нѣтъ именно статистическихъ изслѣдованій. Дневникъ путешествій состоитъ изъ подробностей, лично до автора относящихся и имѣющихъ интересъ единственно для него самаго. Отдѣлъ географическій не имѣетъ никакого ученаго значенія; наглядныя замѣчанія автора изложены такъ, что показываютъ въ немъ недостатокъ ученаго приготовленія по этой части. Отдѣлъ этнографическій пространнѣе и содержитъ въ себѣ нѣсколько подробностей о бытѣ однихъ только Черемисовъ; но и здѣсь авторъ сообщаетъ мало новаго. Онъ и самъ въ этомъ сознается, говоря въ заключеніе: «Конечно, я въ своемъ описаніи, ничего, можетъ быть, не прибавилъ новаго къ прежде извѣстному, и даже не все исчерпалъ относящееся до Черемисовъ; но по крайней мѣрѣ я имѣлъ цѣлю представить, въ возможно-краткомъ видѣ и болѣе послѣдовательномъ порядкѣ, судьбы и бытъ Черемисовъ, чѣмъ онъ изображается въ запискахъ г-жи Фуксъ, безспорно любопытныхъ и подробныхъ, но лишенныхъ систематичности».

Все это, а равно самая цѣль, предположенная авторомъ, показываетъ уже, что представленная имъ рукопись не подлежитъ нашему разбору, какъ сочиненіе, не заключающее въ себѣ ничего по части статистики.

Третья и послѣдняя рукопись, подлежащая разсмотрѣнію Коммисіи, есть сочиненіе А. М. Фадѣева: «Очерки статистическаго описанія Саратовской Губерніи». Авторъ, управлявшій, въ продолженіе пяти лѣтъ, губерніею, въ качествѣ главнаго начальника, имѣлъ всѣ средства (и пользовался ими) къ собиранію свѣдѣній по разнымъ частямъ статистическаго изученія края, и если разныя затрудненія, неизбежныя въ этомъ случаѣ и подробно объясняемыя авторомъ во введеніи, служили

ли препятствіемъ къ совершенно-удовлетворительному выполнению предпринятаго имъ труда, тѣмъ не менѣе рукопись, представленная подъ скромнымъ заглавіемъ «Очерковъ», заключаетъ въ себѣ систематическое изложеніе почти всѣхъ существенно-важныхъ сторонъ статистическаго описанія обширнаго края. Программа, по которой расположено сочиненіе, весьма обширна и полна; территория и народонаселеніе разсмотрѣны здѣсь почти во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя требуются современнымъ состояніемъ статистики. Недостаетъ, какъ замѣчаетъ и авторъ, естествоописаній, по царствамъ: минеральному, растительному и животному; но эти предметы по Саратовской Губерніи описаны довольно подробно въ двухъ путешествіяхъ Палласа, а также въ сочиненіяхъ Гильденштедта, доктора Гауровица и профессора Гебеля.

Авторъ вездѣ пользуется настоящими, имѣющими цѣну источниками. Если онъ не входитъ въ критику данныхъ, то тѣмъ не менѣе повсюду видно, что эта критика предшествовала труду; что въ сочиненіе внесены только тѣ данныя, которыя заслуживаютъ наиболѣе довѣрія. Изложеніе вообще ясно, правильно.

Обращаясь къ сочиненіямъ печатнымъ, Коммисія находитъ, что подробному разсмотрѣнію ея подлежатъ собственно только два сочиненія: *Обозрѣніе экономической статистики Россіи*, г. Горлова, и *Статистическіе очерки Россіи*, г. Арсеньева; что касается до прочихъ вышеисчисленныхъ печатныхъ сочиненій, то *Записки о Полтавской Губерніи*, г. Арандаренки, хотя составляютъ весьма дѣльную монографію, но какъ этого сочиненія издана лишь первая часть, преимущественно относящаяся къ географіи губерніи, а статистическія изслѣдованія, какъ обѣщаетъ авторъ, будутъ помѣщены въ двухъ остальныхъ частяхъ, которыя еще не изданы, то это сочиненіе, впредь до окончанія его, не подходитъ подъ условія, начертанныя въ положеніи о Жуковской преміи.

Почти то же должно сказать о трехъ сочиненіяхъ: *Древній и нынѣшній Переяславль-Залесскій*, *Опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ* и *Взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ*, которыя весьма мало относятся къ статистикѣ.

По устраненіи журнальныхъ статей изъ соисканія преміи, Коммисія также не находитъ нужнымъ входить въ разборъ ше-

сти статей г. Богуслава, помѣщенныхъ въ *Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* и въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. По той же самой причинѣ, *Новыя очерки Закавказья*, г. Гагемейстера, и *Статистическіе очерки Новороссійскаго Края*, г. Скальковского, какъ составляющіе лишь сборники статей, помѣщенныхъ въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* и другихъ повременныхъ изданій, не будутъ здѣсь разсматриваемы. Но Коммисія считаетъ своимъ долгомъ отдать полную справедливость сочиненіямъ гг. Гагемейстера и Скальковского, труды которыхъ доставляютъ полезное приращеніе къ нашимъ статистическимъ свѣдѣніямъ о двухъ столь важныхъ частяхъ Россіи.

Обозрѣніе экономической статистики Россіи, составлено И. Горловымъ. С.пб. 1849. 8°. Стр. 333.

Появленіе статистическаго сочиненія, обнимающаго всю Россію и имѣющаго цѣлю представить, въ стройномъ цѣломъ, разнообразныя и разсѣянныя данныя къ познанію нашего отечества, составляетъ въ литературѣ науки статистики, можно сказать, событіе. Подобныя систематическіе труды, являвшіеся, отъ времени до времени, о каждомъ изъ государствъ европейскихъ, почти всегда поступаютъ въ разрядъ капитальныхъ приобрѣтеній литературы и служатъ авторитетомъ даже и тогда, когда составляемыя послѣ нихъ, болѣе новыя и болѣе полныя сочиненія займутъ ихъ мѣсто во вседневномъ употребленіи.

Но чѣмъ важнѣе значеніе подобныхъ сочиненій, тѣмъ безпристрастнѣе и осмотрительнѣе должна быть ихъ оцѣнка. Масса статистическихъ матеріаловъ, которые нужно изучить, чтобы составить такой трудъ, не всякому доступна; не всякій можетъ провѣрить такое сочиненіе съ документами; не всякій расположенъ посвятить довольно времени на столь утомительное дѣло; а потому публика и большинство писателей охотно замѣняютъ для себя всѣ прежде изданныя, разнородныя статистическіе труды такимъ новѣйшимъ, полнымъ и систематическимъ сочиненіемъ; на него дѣлаются всѣ ссылки, на немъ основываютъ всѣ выводы, по немъ руководятъ молодыхъ людей въ первомъ изученіи отечественной статистики. Случаются въ такомъ сочиненіи промахи и ошибки, и онѣ стануть повторяться несчетное число разъ; встрѣтится ли въ немъ непра-

вильный взгляд на тотъ или другой предметъ, и этотъ взглядъ можетъ быть усвоенъ неопытными дѣателями на поприщѣ статистики. Вотъ почему на безпристрастной критикѣ лежитъ тяжелая обязанность, при всемъ снисхожденіи и уваженіи, внушаемыхъ всякимъ серіознымъ трудомъ, оцѣнить его по его настоящему достоинству, прослѣдить весь процессъ составленія сочиненія, сличить показанія его съ документами, отмѣтить хорошее, но и указать невѣрное, неточное.

Предметъ и содержаніе книги г. Горлова отчасти указываются самымъ заглавіемъ «Экономическая Статистика Россіи»; но авторъ еще ближе опредѣляетъ ихъ слѣдующими словами: «Экономическое состояніе народа — это сумма способовъ, которыми обладаетъ народъ и которыми онъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ. Такимъ образомъ намъ представляются два предмета, подлежащіе изслѣдованію: народъ и его богатство. Соотвѣтственно съ этимъ, наше сочиненіе естественно дѣлится на двѣ части: Статистику населенія и Статистику промышленности» (стр. 5 и 6). Не станемъ говорить о томъ, какъ не точно такое опредѣленіе экономическаго состоянія народа; *состояніе* народа не можетъ быть *суммою способовъ*; да и «сумма способовъ» — выраженіе, слишкомъ неопредѣлительное. Слово *способъ* непременно требуетъ еще дополнительнаго объясненія: *способовъ къ чему, для чего*. Если авторъ разумѣетъ способы къ удовлетворенію нуждъ народа, то и это еще весьма мало опредѣляетъ кругъ понятій, которыя хочетъ разсматривать авторъ въ своемъ сочиненіи. Нужды бываютъ весьма разнородны: одніе чисто физическія, другія нравственныя. Удовлетворенію которыхъ изъ нихъ будетъ имѣть въ виду авторъ: тѣхъ или другихъ, или всѣхъ вообще, безъ исключеній? — Изъ разсмотрѣнія самаго сочиненія мы видимъ, что авторъ ограничивается способами удовлетворенія нуждъ физическихъ. Однакожъ и этихъ нуждъ не исчерпалъ онъ всѣхъ, пропустилъ многіе предметы, вполне относящіеся къ кругу, имъ же самимъ начертанному, какъ увидимъ ниже. Не станемъ также говорить о произвольности раздѣленія экономической статистики на двѣ части: *народъ* и *промышленность*; разсмотрѣніе этого вопроса тѣсно связано съ тѣмъ, какое значеніе придаемъ наукѣ статистикѣ вообще; а какъ авторъ не счелъ нужнымъ познакомить

читателя съ своимъ понятіемъ о статистикѣ, и какъ теорія статистики исключена изъ права на Жуковскую премію, то оставляемъ въ сторонѣ эти, впрочемъ, весьма существенные вопросы, и приступаемъ къ обзорѣ самаго содержанія книги.

Первое, важнѣйшее условіе всякаго статистическаго сочиненія, поставленное и положеніемъ Жуковской преміи въ числѣ неотъемлемыхъ требованій, состоитъ въ томъ, чтобы данныя были очищены критически и представлены въ обработанномъ видѣ, сообразно современнымъ требованіямъ науки; а данныя представлены тогда въ обработанномъ видѣ, когда есе, что необходимо для объясненія состоянія предмета, представлено въ логической, стройной послѣдовательности, не упущено изъ вида ничего важнаго, изложеніе не загромождено подробностями, ненужными и мелочными.

Никто не требуетъ, чтобы статистикъ, какъ говоритъ авторъ (стр. III предисловія), самъ измѣрилъ поверхность страны или считалъ самъ количество привозныхъ товаровъ; за не точность или неудовлетворительность основныхъ источниковъ никто его винить не станетъ; но всякій потребуетъ отъ приступающаго къ изложенію статистики Россіи, чтобы онъ былъ знакомъ съ самыми источниками, зналъ относительное достоинство каждаго изъ нихъ, не упускалъ бы изъ вида важныя документы и не опирался бы на такіе, которые не могутъ имѣть авторитетъ.

Соблюденія этихъ условій требуетъ самая снисходительная и справедливая критика, и мы обязаны разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ авторъ удовлетворилъ этому требованію.

Начнемъ съ первой части, *Статистики населенія*. Этотъ предметъ представленъ въ трехъ главахъ: величина населенія, составъ его и движеніе. Въ отношеніи къ величинѣ населенія, авторъ ограничивается тѣмъ, что выписываетъ обнародованную, въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ведомость о народонаселеніи Имперіи за 1836 годъ, составленную по результатамъ послѣдней ревизіи и по другимъ документамъ. *

* Замѣть, между прочимъ, въ самомъ указаніи источника есть ошибка: означенная ведомость напечатана не въ № 7, а въ № 9 Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1837 года, на стр. XCVI.

Отъ сочиненія, имѣющаго цѣлю представить матеріалы въ обработанномъ видѣ, можно было бы ожидать не одной простой выписки; документъ, приводимый авторомъ, опредѣляетъ итогъ населенія за 1836 годъ, а книга г. Горлова выходитъ въ 1849 году, — 13 лѣтъ разницы. Авторъ удовольствовался хотя устарѣлымъ, но готовымъ документомъ, и не счелъ нужнымъ употребить столь извѣстные и важные въ статистикѣ приемы вычисленія вѣроятной величины населенія въ болѣе близкій къ намъ годъ. Что такіа вычисленія, основанныя на теоріи вѣроятностей, неизбежны въ статистикѣ и ведутъ къ удовлетворительно-вѣрнымъ результатамъ, о томъ здѣсь неумѣстно распространяться: это хорошо извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ наукою. Подобное вычисленіе населенія Россіи, за 1846 годъ, уже сдѣлано академикомъ Кеппеномъ, въ его сочиненіи *Über die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des europäischen Russlands*, и этимъ трудомъ г. Горловъ воспользовался только для 3-й главы своей *Статистики* населенія, выписавъ цифры, показывающія пространство и число жителей каждой губерніи.

Какъ мало авторъ приложилъ труда къ даннымъ о величинѣ населенія, видно изъ того, что онъ приводитъ числа таблицы Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ со всеми подраздѣленіями, тамъ указанными, имѣющими свое значеніе въ финансовомъ отношеніи, но нисколько не нужными въ томъ мѣстѣ, въ которомъ эти свѣдѣнія приведены въ рассматриваемой книгѣ. Еще болѣе излишняго находится въ самомъ изложеніи этой первой главы, которая почти вся состоитъ изъ буквальной выписки, изъ манифеста 13 іюня 1833 г. о производствѣ восьмой народной переписи. Эта длинная выписка, вовсе не относящаяся къ статистикѣ, не подаетъ автору повода ни къ какимъ статистическимъ выводамъ, и потому совершенно не уместна.

Переходя затѣмъ къ *составу населенія*, авторъ рассматриваетъ его въ *племенномъ, экономическомъ и естественномъ* отношеніяхъ. Говоря о племенахъ, онъ самъ указываетъ на то, съ какой точки смотрѣлъ на нихъ: устраняя отъ себя филологическіе, историческіе и нравственные вопросы, онъ поставилъ себя главною задачею: «не полное исчисленіе племенъ, ихъ языки, вѣрованія; а домашній бытъ, а способы существованія

и некоторых типических народовъ, дающихъ понятіе о бродячей, кочевой, степной (?), охотной жизни». Дѣйствительно, вся статья о племенахъ, въ разсматриваемой книгѣ, не есть ученая обработка имѣющихся матеріаловъ; это есть рядъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій весьма различнаго ученаго достоинства, — выписокъ, сдѣланныхъ безъ строгой критики, безъ системы и даже безъ соблюденія необходимой соразмѣрности въ объемѣ. Напримѣръ: о народахъ славянскаго племени, составляющихъ $\frac{3}{4}$ населенія Россіи, ничего не сказано, а о Самовѣдахъ помѣщена, изъ сочиненій г. Иславина и г. Латкина, выписка на пяти страницахъ (стр. 15); о Якутахъ сдѣлано еще болѣе обширное извлеченіе изъ г. Врангеля; тутъ же выписана, изъ того же путешественника, на трехъ страницахъ, характеристика сибирскихъ пустынь, на которыхъ живетъ этотъ народъ (стр. 25 — 27). Мы сказали, что авторъ ограничивается выписками изъ разныхъ источниковъ весьма разнороднаго достоинства. Дѣйствительно, приводя о Якутахъ нѣсколько страницъ столь знаменитаго путешественника, какъ г. Врангель, онъ выписываетъ изъ Коля свѣдѣнія о крымскихъ Татарахъ, котораго сочиненіе о южной Россіи есть не болѣе, какъ записная книжка туриста, не имѣющая никакого ученаго достоинства. Между тѣмъ здѣсь представлено изъ Коля четыре страницы (21 — 24) такихъ подробностей, которыя не имѣютъ почти никакого отношенія къ экономической статистикѣ, напримѣръ: живописное описаніе внутренности татарской кофейни и ханскаго дворца въ Бахчисарѣ.

Авторъ приводитъ мѣстами и числовыя свѣдѣнія о разныхъ племенахъ; но эти свѣдѣнія всѣ разнородны, — взяты изъ различныхъ разновременныхъ источниковъ, не сведены къ одному итогу и не служатъ поводомъ ни для какихъ выводовъ. Многія числовыя показанія приведены даже безъ указанія источника, изъ котораго взяты, и безъ означенія года, къ которому относятся (напримѣръ: на стр. 14, свѣдѣнія о числѣ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы; на стр. 19 и 20, свѣдѣнія о турецко-татарскомъ племени, и во многихъ другихъ мѣстахъ), а безъ этихъ указаній статистическія числа не имѣютъ никакого значенія для науки.

Въ главѣ о племенахъ есть, сверхъ того, неточности и не-правильности указаній; мы не считаемъ умѣстнымъ исчислять

ихъ въ подробности, потому что всю эту главу считаемъ весьма слабою. Притомъ авторъ самъ устраняетъ отъ себя вопросы чисто-этнографическіе, хотя, казалось бы, что, говоря, въ статистическомъ сочиненіи, о племенахъ, мудрено устранить то, что составляетъ основу и краеугольный камень статистическихъ распределеній народа въ племенномъ отношеніи.

Вторая глава — *экономическій составъ населенія* — начинается выпискою изъ *Матеріаловъ для статистики Россійской Имперіи*, и именно таблицей о числѣ жителей въ Россіи по разнымъ сословіямъ; но тутъ же говорится, что для экономической статистики этою таблицей *нужно пользоваться только съ ограниченіями* (?) (стр. 44), потому что промышленныя занятія не определяются гражданскимъ положеніемъ или мѣстомъ жительства. После этого можно было ожидать, что авторъ приметъ на себя трудъ сдѣлать, по известнымъ въ статистикѣ приемамъ, приблизительныя вычисленія; но онъ ограничивается выпискою лишь того, что находить уже въ обработанномъ видѣ, а самъ ни къ какимъ вычисленіямъ не прибѣгаетъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ отношеніи городского населенія къ сельскому.

Въ естественномъ составѣ населенія важны, по опредѣленію автора, численныя отношенія возрастовъ и половъ. Приведемъ здѣсь выписку изъ одной статьи г. Арсеньева о численныхъ отношеніяхъ половъ въ Россіи, авторъ тѣмъ и кончаетъ главу, безъ всякихъ выводовъ и заключеній, оставляя читателя въ недоумѣніи, какое отношеніе всѣ эти слишкомъ обширныя выписки имѣютъ къ экономической статистикѣ.

Глава третія, *о движеніи народонаселенія*, состоитъ изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ статей гг. Линка, Корсакова и нѣкоторыхъ другихъ. Упоминая о прекрасномъ трудѣ г. Корсакова по этому предмету, авторъ говоритъ: «г. Корсаковъ обнародовалъ въ Матеріалахъ» (т. е. въ Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи) «свѣдѣнія о родившихся и умершихъ по губерніямъ съ 1804 по 1839 годъ, но сдѣлалъ ихъ почти бесполезными, чрезъ то, что не подбѣлъ итоговъ для каждой губерніи и періода. Статистикъ видятъ показанія по дѣламъ для губерній, но не находятъ выводовъ по періодамъ (напримѣръ: десятилѣтнимъ) и даже общихъ итоговъ за все

время, не может сдѣлать никакого заключенія объ умноженіи народа и о силѣ умноженія. Самъ онъ этихъ счетовъ сдѣлать не можетъ, потому что таблицы расположены слишкомъ на 80 страницахъ, на каждой страницѣ по 40 рядовъ чиселъ въ два столбца; следовательно надобно сложить до 6,400 чиселъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ 6 цифръ. Это можетъ сдѣлать только какос-нибудь ведомство или чиновникъ, занявшійся отдѣльною отраслью ариѳметической статистики» (стр. 49). Эти слова весьма многозначительны и даютъ намъ возможность судить о томъ, что авторъ считаетъ дѣломъ ученой обработки статистическихъ матеріаловъ. Итакъ, по мнѣнію автора, статистикъ не можетъ дѣлать вычисленій, потому что они затруднительны и многосложны. Но потому-то ученые статистическіе труды такъ рѣдки и такъ уважаются, что они не легки. Ужели матеріалы — и прекрасные матеріалы — какъ таблицы г. Корсакова — бесполезны потому только, что въ нихъ не подведены итоги по губерніямъ и по періодамъ?

Послѣ статьи о движеніи народонаселенія по времени, авторъ помѣщаетъ статью о движеніи *народонаселенія по мѣсту*, и, подъ этимъ неудобопонятнымъ заглавіемъ, выписываетъ таблицу г. Кеппена объ отношеніи народонаселенія къ пространству, или о степени населенности губерній (что г. Горловъ неправильно называетъ *плотностью* населенія, переводя это слово буквально съ нѣмецкаго *Dichtigkeit*); и потомъ говоритъ о населеніи городовъ. Здѣсь, «чтобы познакомить лучше съ существомъ русскихъ городовъ и ихъ возможнымъ вліяніемъ», онъ приводитъ числа о населеніи Петербурга, Москвы, Нижняго-Новгорода, Перми и Астрахани (стр. 63 и 64). Отчего выбраны изъ губернскихъ городовъ только эти три, не извѣстно, тогда какъ у насъ есть этого рода свѣдѣнія о всѣхъ городахъ, издавныя Правительствомъ. Притомъ о столицахъ показаны свѣдѣнія за 1842 годъ, о Перми за 1838 годъ, а о Нижнемъ-Новгородѣ и Астрахани и года не означено. Что же касается до замѣчаній автора объ избранныхъ имъ городахъ (напримѣръ: о Казани, что расходъ картъ тамъ увеличивается, о Перми, что тамъ нѣтъ ни одного переплетчика, кромѣ нанятаго присутственными мѣстами для переплета шнуровыхъ книгъ и тетрадей), то достаточно указать на эти свѣдѣнія, чтобы ознако-

мнѣ съ характеристикой городовъ, для которой авторъ собралъ данныя въ путешествіи своемъ въ 1839 г. Въ концѣ этой главы говорится о статистикѣ пожаровъ, о двухъ страховыхъ обществахъ, о городскихъ доходахъ, — и все это отнесено къ движению народонаселенія по мѣсту. Нельзя не замѣтить, что такая система изложенія довольно далека отъ строго-логической.

Часть вторая — *Статистика промышленная*. Авторъ принялъ раздѣленіе промышленности на четыре отрасли: первобытную, сельскую, заводскую и торговую.

Къ промышленности первобытной онъ относитъ добычу металловъ и минераловъ, пользованіе лѣсами, рыболовство и звероловство.

Въ отношеніи добычи металловъ, авторъ сначала приводитъ нѣсколько историческихъ фактовъ, для указанія постепеннаго развитія у насъ рудопромышленности; потомъ исчисляетъ важнѣйшіе рудники, въ томъ порядкѣ, какъ они распределены по управленію ими, и наконецъ выписываетъ изъ официальныхъ источниковъ числовыя данныя о количествѣ добываемыхъ металловъ. Должно замѣтить, что горное дѣло въ Россіи, составляющее столь важную отрасль администраціи, имѣетъ свою чрезвычайно богатую литературу; довольно упомянуть о *Горномъ Журналѣ* и объ изданномъ на французскомъ языкѣ переводѣ важнѣйшихъ изъ него статей: *Annuaire du Corps des Mines de Russie*.

Пользуясь обильными матеріалами, авторъ увлекался важностью и занимательностью предмета, и потому, рядомъ со свѣдѣніями статистическими, помѣстилъ чисто-геологическія и геогностическія подробности объ Уралѣ (стр. 75 — 77), Алтаѣ (стр. 80) и Нерчинскихъ горахъ (стр. 87), имѣющія мало отношенія къ статистикѣ. Еще менѣе уместнымъ представляются вставленные въ главѣ о рудопромышленности въ Россіи выписки изъ А. Смита, Якоба и Макколоха о колебаніи цѣнности дорогихъ металловъ на европейскихъ рынкахъ (стр. 92 — 94), и разсужденіе самаго автора о лажахъ въ Россіи (стр. 94 — 99). Разсмотрѣніе этого послѣдняго явленія ни въ какомъ случаѣ не относится къ статистикѣ рудопромышленности. Не входя въ подробное разсмотрѣніе мнѣній автора объ этомъ предметѣ, достаточно вообще замѣтить, что объясненія автора о причинахъ лажа не

согласны съ началами политической экономіи. По его мнѣнію, лажъ происходилъ отъ недостатка денегъ; но какъ согласить съ этимъ тотъ фактъ, что изданіемъ указа 1 іюля 1839 года этотъ самый лажъ мгновенно прекратился.

Въ главѣ о добычѣ минераловъ говорится только о добычаніи каменнаго угля и соли, и такимъ образомъ умолчано о многихъ произведеніяхъ минеральнаго царства, добыча которыхъ, однако, составляетъ въ Россіи предметъ болѣе или мѣнѣе важной промышленности. Въ статьѣ о соли собраны числовыя свѣдѣнія весьма неполныя и разновременныя; о добычѣ илецкой соли данныя приведены съ 1806 по 1836 годъ, объ эльтонской съ 1823 по 1832, а полный итогъ всего добываемаго въ Россіи количества соли приведенъ отрывочно за разные годы, тогда какъ есть обнародованныя Правительствомъ свѣдѣнія этого рода за многіе годы. Сверхъ того въ этой статьѣ встрѣчаются неточности въ географическихъ именахъ: Еяиче названъ *Гениге*, Кинбурискія озера названы *Кимбургскими*; о соляныхъ озерахъ Таврической Губерніи говорится: озеро *Перекопское*, *Керченское*, *Евпаторійское* и пр. (стр. 111); это не правильно, — должно сказать: «озера Перекопскія», «Керченскія», «Евпаторійскія», потому что этими именами обозначаются плеяды многихъ озеръ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое мѣстное названіе, а лишь совокупность ихъ обозначается именемъ города или мѣста, вблизи которыхъ оно находится. — Солекарбонатъ натръ неправильно названъ *солено-кислымъ натрономъ* (стр. 104). При описаніи добычи соли у Илецкой-Защиты помѣщено извѣстіе о томъ, какъ отстроился этотъ городъ, какъ онъ былъ прежде обнесенъ валомъ, и какъ сосѣдніе Киргизы оставили разбойничье ремесло и принимаются за полезныя труды (стр. 103). Всѣ подобныя отступленія, не имѣющія связи съ главнымъ предметомъ, не совмѣстны съ требованіями систематическаго изложенія.

Въ статьѣ о пользованіи лѣсами приведены сначала числовыя данныя о количествѣ лѣсовъ въ Россіи. Извѣстно, что эти свѣдѣнія, имѣя своимъ основаніемъ результаты генеральнаго межеванія, которое для нѣкоторыхъ губерній окончено за 70 и 80 лѣтъ предъ симъ, не могутъ считаться соответственными нынѣшнему состоянію лѣсовъ. Но авторъ не вѣрно выписыва-

еть данныя изъ тѣхъ источниковъ, на которые осылается. Сказавъ, что Зябловскій принималъ количество казенныхъ лѣсовъ въ 423 мил., онъ говоритъ, что «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ * въ 1839 году полагаетъ это самое количество казенныхъ лѣсовъ, не смотря на значительное ихъ истребленіе со времени генеральнаго межеванія» (стр. 112). Это не справедливо въ отношеніи къ числамъ, потому что въ Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1841 года, книжка IV, количество казенныхъ лѣсовъ принимается въ 445½ мил. десятина; не справедливо еще и потому, что истребленіе лѣсовъ со времени генеральнаго межеванія никакъ не можетъ быть определено въ цифрахъ; свѣдѣнія о количествѣ лѣсовъ могутъ быть получены лишь святіемъ на планъ всего пространства Россіи, а этой операци, со времени генеральнаго межеванія, производимо не было.

Послѣ свѣдѣній о распредѣленіи лѣса по полосамъ (стр. 112), взятыхъ у Зябловскаго (Россійская Статистика, II, стр. 19), авторъ представляетъ изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ выписку о количествѣ лѣсовъ по губерніямъ и о породахъ лѣсныхъ деревь, не обозначая, однакоже, этого заимствованія. Переходя потомъ къ причинамъ истребленія лѣсовъ, онъ исчисляетъ нѣкоторыя неважныя, но не упоминаетъ о самыхъ важныхъ, а именно: о необходимости увеличенія полей на счетъ лѣсовъ, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія и о размноженіи тѣхъ мануфактуръ и заводовъ, которые дѣйствуютъ огнемъ. Представивъ затѣмъ выписку изъ превосходной статьи академика Бара о томъ, какъ должно смотрѣть на часто-слышимыя сѣтованія объ истребленіи лѣсовъ, авторъ оканчиваетъ статью нѣсколькими словами объ устройствѣ Корпуса Лѣсничихъ, о Лѣсномъ Институтѣ и Обществѣ Лѣснаго Хозяйства. Такимъ образомъ почти ничего не сказано собственно о пользованіи лѣсами; умолчано о принятыхъ мѣрахъ къ правильному устройству хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ и о разведеніи лѣсовъ въ безлѣсныхъ южныхъ степяхъ; ничего не сказано о добываніи лѣсныхъ произведеній дег-

* Тутъ онъ, между прочимъ, ссылается на Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1839 года, тогда какъ этотъ журналъ началъ издаваться съ 1841 года.

тя, смолы, поташа, скипидара и пр., составляющих однакоже, весьма важныя отрасли народной промышленности въ лѣсныхъ губерніяхъ. Сверхъ того, есть неточности въ фактахъ; напримѣръ: сказано, что Лѣсной Институтъ учрежденъ въ 1829 году (стр. 119). Это заведеніе на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь находится, учреждено въ 1811 году, подъ названіемъ Форстъ-Института, а въ 1829 году только увеличенъ штатъ этого заведенія, и сдѣланы измѣненія въ его устройствѣ.

Въ статьѣ о *рыболовствѣ* изложены только свѣдѣнія о черноморскомъ и азовскомъ рыболовствѣ, заимствованныя изъ статьи г. Скальковскаго (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1846 г.), о волжско-каспійскомъ морскомъ и рѣчномъ, и объ уральскомъ; о промыслахъ въ Бѣломъ Морѣ, по берегамъ Сѣвернаго Океана и въ Балтійскомъ Морѣ почти ничего не сказано. О сальянскихъ рыбныхъ промыслахъ авторъ даже вовсе не упомянулъ. Также ничего не говоритъ о рыболовствѣ внутри Россіи, гдѣ, однако, во многихъ рѣкахъ и озерахъ ловъ рыбы составляетъ важныя статьи мѣстной промышленности.

Еще менѣе удовлетворительна статья о звѣроловствѣ, которая почти вся состоитъ изъ выписокъ, почерпнутыхъ изъ Энциклопедическаго Лексикона, изъ Коммерческой Газеты и изъ статьи г. Бэра (въ сборникѣ: *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*), изъ которой взято все, что говорится (стр. 129—133) о звѣриныхъ промыслахъ въ Сибири. Эти источники конечно превосходны; сочиненіе Бэра есть весьма замѣчательная статистическая монографія; но то, что изъ этихъ источниковъ отрывочно заимствуетъ авторъ (даже не вездѣ обозначая такое заимствованіе), не составляетъ ничего цѣлаго, не даетъ понятія о всемъ объемѣ промысла въ Россіи. По самому способу, принятому авторомъ въ составленіи его книги изъ выписокъ, заимствованныхъ у разныхъ писателей, неизбежны пропуски и неполноты. Въ статьѣ о звѣроловствѣ онъ включилъ свѣдѣнія о владѣніяхъ Россійско-Американской Компаніи, съ означеніемъ числа жителей въ нихъ за 1834 годъ, хотя въ ежегодно-печатаемыхъ отчетахъ Компаніи онъ могъ бы найти новѣйшія данныя о составѣ и народонаселеніи этихъ владѣній. Исчисляя роды звѣрей, промыслиемыхъ Компаніею, онъ не да-

★

есть обстоятельнаго понятія о важности этихъ промысловъ, и, между прочимъ, причисляеть къ нимъ ловлю китовъ, тогда какъ на китовый промыселъ компанейскія суда не ходять.

Къ промышленности сельской авторъ относить: земледѣліе, садоводство, винодѣліе, шелководство и скотоводство, и такимъ образомъ совершенно пропускаеть безъ вниманія: пчеловодство, огородничество, разведеніе торговыхъ, волокнистыхъ, масличныхъ и красильныхъ растений, ибо въ статьѣ о земледѣліи объ этихъ отрасляхъ ничего не говорится.

Описанію сельской промышленности авторъ предпосылаетъ довольно обширную статью *о естественныхъ условіяхъ* этой промышленности, разумѣя подъ этими условіями: *пространство, климатъ и почву*. Неоспоримо, что два послѣднія условія имѣютъ большое вліяніе на сельское хозяйство; но изложеніе тутъ же числовыхъ свѣдѣній о пространствѣ Россіи не имѣетъ никакой связи съ предметомъ. «Съ 2½ десятинъ будетъ вдвое болѣе собрано хлѣба, чѣмъ со 100 десятинъ», говоритъ авторъ (стр. 134). Справедливо; но точно такое же отношеніе имѣетъ пространство и къ другимъ отраслямъ промышленности — къ звѣроловству, къ лѣсоводству, и пр.

Статья *о климатѣ* вся состоитъ изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ; она начинается переводомъ изъ сочиненія Гумбольдта (*Asie centrale*, томъ 3) на стр. 137, 138, 139, 140 и 141; потомъ слѣдуетъ выписка изъ статьи г. Латкина объ архангельскихъ тундрахъ, и эта выписка до того текстуальна, что хотя дѣло идетъ о климатѣ, однако тутъ же говорится объ обитателяхъ этихъ тундръ, о числѣ ихъ, ихъ промыслахъ (стр. 142 — 144); не довольствуясь этимъ, авторъ, вслѣдъ затѣмъ, выписываетъ изъ сочиненія г. Иславина разныя, совершенно не относящіяся къ климату, подробности о промыслахъ Самоѣдовъ, ихъ торговлѣ и даже объ ихъ гостепріимствѣ (стр. 144 — 145). Затѣмъ упомянувъ о предѣлахъ разведенія на сѣверѣ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ растений, перескакиваетъ съ глубокаго сѣвера прямо на югъ Россіи, къ степнымъ губерніямъ, о которыхъ говоритъ, что «трудно-разлагающійся черноземъ, напитанность почвы соляными частицами поставляютъ частыя преграды сельскому хозяйству» (стр. 146). Столь общее сужденіе ничѣмъ не доказано, и ничѣмъ доказано быть

не может. Черноземъ составляетъ источникъ богатства степного земледельца; а что касается до соляныхъ частицъ въ почвѣ, то ихъ никакъ нельзя признать характеристикою почвы всѣхъ степныхъ губерній: соляныя частицы находятся въ почвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Саратовской и Ставропольской губерній, въ Бессарабскомъ Буджакѣ, въ степной части Крыма, въ уѣздахъ: Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ и др.; но никакъ того же нельзя сказать о черноземныхъ, степныхъ частяхъ Тамбовской, Воронежской, Харьковской и другихъ внутреннихъ губерній. Намъ понятенъ и источникъ такихъ ошибочныхъ утверждений автора: заимствуя изъ разныхъ сочиненій, онъ естественно не находитъ ни въ одномъ всего, что ему нужно, — цѣлаго обзора предмета, а дѣлаетъ общія заключенія изъ частныхъ показаній. Тѣ, что говорится у автора какъ о *характерѣ степныхъ губерній вообще* (стр. 146), очевидно было внушено чтеніемъ статьи г. Тэцмана, помѣщенной въ изданіи г. Бэра и Гельмерсена: *Beiträge sur Kenntniss des Russischen Reichs*, и изъ которой, вслѣдъ за тѣмъ, приведена длинная выписка. Но чтобы извлечь пользу изъ статистической монографіи, нужно еще умѣть ея воспользоваться, нужно себѣ составить, изъ долгаго изученія предмета на мѣстѣ или изъ книгъ, собственное о немъ понятіе, и тогда всѣ частныя розысканія ученыхъ представятся намъ въ настоящемъ свѣтѣ; мы будемъ понимать ихъ; будемъ ясно видѣть, въ какомъ отношеніи находятся они къ общему, и что можно извлечь изъ нихъ полезнаго. Недостатокъ этого изученія обнаруживается у автора, между прочимъ, въ отношеніи къ разнымъ мѣстностямъ Россіи. Напримѣръ: приведя весьма длинную выписку изъ статьи г. Тэцмана (стр. 147—151), онъ придаетъ замѣчаніямъ этого автора такой смыслъ, какъ будто они относятся ко всѣмъ вообще степямъ южной Россіи, тогда какъ г. Тэцманъ писалъ только о степяхъ той части края, которая ему, какъ иностранцу, не бывшему въ другихъ мѣстахъ Россіи, одна и была извѣстна, а именно: о степныхъ уѣздахъ Таврической Губерніи; но эти степи, по климату и почвѣ, весьма различны отъ большей части степей южной Россіи.

Вслѣдъ за выпискою изъ Тэцмана, идетъ выписка изъ Палласа и изъ Гебеля о солонцахъ саратовскихъ и астраханскихъ

(стр. 151 и 152), и затѣмъ выписка изъ г. Ханькова и изъ г. Гельмерсена о степяхъ, занимаемыхъ Внутреннею и Малою Ордами Киргизовъ (стр. 152—157). Такимъ образомъ авторъ, приведя подлинныя свидѣтельства ученыхъ, *in extenso*, о тундрахъ на сѣверѣ, и о степяхъ таврическихъ и при-каспійскихъ на югѣ, касается только нѣкоторыхъ крайнихъ частей Россіи; читатель, не смотря на длину всей статьи, не въ состояніи составить себѣ никакого понятія о свойствахъ климата и вліяніи его на сельское хозяйство въ Россіи, за исключеніемъ тундръ, гдѣ сельскаго хозяйства не существуетъ, и нѣкоторыхъ частей степной полосы, именно тѣхъ частей, въ которыхъ или существуетъ одно лишь скотоводство (киргизскія степи); или если земледѣліе и существуетъ, то оно встрѣчаетъ препятствія со стороны мѣстныхъ условій (Днѣпровскій Уѣздъ Таврической Губерніи). Все же остальное пространство Россіи, къ которому собственно и относятся слѣдующія затѣмъ статьи о состояніи земледѣлія, скотоводства и другихъ отраслей, оставлено безъ вниманія. Сверхъ того, представляя такой длинный рядъ выписокъ, авторъ упустилъ даже привести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, а именно: онъ приводитъ, совершенно такъ, какъ находилъ у разныхъ писателей, означеніе градусовъ термометра, не обративъ вниманія на то, что одни употребляютъ сто-градусное (Цельсіевъ), а другіе восьмидесяти-градусное (Реомюрово) дѣленіе. Въ выпискѣ, заимствованной у Гумбольдта, градусы показаны по Ц.; вслѣдъ за тѣмъ направленіе изотермическихъ линій (стр. 138), взятое въ журнальной статьѣ одного хозяина, не составляющаго авторитета въ наукѣ климатологій, градусы очевидно Реомюровы; тотъ же термометръ употребленъ Тэцманомъ; а между тѣмъ всѣ эти разнородныя показанія приведены здѣсь въ смѣшеніи, безъ означенія, по какому термометру они сдѣланы. Для читателя, незнакомаго съ источниками, это можетъ подать поводъ къ совершенному смѣшенію понятій.

Въ статьѣ о *земледѣліи* еще менѣе полноты и необходимой стройности; главную часть этой довольно-краткой статьи занимаютъ разсужденія о торговлѣ хлѣбомъ; а ничего не сказано собственно о состояніи земледѣлія, о степени его развитія, о средствахъ, коими оно производится, объ отношеніи его къ наро-

допоселенію, и пр. Вся статья составлена изъ отрывочныхъ показаній, взятыхъ изъ разныхъ статей гг. Кеппена (о потребленіи хлѣба), Протопопова (о торгѣ хлѣбомъ), Веселовскаго (о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ) и нѣкоторыхъ другихъ. Съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что авторъ такъ отрывочно беретъ изъ источниковъ, что даже превращаетъ смыслъ ихъ показаній. Приледя, на стр. 159, заимствованныя изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ цифры о количествѣ земли, состоящей въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, онъ далѣе приводитъ, сколько удобной земли приходится на душу въ разныхъ губерніяхъ, не предваривъ читателя, что и эти свѣдѣнія взяты изъ того же источника, и относятся къ однимъ государственнымъ крестьянамъ, т. е. къ одной лишь половинѣ земледѣльческаго населенія Россіи. Здѣсь, какъ и во всей статьѣ, вовсе не говорится о помѣщичьихъ земляхъ, которыя, однакоже, составляютъ почти $\frac{3}{4}$ пространства Европейской Россіи, и слѣдовательно не могли быть упущены въ статистику земледѣлія.

Послѣ свѣдѣній о цѣнахъ на хлѣбъ, выписанныхъ изъ статьи г. Веселовскаго (стр. 165—166), авторъ желалъ дать нѣкоторое понятіе о *внутреннихъ отношеніяхъ* сельскаго хозяйства; но руководствуясь въ этой статьѣ сочиненіемъ г. Шелехова (*Народное руководство къ селскому хозяйству*), вовлекается имъ въ весьма важныя ошибки. Напримѣръ: онъ говоритъ, что «трехпольная система полеводства есть господствующая въ Россіи» (стр. 166);—эта система есть господствующая только въ средней части Россіи; на югѣ въ степной Россіи исключительно-употребительная система есть выгонная, на сѣверѣ Россіи господствуетъ подсычная система, а въ Остзейскихъ губерніяхъ, повсемѣстно у помѣщиковъ, введена плодоперемѣнная.

Не основательна также приводимая изъ г. Шелехова мысль, что «если бы пахать землю не, по обыкновенію, въ $2\frac{1}{2}$ вершка глубиною, а вдвое глубже, то можно имѣть, вмѣсто двухъ, одну десятину пашни, и на половину уменьшить поверхность поля, съ большею выгодною во всѣхъ отношеніяхъ: пространства, времени, труда, дохода» (стр. 167). Повторяя это одностороннее мнѣніе и видя въ глубокомъ паханіи единственное средство улучшенія нашего хозяйства, авторъ переходитъ къ

исчисленію мѣръ, принятыхъ для распространенія агрономическихкихъ познаній въ Россіи. Это исчисленіе далеко не полно и не точно. Тутъ говорится лишь о нѣкоторыхъ Обществахъ Сельскаго Хозяйства, о нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. О дѣятельности Обществъ и услугахъ, оказанныхъ ими сельскому хозяйству, приведены отрывочныя данныя, взятая изъ отчетовъ этихъ Обществъ за одинъ 1843 годъ; поэтому и выходить, что о нѣкоторыхъ упущены главныя ихъ заслуги, а упомянуты предметы второстепенной важности. Напримѣръ: о Московскомъ Обществѣ, между прочимъ, сказано, что «чрезвычайную, истинно народную важность можетъ принести предпріятіе этого Общества распространить въ Россіи улучшенные способы дубленія тулуповъ и веревочную обувь» (стр. 168). Очевидно, что здѣсь дубленнымъ тулупамъ и, особенно, веревочной обуви придана слишкомъ большая важность. Изъ учебныхъ заведеній, упоминается только объ Удѣльномъ Училищѣ (возлѣ Петербурга) и о Горыгорьцкой Школѣ, и сказанное объ этихъ заведеніяхъ можетъ считаться слишкомъ поверхностнымъ, не говори уже о томъ, что не упомянуто о многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, служащихъ къ распространенію агрономическихкихъ познаній.

Статья о садоводствѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ, однако, встрѣчается много невѣрнаго; извѣстный *Никитскій* садъ (въ Крыму) названъ *Никитинскимъ* (стр. 170); не вѣрно сказано, что казенныя училища садоводства есть въ Полтавѣ, Аккерманѣ (стр. 171), когда тамъ такихъ училищъ нѣтъ.

Статьи о винодѣліи и шелководствѣ (стр. 171—175) хотя не полны, однако, въ сравненіи съ другими статьями о сельской промышленности, могутъ считаться еще достаточными, потому что и самыя эти отрасли хозяйства въ настоящее время еще не достигли большого развитія. Впрочемъ авторъ не воспользовался весьма многими и хорошими матеріалами по этой части, находящимися въ официальныхъ изданіяхъ, какъ Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Коммерческая Газета и въ изданіяхъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Въ статьѣ о скотоводствѣ говорится: о рогатомъ скотѣ, овцахъ и лошадяхъ; но изложеніе лишено и здѣсь системати-

тескаго порядка. Статью о рогатомъ скотѣ авторъ начинаетъ нѣсколькими частными числовыми данными о потребленіи мясной пищи, потомъ переходитъ къ луговодству, которое собственно составляетъ особую отрасль хозяйства и которому поэтому было бы правильнѣе дать мѣсто вслѣдъ за статьею о земледѣліи; потомъ говорится вкратцѣ о компаніи застрахованія скота (стр. 178) и наконецъ о холмогорской породѣ скота, и о скотоводствѣ на югѣ Россіи. Здѣсь нѣтъ ни исчисленія породъ, разводимыхъ въ Россіи, ни соображеній о соразмѣрности числа скота съ потребностями сельскаго хозяйства и домашнимъ бытомъ породъ. Опуская столь важныя, чисто-статистическіе предметы, авторъ тутъ же помѣщаетъ, на цѣлой страницѣ, чуждыя общаго для Россіи интереса, хотя и важныя для своей мѣстности, подробности о скотоводствѣ у Калмыковъ. Такимъ образомъ авторъ вездѣ беретъ на выборъ только нѣкоторые предметы отдѣльные, устраняя другіе, существенно важныя и необходимыя для общей связи и полноты въ статистическомъ сочиненіи о цѣлой Россіи. Такая система совершенно противоположна требованіямъ ученой обработки матеріаловъ, при современномъ состояніи науки. Сверхъ того, въ статьѣ о скотоводствѣ есть невѣрные и неточныя показанія: Николаевъ (Херсонской губерніи) названъ уѣзднымъ городомъ (стр. 178); но онъ заштатный, и уѣзда не имѣетъ. «Въ Новороссіи, Малороссіи и на Дону, скотоводство,—по мнѣнію автора,—встрѣчаетъ препятствія для дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ, въ недостаткѣ воды» (на той же стр.); это совершенно невѣрно: Малороссію и Землю Донскихъ Казаковъ никакъ нельзя причислить къ безводнымъ мѣстамъ. О салотопленіи, столь важной у насъ отрасли хозяйства, сказано только, что «приготовленіе сала занимаетъ въ Новороссіи *довольно капиталовъ*» (стр. 178); но салотопленіе не есть промышленность, исключительно принадлежащая Новороссійскому Краю; оно весьма важно также въ Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской и Казанской губерніяхъ, о которыхъ, однако, авторъ даже не упоминаетъ. «Корова даетъ сала до 4, быкъ до 6 пудъ» (стр. 178); если авторъ принимаетъ эти цифры за среднія, то онъ слишкомъ высоки: такіе выходы сала получаютъ только отъ самыхъ крупныхъ животныхъ.

Статья объ овцеводствѣ удовлетворительнѣе, но она почти вся составлена изъ статьи г. Гагемейстера (въ книгѣ *Обозрѣніе главныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи*) и изъ статьи г. Веселовскаго (въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ*). Въ концѣ сдѣлано указаніе на существующія учрежденія къ улучшенію овцеводства, и упомянуто только о Московскомъ Обществѣ, и о коренныхъ овчарняхъ ливонской и курляндской, которыя неправильно названы *казенными* (стр. 182). Эти овчарни принадлежатъ дворянству; и притомъ пропущена эстонская коренная овчарня (существующая на мызѣ Ореугофъ). Ничего не упомянуто о многихъ другихъ мѣрахъ, которыя предприняты нашимъ Правительствомъ на пользу овцеводства, какъ-то: о шерстныхъ ярмаркахъ, о школахъ овчаровъ при Горыгорьцкомъ Институтѣ, а равно о важнѣйшихъ распоряженіяхъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи по тому же предмету.

Статья о коневодствѣ не только не полна, но даже весьма странна. Не представивъ никакихъ данныхъ о состояніи коневодства въ Имперіи, и упомянувъ только вскользь о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства, авторъ, безъ всякихъ переходовъ, обращается къ путешествію Коля, и выписываетъ изъ него шесть страницъ о степномъ коневодствѣ (стр. 183—189); но эта выписка такъ текстуальна, что авторъ даже удержалъ описаніе образа жизни и одежды табунщиковъ,—описаніе, занимающее три страницы. Въ русскомъ учебномъ сочиненіи о самой Россіи встрѣчать извѣстія такого иностраннаго туриста, каковъ Коля, удивительно, тѣмъ болѣе, что авторъ не могъ жаловаться на недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для статьи о коневодствѣ; довольно указать на одни оффиціальныя источники, какъ-то: *Журналъ Коннозаводства* и многія статьи въ *Журналахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* и *Государственныхъ Имуществъ*.

Но авторъ вовсе, можно сказать, ничего не сказалъ о состояніи коневодства, а только ограничился живописнымъ обозрѣніемъ степныхъ табуновъ и табунщиковъ; вся эта глава такъ далека отъ требованій ученой обработки статистическихъ матеріаловъ, что нѣтъ, кажется, и нужды упоминать здѣсь подро-

бно о всѣхъ невѣрностяхъ, которыми наполнена сдѣланная авторомъ выписка.

Такимъ образомъ кончается глава о *сельской промышленности*.

Гораздо лучше обработана слѣдующая затѣмъ глава, о *фабричной промышленности*: авторъ почерпнулъ большую часть своихъ показаній по этой части изъ превосходнаго, изданнаго Правительствомъ, сочиненія (*Обозрѣнiе главныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россiи*. С.-Петербургъ. 1845), которое, по справедливости, можно признать самую полную статистикою этого предмета. Выпискамъ изъ упомянутаго сочиненія предшествуетъ краткое историческое обозрѣнiе системы управления фабричною частью, извлеченное изъ статьи г. Иванова (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1844 г.). Чтобы дать въ числахъ понятiе о возрастанiи у насъ числа фабрикъ, авторъ приводитъ изъ Германа отрывочныя и неполныя свѣдѣнiя за 1812 годъ, изъ г. Пельчинскаго за 1831, а изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1839 годъ, не обращая вниманiя на то, что эти свѣдѣнiя, какъ весьма разнородныя, не могутъ быть между собою сравниваемы: у Германа показано число фабрикъ по *нѣкоторымъ* губернiямъ и по *нѣкоторымъ* отраслямъ фабрикацiи; у г. Пельчинскаго показано *на какую сумму* выдѣлано разныхъ фабричныхъ и заводскихъ издѣлiй въ 1831 г., а въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ приведены итоги *по цѣлой Россiи* числа разныхъ фабрикъ за 1839 г.; такимъ образомъ сравненiе подобныхъ неоднородныхъ данныхъ совершенно невозможно; но авторъ выводитъ, однакоже, изъ нихъ заключенiе, что заводская промышленность, по многимъ отраслямъ, значительно распространилась (стр. 195). Это заключенiе, конечно, справедливо; но оно нисколько не истекаетъ изъ тѣхъ числовыхъ данныхъ, которыя приведены авторомъ.

Послѣ того онъ опровергаетъ мнѣнiе, будто Россiя есть государство *исключительно-земледѣльческое*. Едва ли и нужно опровергать такое мнѣнiе, которое никѣмъ уже нынѣ и не поддерживается. Кому неизвѣстно, изъ первыхъ началъ политической экономiи, что *исключительно-земледѣльческаго государства* быть не можетъ; что для успѣховъ самаго земледѣлiя,

соответственных возрастающему образованию государства, необходимо одновременное развитие обрабатывающей и торговой промышленности, и что исключительно-земледельческія страны суть только тѣ, которыя находятся на столь низкой степени развитія, что въ собственномъ стыслѣ не составляютъ государствъ.

Затѣмъ, съ страницы 197 до 206, слѣдуютъ выписки изъ упомянутого *Обозрѣнія* о разныхъ отрасляхъ фабричной и заводской промышленности, обрабатывающей ископаемые продукты; потомъ помѣщена, о свеклосахарныхъ заводахъ, выписка изъ статьи г. Маслова, напечатанной въ *Московскомъ городскомъ листкѣ*, и написанной по одному частному случаю съ полемическою цѣлю. Авторъ не обратилъ вниманіе на то, что факты, приводимые г. Масловымъ, были опровергнуты въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ (*Отечественныя Записки*), и опровергнуты статистическими цифрами. Поэтому онъ, слѣдуя за г. Масловымъ, повторяетъ невѣрные показанія о привозѣ сахарнаго песку (стр. 207), объ уменьшеніи таможеннаго сбора отъ распространенія производства свекловичнаго сахара. Сверхъ того, о состояніи у насъ свеклосахарнаго производства можно было представить гораздо болѣе важныя и полныя свѣдѣнія, заимствуя ихъ изъ Московскаго Земледѣльческаго Журнала, Записокъ Комитета Сахароваровъ, изъ Журналовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Слѣдующія, затѣмъ, статьи: о фабрикаціи льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, писчей бумаги, о хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ, о салотопленіи, мыловареніи и свѣчномъ производствѣ, о выдѣлкѣ кожъ и шерстяныхъ издѣлій (съ стр. 208 до 229) — почти всѣ извлечены изъ упомянутого выше *Обозрѣнія*, съ немногими вставками самаго автора изъ *Библіотеки коммерческихъ знаній*, изъ извѣстныхъ сочиненій гг. Самойлова и Бутовскаго, и изъ Коммерческой Газеты. Въ статьѣ о сальѣ онъ даже нашелъ возможнымъ помѣстить опять извлеченіе изъ г. Коля (на двухъ стр. 218—220) о томъ, какъ бьютъ на саяганахъ скотъ въ степяхъ. Взявъ за руководство, въ этой части своего сочиненія, *Обозрѣніе главной отрасли промышленности*, авторъ упустилъ изъ вида, что эта книга составлена по случаю бывшей въ Москвѣ мануфактурной выставки, и что поэтому са-

мому въ нее не вошло обозрѣніе тѣхъ заводовъ, произведенія которыхъ на выставкѣ не явились, и которыя, однако, нельзя пропустить въ общей статистикѣ заводской и фабричной промышленности Россіи; напримѣръ: заводы винокуренные, пивоварные и т. п.; о нихъ нѣтъ у г. Горлова ни слова, тогда какъ, по величинѣ капитала, ими обрабатываемаго, они принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ въ Россіи. Говоря о свеклосахарныхъ заводахъ, онъ вовсе не упоминаетъ о фабрикаціи сахара изъ колониальнаго песка, какъ будто она не существуетъ въ Россіи; въ статьѣ о свѣчномъ производствѣ говорится о выдѣлкѣ салыныхъ и стеариновыхъ свѣчъ, о восковыхъ же ни слова; фабрикація табаку также пропущена. Къ фабричной промышленности авторъ причисляетъ сортировку щетины, упуская изъ виду множество другихъ подобныхъ руководѣльныхъ производствъ. Упомянувъ о щетинѣ, онъ коснулся, въ той же статьѣ, о ковскомъ волосѣ и объ отпускѣ обоихъ продуктовъ за границу, хотя это вовсе не относится къ главѣ, посвященной обозрѣнію фабричной промышленности. О состояніи сельскихъ и городскихъ ремеселъ въ Россіи авторъ не счелъ нужнымъ упомянуть.

Послѣдній отдѣлъ книги посвященъ промышленности торговой, которую авторъ разсматриваетъ въ 7 главахъ: I. О средствахъ сообщенія (разумѣя здѣсь одно судоходство по рѣкамъ); II. Система каналовъ; III. Сухопутная доставка (напрасно эти объ главы отдѣлены отъ первой: предметъ всѣхъ трехъ — средства сообщенія); IV. О ярмаркахъ; V. Внѣшняя торговля; VI. О предметахъ ввоза и VII. О предметахъ вывоза (опять и здѣсь въ распредѣленіи предметовъ нарушается строгая система: двѣ послѣднія главы относятся также къ внѣшней торговлѣ).

Глава о *средствахъ сообщенія* посвящена собственно рѣчному судоходству, и почти вся главнѣйше взята изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ 1843 года (часть VII, Отд. III, стр. 1—32) со вставкою, въ разныхъ мѣстахъ, извлеченій изъ другихъ источниковъ. Какъ мало обработана эта статья, видно изъ того, что, приводя, болѣею частію текстуально, слова означеннаго Журнала, авторъ не принялъ въ соображеніе, что нѣкоторые данныя здѣсь противорѣчатъ его же собственнымъ показаніямъ, приведеннымъ въ другихъ мѣстахъ его книги, и взятыхъ изъ другихъ источниковъ. Напри-

мязрь: здѣсь, на стр. 230, онъ говоритъ, повторяя слова Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, что Москва лежитъ на 500 футовъ выше уровня океана, а выше (стр. 139) въ статьѣ о климатѣ, приводя слова А. Гумбольдта, онъ говоритъ, что Москва едва достигаетъ 60 туазовъ высоты (что составляетъ только 380 футовъ). Вставки, которыми авторъ пополняетъ статью означеннаго Журнала, частью относятся къ судоходству, и заимствованы изъ Библіотеки коммерческихъ знаній, а частью нисколько къ предмету не относятся, и составляютъ неумѣстныя отступленія. Напримѣръ: въ статью о средствахъ сообщенія вставлено розысканіе г. Кеппена о томъ, имѣетъ ли истребленіе лѣсовъ вліяніе на обмеленіе нашихъ рѣкъ (стр. 232 и 233), а далѣе бесполезно приведена изъ Коля цѣлая страница (249—250), на которой излагается исторія образованія лимановъ; въ статьѣ о днѣпровскомъ судоходствѣ совершенно напрасно приведена длинная выписка разчетовъ, опубликованныхъ когда-то, не существующею уже нынѣ Компаніею днѣпровскаго пароходства, о выгодахъ учрежденія по Днѣпру двухъ пароходовъ (стр. 252); странно приводить эти разсчеты объ ожидаемыхъ выгодахъ, когда и самая Компанія закрылась *.

Статья о системѣ каналовъ взята преимущественно изъ *Библіотеки коммерческихъ знаній*, но почти вся географическаго содержанія и никакихъ статистическихъ данныхъ о судоходномъ движеніи по каналамъ въ себѣ не заключаетъ. На стр. 266 представлена общая таблица протяженія каналовъ, заимствованная, безъ указанія источника, изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ (1843, VIII, Отд. IV, стр. 66).

Въ статьѣ о *сухопутныхъ доставкахъ* ничего нѣтъ собственнаго объ этомъ предметѣ, а говорится только о Царскосельской желѣзной дорогѣ; потомъ приводится соображеніе г. Герстнера о выгодахъ отъ постройки желѣзной дороги между Москвой и Петербургомъ; за тѣмъ представляется выписка изъ Высочайшаго указа 21 января 1847 года о выпускѣ двухъ разрядовъ билетовъ Государственнаго Казначейства на издержки по устройству въ 1847 году Московской желѣзной дороги, и въ заключеніе упоминается

* Замѣтимъ еще, что Оцкій бассейнъ авторъ называетъ *Оцкимъ*. Такое названіе не для всякаго будетъ даже понятно.

о жезвнно-конной дорогѣ между Волгою и Дономъ. Тамъ статья и кончается, оставляя въ недоумѣніи читателя, ожидавшаго найти здѣсь сведенія въ систематическомъ порядкѣ, въ разныхъ мѣстахъ разсыяныя данныя о сухопутныхъ трактахъ и коммерческихъ дорогахъ, о движеніи транспортовъ и обозовъ, о гужевои перевозкѣ, составляющей, въ разныхъ частяхъ Россіи, столь важную статью мѣстныхъ промысловъ. Авторъ говоритъ, что объ этихъ предметахъ нѣтъ статистическихъ свѣдѣній (стр. 267). Но этого сказать нельзя: свѣдѣній довольно много; только они разсыяны, не сведены въ одно цѣлое.

Статья о ярмаркахъ также чрезвычайно коротка, не полна и не даетъ никакого понятія о движеніи ярмарочной торговли и о значеніи хотя главнѣйшихъ ярмарокъ. Авторъ ограничился извлеченіемъ изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ таблицы, въ которой показано, на какую сумму простирался, въ 1838 году, весь привозъ товаровъ на главные ярмарки, хотя объ этомъ предметѣ онъ могъ бы найти, въ официальныхъ журналахъ, новѣйшія свѣдѣнія. Вслѣдъ за этою таблицею помѣщено нѣсколько выдержекъ изъ книги г. Мельникова о Нижегородской ярмаркѣ—вотъ все, что находимъ (стр. 274—276) въ статьѣ о ярмаркахъ.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ авторъ разсматриваетъ *внѣшнюю торговлю*. Для этой статьи онъ могъ бы воспользо-ваться отчетами, ежегодно издаваемыми отъ Департамента Внѣшней Торговли, Коммерческою Газетою и многими матеріалами, разсыянными въ официальныхъ и частныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но даже изъ богатаго запаса свѣдѣній по этой части авторъ почерпалъ данныя отрывочно, поверхностно и безъ основательнаго изученія предмета. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: общій очеркъ производства внѣшней торговли заимствованъ изъ Коммерческаго Словаря Маккулока, который, въ статьѣ *Петербургъ*, описываетъ вкратцѣ порядокъ биржевыхъ сделокъ между иностранными и русскими купцами; и тутъ же авторъ помѣстилъ, изъ этого же источника, свѣдѣнія объ артеляхъ. Авторъ говоритъ, что морскія страхованія товаровъ, обращающихся въ нашей внѣшней торговлѣ, дѣлаются вообще въ Лондонѣ и Амстердамѣ, и вовсе не упоминаетъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ двухъ компаній морскаго страхованія,

а также о существующихъ, съ давняго времени, въ Одессѣ страховыхъ компаніяхъ этого же рода.— Не знаемъ, откуда заимствовалъ онъ неточныя показанія о бракованіи товаровъ въ нашихъ портахъ: по словамъ его, осмотру браковщиковъ подлежать: *лпсъ, полотна, парусина, ленъ, конопля и проч.*, между тѣмъ какъ лѣсъ бракуется только въ Ригѣ; на полотна и парусину правила о бракѣ не распространяются; браку подлежить не конопля, а пенька, изъ нея получаемая; а подъ словомъ и *проч.* можно разумѣть, что и всѣ другіе товары отпускаются не иначе, какъ съ бракомъ; напротивъ того, бракъ учрежденъ для весьма немногихъ главныхъ отпускныхъ товаровъ, и напримѣръ: въ С.-Петербургѣ, въ отношеніи къ салу, пенькѣ и льну, предоставленъ на волю, по согласію между продавцемъ и покупателемъ. — Разсматривая движеніе вѣншей торговли въ нашихъ портахъ, авторъ, въ своемъ *поверхностномъ* *открытѣ*, сдѣлалъ въ нихъ случаяхъ важныя пропуски, а въ другихъ увлекся въ неумѣстныя отступленія; напримѣръ: при С.-Петербургскомъ портѣ не упомянулъ, что значительная часть Россіи снабжается отсюда иностранными товарами; говори о торговлѣ Риги, распространился о сплавѣ лѣсного товара къ этому порту и о качествахъ разныхъ отпускныхъ товаровъ, выписывая все это изъ Маккулока, и, руководствуясь тѣмъ же источникомъ, авторъ говоритъ, что пенька привозится въ Ригу изъ *Польши* (!) Въ статьѣ о портахъ, участвующихъ въ черноморской и азовской торговлѣ, помѣщена таблица о населеніи, числѣ домовъ и о городскихъ доходахъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городовъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ о быстромъ развитіи одесской торговли: отмѣченъ только привозъ и вывозъ товаровъ за 1845 г. Между статьями одесскаго отпуска показаны весьма маловажныя (рыбы и пр.), а пропущена одна изъ главныхъ — льняное сѣмя. Къ привозимымъ въ Одессу иностраннымъ товарамъ причислена нефть (на стр. 283) и хлопчатая бумага персидская (стр. 287), которая вовсе туда не привозится. О бѣломорской торговлѣ приведены только общіе итоги привоза и отпуска, и сказано, что она производится изъ Архангельска и Мезени, тогда какъ къ послѣднему мѣсту корабли изъ иностранныхъ портовъ вовсе не приходятъ; а между тѣмъ умолчано о торговыхъ сношеніяхъ по-

морскихъ жителей съ Норвегією, главный промыселъ которыхъ состоитъ въ мореходствѣ. — Сухопутную торговлю авторъ раздѣляетъ на западную и восточную, присовокупляя, что послѣдняя есть караванная, и мѣстами дѣйствія ея служатъ Кяхта и граница отъ Бухтармы до Каспійскаго моря. Кяхтинская торговля отнюдь не принадлежитъ къ караванной. Цѣфы, приводимыя авторомъ, могутъ дать ошибочное понятіе о значеніи кяхтинской мѣны: по его показанію, общій оборотъ въ ней составляетъ до 5.000.000 р. сер., а еслибы авторъ справился съ «Видами торговли», издавшимися съ 1841 г., въ которыхъ, съ этого года, означается сумма отпуска и привоза по кяхтинскому торгу, по объявленнымъ купечествомъ цѣнамъ, то удостоившись бы, что одного чаю вымѣнивается почти на 7.000.000 р. сер. Въ главѣ о предметахъ ввоза, авторъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ только статьяхъ, не руководствовался строгою системою въ размѣщеніи числовыхъ показаній; напримѣръ: ввозъ бумажной пряжи показанъ съ 1826 по 1843 г., а хлопчатой бумаги съ 1800 по 1834 годъ, и нужно искать въ другомъ мѣстѣ той же статьи количество привоза этого матеріала въ новѣйшее время. Говоря о винахъ, авторъ противорѣчитъ самому себѣ; вотъ собственныя его слова: «Напрасно говорятъ, что въ Россіи пьется большею частію поддѣльное шампанское; мнѣ самому случалось разговаривать въ Шалони съ знаменитымъ торговцемъ Жаксономъ, который увѣрялъ, что отправляетъ въ С.-Петербургъ нѣсколько сотъ тысячъ бутылокъ шампанскаго своей фабрики; но — присовокупляетъ авторъ — конечно много шампанскаго, выписываемаго въ Россію, выдѣляется въ разныхъ мѣстахъ Германіи и у насъ.» Итакъ чѣмъ же опровергнулъ онъ мнѣніе о большомъ расходѣ въ Россіи поддѣльнаго шампанскаго? Касательно чая, авторъ замѣчаетъ, что онъ имѣетъ личныя убѣжденія, которыя не можетъ передать другимъ. «Мои убѣжденія, — говоритъ онъ, — основанныя на сравненіи чаевъ Готенбурга (въ Швеціи), Англіи, Гамбурга и Швейцаріи, таковы, что я не могу признать превосходства русскихъ чаевъ, кромѣ самыхъ дорогихъ сортовъ». Въ доказательство дороговизны чаевъ въ Россіи, авторъ исчислилъ, что цѣна ихъ возвысилась (съ 1824—28 по 1839—43 г.) на 182%, принявъ въ основаніе оцѣнку вымѣняемаго чая по «Ви-

дамъ торговли, и не замѣтилъ притомъ, что стоимость промѣнныхъ и вымѣненныхъ товаровъ по кяхтинскому торгу, показывается въ этихъ отчетахъ съ 1844 г., по объявленнымъ цѣнамъ, а до тѣхъ поръ исчислялась по промѣннымъ, которыя гораздо ниже настоящихъ: неужели авторъ, выписывая цифры изъ «Видовъ торговли» о чаѣ, не былъ удивленъ значительною разницею въ стоимости чаевъ, происшедшею единственно отъ измѣненія способа ихъ оцѣнки, а вовсе не отъ возвышенія цѣнъ, которыя, напротивъ того, въ новѣйшее время понизились. — Изъ замѣчаній о чаѣ, авторъ присовокупилъ извлеченную изъ Маккулокова словаря таблицу о цѣнахъ на чай въ Англіи, въ томъ самомъ видѣ, какъ она помѣщена въ англійскомъ подлинникѣ, безъ перевода на русскую мѣру и на русскія деньги, и даже безъ перевода на русскій языкъ; для читателя, не имѣющаго подъ рукою метрологій и незнакомаго съ англійскимъ языкомъ, эта таблица совершенно непонятна. — Притомъ, она начинается съ 1814 и кончается 1831 г.; слѣдовательно относится къ тому времени, когда существовала монополія Остиндской компаніи въ чайной торговлѣ; съ уничтоженіемъ этой монополіи, чай въ Англіи нынѣ дешевле того, какъ показано въ приведенной таблицѣ. Авторъ говоритъ, что помѣстилъ ее для сравненія цѣнъ чая въ Англіи и Россіи; но этого сравненія онъ не сдѣлалъ, и даже не приводитъ цѣнъ, существующихъ на чай въ Россіи. — Последняя глава, о предметахъ вывоза, почерпнута большею частію изъ нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ Библіотекѣ для Чтенія и Бѣседъ о торговлѣ, изданныхъ г. Вавиловымъ, откуда, между прочимъ, перепечатанъ цѣликомъ торговый счетъ на покупку въ Петербургъ и на отправку въ Лондонъ пуда сала: этотъ счетъ былъ на своемъ мѣстѣ въ книгѣ г. Вавилова; но авторъ не объяснилъ, для какой цѣли необходимо было помѣстить эти цифры въ Экономической Статистикѣ.

Находя въ этомъ сочиненіи такія отрывочныя свѣдѣнія, которыя не имѣютъ близкаго отношенія къ Экономической Статистикѣ государства, тѣмъ болѣе удивительно замѣтить пропускъ предметовъ, весьма важныхъ въ экономическомъ положеніи страны; напримѣръ: нѣтъ ни слова о компаніяхъ на акціяхъ, о почтахъ, о банкахъ и другихъ кредитныхъ установле-

ніяхъ, о рѣчномъ и морскомъ пароходствѣ, о страхованіяхъ, и проч.

Къ концу книги приложены *прибавленія*; это *выписки* изъ разныхъ, большею частію, *офіціальныхъ источниковъ*, представленные безъ всякой системы; слѣдовательно объ нихъ говорить здѣсь излишне: авторъ не имѣлъ въ виду *обработки* этихъ матеріаловъ, а только желалъ выписать нѣкоторые факты. Должно замѣтить только, что многія изъ этихъ выписокъ, если бы были внесены въ текстъ, должны бы были устранить изъ послѣдняго многое устарѣлое, излишнее или неполное; но эту работу авторъ призналъ затруднительною (стр. II предисловія), и оправдываетъ себя только тѣмъ, что упомянутые матеріалы обнаружены имъ 1847 года, когда *Экономическая Статистика* была кончена; но какъ эта книга издана въ началѣ 1849 г., то не понятно, почему авторъ не воспользовался повѣйшими свѣдѣніями, для исправленія и дополненія своего труда.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, все содержаніе *Экономической Статистики* г. Горлова, мы должны сказать, что она представляетъ весьма неполное и нестройное изложеніе этого предмета, безъ критическаго разбора источниковъ, съ упущеніемъ изъ виду достовѣрныхъ и *офіціальныхъ* матеріаловъ; растянутое безпрестанными отступленіями отъ главнаго предмета и вставкою подробностей, не относящихся къ дѣлу. Приводимыя авторомъ статистическія данныя не слиты въ одно цѣлое, представлены не въ томъ обработанномъ видѣ, который позволялъ бы легко обозрѣвать предметъ во всемъ его объемѣ (что и составляетъ цѣль такого систематическаго сочиненія): напротивъ того, они предложены читателю въ той самой формѣ, въ какой найдены въ источникахъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, составленнымъ разными людьми, по разнымъ случаямъ и для разныхъ цѣлей. — Слѣдовательно единства и согласія между такими выписками и быть не можетъ.

Всѣ эти недостатки *Экономической Статистики* г. Горлова указаны, въ нашемъ разборѣ, въ своемъ мѣстѣ и, затѣмъ, остается только присовокупить, что, по 4 пункту Положенія о Куковской преміи, выдаются преміи за такія только сочиненія, которыя заключаютъ въ себѣ статистическія данныя о нашемъ

отечествѣ, очищенныя критически и представленныя въ обработанномъ видѣ, сообразно современнымъ требованіямъ науки.

Перейдемъ, наконецъ, къ сочиненію г. Арсеньева: *Статистическіе очерки Россіи*.

Сочиненіе это состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей, а именно: *Разсмотрѣніе границъ Россіи; Постепенное приращеніе Россіи въ пространство; Постепенное устройство губерній; Топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы, и Поземельное богатство Россіи*.

Всѣ эти статьи имѣютъ между собою внутреннюю связь, по отношенію къ систематическому изложенію статистики страны. Въ первой статьѣ обозрѣваются границы Россіи, въ отношеніи физическомъ, торговомъ, политическомъ и военномъ; здѣсь можно было бы пожелать болѣе сжатости, опредѣлительности и точности. Двѣ слѣдующія статьи любопытны болѣе въ историческомъ отношеніи, чѣмъ собственно въ статистическомъ. Главную же часть сочиненія, какъ по самому объему, такъ и по содержанію, составляютъ два послѣдніе отдѣла.

Изъ нихъ, первый—*Топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы*—служитъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы введеніемъ къ послѣдней статьѣ, самой обширной изъ всѣхъ. Цель ея состоитъ въ томъ, чтобы дать понятіе о характерическомъ отличіи разныхъ частей Европейской Россіи по климату и почвѣ, распределить губерніи на извѣстныя группы, по которымъ, затѣмъ, удобнѣе было бы разсматривать поземельное богатство Россіи. Цель прекрасная; достигнуть ее старались уже многіе писатели; но, надобно сознаться,—почти безъ успѣха. Какъ же разрѣшаетъ эту задачу г. Арсеньевъ?

Онъ распределяетъ губерніи Россіи на 10 пространствъ: Сѣверное, Алаунское, Балтійское, Низменное, Карпатское, Степное, Центральное или Внутреннее, Уральское, Кавказское и Сибирское.

Припомнимъ, что это почти то же самое дѣленіе, которое принялъ авторъ, еще въ 1818 году, въ своемъ *Начертаніи Статистики Россійскаго Государства* (стр. 22—26, част. I). Въ основаніе такого распределенія авторъ полагаетъ различіе климата и почвы. Разсмотримъ, какіе именно признаки приняты въ его классификаціи.

Что касается до климата, то, къ сожалѣнію, авторъ вовсе не призвалъ на помощь точныхъ данныхъ изъ метеорологій и климатологій, а характеризуетъ климаты выраженіями общими, весьма мало опредѣлительными: *климатъ холодный, холодно-влажный, суровый, пріятный, здоровый, и т. п.* Такъ напримѣръ: пространство, заключающее въ себѣ Финляндію и губерніи Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, имѣетъ общимъ отличительнымъ характеромъ *великую стужу въ продолженіе большей части года* (стр. 165); Алаунское пространство (губерніи: С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Смоленская и Псковская) имѣетъ климатъ *не столько чисто-холодный, сколько холодно-влажный* (стр. 171). Балтійское пространство (три Остзейскія губерніи) обозначено климатомъ *менѣе суровымъ, нежели въ Алаунскомъ пространствѣ, но почти столь же непостояннымъ и переменчивымъ*, какъ и въ Петербургской Губерніи (стр. 175). Низменное пространство (губерніи: Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и Царство Польское) вовсе не охарактеризовано однимъ общимъ эпитетомъ, что, впрочемъ, едва ли и было бы возможно, по самому составу этого пространства. Далѣе, пространство Карпатское (Малороссія и прежняя Украина) обозначено климатомъ *пріятнымъ, здоровымъ* (стр. 182); степное же пространство опять не имѣетъ общей характеристики, такъ что каждая губернія имѣетъ свои особые признаки. Центральное, или Внутреннее пространство составлено изъ столь многихъ и разнообразныхъ по климату губерній, что самъ авторъ счелъ нужнымъ подраздѣлить это пространство на *четыре пояса* (стр. 205). Уральское пространство (губерніи: Симбирская, Казанская, Вятская, Пермская и Оренбургская), какъ сказано на стр. 209, состоитъ *подъ вліяніемъ, большимъ или меньшимъ, уральской атмосферы* (причемъ авторъ не объяснилъ, что разуметь онъ подъ именемъ *уральской атмосферы*); пространство это подраздѣлено на четыре части: въ одной климатъ *умпренный* (стр. 210); въ другой *весьма суровый*; третья еще сама дѣлится на три пояса, которые такъ же мало охарактеризованы, какъ и четвертая часть означеннаго пространства. Наконецъ, въ остальныхъ двухъ пространствахъ: Кавказскомъ и Сибирскомъ, также нѣтъ опредѣленной

характеристики. Изъ этого видно, что принята авторомъ классификація губерній не имѣетъ прочнаго основанія въ отношеніи климатическомъ. Признаки, которыми старался онъ характеризовать каждую группу губерній, столь мало опредѣлительны, что, въ большей части случаевъ, трудно даже отчетливо объяснить, почему именно каждая губернія отнесена къ тому или другому пространству. При настоящемъ положеніи метеорологіи и климатологіи, уже нельзя нынѣ довольствоваться одними общими эпитетами, не прибѣгая вовсе къ точнымъ числовымъ даннымъ.

Посмотримъ теперь на другое основаніе, принятое авторомъ въ классификаціи губерній,—на различіе *почвы*. Въ этомъ отношеніи также едва ли возможно придать какой-либо общій характеристическій эпитетъ цѣлому пространству, какъ напр.: *почва глинистая и суглинистая, плодородная и неплодородная, сухая, влажная, холодная*. Всѣмъ извѣстно, что все пространство Россіи, за исключеніемъ только полосы черноземной, представляетъ, въ каждой части своей, такое дробное видоизмѣненіе въ свойствахъ почвы, что ни въ одной группѣ губерній не найдется одной общей черты. Для знакомыхъ съ агрономическимъ смысломъ словъ, обозначающихъ разныя свойства почвы, неопредѣлительность выраженій, характеризующихъ различныя пространства, принятыя авторомъ, совершенно очевидна.

И такъ, въ отношеніи къ почвѣ, принятая авторомъ классификація губерній имѣетъ столь же непрочное основаніе, какъ и въ отношеніи климатическомъ. Онъ вовсе не воспользовался изслѣдованіями агрономическими, такъ же какъ и наблюденіями метеорологическими. На недостатокъ матеріаловъ, въ томъ и другомъ отношеніи, нынѣ жаловаться уже нельзя. Щедротами Правительства и трудами ученыхъ уже накоплены у насъ богатые запасы данныхъ для климатическаго познанія Россіи. Правда, что всѣ эти матеріалы находятся еще, можно сказать, лишь въ сыромъ видѣ; предварительная обработка ихъ была бы дѣломъ метеоролога; но если дѣйствительно нѣтъ совсѣмъ готовыхъ выводовъ о климатѣ Россіи, то нельзя принимать климатическіе признаки въ основаніе группировки губерній. То же самое можно сказать и относительно почвы. Впрочемъ, спѣ-

нимъ прибавить, что еслибъ даже и были въ виду самыя точныя метеорологическія данныя о климатѣ и самыя подробныя агрономическія карты почвъ, то и тогда едвали было бы возможно достигнуть правильнаго распредѣленія губерній на столь большія группы, какъ предположено сдѣлать авторомъ разбираемаго сочиненія. Многія изъ нашихъ губерній даже, отдѣльно взятыя, представляютъ такія обширныя пространства, что ничего общаго о климатѣ и почвъ сказать нельзя. Вотъ почему всѣ предложенныя доселѣ распредѣленія губерній по группамъ, пространствамъ, полосамъ и т. п., были вообще неудачны и нисколько не служили къ облегченію изученія страны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы считаемъ излишнимъ входить еще въ болѣе подробный разборъ четвертой статьи *Очерковъ Россіи*, а обратимся къ самому обширному отдѣлу этого сочиненія: *О поземельномъ богатствѣ Россіи*. Здѣсь авторъ имѣетъ цѣлю рассмотреть: какъ распредѣлены жизненные способы въ разныхъ частяхъ Имперіи; какой край сравнительно богаче другого; въ чемъ состоитъ естественное богатство каждой страны; на что должна быть обращена и дѣйствительно обращается дѣятельность жителей, и какъ великъ наличный плодъ этой дѣятельности въ годичныхъ итогахъ.

А. Для разрѣшенія этой важной задачи, авторъ, распредѣляя губервіи на 10 особыхъ группъ или пространствъ, рассматриваетъ, по каждой губерніи, слѣдующія данныя:

1. Общее пространство земель въ десятинахъ;
2. Количество полей, луговъ, лѣсовъ и земли неудобной;
3. Состояніе земледѣлія вообще и въ особенности величину урожая хлѣба, и соразмѣрность его съ потребностями народа въ отношеніи продовольствія;
4. Соразмѣрность количества луговъ съ числомъ содержамаго скота,
- и 5. Мѣстныя средства края, или особенные источники довольства или богатства, независимые отъ земледѣлія и скотоводства.

Представляя весьма любопытную картину состоянія главныхъ производительныхъ силъ нашего отечества, авторъ вездѣ пользовался новѣйшими и возможно-лучшими источниками. Для показаній о пространствахъ, онъ принимаетъ результаты недав-

няго исчисленія пространства губерній, сдѣланнаго гг. Швейцеромъ и Струве; для опредѣленія количества разныхъ хозяйственныхъ угодій, какъ-то: полей, луговъ, лѣсовъ и неудобной земли, онъ пользуется результатами генеральнаго межеванія, но пользуется ими съ критикою, съ осмотрительностію, не придавая имъ значенія безусловной точности по отношенію къ настоящему времени; наконецъ, для изображенія состоянія земледѣлія и вообще всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и скотоводства, а равно для показанія степени развитія мѣстныхъ промысловъ и особенныхъ источниковъ народнаго богатства, авторъ принялъ въ основаніе числовыя данныя за 1846 годъ, для всѣхъ губерній однородныя, и потому дѣлающія возможнымъ всякаго рода сравненія и сличенія; притомъ эти числовыя данныя извлечены изъ официальныхъ источниковъ, слѣдовательно, сколько возможно въ настоящее время, достовѣрны и надежны. Данныя этого рода, представленныя въ книгѣ г. Арсеньева, являются въ свѣтъ въ первый разъ и приносятъ собою богатое приращеніе къ нашимъ статистическимъ матеріаламъ; притомъ, кромѣ официальныхъ данныхъ, авторъ воспользовался многими весьма хорошими, частію печатными, частію рукописными источниками, которые имъ и указаны въ особыхъ ссылкахъ въ концѣ книги. Но, основывая свои изслѣдованія на столь обильныхъ данныхъ, онъ вездѣ представляетъ свидетельства принятыхъ имъ въ руководство источниковъ, въ обработанномъ видѣ, въ строгой системѣ; каждое изъ 40-ти пространствъ вообще и каждая губернія въ частности разсмотрѣны имъ въ однообразномъ порядкѣ; причемъ о предметахъ существенно-важныхъ говорится пространнѣе и обстоятельнѣе, о предметахъ второстепенной важности короче; при соблюденіи этого необходимаго и столь естественнаго порядка, и при изложеніи яснымъ и правильномъ, авторъ даетъ возможность составить себѣ отчетливое понятіе о мѣстныхъ богатствахъ того или другого края въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

Б. Коммиссія считаетъ излишнимъ представлять здѣсь подробно содержаніе этого отдѣла *Статистическихъ очерковъ* г. Арсеньева: обзоръ главнѣйшихъ данныхъ и выводовъ, которыми авторъ характеризуетъ поземельное богатство, отдѣльно по каждой изъ 55 губерній, 3 областей и 5 градоначальствъ, со-

ставляющихъ Россію, — такое обозрѣніе растянуло бы чрезмѣрно объемъ нашего донесенія; въ самой книгѣ г. Арсеньева, глава о поземельномъ богатствѣ Россіи занимаетъ 380 страницъ, что составляетъ почти $\frac{3}{4}$ всего сочиненія. Притомъ это сочиненіе, какъ напечатанное, уже разошлось въ публикѣ, а потому каждый можетъ собственнымъ чтеніемъ удостовѣриться въ справедливости нашего отзыва.

Итакъ, ММ. ГГ., Коммиссія, назначенная Вами для разбора статистическихъ сочиненій, подлежащихъ конкурсу на Жуковскую премію, признала единогласно, что изъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ ею рукописей и печатныхъ книгъ, заслуживаютъ особеннаго, передъ прочими, вниманія Вашего два сочиненія: рукопись г. Оадѣева: *Статистическіе очерки Саратовской губерніи*, и книга г. Арсеньева: *Статистическіе очерки Россіи*. Въ послѣдней, глава V, посвященная изслѣдованію поземельнаго богатства Россіи, есть важное приобрѣтеніе для ученой литературы нашей по предмету отечественной статистики.

Имѣя въ виду, что изслѣдованіе г. Арсеньева обнимаетъ всю Россію, тогда какъ сочиненіе г. Оадѣева относится въ одной только губерніи, и основываясь на §§ 2 и 3 Положен. о Жуковской преміи, гдѣ предпочтеніе дается изслѣдованіямъ, обнимающимъ наибольшее пространство Россіи, а съ другой стороны — сочиненіямъ печатнымъ предъ рукописными, Коммиссія имѣетъ честь предложить Вамъ, ММ. ГГ., на основаніи приведенныхъ выше соображеній, присудить полную Жуковскую премію г. тайному совѣтнику Константину Ивановичу Арсеньеву, за его статистическое изслѣдованіе поземельнаго богатства Россіи; сочиненіе же г. Оадѣева напечатать, буде авторъ изъявитъ на то свое согласіе, въ *Запискахъ Русскаго Географическаго Общества*, или отдѣльною книгою.

Отдѣленіе Статистики, по выслушаніи сего донесенія, въ засѣданіи 12 ноября 1849 года, согласилось съ заключеніемъ избранныхъ имъ комиссаровъ, и, на основаніи состоявшагося о томъ постановленія, Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ г. Арсеньеву присужденной ему преміи.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

*къ картѣ Аральскаго Моря и Хивинскаго Ханства, съ ихъ окрестностями, составленной Д. Ч. Я. В. Ханыковымъ *.*

Г. Вице-Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предложилъ мнѣ составить, изъ доставленныхъ намъ, съ разрѣшенія Правительства, матеріаловъ, карты: Аральскаго Моря, Хивинскихъ владѣній и окрестностей озера Иссекуля, въ поясненіе къ статьямъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ означенныхъ мѣстахъ, которыя изслѣдованія предполагается напечатать въ V книжкѣ Записокъ нашего Общества.

Карта Аральскаго Моря и Хивы въ настоящее время мною окончена, но представляя ее Обществу, я, по самому существу этой работы, вынужденъ просить его дозволить мнѣ нѣсколько словесныхъ объясненій.

Въ ручномъ изображеніи странъ, снятыхъ по всѣмъ правиламъ геодезіи, достаточно картографу оправдать принятую методу сокращенія подробной съемки; гораздо большія критическія обязанности лежатъ на томъ, кто приступаетъ къ изготовленію карты странъ, знаемыхъ по однимъ только маршрутамъ, или съемкамъ отдѣльныхъ частей, не связаннымъ общюю съѣзкою: трудъ этотъ соответствуетъ то-

* Читана въ Собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 13 ноября 1850 года, въ присутствіи Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича.

му, что называется въ архитектурѣ возстановленіемъ древнихъ зданій по сохранившимся обломкамъ, съ тою разницею, что отъ зодчаго требуютъ главнымъ образомъ ненарушимости общаго характера древней архитектуры, картографъ же обязавъ оправдать и малѣйшія подробности своей работы.

Такое оправданіе моей карты заключается въ статьяхъ гг. Данилевскаго и Макшеева, къ поясненію коихъ она предназначена, равно въ другихъ документахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи.

Я, разумѣется, не буду злоупотреблять терпѣніе собранія чтеніемъ этихъ документовъ, а ограничусь общею характеристикою ихъ.

Но дабы пріобрѣсти право на вниманіе Ваше даже къ этому коротенькому обзору, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ я приступлю къ нему, объяснить, почему Араль и Хива достойны ученой любознательности вообще, и со стороны Русскихъ въ особенности. — Еслибъ мнѣ приходилось говорить о Хивѣ XII вѣка, я бы не имѣлъ надобности въ подобномъ предисловіи, ибо историческая важность тогдашнихъ владѣтелей Ховарезма не подлежитъ сомнѣнію. Уже съ начала распространенія исламизма въ Туранѣ возникло развитіе современной образованности на низовьяхъ Аму-Дарьи. Извѣстный арабскій географъ X вѣка Аль-Истахри говоритъ: «Въ Маверъ-Эль-Нагрѣ гостепріимство и великодушіе къ чужезцамъ выше всякихъ похвалъ, и всѣ семейства этой страны составляютъ какъ бы одну семью». Одинъ изъ первыхъ магометанскихъ астрономовъ IX вѣка, Абу-Джафаръ-Мохамедъ, прозывался Альхarezми, то-есть былъ уроженецъ харезмскій. Въ XI столѣтіи, знаменитые Альбируни и Авиценъ проживали при дворѣ Харезмскаго Шаха; даже вызовъ Махмуда Газневида, сопроводить его въ покореніи Индіи, соблазнившій Альбируни, не побудилъ Авицену оставить берега Оксуса. Тамъ же находился, въ эпоху нашествія Чингизъ-Хана, знаменитый Якутъ, описывающій съ особенною любовію трехлѣтнія занятія свои въ богатыхъ бібліотекахъ Мерва, въ то время цвѣтущаго харезмскаго города, нынѣ ничтожнаго туркменскаго кочевья. Политическая важность и самостоятельность Харезма начинается собственно съ XI вѣка, то-есть съ паденія власти Персидскихъ Сельджукидовъ, которое дало воз-

мoжнoсть Шахамъ Харезмскимъ распространить владычество свое далеко на югъ. Первый Харезмскій Султанъ Мохамедъ-Текешъ, украсившій наметъ свой почетнымъ изображеніемъ полулунія, заставилъ даже Ассасиновъ перенести разбойничье гнѣздо свое изъ Арсланъ-Гушай въ Аламуть; а сынъ и преемникъ его, Алла-Эдинъ-Мохамедъ, отторгъ у сосѣда своего, владѣльца Караджата, то-есть нынѣшняго Китайскаго Туркестана, — Самаркандъ и Бухару; затѣмъ покорилъ Фаржабъ, Балхъ, весь Хорасанъ, Керманъ, Мазандеранъ; разгромилъ Кипчакъ; подчинилъ себѣ часть Туркестана до Ускендаи; лишь глубокий свѣгъ и Курды спасли Калифа Насыра въ Багдадъ отъ побѣдоноснаго Алла-Эдина. Вслѣдствіе этой удачи, Алла-Эдинъ принялъ названіе « тѣни Божіей на землѣ »; мать же его, бывшая главною советницею и помощницею сына, носила титулъ Шудавенди - Джиханъ, то-есть « обладательницы міра ».

Но эпоха политическаго величія Ховарезма была предтечею окончательнаго паденія его. Въ 1217 году, Чингизъ, положивъ начало завоеванію Китая, не смѣлъ еще посягнуть на Ховарезмъ и предложилъ чрезъ трехъ пословъ дружбу тамошнему Шаху; союзъ былъ заключенъ; но вслѣдъ затѣмъ, первый караванъ изъ Монголіи, въ полторы тысячи человекъ, былъ истребленъ Хабирганомъ, намѣстникомъ Алла-Эдина, по его приказанію. Посолъ Багръ, отправленный Чингизомъ съ требованіемъ удовлетворенія, убитъ Алла-Эдиномъ, а два Монгола, сопровождавшіе посла, возвращены владѣльцу, опозоренные лишеніемъ бороды. Три дня и три ночи молился Чингизъ на горѣ о помощи свыше для отмщенія, и молитва его осталась не безплодною: въ 1218 году, Монголы впервые спустились съ Тхяшана и Билура, а уже 10 февраля 1221 года Алла-Эдинъ умеръ бѣглецомъ въ Абизгунъ, на одномъ изъ острововъ Каспія, прибрежныхъ къ Гилянцу.

Паденіе Харезма имѣло огромную важность и для Россіи: послѣ взятія Джевда, то-есть нынѣшняго Отрара, Чингизъ направилъ сына своего Джуджи въ Кипчакъ и такимъ образомъ проложилъ дорогу Батыю; а Чепе-Нуянъ и Субутай-Бекадыръ, преслѣдовавшіе Алла-Эдина, тогда же проникли въ Россію чрезъ сѣверную Персію и Кавказъ.

По смерти Чингиза, Харезмъ составилъ часть Джаготаева улуса, который обнималъ южную полосу Западной Сибири, долину рѣки Или-Скаты, западной оконечности Тхяншана и Билурскаго хребта, наконецъ все пространство къ сѣверо-востоку отъ южной окраины долины Аму. Но вскорѣ междоусобія, неизбежный и смертельный педугъ всѣхъ азійскихъ владѣній, ослабили и раздробили Джаготаевъ улусъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка. Тимуру удалось снова сдѣлать среднюю часть Аму-Дарьи средоточіемъ полновѣстной монархіи, но не надолго: по смерти Абусаида, правнука Тамерлана, въ 1468 году, маленькіе владѣльцы въ долинахъ Сыра и Аму, состоявшіе уже и прежде лишь въ мнимой зависимости отъ Самаркандскаго повелителя, начали непрерывныя распри. Между тѣмъ Узбеки, небольшое туркское племя, жившее за Билурскимъ хребтомъ, у южнаго подножья Тхяншана, готовили Тимуридамъ изгнаніе. Одинъ изъ узбекскихъ родоначальниковъ, Шайбекъ, узнавъ около 1498 года о распряхъ въ Мавераннегрѣ, вознамѣтился завладѣть имъ, нашелъ вскорѣ огромное число приверженцевъ и въ 1504 году покорилъ всю Трансоксиану, а въ 1507 году часть Хорасана. Хотя въ 1510 году Шайбекъ палъ въ сраженіи противъ Персидскаго Шаха Измаила-Сафи; но наследовавшіе владѣтельство Шайбека, дядя его Куджъ-Канджи и племянникъ Убеидъ - Улло, восстановили власть предшественника своего, если не въ Хорасанѣ, который остался надолго спорнымъ пунктомъ между Узбеками и Персами, то по крайней мѣрѣ во всей остальной части Мавераннегра и Турменіи.

Съ тѣхъ поръ Узбеки не переставали тамъ владѣть. Съ самаго начала ихъ власти, она сложилась въ формахъ удѣльной системы, т. е. образовалось множество мелкихъ владѣльцевъ, главою коихъ считался Бухарскій Эмиръ, но такъ, что первенство его, въ особенности для отдаленныхъ областей Харезма и Ферганы, было часто лишь именовательное и ясно опровергалось набѣгами, производимыми со стороны тамошнихъ владѣльцевъ на самую Бухару.

Набѣги эти сдѣлались преимущественно часты со стороны Хивы въ началѣ XVII вѣка, со вступленіемъ на хивинскій престолъ извѣстнаго историка Абуль-Газы-Хана, производившаго

родъ свой отъ Чингиза; онъ неоднократно вторгался въ Бухарію и хотя былъ отражаемъ отъ города, но разорялъ страну. Абуль-Газа, отправясь въ Мекку, уступилъ престолъ сыну своему Анушъ, послѣдовавшему примѣру отца. Наконецъ, бухарскому владѣльцу, Сидъ-Субганкулъ-Бегадырь - Хану (1680 — 1702 года) удалось возстановить противъ Ануши сына его Эренкъ-Султана, который, въ 1680-хъ годахъ свергнувъ отца, вскорѣ самъ былъ увлеченъ желаніемъ ограбить Бухарію; поискъ Эренкъ-Султана кончился несчастливо; по возвращеніи изъ похода онъ былъ отравленъ Хивинцами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, послали просить Бухарскаго Эмира о назначеніи имъ Хана. Такимъ образомъ Ховарезмъ сдѣлался снова зависимъ отъ Бухары. Ханомъ въ Хиву назначенъ былъ Шаніязъ. Онъ управлялъ этою страной еще и въ 1700 году, но уже тогда повидимому тяготился подчиненностію Эмиру, и потому отправилъ пословъ къ Петру Великому просить о принятіи Хивы въ подданство Россіи, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, въ грамотѣ Хану отъ 30 іюня 1700 года.

Въ 1703 году былъ въ Россіи посланецъ отъ новаго Хивинскаго Хана Арабъ-Магомета; въ грамотѣ на его имя, отъ мая мѣсяца 1703 года, подтверждено признаніе Хивы въ подданствѣ Россіи.

Въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ посолъ отъ Хаджи-Мохамедъ-Бехадырь-Хана, сношенія съ которымъ и подали поводъ къ отправленію экспедиціи Бековича; послѣдній, по прибытіи своемъ въ Хиву, нашелъ уже тамъ другого владѣльца, вѣроломство коего было причиною гибельнаго окончанія похода.

Муравьевъ называетъ этого владѣльца Инакомъ-Ишъ-Мухамедомъ, присовокупляя, что ему наследовалъ сынъ его Мухамедъ - Амийъ, затѣмъ внукъ Эвезъ и правнукъ Эльтезеръ, смѣщенный братомъ своимъ Мухамедъ - Рахимомъ, который умеръ уже въ 1825 году.

Тотъ же порядокъ престолонаслія встрѣчается въ родословныхъ Хивинскихъ Хановъ, составленныхъ по распросамъ, а именно: Генсомъ (въ рукописи) и Базинеромъ (въ его путешествіи).

Фрязеръ, на основаніи собранныхъ имъ распросовъ, говоритъ, что во время Надиръ-Шаха, то-есть въ 1740 году, правилъ Хивою Юль-Барсъ, по убіеніи котораго Персіянами и удаленіи послѣднихъ, узбекскіе родоначальники стали избирать въ Ханы молодыхъ мальчиковъ изъ рода киргизскихъ султановъ, но содержали ихъ почти въ заключеніи, пользуясь только ихъ именемъ для узаконенія своихъ дѣйствій. Наконецъ, Мухамедъ-Аминъ, родоначальникъ Инаховъ, то-есть, по объясненію Фрязера, будто бы одного изъ узбекскихъ поколѣній, завладѣвъ, при помощи Туркменъ, верховною властію, которая затѣмъ и переходила по прямой линіи къ сыну его Эвесь-Инаху, внуку Ильтенезеру и брату сего Мухамедъ-Рахиму.

Но всѣ эти показанія вовсе не оправдываются сохранившимися историческими актами.

Въ письмѣ, полученномъ въ Астрахани, въ мартѣ 1715 года, отъ Хивинцевъ Аталыка-Ишкара и Назаръ-Ходжи-Инаха къ бывшему тогда въ Россіи хивинскому посланнику Ашуръ-Беку, между прочимъ, читаемъ: «Да будетъ Вамъ извѣстно: Ядыгеръ Ханъ умеръ, мѣсто же его заступилъ Ханъ-Арьягъ. Въ юртахъ и въ народѣ повсюду спокойно. Если меньшему брату не удалось заступить ханское мѣсто, будетъ царствовать старшій. Мы хотѣли было ѣхать съ вами вмѣстѣ, но не сдѣлалось по нашему, и мы потѣхали одни. Потѣжайте и Вы немедленно въ Хиву, не опасаясь ничего, бѣды никакой не будетъ. Если Ханъ и народъ будутъ живы и здоровы, возмущенію не бывать».

Ашуръ-Бекъ былъ въ началѣ милостиво принятъ Петромъ Великимъ и даже, какъ утверждаетъ въ письмахъ къ астраханскому оберъ-комсдауту Чирикову, отъ 5 марта и отъ апрѣля 1715 года, получилъ отъ Государя порученіе ѣхать въ Индію, для покупки попугаевъ и барсовъ, и для поднесенія хивинскому владѣльцу 6 пушекъ съ лафетами, 8½ пудовъ пороха и 270 ядеръ. Но впослѣдствіи, по повелѣнію Императора, эти вещи отобраны у Ашуръ-Бека и самъ онъ задержанъ въ Астрахани. Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ онъ просилъ Чирикова объ отпускѣ его, находимъ слѣдующее: «Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, чтобы ѣхать тою дорогою, которою мнѣ надобно. Но нѣсколько медлилъ потому, что въ Хивѣ убили Хана. На мѣсто его вступилъ было Ханъ

изъ Каракалпаковъ. и тотъ умеръ. Теперь Ханомъ Ширгазы изъ Бухары. Онъ знаетъ меня и ценить въ тысячу разъ больше, чѣмъ Ядыгеръ».

Дѣйствительно, владѣваніе въ Хивѣ, во время прихода Бековича, Ширгазы, а не Ишъ Мухамедъ-Біа, подтверждается во 4^{мъ} показаніями, сдѣланными 29 сентября 1717 года симбирскому коменданту Бахметьеву Калмыкомъ Бакши, который, по приказанію калмыцкаго Хана Аюки, сопровождалъ Бековича въ Хиву и, послѣ гибели его, отпущенъ оттуда; во 2^{мъ} допросѣ, снятымъ 13 іюня 1720 года въ Астрахани съ тамошняго подъячяго Восковойнаго, вывезеннаго отъ Туркменъ, куда онъ попалъ изъ Хивы, послѣ гибели отряда Бековича; въ 3^{мъ} письмомъ канцлера къ Хивинскому Хану въ 1720 году, въ которомъ означенный владѣлецъ уведомлялся, что вытхавшій отъ него въ г. Гурьевъ, въ качествѣ посланца, Венсъ Мамбетей, съ извѣстіемъ о смерти Бековича, арестованъ и умеръ въ Петербургѣ; наконецъ, въ 4^{мъ} грамотою Бухарскаго Хана Абудъ-Фенза къ Императору Петру I отъ 1724 года, вывезенною изъ Бухары въ 1725 году русскимъ посланникомъ, секретаремъ Экспедиціи Оріентальныхъ Дѣлъ Флоріемъ Беневени, гдѣ между прочимъ сказано: «Такое же предъ нѣсколькимъ временемъ мы слышали, что Ширгазы, юргенскій владѣтель, всякою необходимою неучтивостію, оставя свою честь и не хотя быть добрымъ человекомъ, отъ васъ идущаго посла со всякимъ обманомъ и лестью смерти предалъ и имѣніе его разорилъ, и тѣмъ свою честь повредилъ; и сіи его негодные и недобрые поступки не за благо, но за противно намъ показались; и для наказанія оного Ширгазы, послали мы высокопочтеннаго Шахтей-Муръ Хана, который есть государства того наслѣдникомъ и его же колѣна, съ высокимъ нашимъ указомъ въ нынѣшнихъ временахъ, и повелѣли земли и имѣніи его разорить, отъ чего падѣмся, что въ скорости оной Ширгазы весьма разоренъ будетъ, и чрезъ сіе для любви и радости нашей и вы обрадоваться можете».

Въ 1729 году, прибывшій въ Россію посломъ отъ Бухарскаго и Хивинскаго Хановъ, Ядыгеръ дѣйствительно привезъ извѣстіе, что Ширгазы уже умеръ и предъявилъ просьбу новаго владѣльца о возстановленіи по прежнему торговыхъ сноше-

ній съ Хивою, прервавшихъ вслѣдствіе убіенія Бековича, что, впрочемъ, разрѣшено было уже прежде того, а именно: указомъ Верховнаго Совѣта, 22 апрѣля 1727 года, на имя Астраханскаго Военнаго Губернатора фонъ-Мендена.

Русскіе офицеры, Гладышевъ и Муравинъ, находившіеся въ Хивѣ въ 1741 году, свидѣтельствуютъ, что, во время нашествія Надиръ Шаха, дѣйствительно тамъ властвовалъ, какъ говоритъ Фрязеръ, не упоминаемый ни Муравьевымъ ни Базинеромъ, Юль-Барсъ Ханъ. Но когда онъ былъ осажденъ Надиромъ въ Ханкахъ, Хивинцы призвали къ себѣ и провозгласили Ханомъ начальника Малой Киргизской Орды Абуль-Хаира. Только послѣ нѣсколькихъ дней владычества, Абуль-Хаиръ обманомъ бѣжалъ изъ Хивы, опасаясь Персіянъ. Юль-Барсъ попалъ въ плѣнъ, казненъ Надиромъ, а Хива взята приступомъ; послѣ чего Надиръ оставилъ тамъ своимъ намѣстникомъ какого-то Таира. Между тѣмъ въ аральскомъ владѣніи, лежавшемъ въ то время на самой дельтѣ Аму-Дарьи, избранъ былъ владѣльцемъ Нуръ-Али, сынъ Абуль-Хаира. Воспользовавшись уходомъ Персіянъ, Нуръ-Али, съ помощію Хивинцевъ, убилъ Таира и былъ провозглашенъ Ханомъ въ Хивѣ.

Вслѣдствіе сего, въ 1742 году посланъ къ нему, какъ къ русскому подданному, присяжный листъ; но отвѣта получено не было; возившій же этотъ документъ до кочевьевъ Абуль-Хаиръ Хана, Гладышевъ, въ 1742 году сообщилъ, что сынъ Надиръ Шаха стоялъ въ то время подъ Чарджуемъ, намѣреваясь, по отмщеніи Аральцамъ за смерть Таира, оставить Ханомъ въ Хивѣ сына прежняго владѣльца Юль-Барса.

Это, кажется, не исполнилось, ибо, по свидѣтельству Рычкова и показанію бывшихъ въ Хивѣ въ 1753 году русскихъ переводчиковъ, Гуллева и Чучелова, тамъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, вступилъ на ханство Каипъ, сынъ Киргизскаго Батыръ Султана.

Въ одномъ изъ примѣчаній рапорта Оренбургскаго Оберъ-Коменданта и Областнаго Командира Зенбулатова, отъ іюля 1783 г., Уфимскому и Симбирскому Генераль-Губернатору Апухтину, находимъ относительно означеннаго Каипа слѣдующее: «Сей Каипъ Султанъ фамиліи Батыръ Султана изъ роду Ширгазы Хана, бывшаго въ Хивѣ, во время котораго посланъ

ный со здѣшнихъ сторонъ въ 1717 году Гвардіи-Капитанъ Князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Канпъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику, съ караваномъ, не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ. За что, по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ».

Наконецъ, Бланкеннагель, посѣщавшій Хиву въ 1794 году, говорить, что въ то время тамъ былъ Ханомъ Фазиль-Бій, не упоминаемый ни Муравьевымъ, ни Фризеромъ, у Базинера же показанный въ числѣ братьевъ Мухамедъ-Аминя, не носившихъ ханскаго достоинства.

Изъ всего этого легко удостовѣриться, что составленные доселѣ списки и родословныя хивинскихъ владѣльцевъ довольно не точны.

Сверху того, самое положеніе Хивы въ теченіе всего XVIII вѣка, такъ какъ описываютъ его очевидцы, не дозволяетъ предполагать, чтобы тамъ могла происходить правильная передача ханской власти отъ отца сыну.

Въ показаніяхъ Гладышева и Муравина 1741 года, читаемъ слѣдующее: «Хивѣ подсудныхъ городовъ 11, изъ которыхъ на пути идучи отъ Оренбурга: Гурлянь, Везирь, Кентъ, Шабасъ, Казабатъ; по ту сторону Хивы: Ханки (оныя города сами видѣли), Ургенчъ, Адарусъ, Бетнякъ, Аксарай (объ оныхъ слышали), въ которыхъ во всѣхъ главные тутошніе князьки, а не хивинскіе, токмо во владѣніи хивинскомъ считаются».

Къ сѣверу отъ Хивы, на самыхъ низовьяхъ Аму-Дарьи, лежало въ то время владѣніе аральское, о которомъ представленный Татищевымъ къ Абуль-Хаиру Аль-Мухамедъ-Абызъ показалъ Гладышеву, что оно дѣлится на четыре тюбы, а именпо:

«1. Въ Мангупкомъ родѣ имѣется городъ, называемый Шахтемиръ; въ немъ старшины: Бердали Бекъ, Артукъ Бекъ, Сечъ-Али Бекъ, Куратъ-Гали Бекъ; 4 брата, всѣ тамошніе старшины да беки и прочіе, посовѣтывавшись, Мубгалтя Салтана приняли въ Ханство».

«2. Ихъ родъ въ Копрацкомъ родѣ; у нихъ старшины: Бикъ Назаръ Аталыкъ Рахмангуль Би, Лувязъ Инахъ.»

«3. Кичатского рода Уразъ-Гали Кимбекъ, да Перидъ Аталыкъ.»

«4. Ходжа Ичинского рода старшины Хатыбъ Ходжа, Мурза-Би и другіе мелкіе роды сообщаются съ показаннымъ четырьмя тюби; всего ихъ народа имѣется съ 40,000, которыхъ съестъ на кони».

О порядкѣ перехода ханской власти въ Хивѣ нѣтъ подробностей у Гладышева и Муравина, а только сказано: «У Хивинцевъ же обыкновеніе такое, что ежели Ханъ хотя малую какую досаду или обиду имъ покажетъ, то они его какими нибудь способы тайно умертвляютъ и того никакъ уже не упустятъ». Но означенные офицеры были личными свидѣтелями провозглашенія новаго Хана у Аральцевъ, что, по всей вѣроятности, совершалось точно также и въ Хивѣ. Гладышевъ говорить по сему предмету: «Будучи въ ономъ мѣстѣ, между Аральцами учинилась не только знатная ссора, но и баталія, изъ того, что нѣкоторая часть Аральцевъ намѣрены принять себя въ Ханы Абуль-Хаиръ, ханскаго сына Нурали, а другіе того не хотятъ; однако напоследокъ, по окончаніи оной междоусобной ссоры, все Аральцы согласно реченнаго Нурали Салтана приняли себя въ дѣйствительнаго Хана, который тамъ и остался. Оное его утвержденіе оттого произошло, что напредъ сего въ томъ народѣ былъ одинъ князекъ Шарахазы, и оный тому лѣтъ съ 40 отъ нихъ же Аральцевъ убить до смерти, а послѣ его остались три сына: первый Артыкъ, другой Сейдали, третій Куразали, и хотябъ изъ нихъ одинъ который и могъ быть произведенъ Ханомъ, но народъ, ихъ сожальва, чтобъ по ихъ легкомысленному обычаю тотъ, который въ Ханы произведется, также какъ и отецъ ихъ погубленъ не былъ, и для того думали, чтобъ изъ постороннихъ кого въ Ханы себя принять, чего ради объявленные князьки и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали, что Абуль-Хаиръ Ханъ подъ властію Ея Императорскаго Величества состоитъ, чего ради и народы тамошніе его нѣсколько боятся, и для того усовѣтовали принять себя въ Ханы сына его Абуль-Хаиръ, ханскаго вышесказаннаго Нурали Салтана, и хотя въ томъ ихъ народа часть достойная препятствовала, и въ томъ между ними произошли ссоры и несогласія, а притомъ было нѣсколько и кро-

*

вопролитія, но наконецъ единогласно усовѣтовали и онаго Нурали Салтана, какъ вышеупомянуто, за дѣйствительнаго себя Хана приняли, который тамъ нынѣ и остался.

Посѣщавшій Хиву въ 1753 году, купецъ Рукавкинъ, котораго замѣтки объ означенной странѣ напечатаны въ любопытномъ московскомъ мѣсяцесловѣ 1776 года, говоритъ слѣдующее :

«Городъ Хива, въ которомъ хивинскіе Ханы дворъ свой имѣютъ, такожъ и подвластныя того Хана крѣпостцы: 1) Аябары, 2) Шабать, 3) Кентъ, 4) Чепъ, 5) Азарысь, 6) Ургеничъ, всѣ стоятъ при каналахъ, пропущенныхъ изъ рѣки Аму-Дарьи; укрѣпленія, кромѣ невысокихъ глиняныхъ стѣнъ и небольшихъ рововъ, не имѣютъ; артиллеріи никакой нѣтъ, а оружіе ихъ по большей части стрѣлы и копья; имѣютъ же и огненное оружіе, но онаго весьма мало.»

«Отъ Оренбурга до Хивы по примѣру хода не болѣе тысячи верстъ почитать должно.»

«Во всѣхъ объявленныхъ крѣпостцахъ жителей весьма мало; а торги производятся въ установленные дни, такъ какъ въ русскіихъ селахъ бываетъ; а большой торгъ у нихъ бываетъ въ Ургеничѣ, потому что оная всѣхъ ближе къ Киргизъ-Кайсацкой Ордѣ, такожъ и къ Оренбургу первая; пріѣзжаютъ въ оную: Киргизъ-Кайсаки, Бухарцы, Трухменцы и Аральцы.»

«Хивинцы живутъ болѣе въ окружности вышеписанныхъ крѣпостей, каждой при своемъ разведенномъ саду, гдѣ и хлѣбъ для себя сѣютъ, а крѣпостцы имѣютъ только для защищенія въ случаѣ непріятельскаго нападенія, какъ у нихъ происходятъ частыя ссоры съ Трухменцами, которые такоежъ оружіе употребляютъ, какъ и Хивинцы. Междуусобные у Хивинцевъ раздоры нерѣдко бываютъ. Скотоводства они не имѣютъ, а довольствуются покупкою скота отъ Киргизъ-Кайсаковъ и Аральцевъ.»

«Хивинцы въ Ханы избираютъ изъ Киргизъ-Кайсацкой Орды изъ бухарскихъ ханскихъ поколѣній, а не изъ подданныхъ.»

Наконецъ, Бланкеннагель, бывшій въ Хивѣ въ 1793 году, говоритъ: «Хивинскіе Осбеки раздѣляются на разные роды, которые одинъ съ другимъ находятся въ непрестанной враждѣ. Многолюднѣйшій изъ нихъ есть Конратскій, который вы-

нѣ имѣть въ рукахъ верховную власть. Инахъ онаго управляетъ хивинскимъ народомъ съ большимъ или меньшимъ могуществомъ. Владѣющій нынѣ имѣетъ совѣтъ, безъ коего онъ ничего не можетъ предпринять.»

«Знатный или богатый Хивинецъ, коль скоро подастъ какой-либо поводъ къ подозрѣнію на себя, лишается жизни, и не прежде узнаетъ о жребіи своемъ, какъ въ ту минуту, когда его умерщвляютъ; а въ такомъ случаѣ по большей части и его родственники и друзья равной съ нимъ подвергаются участи; убійцы раздѣляютъ между собою наслѣдство умерщвляемыхъ.»

«Всякій живетъ тамъ въ недовѣрчивости, и при первой вѣсти о себѣ, справедливой или несправедливой, принимается, для спасенія своего, за оружіе; по началѣ ссоры, не должно уже помышлять о примиреніи, потому что договоры у Хивинцевъ никогда не содержатся.»

«Юмуты, изъ рода Туркменцевъ, народъ кочевой, населяютъ часть земли, лежащей близъ Каспійскаго Моря, на границахъ Персіи, въ окрестностяхъ Астрабада; они разбойничаютъ болѣе всѣхъ другихъ Туркменцевъ. Они дѣлаютъ воровскіе набѣги въ Персію, а равно сему поступаютъ они съ Бухарцами, Хивинцами, Киргизами и съ другими однородцами ихъ. Лѣтъ за тридцать назадъ, отецъ нынѣ владѣющаго Инаха, захватя верховную власть въ Хивѣ съ помощію сихъ ЮмUTOвъ, уступилъ имъ лежащій въ сорока верстахъ отъ Хивы городъ Амбаръ съ его окрестностями. Съ тѣхъ поръ живетъ въ хивинской области около шести тысячъ ЮмUTOвъ обо его пола. Юмуты, какъ сказано, почитаются за лучшихъ тамошнихъ воиновъ; но лучший изъ нихъ воинъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ изъ нашихъ казаковъ.»

«Каракалпаки обитали прежде по обоимъ берегамъ Сыр-Дарьи; но съ тѣхъ поръ, какъ Киргизцы, въ бывшихъ между ними войвахъ, истребили большую часть Каракалпаковъ, остальные перешли къ Хивѣ, отдали своего Хана Осбекамъ, и живутъ съ того времени подъ покровительствомъ Хивинцевъ. Они имѣютъ только мѣстами селенія; большая же часть ведетъ жизнь кочевую.»

«Хивинскій Ханъ въ правительствѣ значить меньше всѣхъ; три раза въ годъ показывается онъ народу, окруженный тѣми, которые дѣлами правятъ; въ прочее же время сидитъ въ заперти подѣ строгимъ присмотромъ. Въ придворномъ его содержаніи не соблюдается даже благопристойности, и нерѣдко въ самомъ необходимомъ претерпѣваетъ нужду.»

«Въ Хивѣ всегда происходятъ междуусобія, насилія и грабежи, кои содержатъ всѣхъ вообще въ непрерывномъ страхѣ. и нѣтъ одного дня, который бы могли они провести въ безопасности; а сіе причиною, что жителямъ и въ мысль не приходятъ выгоды жизненныя».

По всѣмъ этимъ даннымъ ясно, кажется, что въ теченіе всего XVIII вѣка, Хива не представляла даже признака государственнаго устройства, а что все низовье Аму-Дарьи находилось подѣ владычествомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинъ, управляемыхъ собственными старшинами: стѣверныя общины именовательно считались въ зависимости отъ владѣльца кунградскаго, а южныя отъ хивинскаго, смѣняя, впрочемъ, означенныхъ владѣльцевъ по своему произволу.

Въ концѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Муравьева, вѣкто Эльтезеръ или Ильтезеръ завладѣлъ управленіемъ Хивы и, женившись, не смотря на простое происхожденіе свое, вопреки мѣстному обычаю, на дѣвушкѣ изъ рода Ходжей, то-есть потомковъ Магомста, присвоилъ себѣ титулъ Хана. Упротивъ власть внутри своего удѣла крайнею жестокостію, онъ возмѣтилъ заявить независимость свою отъ бухарскаго Хана походомъ противу него, но утонулъ при переправѣ черезъ Аму. Слабый преемникъ его, Кутли-Мурадъ, снова ограничился титуломъ Инаха и лишь именовательною властію надъ мѣстными родоначальниками. Но примѣръ Ильтезера возбудилъ желаніе подражать ему въ младшемъ братѣ его Мухамедъ-Рахимъ, который, убивъ Кутлу-Мурада и другого соперника, двоюроднаго брата своего Мухамедъ-Ніазъ Бека, не только подчинилъ своей власти все низовье Аму-Дарьи до Аральскаго Моря, но положилъ начало вліянію Хивы на сосѣднихъ Киргизовъ и Туркменъ, равно какъ возобновилъ признаки внутренняго гражданскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе неудачнаго похода противу Бухары, Мухамедъ-Рахимъ долженъ

былъ признать временно зависимость свою отъ тамошняго Эмира; но зависимость сія была лишь именовательная.

Въ эпоху смерти Мухамедъ-Рахима, то-есть въ 1825 году, Хивинское Ханство уже представляло одно политическое цѣлое, дѣйствительно подчиненное хивинскому владѣльцу.

Наслѣдникъ и сынъ Мухамедъ-Рахима, Алла-Куль, въ 17-лѣтнее управленіе свое, если не увеличилъ, то по крайней мѣрѣ не ослабилъ завѣщанной ему власти. По смерти Алла-Кула наследовалъ сынъ его Рахимъ-Куль, который скончался однако уже въ 1845 году и былъ замѣщенъ братомъ, Мохамедъ Аминемъ, управляющимъ въ Хивѣ доселѣ.

Такимъ образомъ, сначала нынѣшняго столѣтія, Хивинское владѣніе получило нѣкоторую политическую значимость. Но это преобразованіе, составляя успѣхъ сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ ханства, еще не могло сдѣлать его важнымъ, ни какъ врага, ни какъ союзника, для такого могущественнаго союзда, какъ Россія. Равномѣрно и въ торговыхъ видахъ не могла Хива, по видимому, заслуживать особаго вниманія съ нашей стороны, ибо, по малочисленности и грубости своего народонаселенія, она не представляетъ ни большого, либо зажиточнаго рынка для сбыта продуктовъ нашихъ, ни мѣста производства цѣнныхъ товаровъ. Наконецъ, побережья Арала и низовья Аму-Дарьи, составляя пространство, разъединенное со всѣми окрестными странами недостаткомъ удобныхъ сообщеній, болѣею частію бесплодное и однообразное, не возбуждаетъ, кажется, любопытства въ физическомъ отношеніи, а разрушительное невѣжество нынѣшнихъ 250-лѣтнихъ владѣтелей этой мѣстности заставляетъ отчаяваться, чтобы мѣстныя розысканія могли принести пользу въ историческомъ отношеніи. Потому можно бы думать, что ни въ практическомъ, ни въ ученомъ смыслѣ побережья Арала и низовья Аму-Дарьи не заслуживаютъ затруднительнаго географическаго изученія ихъ. Но такой выводъ, какъ онъ ни кажется правдоподобенъ, будетъ, смѣю думать, не основателенъ. и дабы вѣрно оцѣнить настоящее географическое значеніе разсматриваемой нами мѣстности, необходимо обратиться къ другимъ, болѣе вѣрнымъ соображеніямъ.

Сопредѣльность независимыхъ владѣній возбуждастъ обыкновенно отношенія двухъ родовъ: торговыя и національныя.

Торговый путь въ Россію съ береговъ Джейхуна, или Аму-Дарьи, проложенъ былъ уже въ VIII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуя найденныя у насъ монеты того времени, изъ разныхъ городовъ Мавераннегра. Владычество Татаръ въ Россіи еще ближе ознакомило Харезмцовъ съ разными частями нашего отечества, ибо они въ первую эпоху этого владычества являются главными и самыми страшными откупщиками татарской дани. Сверхъ того, заведеніе въ то же время Венеціанскихъ и потомъ Генуезскихъ коловій на Черномъ Морѣ возобновило торговый путь отсюда въ долину Сыра и Аму. А потому неудивительно, что уже въ 1364 году встрѣчаемъ показаніе лѣтописцевъ о присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ многочисленныхъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ, и что съ покореніемъ Казани и Астрахани, Хивинскіе, Бухарскіе и Самаркандскіе владѣльцы начали часто отправлять посланцевъ ко двору Московскому, для покровительства своихъ промышленниковъ. Государи Московскіе ласково принимали посланныхъ и поощряли эти торговыя сношенія; но замѣчательно, что во всѣхъ коммерческихъ соображеніяхъ относительно Средней Азіи, какъ Московскаго двора, такъ и западныхъ Европейцевъ, входившихъ съ ними по сему предмету въ сношенія, сама Средняя Азія никогда не была цѣлю, а только средствомъ проникнуть въ отдаленную Индію. Для открытія этого пути, уже въ 1520 году пріѣзжалъ въ Москву Генуезецъ Павелъ Центуріоне, а въ 1537 году Венеціанецъ Марко Фоскарини. Но гораздо любопытнѣе для насъ свидѣтельство безыменнаго сочинителя «*Relatione dell Imperio di Moscovia*» 1553 года о томъ, что та же мысль занимала сильно Іоанна IV. Въ означенной книгѣ читаемъ:

«Il nostro Imperatore, per facilitar un tal viaggio, ha proposto premii grandissimi, sperando, a prendoli la via, di far un corsivo viaggio, mediante il quale cresceria grandemente il datio et legabelle, oltre che per il picciolo pretio i suoi Moscoviti s'accommodarano di speciarie chegran quantità ne consumano.»

Эта заботливость Государя объясняется прежде начавшимися уже сношеніями Русскихъ съ Индіею.

Первое известное по летописям путешествіе изъ Россіи въ Индію совершилъ тверской торговецъ, Афанасій Никитинъ. Получивъ дозволеніе отъ Великаго Князя Михаила Борисовича, онъ отправился изъ Твери, въ 1469 году, Волгою, съ товаромъ. Черезъ владѣнія Великаго Князя Московскаго Іоанна Васильевича пропустили его до Нижняго-Новгорода безъ задержанія. Дождавшись тамъ возвращавшагося изъ Москвы ордынскаго посла Ширвана Асамбеса, присталъ онъ къ свитѣ посольской; но не смотря на такое надежное сопутствіе, Никитинъ двоекратно ограбленъ былъ астраханскими Татарами и Кайтаками. Изъ Дербента пошелъ онъ къ Бакъ, а оттуда, черезъ Мизандронъ и другія персидскія провинціи, направилъ путь къ острову Ормусу; былъ въ Гузаратъ и далѣе; сухимъ путемъ проѣхалъ черезъ горы индійскія до Бедера, столицы Великаго Султана Хоросанскаго. Въ обратный путь пустился онъ изъ Ормуса черезъ Ширазъ въ Испагань, а изъ Персіи черезъ Трапезонтъ прибылъ въ Кафу.

Изъ индійскихъ же странъ въ Москву первый пріѣздъ послѣдовалъ при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1533 года, прибылъ въ столицу Россіи Индѣецъ, подъ названіемъ гостя, Таусенинъ-Хозя, и привезъ отъ Индійскаго владѣтеля Бабуръ-Падши, то-есть Султана Бабера, грамоту, въ которой предлагалъ онъ Россійскому Государю быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ. Когда Таусенинъ-Хозя продалъ въ Москвѣ ея товары свои, то, при отпускѣ его, вручена была ему отвѣтная Государева къ Бабуръ-Падшѣ грамота, гдѣ писано: «чтобъ люди промежъ ихъ тѣдили; а о братствѣ къ нему (Великій Князь) не приказалъ, потому что не вѣдаетъ его Государства; невѣдомо: онъ Государь, или государству тому урядникъ.»

Стремленіе къ поддержанію и развитію сихъ сношеній продолжалось и послѣ Грознаго. Годуновъ въ особенности заботился объ этомъ. По возстановленіи въ Россіи порядка въ XVII вѣкѣ, Алексѣй Михайловичъ назначилъ къ Индійскому Шаху-Джагану, то-есть Великому Моголу Джихангиру, гонцомъ казанскаго купца Никиту Сыроежина и астраханскаго жителя Василія Тумканова, вѣстивъ имъ въ обязанность собрать возможные свѣдѣнія о пути въ Индію; но Шахъ Абасъ II отка-

заяся пропустить ихъ туда. Въ 1651 году вновь назначены гонцами къ Персидскому и Индійскому Шахамъ гости Василий Шоринъ и два прикащика его Родіонъ и Иванъ Никитины; но и они остановлены были въ Персіи. Въ 1663 году пріѣхали въ Москву купцы отъ Индійскаго Шаха, Армяне Петровъ, Григорьевъ и Савельевъ; однако Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ допустить монополіи армянскихъ промышленниковъ по индійской торговлѣ, а потому не только не оказалъ имъ льготъ, но, въ 1669 году отправивъ въ Хиву и Бухару посломъ Пазухина, предписалъ ему собрать точнѣйшія свѣдѣнія о пути въ Индію. Вслѣдствіе привезенныхъ имъ указаній, посланъ былъ въ 1675 году изъ Астрахани, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Бухару Даудовымъ, Астраханецъ Исупъ Касымовъ съ грамотою къ Великому Моголу Эвренкзебу.

Бухарскій и Балхивскій Ханы, изъ угожденія Россійскому Монарху, препроводили безопасно русскаго посланника чрезъ свои владѣнія до границъ Индіи. Исупъ въ 1670 году прибылъ въ Кабуль. Тамашній градодержецъ Мекретъ Ханъ отписалъ въ Янобать (Джелабать) къ Ацемъ Хану, чтобы онъ донесъ Шаху о прибытіи посланника изъ Россіи. Но Великій Моголь не пожелалъ быть въ сношеніи съ Россіею, и Мекремедъ-Ханъ отозвался Исупу, «что у Государя его, Индѣйскаго Шаха, издавна до прародителя ихъ, до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени, отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россійскаго Государства пословъ и посланниковъ въ Индію не бывало, потому что Россійское Государство съ Индѣйскимъ въ дальнемъ разстояніи, и ссоръ никакихъ прежде не было и нынѣ нѣтъ; а знатно-де Россійскій Царь къ Индѣйскому Шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ; да и вѣра-де русская иная, и имъ-де басурманомъ съ христіанами въ дружбѣ быть не прилично.» Мекретъ Ханъ, приводя Исупу въ примѣръ какого-то Семена, назвавшагося русскимъ посланникомъ, но въ дѣйствительности бѣлаго жиды, который въ 1658 г. перешелъ въ службу Шаха, — склонялъ къ тому же Касымова. Тотъ однако отвергъ это съ пренебреженіемъ, — за что навлекъ на себя негодованіе Хана и былъ высланъ изъ Кабула, получивъ изъ Шаховой казны 2,000 рупій. Касымовъ

возвратился въ Москву въ январь 1678 г. и вывезъ выкуплен-
ныхъ имъ 40 плѣнниковъ изъ Индіи.

Въ 1695 г. 7 мая послѣдовало вновь повелѣніе отправить изъ Приказа Большой Казны черезъ Персію, Хиву, Бухарію, Балкъ и въ городъ Кабуль для торговаго промысла съ государскими товарами и съ золотыми, кунчину гостинной сотни, Семена Маленькаго, Сергѣи Аникѣева и астраханскаго посадскаго человека Ивана Севрина, придавъ имъ въ Астрахани изъ посадскихъ людей въ цѣловальники добраго и правдиваго человека, а для осторожности и караула стрѣльцевъ 5 человекъ и одного толмача. Кунцы снабжены были изъ Посольскаго Приказа грамотами къ Персидскому Шаху и къ владельцамъ Хивинскому, Бухарскому и Балхинхинскому.

Маленькій выѣхалъ въ ноябрѣ 1694 г. изъ Астрахани; черезъ Испаханъ безпрепятственно доѣхалъ до Индіи; посѣтилъ Агру, Дели; представился Великому Моголу, который далъ ему слона въ подарокъ Русскому Царю; 22 января 1722 г. изъ Суража поплылъ въ Бендеръ - Абасъ, разложивъ товары свои на два корабля, брандербургскій и суратскій, изъ которыхъ послѣдній захваченъ былъ морскими разбойниками; наконецъ, достигнувъ Шемахи, умеръ тамъ, равно какъ племянникъ его Аникѣевъ; въ Астрахань же возвратился только слуга ихъ, который былъ спрошенъ по приказанію Петра I, но не могъ сообщить большихъ свѣдѣній.

Вмѣстѣ съ посылкою Бековича въ Хиву, предписано было Кожину идти оттуда въ Индію; а когда до Государя дошло извѣстіе о томъ, что Кожинъ отказался сопутствовать Бековичу, то порученіе его вѣрно передать Тевкелеву, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Немедленно по заложеніи Оренбургской Линіи, основатель ея Кириловъ заявилъ проектомъ объ открытіи сношеній оттуда черезъ Аральское Море и Аму-Дарью съ Индіею. Преемникъ же его Неплюевъ представилъ полный проектъ, «какіе способы могутъ послужить къ распространенію Оренбургской коммерціи въ Бухарію до Индіи,» который былъ одобренъ и, для заведенія торговаго сношенія съ Индіею, дана привиллегія на 15 лѣтъ торговой компаніи, составленной изъ оренбургскихъ купцовъ: Журавлева, Твередышева, Кикина, Макарова, Мавродія и Аб-

дула Хазлиа. Послѣдній въ 1750 г. отправилъ въ Индію для опыта два небольшіе каравана съ товарами на 8,000 р. Они благополучно достигли своего назначенія и выгодно распрода ны; находившіеся же при нихъ прикащики, магометане, про брались на повратномъ пути въ Мекку. Дальнѣйшихъ послѣд ствій означенная компанія кажется не имѣла.

Это многовѣковое значеніе сѣверо-западной части Средней Азія, исключительно только какъ пути къ странамъ ее окру жающимъ, вполне объясняется характеромъ сказаннаго про странства. Будучи окаймлено на югъ и востокъ высокими го рами, изъ коихъ многія переходятъ за снѣговую линію, она представляетъ покатость, наклоненную отъ нихъ къ сѣверо-за паду, и которая на сѣверъ разрѣзывается мысообразно-вда ющимся въ нее Южнымъ Ураломъ. Центральныя части юж ныхъ и восточныхъ горъ недоступны развитію оскдлости, по орографическому и климатическому характеру своему; среди на покатости, запытая Аральскимъ Моремъ и прибрежными ему мѣстами, представляетъ въ послѣднихъ песчаная и безводная степи, перерезанныя среднимъ и нижнимъ теченіемъ только двухъ рѣкъ. Аму и Сыра. Такимъ образомъ, кромѣ прибрежій этихъ притоковъ, къ оскдлому обитанію способны лишь пред горья Алтая, Урала, Тхляшана, Билура и Хиндукуша, то-есть весьма незначительная часть всего пространства, составляющая притомъ не сплошную массу, а группу оазисовъ, раздѣленныхъ пустынями. Посему понятно, что сѣверо-западная часть Средней Азіи никогда не можетъ представить обширнаго развитія са мостоятельной гражданственности, большихъ промышленныхъ и образованныхъ государствъ.

Но бѣдная, по природѣ своей, Средняя Азія имѣетъ значи тельную важность мѣстоположеніемъ своимъ, будучи окружена Китаемъ, Индіею, Ираномъ и Европою, для которыхъ пред ставляетъ ближайшее и до усовершенствованія мореплаванія почти единственное средство взаимнаго сообщенія. Вслѣд ствіе сего, уже въ глубокой древности находимъ мы свидѣ тельства о важныхъ торговыхъ путяхъ чрезъ это пространство и видимъ, что оно служило большою дорогою при всѣхъ пе редвиженіяхъ народовъ, подавшихъ поводъ главнымъ міровымъ переворотамъ. По этому же самому и въ первоначальныхъ по-

литико-торговыхъ сообщеніяхъ о Средней Азіи, она является только путемъ къ отдаленнѣйшимъ странамъ.

Но если при младенчествѣ мореплаванія этотъ путь могъ казаться выгоднымъ, то нынѣ легкость водянаго сообщенія съ сѣверо-восточною Персіею по Каспійскому Морю чрезъ Астрабадъ, а по Инду со странами, на системѣ этой рѣки лежащими, дѣлаетъ совмѣстничество съ нимъ трудной перевозки товаровъ на вьюкахъ, чрезъ бесплодныя степи и едва проходимыя горы, крайне не надежнымъ. Слѣдовательно въ настоящее время разборъ можетъ подлежать только торговое значеніе сѣверо-западной части Средней Азіи самой по себѣ.

Дѣятельныя и самостоятельныя сношенія Россіи съ этимъ пространствомъ начались собственно съ половины XVIII вѣка, то-есть съ основанія Оренбурга и проложенія Оренбургской Линіи; ибо хотя азіатскіе караваны приходили и до того на Сибирскую Линію, равно какъ въ Сарайчикъ и Астрахань, но русское купечество не принимало непосредственнаго участія въ этой торговлѣ, а крайняя опасность перехода черезъ степь отъ Калмыковъ, Киргизъ и Башкиръ, заставляла самыхъ Азіатцевъ ограничивать по возможности отправку товаровъ.

Свѣдѣнія, сохранившіяся относительно развитія этой торговли съ означенной эпохи, представляютъ слѣдующія данныя:

<i>Годы.</i>	<i>Привозъ.</i>	<i>Отпускъ.</i>
1773—77 на . .	244,794 р. а.	206,136 р. а.
1793—97 — . .	1.547,069 —	1.579,445 —
1801— 7 — . .	2.074,564 —	987,974 --
1812—15 — . .	4.074,564 —	3.582,881 —
1820—23 — . .	5.381,155 —	3.763,611 --
1824—27 — . .	5.759,252 —	4.389,705 —
1828—31 — . .	6.267,414 —	5.889,646 —
1832 на	5.712,757 —	5.624,418 —
1833 —	6.920,935 —	6.781,750 —
1834 —	7.408,462 —	6.687,909 —
1835 —	8.208,161 —	6.543,484 —
1836 —	10.086,975 —	7.698,095 —
1837 —	10.030,513 —	6.794,906 —
1838 —	7.872,399 —	6.041,074 --

Годы.	Привозъ.	Отпускъ.
1839 на	8.544,640 р. а.	6.371,059 р. а.
1840 —	2.914,026 р. с.	2.345,583 р. с.
1841 —	3.825,886 —	2.738,724 —
1842 —	3.128,332 —	2.308,944 —
1843 —	2.654,565 —	2.114,224 —
1844 —	2.462,100 —	2.495,712 —
1845 —	2.720,328 —	2.266,401 —
1846 —	3.150,871 —	2.341,122 —
1847 —	2.893,472 —	2.441,245 —
1848 —	2.874,298 —	2.157,132 —

Такимъ образомъ въ настоящее время торговля со всею сѣверо-западною частию Средней Азiи составляетъ лишь $\frac{1}{53}$ всѣхъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ Имперiи. Сравнительно съ обширностію границы, на которой она производится, результатъ этотъ можетъ показаться незначителенъ въ государственномъ смыслѣ. Но необходимо принять въ соображеніе: 1) что торгъ сей существуетъ въ настоящемъ видѣ всего 75 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ увеличился въ 13 разъ; 2) что торговля сношенія съ Среднею Азіею принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ нашемъ отечествѣ заграничныхъ оборотовъ, въ коихъ отпускъ выдѣланныхъ товаровъ слишкомъ вдвое превосходитъ привозъ таковыхъ издѣлій, тогда какъ напротивъ по европейской торговлѣ привозится обработанныхъ товаровъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ отпускается изъ Россіи *; 3) что, на-

* Въ послѣдніе годы привозъ и отпускъ обработанныхъ издѣлій на средне-азіатской границѣ находились въ слѣдующемъ отношеніи :

1834 годъ	1.492,962 р. а.	3.949,848 р. а.
1835 —	1.791,243 —	3.790,964 —
1836 —	1.813,975 —	4.687,452 —
1837 —	2.235,684 —	3.838 365 —
1838 —	1.946,193 —	3.132.634 —
1839 —	2.760,061 —	3.294.212 —
1840 —	799,105 р. с.	1.453,737 р. с.
1841 —	1.387.898 —	1.611,116 —
1842 —	967,172 —	1.351.624 —
1843 —	638,487 —	1.352,087 —

конецъ, средне-азіятская торговля составляетъ главную пружину развитія торговой дѣятельности въ Заволжской Россіи, ибо пространство это, по преимуществу земледѣльческое, весьма бѣдно внутреннимъ торгомъ, сбывая большую часть продуктовъ изъ первыхъ рукъ на волжскіе рынки. Посему лишь одни заграничныя торговлы сношенія привлекаютъ въ Заволжскъ самостоятельныхъ торговцевъ-капиталистовъ и возбуждаютъ мѣстную торговую предпримчивость.

По всемъ этимъ уваженіямъ, не смотря на числительную незначительность оборотовъ по средне-азіятской торговлѣ, нельзя не признать въ развитіи ея государственной важности, и слѣдовательно невозможно считать не важнымъ тѣ условія, отъ коихъ зависитъ успѣшность этого развитія.

Одно изъ главныхъ таковыхъ условій составляетъ обезпеченіе и удачный выборъ путей сообщенія.

Во всякой торговлѣ есть извѣстные пути, наиболее способствующіе выгодному ходу ся, какъ удобнѣйшіе или кратчайшіе. Но въ дорогахъ, пролегающихъ чрезъ населенныя и плодородныя страны, можно, при затруднительности слѣдованія прямѣйшимъ путемъ, достигнуть цѣли другимъ, хотя и болѣе отдаленнымъ сообщеніемъ. Казалось бы, что степь малозаселенная и неразмежеванная между отдѣльными вотчинниками представляетъ еще болѣе легкости къ произвольному проложенію и выбору торговыхъ путей; однако же на дѣлѣ встрѣчается совершенно противное. Бесплодность и неудобопроходимость значительной части степи, равно какъ отдаленность одного отъ другого разбросанныхъ въ ней центровъ торговли, дѣлаетъ только нѣсколько извѣстныхъ направленій исключительно выгодными и даже возможными для прохода каравановъ. Важнѣйшія изъ этихъ направленій суть дороги, идущія отъ Оренбурга и Троицка къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, какъ наиболѣе облегчающія сношенія Россіи съ Бухаріею, Коканомъ и съ принадлежащею ему Ташкеніею. Утвержденіе это мо-

1844 годъ	710,567 р.	1.557.685 р.
1845 —	731,533 —	1.273,951 —
1846 —	884 455 —	1.319,986 —
1847 —	677,039 —	1 375.118 —
1848 —	766,519 —	1.929 932 —

жетъ показаться парадоксальнымъ для тѣхъ, кто захочетъ судить о дѣлѣ на основаніи карты. Съ одной стороны сообщеніе съ Коканомъ представляется гораздо выгоднѣйшимъ и ближайшимъ изъ Семипалатинска, чѣмъ изъ Троицка; съ другой — путь изъ Астрахани чрезъ юго-восточное побережье Каспія есть, по видимому, кратчайшій для сношенія съ Бухаріею. Но Семипалатинскъ менѣе выгоденъ Троицка и Оренбурга, потому что сообщается гораздо труднѣе съ внутреннею Европейскою Россіею, центромъ всей нашей торговой дѣятельности; Астрахань же хотя и связана съ этими частями Имперіи нашею главною торговою артеріею — Волгою, отъ устьевъ которой къ юго-восточнымъ берегамъ Каспія предстоитъ также болѣе удобный способъ перевозки, чѣмъ на верблюдахъ; но за то эти побережья такъ безводны и негостепріимны, что на всемъ протяжении ихъ, отъ Гурьева до Астрабада, за исключеніемъ Тюбъ-Каранскаго Мыса, нельзя было доселѣ прійскать удобнаго мѣста для торговаго становища; къ тому же путь отъ этихъ береговъ въ Бухару пролегаетъ чрезъ кочевья Туркменъ, народа наименѣе до сихъ поръ обузданнаго изъ встѣхъ кочующихъ племенъ Средней Азіи, и сверхъ того по мѣстамъ, почти совершенно безводнымъ.

Если же низовья Сыръ-Дарьи составляютъ важнѣйшій пунктъ въ коммерческихъ сношеніяхъ Россіи съ С. З. Средней-Азіи, то значеніе Хивы въ этомъ случаѣ очевидно, такъ какъ она есть ближайшее къ этимъ низовьямъ пѣскольно устроенное владѣніе, могущее имѣть наиболѣе вліянія на тамошнихъ обитателей. Я говорю — ближайшее, потому что хотя Коканія, посредствомъ Туркестана и Отрара, прикасается кажется непосредственно къ устьямъ Сыра; но два означенныхъ города принадлежатъ къ Ташкеніи, которая сама составляетъ доселѣ весьма ненадежный удѣлъ Кокана, и слѣдовательно образуетъ скорѣе рубежъ между имъ и устьемъ Сыра, чѣмъ опорную точку для коканскаго вліянія на сѣн послѣднія.

Таково торговое значеніе Хивы въ настоящее время. Нужно ли объяснять, что оно возвысится, въ случаѣ открытія воднаго сообщенія отъ ствернаго берега Арала къ среднимъ частямъ Сыръ и Аму-Дарьи? А что подобное сообщеніе не невозможно, это вполне подтверждается повѣйшими географическими

ислѣдованіями, о которомъ отчетъ печатается съ Высочайшаго разрѣшенія въ Запискахъ нашихъ.

Уже въ 1847 году, съ открытіемъ мореплаванія по Аралу, спущены были на Сыръ-Дарьѣ и вышли въ море: шкуна Николай, поднимающая до 700 пуд. груза, два двѣнадцати-весельныхъ барказа и семь лодокъ разнаго размѣра; а въ 1848 году къ нимъ прибавлена еще шкуна Константинъ.

Сверхъ того, слухъ о рыбномъ богатствѣ Арала возбудилъ промышленную предпримчивость двухъ извѣстныхъ оренбургскихъ купцовъ, Дѣева и Путолова, которые въ томъ же году спустили на Сыръ-Дарью одно мореходное судно и пять большихъ лодокъ для рыболовства. Въ 1849 году работники этихъ судовъ уже зимовали на островѣ Николаѣ, чтобы раннею весною открыть ловъ въ удобныхъ мѣстахъ, и, для развитія означеннаго промысла, образовалась въ Оренбургѣ компанія на акціяхъ.

Въ какой мѣрѣ эти промышленныя начинанія могутъ обидѣживать развитіе торговаго мореходства,—объ этомъ положительно, на основаніи обнародованныхъ свѣдѣній, сказать еще нельзя. Путь къ Аралу отъ русской границы весь сухопутный, и частію по мѣстамъ песчанымъ, маловоднымъ. Берега этого моря безплодны и вовсе лишены строеваго дѣла; хорошихъ якорныхъ стоянокъ и закрытыхъ гаваней мало; Араль принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ бассейновъ: вѣтеръ крѣпчаетъ вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбь, при которой лавировать нѣтъ возможности. Ровные, умеренные вѣтры, которые бы дули по нѣскольکو сутокъ сряду, рѣдки; господствующее направленіе вѣтра сѣверное; но этотъ вѣтеръ обыкновенно переходитъ изъ штиля въ порывистый и даже жестокой штормъ. Устья двухъ единственныхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ къ Араль, Аму и Сыръ, стѣснены мелями и представляютъ фарватеръ весьма извилистый, не глубже 4, а мѣстами даже 2 футовъ. Вотъ невыгодная сторона дѣла!

Зато разстояніе сѣверо-восточнаго берега Арала отъ Оренбурга 700 верстъ, то-есть въ два съ половиною раза меньше всей дороги до Бухары. Изъ рѣдкихъ хорошихъ гаваней,

встрѣчающихся въ означенномъ морѣ, именно дѣтъ находятся при сѣверномъ берегу: въ бухтѣ Чубарь-Тараусъ, принадлежащей къ заливу Перовскаго, и на сѣверо-восточной оконечности полуострова Куланды; при первой изъ этихъ гаваней прѣсная вода въ копанихъ и родникахъ въ изобиліи, и есть кормъ для скота; на полуостровѣ же Куланды, равно какъ при заливѣ Каратамакъ, замѣчены Бутаковымъ признаки каменнаго угля, и хотя позднѣйшія изслѣдованія Антипова не даютъ надежды найти этотъ уголь близъ самаго моря, но по свидѣтельству Ибнъ-Гаукала и Абульфѣда, мы знаемъ, что этого рода топлива еще въ X вѣкѣ употреблялись въ среднихъ частяхъ долины Сыра. На желѣзномъ пароходѣ съ баржами на буксирѣ и даже на парусныхъ судахъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, можно въ сутки перевезти товаръ изъ Чубарь-Тарауза къ устьямъ Аму-Дарьи. Эти устья дѣйствительно мелки, но самое восточное изъ нихъ, Джанъ Дарья, имѣетъ на три версты отъ моря не менѣе 4 футовъ глубины; низовья же Сыръ-Дарьи въ западномъ рукавѣ къ веснѣ углубляются также отъ 3 до 4 футовъ, и начинаютъ мельтѣ лишь съ исхода сентября. Вверхъ отъ этихъ низовій, глубина обѣихъ рѣкъ вездѣ гораздо значительнѣе; судоходность Сыра на 100 верстъ отъ устья уже изслѣдована; о плаваніи же лодокъ съ грузомъ по Аму-Дарьи отъ Чардуя до хивинскихъ предѣловъ есть положительное свидѣтельство Бланкеннагеля и Бориса. Это составляетъ ободрительную сторону вопроса. Рѣшить, что превозможетъ на практикѣ, удобства или неудобства, — предоставлено одной будущности; но если и въ средне-азіятской торговлѣ суждено судоходству современемъ замѣнить, хотя отчасти, доисторическій способъ перевозки тяжестей на верблюдахъ, то промышленное значеніе Аральскаго моря и Хивинскаго Ханства возрастетъ чрезвычайно, такъ какъ чрезъ первое будутъ лежать пути ко всѣмъ важнѣйшимъ рынкамъ западной части Средней Азіи, а чрезъ самую средину второго пойдетъ дорога къ главнѣйшему торговому мѣсту этого странства, къ Бухарѣ.

Я уже имѣлъ случай замѣтить выше, что сопредѣленность средне-азіятскихъ равнинъ съ Россіею возбуждаетъ не одни торговля, но и государственныя отношенія. Значеніе Россіи въ этомъ смыслѣ имѣетъ обще-историческую важность: большая

часть главныхъ переворотовъ въ древнихъ и среднихъ вѣкахъ Европы произошла вследствие движенія народовъ изнутри Азіи; стремясь къ западу, они прежде всего должны были выходить на обширныя низменности между Верхнимъ Иртышемъ и низовьями Сыръ-Дарьи; отсюда предстояли имъ три направленія: къ сѣверу, по Ишимскимъ низменностямъ, вдоль восточнаго свѣса Южнаго Урала до нынѣшней Екатеринбургской сѣдлины или пониженія хребта, представлявшаго удобный входъ въ долину Камы; къ сѣверо-западу — по Иргизу, Эмбѣ, Хобдѣ и Илеку, вдоль юго-западныхъ скатовъ Южнаго Урала, къ низовьямъ Яика и Волги; наконецъ, къ югу — черезъ Туркменскія степи въ Иранъ и черезъ Кавказъ въ Придонскія равнины. По этимъ путямъ дѣйствительно и происходило движеніе многихъ разрушительныхъ племенъ; послѣднимъ изъ нихъ было монгольское. Выдержавъ первая въ Европѣ натискъ его, Россія 200-лѣтнимъ данничествомъ искупила западъ отъ новаго гибельнаго потрясенія. Въ XVI вѣкѣ покореніе Казани, Астрахани и распространеніе русскаго владычества въ Сибири открыло намъ возможность менѣе страдательно противудѣйствовать азіятскому вліянію на западъ; мы начали колонизировать Заволжье до береговъ Камчатки, чтобы тѣмъ поставить оплотъ противу дальнѣйшихъ натисковъ средне-азіятскаго варварства на образованный міръ. Эта колонизація, вполне оправдываемая обязанностию самосохраненія, имѣла, сверхъ того, еще другое отличіе отъ всѣхъ нерусскихъ колонизацій: послѣднія большею частію сопряжены были съ истребленіемъ или по крайней мѣрѣ порабоцненіемъ туземцевъ пришельцами; у насъ, напротивъ, колонизація постоянно вела къ преобразованію инородцевъ, преимущественно мирнымъ путемъ, въ русскихъ гражданъ, къ возможному уравниванію туземцевъ въ правахъ и выгодахъ съ господствующимъ племенемъ. Эта высокая цѣль составить несомнѣнно одно изъ блистательнѣйшихъ отличій нашей исторіи; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была имѣть вліяніе на самый характеръ колонизацій.

Во всѣхъ другихъ колоніяхъ переселенцы начинали обыкновенно съ ненависти и пренебреженія къ туземному быту, съ совершеннаго отчужденія отъ него и насильственнаго перенесенія на новую почву незнакомыхъ и нередко противныхъ ей учрежденій. У насъ, напротивъ, колонизирующіе первоначально какъ-бы

сами подчинялись вліянію туземцевъ, принимая повидному кочевья привычки въ ущербъ осядлости: Уральцы, съ XVI вѣка занявшіе низовья Яика, доселѣ не знаютъ личной собственности, и вся промышленная дѣятельность ихъ до сихъ поръ совершается какъ-бы набѣгами. Въ извѣстный срокъ Войсковымъ Начальствомъ опредѣляется мѣсто для лова рыбы; все войско собирается туда, и чтò кѣмъ поймано, тò и составляетъ его прибытокъ, безъ права производить ловъ отдѣльно, гдѣ бы то ни было въ войсковыхъ дачахъ, не въ установленное время. То же дѣлается съ сѣнокосомъ: въ назначенный день всѣ казаки стекаются на избранный покосъ, и годовой запасъ каждого ограничивается спятымъ имъ въ установленный срокъ сѣномъ; наконецъ, даже въ хлѣбопашествѣ встрѣчаемъ подобный же характеръ: каждый можетъ заводить хуторъ и распахивать землю на мѣстѣ, не занятомъ другими, или не предназначенномъ на общественныя надобности; но это не превращаетъ обработаннаго участка въ личную собственность. Поднимаясь далѣе на сѣверъ, къ Сибири, встрѣчаемъ сходные тому примѣры. Если кто лѣтомъ заѣдетъ въ одно изъ богатыхъ селъ хлѣбороднаго Челябинскаго Уѣзда, населенныхъ русскими крестьянами, онъ нерѣдко найдетъ почти опустѣвшія деревни, охраняемыя одними старухами: рабочее народонаселеніе иногда на цѣлыя недѣли отлучается изъ домовъ на отдаленныя поля, сѣнокосы, пастбища, или рыболовныя озера. Но эти уступки кочевому быту, сближая пришельцевъ съ туземцами, не вредятъ развитію гражданственности; въ тѣхъ же мѣстахъ, у тѣхъ же переселенцевъ, встрѣчаютъ признаки осядой зажиточности и даже чистоты, рѣдкой не только между крестьянами внутри Россіи, но и во всей Европѣ, кромѣ Голландіи, Англіи, Давіи и Швеціи.

Между тѣмъ, среди кочевыхъ туземцевъ совершается также постепенно другого рода преобразование: съ начала эти племена, слѣдуя первобытной привычкѣ, переходятъ ежегодно огромныя разстоянія, останавливаясь на каждомъ мѣстѣ лишь по нѣскольку дней; таковы еще доселѣ Киргизы, зимующіе за Сыръ-Дарьей, которые между тѣмъ лѣтомъ приходятъ на мѣсто въ Оренбургъ; но вскорѣ кругъ кочеванія цѣлыхъ общинъ ограничивается небольшими, положительно опре-

дѣльными округами, какъ напримѣръ: у Киргизъ Сибирскихъ и Букеевскихъ, у Волжскихъ Калмыковъ и Куватовскихъ Татаръ. Затѣмъ возникаетъ потребность проводить по крайней мѣрѣ зиму въ постоянныхъ жилищахъ, у коихъ обыкновенно съ весны, предъ выходомъ на кочевье, застѣвается уже нѣскольکو хлѣба, какъ напримѣръ у всѣхъ кочующихъ Башкиръ. Наконецъ, кочевка обращается лишь въ краткосрочную роскошь, въ замѣну душевныхъ избъ кибитками, только на скоропреходящую безработную пору, какъ у нѣкоторыхъ осѣдлыхъ Башкиръ и Мещеряковъ; а вслѣдъ затѣмъ, совершенно забывается, и потомки бродящихъ пастырей становятся полезными земледѣльцами, каковы большая часть племенъ, населяющихъ западное предгорье Южнаго Урала.

Этотъ постепенный, безнасиловственный процессъ цивилизаціи совершается въ Заволжьи, начиная съ XVI вѣка. Поверхностные наблюдатели, не дающіе себѣ труда вникнуть въ сущность дѣла, считают нерѣдко переходъ кочевыхъ племенъ къ осѣлости невыгоднымъ для нихъ, подкрѣпляя это заключеніе дѣйствительно обычнымъ явленіемъ, то-есть меньшею зажиточностію новыхъ земледѣльцевъ, сравнительно съ ихъ предками-пастухами. Но въ мірѣ вообще, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для народовъ, никакое коренное улучшеніе не достигается безъ предварительныхъ пожертвованій; а въ развитіи гражданственности переходъ отъ кочеванія къ осѣлости есть самый значительный шагъ къ цивилизаціи: нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ переходомъ первая осѣдлая поколѣнія, потерявъ богатый стада, который, безъ большихъ трудовъ для своихъ хозяевъ, обезпечивали существованіе ихъ, становятся неопытными земледѣльцами, для коихъ нелегко соперничествовать съ болѣе искусными совѣтниками; но это временное испытаніе есть залогъ лучшей будущности для потомковъ означенныхъ поколѣній.

Развитіе осѣлости въ Заволжьи началось, какъ я уже сказалъ, съ XVI вѣка; однако же въ исторіи русской колонизаціи на сѣверныхъ предѣлахъ Средней Азіи есть замѣчательная эпоха, разграничивающая два разнохарактерные періода: до XVIII вѣка мы преимущественно заботились объ огражденіи своихъ предѣловъ, дѣйствовали главнымъ образомъ отрица-

тельно; а съ Петра Великаго и въ особенности со времени Анны Иоанновны начинается періодъ положительной цивилизаціи инородцевъ.

Петръ Великій ясно понималъ необходимость, для обезопасенія азіатскихъ рубежей Россіи и для пользы образованія вообще, не ограничиваться одною постройкою крѣпостей на окраинахъ Имперіи, а стараться о развитіи гражданственности у сосѣдей.

Война съ Швеціею и виды на Черное Море временно отвлекли вниманіе Государя отъ первоначальнаго плана; но когда побѣда надъ Карломъ XII успокоила Императора на счетъ западной границы государства, а неудачи Турецкой кампаніи лишили надежды на скорое открытіе морского пути для Россіи чрезъ Азовское и Черное моря; то Петръ Великій снова и съ большею еще настойчивостію обратился къ осуществленію видовъ своихъ на Среднюю Азію. Государь думалъ удобнѣе всего достигнуть цѣли, дѣйствуя отъ восточныхъ береговъ Каспія и отъ южныхъ предѣловъ Западной Сибири. Съ этимъ намѣреніемъ охранительная линія послѣднихъ отодвинута была до средняго теченія Иртыша; а на трехъ пунктахъ восточнаго берега построены крѣпостцы, и Бековичъ пошелъ отъ этихъ береговъ на Аму-Дарью. Но учрежденіе крѣпостей и походъ Бековича кончились неудачно, и хотя Петръ Великій, въ замѣнъ восточнаго побережья Каспія, занялъ впоследствии южное, т. е. Гилянъ и Мазендеранъ, однако же пріобрѣтеніе это оказалось столь же мало прочнымъ, ибо уже по трактату 1732 года означенныя провинціи возвращены Надиръ-Шаху. Что касается до Сибирской Линіи, то хотя она сохранилась и развилась, по отдаленность ея отъ центра Россіи препятствовала ей служить опорною точкою для могущественнаго дѣйствія на Среднюю Азію. Мѣстоположеніе таковой опорной точки было предъугадано самимъ Петромъ Великимъ послѣ Персидскаго похода.

Въ одной изъ записокъ, оставленныхъ Тевкелевымъ, между прочимъ, сказано. «Въ 1722 году, при Его Императорскомъ Величествѣ, блаженной и высокой славы достойная памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, былъ я низайшій въ Персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ

въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ Персидскаго похода, Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для всего отечества Россійской Имперіи полезное намѣреніе, въ приведеніи издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ въ руссійское подданство, и оное свое Монаршее особое, меня нижайшаго, къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная Орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться мнѣ, не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, то токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской Имперіи быть объявленъ, ибо, какъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ Персидскомъ походѣ и въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной Ордѣ, хотя - де оная Киргизъ - Кайсацкая степной и легкомысленный народъ, *только-де вспомъ азіатскимъ странамъ и землямъ, оная Орда ключъ и врата* ».

Тевкелевъ этотъ былъ тотъ самый, который сопровождалъ Бековича и, по приказанію Государя, отправленъ былъ имъ по Каспію въ Шемаху, дабы проникнуть оттуда въ Индію, для собранія возможныхъ свѣдѣній о странахъ, лежащихъ на пути. Но бури занесла Тевкелева въ Астрабадъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ тамошнимъ намѣстникомъ и освобожденъ уже нашимъ посломъ при Персидскомъ Дворѣ Волынскимъ, по распоряженію котораго возвратился въ С.-Петербургъ.

Когда въ 1730 году Абулъ-Хаиръ-Ханъ меньшей Киргизской Орды, тѣснимый Джунгарами и тревожимый Башкирами и Калмыками, прислалъ посланцевъ съ просьбою о принятіи его съ однородцами въ подданство Россіи, то веденіе окончательныхъ переговоровъ внутри Орды, по этому щекотливому предмету, возложено было на означеннаго Тевкелева, и, благодаря его твердости, умѣнью и краснорѣчію, въ 1732 году, то-есть именно въ минуту возвращенія Персіи при-Каспійскихъ провинцій, окончилось успѣшно, именно присягою Малой Киргизской Орды на подданство Императрицы. Но чтобы эта присяга произвела практическія послѣдствія, нужно было перенести русскую военную границу далеко на югъ, то-есть отъ Шешмы и Уфы, гдѣ она шла до того, къ берегамъ Яика, и такимъ

образомъ прирѣзать къ Имперіи всю землю Башкиръ, занимавшихъ какъ обширныя степи, такъ едва проходимые лѣсистые кряжи Южнаго Урала, — этой естественной твердыни на распутьи двухъ главныхъ дорогъ народныхъ движеній изъ Средней Азіи въ Европу. Трудное дѣло сіе возложено было также на питомцевъ Петра Великаго: сначала на перваго русскаго статистика, Оберъ-Секретаря Сената Кирилова, затѣмъ на географа и историка нашего Татищева и, наконецъ, послѣ Урусова, на челоѣка съ желѣзною волею и проницательнымъ умомъ, Неплюева. Благодаря ихъ усиліямъ, Омскъ и Уральскъ, въ промежуткѣ между которыми, къ югу отъ Уфы, существовалъ до 1730-хъ годовъ лишь пригородъ Сакмарскъ, основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, а въ 1727 году занятый, по распоряженію Правительства, Яицкими казаками, свѣзались въскорѣ заселенною линіею по берегамъ Урала и Ул, такъ что не только многократныя бунты Башкиръ и набѣги Киргизъ, но даже возстаніе всѣхъ туземцевъ, въ совокупности съ старинными русскими переселенцами, односторонне именуемое Пугачевскимъ, не могло потрясти русскаго владычества въ этихъ странахъ.

Съ тѣхъ поръ начѣла гражданственности все далѣе и далѣе были переносимы Русскими вглубь Средней Азіи: въ 1820 году прирѣзанъ Илецкій районъ; въ 1822 году, съ изданіемъ устава о Сибирскихъ Киргизахъ, началось устройство Иртышско-Ишимской Степи, гдѣ въ 1824 году открыты приказы Каркаралинскій и Кокчетаевскій; въ 1831 году Алгузскій и Учбулакскій; въ 1833 году Бальн-аульскій; въ 1834 г. Аманъ-Карагайскій; въ 1835 основаны укрѣпленія Улутауское и Актарское. Въ томъ же году основано на сѣверо-восточномъ берегу Каспія Ново-Александровское укрѣпленіе, при заливѣ Каспійскаго моря Кайдакъ. Въ 1836 году прирѣзано пространство между Уемъ-Ураломъ и лѣвою окраиною долины Тобола; въ 1841 году окончательно основано поселеніе Улутауское; въ 1846 году укрѣпленіе Оренбургское и Уральское на Тургаѣ и Ирғизѣ, и Новопетровское на Мангышлакѣ; въ замѣнь упраздненнаго Ново-Александровскаго; наконецъ, въ 1847 году укрѣпленіе Раимское при устьѣ Сыръ-Дарьи; въ 1850 году Копальское у подножья С. З. отроговъ Тхянь-Шана.

Такимъ образомъ, въ теченіе не болѣе вѣка, Россія распространила зародыши осыдлости и благоустройства на пространства между 70° и 400² долготы и между 45° и 55° широты, и достигла этой цѣли безъ истребленія туземцевъ, съ весьма слабыми военными усиліями и можно сказать одною только административною распорядительностію.

Все это постепенно придвигало насъ съ трехъ различныхъ сторонъ къ берегамъ Арала, и къ устьямъ Сыра и Аму-Дары, а потому естественно возвышало для насъ значеніе осыдлыхъ, расположенныхъ тамъ владѣній.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что изъ таковыхъ владѣній, Коканское болѣе разъединено, чѣмъ связано съ устьями Сыра, Ташкеніею, а потому вліяніе его на при-Аральскихъ Киргизъ незначительно и далеко слабѣе хивинскаго, которое, вѣсть съ тѣмъ, одно простирается на сѣверные племена Туркменъ. Слѣдовательно очевидно, что изученіе состоянія и способовъ Хивы заслуживаетъ вниманія съ нашей стороны не въ одномъ торговомъ отношеніи.

Я могъ бы, сверхъ того, добавить къ исчисленнымъ доводамъ, что при-Аральское пространство достойно въ высшей степени любопытства метеоролога, какъ мѣсто проявленія наибольшихъ крайностей материковаго климата, относительно котораго наблюденія, производимыя по просьбѣ Академіи Наукъ въ Раимскомъ и Петровскомъ укрѣпленіяхъ, скоро прольютъ несомнѣнно большой свѣтъ; что замѣчательное отклоненіе Аму - Дары къ Аралу, послѣ многовѣковаго впаденія въ Каспій, не можетъ не составить важнаго предмета изученія для геолога; что грубость нынѣшнихъ владѣтелей этихъ странъ не лишаетъ однако же надежды найти тамъ по крайней мѣрѣ памятники прошедшаго, наименѣе подверженные разрушенію, то есть клады древнихъ монетъ и могильныя украшенія; но я не вхожу въ развитіе этихъ доводовъ, позволяя себѣ надѣяться, что вышесприведенныя мною уваженія достаточно оправдываютъ просьбу о вниманіи къ представляемымъ мною критическимъ объясненіямъ.

Обращаюсь къ обзору картографическихъ матеріаловъ, касательно разсматриваемой мѣстности.

Древніе Греки и Римляне не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній не только о видѣ Арала и низовьяхъ Сыра и Аму-Дарьи, но, по всей вѣроятности, даже о существованіи перваго, ибо знаменитѣйшіе географы того времени предполагали, что двѣ сказанныя рѣки впадаютъ въ Каспійское Море; лишь нѣкоторые добавляли къ сему, какъ Геродотъ и Страбонъ, что дельта Оксуса образуетъ, сверхъ того, болотистые разливы, или, какъ Амміанъ Марцелинъ и Птоломей, что одинъ рукавъ этой дельты впадаетъ въ особое Оксіанское Озеро.

Незнаніе это легко объясняется тѣмъ, что прямыя сношенія древнихъ на сѣверо-западной границѣ Азіи не простирались почти за Кавказъ, Бальхъ и Согдіанскую долину, то-есть нынѣшній Заревшанъ, откуда торговый путь въ Серику оставлялъ Аральское Море далеко влѣвъ. Если даже Каспій, несмотря на утвержденіе Геродота и Птолемея, до Менандра Константинопольскаго признавался заливомъ Ледовитаго Океана, то естественно, что свѣдѣнія объ Аралѣ должныствовали быть еще ограниченнѣе.

Во время Менандра возникли дипломатическія сношенія между Туркскимъ Ханомъ Дизавуломъ и Императоромъ Юстиномъ, для открытія новаго пути изъ Серики на западъ, минуя враждебныхъ Партовъ. Согдіянецъ Маніяхъ въ 568 году прибылъ въ Византію, а въ 569 г. отправился оттуда съ императорскимъ посломъ Земархомъ къ Дизавулу. Клапротъ въ 1823 году приложилъ къ своему разбору сочиненія г. Шмидта, о древней образованности средне-азіатскихъ народовъ, маленькую карту Средней Азіи, на которой, между прочимъ, обозначилъ путь Земарха, протянувъ его въ средину близко къ Аральскому Морю. Согласно съ этимъ, Нибуръ и Гумбольдтъ признали вѣроятнымъ, что большое озеро, упоминаемое Земархомъ въ своемъ путешествіи, есть Аральское, а г. Эйхвальдъ утверждаетъ даже, что это не подлежитъ сомнѣнію. Вопреки сему, я позволю себѣ значительно сомнѣваться въ правдоподобности такого заключенія, и такъ какъ Земархъ могъ одинъ, изъ дошедшихъ до насъ древнихъ путешественниковъ, говорить въ качествѣ очевидца объ Аралѣ, то свидѣтельство его и заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія съ нашей стороны. Менандръ Константинопольскій, въ своей исторіи дипломатиче-

скихъ сношеній восточнаго двора съ варварами, передаетъ показаніе Земарха слѣдующимъ образомъ:

«Postquam fama ad finitimas Turciæ gentes pervenerat, legatos Romanorum advenisse, eosque unâ cum Turcorum legatis Byzantium redire, ejus regionis dux Disabulum supplex oravit, ut Reipublicæ Romanæ visendæ gratia sibi quoque legatos mittere liceret. Quod Disabulus non recusavit. Sed quum aliarum quoque gentium duces idem peterent, nulli alii, quam soli Chliatium Duci concessit. Itaque hunc etiam Romani assumentes, trajecto flumine Oich, haud breve viæ spatium emensi, *ad illam ingentem et latam paludem pervenerunt*. Hic Zemarchus tres dies commoratus, mittit Georgium, cui munus breviores epistolas perferendi delatum erat, ut Imperatori legatorum a Turcis reditum significaret. Georgius igitur cum duodecim Turcis desertam quidem et inaquosam, sed breviorē viam Byzantium versus ingressus est. Zemarchus autem per arcuosa paludis iter faciens per duodecim dies, loca praecepta prætergressus, attingit ripas non solum fluminis Hichi, sed etiam Daichi, et rursus per alias paludes ad Attilam pervenit.» (*Menand. Hist. legat. Barbaror. ad Romanos.* p. 300, 304, 619, 623, 628. *Nicbuhr, ed. Bonn.* 1829).

Очевидно, что дабы опредѣлить направленіе пути, необходимо прежде всего рѣшить, гдѣ была расположена исходная точка его, то-есть главное становище Дизавула. По свидѣтельству Менандра, Земархъ нашелъ ставку Хана въ одной изъ долинъ Эктага или Эктеля. Созвучіе перваго имени съ названіемъ Актау побуждаетъ г. Эйхвальда заключить, что Дизавуль жилъ въ горахъ, извѣстныхъ нынѣ подъ этимъ именемъ, между Сыръ-Дарьёю и Заревшаномъ. Если бы это было справедливо, то конечно можно бы предположить, что Земархъ коснулся Аральскаго Моря; но гипотезъ г. Эйхвальда противоречатъ какъ китайскія лѣтописи, такъ самый текстъ Менандра. Изъ первыхъ мы знаемъ, что центръ туркскаго владычества находился въ VI вѣкѣ въ Западномъ Алтаѣ, а не на крайней оконечности Тяншана. Сверхъ-того, Земархъ самъ въ двухъ мѣстахъ поясняетъ слово Эктагъ и Эктель, какъ означающее не бѣлыя, а золотыя горы, — имя, издавна присвоенное въ Азіи Алтаю; наконецъ, описывая походъ Дизавула противу Персовъ, Земархъ говоритъ, что Хаканъ дошелъ до страны Талашъ. Г.

Эйхвальдъ утверждаетъ, что это — по-бухарски (то-есть, вѣроятно, по-персидски) значить поле; но бесполезно прибѣгать къ подобному изысканному объясненію, когда есть гораздо простѣйшее, а именно: въ названіи р. Талашъ, текущей донынѣ къ югу отъ Чуя, которую Клапротъ и Гумбольдтъ дѣйствительно признали за Талашъ Земарха. Если же это, какъ весьма вѣроятно, справедливо, то Земархъ ни въ какомъ случаѣ не могъ найти Дизавула въ Актау, ибо Талашъ лежитъ къ сѣверу отъ сихъ горъ и слѣдовательно вовсе не на дорогѣ отъ нихъ въ Персію. Потому Клапротъ, Нибуръ, Риттеръ и Гумбольдтъ весьма основательно признали Эктагъ Земарха за нынѣшній Алтай. Но въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, допустить, согласно съ ними, чтобы двѣ, прежде другихъ поименованныя Менандромъ рѣки на возвратномъ пути Земарха означали Сырь и Эмбу, а большое озеро между ними — Араль, такъ какъ, дабы отъ Норъ-Зайсанга достигнуть р. Урала или нынѣшней Сарайчиковской, или даже выше сего (ибо Земархъ вовсе не касался Каспійскаго Моря), очевидно бесполезно дѣлать огромный кругъ на югъ, спускался за Сырь-Дарью. Мы знаемъ, по свидѣтельству Бальдучи Пеголетти, что торговый путь Генуэзцевъ изъ Тавриды къ берегамъ р. Или, въ XIV вѣкѣ, описывалъ еще большій кругъ, а именно: шелъ отъ Сарайчика на Старый-Ургенчъ и оттуда, чрезъ Отраръ, въ нынѣшнюю Гульджу; но это дѣлалось съ цѣлію коснуться самыхъ торговыхъ странъ и не идти по дикимъ степямъ; между тѣмъ какъ Земархъ, спускался на югъ и не достигая однакожъ до остѣлыхъ и образованныхъ мѣстъ, именно замѣняя бы удобную дорогу чрезъ земли нынѣшнихъ Сибирскихъ Киргизъ едва проходимымъ путемъ — чрезъ степь Бедпакъ-Мала. Сверхъ того, между большимъ озеромъ и р. Хикъ, Земархъ идетъ 12 дней озерами, песками и горами; въ послѣднихъ Эйхвальдъ узнаетъ Мугоджары; но весь переходъ чрезъ нихъ составляетъ всего два дня и слѣдовательно никакъ не объясняетъ Земархова пути.

Онъ представится, по мнѣнію моему, гораздо естественнѣе, если подъ Ойхомъ разумѣть Иртышъ, подъ большимъ же озеромъ — Галхашъ, откуда Георгій могъ дѣйствительно быть направленъ прямо къ западу чрезъ голодную степь, а Земархъ взять сѣвернѣе, чрезъ холмистыя, но болѣе плодородныя до-

лины притоковъ Нуры, и затѣмъ, отивъ Тургай подъ именемъ Ика, достигнуть Дайха или Яика. Только при подобномъ слѣдованіи Земархъ не могъ, разумѣется, видѣть Арала.

Китайцы тоже знали основательно лишь верхнія и среднія части долинъ Сыра и Аму; Аральское же и Каспійское моря сливались въ ихъ понятіяхъ въ одно Западное Море.

Но съ самаго перваго начала географической литературы у Арабовъ, мы находимъ у нихъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Маверанегромъ, довольно точныя понятія какъ о двухъ рѣкахъ его, такъ и объ Аралѣ, что сохранилось въ продолженіе всей мусульманской литературы до XVII вѣка и ясно выражено на дошедшей до насъ картѣ Альиствахи.

Равнообразно и въ первомъ древне-русскомъ географическомъ сочиненіи, въ книгѣ Большаго Чертежа, составленіе которой принадлежитъ къ концу XVI и началу XVII вѣка, содержатся весьма удовлетворительныя для того времени свѣдѣнія не только объ Аральскомъ или Синемъ Морѣ, но даже о его прибрежьяхъ.

Точность этихъ свѣдѣній, во время, предшествовавшее XVII вѣку, объясняется какъ выше приведенными торговыми сношеніями Россіи съ Маверанегромъ и Индією, такъ и заботливостію Московскихъ Государей о разширеніи сей торговли, и частымъ пріѣздомъ къ намъ посланцевъ отъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ. Въ теченіе же XVII столѣтія были даже неоднократно потѣзки русскихъ агентовъ къ этимъ владѣльцамъ. Такъ именно въ 1620 году отправленъ къ Бухарскому Имамъ-Кули Хану, въ качествѣ посланника, дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ. Въ данной ему къ Бухарскому Хану грамотѣ, отъ 24 мая, Царь благодарилъ Хана за посла Эдема, изъявлялъ желаніе быть съ Эмиромъ въ согласіи и дружбѣ, уведомлялъ его, что, въ знакъ пріязни своей, посылаетъ ему 4 добрыхъ кречетовъ во всемъ нарядѣ, и извѣщая о сдѣланномъ по просьбѣ его предписаніи Казанскому, Астраханскому и другихъ городовъ воеводамъ, о позволеніи Бухарцамъ торговать разными товарами и о защищеніи ихъ отъ притѣсненій и обидъ, требовалъ того же для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Бухарію, просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и о скоромъ отпускѣ посланника Хохлова. Въ наказѣ сему посланнику, между

прочимъ, предписаво слѣдующее: развѣдывать о находящихся въ Бухаріи русскихъ пазыныхъ, и въ особенности о именитыхъ дворянахъ; если для допущенія къ Хану упорно будутъ требовать у него пошлины, то ему оныхъ отнюдь не платить и возвратиться въ Россію; когда Бухарскій Ханъ пригласитъ его къ себѣ за столъ, требовать, чтобы въ то время пословъ другихъ державъ за онымъ не было; а если они будутъ, то чтобы ему сидѣть выше ихъ, въ противномъ же случаѣ не обѣдать; назначено, что ему отвѣчать на вопросы о сношеніяхъ Россіи съ другими государствами, о перемиріи съ Польскимъ Королемъ и о другихъ политическихъ дѣлахъ, а самому о семъ заговаривать не вѣльно: о кречетахъ, посланныхъ въ даръ Хану, приказано объявить, что они не сидѣлые, кои не выносятъ далекаго пути, а дикіе; при семъ подтверждено, чтобы царскіе кречетяники, съ ними отправленные, не были на ханской охотѣ.

На пути въ Бухарію, Хохловъ терпѣлъ нападенія отъ кочевыхъ Туркменцевъ и притѣненія отъ Хановъ Юргенскихъ, желавшихъ отнять у него кречетовъ, и отъ ханскихъ приближенныхъ, домогавшихся отъ него подарковъ и пошлинъ. Въ городѣ Бухарѣ встрѣтилъ его посадскій староста; Хохловъ былъ помѣщенъ въ караванъ-сараѣ и получалъ поденный кормъ, состоявшій изъ пшена, 30 лепешекъ и одного барана. Тамопній воевода требовалъ его къ себѣ съ подарками, въ чемъ Хохловъ отказывалъ ему неоднократно, говоря, что онъ присланъ къ Хану Имамъ-Куль; воевода хотѣлъ насильно отнять у него подарки, и посланникъ со свитой принужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Наконецъ, они были отпущены въ Шамарханъ (Самаркандъ), мѣстопробываніе Хана, и на пути туда получали кормъ отъ пристава, ихъ сопровождавшаго. Передъ Самаркандомъ встрѣтилъ ихъ отъ Хана Адамъ-Бей, бывшій въ Россіи посломъ. Имъ вѣльно вѣхать въ городъ и остановиться въ караванъ-сараѣ. На другой день по пріѣздѣ, они были у Хана, который прислалъ за ними того же Адамъ-Бея; Ханъ принялъ ихъ на дворѣ посадскаго человека, сѣдя, подогнувши подъ себя ноги, между двухъ палатъ, на деревянномъ помостѣ, покрытомъ ковромъ; владѣльца окружали около двадцати князей. Есаулъ хотѣлъ взять у посланника, тотчасъ по входѣ его на тотъ дворъ; царскую грамоту, но онъ не далъ ея, и говорилъ Хану привѣт-

ствіе по полученному имъ наказу. Видя, что Ханъ не встаетъ при имени и поклонѣ царскомъ, посланникъ замѣтилъ ему, что всѣ Государя встаютъ изъ уваженія къ имени Его Царскаго Величества; Ханъ извинился тѣмъ, что давно уже русскихъ пословъ у нихъ не было, и, сказавъ, что онъ слушалъ Государеву рѣчь съ удовольствіемъ, и, замислившись о ней, забылъ встать, увѣряя, что это не происходило отъ непріязни и неуваженія. Грамату Царскую приказалъ онъ принять есаулу, и на рѣчь посланника отвѣчалъ, что исполнить требованія Царя, велитъ сыскать всѣхъ полоненниковъ русскихъ и отправить къ нему Хохлову въ Бухару. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, состоявшихъ изъ 4 кречетовъ: Ханъ велѣлъ принять ихъ ближнимъ своимъ людямъ; послѣ сего посланникъ поднесъ отъ себя въ даръ 40 соболей и флягу вина, по принятіи коней Ханъ отпустилъ его, сказавъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бухару и ожидалъ скорого его туда прибытія. Адамъ-Бей объявилъ Хохлову, что Ханъ пожаловалъ ему 1000 ханлыковъ (бухарская монета, содержащая въ себѣ 2 алтына); но вмѣсто суммы сей, посадскій староста доставилъ ему только 180 ханлыковъ, сказавъ, что остальные взялъ Адамъ-Бей, уѣхавшій въ Бухару. По приказанію ханскому, потребовали у него двѣ пищали, турецкую и русскую; русскую пищаль возвратили, а о той дали знать, что она понравилась Хану. Съѣстные припасы покупалъ Хохловъ на свой счетъ, и отправился на своихъ подводахъ въ Бухару, откуда, по долгомъ ожиданіи Хана, посылалъ къ нему толмача просить объ отпускѣ. По приказанію Хана, посланникъ пріѣхалъ опять въ Шамарханъ въ началѣ іюля, но не засталъ тамъ Имамъ-Кулы, отправившагося съ войскомъ въ Балкъ, къ брату своему Недиръ - Магомету. Возвратясь скорѣ въ столицу, Ханъ, по причинѣ болѣзни своей, принявъ Хохлова на своемъ дворѣ въ постели у окошка, и отпустилъ его, сказавъ, что пошлетъ къ Царю посла съ граматою, что онъ приказалъ не удерживать русскихъ полоненниковъ, находящихся при дворѣ его, и вольныхъ, если пожелаютъ возвратиться въ отечество, но что другихъ отыскивать за смятеніемъ некогда; онъ обѣщалъ при томъ выполнить требованіе Царя по усмиренію мятежниковъ. Подарки хановы состояли въ слѣдующемъ: жеребецъ съ сѣдломъ и уздою, чалма шелковая

съ золотомъ и серебромъ, красный бархатный каѳтанъ и шелковый съ золотомъ кушакъ.

По кончинѣ Царя Михаила Ѳедоровича, сынъ его и наследникъ, Царь Алексѣй Михайловичъ 1646 года іюля 14 отправилъ въ Бухарію съ разными товарами купчину Аниса Грибова, и послалъ съ нимъ къ Хану Недиръ-Магомету извѣстительную грамоту о возшествіи соемъ на Всероссійскій престолъ, въ коей просилъ отпустить съ симъ купчиною русскыхъ пленныхъ, находящихся въ Бухаріи. Грамата сія отправлена была изъ Персіи къ Бухарскому Хану, а купчина Грибовъ самъ не довхалъ до Бухаріи, по причинѣ случившейся тамъ междоусобной войны, и торговалъ въ Персіи. Поводомъ къ сей войнѣ было сверженіе съ престола Хана Недиръ-Магомета и избраніе на оный сына его Абдулъ-Лизза; произшедшія отъ того внутренняго безпокойствія и войны съ Великимъ Моголомъ, покровительствовавшимъ Недиръ-Магомету, и съ Юргенскимъ Ханомъ, прекратили навремя сношенія Бухаріи съ Россіею.

Царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ и расширилъ сіи сношенія, отправивъ въ 1669 году посланцевъ въ Хиву и Бухару.

Первое порученіе возложено было на астраханскаго боярскаго сына Ивана Ѳедотова и на тамошняго посадскаго челоука Матвѣя Муромцева.

Они отправились изъ Астрахани 15 февраля 1669 года съ посланцемъ Хивинскаго Хана Нависъ Шаха Паладою-Могаметъ-бекъ - Рузумовымъ и прибыли, идя все сухимъ путемъ, къ городу Хивѣ 2 іюня того же года; вслѣдъ за тѣмъ, по распоряженію Хана Ануши, назначенъ былъ къ нимъ особый приставъ, отведена квартира и опредѣлено содержаніе.

13 іюня Иванъ Ѳедотовъ представлялся Анушъ Хану, былъ принятъ съ честью и хотя Ханъ отрекся отъ преувеличенныхъ показаній хивинскаго посланника о богатствѣ и торговой важности Хивинскаго Ханства; однакожъ, для личнаго удостовѣренія, дозволилъ Ѳедотову, на второй аудіенціи 22 іюня, съѣздить самому въ важнѣйшіе торговые города. Вслѣдствіе чего, онъ 30 іюня отправился въ Ханки, а оттуда въ Хазараспъ, гдѣ дѣйствительно убѣдился въ ничтожномъ развитіи хивинской промышленности, ибо, говорятъ Ѳедотовъ въ своемъ доносѣ, «въ тѣхъ-де городахъ юргенское и хивинское вся-

кихъ чиновъ люди межъ себя торгуютъ зедеями, и выбойки, и бумагою хлопчатою, и пестредьми, и шолкомъ сырцомъ; а купать-де шолку сырцу пудъ по 60 рублевъ, выбойки по 13 алтынъ по 2 деньга, пестредь по 6 алтынъ по 4 деньга, зедеи по 3 алтына по 2 деньга, бумаги хлопчатой пудъ по 1½ руб.; а дѣлають шолкъ, и бязи, и зедени простые; а не чаровые въ Юргенской землѣ; а бурмети, и выбойки, и бумагу, и пестреди привозять изъ Бухарь сами Юргенцы; а Бухарцы съ товары въ Хиву и въ Юргенчъ прѣзжають мало; Индѣйцы и Бахтинцы не прѣзжають, и складовъ Юргенцы съ Индѣйцы въ торгѣхъ не имѣють, и верблюжьею шерстью не торгуютъ и *Россійскаго Государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ большіе прибыли и пожитковъ не чьютъ*, потому что въ Астрахани тотъ товаръ купать не только шолкъ сырецъ и дѣланной немногимъ болыши сорока рублевъ, а зедени по 4 алтына по 2 деньга, пестреди по 9 алтынъ, бязи аршинъ по 3 деньга, бурмети и выбойки по 15 алтынъ, бумагу хлопчатую по 2 руб. п.»

О политическомъ положеніи Хивы Федотовъ сообщаетъ слѣдующее:

«А ратныхъ-де всякихъ чиновъ служилыхъ людей во владѣніи Юргенскаго Хана 15,000 человекъ; служатъ лучнымъ боемъ; а пищали есть мелкіе и то не у многихъ людей; а земля-де Юргенская не велика, и хлѣбомъ и всѣмъ скудна, и лѣсовъ нѣтъ, и въ лѣтнее и въ осеннее время тѣтъ варять травую; а въ зимнее скудное время дрова привозять съ великою нужною зъ Дарчи рѣки; а ѣздъ до той рѣки трои сутки; да и вода проведена изъ той же рѣки; а иныхъ колодезей и ключевыхъ нѣтъ; а объѣзжаютъ Юргенскую землю въ 3 дни; а деньга дѣлають мѣдныя; а тѣми деньгами торгуютъ только межъ себя.»

«А съ Туркскимъ-де Салтаномъ и съ Крымскимъ Ханомъ у Юргенскаго Хана ссылокъ никакихъ нѣтъ.»

«А съ Персицкимъ де Шахомъ Юргенской Ханъ ведетъ войну за то, что Персицкой Шахъ противъ прежнего подарковъ погодно не присылаетъ; и за то Юргенской Ханъ ходилъ Персицкаго Шаха въ города въ Астрабадъ и въ Карапаръ войною; и тѣхъ городовъ многихъ людей побили, въ полонъ поймали; и

нынѣ де у Персикаго Шаха въ зборѣ много ратныхъ людей стоятъ въ Мешете, да въ Страбате; и Юргенской Ханъ имѣетъ опасеніе большое и часть на себя Персикаго Шаха прихода войноюю.

13 сентября 1669 года Оедотовъ съ товарищами оставили Хиву, выкупивъ тамъ 12 русскихъ за 828 руб., и 6 ноября благополучно прибыли въ Астрахань.

Въ томъ же 1669 году въ іюнѣ мѣсяцѣ отправлены посланниками въ Бухару Борисъ и братъ его Семень Пазухины. Въ данной имъ къ Бухарскому Хану Абдуль-Азизу грамотѣ, Царь требовалъ освобожденія и присылки съ сими посланниками русскихъ пленныхъ, и изъявилъ желаніе быть съ Ханомъ въ согласіи и соизволеніи на торговлю Бухарцевъ въ Россіи.

Прибывъ 28 іюня слѣдующаго года въ деревню за 7¹ верстъ отъ города Бухары, Пазухины отправили туда толмача, для извѣщенія о пріѣздѣ своемъ въ качествѣ посланниковъ отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича къ Абдуль-Азизу Хану. Въ тотъ же день Ташъ-Булакъ-Бекъ, намѣстникъ Бухарскаго Хана на время похода его противъ Балковскаго Хана, прислалъ къ нимъ есаула и дворянина съ извиненіемъ, что встрѣчи большою посольству сдѣлать нельзя, ибо къ служилые люди пошли въ походъ съ Ханомъ. Посланники отправились съ присланными къ городу, и за 3 версты остановились въ полѣ, куда и прислано имъ достаточное количество състныхъ припасовъ. Прибывъ въ Бухару по приглашенію намѣстника, они были у него для отправленія къ Хану гонца, съ извѣстіемъ о ихъ посольствѣ. По тамошнему обычаю, състные припасы для посланниковъ собирались съ купечества первые три дня сряду, по прошествіи коихъ отпускали имъ ежедневно по 3 руб. и 28 алтынъ (на русскія деньги). Сначала они отказывались отъ сего скуднаго и несообразнаго съ достоинствомъ ихъ содержанія, говоря, что довольны жалованьемъ своего Государя и могутъ сами себя содержать; но наконецъ согласились принять оное, когда имъ объявили, что оно назначено до указа ханскаго.

Іюля 14, Ханъ прислалъ къ нимъ чиновника своего Малай-Кашара, который, спросивъ ихъ о здоровьѣ, говорилъ имъ отъ имени Хана, чтобы они не были печальны, чтобы прогуливались въ ханскихъ заповѣдныхъ садахъ и надѣялись на его ми-

лостъ. Ханъ указалъ выдать имъ единовременно 215 рублей на содержаніе ихъ до отпуска, который обѣщаль имъ въ непродолжительномъ времени. Отблагодаривъ посланнаго, они сказали ему, что если Ханъ и не укажетъ выдавать имъ сей суммы, то они будутъ довольствоваться Царскимъ жалованьемъ, и просили не задерживать ихъ отпускомъ.

По возвращеніи Хана въ столицу 29 декабря, на другой день приставъ извѣстилъ ихъ, чтобы они были готовы явиться къ Хану; они требовали, чтобы въ то время не было у Хана другихъ пословъ и чтобы за ними присланы были лошади. На возраженіе пристава, что сего ни для какихъ пословъ у нихъ не дѣлаютъ, они отвѣчали, что бухарскимъ посламъ въ Россіи даютъ лошадей изъ Царской конюшни; вельдствіе чего и прислана отъ Хана для Бориса Пазухина верховая ослѣланная лошадь, на коей онъ отправился въ сопровожденіи пристава на приемную аудіенцію; брать его и свита ѣхали на своихъ лошадяхъ; грамоту Царскую везъ впереди подъячій Прошлецовъ. Посланникъ ни къ кому изъ вельможъ не затѣжалъ и никакихъ пошлинъ не платилъ. У воротъ ханскаго двора встрѣтилъ ихъ Малай-Бекъ, начальникъ пѣхоты, стрѣлковъ и артиллеріи, и просилъ ихъ слѣзть съ лошадей, ибо никакой посолъ не вѣзъ на дворъ ханскій; исполнивъ сіе, они взошли на рундукъ, устроенный для приема пословъ. Ханъ сидѣлъ на четвероугольномъ съ 6 ступенями возвышеніи, покрытомъ золотыми коврами. По правую сторону сидѣли на рундукъ первые чины бухарскіе, Ходжи, ханскаго поколѣнія, а по лѣвую другіе высшіе чины; всѣхъ было слишкомъ 100 человекъ.

Приставъ, объявившій Хану о присланныхъ ему дарахъ, записывалъ поминки Царскіе, между тѣмъ какъ вельможи разговаривали съ посланниками о сношеніяхъ Россіи съ Турціею и другими государствами. Первый ханскій чиновникъ требовалъ у нихъ Царской грамоты; но Борисъ Пазухинъ отказалъ ему въ семъ, говоря, что по указу Государя, никому не вручить его грамоты, кромѣ самаго Хана. Наконецъ, послѣ долгаго спора, по требованію его, доложили о семъ Хану, который чрезъ пристава велѣлъ ему представиться. Посланника вели подъ руки два вельможи по ступенямъ съ правой стороны престола; Ханъ, приподнявшись, съ честью принялъ отъ не-

★

го Царскую грамоту, и, не читая, положилъ ее передъ собою. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, говорилъ рѣчь о желаніи Царя утвердить дружескія и торговля сношенія между обѣими державами, требовалъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ. По окончаніи рѣчи, Ханъ велѣлъ посланникамъ сѣсть близъ него между вельможами, спрашивалъ ихъ о времени ихъ отправленія и о пути въ Бухарію, а кромѣ того ни о чемъ не говорилъ.

Января 7 слѣдующаго года Ханъ чрезъ пристава требовалъ къ себѣ посланниковъ съ ихъ дарами, что они въ тотъ же день и исполнили. Ханъ спрашивалъ ихъ о потѣхахъ Царскихъ, о соколахъ и кречетахъ; потомъ велѣлъ принести двухъ кречетовъ своихъ, и, посадивъ ихъ на руку, говорилъ, что это его любимая охота и что онъ желалъ бы имѣть такихъ птицъ отъ Царя Русскаго, и спрашивалъ о ближайшемъ пути въ Россію.

На другой день, по приказанію ханскому чрезъ пристава, посланники были у Ходжей, совѣтниковъ ханскихъ, и просили ихъ ходатайства объ освобожденіи плѣнныхъ, обѣщая имъ Царскую милость. Ходжи увѣряли ихъ въ усердіи своемъ къ пользѣ Царя и предлагали свое покровительство въ случаѣ мятежа или грабительства.

Февраля 2 посланники приглашены чрезъ пристава къ ханскому столу, съ извѣщеніемъ, что другихъ пословъ за онымъ не будетъ. Обѣдъ былъ на томъ же рундукѣ, на которомъ происходила пріемная аудіенція. Посланники сидѣли по лѣвую сторону отъ Хана, съ вельможами и воеводами изъ разныхъ городовъ, по сему случаю собранными, а по правую сторону сидѣли Ходжи и духовныя особы. Передъ Ханомъ лежали его доспѣхи; за нимъ стояли 12 придворныхъ, державшіе попеременно его посохъ и саблю; передъ нимъ были 200 есауловъ съ посохами, а позади ихъ на рундукахъ по обѣ стороны стояли по 9 человекъ съ пищалями. Скатерть несъ въ мисѣ столыникъ; передъ нимъ шелъ дворецкій и, взявъ скатерть, подалъ ее придворному чиновнику, коего должность состояла въ томъ, чтобы накрывать на столъ, отвѣдывать кушанья, принимать ихъ и ставить передъ Хана, стоя на коленяхъ на верхней ступенькѣ. Сначала подали овощей, ягодъ и разныхъ сахаровъ *нарядныхъ* —

выраженіе посланника въ его релліи. Ханъ, прежде нежели самъ началъ ѣсть, послалъ со стольникомъ ошачей Ходжамъ, вельможамъ и Борису Пазухину, который, привставъ, поклонился ему. Перемѣнивъ скатерть, подали разныхъ кашъ цвѣтныхъ и мѣсъ на 31 мѣсъ, которыя всѣ поставили въ одно время, и конихъ онъ тѣмъ же порядкомъ присылалъ посланнику, прежде нежели наложилъ себѣ. Передъ Ханомъ стояли золотые сосуды и тарелки; питье—молоко и воду—подносили ему въ золотыхъ чашахъ. Десять потѣшниковъ забавляли объдавшихъ разными играми и пѣли по книгѣ; послѣ сего, приведенъ былъ зѣръ съ чернымъ надъ губою рогомъ, при чемъ Ханъ спрашивалъ посланника, водятся ли такіе зѣри въ Россіи и гдѣ добывается кость рыбы зуба. Послѣ стола, пили молоко изъ деревянныхъ чашъ за ханское здоровье; потомъ болре разошлись и посланники возвратились къ себѣ на подворье. Они поднесли подарки ближнимъ вельможамъ ханскимъ, прося ихъ содѣйствовать освобожденію плѣнныхъ и ускоренію ихъ отпуска; но Ханъ отложилъ опый до окончанія войны и до учрежденія безопаснаго пути чрезъ Калмыцкія кочевья. Между тѣмъ посланники были неоднократно приглашаемы къ ханскому столу. Іюля 12 приставъ уведомилъ ихъ о скоромъ отпускѣ, велѣлъ имъ готовиться въ путь и принесть ханскіе подарки: золотомъ шитый кафтанъ, чалму и кушакъ. Сентября 20 Ханъ прислалъ посланникамъ 9 русскихъ плѣнныхъ съ приставомъ, который объявилъ имъ отъ Хана, что плѣнные сіи куплены у Хивинцевъ, пріѣзжавшихъ въ Бухарію, по 40, 50 и болѣе рублей за каждого; что Ханъ отправляетъ ихъ къ Царю Алексію Михайловичу, для утвержденія взаимнаго согласія и дружбы, и не посылаетъ болѣе, ожидая возвращенія изъ Москвы посла своего Мулло-Оора и пріѣзда новыхъ русскихъ пословъ; но что Ханъ не будетъ удерживать русскихъ выходцевъ изъ иныхъ земель, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество. Не смотря на всѣ усилія посланниковъ освободить большее число плѣнныхъ, они въ томъ не успѣли. Они требовали подводъ для отъѣзда, вмѣсто конихъ, по тамошнему обыкновенію, назначено выдать имъ денегъ 400 руб., изъ конихъ вычли 40 часть въ казну и 20 приставу. Согласно данному имъ наказу, они тайно увѣщевали русскихъ плѣнныхъ сохранять вѣру свою и стараться о воз-

вращеніи себѣ свободы. На оставшіеся у нихъ отъ издержекъ и на полученныя ими за проданные товары деньги 585 рублей, они выкупили 22 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ не нашлось ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ.

Отпускная аудіенція была 20 октября и происходила тѣмъ же порядкомъ, какъ пріемная. Ханъ говорилъ посланникамъ, что, желая сохранить дружескія сношенія съ Царемъ Россійскимъ, онъ исполнитъ его требованіе о плѣнникахъ, коихъ будетъ отпускать съ своими и Царскими послами, только когда дорога черезъ кочевья Калмыцкія сдѣлается безопасною. и что онъ посылаетъ къ Царю Алексѣю Михайловичу съ грамотою стольника своего Исургамъ-Абкерема. Посланники отвѣчали Хану чрезъ ближнихъ его бояръ, что они не могутъ безъ его грамоты возвратиться къ своему Государю, и просили отправить оную съ ними, на что Ханъ согласился, и, взявъ надъ ними руки, отпустилъ ихъ. Въ тотъ же день Ханъ пошелъ въ походъ по Туркестанской дорогѣ, а на другой день прислалъ съ приставомъ грамоту. Содержаніе ея слѣдующее: Абдуль-Азизъ-Бегадыръ Ханъ благодаритъ Царя за посланниковъ его, увѣдомляя, что и онъ отправилъ было въ Россію своего посланника, который, будучи ограбленъ Калмыками, принужденъ возвратиться въ Бухарію; Ханъ заключаетъ грамоту тѣмъ, что посланнику Борису Пазухину подробно поручено отъ него объявить словесно о разныхъ дѣлахъ. Посланники, по полученному ими наказу, помѣстили въ донесеніяхъ своихъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ состояніи Бухаріи: войско ея простиралось до 130 тысячъ и состояло по большей части изъ Туркестанцевъ, Каракалпаковъ и Кайсаковъ; природныя Бухарцы — народъ невиннѣйшій; казна ханская очень бѣдна, ибо всѣ деревни росписаны на содержаніе войска и разныхъ чиновниковъ, а собираемая съ денежнаго двора сумма и пошлинныя деньги всѣ издерживались на ханскіе домашніе расходы; хлѣба въ Бухаріи стѣли весьма мало; поля поливали напускною водою, для чего употребляли плѣнныхъ. Вслѣдствіе наказа, Пазухинъ представилъ подробное извѣстіе о пути въ Индію.

Въ 1675 году назначенъ былъ руссійскимъ посланникомъ въ Бухару Василій Александровичъ Даудовъ, съ коимъ отправленъ Астраханскій Татаринъ Маметъ-Исупъ Касимовъ, послан-

ный къ Великому Моголу. Въ данной имъ къ Хану Бухарскому граматѣ, Царь Алексѣй Михайловичъ напомнилъ Хану о сдѣланномъ чрезъ Бориса Пазухина обѣщаніи, отпустить Русскихъ плѣнныхъ съ первымъ будущимъ Царскимъ посланникомъ, и просилъ о препровожденіи чрезъ владѣнія его въ Индію Маметъ-Исуна Касимова.

Они плыли моремъ 3 недѣли, вышли на берегъ у Караганской пристани, наняли у Туркменцевъ верблюдовъ и ѣхали степью до Хивы. Тамашній Ханъ ходилъ войною на Бухарію, и они принуждены были 10 недѣль ждать его возвращенія. Даудовъ былъ у него съ Царскими подарками и просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ; Ханъ обѣщалъ исполнить сіе требованіе, если Бухарскій Ханъ, имѣвшій, по его словамъ, много плѣнныхъ русскихъ, сдѣластъ то же. По его повелѣнію, у посланника взяли двухъ кречетовъ изъ посланныхъ отъ Царя Абдуль-Азизу.

Изъ Хивы въ Бухарію ѣхали они степью 2 недѣли; въ Бухару пріѣхали въ январѣ 1676 года; на другой день по приѣздѣ были у Хана, который обрадовался имъ и подаркамъ, и указалъ выдать посольству на кормъ 350 руб. (на русскія деньги). Абдуль-Азизъ сначала отказалъ Даудову въ освобожденіи плѣнныхъ; но потомъ, по неотступному домогательству посланника, чрезъ ближнихъ его вельможъ, согласился отпустить съ нимъ только 5 человекъ вольныхъ, откупившихся работою, говоря, что имѣетъ нужду въ людяхъ, по причинѣ войны съ Хивинскимъ Ханомъ, который, какъ видно изъ показаній казанскаго толмача Ивана Горнаго, отправленнаго къ Царю отъ Даудова, и изъ реляцій самаго посланника, взялъ у Бухарскаго Хана много городовъ и истребилъ много народа: Ханъ обѣщалъ скорѣе отправить къ Царю своихъ пословъ и съ ними отпустить 20 плѣнниковъ безъ платы, что и повторилъ въ граматѣ своей къ Царю, отправленной съ Даудовымъ. Посланникъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухаріи русскихъ невольниковъ 33 человекъ, которые съ доставленіемъ въ Россію стоили 1,114 рублей.

Явленіе совершенно противное восточной и древне-русской литературѣ представляетъ географіи и картографіи западной Европы. Несмотря на положительныя показанія Арабовъ и даже

свѣдѣнія, сообщенныя европейскими путешественниками, какъ напримѣръ: Плато Карпини, Рюисброкомъ, Марко Паоло и другими, еще въ первой половинѣ XVI вѣка у западныхъ географовъ не только не было яснаго свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ *, но даже нѣкоторые изъ лучшихъ между ними, какъ напримѣръ: Мартынъ Вальдземюллеръ и Петръ Апіенъ видятъ въ самомъ Каспійзъ заливъ Сѣвернаго Океана. Путешествіе Дженкинсона окончательно исправило эту погрѣшность; но тѣмъ не менѣе ни на картахъ искуснѣйшаго картографа XVI вѣка Ортелиуса, ни въ изображеніяхъ Азіи извѣстнѣйшаго картографа XVII столѣтія Сансона нѣтъ еще Аральскаго Моря, и Оксусъ, равно какъ Яксартъ, впадаютъ въ Каспійское.

Это тѣмъ удивительнѣе, что въ означенное время уже возникли довольно дѣятельныя сношенія между Россіею и западною Европою, которыми тамошніе государственные люди и ученые именно пользовались для пріобрѣтенія свѣдѣній объ Азіи. Доказательства сему не малочисленны: Въ *Ramusio Discorso sopra li viaggi delle Spetierie*, Vol I. fol 373, находимъ, что при проѣздѣ въ 1518 году чрезъ Аугсбургъ русскаго посланника (вѣроятно дѣяка Владиміра Племянникова), одинъ изъ тамошнихъ знаменитыхъ математиковъ предложилъ ему вопросъ: могутъ ли торговцы отъ сѣверныхъ береговъ Россіи проникнуть Ледовитымъ Океаномъ на востокъ въ Индію? Въ отвѣтъ на это говоритъ посланникъ: «*Fattasi portare una charta dove era la descrizione di Moscovia et altre provincie soggette a quella.*»

Въ наказѣ, данномъ посланнику Лукѣ Новосильцову, отправленному въ 1585 году отъ Федора Іоанновича къ Императору Рудольфу, между прочимъ, читаемъ: «А нѣчто вспросать про Кизылбашскаго, тожъ и Персидскаго: какъ бытъ лишь со Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ и какъ съ Турецкимъ? и Лукьяну говорити.....А которые Государи живутъ межъ Государя нашего Царства, Царства Астрахани и межъ Кизылбашскою земли, Царь Бухарской, и Турхестанской Царь, и

* На нѣкоторыхъ картахъ къ востоку отъ Каспія показывается еще озеро, какъ напр. на картѣ Марино Сануто 1323 г. и Фра Маура 1459 г.; но ничто не даетъ повода считать его положительно за Аральское Море. Къ такимъ же изображеніямъ относится, вѣроятно, и найденное Даниеломъ на одной картѣ XIII вѣка, напечатанной въ *Gesta Dei per Francos*.

Казацкой Царь, и Юргенской Царь, и Грузинской, и Изюрской, и Калмыцкой, и Шамахейской, и Шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ Кизылбашскимъ и межъ себя мирны съ докладу и совѣту Государя нашего; и во всякихъ большихъ дѣлахъ, съ кѣмъ кому дружба ли или недружба станется, пишутъ о томъ и докладываютъ Государя нашего; а о чемъ къ нимъ Государь нашъ отпишетъ или прикажетъ, и они въ томъ передъ Государемъ нашимъ во всемъ послушны бывають, и пословъ частныхъ ко Государю нашему присылають съ великими поминки и почестливостью.»

Предусмотрѣнный вопросъ былъ действительно предложенъ посланнику находившимся при немъ приставомъ, Даніелемъ Принцемъ, на что и сообщенъ былъ предписанный отвѣтъ, какъ видно изъ статейнаго списка.

Подобныя же указанія встрѣчаются во многихъ другихъ статейныхъ спискахъ; но мы ограничимся приведеніемъ здѣсь лишь тѣхъ отрывковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ отношенія къ Россіи въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Казани и Астрахани, владѣльцевъ сѣверо-западной части Средней Азіи. Въ наказѣ, данномъ Афанасію Резанову, отправленному посломъ къ Императору Рудольфу въ 1588 году, сказано: «А нѣчто спросятъ про Казань и про Астрахань.... и Офонасію говорить.... и нныя земли многи ко Государя нашего Государству къ Астраханскому приложилися: Бухарскій Царь, Юргенской Царь, Хивинской Царевичъ, Изюрской Царевичъ, Казацкая Орда.» Въ наказѣ приставу при императорскомъ послѣ Варкачѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1589 году, между прочимъ сказано, чтобы онъ говорилъ: «А Бухарской Абдула Царь, и Юргенской Царь, и Изюрскій Царевичъ всѣ въ Государя нашего волѣ.» Наконецъ, въ отвѣтъ данномъ Варкачу отъ имени Федора Іоанновича 11 іюня того же года въ отвѣтной палатѣ, между прочимъ, находимъ: «Дьякъ Елизарей говорилъ: и что говорилъ еси на посольствѣ, что Цесарское Величество хочетъ вѣдати о томъ, кто съ Персидскимъ Шахомъ въ соединеніи, которые Государи, и сколько у котораго силы, и мыслятъ ли Государь нашъ Крымскаго въ томъ соединеніе призвать?—о томъ бы тебѣ Царское Величество отвѣтъ учинити велѣлъ. И Царское Величество тебѣ велѣлъ объявити:

съ Кизылбашскимъ Шахомъ его рати живетъ до дву сотъ тысячъ; а съ нимъ въ соединеніе будутъ Бухарской Царь, рати его до ста тысячъ; Юргенской Царь, рати его до пятидесять тысячъ, да которые учинилися подъ Государя нашего его Царскою рукою; а съ Персидскимъ Шахомъ будутъ стоять за одинъ же: Грузинской Александръ Царь, рати его до пятидесять тысячъ; Шевкальской Князь, рати его до тридцати тысячъ; Черкаскіе Князи, и Князь Тюменской, и Князь Окутцкой, у тѣхъ у всѣхъ ратныхъ людей до семидесять тысячъ; Ногаи Заволжскіе, Урусь Князь и съ Мурзы, тѣ издавна Государю нашему служатъ, рати ихъ до пятидесять тысячъ.»

Въ 1609 г. пріѣзжалъ въ Москву ученый голландскій географъ Исаакъ Мааса, который пріобрѣлъ здѣсь много географическихъ свѣдѣній и даже, по свидѣтельству Адслунга, очеркъ вновь открытыхъ частей Сибири; а по предположенію Бера—самую рукопись книги Еольшой Чертежъ. Но, къ сожалѣнію, въ изданныхъ имъ картахъ: 1609 г. *Russiae, alias Moscovia dictae, partes septentrionales et orientales*; 1610 г. *Tabula geographica partis Europae et Asiae quae septentrionem spectant*; 1612 *Novissima Russiae tabula*—онъ не касается С. З. части Средней Азии. То же самое встрѣчаемъ въ другой картѣ, изданной въ 1614 г. Жерардомъ, на основаніи русскихъ источниковъ: *Tabula Russiae desumpta ex autographo quod delineandum curavit Fœdor, filius Tzaris Boris desumpta, et adfluvios Dwinae, Zuchanae aliaque loca, quantum ex tabulis ad nos delatis fieri potuit, amplificata ac Magno Domino Tzari ac Magno Duci Michaeli Feodorowitsch Omnium Russorum Autocratori etc. dedicata*.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ эти сношенія, только свѣдѣнія, сообщенныя Петромъ Великимъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка амстердамскому бургомистру Видзену, ниренбергскому картографу Гомману и Парижской Академіи начали нѣсколько разъяснять географическія понятія Западной Европы о странахъ къ востоку отъ Каспія; а потому уже на картахъ преобразователя новѣйшей картографіи Делиля и Гомана, въ началѣ XVIII вѣка, есть ясное указаніе существованія Арала, хотя въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ онъ имѣетъ дѣйствительно, и въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ Каспія. То же повторяется еще на картѣ Мааса 1735 года; но уже на картѣ

Виттенбергскаго Профессора Хааза, обнародованной въ 1744 году, составленной же раньше того (такъ какъ онъ умеръ въ 1742 г.), Араль получилъ болѣе правильную форму и положеніе, хотя Аму-Дарья показана все еще впадающею въ Балханскій Заливъ, а въ замѣнъ ея, въ южный берегъ Арала вливается Кизиль-Дарья, на вершинахъ которой стоитъ городъ Самаркандъ.

На картѣ, приложенной къ 496 стр. IX т. *Histoire générale des voyages* 1749 г., находимъ подобное же изображеніе; только Кизиль-Дарья вытекаетъ не далеко къ сѣверо-востоку отъ Самарканда, и немного ниже Ургенча принимаетъ въ себя рукавъ Аму-Дарьи, которая другимъ русломъ течетъ въ Каспій.

Любопытно было бы разъяснить, что послужило поводомъ къ этимъ измѣненіямъ, такъ какъ карта Морского Капитана Дубровина, составленная въ 1692 г. на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время поѣздокъ по Азіи, и изданная Кириловымъ въ 1731 году, еще представляетъ Аральское Море въ видѣ узкой полосы, образуемой разливами Аму-Дарьи, наполненной озерами и отдѣляющей полуиссохшее русло къ Балханскому Заливу, т. е. вовсе несходно съ изображеніемъ Хааза; болѣе же близкая къ нему карта Генвея, гдѣ въ первый разъ обнародованы результаты изслѣдованій Томсона, Гога, Гладышева и Муравина, издана лишь въ 1754 году.

Карта Дубровина очевидно основана на распросахъ лицъ знавшихъ Аральское Море только съ юга и даже можетъ быть по одному озеру Лаудану, ибо этимъ объясняется множество острововъ, показанныхъ на картѣ, незначительность присвоиваемаго морю протяженія и невѣрность всего очертанія, при достаточной точности изображенія иссохшаго русла и окаймляющаго его чинка. Солёное Озеро, поставленное къ сѣверу отъ Лаудана, есть не Джуребъ-Гускенъ, какъ думаетъ г. Эйхвальдъ, а по всей вѣроятности, солонцоватая топь Барса-Кильмесь, среди которой, на островъ, по рассказамъ Киргизъ, донынѣ существуютъ развалины стараго кремля.

Въ началѣ XVII вѣка географическія свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ и низовьяхъ Аму-Дарьи могли быть значительно увеличены показаніями образованныхъ очевидцевъ, а именно: участниковъ въ экспедиціи Князя Бековича-Черкаскаго. Но гибельное окончаніе этой экспедиціи лишило Россію и всѣхъ

важныхъ географическихъ данныхъ, которыхъ ожидали отъ сего предпріятія.

По письму Абуль-Хаиръ Хана къ Урусову, полученному въ Оренбургъ 30 апрѣля 1844 года, къ 1740 г. оставалось въ Хивѣ живыхъ лишь 24 человека изъ отряда Бековича; но въ показаніи Гладышева 3 мая 1744 года по сему предмету сказано: «Въ бытность свою въ Хивѣ, увѣдомился онъ Гладышевъ отъ имѣющагося тамъ въ плѣну яицкаго казака Андрея Бородинна, что въ ономъ городѣ Хивѣ содержится въ плѣну, взятыхъ изъ команды Бековича, какъ Русскихъ, такъ Калмыкъ и иноземцевъ, съ 3,000 человекъ, о которыхъ онъ заподлинно знаетъ, потому что ихъ весною выгоняютъ на работу для очищенія кругомъ города Хивы канала, да сверхъ того съ 500 человекъ такихъ же плѣнныхъ имѣется въ Аральскомъ владѣніи». Это показаніе очевидно преувеличено, такъ какъ извѣстно, что весь отрядъ Бековича составляли:

1. Эскадронъ шведскихъ драгунъ (по показанію Лейтенанта Кожина, драгунъ было 600 человекъ)
2. Двѣ роты пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на коней.
3. Артиллерійскіе офицеры и нижніе чины съ пушками и босвыми патронами (о числѣ пушекъ ничего не сказано).
4. Разныя морскіе и адмиралтейскіе служители.
5. Астраханскіе русскіе дворяне, мурзы и Нагайскіе Татары, до 500 человекъ.
6. Гребенскіе казаки 500 человекъ.
7. Яицкіе казаки 1,500 человекъ.
8. Кушцы съ товарами, какъ Русскіе, такъ изъ Татаръ, Бухарцевъ и другихъ до 200 человекъ.

Изъ числа значительныхъ лицъ при отрядѣ входились: Князь Самановъ, астраханскій дзорлинъ Корейтовъ, Маіоры Франкенбергъ и Пальчиковъ, и братья Килъ Бековича: Сююнчъ и Акъ-Мурза.

Всего участвовало въ экспедиціи съ небольшимъ 4,000 человекъ, изъ которыхъ значительная часть вѣроятно погибла уже въ 1747 году, тѣмъ не менѣе большая половина должна была остаться въ живыхъ еще долго послѣ того; однако же выходцевъ изъ нихъ въ Россію было весьма мало, и еще меньше приобрѣтено отъ нихъ географическихъ свѣдѣній.

Изъ таковыхъ показаній, первое, по времени полученія, заключается въ донесеніяхъ отъ марта и іюля 1716 года, астраханскихъ дворянъ Ивана Воронина и Алексѣя по прозванію Святого, посланныхъ Бековичемъ въ означенномъ году гонцами въ Хиву съ Тюбъ-Карагана и задержанныхъ Ханомъ Ширгазы.

Второе показаніе изложено въ донесеніи Казанскому Губернатору Саратовскаго Коменданта Бахметьева отъ 4 октября 1717 года, и заключасть допросъ, снятый 29 сентября того же года съ присланнаго въ Саратовъ Ханомъ Аюкою Калмыка Бакши, который сопровождалъ Бековича, но по умерщвленіи его, отпущенъ былъ Хивинскимъ владѣльцемъ въ Россію, выѣсть съ Татарами и Черкесами, бывшими въ отрядѣ.

Третье показаніе отобрано 13 іюля 1720 года отъ астраханскаго подъячаго Восковойнаго, взятаго съ плѣнъ съ Бековичемъ, потомъ перепроданнаго изъ Хивы Красноводскимъ Турхменамъ и вырученнаго у нихъ однимъ Калмыцкимъ Тайшою.

Четвертое показаніе должно заключаться въ актахъ о приѣздѣ въ Россію въ 1720 г. хивинскаго послаца Венсъ-Мамбета, который былъ арестованъ въ Гурьевѣ и умеръ въ Петербургѣ.

Пятый источникъ свѣдѣній представляетъ путевой журналъ Флоріо Беневени. Отправившись 24 іюля 1719 г. изъ Астрахани въ Шемаху, онъ былъ задержанъ тамъ, потомъ въ Персін, и лишь въ концѣ 1720 г. прибылъ въ Бухару. Послѣ многихъ непріятностей, онъ хотѣлъ выѣхать оттуда, но Бухарское Правительство тому препятствовало, не смотря на то, что въ декабрѣ 1724 г. предписано было обязать Бухарцевъ, проживавшихъ въ Астрахани, чтобы они испросили у Хана свободный пропускъ и провожатыхъ для Беневени; наконецъ, въ апрѣлѣ 1725 г. онъ рѣшился тайно уѣхать изъ Бухары въ Хиву, гдѣ болѣе мѣсяца удерживаемъ былъ тамошнимъ Ханомъ, и послѣ труднаго степнаго пути, наконецъ достигъ Астрахани *.

* Весьма желательно было бы для пользы географовъ, чтобы журналъ Флора Беневени, имлющійся на италіанскомъ языкѣ въ рукописи, былъ напечатанъ. До селѣ извѣстны касательно этого путешествія лишь слѣдующія подробности:

Шестое показаніе сдѣлано 7 января 1744 г. въ Оренбургѣ яицкими казаками Иваномъ Мещеряковымъ, Иваномъ Плаксынымъ, Петромъ Шадругинымъ, Василиемъ Стекольниковымъ и Яковомъ Васенкинымъ, которые также принадлежали къ отряду Бековича и освобождены изъ Хивы Надиръ-Шахомъ, по взятіи имъ означеннаго города въ 1741 году.

Наконецъ, 15 декабря 1747 г. (такъ какъ у Бакмейстера очевидно по ошибкѣ выставленъ 1717 г.), взято въ Сенатѣ показаніе съ вышедшаго изъ хивинскаго плѣна Астраханца Николая Ѳедорова о побѣдѣ его и дворинна Тараковского, по порученію Князя Бековича въ 1746 году, отъ Красноводскаго Мыса до урочища Ибрагимъ-Ата.

Бевесени въѣхалъ изъ Астрахани, вѣстѣ съ бывшими въ Россіи бухарскимъ посломъ Ханъ Кули-Бекъ-Топчи-Баши, моремъ чрезъ Персію въ Бухарію. Въ десяти верстахъ отъ бухарской столицы, російскаго посланника встрѣтилъ Топчи-Баши, съ 50 придворными служителями, и проводилъ до назначенной ему квартиры, въ предѣлѣхъ. Января 3 дня 1721 г. былъ въѣздъ въ городъ посланника, сопровождаемаго главнымъ свухомъ съ немалою свитою придворныхъ чиновниковъ, и на эту церемонію Ханъ смотрѣлъ изъ галлерей своего дворца, но аудіенція была отложена, по случаю болѣзни Ханъ, продолжавшейся до 10 декабря. Бухарскіе Министры настаивали, чтобы посла персидскаго, прѣѣхавшаго уже посла, какъ присланнаго отъ стариннаго ихъ пограничнаго союзника, принять прежде посланника дальняго Государя, но Бевесени настоялъ въ противномъ. Сверхъ того, хотя въ инструкціи ему вѣльно было сообразоваться съ церемоніаломъ, принятымъ для другихъ пословъ, и особенно для персидскаго, но оный, по усильному его требованію, во многомъ измѣненъ. Бевесени въѣхалъ на дворъ ханскій верхомъ и поклонился Хану по европейскому обычаю (между тѣмъ какъ посолъ персидскій, принятый послѣ него, кланялся до земли). Ханъ кивнулъ ему головой и поздравилъ его съ прѣѣздомъ. Посланникъ настоятельно требовалъ, чтобы Царскую въручную грамоту принималъ отъ него самъ Ханъ, который наконецъ согласился протянуть руку и коснуться грамоты, когда посланникъ положилъ ее на престолъ. Рѣчь посланника на турецкомъ языкѣ была очень длинна, такъ что главный свухъ сдѣлалъ ему знакъ рукою, чтобы онъ пересталъ и приблизился къ Хану для представленія грамоты; послѣ чего свухъ самъ оковчилъ превозвную рѣчь, сообщая ему посланникомъ еще прежде аудіенціи. Отвѣтъ Ханскій состоялъ въ сѣхъ двухъ словахъ: хорошо, изрядно. Къ престолу, который возвышался отъ земли на 3 аршина, придымавы были съ обѣихъ сторонъ ступени. Посланникъ взойшелъ на 2-ю ступень, на кой стоялъ придворный Министръ Кушъ-Бегъ. Престолъ былъ очень широкъ и Ханъ сидѣлъ посреди оного на подушкахъ, такъ, что нельзя было подойти къ нему близко; почему придворный Министръ взялъ изъ рукъ посланника грамоту и подвинулъ ее по престолу къ Хану, который положилъ на нее руку въ знакъ благосклоннаго принятія. Еще до аудіенціи, узнавъ, что пословъ дру-

Изъ этихъ показаній первая четыре и шестое имѣютъ лишь историческій интересъ; для географіи же важно пятое и послѣднее, вполне подтверждаемое новѣйшими маршрутами Муравьева и Аббота.

Въ 1721 году посланъ былъ къ Каракалпакамъ на устье Сыра, отъ Казанскаго Воеводы толмачъ Овсянниковъ и дворянинъ Вершининъ. а вслѣдъ за тѣмъ, для сопровожденія въ степь бывшихъ въ Москвѣ каракалпацкихъ посланцевъ, Аѳанасій Филиповъ, который возвратился въ 1724 году. Но географическіе результаты этой поѣздки неизвѣстны.

Въ 1731 году отправился съ торговымъ караваномъ въ Хи-ву и Бухару Артиллеріи Полковникъ Гарберъ; только онъ дол-

гихъ Государей сажаютъ очень низко. Бенеveni требовалъ себѣ особаго стула, на что Ханъ не согласился, и на упорныя требованія Бенеveni отвѣчалъ ему черезъ придворнаго Министра, что не можетъ сего исполнить, опасаясь Узбековъ, которые не потерпятъ выше себя никого, кромѣ самаго Хана; но общалъ ему второе мѣсто послѣ перваго Министра. Вопреки сему общанію, посла посадили на четвертомъ мѣстѣ; однако и это возбуждало замѣтное негодованіе Узбековъ. Послѣ аудіенціи, Бенеveni былъ приглашенъ къ обѣду. Узбеки самовластно владѣли большою частью городовъ (коняхъ въ Бухаріи, по исчисленію посланника, двѣдцать три); только подарками и ласками удерживалъ ихъ Ханъ въ повиновеніи. Въ 1718 году, юный Ханъ, поставленный придворными, пригласивъ къ себѣ около 300 знатѣйшихъ Узбековъ, велѣлъ умертвить ихъ для своей безопасности; по это произвело продолжительныя возмущенія, среди коихъ въ Самаркандѣ провозглашенъ былъ другой владѣтель. Тайно отъ Узбековъ нельзя было имѣть сношеній съ Ханомъ, а они, опасаясь усиленія его власти, не согласились бы на заключеніе союзнаго договора съ Россіею: вотъ почему посланникъ поступалъ съ ними осторожно, основывая свои сношенія на торговлѣ; ибо наши товары для Узбековъ необходимы. Между тѣмъ черезъ придворнаго Министра и главнаго евнуха, онъ тайно склонялъ Хана къ оборонительному союзу съ Россіею, представляя ему, что съ помощію русскаго войска, онъ можетъ приобрести полную власть. Сначала евнухъ отвѣчался тѣмъ, что не смѣетъ доложить о семъ Хану; но потомъ отвѣчалъ отъ его имени, что Ханъ не имѣетъ нужды въ помощи, ибо только нѣкоторые изъ Узбековъ противъ него, а желаетъ единственно утвердить торговые сношенія съ Россіею. Подозрѣвая, что евнухъ на сторонѣ Узбековъ, посланникъ старался черезъ сестру и мамку Хана имѣть тайное съ нимъ свиданіе, на что и успѣлъ получить его согласіе; но послѣ оно было отиѣвлено: на сдѣлаемое ему предложеніе писать секретно къ Хану. Бенеveni не согласился, опасаясь его испостыженія. 1722 года іюня 20, когда посланникъ праздновалъ день тезоименитства Императора, Ханъ иноконито, въ толпѣ народа, бывшій на посольскомъ дворѣ, старался имѣть съ нимъ свиданіе; но также не рѣшился, опасаясь Узбековъ.

женъ былъ вскорѣ воротиться, вельдствие разграбленія каравана недалеко за Ураломъ.

Въ 1731 году былъ за Сыръ-Дарьєю Тевкелевъ, который и возвратился въ 1733 году.

Гораздо полезнѣе были для науки розысканія относительно Аральскаго Моря и низовой Аму-Дарьи, произведенныя въ 1740-хъ годахъ.

Капитанъ Эльтонъ, находившійся сначала въ русской, потомъ въ персидской службѣ, снова возбудилъ своими представленіями надежды Англичанъ на возможность открытія выгодной торговли съ Сѣвѣрною Персією чрезъ Каспій и съ сѣверо-западною частію Средней Азіи. Два англійскихъ купца: Томсонъ и Гокъ 26 февраля 1740 года отправились изъ Петербурга въ Самару, а 17 іюня прибыли оттуда въ Уральскъ и 26 числа того же мѣсяца вступили въ Киргузскую степь, гдѣ 16 іюля достигли ставки одного знакомаго имъ Султана Янъ-Бекъ-Батыря. Прокочевавъ съ нимъ до 8 августа, они, вѣроятно изъ долины Ори, направились въ Хиву; 16 августа достигли сѣверо-западнаго берега Арала; 3 сентября спустились въ низмен-

Бенсени сообщалъ о тогдашнемъ состояніи Бухаріи слѣдующее: Узбеки господствовали, а собственно Ханскую дружину составляли 350 вооруженныхъ Калмыковъ, 150 Хонлазовъ, рожденныхъ отъ Русскихъ отца и матери и воспитанныхъ въ магометанской вѣрѣ, и около 30 христіанъ, русскихъ плѣнныхъ. Въ Бухаріи не было ни крѣпостей, ни артиллеріи; посланники выдѣлъ въ Бухарѣхъ 17 пушекъ, давно взятыхъ у Монгольцевъ, но бывшихъ безъ употребленія, ибо никто не умѣлъ съ ними обращаться. Употребительныя оружія въ Бухаріи: сабля, лукъ и копье, а въ некоторыхъ мѣстахъ фитильное оружіе. Многія изъ пограничныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ прежде Хану, отпали отъ него и являлись особымъ владѣтелямъ. Столичный городъ Бухары, обнесенный полуобвалившимся валомъ изъ земли и необожженнаго кирпича, имѣлъ 13 верстъ въ окружности, 15 тысячъ домовъ — мазанокъ, также изъ земли и необожженнаго кирпича, высокую башню и при ней медресъ, ханскій дворецъ, окруженный высокою стѣною, на большомъ земляномъ бугрѣ въ срединѣ города, и большія мечети, — все это изъ обожженнаго кирпича. Торговля была въ худомъ состояніи; купцы обдирали; Узбеки грабили на дорогахъ и въ городахъ, и до того притѣсняли жителей, что они цѣлыми домами убѣгали въ Монголію. Внутреннія безпокойства принуждали Хава быть въ согласіи съ соседними державами, а корысть побуждала ежегодно отправлять къ Персидскому Шаху и Великому Моголу пословъ, которые покупали у Хана грамоты, а отъ тѣхъ дворовъ получали подарки. Изъ Персіи же и Индіи въ Бухарію посла пріѣзжали рѣдко потому что Узбеки ихъ обирали и отпустили нищими.

ную долину Лаудана, 5-го прибыли въ Старый-Ургеньч а 8-го въ Хиву. Проведя въ семь городъ все время осады его Надиръ-Шахомъ, они воспользовались вступленіемъ персидскихъ войскъ, для выгодной распродажи своихъ товаровъ. Затѣмъ Томсонъ 15 декабря отправился по правому берегу Аму-Дарьи въ Бухару и, пробывъ тамъ до 8 августа 1741 года, пошелъ обходомъ по западнымъ предгорьямъ Билура и южнымъ скатамъ Хиндукуша въ Персію, гдѣ 22 сентября прибылъ въ Мешедъ. Товарищъ же Томсона оставался, для сбора долговъ и за опасностію пути, до 6 апрѣля 1741 года въ Хивѣ; послѣ чего, перейдя на восточный берегъ Аму, направился къ низовьямъ Сыра, которыхъ достигнулъ на 15-й день; за этою рѣкою онъ былъ ограбленъ и едва добрался самъ до ауловъ Яль-Бекъ Батыря, откуда проникъ въ Россію. Столь неблагополучное окончаніе предпріятія не воспрепятствовало Гоку во второй разъ пуститься въ степь съ товаромъ, по порученію Русскаго Правительства, въ концѣ 1741 года.

Эти путешествія двухъ Англичавъ могли бы доннѣ имѣть большую важность для географіи, такъ какъ пройденное Томсономъ пространство къ югу отъ Хивы доселѣ не было вновь посѣщено ни однимъ Европейцомъ. Но къ сожалѣнію, географическія познанія британскихъ купцовъ были весьма не значительны, ибо напр. Томсонъ полагаетъ Бухару на цѣлый градусъ сѣвернѣе Хивы; сверхъ того, отчетъ о путешествіи, изданный Генвеемъ, очень не полонъ и наиболѣе бѣденъ географическими свѣдѣніями касательно послѣдней части Томсоновой дороги.

Въ одно время съ двумя поименованными Англичанами, находились въ степи и въ Хивѣ два русскихъ офицера: Гладышевъ и Муравинъ. Поводомъ къ посылкѣ ихъ была просьба Хана Меньшей Киргизской Орды Абуль-Хаира о построеніи ему города близъ устьевъ р. Сыра. Высочайшимъ указомъ 20 августа 1739 года повелѣно было отвѣчать Хану, что постройку долженъ предшествовать осмотръ мѣстъ; для чего приказано послать къ нему свѣдущихъ людей, вѣнчивъ имъ въ обязанность привести геодезически въ извѣстность весь пройденный ими путь. Исполненіе этого порученія возложено было на знающаго татарскій языкъ, Поручика Гарвизоннаго Оренбургскаго Драгунскаго полка Дмитрія Гладышева, геодезиста Муравина, Инже-

нернаго Надзирателя Назимова и переводчика Усмана Араславова, съ нѣсколькими казаками. Версть за 100 до Абуль-Ханрова кочевья, напала на нихъ разбойничья шайка Киргизъ Чиклинскаго рода и, ограбивъ, увлекла съ собою Надзирателя Назимова, деньщика его и уральскаго казака Федорова; остальныхъ же отпустила слѣдовать по назначенію. На 33-й день пути, т. е. 7 октября 1740 года, Гладышевъ съ товарищами прибылъ въ ставку Абуль-Ханра, на рѣкѣ Адаматѣ, неподалеку Куванъ-Дарьи; но засталъ тутъ одну Ханшу, такъ какъ самъ Абуль-Ханръ находился въ Аральскомъ владѣніи. По желанію Хана, русскіе офицеры отправились къ нему въ сопровожденіи сына его Нурали и дяди Ніяза. Выѣхавъ изъ ставки 15 октября, они 2 ноября прибыли въ аральскій городокъ Шахтемиръ и, по приглашенію Абуль-Ханра, на другой день потѣхали съ нимъ въ Хиву, куда звали его на Хакство Хивинцы, угрожаемые Надиръ-Шахомъ; 7 ноября достигъ Гладышевъ Хивы, а 8-го, по просьбѣ Абуль-Ханра, вмѣстѣ съ послами его, геодезистъ Муравинъ отправленъ былъ въ лагерь персидскаго владѣльца, подъ г. Ханки, съ ходатайствомъ о пощадѣ Хивы, какъ избравшей себѣ во владѣльцы русскаго подданнаго. 9-го Муравинъ былъ принятъ! Надиромъ, который обласкалъ его и обнадежилъ въ милости къ Абуль-Ханру, требуя только, чтобы онъ самъ прибылъ къ нему. Съ этимъ отвѣтомъ посланные 10-го потѣхали обратно, и прибыли въ Хиву 11 ноября. Абуль-Ханръ дѣйствительно-было собрался въ персидскій лагерь, но перехвативъ доставленное оттуда въ городъ письмо, въ которомъ, отъ имени Надиръ, приглашали жителей не выпускать Хана до прибытія Шаха, заставилъ Хивинцевъ, подъ предлогомъ поѣздки къ послѣднему, отворить себѣ заваленныя городскія ворота, и затѣмъ со всею своею свитою, въ томъ числѣ и съ русскими офицерами, поскакалъ въ противную отъ персидскаго лагеря сторону, преслѣдуемый выстрѣлами обманутыхъ горожанъ. Вечеромъ того же дня, у города Шавата, напали на Хана Туркмены; но онъ отразилъ ихъ, и 12 ноября, у Ходзеили, перетѣхалъ на правую сторону р. Аму, во владѣнія Аральцевъ. Здѣсь, послѣ многихъ споровъ и даже кровопролитій, сынъ Абуль-Ханра Нурали былъ окончательно избранъ въ Ханы; самъ же Абуль-

Хаиръ съ Гладышевымъ и Муравинымъ возвратился въ свою ставку, откуда русскіе офицеры благополучно прибыли въ Орскъ, въ апрѣлѣ 1741 года. Отъ этого путешествія сохранились: 1) журналъ Муравина, съ обозначеніемъ пройденнаго разстоянія и румбовъ; 2) опись народовъ, кочующихъ на пройденномъ пути; 3) показанія Гладышева и Муравина о произшествіяхъ во время ихъ поѣздки, и 4) свидѣнія, сообщенныя Гладышеву о Средней Азіи Аль-Мухамедъ Абызомъ, секретаремъ Абуль-Ханра.

Въ августѣ 1741 года Гладышевъ снова былъ отправленъ къ Абуль-Ханру, и 7 января 1742 года нашелъ его за Сыръ-Дарьей, близъ низовій Аму, откуда 6 марта отпущенъ обратно на Оренбургскую линію; объ этой поѣздкѣ сохранились только краткія показанія, отчасти обнародованныя въ Исторіи Рычкова. Въ концѣ 1742 года Гладышевъ опять ѣздилъ къ Каракалпакамъ, и когда, по возвращеніи, посланъ былъ съ Каракалпацкими посланцами въ С.-Петербургъ, то на мѣсто его командированъ на Сыръ-Дарью унтеръ-офицеръ Гордѣевъ и толмачъ Мансуръ Дѣльной. По возвращеніи изъ столицы, Гладышевъ въ 1743 году еще разъ поѣхалъ въ степь и пробылъ тамъ до слѣдующаго года. Объ этихъ поѣздкахъ краткія указанія находятся только въ Исторіи Рычкова.

Журналъ Томсона и Гока впервые напечатанъ въ путешествіи Генвеля, 1754 года, къ которому приложена и карта пути двухъ означенныхъ Англичанъ. На другой картѣ въ томъ же сочиненіи нанесенъ довольно вѣрно путь Муравина, съ сохранившимся доселѣ подлинникомъ съемки его, копія съ которой имѣется и въ одномъ пріобрѣтенномъ мною рукописномъ экземплярѣ Оренбургской Исторіи Рычкова. На той же картѣ Генвель нанесенъ другой замѣчательный маршрутъ, а именно Маіора Миллера, ходившаго въ 1743 году изъ Орска, черезъ г. Туркестанъ, къ Зюнгорцамъ, близъ озера Балхашъ, и обратно. Журналъ этого любопытнаго путешествія не отысканъ мною; но въ вышепомянутой рукописи Рычкова я нашелъ маршрутную карту, полнѣе Генвеевой.

Почтенный сочленъ нашъ Г. Штукенбергъ, въ IV т. своей Гидрографіи, говоритъ, будто Муравинъ выводитъ Аму-Дарью изъ озера; я объясняю это тѣмъ, что г. Штукенбергъ вѣро-

★

ятно приписываетъ все изображеніе означенной рѣки на картѣ Генвеля русскому геодезисту; но это несправедливо, ибо Муравинъ общей карты вовсе не составлялъ, а ограничился лишь точнымъ изображеніемъ своего маршрута.

Документы о путешествіи Гладышева послужатъ также къ устраненію другого, кажется, ошибочнаго утвержденія г. Штукенберга, будто Аральцы никогда не составляли подъ этимъ именемъ особаго владѣнія, а что названіе это есть просто *выдумка Русскихъ*, присвоившихъ его вѣкоторымъ Туркменскимъ племенамъ между Араломъ и Каспіемъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Алъ-Мухамедомъ Абыземъ Гладышеву, видно, что самое сѣверное осѣдлое владѣніе Узбековъ, на низовьяхъ Аму, въ половинѣ XVIII вѣка носило названіе Аральскаго и у Азіятцовъ.

Послѣ Муравина, первое показаніе очевидца о низовьяхъ Джейхуна и объ Аральскомъ Морѣ заключается въ статьѣ самарскаго купца Данила Рукавкина, который ходилъ въ Хиву съ торговымъ караваномъ въ 1753 году. Въ первый путь они шли чрезъ Устюртъ; обратно же, какъ должно полагать, чрезъ Сырь-Дарью, ибо Рукавкинъ говоритъ о переходѣ чрезъ сію рѣку.

Къ сожалѣнію, у Рукавкина есть только нѣсколько подробностей о первомъ пути, изъ коихъ видно, что караванъ, поднявшись на Устюртъ, по оврагу Курсай (гдѣ въ 1826 году спускался Полковникъ Бергъ), направился на пески Шамъ (до которыхъ въ 1840 году доходилъ Полковникъ Бизяновъ и Штабсъ-Капитанъ Рехенбергъ); затѣмъ, оставя вправѣ Солонецъ Барса Кильмесь (обозначенный топографами, сопровождавшими Никифорова въ 1840 году и о коемъ Рукавкину рассказывали то же преданіе, что и Аботу 90 лѣтъ спустя), спустился съ Устюрта у Айбугира и, перейдя подъ Ургенчемъ текущій донынѣ изъ Аму-Дарьи протокъ Саркраукъ, достигъ Хивы. Относительно же дороги отъ сей последней къ Сырь-Дарьѣ, нѣтъ никакихъ подробностей, кромѣ указанія ея безводности; причемъ разстояніе дороги чрезмѣрно укорочено.

Почти въ одно время съ Рукавкинымъ, именно въ 1754 г., были въ Хивѣ, для выручки задержаннаго тамъ русскаго каравана, переводчики Гуляевъ и Чучеловъ. О первомъ упоми-

наетъ Рычковъ, какъ о человѣкѣ, весьма свѣдущемъ въ географіи при - Аральскихъ странахъ: они возвратились на линію въ 1755 г., и представили письменныя показанія, которыя, впрочемъ, мы неизвѣстны.

Послѣ Рукавкина, цѣлымъ 25 лѣтъ не встрѣчаемъ свидѣтельствъ очевидцевъ о разсматриваемыхъ нами странахъ; но отъ 1793 года сохранились замѣтки Бланкеннагеля, посланнаго нашимъ Дворомъ, по просьбѣ Хивинскаго Хана Фазильбія, для излеченія его отъ глазной боли. Къ сожалѣнію, Бланкеннагель сообщаетъ только общія свѣдѣнія о Ханствѣ и характерѣ его жителей; относительно же пути медика узнаемъ лишь, что онъ шелъ въ Хиву по западному берегу Арала, возвращался же чрезъ Устюртъ на Мангшалакъ и въ оба слѣдованія перетѣхалъ чрезъ старое русло Аму-Дары, нѣкогда направлявшейся, какъ ему сказали, въ Карабугазскій заливъ.

По указанію г. Даля, замѣтки Бланкеннагеля напечатаны въ Соревнователь просвѣщенія, но, кажется, сокращенно.

Въ 1802 году, по докладу Министра Коммерціи Графа Румянцева, послѣдовало 12 августа Высочайшее повелѣніе отправить въ Бухарію, для улучшенія нашихъ торговыхъ сношеній съ этою страной и точнѣйшаго извѣданія пути, русское посольство. Обязанность эта, которую первоначально предполагалось возложить на Директора Оренбургской Таможни Величко, окончательна поручена была Поручику Гавердовскому, ко- ему приданы: докторъ Большой, коловонажатые Ивановъ и Богдановичъ, переводчики Биктяшевъ и Бикчуринъ. Посольство могло отправиться въ путь изъ Орской крѣпости лишь 29 іюля 1803 года; но не дойдя верстъ 80 до перевоза Майли-баща на Сыръ-Дарьѣ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о занятіи этой рѣки враждебными толпами Хивинцевъ и Киргизъ Чиклиевскаго рода, 8 сентября направилось обратно въ Орскъ. Въ 1809 г. Гавердовскій представилъ журналъ своей поездки, состоявшій изъ двухъ частей: первая заключала дневникъ съ подробнымъ маршрутомъ; вторая общее обозрѣніе Киргизской степи и прилегающихъ къ ней странъ, съ генеральною картою этихъ мѣстъ. Вторая часть, по Высочайшему повелѣнію, напечатана въ 1811 году; но, по недостиженію Гавердовскимъ Сыръ-Дары, мало разъясняетъ разсматриваемую нами мѣстность.

Болве могъ бы сообщить объ ней сопровождавшій Гавердовскаго докторъ Большой, такъ какъ онъ, будучи захваченъ въ плѣнъ Киргизами, оставался въ ихъ аулахъ за Сырь-Дарьею до 40 іюня 1804 года; однакожъ обнаруженные имъ показанія не содержатъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Въ 1809 году посланъ былъ въ Бухарію офицеръ Башкирскаго войска Абдуль-Насырь-Субханкуловъ; его замѣчанія и маршруты имѣются въ рукописи, но они мнѣ неизвѣстны. Гг. Даль, Циммерманъ и Штукевбергъ упоминаютъ о посылкѣ въ 1818 году Субханкулова въ Хиву; однакоже слѣдовъ таковой командировки я нигдѣ не нашелъ и думаю, что она предполагается по смѣшенію съ вышеозначенною посылкою въ Бухару.

Равнообразно упоминаютъ сказанные писатели о посылкѣ изъ Оренбурга въ Хиву въ 1819 году Коллежскаго Совѣтника Бикчурина; но подлинныхъ доказательствъ сего я также нигдѣ не нашелъ; извѣстно только, что въ 1819 году предполагалось сначала послать въ Хиву чиновника; впоследствии же командированъ былъ съ порученіемъ Башкирскій старшина Абу-Бакировъ, который долженствовалъ быть въ Хивѣ нѣсколько ранѣе Муравьева.

Путешествіе послѣдняго, продолжавшееся сухопутно съ 19 сентября по 13 декабря 1819 года, имѣетъ особую важность, какъ по свѣдѣніямъ, которыя онъ обнаруживалъ о Хивѣ вообще, такъ по маршруту его, доселѣ единственному, отъ юго-восточныхъ береговъ Каспія къ низовьямъ Аму - Дарьи. Къ сожалѣнію, Муравьевъ не могъ сдѣлать наблюденій даже надъ широтою мѣстъ; самыя разстоянія определялъ однимъ верблюдьимъ ходомъ, и то лишь на сѣверномъ, первомъ пути своемъ, а не на обратномъ.

На слѣдующій годъ, послѣ путешествія Муравьева, отправлено было изъ Оренбурга Русское Посольство, подъ начальствомъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Негри, коему приданы были офицеры Генеральнаго Штаба Мейендорфъ, Вальховскій и Тимофеевъ, докторъ Пандеръ и переводчикъ Яковлевъ. Сверхъ того, Посольство сопровождалъ еще докторъ Эверсманъ. Караванъ выступилъ изъ Оренбурга 10 октября и прибылъ къ Бухарѣ 20 декабря, откуда вышелъ 22 марта и достигъ Орска въ началѣ мая 1821 года. Географическими ре-

зультатами экспедиціи была съемка пути, съ опредѣленіемъ астрономически широты пяти мѣстъ; описаніе пройденнаго въ Киргизской степи пространства и Бухарскаго Ханства, съ картою этихъ мѣстъ, издаанными на французскомъ языкѣ Барономъ Мейендорфомъ; равно какъ замѣчанія, обнародованныя гг. Эверсманомъ, Пандеромъ и Яковлевымъ.

Въ 1824 году повторень былъ, только гораздо въ бѣльшихъ размѣрахъ, опытъ вооруженнаго каравана, не удавшійся подъ руководствомъ Гавердовскаго. Караваннымъ головою былъ тотъ же Кайдаловъ, который отправлялъ товары и въ 1803 году; Начальникомъ отряда Полковникъ Цюлковскій, а офицеромъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Жемчужниковъ. Караванъ выступилъ 2 ноября изъ Оренбурга; 15 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью; но 11 января 1825 года, дойдя до возвышенія Биштюбя въ пескахъ Кизиль-Кумъ, остановленъ былъ разбойничьею партіею и, пробывъ у означеннаго урочища до 26 января, направился обратно къ Орской крѣпости.

О пути этого каравана издана доселѣ только маленькая книжка Кайдаловымъ, хотя и есть въ рукописи гораздо подробнѣйшіе маршруты.

Въ этомъ же 1825 году, только нѣсколько позднѣе возвращенія вооруженнаго каравана, выступилъ изъ крѣпости Сарайчиковской другой отрядъ, подъ начальствомъ Полковника Берга, при которомъ находились: офицеръ Генеральнаго Штаба Вальховскій, Флота Капитанъ-Лейтенантъ Анжу, чиновникъ Военно-Топографическаго Депо Леммъ и докторъ Эверсманъ. Отрядъ этотъ обогнулъ сѣверо-восточный берегъ Каспія, перерѣзалъ Устюртъ по 45° С. Ш. и, дойдя до изгиба западнаго берега Арала на сѣверо-востокъ, спустился съ Устюрта черезъ оврагъ Карасай, а 4 марта 1846 года прибылъ въ крѣпость Сарайчиковскую.

Извѣстныя уже ученому міру изслѣдованія этой экспедиціи были весьма важны въ географическомъ отношеніи. Но главное вниманіе доселѣ обращено было на барометрическую нивелировку между Каспіемъ и Араломъ, то-есть на менѣе достоверную сторону изслѣдованій, тогда какъ астрономическія опредѣленія Лемма — именно самая важнѣйшая часть розысканій; не смотря на то, что они уже напечатаны въ 1837 году, практически примѣнены вполнѣ только въ картѣ Н. Ханькова.

Даже баронъ Гумбольдтъ, въ знаменитомъ сочиненіи своемъ *Asie Centrale*, изданномъ въ 1843 году, принялъ въ соображеніе, при изслѣдованіи разстояній между Араломъ и Каспіемъ, лишь опредѣленіе лагернаго мѣста Берга на западномъ берегу Аральскаго моря 4 февраля 1826 года; наблюденія же 2 и 3 февраля на томъ же берегу упомянуты только въ приложеніяхъ. Между тѣмъ, они-то именно и оказываются нынѣ вполне вѣрными, тогда какъ точность долготы, вычисленной 4 февраля, подвержена большому сомнѣнію.

Уже въ 1840 году Полковникъ Жемчужниковъ, производя съемку отъ бывшаго Акъ-Булакскаго укрѣпленія до урочища Каратамакъ, на берегу Арала, нашелъ послѣдній восточнѣе, чѣмъ предполагалось по опредѣленію 4 февраля. Это побудило къ отсылкѣ изъ Оренбурга наблюдений, сдѣланныхъ 4 февраля гг. Леммомъ и Анжу, въ Казанскій Университетъ для повѣрки. Въ отзывѣ астронома-наблюдателя Казанскаго Университета Липунова, отъ 9 февраля 1844 года, изъяснено: «Для опредѣленія географической широты мѣста, оба наблюдателя слѣдовали одному способу: они брали близъ-полуденныя высоты верхняго края солнца и потомъ приводили ихъ къ полуденнымъ, основываясь на томъ, что измѣненія высотъ близъ меридіана пропорціональны квадратамъ часовыхъ угловъ. Такое предположеніе весьма близко къ истинѣ въ наблюденіяхъ г. Лемма, который сдѣлалъ въ пространствѣ 40 минутъ времени до прохожденія и 40 минутъ послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ. Наблюденія же г. Анжу начинаются довольно далеко отъ меридіана, такъ что предположеніе пропорціональности между измѣненіями высотъ и квадратами соответствующихъ часовыхъ угловъ не можетъ быть почитаемо вѣрнымъ. Для вычисленія поправки высоты при часовыхъ углахъ, довольно значительныхъ, простирающихся до 18',658, слѣдовало бы здѣсь употребить точную формулу

$$x = \frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin 1''} - \left(\frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin 1''} \right)^2 \frac{\cot (\varphi - \delta) \sin 1''}{2}$$

(гдѣ φ широта мѣста, которую достаточно знать приближенно, δ склоненіе и t часовой уголъ солнца), въ которой, только при весьма малыхъ часовыхъ углахъ можно приписать

$$\frac{2 \sin^2 1''}{4} \text{ вмѣсто } \sin^2 \frac{1}{2} t.$$

«Въ вѣрности средней полуденной высоты солнца, выведенной изъ наблюдений г. Анжу, можно еще сомнѣваться и потому, что наблюдения его сдѣланы только по одну сторону меридіана; а въ способъ опредѣленія широты по близъ-полуденнымъ высотамъ свѣтила, главнымъ условіемъ полагается брать одинакое число высотъ до прохожденія и послѣ прохожденія чрезъ меридіанъ.»

«Быть можетъ, отъ этихъ причинъ происходитъ большая разность въ полуденныхъ высотахъ, найденныхъ г. Анжу; самая меньшая изъ нихъ $34^{\circ} 51' 10''$, 5 отъ самой большой $31^{\circ} 54' 43''$, 2 различается $32^{\circ} 7'$, между тѣмъ какъ изъ полуденныхъ высотъ г. Лемма самая меньшая $32^{\circ} 41' 39''$ отъ самой большой $32^{\circ} 41' 54''$, 5 различается только на $12''$, 5.»

«Относительно наблюдений, сдѣланныхъ для опредѣленія географической долготы мѣста, замѣтить надобно, что г. Лемма, вмѣстѣ съ наблюденіями разстояній луны отъ солнца, бралъ высоты сихъ свѣтилъ, что необходимо: во-первыхъ, для вычисленія времени изъ солнечныхъ высотъ, а во-вторыхъ, для опредѣленія истиннаго разстоянія луны отъ солнца. Г. Анжу бралъ только одни разстоянія, а высоты солнца и луны опредѣлялъ вычисленіемъ средняго времени для наблюдений. Можетъ быть, вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу было бы вѣрнѣе, еслибъ, для каждаго изъ четырехъ или пяти взятыхъ имъ разстояній, вычислять высоты солнца и луны отдѣльно. Впрочемъ, такъ какъ разность долготъ, найденныхъ гг. Леммомъ и Анжу, заключается только въ $33''$ времени, а самый способъ опредѣленія долготы изъ разстояній луны отъ солнца такого рода, что при употребленіи его, нельзя отсчитать за вѣрность до 1 минуты времени, то я думаю, что это новое вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу, весьма долгое и затруднительное, будетъ бесполезно.»

«По этимъ уваженіямъ предпочитая наблюденія г. Лемма, я полагаю широту мѣста принять $45^{\circ} 38' 27''$ N, а долготу $3^{\circ} 53' 54''$, 3 отъ Гринвича къ востоку.»

Такимъ образомъ, г. Лепуновъ признавалъ опредѣленіе долготы Лемма удовлетворительнымъ, съ возможною ошибкою до 1 минуты времени, или $15'$ по дугѣ. Эта ошибка дѣйстви-

но обнаружена новѣйшими съемками Капитанъ - Лейтсванта Бутакова, по которымъ берегъ Аральскаго Моря на 41' въ дугъ или слишкомъ 12 верстъ восточнѣ лагеря Полковника Берга 4 февраля 1825 года. Хотя это очертаніе берега не основано у Бутакова на астрономическомъ наблюденіи, но невозможно предположить, чтобы, при морской съемкѣ почти отвѣсныхъ береговъ, остался незамѣченнымъ заливъ, который бы долженъ круто вдаваться на 12 верстъ въ материкъ, слѣдую наблюденіямъ Лемма, такъ какъ разность широты лагерей 3 и 4 февраля равняется всего 1' 47"; долготы же 41'. Эта разность долготъ вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчитъ и путевому журналу экспедиціи Полковника Берга, изъ коего видно, что отрядъ, выступивъ 4 февраля въ 7 часовъ утра, слѣдовалъ по берегу Аральскаго Моря переходъ отъ лагеря 3 февраля всего на 2 версты 273 саж., между тѣмъ какъ, соответственно наблюденію, слѣдовало бы пройти по крайней мѣрѣ 14 верстъ.

Отъ 1826 до 1834 года нѣтъ показаній очевидцевъ объ описываемомъ нами пространствѣ. Но въ последнемъ году путь между Бухарією и Оренбургомъ былъ изслѣдованъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ юга изъ Бухары прибылъ на русскую границу съ караваномъ докторъ Хонибергеръ, который, проживъ пять лѣтъ при дворѣ Рюнджиги-Цинга, въ 1834 году возвратился въ отечество черезъ Кабуль, Балхъ, Бухару, Оренбургъ и Петербургъ; однако доселѣ нѣтъ еще подробнаго описанія его путешествій. Въ томъ же году ходилъ изъ Оренбурга въ Бухару и обратно ориенталистъ Демезонъ; весьма краткое извѣстіе о поѣздкѣ его обнародовано г. Савельевымъ, въ статьѣ о Бухарѣ, въ Энциклопедическомъ лексиконѣ.

Въ 1835 году отправился въ Бухару съ караваномъ, въ качествѣ путешественника, Прапорщикъ Виткевичъ. Выйдя 9 ноября изъ Орска, онъ 5 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью, при урочищѣ Майли-Башъ, и 2 января 1836 года прибылъ въ Бухару; оставивъ сей городъ 13 февраля, Виткевичъ 18 апрѣля былъ обратно въ Орскъ.

Путь Виткевича замѣчателенъ тѣмъ, что караванъ, съ которымъ онъ слѣдовалъ, перейдя Яны-Дарью, составляющую, по свидѣтельству Виткевича, одно и то же съ Кизиль-Дарьєю, направился къ западу отъ обычной дороги и такимъ образомъ

описалъ отъ нея до города Вафкенда, по совершенно неизвѣстному до того пространству, полукругъ. Къ сожалѣнію, подробныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этомъ пути не имѣется.

Есть поводъ думать, что въ 1838 году прїѣзжали въ Хиву изъ Персиды два Англичанина, — по крайней мѣрѣ слухи объ умерщвленіи ихъ были весьма гласны и подтверждены словами самаго Хана Капитану Аботу въ 1840 году; но никакихъ точнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету не имѣется, кромѣ указанія г. Базинера, что въ 1838 году повѣшенъ былъ въ означенномъ городѣ какой-то докторъ Фрисъ. Между тѣмъ, къ этому же времени должно относиться напечатанное въ *Magazin für die Litteratur des Auslandes* 1840 г. стр. 310, письмо не названнаго англійскаго офицера объ охотѣ, въ которой онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Хивинскимъ Ханомъ, на берегахъ прежняго русла Аму-Дарьи. Оно весьма любопытно, именно по подробностямъ касательно послѣдняго предмета, вполне подтверждающимъ описаніе Муравьева, который, по всей вѣроятности, видѣлъ ту же часть стараго русла.

Въ 1839 году отправлены были 30 октября изъ Оренбурга съ бухарскимъ караваномъ къ тамошнему Эмиру, по желанію его, два горныхъ офицера: Маіоръ Кавалевскій и Капитанъ Геренгросъ. Но вслѣдствіе тогдашнихъ непріязненныхъ отношеній къ намъ Хивы, означенные офицеры 22 ноября отделились отъ каравана на сѣверо-восточной оконечности песковъ Большіе Барсуки и направились отгуда прямо въ укрѣпленіе Акъ-Булакское; посему дневникъ ихъ, извлеченіе изъ котораго напечатано въ Горномъ Журналѣ, не разъясняетъ разсматриваемыхъ нами мѣстъ; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ нѣкую важность, по тому обстоятельству, что подтверждаетъ показаніе, сдѣланное покойнымъ Капитаномъ Романовымъ англійскому геологу Мурчисону, объ отсутствіи горной перемычки между Мугоджарами и Устюртомъ. Въ дневникѣ Кавалевскаго подъ 22 ноября записано: «Ѣхали на сѣверо-востокъ; въ правой сторонѣ оставили огромныя соленныя топи. Перѣехали рѣчку Каунджиръ и вершины Тибевъ. 23 ноября, перѣхавъ Чеганъ, поднялись на Устюртъ ущельемъ, непроходимымъ для вьючныхъ верблюдовъ. Рѣка Чеганъ, какъ извѣстно, нижними частями своими касается Акъ-Булакской долины, лежащей къ за-

паду отъ Мугоджаръ; слѣдовательно, если отъ вершинъ Тибетни, на восточномъ скатѣ Мугоджаръ, можно достигнуть праваго берега Чегана, не переходя горъ, то очевидно, что Мугоджары оканчиваются съвертне.

Въ 1840 году астрономъ Васильевъ, сопровождавшій отрядъ, направленный подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Перовскаго противъ Хивы, весьма точно опредѣлилъ положеніе Акъ-Булакскаго укрѣпленія, недалеко отъ подножій Устюрта, и тѣмъ доставилъ важную опорную точку для приуроченія съемокъ этого пространства. Одновременно съ симъ, а именно 12 декабря 1839 г., посланъ былъ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гератъ, Тодомъ, Капитанъ Аботъ въ Хиву. Онъ слѣдовалъ самою прямою дорогою изъ Мерва чрезъ степь и прибылъ въ столицу Алахъ-Кула въ началѣ января; въ первыхъ же числахъ марта 1840 г. отправился оттуда чрезъ Старый Ургенчъ, вдоль южнаго чинка къ Мангышлаку, а потомъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Путешествіе Абота, изданное въ 1843 году, и приложенная къ нему карта весьма скудны географическими указаніями. При всемъ томъ, оно имѣетъ нѣкоторую важность, такъ какъ Аботъ былъ первый изъ Европейцевъ, видѣвшій Мервъ въ настоящемъ его положеніи и осмотрѣвшій прямую дорогу изъ Герата въ Хиву, равно какъ южный свѣсъ чинка, доселѣ вовсе неизвѣстный.

Аботъ, на возвратномъ пути, встрѣтился близъ Старога Ургенча, съ Киргизами, везшими въ Хиву Поручика Мухамедъ-Ширифъ-Антова. Онъ находился, по порученію Оренбургскаго начальства, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, на сѣверо-восточныхъ берегахъ Каспія; 12 января былъ захваченъ враждебными Киргизами; сначала отвезенъ ими въ горы Каратау близъ полуострова Бузачи, а 2 февраля, по распоряженію сына Киргизскаго Батыря Суюль-Кары, отправленъ южною Устюртскою дорогою на Ибрагимъ-Ата и оттуда въ Хиву. Здѣсь пробылъ онъ до конца іюля, когда отпущенъ Алахъ-Куломъ въ Россію и, пройдя чрезъ Старый Ургенчъ на Караумбетъ къ восточному свѣсу чинка, 18 августа 1840 года достигъ Оренбурга.

Объ этихъ поездкахъ Антова краткое указаніе напечатано въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1849 г.

Вслѣдъ за Аботомъ посланъ былъ тѣмъ же Тодомъ изъ

Герата въ Хиву Капитанъ Шекспиръ, который 13 мая оставилъ Герата, 23 прибылъ въ Мевръ и, выйдя оттуда 27 числа, направился къ Хивѣ, но только путемъ, отклонявшимся отъ Аботова значительно на востокъ. Въслѣдствіе этого направленія, Шекспиръ 4 іюня уже вышелъ на берега Аму-Дарьи, вдоль которыхъ и слѣдовалъ до 9 числа того же мѣсяца, то-есть почти до г. Питляка, откуда черезъ Хазараспъ достигъ Хивы. Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно составляетъ главную важность довольно пустого, впрочемъ, журнала Шекспира, ибо о видѣнной имъ части Аму-Дарьи мы не имѣли доселѣ свидѣтельствъ европейскихъ путешественниковъ, а распросныя свѣдѣнія давали поводъ предполагать, именно въ этихъ мѣстахъ, ущелья и подводныя камни, невыгодныя для судоходства. Между тѣмъ, эта важнѣйшая сторона изслѣдованій Шекспира не была доселѣ надлежащимъ образомъ оцѣнена у насъ: г. Савельевъ, въ разборѣ путешествія Базинера, не обратилъ на это вниманія; самъ же г. Базинеръ утверждаетъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, что Шекспиръ слѣдовалъ по одному пути съ Аботомъ, что несправедливо, если даже относить эту фразу только къ возвратному пути Шекспира, такъ какъ онъ шелъ гораздо сѣвернѣе Абота, а именно не на Мангитшакъ, а прямо на Ново-Александровскъ. Нельзя не пожалѣть, что Аботъ и Шекспиръ, съ которыми были секстанты и хронометры, не сдѣлали никакихъ наблюденій надъ широтою мѣстъ, если не въ самой Хивѣ, гдѣ это могло быть опасно, то по крайней мѣрѣ на дорогѣ. Сверхъ того, не могу умолчать о хвастовствѣ Шекспира, будто онъ выкупилъ пленныхъ, возвращенныхъ Хивинскимъ Ханомъ въ Россію въ 1840 году. Здѣсь неумѣстно было бы представлять подробныя доказательства совершенной несправедливости этого утвержденія; къ тому же они были-бы излишни, такъ какъ слѣдившимъ за средне-азіатскими происшествіями въ началѣ прошедшаго десятилѣтія извѣстна положительная невѣрность показанія Шекспира; возразить же противу него я счелъ долгомъ только потому, что оно два года тому назадъ перешло безъ замѣчаній даже въ книгу, изданную въ Россіи *.

* Штукенбергъ, Гидрограф. т. IV. ст. 222.

Въ апрѣль мѣсяцъ 1840 же года осмотра на средня по-
лоса сѣверной части Устюрта, по направленію котораго, по
всей вѣроятности, шелъ караванъ Рукавкина въ 1753 году,
а именно: отрядъ подъ начальствомъ Полковника Бизанова, въ
сопровожденіи Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитана Рехен-
берга, отправясь отъ сѣверныхъ частей Эмбы, вошелъ на
Устюртъ по оврагу Карасай и, послѣ 60 верстъ слѣдованія на
югъ, достигъ песковъ Шамъ, откуда возвратился назадъ; на-
конецъ, въ томъ же 1840 году съемочный отрядъ, подъ началь-
ствомъ Генераль-Маіора Жемчужникова, достигъ до сѣверо-за-
паднаго угла Аральскаго Моря, близъ урочища Каратамакъ, и
сообщилъ первыя положительныя свѣдѣнія о пространствѣ ме-
жду устьевъ рѣкъ Четырлы, Актыкенъ, заливомъ Князя Чер-
нышева и западную окраину Большихъ Барсуковъ.

Слѣдующій 1841 годъ былъ весьма важенъ для успѣховъ
географіи сѣверо-западной части Средней Азіи: 3 мая этого года
выступили изъ Оренбурга двѣ миссіи: въ Хиву подъ начальствомъ
Капитана Никифорова, и въ Бухару подъ начальствомъ Маіора
Бутенева. Къ первому прикомандированъ былъ упомянутый вы-
ше Поручикъ Айтовъ; ко второму Коллежскій Ассессоръ Ханы-
ковъ, естествоиспытатель Леманъ, горный офицеръ Богословскій,
и, сверхъ того, къ обоимъ нѣсколько топографовъ; наконецъ, до
Сыръ-Дарьи сопровождалъ миссію съемочный отрядъ, подъ на-
чалствомъ Подполковника Бларенберга. Экспедиція слѣдовала
вверхъ по рѣкѣ Илеку, чрезъ вершины рѣки Ори, къ рѣкѣ
Иргизу, внизъ по его теченію до урочища Аиръ-Кизыла, и от-
туда чрезъ пески Каракумъ къ Сыръ-Дарьѣ, которой достигла
5 іюня. Здѣсь экспедиція раздѣлилась на три части: Полков-
никъ Бларенбергъ пошелъ обратно, чрезъ озера Аксакаль Бар-
бы, вверхъ по рѣкѣ Тургаю до урочища Карсакъ-Баши, — да-
лѣе чрезъ степь на рѣку Иргизъ и мимо вершинъ этой рѣки
въ Орскую крѣпость; Поручикъ Романовъ, отдѣлившись отъ
главнаго отряда уже при переходѣ чрезъ Мугоджары, шелъ
сначала вдоль восточнаго свѣса ихъ, потомъ къ заливу Перов-
скаго, по сѣверо-восточному берегу Арала до устья Сыра,
вверхъ по этой рѣкѣ до Коканской крѣпостцы Кошъ-Курганъ,
и обратно по лѣвому берегу рѣки Тургай и по рѣкамъ Ка-
быргъ, Улькюлку и Кумаку въ Орскую крѣпость. Капитанъ Ни-

кифоровъ, перейдя съ Хивинскимъ посольствомъ рѣку Сырь при переправѣ Аманъ-Уткуль, слѣдовалъ сначала на Хивинскую крѣпостцу Джанъ-Кала, далѣе вверхъ по Куванъ-Дарьѣ и оттуда на юго-востокъ къ городу Кипчаку, нѣсколько южнѣе пути Муравина за 400 лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ самомъ Ханствѣ приведены Никифоровымъ въ извѣстность маршруты: отъ г. Хивы до Ташауза, Гурлена (чрезъ Казавадъ) до Явы-Ургенча, Ханковъ и Хазараспа; отъ Ташауза до Кипчака, Куны Ургенча (чрезъ Иль-Аллы) и до Айбугира (чрезъ Бульдумсазъ). На возвратномъ пути, однимъ изъ топографовъ снятъ маршрутъ отъ Айбугира до Ново-Александровскаго укрѣпленія, Литовымъ отъ Айбугира же до Оренбурга по восточному берегу Арала и мимо бывшаго Акбулакскаго укрѣпленія, наконецъ самимъ Никифоровымъ отъ Айбугира до крѣпости Сарайчиковской. Выйдя изъ Ташауза 2 ноября, Никифоровъ прибылъ въ Сарайчиковскую крѣпость 28 числа того же мѣсяца, а Литовъ въ Оренбургъ 44 декабря.

Не менѣе дѣятельны были одновременныя изслѣдованія Русскихъ въ Бухаріи: отдѣлясь отъ Хивинской миссіи при Сырь-Дарьѣ, Бутеневъ поднялся выше по рѣкѣ до урочища Майли-башъ, гдѣ, переправившись чрезъ нее, слѣдовалъ обыкновеннымъ караваннымъ путемъ въ Бухару, куда прибылъ въ концѣ августа. Въ началѣ сентября, состоявшіе при Бутеневѣ Ханьковъ, Леманъ и Богословскій отправлены были въ Самаркандъ. Изъ сего послѣдняго Богословскій проходилъ почти до вершинъ Заревшанской долины, или древней Согдіаны, то-есть до горъ Каратау; Н. Ханьковъ же возвратился чрезъ Карши въ Бухару, откуда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 года миссія отправилась обратно.

Изслѣдованія эти остались не безплодны для науки: результаты съемокъ Бларенберга и составленная въ поясненіе къ нимъ записка Романова отчасти обнародованы въ статьѣ Н. Ханькова о народонаселеніи Киргизскихъ степей и въ приложенной къ ней картѣ. Маршруты Никифорова послужили основаніемъ картѣ Хивы, изданной первоначально въ 1845 году въ Берлинѣ Циммерманомъ, подъ именемъ Базиверовской, а впоследствии приложенной самимъ г. Базиверомъ къ его путешествію.

Относительно Бухарскаго Ханства, напечатано полное географическое описаніе Н. Ханыковымъ, геогностическія и климатологическія замѣтки г. Бутеневымъ, и, сверхъ того, ожидается изготовленный уже г. Гельмерсеномъ къ печати дневникъ Лемана.

Гораздо безуспѣшнѣе были изслѣдованія одного англійскаго путешественника, обѣщавшія весьма важные результаты для науки, а именно Коноли. Онъ уже въ 1830 году пытался проникнуть въ Хиву изъ Астрабада, но долженъ былъ возвратиться послѣ нѣсколькихъ дней пути. Черезъ 10 лѣтъ, то-есть осенью 1840 года, Коноли достигъ однако же Хивы, гдѣ и пробылъ до іюня 1841 года, затѣмъ пробрался въ Коканъ и осенью того же года возвратился въ Бухару; но здѣсь въ 1842 году погибъ, вмѣстѣ съ отечественникомъ своимъ Стодартомъ. Бумаги ихъ, въ числѣ коихъ находились астрономическія наблюденія Коноли, истреблены, и только одно показаніе его передано намъ Н. Ханыковымъ въ Описаніи Бухарскаго Ханства.

1842 годъ доставилъ важныя географическія дополненія къ изслѣдованіямъ Никифорова. Для довершенія начатыхъ имъ переговоровъ въ Хивѣ, отправленъ былъ туда Полковникъ Данилевскій. Выступивъ изъ Оренбурга 1 августа, онъ, слѣдуя по восточному берегу Арала, 19 октября прибылъ въ Хиву, проведя предварительно нѣсколько времени въ Ташаузѣ, а 31 декабря того же года отправился оттуда чрезъ Кипчакъ, Кунградъ къ юго-западному углу Арала. Сверхъ того, въ половинѣ ноября мѣсяца, находившійся вмѣстѣ съ Данилевскимъ натуралистъ Базинеръ посланъ былъ первымъ въ Хазараспъ, для поднесенія подарковъ Инаху. Эта поездка, равно какъ путь миссіи въ Хиву и обратно до г. Кипчака, могли только служить къ повѣркѣ маршрутовъ Никифорова; но отъ послѣдняго города до Кунграда и даже до Аральскаго моря изслѣдовано вновь весьма важное пространство, оставленное Никифоровымъ въ пробѣлѣ. Сверхъ того, распросы Данилевскаго и Базинера дали имъ возможность пополнить личныя свои наблюденія значительною массою новыхъ свѣдѣній, изъ коихъ часть уже обнародована Базинеромъ, другая же печатается въ Запискахъ нашего Общества. На основаніи таковыхъ распросовъ, Базинеръ означилъ на изданной имъ картѣ, а Данилевскій упоминаетъ въ своемъ опи-

саніи, будто озеро Деукара, подобно Айбугирскому, почти сливается съ Аральскимъ Моремъ. Но это показаніе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ, такъ какъ оно опровергается маршрутомъ Гладышева, новѣйшими распросами объ этомъ странствѣ кочевавшихъ тамъ Киргизъ и, наконецъ, изслѣдованіями юго-восточнаго берега моря, произведенными въ 1849 г. Поспѣловымъ, который не замѣтилъ слѣдовъ подобнаго залива.

Въ соображеніяхъ своихъ объ измѣненіи Аму-Дарьею прежняго теченія, Данилевскій приводитъ лишь одно преданіе Хивинцевъ; но въ писмѣ его ко мнѣ изъ Хивы, полученномъ въ Римѣ въ 1843 году, онъ рассказываетъ два другихъ преданія, изъ которыхъ одно замѣчательно тѣмъ, что представляетъ впервые намекъ самихъ Азіятцевъ на измѣненіе русла рѣки землетрясеніемъ; а потому я считаю неизлишнимъ привести здѣсь слова Данилевскаго въ подлинникъ:

«За недостаткомъ лучшаго, я долженъ ограничиться сообщеніемъ вамъ хивинскаго преданія касательно измѣненія Аму-Дарьею своего русла. Осматривая въ Куш-Ургенчѣ развалины, близъ прежняго теченія рѣки, я слышалъ это преданіе отъ одного муллы, надзирающаго за развалинами и служащаго при гробѣ какого-то положеннаго здѣсь магометанскаго хаджи.»

«Вотъ въ точности рассказъ муллы:

«600 лѣтъ тому назадъ (прежде всего, я долженъ предупредить васъ, что у Хивинцевъ въ употребленіи лишь два историческія эры: 600 лѣтъ или вчера; и такъ—) 600 лѣтъ тому назадъ, когда Хива называлась еще не этимъ именемъ, а Харезмомъ, Аму-Дарья текла на западъ въ сторону Коблы и вливалась въ море Астраханское. Великолѣпные города росли по берегамъ рѣки; но краше и больше всѣхъ былъ Старый Ургенчъ; а потому Шахи Харезмскіе избрали его своею столицею. Властвовавшій въ то время Государь имѣлъ много дочерей прекрасныхъ и любимыхъ имъ; но прекраснѣе и возлюбленнѣе всѣхъ между ними была Дашъи Турубья, которую Шахъ избралъ опорой своей старости и повѣренною своихъ заботъ. Посвящая все время на ласки своей дочери, онъ день за днемъ забывалъ болѣе и болѣе правительственныя обязанности, а Харезмцы же

опасались бдствія. Между тѣмъ, онъ было близко. Въ шести суткахъ верховой ѣзды къ западу, кочевали Калмыцкія орды, управляемыя Бараханомъ. Онъ уже давно съ завистью слышалъ о роскоши и богатствѣ въ Кунь-Ургенчѣ, и ожидалъ лишь благопріятной минуты для вторженія. Минута эта наконецъ наступила. Калмыки нахлынули на столицу Харезма, и голова Шаха пала подъ выгнутымъ клинкомъ Барахана. Вскорѣ затѣмъ онъ узналъ о необычайной красотѣ Ханьши Турубьи и, соблазненный ею, отправилъ къ Княжѣ визиря своего съ богатыми подарками и предложеніемъ раздѣлить Ханское ложе. Но Турубья съ негодованіемъ отвергла дары, присовокупивъ, что скорѣе умереть, чѣмъ вступить въ бракъ съ убійцею отца ея. Вслѣдъ затѣмъ, созвавъ вѣрныхъ подданныхъ, она повелѣла имъ завалить всѣ входы во дворецъ и оставить ее одну въ немъ. Чрезъ три дни и три ночи, по исполненіи этого повелѣнія, въ часъ третій молитвы правобѣрныхъ и подземный гулъ, глухими и продолжительными раскатами, навелъ трепеть на жителей. Ему послѣдовала страшная затишь, — и вдругъ земля дрогнула; вершина великолѣпнаго Ургенческаго минарета обрушилась; воды Аму-Дарьи поднялись какъ горы, и рѣка, сверхъестественною силою отброшенная къ востоку, залила цвѣтущія и обработанныя части Харезма, и потекла къ Аралу. . . .

«Равскащикъ мulla показалъ мнѣ комнату, гдѣ послѣдовала кончина Ханьши, и завалившійся минареть, какъ неопровержимыя подтвержденія подлинности преданій.»

Отъ 1842 до 1846 года не было новыхъ добавленій къ географическимъ даннымъ, относительно разсматриваемаго нами пространства; но послѣдній годъ принесъ зато разомъ весьма важныя улучшенія картографіи этихъ мѣстъ, вслѣдствіе командированія въ Киргизскую степь Подполковника Лемма, который на пространствѣ между Орскою крѣпостью, устьями Сыра и горами Улуту, опредѣлилъ 99 астрономическихъ пунктовъ, изъ коихъ 23 расположены либо на сѣверо-западномъ берегу Арала, либо на правомъ берегу Сыра и въ сѣверной половинѣ нижней долины ея.

Въ 1847 году произведена на 55 верстахъ подробная съемка устьевъ рѣки Сыра.

Въ 1848 и 1849 годахъ окончена съемка береговъ Аральскаго моря гг. Бутаковымъ и Посьтовымъ.

Въ 1850 г. изслѣдованы пески Барсуки и сѣверное прибрежье Арала.

Такова сумма географическихъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ европейскими наблюденіями. Хотя мы можемъ считать себя въ этомъ отношеніи богатыми, сравнительно съ познаніями, имѣвшимися лѣтъ 25 тому назадъ, однако далеко еще не все приведено этими разысканіями въ точную извѣстность; а потому многое необходимо дополнять распросами, догадками и критическимъ примѣненіемъ древнѣйшихъ показаній.

Эти источники уже издавна обращали на себя вниманіе ученыхъ географовъ. Видзень, при второмъ изданіи извѣстнаго своего сочиненія: Сѣверная и Восточная Татарія, включилъ туда много подобныхъ распросныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ, вѣроятно, по благорасположенію къ нему Петра Великаго. Это нѣсколько дополнено было въ IX томѣ Всеобщей исторіи путешествій, безъ означенія, впрочемъ, источниковъ. Черезъ 43 лѣтъ послѣ того, издано Русскою Академіею сочиненіе трудолюбиваго Рычкова: Оренбургская топографія, гдѣ къ достовѣрно извѣстнымъ фактамъ присовокуплено много любопытныхъ распросныхъ свѣдѣній. Въ 1785 году обнародованы приведенныя въ порядокъ трудами Георга бумаги, оставшіяся послѣ академика Фалька, который 31 марта 1774 года застрѣлся въ Казани, по окончаніи шестилѣтняго путешествія по Россіи. Въ 4-мъ томѣ этого собранія есть также нѣсколько распросныхъ свѣдѣній и, между прочимъ, маршрутъ изъ Оренбурга въ Хиву, гдѣ, при описаніи города Кунь-Ургенча, упоминается о разграбленіи его Калмыцкимъ Ханомъ и находящихся тамъ гробницахъ магометанскаго хаджи Шейхъ-Рей-бирота, равно какъ Ханыши Турумы, то-есть вѣроятно Турубинъ, къ которой относится преданіе, сообщенное мнѣ Данилевскимъ 70 лѣтъ познѣе.

Въ томъ же 1785 году обнародованъ 2-й Т. Историческаго описанія російской коммерціи, Чулкова; но свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, составляютъ буквальное повтореніе сказаннаго Рычковымъ.

Между тѣмъ, съ развитіемъ правильной администраціи на границахъ Оренбургскаго края и Западной Сибири, начали все болѣе и болѣе накапливаться тамъ разпространенныя данныя о Средней Азійи. Древнѣйшія изъ нихъ имѣютъ теперь преимущественно историческую, а не географическую важность.

Гораздо любопытнѣе для насъ распросы, собранныя въ теченіе нынѣшняго вѣка, какъ потому, что они точнѣе и отчетливѣе, такъ по болѣе возможности исправлять и подтверждать ихъ сравненіемъ съ вновь собранными точными свѣдѣніями о Средней Азійи. Показанія эти могутъ быть раздѣлены на двѣ главные категоріи: одни заключаютъ въ себѣ общія историческія и статистическія обозрѣнія Хивы, Туркменіи и Киргизъ-Кайсаковъ; другія—подробныя топографическія свѣдѣнія и маршруты. Перваго рода данныя находятся во многихъ путешествіяхъ по Азійи, въ особенности же у Муравьева, Мейендорфа, Фрезера и Борнса; во изъ нихъ ничего нельзя извлечь для картографіи. Гораздо важнѣе для нея данныя втораго разряда. Многіе подобныя распросные маршруты изданы были Кинвейромъ, Клапротомъ, Мейендорфомъ, Сеньковскимъ, Спасскимъ и Гумбольдомъ; но все они относятся до дорогъ либо изъ Западной Сибири въ Китайскій Туркестанъ, Коканъ и Бухару, либо туда же изъ Персіи, то-есть именно не касаются разсматриваемой нами мѣстности. Между тѣмъ, объ ней имѣются также богатые распросные матеріалы. Основаніе имъ положено въ Оренбургѣ, бывшемъ тамъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Начальникомъ Таможни Величко; но преимущественно обязана географія въ этомъ отношеніи Предсѣдателю Оренбургской Пограничной Коммисіи Григорію Федоровичу Генсу. Прибывъ на службу въ Оренбургъ также въ первые годы настоящаго столѣтія, въ качествѣ Инженернаго офицера и съ отличными университетскимъ образованіемъ, Генси неоднократно былъ посылаемъ въ степь, а въ 1815 году сопровождалъ экспедицію къ свинцовымъ горамъ; вслѣдствіе чего составилъ весьма отчетливое обозрѣніе совершенно неизвѣстнаго тогда пространства между Тоболомъ и Тургаемъ; въ 1818 году онъ былъ употребленъ для приведенія въ порядокъ архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, что ознакомило его съ имѣвшимися прежними данными о Средней Азійи, а вслѣдъ за тѣмъ Генси назначенъ Пред-

свидетелемъ этой Коммисіи, чѣмъ и оставался въ продолженіе сорокомъ 20 лѣтъ.

Во все это время, будучи въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всеми пріѣзжавшими въ Оренбургъ Азіатцами, купцами и путешественниками, онъ не упускалъ ни одного случая обратиться на пользу географіи и, спрашивая каждого, извлечь изъ него всевозможныя свѣдѣнія о знакомыхъ ему странахъ; послѣ чего эти показанія либо просто записывались въ дневникъ, либо излагались въ видѣ особыхъ записокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ изданы гг. Беромъ, Гельмерсеномъ и Далемъ; другія имѣются въ копіяхъ; но мелкія дневныя замѣтки, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ только въ подлинникѣ. Сынъ покойнаго Генса, во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1816 году, сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ составить изъ нихъ систематическій сводъ; но черезъ два года этотъ молодой человѣкъ самъ погибъ отъ холеры въ Оренбургѣ.

Важнѣйшія распросныя свѣдѣнія, собранныя Генсомъ, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ :

1818 года. Показанія купца Гоголина о Бухарѣ.

1819 года. Показанія оренбургскаго мѣщанина Якова Петрова, находившагося въ плѣну въ Хивѣ и Бухарѣ съ 1787 по 1819 годъ.

1821 года. Показанія солдатскаго сына изъ Желѣзинской крѣпости Ларіона Кашлева, находившагося въ плѣну въ Бухарѣ съ 1775 по 1821 годъ.

1822 года. Показанія о Бухарѣ Еврея Дезерцева.

1822 года. Показанія о Бухарѣ Бухарца Атарифа Галаева.

1822 года. Маршруты, составленные по рассказамъ Татарина Абзалила Варкена.

1824 года. Свѣдѣнія о Бухарѣ, Кокандѣ и вообще о средне-азиатской торговлѣ, составленные изъ распросовъ Казанскаго Татарина Муртазы Фейзулина, неоднократно посѣщавшаго поминимованныя страны въ продолженіе 1807 — 1823 годовъ.

1826 года. Показанія о Хивинскомъ Ханствѣ вышедшаго изъ плѣна астраханскаго мѣщанина Матвея Ковырзина.

въ лучшихъ похвалъ для него можетъ служить то, что покойный Генсъ, величайшій знатокъ Киргизскихъ Степей и киргизскаго быта, въ сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ на первый томъ этого сочиненія, которыя нисходятся въ рукописи, не открылъ ни одного большого промаха. Карта, приложенная къ сочиненію г. Левшина, первоначальное составленіе которой принадлежитъ бывшему Оберъ-Квартермистру Оренбургскаго корпуса Тимофѣеву, была въ 1830 годахъ самое полное и добросовѣстное выраженіе имѣвшихся тогда свѣдѣній о сѣверо-западной части Средней Азіи, соединяя въ себѣ карты Муравьева, Менендорфа, результаты экспедицій г. Берга 1823 и 1825 годовъ, и изслѣдованій, произведенныхъ съ Сибирской Линіи.

Позднѣе Левшина, въ числѣ критико-ученыхъ сочиненій, разсматриваемой нами мѣстности, заслуживаютъ быть упомянутыми: разсужденія Циммермана о Средней Азіи, статья о Киргизскихъ Степяхъ Н. Ханькова и образцовое твореніе Барона Гумбольдта *Asie Centrale*.

Но вѣстѣ имъ приложены карты; лучшая изъ нихъ, по свойству самыхъ матеріаловъ, на которыхъ основана, есть карта Н. Ханькова. Но кромѣ того она не простирается южнѣе устьевъ Сыръ-Дарьи; въ нее не вошли многія, имѣющіяся данныя, такъ такъ во время составленія сей карты, между Мугоджарами и Ураломъ не было еще сплошной съемки, предпринятой тамъ съ 1843 года и доведенной уже на югъ до рѣки Эмбы. За Мугоджарами не производилось еще астрономическихкихъ опредѣленій, сдѣланныхъ Леммомъ въ 1846 году, и съемокъ многочисленныхъ полосъ степи, совершенныхъ въ томъ же, равно какъ 1847 и 1850 годахъ, разными отрядами. Наконецъ, Аральское Море извѣстно было съ точностію лишь въ тѣхъ небольшихъ пространствахъ сѣвернаго берега, концы которыхъ были релативированы Жемчужникова и Пларенберга въ 1840 и 1841 году, ибо полная съемка этого моря произведена Бутковимъ только въ 1848 и 1849 годахъ, равномерно и съемки Иванова отъ Тюбъ-Карагана до Александръ-Бая, и Жеребцова въ Карабугазскомъ заливѣ сдѣланы позднѣе. Вслѣдствіе сего, означенная карта въ сѣверо-западной половинѣ своей неполна, а въ юго-восточной во многихъ отношеніяхъ неточна.

Тытъ не ментѣ, она значительно лучше близко предшествовавшей ей карты Циммермана *Entwurf des Kriegs-Theaters Russlands gegen China*, не только потому, что Н. Ханьковъ могъ воспользоваться многими, недоступными Циммерману матеріалами, но такъ какъ послѣдній не употребилъ даже всѣхъ обнаруженныхъ до 1839 года данныхъ, другія же примѣнить не удачно.

1) Въ главномъ основаніи карты, въ списокъ астрономическихъ пунктовъ, приводя несколько опредѣленій, не имѣющихъ никакой достовѣрности, какъ напримѣръ: Дженкинсона, или положенія мѣсть на картахъ Кирилова и де Гебелетъ, въ однометрическомъ измѣреніяхъ, Циммерманъ въ тоже время вовсе не руководствуется астрономическими пунктами, изданными Шубертомъ еще въ 1826 году, и наблюденіями Лейма, напечатанными въ Запискахъ Военно-Топографическаго Депо въ 1837 году. Изъ послѣднихъ ему извѣстно ища произведенное 4 февраля, на западномъ берегу Арала, измѣреніе, ошибающееся на 53", не говоря уже о томъ, что выбираетъ изъ всѣхъ предложеній 1826 года по несчастію то, которое именно одно оказывается, въ слѣдствіе новѣйшихъ измѣреній, непримѣнимымъ. Это незнаніе достовѣрныхъ источниковъ заставляетъ Циммермана прибѣгать къ ненадежнымъ, отчего даже въ положеніи важнейшихъ пунктовъ, какъ напримѣръ: Астрахани, Сарайчиковской, Каймыковской, Орской, — у него встрѣчаются ошибки.

2) Руководствуясь для Каспійскаго Моря картою Колодкина, онъ вовсе не принялъ въ соображеніе изданной уже въ 1834 году карты Васильева, а потому Мертвый-Култукъ, полуостровъ Бузачи, заливъ Камакъ и Тюбъ-Караганскій полуостровъ у Циммермана не только не улучшены, сравнительно съ Колодкинымъ, но даже искажены произвольными измѣненіями. Что касается до берега моря для вѣрности, то за ошибочность его нельзя упрекать Циммермана, такъ какъ онъ не могъ руководствоваться рекогносцировками ни Карелина въ 1836 году, ни Иванова въ 1844 году, ни Жеребцова въ 1847 году.

Никонецъ 3) даже тѣ матеріалы, которыми воспользовался Циммерманъ, мало послужили ему для развѣшенія истинности; сѣтъ рѣчь составить еще лучшую сторону карты, если только исключить несущескую ошибку.

отъ Эмбы, рѣку Уджалъ, впадающую въ Аральское Море и т. п. Но даже въ гидрографической части есть непонятныя ошибки, такъ напримѣръ: Эмба впадаетъ еще на картѣ двумя большими рукавами въ Каспій, между тѣмъ какъ она давно не достигаетъ береговъ его; система Урала соединена водянымъ путемъ съ системою Эмбы, посредствомъ *какого-то канала Бите-Шона*, который связываетъ будто-бы Талдышъ и Узунъ-Темиръ, въ действительности же есть *тропинка*, протянутая между вершинами сихъ рѣкъ на картѣ Левшина; равномерно вершины рѣки Тебена связаны съ какими-то лѣвыми притоками Эмбы Кара-Акента, у подножія Айрюка; верхняя часть долины Эмбы на полградуса отнесена западнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, Вѣтъ: большую часть надписей составляютъ исковерканныя татарско-русскія слова, *не имѣющія рѣшительно никакого значения*; спрашивается, какую пользу могутъ принести — Чиндандъ Хюзменность, Посто-Эба, Бараидъ-Гильджи, Туттидипташамски и тому подобныя, выставленные безъ всякаго знака, который бы пояснѣлъ смыслъ этихъ словъ, или сопровождаемыя знакомъ, противнымъ настоящему смыслу названій, какъ напримѣръ; знакомъ козла, когда татарское слово Куль, стоящее въ надписи, означаетъ озеро; въ особенности же, къ чему употребляютъ подписи, для самаго картографа очевидно составляющія іероглифы, какъ на примѣръ: Nazivam Uro Maloi Barysuk; въ этой фразѣ не только западный Европеецъ, но и Русскій ковчего не узнаетъ: урочище, называемое Малые Барсуки; а если бы и угадалъ, то это несколько не послужило бы ему къ объясненію, что подъ нимъ должно разумѣть гряду песковъ. Подобное изобиліе наборомъ непонятныхъ названій только обманываетъ толпу читателей на счетъ действительной бѣдности географическихъ данныхъ.

Гораздо лучше познѣтѣна карта Циммермана Туркменія и Хивы, подъ заглавіемъ *Uebersichtstafel zur Darstellung des oberirdischen und unteren Laufes des Oxus*, такъ какъ она ограничивается здѣсь означеніемъ урочищъ, известныхъ съ достаточною вѣроятностію, именно: южный берегъ Арала и низовья Аму-Дарьи нанесены съ очерка карты Данилевскаго, дошедшей въ Берлинъ подъ именемъ Базинеровской. Къ югу отъ Цитлика сделано весьма полезное дополненіе нанесеніемъ пути Шек-

опира вдоль Аму-Дарыи; но къ сожалѣнію, маршрутъ этотъ, равно какъ и Абботовскій, не продолжены до Мерва и до Герата. Къ западу отъ Аму нанесенъ путь Конопли и Муравьева, но послѣдній также не полный; наконецъ, юго-восточный берегъ Каспія изображенъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Карелинымъ и Бларенбергомъ въ 1836 году, которыя сообщены были Генераль-Адъютантомъ Перовскимъ Барону Гумбольдту въ 1842 году. Тогда, впрочемъ, не имѣлось еще въ виду астрономическихъ опредѣленій этой экспедиціи, почему островъ Огурчинскій показанъ слишкомъ сѣверно, равно какъ входъ въ Гассанъ-Кулинскій заливъ.

Заливъ Хивинскій нанесенъ Циммерманомъ также согласно съ предположеніями Карелина, который его, впрочемъ, не постигалъ, равно какъ ни одинъ изъ мореплавателей на Каспін, исключая Путятина въ 1844 г.; но въ разсужденіи, приложенномъ къ картѣ, этотъ заливъ подалъ поводъ къ заключеніямъ, обнаруживающимъ, съ какою опрометчивостію дѣлаются иногда ученые выводы. Г. Циммерманъ, на стр. 466, говоритъ: *«Eine alte Karte, die ich in der berühmten und vollständigsten Karten-Handlung in Europa von Simon Schropp et Comp. hieselbst antraf: Provinciarum Persicarum Kilaniae, nempe Chirvaniae, Dagestaniae aliarumque vicinarum regionum partium nova geographica tabula, ex itinerario celeberrimi olim Adami Olearii aliisque recentioris geographice adminiculis desumpta a J. B. Homanno S. C. M. Geographie ejusque Filio 1728—giebt merkwürdiger Weise den Schlüssel zur Zeichnung der Ostküsten des Caspischen Meeres in Kolodkin's See-Atlas 1822 dieses Meeres, der auf Aufnahmen gegründet sein soll. Man findet den Chivensischen Golf ganz so eingetragen wie dort... Seit 1728 datirt sich also die bedeutende Verkleinerung des Chivensischen Golfes, nicht seit 1820, wie ich nach Kolodkin's Karte geglaubt hatte; denn das war mir nicht im Traume eingefallen, dass im grossen russischen Seeatlas hundert Jahre alten Karten, welche in den Längen ganz falsch sind, blos copirt sind.»* Я не знаю, въ какой мѣрѣ рядокъ въ Германіи атласъ Гоммана, но могу только сказать, что еще гораздо прежде, чѣмъ г. Циммерманъ отыскалъ одинъ листъ этого атласа въ лучшей германской лавкѣ картъ, я уже давно имѣлъ полный экземпляръ, чрезъ петербургскихъ букинистовъ, за весьма дешевую

дств. Тамъ, действительно, находится карта, приводимая Циммерманомъ; только на ней Хивинскій Заливъ несколько другого вида, чѣмъ у Колодкина; а потому уже одно это должно бы воздержать берлинскаго картографа отъ обвиненія Колодкина въ подложномъ замѣтвованіи изображенія береговъ Каспія съ карты 1728 года; но есть еще убѣдительнѣйшія уваженія, которыя побуждали къ тому же. Въ предисловіи къ своему атласу, г. Колодкинъ прямо и добросовѣстно указываетъ, откуда взято имъ изображеніе Хивинскаго Залива, именно говорить: «Заливъ же Хивинскій, *высessen* съ карты Г. Гильденштеда, и на одной только его картѣ помѣщенъ, а на всѣхъ прочихъ въ семъ мѣстѣ берега оставлены не соединенными». И такъ, вся вина Колодкина въ томъ, что онъ положился на карту Гильденштеда 1774 года, а не предпочелъ болѣе правильнаго изображенія русскихъ картографовъ. Эта цитата естественно рождаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ г. Циммерманъ, такъ часто ссылающійся на атласъ Колодкина, не знаетъ вышеприведенныхъ строкъ предисловія къ атласу и, если, какъ весьма вѣроятно, видѣлъ изъ всего атласа одну общую карту, то по какому праву возводитъ столь оскорбительныя подозрѣнія на человека, который посвятилъ 17 лѣтъ возможно точному изображенію Каспія? Что же касается до вывода г. Циммермана, — будто изъ того, что Хивинскій Заливъ Колодкина взятъ у Гоммала, слѣдуетъ, что этотъ заливъ началъ усыхать съ 1728, а не съ 1820 года, — то подобное заключеніе принадлежитъ къ числу парадоксовъ, недостойныхъ науки. Въ Хивинскомъ Заливѣ до 1814 г. никто изъ Европейцевъ еще не былъ, а потому и всѣ изображенія его совершенно произвольны; омертанъ же Гоммала предшествовалъ даже изслѣдованіямъ Бековича и Кожина, какъ видно изъ того, что Красноводская коса представлена островомъ; следовательно относится къ эпохѣ, когда вовсе не было подобнаго даннаго о восточномъ берегу Каспія. Какъ же можетъ подобное *безотчетливое* показаніе *лирическаго* торжества карты служить основаніемъ для ученыхъ заключеній объ убыли воды въ Каспійскомъ Морѣ?

Карта Хивинскаго Ханства, изданная г. Базиеромъ, есть собственно уменьшенная копія съ карты, составленной Григоріемъ Давилевскимъ изъ рекогносцировокъ топографовъ, се-

проважавших покойного Никифорова и самого Данилевскаго. Къ этому г. Базинеръ придалъ только северную часть Аральскаго Моря съ карты Н. Ханыкова и нанесъ свой маршрутъ по западному берегу Арала. Главная заслуга Базинера состоитъ въ томъ, что онъ расположилъ карту по градусамъ; но и это не было трудомъ самостоятельнымъ, ибо приуроченіе городовъ Хаива къ разнымъ широтамъ и долготамъ сдѣлано не по изображенію маршрутовъ Никифорова и Данилевскаго съ астрономическими опредѣленіями Лемма, а просто принятымъ за широту и долготу Хивы тѣхъ предположеній, которыя господствовали въ Оренбургѣ по сему предмету до 1846 года; сверхъ того, на картѣ далеко не обозначены всѣ астрономическіе пункты, имѣвшіеся уже до изданія ея, а именно: изъ Леммовскихъ опредѣленій 1825 года приведено одно, между тѣмъ какъ Базинеръ долженъ бы нанести таковыхъ три; изъ коихъ два выпущены гораздо важнѣе, чѣмъ нанесенное. Изъ наблюденій же 1846 года приведено всего два, тогда какъ ихъ следовало бы нанести 14. Если бы г. Базинеръ исполнилъ это, то, впрочемъ, избѣгнулъ бы замѣчанія, которое встрѣчаемъ у него на счетъ карты Н. Ханыкова 1845 года; онъ говоритъ:

«Von Orenburg bis hierher hatten wir nach unsern Hodometer-Messungen etwas über 603 Werst zurückgelegt, in gerader Linie beträgt aber die Entfernung dieser beiden Punkte nach der neuesten Karte der Kirgisen Steppe, welche durch das Journal des Ministeriums des Innern im Jahre 1845 veröffentlicht worden ist, etwa 555 Werst. Hieraus folgt, dass wir im ganzen nur eine Krümmung von 48 Werst, oder auf 100 Werst in gerader Linie nur einen Umweg von etwas über $8\frac{1}{2}$ Werst gemacht haben, was mir eine viel zu geringe Zahl zu sein scheint, um nicht gegen die Richtigkeit der genannten Karte einigen Zweifel zu hegen.»

Между тѣмъ, точки, служащія предѣлами намѣренія, опредѣлены на картѣ астрономически, такъ какъ входъ на Усть-Юртъ г. Базинера лежитъ на одной параллели съ Акъ-Булакскимъ укрѣпленіемъ и не можетъ быть болѣе одного градуса восточнѣе этого укрѣпленія; следовательно, естественнѣе было, нежели усомниться въ вѣрности собственнаго одометрическаго (всегда не безопычнаго) промѣра, чѣмъ карты, стоящаго на дѣлѣ.

Не смотря на все это, пока съёмки Никифорова и Данилевскаго не были изданы подробнѣе и не приурочены къ градусамъ отчетливѣе, чѣмъ у Базинера, его карта Хивинскаго Ханства оставалась лучшимъ изображеніемъ этого рода.

Карта Бухарскаго Ханства Н. Ханыкова, для долинь Заревшана и Шахри-Сибзя, равно какъ для сѣверо-западной окраины Ханства, заслуживаетъ предпочтеніе предъ всеми прочими, такъ какъ никто въ новѣйшее время не имѣлъ возможности лучше изучить этихъ долинь, чѣмъ означенный путешественникъ, тѣдившій въ одно время съ нимъ покойный Леманъ, г. Богословскій и сопровождавшій ихъ топографъ. Въ изображеніи юго-восточной части Ханства встречаемъ только нѣкоторые дополненія по дорогѣ изъ Карши въ Гисаръ; затѣмъ долина Аму изображена совершенно тождественно съ Борнсомъ; а къ сѣверо-востоку отъ Гисара даже менѣе подробностей чѣмъ у Борнса.

Общая карта Средней Азіи Циммермана нѣрѣдко обильнѣе подробностями послѣдней и значительно отличается отъ бывшихъ предъидущихъ; но 1) эта разность основана на гадательныхъ выводахъ изъ разноречивыхъ источниковъ, безъ подробнаго указанія данныхъ, служившихъ основаніемъ для этихъ выводовъ; 2) около Бадакшана эта карта, будучи основана на опредѣленіяхъ Іезуитовъ 1759 г. разнится отъ карты Вуда на 50 шир. и почти на 2° долготы.

Такова сумма матеріаловъ, которыми я пользовался для изготовленія составленной мною карты.

Въ заключеніе, мнѣ остается лишь сказать, какииъ образомъ я употребилъ эти матеріалы.

Въ сѣверной и южной частяхъ карты не встрѣчалось затрудненій: Аральское Морѣ, пространство къ сѣверо-востоку отъ него, т. е. въ Сыръ-Дарьёю, и къ сѣверо-западу, т. е. по сѣверному чинку, расположены на основаніи астрономическихъ опредѣленій Лемма, Васильева и Бутакова. Западный Хорасанъ, Мервъ и Персидское Ханство изображены по астрономическимъ же наблюденіямъ Фризера, Борнса и Лемма. Число этихъ основныхъ данныхъ, какъ обнаружываетъ нижеслѣдующая таблица, довольно значительно, и хотя въ Бухарскомъ Ханствѣ доселѣ нѣтъ ни одного достовѣрнаго долготнаго опредѣленія, однако же большой неувѣрности въ долготѣ Бухары предвидѣть нельзя.

№	Название мѣстъ.	С. Шир.	Долгота отъ Фербро.	Имя наблюдателя. Время наблюденія. Способъ опредѣленія долготы.
	Бывшее укрѣпленіе Акъ-Булакъ	47° 1' 57"	75° 29' 39"	Васильевъ 1840 г. Дун. кульминац.
1	Лагерь Берга 11 февраля 1826 года.	46° 25' 25"		Леммъ 1826 г.
2	Юж. бер. входъ въ зал. Чубаръ-Тараузы.	46° 44' 42"	78° 10' 35"	Бутаковъ 1848 — 49 г. Хрон.
3	Косъ Аральскій постъ	46° 1' 17"	78° 41' 20"	Бутаковъ 1848 — 49 г. Дун. кульм.
4	Пирамида близъ пад. р. Сыръ-Дарья . . .	46° 3' 23"	78° 48' 59"	Леммъ 1846 г. Хро-
5	Р. Сыръ-Дарья при впад. въ Лиманъ . .	46° 3' 32"	79° 0' 42"	Леммъ 1846 г. Хрс-
6	Сѣвер. конецъ Ли- мана	46° 8' 42"	79° 0' 23"	Леммъ 1846 г. Хрон.
7	Р. Сыръ-Дарья . . .	46° 2' 33"	78° 50' 56"	Леммъ 1846 г. Дун. кульм.
8	Р. Сыръ-Дарья . . .	46° 6' 54"	79° 14' 8"	Леммъ 1846 г. Дун. кульм.
9	Колодець Куль-Ку- дукъ	46° 57' 41"	79° 20' 29"	Леммъ 1846 г. Хрон.
10	Плотина Аробогудъ.	46° 9' 36"	79° 2' 42"	Леммъ 1846 г. Дун. кульм.
11	Южн. оконечн. полу- острова Ранимъ . . .	46° 4' 19"	79° 26' 56"	Леммъ 1846 г. Хрон.
12	Могила Джуль-Пасы.	46° 41' 32"	79° 28' 54"	Леммъ 1846 г. Хрон.
13	Тальбе-Гуть	46° 0' 30"	79° 29' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
14	Колод. Алты-Кудукъ.	46° 50' 25"	79° 30' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
15	При озерѣ Калмыш- лы-Башъ	46° 14' 54"	79° 3' 33"	Леммъ 1846 г. Хрон.
16	Колодець-Сапакъ . .	46° 28' 43"	79° 39' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
17	Колод. Акъ-Шаблакъ.	46° 10' 20"	80° 8' 8"	Леммъ 1846 г. Хрон.
18	Колод. Сорго-Кудукъ.	46° 18' 33"	80° 11' 51"	Леммъ 1846 г. Хрон.
19	Колод. Токобай . . .	46° 54' 7"	80° 15' 50"	Леммъ 1846 г. Хрон.
20	Колод. Морунъ-Ку- дукъ	46° 46' 57"	80° 15' 57"	Леммъ 1846 г. Хрон.
21	Колодець Акай . . .	46° 29' 40"	80° 21' 44"	Леммъ 1846 г. Хрон.
22	Колодець Бурмашъ.	46° 37' 32"	80° 25' 35"	Леммъ 1846 г. Хрон.
23	Лаг. Берга 21 янв. 1826 г. около кол. Чурухъ	45° 3' 49"		Леммъ 1826 г.
24	Лаг. Берга 2 февр. 1826 г. около Аральск. Моря . . .	45° 26' 15"	76° 13' 51"	Леммъ 1826 г. Дун. разстоян.

№	Название мѣстъ.	С. Шир.	Долгота отъ Фег- го.	Имя наблюдателя, время наблюдѣнія, способъ опредѣле- нія долготы.
25	Лег. Берга 3 фев. 1826 г. около Аральск. Мор.	45°36'41"	76°19'16"	Леммъ 1823 г. <i>Лун.</i> <i>разстоян.</i> Бутаковъ 1848 —
26	Мысъ Узунъ-Каиръ.	45°46'3"	76°57'20"	49 г. <i>Хроном.</i>
27	Озеро Айсерикъ.	45°58'44"	79°38'35"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
28	Топографическая точ- ка.	45°49'25"	79°55'17"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
29	Р. Сыръ-Дарья.	45°45'8"	80°0'5"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
30	Уроч. Майли - Башъ на р. Сыръ-Дарья.	45°48'11"	80°17'0"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
31	Уроч. Кара-Тюбя на р. Сыръ-Дарья.	45°42'0"	.	Тафасевъ 1820 г.
32	Лагерь Берга 28 янв. 1826 г.	44°58'50"	.	Леммъ 1826 г.
33	Лег. Берга 30 янв. 1826 г. близъ Арал. Моря.	44°56'17"	.	Леммъ 1826 г. Бутаковъ 1848 —
34	Мысъ Акъ-Тумеукъ.	44°36'1"	75°58'23"	49 г. <i>Хроном.</i> Бутаковъ 1838 —
35	Остр. Бедлинггаузенъ	44°35'35"	76°35'47"	49 г. <i>Хроном.</i>
36	Южная бухта остров. Николай.	44°59'4"	76°56'30"	49 г. <i>Хроном.</i> Бутаковъ 1848 —
37	Мысъ Кунганъ - Сап- данъ.	44°52'43"	79°26'20"	49 г. <i>Хроном.</i>
38	Уроч. Каракъ на р. Куванъ-Дарья.	44°52'3"	.	Тафасевъ 1820 г. Бутаковъ 1848 —
39	Мысъ Акъ-Суатъ.	43°42'41"	76°1'42"	49 г. <i>Хроном.</i> Бутаковъ 1848 —
40	Остр. Ермоловъ.	43°43'23"	77°58'6"	49 г. <i>Хроном.</i>
41	Бухара.	39°48'41"	.	Тафасевъ 1820 г.
		39°43'41"	.	Борнсъ 1832 г.
		39°46'0"	.	Стодартъ и Н. Ха- ныковъ 1844 г.
42	Мирабадъ.	39°21'54"	.	Борнсъ 1832 г.
43	Чаджуй.	39°0'30"	.	Борнсъ 1832 г.
44	Бульгое.	38°39'21"	.	Борнсъ 1832 г.
45	Хорошо.	37°6'55"	74°35'36"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
46	Товаръ.	37°18'27"	74°40'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
47	Фирузе.	37°21'35"	75°1'36"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Фер- ро.	Имя наблюдателя, время наблюденія, способъ опредѣле- нія долготы.
48	Буджнурдъ.	37°29'25"	74°53'59"	Фрязеръ 1832 г. <i>Хрон.</i>
		37°29'43"	75° 6'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
49	Ширванъ	37°24' 6"	75°42' 6"	Леммъ 1839 г. <i>Лун. кульм.</i>
50	Кабушанъ	37° 9' 5"	75°55'53"	Фрязеръ 1822 г. <i>Хрон.</i>
		37° 8' 4"	76°10'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
51	Ходжа-Абдула . . .	37°36'45"	.	Борнсъ 1832 г.

Но затѣмъ остается цѣлая полоса между $39\frac{1}{2}^{\circ}$ и $43\frac{1}{2}^{\circ}$, т. е. въ 400 верстъ ширины, на пространствѣ которой нѣтъ ни одного астрономическаго опредѣленія, не только долготы, но даже и широты мѣстъ. Между тѣмъ, въ этой полосѣ лежитъ вся съемка Хивинскаго Ханства и здѣсь же оканчиваются, именно у Хивы, почти всѣ имѣющіеся маршруты; а потому хотя они и начинаются отъ астрономическихъ пунктовъ, но необходимо, для окончательной постановки съемки и маршрутовъ, опредѣлить положеніе Хивы.

На изданныхъ, въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, картахъ, Хива поставлена подъ слѣдующими градусами.

Имена составителей картъ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Муравинъ 1741 года	40° 35'	78° 40'
Томсонъ 1741 года	38° 27'	80° 41'
Панснеръ 1816 года	40° 40'	77° 28'
Ароусмитъ 1818 года	41° 46'	75° 40'
Позняковъ 1825 года	40° 40'	77° 29'
Мейендорфъ 1826 года	41° 36'	78° 40'
Левшинъ 1831 года	41° 42'	78° 5'
Эйхвальдъ 1834 года	40° 30'	77° 40'

ИМЕНА СОСТАВИТЕЛЕЙ КАРТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Борнсъ 1834 года	41° 27'	76° 58'
Вильдъ 1839 года	41° 24'	77° 41'
Абботъ 1813 года	41° 40'	77° 40'
Гумбольдтъ 1843 года	41° 40'	77°
Циммерманъ 1844 года	41° 45'	77° 50'
Мурчисонъ 1845 года	41° 44'	77° 55'
Базинеръ 1848 года	41° 5'	77° 55'

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе положенія Хивы на картахъ, предшествовавшихъ Гумбольдтовой, какъ потому, что данныя, руководствовавшія прежнихъ картографовъ, неизвѣстны, такъ и по весьма вѣроятной произвольности ихъ образъ дѣйствій. Постановка Хивы на картахъ, изданныхъ послѣ 1840 года, зависѣла отъ выбора двухъ различныхъ указаній на этотъ счетъ, сдѣлавшихся извѣстными въ то время. Съ одной стороны, розысканія и соображенія, произведенныя въ Оренбургѣ до поѣздокъ Пикифорова и Данилевскаго въ Хиву, укоренили тамъ мнѣніе, что означенный городъ долженъ лежать подъ 41° 5' сѣверной широты и 77° 55' долготы отъ Ферро. Съ другой стороны, Абботъ и Шекспиръ, посѣщавшіе Хиву, присвоили ей широту 41° 20'; Ароусмитъ же въ картѣ, приложенной къ путешествію Аббота, принявъ, неизвѣстно почему, для Хивы 41° 40' сѣверной широты и 77° 40' долготы отъ Ферро.

Оренбургское опредѣленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Европѣ изъ маленькой карты, сообщенной Генералъ - Адъютантомъ Перовскимъ Александру Гумбольдту въ 1842 году, принято безусловно г. Базинеромъ; опредѣленіе же Ароусмита перешло на карту Барона Гумбольдта, только съ уменьшеніемъ долготы на 40'. Циммерманъ, который въ текстъ своего разсужденія склоняется въ пользу показаній Аббота и Шекспира, на приложенной къ этому разсужденію картѣ показываеъ Хиву подъ 41° 45' широты и 77° 55' долготы, т. е. допускаетъ среднее число между оренбургскимъ и англійскимъ показаніями.

Основаніемъ первому служили главнымъ образомъ два маршрута, Муравина и Муравьева. — Первый весьма подробенъ

дать румбы всехъ направленийъ пути; но неизвѣстно, какимъ способомъ измѣрялись разстоянія.

У Муравьева также даны румбы перваго пути; но измѣреніе его основано на разсчетѣ верблюжьяго хода, который принимается за 4 версты въ часть; тотъ же разсчетъ принять и Макартисемъ. Но уже Вольней опредѣлялъ часовой ходъ верблюда въ 3 съ небольшимъ версты; Борнсъ же, дѣлавшій по сему предмету подробныя изслѣдованія, нашелъ, что верблюдъ караваннымъ ходомъ дѣлаетъ въ часъ не болѣе 3 версты 142 сажень. По этимъ соображеніямъ, всѣ разстоянія Муравьева нужно сократить по крайней мѣрѣ на 350 саж. для каждыхъ 4 верстъ, что первоначально не принималось въ разсчетъ.

Относительно же примѣненія маршрута Муравина, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, по чрезмѣрной длинѣ своей, можетъ служить нѣкоторымъ руководствомъ къ опредѣленію Хивы только отъ Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, когда въ Оренбургѣ посредствомъ этого маршрута отыскивали положеніе Хивы, на нижнихъ частяхъ Сыра имѣлась только широта урочища Кара-Тюба, новѣйшія же, точныя опредѣленія устьевъ этой рѣки еще не были сдѣланы.

Посему Оренбургское предположеніе о широтѣ и долготѣ Хивы, принятое Базинеромъ, *не имѣетъ прочнаго основанія.*

Что касается до англійскаго опредѣленія, то широта въ немъ, показанная Абботомъ, основана на приблизительномъ исчисленіи лошадинаго хода отъ Мерва; долгота же, равно какъ измѣненіе широты, допущенное Ароусмитомъ, *досель ничемъ не оправданы.*

Для опредѣленія положенія Хивы, я имѣлъ пять *глазomъ при снятыхъ маршрутовъ къ этому городу отъ астрономическихъ пунктовъ*, именно: отъ устьевъ Сыръ-Дарьи при урочищѣ Аманъ-Уткуль, отъ Ново-Александровскаго укрѣпленія (коего широта опредѣлена Карелинымъ), отъ Сарайчиковской крѣпости, отъ Мыса Аксуата чрезъ Айбугиръ и отъ того же мыса чрезъ Кунградъ.

Главнымъ основаніемъ принять мною *последній маршрутъ*, какъ кратчайшій и прямѣйшій. При этомъ получены для Хивы: широта та же, что у Ароусмита, т. е. $41^{\circ} 40'$; но долгота на 1° восточнѣе, а именно $78^{\circ} 40'$ отъ Ферро, т. е. выводъ почти одина-

новой съ положеніемъ, даннымъ сему городу Муравинимъ въ 1742 г. и Лапи въ 1826 г., на картѣ къ путешествію г. Мейендорфа.

Между Хивою и южнымъ берегомъ Арала расположена имою вся рекогносцировка Ханства, въ томъ видѣ, какъ она имѣется, и къ означенному же городу сведены всѣ маршруты.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	страниц.
I. Отчетъ Общества за 1849 годъ	1.
II. Описаніе Аральскаго моря, Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана <i>Макшеева</i>	30.
III. Описаніе Хивинскаго Ханства, Генеральнаго Штаба полковника Данилевскаго	62.
IV. Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, доставленныя отъ Генераль-Губернатора Западной-Сибири .	140.
V. Обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, Корпуса Топографовъ капитана <i>Максимова</i>	154.
VI. Нѣсколько климатическихъ данныхъ, относящихся къ городу Харькову , Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета <i>Липина</i>	199.
VII. Второе присужденіе статистической преміи, учрежденной коммерціи-сѣтъникомъ Жуковымъ	230.
VIII. Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго Моря и Хивинскаго Ханства, съ ихъ окрестностями, составленная <i>Я. В. Ханыковымъ</i> . (Д.Ч.О.)	268. <

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПОПОВА,

ДѢЙСТВ. ЧЛЕНА ИМП. РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

1852.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 1859 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СВѢДѢНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ IX, X, XI И XII СТОЛѢТІЯХЪ ДО 1100 ГОДА.

Географическія свѣдѣнія на Руси начались едва ли не въ одно время съ преданіями историческими. Несторъ, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ лѣтописцевъ, уже на первыхъ листахъ своего повѣствованія представляетъ многія географическія свѣдѣнія, которыя онъ ни откуда не могъ почерпнуть, какъ только изъ домашнихъ, отечественныхъ источниковъ, и которыя ясно показываютъ, что наши предки о памяти о самихъ себѣ не отдѣляли воспоминаній какъ о своей землѣ, такъ и о другихъ странахъ, извѣстныхъ имъ по слуху, или какъ очевидцамъ. Иначе сказать: на Руси, въ древнее время, преданія историческія, въ памяти народа, шли рука-объ-руку съ преданіями географическими. Въ этомъ отношеніи наши предки, нѣкоторымъ образомъ, походили на древнихъ Грековъ, у которыхъ Геродотъ былъ первымъ историкомъ и первымъ географомъ. Въ нашемъ народѣ, осѣломъ и въ то же время странствующемъ, то для завоеваній, то для торговли, это и не могло быть иначе: осѣлость вызывала въ немъ любовь къ родной землѣ, привязанность къ ней и желаніе узнать ее поближе, торговля и военныя странствованія развивали любопытство и охоту къ познанію другихъ странъ. Странникъ, возвращаясь домой, рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ на чужбинѣ. Разказы сіи, необходимыя для новыхъ странствованій, быстро распространялись въ народъ и мало-по-малу составляли народныя географическія преданія, которыя, постепенно возобновляемыя и разширяемыя новыми странствователями, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и потомъ, вмѣстѣ съ историческими преданіями, вносились лѣтописцемъ въ его сказанія.

Лучшимъ и наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ сему служить Несторова Лѣтопись, которая прямо начинается историко-географическими преданіями о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя; здѣсь извѣстія географическія, съ перваго же разу, распадаются на два отдѣла: на иноземный и отечественный, домашній. О странахъ, неизвѣстныхъ нашимъ древнимъ предкамъ, Несторъ черпаетъ свѣдѣнія изъ Греческихъ Хронографовъ; страны же, болѣе или менѣе знакомыя древней Руси, описываетъ по своимъ домашнимъ источникамъ: по преданіямъ и рассказамъ бывалыхъ людей. Въ настоящее время мы оставимъ въ сторонѣ первый отдѣлъ, до насъ неотносящійся, и пересмотримъ второй, свидѣтельствующій, какія географическія свѣдѣнія Несторъ могъ получить дома, не прибѣгая къ Греческимъ книгамъ.

Исчисливъ разныя страны по Греческимъ Хронографамъ, Несторъ во второмъ отдѣлѣ своихъ географическихъ извѣстій говоритъ: «Афету же яшась до Понетскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкаскіи горы рекше Угорски, и отудѣ даже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симву. Въ Афетовѣ же части сѣдять: Русь, Чудь и вси языцы: Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимьгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляховѣ же и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симва, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски; Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свели, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичано, Волхъва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденю и сѣсѣдаться съ племянемъ Хамовымъ»⁽¹⁾: Ни одного изъ сихъ извѣстій Несторъ не могъ получить отъ Грековъ, ибо о многомъ, здѣсь описанномъ, они вовсе не знали, а многое называли не такъ, какъ названо здѣсь. Несторъ же, кромѣ Грековъ, не имѣлъ другихъ чужеземныхъ источниковъ; слѣдовательно всѣ географическія свѣдѣнія, здѣсь имъ изложенныя, почерпнуты на Руси отъ Русскихъ бывалыхъ людей; свѣдѣнія же сіи болѣе или

⁽¹⁾ Лавр. стр. 2. Полн. Собр. Лѣт. Т. I.

менѣе объемлютъ не только Россію, но и всю Европу. И такъ Русскіе въ XI вѣкѣ, а вѣроятно и прежде, знали всю Европу; но знаніе сіе было, такъ сказать, береговое, т. е. Русскимъ были знакомы только берега Европы отъ Балтійскаго до Чернаго Моря; внутренность этой страны имъ была мало извѣстна, какъ это уже довольно ясно видно изъ выше приведеннаго Несторова очерка, гдѣ преимущественно означены только береговые народы: Прусы, Чудь, Варяги, Свен, Урмане, Готы, Русь, Агняне и проч. Но это еще осязательнѣе доказывается слѣдующимъ Несторовымъ же описаніемъ пути въ Грецію и изъ Греціи: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вѣтечетъ въ озеро великое Нево, того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царюгорода прити въ Понтъ море, въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка» (*). И такъ настоящій и главный источникъ географическихъ свѣдѣній о Европѣ для древней Руси заключался въ морскомъ пути въ Грецію около береговъ цѣлой Европы. И этотъ путь былъ самый древній, его указали нашимъ предкамъ Норманны, у которыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ *austur-vígi* и *vester vígi*. Слѣдовательно географическія свѣдѣнія о береговой Европѣ распространились у насъ съ водвореніемъ Варяговъ или Норманновъ сперва въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, и дошли до Нестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ записалъ въ своей лѣтописи прямо изъ устъ народа, у котораго они не умирали, постоянно время отъ времени возобновляясь разсказами новыхъ странствователей, которые, можетъ быть до половины XII вѣка, не переставали кружить по морямъ, проѣзжая изъ Россіи въ Грецію, или изъ Греціи черезъ Россію къ берегамъ Балтійскаго Моря. Она даже съ водвореніемъ Варяго - Руссовъ на Русь успѣли отыскать себѣ и другой путь по Западной Двинѣ, о которомъ также есть свидѣтельство у Нестора: «Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова» (*). И такъ, основываясь на ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствахъ Нестора, мы, не обинуясь, можемъ

(*) Лавр. стр. 3. (*) Тамъ же.

сказать, что Русскіе въ XI, а можетъ быть и въ IX вѣкѣ, имѣли географическія свѣдѣнія о приморскихъ берегахъ всей Европы, и даже знаемъ вѣрно, что свѣдѣнія сіи приобрѣтались именно морскими путешествіями въ Грецію, которыя нашимъ предкамъ указаны поселившимися на Руси Норманнами или Варягами, отчаянными морскими странствователями въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Но не одна береговая Европа была знакома древнимъ Руссамъ; они посѣщали и предѣлы Азіи, и также оставили нѣкоторые географическія замѣтки о сей странѣ, о чемъ ясное свидѣтельство тоже находимъ у Нестора, который, описывая теченіе Волги, говоритъ: «Изъ того же (Оковскаго) лѣса потече Волга на востокъ и втечетъ семьдесятъ жерель въ море Хвалыское. Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалысы, на востокъ дойти въ жребій Симовъ» (*). Что это извѣстіе чисто Русское, домашнее, а не заимствованное гдѣ набудь, изъ другихъ или третьихъ рукъ, на это мы имѣемъ ясныя свидѣтельства у Арабскихъ писателей: Якутъ, въ своемъ географическомъ словарѣ, приводитъ отрывки изъ донесеній Ибнъ-Фозлана, изъ которыхъ видно, что въ X вѣкѣ въ Хазарской столицѣ Итилѣ, стоявшей при устьяхъ Волги, находились цѣлыя слободы Русскихъ купцовъ. А Истахри даже говоритъ, что Руссы плавали по самому Каспійскому морю и въ первые годы X вѣка ограбили Ширванъ, притомъ очевидно были тамъ не мимоходомъ, ибо у Ширванскихъ береговъ сообщали свое имя одному острову, который въ X вѣкѣ у Арабскихъ писателей и былъ извѣстенъ подъ именемъ *Джезиретъ аль-Русіе*.

Съ географическимъ извѣстіемъ о теченіи и устьяхъ Волги неразрывно соединены свѣдѣнія о Волжскихъ Булгарахъ, Буртасахъ, Хозарахъ и Хвалысахъ; ибо если Руссы въ X вѣкѣ плавали по Волгѣ и Каспійскому морю и торговали въ Булгарѣ и Итилѣ, то необходимо должны были имѣть какія либо географическія свѣдѣнія и о тамошнихъ странахъ. Но Несторъ объ этомъ говоритъ нѣсколько позднѣе, а потому и мы не считаемъ себя въ правѣ забѣгать напередъ, и обратимся къ географическимъ извѣстіямъ о самой Россіи и о Черномъ Морѣ, упоминаемымъ у Нестора въ IX столѣтіи. По свидѣтельству Нестора,

(*) Лавр. стр. 3.

какъ мы уже видѣли въ вышеприведенной выпискѣ изъ его лѣтописи, Русскіе знали устья Дуная и теченіе Днѣстра, Днѣпра, Десны, Припяти, Двины, Волхова и Волги. Потомъ въ другомъ мѣстѣ онъ же упоминаетъ о теченіи Полоты, Семи, Сулы, Ловати, о Сожѣ, Окѣ и Бугѣ, а также объ озерахъ: Бѣлоозерѣ, Ильмерѣ, Невѣ и Клецнѣ. И не ограничивается однимъ упоминаніемъ названій, но съ нѣкоторыми подробностями указываетъ на поселенія и города разныхъ племенъ, жившихъ по берегамъ сихъ рѣкъ и озеръ. Такъ, по его свидѣтельству, по Дунаю, Бугу и Днѣстру даже до Чернаго Моря жили Дулебы, Вельняне, Улучи и Тиверци. «Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне, а Улучи и Тиверци сядяху по Днѣстру, присѣяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдаху по Днѣстру ои до моря, суть гради ихъ и до сего дне» (*). А по Днѣпру, Припяти, Двинѣ и Ильменю жили Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане и Славяне Ильменскіе. «Также и ти Словяне пришедше и сѣдаше по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзіи сѣдоша между Припятью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; нѣи сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота. Славяне же сѣдоша около озера Ильмера, прозвашася своимъ именемъ, и сѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ» (*). Слѣдуя въ верхъ по Двинѣ Несторъ доходитъ до верховьевъ Волги и Днѣпра и указываетъ на жилища Кривичей. «Кривичи сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи» (*). Далѣе, перебравшись на лѣвый берегъ Днѣпра, онъ говоритъ о поселеніяхъ по Деснѣ, Семи, Сулѣ, Сожѣ и Окѣ. «А друзіи (Словѣни) сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ» (*). «Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Бясто бо два брата въ Лясахъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедша сѣдоша: Радимъ на Сѣзю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣдѣ съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи» (*). Потомъ, идя по теченію Оки въ Волгу, указываетъ на жилища Муромы, Черемисы и Мордвы. «По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромы языкъ свой, и Черемиса свой языкъ, Мордва свой языкъ» (*). Перешедши на лѣвый берегъ Оки къ сѣверу, онъ указываетъ жилища Мери и

(*) Лавр. стр. 5. (*) Тамъ же 3. (7) Тамъ же 5. (*) Тамъ же 3. (*) Тамъ же 5. (10) Тамъ же.

Веси: «на Бѣлоозерѣ сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, и на Клепичѣмъ озерѣ Меря же». ⁽¹¹⁾ И далѣе въ глубокомъ сѣверѣ и на западъ къ Балтійскому Морю находитъ поселенія Перми, Печоры, Ями, Литвы, Зимоголы, Корси, Норовы и Либи: «А се суть нинѣ языци, пже дань дають Руси: Чудь, Пермь, Ямь, Литва, Зимогола, Корсь, Норова, Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живуть въ странахъ полувоцныхъ ⁽¹²⁾».

Всѣ сія географическія свѣдѣнія собственно о земляхъ, бывшихъ въ соединеніи съ Русью, очевидно были народными преданіями, хорошо извѣстными Русскимъ племенамъ Славянъ еще въ IX вѣкѣ; ибо Несторъ говоритъ о нихъ въ самомъ началѣ своего повѣствованія, еще не приступая собственно къ Русской исторіи, которая у него начинается съ призванія Варяжскихъ князей въ 862 году. Но не объ однихъ своихъ земляхъ знали Русскія племена Славянъ; между ними ходили географическія свѣдѣнія о жилищахъ и другихъ Славянскихъ племенъ. Такъ, по свидѣтельству того же Нестора, они знали о жилищахъ Дунайскихъ Славянъ, о Моравіи, Чехіи, Сербіи, о Хорватахъ, Хорутанахъ и Ляхахъ. «По мнозѣхъ временѣхъ сѣли суть Словени по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска, отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше на рѣцѣ именовемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хорвате Бѣли, и Серебъ и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскіи, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове же друзіи Лутичи, нини Мозовшане, нини Помаряне ⁽¹³⁾».

Начавши собственно Русскую исторію съ 862 года, Несторъ приводитъ частію новыя географическія свѣдѣнія, заимствованныя собственно изъ домашнихъ источниковъ, частію повторяетъ прежнія. Такъ, при Рюрикѣ, говоритъ о городахъ: Ладогѣ, Новгородѣ, Изборскѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлоозерѣ, Муромѣ и Кіевѣ. «И избрашася 3 братья съ роды своими и приидоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Ладогѣ, а другій Синегусъ на Бѣлоозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворѣ,—и раздая мужемъ своимъ

¹¹⁾ Лавр. стр. 5. ¹²⁾ Тамъ же ⁽¹³⁾ Лавр. стр. 3.

грады, оному Полоцескѣ, оному Ростовѣ, другому Бѣлоозеро: И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а первімъ населенцы въ Новѣгородѣ Словѣне, Полоцкѣ Кривичи,» и пр. ⁽¹¹⁾. При Олегѣ у него являются еще новыя извѣстія о Русскихъ городахъ; такъ, при описаніи Олегова похода къ Кіеву, кромѣ Смоленска упоминается Любечъ, стоявшій на Днѣпрѣ ниже Смоленска; потомъ, при заключеніи мира съ Греками, говорится о городахъ Черниговѣ и Переяславѣ ⁽¹²⁾. Далѣе, при Игорѣ, говоритъ о новыхъ кочевьяхъ Печенѣговъ въ степяхъ, прилежащихъ къ Черному Морю и Дунаю; о морскомъ пути Руссовъ въ Константинополь по Днѣпру и, придерживаясь западныхъ береговъ Чернаго Моря, мимо устьевъ Дуная ⁽¹³⁾. И наконецъ, въ договорѣ съ Греками, упоминаетъ о Корсунской странѣ, объ устьяхъ Днѣпра и вообще о сѣверномъ берегѣ Чернаго Моря и близъ-лежащихъ островахъ. «А о Корсунѣй странѣ: елико же есть городовъ на той части, да не имать Великій Князь Русскій, да воюетъ на тѣхъ странахъ Аще обрящеть въ устьѣ Днѣпрскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустѣ Днѣпра, Бѣльбережи, ни у святаго Елѣрья» ⁽¹⁴⁾. Рассказывая о княженіи Ольги, Несторъ входитъ въ нѣкоторыя географическія подробности, преимущественно о Русской землѣ; такъ, напримѣръ, говоря о посольствѣ Древлянъ, довольно отчетливо описываетъ мѣстность Кіева: «и пристаща (послы) подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текуща вдоль горы Кіевскія, и на Подолъи не сѣлаху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордѣтинъ и Никифоровъ, а дворъ княжъ баше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чудинъ, а перевѣснищи бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другыи, идеже есть дворъ Демьстиковъ, а за св. Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ» ⁽¹⁵⁾. Говоря о походѣ Ольги въ Древлянскую землю, упоминаетъ, что тамъ были города, изъ которыхъ главный называетъ Коростенемъ; потомъ, рассказывая о дани, наложенной на Древлянъ, говоритъ, что часть этой дани должна идти Вышгороду; и наконецъ, описывая путешествіе Ольги по областямъ, сообщаетъ по-

⁽¹¹⁾ Лавр. 9. ⁽¹²⁾ Лавр. 13. ⁽¹³⁾ Лавр. 19. ⁽¹⁴⁾ Лавр. 22. ⁽¹⁵⁾ Лавр. 23.

вые географическія свѣдѣнія о Новгородской сторонѣ, указывая на тамошнія рѣки Мсту и Лугу и на Новгородскій пригородъ Псковъ: «Иде Волга Новугороду и уставы по Мьстѣ повосты и дани, и по Лугѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне ⁽¹⁹⁾.»

Въ княженіе Святослава у Нестора преимущественно встрѣчаются географическія свѣдѣнія о земляхъ, бывшихъ внѣ предѣловъ тогдашней Руси, и особенно на юговостокъ и на югозападъ. На юговостокъ свѣдѣнія его идутъ вслѣдъ за походами Святослава къ Дону, гдѣ былъ Казарскій городъ Бѣлая Вѣжа, и къ Кавказскимъ Горамъ, гдѣ жили Ясы и Касоги: «Иде Святославъ на Казары . . . и бывши брани одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя; Ясы побѣди и Касоги» ⁽²⁰⁾. На югозападѣ, при описаніи Святославова похода въ Дунайскую Болгарію, встрѣчаются новыя географическія извѣстія о Днѣпровскихъ порогахъ, которые въ это время были заняты Печенѣгами, и о Болгарскихъ городахъ Переяславцѣ на Дунаѣ и Доростолѣ. Но особенно много географическихъ свѣдѣній сообщаетъ Несторъ при описаніи княженія Владиміра Святославича, и преимущественно о чистотѣ Русскихъ мѣстностяхъ. Такъ мы у него въ это время находимъ много мѣстныхъ подробностей о Кіевѣ; напримѣръ, во время войны Владиміра съ Ярополкомъ, онъ говоритъ о предмѣстьяхъ Кіева Дорогожичи и Капичѣ, о теремномъ дворѣ Святослава и о городѣ Ролнѣ, стоявшемъ при устьѣ Роси; а по занятіи Кіева упоминаетъ о Кіевскихъ пригородахъ: Бѣлгородѣ (въ 10 верстахъ отъ Кіева небольшой городъ, какъ сказано въ повѣсти объ ослѣпленіи Василько, стр. 110). Вышгородѣ, Василевѣ и о городахъ, выстроенныхъ Владиміромъ по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ и о селахъ Берестовомъ и на Лыбеди; а при описаніи крещенія Кіевлянъ, о Боричевскомъ берегѣ, о которомъ впрочемъ онъ говорилъ еще прежде, при разсказѣ о построеніи Кіева, равно какъ и о Кіевскихъ горахъ Щековицѣ и Хоревцѣ. А также подробно объясняетъ западные предѣлы тогдашней Руси, гдѣ у него въ это время упоминаются города Туровъ, Перемышль,

⁽¹⁹⁾ Лавр. 25. ⁽²⁰⁾ Лавр. 27.

Червень, Владиміръ Волинскій и земля Лтваговъ; кромѣ того, въ это же время въ первый разъ упоминается о Тмутаракани, гдѣ, при раздачѣ владѣній сыновьямъ Владиміра, посаженъ былъ княземъ Метиславъ. При описаніи Ярославова княженія во первыхъ у Нестора упоминаются въ первый разъ Алты и Смядынь, на которыхъ были убиты Борисъ и Глѣбъ, первая на югъ отъ Кіева, а вторая подъ Смоленскомъ; потомъ онъ упоминаетъ о городѣ Берестѣ, на границахъ между Русью и Ляхами, куда бѣжалъ Святополкъ, разбитый на Алтѣ; далѣе, о рѣкѣ Судомъри, на дорогѣ между Новгородомъ и Полоцкомъ, гдѣ Ярославъ разбилъ Брячислава Полоцкаго, шедшаго съ добычею изъ Новгорода. Подъ 1024 годомъ указываетъ на Суздаль и Камскую Болгарію, о которой впрочемъ говорилъ и прежде, но не указывая, въ какомъ краю она находилась; здѣсь же прямо пишетъ, что изъ Суздаля въ Болгарію должно идти Волгою: «Въ се же лѣто всташа Вольсви въ Суждали . . . Бѣ шятсѣжъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито» ⁽²¹⁾. И наконецъ, говоря о походахъ Ярослава на западъ, упоминаетъ о городахъ Бѣльзѣ и Юрьевѣ или нынѣшнемъ Дерптѣ, который построенъ Ярославомъ послѣ покоренія прибалтійской Чуди ⁽²²⁾; а при описаніи послѣдней битвы съ Печенѣгами въ 1036 году, въ первый разъ встрѣчается извѣстіе о рѣкѣ Сетомли.

Повѣствуя о событіяхъ, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, Несторъ постепенно распространяется въ географическихъ подробностяхъ о тогдашней Руси и частію о сосѣднихъ съ нею странахъ. Такъ, въ первый же годъ по смерти Ярослава, онъ упоминаетъ о Торкахъ, жившихъ на югъ отъ Переяслава и Кіева ⁽²³⁾, и Половцахъ, жившихъ на югъ и юго-востокъ отъ Кіева, изъ коихъ первые упоминались еще при Владимірѣ, а вторые только что заняли мѣста Казаръ и Печенѣговъ и въ 1066 году сдѣлали первый набѣгъ на приднѣпровье со стороны Алты и разбили тамъ Русскихъ князей, и потомъ, въ томъ же году, воевали у Чернигова и потерпѣли поражение у Сновска, гдѣ многіе потонули въ волнахъ рѣки Снови ⁽²⁴⁾. Изъ его описанія похода Русскихъ князей на Половцовъ въ 1103 году, видно, что кочевья Половецкія доходили до Днѣпра, ниже пороговъ за Хортицкимъ островомъ и за Сутенью,

⁽²¹⁾ Лавр. 64. ⁽²²⁾ Тамъ же. ⁽²³⁾ Лавр. 81. ⁽²⁴⁾ Лавр. 74.

можетъ быть, вплоть до Черноморскаго берега, и между ними еще оставались вежи Печенѣговъ и Торковъ, которыя въ этомъ походѣ были покорены Русскими князьями ⁽²¹⁾. Въ разсказѣ о набѣгѣ Половцовъ на Переяславль, въ 1108 году, другія кочевья Половецкія являются за Сулою и Хороломъ ⁽²²⁾; а подъ 1109 годомъ указывается на Донъ, какъ на главное мѣстопробываніе Половцовъ ⁽²³⁾. Такимъ образомъ, изъ географическихъ свѣдѣній о Половцахъ, сообщаемыхъ Несторомъ, мы видимъ, что кочевья Половецкія въ концѣ XI и началѣ XII вѣка были разбросаны по всѣмъ степямъ на востокъ отъ Сулы и Хоролы, можетъ быть далеко за Донъ и Волгу, тамъ, гдѣ въ IX и X вѣкахъ жили Хазары и Буртасы; а на югъ отъ Сутени и Хортацы, внизъ по Днѣпру, до Чернаго Моря, въ прежнихъ жилищахъ Печенѣжскихъ. Сообщивши столь важныя въ географическомъ отношеніи свѣдѣнія о соседнихъ съ Русью странахъ на югъ и востокъ, Несторъ представляетъ не менѣе важное по времени географическое извѣстіе о странахъ глубокаго Сѣвера, частію сопредѣльныхъ съ тогдашней Русью. Это извѣстіе заключается у него въ помѣщенномъ подъ 1092 годомъ вводномъ разсказѣ одного Новгородца, Гюраты Роговича, который говорилъ ему такъ: «Яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и отутуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: дивно мы находимъ чюдо, его же нѣсмь слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, нмъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися, а въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молятъ, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и поминають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же недоходимъ ихъ всегда, есть же и подале на полунощи ⁽²⁴⁾». Изъ этого замѣчательнаго географическаго разсказа мы видимъ, что границы Новгородскихъ владѣній

⁽²¹⁾ Лавр. 118—119. ⁽²²⁾ Тамъ же, 120. ⁽²³⁾ Тамъ же, 121. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 107.

простирались на сѣверовостокъ за рѣку Печору и до моря; за ними слѣдовали въ глубокомъ Сѣверѣ Югры и Самоѣды, жившіе тамъ, гдѣ они и теперь живутъ; потомъ, далѣе на сѣверовостокъ къ Лукоморью и Каменному поясу, можетъ быть, до Обской Губы или даже далѣе за Обь, а скорѣе за Карскій Заливъ, какъ выражаетъ Несторъ: зайдуче луку моря, лежали страны, уже въ XI и XII вѣкѣ посѣщаемыя, ежели не самими Новгородцами, то по крайней мѣрѣ бывшими съ ними въ восточныхъ сношеніяхъ Самоѣдами и Югрою, которые сообщали Новгородцамъ, хотя темныя и даже баснословныя свѣдѣнія о всѣхъ сихъ странахъ, но изъ нихъ впрочемъ уже видно, что въ той сторонѣ лежали высокія горы, путь къ нимъ былъ загороженъ пропастью, лѣсами и глубокимъ снѣгомъ, такъ, что сами Самоѣды не всегда доходили туда, но тѣмъ неменѣе знали, хотя по слухамъ, что и за ними горами были еще земли въ глубокомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ, Русскіе въ XI и XII вѣкахъ такъ далеко заходили на сѣверъ, какъ въ то время не заходилъ ни одинъ Европейскій народъ, ни даже отчаянные мореходы Норманны, и на столько знали глубокой сѣверъ Азіи, на сколько онъ не былъ извѣстенъ никому въ Европѣ, даже нѣсколько вѣковъ поздиѣе. Сообщаемыя здѣсь Несторомъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ еще въ XVI вѣкѣ были совершенною новостію для Герберштейна и для всей Европы, какъ это видно изъ извѣстнаго его сочиненія *Commentarii Moscoviticarum, regum* гдѣ онъ сообщаетъ въ Латинскомъ переводѣ чисто Русское извѣстіе о пути къ Печорѣ, Югрѣ и Оби (*Itinerarium ad Poeszorum, Jugariam et Obiusque Fluvium*). Лѣтопись Нестора въ XII вѣкѣ была уже хорошо извѣстна въ большей части тогдашней Россіи, слѣдовательно, у Русскихъ того времени географическія свѣдѣнія о глубокомъ сѣверѣ Европы и Азіи были обширнѣе и вѣрнѣе, нежели у всѣхъ тогдашнихъ Европейцевъ, а Новгородцы, постоянно, годъ отъ году далѣе, проникая въ этотъ край, вѣроятно въ это же время имѣли уже свѣдѣнія болѣе полныя, нежели какія сообщены здѣсь Несторомъ; но мы пока еще не открыли источниковъ, которыми бы можно было повѣрить и опредѣлить это вѣроятіе.—Далѣе у Нестора уже не встрѣчается географическихъ извѣстій о чуждыхъ странахъ, и потому обратимся къ тѣмъ географическимъ подробно-

стямъ собственно о Россіи того времени, которыя помѣщены въ его лѣтописи при разсказѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Ярослава до начала XII вѣка. Чтобы наше изложеніе представить въ большемъ порядкѣ и опредѣленнѣе, мы будемъ говорить по Несторовой лѣтописи о каждомъ краѣ тогдашней Руси отдѣльно, и начнемъ съ Полоцкаго княженія, которое у Нестора въ это время встрѣчается въ числѣ первыхъ.

При описаніи событій, относящихся къ Полоцкому и Смоленскому краю, Несторъ, подъ 1066 годомъ, во первыхъ, упоминаетъ о Минскѣ, тогдашнемъ пограничномъ городѣ Полоцкихъ владѣній; потомъ, за Минскомъ, по его разсказу, слѣдуетъ рѣка Немиза, — гдѣ по взятіи Минска былъ разбитъ Всеславъ Полоцкій — и далѣе рѣка Рша подъ Смоленскомъ, гдѣ Ярославичи измѣннически схватили Всеслава ⁽²⁰⁾. Подъ 1092 годомъ, говорятъ о Полоцкомъ пригородѣ Дрютьскѣ ⁽²¹⁾, гдѣ нибудь неподалеку отъ нынѣшняго Могилева, на берегахъ рѣки Друца, между Днѣпромъ и Березиною. Нѣсколько прежде, подъ 1071 годомъ, Несторъ упоминаетъ еще объ одномъ Полоцкомъ пригородѣ Голотичскѣ, у котораго Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміро - Волынской и Туровской, побѣдилъ въ этотъ годъ Всеслава, князя Полоцкаго ⁽²²⁾. Голотичскъ вѣроятно былъ гдѣ нибудь на югъ отъ Минска по теченію Березины, на границахъ Туровскихъ и Полоцкихъ владѣній, можетъ быть, гдѣ нынѣ Голынка, неподалеку отъ Свислочи, нѣсколько вправо отъ дороги изъ Турова въ Минскъ. Подъ 1074 г. упоминаетъ о Тороцкѣ ⁽²³⁾.

На югъ и западъ отъ Полоцкаго края идутъ страны Туровскія, Волынскія и Червенскія. Несторъ особенно представляетъ много подробностей о землѣ Волынской, гдѣ по смерти Ярослава у него встрѣчаются города Дорогобужъ, близъ нынѣшняго Ровна на Горыни, который въ 1084 году былъ отданъ Всеволодомъ Давыду Игоревичу; потомъ, подъ 1085 годомъ, упо-

⁽²⁰⁾ Лавр. 72. Немизою Несторъ не называетъ ли Березину, которой нельзя было миновать Ярославичамъ, идя отъ Минска къ Полоцку. Немизу же назвать какимъ либо городомъ никакъ нельзя, ибо въ словѣ о полку Игоревѣ прямо сказано: Немизѣ врозь брѣгѣ. ⁽²¹⁾ Лавр. 92.

⁽²²⁾ Тамъ же, 75. ⁽²³⁾ Тамъ же, 88.

минается Луческъ, лежавшій нѣсколько на юго-востокъ отъ Владимира-Волынскаго: изъ этого города въ 1085 году Ярополкъ Изяславичъ, преслѣдуемый Мономахомъ, бѣжалъ въ Ляхи. Въ слѣдующемъ году встрѣчаются Червенскіе города Звенигородъ и Перемышль; недалеко отъ перваго изъ нихъ въ этомъ году былъ убитъ Ярополкъ Изяславичъ, а второй въ то время принадлежалъ Рюрику Ростиславичу, къ которому бѣжалъ Ярополковъ убійца Нерадецъ. Подъ 1097 годомъ у Нестора упоминается о Теребоялѣ, также Червенскомъ городѣ, который въ это время принадлежалъ Васильку Ростиславичу ⁽²³⁾. Подъ 1100 годомъ встрѣчаются Волынскіе города Бужскъ, Дубенъ и Чарторыескъ, даваемые на Увѣitchьскомъ сѣздѣ Давыду Игоревичу, выведенному изъ Владимира-Волынскаго ⁽²⁴⁾. Бужскъ и теперь еще существуетъ въ Галиціи и лежитъ при Бугѣ, между Львовымъ и Бродами, прямо на югъ отъ Владимира-Волынскаго, а Дубенъ можетъ быть нынѣшній Дубно, на юго-востокъ отъ Луцка, между Луцкомъ и Кременцемъ; Чарторыскъ въ нынѣшнемъ Луцкомъ уѣздѣ, на сѣверовостокъ отъ Луцка.

Обращаясь къ востоку отъ Волынской земли, идетъ земля Кіевская и Переяславская. Несторъ объ этомъ краѣ, во второй половинѣ XI и въ началѣ XII столѣтія, сообщаетъ слѣдующія подробности. Подъ 1080 годомъ у него встрѣчаются Переяславскіе Торки ⁽²⁵⁾. Подъ 1084 годомъ городъ Олешье, внизъ по Днѣпру, даже за порогами. Упоминаніе объ Олешѣ нѣкоторымъ образомъ указываетъ, что все теченіе Днѣпра на югъ до впаденія его въ Черное Море принадлежало къ владѣніямъ Кіевского князя; ибо тогдашній Кіевскій князь Всеволодъ, желая выпроводить изъ Олешья ворвавшася туда Давыда Игоревича и захватившаго тамъ Греческихъ купцовъ, далъ ему, въ замѣнъ Олешья, Дорогобужъ. Или, если нельзя допустить, чтобы Кіевскія владѣнія такъ далеко простирались на югъ; то надобно согласиться, что Олешье было важнымъ торговымъ городомъ, ближайшимъ рынкомъ для торговли Кіева съ Греціею, состоявшимъ подъ покровительствомъ Кіевского князя; въ противномъ случаѣ, Всеволоду нѣ зачѣмъ бы было вызывать отсюда Русскаго же Князя Давыда Игоревича и въ замѣнъ Олешья отдавать ему свой городъ Дорогобужъ. Подъ

(23) Лавр. 109. (24) Тамъ же, 116. (25) Тамъ же, 87.

1092 годомъ у Нестора встрѣчаются города Пѣсоченъ и Перволока, на границахъ Половецкихъ ⁽¹⁰⁾. Первый на лѣвомъ берегу Суной, на югѣ отъ Переласлава, гдѣ нынѣ мѣстечко Песчаное, или можетъ быть на рѣкѣ Удаѣ, на лѣвомъ ея берегу, пониже Перволоки, гдѣ нынѣ мѣстечко Пески, неподалеку отъ Лубенъ; а второй нѣсколько на сѣверовостокъ отъ Переласлава, на одномъ изъ притоковъ рѣки Удаи. Въ слѣдующемъ году упоминаются города: Треполь, Желанъ, Торческъ и рѣка Стугна ⁽¹¹⁾. Всѣ сіи мѣста лежали на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева; именно: Треполь при впаденіи Стугны въ Днѣпръ, гдѣ нынче мѣстечко Треполье; Желанъ правѣ Треполя, ближе къ Кіеву, т. е. между Кіевомъ и Вышгородомъ; и наконецъ Торческъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Роси, съ лѣвой стороны. Этотъ городъ, по смыслу лѣтописи, былъ, кажется, главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ Торковъ, жившихъ по рѣкѣ Роси, и въ сіе время, вѣроятно, составлялъ пограничную крѣпость Кіевскихъ владѣній съ ниже-Днѣпровскою Половецкою стѣною и, должно быть, былъ укрѣпленъ довольно сильно, ибо въ 1093 году Половцы могли его взять только послѣ девяти-недѣльной осады. Подъ 1095 годомъ Несторъ упоминаетъ, по случаю нападенія Половцовъ на Поросье, о городахъ Юрьевѣ и Сятополчѣ ⁽¹²⁾. Юрьевъ очевидно принадлежалъ къ Торческимъ городамъ, расположеннымъ по сѣверному берегу Роси для отраженія или удержанія Половцовъ съ этой стороны; Сятополчъ же въ настоящемъ году построенъ былъ Сятополкомъ на Витичевомъ холму, что лежитъ на западномъ берегу Днѣпра, нѣсколько ниже Треполя, именно для поселенія Юрьевцовъ, которые бѣжали изъ своего города отъ Половцовъ, залѣтовавшихъ тогда въ Поросьѣ. Подъ 1096 годомъ упоминается городъ Зарубъ на Кіевской сторонѣ Днѣпра, противъ устья Трубежа, гдѣ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ бродъ черезъ Днѣпръ; по этому броду въ 1096 году Сятополкъ и Мономахъ перешли Днѣпръ и напали на Половцовъ, стоявшихъ за Трубежемъ ⁽¹³⁾. Кажется, Зарубъ также принадлежалъ къ Торческимъ и Берендейскимъ городамъ, построеннымъ для огражденія Кіевской области отъ набѣговъ Половецкихъ; ибо подъ 1105 годомъ въ лѣтописи сказано: «пришедъ Бонакъ змиѣ

(10) Лавр. 92. (11) Тамъ же, 94. (12) 97. (13) 98.

на Зарубѣ и побѣди Торки и Берендѣе» (*). Подъ 1098 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Городцѣ, неподалеку отъ котораго заключенъ былъ въ этомъ году миръ Мономаха, Давида и Олега съ Святополкомъ (**). Городецъ этотъ, вѣроятно, былъ нѣскольکو ниже Кіева на восточномъ берегу Днѣпра; ибо миръ сей былъ заключенъ именно тогда, когда Момахъ, съ своими союзниками шедшій отъ Переяслава, хотѣлъ броситься черезъ Днѣпръ для нападенія на Кіевъ. Далѣе, подъ 1101 годомъ, говорится о рѣчкѣ Золотчѣ, гдѣ тогда сошлись Русскіе князья противъ Половцовъ, и о городѣ Саковѣ, гдѣ заключенъ былъ миръ между Половцами и Русскими. Золотча течетъ на восточной сторонѣ Днѣпра, начинаясь выше Кіева и впадая нѣсколько ниже; городъ Саковъ также былъ на восточной сторонѣ Днѣпра, нѣсколько выше Канева: онъ, кажется, принадлежалъ, подобно Торческу и Зарубу, къ разряду городовъ пограничныхъ, построенныхъ для удержанія Половцовъ; около него жили Турпѣи (**). Подъ 1104 годомъ упоминается Зареческъ, около котораго тогда воевали Половцы и были разбиты воеводами Святополка, князя Кіевского (**). Зареческъ, вѣроятно, стоялъ на южномъ берегу Роси, и потому, въ отношеніи къ Кіеву, былъ за рѣкою; полагать сего Зареческа за Сулою нельзя, ибо тогда на защиту его приходили бы полки отъ Переяславскаго князя Мономаха, а не отъ Кіевского Святополка. Подъ 1107 годомъ встрѣчается въ Переяславскомъ княжествѣ городъ Лубре на рѣкѣ Сулѣ, куда доходили въ томъ году Половецкіе князья (*). Подъ 1110 годомъ, по случаю похода на Половцовъ, упоминается мѣстечко Воина, отъ котораго Русскіе князья воротились съ похода (*). По лѣтописи нельзя прямо указать, гдѣ именно была эта Воина; но, судя по ходу событій, вѣроятно гдѣ нибудь около Сулы, гдѣ и теперь еще существуютъ два мѣстечка подъ подобнымъ названіемъ: одно *Воинка*, за Сулою на востокъ, неподалеку отъ Лубенъ, а другое *Винское*, почти при устьѣ Сулы, на западномъ берегу.

На сѣверъ отъ Переяславскихъ владѣній идутъ страны Черниговская, Сѣверская, и далѣе на сѣверо-востокъ до Оки, земли Рязанская и Муромская, а далѣе за Окою на сѣверъ, обширная страна Суздальская. Несторъ, въ своей лѣтописи, рассказываетъ

(*) Лавр. 119. (**) Тамъ же, 116. (***) 141. (**) 119. (**) 126. (**) 121.

о событіяхъ по смерти Ярослава, сообщаетъ о всѣхъ сихъ странахъ слѣдующія подробности. Подъ 1064 и 65 годами онъ довольно опредѣленно говоритъ о Тмутаракани, которая въ это время принадлежала къ Черниговскимъ владѣніямъ; изъ его словъ видно, что Тмутаракань лежала въ сосѣдствѣ съ Козарамъ⁽⁴⁴⁾, неподалеку отъ Касоговъ и отъ Корсуни, и была въ близкихъ сношеніяхъ съ Греками, которые опасались храбраго Ростислава Владиміровича, Тмутараканскаго князя, и постарались сбыть его⁽⁴⁵⁾. Разказы Нестора о Тмутараканскихъ событіяхъ вообще чрезвычайно важны въ географическомъ отношеніи за XI вѣкъ: они, при помощи другихъ источниковъ, показываютъ, что сѣверный берегъ Чернаго Моря, и особенно Крымскій Полуостровъ и прилежащія къ нему страны, а также Азовское Море и низовья Дона, въ это время были раздѣлены между Казарами, Греками, Русскими и жителями Кавказа. Подъ 1067 годомъ упоминается о рѣкѣ Сновѣ и городѣ Сновскѣ, неподалеку отъ Чернигова, гдѣ Святославъ въ этомъ году разбилъ Половцовъ⁽⁴⁶⁾; рѣка Снова существуетъ и теперь подъ тѣмъ же названіемъ и впадаетъ съ правой стороны въ Десну въ нынѣшнемъ Черниговскомъ уѣздѣ. Подъ 1071 годомъ сказано, что Половцы воевали у Ростовца и Нелтивна⁽⁴⁷⁾. По географическому отрывку, напечатанному въ Воскресенскомъ спискѣ Кіевской лѣтописи, мѣста сіи значатся на Деснѣ, между Новгородомъ Сѣверскимъ и Брянскомъ. Подъ тѣмъ же годомъ, рассказывая о событіяхъ Ростовскихъ, Несторъ упоминаетъ о городѣ Ярославѣ, принадлежавшемъ къ Ростовской области, и о рѣкѣ Шекснѣ⁽⁴⁸⁾; а подъ 1074 годомъ, рассказывая о Св. Антоніи, онъ упоминаетъ о Болдиныхъ Горахъ близъ Чернигова⁽⁴⁹⁾. Подъ 1078 годомъ говорится о Съжицѣ или Сожицѣ, гдѣ тогда Половцы разбили Всеволода, княжившаго въ Черниговѣ⁽⁵⁰⁾. Сожицею называется очевидно какая либо рѣка, текущая въ предѣлахъ Черниговской и Переяславской области, и можетъ быть, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, нынѣшняя рѣка Оржица, впадающая съ западной стороны въ Сулу. Подъ 1087 годомъ у Нестора упоминается о городѣ Муромѣ, который въ этомъ году былъ взятъ Камскими Болгарами⁽⁵¹⁾. Это упоминаніе въ географическомъ отношеніи имѣетъ то значеніе, что

(44) Лавр. 88. (45) 70—72. (46) 74. (47) 75. (48) 75. (49) 83. (50) 85. (51) 98.

Болгары въ это время сосѣднѣ устьямъ Оки и слѣдовательно Черниговскому Княжеству, ибо Муромъ принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ. Въ 1095 году въ первый разъ упоминается о Курскѣ, откуда въ это время Мономаховъ сынъ Изяславъ ходилъ на Муромъ (*). Этимъ извѣстіемъ о Курскѣ значительно пополняются географическія свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Днѣпра. А подъ 1096 годомъ встрѣчается извѣстіе о Стародубѣ и Рязани, которое также пополняетъ географическія свѣдѣнія на сѣверовостокъ отъ Днѣпра (**). Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ еще, упоминается о городѣ Суздали и о рѣкѣ Клязми подъ Суздалемъ (**).

Изъ мѣстностей Новгородскаго края Несторъ, въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Ярослава, упоминаетъ только одно Заволочье, гдѣ былъ убитъ Глебъ Святославичъ въ 1078 году ("). Вотъ и всѣ географическія свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Несторовою лѣтописью, окончивающеюся 1110 годомъ. Но другими Русскими источниками того же времени свѣдѣнія сіи значительно пополняются, а именно: поученіемъ Владиміра Мономаха, повѣстью Василія объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича, Новгородскими лѣтописями и путешествіемъ игумена Давида въ Іерусалимъ. А посему теперь нужно разсмотрѣть каждый изъ сихъ источниковъ отдѣльно.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи указываетъ, во-первыхъ, на двоякій путь изъ Приднѣпровья въ Ростовъ, черезъ землю Вятичей, т. е. по теченію Оки, и черезъ Смоленскъ, или плучи вверхъ по Днѣпру. Потомъ, по его же указанію, мы въ первый разъ узнаемъ о городахъ Сутейскѣ, Бродахъ и Микулинѣ, въ Волинской и Червенской сторонѣ, и первый вѣротно на границахъ съ Ляхами, какъ можно заключить изъ самаго разсказа: » по велицѣ дни ядохъ изъ Переславлѣ та Володиміръ на Сутейску мѣра творить съ Ляхы (")»; второй и теперь извѣстенъ подъ старымъ названіемъ, а послѣдній не одно ли съ вышешнимъ Микулинцемъ въ Тарнопольскомъ уѣздѣ въ Галиціи? Далѣе Владиміръ говоритъ, что онъ, вмѣстѣ съ Ляхами, водилъ Русскія войска въ Силезію, пробылъ тамъ четыре мѣсяца и доходилъ до Глоговы (Глогау) и до Чешскаго Лѣса, по приказу тогдашняго Кіевскаго князя Святослава; такимъ образомъ, изъ

(*) Лавр. 98. (**) Тамъ же. (***) 108. (**) 88. (**) 103.

его указанія мы получаемъ первыя географическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XI столѣтія о земляхъ, лежавшихъ за Польшею на западъ. Владиміръ также дополняетъ въ своемъ поученіи географическія свѣдѣнія XI столѣтія о Полоцкомъ краѣ, въ предѣлахъ котораго указываетъ на города Логожскъ, на югъ отъ Полоцка, нынѣшній Логойскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, и на Лукомль, на юго-западъ отъ Полоцка, нынѣшняя Лукомля, въ Сѣвинскомъ уѣздѣ, и кажется тамъ же помѣщаетъ мѣстечко или городъ Одрскъ, можетъ быть на нынѣшней рѣкѣ Одровѣ въ Копысскомъ уѣздѣ, слѣдовательно на границахъ Полоцкихъ владѣній съ Смоленскими. Потомъ, обращаясь къ Переяславу, онъ указываетъ на неизвѣстный изъ другихъ источниковъ городъ или мѣстечко Обровъ, вѣроятно, на одномъ изъ притоковъ рѣки Трубежи, гдѣ нынче мѣстечко Бобровица, на половинѣ пути отъ Чернигова къ Переяславу. Въ Черниговскихъ же предѣлахъ въ первый разъ говорятъ о Новгородѣ-Сѣверскомъ, а въ землѣ Вятичей о городѣ Коряднѣ; потомъ, поворачивая на югъ къ степямъ Половецкимъ, о рѣкѣ Хорогѣ и городѣ Горошняѣ, стоявшемъ на восточномъ берегу Сулы, на одной линіи съ Каневымъ. Далѣе, нѣсколько на западъ отъ Сулы, говорятъ о городѣ Вороницѣ, лежавшемъ на рѣкѣ Крапивнѣ, неподалеку отъ впаденія ея въ Золотоношу, верстъ на 50 южнѣе Горошина, въ сосѣдствѣ съ поселеніями Торковъ Половецкихъ, племени Итичевичей, которое жило на востокъ за Сулою, слѣдовательно въ Переяславскихъ владѣніяхъ, самымъ дальнимъ городомъ, глубоко вдавшимся въ Половецкія степи. Продолжая описывать свои походы на Половцовъ, онъ упоминаетъ о городѣ Прилукѣ, о рѣкѣ Супоѣ, о городѣ Бѣлой-Вѣжѣ, при верховьяхъ рѣкъ Остера и Удая, на границахъ Переяславскихъ владѣній съ Черниговскими, верстахъ въ пятидесяти отъ Прилукъ, на сѣверо-востокъ къ Сулѣ; далѣе о городѣ Халепѣ, вѣроятно, гдѣ-нибудь на Сулѣ (*). Потомъ говорятъ о Римовѣ, должно быть гдѣ нынѣ селеніе Римъ, на одной линіи съ Прилуками, въ 40 верстахъ прямо на востокъ, верстахъ въ 15 отъ

(*) Здѣсь мудрено допустить Халепъ Днѣпровскій, лежавшій неподалеку отъ Триполя, ибо Мономахъ говоритъ, что послѣ битвы на Сулѣ онъ до вечера еще былъ у Халепа; а Днѣпровскій Халепъ отъ Сулы отстоитъ никакъ не ближе 140 верстъ.

Сулы. За Римовымъ упоминаеть о рѣкѣ Голтавѣ, что нынѣ Голтва, съ востока впадающая въ рѣку Пселъ: это уже въ предѣлахъ Половецкихъ степей, отъ Римова на юго-востокъ въ 130 верстахъ. Потомъ, обращаясь на сѣверо-западъ, упоминаеть о Снятинѣ или Кенятинѣ, на восточномъ берегу Сулы, вверхъ отъ паденія въ нее рѣки Удая, въ нынѣшнемъ Лубенскомъ уѣздѣ; далѣе о Ромнѣ, вверхъ по Сулѣ, на сѣверо-востокъ отъ Лубно, и о Выри, неподалеку отъ Ромна на востокъ, также вверхъ по Сулѣ: это, кажется, было при Мономахъ самое дальнее пограничное мѣсто Переяславскихъ владѣній къ восточнымъ или Придонскимъ кочевьямъ Половцовъ. Такимъ образомъ, Мономахъ, въ своемъ поученіи, первый представляетъ самыя подробныя географическія свѣдѣнія о границахъ Переяславскихъ владѣній, на югъ и востокъ къ кочевьямъ Половецкимъ.

Поученіе Мономаха дополняетъ географическія свѣдѣнія о границахъ Киевскихъ владѣній съ Половецкими кочевьями, гдѣ, должно быть по берегамъ Роси, помѣщаетъ города Святославль, Красенъ и Варинъ. Судя по смыслу разсказа, Святославль стоялъ ближе къ переправѣ черезъ Днѣпръ, на Киевской сторонѣ; за Святославлемъ слѣдовалъ Торческъ, потомъ Юрьевъ, далѣе Красенъ и наконецъ Варинъ, уже въ степяхъ Половецкихъ; ибо Мономахъ говоритъ, что, по разбитіи Половцовъ у Бѣлой Вежи, «и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцахъ, и потомъ на Торческій городъ, и потомъ на Порчевъ по Половцехъ, и пакы на той же сторонѣ у Красна Половцы побѣдихомъ; и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежи взяхомъ» (*).

Въ повѣсти объ ослѣпленіи князя Теребовльскаго Василька Ростиславича, встрѣчающіяся географическія извѣстія преимущественно относятся къ западному краю тогдашнихъ Русскихъ владѣній и собственно къ Волыни, Турову и Червенной Руси, и частію къ Киевской области. Здѣсь писатель-современникъ во-первыхъ упоминаеть о Выдубичѣ и Рудицѣ, возлѣ Киева; потомъ говорятъ, первый изъ современниковъ, о Пинскѣ, городѣ Туровской области, по прямому направленію на западъ отъ Турова, при рѣкѣ Припяти; далѣе упоминаеть о городѣ Звенижѣ, на дорогѣ изъ Киева во Владиміръ-Волынской, на рѣкѣ Звенижѣ, въ нынѣшнемъ Киевскомъ уѣздѣ. Вступя въ Туровскій край, онъ

(*) Лавр. 103.

упоминаетъ, кромѣ Турова и Пинска, о Берестѣ и Погорнѣ^(*). Здѣсь, подъ именемъ Погорины, очевидно надлежитъ разумѣть всю страну Туровскихъ владѣній, лежащую по рѣкѣ Горыни, начинающейся на востокъ отъ Кременца, идущей съ юга на сѣверъ и впадающей въ Припеть между Туровомъ и Пинскомъ; Берестьемъ же безъ сомнѣнія называется нынѣшній Брестъ-Литовскій. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ, что Туровскія владѣнія тогда занимали огромныя пространства, — съ востока на западъ, отъ низовья Березины и даже на востокъ за Березину до крайнихъ предѣловъ тогдашней Руси на западѣ, т. е. до Бреста-Литовскаго и Дрогичина; а съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ Горыни до предѣловъ Полоцкихъ, гдѣ стояли впоследствии Туровскіе города Несвижъ и Слуцескъ. Въ самой Волынской странѣ указываетъ на тамошніе, прежде неизвѣстные города Всеволожъ, Шеполь и Перемиль, которые Давыдъ Игоревичъ, Владиміро-Волынскій князь, предлагалъ на выборъ своему узнику, ослѣпленному Васильку Ростиславичу; города сіи вѣроятно были въ нынѣшнемъ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи, на что указываетъ, какъ смыслъ самаго разсказа, такъ и сохранившееся доселѣ названіе селенія Перемилковки въ Дубенскомъ уѣздѣ. А Всеволожъ, какъ говоритъ та же повѣсть, лежалъ на дорогѣ отъ Теребовля къ Владиміру-Волынскому, и едва ли не ближайшимъ городомъ къ сему послѣднему; ибо, далѣе въ разсказѣ, Василько и Володаръ, во время войны съ Давыдомъ Игоревичемъ, на первый напали на Всеволожъ, а по взятіи его осадили Владиміръ, слѣдовательно Всеволожъ прямо приходился въ Луцкомъ уѣздѣ, какъ сосѣднемъ съ Владимірскимъ уѣздомъ. Далѣе, упоминаетъ о Луцкѣ и Турійскѣ, какъ городахъ сосѣднихъ съ Владиміромъ: оба сіи города существуютъ и теперь. Луцкъ, какъ уѣзанный городъ, на юго-востокъ отъ Владиміра, при рѣкѣ Стырѣ, а Турійскъ, какъ деревня, на сѣверъ отъ Владиміра верстахъ въ 30, при рѣкѣ Туріи, впадающей въ Припеть. Потомъ, описывая войну Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ, говоритъ о Берестѣ на Бугѣ, т. е. о нынѣшнемъ Брестъ-Литовскомъ, куда Святополкъ приходилъ для переговоровъ съ Ляхами, какъ въ пограничный городъ Туровскихъ владѣній. Далѣе, говоря о войнѣ Святополка

(*) Лавр. 112.

съ Ростиславичами, упоминаетъ о городѣ Перемышлѣ, нынѣшній Пресмыслъ на Санѣ, и о рѣчкѣ Вагрѣ, неподалеку отъ Перемышля впадающей въ Санъ; и симъ оканчиваются географическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька Ростиславича Теребовльскаго.

Новгородскія лѣтописи представляютъ географическія извѣстія преимущественно о Новгородскомъ краѣ, да и то очень незначительныя; ибо самыя лѣтописи, до предположеннаго нами времени, т. е. до 1110 года, вообще, очень кратки и отрывочны. Третья Новгородская лѣтопись, подъ 988 годомъ, упоминаетъ о Новгородскомъ урочищѣ Перыни, гдѣ во время идолопоклонства Новгородцовъ стоялъ идолъ Перуна ^(*), а въ слѣдующемъ году о каменномъ городищѣ на берегу Волхова; подъ 1015 годомъ о Новгородскомъ пригородѣ Торжкѣ; подъ 1036 годомъ говоритъ, что Ярославъ жилъ въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, близъ рѣки Волхова, и что за симъ мѣстомъ въ послѣдствіи осталось названіе Ярославово городище ^(**). А первая Новгородская лѣтопись, подъ 1040 годомъ, упоминаетъ о Финскомъ племени, извѣстномъ подъ названіемъ Еми, съ которымъ въ этомъ году воевалъ Новгородскій князь Владиміръ Ярославичъ ^(**); племя это жило въ нынѣшней Финляндіи, вплоть до Балтійскаго Моря. Въ третьей же Новгородской лѣтописи, подъ 1044 годомъ, упоминается о построеніи каменной крѣпости на Софійской сторонѣ ^(**); в тамъ же, подъ 1059 годомъ, встрѣчается извѣстіе о городѣ Копысѣ, въ предѣлахъ Полоцкаго княженія; на этотъ городъ, по свидѣтельству лѣтописи, лежала дорога изъ Кіева въ Новгородъ. Подъ 1069 годомъ, въ первой Новгородской лѣтописи, упоминается о Вожакахъ, т. е. жителяхъ Водьской пятины, подчиненной Новгороду ^(**). Эта пятина, населенная разными Финскими племенами, лежала нѣсколько на юго-западъ отъ Новгорода и съ одной стороны соприкасалась къ Финскому заливу, а съ другою сосѣдила съ Полоцкими владѣніями. Въ 1069 году Вожаки были въ союзѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, за что были жестоко наказаны Новгородцами подъ предводительствомъ Глиба Святославича, который разбилъ Всеслава и Вожаковъ на Гнези, подъ самымъ Новгородомъ.

Извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородскихъ лѣтописей,

(*) Новг. 207. (**) Тамъ же, 210. (***) 2. (****) 211. (****) 2.

оканчиваются всѣ дошедшія до насъ отечественныя географическія свѣдѣнія (до 1110 года), относящіяся собственно до Россіи и до странъ, съ нею сопредѣльныхъ. Но, за это же время, древняя Русская литература представляетъ превосходнѣйшій сборникъ географическихъ свѣдѣній о восточномъ краѣ Средиземнаго моря и о Палестинѣ и Сиріи, составленный Русскимъ игуменомъ Данииломъ, путешествовавшимъ въ Иерусалимъ въ княженіе Святополка Изяславича.

Извѣстія, сообщаемыя игуменомъ Данииломъ о пройденныхъ имъ странахъ, такъ были занимательны въ свое время, что у предковъ нашихъ Даниилова книга, извѣстная подъ именемъ Стравника, была любимѣйшимъ чтеніемъ и дошла до насъ во многихъ спискахъ; да и теперь она во многомъ еще не утратила своего значенія. Замѣчательно, что игуменъ Даниилъ начинаетъ описаніе своего путешествія только съ выѣзда изъ Константинополя, о пути же своемъ изъ Россіи не говорятъ ни слова; это даетъ поводъ думать, что дорога изъ предѣловъ тогдашней Руси до Константинополя была слишкомъ извѣстна современникамъ Данииловымъ, и можетъ быть имѣла уже своихъ описателей, почему Даниилъ и почелъ неинтереснымъ и излишнимъ повторять уже извѣстное. Вполнѣ ли правильно настоящее наше мнѣніе, мы не утверждаемъ, ибо прямыхъ данныхъ, ни рго, ни contra, нѣтъ налицо; но постоянныя и близкія сношенія, по-крайней-мѣрѣ, приднѣпровскихъ Руссовъ съ Византийскими Греками, въ нѣкоторой степени могутъ служить опорой тому, что путь изъ Руси въ Константинополь, ежели и не былъ описанъ никѣмъ изъ Русскихъ въ X или XI столѣтіи, то по-крайней-мѣрѣ такъ хорошо и подробно былъ знакомъ въ разсказахъ между народомъ, что самое описаніе было бы уже излишнимъ и нелюбопытнымъ. Припомнимъ, что, по свѣдѣтельству лѣтописи, Кіевляне въ 1068 году грозили князьямъ съечь свой городъ и удалиться въ Греческую землю ⁽⁶⁷⁾: конечно, еслибъ путь въ Византію не былъ хорошо знакомъ Кіевлянамъ, то они не подумали бы прибѣгать къ такой угрозы, да и князья бы ей не повѣрили; но князья принудили Изяслава удалитъ Ляховъ, чего хотѣлось Кіевлянамъ, слѣдовательно угрозу Кіевлянъ считали возможною, и путь въ Грецію знакомымъ и обычнымъ для Русскихъ.

⁽⁶⁷⁾ Лавр. 74.

Собирая и сообщая географическія свѣдѣнія Русскихъ людей въ началѣ XII столѣтія о Русской землѣ и сопредѣльных съ нею странахъ, было бы несправедливымъ не представить свѣдѣній въ началѣ того же XII вѣка, собранныхъ Русскимъ игуменомъ Данииломъ о пройденныхъ имъ странахъ на Востокѣ, и тѣмъ болѣе, что самъ Даниилъ, при благочестивой цѣли посѣщенія Св. Земли, имѣлъ въ виду и ту цѣль, чтобы сообщить своимъ современникамъ подробнѣйшія свѣдѣнія о Востокѣ, для чего даже не жалѣлъ и издержекъ, какъ это онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ: «Азъ бо, недостойный игуменъ Даниилъ, пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцъ въ мѣстохъ св. Саввы, и оттолѣ многохъ похвалити, испытуя вси св. мѣста, и видѣхъ и. Невозможно бо безъ вожа добръ ходити, и безъ языка добръ испытати и видѣти всѣхъ св. мѣстъ. И что у себя имѣя въ руку моего худаго добитка, отъ того всѣмъ подавахъ вѣдающимъ добръ вся св. мѣста во градѣ и внѣ града, да быша ми указали всѣ добръ.» А прежде того пишетъ: «Да и се написахъ вѣрныхъ ради человекъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потщался душею и мыслею ко святымъ си мѣстомъ и равну мзду симъ принять съ ходившими до св. мѣстъ.»

Описаніе путешествія Даниилова можно раздѣлить на три части: на описаніе пути до Іерусалима, на описаніе самаго Іерусалима съ окрестностями, и на описаніе Галилеи и поморья.

Въ первой части Даниилъ сообщаетъ слѣдующія подробности о странахъ, лежащихъ на пути до Іерусалима: «Путь во Іерусалимъ отъ Царяграда по Узкому Морю итти 30 верстъ, до Петала острова, а до великаго моря 100 верстъ отъ Царяграда. А то есть первой островъ на Узцѣ морѣ; и есть ту лимонъ добръ; и ту есть градъ Ираклій великій. . . А отъ Петалы острова до Галиполя 100 верстъ, а отъ Галиполя града до Абыда 50 верстъ. . . А отъ Абыда до Ида 20 верстъ. И ту есть на великое море вытти налѣво во Іерусалимъ, а на десную ко св. горѣ, къ Селуню и къ Риму. А отъ Ида до Тенедоса острова 30 верстъ, то есть первый островъ на велицѣмъ морѣ. . . И ту есть противу того острова градъ бысть великъ, а имя ему Троада. . . А отъ Тенедоса острова до Митилена острова 100 верстъ. . . А оттуда до Хіоса острова 100 верстъ, въ томъ бо островѣ раждается мастика и вина добрая и овощи всяки. А

отъ Хіуса до Ефеса города есть версть 60 . . . А Ефесъ градъ есть на сушѣ отъ моря вдалѣе 4 версть, въ горахъ, обилень же есть всѣмъ. . . . Отъ Ефеса до Самоса острова версть 40, и въ томъ островѣ рыбы многія, обилень же островъ той всѣмъ. Отъ Самоса острова до Карія острова 20 версть. А отъ Карія острова до Патмоса острова 2 версты. Вдалече, всторонѣ по морю, Патмосъ островъ. . . . А оттуда есть Лерось, тожъ Нисара островъ; и потомъ Косъ островъ велики великъ, и богатъ всѣмъ, людьми и скотомъ, тажъ Телосъ островъ, тажъ Харскіе острова. И всѣ тѣ острова богаты людьми и скоты, близъ себе, по десяти версть имутъ межъ собою. Тожъ Родосъ островъ великъ велики и богатъ всѣмъ. Въ томъ островѣ былъ Олегъ князь Рускій два лѣта и двѣ зимы. А отъ Родоса острова до Самоса версть 200. А отъ Самоса острова до Накрина острова версть 60; ту градъ Накринъ. Въ томъ градѣ Накринѣ и по земли той по всей полны до Миръ, ту ся раждается темьянъ Готевинъ-чермный А отъ Накрина до Патера града есть версть 40. Ту есть рождество Св. Николы, той есть и отчина его градъ Патеръ. А отъ Патера до Миръ версть 40, ндѣ же гробъ Св. Николы. А отъ Миръ до Хеллдовія версть 60. А отъ Хіуса до Кипра острова до великаго есть версть 200. Кипръ же островъ великъ велики, и множество въ немъ людей, и обилень же есть всѣмъ добрымъ. Суть же бо въ немъ Епископовъ 24, все жъ митрополия одна. . . . И ту ражается ладонъ темьянъ, спадываетъ съ небеси яко роса, мѣсяцъ Іюль ажъ Августа. Суть бо мнози по горамъ древца малые, низки съ травою, на то падаетъ темьянъ той добрый, и емлютъ въ та два мѣсяца, а въ иные не падаетъ. А отъ Кипра острова до Яфа града есть версть 400, все по морю пати. А всего пути и по морю и по земли отъ Царяграда до Яфа есть версть 1000 и 600. Яфа же есть на брезѣ близъ Іерусалима, а оттуда пати по суху къ Іерусалиму версть 30, да по полю 10 версть по горамъ до церкви Св. Георгія. Ту есть церковь Св. Георгія велика, создана клетчки, ту и гробъ его бысть подъ олтаремъ, ту мученикъ Христовъ Георгій, и воды многи суть. И ту опочиваютъ всѣ пришельцы странники у воды тоя, со страхомъ великимъ; есть бо мѣсто то пусто и лоньянъ. Ту бо близъ есть Асколонъ градъ: Срацыни выходятъ и побиваютъ странцы на пути. Да ту есть болѣвань велика. А отъ мѣста Св. Ге-

оргія въ горы до Іерусалима есть 19 верстъ великихъ; но все въ горахъ каменныхъ, путь тяжкой и страшенъ величъ.

Вторая часть труда Давидова начинается описаніемъ мѣстностей Іерусалимскихъ. «И есть же Св. градъ Іерусалимъ въ дебрѣхъ, около его горы каменны высоки, и оны пришедъ близъ городу ту видѣти градъ. Первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало подошедъ видѣти Елеонскую гору и святая святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту есть гора ровна близъ пути града Іерусалима, яко версты одна вдалѣ, и на той горѣ сѣдають люди съ коней и пѣши вси люди ходять и поклоняются Христіане Св. Воскресенію. . . . И идуть пѣши съ радостію великою ко Св. граду Іерусалиму. Ту есть церковь Св. Стефана первомученика, у пути близъ, на лѣвой странѣ. Ту же есть гора каменна плоска, раздѣлася въ распятіе Христово, а то зовется адъ; а то есть близъ стѣныгородныя, яко мушъ каменіемъ вержетъ. Потомъ входятъ во градъ Св. Іерусалимъ вси люди съ радостію великою, ворота сущи близъ дому Давидова; тѣ суть врата отъ Вилеема лицъ, и тѣ бо суть зовутся Веніаминови. И яко же выйдучи въ городъ, путь есть сквозъ градъ: направо же къ Святой Святимъ, а на лѣво къ Св. Воскресенію, идѣже есть Гробъ Господень». Далѣе слѣдуютъ описанія церкви Воскресенія Господня, о столпѣ Давидовѣ, о притворѣ Соломона и купели, о дому Соломона, о Гевсиманіи, о горѣ Елеонстей. Потомъ описывается путь къ Іордану. «Есть же путь отъ Іерусалима къ Іордану чрезъ гору Елеонскую на лѣвнѣй востокъ лицъ, есть же путь тажекъ и страшенъ величъ и безводенъ: суть бо горы каменны и высоки величъ. Поганіи же мнози приходятъ, и избивають Христіанъ въ горахъ и въ дебрѣхъ страшныхъ. Отъ Іерусалима же до Іордана верстъ 20 и 6 великихъ, 15 верстъ до Кузивы, идѣже поставленъ Св. Іоакимъ; есть мѣсто то тамо идучи на лѣвой сторонѣ въ потоцѣ. А отъ Кузивы до Іерихона 5 верстъ, а отъ Іерихона до Іордана 5 верстъ великихъ, все по ровну въ песцѣ, путь тажекъ величъ: ту бо мнози человѣцы задыхаются отъ зною и умирають отъ жажды водныя. Ту бо есть море Содомное близъ пути того.» Далѣе слѣдуютъ рассказы о горѣ Ермонской, о Іорданѣ, о Іерихонѣ, о лаврѣ Св. Саввы, о Сіонѣ, о Вилеемѣ, о Хевронѣ и другихъ мѣстахъ при-Іерусалимскихъ; наконецъ Давидъ обращается снова къ Іерусали-

му, и указываетъ на мѣстность Иверскаго монастыря, отъ котораго направляетъ путь свой на западъ къ Рамѣ и морю. Здѣсь подробности пути, въ географическомъ отношеніи, представляютъ большой интересъ, ибо большая часть упоминаемыхъ Данииломъ мѣстностей уже не существуетъ въ настоящее время. Вотъ самое описаніе: «И есть Рама та дебрь велика, и не той дебри сидѣли села многа, и то есть область Внемсесонная. А отъ Рамы къ западу лицъ, 4 версты до Еммауса; и есть бо за горою село то, тамо плучи къ Яфѣ отъ Іерусалима. А отъ Еммауса до Лидды версты 4, по полю все нати, ту былъ городъ великъ, имя ему Лидда, нынѣ зовется Рамбдіа. Отъ Лидды до Іоппінъ есть версть 8, нынѣ зовется градъ той градъ Яффа, Фряжскимъ языкомъ. Отъ Яффы града до Тарса есть версть 6, а отъ Тарса до Кесаріи Филипповы есть версть 24, все подлѣ моря нати; а отъ Кесаріи Филипповы до Капернаума града 8 версть. . . А отъ Капернаума до Кармилскихъ горы 6 версть; а отъ горы Кармилскихъ до града Каіафы есть верста одна; а отъ Каіафы городка до Акры есть версть 15; а отъ Акры до Тира города есть версть 10. Ту есть близъ село Сарепта Сидонская; а отъ Сидона до Верита града есть версть 15. . . А отъ Верита до Зовеля 20 версть; а отъ Зовеля до Триполя 40 версть; а отъ Триполя до рѣки Суды 20 версть; а отъ Суды рѣки до Антиохіи великія, подалѣ отъ моря, есть версть 50. Антиохія градъ великъ, и то бо зовется градъ Антиохія Великая. А оттуду до Лаодикіи есть версть 100, потому зовется Малая Антиохія, та жъ Калимеросъ островъ, та жъ Самалія градъ, та жъ Хиандоніи островецъ малъ. Тѣ жъ вси города подлѣ моря. Мы жъ вси тѣ города минухомъ по морю, непроставаячи, но приставомъ въ Хиандоніи, а оттолѣ идехомъ въ Миръ и къ Патору граду; а оттолѣ путь къ Цареграду.»

Послѣдняя часть труда Даниилова заключаетъ въ себѣ прѣвосходное въ географическомъ отношеніи описаніе Галлилеи; оно начинается указаніемъ дорогъ изъ Іерусалима въ Галлилею. «И есть пути отъ Іерусалима въ Галлилею и къ Тиверіадскому Морю, и къ Фаворской горѣ и къ Назарету. Та бо земля зовется вся Галлилея и около Тиверіадскаго Моря; есть бо земля та на лѣтній востокъ лицъ, а Тиверіада градъ есть вдалѣе отъ Іерусалима 4 дни человеку пѣшему нати, и есть путь стра-

иенъ вельми, въ горахъ каменныхъ и прекрутыхъ; 3 дни нати въ горахъ тѣхъ каменныхъ страшныхъ, а день четвертый по полю нати, все подлѣ Иордана, къ востоку лицъ оны до верха Иорданова, откуду Иорданъ потече. . . . Да сей путь есть отъ Вифлеема до кладезя Св. Богородицы верстѣ 20; а отъ кладезя до Иудейскихъ горъ суть верста, . . а отъ тѣхъ горъ до кладезя Давыдова суть версты 2; а отъ Кладезя до пещеры Давыдовы суть версты 4; . . а отъ тѣхъ горъ до Сихемскихъ горъ суть версты 4; . . а оттуду до веси Иосифовы, иже нарицается Сихемъ, есть верстѣ 10. И ту есть кладязь Иаковль глубокъ вельми, и вода его студена и сладка вельми. Ту есть градъ Самарійскій, яко полверсты вдалѣе отъ кладезя того. Градъ же Самарія великъ вельми, и обилень всѣмъ добромъ, и овощи всякіе въ немъ. И той нынѣ градъ Самарія зовется Неополія. А отъ того града Самарія есть мѣсто къ западу лицъ дву верстѣ вдалѣе, нма мѣсту тому Севастополь; на томъ мѣстѣ градъ малъ созданъ. . . А оттуду есть верстѣ 4 до Аримаеи. . . Есть отъ Самаріи до Вассана града верстѣ 30. Есть же мѣсто то страшно и грозно вельми; исходитъ бо изъ городища того 7 рѣкъ, и стоятъ тростіе велико по рѣкамъ тѣмъ, и Оуницы мнози стоятъ по городишу тому, яко лѣсъ частъ; ту бо живутъ Срацины мнози поганіи, и бьютъ на бродѣхъ по рѣкамъ тѣмъ. И львоуе мнози по рѣкамъ тѣмъ, въ тростѣхъ ту рождаются. То бо есть мѣсто близъ Иордана рѣки. А отъ Вассана до верха Иорданова, до мытницы Матѣевы верстѣ 20; путь же отъ Вассана нати по полю подлѣ Иордана, къ востоку лицъ, оны до верха Иорданова. Иорданъ же рѣка поидеть изъ моря Тиверіадскаго отъ двою источнику, кипитъ изъ земли чудно вельми.» Далѣе слѣдуетъ описаніе Иордана и потомъ Давидъ обращается къ Тиверіадскому Морю: «Море же Тиверіадское обходчиво, яко озеро; вода же его сладка, яко въ рѣцѣ, неслана пить, добра бо есть zelo: въ длину есть море то 50 верстѣ, а въ ширину есть 20 верстѣ, рыбы жъ въ немъ много. . . И есть же градъ Тиверіадъ великъ вельми, въ длину 2 версты, а въ ширину болѣе версты, и стоятъ же подлѣ моря Тиверіадскаго.» Описывая поморье Тиверіадское, Давидъ говоритъ: «ту близъ село Капернаумъ. И ту подъ тѣмъ селомъ рѣка велика течеть, и та рѣка поиде изъ озера Геннисаретскаго, и входитъ та рѣка въ море Тиверіадское. Озо-

ре жъ то Геннисаретско, велико верстъ 40 чрезъ и въ длину и въ ширину; озеро жъ то кругло есть, вся мокачно, и рыбы въ немъ множество. И ту же есть близъ другой градъ великъ, имя ему Геннисаритъ, и потому ся зоветъ озеро то Геннисаретское. И ту близъ града другій градъ, имя ему Декаполія. . . И ту есть обонъ-полъ озера того гора висока, имя той горѣ Ливанъ. На той горѣ Ливанъ рождается Ливанъ темный бѣлый. Изъ той жъ горы Ливанскія паводша 12 рѣкъ великихъ; шлетъ же шесть рѣкъ къ востоку лицъ, а шесть рѣкъ на югъ лицъ, и входятъ тѣ шесть рѣкъ въ озеро Геннисаритское, и другія шесть рѣкъ идутъ къ велицѣй Антиохіи—да то ся зоветъ Месопотамія, еже есть средорѣчье . . . Горы жъ той Ливанскія не можомъ дойти, страха ради поганныхъ, но сказаша намъ о горѣ той добръ свѣдущи; мы же грѣшныи токмо очима своими видѣхомъ ту гору и та вся мѣста около озера того Геннисаритскаго.» Далѣе у Даниила слѣдуетъ описаніе Фаворской горы, Назарета, Каны Галлилейской и обратнаго пути въ Іерусалимъ. «Фаворская гора и Назаретъ отъ Тиверіадскаго Моря на западъ лицъ есть 50 великихъ верстъ . . . Есть бо отъ Фаворскія горы до Назарета верстъ 5, двѣ версты итти по полю, а три въ горахъ, путь тяжекъ великъ и непроходенъ, и тѣсенъ; ту бо поганіи Срацины мнози сѣдять въ горахъ тѣхъ, и по полю тому сидятъ многы селы Срацинскія, и тѣ изъ горъ тѣхъ страшныхъ выходятъ и избиваютъ странныхъ Есть же отъ Назарета до села Исавова 5 верстъ, а отъ села того до Кана Галлилеи 4 версты. Кана Галлилеи есть село на людномъ пути. И ту обретохомъ дружину добру и многу идущю во Акру, и пристахомъ къ нимъ съ радостию и идехомъ съ ними во Акру. Акра жъ былъ градъ Срацинской, и вышѣ Фрази держатъ. Есть же градъ той Акра на велицѣмъ морѣ, и есть ту лимень добръ, и обилень всѣмъ есть градъ той. И пребыхомъ 4 дни въ Акрѣ и обрѣтохомъ дружину многу, идущю во Іерусалимъ, и приидохомъ въ Кафу. А отъ Назарета на полдень до Акры есть верстъ 28 великихъ. А отъ Акры идехомъ къ горѣ Карништей; а отъ туда идехомъ въ Капернаумъ, а отъ Капернаума идехомъ въ Кесарію Филиппову, путь есть подѣ моря итти по полю. А отъ Кесаріи идехомъ въ Самарію; путь есть отъ моря горы, нѣтъ же верстъ 15, и идехомъ полтора дни, и быхомъ на другой день

по полудни въ Самарію, потиху идучи, зноя ради. И ту лежахомъ ночь передъ градомъ Самаріи, у кладязя Іаковля. И оттуду вставше идохомъ путемъ своимъ, имъ же пріидохомъ отъ Іерусалима, и доидохомъ здорову до Св. града Іерусалима съ радостію великою, походивше добрѣ и видѣвше святая мѣста вся ^(*).

Описаніемъ обратнаго пути въ Іерусалимъ оканчиваются географическія свѣдѣнія о Востокѣ, сообщаемыя игуменомъ Даніиломъ; на сколько сія свѣдѣнія интересны, здѣсь нѣтъ нужды говорить, ибо она являюся сами, и съ достоинствами и съ недостатками, и каждый можетъ судить о нихъ по своему усмотрѣнію. Но то безспорно, что книга Даніилова служитъ яснымъ свидѣтельствомъ тому, на сколько наши предки, еще въ началѣ XII столѣтія, имѣли желаніе знать отдаленныя страны, и какъ умѣли приводить это желаніе въ исполненіе. Послѣдующія столѣтія представляютъ намъ новые источники географическихъ свѣдѣній у нашихъ предковъ.

(*) Г. Сахарова: Сказанія Руси. Народа, Т. II, кн. 8, стр. 12—35.

ГЛАВА 2-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ.

ВЪ XII, XIII И XIV ВѢКАХЪ. .

Послѣ первыхъ 10 лѣтъ XII столѣтія, географическія свѣдѣнія на Руси значительно увеличиваются, да и въ самыхъ источникахъ своихъ болѣе разнообразятся; ибо, съ прекращеніемъ Несторовой лѣтописи, является много новыхъ лѣтописцевъ, писавшихъ въ разныхъ краяхъ Русской земли, съ новымъ запасомъ географическихъ свѣдѣній о каждомъ краѣ въ той степени, какъ онъ дѣлался болѣе знакомымъ и извѣстнымъ у современниковъ. Притомъ, съ умноженіемъ путешественниковъ, рѣшаются свѣдѣнія и о чужихъ земляхъ, и сверхъ того, съ этого же времени начинаютъ появляться и официальные памятники, также не бѣдные географическими свѣдѣніями о Русской землѣ. Все это объемъ источниковъ для географическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ дѣлаетъ довольно обширнымъ и разнообразнымъ и, во избѣжаніе сбивчивости, требуетъ, чтобы источники каждаго края излагались отдѣльно, не смѣшиваясь съ источниками другихъ краевъ, дабы такимъ образомъ можно было видѣть: въ какомъ краю Русской земли какія географическія свѣдѣнія преимущественно распространились, т. е. съ какими странами тогдашнія, того или другаго края, люди имѣли болѣе частыя сношенія. Это необходимо и потому, что въ тогдашнее время почти каждый край Русской земли жилъ особою отдѣльною жизнію, и мы впали бы въ грубыя и непростительныя ошибки, если бы развитіе жизни народнои въ одномъ краѣ Руси стали измѣрять развитіемъ ея въ другомъ краѣ.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Новгорода, какъ такой страны, которая, по предпріимчивости своихъ жителей, шла всегда и во

всемъ впереди другихъ странъ Русской земли. У Новгородцевъ, въ настоящіе три вѣка, торговая и воинская дѣятельность была преимущественно устремлена на западъ и сѣверо-востокъ; и туда же направлялись и географическія свѣдѣнія, которыя были, или сами слѣдствіемъ торговыхъ и военныхъ предпріятій, или въ свою очередь давали поводъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ.

На Западѣ торговля и военные предпріятія Новгородцевъ были устремлены къ берегамъ Балтійскаго Моря и къ тамошнимъ островамъ. Здѣсь они, въ XII и XIII столѣтіяхъ, были самыми дѣятельными торговцами и посѣщали не только важнѣйшіе острова Балтійскіе, но и берега Помераніи, Давіи и Скандинавіи; на восточныхъ же берегахъ Балтійскаго Моря были почти въ постоянной войнѣ съ жившими тамъ Финскими племенами, а также съ Шведами и Ливонцами, недопускавшими Новгородцевъ далѣе развинути свои владѣнія по берегамъ моря. Все это весьма знакомило Новгородцевъ съ Балтійскимъ Моремъ и прилежащими къ нему землями, и такимъ образомъ распространяло географическія свѣдѣнія о тамошнемъ краѣ. По Новгородскимъ лѣтописямъ, уже въ 1111 году, Новгородцы, съ княземъ своимъ Мстиславомъ, стали выдвигаться далѣе на западъ, и въ первый разъ встрѣтились съ Финскимъ племенемъ Очелою ⁽¹⁾, вѣроятно жившимъ въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи, на сѣверо-западѣ отъ Чудскаго озера, ближе къ берегамъ Балтійскаго Моря, ибо въ первой Новгородской лѣтописи сказано, что въ 1179 году Очела, побѣжденные Мстиславомъ, бѣжали къ морю ⁽²⁾. Въ 1113 году Новгородцы съ Мстиславомъ снова пустились въ Эстляндію и разбили Чудъ, жившую въ лѣсахъ ⁽³⁾; а на четвертый годъ Мстиславъ опять ходилъ съ Новгородцами въ ту же сторону и взялъ принадлежавшій Чуди городъ Медвѣжью Голову ⁽⁴⁾, лежавшій почти на границѣ Чуды съ Ливією; такимъ образомъ при Мстиславѣ Новгородцы захватили почти всю страну Чуды и выдвинулись къ границамъ Ливоніи. А при его преемникѣ Всеволодѣ они обратились въ другую страну, въ нынѣшнюю Финляндію, и побѣдили тамъ, въ 1128 году, Финское племя Емь ⁽⁵⁾; эта новая страна для Новгородцевъ на сей разъ представила большія затрудненія на походѣ, и лѣто-

(1) Новг. 1, стр. 4. (2) Тамъ же, стр. 17. (3) Тамъ же, 4. (4) Тамъ же. (5) 5.

писецъ говорить: «лють бяше путь». Но походы Мстислава въ Эстонию еще не подчинили этой страны Новгороду, и Всеволодъ, послѣ Финляндскаго похода, жегъ и опустошалъ Эстонию еще три раза, въ 1130, въ 1131 и 1133 годахъ, и въ послѣдній походъ взялъ Юрьевъ, а во второмъ походѣ былъ разбитъ около какого-то урочища, названнаго въ лѣтописи Клиномъ. Такое упорное стремленіе Новгородцевъ завладѣть Эстоніею очевидно было въ слѣдствіе распространенной торговли съ забалтійскими странами, которая требовала болѣе прочныхъ и пространнѣхъ владѣній на Эстляндскомъ берегу, дабы имѣть сколько можно болѣе надежныхъ пристанищъ для Новгородскихъ мореходцевъ, а въ случаѣ нужды и готовую защиту отъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ тогда чрезвычайно много было на Балтійскомъ Морѣ. О торговлѣ Новгородцевъ съ заморскими западными землями ясно говорятъ лѣтописи того времени; такъ, подъ 1130 годомъ, упоминается о потопленіи 7 Новгородскихъ судовъ, шедшихъ съ товарами отъ острова Готланда, тогдашняго главнаго базара сѣверно-Европейской торговли (*); и далѣе, подъ 1134 годомъ, есть извѣстіе, что Новгородцы, въ своихъ морскихъ торговыхъ путешествіяхъ, доходили до береговъ Дании и въ этомъ году были разбиты Датчанами (†), т. е. вѣроятно Датскими морскими разбойниками. Подъ 1142 годомъ говорится, что какой-то Шведскій князь, въ 60 шнекахъ, напалъ-было на три Новгородскихъ лоды, шедшихъ съ товарами за море; но былъ отбитъ съ урономъ (‡). Послѣ 1133 года Новгородцы, занятые войною съ Русскими князьями, въ продолженіи 46 лѣтъ не обращали вниманія на западныхъ своихъ сосѣдей Эстонцевъ; но въ 1179 году, подъ предводительствомъ знаменитаго Мстислава Ростиславича, въ числѣ 20,000 человекъ, снова ходили на Очелу, пожгли всю нхъ землю и проникли до самыхъ береговъ Балтійскаго Моря (§). Между тѣмъ, знакомство съ прибалтійскими странами распространялось болѣе и болѣе; Скандинавы или Варяги были обычными гостями въ Новгородѣ и даже имѣли тамъ свою церковь, такъ, подъ 1181 годомъ: лѣтопись говоритъ, что на торговнищѣ сгорѣла Варяжская церковь (¶). А въ 1186 году, Новгородскіе повольники, собранные Выпатою Васильевичемъ, ходили въ Финляндію и воротились домой съ множе-

(*) Новг. 1, стр. 6. (†) Тамъ же. (‡) Тамъ же, 9. (§) Тамъ же, 17. (¶) Тамъ же, 18.

ствомъ плѣнныхъ Еми ⁽¹¹⁾. Подъ 1188 годомъ есть извѣстiе, которое показываетъ, что Новгородскiе купцы ежегодно ходили за море; въ лѣтописи сказано, что по случаю ссоры съ Готландскими Нѣмцами и Варягами, Новгородъ на слѣдующую весну никого изъ своихъ не пустилъ за море ⁽¹²⁾. Эстонiя же и Финляндiя, столько разъ опустошаемыя Новгородцами, все еще оставались непокоренными. Новгородцы, вмѣстѣ съ Кореллянами и Псковичами, съ 1190 года въ продолженiи 3-хъ лѣтъ дѣлали походы въ сiя страны, опустошили Финляндiю и заняли въ Эстонiи Юрьевъ и Медвѣжью Голову; а въ 1200 году изъ Великихъ Лукъ проникли въ Летгалiю, лежащую уже въ Литовскихъ или Латвiйскихъ предѣлахъ, на югъ отъ Эстонiи ⁽¹³⁾. Потомъ, въ 1212 и 1214 годахъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой снова водилъ Новгородцевъ въ Эстонiю, и воевалъ тамъ съ Чудскими племенами Тормы и Еревы и взялъ Эстовскiе города Медвѣжью Голову и Воробинъ ⁽¹⁴⁾. Упоминаемый здѣсь племена Чуди жили: Торма на сѣверъ отъ Юрьева или нынѣшняго Дерпта, гдѣ и теперь еще есть два селенiя съ названiемъ Торма, а Ерева—по нынѣшней рѣкѣ Перновъ ближе къ морскому берегу. Между-тѣмъ, торговыя сношенiя съ Варягами продолжались, они по прежнему ѣздили въ Новгородъ, жили въ немъ и имѣли свою церковь; ибо подъ 1217 голомъ лѣтопись говоритъ: «а въ Варяжской божниці изгорѣ товаръ весь Варязскiй, безъ числа» ⁽¹⁵⁾. Подъ тѣмъ же годомъ упоминается о новой войнѣ Новгородцевъ и Псковичей съ Чудью, объ осадѣ города Медвѣжьей Головы и о вмѣшательствѣ въ это дѣло Нѣмцевъ, которыхъ Новгородцы разбили подъ Медвѣжьей Головою ⁽¹⁶⁾. Въ 1219 году Новгородцы, съ своимъ княземъ Всеволодомъ, пошли на западъ сквозь всю Эстонiю вплоть до моря, осаждали Пертцевъ (нынѣшнiй Перновъ) и разбили Нѣмцевъ, Литву и Ливъ ⁽¹⁷⁾. Потомъ, въ 1222 г., они съ княземъ Святославомъ вступили въ землю Ливи и по рѣкѣ Аа достигли Кеси (нынѣшняго Вендена) и воевали тамъ съ Литовцами, пришедшими на помощь къ Венденцамъ ⁽¹⁸⁾. Въ слѣдующемъ же году осаждали Кольванъ (Ревель), года четыре назадъ только-что выстроенный Датчанами ⁽¹⁹⁾, и опустошили всю Эстонiю. Въ 1227 году Яро-

⁽¹¹⁾ Новг. 1. 19. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 20. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 25. ⁽¹⁴⁾ Тамъ же, 31—32. ⁽¹⁵⁾ Тамъ же, 35. ⁽¹⁶⁾ Тамъ же. ⁽¹⁷⁾ Тамъ же, 37. ⁽¹⁸⁾ Тамъ же, 38. ⁽¹⁹⁾ Тамъ же, 39.

славъ съ Новгородцами ходилъ опустошать Финляндію ⁽²⁰⁾; потомъ готовился къ походу на Ригу, при чемъ Псковичи отказали ему въ пособіи, говоря, что они съ Рижанами заключили миръ ⁽²¹⁾. Походъ, замышляемый Ярославомъ противъ Риги и союзъ Псковитянъ съ Рижанами, ясно показываютъ, что вся Эстонія и Ливонія отъ Чудскаго Озера вплоть до устьевъ Западной Двины были очень хорошо знакомы Новгородцамъ и Псковичамъ и считались постояннымъ поприщемъ ихъ торговыхъ и военныхъ предпріятій. Здѣсь Новгородцы соперничали съ Нѣмцами, и въ началѣ XIII вѣка были недалеко отъ того, чтобы сѣлаться господствующими въ обѣихъ сихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что тамошніе коренные жители, Чудь и Ливь, были къ нимъ расположены болѣе, нежели къ Нѣмцамъ и Датчанамъ, утвердившимся въ приморскихъ городахъ этого края. Новгородцы и Псковичи имѣли столь тѣсныя связи въ Эстоніи, что ихъ изгнанники находили тамъ убѣжище и союзниковъ, и перѣдко изъ Эстоніи дѣйствовали на Новгородъ и Псковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1232 году Борисъ Негоцѣвичъ съ своими товарищами бѣжалъ изъ Пскова въ Медвѣжью Голову, и оттуда въ слѣдующемъ году завладѣлъ-было, при помощи Нѣмцевъ, Изборскомъ ⁽²²⁾. Псковичи были даже въ тѣсномъ союзѣ съ Рижскими Нѣмцами противъ Литовцевъ ⁽²³⁾.

Но не въ такомъ отношеніи къ Новгороду была Финляндія: эта страна, не смотря на нѣсколько Новгородскихъ походовъ противъ Еми, надолго еще оставалась краемъ малозвѣстнымъ, а тамошніе старожилы, Сумь и Емь, народомъ враждебнымъ и непокорнымъ; здѣсь Новгородцевъ предупредили Шведы и успѣли утвердиться въ этомъ краю прежде, нежели Новгородцы хорошо узнали о немъ. Отъ этого ихъ походы въ эту страну были самыми затруднительными, и даже Александръ Невскій въ 1256 году ходилъ туда, какъ въ страну малозвѣстную и потерялъ многихъ проводниковъ; хотя онъ опустошилъ земли Еми, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству лѣтописи, «бысть волеъ путь» ⁽²⁴⁾. А объ отцѣ его Ярославѣ, ходившемъ на Емь со стороны моря въ 1226 году, въ лѣтописи прямо сказано: «ходи изъ Новгорода за море на Емь, гдѣ же ни одинъ отъ Рускихъ князь возможно бывати» (Лавр. 190). Только съ XIV вѣка этотъ край

⁽²⁰⁾ Новг. 1. 42. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 43. ⁽²²⁾ Тамъ же, 48. ⁽²³⁾ Тамъ же, 50. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 56.

мало-по-малу началъ дѣлаться болѣе извѣстнымъ. По свидѣтельству лѣтописей, въ 1311 году «ходиша Новгородцы войною на Нѣмецкую землю за море, на Емь, съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, и переѣхавше море, взяша первое Купецкую рѣку, села пожгоша и головы поймаша, а скоть изсѣкоша; потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черной придоша къ городу Ванаю, и взяша городъ и пожгоша, а Нѣмцы избѣгоша въ дѣтинецъ; бѣше бо мѣсто вельми сильно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуду же; и сослаша съ ноклономъ, пресяще мира, Новгородцы же мира не даша и стояши 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великія пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ, идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выидоша въ море, и придоша здорови вси въ Новгородъ» (22). Это первое сколько нибудь подробное извѣстіе нашихъ лѣтописей о Финляндіи; но и здѣсь географическія свѣдѣнія ограничиваются только рѣками Кумо (Купецкая рѣка), Нокією (Черная рѣка) Кавгалой и Перной, и городомъ Ваниемъ, нынѣшнимъ Ваанё. Далѣе Кумо Новгородцы не заходили; да и въ сихъ предѣлахъ, кажется, только прошли по рѣкамъ и опустошили побережія. Самое опустошеніе и бѣстрота, съ которою совершенъ былъ походъ, показываютъ, что это было не больше, какъ морской набѣгъ, чисто въ Норманскомъ вкусѣ, безъ желанія поближе узнать страну и войти съ тамошними жителями въ торговые сношенія. Но, испытавши одинъ разъ счастья, они не замедлили и еще повторить опытъ по тому же морскому пути, и въ 1318 году вступили въ землю Сумя, проникли въ рѣку Полную и взяли Модеревъ, городъ Сумскаго князя и Пискупль (23): это, кажется, нынѣшній городъ Або или Абовскій замокъ, построенный Финляндскимъ префектомъ Модеромъ, и рѣка Аураюки, на которой стоитъ Або, ибо Аураюки по-Финляндски и теперь значитъ полвая рѣка.

Продолжая свои морскіе набѣги по Балтійскому Морю, Новгородцы проникли до Норвегіи, и около 1323 года опустошили предѣлы Дронтгеймской области, а также не разъ грабили Шведскую Лапландію, проходя туда, кажется, сухимъ путемъ изъ Кареліи; которая въ это время была поприщемъ

(22) Новг. 1, стр. 69 (23) Тамъ же, 72.

жестокихъ битвъ между Шведами и Новгородцами, дѣлившимъ между собою эту страну. Въ 1339 году Новгородцы отправляли свое посольство къ Магнусу, королю Шведскому, моремъ послы, какъ говорятъ лѣтописи, наѣхали короля въ Мурманской (Норвежской) землѣ въ городѣ Людови (нынѣшній Лундъ) ⁽²⁷⁾. Это извѣстіе о путешествіи Новгородскаго посольства ясно показываетъ, что Новгóродцы хорошо знали берега не только Дави́и и Швеціи, но и Норвегіи, и странствовали не по одному Балтійскому Морю, но и по Сѣверному Океану, что засвидѣтельствовано даже и Норвежскими лѣтописями, которыя, какъ мы уже видѣли, упоминаютъ о Новгородскихъ набѣгахъ на Дронгтеймъ.

Такимъ образомъ въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій Новгородцы были уже хорошо знакомы со всѣми странами, лежащими на западъ отъ ихъ отечества: вдоль и поперекъ избороздили Балтійское Море, проходили Зундъ и Бельты, знали Нѣмецкое Море и Сѣверный Океанъ, привлекавшій къ берегамъ Норвегіи, и ходили туда или какъ торговцы, или какъ морскіе разбойники, подобно викингамъ Скандинавскимъ.

На сѣверовостокъ географическія свѣдѣнія Новгородцевъ еще въ предшествовавшія столѣтія, какъ мы уже видѣли, простирались до Уральскаго Хребта и даже далѣе, за Обь, въ глубину Сибири; но эти свѣдѣнія не имѣли еще тѣхъ подробностей, какія они пріобрѣли въ настоящіе три вѣка, въ продолженіе которыхъ огромныя пустынные пространства сѣвера, нирѣдка заселенныя полудикими Финскими племенами, были широкимъ поприщемъ для Новгородскихъ торговцевъ и повольниковъ: изъ нихъ одни искали здѣсь драгоценныхъ пушныхъ товаровъ и даже серебра, называемаго въ нашихъ лѣтописяхъ «Закамскимъ», вымѣнивая ихъ на свои произведенія, особенно на разныя желѣзные орудія, въ которыхъ нуждались дикари; другіе развѣзжали по здѣшнимъ рѣкамъ, грабили прибрежныхъ жителей и своими отважными походами по непроходимымъ лѣсамъ открывали новые пути для торговцевъ. Уже въ 1114 году Ладожскій посадникъ Павелъ говорилъ одному Кіевлянину: «Еще мужи старіи ходили за

(27) Новг. 1, 79.

Югру и за Самоядь; яко видѣвши сами на полунощныхъ странахъ, спаде тучи и въ той туче спаде веверица млада, зми топерво рожена, и възрастши и разходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней и взрастаютъ и разходится по земли» ⁽²⁸⁾. Это извѣстіе очевидно есть видоизмѣненіе подобнаго извѣстія, помѣщеннаго у Нестора, о невѣдомыхъ людяхъ за Югрою, просѣкающихъ горы и просящихъ желѣза; но оно въ то же время показываетъ, что Новгородцы продолжали торговать съ симъ отдаленнымъ краемъ и постепенно приобрѣтали болѣе подробныя свѣдѣнія о тамошнихъ произведеніяхъ, о которыхъ, кажется, съ намѣреніемъ рассказывали небывалымъ людямъ чудеса, чтобы подивить другихъ своими похождениями. Но на Сѣверной Двинѣ и за Двиною были уже не баснословныя походы повольниковъ и отважныхъ торговцовъ, а постоянныя владѣнія Новгородца, занятыя Новгородскими колоніями и платившія дань. Такъ, подъ 1169 годомъ, лѣтопись говоритъ: «иде Давыдъ Лаазутиничъ за Волокъ даньщикомъ съ дружиною» ⁽²⁹⁾. Подъ 1187 годомъ есть извѣстіе о Новгородскихъ даникахъ въ Печорѣ и Югрѣ; лѣтопись говоритъ: «въ то же время избѣни быша Печерскыи даники и Югрьскыи въ Печерѣ, а друзи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ кѣметьства» ⁽³⁰⁾. Ежегодное посѣщеніе Новгородскихъ данщиковъ съ дружинами дѣлаю сѣя страны болѣе и болѣе извѣстными. Подъ 1193 годомъ встрѣчаемъ даже подробное извѣстіе о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую сторону, и о товарахъ, оттуда получаемыхъ. По словамъ лѣтописи, «идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣемъ, и придоша въ Югру и взяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояше подъ городомъ 5 недѣль; и выслаху къ нимъ Югра лъстью, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани,—а лъстяще ими, а въе копяче; и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ: поиди въ городъ; и иде въ городъ воевода, поиди съ собою попа, Иванка Легена, и инѣхъ влѣвшихъ» ⁽³¹⁾. Это замѣчательное извѣстіе показываетъ, во 1-хъ, что Новгородцы, въ своихъ владѣніяхъ по Сѣверной Двинѣ и за Двиною, постоянно стре-

⁽²⁸⁾ Ипат., стр. 8. ⁽²⁹⁾ Новг. 1. 14. ⁽³⁰⁾ Тамъ же, 19. ⁽³¹⁾ Тамъ же, стр. 21.

милась быть полными господами, и всякое непослушаніе наказывали посылкою войска; во 2-хъ, они не только хотѣли власти въ этомъ краю, но старались развить въ немъ свою гражданственность, какъ это видно изъ построенія тамъ многихъ городовъ съ чисто Новгородскимъ устройствомъ, о чемъ мы вскорѣ будемъ говорить подробно, и изъ желанія распространить между полудикими жителями Христіанство, посылая; вмѣстѣ съ воеводою, священника, и очевидно не для совершенія только церковныхъ требъ при войскахъ, но и для распространенія Христіанства у туземцевъ, ибо при вступленіи въ городъ, воевода прежде всего бралъ съ собою священника, можетъ-быть для того, чтобы избрать мѣсто для построенія церкви въ завоеванномъ городѣ, какъ это всегда дѣлали Русскіе, въ знакъ своего владычества надъ людокоренною странкою; наконецъ въ 3-хъ, въ настоящемъ извѣстіи въ первый разъ упоминается о закамскомъ серебрѣ, очевидно получавшемся Новгородцами отъ Югорцовъ, ибо Югры говорили воеводѣ: «копимъ серебро и соболя». Подъ 1323 годомъ Новгородская лѣтопись упоминаетъ, что заратились Устюжане съ Новгородцами, захватили Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру, и ограбили ихъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы, съ княземъ Юріемъ, ходили въ Заволочье и взяли Устюгъ на штурмъ; оттуда отошли къ Двинѣ, куда Устюжскіе князья немедленно отправили посольство и заключили съ Новгородцами и съ Юріемъ миръ на прежнихъ условіяхъ. Князь Юрій съ Заволочья отправился въ Орду по Камѣ ⁽¹²⁾. Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Новгородцы дѣйствовали въ задвинской сторонѣ не однимъ оружіемъ, но и договорами, ибо Устюжскіе князья «докончали миръ по старой пошлѣнѣ», т. е. на условіяхъ, издавна бывшихъ между Устюжанами и Новгородцами; слѣдовательно, Устюгъ давно былъ знакомъ Новгороду и былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, выгодныхъ для Новгородской торговли, которая чрезъ Устюжскія владѣнія шла на сѣверовостокъ въ Югру и на востокъ къ Камѣ. Еще въ 1174 году нѣкоторые Новгородскіе выходцы основали здѣсь колонію, потомъ заняли берега Ватки, покорили Вотяковъ и Черемису, и состави-

⁽¹²⁾ Новг. 1, стр. 73.

ли особую, независимую республику по Новгородскимъ обычаямъ и правиламъ: въ XII вѣкѣ уже были у нихъ города Никулицынъ, Кошкаронъ и Хлыновъ.⁽³²⁾

Въ Двинской или Заволочьской землѣ Новгородцы, въ XIV вѣкѣ, были полными хозяевами; въ тамошнихъ волостяхъ и городахъ въ Шенкурскѣ на Вагѣ, въ Каргополѣ на Онегѣ, въ Пинежѣ и другихъ, уже правили посадники и бояре, присылаемые изъ Новгорода⁽³³⁾: мало-по-малу они строили тамъ новые города, даже иногда и безъ Новгородскаго приказа. Такъ, напримѣръ, въ 1342 году Лука Вареломѣевъ построилъ Орлецъ, а сынъ его, Онциферъ, утвердился на Вагѣ⁽³⁴⁾. Изъ Двинскихъ городовъ и волостей Новгородцы нерѣдко ходили по Волгѣ и производили грабежи, даже до Каспійскаго Моря, по Русскимъ и Татарскимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1366 году Московскій князь Дмитрій Ивановичъ гнѣвался на Новгородцевъ за то, что ихъ повольники или молодцы ходили на Волгу и грабили Московскихъ гостей⁽³⁵⁾. Въ 1386 году, Новгородцы, по требованію Московскаго князя, посылали посадника своего за Волокъ изыскать съ Заволочьской земли 5000 руб. за то, что Заволочане были на Волгѣ и производили тамъ грабежи⁽³⁶⁾. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, въ 1360 году они ограбили Жукотинъ, одинъ изъ городовъ прежней Камской Болгаріи⁽³⁷⁾. Въ 1366 году Новгородцы ограбили Нижній-Новгородъ, захватили тамъ всѣ купеческія суда, и рѣкою Камою нѣсколько времени ходили, для грабежа, по Болгарской землѣ⁽³⁸⁾. Въ 1374 году, въ числѣ 90 ушкуевъ, ограбили Вятку и завладѣли Казанью; потомъ, раздѣлившись на два отряда, одни въ 50 ушкунъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сарая, а другіе, въ 40 ушкунъ, отправились вверхъ по Волгѣ и пограбили все Зарусье (вѣроятно Засурье) и Марквашъ⁽³⁹⁾. Въ слѣдующемъ году въ 70 ушкунъ, Новгородцы напали на Кострому, взяли и ограбили городъ, съ большою добычею и плѣнниками спустились внизъ по Волгѣ въ Казань и распродали тамъ плѣнниковъ; оттуда, по Волгѣ, пустились къ Сарая, грабя по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей, потомъ приплыли въ Астрахань и снова распродали тамъ плѣнниковъ⁽⁴⁰⁾. Въ 1391 году, они снова

(32) Ист. Г. Р. т. III, прим. 31 и 32. (33) Новг. 1, стр. 99. (34) Новг. 1., стр. 81-98. (35) Тамъ же, 88. (36) Тамъ же, 94. (37) Ник. лѣт. т. III, стр. 216. (38) Тамъ же, т. IV, стр. 12. (39) Тамъ же, 38. (40) Тамъ же, 45.

грабили Жукотинъ и Казань ⁽⁴¹⁾. Такимъ образомъ Новгородцамъ хорошо были знакомы всѣ земли, лежащія на сѣверъ и востокъ отъ Новгорода. Съ одной стороны, широкая полоса земли по берегамъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана до Уральскаго хребта и до Оби составляла почти сплошное владѣніе Новгородцевъ, платившее имъ дань и, хотя изрѣдка, заселенное ихъ городами, особенно по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ и по верховьямъ Камы; съ другой стороны, почти все теченіе Волги и нижнихъ притоковъ ея вплоть до Каспійскаго Моря было поприщемъ Новгородской торговли и разбойничества для кутниковъ или повольниковъ. Кажется, что Новгородцы были не незнакомы и съ Каспійскимъ Моремъ, извѣстнымъ въ то время подъ именемъ Хвалынскаго: въ сказкѣ о Васильѣ Буслаевичѣ одинъ Новоторжанинъ Костя хвалится, что къ нему съ Хвалынскаго Моря идутъ три корабля съ самоцѣтными каменьями.

По оффиціальнымъ памятникамъ и по лѣтописямъ, Новгородскія владѣнія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ раздѣлялись на пять патины: Вотскую, Шелонскую, Деревскую, Бѣжецкую и Обонежскую. Вотскую патины составляли земли, лежащія на сѣверъ отъ рѣки Луги и на западъ отъ Волхова до Балтійскаго Моря, по западному берегу Ладожскаго Озера и даже на сѣверъ до Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана. Въ этой странѣ жили между Новгородцами древніе тамошніе туземцы Воть и Ижера, и частію Корела и Лопъ. Здѣсь Новгородцы имѣли города: Ямъ, Копорье, Тесовъ, Орешекъ, Ладугу и Корельскій Городокъ. Шелонская патины лежала на югъ отъ Вотской патины, гдѣ, на сѣверъ, границею была рѣка Луга, а съ запада границами были Чудское озеро и Псковскія владѣнія, на югъ земли Полоцкія и Смоленскія, и на востокъ Деревская патины, отдѣлявшаяся озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью. Здѣсь были города: Новгородъ, Порховъ, Дубровна, Опока, Сабль, Голинъ и Великія Луки ⁽⁴²⁾. Патины Деревская была на востокъ отъ Шелонской и на югъ отъ Обонежской и Бѣжецкой. Отъ Шелонской патины она отдѣлялась озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью, отъ Обонежской рѣкою Мстою, отъ Бѣжецкой также Мстою и Твердой, на востокъ

⁽⁴¹⁾ Тамъ же, 199. ⁽⁴²⁾ Ник. лѣт. III, стр. 183.

упиралась въ Тверскія и Московскія владѣнія, а на югъ граничила съ Смоленскими землями. Въ этой пятинѣ были города: Бронницы, Руса, Деманъ, Коломна, Торжекъ и Волокъ-Ламскій, вѣззавшійся въ Московскія владѣнія. Бѣжецкая пятина, сходявшаяся съ Деревскою у Вышняго-Волочка, шла на сѣверовостокъ по рѣкѣ Мологѣ рядомъ съ Обонежскою патиною, отъ которой отдѣлялась рѣками Сясю и Тихвинкою; на востокъ она сходилась съ Бѣлозерскими и Ярославскими землями, а на югъ съ Тверскими. Здѣсь были города: Устюжна, Кистья, Палицы, Городецъ, Змень, Езьское, Рыбоньское, Изьское, Боровичи, Бѣжецъ, Егна, Мелеча, Шапина. Обонежская пятина на рѣкѣ Мстѣ сходилась съ Деревскою и Бѣжецкою патиною, а на Волховѣ съ Ветьскою; она лежала на западѣ по восточному берегу Ладожскаго озера, потомъ на востокъ тянулась по Онежскому озеру и по Вытегрѣ до рѣкѣ Онеги и Ваги и даже до Сѣверной Двины и Пинеги, которая была ея крайнимъ восточнымъ предѣломъ; на сѣверѣ Обонежская пятина упиралась въ Бѣлое Море, а на югъ граничила съ Бѣжецкою патиною и Бѣлозерскими землями. Здѣсь были города погосты и мѣста: Сварь, Юскола, Тервиничи, Вьюница, Усть-Паяса, Пахитна, Оловецъ, Кокцева Гора, Перминъ, Кокоровъ, Мосіегъ, Луцевичи, Тойвотъ, Липка, Каргополь, Вага или Шенкурскъ, Вельскъ, Пинегъ, Вологда, Волдутовъ погостъ, Тудоровъ, Иванъ, Ракула, Спирковъ, Вихтуй, Кегрель, Емецъ, Пунтъ, Лигуй, Чудинъ, Вавдитъ, Векшенза, Борокъ, Отминъ, Тойма, Пома, Тошма, Пененичъ, Порогопустца, Валдитъ, Волокъ-въ-Моши и Орлецъ ⁽⁴⁴⁾.

Кромѣ пятинъ, въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ упоминается о Новгородскихъ владѣніяхъ, лежавшихъ въ соѣдствѣ съ сѣверными Норвежскими владѣніями, каковы Колоперемъ и Тре, и на сѣверовостокъ Пермь, Печера и Югра, которыя не входили въ составъ пятинъ ⁽⁴⁵⁾.

О Русскихъ земляхъ, лежащихъ на востокъ и югъ отъ Новгорода, Новгородцы въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ имѣли самыя подробныя географическія свѣдѣнія, что доказывается, какъ многими географическими подробностями, встрѣчающимися въ

⁽⁴⁴⁾ Русск. Дост. Т. I. стр. 84—85, и Собр. Гос. Гр. и Док. Т. I. № 2.

⁽⁴⁵⁾ Тамъ же.

Новгородскихъ лѣтописяхъ, такъ и тѣмъ, что Новгородцы въ это время вели самую дѣятельную торговлю во всѣхъ Русскихъ земляхъ. Они для нея ѣздили не только въ Суздальскія, Смоленскія, Полоцкія, Черниговскія и Кіевскія владѣнія, но даже въ землю Волинскую; а съ покореніемъ Россіи Монголами, путешествовали и по Ордынскимъ степямъ. Такъ мы знаемъ, что по смерти Московскаго князя Семѣна Ивановича, Новгородскій посолъ Семенъ Судковъ ѣздилъ въ Орду ходатайствовать о князѣ Константиинѣ Суздальскомъ⁽⁴⁶⁾. О посѣщеніи Новгородцами Волинскихъ владѣній ясно и опредѣленно говорятъ Ипатіевская лѣтопись при описаніи кончины Владиміро-Волинскаго князя Владиміра Васильковича, въ 1286 году; въ ней сказано: «плакашася вадъ нимъ все множество Владимірцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы и Суроужцы и Новгородцы и Жидовѣ плакахуся»⁽⁴⁷⁾. О торговлѣ Новгородцевъ въ Кіевѣ нерѣдко упоминаютъ лѣтописи: напримѣръ, подъ 1141 годомъ, Новгородская лѣтопись говоритъ, что В. К. Всеволодъ Ольговичъ, разгнѣвавшись на Новгородцевъ, задержалъ ихъ гостей въ Кіевѣ⁽⁴⁸⁾; подъ 1147 годомъ упоминается о Новгородской божницѣ въ Кіевѣ.⁽⁴⁹⁾ О торговлѣ же и пребываніи Новгородцевъ въ Суздальскихъ земляхъ можно судить по частымъ упоминаніямъ лѣтописей о томъ, что, въ случаѣ ссоры съ Новгородомъ, Суздальскіе князья всегда задерживали у себя Новгородскихъ купцовъ: такъ, въ 1148 году, князь Юрій Долгорукій отпустилъ задержанныхъ Новгородцевъ по просьбѣ епископа Нифонта «и Новгородскіе гости всѣхъ цѣлы и съ торги ихъ отпусти»⁽⁵⁰⁾; подъ 1196 годомъ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ Георгіевичъ изымалъ Новгородцевъ за Волокомъ и по всей землѣ своей, и держалъ ихъ у себя⁽⁵¹⁾.

Но, кромѣ торговли и войны, Новгородцы приобрѣтали географическія свѣдѣнія разными дальними путешествіями. Такъ до насъ дошло описаніе путешествія Добрыни Ядрейковича (бывшаго въ послѣдствіи Архіепископомъ Новгородскимъ подъ именемъ Антонія) въ Царьградъ. Это путешествіе было совершенно въ 1210 году; описаніе его хранится въ библіотекѣ г. Погодина, и заключаетъ въ себѣ довольно замѣчательныхъ

⁽⁴⁶⁾ Новг. I, стр. 86. ⁽⁴⁷⁾ Ипат., стр. 220. ⁽⁴⁸⁾ Новг. I, стр. 9. ⁽⁴⁹⁾ Ник. лѣт. II, стр. 102. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же, стр. 103. ⁽⁵¹⁾ Новг. I, стр. 23.

подробностей вообще о Константинополѣ и въ особенности о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ. Мы имѣемъ также отрывокъ путешествія Новгородца Стефана по святымъ мѣстамъ. Этотъ Стефанъ путешествовалъ около 1350 года, и оставилъ записки о своемъ пребываніи въ Константинополѣ: въ этихъ запискахъ находимъ описаніе тогдашнихъ Константинопольскихъ замѣчательностей, съ подробностями превосходно характеризующими духъ того времени, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Новгородѣ. Стефанъ упоминаетъ и о встрѣчѣ съ своими земляками, проживавшими въ Константинополѣ: это извѣстіе даетъ поводъ думать, что отдаленныя земли Византійской Имперіи и въ тогдашнее время были нерѣдко посѣщаемы предприимчивыми гражданами Новгорода. На подобную же мысль наводитъ находящееся въ Новгородской лѣтописи извѣстіе о взятіи Константинополя крестоносцами въ 1204 году ⁽²²⁾: и здѣсь нѣкоторыя подробности о Константинополѣ и о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ довольно ясно намекаютъ на знакомство Новгородцевъ съ тѣмъ краемъ. Находить въ этомъ извѣстіи переводъ какой нибудь Византійской хроники, мы не имѣемъ никакого права; нѣкоторыя сходства въ разсказѣ объ одномъ и томъ же предметѣ въ Новгородской лѣтописи и въ Византійскихъ хроникахъ еще не могутъ служить доказательствомъ перевода, а не оригинальнаго Русскаго сочиненія.

Ближайшими сосѣдями Новгорода на востокъ были Суздальцы, и потомъ Москвичи. Этотъ край у Новгородцевъ былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ Низовья и заключалъ въ себѣ Тверскія, Вѣловерскія, Ростовскія, Суздальскія и Московскія владѣнія. Въ началѣ XII вѣка всѣ сія земля, подъ общимъ названіемъ Суздальской или Ростовской страны, были причислены къ владѣніямъ южнаго или Русскаго Переяслава и составляли независимый удѣлъ младшихъ князей Мономахова дома. Географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ начала распространяться съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Этотъ беспокойный и предприимчивый князь ближе познакомилъ Суздальцевъ съ прочими странами Руси, а для жителей другихъ частей Русской земли сдѣлалъ страну Суздаль-

(22) Новг. 1, стр. 26.

скую болѣе доступною и знакомою. Ею походы и войны въ Приднѣпровьѣ и Новгородѣ, продолжавшіеся около 22 лѣтъ, открыли для Суздальцевъ всю Русскую землю; они въ это время узнали не только Черниговъ, Кіевъ и другіе ближайшіе города, но даже страны Волинскую и Галицкую, а частію и Половецкія степи, гдѣ они являлись то друзьями, то врагами Половцевъ. И тѣ же войны Юрія открыли путь въ Суздальскую землю для жителей другихъ краевъ Руси, которые, за исключеніемъ Новгородцевъ, до сихъ войнъ очень рѣдко посѣщали отдаленный Суздальскій край и едва знали его. Въ лѣтописяхъ до Юрія, кромѣ Ростова, Суздаля и Бѣлоозера, мы не встрѣчаемъ другихъ городовъ въ этомъ краю, и конечно не потому, чтобы ихъ не было, но очевидно отъ того, что этотъ рѣдко посѣщаемый край былъ мало извѣстенъ въ другихъ странахъ Руси.

Но со времени Юрія Долгорукаго здѣсь дѣлаются извѣстными многіе города и урочища. Такъ, въ 1135 году, Юрій промѣнялъ Кіевскому князю Ярополку, на Русскій Переяславль, Суздальскія владѣнія Ростовъ и Суздаль и нѣкоторыя другія волости, но не всѣ^(*). Конечно, здѣсь мы встрѣчаемъ еще прежніе знакомые города Ростовъ и Суздаль; но уже видимъ, что не они одни составляли Суздальскія владѣнія Юрія, ибо лѣтопись прямо говоритъ, что Юрій отдалъ Ярополку не всю свою волость. Далѣе, подъ 1137 годомъ, упоминается о Ждановой Горѣ, гдѣ Новгородцы бились съ Суздальцами^(**): это урочище до сего времени ни разу не встрѣчалось въ лѣтописяхъ. Потомъ, война Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ хорошо знакомитъ Суздальцевъ съ страной Вятичей. Такъ, въ 1146 году, Юрьевъ сынъ Иванъ исходилъ всю землю Вятичей, убѣгая отъ преслѣдованія Изяславовыхъ союзниковъ, Черниговскихъ князей Давыдовичей, онъ, вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, изъ Новгорода Сѣверскаго отступилъ къ Карачеву, который, по выраженію лѣтописи, стоялъ въ лѣсной землѣ; потомъ они отошли къ Брянску (въ лѣтописи Дѣбрянскъ, но это названіе не должно вести къ сомнѣнію или къ мысли, что подъ Дѣбрянскомъ должно разумѣть не Брлнскъ, а другой городъ, ибо въ лѣтописяхъ XV вѣка, во время войны Іоанна III-го съ Литвою, во многихъ мѣстахъ очень ясно указывается, что Дѣбрянскъ и

(*) Ипат., стр. 12^(**) Тамъ же, 14.

Брянскъ одинъ в тотъ же городъ). Послѣ того они пошли къ Козельску, а отъ Козельска на востокъ, прямо къ Дѣдославию, что за Упою (гдѣ, кажется, потомъ былъ Дѣдаловъ); потомъ двинулись на сѣверъ, къ рѣкѣ Осетру, и остановились въ городѣ Козтеокѣ, гдѣ скончался Иванъ Юрьевичъ. Святославъ же съ Юрьевыми Суздальцами и съ своею дружиною, по смерти Ивана, обратился къ западу, къ верховьямъ Оки, и оставшился въ городѣ Лобынскѣ, на устьѣ Протвы; далѣе, идя вверхъ Протвы по направленію къ Смоленскимъ владѣніямъ, Святославъ, по приказу Юрія, покорилъ племя Голядь, жившее при верховьяхъ Протвы⁽⁴⁵⁾. Въ слѣдующемъ году, Юрій угощалъ Святослава въ Москвѣ (въ первый разъ упоминаемой въ лѣтописяхъ), которая, кажется, была пограничнымъ городомъ Суздальскихъ владѣній съ Новгородскими и Черниговскими, ибо въ лѣтописи, подъ 1176 годомъ, упоминается, что Лопаня, лежащая первая на югѣ отъ Москвы, была Черниговскій городъ и составляла удѣлъ Олега Святославича; а относительно сосѣдства Москвы съ Новгородскими владѣніями можно заключать изъ того, что Волокъ-Дамскій, находящійся въ 100 верстахъ отъ Москвы, въ XV вѣкѣ еще принадлежалъ Новгороду, да и самая Москва, кажется, была выстроена первоначально на Новгородской землѣ, — прежнее ея названіе *Кучкова Села* встрѣчается только въ Новгородскомъ краѣ, гдѣ между землевладѣльцами въ XV вѣкѣ сохранялась фамилія Кучковичей⁽⁴⁶⁾. Отъ Москвы Святославъ опять возвратился къ Лобынску, потомъ вступилъ въ городъ Неринскъ, подъ которымъ переправился черезъ Оку на степную сторону⁽⁴⁷⁾. Отъ Неринска онъ опять двинулся къ Дѣдославию, откуда отправилъ пришедшихъ къ нему Половцевъ къ верховьямъ Угры на Смоленскъ, а самъ пошелъ къ Девагорску и занялъ всю землю Вятичей до Брянска и Воробьи-на, т. е. все Подесенье, Мценскъ, Домагощъ и Блону; занявши всю землю Вятичей, Святославъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ, выступилъ изъ Мценска и перешелъ въ страну Сѣверянъ, гдѣ прежде всего занялъ Курскъ, оттуда двинулся во владѣнія Переяславскія къ Выреву, и занялъ все Посемье, потомъ пошелъ къ Выхаю и Попашу. Этотъ походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся,

⁽⁴⁵⁾ Ипат., 28—29. ⁽⁴⁶⁾ Тамъ же, 118. ⁽⁴⁷⁾ Тамъ же, 29.

по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими овѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предприимчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ, доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было множество городовъ, которые лежали преимущественно по теченію рѣкъ, на путяхъ сообщенія, и слѣдовательно были выстроены съ торговыми цѣлями; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь пролегла одна изъ значительныхъ дорогъ отъ Дняпра въ Камскую Волгарію, на которую намекаютъ и Арабскіе писатели^(*). Къѣмъ и когда построены упоминаемые здѣсь города, до насъ теперь это не относится; для географіи важно только то, что здѣсь существовали города, что и этотъ край не былъ пустынею, и пользовался извѣстностію у современниковъ.

Теперь обратимся къ географическимъ свидѣтельствамъ, относящимся собственно до Суздальской земли. Здѣсь лучшимъ для насъ указателемъ служить походъ Изяслава и Ростислава Мстиславичей изъ Новгорода и Смоленска въ Суздальскую землю, въ 1148 году. Изяславъ съ Ростиславомъ условились соединиться на устьѣ Медвѣдицы, и для того Изяславъ изъ Новгорода пошелъ къ Волгѣ, и потомъ Волгою до устья Медвѣдицы, гдѣ, соединившись съ Ростиславомъ, отправился внизъ Волгою до Коснятина, а отъ этого города идя внизъ по Волгѣ, они сожгли шесть Суздальскихъ городовъ^(**), дошли до Углича Поля и оттуда до устья Мологи, отъ которой внизъ по Волгѣ проникли до Ярославля^(**). Лѣтописи не говорятъ, какіе именно города были взяты и опустошены Изяславомъ; но для насъ довольно уже и того, что отъ Коснятина до Углича Поля лежало по Волгѣ 6 городовъ; мы отсюда видимъ, что край этотъ былъ уже довольно заселенъ, и что Волга издавна была кормилицею прибрежныхъ жителей, которые спѣшили покрывать берега ея городами. Ко времени же правленія князя Юрія Владиміровича Долгорукаго относятся извѣстія о Владимірѣ-на-Клязми, Перелеславѣ Залѣскомъ на Переславскомъ озерѣ, Дмитрѣ на Яхромѣ и Юрьѣ на Поль-

(*) Истахри Lib. Clim. p. 97 Идриси (Géogr. edit. Jaubert. II, 401.)

(**) Сое. вр. I, стр. 192. (**) Ипат. стр. 40.

скомъ. Владиміръ, какъ свидѣтельствуя лѣтописи, былъ построенъ еще Юріевымъ отцомъ, Мономахомъ, но при Юріи онъ сдѣлался болѣе извѣстнымъ, особенно, когда полюбилъ этотъ городъ старшій Юріевъ сынъ Андрей Боголюбскій. Построеніе Переяслава-Залѣскаго, Юрьева-Польскаго и Дмитрова лѣтописи приписываютъ самому Юрію, и относятъ къ 1152. году первые два города, а послѣдній къ 1154. году, рассказывая, что тутъ родился у Юрія сынъ Всеволодъ — Дмитрій, во имя котораго и городъ получилъ названіе Дмитрова. Вѣроятно, къ времени же Юрія должно отнести построеніе Стародуба на Клязьмѣ, Галича-Мерьскаго при Галичскомъ озерѣ и Геродца на Волгѣ, хотя лѣтописи того времени и не упоминаютъ о сихъ городахъ; но ихъ названія, одинакія съ названіями южно-Русскихъ городовъ, прямо указываютъ на Юрія Долгорукаго, который любилъ давать южно-Русскія названія Суздальскимъ мѣстностямъ; притомъ Волжскій-Городецъ встрѣчается уже въ лѣтописи подъ 1173. годомъ ^(*).

По смерти Юрія, при его сыновьяхъ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, географическія свѣдѣнія о Суздальской и Ростовской сторонѣ получаютъ еще болѣе развитіе. Во время княженія Андрея Боголюбскаго, подъ 1159. годомъ, упоминается о городѣ Кидекши на Нерли, на сѣверо-западъ отъ Переяслава-Залѣскаго, гдѣ Юрій выстроилъ церковь Бориса и Глѣба, въ память того, что здѣсь когда-то было ихъ становище ^(**). Андрей Боголюбскій построилъ Боголюбовъ и особенно украсилъ и укрѣпилъ любимый Владиміръ-Клязьменскій: выстроилъ тамъ богатую церковь Божіей Матери, и много другихъ каменныхъ церквей и монастырей; обвелъ городъ каменными стѣнами, и, подражая Кіевскимъ наименованіямъ и строеніямъ, построилъ золотыя ворота. При немъ Владиміръ сдѣлался столицею новаго Великаго Княжества Суздальскаго или Владимірскаго, а вся Суздальская и Ростовская сторона начала считаться первенствующимъ и могущественнѣйшимъ княженіемъ на Русь, предъ которымъ трепетало уже все Приднѣпровье. По свидѣтельству Ипатьевской лѣтописи, Суздальскій край при Боголюбскомъ былъ уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ Греками, Латинами, Жидами, Болгарами и другими народами, и ихъ гости или купцы прѣбывали во Вла-

(*) Ипат., 106 (**) Ипат., 82.

дмѣръ⁽⁴³⁾. Суздальскія владѣнія при Боголюбскомъ граничили, на западъ съ Новгородскими и Смоленскими владѣніями, на югъ съ Черниговскими или Сѣверскими, гдѣ страна Радимичей уже принадлежала къ Суздальскимъ владѣніямъ, земля Вятчей, кажется, рѣкою Окою раздѣлилась между Сѣверскимъ и Владимѣрскимъ княжествомъ, а край Муромскій и Рязанскій, хотя имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Андрея, который распоряжался тамошними князьями, какъ своими подручниками; на востокъ же онъ два раза воевалъ въ землѣ Камскихъ Болгаровъ, гдѣ Суздальцы, вмѣстѣ съ Рязанцами и Муромцами, доходили до Камы и взяли Болгарскій городъ Бряхимовъ, который Татищевъ полагаетъ на Сурѣ, именно тамъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ выстроенъ городъ Василь-Сурскъ, а по свидѣтельству Никоновской лѣтописи Бряхимовъ лежалъ на берегахъ Камы. На сѣверѣ Суздальскія или Владимѣрскія владѣнія граничили съ Заволочьемъ, Двинскою землею и Пермью.

При Андреевомъ братѣ Всеволодѣ въ лѣтописяхъ встрѣчаются по Суздальской землѣ новыя города и урочища, вѣроятно, бывшіе уже извѣстными при Андрѣе и даже, можетъ быть, при Юріѣ. Такъ, во время войны Всеволода съ Глѣбомъ Рязанскимъ, въ 1177 году, въ первый разъ упоминается городъ Коломна, кажется составлявшій границу Суздальскихъ владѣній съ Рязанскими⁽⁴⁴⁾. Подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ названія рѣки Колакси и Прусковой Горы, на дорогѣ отъ Рязани къ Владиміру; здѣсь Всеволодъ разбилъ Глѣба Рязанскаго. Всеволодъ, подобно Андрею, желалъ распространить Суздальскія владѣнія насчетъ Болгаръ, и по сему случаю лѣтописи упоминаютъ о нѣсколькихъ Болгарскихъ городахъ, до того времени неизвѣстныхъ. Такъ Всеволодовъ походъ на Болгаръ въ 1184 году начался по рѣкѣ Волгѣ, гдѣ, не доходя до Великаго Города, войско высадилось у городка Тухчина, кажется, при устьѣ нынѣшней Цывили, ибо въ Ипатьевской лѣтописи сказано, что Всеволодъ высадился противъ острова Исадъ, при устьѣ Цевцы⁽⁴⁵⁾, которая не означаетъ ли Цывили? потомъ, когда войско поемъ перешло Черемисль, оно было встрѣчено Болгарами изъ городовъ Собѣкуля, Челмата и Терцскаго⁽⁴⁶⁾. Гдѣ находились означенные здѣсь города—опредѣлить нельзя, но кажется,

(43) Ипат., 115. (44) Лавр., 162. (45) Ипат., 125. (46) Тамъ же, 165.

по Волгѣ; ибо въ лѣтописи прямо сказано, что разбитыхъ Болгаръ гнали до Волги и тамъ потопили въ учавлахъ, на которыхъ они думали убѣжать. Въ Ипатьевской Лѣтописи, при описаніи того же похода, мы находимъ два племени Болгаръ: Болгары Серебряные и Болгары «зовомые Тетмюзи.»

Во время Рязанскихъ междоусобій, бывшихъ по смерти Глѣба, въ которыхъ Всеволодъ принималъ дѣятельное участіе, какъ судья и примиритель, упоминается о многихъ, до того неизвестныхъ городахъ въ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣніяхъ. Таковъ Пронскъ на Геронѣ, впадающей въ Оку съ южной стороны⁽⁶⁷⁾; потомъ Копоновъ, за Окою, на рѣкѣ Прѣ, на пути отъ Коломны въ Рязань⁽⁶⁸⁾. Подъ 1207 годомъ говорится о Рязанскихъ городахъ Ужескѣ и Ольговѣ, гдѣ-то на Окѣ, выше Пронска; ибо въ лѣтописи сказано, что когда Всеволодъ послалъ свой полкъ отъ Пронска къ Окѣ, то ратники, пришедъ къ Ужеску, услышали, что Романъ, вышедши изъ Рязани, бьется съ лодейниками у Олгова⁽⁶⁹⁾. Потомъ, на пути отъ Пронска къ Рязани, лѣтописи упоминаетъ о городѣ Добромѣ, который лежалъ на лѣвомъ берегу Прони; ибо, по словамъ лѣтописи, Всеволоду на походѣ изъ Пронска къ Рязани должно было подѣ Добрымъ переходить черезъ Провю⁽⁷⁰⁾, и наконецъ о Бѣлгородѣ, котораго мѣстность не означена, но вѣроятно прямо за Рязанью; ибо сказано, что Всеволодъ, зажегши Рязань, пошелъ къ Бѣлгороду и велѣлъ тоже его сжечь. При нападеніи Батыя такъ же сказано, что онъ сжегъ Пронскъ, Бѣлгородъ и Ижеславецъ. Нынѣ же есть село Ижевское на Окѣ, выше впаденія Пры; слѣдовательно, по смыслу лѣтописи, Бѣлгородъ можно положить на Окѣ же выше Ижеславца и ниже Рязани. Такимъ образомъ при Всеволодѣ Юрьевичѣ Рязанская сторона дѣлается для насъ довольно знакомою, и мы ясно видимъ, что съ этой стороны Руссія владѣнія соединялись съ Половецкими степями и граничила съ ними рѣкою Пронею, гдѣ Пронскъ былъ передовымъ укрѣпленіемъ, и вѣроятно значительнымъ торговымъ пунктомъ съ Половцами и прибрежьями Чернаго и Азовскаго Морей. За Пронею прямо начинались Половецкія степи, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что Всеволодъ, при осадѣ Прон-

(67) Лавр., 169. (68) Тамъ же, 171. (69) Тамъ же, 182. (70) Тамъ же, 183.

ска сталъ за рѣкою за Провою съ поля Половецкаго (71). Но границю Рязанскихъ владѣнй на югъ не оканчивались географическія свѣдѣнія Суздальцовъ; ибо Всеволодъ съ сыномъ своимъ Константиномъ въ 1199 году ходилъ въ Половецкія степи на Донъ и прогналъ Половцовъ къ берегамъ моря. Походы этотъ продолжались лишкомъ мѣсяцъ, и Всеволодъ исходилъ всѣ Половецкія зимовища по Дону (72). Въ войнахъ Всеволода съ Новгородомъ въ первый разъ упоминается о рѣкѣ Твери. Всеволодъ, по занятіи Торжка говоритъ Новгородцамъ: «а повѣлъ есмь юни Тхверю, а в Волховомъ наемю.» Кажется съ перваго похода Всеволода на Новгородцовъ, или по крайней мѣрѣ съ войны Юрія Долгорукаго, должно полагать распространеніе Суздальскихъ границъ на счетъ Новгорода въ тѣмъ краю, гдѣ впоследствии образовались владѣнія Тверскія.

Въ княженіе Всеволодова сына Георгія преимущественное вниманіе Суздальскихъ князей было обращено на востокъ, т. е. Камскую Болгарію и Мораву; а посему въ лѣтописяхъ встречается еще нѣсколько подробностей объ этомъ краѣ, доказывающихъ, что географическія свѣдѣнія этого времени простыраются глубоко на востокъ, до Яика или нынѣшняго Урала. Камскіе Болгары, доселѣ обезпечиваемые Суздальскими князьями, при Георгіѣ вздумали напасть на Суздальскія владѣнія и въ 1219 году захватили Устюгъ-Белый и потомъ пробрались на Унжу, но будучи отражены жителями города Унжи, не удержались въ самомъ Устюгѣ. Георгій же, желая отомстить за набѣгъ, въ 1220 году отправилъ свои войска въ землю Болгарскую, подъ предводительствомъ брата своего Святослава. Его войска двинулись двумя путями: одни отъ Устюга на верхъ Камы, а другія ввызъ по Волгѣ. Сии послѣднія, подъ начальствомъ самого Святослава, послѣ упорнаго боя взяли Болгарскій городъ Ошель, стоявшій на Волгѣ неподалеку отъ устья Камы, а въ то же время первые, подъ предводительствомъ Всеволода Добрынича, побрали и пожгли множество городовъ, лежавшихъ по берегамъ Камы; и сошлись съ Святославомъ въ Камскомъ устьѣ. На другой годъ Георгій собрался самъ идти въ землю Болгарскую, и уже дошелъ до Волжскаго Городца; но остановленный Болгарскимъ посольствомъ, заключилъ миръ; впрочемъ, желая впередъ имѣть

(71) Лавр., 182. (72) Тамъ же, 174.

укрѣпленное и удобное мѣсто ближе къ Болгарскимъ владѣніямъ, велѣлъ построить при впаденіи Оки въ Волгу Нижний-Новгородъ ⁽⁷²⁾. Съ 1226 года Георгій началъ посылать свои войски на Мораву; въ первый разъ туда ходили братья его Святославъ и Иванъ, которые, взявши тамъ нѣсколько селъ, возвратились домой съ добычею ⁽⁷³⁾. Во второй разъ, въ 1228 году, онъ послалъ туда племянника своего Василька Константиновича, но веретавъ его съ границы за Нижнимъ-Новымъ городомъ, собрался идти самъ съ братомъ Ярославомъ и племянниками. Суздальскія войска прежде всего захватили владѣнія Моравы Пургасовой, опустошили ихъ, а жителей загнали въ лѣса, а которые не успѣли уйти, тѣхъ избилъ, и возвратился домой. На другой годъ Моравы, подъ начальствомъ Пургаса, напала-было на Нижний-Новгородъ, но была отбита, и потому потеряла сильное пораженіе въ своей землѣ отъ ротника Георгіева Пуреша, другаго Мордовскаго князя, который съ Половцами напалъ на Пургаса и избилъ все его племя. Въ этомъ же году Суздальцы въ первый разъ услышали о движеніи Татаръ къ предѣламъ Камской Болгаріи; лѣтописцы говорятъ: «того же лѣта Саконни и Половцы възбѣгоша изъ визу къ Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша, бѣени отъ Татаръ близъ рѣки, ей же имя Якъ» ⁽⁷⁴⁾.

Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія Георгіева времени для насъ чрезвычайно важны: они даютъ вѣрныя указанія, какъ постепенно распространялись у Суздальцовъ географическія свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ на востокъ отъ Суздальскихъ владѣній. Такъ походъ на Болгаръ въ 1220 году, особенно съ Устюга Великаго на Каму, показываетъ, что Суздальцы хорошо знали всѣ дороги въ Камскую Болгарію, когда могли составить и привести въ исполненіе планъ соединенія двухъ войскъ близъ устья Камы, начавшихъ походъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. А войны съ Моравою свидѣлствуютъ, что Суздальцы давно уже были хорошо знакомы и съ этимъ лѣснымъ краемъ; ибо Георгій здѣсь имѣлъ между Мордовскими князьями своего ротника Пуреша. Кромѣ того въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о сихъ войнахъ мы узнаемъ, что Мордовскія земли были покрыты непроходимыми лѣсами и не имѣли городовъ. Извѣстія же о первомъ

(72) Лавр. 189. (73) Тамъ же, 190. (74) Тамъ же, 192.

движеніи Татаръ къ Камской Болгаріи, показываютъ, что Болгарскія границы на востокъ простирались до рѣки Яика; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Татары разбили на этой рѣкѣ стражу Болгарскую.

Въ описаніи Георгіева княженія лѣтопись также довольно представляетъ извѣстій собственно о Суздальскихъ владѣніяхъ. Мы уже видѣли, что владѣнія сіи на югѣ граничили Окою вплоть до ея устья, гдѣ Георгій построилъ Нижній-Новгородъ; на востокъ же ихъ границею были земли Болгарскія, отдѣлявшіяся, можетъ-быть, рѣками Унжею и Волгою; а на сѣверѣ крайними предѣлами ихъ были верховья Костромы и Бѣлоозеро. Для опредѣленія же западныхъ границъ подробнѣйшія свѣдѣнія представляетъ рассказъ лѣтописи о войнѣ Георгія съ Константиномъ Ростовскимъ и Мстиславомъ Новгородскимъ. Изъ этого рассказа мы видимъ, что крайними предѣлами Суздальскихъ владѣній на западъ были Тверскія земли; ибо Мстиславъ, вышедши изъ Новгорода, первыя укрѣпленія Суздальскія встрѣтилъ на Тверцѣ и взялъ Зубцовъ; а Ярославъ, противникъ Мстислава, укрѣпился въ Твери. Здѣсь Суздальскія земли соприкасались съ Новгородскими, Смоленскими и Черниговскими. Съ Новгородской и Смоленской стороны пограничными городами были Тверь и Зубцовъ; и кромѣ того Смоленскія земли отдѣлялись рѣкою Протою ниже Можайска: а съ Сѣверскими и Черниговскими владѣніями Суздальскія земли сходились при впаденіи Угры въ Оку и внизъ по Окѣ. При Юріѣ Долгорукомъ, въ описаніи похода Изяслава Мстиславовича, мы видѣли, уже что дорога изъ Новгорода въ Суздальскія земли лежала на Медвѣдцу къ Волгѣ; а при описаніи Мстиславова похода открываемъ еще новую дорогу отъ Зубцова на Шону и Дубну къ Кенятину на Волгѣ (*), отсюда сухимъ путемъ на Городище на рѣкѣ Саррѣ, между Переяславлемъ и Ростовомъ, и даже въ центръ Суздальской земли къ Юрьеву и Владимиру черезъ рѣки Ксу и Липицу. При завоеваніи Суздальской земли Батыемъ въ 1237 году, сказано, что Татары взяли въ Суздальской землѣ 14 городовъ, и прошли съ одной стороны до Галича Мерскаго, а съ другой до Торжка. Кромѣ того, это же извѣстіе о Батыевомъ нападеніи указываетъ намъ нѣсколько на границы Муромскихъ и Рязанскихъ владѣній на

(*) Троицк., 212.

югѣ. По свидѣтельству Троицкой Лѣтописи полки Батыевы предъ вступленіемъ въ Муромскія и Рязанскія владѣнія остановились лагеремъ на какой-то рѣкѣ Онузѣ, вѣроятно на границахъ Муромскихъ съ Моравою; потомъ Рязанскіе и Муромскіе князья, чтобы не впускать Татаръ въ свои владѣнія, дали имъ битву на берегахъ Воронежи ⁽⁷⁾, т. е. далеко отъ Пронска въ степяхъ Половекскихъ; слѣдовательно Рязанцы и Муромцы довольно хорошо уже знали топографію Половекскихъ степей, когда по имени называли тамошнія рѣки.

При Юріѣ Всеволодовичѣ Суздальскія или Владимірскія владѣнія уже не составляли одного княженія: значительная ихъ часть, именнно Ростовъ, Ярославъ, Угличе-Поле, Бѣлоозеро, Галичъ и Устюгъ отошли въ вотчину наслѣдниковъ старшаго Юріева брата Константина. Преемникъ Юріевъ Ярослав долженъ былъ еще отдѣлить для братьевъ, своихъ — Святослава, Суздаля и для Ивана Стародубъ. А по смерти Ярослава дробленіе еще болѣе увеличилось: Тверь, Кострома, Переяславль Залѣсскій и Москва составили отдѣльныя вотчины; къ Суздалю отошли Нижній-Новгородъ и Городецъ, къ Твери Зубцовъ, Кашиный и весь край, пограничный съ Смоленскими, Новгородскими и Ростовскими владѣніями, къ Переяславу Дмитровъ. Новое соединеніе всѣхъ сихъ владѣній началось не раньше XIV вѣка, когда начала усиливаться Москва.

Завоеваніе Россіи Монголами имѣло большое вліяніе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ сѣверовосточной или Суздальской Руси. До сеговременна географическія свѣдѣнія между жителями этого края, со временъ Юрія Долгорукаго, ограничивались Русскими владѣніями вообще, степями Половекскими и землями Болгарскою и Мордовскою (съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій и братъ его Всеволодъ обратили вниманіе въ эту сторону) и также, можетъ-быть, Византійскою Имперією, по случаю церковныхъ сношеній съ патріархомъ Константинопольскимъ. Но со времени завоеванія Россіи Монголами, князья и народъ сѣверовосточной Руси волей-неволей должны были познакомиться съ самими отдаленными странами, составлявшими огромную имперію потомковъ Чингисовыхъ. Уже Плано-Карпини, посолъ папы Иннокентія IV въ 1246 году во глуби-

(7) Тамъ же, 221.

въ средней Азіи въ Кароѳорумѣ видѣлъ при ханскомъ дворѣ Русскаго князя Ярослава Всеволодовича, и даже разсказываетъ о Рускихъ священникахъ, совершавшихъ священнослуженіе по Греческому (т. е. Русскому) обряду передъ ставкою Гаюка, и о многихъ Россіянахъ, состоявшихъ на службѣ у хана и между ними объ одномъ ханскомъ любимцѣ, золотыхъ дѣлъ мастерѣ Козмѣ, который сдѣлалъ для хана печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями съ разными изображеніями ⁽⁷⁹⁾. Путешествіе свое Плано Карпини совершалъ чрезъ землю Половецкую до береговъ Волги, гдѣ кочевала Орда Батыева; потомъ переехалъ въ безводныя степи Кангитовъ (или по-Русски Хвалисовъ) около озера Балхамъ; далѣе, въ Хиву или въ землю Бесерменовъ, оттуда въ страну Кара-Китановъ, лежавшую отъ Аральскаго Озера до Оби и Иртыша; и наконецъ за Обью вступилъ въ пустыни нынѣшней Сибири и шелъ до озера Байкала, отъ котораго вверхъ рѣкою Селенгою вошелъ въ рѣку Орханъ, по которой достигъ до тогдашняго мѣстопробыванія хана-Каракорума. Конечно, тою же дорогою, начиная отъ орды Батыя ходили и Русскіе въ далекую Татарію. А Русскихъ сюда ходило очень много; ибо по нашимъ лѣтописямъ еще прежде Ярослава сынъ его Константинъ былъ посланъ въ великую Татарію ⁽⁸⁰⁾; потомъ въ 1247 году туда же посылалъ Батый Александра Невскаго и брата его Андрея ⁽⁸¹⁾; въ 1256 году туда же ѣздили князь Борисъ Васильевичъ Ростовскій и послы Невскаго ⁽⁸²⁾; въ 1268 году былъ тамъ князь Глѣбъ Васильевичъ Бѣлозерскій ⁽⁸³⁾; а въ 1269 году въ столицѣ Батыевой Сарай уже поставляется Русскій Епископъ Митрофанъ, и такимъ образомъ Сарай поступаетъ въ число Русскихъ епархій ⁽⁸⁴⁾. Эта епархія въ столицѣ ханской ясно говоритъ, что Русскихъ такъ много жило между Татарами, и такъ много ѣздило ихъ въ Орду, что не болѣе какъ черезъ 20 лѣтъ послѣ завоеванія Руси Татарами понадобилась въ ханской столицѣ не только священники, но и постоянный Русскій епископъ. Оно и не могло быть иначе, ибо не одни князья и Русскія посольства ѣздили къ ханамъ для засвидѣтельствованія покорности и полученія ярлыковъ; но цѣлыя полки Рус-

⁽⁷⁹⁾ Путеш. къ Татар. пер. Языкова. стр. 55. ⁽⁸⁰⁾ Нпк. III, стр. 18. ⁽⁸¹⁾ Тамъ же, 27. ⁽⁸²⁾ Тамъ же, стр. 37. ⁽⁸³⁾ Тамъ же, 46. ⁽⁸⁴⁾ Тамъ же, 50.

скихъ воиновъ проживали между Татарами, состоя на службѣ ханской и участвуя въ Татарскихъ воинскихъ походахъ. Такъ, по свидѣтельству Плано Карпини, Батый и Гаюкъ посылали въ Россію своего вельможу для набора воиновъ ⁽⁶⁴⁾: отъ двухъ сыновей третьяго. Рубрукъ, посолъ Людовика Святого, бывшій въ Монголіи въ 1258 году, говоритъ, что въ станѣ Монгольскомъ и въ окрестностяхъ онъ видѣлъ много Россіянъ, Венгерцовъ и Ясовъ, которые скитались по степямъ вмѣстѣ съ Монголами ⁽⁶⁵⁾. По Русскимъ лѣтописямъ мы знаемъ, такъ же что Русскіе князья съ своими полками участвовали въ Татарскихъ походахъ; такъ въ Никоневской Лѣтописи подъ 1275 годомъ сказано: «ходиша Татарове и князи Рустіа на Литву и воеваша возвратишася со многимиъ полономъ». ⁽⁶⁶⁾ Въ 1278 году ханъ Менгу-Темаръ водилъ съ собою въ Яскій походъ Русскихъ князей и ихъ дружины, при чемъ Россіяне отличились взятіемъ Яскаго города Деякова, въ вышнемъ Дагестанѣ, за что ханъ отпустилъ ихъ на Русь съ честію и дарами ⁽⁶⁷⁾. Въ тотъ же годъ Глебъ Васильковичъ Ростовскій съ Феодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ снова участвовалъ въ какомъ-то ханскомъ походѣ; лѣтопись говоритъ, что онъ отъ юности своей служилъ Татарамъ и былъ защитникомъ христіанъ передъ ханомъ ⁽⁶⁸⁾. Подъ 1279 годомъ лѣтопись еще упоминаетъ объ участіи Русскихъ князей въ Татарскомъ походѣ на Литву; ⁽⁶⁹⁾ въ 1338 году Русскіе князья вмѣстѣ съ Татарскими воеводами по повелѣнію ханскому ходили на Смоленскъ ⁽⁷⁰⁾; въ 1389 году князь Борисъ Константиновичъ Суздальскій нѣсколько участвовалъ въ Тохтамышевомъ походѣ на Тамерлана въ Самаркандъ (Ник. IV, 191). Кромѣ того, при вступленіи на престолъ каждого новаго хана къ нему являлись для изъявленія покорности и полученія ярлыковъ не только князья, но Митрополитъ и Епископы; такъ лѣтопись, упоминая о возшествіи на престолъ Узбека, именно говоритъ: «а новыи Царь Озбакъ селъ на царствѣ, и вся обновившася, и вси приходяху во Орду, того ради, понеже тогда во Ордѣ и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и Епискупы» ⁽⁷¹⁾. Ханы пользовались не только военною службою Рус-

⁽⁶⁴⁾ Собр. Пут. къ Тат. пер. Язык., стр. 185. ⁽⁶⁵⁾ Voyage de Rubruquis. ⁽⁶⁶⁾ Ник. III, стр. 59. ⁽⁶⁷⁾ Тамъ же, 64. ⁽⁶⁸⁾ Тамъ же, 66. ⁽⁶⁹⁾ Тамъ же, 68. ⁽⁷⁰⁾ Тамъ же, 170. ⁽⁷¹⁾ Тамъ же, 108.

скихъ, но поручали имъ и другія свои дѣла; такъ Сарайскій Епископъ Θεοφιλοςъ три раза ѣздилъ въ Царь градъ посланникомъ отъ Хана Менгу-Темира ^(*). Притомъ Русскіе были обычными посѣтителами Орды и не по службѣ, а по торговлѣ и по другимъ своимъ дѣламъ. Напримѣръ Лѣтописъ, при описаніи убіенія Михаила Тверскаго въ 1319 году, говоритъ: «быху тамо (въ Ордѣ, стоявшей по случаю Узбековой большой облавы за Тереконъ) мнози народи, аки песокъ собравшеся людіе, и Цареградцы, и Нѣмцы, и Латван Русь; и мнози православніи ивидаше слезяху» ^(**). Всѣ сии свидѣтельства о частыхъ путешествіяхъ въ Орду (которая, надобно замѣтить, въ лѣтнее время постоянно странствовала то около Каспійскаго Моря, то у Азовскаго, то у Чернаго, или въ Закавказьѣ и даже въ Персіи, какъ это можно видѣть изъ ханскихъ ярлыковъ и другихъ намятниковъ), очень ясно указываютъ, что Русскіе при Татарахъ широко распространили у себя географическія извѣстія объ отдаленныхъ, прежде для нихъ почти невѣдомыхъ, земляхъ и конечно въ свое время имѣли какія либо описанія своихъ путешествій или дорожники; ибо это было необходимо какъ для частныхъ людей, такъ еще болѣе для правительства, которое по частнымъ сношеніямъ всегда имѣло нужду не только въ путевказателяхъ, но и въ свѣдѣніяхъ болѣе подробныхъ о тѣхъ краяхъ, гдѣ странствовали и жили Татары. До насъ даже дошло нѣсколько свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ, бывшихъ въ ходу у Русскихъ въ XIV столѣтіи. Такъ въ приведенномъ выше описаніи смерти Михаила Тверскаго сказано: что Орда въ это время стояла «за Тереконъ подъ великими горами подъ Яскими и Черкасскими у града Тятакова, на рѣцѣ Синицѣ близъ вратъ желѣзныхъ, у болвана мѣдянаго, у златыя главы, у Темиревы богатыревы могилы» ^(*). А въ Львовской Лѣтописи еще прибавлено: «минувъ грады Сѣвскіе и Черкасскіе» (Руск. Лѣтоп. Львова II стр. 76) Слѣд. въ началѣ XIV вѣка здѣсь на дорогѣ изъ Руси въ Закавказье было нѣсколько яскихъ и черкасскихъ городовъ, о которыхъ мы теперь вовсе ничего не знаемъ, и о которыхъ даже въ концѣ XIV вѣка, по свидѣтельству Пименова Дорожника, сохранилась одна память. Далѣе, когда тѣло убитаго Михаила повезли на Русь, то должно было переѣзжать рѣку Адежъ, потому городъ Мошарыкъ

(*) Никон. III, 68. (**) Тамъ же. 118. (**) Тамъ же, 119.

и далѣ Бездежъ ^(*) Рѣки Адежъ мы не знаемъ; Мотарыиъ же или Маджары, какъ объясняетъ Карамзинъ, лежалъ на рѣкѣ Кумѣ, а Бездежъ въ землѣ Ясовъ, на одномъ изъ рукавовъ Волги. Названія сіи давно уже исчезли въ нашей географіи; о нихъ даже не упоминается въ Книгѣ Большаго Чертежа. Подъ 1346 годомъ лѣтописи, упоминая о моровой язвѣ, опустошавшей въ это время востокъ, перечисляютъ страны того края очевидно по свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ во время путешествій къ Татарамъ. Такъ Никоновская Лѣтопись говоритъ: «бысть моръ силенъ зѣло подъ восточною страпою на Орначи, и на Австорокани, и на Саран и на Бездежи, и на прочихъ градахъ странныхъ, на христіанехъ, и на Арменехъ и на Фрязахъ, и на Черкасѣхъ, и на Татарехъ, и на Обязехъ» ^(**). Въ Троицкой Лѣтописи это же извѣстіе измѣнено такъ: «и бысть моръ великъ на люди: на Бесермены, и на Татары и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фризы и на Черкасы» ^(***). Здѣсь извѣстія объ Орначи (это Орна по Платону Карпини или Тана древняя и нынѣшній Азовъ при устьѣ Дона) Астрахани, Сараѣ и Бездежѣ рѣшительно получены во время путешествій къ Татарамъ, ибо во всѣхъ сихъ мѣстахъ, какъ мы уже знаемъ, кочевала Орда. То же должно сказать и объ этнографическихъ свѣдѣніяхъ: они также пріобрѣтены путешествіями къ Татарамъ: Бесерменами очевидно здѣсь называются Хивинцы, чрезъ земли которыхъ шла дорога изъ Руси въ Великую Татарію, какъ уже объяснено выше; Ормичами, Черкесами и Обизами названы жители Закавказскаго края, куда ходили Русскіе во время Узбека, какъ видно изъ описанія смерти Михаила Тверскаго; подъ жидами и Фризами здѣсь должно разумѣть поселенія Генуэзцовъ и Венеціанъ въ Тавридѣ, куда бѣжалъ Мамай, разбитый Тохтамышемъ въ 1381 году. При описаніи завоеваній Тамерлана, наши лѣтописи еще подробнѣе развиваютъ тогдашнія географическія свѣдѣнія на Руси о восточныхъ странахъ. Такъ о мѣстѣ рожденія Тамерлана лѣтопись говоритъ: «страна нѣкая есть между яко быти Индѣикъ сѣвернымъ странамъ и восточнымъ, именемъ Араръ, нарицаетъ же междорѣчье, занеже двоямъ источникамъ окружающимъ ю; и въ той странѣ сыиъ нѣкоего мѣста старѣйшины именемъ Тamarъ свирѣпъ зѣло» ^(****). Въ

^(*) Ник. III, 122. ^(**) Тамъ же, 183. ^(***) Ист. Г. Р. IV, прим. 357. ^(****) Ник. IV, стр. 246.

другомъ мѣстѣ та же лѣтопись пишетъ о Тамерланѣ: «о семъ убо Темирѣ Аксацѣ повѣдаша нѣцыи, яко отъ Залцкихъ Татаръ отъ Самархинскія (Самаркандскія) страны отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными враты» ⁽⁹⁹⁾. Потомъ исчисляя его завоеванія, говоритъ: Темирѣ Аксакъ завоевавъ Самаркандъ, покораилъ Персиду, побѣдилъ Баязета, прошелъ въ Египетъ, и на возвратномъ пути покорилъ Дамаскъ и Іерусалимъ; «пріять же и Ассирію и Вавилонское царство, и Севастію и Арменію, и всѣ орды поплѣни; и пріять и Синюю Орду, еже есть близъ Индіи, и Сарай Великій, и Чегодан, и Теврази, и Гурстани, Обѣи и Гурвы, и оттуду поиде во Охтои. Пріять и Шамахію, Китай и Крымъ, и ополчися поиде къ Великой Ордѣ. И царя Тохтамыша побѣдивъ прогна. И прииде близъ предѣлъ Рязанскія земли. . . . и вая градъ Елецъ» ⁽¹⁰⁰⁾. Или въ иномъ мѣстѣ той же лѣтописи: «А се имена тѣмъ землямъ и царствамъ, еже поплѣнилъ Темирѣ Аксакъ: Чегадан, Горусани (Хоросанъ) Гулустани, Китай, Синія Орда, Ширазы, (Ширазъ) Асиаганы (Испаганы), Арначи (Орначъ), Гиневъ (Гиланъ), Шизъ, Шибранъ или Ширбѣнъ (въроятно Ширванъ), Шамахіи (Шамаха), Савастъ, Арзунумъ (Арзерумъ), Теврази (Тавриазъ), Теэлизи (Тифлисъ), Гурзустаніи, Обеза, Гурзіи, (Грузію), Багдаты (Багдадъ), Темирѣ Баты, рекше Желѣзная Врата (Дербентъ), Ассирію, Вавилонское царство, Іерусалимъ, Севастію, Арменію, Дамаскъ великій и Сарай великій» ⁽¹⁰¹⁾. И тутъ же, о мѣстѣ битвы Тамерлана съ Тохтамышемъ, пишетъ: «и бысть имъ бой въ полѣ чистѣ, на мѣстѣ нарицаемомъ Орднскомъ, на кочевіи Царя Тахтамыша близъ рѣки Себенчи» ⁽¹⁰²⁾. Большая часть перечисленныхъ здѣсь наименованій странамъ очевидно взята не изъ книгъ, но прямо отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ; ибо лѣтописи асиріи говорятъ: *повѣдаша нѣцыи*. Притомъ даже не немногимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ мы можемъ указать, что Русскіе въ XIV вѣкѣ бывали во многихъ странахъ, завоеванныхъ Тамерланомъ, и имѣли о нихъ географическія свѣдѣнія пріобрѣтенныя живою дѣятельностію народа, а не почерпнутыя изъ книгъ. Такъ въ самомъ описаніи родины Тамерлановой, лѣтописецъ, говоря, что она лежитъ какъ бы на сѣверъ и востокъ отъ Индіи, и называется между-рѣчьемъ, довольно ясно намекаетъ, что онъ слышалъ о ней отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ, и кото-

⁽⁹⁹⁾ Ник. IV, 258. ⁽¹⁰⁰⁾ Тамъ же, 248. ⁽¹⁰¹⁾ Тамъ же, 259. ⁽¹⁰²⁾ Тамъ же, 260.

рые объясняли ему мѣстность по своему. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ первоначальное поприще подвизговъ Тамерлана называетъ Синюю Ордою,—это чисто народное Русское названіе Самарканда тоже показываетъ, что въ XIV вѣкѣ Русскіе были хорошо знакомы и съ этимъ краемъ. Въ лѣтописи даже есть намеки на двѣ дороги въ эту сторону: на одну отъ Урала или Яика, (лѣтописецъ говоритъ о Тамерланѣ, яко отъ Заяцкихъ Татаръ) и на другую отъ Дербента или отъ Желѣзныхъ Вратъ (отъ Синія Орды, вже бѣ за Желѣзными Вратами). И точно первый путь на Яикъ былъ вѣроятно обычнымъ у Русскихъ, путешествовавшихъ въ Великую Татарію; по немъ шелъ, какъ мы уже знаемъ, и Платон Карпини; вторая же дорога на Дербентъ, должно быть, была открыта съ того времени, какъ Русскимъ приходилось посѣщать Орду, кочевавшую за Терекомъ. А если Русскіе знали дорогу въ Самаркандъ на Закавказье, то конечно имъ были извѣстны и Чегодай и Хоросанъ, Ширазъ, Испоганъ, Гилянъ, Ширванъ, Шамаха, Тифлисъ, Тавризъ и Гулистанъ. О посѣщеніи Русскими Гулистана мы даже имѣемъ прямое свидѣтельство; такъ Митрополитъ Алексѣй получилъ въ Гулистанѣ ярлыкъ отъ Тайдулы, что написано на самомъ ярлыкѣ: «когда Орда кочевала на Гулистанѣ.» Мы также имѣемъ важное указаніе на географическое положеніе Татарскихъ владѣній въ свидѣтельствахъ лѣтописей о раздѣленіи Орды; такъ по лѣтописямъ мы знаемъ Большую или Золотую Орду на Волгѣ, гдѣ главнымъ городомъ былъ Сарай; потомъ извѣстна Синяя Орда, подъ названіемъ которой Русскіе въ XIV вѣкѣ разумѣли всѣ Татарскія владѣнія за Яикомъ; далѣе Нагайская Орда между Дономъ и Волгою, Крымская Орда на западъ отъ Дона, и наконецъ Бѣгородская Орда по сѣверному берегу Чернаго Моря.

Но кромѣ лѣтописныхъ указаній на географическія свѣдѣнія жителей сѣверо-восточной Руси въ XIV столѣтіи, до насъ дошло и чисто-географическое сочиненіе этого же времени, писанное въ сѣверо-восточной Руси—*Хожденіе Пиминаго во Царь-градъ*. Оно объясняетъ не только путь въ Византію, но описаніе самой Византіи и даже Палестины и наполнено многими весьма любопытными географическими и другими подробностями. Писателемъ этого хожденія былъ Игнатій, діаконъ Смоленскаго епископа Михаила; мы даже знаемъ, что

оно писано по повелѣнію Митрополита Пимина, ибо при самомъ началѣ описанія сказано: «и повелѣ Митрополитъ Пиминъ Михаилу владыцѣ Смоленскому, да Сергію архимандриту Спаскому, и вся ктождо аще кто хошетъ писати сего путешествованіе все, како поидоша и гдѣ что случися, или кто возвратится или не возвратится вспять; мы же сія вся писахомъ» ⁽¹⁰²⁾. Вотъ сокращенное изложеніе описанія отъ начала до конца. «Бысть же начало пути тому отъ града Москвы мѣсяца Апрѣля въ 13 день (1389 года), въ великій вторникъ страстныя недѣли; и аще поидохомъ отъ Москвы, и пріидохомъ на Коломну въ субботу великую; а во Св. недѣлю пасхи поидохомъ къ Рязани по рѣцѣ по Окѣ, и приспѣхомъ къ Перевитску, и ту срѣте насъ Еремей Епископъ Рязанскій, и приближившимся намъ къ Переяславу срѣтоша насъ сыновѣ В. К. Олега Ивановича Рязанскаго Поидохомъ же отъ Переяслава въ недѣлю Оумину, проводиши жъ съ нами и три струги да насадъ на колесѣхъ. (Отъ Переяслава до рѣки Дона В. К. Олегъ велѣтъ проводить путешественниковъ боярину Станиславу съ дружиною, на случай нападенія разбойниковъ). Въ четвертокъ же пріидохомъ къ рѣцѣ къ Дону и спустихомъ суды на рѣку на Донъ. И во второй день пріидохомъ до Чурь Михайловыхъ, (вѣроятно городъ извѣстнаго рязанскаго Князя Кюръ Михаила), сице бо тамо тако нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ баше. (Здѣсь путешественники разстались съ провожатыми.) Въ недѣлю же Св. Мѣроносицъ оттуду поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ. Бысть же сіе путное шествіе печально и унылаво, баше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же, ни града ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію пусто жъ все и не населено; ни гдѣ бо видѣти человека, точію пустыни веліа и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисцы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, жаравли и прочая, и баше вся пустыни великіа. Во второй же день рѣчнаго плаванія минухомъ двѣ рѣцѣ Мечу и Сосну; въ третій же день проидохомъ острою луку, въ четвертый же день проидохомъ кривыи Боръ, въ шестыи жъ день приспѣхомъ до усть Воронежа рѣки. Наутріе жъ въ недѣлю, на память

⁽¹⁰²⁾ Ник. IV, стр. 159.

Св. Чудотворца Николы, прише къ намъ князь Юрій Елецкій съ боары своими и со многими людьми. Оттудажъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ, и видѣхомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоать рядомъ, яко стози малы, бѣлыжъ и свѣтлы зѣло надъ рѣкою надъ Сосною. Таже минухомъ и Черленый Яръ рѣку, и Бетюкъ рѣку и Похоръ (въ другихъ спискахъ Хоперь) рѣку. Въ недѣлюжъ пятую о Самарянинѣ минухомъ пловуще Медвѣдицу рѣку, и Горы высокія рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку. Въ понедѣльникъ же пловуще минухомъ горы каменныя красныя, во вторникъ же Терклію (въ нѣкихъ спискахъ Серклію) градъ минухомъ пловуще, не градъ же убо, но точію городище; таже и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло, якожъ и якоже песокъ. Въ среду же пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхоzinъ улусъ; и тако оттуду нача насъ страхъ обдержати, яко внидохомъ въ землю Татарскую, ихъ же множество оба пола Донъ рѣки, аки песокъ. Въ четвертокъ же пловуще минухомъ Бекъ - Булатовъ улусъ; стадажъ Татарскія видѣхомъ только множество, якоже умъ превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже въ пятокъ минухомъ Червленныя горы. Въ недѣлю же шесту слѣпаго минухомъ Акъ-Бугинъ улусъ, и ту многое множество Татаръ, и всякихъ скоть стады безъ числа много. Отъ Татаръ же никто же насъ пообидѣ, точію воспросиша ны вездѣ, мы же отвѣщахомъ; и они слышавше ничтоже намъ пакости творяху и млеко намъ даяху; и сие съ миромъ въ тишинѣ плавахомъ. Въ понедѣльникъ же придохомъ Бузукъ рѣку. Въ канунъ Вознесеньева дни приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова. Въ недѣлю же седмую Св. Отецъ владшеся въ корабль на усть Дона рѣки подъ градомъ Азовымъ. Тогда же во Азовѣ живуще Фрязовѣ и Нѣмцы, владѣюще тѣмъ мѣстомъ, и отступихомъ въ море. (Здѣсь описывается остановка корабля Фрязами.) Тогда убо вѣтру добру и пособну бывшу плыхомъ по морю въ радости; таже въ третій день тяжекъ вѣтеръ въ преки быше, и пріахомъ истомленіе велие. И проидохомъ устіе Азовскаго моря, и изыдохомъ на великое море; въ шестый же день въ субботу минухомъ Канонскій Лимень и Сурожъ; и мношествоующимъ плавахомъ добре четыре дни: недѣлю, понедѣльникъ, вторникъ и среду. Таже въ пятый день въ четвертокъ возвѣя вѣтръ супротивенъ

зѣло, и поведе насъ по морю въ лѣвую страну къ Синопу граду; и впадохомъ въ Ламень близъ града Синопа и тамо пребыхомъ два дни. Таже возвѣя добръ и покосенъ вѣтръ, и поплыхомъ близъ града; бяху жъ тамо горы высоки зѣло, въ половину убо тѣкъ горъ стирахуся облацы преходяще по воздуху. Тажъ оттуда мало пришедше сице шолъ тѣми же горами противу града Амастра заговѣхомъ къ Петрову дни; и сице въ токъ плывуще минухомъ Пандораклю. Въ среду же возвѣя вѣтръ супротивенъ зѣло, и пакы возвратихомся въ Пандараклю, и пребыхомъ тамо 15 дній. Таже оттуда плдохомъ въ сандаліяхъ (можетъ быть въ гондолахъ) ко Царюгороду на рождество Св. Ивана Предотечи; и на утрѣ въ нтокъ минухомъ плывуще Діополь градъ; въ субботу же обѣдахомъ на усть рѣка Сахара; въ недѣлюже минухомъ градъ Даенусій и Карейю градъ. Тажъ плывуще пріидохомъ во градъ Астравію и тамо пребыхомъ пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; баше бо царь Амуратъ Турскій пошелъ ратью на Сербскаго царя Лазаря (здѣсь разскажъ о походѣ Амурата), и поидохомъ отъ града Астравія въ недѣлю предъ Петровымъ днемъ; на утрѣ же поидохомъ отъ Фили и минухомъ Риву; и пріидохомъ ко устію и минухомъ Фонарь. Вѣдру жъ добру сушу вельми приспѣхомъ въ Царьградъ. Въ понедѣльникъ же кинувъ Петрову дни во время вечерни пріидоша къ намъ Русь, живущая тамо, в ту ночь пребыхомъ въ корабли. На утрѣ жъ мѣсяца Іюня въ 29 день благодараше Господа внидохомъ въ градъ Константинъ.»

Далѣе сочинитель путешествія описываетъ пребываніе въ Константинополѣ и тамошнія достопримѣчательности, видѣныя путешественниками; говоритъ о храмѣ Софійскомъ, объ императорскомъ дворцѣ, объ Ипподромѣ и разныхъ колоннахъ, о церкви Іоанна Предтечи, о церкви Св. Апостолъ, о гробницахъ императорскихъ, о монастырѣ Патріарха Аеанасія, о монастырѣ первомученика Стефана, о церкви Пантократора, и другихъ. Описывая церковь Св. Софіи, говоритъ: «ходихомъ верху церкви Св. Софіи и видѣхомъ 40 оконъ шейныхъ, ижъ на верху церкви Св. Софіи, и мѣрехомъ оное едино со столпомъ по двѣ сажени; и снхъ 40 оконъ въ ширину мѣряку съ столпомъ по двѣ сажени въ шѣй церковной, и саму идего чудихомся, яко предив-

но и изрядно и удобрено». При посѣщеніи Пантократорской церкви путешественники видѣли въ сѣеудохранилищѣ Св. Евангеліе, писанное все золотомъ рукою императора Θεодосіа Малаго. Въ слѣдъ за достопримѣчательностями Константинопольскими путешественникъ описываетъ бывшее при немъ вѣщаніе на Царство императора Мануила.

Потомъ переноситъ вниманіе читателей въ Иамастану, и рассказываетъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ краѣ, который дають вѣрное понятіе о тогдашнемъ состояніи Святыхъ мѣстъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ, говоритъ: « въ гробъ Господень, а противъ гроба Господня Греческая служба, Грецы служатъ; а съ правую сторону гроба Господня Римская служба, Римляне служатъ; а на полатѣхъ съ правую сторону Арменская служба, Армяне служатъ; а съ правую сторону Гроба Господня на земли Фризская служба, Фрязи служатъ; а оттуды пакы Сирская служба, Сиряне служатъ; а съ лѣвую сторону гроба Господня за гробомъ Господнимъ Яковичья служба, Яковиты служатъ; а съ лѣвую сторону Господня гроба Фризская служба, Фрязи служатъ; а оттуды пакы Нѣмецкая служба, Нѣмцы служатъ; а оттѣ службы пакы Фризская служба, Фрязи служатъ. А съ правую сторону Греческія на полатѣхъ голгофа, зовомое любное мѣсто а служба тамо Грузинская, Грузи служатъ; а за нею Венеційская служба, Венецыи служатъ; а за тѣми Угри служатъ; а за тѣми иная Фризская служба, Фрязи служатъ; а подъ голгофою низу на земли Иверская служба, Ивери служатъ; на лѣвой сторонѣ у Фризскія службы долѣ Влнметитры служатъ. Потомъ слѣдуютъ описанія Геосимаѳин, потока Кедрекаго, Элеонской горы, Виваніи, Савина Монастыря, долины Иосафатовой, монастыря Θεодосіа Кинновіарха, рѣки Иордана, Содонскаго Моря, Вволеема, Назарета и другихъ мѣстъ Палестинскихъ ⁽¹⁰⁴⁾.

Путешествіе Памина для насъ чрезвычайно важно. Съ одной стороны потому, что въ немъ въ первый разъ сообщаются сколько нибудь подробныя географическія свѣдѣнія о пути отъ Москвы до Чернаго Моря; здѣсь путешественникъ представляетъ довольно живую картину при-досянхъ стеной во время

(104) Ник. Лѣт. IV, стр. 153—184.

владычества Монголовъ, и нѣсколько намекаетъ о прежнемъ до-Монгольскомъ состояніи этого края; а также нѣкоторымъ образомъ проводитъ границу между кочевьями Татаръ и Русскими селеніями въ этой странѣ; мы видимъ изъ его описанія, что Русскія селенія здѣсь оканчивались Чуръ-Михайловымъ городищемъ, гдѣ-то недоходя еще до устья Мечи; потомъ шли пустыннымъ, никѣмъ незаселеннымъ степи до горъ, лежащихъ за устьемъ Медвѣдицы и Бѣлаго Яра, и за горами уже начиналась кочевья Татаръ, гдѣ, должно быть, впереди всѣхъ стоялъ улусъ Сары хожмы. Съ другой стороны, описаніе Палестинскихъ мѣстъ, кромѣ своего внутренняго интереса, очень полезно для сравненія съ подобнымъ же описаніемъ игумена Давіила, бывшаго тамъ въ первые годы XII вѣка. Почти въ одно время съ Пименомъ былъ въ Царь градѣ дьякъ Александръ, приходившій туда по торговлѣ. Онъ оставилъ краткую записку о своемъ путешествіи, въ которой описалъ достопамятности Константинопольскихъ церквей: Св. Софіи, монастыря Монганы, монастыря Одигитри, Церкви Св. Апостолъ, монастырей Пантократора, Продрома, Св. Николая, Козмы и Даміана, Пелеевста, Студійскаго и другихъ.

Зная хорошо страны, лежавшія на востокъ и югъ отъ Россіи, жители сѣверо-восточной Руси также были знакомы и съ Западною Европою, хотя и не были съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ и отдѣлялись отъ нея Литовскими, Польскими и частію Татарскими владѣніями. Такъ, по свидѣтельству лѣтописей, Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго, въ 1386 году, въ бѣгствѣ своемъ отъ Тахтамыша, шелъ на Подолію, Валахію и Нѣмецкую землю. Лѣтописи говорятъ: «Князь Василій Дмитріевичъ, видя себя держама въ Ордѣ, и помысли яко невозможно ему убѣжати прямо на Русь, и умысли крѣпко съ вѣрными своими доброты, и побѣжа въ Подольскую землю въ Волохи къ Петру воеводѣ, и оттуду иде въ незнаемыхъ таяся. И пришедшу ему въ Нѣмецкую землю позна его Князь Витовтъ Кестутевичъ»⁽¹⁰⁶⁾. Конечно, еслибы спутники Василія не имѣли свѣдѣній о Западной Европѣ и не знали туда дороги, то Василій не могъ бы идти въ эту сторону. Притомъ, кромѣ этой дороги въ Западную

(106) Ник. IV, стр. 151.

Европу, Москвичи знали еще и другой путь въ эту сторону: Такъ Василіевы бояре въ 1391 году, посланные за его невѣстою, дочерію Витовта, въ Нѣмецкую землю, ѣхали на Новгородъ и Псковъ и потомъ Балтійскимъ моремъ ⁽¹⁰⁸⁾.

Собственно о сѣверовосточныхъ земляхъ Руси во время владычества Монголовъ мы также находимъ въ отечественныхъ древнихъ памятникахъ много географическихъ подробностей, до того времени не встрѣчавшихся. Особенно распространяются свѣдѣнія о Московскихъ владѣніяхъ. Такъ, по духовному завѣщанію, втораго Даниилова сына, В. К. Ивана Даниловича Калиты, писанному въ 1328 году, уже значатся въ числѣ Московскихъ владѣній Можайскъ и Коломна съ волостями, составлявшіе удѣлъ старшаго его сына Симеона; потомъ Зѣвнигородъ, Кремишна, Руза, Тростна, Нечуча и другія волости, назначенныя второму сыну Ивану; далѣе Лопастна, Серпуховъ, Перемышль и иныя волости, причисленныя къ третьему удѣлу—Андрееву; и наконецъ Сурожикъ, Мушкина Гора, Радонежъ и другія, завѣщанныя супругѣ Ивановой съ младшими дѣтьми ⁽¹⁰⁷⁾. Въ грамматѣ В. К. Ивана Ивановича, между волостями уже упоминаются: Гжель, Кошира и Боровскъ; кромѣ того присоединенныя къ Москвѣ отъ Рязанскихъ владѣній на обмѣнъ Лопастны: Новый Городокъ на устьѣ Поротли и другія Рязанскія мѣста по сю сторону Оки ⁽¹⁰⁹⁾. Въ договорной грамматѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1371 году, въ числѣ Московскихъ городовъ стоятъ Галичъ (Мерскій), Вышгородъ (на Протвѣ) и Кропивна ⁽¹⁰⁸⁾. Въ его же договорной грамматѣ съ В. К. Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1381 году, довольно подробно описаны границы Рязанскихъ и Московскихъ владѣній: главною границею положена Ока, по которой съ Московской стороны къ Москвѣ принадлежали: отъ Коломны въ верхъ, т. е. на западъ Поченъ, Новый Городокъ, Лужа, Верей, Боровскъ, а на низъ по Окѣ, т. е. къ востоку отъ Коломны по рѣкѣ Цну; также къ Москвѣ причислялась Тула и Мещера ⁽¹¹⁰⁾. Въ духовной грамматѣ В. К. Дмитрія Донскаго, писанной въ 1389 году, упомина-

⁽¹⁰⁸⁾ Ник. IV, 194. ⁽¹⁰⁷⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. 1, № 21. ⁽¹⁰⁹⁾ Тамъ же, № 25. ⁽¹¹⁰⁾ Тамъ же, № 23. ⁽¹¹¹⁾ Тамъ же, № 32.

наются новыя мѣста: Калуга и Роща, Товъ и Медынь, причисленныя къ Можайскому удѣлу Андрея Дмитріевича. Въ этой же грамматѣ въ числѣ Московскихъ владѣній, какъ сказано приобрѣтенныхъ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, помѣщаются: Галичъ и Кострома, причисленные къ удѣлу К. Юрія Дмитріевича; Бѣлоозеро, данное К. Андрею Дмитріевичу; Угличе Поле, завѣщанное К. Петру Дмитріевичу ⁽¹¹¹⁾. Кромѣ того въ одной жалованной грамматѣ, данной В. К. Дмитріемъ Донскимъ, упоминается о Перми и Печерѣ, какъ о Московскихъ владѣніяхъ, причисленныхъ къ Москвѣ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ ⁽¹¹²⁾. Вѣроятно, грамота сія говоритъ о нѣкоторыхъ только угодьяхъ, уступленныхъ Новгородцами Московскому князю въ Печерѣ. Въ уставной же Двинской грамматѣ, данной В. К. Васильемъ Дмитріевичемъ въ 1398 году исчислены слѣдующія Двинскія волости, полузависѣвшія тогда отъ Московскаго князя: Орлецъ, Мата-горы, Холмогоры, Куръ-островъ, Чюхчелемъ, Ухтъ-островъ, Курья, Княжь-островъ, Лижить островъ, Конечные дворы, Новакса и Уна,—эти земли отъ Орлеца внизъ по Двинѣ; отъ Орлеца же вверхъ по Двинѣ: Кривой, Ракулы, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Кирьегоры и Нижняя Тойма ⁽¹¹³⁾.

По лѣтописямъ же мы знаемъ, что Даниилъ Александровичъ въ 1302 году, по духовному завѣщанію Переяславскаго князя Ивана Дмитріевича, получилъ его владѣнія Переяславль и Дмитровъ; а въ 1303 году сынъ Давиила Юрій завоевалъ Можайскъ и тамошняго князя Святослава привелъ плѣнникомъ въ Москву ⁽¹¹⁴⁾. При томъ же Юріѣ Даниловичѣ подъ 1317 годомъ упоминается Клинь, какъ пограничный Тверской городъ къ Московскимъ владѣніямъ ⁽¹¹⁵⁾. Потомъ, при В. К. Симеонѣ Ивановичѣ, подъ 1348 годомъ, упоминается городъ Алексинъ, составлявшій владѣніе Митрополита ⁽¹¹⁶⁾. При В. К. Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ подъ 1368 годомъ упоминаются московскіе города и волости на дорогѣ въ Литву: Холохолъ, Оболенскъ и Тросна, чрезъ которые въ это время шелъ на Москву В. К. Литовскій Олгердъ ⁽¹¹⁷⁾. Подъ 1371 и 1372 годами упоминаются въ числѣ Московскихъ владѣній Молога, Угличе Поле, Кострома и Кистьма, завоеванные въ это время Тверскимъ княземъ Михаиломъ

⁽¹¹¹⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. I. 34. ⁽¹¹²⁾ А. А. Э. Т. 1, № 6. ⁽¹¹³⁾ Тамъ же, № 13. ⁽¹¹⁴⁾ Ник. III. 100. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 113. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 190. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, IV, 21.

Александровичемъ ⁽¹¹⁸⁾. Подъ 1375 годомъ въ числѣ владѣній, подчиненныхъ или союзныхъ Москвѣ, но имѣвшихъ своихъ князей, Лѣтопись упоминаетъ Суздаль, Городецъ, Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль, Бѣлоозеро, Кашинъ, Мологу, Стародубъ, Брянскъ, Новосиль, Оболенскъ и Тарусу ⁽¹¹⁹⁾. Подъ 1378 годомъ встрѣчается городъ Чухлома, куда въ это время былъ сосланъ въ заточеніе Митрополитъ Пиминъ ⁽¹²⁰⁾. Въ войнѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Мамаемъ, окончившейся Куликовскою битвою, встрѣчается довольно географическихъ подробностей какъ о степяхъ, лежащихъ на югъ отъ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣній, такъ и о разныхъ Русскихъ владѣніяхъ, подчиненныхъ Москвѣ. Здѣсь прежде всего мы узнаемъ, что Московскіе государи имѣли уже въ степяхъ стражей, которые наблюдали за всѣми движеніями Татаръ. Такъ В. К. Дмитрій Ивановичъ, при вѣсти о Мамаевомъ походѣ, посылалъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василя Тупика и многихъ другихъ на Быструю и Тихую Сосну наблюдать за Мамаемъ и даже ѣхать подъ самую Орду, чтобы добыть языка ⁽¹²¹⁾. Потомъ съ тою же цѣлію посылалъ воеводу Семена Мелика и съ нимъ Игнатія Крена, Оому Тынина и многихъ другихъ, о которыхъ именно сказано въ лѣтописи: «на то устроенныхъ тамо вѣдомцовъ, да видятся съ стражи Татарскими и подадутъ скоро вѣсть» ⁽¹²²⁾. Слѣдовательно, въ степяхъ въ это время были уже постоянные стражи, хорошо знакомые съ топографіею степей, знавшіе мѣстность вдоль и поперекъ, и вѣроятно жившіе тамъ въ разныхъ укрѣпленіяхъ и притинахъ, на кои частію намекаетъ и лѣтопись, говоря, что на рѣкѣ Чюръ-Михайловѣ стоялъ *въ крѣпкой сторожѣ* Оома Кацюгей ⁽¹²³⁾. Еще яснѣе говорятъ о Русскихъ укрѣпленіяхъ по степямъ грамматы Митрополитовъ Θεогноста и Алексѣя на Чернень-ярѣ, изъ которыхъ въ первой, писанной между 1334—1353 годомъ, упоминается о городахъ по рѣкѣ Воронѣ ⁽¹²⁴⁾, а во второй, писанной около 1350 года, мы находимъ Русскіе караулы по Хопру и Дону ⁽¹²⁵⁾. Кромѣ того, изъ обѣихъ грамматъ видимъ, что эта сторона населена была Русскими еще въ концѣ XIII вѣка, ибо Митрополиты Θεогностъ и

⁽¹¹⁸⁾ Ник. IV, 30 и 33. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 42—43. ⁽¹²⁰⁾ Тамъ же, 78. ⁽¹²¹⁾ Тамъ же, 97. ⁽¹²²⁾ Тамъ же, 105. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, 109. ⁽¹²⁴⁾ Акт. Истор. Т. I. № 1. ⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, № 3.

Алексѣй ссылаются на грамматы Митрополитовъ Максима и Петра, по которымъ край этотъ по рѣки Ворону и Хоперь причислялся къ Рязанской епархіи. Далѣе лѣтопись, при описаніи битвы съ Мамаемъ, опредѣленно говоритъ, что войска сошлись на Куликовѣ Полѣ между рѣками Непрядвой, Мечей и Дономъ ⁽¹²¹⁾. Исчисляя же союзниковъ и подручниковъ Дмитріевыхъ, лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Андреѣ Кемскомъ, Глѣбѣ Каргопольскомъ (вѣроятно принадлежавшихъ къ семейству Вѣлозерскихъ князей), Львѣ, князѣ Прозоровскомъ и о князьяхъ Андомскихъ и Устюжскихъ ⁽¹²²⁾. Это извѣстіе лѣтописи для насъ имѣетъ большое значеніе, какъ свидѣтельство что города Кемь, Каргополь, Андома и Устюгъ существовали уже въ XIV столѣтіи и составляли удѣлы разныхъ князей. Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей мы видимъ, что Москвичи имѣли географическія свѣдѣнія и о земляхъ, лежавшихъ на востокъ отъ Московскихъ владѣній. Такъ Дмитрій Ивановичъ Донской въ 1377 году посылалъ свои войска въ Мордовскую землю за рѣку Пьяну ⁽¹²³⁾; далѣе, по свидѣтельству Никоновской Лѣтописи, В. К. Василій Дмитріевичъ Московскій въ 1396 году посылалъ своего брата Юрія на Болгаръ, гдѣ Москвичи тогда завоевали города Болгары Великіе, Жукотинъ, Казань, Кременчукъ и многіе иные ⁽¹²⁴⁾; Подъ сими же годомъ въ той же лѣтописи мы находимъ довольно подробное извѣстіе о Перми и о земляхъ, лежащихъ около ея и далѣе на сѣверъ. Лѣтопись, упоминая о кончинѣ Пермскаго Просвѣтителя и перваго тамошняго Епископа Стефана, такъ говоритъ о земляхъ, лежащихъ около Перми: «А се имена живущимъ около Перми землямъ и странамъ и мѣстомъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Вилижане, Вычагжане, Пенезжане, Южане, Серьяне, Гліяне, Вятчане, Лопъ, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Петрасы, Пермь Великая, Гамала, Чусовая; рѣка же первая именемъ Вымъ впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда, обходяще всю землю Пермскую, потече въ сѣверную страну и впаде въ Двину межъ Устюга 40 верстъ; рѣка же третья Вятка, потече въ другую страну Перми, вниде въ Каму рѣку; сія же рѣка Кама обходящи всю землю Пермскую, по сей рѣцѣ мнози азыцы сѣдаютъ, и по-

⁽¹²¹⁾ Ник. IV, 114. ⁽¹²²⁾ Тамъ же, 98. ⁽¹²³⁾ Лвов. лѣт. II, стр. 160. ⁽¹²⁴⁾ Ник. IV, стр. 267.

тече на югъ въ землю Татарскую, и впаде въ Волгу рѣку ниже Казани 60 верстъ ⁽¹²⁹⁾.» Это замѣчательное извѣстіе лѣтописи служить доказательствомъ, что Москвичи въ XIV столѣтіи не только хорошо знали сѣверныя земли нынѣшней Россійской Имперіи вплоть до Океана и Уральскихъ Горъ; но имѣли, кажется, описанія тамошнихъ главныхъ рѣкъ въ родѣ тѣхъ, кои впоследствии являются въ книгѣ большаго чертежа. Лѣтопись описываетъ теченіе и устья сихъ рѣкъ съ такою же отчетливостію, какъ это писалось въ книгахъ большаго чертежа: «рѣка Вычегда обходяще всю землю Пермскую, потече въ Сѣверную страну, и впаде въ Двину межъ Устьяга 40 верстъ». Не имѣя прямыхъ данныхъ, мы не можемъ утверждать что наши предки въ XIV столѣтіи имѣли чертежи своихъ и чужихъ сосѣднихъ земель, и писали къ чертежамъ книги; однако настоящее свидѣтельство лѣтописи и прежнія указанія, что въ Москвѣ нарочно приготавливались люди, хорошо знакомые съ степями, лежащими за Окою по Дону и Волгѣ ⁽¹³⁰⁾, наводятъ на мысль, что Московское правительство заботилось о приобрѣтеніи географическихъ свѣдѣній о сосѣднихъ земляхъ, и можетъ быть уже имѣло какія либо руководства, чертежи съ объясненіями, составленные для цѣлей чисто служебныхъ, официальныхъ. Намъ еще мало извѣстны богатѣйшіе географическіе и статистическіе матеріалы, составлявшіеся у насъ официально въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, которые частію и теперь еще хранятся въ архивахъ. Весьма возможно допустить, что они начались еще въ XIV вѣкѣ, особенно, если найдемъ на то намеки въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

Но обратимся опять къ лѣтописи. При описаніи войны В. Князя Василья Дмитріевича съ Новгородцами за Двинскія земли, бывшей въ 1398 году, упоминаются слѣдующія мѣстности сего края. Новгородцы начали свой походъ въ Заволочье, и во первыхъ пришли къ Двинскому городу Орлецу, куда къ нимъ явился владыченъ намѣстникъ изъ Вели, вѣроятно нынѣшняго Вельша; съ Двины Новгородцы пустились къ Бѣлозеру и взяли тамъ старый Бѣлозерскій городокъ, а Бѣло-

(129) Ник. IV, 268. (130) Тамъ же, 105.

зерскіе князья и воеводы Московскаго князя пришли къ нимъ изъ Новаго городка Бѣлозерскаго; потомъ Новгородцы пошли на Кубену, Вологду и Устюгъ⁽¹³¹⁾; далѣе дрались на рѣкѣ Сухонѣ. Это извѣстіе открываетъ намъ новыя географическія свѣдѣнія, именно о Вели или Вельскѣ, Кубенѣ и Сухонѣ, которыхъ мы до того времени не встрѣчали въ лѣтописяхъ. Изъ войнъ Москвичей съ другими сосѣдями мы получаемъ новыя свѣдѣнія о другихъ краяхъ тогдашней Руси: такъ въ 1368 году Князь Владиміръ Андреевичъ взялъ Ржеву, принадлежавшую Тверскому княженію⁽¹³²⁾. Въ войнахъ съ Олгердомъ Литовскимъ упоминаются Московскіе города: въ 1370 году Перемышль, гдѣ К. Владиміръ Андреевичъ поджидалъ Олгерда⁽¹³³⁾, и въ 1373 году Любутскъ, гдѣ-то на границахъ Московскихъ владѣній съ Смоленскими⁽¹³⁴⁾. Потомъ въ войнахъ Москвичей съ Андреемъ Олгердовичемъ упоминаются Трубчевскъ и Стародубъ Сѣверскій⁽¹³⁵⁾.

Рядомъ съ Московскими владѣніями, какъ мы уже видѣли, въ сѣверо-восточной Руси находились другія Русскія владѣнія: на сѣверѣ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія, на востокѣ Нижегородскія или Суздальскія, на югѣ Муромскія и Рязанскія, на западѣ Смоленскія, Тверскія и Новгородскія. Изъ нихъ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія земли въ XIV вѣкѣ болѣе или менѣе уже были подчинены Москвѣ, и географическія свѣдѣнія о нихъ мы уже исчислили выше, когда говорили о Московскихъ владѣніяхъ; о земляхъ Великаго Новгорода также уже было сказано въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ остальнымъ сѣверо-восточнымъ Русскимъ владѣніямъ, и по порядку, во-первыхъ къ Суздальскимъ или Нижегородскимъ. Нижегородскія владѣнія первоначально состояли изъ Суздаля, Гороховца, Луха, Городца и Нижняго Новгорода. Нижегородцы были въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Камскою Болгаріею, Татарами и Мордвою. Въ Болгарію они ѣздили по Волгѣ, и бывали тамъ какъ для войны, такъ и для торговли; такъ въ 1370 году В. Кн. Дмитрій Ковстантиновичъ посылалъ своего брата Бориса на Болгарь, и прину-

⁽¹³¹⁾ Новг. I, стр. 99. ⁽¹³²⁾ Лвов. II, стр. 137. ⁽¹³³⁾ Тамъ же, 141. ⁽¹³⁴⁾ Тамъ же, 148. ⁽¹³⁵⁾ Тамъ же, 167.

даль тамошняго князя Асана уступяты престолъ Салтану Базову сыну ⁽¹³⁶⁾. О торговлѣ ихъ въ Камской Болгаріи лѣтопись упоминаетъ при описаніи Тохтамышева похода на Москву въ 1382 году, разказывая, что Тохтамышъ, по занятіи города Болгаръ, велѣлъ захватить тамъ суда и товары Русскихъ гостей ⁽¹³⁷⁾. Конечно, между Русскими здѣсь были и Нижегородскіе купцы, какъ ближайшіе сосѣди Болгаръ, на что нѣкоторымъ образомъ указываетъ и то, что Нижегородскіи князь первый узналъ о походѣ Тохтамыша. Нижегородцы, бывшіе въ Болгарахъ, прежде всѣхъ успѣли подать ему вѣсть. Въ отношеніи къ Мордвѣ, Нижегородцы, далѣе и прежде другихъ Русскихъ проникли въ эту землю, ихъ владѣнія здѣсь далеко выдвигались къ Сурѣ и, кажется, простирались до рѣки Пьяны въ нынѣшнемъ Сергачскомъ уѣздѣ. Въ 1372 году, Князь Борисъ Константиновичъ выстроилъ на Сурѣ городъ Курмышъ ⁽¹³⁸⁾; въ 1376 г. Ордынскіи Царевичъ Аромша опустошалъ уже Нижегородскія земли, лежавшія на восточномъ берегу Суры; а еще прежде, въ 1374 году, Татары Мамаевой Орды опустошали Нижегородскія владѣнія на югъ отъ Пьяны, гдѣ, кажется, лежалъ городъ Кишъ ⁽¹³⁹⁾; потомъ, въ 1377 году, сынъ Князя Дмитрія Константиновича Симеонъ, съ Можайскимъ бояриномъ Θεодоромъ Андреевичемъ Свбломъ, завоевалъ всю Мордовскую землю ⁽¹⁴⁰⁾. Подробнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о княжествѣ Суздальскомъ или Нижегородскомъ мы не имѣемъ, а о земляхъ княженія Муромскаго и вовсе ничего не знаемъ, кромѣ того что здѣсь былъ городъ Муромъ и земли Мещеры, нѣсколько южнѣе Муромъ. Но о владѣніяхъ Рязанскихъ находимъ географическія свѣдѣнія болѣе подробныя.

Рязанскія земли на сѣверѣ граничили съ владѣніями Московскими, Владимірскими и Муромскими; отъ Московскихъ владѣній, какъ мы уже видѣли изъ договорной грамоты В. К. Дмитрія Донскаго съ В. К. Олегомъ Рязанскимъ, они отдѣлялись рѣкою Окою, гдѣ, на сѣверномъ берегу, были уже Московскіе города Почень, Новый городокъ, Лужа, Верея и Боровскъ. Очевидно однако же, что эта граница позднѣйшая, — прежде и сѣверный берегъ Оки со всѣми вычисленными здѣсь города-

⁽¹³⁶⁾ Ник. IV, стр. 24. ⁽¹³⁷⁾ Тамъ же, 131. ⁽¹³⁸⁾ Тамъ же, 34. ⁽¹³⁹⁾ Лѣт. II, стр. 150. ⁽¹⁴⁰⁾ Тамъ же, 162.

ми принадлежалъ Рязани; ибо въ самой договорной грамматѣ, города сіи еще названы Рязанскими; граммата, перечислявши ихъ, говоритъ прямо: «и иная мѣста Рязанская, которая не будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ» ⁽¹⁴¹⁾. Отъ Владимірскихъ и Муромскихъ владѣній, Рязанскія земли также вѣроятно отдѣлялись Окою; ибо Московская граница по Окѣ простиралась только до устьевъ Цны; а еще далѣе къ сѣверовостоку Рязанскія земли сходились съ жилащами Мордвы. Къ востоку, по всему вѣроятію, Рязанскія границы терялись въ лѣсахъ Мещеры и Мордвы и простирались до Медвѣдицы; ибо, при описаніи перваго Батыева похода, въ лѣтописяхъ сказано, что Батый изъ Болгарской земли лѣсами прямо вступилъ въ Рязанскія владѣнія и сталъ подлѣ Онозы. Въ грамматахъ Митрополитовъ Феогноста и Алексѣя на Черный Яръ Русскіе города и селенія по Медвѣдицѣ, Хопру и Воронѣ причисляются къ Рязанской епархіи, слѣдовательно, можно допустить, и къ Рязанскимъ владѣніямъ; это подтверждаетъ и лѣтописное извѣстіе о разбитіи Рязанскимъ В. К. Олегомъ Царевича Маматъ-Салтана въ предѣлахъ Чернаго Яру «въ караулѣхъ возлѣ Хопорѣ и Дону» ⁽¹⁴²⁾. На югъ же Рязанскія владѣнія по рѣкѣ Дону, вѣроятно, простирались до устья Воронежа; ибо здѣсь Рязанскіе Князья Юрій Ингваревичъ съ братьями въ 1237 году дали первую битву Батю ⁽¹⁴³⁾; да и послѣ, въ XIV вѣкѣ во время путешествія Митрополита Пимина, Рязанскій Князь Олегъ приказывалъ Елецкому Князю Юрію проститься съ Митрополитомъ на устьѣ Воронежа; ⁽¹⁴⁴⁾. На юго-западѣ, т. е. по лѣвому берегу Дона, границею Рязанскихъ земель была уже быстрая Сосна, ибо на этой рѣкѣ стоялъ самый южный Рязанскій городъ—Елецъ. Западная же граница шла на Новосиль, Одоевъ, Тулу и Торусу; ибо Новосильскіе, Одоевскіе и Торускіе Князья происходили отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Тула же, какъ уже видно изъ приведенной выше грамматы Дмитрія Донскаго съ Олегомъ Рязанскимъ, принадлежала Москвѣ. Изъ городовъ Рязанскихъ въ лѣтописи и другихъ памятникахъ упоминаются: Переяславъ Рязанскій, столица тамошнихъ князей на Трубежѣ, какъ зна-

⁽¹⁴¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. 32. ⁽¹⁴²⁾ Ник. IV, 298. ⁽¹⁴³⁾ Лвов. II, стр. 1. ⁽¹⁴⁴⁾ Ник. IV, стр. 161.

чится по книгѣ большаго чертежа ⁽¹⁴⁴⁾; пониже Переяслава на Оку Старая Рязань, а выше Переяслава въ 40 верстахъ отъ Коломны Перевитскъ ⁽¹⁴⁵⁾, Ростиславъ, при впаденіи Осетра въ Оку ⁽¹⁴⁷⁾, Пронскъ на Пронѣ, Чюръ Михайловъ, гдѣ-то при верховьяхъ Дона; объ этомъ городѣ упоминается въ путешествіи Пимина, только уже по памяти, что тутъ былъ прежде городъ: не древнѣй ли это удѣлъ Князя Киръ Михаила ⁽¹⁴⁸⁾? Далѣе по границамъ съ Московскими и Торускими владѣніями, вѣроятно, частію по сѣверному, а частію по южному берегу Оки, лежали Рязанскіе города Почентъ, Лопасня, Мстиславъ, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ и Бродничъ, упоминаемые въ приведенной выше договорной грамматѣ В. К. Дмитрія Донскаго, и названные тамъ уступленными къ Рязани отъ Тарусскихъ князей. Потомъ, подъ 1387 годомъ, въ лѣтописи упоминается Рязанскій городъ Любутскъ, на который въ этотъ годъ напали Татары; городъ сей, кажется, лежалъ на западъ отъ Рязани, ибо Татары подошли къ нему уже тогда, когда опустошили Рязань ⁽¹⁴⁹⁾. Этотъ Любутскъ не одно и то же съ Любутцкомъ, упоминаемымъ въ лѣтописи подъ 1372 годомъ, подъ которымъ, во время войны Олгерда Литовскаго съ Московскимъ княземъ, сошлись Литовскія и Тверскія войска, ибо подъ 1394 годомъ въ лѣтописи есть извѣстіе, что Рязанскій Князь Олегъ въ этотъ годъ ходилъ ратью къ Любску и со многими полономъ возвратился во свояси слѣдовательно было два Любска: одинъ Смоленскій, какъ мы видѣли выше, а другой Рязанскій. Самымъ южнымъ городомъ къ западу въ Рязанскихъ владѣніяхъ былъ—Елецъ, стоявшій на лѣвомъ берегу Быстрой Сосны, и составлявшій особый удѣлъ.

На западъ отъ Рязанскихъ земель лежали мелкія владѣнія разныхъ княжескихъ родовъ, происходившихъ отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго: именно по Зупѣ лежали владѣнія Князей Новосильскихъ; по верховьямъ Оки до Калуги Болховскихъ, Белевскихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ; далѣе между Калугою и Серпуховымъ—Тарусскихъ; на западъ отъ Оки по Протвѣ-Оболенскихъ (почти среди Московскихъ владѣній);

⁽¹⁴⁴⁾ Кн. Бол. Чер., стр. 123. ⁽¹⁴⁵⁾ Ник. IV, стр. 159 ⁽¹⁴⁷⁾ Кн. бол. Чер., стр. 118. ⁽¹⁴⁶⁾ Ник. IV, стр. 160. ⁽¹⁴⁸⁾ Ник. IV, 155.

по Жиздрѣ—Козельскихъ, и еще далѣе къ западу по Цитѣ и Деснѣ—Карачевскихъ и Брянскихъ, и наконецъ по правому берегу Угры—Мосальскихъ, которыя уже примыкали къ владѣніямъ Смоленскимъ. За Мосальскими владѣніями начинались прямо за Угрою замки и города разныхъ князей Смоленскихъ; но мы о нихъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

На сѣверъ отъ Смоленскихъ владѣній начиналось великое княжество Тверское; самымъ южнымъ городомъ этого княжества былъ Зубцовъ, лежавшій на правомъ берегу Волги. По восточнымъ предѣламъ Тверскихъ владѣній, почти по Московской границѣ, были города Никулинъ на Шошѣ, составлявшій особый удѣлъ между Тверскими князьями, Клинь на Сестрѣ, Корчева, на правомъ берегу Волги до впаденія въ нее Сестры; далѣе внизъ по Волгѣ, тоже на правомъ ея берегу, Бѣгородъ, и наконецъ съ лѣвой стороны Волги Кашинъ на рѣкѣ того же имени, составлявшій также особый удѣлъ Тверскихъ князей, называвшихся Кашинскими и бывшихъ почти въ постоянномъ союзѣ съ Москвою. Нѣсколько выше Кашина, на Волгѣ, при устьѣ Нерли, стоялъ также Тверской городъ, уже извѣстный выше Кспятинъ или Константинъ; онъ въ 1288 году былъ опустошенъ В. К. Дмитріемъ Александровичемъ Владимірскимъ⁽¹⁰⁰⁾. На сѣверъ и западъ Тверскія владѣнія сходились съ Новгородскими пятнами, Бѣжецкою и Деревскою, гдѣ ближайшими къ Тверскимъ владѣніямъ были Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ, и наконецъ съ Смоленскими владѣніями, гдѣ пограничнымъ Смоленскимъ городомъ была Ржева на Волгѣ. Внутри Тверскихъ владѣній, по свидѣтельству лѣтописей, были города: Старица и Тверь по Волгѣ, и Холмъ, мѣстность котораго опредѣлить прямо нельзя; но впрочемъ нѣсколько можно предположить, что этотъ городъ былъ гдѣ нибудь недалеко отъ границъ Смоленскихъ, можетъ быть, на мѣстѣ нынѣшней деревни Красный Холмъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Зубцова; ибо извѣстные Холмскіе князья Всеволодъ и Михаилъ Александровичи были въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Латовцами, что конечно, имъ неудобно было бы дѣлать, если бы ихъ городъ Холмъ лежалъ гдѣ либо на

(100) Ник. III, стр. 87.

востокъ или на сѣверъ отъ Твери, бывшей тогда въ рукахъ ихъ противниковъ, князей Кашинскихъ. Эту же мысль подтверждаетъ и то, что Михаилъ Александровичъ имѣлъ родовымъ своимъ удѣломъ городъ Микулинъ, зависѣвшій отъ Холинскихъ князей, а мы уже видѣли, что Микулинъ стоялъ на югъ отъ Твери. Другихъ городовъ Тверскихъ владѣній въ лѣтописяхъ не упоминается, кромѣ городка, выстроеннаго Княземъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 году, гдѣ-то на Волгѣ неподалеку отъ Твери ⁽¹⁵¹⁾. Да еще судя, по свидѣтельству родословныхъ книгъ, къ Тверскимъ городамъ должно причислить Дорогобужъ и Чернятинъ; ибо родословныя книги говорятъ, что отъ Константина, сына Александра Михайловича, произошли князья Дорогобужскіе и Чернятинскіе. Несмотря на небольшое пространство, какое занимали Тверскія владѣнія въ XIV столѣтіи, эта сторона по своей населенности и богатству жителей составляла одно изъ сильнѣйшихъ великихъ княженій въ Сѣверо-восточной Руси, которое было опаснѣйшимъ соперникомъ могущественной Москвы. Главною причиною таковой силы, кажется, была торговля; ибо Тверскія земля, находясь между владѣніями Новгорода и Москвы, были необходимымъ перепутьемъ торговли Востока съ Западомъ, здѣсь начиналась главная дорога Азіатско-Европейской торговли — Волга. О множествѣ торговцовъ, пріѣзжавшихъ и проживавшихъ въ Твери, даже изъ Татарскихъ Ордъ, ясно свидѣлствуютъ лѣтописи. Такъ, подъ 1326 годомъ, Никоновская Лѣтопись говоритъ, что Тверской князь Александръ Михайловичъ возставши на ханскаго посла Щелкана, избилъ множество Ордынскихъ гостей старыхъ и новопришедшихъ съ Щелканомъ въ Тверь ⁽¹⁵²⁾.

Собравши сколько можно было географическихъ свѣдѣній въ XII, XIII и XIV вѣкахъ о владѣніяхъ Сѣверовосточной Руси, мы теперь обратимся къ западнымъ Русскимъ владѣніямъ, приднѣпровскимъ и заднѣпровскимъ, и разсмотримъ, какъ о нихъ говорятъ тамошніе источники. Первенствующимъ городомъ въ приднѣпровьѣ почти въ продолженіе всего XII вѣка остается по прежнему Кіевъ, и около Кіева преимущественно сосредоточивается дѣятельность тамошнихъ князей, а слѣдовательно и

(151) Ник. IV, стр. 15. (152) Ник. III, 137.

развитіе жизни народной. 1111 годъ, по свидѣтельству Ипатіевской лѣтописи, начинается походомъ южныхъ Русскихъ князей въ земли Половецкія. Этотъ походъ свидѣлствуетъ, что дорога отъ Кіева и Переяслава въ Половецкія степи на этотъ разъ шла на Сулу, Хороль, Пселъ и Голту, и далѣе на Ворсклу, а оттуда прямо къ Дону ⁽¹⁶³⁾. Замѣчательно, что лѣтопись не упоминаетъ ни о Сѣверскомъ Донцѣ, ни объ Осколѣ, которыхъ нельзя бы было миновать, шедши съ середины Ворсклы къ Дону. Это умолчаніе о Донцѣ и Осколѣ ведетъ къ двумъ заключеніямъ:—или походъ этотъ былъ совершенъ ниже нынѣшней Полтавы по правому берегу Донца, слѣдовательно къ самымъ низовьямъ Дона, на орду Кончакову и Кобякову. Но въ этомъ случаѣмѣшается рѣка Сальница или Дегей, ибо, по смыслу Слова о полку Игоревѣ, Сальница впадала въ Донъ выше устья Донца; слѣдовательно Русскимъ, чтобы биться съ Половцами на Сальницѣ, нужно было переходить на сѣверный берегъ Донца; лѣтопись же не говоритъ о такомъ переходѣ. Кажется вѣроятнѣе что Русскіе въ это время перешли Ворсклу при ея верховьяхъ и потомъ направились къ Дону, придерживаясь сѣвера, а посему перешли Донецъ и Осколъ при самыхъ ихъ вершинахъ, отъ чего лѣтописецъ и не отличилъ ихъ отъ прочихъ тамъ протекающихъ небольшихъ рѣчекъ: Корени, Корочи, Нежеголя, Бѣлаго колодезя и Тихой Сосны или Потудона; и означилъ общимъ выраженіемъ: «и оттудѣ преидоша мнози рѣки». Если принять это положеніе, то должно согласиться, что въ настоящій походъ Русскіе князья ходили не къ низовьямъ Дона, а къ самой срединѣ его теченія, т. е. въ нынѣшнюю Воронежскую губернію, и слѣдовательно упоминаемыхъ въ лѣтописи Половецкихъ городовъ Шаруканя и Сугрова нужно искать въ нынѣшнемъ Острогожскомъ или въ Богучарскомъ уѣздахъ, и тутъ же гдѣ нибудь должно искать рѣку Салницу или потокъ Дегей, гдѣ были разбиты Половцы. Предполагать въ сей рѣкѣ нынѣшнюю Салу очень мудро; ибо Салъ впадаетъ въ Донъ съ лѣвой стороны, въ лѣтописи же не сказано, чтобы Русскіе въ этотъ походъ переходили черезъ Донъ; по смыслу лѣтописи, она ограничилась на этотъ разъ только правымъ берегомъ Дона. О об-

(163) Ипат., стр. 2.

ратномъ пути лѣтописи не упоминаетъ, вѣроятно онъ былъ по прежней дорогѣ, т. е. держась сѣвера. Какъ бы то ни было, этотъ походъ много познакомилъ Русскихъ съ придонскими степями, гдѣ они не бывали, кажется, со временъ Владиміра Святославича. Подобный походъ повторился еще черезъ 5 лѣтъ: въ 1116 году Владиміръ Мономахъ посылалъ на Донъ сына своего Ярополка. Лѣтописъ при семъ случаѣ не описываетъ ярополкова пути, но очевидно онъ шелъ по той же дорогѣ, по которой и Мономахъ въ 1111 году, ибо Ярополкъ взялъ у Половцовъ тѣ же города Шаруканъ и Сугровъ, и еще новый городъ Баливъ⁽¹⁴⁴⁾; но кажется этотъ походъ окончился южнее прежняго, ибо въ лѣтописи сказано, что Ярополкъ взялъ въ плѣнъ дочь Яскаго князя; Ясовъ же и Касоговъ наши лѣтописи относятъ къ низовьямъ Дона и къ Кавказу; слѣдовательно здѣсь, снова увеличилось знакомство Русскихъ съ придонскими странами и въ этотъ же годъ географическія свѣдѣнія Русскихъ объ этомъ краѣ распространились еще болѣе; ибо досего времени жившіе по Дону, рядомъ съ Половцами, Торки и Печенегіи, послѣ двухъ-сучотчнаго боя съ Половцами, удалились къ Днѣпру подъ покровительство Русскихъ⁽¹⁴⁵⁾. А въ слѣдующемъ году приваинулись къ Днѣпру и новые распространители свѣдѣній о Донѣ Казары, жители Бѣлой Вѣжи, прогнанные съ Дона Половцами⁽¹⁴⁶⁾. Въ 1120 году Ярополкъ снова ходилъ на Половцовъ уже за Донъ; лѣтописъ не описываетъ подробностей этого похода, и мы знаемъ, былъ ли онъ совершенъ по прежней дорогѣ, или по новой (Лав. 128). При преемникѣ Мономаховомъ, его сынѣ Мстиславѣ, географическія свѣдѣнія приднѣпровскихъ Руссовъ не только перешли за Донъ, но даже и за Волгу; ибо лѣтописи говорятъ, что при Мстиславѣ Русскіе били Половцовъ на берегахъ Яика; такъ въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: «Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за Рускую землю; а Мстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу и за Яикъ»⁽¹⁴⁷⁾. Это извѣстіе показываетъ, что прежніе походы къ Дону, и особенно поселеніе Донскихъ и Волжскихъ старожилъ, Торковъ, Печенеговъ и Бѣловежцевъ, въ приднѣпровьѣ, хорошо познакомили Русскихъ съ придонскими и приволжскими

(144) Ипат., ст. 7. (145) Тамъ же. (146) Тамъ же, 8 (147) Тамъ же, 15.

степями такъ что Русскіе полки удачно могли пройти донынѣшняго Урала (или Яика). Но не съ однѣми придонскими и приволжскими степями знакомились приднѣпровскіе Руссы, воюя съ Половцами; ибо Половецкія кочевья были разсыпаны по всему степному пространству отъ Урала до Дуная. На сѣверъ они соприкасались съ Рязанскими владѣніями почти до рѣки Прони, гдѣ кочевалъ съ своею ордою князь Ельтукъ ⁽¹⁵⁸⁾. Далѣе по Дону, какъ мы уже видѣли, въ нынѣшней Воронежской губерніи кочевала орда Шаруканова, которая, кажется въ 1152 году, помогала Юрью Долгорукому противъ Изяслава подлѣ Черниговомъ, и потомъ шла назадъ домой не на перерѣзъ чрезъ Пселъ и Ворсклу, но къ ихъ верховьямъ на Путивль ⁽¹⁵⁹⁾, гдѣ, какъ мы замѣтили, въ 1111 году шелъ къ Дону Мономахъ. Южнѣе Шарукановой орды, почти по самому берегу Азовскаго и Чернаго морей, даже до Днѣпра и за Днѣпръ къ Дунаю были кочевья орды Боняковой; съ этою-то ордою въ 1152 году удачно воевалъ Изяславовъ сынъ Мстиславъ на берегахъ рѣкъ Углы, нынѣшней Орели и Самары ⁽¹⁶⁰⁾. Слѣдовательно, здѣсь приднѣпровскіе Руссы подвигались съ своимъ оружіемъ и съ свѣдѣніями о юговосточномъ краѣ къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей. Но въ эту сторону знакомство Русскихъ съ тамошнимъ краемъ не ограничивалось уже Углой и Самарой; ибо въ 1153 году Изяславъ посылалъ того же Мстислава вивъзъ по Днѣпру за пороги до Олешья, для встрѣчи своей невѣсты, которую вели изъ Обезъ ⁽¹⁶¹⁾, т. е. изъ Абхазіи. Слѣдовательно, Русскіе бывали уже и въ этой закавказской сторонѣ, ибо иначе какимъ бы образомъ Кіевскому князю выписывать себѣ невѣсту изъ такого отдаленнаго края. Кіевскіе князья XII вѣка были въ столь близкихъ сношеніяхъ съ берегомъ Чернаго моря по Днѣпру и столь дорожили симъ путемъ, что по возможности старались держать его въ безопасности; такъ въ 1160 году Ростиславъ Мстиславичъ посылалъ своихъ воеводъ Поръга Несторовича и Якуна наказать Берладниковъ за взятіе Олешья ⁽¹⁶²⁾. А въ 1170 году Мстиславъ Мстиславичъ владѣвшій тогда Кіевомъ, ходилъ со многими приднѣпровскими князьями на Черноморскихъ По-

⁽¹⁵⁸⁾ Ипат., стр. 29. ⁽¹⁵⁹⁾ Тамъ же, 70. ⁽¹⁶⁰⁾ Тамъ же, 71. ⁽¹⁶¹⁾ Тамъ же, 74. ⁽¹⁶²⁾ Тамъ же, 86.

ловцовъ, именно потому, что они отнимаютъ Греческіи соляной и заловный путь, и въ томъ же году, по разбитіи Половцовъ, навремя останавливался въ Каневѣ, поджидая гречниковъ и заловниковъ ⁽¹⁶²⁾. И недаромъ князья дорожили этою дорогою: по ней постоянно производилась значительная торговля между Греціей и Кіевомъ и симъ же путемъ сама князья ссылались съ Константинопольскимъ дворомъ. По Днѣпру ходили въ Кіевъ митрополиты и Епископы изъ Греціи ⁽¹⁶³⁾; по нему же отправлялись въ Царьградъ и Русскіе князья, сосланные въ Грецію Мстиславомъ Владимировичемъ, и въ 1162 году Мстиславъ и Васylko, сыновья Георгія Долгорукаго ⁽¹⁶⁴⁾.

Завоеваніе Кіева войсками Боголюбскаго въ 1169 году не прерывало сношеній придѣпровскихъ Руссовъ съ Половцами; они продолжались по прежнему, и съ тѣмъ вмѣстѣ распространялись и дѣлались отчетливѣе географическія свѣдѣнія о Половецкихъ степяхъ. Такъ въ 1183 году Рюрикъ Кіевскій и Святославъ Черниговскій бился съ Половцами на Углѣ или Орсли, и въ то же время Игорь Святославичъ сражался съ ними за Мерломъ, не вдалекѣ отъ Сѣвернаго Донца. Въ слѣдующемъ году Святославъ разбилъ Кончака за Хороломъ, и кажется гнался за нимъ почти до береговъ Чернаго Моря ⁽¹⁶⁵⁾. Игорь же Святославовичъ съ 1185 году ходилъ на Половцовъ къ Дону и былъ тамъ разбитъ Кончакомъ. Этотъ походъ довольно подробно описанъ какъ въ лѣтописи, такъ особенно въ современномъ Словѣ о полку Игоревѣ; а посему мы здѣсь воспользуемся географическими свѣдѣніями, которыхъ довольно разсыпано въ обоихъ сказаніяхъ. По свидѣтельству лѣтописи, Игорь держалъ свой путь на Донецъ, потомъ на Осколъ и далѣе къ Салницѣ (вѣроятно нынѣшній Богучаръ), слѣдовательно шелъ нѣсколько южнѣе Мономаха. Съ Половцами Игорь встрѣтился въ первый разъ на Сурымѣ (должно быть нынѣшній Чиръ), такимъ образомъ прошелъ уже далѣе на югъ, но тамъ переправился чрезъ Сюурній еще южнѣе и далѣе битву на рѣкѣ Каялѣ, гдѣ и былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Каялой должно быть называлась какая нибудь рѣчка, ближайшая къ морю; ибо далѣе въ лѣтописи сказано, что пораженная

⁽¹⁶²⁾ Ипат., 98. ⁽¹⁶³⁾ Тамъ же, 92. ⁽¹⁶⁴⁾ Тамъ же, 91. ⁽¹⁶⁵⁾ Тамъ же, 128 и 129.

дружина Игорева частию потонула въ морѣ; но впрочемъ Каялу все еще нельзя признать какой либо приморской рѣчкой; она вѣроятно протекала еще до впаденія Донца въ Донъ, ибо при описаніи битвы нигдѣ не говорится о вторичномъ переходѣ Русскихъ черезъ Донецъ, можетъ быть, это нынѣшній Кагальникъ. Лѣтописный разсказъ объ Игоревомъ походѣ сообщаетъ также нѣсколько подробностей о кочевьяхъ Половецкихъ; въ лѣтописи сказано, что плѣнный Игорь былъ отведенъ въ кочевья Таргловичей, которые, кажется, кочевали за Торомъ, слѣдовательно уже на южномъ берегу Донца, ближе къ морю (Игорь, собираясь убѣжать отъ Половцовъ, велѣлъ привести коня на ону страну Тора). Всеволодъ и Святославъ были отведены въ кочевья Буреевичей, Владиміръ къ Улашевичамъ ⁽¹⁶⁷⁾. Такимъ образомъ мы отсюда узнаемъ, что приморскія Половцы дѣлались въ это время на нѣсколько ордъ. По свидѣтельству Слова о Полку Игоревѣ мы узнаемъ, что Руссамъ придиѣпровскимъ были уже мало знакомы Волга, Азовское побережье, Сурожъ, Корсунъ и Тмутаракань; слѣдовательно они въ концѣ XII вѣка забывали уже тѣ географическія свѣдѣнія, которыя были пріобрѣтены въ X-мъ. Слово о полку Игоревѣ говоритъ: «Дивъ кличетъ, велитъ послушати земли незнаемъ, Вѣлаѣ и Поморію и Посулю, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ Тмутараканьскій бѣланъ». Здѣсь они прямо названы землями незнаемыми, т. е. о которыхъ только знали по слуху, а куда почти не ходили. Итакъ Половецкія кочевья, несмотря на походы нашихъ князей въ Придонскія степи и даже къ Волгѣ и за Волгу, сильно препятствовали распространенію географическихъ свѣдѣній на востокъ отъ Днѣпра. Временные и не всегда удачные походы князей не упрочивали безопасности мирнымъ путешественникамъ и торговцамъ; мы уже видѣли выше, что и Днѣпровскій путь трудно было удерживать нашимъ князьямъ, о дорогахъ же къ Дону и Волгѣ они не могли уже и думать. Рѣдкіе походы ихъ въ эту сторону предпринимались или изъ мести за набѣги, или для того, чтобы сколько нибудь обезпечить города, лежащіе по Сулѣ; торговля шла только по Днѣпру, и можетъ быть по немвогимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи

(167) Ипат., стр. 130—133.

сказано, что во время Святославова похода на приморскихъ Половцовъ, въ 1184 году, встрѣтились ему за Сулою гости, шедшіе изъ земли Половецкой, и объявили, что Половцы стоятъ на Хоролѣ⁽¹⁶⁶⁾. Игоровъ походъ къ Дону былъ послѣдній; послѣ него придиѣпровскіе князья болѣе уже не ходили въ эту сторону далѣе Сулы, и все ихъ вниманіе было обращено на Диѣпръ, куда сильно выдвинулись Половцы. Съ появленіемъ Монголовъ въ придонскихъ степяхъ, придиѣпровскіе Руссы уже вовсе потеряли изъ вида весь край, лежащій на востокъ отъ Диѣпра; Калкская битва была послѣдняя, гдѣ придиѣпровцы бились въ степяхъ за Диѣпромъ.

Теперь разберемъ сказанія лѣтописей о географическихъ свѣдѣніяхъ придиѣпровскихъ Руссовъ, которыя они имѣли въ XII вѣкѣ о Черноморскомъ берегу отъ Диѣпра до Дуная. Здѣсь прежде всего представляется неуспѣшный походъ Вячеслава Владиміровича въ 1116 году къ Дунаю, при чемъ Русскіе дошли до Дырѣстра или Доростола, и посылка Мономахомъ въ томъ же году Ивана Войтишча для посаженія по Дунайскимъ городамъ Мономаховыхъ посадниковъ⁽¹⁶⁷⁾. Потомъ, въ 1153 году, полки Изяслава Мстиславича Кіевскаго ходили за рѣку Сереть къ границамъ нынѣшней Молдавіи⁽¹⁶⁸⁾ съ Галиціею. Далѣе, въ 1159 году, кн. Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, при помощи поморскихъ Половцовъ, занялъ по-Дунайскіе города⁽¹⁶⁹⁾ въ нынѣшней Бессарабіи. Сей князь передъ этимъ жилъ въ Кіевѣ, слѣдовательно придиѣпровскимъ Руссамъ была знакома дорога къ Дунаю по Черноморскому берегу, и они были въ близкихъ сношеніяхъ съ тамошними Половцами, что подтверждается и посылкою Кіевскихъ полковъ въ эту сторону въ 1160 году⁽¹⁷⁰⁾. Съ Дуная же Русскіе уже ходили въ Булгарію и Македонію, принадлежавшіе тогда Византійской Имперіи; такъ объ Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ сказано, что онъ умеръ въ Селунѣ⁽¹⁷¹⁾. Но въ Византійскія владѣнія Русскіе въ XII вѣкѣ знали и другую дорогу, изъ Диѣпра прямо по Черному морю; по этой дорогѣ Мстиславомъ Великимъ были отправлены князья Полоцкіе, по ней же ходили и дѣти Юрія Дол-

(166) Ипат., стр. 129. (167) Ипат., 7. (170) Тамъ же, 73. (171) Тамъ же, 84.
(172) Тамъ же, 86.—(173) Тамъ же, 91.

горукаго, Мстиславъ и Василько, въ 1162 году ⁽¹⁷⁴⁾, и послѣдній получилъ отъ Константинопольскаго императора нѣсколько городовъ на Дунаѣ. Днѣпровская дорога въ Византию была самою обыкновенною, и купцы, ѣздившіе по ней, назывались Гречниками и Залозниками. Была и третья дорога къ Черному Морю по Днѣстру, гдѣ преимущественно производилась торговля солью, которая получалась изъ Удеча (гдѣ нѣмудъ въ приморьи) ⁽¹⁷⁵⁾. Изъ Половецкихъ ордъ, кочевавшихъ на западъ отъ Днѣпра по Черноморскому берегу, по свидѣтельству лѣтописей, приднѣпровскимъ Руссамъ были извѣстны такъ называемые Лукоморскіе Половцы, у коихъ въ 1193 году были князья Акушъ и Тоглыи ⁽¹⁷⁶⁾, а потомъ орды Котяна и Бѣговарса, кочевавшія, кажется, ближе къ Днѣстру и Дунаю ⁽¹⁷⁷⁾. Галичане и Волынцы изъ своего края ходили воднымъ путемъ въ Кіевъ по Днѣстру въ Черное Море, а потомъ моремъ въ Днѣпръ, которымъ идя въ верхъ приходили въ Кіевъ ⁽¹⁷⁸⁾.

Страны, лежавшія на западъ отъ Русскихъ владѣній, были, кажется, особенно знакомы приднѣпровскимъ и приднѣстровскимъ Руссамъ, которые еще до Владиміра Мономаха знали дорогу въ Венгрію, Богемію и разныя Германскія владѣнія. Такъ мы уже видѣли, что Святополкъ Михайлъ въ 1097 году посылалъ своего сына Ярослава къ Уграмъ, возбуждая ихъ противъ Володаря Ростиславича Перемышльскаго ⁽¹⁷⁹⁾. А Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ по приказу Святослава ходилъ въ Ляхи за Глоговы до Чешскаго лѣса ⁽¹⁸⁰⁾. Ипатіевская же лѣтопись подъ 1111 годомъ ясно свидѣтельствуетъ, до коихъ мѣстъ простиралось знакомство приднѣпровскихъ Руссовъ съ Западною Европою; она говоритъ, что слава тогдашнихъ побѣдъ надъ Половцами распространилась у Грековъ, Угровъ, Ляховъ, Чеховъ и даже до Рима ⁽¹⁸¹⁾; вѣроятно, всѣ сія страны были уже знакомы приднѣпровскимъ Руссамъ того времени.

По порядку мы сперва рассмотримъ свѣдѣнія Русскихъ объ Уграмахъ. Подъ 1112 годомъ лѣтопись говоритъ, что повезли въ Угры за короля Мономахову дочь Ефа-

⁽¹⁷⁴⁾ Ипат., стр. 91. ⁽¹⁷⁵⁾ Тамъ же, 92. ⁽¹⁷⁶⁾ Ипат., 142. ⁽¹⁷⁷⁾ Тамъ же, 170. ⁽¹⁷⁸⁾ Тамъ же, 164. ⁽¹⁷⁹⁾ Лавр., 115. ⁽¹⁸⁰⁾ Тамъ же, 103. ⁽¹⁸¹⁾ Тамъ же, 3.

мію ⁽¹¹²⁾; потомъ въ 1118 году Ярославъ Свяполчичъ бѣжалъ къ Уграмъ изъ Владиміра Волинскаго ⁽¹¹³⁾; а въ 1123 году этотъ же Ярославъ привелъ съ собою Угровъ, Ляховъ и Чеховъ ⁽¹¹⁴⁾. Вячеславъ, сынъ Мономаховъ, также былъ знакомъ съ Уграми, Угорскій король присылалъ ему на помощь свои войска, въ 1139 году ⁽¹¹⁵⁾. Но особенное знакомство съ землями Угорскою, Лядскою и Чешскою было при Изяславѣ Мстиславичѣ, которому Угорскій король былъ зять, а Чешскій князь Володиславъ и Лядскій Болеславъ были сваты ⁽¹¹⁶⁾. Изяславъ нѣсколько разъ посылалъ туда своего брата Владиміра, сына Мстислава, и иныхъ пословъ; и король Угорскій нѣсколько разъ приходилъ на помощь къ Изяславу противъ Юрія Долгорукаго и Владиміра Галицкаго. По смерти Изяслава, братъ его, Владиміръ, въ 1155 году отправилъ въ Угорскую землю мать свою, супругу Мстислава Великаго, а на слѣдующій годъ и самъ бѣжалъ туда, преслѣдуемый племянникомъ своимъ, Мстиславомъ Изяславичемъ ⁽¹¹⁷⁾. Потомъ почти въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Угорскими королями были князья Волинскіе и Галицкіе, особенно когда по смерти Ярослава Владиміровича Галицкаго начались въ Галицкой сторонѣ смуты, въ которыхъ Угры принимали сильное участіе. Въ то же время вступили въ сношеніе съ Уграми князья Черниговскіе; такъ въ 1189 году Святославъ Всеволодичъ посылалъ къ Угорскому королю сына своего Глѣба ⁽¹¹⁸⁾. Изъ Угорской земли Русскіе проникали и въ Германію; такъ Владиміръ, сынъ Ярослава Галицкаго, въ 1190 году отъ Угорскаго короля ушелъ въ Нѣмецкія земли, гдѣ былъ принятъ императоромъ Германскимъ съ честію и любовію, когда рассказалъ про себя, что онъ племянникъ по матери Всеволоду Юрьевичу Суздальскому, котораго уже знали и уважали въ Германіи ⁽¹¹⁹⁾. А Даніилъ и Василько Романовичи были уже въ сношеніяхъ съ герцогомъ Австрійскимъ Фридрихомъ въ 1237 году, и хотѣли изъ Венгріи пройти къ нему на помощь противъ императора Фридриха II-го, но были удержаны отъ этого Угорскимъ королемъ, у котораго тогда были въ гостяхъ ⁽¹²⁰⁾. Въ 1252 году Даніилъ Романовичъ

⁽¹¹²⁾ Ипат., стр. 3. ⁽¹¹³⁾ Тамъ же, 8. ⁽¹¹⁴⁾ Тамъ же, 9. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 14. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 45. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, 79. ⁽¹¹⁸⁾ Тамъ же, 137. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 138. ⁽¹²⁰⁾ Ипат., 175.

ходилъ на помощь къ Угорскому королю противъ Нѣмцевъ, и былъ подѣ Пожгомъ, гдѣ Нѣмцы дивились богатству вооруженія Данилова и Татарскому оружію его дружины ⁽¹⁹¹⁾. А подѣ 1254 годомъ лѣтопись говоритъ, что Венгерскій король просилъ у Данила его сына Романа, обѣщая женить его на сестрѣ убитаго Австрійскаго герцога Фридриха и отдать ему Австрію и Штирію; но женивши не исполнилъ обѣта и оставилъ безъ пособія въ городѣ Нѣперьцѣ. Данилъ же, какъ новый родственникъ Угорскаго короля, помогалъ ему противъ Чеховъ въ землѣ Опавской, при чемъ въ лѣтописи сказано, что Данилъ шелъ въ Чешскую землю изъ Кракова черезъ рѣку Одру къ городу Козли, оттуда къ рѣкѣ Псивѣ и далѣе къ рѣкѣ Опавѣ; потомъ по Опавѣ вверхъ къ городу Насилью, взявши этотъ городъ, пошелъ въ Глубичичи, потомъ думалъ ити къ Особолозѣ; но послѣ покоренія Герьборта, возвратился за Одру и потомъ чрезъ Краковъ домой. ⁽¹⁹²⁾ Также въ 1291 году Даниловъ сынъ Левъ ѣздилъ въ Чехи къ тамошнему королю Вацлаву, но не для войны, а посломъ, гдѣ и докончалъ съ нимъ миръ ⁽¹⁹³⁾. Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія ясно показываютъ, что Венгрія и Богемія болѣе или менѣе были знакомы для приднѣпровскихъ и особенно приднѣстронскихъ Руссовъ даже географически; въ Галичѣ были нѣмецкіе ворота, т. е. застава, черезъ которую шла дорога въ нѣмецкія земли; въ земли сіи ходили не только Русскіе князья и воины, но, вслѣдствіе близкихъ сношеній князей съ тамошними владѣтелями, вѣроятно и торговцы. А при началѣ владычества Татаръ чрезъ Угорскую землю даже шла дорога въ Константинополь. Такъ въ 1250 году митрополитъ Кирилъ, отправляясь на поставленіе къ Патріарху, шелъ черезъ Венгрію. Нѣмцы въ Галичѣ и Владиміръ - Волынскомъ даже составляли часть постоянныхъ жителей, какъ свидѣлствуетъ лѣтопись подѣ 1287 годомъ: «и созва (Мстиславъ Васильевичъ) бояры Володимерскія брата своего, и мѣстичѣ Рускіи и Нѣмцѣ, и повелѣ предо всеми чести грамоту братню» ⁽¹⁹⁴⁾. Подѣ 1282 годомъ лѣтописецъ, говоря о смерти Владимира Васильковича, какъ мы уже видѣли выше, упоминаетъ: «и плакахуся надѣ

⁽¹⁹¹⁾ Ипат., стр. 187. ⁽¹⁹²⁾ Тамъ же, 189—190. ⁽¹⁹³⁾ Тамъ же, 226. ⁽¹⁹⁴⁾ Тамъ же, 216, 183, 175.

нимъ все множество Вололимерцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы, и Суражане и Новгородцы и жидове» ⁽¹⁹⁴⁾; подъ 1151 годомъ говорится объ Угорскихъ и Лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ ⁽¹⁹⁵⁾; слѣдовательно, изъ Кіева лежали уже пзвѣстныя дороги въ Австрію и Польшу, отъ которыхъ получали названіе и городскіе ворота. Все это показываетъ, что въ семъ краѣ была сильная торговля; если Сурожане, Нѣмцы, Новгородцы и Жидаы не только проѣзжали во Владиміръ-Волинскій, но и жили тамъ и даже составляли часть постоянного народонаселенія, и конечно не для чего иного, какъ для торговли; то всего вѣроятнѣе, что и приидѣстровскіе Руссы, наоборотъ, ходили для торговли въ Венгрію, въ Богемію и въ Нѣмецкую землю, на что есть указанія и въ западныхъ лѣтописяхъ.

Теперь обратимся къ знакомству приидѣпровцовъ и приидѣстровцовъ съ Польскою и Литовскою землею. Лѣтописи говорятъ, что подъ 1123 годомъ Ярославъ Святополковичъ осаждалъ Владиміръ-Волинскій съ Уграми, Ляхами и Чехами ⁽¹⁹⁶⁾. Въ 1140 году Ляхи помогали Всеволоду Ольговичу, воевавшему противъ князей Волинскихъ и Галицкихъ ⁽¹⁹⁷⁾; въ 1144 году Владиславъ, Лядскій князь, ходилъ съ Всеволодомъ Ольговичемъ на Владимира Галицкаго ⁽¹⁹⁸⁾. Подъ 1146 годомъ сказано, что Болеславъ Лядскій князь былъ зятемъ Всеволоду Ольговичу ⁽¹⁹⁹⁾. Въ 1149 Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій сносялся съ Уграми, Ляхами и Чехами, куда отправлялъ посольства съ богатыми дарами, приглашая тамошнихъ владѣтелей помогать ему противъ Юрія Долгорукаго и Владимира Галицкаго, при чемъ Лядскіе князи отвѣчали: «мы смы у тебе близъ, а одного себѣ оставимъ стеречи земли своея, а два къ тобѣ поѣдета»; а Чешскій князь сказалъ: «а язъ готовъ смь самъ съ полки своими» ⁽²⁰⁰⁾. Ляхи или Поляки были довольно частыми посѣтителями и даже, кажется, постоянными жильцами не только въ Кіевѣ, гдѣ мы знаемъ Лядскія ворота или заставу, въ которую шла дорога изъ Кіева въ Ляхи; но даже въ Переяславѣ Русскомъ встрѣчаемъ Летьскую божницу, о которой упоминается въ лѣтописи подъ 1154

⁽¹⁹⁴⁾ Ипат. стр. 220. ⁽¹⁹⁵⁾ Тамъ же, 60. ⁽¹⁹⁷⁾ Тамъ же. ⁽¹⁹⁸⁾ Тамъ же, 16. ⁽¹⁹⁹⁾ Тамъ же, 17. ⁽²⁰⁰⁾ Тамъ же, 20. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 21.

годомъ ⁽²⁰²⁾. Въ 1159 году Лядскіе князи помогали Ярославу Галицкому противъ Ивана Ростиславича Берладника ⁽²⁰³⁾; въ 1169 году Ляхи были въ союзѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ Волынскимъ и съ Ярославомъ Галицкимъ и вмѣстѣ съ ними ходили на Кіевъ. Здѣсь въ лѣтописи Ляхи и Ярославъ названы ротниками Мстислава, т. е. самыми близкими союзниками ⁽²⁰⁴⁾. Въ 1273 году княгиня Ярослава Галицкаго, недовольная поведеніемъ мужа, бѣжала съ своимъ сыномъ Владиміромъ въ Ляхи ⁽²⁰⁵⁾, а въ слѣдующемъ году Ляхи помогали Ярославу Галицкому ⁽²⁰⁶⁾. Въ 1179 году Святославъ Черниговскій женилъ своего сына на дочери Лядскаго князя Казиміра ⁽²⁰⁷⁾. Въ 1188 году Романъ Мстиславичъ Волынскій ходилъ къ Ляхамъ за помощію противъ Угровъ и получилъ отъ Казиміра полки подъ предводительствомъ Межъки ⁽²⁰⁸⁾; а въ 1190 году Казиміръ Польскій помогалъ, пришедшему къ нему изъ Германіи, Владиміру Ярославичу Галицкому ⁽²⁰⁹⁾. Въ 1195 году Романъ Волынскій воевалъ въ Польшѣ за Казиміровичей противъ ихъ дяди Межъки ⁽²¹⁰⁾; и въ 1196 году опустошалъ землю Ятвяжскую за то, что Ятвяги громили его Волынскія волости ⁽²¹¹⁾. Съ сего времени Ятвяги и Литовцы вступаютъ въ болѣе частыя мирныя и враждебныя сношенія съ Русскими князьями и лѣсная страна ихъ сдѣлалась болѣе знакомою для Русскихъ. Слово о Полку Игоревѣ упоминая про подвиги Романа, говоритъ, что Литва, Ятвяги и Деремела «повергли сулицы и главы своя подклонили» ⁽²¹²⁾. Въ лѣтописяхъ даже сохранилась пословица: *але Романи живеши, что Литвиномъ ореши*. Эта пословица указываетъ, что Романъ сильно потѣснялъ Литовскую землю. Онъ умеръ въ 1205 году въ войнѣ съ Ляхами, въ то время, когда онъ уже проникъ до Вислы; по смерти его, супруга его съ малолѣтними сыновьями Давидомъ и Василькомъ, во время мятежа въ Галичѣ, бѣжала къ Лешкѣ Польскому и получала отъ него защиту, какъ отъ родственника. Въ 1215 году Литовскіе и Жмудскіе князья, числомъ двадцать одинъ, вступили въ союзъ съ Романовыми дѣтьми про-

⁽²⁰²⁾ Ипат., стр. 77. ⁽²⁰³⁾ Тамъ же, 83. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 96. ⁽²⁰⁵⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁰⁶⁾ Тамъ же, 108. ⁽²⁰⁷⁾ Тамъ же, 121. ⁽²⁰⁸⁾ Тамъ же, 137. ⁽²⁰⁹⁾ Тамъ же, 139. ⁽²¹⁰⁾ Тамъ же, 146. ⁽²¹¹⁾ Тамъ же, 150. ⁽²¹²⁾ Слово о Пол. Игор. изд. Грам. 52.

тивъ Ляховъ ⁽¹¹³⁾; въ 1225 году Даниилъ Романовичъ приводилъ Ляховъ противъ Мстислава и Александра ⁽¹¹⁴⁾; въ 1229 году Романовичи Даниилъ и Василько помогали Конраду Лядскому противъ Володислава: при семъ случаѣ Русскіе доходили до Калиша, — ихъ путь лежалъ на Вепрь и Прѣсву. Осаждая Калишь, они между прочимъ доходили до Милича и Старогорода и новоевали нѣсколько селъ Воротиславскихъ, т. е. еще западнѣе Калиша къ берегамъ Одера. Въ это время приднѣстровцы и Ляхи такъ сблизились между собою, что, заключая миръ подъ Калишемъ, они клялись другъ другу: «аще по семъ коли будетъ межи нами усобица, не воевати (не брать въ плѣнъ) Ляхомъ Русское челяди, ни Русъ Лядской» ⁽¹¹⁵⁾. Въ 1240 году, при нашествіи Батыя, Даниилъ удалился въ Мазовію и до возвращенія въ Галичъ владѣлъ тамъ Вышегородомъ, даннымъ ему отъ Мазовецкаго князя Болеслава ⁽¹¹⁶⁾. Въ 1245 году Романовичи, воюя съ Болеславомъ Лядскимъ, вступили въ Польшу четырьмя дорогами; самъ Даниилъ воевалъ около Люблина; Василько по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлое (вѣроятно нынѣшня Бѣла, на одномъ изъ притоковъ Западнаго Буга); дворскій Андрей по Сану (можетъ быть до впаденія его въ Вислу), а Вышата у Подгорья ⁽¹¹⁷⁾. Въ 1251 году Романовичи вмѣстѣ съ Ляхами ходили въ землю Ятвяжскую и проникли за рѣку Наревъ, почти къ границамъ Прусовъ и Бортовъ. ⁽¹¹⁸⁾ Въ 1252 и 1253 годахъ Даниилъ, защищая Литовскихъ князей Тевтивила и Эдовида, братьевъ своей жены, противъ Миндовга, самъ съ братомъ Василькомъ двинулся къ Новогородку, а часть своихъ полковъ, вмѣстѣ съ Тевтивиломъ, послалъ на соединеніе съ Жмудью и Рижскими Нѣмцами. Тевтивилъ съ Данииловыми полками прошелъ чрезъ всю Литовскую землю до самой Риги, куда вступилъ съ большимъ полкомъ и былъ принятъ съ честію. Въ описаніи этой войны сказано, что Даниилъ, при самомъ началѣ ея, послалъ Выкынта въ Ригу и въ Жмудь, а Рижскіе Нѣмцы для Даниила обѣщались дать помощь Тевтивилу ⁽¹¹⁹⁾; слѣдовательно, въ это время приднѣстровскіе Руссы знали уже дорогу на Жмудь и Куронію до

⁽¹¹³⁾ Ипат., стр. 162. ⁽¹¹⁴⁾ Тамъ же, 165. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 168—169. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 178. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, 181. ⁽¹¹⁸⁾ Тамъ же, 186. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 187.

самой Риги, и эта дорога шла, можетъ быть, обычнымъ путемъ приидѣстровцовъ въ Ригу и Рижанъ съ Волинію и Галичъ; иначе почему же бы Рижскимъ Нѣмцамъ знать Даніила; ежели бы между ими и Волинянами не было сношеній. Подъ 1256 годомъ лѣтопись описываетъ войну Даніила съ Ятвягами; изъ сего описанія мы узнаемъ, что помогавшіе Даніилу Ляхи раздѣлялись на Судимирцовъ, Мазовчанъ и Краковлянъ; земля же Ятвяжская была занята племенами Ятвяговъ, Злиньчанъ, Крисманцовъ и Покѣнцовъ; тамъ были селенія и города: Болкидище, Привище, Олыдыкиць, Тансевичи, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, «домъ Стекинцовъ, старѣйшаго Ятвяжскаго князя»—и еще селеніе Корковичи⁽²⁰⁰⁾. Такимъ образомъ приидѣпровскіе и приидѣстровскіе Руссы въ XII и XIII столѣтіяхъ знали Польскую землю до Кракова и Калиша съ одной стороны и до Балтійскаго поморья съ другой; земли же Ятвяжскую, Жмудскую и Литовскую они проходили вплоть до Риги, и были, кажется, въ близкихъ сношеніяхъ съ Рижскими Нѣмцами. Знакомство Руссовъ съ сими землями, особенно съ Литвою и Польшею, большею частію было мирное; Русскіе князья роднились съ Польскими и Литовскими князьями, помогали другъ другу въ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ виѣшними врагами. Если въ такихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу князья, то и народонаселеніе тѣхъ и другихъ владѣній было между собою связано торговыми и другими выгодами. На это мы имѣемъ даже прямое свидѣтельство лѣтописи: такъ въ 1268 году, когда Болеславъ Кравинскій послалъ свои полки воевать Холмъ, принадлежавшій Шварну Даніиловичу, народъ успѣлъ укрыться именно потому, что украинскіе Ляхи сами подали вѣсть о походѣ полковъ Болеслава⁽²¹¹⁾. Слѣдовательно, народъ былъ еще въ тѣснѣйшихъ связяхъ, чѣмъ самые князья.

Опредѣливши, сколько возможно, границы географическихъ свѣдѣній, которыя имѣли приидѣпровскіе и приидѣстровскіе Руссы XII и XIII столѣтій о нерусскихъ земляхъ на востокъ, югъ, западъ и сѣверъ, мы теперь обратимся къ опредѣленію географическихъ границъ собственно Русскихъ владѣній, сперва въ приидѣровѣхъ, а потомъ въ Волини и Червонной Руси.

(²⁰⁰) Шпат., стр. 193. (²¹¹) Тамъ же, 203.

По Днѣпру, на восточномъ его берегу, и къ верховьямъ Оки въ древнихъ земляхъ Сѣверянъ, Родимичей и Вятичей, лежали уже извѣстныя намъ прежде княженія Переяславское и Черниговское.

Переяславское княженіе, по раздѣлу Ярославову заключавшее въ себѣ, кромѣ собственно Переяславской области, еще земли Суздальскую, Ростовскую, Бѣлозерскую и Поволожье, по смерти Владимира Мономаха отдѣлилось отъ сего края, которымъ владѣлъ отдѣльно меньшій Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Переяславль же съ своею областію достался второму Мономахову сыну Ярополку; и такимъ образомъ Переяславское княженіе заключалось уже только въ однихъ Переяславскихъ земляхъ, прилегавшихъ къ восточному берегу Днѣпра. Границы сихъ земель вообще оставались прежнія, и послѣдующія извѣстія лѣтописей говорятъ только о временныхъ перемѣнахъ границъ и прибавляютъ нѣкоторыя географическія подробности, прежде незамѣченныя, на которыя мы теперь и постараемся указать.

Подъ 1113 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается рѣка Вырь, впадающая въ Сѣмь съ восточной стороны между Рыльскомъ и Путявлемъ; сюда въ этомъ году Мономахъ приходилъ на соединеніе съ Олегомъ, чтобы вмѣстѣ идти на Половцовъ ⁽²²²⁾. Подъ 1115 годомъ говорится въ той же лѣтописи, что Ярополкъ выстроилъ для Друцкихъ плѣнниковъ городъ, Желнь ⁽²²³⁾, вѣроятно нынѣшній Жовникъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Сулы, неподалеку отъ ея впаденія; ибо въ этомъ мѣстѣ Переяславскому князю всегда нужно было имѣть большое народонаселеніе для отраженія Половецкихъ набѣговъ. Подъ 1126 годомъ лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавши о смерти Мономаха, «присунулись къ Баручю и ко Бронь-князю»—желая захватить кочевавшихъ подлѣ Торковъ; но Ярополкъ изъ Переяслава успѣлъ загнать Торковъ въ города, и Половцы ничего не успѣли. Потомъ, услышавши, что Ярополкъ возвратился въ Переяславль они бросились—было снова на Посулье, но были нагнаны Ярополкомъ и разбиты у Полкостѣня ⁽²²⁴⁾. Въ настоящее время упоминаемыхъ здѣсь городовъ уже

⁽²²²⁾ Ипат., стр. 4. ⁽²²³⁾ Тамъ же, 7. ⁽²²⁴⁾ Лавр., стр. 129.

не существуетъ, и сходныя нынѣшнія названія нѣкоторыхъ урочищъ не могутъ служить надежнымъ руководителемъ; посему, для опредѣленія мѣстности сихъ городовъ, хотя приблизительно надобно взять во вниманіе извѣстіе лѣтописи о томъ, что Половцы при настоящемъ набѣгѣ имѣли цѣлю отогнать Торковъ; Переяславскіе же Торки кочевали въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Сулы въ Днѣпръ; слѣдовательно, очевидно, города Баручъ и Бронъ-княжъ стояли на правомъ берегу Сулы. Здѣсь же, по свидѣтельству Ипатіевской Лѣтописи, были и другіе города, вѣроятно составлявшіе Сульскую линію крѣпостей. Въ лѣтописи сказано: «бѣже вѣсть Ярополку (о набѣгѣ Половцовъ) и повелѣ гнати люди и Торки въ Баручъ и прочая грады» ⁽²²¹⁾. Полкостѣнь былъ кажется уже за Сулою, можетъ-быть на лѣвомъ ея берегу; ибо въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: «Половцы вратисашъ на посульѣ воевать,» Ярополкъ же, какъ свидѣтельствуется Лаврентіевская Лѣтопись, «постиже я у Полкостеня»; слѣдовательно уже за Сулою, на Посульѣ. По случаю похода Мстислава Владиміровича Кіевскаго противъ Всеволода Ольговича Черниговскаго, лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Всеволодъ пригласилъ Половцовъ, которые и успѣли прійти къ Ратмировой Дубровѣ за Выремъ, и отправили въ Черниговъ пословъ съ вѣстію о своемъ приходѣ; но послы были перехвачены на Локнѣ Ярополковыми посадниками, которые сидѣли по всей Семи, и Изяславъ Мстиславичъ въ Курскѣ ⁽²²²⁾. Настоящее извѣстіе показываетъ, что въ этой сторонѣ рѣка Семь отдѣляла Черниговскія владѣнія отъ Переяславскихъ, именно: лѣвый или южный берегъ Семи принадлежалъ Переяславу, а Сѣверный Чернигову. Ратмирова Дуброва здѣсь опредѣляется уже самою лѣтописью за Выремъ, слѣдовательно на юго-востокъ отъ Путивля и Рыльска; а Локна есть одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Семь съ южной стороны, или можетъ быть и въ Вырь. Въ настоящее время въ этой сторонѣ много рѣчекъ, имѣющихъ названіе Локни, но къ которой изъ нихъ отнести приведенное выше извѣстіе лѣтописи рѣшить нельзя, ибо названія сіи очевидно позднѣйшія, — о нихъ не упоминается еще и въ книгѣ большаго чертежа. Подъ 1155 годомъ въ Лаврентьевской Лѣтописи встрѣчаемъ города Нежа-

⁽²²¹⁾ Ипат., стр. 10. ⁽²²²⁾ Лавр., стр. 130.

тинъ, Городецъ и Баручь, ограбленные Половцами, пришедшими съ Ольговичами отъ Чернигова ⁽²²⁷⁾; но въ Ипатьевской Лѣтописи объ этомъ походѣ Ольговичей и Половцовъ сказано иначе, не упомянуто о Нежатинѣ и Баручѣ: «и поидоша воююще селѣ и городы Переяславской власти и люди съкуще, даже и до Кіева придоша, и Городецъ зажгоша, ѣзяху по оной сторонѣ Днѣпра ⁽²²⁸⁾». Сія различныя извѣстія объ одномъ и томъ же походѣ ведутъ къ тому заключенію, что ими нельзя опредѣлить мѣстности городовъ, упоминаемыхъ здѣсь въ Лаврентьевской Лѣтописи; ибо изъ разсказа Ипатьевской Лѣтописи видно, что Половцы разсыпались по всей Переяславской области; слѣдовательно, на такомъ общемъ извѣстіи нельзя утверждать мѣстности того или другаго города, или, иначе сказать, настоящее извѣстіе не измѣняетъ уже сказаннаго нами прежде опредѣленія упоминаемыхъ здѣсь мѣстъ. Подъ 1140 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается Коронь и Малотинъ: первый упоминается по случаю преслѣдованія Всеволодовыхъ войскъ отъ Переяслава къ Днѣпру, слѣдовательно онъ лежалъ гдѣ нибудь по этой дорогѣ, т. е. на западъ отъ Переяслава; въ спискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ показываютъ гг. Надеждинъ и Неволинъ, есть деревня Коронь въ пяти верстахъ отъ Переяслава ⁽²²⁹⁾. Это указаніе совершенно согласнo со смысломъ лѣтописи, въ которой сказано, что Андрей Переяславскій гналъ «Всеволодовы полки до Корони, а далѣе не пусти дружины своей. И завтра миръ створи Всеволодъ со Андреемъ, и на ту ночь загорѣся Переяславъ, Всеволодъ же исполнився страха Божіа и не послаа къ городу никого же. На утрѣ же Всеволодъ поча молвити къ Андрееви . . . а то ми Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотелъ, то что бы ми годно, то же бы сотворилъ» ⁽²³⁰⁾. Весь этотъ разсказъ лѣтописи прямо и ясно говоритъ, что Коронь былъ подлѣ Переяслава. О Малотинѣ лѣтопись говоритъ по случаю заключенія мира съ Половцами; вотъ слова ея: «пріиде Половецкая земля и вси князи Половецкіи на миръ, и ходиша къ нимъ Всеволодъ изъ Кіева, а Андрей изъ Переяслава къ Мало-

⁽²²⁷⁾ Лавр., стр. 132. ⁽²²⁸⁾ Тамъ же, стр. 13. ⁽²²⁹⁾ Изслѣд., Зам. и Лек. о Р. И. Погод. Т. IV., стр. 274. ⁽²³⁰⁾ Ипат., стр. 16.

тиву ⁽²²¹⁾. Очевидно, Малотинъ былъ гдѣ нибудь на Сулѣ, въ краю пограничномъ съ Половцами; Ходаковский согласно съ лѣтописью указываетъ на Малотинъ въ Пирятинскомъ повѣтѣ на Оржицѣ ⁽²²²⁾, вѣроятно при впаденіи Оржицы въ Сулу, а не на западъ отъ Пирятина, гдѣ есть селеніе Малотенцы; ибо въ такомъ случаѣ всей Половецкой земли не пропустили бы такъ далеко въ глубь Переяславскихъ владѣній, устья же Оржицы находились почти на самой границѣ.

Подъ 1142 годомъ Лаврентіевская Лѣтопись говоритъ о рѣкѣ Стрекаѣ на дорогѣ изъ Чернигова или Кіева въ Переяславль: «и вехотѣ (Игорь) ити въ Переяславль, и пришедъ ста по Стрѣкви, и стояша два мѣсяца . . . Ростиславъ же съ Смольняны поймавъ волости ихъ (Черниговской) 4 города; и слышавше отъишлоша отъ Переяславля ⁽²²³⁾». Разсказъ лѣтописи прямо указываетъ на какую либо рѣчку подъ Переяславлемъ, впадающую въ Суной, если походъ Игоря вести отъ Чернигова; если же Игорь шелъ къ Переяславлю отъ Кіева, какъ утверждаетъ Ипатьевская Лѣтопись ⁽²²⁴⁾, то въ такомъ случаѣ Стрекуву должно будетъ искать между рѣчками, впадающими въ Трубежъ. Ни въ какомъ случаѣ подъ Стреквою нельзя разумѣть города, ибо лѣтопись говоритъ: «ста по Стрѣкви» — это выраженіе можетъ быть отнесено къ рѣкѣ, о городѣ же было бы сказано ста на Стрекви, или въ Стрекви. Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ походѣ своемъ отъ Кіева къ Чернигову, или скорѣе къ Новгороду-Сѣверскому, перебродившися чрезъ Днѣпръ, шелъ на Альту, Нежатанъ и Русотину, гдѣ и остановился ⁽²²⁵⁾. Настоящее извѣстіе само довольно ясно указываетъ на топографію упоминаемыхъ здѣсь городовъ; по словамъ лѣтописи Нежатинъ стоялъ за Альтою, можетъ быть при верховьяхъ Трубежа; Русотина же очевидно была за Трубежемъ и сѣвернѣе верховьевъ Суной, можетъ быть на южномъ берегу Остера; ибо Изяславъ, получивши вѣсть объ измѣнѣ Черниговскихъ князей, воротился отъ Русотины назадъ, и сталъ при верховьяхъ Суной, куда къ нему пришло извѣстіе изъ Кіева объ убіеніи Игоря ⁽²²⁶⁾. Если

⁽²²¹⁾ Ипат., стр. 17. ⁽²²²⁾ Арцыб. Т. I, примѣч., 515. ⁽²²³⁾ Лавр., 135. ⁽²²⁴⁾ Ипат., 18 ⁽²²⁵⁾ Тамъ же, 31 ⁽²²⁶⁾ Ипат., стр. 34.

Русотину полагать на Трубезѣ, гдѣ нынче селеніе Русановъ, то положеніе ея противорѣчило бы смыслу лѣтописи; ибо въ такомъ случаѣ Изяславъ, переходя отъ Русотины на Супой, не отступалъ бы назадъ, именно какъ, сказано въ лѣтописи, а шелъ бы впередъ.

Подъ тѣмъ же 1147 годомъ лѣтопись, продолжая описывать войну Изяслава съ Ольговичами, упоминаетъ о городахъ Вырь, Выханъ и Попашъ. Вырь рѣка, какъ мы уже знаемъ, была между Рыльскомъ и Путивлемъ, слѣдовательно тамъ же былъ и городъ Вырь. Это подтверждаетъ въ настоящемъ случаѣ и Ипатьевская Лѣтопись; въ ней сказано, что Святославъ Ольговичъ съ Глѣбомъ Юрьевичемъ пошли къ Курску, и по занятіи сего города «пошли къ Выреви, и посажа посадники своя Глѣбъ Гюргевичъ по Семейю за полемъ и у Выря. Половчи мнози ту заходяща ротѣ съ нимъ. И ту приде къ нимъ Всеволодичъ Святославъ, и послашася къ Выревцемъ, рекуче: оже ны ся не предасте, дамы вы Половцемъ на половъ; и недашася имъ. И оттуду идоша къ Выханю, и ту неуспѣша ничтоже; а оттуда идоша къ Попашу . . . и бишася и взяша Попашъ⁽²²⁷⁾». Забѣсь мы видимъ Вырь городомъ пограничнымъ съ степями, ибо Глѣбъ посадилъ посадниковъ по семейю, т. е. на южномъ Переяславскомъ берегу Семи, и потомъ за полемъ и у Выря т. е. прямо по выходѣ изъ степи за полемъ; подъ Выремъ же явились и Половцы, слѣдовательно подошли къ первому городу, лежащему на границахъ съ степью. Далѣе Ольговичъ съ своими союзниками, не принятый Вырецами, пошелъ къ Выханю и Попашу по направленію къ Переяславу; слѣдовательно Выханъ и Попашъ должно искать на юго-западъ отъ Выря, т. е. по Семи или по Сулѣ; и лѣтопись сама прямо указываетъ на Сулу, ибо по словамъ ея Изяславъ Мстиславичъ, узнавши о походѣ Ольговичей, двинулся изъ Переяслава къ Черной Могилѣ на соединеніе съ братомъ своимъ Ростиславомъ, шедшимъ изъ Смоленска, и тамъ условился съ нимъ идти къ Сулѣ, дабы перенять дорогу стоявшимъ на Сулѣ Ольговичамъ; а мы выше оставили Ольговичей въ Попашѣ; слѣдовательно Выханъ и Попашъ были по указанію лѣтописи на верховьяхъ Сулы.

(227) Ипат., 35.

Далѣ подѣ тѣмъ же годомъ лѣтопись говоритъ, что по удаленіи Ольговичей отъ Сулы и по возвращеніи Изяслана въ Кіевъ, а Ростислава въ Смоленскъ, Глѣбъ Юрьевичъ занялъ городокъ отень, и оттуда нападалъ на Переяславль; но былъ отбитъ тамошнимъ княземъ Мстиславомъ, который гнался за нимъ до Носова на Рудѣ ⁽¹³³⁾. Городкомъ здѣсь очевидно называется Остерскій Городецъ, или нынѣшній Остеръ при впаденіи рѣки Остра въ Десну, а тогда вѣроятно бывшій на лѣвомъ берегу Остра, ибо правый принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ; онъ здѣсь названъ отень Городъ потому, что дѣйствительно принадлежалъ Глѣбову отцу Юрію Долгорукому какъ это прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись; подѣ 1141 годомъ. Въ ней сказано, что когда Новгородцы выбрали себѣ въ князья Юрьева сына Ростислава, то Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій, желая за это мстить Юрію, занялъ Городецъ Въстрьскій; и то же подтверждаетъ самъ Юрій подѣ 1152 годомъ, говоря: «оже есте мой Городецъ пожгли и божницу, то я ся тому отожду противу,» ⁽¹³⁴⁾. Носовъ же очевидно находился на дорогѣ отъ Переяслава къ Остерскому Городку, на одномъ изъ притоковъ Трубежа, который притокъ и теперь еще сохранилъ за собою названіе Руды.

Подѣ 1150 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи есть извѣстіе, что въ Переяславскомъ княженіи на восточномъ берегу Днѣпра выше Канева жили Турпені, кажется одноплеменники Торкамъ ⁽¹³⁵⁾. Жилища ихъ были, по словамъ лѣтописи, должно быть около Сакова; ибо тамъ сказано, что Переяславскій князь Ростиславъ Юрьевичъ, услышавши о движеніи Мстислава Изяславича изъ Канева черезъ Днѣпръ, оставилъ брата своего Андрея въ Переяславль; «а самъ гна къ Сакову и сгони Турпѣ у Днѣпра, и перенимавъ ѣ переведѣ ѣ Переяславу.» Подѣ 1174 годомъ упоминается объ одномъ еще неизвѣстномъ прежде городѣ по Сулѣ,—Серебряномъ, названіе котораго и теперь еще сохранялось въ имени мѣстечка Сребное между Удомемъ и Сулою въ Прилуцкомъ уѣздѣ. По словамъ лѣтописи Серебряной стоялъ неподалеку отъ Боруча, гдѣ былъ и Римовъ, о которомъ мы уже знаемъ, что онъ стоялъ неподалеку отъ Су-

(133) Ипат., стр. 36. (134) Тамъ же, 17 и 71. (135) Тамъ же, 50.

лы и былъ однимъ изъ близкихъ къ границѣ городовъ Переяславскихъ ⁽²⁴¹⁾. Лѣтопись говоритъ: «Игорь Святославичъ совокупивъ полки свои и ѣха въ поле за Ворсколъ, и срѣте Половцы иже ту ловятъ языка, изымаѣ ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шли къ Переяславу. Игорь же слышавъ то повѣха противу Половцомъ, и переѣха. Въ расколъ у Лтавы къ Переяславу, и узрѣшася съ полкы половецкими; бяхуть бо воевали у Серебряного и у Баруча; дружина же игорева постигше онѣхъ избивше, а иныхъ изымаша» ⁽²⁴²⁾. Это извѣстіе, кромѣ Серебрянаго, упоминаетъ еще о Лтавѣ на Ворсклѣ, слѣдовательно указываетъ, что Переяславскія владѣнія на юго-востокъ выдвигались не только за Сулу, но даже и за Ворсклу, ибо за Ворсклою Игорь встрѣтилъ Половцовъ, которые ловили тамъ языка, т. е. искали тамошнихъ жителей, чтобы узнать отъ нихъ нужныя для себя вѣсти, или употребить ихъ проводниками; а отсюда мы видимъ, что на Ворсклѣ еще не жили Половцы, иначе бы имъ незачѣмъ было ловить здѣсь языка; другихъ же владѣній мы никакихъ здѣсь не знаемъ, кромѣ переяславскихъ, слѣдовательно и Ворскла причислилась къ нимъ же, и Лтава, стоявшая на Ворсклѣ, былъ переяславскій городъ, можетъ быть въ родѣ караульной крѣпости или сторожи, какія бывали въ XV, XVI и XVII вѣкахъ у Москвичей въ степяхъ, пограничныхъ съ Татарами. Вѣроятно къ такимъ же Переяславскимъ городамъ или сторожевымъ крѣпостямъ въ степяхъ принадлежали Лукомля, упоминаемая подъ 1179 годомъ, и также стоявшая въ степи за Сулою ⁽²⁴³⁾, — и Донецъ, вѣроятно на рѣкѣ Донцѣ, куда прибѣжалъ Игорь Святославичъ отъ рѣки Тара въ 11 дней пѣшаго пути ⁽²⁴⁴⁾. Но города сіи, стояшіе такъ далеко на востокъ отъ Сулы, не уничтожаютъ еще положенія, что настоящею границею владѣній Переяславскихъ была рѣка Сула; точно также какъ въ XV и XVI вѣкахъ настоящею границею московскихъ владѣній съ Татарами была рѣка Ока, хотя сторожевые городки Московскіе выдвигались до Сѣвернаго Донца, и даже до Тора. Лѣтопись, указывая на успѣхи Кончака, князя Половецкаго въ войнахъ съ Русскими князьями прямо говоритъ:

⁽²⁴¹⁾ Тамъ же, 87 ⁽²⁴²⁾ Тамъ же, 107—108. ⁽²⁴³⁾ Ипат., 122. ⁽²⁴⁴⁾ Тамъ же, 134.

«Кончакъ иже снесе Сулу» ⁽²⁴⁶⁾, т. е. что до Кончака Сула была границею, отдѣляющею Половцевъ отъ Русскихъ, а Кончакъ уничтожилъ и эту границу. То же самое подтверждаетъ и другая лѣтопись, свидѣтельствуя подъ 1186 годомъ, что Половцы взяли «всѣ грады по Сулѣ» ⁽²⁴⁷⁾. Послѣ этого извѣстія мы болѣе не имѣемъ уже свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ Переяславскихъ владѣній, вѣроятно очень стѣсненныхъ Половцами; а съ завоеваніемъ Руси Монголами и всѣ свѣдѣнія о Переяславскомъ княжествѣ прекращаются. По свидѣтельству Паано Карпини, на восточной сторонѣ Днѣпра вплоть до Дона уже кочевалъ Татарскій князь Монтій въ 1246 году ⁽²⁴⁸⁾. Такимъ образомъ вся эта сторона надолго поступила въ полное распоряженіе Монголовъ, и болѣе или менѣе сравнялась со степями, лежащими за Сулою.

Княжество Черниговское, лежавшее на сѣверъ отъ Переяславскаго и отдѣлявшееся отъ него рѣками Десною и Сѣмью, въ XII вѣкѣ потеряло Тмутаракань и Рязань съ Муромомъ, изъ коихъ первая нахлынувшими ордами Половцовъ совершенно отдѣлилась отъ Русскихъ владѣній; послѣдніе же составили отдѣльное Русское княжество, владѣтели котораго хотя и происходили отъ рода Черниговскихъ князей, но совершенно разошлись съ своими родичами, и, какъ мы уже видѣли, вступили въ ближайшія отношенія къ странѣ Суздальской. Остальныя затѣмъ земли Черниговскія, хотя и дробились на разныя мелкія княженія, но тѣмъ не менѣе въ такой были постоянной связи и зависимости другъ отъ друга, что представляли одно цѣлое—землю Черниговскую. Страна сія на западѣ примыкала прямо къ Днѣпру, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Переяславскими, а на востокъ далеко входила въ Половецкія степи, особенно по рѣкѣ Семи и верхнимъ притокамъ Дона, гдѣ сходилась съ землею Рязанскою; на сѣверѣ сосѣдями Черниговскихъ владѣній были земли Суздальская и Смоленская; послѣдняя, кажется, отдѣлялась рѣками Сожею, Угрою и Протвою, при устьи которой вѣроятно находился послѣдній Черниговскій городъ Лобынскъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1146 годомъ ⁽²⁴⁹⁾. За Лобынскомъ,

⁽²⁴⁶⁾ Тамъ же, 155. ⁽²⁴⁷⁾ Ник., III., 249. ⁽²⁴⁸⁾ Собр. пут. къ Татар., стр. 17. ⁽²⁴⁹⁾ Ипап., стр. 29.

при верховьяхъ Протвы, начинались жилища племени Гомадъ, принадлежавшія къ Смоленскимъ владѣніямъ; граница же Черниговскихъ владѣній съ Суздальскими была уже на лѣвомъ берегу Оки, гдѣ, какъ свидѣтельствуесть лѣтопись подъ 1176 годомъ, отъ устья Лопасни на западъ начиналась волость Черниговская ⁽²⁰⁾. Главное дѣленіе всѣхъ Черниговскихъ владѣній по племенамъ, составившимъ основное населеніе, можетъ быть принято слѣдующее: 1) Земля Сѣверягъ—это вся страна по Деснѣ и Сени; 2) Земля Вятичей по теченію Оки и ея притокамъ съ южной и сѣверной стороны; 3) земля Радвиичей по Сожѣ; кромѣ того весь этотъ край дѣлился на разныя княжества, изъ которыхъ главныя были собственно княженіе Черниговское и княженіе Новгородъ-Сѣверское.

Собственно Черниговское княжество прилегалъ къ Днѣпру и Переяславскимъ владѣніямъ, отъ которыхъ, подлѣ Днѣпра, отдѣлялось Десною. Однимъ изъ ближайшихъ городовъ къ Переяславскимъ и Кіевскимъ владѣніямъ былъ Моривѣйскъ, о которомъ лѣтопись подъ 1139 годомъ говоритъ, что Ярополкъ Владиміровичъ, шедши изъ Кіева на Черниговъ, былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича у Моривѣйска, гдѣ и заключилъ миръ ⁽²¹⁾. Можетъ быть, древній Моривѣйскъ стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Моровскъ, на правомъ берегу Десны, въ Остерскомъ уѣздѣ: ходъ событія, рассказаннаго въ лѣтописи, не противорѣчитъ такому заключенію. По направленію отъ Моривѣйска на сѣверо-западъ тянулись города Рѣчица и Любечъ на Днѣпрѣ и Гомель на Сожѣ ⁽²²⁾, одинъ изъ пограничныхъ Черниговскихъ городовъ съ Смоленскими владѣніями, какъ ясно показываетъ лѣтопись, говоря, подъ 1142 годомъ, что Ростиславъ Смоленскій, услышавши о походѣ Черниговскихъ князей къ Переяславу, двинулся въ ихъ владѣнія и взялъ около Гомеля волость ихъ всю. И донынѣ еще сохранялось названіе мѣстечка Гомель на западномъ берегу Сожи въ Бѣлицкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Въ этомъ мѣстѣ именитъ былъ и лѣтописный городъ Гомель; ибо книга большаго чертежа прямо говоритъ: «рѣка Ипуть пала въ рѣку Сожу выше града Гомель

⁽²⁰⁾ Ипат., стр. 118. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 15. ⁽²²⁾ Новг. 1, стр. 32. Ипат. 333. 35 и 18.

20 верстѣ ⁽²²⁾, а нынѣшній Гомель какъ-разъ приходитѣ на 20 верстѣ ниже впаденія Ипути въ Сожь. Еще сѣвернѣе Гомѣи на западѣ былъ Чечерскъ, также на Сожѣ, въ Рогачевскомъ уѣздѣ; объ этомъ городѣ лѣтопись, подъ 1168 годомъ, прямо говоритъ, что онъ былъ пограничный съ Смоленскими владѣніями. По ея словамъ, Ростиславъ, идучи изъ Кіева въ Новгородъ Великій, былъ встрѣченъ Ольгомъ Святославичемъ, однимъ изъ Черниговскихъ князей, въ его городѣ Чичьрьскѣ, и изъ Чичьрьска вступилъ въ Смоленскія владѣнія, гдѣ Смольняне встрѣтили его за 300 верстѣ отъ своего города. Еще сѣвернѣе Чечерска къ востоку былъ Черниговскій городъ Ормина въ нынѣшнемъ Мглинскомъ уѣздѣ, который Всеволодъ Ольговичъ въ 1142 году отдалъ Давыдовичамъ; и теперь еще на сѣверѣ отъ Мглина сохранилось это названіе въ двухъ мѣстечкахъ, изъ которыхъ одно отстоитъ отъ Мглина въ 17, а другое въ 34 верстахъ. На востокѣ Черниговскія владѣнія соприкасались съ Новгородъ-Сѣверскими, гдѣ въ половинѣ XII вѣка рѣка Сновъ, кажется, была границею. По крайней мѣрѣ въ 1149 году Святославъ Ольговичъ, Новгородъ-Сѣверскій князь, называлъ Посемье и Сновскую тысячу своею отчиною ⁽²³⁾; на сѣверѣ же Черниговскимъ ближайшимъ городомъ къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ былъ Ропескъ, на одномъ изъ притоковъ Снова, съ правой стороны въ нынѣшнемъ Новозыбковскомъ уѣздѣ ⁽²⁴⁾. На югѣ Черниговскія владѣнія сходились съ Переяславскими; здѣсь границею были рѣка Остеръ и верхніе притоки Сулы съ правой стороны; пограничными Черниговскими городами были: Глѣбъ, Всеволожъ, Уненежъ, Бѣла-Вежа и Бохмычъ. Города сѣи, сколько можно судить по смыслу лѣтописи и по сохранившимся частію доселѣ названіемъ мѣстностей, лежали въ такомъ порядкѣ: Глѣбъ былъ ближайшимъ Черниговскимъ городомъ на сѣверѣ отъ Сулы; ибо въ 1147 году Черниговскіе князья, въ походѣ своемъ на Изяслава дошедшіе до Переяславскаго города Попаша на Сулѣ, услышавши о походѣ Изяслава, пошли назадъ къ Чернигову и первый городъ на ихъ дорогѣ былъ Глѣбъ; лѣтопись прямо говоритъ: «и пойдомъ на Глѣбъ

⁽²²⁾ К. Б. Ч., изд. 1846, стр. 85. ⁽²³⁾ Новг. 1, стр. 94 и 19. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 45.

къ Чернигову» ⁽¹⁴¹⁾. За Глѣблемъ слѣдовала Бѣловѣжа при верховьяхъ Остера и Удая. Здѣсь глѣ-то была и другая Бѣловѣжа, известная въ лѣтописи подъ именемъ старой; она, кажется, лежала ближе къ Сулѣ; ибо въ 1149 году князь Юрій Долгорукій стоялъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, ожидая Половцовъ изъ-за Сулы ⁽¹⁴²⁾. Въ книгѣ большого чертежа именно сказано: «рѣка Остръ вытекла изъ-подъ городища Бѣлыя Вѣжи, отъ верху рѣки Удая» ⁽¹⁴³⁾. Далѣе нѣсколько на сѣверъ отъ Бѣлой Вѣжи, находился Бохмачъ; это названіе и теперь еще сохранилось за однимъ селеніемъ въ Конотопскомъ уѣздѣ. Потомъ слѣдовалъ Всеволожъ, нынѣ селеніе Сиводожъ, на одномъ изъ притоковъ Остера съ сѣверной стороны или Бораны въ нынѣшнемъ Березенскомъ уѣздѣ; еще западнѣе Всеволожа лежалъ Уненежъ на Остерѣ, можетъ-быть нынѣшній Нѣжинъ или Омбидъ, который лежитъ по Остеру же на востокъ отъ Нѣжина и приходится восточнѣе Всеволожа, въ Боранскомъ уѣздѣ, что и согласнѣе со смысломъ лѣтописи ⁽¹⁴⁴⁾. Таковой порядокъ сихъ пяти городовъ именно описываетъ лѣтописецъ подъ 1147 годомъ, говоря, что Изяславъ Мстиславичъ отъ Черной Могилы (въ Переяславскихъ владѣніяхъ); желая перехватить Черниговскихъ князей на Сулѣ, пошелъ-было въ ту сторону; но услышавши на дорогѣ, что Черниговскіе князья уже отступили отъ Сулы по направленію къ Чернигову, перемѣнилъ свое направленіе, и, желая перехватить ихъ, двинулся къ Всеволожу, ибо зналъ, что дитъ отъ Сулы должно было идти на этотъ городъ; но когда и тутъ не догналъ ихъ, то взялъ Всеволожъ. Когда о семъ узнали жители Уненежа, Бѣловѣжи, Бохмача и другихъ городовъ, то бѣжали къ Чернигову; Изяславъ же, нагнавши бѣглецовъ и зажегши всѣ сии города, пошелъ къ Глѣблю ⁽¹⁴⁵⁾, не нагоняя Черниговскихъ князей. Но очевидно въ этой сторонѣ было и еще много городовъ Черниговскихъ, которые, такъ сказать, намирали къ Деснѣ и Днѣпру; ибо лѣтописецъ, упоминая о бѣгствѣ Уненежанъ и Бѣловѣжцовъ по взятіи Всеволожа, говоритъ: «и нинѣ грады мнози бѣжаша», т. е. когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ отъ Всеволожа къ Глѣблю. И точно, подъ 1159 годомъ мы еще встрѣчаемъ въ этой сторонѣ нѣ-

⁽¹⁴¹⁾ Новг. 1, стр. 85. ⁽¹⁴²⁾ Тамъ же, стр. 36. ⁽¹⁴³⁾ Тамъ же, 42. ⁽¹⁴⁴⁾ К. Б. Ч. изд. 1846 г. стр. 86. ⁽¹⁴⁵⁾ Ипат., стр. 36.

сколько Черниговскихъ городовъ, а именно: Лутаву съ правой стороны Десны, при впаденіи въ нея рѣчки Лутавы, слѣдовательно на юго-западъ отъ Моривѣйска (здѣсь въ этомъ году былъ сѣздъ Изяслава Давыдовича Кіевскаго съ Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ) ⁽²⁶⁰⁾; потомъ Любескъ и Оргощъ. Гдѣ именно были сіи два города, прямо опредѣлить нельзя; но по смыслу лѣтописи они должны находиться между Моривѣйскомъ и Всеволожемъ, и были вообще городки незначительные, населенные Половцами и Псарями. Владѣвшій тогда сими городами Святославъ Ольговичъ жалуется на Изяслава Давыдовича, что онъ ему уступилъ Черниговъ «съ семью городъ пустыхъ, Моровіескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псаревеже и Половцы» ⁽²⁶¹⁾. Исчисленіе сихъ городовъ между Маровійскомъ и Всеволожемъ побуждаетъ думать, что они и на самомъ дѣлѣ были между ними, а населеніе ихъ псарями и Половцами, т. е. людьми небогатыми и воинственными, ведетъ къ заключенію, что они именно были городами пограничными къ Переяславскимъ владѣніямъ, и что ихъ не зачѣмъ искать гдѣ нибудь въ другомъ краю, и особенно ближе къ Чернигову.

Такимъ образомъ, судя по указаннымъ границамъ, пространство собственно Черниговскихъ владѣній было очень незначительно, и едва ли составляло четвертую часть нынѣшней Черниговской губерніи; но оно цѣло народонаселеніемъ, которое особенно было густо въ углу, образуемомъ Остеромъ и Десною, а также около Любеча по Днѣпру. Самый Черниговъ былъ окруженъ множествомъ селеній и городовъ; ибо лѣтопись, описывая Изяславовъ походъ къ Чернигову въ 1148 году, говоритъ: «и пришелъ ста Изяславъ на Олговѣ поля, и ту стояша три дни, и несмѣша въ Чернигова выйти (тамошніе князья) и позже вся села ихъ ои и до Боловса» ⁽²⁶²⁾. Если Ольгово поле и Боловостъ принимать вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, Погодинымъ, Надежнинымъ и Неволинымъ за нынѣшнія селенія Бѣлоусъ на рѣчкѣ Бѣлоусѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны, и за Льговъ и Льговскій (хуторы) въ 8 верстахъ отъ Чернигова, что нисколько не противорѣчитъ смыслу лѣтописи; то очевидно, что въ

⁽²⁶⁰⁾ Ипат., 84. ⁽²⁶¹⁾ Тамъ же. ⁽²⁶²⁾ Тамъ же, 37.

настоящемъ лѣтописномъ извѣстіи говорится о краѣ, прилежащемъ къ лѣвому берегу Днѣпра. Это положеніе подтверждается свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1152 годомъ, гдѣ сказано, что Изяславъ, влучи отъ Днѣпра къ Чернигову, сталъ на Боловѣсѣ. Здѣсь упоминается о Черниговскомъ городѣ Лжичъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, южнѣ Моровііиска, ибо въ лѣтописи сказано: «Вячеславъ съ Изяславомъ стояшета на сей сторонѣ (на лѣвой) Днѣпра, у Лжичъ, и слышавша оже Гюргя стоять у Чернигово, поидоша отъ Лжичъ полки своими къ Чернигову; и яко же быша у Моровііиска и ту узрѣша» ⁽¹⁰³⁾. Въ этой же сторонѣ на сѣверѣ, какъ уже извѣстно, былъ и Любечъ, одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Черниговскихъ; ибо, по свидѣтельству Лѣтописи, Изяславъ говорилъ своимъ союзникамъ: «а поидемъ, къ Любчю, идежешъ (т. е. Черниговскихъ князей) вся жизнь», т. е. лучшія имѣнія, села. На югѣ отъ Чернигова были еще города Стоянничъ, съ лѣвой стороны Десны, по впаденіи въ нее рѣчки Крырола, ниже Семи: ибо лѣтопись, подъ 1160 годомъ, рассказывая о походѣ Изяслава Давыдовича отъ Выря къ Чернигову, говоритъ, «пойде Изяславъ къ Чернигову со всею силою Половецкою на Святослава на Ольговича; и стаха подлѣ Десну по Крырову оли до устья, а внизъ до Стояничъ» ⁽¹⁰⁴⁾. За Стоянничами уже на правомъ берегу Десны находился городъ Свѣнковичи, который, очевидно, стоялъ при впаденіи Свины въ Десну, т. е. въ ближайшемъ разстояніи отъ Чернигова, ибо лѣтопись говоритъ, что Изяславъ, отбитый отъ Десны, отступилъ къ Игореву броду, гдѣ, получивши вѣсть изъ Чернигова, что Святославъ боленъ, а дружина распущена, обратился опять къ Чернигову: «и пріѣхавъ къ Деснѣ противу Свѣнковичемъ, и въ зорѣ переправи полци своя черезъ Десну и пусти я воевать, переѣхалъ же быше и самъ черезъ Десну» ⁽¹⁰⁵⁾. Къ востоку отъ Чернигова, ближе къ границамъ съ Новгородъ-Сѣверскими владѣніями, также было нѣсколько Черниговскихъ городовъ, таковы: Семынь, передъ самымъ Черниговомъ, за Семынью Гюричевъ, и далѣе за Гюричевымъ Свины, на рѣкѣ Свины. Мѣстность или по крайней мѣрѣ порядокъ, въ какомъ сіи города другъ за другомъ слѣдовали, довольно отчетливо объяс-

(¹⁰³) Ипат., стр. 70. (¹⁰⁴) Тамъ же, 86. (¹⁰⁵) Тамъ же, 87.

яется лѣтописью при описаніи Юрьева похода отъ Глухова къ Чернигову: Юрій отъ Глухова двинулся къ Березому, нынѣшняя Березна, въ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣніяхъ; съ Березны онъ пошелъ къ Свины: «и яко ста у Свины, а завтра въ недѣлю не хотя ити къ городу, но ста у Гюричева, и ставши тамъ, и пусти Половцовъ къ Чернигову воевать; Половцомъ же пришедшимъ къ городу, много полона взяша и Семьинъ пожгоша» ^(*). Въ Лаврентьевской же лѣтописи, при описаніи сего похода передъ Гюричевымъ еще упоминается Канинь; вотъ слова лѣтописи: «Гюрги же пришедъ ста у Глухова, и приде къ нему множество Половецъ и Ольговичъ Святославъ; и сдумавше вси поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновъ и стаща у Гюричева близъ города, перешедше Канинь» ^(**). Здѣсь мы ясно видимъ, что Канинь былъ за Сновомъ, не доходя Гюричева; слѣдовательно, по Ипатьевской Лѣтописи между Свиныю и Гюричевымъ.

Владѣнія Новгородъ-Сѣверскія заключали въ себѣ все Подесенье и Посемье, т. е. уголъ, образуемый Десною и Семью, а на правомъ берегу Десны они прикасались къ собственно Черниговскимъ владѣніямъ по рѣкѣ Снову, отъ впаденія ея до верховья. Самый крайній городъ на востокъ по Сему былъ Курскъ, лежавшій на правомъ берегу; по этому же берегу были Новгородъ-Сѣверскіе города: Льговъ, Рыльскъ, Путивль, потомъ между Семью и Десною Хороборъ, можетъ-быть нынѣшній Коропъ въ Королевецкомъ уѣздѣ, и недалеко отъ впаденія Сѣми Сосница, нынѣ уѣздный городъ на рѣкѣ Убедѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны. Далѣе, въ углу, образуемомъ Десною и Сновомъ, городъ Березомъ, можетъ-быть нынѣшняя Березна, и наконецъ, при впаденіи рѣки Снова въ Десну, Сновскъ, самый крайній Новгородъ-Сѣверскій городъ на юго-западѣ. Такимъ образомъ, по южной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній мы находимъ семь городовъ, и показанное географическое положеніе ихъ и принадлежность къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ подтверждаются слѣдующими мѣстами лѣтописей. О принадлежности Курска къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ лѣтопись прямо говоритъ подъ 1146 годомъ; въ

(*) Ипат., стр. 70. (**) Лавр., стр. 145.

ней сказано, что Новгородъ-Сѣверскій князь Святославъ, когда Кіевъ былъ занятъ Изяславомъ: «сперва бѣжалъ въ Черниговъ и оттуду ѣха Курску уставлятъ людей и оттуда Новугороду (Сѣверскому) приде» ⁽²⁶⁶⁾. Въ томъ же году тотъ же Святославъ отдалъ Курскъ со всѣмъ Посемьемъ союзнику своему, Ивану Юрьевичю, когда тотъ пришелъ къ нему на помощь противъ Изяслава ⁽²⁶⁷⁾. Та же лѣтопись говоритъ далѣе о принадлежности къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ города Путивля; ибо въ ней сказано, что Изяславъ съ своими союзниками князьями Черниговскими, въ томъ же году, осаждалъ Путивль, и когда взялъ его, то находившійся тамъ дворъ Святославль (Новгородъ-Сѣверскаго князя) раздѣлилъ на четыре части ⁽²⁶⁸⁾. Объ Ольговѣ или Льговѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1152 годомъ; по ея словамъ; къ Ольгову въ это время пришли Половцы, союзники Юрьевы, тогда какъ Юрій изъ земли Вятичей черезъ Мценскъ шелъ на Глуховъ ⁽²⁶⁹⁾. Изъ этого разсказа ясно можно видѣть, что Ольговъ долженъ быть на Семи, именно тамъ, гдѣ нынче Льговъ; ибо мѣстность нынѣшняго Льгова какъ разъ приходится въ сосѣдствѣ съ Половецкими степями и по дорогѣ къ Глухову, гдѣ стоялъ Юрій. Подъ тѣмъ же годомъ говорится и объ Рильскѣ. Лѣтопись разсказываетъ, что когда Юрій съ Святославомъ Ольговичемъ и Половцами былъ отбитъ отъ Чернигова, то съ союзниками своими пошелъ сперва за Свинь, потомъ за Сновъ, и оттуда Половцы пошли на Путивль въ свои степи, а Юрій съ Святославомъ на Новгородъ-Сѣверскій; а изъ Новгорода Юрій пустился къ Рильску, дабы идти оттуда въ Суздаль черезъ землю Вятичей ⁽²⁷⁰⁾. Конечно, это движеніе отъ Новгорода на Рильскъ и потомъ въ Суздаль дѣлало лишній уголъ, и Юрію прямѣе было бы идти съ Новгорода на Сѣвскъ; но онъ, идя на Рильскъ, съ одной стороны имѣлъ ту выгоду, что скорѣе удалялся отъ преслѣдованія Изяслава и его союзниковъ, а съ другой нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ и Святослава, грозя изъ Рильска Вырю и дежась въ Сѣверскихъ же владѣніяхъ. Вѣроятно, для сихъ двухъ выгодъ лишній уголъ къ Рильску не дѣлалъ большаго разсчета; при-

⁽²⁶⁶⁾ Ипат., стр. 25. ⁽²⁶⁷⁾ Тамъ же, 26. ⁽²⁶⁸⁾ Тамъ же, 27. ⁽²⁶⁹⁾ Тамъ же, 69. ⁽²⁷⁰⁾ Тамъ же, 70.

томъ же Юріи, можетъ быть, еще надѣялся соединиться съ Половцами, что было очень удобно сдѣлать въ нынѣшнемъ Рыльскѣ, какъ городѣ, огравичномъ съ степями. Подъ 1234 годомъ лѣтопись прямо говоритъ о Хороборѣ, Сосницѣ и Сновскѣ, что они были города, лежащіе около Десны; по ея словамъ Даниилъ Романовичъ и Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, воюя съ Михаиломъ Черниговскимъ, «подоша отъ Чернигова ямаючи землю, повмаше грады многи по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницу и Сновскъ» (273). Слѣдовательно, означенныхъ городовъ мы должны искать около Десны, съ правой и съ лѣвой ея стороны, какъ нами и указано. Городъ Березомъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1152 годомъ; тамъ сказано, что Юрій, пробираясь къ Чернигову изъ Суздаля, черезъ Мценскъ и Спашь, пришелъ на Глуховъ, гдѣ сослался съ Святославомъ Ольговичемъ княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ, приглашая его также идти къ Чернигову; потомъ съ Глухова, получивъ согласіе Святослава, двинулся къ Березому и далѣе сталъ у Свини (274). Этотъ путь отъ Глухова къ Свини черезъ Березомъ прямо указываетъ, что Березомъ долженъ находиться гдѣ-нибудь на правомъ берегу Десны, не доходя до Свини, и всего вѣроятнѣе гдѣ теперешній узданный городъ Черняговской губерніи Березна. Подъ 1149 годомъ въ лѣтописи упоминается городъ Ярышевъ; гдѣ именно онъ находился, опредѣлить нельзя; но, судя по смыслу лѣтописи, его нужно искать на юго-восточной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній по Семи. Лѣтопись говоритъ, что Юрій Долгорукій, въ походѣ своемъ на Изяслава, двинулся изъ Суздаля въ страну Вятичей и соединился съ Половцами; потомъ сослался съ Святославомъ Новгородъ-Сѣверскимъ и сталъ у Ярышева, куда къ нему пріѣхалъ Святославъ. Съ Ярышева, послѣ неудачныхъ сношеній съ Давыдовичами, они пошли на Бѣлую Вѣжу на старую, и поджидали тамъ Половцовъ цѣлый мѣсяцъ, и оттуда пошли къ Суною (275). Изъ разсказа лѣтописи мы ясно видимъ, что Ярышевъ былъ въ числѣ первыхъ городовъ на походѣ Юрія изъ земли Вятичей къ Семи и что онъ стоялъ сѣвернѣе Бѣлой Вѣжи старой; ибо отъ Ярышева Юрій пошелъ

(273) Ипат., стр. 173. (274) Тамъ же, 70. (275) Тамъ же, 42.

на Бѣлую Вѣжу; старая же Бѣлая Вѣжа, какъ мы уже знаемъ, лежала на востокъ отъ верховьевъ Удаи и Остера и на сѣверъ отъ Сулы; слѣдовательно, Ярышевъ былъ на правомъ или на лѣвомъ берегу Семи, можетъ-быть на западъ отъ Путивля. Самъ Новгородъ-Сѣверскій былъ, гдѣ и теперь, на правомъ берегу Десны выше впаденія въ нее Семи; на сѣверъ отъ Новгорода-Сѣверскаго ближайшимъ городомъ былъ Радошь, вѣроятно Радогощь, на правомъ берегу Судости; городъ этотъ уже не существовалъ при составленіи книги Большаго Чертежа, и названъ въ ней городищемъ: «противъ Стародуба на рѣкѣ на Судости городище Радогощь»⁽²⁷⁶⁾. Нынѣ здѣсь находится, по указанію Арцыбашева, заштатный городъ Погаръ, который точно приходится почти противъ Стародуба. Потомъ отъ Радогоща на сѣверо-западъ былъ городъ Сининъ-Мостъ. Надеждинъ и Неволнинъ указываютъ, что отъ нынѣшняго Погара по дорогѣ къ Стародубу находится и теперь еще селеніе Сининъ въ 23 верстахъ отъ Стародуба⁽²⁷⁷⁾. За Сининымъ Мостомъ на юго-западъ находился Стародубъ. По свидѣтельству лѣтописи; Сининъ Мостъ былъ самымъ сѣвернымъ Новгородъ-Сѣверскимъ городомъ, ближайшимъ къ Смоленской землѣ; ибо Юрій шелъ Смоленскими владѣніями, и когда миновалъ Смоленскій городъ Зарой на Ипутѣ, то былъ встрѣченъ Святославомъ Ольговичемъ у Синина-Моста, и потомъ снялся съ нимъ у Радоща, и оттуда пошли къ Стародубу⁽²⁷⁸⁾. Съ восточной стороны Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній, на сѣверъ отъ Семи лежали города Глуховъ, на одномъ изъ притоковъ Клевани, на сѣверъ отъ Путивля; еще сѣвернѣе Глухова Сѣвскъ на рѣкѣ Сѣвѣ, впадающей въ Нерусу; и далѣе за Сѣвскомъ Болдыжъ, Кромы и Спашъ, и наконецъ Карачевъ, крайній сѣверо-восточный городъ сѣверскихъ владѣній, отъ котораго уже начиналась земля Вятичей, какъ о томъ ясно говоритъ лѣтопись подъ 1146 годомъ. По ея словамъ, Святославъ Ольговичъ, узнавши о походѣ Изяслава Мстиславича, оставилъ Карачевъ, «я бѣжа за лѣсъ у Вятичъ»⁽²⁷⁹⁾. Еще восточнѣе и сѣвернѣе Карачева Мценскъ на Зушѣ, кажется уже принадлежащій землѣ

⁽²⁷⁶⁾ Кн. Б. Ч., стр. 85. ⁽²⁷⁷⁾ Ислѣд. Погод. Т. IV, стр. 241. ⁽²⁷⁸⁾ Ипат., 77. ⁽²⁷⁹⁾ Тамъ же, 28.

Вятичей. Въ лѣтописи подѣ 1152 годомъ говорится о Юрьѣ и его союзникахъ, князьяхъ Рязанскихъ и Половцахъ: «и поидоша туда на Вятичѣ, и тако взяша я, тамъ же на Мценскѣ, оттуда же идоша на Снашѣ, тамъ же на Глуховѣ, ту и сташа» ⁽²¹⁰⁾. Подѣ 1147 годомъ сказано, что Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ изъ Мценска пошли къ Крому; но, не доходя Крому, ихъ нагнали въ Спашѣ послы отъ Владиміра Давыдовича и Святослава Всеволодича ⁽²¹¹⁾. Еще же прежде, подѣ 1146 годомъ, лѣтопись говоритъ объ Изяславѣ Давыдовичѣ: «иде изъ Путивля на Сѣвскую на Болдыжъ, простѣ бо бѣ ему путь Карочеву» ⁽²¹²⁾. Изъ приведенныхъ здѣсь лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что упомянутые выше семь городовъ лежали въ такомъ именно порядкѣ другъ за другомъ, въ какомъ они поставлены нами, т. е. самымъ южнымъ изъ нихъ былъ Глуховъ, ближайшій къ Путивлю; онъ, очевидно, и въ XII вѣкѣ стоялъ тамъ же, гдѣ и теперь находится—на одномъ изъ притоковъ Клевани, на рѣчкѣ Есмани. За Глуховымъ слѣдовалъ Сѣвскъ на рѣчкѣ Сѣвѣ; ибо въ 1146 году Изяславъ Давыдовичъ изъ Путивля шелъ на Сѣвокъ, какъ и приходится это по самой мѣстности, ибо по прямой дорогѣ изъ Путивля въ Сѣвскъ Глуховъ остается влѣвѣ. На сѣверо-востокъ отъ Сѣвска былъ Болдыжъ, по дорогѣ къ Карачеву, какъ это ясно указываетъ только-что приведенный походъ Изяслава Давыдовича; ибо, по словамъ лѣтописи, онъ съ Сѣвска къ Карачеву шелъ на Болдыжъ; по указанію Надеждина и Неволлина, въ опискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и теперь еще существуетъ селеніе Болдыжъ, въ 4-хъ верстахъ отъ города Дмитровска, что какъ-разъ приходится по дорогѣ изъ Сѣвска къ Карачеву. Отъ Болдыжа на востокъ при рѣчкѣ Наднѣ, впадающей въ Крому, лежитъ городъ Кромъ, какъ сказано и въ Книгѣ Большаго Чертежа ⁽²¹³⁾. И наконецъ отъ Крома по дорогѣ къ Мценску лежалъ городъ Спашъ; ибо въ 1147 году, когда Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ шли изъ Мценска къ Крому, то въ Спашѣ ихъ нагнали послы Владиміра Давыдовича; въ настоящее время въ этой сторонѣ очень много селеній съ названіемъ Спашъ или Спасское.

⁽²¹⁰⁾ Ипат., 69. ⁽²¹¹⁾ Тамъ же, 30. ⁽²¹²⁾ Тамъ же, 27. ⁽²¹³⁾ К. Б. Ч., стр. 116.

На восточной сторонѣ сѣверскихъ владѣній, западнѣе описанной нами линіи городовъ, шла еще линія, ближайшая къ Новгороду-Сѣверскому, на югѣ начинавшаяся городомъ Зартымъ или Зарытымъ и окончивавшаяся Вщижемъ на сѣверѣ, который стоялъ на Деснѣ выше Брянска; по этой линіи были города Воробейно, Росуса и Трубчевскъ. Въ лѣтописи подъ 1160 годомъ о сихъ городахъ упоминается съ нѣкоторыми указаніями на мѣстность; такъ о Зарытомъ сказано: «Воева Георгій Ярославичъ изъ Турова Путивлю . . . Выревцы же затворившася отъ него, и непустиша его къ себѣ; онъ же оттуда възратився иде въ Зартыи, и ту пребывъ иде опять въратився у Вырь». Или нѣсколько ниже о Святославѣ Ольговичѣ говорится: «И пришедъ ко Выреви и пожже острогъ около города . . . И ту стоявше и шедше къ Зарытому, и ту пожегше, и много зла створивше, възвратитися у своимъ» ⁽¹⁴⁾. Оба приведенныя извѣстія указываютъ на Зарытый какъ на городъ, лежащій на западъ отъ Выря, а по первому извѣстію даже на сѣверѣ или сѣверо-западъ отъ Путивля; слѣдовательно, его и нужно искать около Путивля, гдѣ нынче находится рѣка Рѣтъ, впадающая въ Десну; а посему правильно заключаютъ Надеждинъ и Неволнинъ, что Зарытымъ могъ называться городъ за Рѣтью, и слѣдовательно Зарытый или Зартый должно полагать около нынѣшняго Королевца. Далѣе лѣтопись говоритъ, что Изяславъ Давыдовичъ, стоявшій въ степи за Выремъ, по удаленіи Святослава Ольговича отъ Зарытаго, пошелъ съ Половцами къ Воробейнѣ и къ Росусѣ—«и туде повоевавъ иде къ сыновцю своему ко Вщижу, и оттуда началъ воевать Смоленскую волость». Когда же противники Изяславовы пошли ко Вщижу, то онъ послалъ къ Андрею Юрьевичу Суздальскому просить у него помощи, который и прислалъ къ нему Изяслава съ своимъ полкомъ и съ Муромскою силою; но прежде нежели онъ успѣлъ подойти съ союзниками ко Вщижу, противники помирились съ племянникомъ его, Вщижскимъ княземъ, и Изяславъ удалился въ Вятичи. Это извѣстіе прямо говоритъ, что Вщижа должно искать на границахъ владѣній Смоленскихъ, Черниговскихъ и земли Вятичей; здѣсь дѣйствительно и теперь еще нахо-

(14) Ипат., 86—87.

дится селеніе Вщижъ, на берегу Десны, на 40 верстѣ отъ Брянска вверхъ, что именно и подтверждаетъ лѣтопись подъ 1156 годомъ, называя Вщижъ городомъ, около Десны; она говоритъ: «бѣжа Володимирѣчь Сыновець Изяславъ, изъ Березого во Вщижъ и зал у него всѣ города подесненскіе, нестворивъ извѣта хрестьному цѣлованію къ стрыви своему, и яся по Ростислава по Смоленскаго князя; и приде къ нему Мстиславичъ изъ Стародуба въ засаду» ⁽¹⁴⁴⁾. А когда Вщижъ несомнѣнно стоялъ на Деснѣ выше Брянска, и лѣтопись говоритъ еще о подесненскихъ городахъ въ этой сторонѣ; то съ вѣроятностію можно допустить, что Росуса и Воробейно, лежавшіе на дорогѣ отъ Выря ко Вщижу, принадлежали также къ числу упоминаемыхъ здѣсь подесненскихъ городовъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ и Трубчевскъ, находящійся и теперь на Деснѣ, и въ лѣтописи подъ 1185 годомъ упоминаемый какъ удѣлъ одного изъ Сѣверскихъ князей ⁽¹⁴⁵⁾.

Съ завоеваніемъ Чернигова Монголами и по убіеніи тамопняго князя Михаила Всеволодича, Черниговскія владѣнія распались. Собственно область Черниговская и Новгородъ-Сѣверская, т. е. низовья Десны и Семи, столь прежде богатая народонаселеніемъ и устѣянная множествомъ городовъ, запустѣли и сдѣлались сперва кочевьемъ Монголовъ, а потомъ достались Литвѣ. Русскія лѣтописи съ половины XIII вѣка совершенно потеряли изъ виду; этотъ край, послѣ Михаила онѣ упоминаютъ только объ одномъ Черниговскомъ князѣ, Михайловомъ сынѣ, Романѣ. Жизнь Русская, вытѣсненная изъ этого края, отступила къ верховьямъ Семи, Десны и Оки. Сыновья Михайловы: старшій, Романъ, удалился въ Брянскъ, откуда владѣлъ Черниговомъ и можетъ быть Новгородомъ-Сѣверскимъ; второй, Семенъ, занялъ Глуховъ, Новосиль, Олонецъ, Бѣлевъ и Воротыньскъ; третій, Мстиславъ, завладѣлъ Карачевомъ, Козельскомъ, Мосальскомъ, Звенигородомъ и кажется Ельцемъ; четвертый, Юрій, утвердился въ Торусѣ и Ободенскѣ. Кромѣ того изъ другихъ родовъ Черниговскаго княжескаго дома потомки утвердились въ Рыльскѣ, Курскѣ, Ворголскѣ и Липецкѣ ⁽¹⁴⁶⁾.

Обширнѣйшимъ княженіемъ изъ числа Черниговскихъ въ Монгольское время было княженіе Брянска; къ нему причисля-

⁽¹⁴⁴⁾ Ипат., 79. ⁽¹⁴⁵⁾ Тамъ же, 129. ⁽¹⁴⁶⁾ Родосл. Кн. Ч. I.

лись Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій; слѣдовательно, на югѣ были границами его, можетъ-быть Десна и Семь; на востокѣ опять Десна въ ея верховьяхъ и вершины Угры, гдѣ Брянскія владѣнія сходились съ Карачевскими; на сѣверъ же Брянскія земли примыкали къ Смоленскимъ, на что указываютъ упоминаемыя въ лѣтописяхъ войны Брянскихъ князей съ Смоленскими и даже походы подъ самый Смоленскъ; въ 1286 году Романъ Брянскій осаждалъ Смоленскъ и сжегъ его посады ⁽²⁸⁸⁾. На западѣ границу Брянскихъ владѣній, кажется, былъ Двѣпръ. Это княженіе до конца своего, т. е. пока не было покорено Литовцами, не раздроблялось и было въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, кажется всегда дружественныхъ; такъ, напримѣръ, въ 1341 году Московскій князь Иванъ Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Брянскаго князя Дмитрія ⁽²⁸⁹⁾; въ 1375 году Брянскій князь Романъ Михайловичъ помогалъ Дмитрію Донскому противъ Михаила Александровича Тверскаго ⁽²⁹⁰⁾. Земли Брянскаго княжества очевидно были хорошо знакомы Москвитинамъ, какъ по дружественнымъ отношеніямъ князей, такъ и по тому, что на Брянскъ лежалъ путь изъ Москвы въ Кіевъ, на что указываетъ путешествіе Кіевскаго Митрополита Максима въ 1299 году. Лѣтопись говоритъ, что «Митрополитъ иде изъ Кіева ко Брянску; а отъ Брянска иде въ Сузальскую землю» ⁽²⁹¹⁾; или въ 1310 году путешествіе Митрополита Петра ⁽²⁹²⁾. Но обширность Брянскихъ владѣній во всемъ объемѣ не существовала и ста лѣтъ. Гедеминъ, князь Литовскій, покоривши Кіевъ, скоро занялъ и Черниговъ, а потомъ мало по малу отошло къ Литовцамъ все южное Подесенье и Посемье; такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1379 году мы уже видимъ Стародубъ и Трубчевскъ Литовскими городами ⁽²⁹³⁾. Наконецъ и самый Брянскъ достался Литвѣ, и Романъ Михайловичъ, помогавшій въ 1375 году Донскому, кажется, былъ послѣднимъ Брянскимъ княземъ изъ дому Михаила Черняговскаго; ибо въ битвѣ съ Мамаемъ въ 1380 году, Брянскимъ княземъ былъ уже Дмитрій Ольгердовичъ Литовскій ⁽²⁹⁴⁾. Лѣтопись даже подъ 1355 годомъ говоритъ: «нача обладати Брянскомъ князь ве-

⁽²⁸⁸⁾ Ник. III, 85. ⁽²⁸⁹⁾ Тамъ же, 175. ⁽²⁹⁰⁾ Ник. IV, 42. ⁽²⁹¹⁾ Ник. III, 96. ⁽²⁹²⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁹³⁾ Ник. IV, 84. ⁽²⁹⁴⁾ Тамъ же, 105.

ликій Литовскій» ⁽²²²⁾; но вѣроятно съ этого времени Брянскъ только поступилъ въ зависимость отъ Литвы, а впрочемъ еще имѣлъ своихъ князей, потомковъ Михаила.

На востокъ отъ Брянскихъ владѣній лежали земли княжества Карачевского. Примыкая на западъ къ Брянскимъ владѣніямъ, Карачевскія земли на сѣверѣ сходились съ Смоленскими и Московскими, гдѣ крайнимъ ихъ городомъ былъ Звенигородъ; ибо сынъ перваго Карачевского князя Мстислава, Адрианъ, былъ княземъ Звенигородскимъ ⁽²²³⁾. На востокъ Карачевскія земли граничили съ Тарусскими, Воротовскими и Бѣлевскими землями, можетъ-быть по теченію Верхней Оки и Жиздры; на югѣ же онѣ сходились съ землями Новосильскими. Карачевское княжество составляли города Карачевъ, Козельскъ, Звенигородъ, Мосальскъ и Елецъ, и можетъ-быть Болховъ, Мещевскъ, Брынъ, Медынъ и Верей, какъ можно судить по родословнымъ тамошнихъ князей. Это княженіе недолго оставалось нераздѣльнымъ; ибо сынъ Мстислава Карачевского, Адрианъ, уже сдѣлался отдѣльнымъ княземъ Звенигородскимъ и можетъ-быть Верейскимъ и Медыньскимъ; а внукъ Иванъ, сынъ Тита, составилъ особое владѣніе въ Козельскѣ, и можетъ-быть вмѣстѣ съ Козельскомъ владѣлъ Перемышлемъ и Мещевокомъ; потомъ одинъ правнукъ, Федоръ, утвердился въ Елцѣ, а другой, Юрій, въ Мосальскѣ ⁽²²⁴⁾. Всѣ сіи потомки Мстислава Карачевского вступили въ ближайшія отношенія къ князьямъ Литовскимъ и Рязанскимъ: такъ одинъ внукъ Мстислава, Святославъ, былъ женатъ на Олгердовой дочери Феодоръ, другой, Адрианъ Звенигородскій, на дочери Литовскаго князя Гаманта, и третій, Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго ⁽²²⁵⁾.

Владѣнія Глуховскія и Новосильскія, начинаясь отъ Глухова, шли на востокъ къ Новосилу, что при Зушѣ; здѣсь они сходились съ владѣніями Елецкими; потомъ, идя отъ Новосила на сѣверъ по теченію Оки, они на западъ граничили съ владѣніями Козельскими, гдѣ къ Новосильскимъ городамъ принадлежали:

⁽²²²⁾ Ник. III, 207. ⁽²²³⁾ Родосл. Ч. I, стр. 185. ⁽²²⁴⁾ Тамъ же, 186.

⁽²²⁵⁾ Ник. IV, 50.

Мценскъ, Бѣлевъ, Воротыньскъ и Одоевъ; на востокъ они соприкасались съ владѣніями Пронскими и Рязанскими.

На сѣверъ отъ Новосильскихъ владѣній лежали земли Торускія и Оболенскія; они съ одной стороны примыкали къ землямъ Московскимъ, а съ другихъ сторонъ были окружены: съ востока владѣніями Рязанскими, съ юга Одоевскими, и съ запада Воротыньскими. Земли Торускія и Оболенскія были меньше всѣхъ удѣловъ Черниговскихъ; здѣсь были города Торуса, Оболенскъ, Тростна и Мезецкъ, какъ значится по родословнымъ. Торускіе князья были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Московскими и держались только ихъ силою.

Владѣнія Курскія и Рыльскія составляли пограничный край Русскихъ земель на югъ; они начинались отъ Рыльска при Семи и простирались на востокъ вплоть до верховья Воронежа. Здѣсь были города по Семи: Рыльскъ, Лговъ и Курскъ, по рѣкѣ Ворголу—Ворголъ и при верховьяхъ Воронежа—Липицы. Каждый изъ сихъ городовъ составлялъ отдѣльное княженіе, которые, впрочемъ, подчинены были князю Курскому; по крайней мѣрѣ Курскій князь въ лѣтописи называется великимъ княземъ⁽²⁹⁹⁾. Долго ли существовали южныя княжества, въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій; но, вѣроятно, они особенно по Ворголу и Воронежу скоро были обращены въ пустыню, ибо всегда первыя подвергались грабительству Татаръ; по крайней мѣрѣ изъ путешествія Митрополита Пимена мы ясно видимъ, что въ XIV вѣкѣ здѣсь была уже совершенная пустыня, въ которой изрѣдка встрѣчались развалины городовъ; тутъ даже не кочевали Татары. Собственно же Рыльскъ и Курскъ поступили въ вѣдѣніе Литвы, ибо въ лѣтописи при описаніи битвы Витовта съ Едигѣемъ въ 1399 году, въ числѣ убитыхъ Литовскихъ князей упоминается князь Федоръ Патрикѣвичъ Рыльскій⁽³⁰⁰⁾.

На правомъ или западномъ берегу Днѣпра первымъ, самымъ южнымъ Русскимъ владѣніемъ было княжество Кіевское. Оно съ востока примыкало прямо къ Днѣпру; эта граница никогда не измѣнялась; также болѣе или менѣе постоянна была граница южная, собственно для Кіевского народонаселенія оканчивавша-

(²⁹⁹) Ник. III, 77. (³⁰⁰) Ник. IV, 283.

яся лѣвымъ берегомъ Роси, а для подчиненныхъ Кіевскимъ князьямъ Торковъ, Берендѣевъ и вообще такъ называемыхъ Черныхъ Клобуковъ, переступавшая за Рось и неопредѣленно влигавшаяся въ Половецкія степи. Но границы Кіевскихъ владѣній съ запада и сѣвера почти всегда измѣнялись, смотря по тому, который князь владѣлъ Кіевомъ; иногда они захватывали всю Волинь до Бреста-Литовскаго, а на сѣверѣ достигали до верховьевъ Нѣмана и заходили за половину теченія Березины; а иногда едва переступали предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Посему, чтобы сколько нибудь яснѣе понимать западныя и сѣверныя границы Кіевскихъ владѣній въ разное время, мы должны пересматривать ихъ почти при каждомъ князѣ особо.

При Владимірѣ Мономахѣ, на западѣ къ Кіевскимъ владѣніямъ, послѣ бѣгства Ярослава Святполчича въ 1118 году принадлежала вся Волинь, куда Мономахъ сперва отправилъ сына своего, Романа, а по смерти его послалъ другаго сына, Андрея; на сѣверѣ Кіевскія границы достигали до Минска; ибо въ 1119 году Мономахъ отнялъ этотъ городъ у Глѣба Все-славича ⁽³⁰¹⁾. Но по смерти Мономаха мы уже видимъ, что Волинь и Туровъ составляли отдѣльныя княженія, и первое принадлежало Мономахову сыну Андрею, а второе другому его сыну, Вячеславу. Кромѣ того, пространство между Стыремъ и Горынью при впаденіи ихъ въ Припеть составляло княжество Городенское, гдѣ былъ княземъ Всеволодъ; а на сѣверномъ берегу Припети было и еще отдѣльное владѣніе въ Ключескѣ (около нынѣшняго Несвижа), гдѣ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ; къ сему владѣнію, можетъ быть, принадлежалъ и Слуцкъ ⁽³⁰²⁾.

Послѣ Мстислава, Волинское княжество въ 1136 году досталось сыну его Изяславу, и послѣ того постоянно оставалось въ его родѣ; а Туровское удержалось за Вячеславомъ Владиміровичемъ. Тогдашній Кіевскій князь, Ярополкъ, уже не имѣлъ вліянія на сія владѣнія и въ 1134 году Вячеславъ утвердился въ Туровѣ совершенно противъ его воли ⁽³⁰³⁾. При Ярополкѣ на югъ Кіевскихъ владѣній

⁽³⁰¹⁾ Ипат., 8. ⁽³⁰²⁾ Лавр., 130. ⁽³⁰³⁾ Тамъ же, 132.

упоминаются города Василевъ и Красенъ, на нынѣшней рѣчкѣ Краснѣ, по дорогѣ отъ Триполья къ Бѣлугороду, и Халепъ, нѣсколько ниже Триполья по Днѣпру ⁽³⁰⁴⁾.

При Всеволодѣ Ольговичѣ, когда онъ владѣлъ Киевомъ, Туровъ и Владиміръ Волынской на время отошли-было отъ Вячеслава и Изяслава; но потомъ опять перешли къ нимъ. Изъ свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что при Всеволодѣ владѣнія Киевскаго князя на сѣверъ, за Припетью, простирались отъ Днѣпра вплоть до Западнаго Буга; ибо Всеволодъ въ 1142 году роздалъ своимъ братьямъ: Рогачевъ на Днѣпрѣ, Клическъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Лани пониже Несвижа, Городецъ, немного выше нынѣшняго Кобрина, Берестье и Дрогичинъ по Бугу ⁽³⁰⁵⁾. Всѣхъ сихъ городовъ нельзя искать южнѣе означенной черты, или на правомъ берегу Припети, хотя названія въ-которыхъ мѣстностей, сохранившіяся теперь, указываютъ на противное; ибо по правому берегу Припети были владѣнія Туровскія и Волынскія, которыя принадлежали другимъ князьямъ; притомъ же братья Всеволодовы, получившіе упомянутые города, жаловались, что Всеволодъ осозался Мстиславичами около, «а намъ на безголове и безмѣстѣ» ⁽³⁰⁶⁾,—чего конечно нельзя бы было сказать, ежели бы города сіи были при верховьяхъ Случи на востокъ отъ Новгорода-Волынскаго, гдѣ сохранились теперь подобныя названія, ибо въ такомъ случаѣ были бы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Киевскими владѣніями. На означенную же нами мѣстность сихъ городовъ на сѣверъ отъ Припети и до Буга указываетъ и бывшій въ 1145 году походъ Давыдовичей и Игоря Ольговича въ Польшу и уступка имъ со стороны Поляковъ города Визны, стоящаго при слияніи Бобра съ Наревомъ, что какъ разъ приходится въ сосѣдствѣ съ Дрогичинскимъ и Кобринскимъ краемъ ⁽³⁰⁷⁾.

При Изяславѣ Мстиславичѣ, хотя Владиміръ и Туровъ снова присоединились къ Киевскимъ владѣніямъ ⁽³⁰⁸⁾, но во время борьбы Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ очевидно, что они принадлежали только Киевскому князю, а не Киеву. Собственно Киевское княжество ограничи-

⁽³⁰⁴⁾ Ипат., стр. 14. ⁽³⁰⁵⁾ Тамъ же, 19. ⁽³⁰⁶⁾ Тамъ же. ⁽³⁰⁷⁾ Тамъ же, 21. ⁽³⁰⁸⁾ Тамъ же.

валось на западъ теченіемъ Случи и Горыни, — Пересопица и Дорогобужъ, лежавшіе по симъ рѣкамъ, принадлежали уже къ Туровскому княжеству ⁽³⁰⁹⁾; а на юго-западъ пограничными городами были Котельница, Межибожье и Божескій, отъ верхнихъ притоковъ Тетерева къ Восточному Бугу; въ 1148 году Изяславъ, посылая Ростислава въ Божескій, говорилъ ему: «а ты постережи земли Русской оттолѣ» ⁽³¹⁰⁾. На сѣверѣ за Туровскими владѣніями Слуцкъ, и Клымскъ и вся страна Древовичей принадлежали сперва Владиміру Давыдовичу, а потомъ Святославу Ольговичу, Новгородъ-Сѣверскому князю ⁽³¹¹⁾. Яснѣе всего опредѣляетъ границы Кіевскихъ владѣній на западъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи: Мстиславъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Волынскаго, провожая въ 1150 году Глѣба Юрьевича изъ Доробужа въ Корческъ, переѣхавши Корческъ, говорилъ ему: «поѣди брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину» ⁽³¹²⁾; то же говорилъ Изяславъ Андрею Боголюбскому въ Пересопицѣ: «а проси мя у отца волости по Горину» ⁽³¹³⁾. Слѣдовательно, Кіевскія владѣнія не доходили на западъ и до Горыни, и здѣсь первымъ Кіевскимъ городомъ былъ Корческъ, нынѣшній Корецъ, на Корчикѣ, притоцѣ Случи. За Корческомъ на востокъ слѣдовалъ Кіевскій городъ Ушескъ, гдѣ-нибудь при верховьяхъ Уши, можетъ-быть нынѣшній Ушомиръ. А на юго-западъ прямо за Горыню на востокъ, можетъ-быть въ нынѣшнемъ Заславскомъ уѣздѣ, начинались жилища Черныхъ Клобуковъ, зависѣвшихъ отъ Кіевского князя; ибо Изяславъ изъ Пересопицы и Дорогобужа шелъ къ нимъ на Гольско, кажется нынѣшня Гольча, и Куниль, нынѣшній Куниевъ или Уневъ, въ Острожскомъ уѣздѣ при верховьяхъ Горыни, куда къ нему немедленно явились Черные Клобуки, съ которыми онъ и отправился къ Кіеву ⁽³¹⁴⁾. По дорогѣ изъ Галича къ Кіеву южными Кіевскими городами были Волохова, нынѣшніе Волосовцы, недалеко отъ восточнаго Буга, на сѣверъ, въ нынѣшнемъ Хмельницкомъ уѣздѣ, — Прилукъ

⁽³⁰⁹⁾ Ипат., стр. 46. ⁽³¹⁰⁾ Тамъ же, 39. ⁽³¹¹⁾ Тамъ же, 45. ⁽³¹²⁾ Тамъ же, 49. ⁽³¹³⁾ Тамъ же, 52. ⁽³¹⁴⁾ Тамъ же, 49.

за Бугомъ, на востокъ на Деснѣ, впадающей въ Бугъ, Ярополчъ и Мунаревъ, вѣроятно при верховьяхъ Роси, или даже за Россю, т. е. на правомъ ея берегу; здѣсь въ 1160 году Владиміръ Андреевичъ и Ярославъ Изяславичъ и Галичане избили Половцовъ, возвращавшихся съ полономъ въ степи ⁽³¹⁴⁾, — Володаревъ, нынѣшняя Володарка, также на правомъ берегу Роси, въ нынѣшнемъ Таращанскомъ уѣздѣ. По направленію къ востоку отъ Володарева слѣдовало Перепетово, потомъ Ольшаница, впадающая въ Рось съ лѣвой стороны; за Ольшаницею къ Киеву слѣдовала Стugna, за Стугною Тумащъ и далѣе Звенигородъ; всѣ сія мѣста вѣроятно были въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ ⁽³¹⁵⁾.

Походъ Изяслава къ Киеву въ 1150 году указываетъ на слѣдующіе по дорогѣ города. Изяславъ, двинувшись изъ своихъ Волынскихъ владѣній, прежде всего подошелъ къ Пересоницѣ, самому юго-западному городу Туровской области на Стублѣ, впадающей въ Горынь; нѣсколько южнѣе Пересоницы стоялъ Зареческъ, по сожженіи котораго Изяславъ сталъ у Мильска, въ нынѣшнемъ Острожскомъ уѣздѣ, между Зарѣческомъ и Дорогобужемъ; далѣе пошелъ на Дорогобужъ, стоявшій на западномъ берегу Горыни, недалеко отъ нынѣшняго Равно; потомъ прямо отъ Дорогобужа за Горынью было мѣстечко Хотринъ, откуда шла дорога на Корческъ; отъ Корческа Изяславъ пошелъ по теченію Корчика на сѣверъ, и остановился недалеко отъ впаденія Корчика въ Случь. Потомъ, перешедъ Случь, Изяславъ пошелъ на Чертовъ Лѣсъ къ Ушеску, гдѣ перебродился черезъ Ушу. Чертовымъ Лѣсомъ вѣроятно назывался лѣсъ, покрывавшій все пространство отъ впаденія Корчика въ Случь до самой Уши; ибо одинъ Галичанинъ, захваченный въ бою на Уши, говорилъ Изяславу, что Владиміръ Галицкій стоитъ прямо за городомъ въ первомъ лѣсу. Отъ Уши Изяслава дорога, по сказанію лѣтописи, шла на Святославу Криницу, можетъ быть на нынѣшній Сятецъ, идя по правому берегу Уши на сѣверовостокъ. Эта дорога явно отдаляла Изяслава отъ Киева; но онъ ее держался до времени для

⁽³¹⁴⁾ Ипат., стр. 86. ⁽³¹⁵⁾ Тамъ же, 50—51.

того, чтобы обмануть гнавагося за нимъ по пятамъ Владимира Галицкаго; а потомъ, мнвовавъ переправу черезъ Иршу, вдругъ поворотилъ къ югу, чтобы соединиться съ дружинниками, жившими по Тетереву, въ чемъ вполнѣ и успѣлъ. Своротивъ ночью отъ Святослави Криницы на Мицьскъ, стоявшій вѣроятно на лѣвомъ берегу Тетерева; ибо Изяславъ, по словамъ лѣтописи, отъ Мицьска переправился черезъ Тетеревъ, и оттуда пришелъ на Здвижень, а отъ Здвижени къ Бѣлгороду, подъ которымъ, кажется, былъ Обрамъ мостъ чрезъ Ирпень. Если Святослави Криница есть нынѣшній Святецкъ, то очевидно Мицьскъ стоялъ далѣе на сѣверовостокъ отъ нынѣшняго Родомысла, можетъ-быть гдѣ нынѣшній Унинъ или Кихорь; что кажется и вѣроятнѣе, ибо по этой дорогѣ не было рѣкъ, которыя бы затрудняли путь; поворачивая же на Родомыслъ нужно было перебираться черезъ Иршу и еще двѣ три рѣчки, гдѣ на переправахъ могъ бы догнать Изяслава князь Галицкій и пересѣчь дорогу къ Киеву. Изяславу всего нужнѣе было избѣгнуть остановокъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, идя по дорогѣ отъ Святецка на Унинъ; ночной переходъ и неимѣніе рѣчекъ по дорогѣ до самаго Тетерева много способствовали ему; Галицкій князь едва только могъ дойти до Мицьска, когда Изяславъ вступилъ уже въ Кіевъ, по дорогѣ же на Родомыслъ переправа черезъ Иршу могла его остановить. По занятіи Кіева Изяславомъ, сыновья Долгорукаго, Андрей и Владиміръ, сопровождавшіе Галицкаго князя отъ Пересопицы, разставшись съ нимъ у Мицьска, пошли на Давыдову Боженку къ устью Припети для переправы черезъ Днѣпръ къ Остерскому Городку, куда уже убрался Юрій Долгорукій⁽³¹⁷⁾. Этотъ походъ Изяслава ясно показываетъ, что ему хорошо была извѣстна вся мѣстность западной Руси. Въ походъ Мстислава Изяславича съ Угорскими полками на помощь къ отцу въ Кіевъ упоминается мѣстечко Сапогнъ, по смыслу лѣтописи неподалеку отъ Дорогобужа⁽³¹⁸⁾; вѣроятно нынѣшній Сапожинъ, на дорогѣ отъ Дорогобужа къ Корческу.

(317) Ипат., 54—57. (318) Тамъ же, 65.

Въ первый годъ по смерти Изяслава (1154 г.) упоминается доселѣ неизвѣстный городъ Пересѣченъ; онъ по всему вѣроятію стоялъ между Кіевомъ и Вышгородомъ; ибо преемникъ Изяславовъ Ростиславъ, собирая дружину на Половцовъ, остановился въ Пересѣченѣ, выступивъ изъ Кіева, и потомъ отъ Пересѣчена прошелъ къ Вышгороду, подъ которымъ началъ переходить черезъ Днѣпръ ⁽³¹⁹⁾.

По смерти Вячеслава, когда Юрій Долгорукій снова утвердился въ Кіевѣ, уже владѣнія Кіевскія на югѣ граничили Поросьемъ, а съ запада и сѣвера къ нимъ присоединялись Туровскія земли. Юрій раздѣлилъ ихъ между своими дѣтьми такимъ образомъ: Андрею далъ Вышгородъ, Борису-Туровъ и Васильку-Поросье; а потомъ, желая, всѣ Туровскія владѣнія присоединить къ Кіеву, выгналъ изъ самаго юго-западнаго Туровскаго города Пересопницъ Мстислава Изяславича князя Владиміра Волынскаго ⁽³²⁰⁾. Между Туровскими городами около этого времени упоминается въ первый разъ Мозырь, данный Юрьемъ Святославу Ольговичу. Западная граница Кіевскихъ владѣній этого времени очень ясно опредѣляется неудачнымъ походомъ Юрія подъ Владиміръ Волынскій; Юрій, возвращаясь изъ Волыни, ведабывъ тамъ ни одного города для своего племянника Владиміра Андреевича, отдалъ ему Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ погорыньскіе города до Турова, который оставилъ за своимъ сыномъ Борисомъ ⁽³²¹⁾. Слѣдовательно, Горынь была и въ это время болѣе или менѣе постоянною границею Кіевскихъ владѣній съ Волынью.

Послѣ Юрія Долгорукаго Кіевскія владѣнія на сѣверѣ значительно сократились; ибо къ нимъ уже не принадлежали нисолько земли за Припетью, но и самыя города по южному берегу Припети; Туровъ, Пинскъ, и другіе составляли отдѣльное владѣніе, гдѣ былъ княземъ Юрій Ярославичъ, котораго въ 1158 году не могъ выгнать оттуда тогдашній Кіевскій князь Изяславъ Давыдовичъ ⁽³²²⁾. Та же граница на сѣверъ осталась и послѣ Изяслава Давыдо-

⁽³¹⁹⁾ Ипат., 75. ⁽³²⁰⁾ Тамъ же, 77—78. ⁽³²¹⁾ Тамъ же, 80. ⁽³²²⁾ Тамъ же, 82.

вича ⁽³²³⁾. При Ростиславѣ Мстиславичѣ упоминаются города, отъ Котельниці (нынѣшней Котельни) къ Бѣлгороду, Митюжирѣ и Кучарѣ, нынѣшніе Кочерово въ Родомысльскомъ уѣздѣ, и Мотыжинѣ, близъ Бѣлгородка; лѣтопись говоритъ: Мстиславъ и Рюрикъ отъ Котельниці пошли къ Бѣлгороду на Митюжирѣ и прежде пришли къ Кучарѣ. Потомъ отъ Бѣлгорода къ Кіеву или вообще къ Днѣпру упоминаются мѣста Желанъ и Буличъ, на которыя шелъ Изяславъ Давыдовичъ, бѣжавшій отъ Бѣлгорода. Буличъ можетъ-быть нынѣшняя деревня Бѣличи на сѣверо-востокъ отъ Бѣлгорода къ Днѣпру; на это прямо указываетъ лѣтопись: она говоритъ, что за Буличемъ къ Днѣпру были озера, близъ которыхъ убитъ Изяславъ Давыдовичъ; они и теперь есть за Бѣличами у Днѣпра ⁽³²⁴⁾. При Мстиславѣ Изяславичѣ Кіевскія владѣнія стѣснились еще болѣе; на сѣверъ они не доходили уже далѣе устья Припяти, а на западъ Овручъ и верховья Уши не принадлежали уже Кіеву; на югъ Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій уже объявлялъ притязаніе на Торческъ и все Поросье. А когда Андрей Юрьевичъ Боголюбскій прислалъ свои войска на Мстислава Изяславича; то за Кіевскимъ княземъ оставался уже почти одинъ Кіевъ съ ближайшими къ нему пригородами. По взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго и особенно по смерти Андреева братъ Глѣба, когда Кіевъ былъ переданъ Ростиславичамъ Смоленскимъ, Кіевскія владѣнія рѣшительно раздробились; такъ: Торческъ съ Поросьемъ принадлежалъ Михайлу Юрьевичу—брату Боголюбскаго, Кіевъ—Роману Ростиславичу Смоленскому, Бѣлгородъ его брату—Рюрику, и Вышгородъ другому брату—Мстиславу ⁽³²⁵⁾. Послѣ сего стравы по правую сторону Днѣпра никогда не соединилось надолго въ одну обширную область, и границы Кіевскихъ владѣній измѣнялись и зависли отъ случая и средствъ князей, занимавшихъ Кіевъ, такъ что въ настоящее время, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы даже не можемъ слѣдить за безпрестаннымъ и совершенно

⁽³²³⁾ Ипат., стр. 86. ⁽³²⁴⁾ Тамъ же, 90. ⁽³²⁵⁾ Тамъ же, 108.

случайнымъ ихъ измѣненіемъ. Прежняго Кіевскаго княжества, со взятія Кіева войсками Боголюбскаго, уже больше не было; но по временамъ бывали болѣе или менѣе пространныя владѣнія то Ростиславичей, то Ольговичей, занимавшихъ попеременно Кіевъ; но владѣнія сіи не были уже собственно Кіевскими владѣніями: Кіевъ палъ безъ возврата и продолжалъ еще жить только чужею жизнію, а не своею, т. е. князья Кіевскіе бывали болѣе или менѣе сильными уже не Кіевскими силами, но собственными своими средствами, получаемыми или съ Волыни, или изъ Смоленска, или изъ Чернигова. Такъ продолжалось до конечнаго разоренія Кіева Монголами въ 1240 году. При Монголахъ Кіевъ сперва сдѣлался жилищемъ ихъ баскаковъ; такъ въ лѣтописи подъ 1257 годомъ говорится, что всѣ Кіевскіе города отъ Межибожья, при верховьяхъ восточнаго Буга, до Корческа и, по Тетереву, до Жидичева были за Татарами; потомъ тамъ утвердились незначительные Русскіе князья, и наконецъ при Гедиминѣ онъ со всѣмъ придѣлпровскимъ краемъ достался Литвѣ.

Ближайшимъ сосѣдомъ Кіевскихъ владѣній на западъ и сѣверъ были владѣнія Туровскія; они, какъ мы уже замѣтили выше, то отдѣлялись отъ Кіевской области, то соединялись съ нею. Болѣе или менѣе постоянною границею ихъ на западѣ была рѣка Горынь и частію Стырь въ своихъ низовьяхъ, за которыми уже начинались владѣнія Волынскія. Здѣсь были Туровскіе города пограничныя—Дорогобужъ, Милъскъ, Зарѣчскъ и Пересопица; а на сѣверѣ болѣе постоянною границею была рѣка Припеть, гдѣ лежали города—Пинскъ, Туровъ и Мозырь; но иногда Туровскія владѣнія въ эту сторону переходили и за Припеть до Слуцка и Несвижа. Восточныхъ и южныхъ границъ опредѣлить нельзя; ибо они по близкимъ связямъ Кіевскихъ и Туровскихъ владѣній измѣнялись постоянно. Впрочемъ въ послѣднее время, т. е. въ концѣ XII вѣка и въ XIII-мъ съ довольною вѣроятностію можно признать Овручъ или Вручій и нынѣшній Искорость пограничными Туровскими городами съ Кіевскою землею. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ, владѣвшій Кіевомъ послѣ Романа Ростиславича, преимущественно жилъ въ Овручѣ, Туровскомъ городѣ, пограничномъ съ Кіевскими

владѣніями ⁽³²⁶⁾. Посреди Туровскихъ владѣній протекала рѣка Случь; на западномъ берегу этой рѣки было Бѣлобережье, чрезъ которое шла дорога изъ Кіева въ Галичъ. Бѣлобережье, по смыслу лѣтописи, вѣроятно находилось недалеко отъ впаденія въ Случь рѣки Деревной, въ южномъ краю Новгородъ-Волынскаго уѣзда; ибо въ лѣтописи сказано: «движе рать Андрей королевичъ (изъ Галича) на Даника и иде къ Бѣлобережю, Володиславу же ѣхавшу восторожѣ отъ Даника изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи: и бывшися имъ о рѣку Случь, и говиша до рѣки Деревное и лѣса Чертова» ⁽³²⁷⁾. Неподалеку отъ Бѣлобережья было и Полонное, упоминаемое въ лѣтописи подъ 1234 годомъ; оно, по смыслу лѣтописи, такъ же какъ и Бѣлобережье, лежало на дорогѣ изъ Волыни и Галича въ Кіевъ, ибо здѣсь Даниилъ Романовичъ изъ Галича нагналъ Александра Бѣльскаго, когда тотъ изъ Бѣльска пробирался въ Кіевъ. Селеніе Полонное и теперь еще находится въ этомъ краю, именно въ южной оконечности Новгородъ-Волынскаго уѣзда, на одномъ изъ притоковъ Случи съ лѣвой стороны.

На западъ отъ Туровскихъ владѣній лежали земли Волынскія; они на востокъ сходились по рѣкѣ Горыни съ Туровскими и Кіевскими владѣніями, на югъ съ Галицкими, на западъ съ Польскими и на сѣверъ съ Литовскими. Въ XII, XIII и началѣ XIV столѣтіи Волынь постоянно принадлежала потомству старшаго Мономахова сына Мстислава и преимущественно была за Изяславомъ Мстиславичемъ, его сыновьями, внуками и правнуками. Главнымъ городомъ Волынской земли былъ Владиміръ Волынскій на рѣкѣ Лугѣ, впадающей въ Западный Бугъ, потомъ на юго-востокъ отъ Владиміра Луцкъ на рѣкѣ Стирѣ, также одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ, и еще далѣе на юго-востокъ на Стирѣ же лежалъ третій Волынскій городъ Дубенъ.

Въ этомъ краю, т. е. на востокъ отъ Владиміра Волынскаго и Луцка были еще волынскіе города: Чемеринъ на Олыкѣ, впадающей въ Горынь съ западной стороны, на востокъ отъ Луцка, на сѣверъ отъ Дубна, что совершенно согласно съ извѣстіемъ лѣтописи, въ которой сказано: что Изяславъ съ своими союзниками, въ 1149 году, узнавши, что Юрій уже въ Пересоп-

⁽³²⁶⁾ Ипат., 147—148. ⁽³²⁷⁾ Тамъ же, 172.

ницѣ, «появша отъ Лучьска и шедше стаха у Чемерина на Олычѣ» ⁽³²⁸⁾. Нѣсколько южнѣе Чемерина, по дорогѣ къ Луцку, былъ городъ Муравяца, у котораго въ 1149 году останавливались сыновья Юрѣя; по словамъ лѣтописи Муравица должна была стоять нѣсколько западнѣе Дубна, ибо сыновья Юрѣя не успѣвши взять этого города отступили къ Дубну ⁽³²⁹⁾. Потомъ въ этомъ же краю на Стырѣ, на сѣверѣ отъ Луцка, лежали Волынскіе города Жидичинъ и Черторыйскъ. Лѣтопись подъ 1227 годомъ прямо говоритъ, что Жидичинъ былъ ближе къ Луцку, ибо когда Даниилъ Романовичъ пришелъ молиться Св. Николѣ въ Жидичинъ, то Ярославъ, бывшій тогда княземъ въ Луцкѣ, звалъ его къ себѣ ⁽³³⁰⁾; а о Черторыйскѣ та же лѣтопись подъ 1226 годомъ упоминаетъ, что онъ былъ ближе къ Пинску ⁽³³¹⁾. Подъ 1183 годомъ упоминается о князѣ Дубровицкомъ; нынѣ есть деревня Дубровицана лѣвомъ берегу Горыни нѣсколько выше впаденія въ нее Случи. Дубровица сія не была ли Волынскимъ городомъ?

На югѣ Волынскими городами ближе къ Галицкимъ границамъ была Бѣльзъ, прямо на югъ отъ Владиміра Волынскаго на Западномъ Бугѣ, и, при его верховьяхъ, Бужескъ; а нѣсколько сѣвернѣе сихъ городовъ и ближе къ Владиміру Полонный. По свидѣтельству лѣтописи онъ былъ между Владиміромъ и Луческомъ, но нѣсколько южнѣе ихъ; ибо Владиміръ Галицкій во время осады Луческа Юрѣемъ, пришелъ изъ Галича «ста на Полоной между Владиміромъ и Луческомъ, и тако разѣхалъ» ⁽³³²⁾, т. е. отдѣлилъ Юрѣя отъ Изяслава, спѣшившаго съ полками изъ Владиміра на выручку къ Луческу. Далѣе на юго-востокъ отъ Бужеска стоялъ Перемиль, ближайшій къ Галицкимъ владѣніямъ, о чемъ свидѣлствуетъ лѣтопись подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано, что Владиміръ Галицкій «пожегъ волость Романа Волынскаго у Перемиля» ⁽³³³⁾. Арцыбашевъ находитъ деревню Перемиловъ неподалеку отъ Теребовля, и думаетъ, что здѣсь былъ древній Перемиль, но таковому указанію прямо противорѣчитъ лѣтопись подъ 1283 годомъ, гдѣ сказано, что Телебуга въ

⁽³²⁸⁾ Ипат., стр. 46. ⁽³²⁹⁾ Тамъ же. ⁽³³⁰⁾ Тамъ же, 167. ⁽³³¹⁾ Тамъ же, 166.

⁽³³²⁾ Тамъ же, 47. ⁽³³³⁾ Тамъ же, 149.

своемъ походѣ на Ляховъ отъ Кременца прямо шелъ къ Перемилю, и потомъ къ Бужску, и отъ Бужска, на Владиміръ Волинскій ⁽²³⁴⁾. Конечно ему на походѣ къ Бужску вовсе не нужно было сворачивать далеко на югъ къ Теребовлю; слѣдовательно Перемиль должно искать между Кременцомъ и Бужскомъ, гдѣ нибудь на рѣкѣ Липѣ. За Перемилемъ къ юго-востоку слѣдовалъ Выгошевъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1152 годомъ между Волинскими города Бужскомъ, Шумскомъ и Тихомлемъ ⁽²³⁵⁾. Въ этомъ краю и теперь еще существуетъ мѣстечко Вышгородка въ Кременецкомъ уѣздѣ на юго-западѣ отъ Кременца; а Карамзинъ полагалъ, что Выгошевъ послѣ былъ названъ Вышградомъ ⁽²³⁶⁾. Еще восточнѣе Выгошева нѣсколько къ югу былъ Волинскій городъ Станковъ на лѣвомъ берегу Серети; а отъ Станкова прямо на сѣверъ Тихомль; ибо въ лѣтописи подъ 1153 годомъ сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ своемъ походѣ на Ярослава Владиміровича Галицкаго, отъ Тихомля «пойде къ Стенкову; ту же и Галичскій князь вышелъ полки своими. Изяславъ же пусти Володимира Андреевича, и сына своего Мстислава и Черныи Клобуки битися съ ними о рѣку Сереть, а самъ пойде къ Теребовлю» ⁽²³⁷⁾. Сѣвернѣе Тихомля были города: къ западу Кременецъ, а къ востоку Шумскъ и восточнѣе Шумеска Гнойница. Подъ 1152 годомъ лѣтописи говорятъ: «Изяславъ посла посадники своя въ города: въ Бужескъ, Шумескъ, Тихомль, у Выгошева и Гнойницу» ⁽²³⁸⁾. О Бужескѣ, Тихомлѣ и Выгошевѣ мы уже говорили; а о мѣстоположеніи Шумеска есть свидѣтельство лѣтописи подъ 1231 годомъ, гдѣ она говорятъ: «Данилови же снемшуся съ братомъ, и поствиже и (королевича Андрея и его союзниковъ, шедшихъ изъ Галича) у Шумска, и повѣствоваста съ ними о рѣку Велью» ⁽²³⁹⁾; слѣдовательно Шумскъ былъ на лѣвомъ берегу Вельи, впадающей въ Горынь, гдѣ и теперь еще есть селеніе Шумскъ въ 35 верстахъ отъ Кременца. Прямаго указанія мѣстности Гнойницы лѣтописи не представляютъ; изъ нихъ мы можемъ видѣть только то, что Гнойница должна быть около Шумска; а въ настоящее время на востокъ отъ Шумска при Горыни дѣй-

⁽²³⁴⁾ Арцыб. II. 300, Ипат. стр. 212. ⁽²³⁵⁾ Тамъ же, 69. ⁽²³⁶⁾ Кар. II. 192. ⁽²³⁷⁾ Ипат., 73. ⁽²³⁸⁾ Тамъ же, 69. ⁽²³⁹⁾ Тамъ же, 172.

ствительно находятся два селенія, большая и малая Гнойница, которыя, непротиворѣча смыслу лѣтописи, могутъ означать мѣстность древней Гнойницы. Самыми южными городами Волынскими были Каменецъ на рѣкѣ Смотрицѣ, недалеко отъ впаденія въ Днѣпръ, гдѣ нынѣ Каменецъ-Подольскъ, и еще южнѣе Каменца Колодажнъ, нынѣшній Лодыжинъ въ Гайсинскомъ повѣтѣ на правомъ берегу Восточнаго Буга. Оба сѣи города были ближайшими къ кочевьямъ Черныхъ Клобуковъ, зависѣвшихъ отъ Кіевского князя. Въ первый разъ о Каменцѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано: «Володимерь (Галицкій Ярославичъ) повоева и пожже волость Романову (Волыискаго Мстиславича) около Перемиля, а отселѣ Ростиславъ Рюриковичъ (княжившій въ Торческѣ) съ Володимеричи и съ Чернымъ Колбукомъ, ѣхавше, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца» ⁽³⁴⁰⁾. То же подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1228 годомъ, гдѣ упоминается, что Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій «всади Котаня на конь, и вси Половци и придоша къ Каменцю» ⁽³⁴¹⁾. Оба сѣи свидѣтельства ясно говорятъ, что упоминаемый здѣсь Каменецъ былъ именно тамъ, гдѣ нынѣ стоятъ Каменецъ-Подольскъ; особенно первое свидѣтельство прямо указываетъ на него; ибо Ростиславу Рюриковичу изъ Торческа всего ближе было подойти съ Черными Клобуками къ Каменцу Подольскому, да и для Владиміра Рюриковича, шедшаго на Волынь изъ Поросья, онъ долженъ былъ также однимъ изъ ближайшихъ Волынскихъ городовъ. На ту же мѣстность Каменца указываетъ и третье свидѣтельство лѣтописи подъ 1235 годомъ, гдѣ она говоритъ: «Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховсциі князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю» ⁽³⁴²⁾. Каменецъ-Подольскій былъ ближайшимъ городомъ Волынскимъ и для Галичанъ съ одной стороны, и для Болоховскихъ князей, жившихъ при верховьяхъ Восточнаго Буга съ другой стороны. О Колодажнѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1240 годомъ при описаніи похода Батыева отъ Кіева къ Владиміру Волынскому; вотъ ея слова:

⁽³⁴⁰⁾ Ипат., 149. ⁽³⁴¹⁾ Тамъ же, 166. ⁽³⁴²⁾ Тамъ же, 174.

«Батью вземшу градъ Кіевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимірю и приде къ городу Колодажну, и постави порока 12 и не може рубити стѣны, и начатъ перемолвливати люди; они же послушавше злого совѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю Изяславию взать я, видѣвъ же Кременецъ градъ Даниловъ, якоже невозможно пріяти ему, и отъиде отъ нихъ, и приде къ Володимірю, и взя и копьемъ» ⁽²⁴⁸⁾. Это свидѣтельство ясно говоритъ, что Колодажнъ долженъ быть самымъ восточнымъ Волинскимъ городомъ на югѣ, и Арцыбашевъ очень вѣрно указываетъ мѣстность его на правомъ берегу Восточнаго Буга, гдѣ нынѣ село Ладыжинъ, отъ котораго прямая дорога идетъ къ Каменцу. Здѣсь нельзя принять никакихъ другихъ указаній на Колодажну, хотя и до сего времени сохранились съ симъ именемъ мѣстечки въ Луцкомъ и Новгородъ-Волинскомъ уѣздахъ, ибо и то и другое были не на пути Батыя къ Владиміру. Если признать за лѣтописный Колодажнъ Луцкую Колодажъ, то зачѣмъ бы Батыю, бывши въ Луцкомъ уѣздѣ почти подъ самымъ Владиміромъ, сворачивать совершенно назадъ къ Кременцу; а если принять Колодажну Новгородъ Волинскую, что на Случѣ, то прямая дорога Батыю отъ этой Колодажны къ Владиміру шла на Кременецъ; по лѣтописи же онъ отъ Колодажна шелъ сперва на Каменецъ, куда отъ Случи нужно было за-
даваться слишкомъ далеко на югъ, вовсе не по дорогѣ къ Владиміру. Искать же Каменца гдѣ нибудь въ Ковельскомъ уѣздѣ, напримѣръ на мѣстѣ деревни Камень Каширскій, мы не имѣемъ никакого права; ибо зачѣмъ же Батыю изъ Ковельскаго уѣзда идти назадъ къ Кременцу почти мимо Владиміра, къ которому онъ по всему вѣроятію очень спѣшилъ, ибо подошедъ къ Кременцу и, видя крѣпость его стѣнъ, даже не попробовалъ осадить его.

Изъ опредѣленія мѣстности перечисленныхъ нами южныхъ Волинскихъ городовъ мы явно видимъ, что Волинская граница на югѣ шла по верховьямъ Западнаго Буга и по лѣвому берегу Серети до впаденія ея въ Днѣстръ; по-

(248) Ипат., стр. 178.

томъ, прошедши по лѣвому берегу Днѣстра, можетъ-быть до нынѣшняго Могилева на Днѣстрѣ, переходила на правый берегъ Восточнаго Буга, гдѣ крайнимъ Волинскимъ городомъ былъ Колодажнѣ.

Волинскіе города, лежащіе на западъ отъ Владимира, были слѣдующіе: Угровескѣ, Устилугѣ, Володава, Берестье и Дрогичинѣ по правому берегу Западнаго Буга; потомъ Верещинѣ, Комовѣ и Охажѣ по лѣвому берегу Буга; и далѣе на западъ между Бугомъ и Вепремъ Грубешевѣ, Грибовицы, Тернова, Уханѣ, Червенѣ, Холмѣ, Столпѣ и Пуговно. Границею Волини съ этой стороны, кажется, была во первыхъ рѣка Вепрь, которая отдѣляла Волинь отъ Польши; ибо подъ 1213 годомъ лѣтопись говоритъ, что когда Ляхи стали воевать около Буга, то Даниилъ выслалъ противъ нихъ свои полки, которые разбили ихъ и гнали до рѣки Вепря⁽³⁴⁴⁾. Города Берестье, Угровескѣ, Верещинѣ, Столпѣ и Комовѣ, въ XIII вѣкѣ именно назывались городами украинными; такъ подъ 1213 годомъ въ лѣтописи сказано: «Данилу же возвратившуся къ домови, и ѣха съ братомъ, и прія Берестій, Угровескѣ, Верещинѣ, Столпѣ, Комовѣ и всю украину»⁽³⁴⁵⁾. Наименованія сихъ городовъ и донынѣ еще сохранились въ названіяхъ мѣстечекъ и селеній на показанныхъ нами мѣстахъ; а что города сіи въ древности именно были въ этомъ краю, на это мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ лѣтописи. Такъ о Берестѣи съ довольною подробностію говорится подъ 1097 годомъ, гдѣ Ляхи говорятъ Давыду Игоревичу: «пойди съ нами Берестью, яко се вабитъ ны Святополкъ на снемъ, и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу»⁽³⁴⁶⁾. Здѣсь мы явно видимъ, что Берестье было на Западномъ Бугѣ, гдѣ и теперь Брестъ Литовскій. Объ Угровескѣ лѣтопись упоминаетъ нѣсколько разъ; такъ подъ 1204 годомъ сказано: «Александръ (при помощи Ляховъ захватившій Владиміръ Волинскій у Романовичей) прія Угровескѣ, Верещинѣ, Столпѣ и Комовѣ»⁽³⁴⁷⁾. Подъ 1213 годомъ Угровескѣ,

⁽³⁴⁴⁾ Ипат., 160. ⁽³⁴⁵⁾ Тамъ же. ⁽³⁴⁶⁾ Лавр., 114. ⁽³⁴⁷⁾ Ипат., 157.

какъ мы уже видѣли, былъ причисленъ къ украиннымъ городамъ; подъ 1223 годомъ лѣтопись, перечисляя Владиміръскихъ епископовъ, между прочимъ упоминаетъ: «бѣ бо прежде того епискупъ Асасѣ во Угровьскы» ⁽³⁴⁸⁾. Подъ 1229 годомъ сказано: «Данилъ и Василько идоста на войну (въ Ляхи), оставиша же въ Берестѣи Володимера Пиньскаго и Угровчанъ и Берестыяны, стеречи земли отъ Ятвязь» ⁽³⁴⁹⁾; и далѣе подъ тѣмъ же годомъ: «Данилови будущю во Угровсцѣ, прислаша Галичане, рекуше: яко Судиславъ шель естъ въ Понизы, а Королевичъ въ Галичи осталъ; а пойди борже. Данилови же собравшу вой во борзѣ, посла Димьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичи изъ Угровска; и во третій день бывшу ему на ночь во Галичѣ» ⁽³⁵⁰⁾. Всѣ сии свидѣтельства показываютъ, что Угровскъ стоялъ неподалеку (отъ Владиміра, и былъ одинъ изъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ Волыни, ибо въ немъ жили епископы и князья Владиміръскіе, и Данилъ поручалъ Угровчанамъ и Берестыанамъ защищать Волынскую землю отъ Ятвяговъ. Изъ послѣдняго же свидѣтельства мы видимъ, что Угровскъ долженъ былъ находиться на югъ отъ Владиміра ближе къ Галицкой землѣ; ибо Данилъ изъ Угровска въ 1229 году выступилъ въ походъ къ Галичу; а второе свидѣтельство называетъ Угровскъ украиннымъ городомъ наравнѣ съ Берестьемъ и другими Прибужскими городами. Слѣдовательно Угровскъ находился при Бугѣ, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ селеніе Угрусскъ, или около этого мѣста. Подъ 1259 годомъ есть въ лѣтописи извѣстіе, что Угровскъ построень Даниломъ: «Данилови бо княжашу во Володимерѣ, созда градъ Угорескъ и постави во немъ Пискупа» ⁽³⁵¹⁾. Въ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій, изъ которыхъ бы можно было прямо опредѣлить мѣстность Верещины; но какъ онъ два раза упоминается въ лѣтописяхъ между Угровскомъ, Берестьемъ, Комовымъ и Столбцомъ, и притомъ подъ 1213 годомъ названа въ числѣ прочихъ украиннымъ городомъ; то съ довольною вѣроятностію ее можно поставить тамъ, гдѣ нынче мѣстечко Верещина, т. е. неподалеку отъ Грубешева на лѣвомъ берегу Буга. На такомъ же

⁽³⁴⁸⁾ Ипат., стр. 163. ⁽³⁴⁹⁾ Тамъ же, 168. ⁽³⁵⁰⁾ Тамъ же, 169. ⁽³⁵¹⁾ Ипат. 196.

основаніи и городъ Столпы, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1213 годомъ, можно отнести къ тому мѣсту, гдѣ нынче стоитъ селеніе Столпы на сѣверо-западъ отъ Холма по дорогѣ въ Люблинъ на притокъ рѣки Угера, какъ указалъ Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ⁽³⁴²⁾. Мѣстность Комова и Уханей довольно хорошо опредѣляется лѣтописью подъ 1205 годомъ, гдѣ сказано: «Литва же и Ятвѣзъ воеваху и повоеваша Турискъ и околю Комова оми и до Червена, и бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³⁴³⁾. Слѣдовательно Комовъ и Ухани должно искать за Бугомъ на западъ подлѣ Червена, гдѣ дѣйствительно и теперь есть селенія: Ухани на полдорогѣ изъ Грубешева въ Красныставъ, и Комовъ на сѣверъ отъ Уханей къ Холму, за Червеномъ, почти прямо противъ Туриска. Для опредѣленія же мѣстности Червена мы обратимся къ свидѣтельству Карамзина, который говоритъ, что Червень есть нынѣ простое селеніе, и называется Чернеевъ, близъ Холма на югъ. Для объясненія этого положенія приводить слѣдующія мѣста Волинской лѣтописи: «Кондратови ставшу, гдѣ нынѣ градъ холмъ стоитъ, пославшу ему къ Червну воевати» и другое: «Литва же и Ятвѣзи бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³⁴⁴⁾. Сія мѣста лѣтописей ясно указываютъ, что Червень былъ между Холмомъ и Уханями, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе Чернеевъ. Подъ 1255 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Грубешевѣ; по ея словамъ: Данилъ, отпуская сына своего Романа съ полками въ Галичъ (вѣроятно изъ Холма), «а самъ ѣха проводить вой своихъ; ѣдушу же ему до Грубешева, и уби невпрѣвъ шесть, и вдасть мяса во емъ на путь» ⁽³⁴⁵⁾. Изъ этого извѣстія видно, что Грубешевъ стоялъ на западномъ берегу Буга на югъ отъ холма ближе къ Галицкимъ границамъ, вѣроятно тамъ, гдѣ и нынче стоитъ городъ Грубешевъ. Подъ 1150 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что Изяславъ Мстиславичъ, находясь съ своими союзниками Уграми во Владимірѣ: «послалъ бяше Угры на покормъ Устилогъ» ⁽³⁴⁶⁾. Очевидно, Устилогомъ называлось то мѣсто, гдѣ было устье рѣки Луга (на которой стоитъ Владиміръ Волинскій), которое еще и теперь со-

⁽³⁴²⁾ Т. IV, стр. 197. ⁽³⁴³⁾ Ипат., 157. ⁽³⁴⁴⁾ Ист. Г. Р. Т. I, прим. 131. ⁽³⁴⁵⁾ Ипат., 192. ⁽³⁴⁶⁾ Тамъ же, 53.

хранило это названіе. Подъ 1248 годомъ упоминается о нападеніи Ятвяговъ на Забужье: «Воеваша ятвязѣ около Охожѣ и Бусовна, и всю страну ту поплениша, еще бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ. Гна же по нихъ Василько изъ Володиміря, угони ѣ, и бывшу ему третій день изъ Володиміря въ Дорогычинѣ, онѣмъ же быющимъ у Дорогычинскихъ воротъ, и приидъ на нѣ Василько; онѣмъ же възвѣхавшимъ противу и нестерпѣвшимъ отъ лица Василкова» ⁽³⁵⁷⁾. Въ этомъ извѣстіи мы встрѣчаемъ города Бусовна, Охожѣ, Холмъ и Дорогычинѣ. Холмъ нынѣ называется Хелмъ, и мѣстность его намъ извѣстна, онъ стоитъ на западѣ отъ Буга; а лѣтопись говоритъ, что Ятвяги потому именно повоевали и поплѣнили Охожѣ, Бусовну и всю страну ту, что Холмъ тогда еще не былъ поставленъ Даниломъ; слѣдовательно Охожѣ и Бусовна должны находиться недалеко отъ Холма, т. е. на западномъ берегу Буга. Касательно Дорогычина, мы имѣемъ и еще нѣсколько свидѣтельствъ лѣтописи, изъ которыхъ мѣстность этого города опредѣляется довольно отчетливо; тамъ подъ 1240 годомъ сказано: «Данилъ иде въ землю Мазовскую, и дасть ему Князь Болеславъ градъ Вышегородъ, и бысть ту дондеже вѣсть прія, яко сошли суть съ землѣ Руское безбожніи (Татары), и возвратиса въ землю свою. И приде ко граду Дорогычину, и восхотѣ внити во градъ»;—но ему и брату его тамъ отвѣчали . . . «не изволите внити въ онъ»—онъ отошелъ и отправился къ Берестю ⁽³⁵⁸⁾. Подъ 1251 годомъ лѣтопись говоритъ: «Въ также лѣта сѣде Самовитъ во Мазовши и посла къ нему Данило и Василко, рекша ему . . . изиди съ нами на Ятвязѣ; и у Болеслава помочь пояста, и снѣхася во Дорогычинѣ, и поидоша» ⁽³⁵⁹⁾. Подъ 1255 годомъ «Данило же прія вѣнецъ въ городъ Дорогычинѣ, идущу ему на войну съ сыномъ Львомъ и Самовитомъ княземъ Лядскимъ на землю Ятвяжскую» ⁽³⁶⁰⁾. Всѣ сіи свидѣтельства единогласно указываютъ, что Дорогычина должно искать тамъ, гдѣ нынѣ Дорогычинъ на Бугѣ къ сѣверо-западу отъ Бреста-Литовскаго; ибо лѣтописный Дорогычинъ по всѣмъ приведеннымъ свидѣтельствамъ примыкалъ къ Мазовіи и землѣ Ятвяжской, къ кото-

⁽³⁵⁷⁾ Ипат., 182. ⁽³⁵⁸⁾ Тамъ же, 178. ⁽³⁵⁹⁾ Тамъ же, 185. ⁽³⁶⁰⁾ Тамъ же, 1916.

рымъ примыкаетъ и нынѣшній Дрогичинъ. Посему мы не имѣемъ никакого права искать лѣтописнаго Дорогичина въ наименованіи деревни Дрогичинъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Данилъ, въ 1240 году, пришедши изъ Мозовія къ Дорогичину и непринятый тамъ, пошелъ къ Берестю; чтобы дойти къ Кобринскому Дрогичину изъ Мозовія, Данилу нужно бы было прежде прійти къ Берестю, а не отъ Дрогичина переходить къ Берестю. Подъ 1243 годомъ лѣтопись говоритъ: «Данилу будущу во Холмѣ, прибѣже къ нему Половчинъ его, рекый: яко Батый воротился естъ изъ Угоръ, и отрядилъ на тя два боготыря; Данилъ же затворивъ Холмъ, ѣха ко брату его Василкови; а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше» ⁽³⁴¹⁾. Это свидѣтельство показываетъ, что Володаву должно искать по Бугу на сѣверъ отъ Холма, гдѣ дѣйствительно и теперь еще существуетъ мѣстечко Влодаво на западномъ берегу Буга между Холмомъ и Берестьемъ, и близъ нынѣшней Влодавѣ также находятся озера. Подъ 1268 годомъ лѣтопись говоритъ: «Василко поиде къ сонмови (съ Ляхами) до Тернави, и бывшу ему у Гробовцы и приде къ нему вѣсть, оже Ляхи лѣсть учинили, къ сонмови не шли» ⁽³⁴²⁾. Настоящее извѣстіе лѣтописи указываетъ, что Грабовецъ долженъ лежать на дорогѣ изъ Владиміра къ Терновѣ; Тернова же должна быть тамъ, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Терногура на восточномъ берегу Вепря на югъ отъ Красныстава; слѣдовательно и Грабовца должно искать въ той же сторонѣ, гдѣ мы его и находимъ въ деревнѣ Грабовецъ на западъ отъ Грубешева на одномъ восточномъ притокѣ Вепря прямо по дорогѣ къ Терногурѣ, или прежней Терновѣ, очевидно стоявшей на границѣ тогдашнихъ Волынскихъ владѣній съ Польскими.

Сѣверная граница Волынскихъ владѣній начиналась отъ Дрогичина и шла до верховьевъ Припети и низовьевъ Горыни. Здѣсь крайнимъ Волынскимъ городомъ былъ Бѣльскъ, на сѣверовостокъ отъ Дрогичина, на одномъ изъ притоковъ Нарена, который вѣроятно вмѣстѣ съ рѣкою Нуръ служили границею между Волынью и Ятвягами. О Бѣльскѣ лѣтопись

⁽³⁴¹⁾ Ипат., стр. 180. ⁽³⁴²⁾ Тамъ же, 203.

упоминаетъ подъ 1233 годомъ, говори, что Данилъ послалъ своихъ людей съ братомъ и сыномъ въ Литву, и «взяста Городенъ, а сама воротистася отъ Бѣльска» ⁽²⁶³⁾. Нынѣшній Бѣльскъ дѣйствительно приходится, на дорогѣ изъ Волыни къ Гродно. Подъ 1288 годомъ лѣтопись говоритъ о Владимірѣ Васильковичѣ: «и у Бѣлску построи церковь иконами и кыгами». О Нурѣ же, какъ о границѣ съ Ятвугами, лѣтопись говоритъ подъ 1250 годомъ такимъ образомъ: «тое же звыи Кондратъ присла посолъ по Василька, (брата Даниилова) река пойдемъ на Ятвазѣ; падшу снѣгу и серену, не могоша вати и воротистася на Нурѣ ⁽²⁶⁴⁾». На югозападѣ отъ Бѣльска стоялъ городъ Мѣлницъ недалеко отъ Дрогичина къ востоку, вѣроятно гдѣ нынѣ деревня Мѣленчицы; подъ 1288 годомъ Юрій Львовичъ говоритъ Владиміру Васильковичю: «отецъ ми велятъ быти въ Драгичинѣ и Мѣлницѣ; а быю челомъ тобѣ, дай ми Берестій, то бы ми сполу было» ⁽²⁶⁵⁾. Это извѣстіе лѣтописи прямо показываетъ, что упоминаемый здѣсь Мѣлницъ долженъ быть около Дрогичина и Берестя, именно подлѣ того мѣста, гдѣ нынѣ деревня Мѣлейчицы. За Мѣлницемъ къ востоку слѣдовалъ Каменецъ на Лоснѣ, отъ Бреста къ сѣверовостоку, о которомъ въ лѣтописи подъ 1276 годомъ прямо сказано: «нача собѣ думати, (Владиміръ Васильковичъ) абы кдѣ за Берестьемъ поставити городъ . . . и ѣха съ бояры и улюби мѣста надъ берегомъ рѣки Лысвы, и отереби с; и потомъ сруби на немъ городъ, и нарче ния ему Каменецъ» ⁽²⁶⁶⁾. На юговостокъ отъ этого Каменца слѣдовалъ Кобринъ на Мухавцѣ, о которомъ упоминается въ Духовной Владиміра Васильковича, гдѣ онъ пишетъ: «далъ есмь княгинѣ своей по животѣ своему, городъ свой Кобринъ» ⁽²⁶⁷⁾. На востокъ отъ Кобрина лежалъ городъ Камень, вѣроятно гдѣ нынѣ село Камень - Королевъ въ Кобринскомъ уѣздѣ. Лѣтопись о немъ упоминаетъ два раза, въ первый разъ подъ 1262 годомъ, гдѣ сказано: «Миндовгъ посла рать на Василька и воеваша около Каменя; Василько посла по нихъ

⁽²⁶³⁾ Ипат., 188. ⁽²⁶⁴⁾ Тамъ же, 185. ⁽²⁶⁵⁾ Тамъ же, 218. ⁽²⁶⁶⁾ Тамъ же, 206. ⁽²⁶⁷⁾ Тамъ же, 215.

Желислава и Степана Медушника, и гоняща по нихъ олно до Ясолны» ⁽³⁶⁸⁾; потомъ подъ 1276 годомъ: «Трейдеиій пославъ брата своего Сирпутья, и воева около Каменя, Володимерь же противу тому пославъ вси у него Турійскъ, на рѣцѣ Нѣмнѣ» ⁽³⁶⁹⁾. То и другое повѣстіе указываетъ, что Каменя должно искать на границѣ Литовской не вдалекѣ отъ Ясолды, гдѣ и дѣйствительно нынѣ стоитъ селеніе Камень-Королевъ. Изъ перваго извѣстія мы еще видимъ, что съ этой стороны Ясолда была границею между Литвою и Волиныю; ибо войска Василька гнались за Литовцами до Ясолды. Вѣроятно, здѣсь Волинскія владѣнія сходились съ Пинскими; ибо въ 1253 году Данилъ шелъ къ Литовскому Новогрудку чрезъ Пинскія земли, и сильно приказалъ князьямъ Пинскимъ идти за собою и, отъ Пинска на сѣверъ, встрѣтилъ первую заставу Литовскую на озерѣ Зятѣ, гдѣ, разбивъ Литовцовъ, гналъ до рѣки Щары ⁽³⁷⁰⁾. Отъ Ясолды Волинскія владѣнія спускались къ югу до Небля, въ нынѣшнемъ Пинскомъ повѣтѣ при озерѣ на лѣвомъ берегу Припечи. Небель, кажется, былъ пограничнымъ Волинскимъ городомъ съ Пинскими владѣніями; ибо, когда въ 1262 году князь Василько разбилъ Литовскую рать подъ Неблемъ при озерѣ, то Пинскіе князья явились къ нему въ Небель;—«и пріѣхаша, по словамъ лѣтописи, къ Василькови съ пѣтьемъ, и начаша веселитися» ⁽³⁷¹⁾. Съ Небля Волинскія владѣнія шли на Дубровицу, что на лѣвомъ берегу Горыни почти при впаденіи въ нее Случи, гдѣ нынче село Домбровица.

Изъ внутреннихъ Волинскихъ городовъ около Владиміра въ лѣтописяхъ упоминаются на юговостоцѣ: Свинуся, Хвалимичи и Житань; на сѣверозападѣ: Люмобль и Рай; на сѣверовостоцѣ: Турійскъ, Мѣлиница и Всеволожъ. О Свинусѣхъ и Хвалимичахъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1157 годомъ, гдѣ сказано, что Юрій Долгорукій на походѣ къ Владиміру «снястося съ Ярославомъ Галичскимъ у Свинусѣхъ въ селѣ, и оттуда поидоста къ Володиміру, и стаѣта въ Хвалими-

⁽³⁶⁸⁾ Ипат., стр. 200. ⁽³⁶⁹⁾ Тамъ же, 206. ⁽³⁷⁰⁾ Тамъ же, 188. ⁽³⁷¹⁾ Тамъ же 200.

чихъ, и оттуда же и пустиста на воротъ къ городу» ⁽³⁷²⁾. Названія Свиныхъ и теперь еще остается за однимъ селеніемъ, состоящимъ при верховьяхъ Луги на юго-востокъ отъ Владиміра; Хвалимичи же, по смыслу лѣтописи, очевидно должны были стоять на дорогѣ отъ Свиныхъ къ Владиміру, и въ близкомъ отъ него разстояніи; ибо прямо изъ Хвалимичей Юрій посылалъ свои полки на приступъ къ Владиміру. О Житани встрѣчается извѣстіе подъ 1261 годомъ, гдѣ сказано, что Бурундай, идя къ Владиміру изъ Шумска на Кременецъ и Луческъ, и не дошедъ города, «ста на Житани на ночь, и завтра пріѣха въ Володимерь» ⁽³⁷³⁾. Слѣдовательно Житань была на дорогѣ изъ Луческа во Владиміръ. Подъ 1283 годомъ лѣтопись довольно отчетливо опредѣляетъ мѣстность городовъ Любомля и Рай, говоря: «Владиміръ Васильковичъ поѣха изъ Володимира до Любомля, изъ Любомля поѣха до Берестья, изъ Берестья до Каменца» (т. е. на Лостынь) ⁽³⁷⁴⁾. Слѣдовательно Любомль былъ на дорогѣ изъ Владиміра въ Берестье, гдѣ и теперь есть еще селеніе Любомль во Владимірскомъ уѣздѣ. Далѣе въ лѣтописи сказано: когда Владиміръ изъ Каменца опять вздумалъ воротиться въ Любомль, то ѣхалъ на городъ Рай, куда къ нему пріѣзжалъ и братъ его Мстиславъ; слѣдовательно Рай былъ на дорогѣ отъ Лостыненскаго Каменца къ Любомлю. О Турійскѣ, Мѣлици и Всеволожѣ мы также имѣемъ довольно подробныя извѣстія въ лѣтописи. Мѣстность Турійска опредѣляется двумя лѣтописными извѣстіями. Изъ перваго, относящагося къ 1097 году, видно, что бояре Давыда Игоревича, Лазарь и Василь, бѣжавшіе-было изъ Владиміра въ Луцкъ, воротились къ Турійску ⁽³⁷⁵⁾; а во второмъ, подъ 1205 годомъ, лѣтопись говоритъ: «Олександръ сѣдѣшу въ Володиміръ а брату его Всеволоду въ Червень, Литва же и Ятвъзъ воеваху, и повоюаша Турійскъ и около Комова оля и до Червена» ⁽³⁷⁶⁾. По обоимъ извѣстіямъ Турійскъ долженъ находиться неподалеку отъ Владиміра на сѣверовостокъ, гдѣ и дѣйствительно нынѣ

⁽³⁷²⁾ Ипат., стр. 80. ⁽³⁷³⁾ Тамъ же, 198. ⁽³⁷⁴⁾ Тамъ же, 214. ⁽³⁷⁵⁾ Лавр., 114. ⁽³⁷⁶⁾ Ипат., 157.

находится селеніе Турійскъ при рѣкѣ Турій въ Ковельскомъ уѣздѣ. О Мѣлиницѣ лѣтопись говоритъ: «посла Мишдовѣ рать на Василька, и воеваша около Каменя а другая рать Литовская воеваша тое же недѣли около Мѣлиницѣ, Василько же съ сыномъ своимъ Володимиромъ и съ бояры и со слугами угониша я у Небля города» ⁽³⁷⁷⁾. Изъ сего извѣстія видимъ, что упоминаемая здѣсь Мѣлиница должна быть южнѣе Каменя и Небля, и дѣйствительно на нынѣшнихъ картахъ находимъ село Мѣлиницы въ Ковельскомъ уѣздѣ на востокъ отъ Туриска, отъ котораго будетъ прямиа дорога на Небля. Наконецъ о Всеволожи лѣтопись упоминаетъ два раза: въ первый разъ подъ 1097 годомъ говорится, что Володаръ и Василько Ростиславичи въ походѣ своемъ къ Владимиру Волынскому «придоста ко Всеволожу» ⁽³⁷⁸⁾; а во второмъ извѣстіи, подъ 1287 годомъ, доношники говорили Владимиру Васильковичу: «братъ ти (Мстиславъ) дасть городъ Всеволожъ бояромъ и села раздаваеъ». Владимиръ же, огорчиншись сими, говоритъ: «се лежю въ болѣсти, а братъ мойи мнѣ живу еще судю, раздаваеъ мой города и села моя» ⁽³⁷⁹⁾. По обоимъ извѣстіямъ, особенно послѣднему, Всеволожа должно искать на востокъ отъ Владимира въ сторонѣ къ Луцку; ибо Мстиславъ, братъ Владиміровъ, былъ Луцкій князь, слѣдовательно городъ Всеволожъ находился около Мѣлиницы, Турійска и Черторійска, гдѣ и доселѣ еще сохранилось за однимъ селеніемъ названіе Волажки.

По смерти Василька Романовича Волынь была раздѣлена между его сыновьями, Владиміромъ и Мстиславомъ; послѣ Владимира (бездѣтнаго) она вся досталась Мстиславу, а дальнѣйшая участь ея въ подробностяхъ неизвѣстна. Подъ 1305 годомъ Густынская лѣтопись говоритъ, что Гедиминъ князь Литовскій взялъ Овручъ и Житомиръ у Кіевского князя Станислава, и потомъ поразилъ Льва Луцкаго, Романа Брянскаго и прочихъ князей и взялъ Кіевъ, Камень, Черкасѣ, Путивль, Брянскъ и Волынь ⁽³⁸⁰⁾. Но это извѣстіе явно невѣрно, ибо таже лѣтопись подъ 1304 годомъ говоритъ: «Гедиминъ

⁽³⁷⁷⁾ Ипат., стр. 200. ⁽³⁷⁸⁾ Лавр., 113. ⁽³⁷⁹⁾ Ипат., 214. ⁽³⁸⁰⁾ Пол. Соб. Лѣт. Т. II., стр. 348.

князь Литовскій, порази Льва Даниловича Лучскаго и Владимира Васильковича Волынскаго, и самого уби и Володимеръ градъ взятъ» (311). Изъ Волынской уже лѣтописи мы вѣрно знаемъ, что Владимиръ Васильковичъ скончался отъ болѣзни въ 1288 году и отдалъ половину Волыни брату своему Мстиславу. Въ одной родословной книгѣ сказано, что который-то Волынский князь, можетъ быть Мстиславъ Васильковичъ, выдалъ свою дочь за Гедиминова сына Любарта, и не имѣя сыновей, назначалъ его своимъ преемникомъ на Волыни, и такимъ образомъ Волынь соединилась съ Литвою, — что болѣе согласно съ истиною (312). По присоединеніи Волыни къ Литвѣ, извѣстіе объ этомъ краѣ въ нашихъ лѣтописяхъ почти прекращается въ продолженіе XIV и XV столѣтій; съ этого времени извѣстія возобновляются, но уже какъ о странѣ Литовско-Польской.

Рядомъ съ Волынскими владѣніями на югозападъ отъ нихъ были владѣнія Галицкія. На сѣверѣ они отдѣлялись отъ Волынскихъ верховьями западнаго Буга, на востокъ рѣками Серетью и Днѣстромъ; послѣдняя была ихъ границею до степей, прилежащихъ къ Черному морю, по которымъ кочевали Половцы. Южная граница Галицкой земли также терялась въ стѣняхъ по рѣкамъ Пруту, Серету и до Дуная; на западѣ же служили границею частію Карпатскія горы, частію Вислокъ, Висла и Санъ. Старѣйшими городами Галицкой земли первоначально были Перемышль, на правомъ берегу Сана при устьѣ Вагра, и Теребовль на Серетѣ, почти на границахъ съ Волынью. Потомъ въ XII столѣтіи первымъ городомъ тамошней земли сдѣлался Галичь на Днѣстрѣ, гдѣ утвердился князь Владимиръ Володаревичъ, называемый въ лѣтописяхъ Владимиркомъ.

Во время войны Владимирка Галицкаго съ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ, въ 1144 году, первымъ Галицкимъ городомъ, ближайшимъ къ границамъ Волынскихъ владѣній, является Теребовль на рѣкѣ Середѣ (по лѣтописямъ Серетѣ), нынѣшній Трёмбовля. Подъ симъ городомъ, по свидѣтельству лѣтописи, встрѣтились Галицкія и Кіевскія войска; но какъ ихъ раздѣляла рѣка Середъ, онѣ не вступили въ битву, и пошли каждое по своему берегу внизъ по рѣкѣ, и чрезъ недѣлю подступили

(311) Полн. Соб. Лѣт. II, 348. (312) Рук. Патр. Библ. N. 100/III, стр. 110.

къ Звенигороду, нынѣшній Дзвинградъ, на Днѣстрѣ, на западъ отъ Хотина, неподалеку отъ устья Середи; здѣсь войска остановились и Владимірко занялъ крѣпкую позицію на голыхъ горахъ. Между тѣмъ союзникъ Всеволодовъ, Изяславъ Давыдовичъ, посланный впередъ въ Половецкія степи, привелъ Половцовъ сперва къ Днѣстру, черезъ который переправился подъ Ушицею, потомъ взявши Ушицу, пошелъ къ Середу и, переправясь черезъ него выше Теребовля, занялъ Микулинъ. После послѣдней переправы, полки Всеволодовы и толпы Половцовъ свободно могли зайти Владимірку въ тылъ и отрѣзать его отъ Галича и Черемышля, что они и сдѣлали, и тѣмъ принудили Владимірка просить мира ⁽³⁴³⁾. Въ Галицкомъ краю, кромѣ упомянутого нами города Звенигорода, есть еще два мѣста съ тѣмъ же названіемъ: одно недалеко отъ Галича на рѣкѣ Стрипѣ, а другое въ окрестностяхъ Львова; но очевидно ни одно изъ нихъ не можетъ въ настоящемъ случаѣ занять мѣсто указаннаго нами Звенигорода; ибо къ обѣимъ дорогамъ идетъ черезъ Середъ. Если Кіевляне не рѣшились перебраться черезъ эту рѣку въ глазахъ Галичанъ подъ Теребовлемъ, то конечно имъ также нельзя было перейти ее ни выше ни ниже Теребовля, ибо Галичане, по словамъ лѣтописи, шли рядомъ съ ними по другому берегу Середи. Но совѣмъ иное дѣло, если принять Звенигородъ, указанный нами; ибо въ такомъ случаѣ Галичане при устьѣ Середи необходимо должны были остановиться для переправы черезъ Днѣстръ или Середъ; а тѣмъ временемъ Кіевляне свободно могли перейти Днѣстръ и подойти къ указанному нами Звенигороду. То же подтверждаетъ и переправа Изяслава Давыдовича черезъ Середъ подъ Микулинымъ; Галичане слишкомъ далеко были отодвинуты внизъ по Середу до Днѣстра, и потому Изяславовымъ Половцамъ свободно было переходить черезъ Середъ выше Теребовля подъ Микулинымъ, нынѣшнее Микулинце, гдѣ не было полковъ Галицкихъ. Этого нельзя бы было сдѣлать ни подъ Стринскимъ, ни подъ Львовскимъ Звенигородомъ, ибо въ такомъ случаѣ Галицкія войска были очень близко отъ Микулинской переправы и остановили бы Изяславовыхъ Половцовъ. О томъ, что передъ Микулинымъ нужно было переходить черезъ Середъ, и что этотъ городъ стоялъ на мѣстѣ

(343) Лавр., 135.

нынѣшняго города Микулинце, мы имѣемъ прямое указаніе въ лѣтописи подъ 1202 годомъ, гдѣ сказано: «пришедшу Рюрику на Галичъ, и срътоша и боляре Галичкыи и Володимерстѣи у Микулина на рѣцѣ Серетѣ, и бившимся има весь день о рѣку Серетъ, и мнози лѣзени быша» ⁽³⁴⁾. Ушица, упоминаемая въ настоящемъ извѣстѣи лѣтописи, должна быть Ушица, находящаяся на Днѣстрѣ на востокъ отъ Звенигорода въ нынѣшней Подольской губерніи; ибо Изяславу, ведшему Половцовъ изъ степи, дорога лежала именно на нынѣшнюю Подольскую Ушицу; ему, не перешедъ Днѣстра, нельзя было подойти къ Середу. Такимъ образомъ изъ лѣтописнаго описанія Всеволодова похода мы видимъ, что по юговосточной границѣ Галицкихъ владѣній лежали города по Середу Микулинъ (нынѣшній Микулинце) и Терембовль (Трембовля) и по Днѣстру Звенигородъ и Ушица, одинъ направо отъ устья Середы, а другой на востокъ отъ нынѣшняго Каменца-Подольскаго. Между Терембовлемъ и Звенигородомъ въ лѣтописи упоминается мѣстность Рожне-поле. Вотъ слова лѣтописи: «блѣшеть межи има рѣка Серетъ, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю къ Звенигороду, и на Рожни полѣ немогошася бити» ⁽³⁵⁾. Слѣдовательно, Рожне-поле должно находиться у рѣки Середы ввызъ отъ Требовля къ Звенигороду, что подтверждаетъ и другое извѣстіе лѣтописи подъ 1097 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Святослава Михаила на Володаря и Василья Галицкихъ, сіи послѣдніе встрѣтили и разбили его на Рожни, и «побѣдивши, стаща ту, рекуща: довлѣтъ нама на межи своей стати, и недоста ни каможе» ⁽³⁶⁾. Границею Галицкихъ владѣній, какъ мы уже знаемъ, была рѣка Середь, слѣдовательно и Рожня-поля должно искать на Середи.

Далѣе подъ тѣмъ же годомъ лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ городахъ Тисмяничѣ, и о другомъ Зѣвнигородѣ, ближайшемъ къ Галичу, можетъ быть о томъ, который на Стринѣ. Въ лѣтописи сказано: «на ту же зиму вшедшу Володиміру въ Тисмяничю на лавы, въ то же веремѣ послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и введоша къ себѣ въ

⁽³⁴⁾ Ипат., 156. ⁽³⁵⁾ Лавр., 135. ⁽³⁶⁾ Тамъ же, 115.

Галичъ» ⁽²⁹⁷⁾. Тисменичъ вѣроятно тотъ самый, который и теперь еще существуетъ подъ именемъ Тисменицы на правомъ берегу Вороны, впадающей въ Быстрицу на югъ отъ Галича. А подъ Звенигородомъ здѣсь неудобно разумѣть Дэвинограда на Днѣстрѣ; ибо этотъ Звенигородъ, какъ мы видѣли уже изъ описанія Всеволодова похода, принадлежалъ Владимірку, въ настоящемъ же Звенигородѣ княжилъ Иванъ Ростиславичъ, слѣдовательно подъ симъ Звенигородомъ должно разумѣть или Стринскій или Львовскій Звенигородъ; но скорѣе первый, какъ ближайшій къ Галичу, и слѣдовательно удобнѣйшій для сношенія Галичанъ съ Иваномъ Ростиславичемъ.

Въ описаніи войны Изяслава Мстиславича съ Владиміромъ Галицкимъ въ 1150 году находимъ на западѣ Галицкіе города Санокъ на рѣкѣ Санѣ, и Перемышль недалеко отъ впаденія Вагра въ Санъ. Санокъ можетъ-быть тогда былъ ближайшимъ городомъ къ Венгерской границѣ, что подтверждаютъ и слѣдующія извѣстія лѣтописи: подъ 1202 годомъ сказано, что Венгерскій король «снялся съ ятровою своею въ Саноцѣ» ⁽²⁹⁸⁾, слѣдовательно пограничномъ городѣ; а подъ 1231 годомъ Санокъ прямо названъ Угорскими воротами: «говяше и ови до Санока воротъ Угорскихъ» ⁽²⁹⁹⁾. О мѣстности Перемышля при Санѣ и Вагрѣ ясно свидѣлствуетъ лѣтопись подъ 1097 годомъ; по ея словамъ «Ярославъ сынъ Святополчъ, приде съ Угры, и Король Коломанъ и два епископа, и стаа около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ». Потомъ, когда Половцы, приведенные Давыдомъ Игоревичемъ, разбили Угровъ, то «Угра побѣтоша, и мнози истопоша въ Вагру а другіе въ Сану; и бѣжаше возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга» ⁽³⁰⁰⁾. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1150 годомъ тоже сказано, что Венгерскій Король, перешедъ горы, прежде всего взялъ Санокъ, а потомъ пошелъ къ Перемышлю ⁽³⁰¹⁾; слѣдовательно Перемышль былъ на востокѣ отъ Санока, именно тамъ, гдѣ нынѣ находится Пржемысль. Изъ описанія второй войны Изяслава съ Владиміромъ, бывшей въ 1152 году, мы видимъ, что на сѣверо-западѣ Галицкихъ владѣній на Санѣ же былъ городъ

⁽²⁹⁷⁾ Ипат., 20. ⁽²⁹⁸⁾ Тамъ же, 156. ⁽²⁹⁹⁾ Тамъ же, 171. ⁽³⁰⁰⁾ Лавр., 115. ⁽³⁰¹⁾ Ипат., 52.

Ярославъ, на сѣверъ отъ Перемышля; ибо въ лѣтописи сказано: «Изяславъ же приде на Санъ рѣку, яже идеть подъ Перемышль; и якоже пребрѣде рѣку Санъ, и ту пригна ему посолъ отъ Короля въ стѣ дружины, и рече Изяславу: зять ти ся Король кланяеть и тако ти молвить: се уже 5 день сдѣ стою, жада тебѣ, а поѣдъ . . . Утрій же день Изяславъ поиде къ Ярославлю, помина и, ста обѣду . . . Утрій же день придоша къ рѣцѣ Санови, ниже города Перемышля, ту и сташа полки своими всѣми . . . Володиміръ же не даде въ свою землю внити рати»⁽³⁹²⁾. Этотъ разсказъ лѣтописи показываетъ съ одной стороны, что Ярославъ стоялъ сѣвернѣе Перемышля; а съ другой, что въ это время Галицкія владѣнія на западѣ начинались Саномъ, по крайней мѣрѣ около Перемышля и Ярославля. По разсказу лѣтописи, Изяславъ и Король Венгерскій свободно соединились за Саномъ, и притомъ Изяславъ, съ цѣлю соединенія съ Венгерскимъ Королемъ, нарочно перешелъ за рѣку Санъ, т. е. въ землю, непринадлежащую къ Галицкимъ владѣніямъ; а когда по соединеніи они стали приступать къ Сану ниже Перемышля, то Владиміръ старался воспрепятствовать переправѣ черезъ рѣку, писменно, какъ сказано въ лѣтописи, съ тѣмъ, чтобы не пустить рати въ свою землю; слѣдовательно за Саномъ на западъ была уже не Галицкая земля.

Подъ 1159 годомъ есть извѣстіе, что Галицкія владѣнія на югѣ простарались до Дуная; въ лѣтописи сказано, что Иванъ Берладникъ съ Половцами занялъ Подунайскіе города, захватилъ тамъ двѣ кубары съ товарами и дѣлалъ обиды Галицкимъ рыболовамъ; потомъ пошелъ къ Кучелмину и далѣе къ Ушицѣ, куда Ярославъ успѣлъ выслать засаду; къ Ростиславичу пришли также Половцы и собралось Берладниковъ шесть тысячъ человекъ⁽³⁹³⁾. То же подтверждаетъ и Слово о Полку Игоревѣ; оно, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Галичскій осмомыслѣ, Ярославъ! высоко сѣдши на своемъ златоконнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными полки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечи беременны черезъ облакы, суды ряда до Дуная»⁽³⁹⁴⁾. Оба свидѣтельства ясно говорятъ, что по Дунаю были Галицкіе города,

⁽³⁹²⁾ Ипат., стр. 66. ⁽³⁹³⁾ Тамъ же, 83. ⁽³⁹⁴⁾ Слово о Пол. Игор., изд. Грам., 52.

зависѣвшіе отъ Галицкаго князя; но какіе именно были сіи города, по лѣтописямъ и другимъ источникамъ неизвѣстно. Въ лѣтописяхъ упоминается только одинъ Берладъ, нынѣшній Бырладъ при рѣкѣ Берладѣ, впадающей въ Сереть, недалеко отъ Прута; но и тотъ, судя по извѣстіямъ, кажется былъ населенъ вольныцею, ни отъ кого независѣвшую, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ ⁽³²⁵⁾. Степи между Днѣпромъ и Дунаемъ были заняты кочевьями Половцовъ; слѣдовательно Подунайскими Галицкими городами могли быть только приморскіе города въ устьяхъ Дуная, точно такъ же, какъ при устьяхъ Днѣпра былъ городъ Олешье; въ сихъ городахъ производилась Галичанами торговля съ Греціею и жили разные Галицкіе промышленники, такъ напримѣръ лѣтописъ упоминаетъ о Галицкихъ рыболовахъ въ Подунайскихъ городахъ. Сіи города были, можетъ быть, подъ покровительствомъ Галицкаго князя, который могъ защищать ихъ и выѣшиваться въ тамошніа дѣла, посылая свои полки по Пруту и Серети, имѣвшихъ верховья въ его непосредственныхъ владѣніяхъ.

Подъ 1188 годомъ упоминается городъ Прѣснескъ, или Плѣснескъ, на границахъ Галицкихъ съ Волынскими владѣніями. Въ «вѣникѣ на обжинки Русинамъ» говорится, что «на мѣстѣ города Плѣсноска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову». Это указаніе вполне согласно съ свидѣтельствомъ лѣтописи, гдѣ именно указывается, что Плѣснескъ былъ первымъ Галицкимъ городомъ по выходѣ изъ Волынскихъ владѣній; ибо Романъ Волыніскій, приглашаемый тайно Галичанами, послалъ свой передовой отрядъ занять Прѣснескъ: «да заѣдутъ Прѣснескъ переди. Они же затворишася (жители Преснеска), Угрѣ же и Галичане заѣхаша и у Прѣснескъ, нѣхъ изнимаша, а друзіи утекоша» ⁽³²⁶⁾.

Подъ 1208 годомъ упоминается о третьемъ Звенигородѣ въ Галицкихъ владѣніяхъ, котораго нельзя приурочить ни къ Стринскому, ни къ Днѣстровскому, и который, по смыслу лѣтописи, лежалъ на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу при рѣкѣ Лютой или недалеко отъ этой рѣки. Въ настоящее время есть

⁽³²⁵⁾ Ист. Г. Р. Т. II, стр. 290—291. ⁽³²⁶⁾ Вѣнокъ Рус. II, 162. Ипат., 137.

рѣчка Лютинка въ Стрыйскомъ округѣ. Вотъ слова лѣтописи: «я совокупившеса вси (т. е. Данилъ Романовичъ съ Уграми) первое придоша на градъ Перемышль. Оттуду же (по занятіи Перемышля) придоша ко Звенигороду. Звенигородомъ же лють борющимся съ нима И приѣхаша Половца Романови (Князю бывшему тогда въ Звенигородѣ) на помощь Половци же узрѣвши ѣ (Угровъ), крѣпци налегаша на ня, овѣмъ же ѣдущимъ напредѣ нми къ Лютой рѣцѣ одва препроводиша рѣку Лютую. Оттудѣ же Романъ изыдѣ изъ града, помощи ница въ Русскихъ князѣхъ; и бывшу ему Шумскы на мосцѣ, ятъ бысть Зернкомъ и предашася Звенигородцы. Оттуду же поидоша къ Галичю» (Данилъ съ Уграми⁽²⁹⁷⁾). Разсказъ лѣтописи прямо говоритъ, что Звенигородъ лежалъ на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, и что недалеко отъ него была рѣка Лютая, а мы уже знаемъ, что есть и нынѣше рѣчка Лютинка въ Стрыйскомъ округѣ; слѣдовательно упоминаемаго здѣсь Звенигорода должно искать въ Стрыйскомъ округѣ, можетъ-быть на самой рѣкѣ Стры, около нынѣшняго Жыдичова, что какъ разъ придется на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, или на мѣстѣ нынѣшняго города Стры, что также не противорѣчитъ лѣтописи. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1235 годомъ, гдѣ сказано, что Данилъ шелъ изъ городка (нынѣшняго Грудска) къ Галичю, но узнавши, что тамъ затворилось много Угровъ, поворотилъ назадъ и повоевалъ около Звенигорода. Очевидно, что поворачивая отъ Галича къ Грудску, нельзя было воевать другаго Звенигорода, кромѣ того, который находился въ Стрыйскомъ округѣ.

Подъ 1211 годомъ въ лѣтописи упоминаются города, еще неопредѣленные нами: Моклековъ, Збыражъ, Быковенъ, Зъбиши и Любачевъ. Лѣтопись говоритъ, что по разбитіи Галичанъ и ихъ союзниковъ, Угровъ и Чеховъ на Бобрикѣ, Лестько Польскій, союзникъ Даниловъ, не могли взять Галича, «шедъ воева около Теребовля, и около Моклекова и Збыража, и Быковенъ взять бысть Ляхи и Русью, и взя плѣнъ великъворотися въ Ляхы»⁽²⁹⁸⁾. Изъ этого разсказа видно, что Моклековъ, Збыражъ и Быковенъ должны были находиться недалеко отъ Теребовля и конечно по направленію къ запад-

(²⁹⁷) Ипат., стр. 158, 175. (²⁹⁸) Тамъ же, 160.

ному Бугу, по дорогѣ въ Польшу; ибо Лестко, по разграбленіи сихъ городовъ, пошелъ домой. По этому направленію въ настоящее время нѣтъ мѣстностей съ подобными названіями, за исключеніемъ одного Збыража, который нынѣ называется Зборовъ, въ Тарнопольскомъ уѣздѣ. Но мѣстность Збаража не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дорогѣ Лестька въ Польшу; ибо онъ лежитъ за Серетью на востокъ, и скорѣе бы принадлежалъ къ Волынскимъ, а не Галицкимъ городамъ; болѣе сообразно съ смысломъ лѣтописи мѣстность Збыража назначить при верховьяхъ Стрипы, гдѣ нынѣ деревня Зборовъ: тогда Збыражъ будетъ и въ Галицкихъ владѣніяхъ и на дорогѣ отъ Тереховля въ Польшу. Быковень же вѣроятно былъ на западъ отъ Збыража, можетъ-быть при верховьяхъ Буга; ибо въ лѣтописи онъ упоминается послѣ Збыража; а Мокленовъ, должно быть, стоялъ ближе къ Тереховлю, можетъ-быть на Стрипѣ или на Серети, но вообще въ этой сторонѣ. Подъ тѣмъ же городомъ упоминается городъ Любачевъ. Этотъ городъ и теперь еще стоитъ на рѣкѣ Любачевкѣ, съ правой стороны впадающей въ Санъ; мѣстность его приходится на сѣверовостокъ отъ Ярославля, что не противорѣчитъ тексту лѣтописи, гдѣ Любачевъ упоминается за Перемишлемъ. Въ это же время мы встрѣчаемъ городъ Зьпиши, гдѣ Венгерскій Король Андрей имѣлъ свиданіе съ Лестькомъ Польскимъ, на которомъ было рѣшено выдать Лесткову дочь за Венгерскаго Королевича и отдать ему Галичъ. Этотъ городъ очевидно былъ на границѣ Галицкой земли съ Венгрією, гдѣ и теперь направо отъ Дунайца есть мѣстечко Зьпишница, которое съ большою вѣроятностію можетъ означать мѣстность лѣтописной Зьпиши.

Подъ 1213 годомъ упоминаются мѣстности Галицкія: Городокъ, Щарекъ, Зубрыя, Рогозиво, Толмачъ, Онуть, Плава и Кучельминъ. Лѣтопись говоритъ, что Венгерскій Король и Лестько подступили къ Перемишлю, откуда немедленно убѣжали Тысяцкій Ярунъ; Мстиславъ же Мстиславичъ Удалой, а владѣвшій тогда Галичемъ, послалъ противъ нихъ воеводъ къ Городку; но воеводы не могли удержать городка и, разбитые, бѣжали; Угры и Ляхи на гнали нѣкоторыхъ изъ нихъ на Щирецъ. Мстиславъ самъ въ это время стоялъ на Зубрыяхъ, и узнавши о пораженіи своихъ воеводъ, и не надѣясь самъ выдержать битвы, просилъ зятя своего Данила затвориться въ Галичѣ. Угры и Ляхи бро-

сились-было на Галичъ, но встрѣченные Давидомъ отступили отъ города, и пошли за Рогожину на Мстислава и выгнали его изъ Галицкой земли. Мстиславъ отступая далъ знать Давиду, чтобы онъ вышелъ изъ Галича, который, оставивъ Галичъ, пошелъ на Толмачъ, гдѣ нагнали его воеводы, посланные Венгерскимъ Королемъ, и бились съ нимъ день и ночь; отъ Толмача Данилъ прошелъ въ Онутъ и оттуда въ степь. «Бывшую же гладу велику, подошла возы къ Плаву, взявша возы накормишася изобильно. Оттуда же подошла ниже Кучелмина, мысляще куды перейти рѣку Днѣстръ, Божіею же милостію подошла лодыи изъ Олешья, и пріѣхаша въ нихъ на Днѣстръ и насытишася рыбъ и вина; оттуду же пріѣха Данилъ ко Мстиславу» т. е. въ Подолію ⁽³⁹⁾. Судя по разсказу лѣтописи Городка, Щирека и Зубрьи, мы должны искать на сѣверозападъ отъ Галича по направленію къ Перемышлю, ибо Данилъ выслалъ своихъ воеводъ къ Городку на встрѣчу Венграмъ и Ляхамъ, шедшимъ отъ Перемышля, и дѣйствительно въ настоящее время мы находимъ по этому направленію города: Грудень на сѣверъ отъ Комарно, Щерзекъ прямо на востокъ отъ Комарно, и рѣку Зубржу, которая, начинаясь у Лемберга, впадаетъ въ Днѣстръ, принимая къ себя съ правой стороны рѣчку Щерку; мѣстности сіи какъ неважно лучше соотвѣтствуютъ извѣстію лѣтописи, слѣдовательно мы почти съ полною увѣренностію должны полагать лѣтописные Городокъ на мѣстѣ Грудека, Щирекъ на мѣстѣ Щерзека или рѣки Щерки, и Зубрью на мѣстѣ рѣки Зубржи. Рогожину же должно по всему вѣроятію искать на сѣверѣ или сѣверовостокъ отъ Галича, ибо Венгры и Ляхи, преслѣдуя Мстислава, отступавшаго отъ Зубрьи, шли отъ Галича за Рогожину и тамъ принудили его удалиться въ Подолію; слѣдовательно Рогожиной называлась одна изъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣстръ между Стрипой и Зубрьей, можетъ-быть та самая, на которой нынѣ стоятъ городъ Рогатынъ, или рѣка Липа. Очевидно, Мстиславъ, отступая отъ Зубрьи, долженъ былъ взять направленіе къ рѣкѣ Липѣ, т. е. на сѣверовостокъ отъ Галича; ибо съ запада и юга шли Угры и Ляхи, дорога же по Липѣ давала ему возможность въ случаѣ нужды безъ большихъ хлопотъ и обходовъ отступить въ Волинь или Подолію, что онъ и сдѣлалъ; а въ случаѣ успѣш-

(39) Ипат., 161.

ной встрѣчи съ Уграми, не лишала средствъ подать помощь Галичу, въ которомъ онъ велѣлъ пока держаться Даниилу. Упомянутый въ лѣтописи въ настоящемъ разсказѣ Толмачъ, очевидно, есть нынѣшній Тлумачъ, лежащій на юговостокъ отъ Галича; ибо Даниилъ, получивши отъ Мстислава приказъ оставить Галичъ, естественно могъ отступить только на юговостокъ; на западъ ему не куда было идти, а сѣверъ и сѣверовостокъ были заняты Уграми и Ляхами, гнавшими Мстислава. Если же Толмачъ есть нынѣшній Тлумачъ, то и Овута должно искать по тому же направленію къ юговостоку, и нынѣшнее мѣстечко Ануты на правомъ берегу Днѣстра нѣсколько на западъ отъ Днѣстровскаго Дзвингорода, именно должны стоять на мѣстѣ лѣтописнаго Овута; ибо Даниилу, преслѣдуемому Уграми, можно было идти только линією между Днѣстромъ и Прутомъ, избѣгая переправъ, на которыхъ могли бы его настигнуть Угры, гнавшіеся по пятамъ. Преслѣдованіе такъ было сильно, что Даниилъ немогъ переправиться черезъ Днѣстръ и подъ Онутомъ, и долженъ былъ идти въ степи, какъ и сказано въ лѣтописи: «и доша въ поле». Слѣдовательно упоминаемые здѣсь Плаву и Кучелинъ должно уже искать на юговостокъ отъ Овута въ степи. Плава очевидно была степнымъ городомъ на дорогѣ отъ Чернаго моря въ Галицкую землю; ибо здѣсь Даниилъ, съ своею дружиною томимый голодомъ, захватилъ проѣзжавшій обозъ съ хлѣбомъ. Кучелинъ вѣроятно лежалъ еще восточнѣе Плавы и, кажется, уже на правомъ берегу Днѣстра нѣсколько южнѣе Ушицы; ибо въ лѣтописи подъ 1159 годомъ сказано, что Иванъ Ростиславичъ, подымаясь отъ устьевъ Днѣстра вверхъ, сперва подошелъ къ Кучелину, а потомъ къ Ушицѣ⁽⁴⁰⁰⁾. Даявъ настоящемъ разсказѣ есть подтвержденіе, что Кучелинъ стоялъ на Днѣстрѣ; ибо въ лѣтописи сказано: «придоша ниже Кучелинина, мысляще, кудѣ перейти рѣку Днѣстръ». Здѣсь же есть указаніе, что Днѣстръ былъ торговымъ путемъ изъ Чернаго моря; ибо Даниилъ, ниже Кучелинина, встрѣтилъ ладьи, шедшіе, изъ Олешья (т. е. отъ устьевъ Днѣпра), которыя перевезли его и дружину на лѣвый берегъ Днѣстра, и снабдили его виномъ и рыбою, вѣроятно товарами, везенными на продажу. Объ этомъ пути есть и другое свидѣтельство лѣтописи, подъ 1224 годомъ, гдѣ сказано:

(400) Ипат., 84.

«а выгонцы Галичскыя придоша по Днѣпру (вѣроятно по Днѣстру) и воидоша въ море; бѣ бо людей тысяща, и воидоша во Днѣпръ и возведоша пороги, и стаха у рѣкы Хорьтицѣ на броду у протолчи» ⁽⁴⁰¹⁾.

Подъ 1219 годомъ лѣтопись упоминаетъ о городѣ Щекаревѣ; гдѣ находился этотъ городъ, въ настоящее время опредѣленно указать нельзя; но, по смыслу лѣтописи, можно догадываться, что онъ лежалъ на границахъ тогдашней Польши съ Волинью и Галиціею, гдѣ нибудь между Саномъ и западнымъ Бугомъ; ибо въ лѣтописи сказано: «приде Лестько на Данила къ Щекареву, бороня ему ити на помощь Мстиславу тестеви своему» ⁽⁴⁰²⁾. Мстиславъ же въ это время шелъ изъ понизья или Подолія на Галичъ, занятый Уграми и Ляхами, куда по условію должны были идти и Данилъ изъ Владиміра-Волинскаго. На то же указываетъ и другое извѣстіе лѣтописи подъ 1282 годомъ, гдѣ она говоритъ, что Болеславъ Польскій, пользуясь временемъ, когда Левъ Галицкій пошелъ съ Татарами въ Венгрію, «пришедъ во двусту воева около Щекарева и взя десять селъ, и тако идяшетъ назадъ съ великою гордостію. По семъ же Левъ пріѣха домовъ, и сжалися о бывшемъ, оже Болеславъ воевалъ его землю» ⁽⁴⁰³⁾. Это послѣднее извѣстіе ясно говоритъ, что Щекаревъ принадлежалъ къ Галицкимъ владѣніямъ; а изъ обохъ свидѣтельствъ замѣтно, что онъ былъ пограничнымъ городомъ съ Польшею.

Въ извѣстіяхъ 1229 года встрѣчается Галицкое мѣстечко Углиницы, которое, по опредѣленному и ясному свидѣтельству лѣтописи, должно было стоять подлѣ самаго Галича на противоположномъ берегу Днѣстра; ибо лѣтопись прямо говоритъ: «Данилови же пріѣхавшу ко Галичю . . . стояше Углиницѣхъ, на брезѣ Днѣстра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ и стрѣляшася на леду; вечеру же бывшу, зажгоша мость на Днѣстрѣ беззаконныйи лыхый Сомыюко» ⁽⁴⁰⁴⁾. Подъ 1230 годомъ упоминается Галицкій городъ Вишня; нынѣ есть въ Галиціи городъ Сандова-Вишня при рѣкѣ Вишнѣ на полдорогѣ отъ Перемышля къ Львову. Эта мѣстность не противорѣчитъ извѣстію лѣтописи, гдѣ сказано, что бояринъ Филиппъ, благорасположенный къ

⁽⁴⁰¹⁾ Ипат., 164. ⁽⁴⁰²⁾ Тамъ же, 162. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 210. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 169.

Александру Бѣльскому, вызывалъ въ Вишню Данила изъ Галича, думая захватить его или убить; въ Перемышлѣ же въ это время собрались Галицкіе бояре, также злоумышлявшіе на Данила, куда послѣ укрылся и Александръ, когда по Данилову приглашенію Василько двинулся съ войскомъ къ Бѣльзу ⁽⁴⁰²⁾.

Подъ 1231 годомъ упоминается мѣсто Голыя Горы, вѣроятно на востокъ отъ Галича; ибо въ лѣтописи сказано, что по взятіи Ярославля Уграми, Король пошелъ къ Галичу. «Климѣя же съ Голыхъ Горъ убѣжа отъ князя Данила ко Королеви, и по немъ вси бояре Галичскіи предашася» ⁽⁴⁰³⁾. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1144 годомъ, гдѣ сказано: «Всеволодъ (Олговичъ) иде къ Теробовлю. И выиде противу нмъ Володимеръ (Галицкій) весь совокупився къ Теробовлю; и немогша битися, зане бѣшеть межѣ нми рѣка Сереть, идоша обое подлѣ рѣку занедѣлю къ Звенигороду; и на Рожни-поли немогшася бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ Горахъ» ⁽⁴⁰⁴⁾. Слѣдовательно Голыхъ Горъ должно искать между Теробовлемъ и Днѣстровскимъ Звенигородомъ, т. е. около рѣки Серета. Потомъ, подъ тѣмъ же 1231 годомъ, при разсказѣ о войнѣ Данила съ Королевичемъ Андреемъ, занявшимъ Галичъ, упоминается Галицкій городъ Тарчево; онъ, по смыслу лѣтописи, лежалъ около нынѣшняго Тарнополя при верховьяхъ Серета, или за нимъ къ югу; ибо въ лѣтописи сказано, что Данилъ, нагнавъ разбитаго на Случи Андрея у Шумска, говорилъ съ нимъ чрезъ рѣку Велью; потомъ, передшедши Велью подъ Шумскомъ, погнался за нимъ къ Торчеву, гдѣ у нихъ былъ бой, послѣ котораго Андрей бѣжалъ въ Галичъ. Данилъ же, заключивъ союзъ съ Александромъ Бѣльскимъ, обратился къ Пльснску и взялъ его подъ Арбузовичами, и, получивъ много плѣнниковъ, пошелъ во Владиміръ-Волынской ⁽⁴⁰⁵⁾.

Въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на югѣ переступили уже границу Карпатскихъ горъ и простирались до предѣловъ нынѣшней Буковины и Трансильваніи. Наша лѣтопись представляетъ ясное о томъ свидѣтельство, подъ 1235 годомъ, гдѣ говорятъ, что Ростиславъ, сынъ Михайловъ, услыхавши на возвратномъ пути съ охоты изъ степей, что Данилъ завладѣлъ

⁽⁴⁰²⁾ Ипат., стр. 170. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 171. ⁽⁴⁰⁴⁾ Лавр., 135. ⁽⁴⁰⁵⁾ Ипат., 172—173.

Галичемъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на Борсуковъ дѣлъ, и приде къ Банирѣкомѣй Родне, и оттуда иде во Угры⁽⁴⁰⁹⁾». Наименованія, подобныя лѣтописнымъ, и теперь еще сохранились за двумя мѣстностями на границахъ Буковины съ Трансильваніею: они называются Bogzek и Rodna, и славятся минеральными водами. И въ лѣтописи Родна названа *баней*; да и здесь рассказъ указываетъ на Борсекъ и Родну. Ростиславу, возвращавшемуся съ охоты изъ степей при-Прутскихъ, ближайшая и безопаснѣйшая дорога въ Венгрію была именно на сіи мѣста. Ему не нужно было ни сворачивать въ сторону, ни обращаться назадъ: онъ тутъ могъ пройти въ Угры тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шелъ къ Галичу, какъ и сказано въ лѣтописи: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на Борсуковъ дѣлъ».

Подъ 1241 и 1242 годами лѣтописи упоминаетъ о Галицкихъ городахъ: Бакотѣ, Коломыѣ и Калиусѣ. Бакота лежала въ Понизьѣ, т. е. нынѣшней Подоліи на Днѣстрѣ, какъ можно судить по смыслу лѣтописи, въ которой о Бакотѣ упоминается три раза; въ первый разъ сказано: «Доброславъ (Галицкій бояринъ) вшедъ въ Бакоту все Понизье прія»; потомъ: «Ростиславъ собравъ князѣ Волоховскыя и останокъ Галичанъ приде къ Бакотѣ»; печатникъ Кирилль, посланный туда Даниломъ, не пустилъ его въ городъ, Ростиславъ же пошелъ за Днѣстръ; и наконецъ сказано: «Даниль же хотя уставити землю, и ѣха до Бокоты и Калиуса»⁽⁴¹⁰⁾. Въ сіи свидѣтельства прямо указываютъ на юго-восточный край Галицкихъ владѣній, а особенно изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ видно, что Бакота должна быть на Днѣстрѣ ниже Хотина; ибо Калиусъ и теперь еще находится на лѣвомъ берегу Днѣстра въ Ушицкомъ уѣздѣ. У Меркатора, въ его Литовской картѣ, Бакота дѣйствительно показана ниже Хотина на лѣвомъ берегу Днѣстра. Коломыя и теперь еще существуетъ подъ именемъ Коломен на лѣвомъ берегу Прута, на югъ отъ Галича. Рядомъ съ Коломыєю въ лѣтописи упоминается городокъ Вотъиницъ, должно быть нынѣшнее мѣстечко Отыня, лежащее на сѣверъ отъ Коломен на полдорогѣ къ Тисменицѣ; въ лѣтописи же Вотъиницъ названъ какъ бы пригородомъ Коломыи⁽⁴¹¹⁾.

⁽⁴⁰⁹⁾ Ипат., стр. 175. ⁽⁴¹⁰⁾ Тамъ же, 179, 180. ⁽⁴¹¹⁾ Тамъ же.

Подъ 1241 годомъ упоминаются Галицкія мѣста Печера и Домаири. Арцыбашевъ Печерою называетъ нынѣшнюю деревню Печерну въ Залѣщанскомъ уѣздѣ, а Домаири принимаетъ за нынѣшній Маѣмполь. Точно ли нынѣшнія мѣста занимаютъ помняутыя древнія, доказать нельзя; но то несомнѣнно, по смыслу лѣтописи, что Печера и Домаири должны быть въ этой сторонѣ; ибо Ростиславъ, шедшій изъ Понизья въ Галичъ, необходимо долженъ былъ идти чрезъ нынѣшніе Залѣщанскій и Маріанпольскій уѣзды. Тутъ же упоминается городъ Щекотѣвъ, куда, при нашествіи Даниіла, Ростиславъ бѣжалъ изъ Галича. Вѣроятно, этотъ городъ лежалъ на западѣ отъ Галича; ибо на этотъ разъ Ростиславъ, удаляясь въ Венгрію, послалъ Константина Рязанскаго въ Перемышль для подержанія тамошняго Епископа своего, сторонника.

Подъ 1243 годомъ упоминается городъ Брокъ, подъ которымъ Татары разбили Ростислава, и откуда онъ бѣжалъ въ Угры. Можетъ быть, это нынѣшній Бржостекъ, на Вислокѣ, впадающемъ въ Вислу, который былъ по дорогѣ Ростиславу въ Венгрію. Не вдалекѣ отъ Бржостека, на одномъ изъ притоковъ восточнаго Вислока, находится нынѣ городъ Пржеворскъ, который также упоминается въ лѣтописи почти подъ нынѣшнимъ названіемъ и очевидно въ томъ же мѣстѣ. Подъ 1281 годомъ лѣтопись говоритъ: «иде Лысько (Польскій) на Льва (Галицкаго) и взя у него городъ Переворескъ» ⁽⁴¹¹⁾. Это прямое свидѣтельство лѣтописи о Переворескѣ подтверждаетъ вѣроятность и указанной нами мѣстности Борка. Если это вѣрно, то въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на сѣверозападѣ очевидно простирались далеко за рѣку Санъ, къ Санскому и Виславинскому Вислокамъ. Если же принять за лѣтописный Брокъ нынѣшнюю деревню Борки, на западѣ отъ Вислока, почти на самой Вислѣ, что также не противоричитъ смыслу лѣтописи: то очевидно, что Галицкая граница здѣсь простиралась до самой Вислы; и такимъ образомъ догадка Зубрицкаго (основанная на томъ, что и понынѣ есть нѣсколько Русскихъ селъ и деревень между Саномъ, Вислой и Дунайцемъ), что Русское племя издавна жило по правому берегу Вислы между Дунайцемъ и Саномъ ⁽⁴¹²⁾, вполнѣ

⁽⁴¹¹⁾ Ипат., стр. 209. ⁽⁴¹²⁾ Крит. Пов. Черв. Русск. Зубр., стр. 37.

оправдывается нашею лѣтописью. Посему вышешнее Русское народонаселеніе тамошняго края вовсе ненужно принимать за Польское заселеніе береговъ Вислы Русскими плѣнниками по завоеваніи Казимиромъ Галича; ибо лѣтописи, какъ мы видѣли, называетъ города Брокъ у Вислы и Зѣпичъ у Дунайца Русскими городами болѣе нежели за сто лѣтъ до Казимира.

Подъ 1259 годомъ въ лѣтописи упоминается Галицкій городъ Львовъ, нынѣшній Лембергъ, построенный Даниломъ. Въ 1840 году Казимиръ Король Польскій занялъ въ одинъ походъ Львовъ, а въ другой покорилъ Перемышль, Санекъ, Любачевъ, Галичъ, Тереховъ и другіе города, и такимъ образомъ присоединилъ къ Польскимъ владѣніямъ всю землю Галицкую. Съ этого времени въ нашихъ лѣтописяхъ мы болѣе не встрѣчаемъ географическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Между Галицкими, Волынскими и Кіевскими владѣніями, па югъ отъ Туровскихъ, лежала земля князей Болоховскихъ. Она образовалась, какъ отдѣльное владѣніе, въ началѣ XIII или въ концѣ XII вѣка, частію изъ владѣній Туровскихъ, частію изъ Кіевскихъ и преимущественно изъ земель, занятыхъ Черными Клобуками. Въ первый разъ князья Болоховскіе упоминаются подъ 1231 годомъ; лѣтопись говоритъ, что съ Венгерскимъ Королевичемъ Андреемъ, во время его похода къ Бѣлобережью и Случи на Данила Романовича: «были Олександръ и Глѣбъ Зереміевичъ, и нѣи князи Болоховскіи и Угоръ множество»⁽¹¹⁴⁾. Но, вѣроятно, Болоховскіе князья были и прежде, и кажется безошибочно можно сказать, что ихъ владѣнія сдѣлались независимыми вскорѣ послѣ покоренія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго. Болоховъ же, или Болохово, упоминается еще въ 1150 году; когда Владиміръ Галицкій шелъ на помощь къ Юрью Долгорукому въ Кіевъ, его путь лежалъ, по описанію лѣтописи, на Болохово, Мунаревъ и Володареву⁽¹¹⁵⁾; онъ вѣроятно тогда принадлежалъ къ владѣніямъ Туровскимъ или Кіевскимъ. Границы Болоховской земли въ томъ видѣ, какъ она была въ XIII столѣтіи, прикасалась съ владѣніями: Кіевскимъ, Туровскимъ, Волынскимъ и Галицкимъ; земли сіи были расположены по обѣимъ берегамъ восточнаго Буга и простирались на югъ, можетъ быть, до Днѣстра, а на

⁽¹¹⁴⁾ Ипат., 172. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 50.

сѣверъ до верховьевъ Случи и Тетерева. Здѣсь, по указанію лѣтописей, были города: Болоховъ или Болохово, на одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ восточнаго Буга, гдѣ нынѣ Болоховцы на западъ отъ Хмѣльника; Деревичъ, на одномъ изъ притоковъ Случи, который и теперь называется Деревичка и находится въ югозападномъ краю нынѣшняго Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Городецъ, онъ же кажется и Городокъ, можетъ быть нынѣшній Грудскъ, на лѣвомъ берегу Смотрича, въ сѣверо-восточномъ концѣ Каменецъ - Подольскаго уѣзда; Кудинъ, вѣроятно нынѣшняго Кольна, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева въ Житомирскомъ уѣздѣ; Божскій, можетъ, быть на рѣкѣ Бугѣ, или рѣчкѣ Божскъ, впадающей въ восточный Бугъ при его верховьяхъ въ Лѣтичевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Межибожья; Межибожье, между Бугомъ и Бужскомъ въ углу, гдѣ и теперь еще есть деревня Менажибожь; Дьяковъ, можетъ нынѣшнее селеніе Дьяковцы въ Литинскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Межибожья; Белобережье, при верховьяхъ Случи; Семочъ, на западъ отъ Болохова, гдѣ нынѣ село Самчинцы, въ юговосточномъ углу Старокопстантиновскаго уѣзда; Городскъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева, гдѣ нынѣ Ясно-городокъ, въ юговосточномъ углу Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Жидичевъ, на рѣкѣ Тетеревѣ, можетъ-быть нынѣшній Житомиръ; Чернатино, не нынѣшнее ли Чернихово на сѣверъ отъ Житомира въ Житомирскомъ уѣздѣ; Возвысье, не тамъ ли, гдѣ нынѣ селеніе Ваглай, въ восточномъ углу Старокопстантиновскаго уѣзда, на востокъ отъ Белобережья. Кромѣ того въ числѣ городовъ Болоховской земли упоминаются Кобудъ и Губино, вѣроятно лежавшіе въ Прибужскомъ же краю, но гдѣ именно неизвѣстно.

Подъ 1243 годомъ въ лѣтописи сказано: «Даніилъ князи Болоховскіе изья отъ руку Болеславу, князи Мозовскаго, рекшу Болеславу, яко неспдахъ имъ? рекый: несутъ вон твои, но сугь особніи князи, и хоташе разграбити ѣ; они же обѣшашася работѣ быти; оуѣмъ же молящымся, Даніилъ же и Василько за нѣ хоти съ нимъ брань створити» ⁽¹¹⁶⁾. Въ этомъ мѣстѣ лѣтописи нѣкоторые изслѣдователи думаютъ видѣть указаніе на то, что Болоховская земля была въ сосѣдствѣ съ Мазовією; но лѣтопись

⁽¹¹⁶⁾ Ипат., стр. 180.

говорить только, что Болоховскіе князья, когда-то прежде 1243 года, нападали на Мазовецкую землю вмѣстѣ съ Даниломъ и Василькомъ, можетъ-быть по ихъ приглашенію, или скорѣе пользуясь ихъ походомъ въ ту сторону. Потомъ, когда Данилъ и Василько помирились съ Болеславомъ, то сей послѣдній хотѣлъ ограбить ихъ и говорилъ, что они не Даниловы войны, а особные князи; но Данилъ заступился за нихъ, какъ за своихъ союзниковъ. Здѣсь нѣтъ и помину о сосѣдствѣ Болоховской земли съ Мазовецкою; а всѣ другія свидѣтельства лѣтописи прямо указываютъ, что она лежала въ томъ краю, который нами означенъ выше, т. е. въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи на сѣверовостокъ отъ Днѣстра по обоимъ берегамъ восточнаго Буга. Лѣтописныя свидѣтельства, подтверждающія указанную нами мѣстность Болоховской земли и частію объясняющія положеніе городовъ ея, упоминаемыхъ въ лѣтописи, суть слѣдующія: подъ 1231 годомъ лѣтопись говоритъ о союзѣ Болоховскихъ князей съ Королевичемъ Андреемъ и о походѣ ихъ къ Бѣлобережью, гдѣ они бились у рѣки Случь съ Даниловымъ воеводою Володиславомъ, шедшимъ изъ Кіева ⁽⁴¹⁷⁾. Потомъ подъ 1235 годомъ сказано: «придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцу» ⁽⁴¹⁸⁾. Далѣе подъ 1241 годомъ разсказывается: «Ростиславъ (Миханловичъ, княжившій въ Галичѣ) собра князи Болоховьскыя и оставокъ Галичанъ, приде ко Бакотѣ» ⁽⁴¹⁹⁾. Тутъ же говорится, что Болоховская земля была подъ покровительствомъ Татаръ; вотъ слова лѣтописи: «оставили бо ихъ Татарове, да имъ орютъ пшевицю и проса» ⁽⁴²⁰⁾. И наконецъ подъ 1257 годомъ въ лѣтописи замѣчено: «Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ, сгадавъ съ братомъ и со сыномъ посла Деонисія Павловича, взя Межбожье, потомъ воевахуть людіе Данилови же и Василькови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарскыя; веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць и на вси городы, и взя Городокъ и Самоць и всѣ городы, сѣдящія за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жидичева. Възъвъгляне солгаша Шварномъ, поимше Тивуна не вдаша ему тивунати;

(417) Ппат., 172. (418) Тамъ же, 174. (419) Тамъ же, 179. (420) Тамъ же, 180.

Шварно же приде поймавъ города вся, и по немъ придоша Бѣлобережцѣ, и Чернятинци, и вси Болоховци къ Данилу» ⁽⁴¹⁾. Подъ 1150 годомъ, при описаніи похода Владимира Галицкаго на Кіевъ, лѣтопись свидѣтельствуешь, что его путь лежалъ на Болохово, Мунаренъ и Володареву ⁽⁴²⁾. Всѣ сіи свидѣтельства ясно говорятъ, что Болоховская земля была по дорогѣ отъ Галича къ Кіеву. Такъ, по послѣднему свидѣтельству, Владимиръ идетъ изъ Галича къ Кіеву на Болохово; а по первымъ тремъ свидѣтельствамъ, Болоховскіе князья являются союзниками Галичанъ и нападаютъ на Волынь съ юговостока, а не съ сѣверозапада, какъ они нападали бы, еслибы жили въ соосѣдствѣ съ Мазовіей. По четвертому свидѣтельству, Болоховская земля является, подъ покровительствомъ Татаръ или за Татарамъ, и жители ея орютъ для нихъ пшеницу и просо; но въ соосѣдствѣ съ Мазовіею у Татаръ никогда не было владѣній, и всѣ походы ихъ въ Польшу кончались ничѣмъ. Кромѣ того, свидѣтельство 1257 года прямо указываетъ на нѣкоторыя Болоховскія мѣстности, которыя частію и теперь еще сохранили прежнія названія, и лежатъ именно на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Такъ, по словамъ лѣтописи: «Даніилъ воздвиже рать противу Татаръ, посла Деонисія Павловича и взя Межибожье», которое и теперь еще извѣстно подъ именемъ Менжибожа, и стоитъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Божанъ въ восточный Бугъ. Далѣе сказано: «потомъ же воевахуть людье Даниловиже и Василькови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарскыя»—и нынѣ селеніе Болосовци лежитъ первое въ прямомъ направленіи на сѣверъ отъ Межибожья; а Побожьемъ очевидно названъ или городъ, лежащій за Бугомъ отъ Болохова, или весь край на югъ отъ Буга, сопредѣльный въ то время съ кочевьями Татарскими, какъ и сказано въ лѣтописи: «повоеваша Побожье и люди Татарскыя». Другія подробности того свидѣтельства показываютъ на тотъ же край; такъ, въ томъ же году, вѣсною Даніилъ послалъ сына своего Шварна на Городомъ и Семоць; и теперь еще на Смотричѣ есть селеніе Грудекъ или Городокъ прямо на дорогѣ изъ Галича къ восточному Бугу. Далѣе за Грудекомъ на сѣверовостокъ, уже за Бугомъ, къ сѣверу подлѣ Болохова или нынѣшняго

⁽⁴¹⁾ Ипат., стр. 194—195. ⁽⁴²⁾ Тамъ же, 30.

селенія Болосовцы, лежитъ селеніе Самчинцы, которое какъ разъ приходится на дорогѣ къ верховьямъ Тетерева, куда шелъ Шварнъ. Отъ селенія Самчинцы, или лѣтописнаго города Семоць къ сѣверовостоку лежитъ селеніе Ваглай, мѣстность котораго соотвѣтствуетъ лѣтописному городу Возвяглю; ибо въ лѣтописи сказано, что по взятіи Сѣмоця Возвягля не прислали къ Шварну сказать, что они принимаютъ его тиуна, и онъ, пославши къ нимъ тиуна, миновавъ Возвягль, пошелъ прямо къ Тетереву и взялъ Городескъ, нынѣшній Ясно-городокъ, стоящій на одномъ изъ притоковъ Тетерева, потомъ покорилъ всѣ города, лежащіе по Тетереву до Жидичева; нынѣшняго Житомира. Наконецъ то же свидѣтельство говоритъ, что по занятіи городовъ по Тетереву, покорились Данилу Бѣлобережцы, Червятинцы и Болоховцы, т. е. всѣ города Болоховскіе, лежащіе на сѣверѣ отъ пройденнаго Шварномъ пути; ибо о Бѣлобережцахъ мы вѣрно знаемъ, что они жили къ сѣверу отъ Возвягля въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хомара въ Случь. Лѣтописъ подъ 1231 годомъ прямо говоритъ: «Володиславу Ёханшу во сторожѣ отъ Данила изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, гониша до рѣки Деревное и лѣса Чертова» ⁽¹²³⁾. И теперь еще въ этомъ краю есть рѣка Деревичька, впадающая въ Случь. Свидѣтельство лѣтописи подъ 1241 годомъ исчисляетъ остальные Болоховскіе города, о которыхъ мы говорили выше; въ лѣтописи сказано: «слышавъ же Данилъ приходъ Ростиславль со князи Болоховскими на Бакоту, абѣ устремися на нѣ, и пойма грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Божьскый, Дяльковъ» ⁽¹²⁴⁾. Это свидѣтельство важно для насъ тѣмъ, что города сіи, очевидно лежащіе въ Прибужскомъ краѣ, называются прямо городами Болоховскихъ князей. При нападеніи Батыя на Приднѣпровье, Волынь и Галичь, какъ мы уже видѣли, Болоховская земля была пощажена Татарами; ибо Болоховскіе князья обязались воздѣлывать для нихъ поля. Дальнѣйшая судьба Болоховскихъ владѣній намъ не извѣстна; вѣроятно, они, какъ ближайшія къ Татарскимъ кочевьямъ, начинавшимся на югъ за Бугомъ, и кажется частію населенныя Татарами, причислились въ послѣдствіи къ Бѣлгородской ордѣ, кочевавшей въ низовьяхъ Днѣстра и Буга.

⁽¹²³⁾ Ипат., стр. 172. ⁽¹²⁴⁾ Тамъ же, 180.

На сѣверъ отъ Волынскихъ, Туровскихъ и Кіевскихъ владѣній, между западнымъ Бугомъ и Днѣпромъ, лежали земли Ятвяжскія, Литовскія, Пинскія и Полоцкія. О знакомствѣ Волынянъ съ землею Ятвяжскою мы уже упоминали, говоря о географическихъ свѣдѣніяхъ заднѣпровской Руси съ своими сѣдами на сѣверозападѣ; подробнѣйшихъ извѣстій объ этомъ краѣ наши лѣтописи не представляютъ.

Первое ближайшее знакомство жителей Волыни съ Литвою, по нашимъ лѣтописямъ, начинается съ 1215 года, когда Литовскіе князья, числомъ двадцать одинъ, прислали посольство къ Давиду и Васильку Романовичамъ съ предложеніемъ мира; впрочемъ здѣсь мы еще узнаемъ только о нѣкоторыхъ племенахъ, которыя, по указанію лѣтописи, были собственно Литовцы, Жмудь, Рушквичи, Булевичи и Дяволтва. Лѣтописецъ говоритъ: «Бяху же имяна Литовскихъ князей, се старѣйшеи: Живинбудъ, Давъятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Вилкикаль; а се Жемотьскіи князи: Ердивилъ, Выкынтъ; а Рушквичевъ: Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Виживикъ и сынъ его Вишлій, Китевій, Пликова; а се Булевичи: Вишмутъ, его же уби Мидогъ и жену его погубъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юльки, Пукъикъ, Бикши, Ликіикъ» (121). Гдѣ жили упоминаемыя здѣсь племена, настоящее свидѣтельство лѣтописи не указываетъ; мы узнаемъ жилища только нѣкоторыхъ изъ нихъ племенъ по другимъ источникамъ. Лѣтописецъ Быховца говоритъ, что жилища Жмуди были по низовьямъ Нѣмана и по рѣкамъ Дубиссѣ, Юрѣ, Нѣвежѣ и Святой; потомъ по рѣкѣ Вилия начиналась собственно Литовская земля (122), которая на югѣ простиралась, кажется, до Ясольды и Шары, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Жилища Дяволтвы находились, кажется, на сѣверѣ отъ Литовской земли по верховьямъ рѣки Святой, около нынѣшняго Вилкомира, гдѣ и теперь еще есть селеніе Дѣвялтовъ; вѣроятно на сѣверовостокѣ они сходились съ землею Латышлы. Гдѣ жили Рушквичи и Булевичи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что Литовская земля вообще на западѣ граничила съ землею Ятвяжскою, на сѣверѣ съ Латы-

(121) Ипат., стр. 161—162. (122) Pomniki do dz. Litew., стр. 2—3.

голою и Нѣмецкими, на востокъ съ Полоцкими и на югъ съ Пинскими и Вольнскими владѣніями.

Въ лѣтописи Быховца, безъ означенія годовъ, являются древнѣйшими Литовскими городами по Нѣману отъ устья вверхъ: Юрбургъ на рѣкѣ Юрѣ, можетъ-быть нынѣшнее Поюржи, но отнюдѣ не Юрбургъ на Нѣманѣ, который стоитъ слишкомъ далеко отъ Юры; потомъ Куносъ при устьѣ рѣки Нѣвежи, нынѣшній Ковно; далѣе, по рѣкѣ Святой, нынѣшней Свентѣ, Вилкомиръ въ землѣ Дзевятовской. Первые два города были собственно въ землѣ Жмудской, которая, кажется, простиралась отъ устья Нѣмана на востокъ до рѣки Святой; потомъ за рѣкою Святою къ сѣверовостоку начиналась земля Дзевятовская, или, по нашимъ лѣтописямъ, Дяволтва. Въ этой же землѣ, кажется, кромѣ Вилкомира, на сѣверовостокъ отъ него былъ еще городъ Керновъ, вѣроятно нынѣшнее селеніе Крейна въ Вилкомирскомъ уѣздѣ на западъ отъ Динабурга, при верховьяхъ рѣки Святой, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Летголою. Указанная нами мѣстность Кернова совершенно согласна со смысломъ лѣтописи, которая говоритъ: «княже Куносъ (Жмудскій владѣвшій въ Ковно) имѣлъ двухъ сыновъ, одного Кернуса, а другого Гамбута. А панующую ему въ земли Жмудской, почѣлъ множити и разширати, и выходити за рѣку Веллу, въ землю Завельскую, и прошедъ рѣку Святую вышей и нашель мѣстце вельми хорошо, и сподобалося ему тое мѣстце велии, и онъ тамъ поселилъ сына своего Кернуса, и назвали тое мѣстце по Кернусу Керновомъ. А потомъ Куносъ умре и по немъ сынъ его Кернусъ пановалъ на всей земли Завельской, по границу Латыгоскую и по Завельскій Браславль, ажъ по рѣку Двину» (*). Потомъ Быховець говоритъ, что вся страна на востокъ отъ рѣки Святой и на сѣверъ отъ Веллы, нынѣшней Виліи, назвалась землею Литовскою, которая на сѣверъ простиралась до западной Двины, гдѣ граничала съ Летыголою, и на востокъ до Браслава, гдѣ сходилась съ владѣніями Полоцкими. Но за Вилію на югъ Литовскія владѣнія первоначально еще не переходили; южный берегъ Виліи и верхнее теченіе Нѣмана еще принадлежали Русскимъ князьямъ; ибо, по словамъ Быховца, Литовцы переехали на югъ за Вилію только по нашествіи

(*) Pomniki do dziejow Litewskich, стр. 2—3.

Батыя на Кієвъ. Вотъ подлинныя его слова: «а въ тотъ часъ доѣхался князь великій Монтивиль Жомойтскій ижъ Русская сторона спустѣла, и князи Русскіе розогнаны, и онъ давши войско сыну своему Ердивилу и послалъ съ нимъ пановъ своихъ ралныхъ. И зашли за рѣку Веллу, и потомъ перешли рѣку Нѣманъ, и зашли въ четырехъ миляхъ отъ рѣки Нѣмна гору красную, и сподобалось имъ и вчанаши на ней городъ и назвали его Новгородокъ, и вчинилъ соби князь велики Ердивиль столецъ и назоватися великимъ княземъ Новгородскимъ. И пошодши зъ Новгородка и зарубилъ городъ Городенъ, и потомъ пошолъ до Берестья, и нашелъ Берестецъ и Дрогичинъ и Мелникъ отъ Батыя спустошонъ и показены, и онъ тые города зарубилъ и почалъ на нихъ княжити» ⁽⁴²⁸⁾. Это свидѣтельство Литовскаго лѣтописца, хронологически хотя невѣрное, имѣетъ нѣкоторое согласіе съ Вольнскою лѣтописью, въ которой въ первый разъ упоминается о Новгородкѣ и Гроднѣ, какъ о Литовскихъ городахъ, не раньше 1253 года; гдѣ сказано: «Тевтивиль (Жмудскій) присла Ревбу река: пойдѣ къ Новгороду. Данило же пойдѣ съ братомъ Василькомъ и со сыномъ Львомъ, и съ Половцы, со сватомъ своимъ Тегакомъ, и приде къ Пиньску; князи же Пиньскѣи имѣяху лествъ, и поѣхъ со собою неволею на войну. И послаша сторожѣ Литва на озерѣ Зыатѣ, и гнаша черезъ болота до рѣкы Щарѣ . . . На утрѣя же плѣнниша всю землю Новгородскую, оттуда же возвратишася въ домъ свой. Потомъ же посла съ братомъ и со сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городенъ, а сама воротистася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя пѣшцы и коньницы на грады ихъ, и плѣнниша всю воотчину ихъ и страны ихъ. Миндогъ же посла сына си и воєва около Турьска. Того же лѣта присла Миндогъ къ Данилу, прося миру и хотя любви о сватствѣ» ⁽⁴²⁹⁾. Такимъ образомъ и Литовская и Русская лѣтописи согласно свидѣтельствуютъ, что Литовцы перебрались на югъ за Вилію не раньше половины XIII столѣтія; до этого же времени южный берегъ Виліи принадлежалъ Русскимъ князьямъ, какъ объ этомъ прямо сказано въ лѣтописи Быховца, и что также подтверждается Вольнскою лѣтописью подъ 1235 годомъ, гдѣ упоминается о Изяславѣ, княжившемъ въ

⁽⁴²⁸⁾ Pomn. do dz. Lit., стр. 4. ⁽⁴²⁹⁾ Ипат., 188.

Новгородѣ, который по приглашенію Данила ходилъ вѣнчать съ Миндовгомъ на Ляховъ ⁽⁴³⁰⁾. Быковецъ не говоритъ, какому дому Русскихъ князей принадлежалъ южный берегъ Вислы, и въ Волынской лѣтописи также не объяснено, кто такой былъ по происхожденію Изяславъ, княжившій въ Новгородѣ; но, очевидно, онъ не принадлежалъ ни къ Волынскимъ, ни къ Пинскимъ князьямъ, ибо между Волынскими князьями въ это время не было Изяслава, какъ это заподлинно извѣстно по лѣтописямъ. Пинскіе же князья были въ нѣкоторой зависимости отъ Данила; выраженіе же лѣтописи: «Данилъ возведе на Конрада Литву Миндовга, Изяслава Новгородскаго», показываетъ Миндовга и Изяслава независимыми отъ Данила, самостоятельными князьями. Посему съ достаточною вѣроятностію можно допустить, что въ началѣ XIII столѣтія южный берегъ Вислы еще принадлежалъ роду Полоцкихъ князей, старинныхъ владѣльцевъ этого края. Впрочемъ есть извѣстія, что еще въ концѣ XII вѣка Литва старалась утвердиться здѣсь и даже, кажется, дѣлала набѣги къ берегамъ Припяти; ибо подъ 1190 годомъ лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча ходилъ на Литву ⁽⁴³¹⁾; потомъ подъ 1193 годомъ та же лѣтопись упоминаетъ, что Рюрикъ опять изъ Овруча собрался на Литву ⁽⁴³²⁾; а далѣе въ 1195 году снова ѣздилъ въ Овручъ «своихъ дѣла орудій» ⁽⁴³³⁾. Вообще, владѣя Киевомъ, онъ часто жилъ въ Овручѣ для своихъ дѣлъ, слѣдовательно берегамъ Припяти въ это время грозила опасность отъ Литовцовъ; по крайней мѣрѣ ихъ набѣги удачныя или неудачныя простирались до этого края.

Такимъ образомъ, по общему свидѣтельству Литовской и Волынской лѣтописей, въ половинѣ XIII вѣка Литва владѣла всею страной отъ западной Двины или границъ Летыголы почти до Припяти, или точнѣе до верховьевъ Шпры и устья Яселды, которыя въ то время отдѣляли Литву отъ Волыни; какъ объ этомъ ясно говоритъ Волынская лѣтопись подъ 1253 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Данила къ Новгородку, Литовцы выслали своихъ сторожей къ озеру Зылтѣ и къ рѣкѣ Щарѣ. Въ этомъ краю по Русскимъ лѣтописямъ упоминаются

⁽⁴³⁰⁾ Ипат., стр. 175. ⁽⁴³¹⁾ Тамъ же, 141. ⁽⁴³²⁾ Тамъ же, 143. ⁽⁴³³⁾ Тамъ же, 147.

Литовскіе города: Здѣтовъ, на одномъ изъ притоковъ Яселды, самый ближайшій Литовскій городъ къ Пинскимъ владѣніямъ; Волковыескъ, не подалеку отъ рѣчки Россы, впадающей въ Нѣманъ съ лѣвой стороны, на западъ отъ рѣчки Зельвы; Услонимъ, нынѣшній Слонимъ, на Шарѣ; и Новорородокъ на сѣверо-востоки отъ Слонима. Лѣтопись, при описаніи Даниилова похода на Миндовга въ 1252 году, говоритъ: «Данило же и Василько поидоста къ Новугороду. Данилъ же и Василько, братъ его, разгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здѣтову; и повмаша грады многы и вѣзвратишася въ домы» ⁽¹²⁴⁾. Далѣе подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаются въ лѣтнемъ городахъ Вурута и Твиреметь. Нынѣ сихъ названій не сохранилось; но по смыслу лѣтописи, Вуруту должно искать на сѣверо-западъ отъ нынѣшней Вильны; ибо въ ней сказано: «Тевтевилъ (изъ Жмуди) иде на Миндовга; Миндовгъ же собрался бѣ и умысливъ же собѣ небитися полкомъ, къ вниде во градъ именемъ Вурута». Очевидно Вурута была на границѣ Литвы съ Жмудью. Твиреметь уже въ самой Жмуди. Лѣтопись говоритъ: «приде Миндовгъ, собравъ силу велику, на городъ Выкыитовъ (Жмудскаго князя) именемъ Твиреметь, выѣха же Тевтевилъ изъ города, Русь и Половцы Даниловы съ ними и Жемонъ съ ними, и мнози пѣшцы; гонящимъ же имъ, застрѣли конь Половцинъ Миндовго въ стегно, и возвратися Миндовгъ въ землю свою» ⁽¹²⁵⁾. Слѣдовательно прямо называется Твиреметь Жмудскимъ городомъ, и Арцыбашевъ съ довольнымъ вѣроятіемъ, при опредѣленіи мѣстности Твиремети, указываетъ на нынѣшній Тверь въ Тельшскомъ уѣздѣ Виленской губерніи ⁽¹²⁶⁾. Въ походѣ Данииловомъ на Миндовга въ 1253 году упоминается Литовскій городъ Городенъ, который взяли Данииловы люди, шедшіе отъ Бѣльска; это очевидно нынѣшнее Гродно, что подтверждается другимъ свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1260 годомъ, гдѣ сказано, что полки Данииловы отъ Волковыеска, воевавши по Зельвѣ, вздумали ити на Городенъ ⁽¹²⁷⁾; а рѣка Зельва отъ Волковыеска течетъ по дорогѣ на нынѣшній Гродно. Подъ 1260 годомъ упоминается земля Нальчанская; лѣтопись говоритъ: «нищюу ему (Васильку Романовичу) сыновца своего Романа

⁽¹²⁴⁾ Ипат., 187. ⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, 188. ⁽¹²⁶⁾ Арц. Повѣст. о Рос. Т. II, прил. 125. ⁽¹²⁷⁾ Тамъ же, 197.

воеваша землю Литовскую и Нальщанскую». Это извѣстіе наметкаетъ, что Нальщанскую землю должно искать подлѣ Литовской, и вѣроятно за Виліей къ сѣверу, что подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1264 годомъ, гдѣ сказано: «Войшелъ видѣвъ помочь Шварнову и Василькову, нача приставлятися и поиде въ силѣ тяжцѣ, и нача города дмати до Давелтѣ и въ Нальщанѣхъ» ⁽¹³⁸⁾. Давелтва же, мы знаемъ, была около нынѣшняго Вилкомира, слѣдовательно и Нальщанскую землю должно полагать въ той же, сторонѣ. У Быховца есть извѣстіе, что Гольшанъ, сынъ Романова, князя Литовскаго, перешедъ рѣку Веллу, «нашолъ гору Красную межи горами надъ рѣкою Вильнею, въ миль отъ устья рѣки Вилия, гдѣ упадываетъ въ рѣку Веллу противъ Роконтышоукъ и вѣсчяныи городъ, и назове своимъ именемъ Гольшаны»; потомъ «чина ловы въ пушчѣ» за десять миль отъ вновь построеннаго города, нашелъ другое удобнѣйшее мѣсто надъ рѣкою Кораблемъ, и тамъ поселился и назвался княземъ Гольшанскимъ ⁽¹³⁹⁾. Если землю Гольшанскую Быховца принять за одно съ землею Нальщанскою Волынской лѣтописи, что очень вѣроятно по разности языковъ того и другаго источника: то Нальщанская земля должна быть на сѣверъ отъ Вилии въ 10 миляхъ отъ впаденія въ нее Вилени, что не противорѣчитъ и смыслу нашихъ лѣтописей, въ которыхъ Нальщанская земля показывается между Литовскою землею и Давелтвою.

При описаніи смерти Миндовга, въ 1263 году, Волынская лѣтопись говоритъ, что въ это время Полоцкъ принадлежалъ уже Литвѣ; ибо Тренята, князь Жмудскій, одинъ изъ соучастниковъ Миндовгова убійства, какъ сказано въ лѣтописи, «посла по брата своего по Товтавила до Полотьска, рѣка тако: брате прѣиди съмо, раздѣливъ землею и добытокъ Миндовговъ» ⁽¹⁴⁰⁾. Дошедши до того времени, когда Полоцкъ причислялся къ Литовскимъ владѣніямъ, мы обратимся къ географическимъ свѣдѣніямъ о Полоцкой землѣ за прежнее время.

Полоцкія владѣнія въ XI столѣтіи и въ началѣ XII были довольно обширны; на востокъ они простирались до Днѣпра, къ сѣверу граничили съ владѣніями Новгородскими и Балтійскимъ моремъ, на западѣ терлись въ лѣсахъ Литвы и Жмуди, можетъ

⁽¹³⁸⁾ Ипат., стр. 202. ⁽¹³⁹⁾ Pomniki do dz. Litew., стр. 11., ⁽¹⁴⁰⁾ Ипат. 201.

быть, вплоть до рѣки Святой и даже далѣе, а на югѣ упирается въ Принеть. Имѣя прямое сношеніе съ Балтійскимъ моремъ и прорѣзанная значительными рѣками, земля Полоцкая была одна изъ самыхъ удобныхъ странъ для торговли; на юго-востоцѣ судоходная Береина открывала Полочанамъ большую дорогу къ Двѣпру; черезъ самый Полоцкъ текла западная Двина, служившая прямою дорогою въ Балтійское море, и на юго-западѣ отъ Минска начинался Нѣманъ, довергъ пересѣкавшій Литовскую землю, и также ведшій торговцевъ къ Балтійскому морю. Богатство и овоеволие жителей показываютъ, что въ XII вѣкѣ торговля Полочанъ была въ цвѣтущемъ состояніи, и что тамошній народъ былъ одного характера и образа жизни съ Новгородцами и Смоленянами.

О владѣніяхъ Полоцкихъ князей на берегу Балтійскаго моря по Двинѣ и Нѣману свидѣтельствуесть Несторъ въ XII столѣтіи: онъ въ числѣ племенъ, платящихъ дань Руси, перечисляетъ Литву, Зимголу, Корсь и Либь ⁽¹¹¹⁾. Изъ нихъ Зимгола или Жмудъ, Жемондь, а съ нею и Литва, какъ уже извѣстно намъ по Быковцу, и въ XII вѣкѣ жили при устьѣ Нѣмана и на востокъ отъ устья по Нѣману до рѣки Невѣжи и потомъ по рѣкѣ Святой; а Корсь и Либь, племена Латышскія, или лѣтописная Летыгола, по Рускимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, имѣли свои поселенія по берегу Балтійскаго моря отъ устьевъ западной Двины на сѣверовостокъ и на юго-западъ. Слѣдовательно, если сіи Литовскія и Латышскія племена были давнишками Руси во время Нестора, т. е. въ началѣ XII вѣка, то поэтому и берегъ Балтійскаго моря при устьяхъ Нѣмана и Двины, и на востокъ отъ устьевъ Двины, принадлежалъ Руси; изъ Руссовъ же здѣсь не кто другой могъ быть владѣтелемъ, какъ Полочане, ближайшіе сосѣди къ этому краю. Это подтверждается еще тѣмъ, что, во 1-хъ, подъ 1106 годомъ лѣтопись упоминаетъ о походѣ Полоцкихъ князей въ Зимголу или Жмудъ ⁽¹¹²⁾; и во 2-хъ, что Нѣмцы, поселяясь въ XII вѣкѣ при устьяхъ Двины, должны были просить на то согласія Полоцкихъ князей, какъ владѣльцевъ этого края. Ливонская лѣтопись прямо говоритъ, что Полоцкій князь Владиміръ господствовалъ до устья Двины въ 1186 году, и имѣлъ на Двинѣ крѣпость Коженойсь (нынѣшній Коженхузенъ); по

(111) Полн. Собр. Р. А. Т. I, стр. 5. (112) Тамъ же, 120.

тѣмъ говорить о другомъ Двинскомъ князѣ, Всеволодѣ, который жилъ въ Герсикѣ, нынѣшнемъ Крейцбургѣ. Такимъ образомъ три лѣтописи, Руская, Ливонская и Литовская, прямо свидѣтельствуя, что Полоцкія владѣнія на западъ и сѣверозападъ простирались до Балтійскаго моря; что въ Латышской землѣ или Летыголѣ Полоцкія князья имѣли крѣпости по Двинѣ; что въ Жмудѣ, т. е. къ устью Немана, дѣлали походы, хотя не всегда удачныя, и что Литовцы начали выдвигаться за рѣку Святую на востокъ не раньше конца XII вѣка, да и то только къ сѣверу отъ Вилии, на южный же берегъ Вилии переступили не раньше половины XIII столѣтія. Все это пространство до того времени исключительно причислялось къ Полоцкимъ владѣніямъ и, кажется, большая часть городовъ въ этомъ краѣ принадлежала своимъ населеніемъ и построеніемъ Полочанамъ, на что намекаютъ ихъ названія чисто Русскія; напримѣръ: Новгородокъ, Волковыескъ, Городенъ, Ковно, Ворута, Вилкомиръ и другіе. То же указаніе видимъ въ названіяхъ Литовскихъ рѣкъ, напримѣръ Нѣманъ, отъ верховья, начинающагося недалеко отъ Минска до самаго устья, носить одно названіе и по нашимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, слѣдовательно по всему теченію этой рѣки жилъ одинъ господствующій народъ—Полочане; потому рѣки, впадающія въ Нѣманъ, даже въ его низовьяхъ, носятъ чисто Русскія имена, таковы: Дубина, Невѣжа, Святая и пр.

Изъ нашихъ лѣтописей XII и XIII столѣтій мы можемъ почерпнуть слѣдующія географическія свѣдѣнія о землѣ Полоцкой. Подъ 1116 годомъ, при описаніи войны Мономаха съ Глѣбомъ Полоцкимъ, встрѣчаются ближайшіе къ границамъ Смоленскихъ и Кіевскихъ владѣній Полоцкіе города: Орша (или Рша) и Копысь на Дѣпрѣ, Друцъ на Друцѣ и Минскъ на Свислочѣ, впадающей въ Березину. Лѣтопись говоритъ: «Володимѣръ поиде къ Смоленску съ сынами своими, съ Давыдомъ Святославичемъ и Олговичи, и взя Вячеславъ Рѣшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узъ Дрютескъ на щитъ, а Володимѣръ самъ поиде къ Меньску» ⁽¹¹²⁾. Далѣе, подъ 1128 годомъ, по случаю войны Мстислава Кіевского съ Полоцкими князьями, упоминаются въ этомъ краѣ города Изяславъ, нынѣшній Заславъ, на сѣверозападъ отъ

⁽¹¹²⁾ Ипат., стр. 7.

Минска при верховьях Свислочи; Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнѣ на правомъ берегу Двѣпра, между устьями Дручя и Березины; Борисовъ, на Березинѣ; Логожскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гнойнѣ, на сѣверовостокъ отъ Изяслава и на западъ отъ Борисова; Неколочъ, на сѣверовостокъ отъ Борисова, ближе къ Полоцку, въ нынѣшнемъ Лепельскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ указываютъ Надеждинъ и Неволитъ, по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, значится селеніе Неколочъ, неподалеку отъ Лепеля на сѣверовостокъ. Указанная здѣсь мѣстность означенныхъ городовъ вполне согласна съ рассказомъ Лѣтописи о войнѣ Мстислава съ Полоцкими князьями. Лѣтопись говоритъ: «посла Мстиславъ Вячеслава изъ Турова, Авдreja изъ Володимеря (Волыискаго), Всеволода изъ Городна, Вячеслава Ярославича изъ Клецка, тѣмъ повелѣ идти къ Изяславу» ⁽⁴⁴⁴⁾. И указанный нами Изяславъ, т. е. нынѣшній Заславъ, дѣйствительно находится въ той сторонѣ Полоцкихъ владѣній, куда сподручье было идти изъ Волыни, Турова, Городна и Клецка. Потомъ въ лѣтописи сказано: «Всеволоду Ольговичю повелѣ идти съ своею братією, на Стрѣжевъ къ Борисову». Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнѣ, на правомъ берегу Двѣпра, на сѣверъ отъ Устья Березины, конечно для Всеволода Ольговича, шедшаго изъ земли Черниговской, долженъ быть первымъ Полоцкимъ городомъ по дорогѣ къ Борисову. А что онъ былъ Полоцкій городъ, на это прямо указываетъ лѣтопись подъ 1159 годомъ, гдѣ сказано, что Рогволодъ Борисовичъ по занятіи Полоцка отдалъ Стрѣжевъ Всеволоду сидѣвшему въ Изяславѣ ⁽⁴⁴⁵⁾. Логожскъ, по смыслу лѣтописи, также очевидно стоялъ на сѣверовостокъ отъ Изяслава, гдѣ и нынѣ на рѣкѣ Гнойнѣ есть селеніе Логойскъ; ибо, говоритъ лѣтопись, одинъ изъ Полоцкихъ князей, Изяславъ, зять Мстиславовъ, пошелъ-было отъ Логойска къ Изяславу, но вида невозможность пробраться къ городу, отдался въ руки шуряву своему вмѣстѣ съ Логожскими, которыхъ велъ съ собою ⁽⁴⁴⁶⁾. Конечно, Изяславу не откуда было идти какъ съ сѣвера, отъ Изяслава, ибо югъ и востокъ были уже заняты полками Мстислава. О Неколочѣ лѣтопись говоритъ: «потомъ же и Новгородцы придоша съ Мстислави-

(444) Ипат., стр. II. (445) Тамъ же, 83. (446) Тамъ же, 11.

чемъ Всеволодомъ къ Неключу» ⁽⁴⁴⁷⁾. Очевидно, что здѣсь можно разумѣть только Неключъ, Лепельскіи, который именно стоитъ въ сторонѣ, ближайшей къ Новгородскимъ владѣніямъ.

Настоящій Мстиславовъ походъ въ Полоцкую землю имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для сего края. Черезъ годъ Мстиславъ сослалъ Полоцкихъ князей въ заточеніе въ Грецію, всю ихъ землю присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, назначилъ въ тамошніе города для управленія своихъ мужей и потому, кажется, послалъ туда сына своего, Изяслава. Конечно, это присоединеніе было ненадолго, ибо, при его пріемникѣ, Полочане отложились и приняли къ себѣ прежнихъ князей, возвратившихся изъ Греціи; но ово дало случай усилиться Литовцамъ, которые, пользуясь разстройствомъ Полоцкой земли, съ этого времени стали сильно напирать къ востоку и уже болѣе не удерживались ни рѣкою Святою, ни рѣкою Виліей. Лѣтопись Патріарха Гермогена прямо говоритъ, что съ того времени Литовцы отдѣлились отъ Полочанъ, и приняли себѣ въ князья бѣжавшихъ изъ Греціи дѣтей Ростислава Рогволодича, князя Давида и Брата его, князя Молодда ⁽⁴⁴⁸⁾. Да и по другимъ лѣтописямъ видно, что Литва еще при Мстиславѣ оказала свою силу; ибо черезъ два года по занятіи Полоцкихъ владѣній, Мстиславъ долженъ былъ идти на Литву съ своими сыновьями, Ольговичами и съ Всеволодомъ Городенскимъ ⁽⁴⁴⁹⁾; причемъ Литовцы побили множество Кіевлянъ. Воротившіеся изъ Греціи князья Полоцкіе не могли уже подчинять себѣ всѣхъ прежнихъ своихъ владѣній, и остановили успѣховъ Литвы. Такъ подъ 1159 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что одинъ изъ Полоцкихъ князей, Володаръ, долженъ былъ воевать съ Литовцами для защиты своихъ границъ, кажется при верховьяхъ Березины, гдѣ прежде вовсе не было еще Литовцевъ ⁽⁴⁵⁰⁾. Володаръ же этотъ, какъ видно изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1162 годомъ, княжилъ въ Городцѣ, который стоялъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Вили, въ цынѣннѣмъ Вилейскомъ уѣздѣ, на сѣверозападъ отъ Изяслава-

⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат., стр. 11. ⁽⁴⁴⁸⁾ Рук. Патр. библиот. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., стр. 12. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 83.

ли, гдѣ еще и нынѣ есть селеніе Городецъ. Слѣдовательно, во второй половинѣ XII вѣка Литва выдвинулась далеко вверхъ по Виліи, и, кажется, уже вступила въ ближайшія сношенія съ разными Полоцкими князьями, особенно владѣвшими въ западныхъ городахъ, что прямо подтверждаетъ и лѣтопись, описывая походъ Рогволода Полоцкаго на Володаря Городецкаго. Тамъ сказано: «приходи Рогволодъ на Володаря съ Полотчанъ къ Городцю, Володаръ же не да ему полку въ дне, но вочь высту-пи навъ изъ города съ Литвою, и много зла створися въ ту ночь» ⁽⁴⁴¹⁾. Здѣсь Литовцы, съ которыми Володаръ воевалъ въ 1159 году, уже являются его союзниками, сидятъ въ его городѣ и бьются за него съ Рогволодомъ. На тѣ же сношенія Литовцевъ съ Полоцкими князьями указываетъ извѣстіе лѣтописи подъ 1180 годомъ, гдѣ, при описаніи войны Святослава Киевскаго съ родственниками своими, Черниговскими князьями, сказано: «сдумавъ же Ярославъ съ Игоремъ, поидоста къ Друтьску, поемше съ собою Половцѣ; и придоша Полоцкія князя въ стрѣтеніе, помогающе Святославу: Васильковича, Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть, и Либь, и Литва, Всеславъ Микулочъ изъ Логожеска, Андрей Володьшичъ и сыновець его Изяславъ, и Василько Брячъславичъ, снемшеся вси поидоша мимо Дрютскъ противу Святославу» ⁽⁴⁴²⁾. Это извѣстіе намекаетъ, что Литва пришла къ Всеславу съ сѣверозапада, ибо съ Литовцами были тутъ и Либь, т. е. Летыгола, жившая, какъ мы знаемъ, на сѣверѣ отъ Двины, къ Балтійскому морю; слѣдовательно Литовцы въ это время главнымъ образомъ жили еще на сѣверномъ берегу Виліи, гдѣ сходились около Браслава съ Летыголою. То же подтверждаетъ другое извѣстіе лѣтописи подъ 1198 годомъ; Новгородская лѣтопись, рассказывая о кончинѣ Изяслава Ярославича, говоритъ: «Изяславъ быше посаженъ на Лукахъ княжити, а отъ Литвы оплечье Новугороду» ⁽⁴⁴³⁾. Здѣсь мы также видимъ, что главные поселенія Литовцевъ въ это время были на сѣверозападѣ отъ Полоцка; что Литва на-пирала съ востоку только въ этомъ краю, т. е. вѣсколько сѣвернѣе Полоцка и стремилась къ Новугороду и Пскову, а собъ-

⁽⁴⁴¹⁾ Ипат., стр. 91. ⁽⁴⁴²⁾ Тамъ же, 124. ⁽⁴⁴³⁾ Новг. I, стр. 24.

ственно съ Полоцкомъ находилась въ дружественныхъ отноше-
ніяхъ; какъ и свидѣтельствуется лѣтописью подъ тѣмъ же го-
домъ, говоря: «на ту же осень придоша Полочане съ Литвою
на Луки и пожгоша хоромы На ту же зиму ходи князь
Ярославъ съ Новгородци и съ Пльсковичи, и съ всею областью
Новгородскою къ Полоцску; и уорѣвоша Полочане съ Пок-
лономъ на озерѣ Касплѣ» (44). По этому извѣстію Литовцы
опять являются союзниками Полочанъ, и идутъ съ ними на
Новгородскія владѣнія; очевидно, что здѣсь Полочане воевали
Литовцевъ, а не Литовцы Полочанъ; ибо Ярославъ, въ отище-
ніе за набѣгъ, ходилъ не на Литву, а на Полоцкъ. Всѣ сии из-
вѣстія согласно съ лѣтописью Быхомца свидѣлствуютъ,
что Литовцы до самаго конца XII вѣка не переходили еще на
югъ отъ Вилин, что границы Полоцкихъ владѣній, на сѣверо-
западѣ, отодвинутыя Литвою до Браслава (можетъ-быть и за
Браславъ къ востоку), на югозападѣ, оставалась прежнія и
простирались до земель Ятвяжскихъ и Жмудъ. Литовцы, хотя
и прорывались въ этотъ край и даже дѣлали набѣги до самой
Припечи, какъ мы уже видѣли изъ свидѣтельствъ лѣтописи
подъ 1190, 1193 и 1195 годами, но очевидно не могли еще
утвердиться здѣсь. Граница Полоцкихъ земель на востокъ къ
концѣ XII столѣтія также оставалась прежняя, т. е. Двѣпръ
и верховья Двины до впаденія въ нее съ одной стороны Усвята,
а съ Другой Каспи; ибо мы видѣли, при описаніи войны Свато-
слава, въ 1180 году, что Друцкъ и Ватебскъ еще принадлежали
Полоцкимъ князьямъ, а въ 1198 году Полочане выходили къ
Каспи на встрѣчу Ярославу, шедшему изъ Новгорода на По-
лоцкъ. Объ Усвятѣ, какъ о Полоцкой границѣ, лѣтопись упо-
минаетъ еще въ 1225 году, гдѣ сказано, что Ярославъ Нов-
городскій «бился съ Литвою на Усвятѣ». Кромѣ того въ
этомъ же краю на сѣверозападѣ отъ Усвята въ 1185 году
упоминается Полоцкій городъ Еменецъ, какъ пограничный
съ Новгородскими землями. Нынѣ неподалеку Невы есть
еще селеніе Еменецъ, мѣстность котораго совершенно со-
гласна съ указаніемъ лѣтописи. Следовательно здѣсь Полоц-
кая граница простиралась до нынѣшняго Невы (45). Изъ дру-

(44) Новг. Л., стр. 24 (44) Тамъ же, 19—42.

тренихъ Полоцкихъ геродовъ въ XII вѣкѣ упоминаются: Дудутокъ, нынѣшнее селеніе Дудичи на югѣ, отъ Минска, въ Игуменовскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ верховьевъ Нѣмана; мѣстность селенія Дудичей вполне согласна съ указаніемъ Слова о полку Игоревѣ о городѣ Дудутѣ. Въ Словѣ сказано: «Всеславъ отвори врата Новуграду разшибѣ славу Ярославу, скоче вѣзкомъ до Нѣмга съ Дудутокъ» ⁽⁴⁶⁶⁾, т. е. отъ Дудутокъ Всеславъ пустился на Нѣманъ или Немигу, а нынѣшніе Дудичи именно стоятъ очень близко отъ верховьевъ Нѣмана. А подлѣ 1159 годомъ упоминается о мѣстечкѣ Бѣльчичѣ, мѣстность котораго рѣшительно соответствуетъ нынѣшнему мѣстечку Бѣльчичѣ, которое по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ указываютъ Надеждинъ и Невольнъ, находится въ 3-хъ верстахъ отъ Полоцка за Двиною; по смыслу же лѣтописи, Бѣльчича древняя должна находиться именно подлѣ Полоцка; ибо въ лѣтописи сказано: «Начаша Полочане набити Ростислава къ собѣ, рекуче: княже! поѣди къ намъ, суть ны съ тобою речѣ; поѣди же къ намъ въ городъ; бѣшетъ бо князь въ то время ни Бѣльчича» ⁽⁴⁶⁷⁾.

Въ началѣ XIII вѣка Полоцкія владѣнія оставались въ тѣхъ же границахъ, въ какихъ были въ концѣ XII столѣтія; но послѣ нашествія Батыя на югозападную Русь, какъ сказано у Быховца, Литовцы перебрались на южный берегъ Вилии, и въ продолженіе какихъ либо двадцати лѣтъ подчинили себѣ всѣ Полоцкія земли, частію посредствомъ войнъ, а частію при помощи брачныхъ союзовъ князей, и такимъ образомъ земля Полоцкая стала называться землею Литовскою. Но владѣнія Пинскія и Городенскія, которыя лежали по обомъ берегамъ Припяти и принадлежали особымъ Русскимъ князьямъ, еще оставались независимыми, хотя были уже въ ближайшемъ содѣйствіи съ Литовскими землями въ ихъ новомъ объемѣ. Въ нихъ были города: Пинскъ, на правомъ берегу Припяти между Туріей и Стыремъ при ихъ впаденіи; Городея, также на правомъ берегу Припяти между Стыремъ и Горынью, тоже при ихъ устьяхъ; на лѣвомъ берегу Припяти Слуцкъ, при верховьяхъ Случа; Клеческъ, и Несвижъ, на сѣверозападъ отъ

(466) Сл. о полку Игор. изд. 1844 г., стр. 191. (467) Ипат., стр. 83.

Слуцка, первый при верховьяхъ Лавы, впадающей въ Днѣпръ, а второй на Липѣ, одномъ изъ верхнихъ притоковъ Нѣмана. Весь этотъ край, кажется, былъ заселенъ племенемъ Дреговичей; лѣтопись подъ 1116 годомъ называетъ Слуцкъ городомъ Дреговичей⁽⁴⁴⁸⁾. Князья Пинскіе упоминаются еще какъ самостоятельные владѣтели въ 1253 году; лѣтопись говоритъ: «Данило поиде къ Новгородку и приде къ Пиньску; князи же Пиньскѣи выѣяху лести, и повѣ со собою неволею на войну», и подъ 1292 годомъ сказано: «преставися Пинскій князь Юрь»⁽⁴⁴⁹⁾. А князь Несвижскій Юрій участвовалъ въ Кальскомъ бою, какъ свидѣтельствуетъ Новгородская лѣтопись⁽⁴⁵⁰⁾.

По свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, Литовскія владѣнія при Миндовгѣ уже заключали въ себѣ всѣ земли на сѣверъ отъ Припяти, и на западъ отъ Днѣпра; Миндовгъ владѣлъ Здѣтовымъ, Волковѣйскомъ, Слонимомъ, Новгородкомъ, Слуцкомъ, Минскомъ и Полоцкомъ, и только Витебскіе князья остались независимыми. Литовцы даже успѣли проникнуть въ Черниговскую землю и производили тамъ большія опустошенія; въ лѣтописи подъ 1258 годомъ упоминается Миндовговъ мовода Хвалъ, о которомъ сказано: «иже велико убійство творяше землю Черняговской»⁽⁴⁵¹⁾; а подъ 1263 годомъ таже лѣтопись говоритъ, что Миндовгъ въ тотъ годъ посылалъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа Брянскаго⁽⁴⁵²⁾.

Послѣ Миндовга, по свидѣтельству Быховца, собственно въ Литовской землѣ являются города: Керновъ, неподалеку отъ Вильны, нынѣшняе Кернова; лѣтопись говоритъ: «умершу Роману, начне княжити въ Новгородѣ сынъ его старшій Нарямонтъ и ишчинилъ естъ городъ Керновъ, и знесе съ Новгородка столецъ до Кернова, и началъ княжити и назовется великій князь Новгородскій, Литовскій и Жомойтскій»⁽⁴⁵³⁾. Въ это же время построена городъ Гедройты, нынѣшніе Гедройцы, въ Виленскомъ уѣздѣ, на сѣверъ отъ Вильны; Быховецъ говоритъ: «третій братъ Нарямонтовъ, Гедрусъ, зарубилъ городъ, и назоветъ его именемъ своимъ Гедройты, и прозовется княземъ Гедройтскимъ»⁽⁴⁵⁴⁾.

⁽⁴⁴⁸⁾ Ипат. 7., стр. 226. ⁽⁴⁴⁹⁾ Тамъ же, 188. ⁽⁴⁵⁰⁾ Новг. I, стр. 41. ⁽⁴⁵¹⁾ Ипат. стр. 195. ⁽⁴⁵²⁾ Тамъ же, 201. ⁽⁴⁵³⁾ Pomniki do dz, Litew. стр. II. ⁽⁴⁵⁴⁾ Тамъ же.

Потомъ еще являются города: Роконтышки и Гольшавы, одинъ на правомъ берегу Вилии, гдѣныиѣшніе Рыконты, къ сѣверовостоку отъ Троку, а другой, противъ Роконтышокъ, въ одной мили отъ впаденія Вилии въ Вилію; о сихъ двухъ городахъ мы говорили уже выше. За тѣмъ является городъ Утены, можетъ-быть нынѣшніе Уцяны въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, на сѣверовостокъ отъ Вилкомира. По словамъ Быховца: «второй братъ Наримонта Довмонтъ, сяде на отчизнѣ своей Утынѣ, и назовется княземъ Утынскимъ» ⁽⁴⁶⁵⁾. Указанная нами мѣстность Утыни опредѣляется слѣдующимъ обстоятельствомъ: во время войны Довмонта Утенскаго съ Наримонтомъ, когда сей послѣдній осадилъ Утены, Довмонтъ, не имѣя возможности сопротивляться, бѣжалъ во Псковъ ⁽⁴⁶⁶⁾; слѣдовательно Утены были въ сторонѣ ближайшей ко Пскову, гдѣ именно находятся нынѣшніе Уцяны. Всѣ сіи города являются незадолго до 1270 года, ибо по нашимъ лѣтописямъ Тройденъ сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ въ этомъ году ⁽⁴⁶⁷⁾. Потомъ, во время княженія Наримонта, слѣдовательно не задолго до 1270 года, къ Литовскимъ владѣніямъ была присоединена земля Ятвяжская, и тамъ на рѣкѣ Беброи Наримонтовъ братъ Тройденъ выстроилъ Раи городъ. Быховецъ говоритъ: «доведался великій князь Наримонтъ што князи Ятвежскіи змерли, а людѣ ихъ безъ господаря меткають, и князь Наримонтъ пойде на нихъ, и они непротивешия имъ подалися, и поклонилися ему, и онъ оставиши имъ господаремъ, и взявши ихъ, далъ брату своему Тройдену за дань, и князь Великій Тройденъ найде гору красну надъ рѣкою Беброю, и зарубилъ городъ и назоветъ его Раи городъ, и прозовется княземъ великимъ Ятвижскимъ и Доиновскимъ» ⁽⁴⁶⁸⁾. Утвердившись въ землѣ Ятвяжской, Литовцы, по свидѣтельству Быховца, стали чинити набѣги на Ляховъ, Мазовшанъ и Волинію, что подтверждается и нашими лѣтописями, въ которыхъ подъ 1274 годомъ упоминается, что Тройденъ посылалъ Гроднянъ на Дрогичинъ ⁽⁴⁶⁹⁾. Потомъ, въ 1276 году, Тройденовъ братъ Сирпутій воевалъ около Каменца, т. е. по Муховцу ⁽⁴⁷⁰⁾, за что Владиміръ Васильковичъ послалъ рать въ Литву къ Тройденову городу Турійску, который

⁽⁴⁶⁵⁾ Pomn. do dz. Litew. стр. II. ⁽⁴⁶⁶⁾ Тамъ же, 12. ⁽⁴⁶⁷⁾ Ипат., стр. 204. ⁽⁴⁶⁸⁾ Pomn. do dz. Litew., стр. II, ⁽⁴⁶⁹⁾ Ипат., стр. 205. ⁽⁴⁷⁰⁾ Тамъ же, 206.

отплыть на Нѣмниѣ, вѣроятно нынѣшній Турецъ въ Новгородскомъ уѣздѣ. Подъ 1278 годомъ въ нашихъ же лѣтописяхъ упоминается о войнѣ Тройдена съ Ляхами⁽⁴⁷¹⁾. Пресмыкаль Тройдена, Витень, распространялъ границы Литовской земли на юго-западъ до самаго Буга⁽⁴⁷²⁾ и даже ниже Буга перебрался черезъ Вислу и сжегъ Левичицу у Ляховъ въ 1299 году⁽⁴⁷³⁾. Еще прежде, въ 1286 году, Витень посылалъ свои полки къ Ригѣ и въ Лѣттыголу; но здѣсь Литва не имѣла успѣха и не могла взять ни одного города⁽⁴⁷⁴⁾. Такимъ образомъ Литовцы къ XIV вѣку распространили границы своихъ владѣній: на западъ до Буга и до Прусской земли, откуда Прусы, гонимые Нѣмцами, начали переселяться въ 1276 году и были посажены Тройденомъ въ Гроднѣ и Волковыискѣ⁽⁴⁷⁵⁾, на сѣверъ до владѣній Литовскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ; на востокъ пригнувшись почти къ самому Днѣпру, и даже прорывались за Днѣпръ въ Черниговскія владѣнія; и наконецъ на югъ съ одной стороны проникли до устья Березины, а съ другой до Ясельды и Нарева.

Въ XIV столѣтіи границы Литовскихъ владѣній распространились еще болѣе: на западъ Литовцы проникли въ Пруссію, а на югъ и востокъ загладили почти всю западную Русью. Премника Витена, Гедиминъ, по свидѣтельству Быховца, на другой же годъ своего правленія пошелъ на Прусскихъ Нѣмцовъ, и разбивши ихъ на рѣкѣ Отмонѣ на сей сторонѣ города Жеймонъ, (Сейны, нынѣшнемъ Августовскомъ воеводствѣ на западъ, отъ Нѣмана) проникъ далѣе въ землю Прусскую и занялъ города Тылжу (нынѣшній Тильзитъ) и Рагнету (нынѣшній Рагнитъ)⁽⁴⁷⁶⁾. Потомъ, въ 1305 году, воюя съ Русскими князьями, занялъ Овручъ и Житомиръ, вѣроятно всю Туровскую землю⁽⁴⁷⁷⁾ и въ то же время подчинилъ себѣ край Пинскій, ибо въ одной родословной сказано, что Гедиминъ «отдалъ Пинескъ сыну своему Наримонту»⁽⁴⁷⁸⁾ что подтверждаетъ и Быховецъ. Ипатіевская лѣтопись еще подъ 1292 годомъ упоминаетъ о самостоятельныхъ Пинскихъ князьяхъ⁽⁴⁷⁹⁾; слѣдовательно Пинская земля до Гедимина не была еще завоевана Литовцами. По занятіи

(471) Ипат., стр. 207. (472) Родослов. кн. I, стр. 30. (473) Ипат., 226. (474) Тамъ же, 213. (475) Тамъ же, 206. (476) Pom. do dz. Litew. стр. 15. (477) Полн. Соб. лѣт., Т. II, стр. 348. (478) Рѣчьм. Петр. библ. (479) Ипат. стр. 226.

Пинского и Туровскаго края, Гедиминъ приступилъ къ завоеванію земель Кіевскоіи и Переяславскоіи, и разбивши на Ирпени Кіевского Станислава и его союзниковъ, Олега Переяславскаго и Романа Бралога, занялъ Кіевскіе города: Бѣлгородъ, Кіевъ, Вышгородъ, Черкасы, Коневъ, Путыль, Сноповрадъ и, перешедъ Днѣпръ, завладѣлъ страной Переяславскою, и посадивъ на Кіевъ и Переяславъ княземъ Миндовгова сына Ольгимонта Гольшанскаго ⁽⁴⁰⁰⁾. Такимъ образомъ присоединилъ къ Литовскимъ владѣніямъ весь западный берегъ Днѣпра и южную часть восточнаго. Далѣе въ нашихъ родословныхъ упоминается, что еще при Гедиминѣ сынъ его, Любартъ, женатый на дочери Волынскаго князя Андрея, по смерти тестя получилъ по наслѣдству Волынь ио самую Подолію ⁽⁴⁰¹⁾, что подтверждается и договорною грамотою 1340 года, въ которой сыновья Гедиминовы, Евантей, Кестутій и Любартъ, говорятъ Казимиру Польскому: «а вамъ держати землю Володимирскую, Луцкую, Бѣльскую, Холмскую и Берестійскую сполна» ⁽⁴⁰²⁾. По свидѣтельству Быховца, другой сынъ Гедиминовъ, Олгердъ, также при жизни отца, получилъ по наслѣдству отъ тестя землю Витебскую ⁽⁴⁰³⁾. Такимъ образомъ при Гедиминѣ Литовскіе князья сдѣлались чисто Русскими владѣльцами и представителями Русской жизни въ Заднѣпровьѣ; ихъ владѣнія, состоявшія изъ Русскихъ княжествъ, на западѣ граничили Бугомъ и Вепремъ, на сѣверѣ сообщали съ Ливонскими, Псковскими и Новгородскими землями, на востокѣ упирались въ Днѣпръ и даже выходили за него въ земли Витебской и Переяславской, и на югѣ доходили до Руси и верховьевъ Случи, Горыня, Стыря и западнаго Буга.

Собственно въ Литовской землѣ, по свидѣтельству Быховца, при Гедиминѣ являются новые города, имъ построенные: Троки на югозападѣ отъ Виліи, и Вильна при Виліи; оіи два города одинъ послѣ другаго при Гедиминѣ были главными городами или столицами Литвы ⁽⁴⁰⁴⁾. Далѣе, при Гедиминѣ же, въ первый разъ встрѣчается извѣстный городъ Кровъ, нынѣшнее село Крево въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣчки

⁽⁴⁰⁰⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 15—16. ⁽⁴⁰¹⁾ Рух. Патр. биб. ⁽⁴⁰²⁾ Ак. Зап. Рос. Т. I, № 1. ⁽⁴⁰³⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 17. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 17.

Вережны, впадающей въ Нѣманъ съ правой стороны. Этотъ городъ очевидно лежалъ уже въ древней землѣ Кривской и, можетъ быть, былъ первоначальнымъ селеніемъ Кривичей, откуда они прошли къ Смоленску и Полоцку. При Гедиминѣ онъ достался въ удѣлъ его сыну Олгерду ⁽¹⁴⁶⁾. Что онъ стоялъ именно въ томъ краю и можетъ-быть на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣшнее село Крево, на это прямо указываетъ слѣдующее обстоятельство, замѣченное въ лѣтописи: Кестутій, составивши заговоръ съ Олгердомъ противъ старшаго брата Евнутія, когда захватилъ Вильну, послалъ оттуду гонца на встрѣчу къ Олгерду, который спѣшилъ туда же изъ Витебска, и гонецъ его встрѣтилъ Олгерда въ Кревѣ. Слѣдовательно древній Кревъ лежалъ на дорогѣ изъ Витебска въ Вильну, а нынѣшнее Крево именно лежитъ въ этомъ краю.

Преемникъ Гедимины, сынъ его, Олгердъ, еще болѣе распространилъ границы Литовско-Русскаго государства. Въ 1351 году, разбивши Татаръ на Свней Водѣ, онъ завладѣлъ Подолією и землею Болоховскою, бывшими до того времени за Татарами, и управлявшимися черезъ атамановъ и Татарскихъ баскаковъ; здѣсь Олгердъ посадилъ своихъ племянниковъ Каріатовичей, которые начали строить, въ этомъ опустошенномъ Татарами краю, новые города и возобновлять старые. На рѣкѣ Смотричѣ они построили городъ Смотричъ, на восточномъ Бугѣ, въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи—Брацлавъ, въ Кіевской губерніи, въ нынѣшнемъ Макиевскомъ уѣздѣ—Сколець, на югозападѣ отъ Смотрича, въ нынѣшней Галиціи въ Черниковскомъ уѣздѣ—Скалу, на правомъ берегу Збруча, и Черлены, можетъ-быть нынѣшнюю Черневцы, въ Ямпольскомъ уѣздѣ, и возобновляли Каменецъ и Бакоту ⁽¹⁴⁷⁾. Потомъ около 1356 года Олгердъ, воспользовавшись безпорядками, происшедшими въ Брянскѣ по смерти тамошняго князя Василія, завладѣлъ Брянскомъ и всѣмъ Черниговскимъ краемъ ⁽¹⁴⁸⁾ и въ 1358 году занялъ Мстиславль и Ржеву въ Смоленской землѣ. Такимъ образомъ Литовскія владѣнія при Олгердѣ на югѣ простирались до Каменца-Подольскаго, Брацлава и Черкасъ; а на востокъ ихъ пограничными городами были: самымъ

⁽¹⁴⁶⁾ Pom. do. dz. Litew., стр. 17. ⁽¹⁴⁷⁾ Тамъ же, 19—20 ⁽¹⁴⁸⁾ Ник. III, стр. 207.

южнымъ Полтава, потомъ Глинскъ и Глинница, въ нынѣшнемъ Роменскомъ уѣздѣ ⁽⁴⁴⁸⁾, Путивль, Глуховъ, Рыльскъ, Трубчевскъ и Брянскъ. Въ доказательство, что Брянскъ, Путивль, Глуховъ и Трубчевскъ при Олгердѣ были уже Литовскими городами, можно представить извѣстія нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ видно, что въ сихъ городахъ княжили Литовскіе князья. Подъ 1180 годомъ лѣтопись упоминаетъ о князѣ Дмитріи Олгердовичѣ Брянскомъ ⁽⁴⁴⁹⁾; а подъ 1378 годомъ того же Дмитрія Олгердовича называетъ княземъ Трубчевскимъ, и притомъ говоритъ, что рать Московская ходила въ землю Литовскую и поновляла Трубчевскъ и Стародубъ «и иныя власти и станы» ⁽⁴⁵⁰⁾; подъ 1399 годомъ въ той же лѣтописи встрѣчаемъ князя Федора Патрѣкѣвича Рыльского ⁽⁴⁵¹⁾. Далѣе къ сѣверовостоку за Брянскомъ граница Литовская шла по Леснѣ и Угрѣ, въ коихъ первая отдѣляла Литовскія владѣнія отъ разныхъ мелкихъ княжествъ, каковы Карачевское, Мосальское, Козельское и другія, въ которыхъ еще княжили потомки Михаила Черниговскаго, какъ значится по родословнымъ и лѣтописямъ; вторая же была рубежомъ между Москвою и Литвою. На сѣверѣ и западѣ Литовскія границы при Олгердѣ, кажется, оставались тѣ же, какія были и при Гедиминѣ; ибо войны Олгерда съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи, также съ Орденомъ Меченосцевъ въ Ливоніи, съ Псковичами и Новгородцами, хотя иногда и были успѣшны, но никогда не доставляли прочныхъ завоеваній для Литвы.

По смерти Олгерда, сынъ его, Ягайло, выдвинулъ Литовскую границу на западъ до самой Вислы или по Бѣлую-Воду, куда иногда ненадолго продвигались и прежніе Волынскіе князья. Въ лѣтописи Быховца сказано: «Ягайло, перешедши Вислу подъ Завихвостомъ, спалилъ Завихвостъ, Опатовъ и другіе города Польскіе по самую Вислицу, и пополнилъ тамъ множество жителей. И потомъ положенію вѣнчалъ границу за Ляхи по Бѣлую воду, т. е. по рѣку Вислу» ⁽⁴⁵²⁾. Потомъ, когда Ягайло выбрали въ король Польскіе, всѣми Литовскими землями завладѣлъ двоюродный его братъ, Витовтъ, который, при помо-

⁽⁴⁴⁸⁾ Временникъ кн. X, стр. 84., родослов. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ник., VI, 105. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 84. ⁽⁴⁵¹⁾ Тамъ же, 283. ⁽⁴⁵²⁾ Pomnik do dz. Litew., стр. 27—28.

на Литовскихъ и Пруссинъ Нѣмецкихъ рыцарей, побѣдилъ Ягайла и принудилъ его отступить отъ Литовскихъ владѣній. При этомъ лѣтопись въ числѣ Литовскихъ городовъ уже упоминаетъ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ княжилъ Андрей Владиміровичъ ⁽¹³³⁾; потомъ Оршу, перешедшую-было прежде къ Смоленскому княжеству ⁽¹³⁴⁾. Наконецъ, въ 1396 году, Витовтъ зашею и всю Смоленскую землю ⁽¹³⁵⁾. Такимъ образомъ къ концу XIV столѣтія Литовско-Русскія владѣнія обнимали собою всѣ земли, которыми когда либо владѣли прежніе Русскіе князья на западъ отъ Днѣпра; только одинъ Галицкій край не вошелъ въ составъ ихъ, ибо этою странною успѣлъ завладѣть Казимиръ Великій, Король Польскій, еще въ 1340 году. А на восточномъ берегу Днѣпра въ составъ Литовскихъ владѣній вошла все княжество Переяславское, также Черниговское, Новгородъ-Сѣверское по Путивлю, Глухоту, Рылоку и Брянскъ включительно, и наконецъ княжество Смоленское. Слѣдовательно съ этой стороны Литовско-Русскія владѣнія граничили прямо къ землямъ Московскимъ, Тверскимъ и Новгородскимъ. А на юговостокѣ они граничили степями Татарскими, точно также, какъ въ XII столѣтіи прежніе княженія Переяславское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское были смежны съ степями Половецкими.

Съ XV столѣтія Литовцы не дѣлали болѣе пріобрѣтеній въ Русской землѣ, или дѣлали очень незначительныя въ Поковскихъ и Новгородскихъ владѣніяхъ, и то ненадолго; а съ половины XV столѣтія мало по малу начали терять и прежнія свои пріобрѣтенія, которыя прибавала въ свои руки Москва. И по-тому въ слѣдующій столѣтіе мы уже болѣе не будемъ говорить отдѣльно о географическихъ свѣдѣніяхъ въ Литовской Руси.

Слѣзавши обзоръ Русскихъ земель, лежащихъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра, теперь остается собрать географическія свѣдѣнія о странѣ, лежащей при верховьяхъ Днѣпра. Страна сія, въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій, составляла особое, довольно значительное, княжество Смоленское, гдѣ главнымъ городомъ былъ Смоленскъ при Днѣпрѣ. Смоленскъ, съ своею обла-

⁽¹³³⁾ Ропн. do dz. Litew., 29. ⁽¹³⁴⁾ Тамъ же, 30 ⁽¹³⁵⁾ Тамъ же, 35.

свою, по смерти Ярослава Великаго, сперва переходилъ отъ одного княжескаго рода къ другому, а потомъ достался Ростиславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и до покоренія Литвою уже постоянно оставался въ его родѣ. На югъ Смоленскія владѣнія соотвѣняли съ Черниговскими, простиравась до Печерска на Сожѣ, самого сѣвернаго Черниговскаго города; ибо въ лѣтописи подъ 1168 годомъ сказано, что Ростиславъ Смоленскій пришелъ изъ Кіева къ Олегу Стередубову въ Чичерокъ и оттуда уже огоравился въ Смоленскую землю: «приде Ростиславъ Чичирьску къ зятю Олегу, ту бо Олгъ ждалъ его; наутрѣ же день възва Ростиславъ къ собѣ Олга и дщерь большими дары учредилъ воѣхъ, иде Смоленску. И начаши и срѣтати лутшіи мужи Смольскы за 300 верстѣ»⁽⁴⁴⁶⁾. Отъ Печерска Смоленская граница шла къ другому Черниговскому городу, Воцину, который стоялъ при Деснѣ, въ 40 верстахъ отъ Брянска къ верху; отсюда, въ 1156 году, тамошній князь свосился съ Ростиславомъ Смоленскимъ и, остави своего лядю, Изяслава Давидовича Черниговскаго, приступилъ къ союзу съ Смоленскимъ княземъ⁽⁴⁴⁷⁾. Отъ Воцижа Смоленская граница поворачивала къ сѣверовостоку, гдѣ рубежомъ была верховья Десны, которая отдѣляла Смоленскія земли отъ Брянскихъ. Здѣсь, помытъ быть, пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Рославль или Ростиславль; ибо, по книгѣ Большаго Чертежа, Рославль значится въ 20 верстахъ отъ Десны, гдѣ она поворачиваетъ на востокъ⁽⁴⁴⁸⁾; потомъ съ Десны Смоленская граница переходила на Угру къ ея верховьямъ. Впрочемъ, кажется, были Смоленскія владѣнія и за Десною на востокъ; ибо въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, писанной въ 1150 году, упоминается Шуйская дашь, а нынѣ селеніе Шуй лежитъ на востокъ отъ Десны на границахъ Мосальскаго уѣзда съ уѣдомъ Елиз. Верховья Угры принадлежали къ Смоленскимъ владѣніямъ; объ этомъ лѣтопись даже говоритъ подъ 1147 годомъ: «Святославъ же (Ольговичъ) приде къ Давидову, и ту придоше къ нему друзи Половцѣ, Токсобичи, и прсда я на Смольскыи, и половецка верхъ Угры»⁽⁴⁴⁹⁾. Съ Угры Смоленская граница въ сѣверовосточномъ направленіи шла къ верховьямъ Проты

⁽⁴⁴⁶⁾ Ипат., стр. 94. ⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат. 79. ⁽⁴⁴⁸⁾ Кн. Б. Ч., стр. 63. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., 30.

вы и оттуда на Можайскъ, который, по крайней мѣрѣ въ XIII столѣтіи, былъ крайнимъ сѣверовосточнымъ Смоленскимъ городомъ. Въ XII же столѣтіи, очевидно, Смоленскія владѣнія далеко выдвигались на востокъ въ землю Суздальскую: въ уставной грамотѣ 1150 года Ростиславъ князь Смоленскій пишетъ: «Суждали залѣская дань, аже воротитъ Гюрги, а что будетъ въ ней изъ того Святѣй Богородицѣ десятина» ⁽⁵⁰⁰⁾. Очевидно, что западная часть Суздальской земли причислялась прежде къ Смоленскимъ владѣніямъ, и была отнята у Смоленскихъ князей, навсегда или на время, Юріемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ однако же подробностей этого происшествія мы не находимъ; тамъ только упоминается, подъ 1147 годомъ, что Святославъ Ольговичъ «ходилъ воевать область Смоленскую, и взя люди Голядь верхъ Протвѣ» ⁽⁵⁰¹⁾. Но Можайскъ, очевидно, тогда еще не былъ взятъ, ибо онъ оставался Смоленскимъ городомъ и составлялъ особый удѣлъ, еще во второй половинѣ XIII столѣтія, Можайскаго князя Федора Ростиславича, въ 1277 году ⁽⁵⁰²⁾. Отдѣленіе Можайска послѣдовало въ 1303 году, когда этотъ городъ былъ взятъ Московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, который привелъ въ Москву плѣнникомъ и послѣдняго Можайскаго князя Святослава ⁽⁵⁰³⁾. На сѣверѣ Смоленскія владѣнія граничили съ Тверскими и Новгородскими. Здѣсь Смоленскіи рубежъ шелъ съ Можайска на Ржеву и со Ржевы въ верхъ до озера Селигера, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго мѣста Новгородской лѣтописи; при описаніи войны Мстислава Торопецкаго съ Ярославомъ въ 1216 году, въ лѣтописи сказано: «после князь Мстиславъ на зять свой Ярослава съ Новгородца, (озеромъ) Серегеремъ, и вниде въ свою волость (Торопецкую), и рѣче Новгородцемъ: идѣте въ зажитіа, толико головъ неемлите; паоша исполнишася кѣрма и сами и кони, и быша върху Вѣлазѣ; ослѣ Святославъ Ржеву, городъ Мстиславъ (въ Воскресенскомъ спискѣ: «а князь Святославъ ослѣ городецъ Ржеву») съ полкомъ въ 10 тысячъ; Мстиславъ же съ Володимиромъ съ Плесковскимъ после бѣрзе въ 5 сътъ . . . и пригони, или побѣгли прочь а Ярунъ баше затворилъ въ градъ въ 100, и отбѣся ихъ; и по-

⁽⁵⁰⁰⁾ Доп. къ Ипат. Т. I, № 4. ⁽⁵⁰¹⁾ Ипат., стр. 29. ⁽⁵⁰²⁾ Ник. III, стр. 62. ⁽⁵⁰³⁾ Тамъ же, 100.

де Мотиславъ и вѣза Зубычовъ, и быша на Возуѣ» ⁽⁵⁰¹⁾. Здѣсь ясно говорится, что отъ озера Селигера прямо начиналась область Торопецкая, и шла отъ верховьевъ Волги къ Ржевѣ, которая также принадлежала къ Торопецкому удѣлу, гдѣ, кажется, Смоленская земля сходилась съ Суздальскою; ибо, по смыслу лѣтописи, Зубцовъ уже былъ не Смоленскіимъ городъ. Отъ Селигера Смоленская граница поворачивала на западъ къ Холму при впадѣніи нынѣшней рѣки Куньи въ Ловатъ. Такимъ образомъ Холмъ былъ крайнимъ Смоленскимъ городомъ на сѣверозападѣ, на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями. По свидѣтельству подтвердительной Ростиславовой уставной грамоты 1151 года, Холмъ былъ отданъ во владѣніе Смоленской Епископской кафедрѣ ⁽⁵⁰²⁾. Отъ Холма рубежъ Смоленскій спускался на югъ рѣкою Куньей или можетъ-быть Ловатью, гдѣ пограничнымъ Новгородскимъ городомъ съ Смоленскою землею были Великіе Луки, какъ это можно заключать изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1168 годомъ, гдѣ сказано, что Ростиславъ изъ Торопца послалъ въ Новгородъ къ сыну своему, Святославу: «веля ему вѣзѣхати противу себе на Луки, и ту снмаса на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородци» ⁽⁵⁰³⁾. Отъ Великихъ Лукъ Смоленская граница шла на Усвятъ, гдѣ Смоленская земля сходилась съ землею Полоцкою; здѣсь пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Лучинъ, нынѣшніе Лученки, на Двинѣ, нѣсколько выше впадѣнія въ нее Усвята; отсюда до Каспли и Витебска была спорная земля, принадлежащая то Полоцкимъ, то Смоленскимъ князьямъ. Потомъ съ Орши и Копыса шла западная граница Смоленскихъ владѣній по Днѣпру. Что Лучинъ принадлежалъ къ Смоленскимъ владѣніямъ и по всему вѣроятію находился на указанномъ нами мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ этой сторонѣ, на это есть прямое свидѣтельство лѣтописи подъ 1173 годомъ, гдѣ сказано: «Рюрикови идуцю изъ Новгорода къ Смоленску, а и бысть на Лучинѣ, верьбноѣ недѣлѣ въ пятюхъ» ⁽⁵⁰⁴⁾. Слѣдовательно, по смыслу лѣтописи, Лучинъ былъ на дорогѣ изъ Смоленска въ Новгородъ, гдѣ находятся и нынѣшніе Лученки. А о принадлежності къ Смоленскимъ владѣніямъ Копыса свидѣствуетъ, извѣстная уже, Ростиславова уставная гра-

⁽⁵⁰¹⁾ Новгород., стр. 34. ⁽⁵⁰²⁾ Дон. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 7. ⁽⁵⁰³⁾ Ипат., 94. ⁽⁵⁰⁴⁾ Тамъ же, 107.

мота; она Коныкъ считаетъ въ числѣ Смоленскихъ городовъ, и полагаетъ съ него погородную дань въ пользу Епископской казны: «а се отъ Конысы 6 гривенъ урока и дѣвѣицы, а почестя 35 кунъ» ⁽⁴⁰⁰⁾.

Изъ внутреннихъ городовъ въ Смоленской землѣ главнымъ городомъ по прежнему оставался Смоленскъ. Потомъ городами удѣльных Смоленскихъ княженій были: Торонецъ, Можайскъ, Вязьма, Мстиславль, Дорогобужъ и Красный. Торонецкій удѣлъ, судя по положенію Торонца и по лѣтописнымъ даннымъ, обнималъ собою сѣверный край Смоленскихъ владѣній, сохранивъ съ Новгородскою землею и владѣніями Суздальскими, въ послѣдствіи Тверскими. Къ этому удѣлу, кромѣ Торонца, принадлежала Ржевка или нынѣшній Ржевъ на Волгѣ, въ сохранившихъ съ Тверскими владѣніями, какъ это говоритъ лѣтопись подъ 1216 годомъ, гдѣ Ржевка на Волгѣ названа «городець Мстиславль» (т. е. Мстислава Торонецкаго) ⁽⁴⁰¹⁾. Кромѣ того къ Торонцкому же удѣлу, судя по мѣстоположенію, вѣроятно принадлежала Холмъ при впаденіи Кунья въ Ловать, на Новгородскомъ рубежѣ, и Жижица, кажется, нынѣшнее селеніе Сидки на Волгѣ, нѣсколько выше Ржевы. О сихъ двухъ городахъ упоминаетъ извѣстная Ростиславова уставная грамота 1151 года: въ ней Холмъ назначался во владѣніе Смоленской Епископской казны, а съ Жижицы въ пользу Епископа полагалось: «погородья пять гривенъ, а почестя гривна и лѣица» ⁽⁴⁰²⁾. На юго-востокъ отъ Торонецкаго удѣла лежалъ удѣлъ Можайскій; границъ его, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, указать нельзя; но что Можайская область составляла особый удѣлъ, это ясно свидѣлствуетъ лѣтопись подъ 1303 годомъ, гдѣ она называетъ Можайскимъ княземъ Святослава, котораго Юрій Даниловичъ отвелъ плѣнникомъ въ Москву ⁽⁴⁰³⁾. За Можайскимъ удѣломъ на западъ лежалъ удѣлъ Вяземскій, который также имѣлъ своихъ князей, какъ можно видѣть изъ извѣстій лѣтописи подъ 1300 годомъ, гдѣ сказано: «князь Александръ Габбовичъ Смоленскій хоще ратию къ Дорогобужу и градъступи . . . князь Андрей Вяземскій ирине на нихъ подъ Дорогобужь ратию и поможе

⁽⁴⁰⁰⁾ Доп. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. ⁽⁴⁰¹⁾ Новгород. I, стр. 34. ⁽⁴⁰²⁾ Дополн. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. ⁽⁴⁰³⁾ Ник. III, стр. 100.

Дорогобужцемъ»⁽⁵¹²⁾. Это извѣстіе даетъ поводъ думать, что Дорогобужъ принадлежалъ къ Вяземскому же удѣлу; впрочемъ границъ сего удѣла опредѣлить нельзя, а только, судя по мѣстности, можно указать, что онъ лежалъ между Можайскимъ и Смоленскимъ удѣлами. За Вяземскимъ удѣломъ, т. е. за Дорогобужемъ, начинался удѣлъ собственно Смоленскій, который на сѣверо-западѣ сходилъ съ Витебскимъ и Торопецкимъ, а на югѣ примыкалъ къ Красенскому удѣлу, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1165 годомъ, гдѣ сказано: что Ростиславъ далъ «Роману Вячеславу внуку Васильевъ и Краснъ»⁽⁵¹³⁾. Краснъ очевидно нынѣшній Красной, а подъ Васильевымъ нельзя ли разумѣть нынѣшней Василевки на границѣ Красенскаго уѣзда съ Рославльскимъ? Кромѣ того, въ Ростиславовой уставной грамотѣ упоминаются Смоленскіе города, о которыхъ, за неимѣніемъ извѣстій, мы не можемъ сказать, составляли ли они особые удѣлы, или причислялись къ извѣстнымъ уже Смоленскимъ удѣламъ. Таковы были: Мстиславль, очевидно нынѣшній Мстиславль, уѣздный городъ Могилевской губерніи, на рѣкѣ Вехрѣ, впадающей въ Сожъ; Крупль, можетъ-быть, нынѣшній Крупецъ, деревня въ Рославльскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣки Нады; Вержовскъ, не нынѣшняя ли Ржева на Волгѣ? По крайней мѣрѣ на картахъ названія Вержовска не встрѣчается; а въ грамотѣ при исчисленіи Смоленскихъ городовъ не помѣщено Ржевы. По свойствамъ же языка возможно измѣненіе Вержевска въ Ржеву. — нынѣшній Брянскъ въ лѣтописяхъ называется же Дебрянскомъ. Копосъ, вѣроятно нынѣшній Копысь на Двѣпрѣ; Поцинъ, или въ другомъ мѣстѣ Падцинъ, можетъ-быть нынѣшніе Пуцыки, въ Чаускомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Чаусъ на сѣверовостокъ, на рѣкѣ Проня, впадающей въ Сожъ, или, вѣрнѣе, нынѣшнее Падцинъ, въ Рославльскомъ уѣздѣ, близъ Десны; Лучинъ, какъ мы уже видѣли, нынѣшніе Лученки, по дорогѣ отъ Смоленска въ Новгородъ, въ Велижскомъ уѣздѣ; Ростиславль, вѣроятно нынѣшній Рославль; Ельня, при верховьяхъ Десны, гдѣ и теперь стоитъ уѣздный Смоленской губерніи городъ Ельня; Изяславль, мѣстности коего теперь указать нельзя, ибо пока подобнаго наименованія въ Смоленскомъ краю невидно, а по древнимъ памятникамъ

⁽⁵¹²⁾ Ник. III, стр. 98. ⁽⁵¹³⁾ Ипат., 93.

сколько нибудь подробныхъ указаній не встрѣчается. Всѣ исчисленные здѣсь мѣста, равно какъ Дорогобужъ, Торопецъ и Жижды, въ грамотѣ прямо названы городами; они платили по-городное. Сверхъ того тутъ же упоминаются Смоленскія мѣста безъ названія городовъ, или прямо именуясь селами; таковы: Врочницы, можетъ-быть городъ или по крайней мѣрѣ цѣлая волость, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ; Каспля, вѣроятно на рѣкѣ Касплѣ; Хотшинъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; можетъ-быть нынѣшній Хотимскъ, въ Рославскомъ уѣздѣ, на границахъ его съ Климовичскимъ; Жабачевъ, можетъ-быть то же городъ, ибо платилъ одинакую дань съ Хотшнымъ; Вотосовичи, Шуйская, и Дешняны. Жебачева, Вотосвичей и Дешнянъ въ настоящее время мы не знаемъ; подъ Шуйской же, какъ мы уже видѣли, кажется, можно разумѣть нынѣшнее селеніе Шуи, при верховьяхъ Десны, въ Мосальскомъ уѣздѣ. Далѣе слѣдуютъ: Вѣтская, Былевъ, Витринъ, Жидичи, Басѣя, Мирятичи, Добратино, Доброчково, Дѣдогостици. Изъ сихъ наименованій въ настоящее время можно приурочить Вѣтское къ селенію Вѣтки, въ Медынскомъ уѣздѣ, на одномъ изъ притоковъ Угры, въ древности оно могло принадлежать или Можайскому или Вяземскому уѣзду; Витринъ, къ деревнѣ Ведрину, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, въ древности оно могло принадлежать къ Смоленскому уѣзду; Басѣя, вѣроятно, лежала при рѣкѣ Баси, въ нынѣшнемъ Копыскомъ или Чаусскомъ уѣздѣ; Мирятичи, можетъ-быть нынѣшнее Мерчалово, на Протвѣ, въ Можайскомъ уѣздѣ ⁽¹¹⁴⁾; Добратино, можетъ-быть нынѣшнее село Доброе, въ Чаусскомъ уѣздѣ на границѣ, его съ Мстиславльскимъ. Доброчково, можетъ быть, нынѣшнее селеніе Добричи, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, на Сожѣ. Потомъ грамота еще перечисляетъ мѣстности: Зарубъ, Жении, Путтинъ, Бѣнницы, Дѣвичи, Прупой, Оболя, Кречуть и Исконъ. Зарубъ очевидно на югъ отъ Смоленска на дорогѣ въ Кіевъ; ибо въ 1168 году Ростиславъ, шедши изъ Смоленска въ Кіевъ, остановленъ былъ болѣзнію въ Зарубѣ, гдѣ и скончался ⁽¹¹⁵⁾; Бѣнницы, можетъ быть нынѣшняя деревня Бѣлынковичи, въ Климовичскомъ уѣздѣ; Дѣвичи, вѣроятно нынѣшнее Дѣдово, въ Поречскомъ

⁽¹¹⁴⁾ Русск. Ист. Сбѣр. Т. VII, стр. 217. ⁽¹¹⁵⁾ Ипат. 95.

уѣздъ, на Кастлѣ; Прупой, нынѣ можно приурочить къ Пропойску, въ Быховскомъ уѣздѣ, при впаденіи Прони въ Сожъ; Оболя или Оболявъ, нѣсколько приурочивается къ селенію Оболяцы, въ сѣверозападномъ углу Копыскаго уѣзда; Кречуть, можетъ-быть приуроченъ къ нынѣшнему Кричеву, на Сожѣ, въ Черниговскомъ уѣздѣ. Наконецъ, въ той же грамотѣ упоминаются мѣстности: село Дросенское, село Ясенское, Мойшинская земля въ Погоновичахъ, Нимикорскія озера, Сверковы Луки и озеро Колодарское. Нынѣ есть деревня Ясенская, въ Осташковскомъ уѣздѣ, почти при истокахъ Волги, къ которой можно приурочить село Ясенское; Мойшинскую землю названіемъ своимъ напоминаетъ деревня Мошна, въ Духовщинскомъ уѣздѣ. По смыслу грамоты, здѣсь должно искать и Погоновичей, ибо въ ней прямо сказано: Мойшинская земля въ Погоновичахъ; Сверковы Луки, вѣроятно нынѣшняя деревня Свершково, въ Смоленскомъ уѣздѣ, на юговостокъ отъ Смоленска по дорогѣ въ Рославль. Впрочемъ, настоящее приуроченіе показанныхъ мѣстностей, кромѣ нѣкотораго сходства въ наименованіяхъ, не имѣетъ другихъ основаній; ибо, кромѣ грамоты, мы не имѣемъ на сіи мѣстности никакихъ указаній въ древнихъ памятникахъ. Но для насъ уже важно и одно упоминаніе Ростиславовой грамоты: оно дозволяетъ намъ судить сколько нибудь о населенности Смоленскаго края.

Изъ очерка древнихъ Смоленскихъ границъ мы видимъ, что земля сія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ была не очень обширна и только развѣ вдвое больше нынѣшней Смоленской губерніи. Не принимая въ расчетъ той части Суздальской земли, которая причислялась къ Смоленскимъ владѣніямъ до Юрія Долгорукова, и о принадлежности которой мы знаемъ только по упоминанію уставной Ростиславовой грамоты, безъ указанія рубежа, къ Смоленскому Великому княжеству, тогда принадлежали, кромѣ нынѣшней Смоленской губерніи, два юговосточные уѣзда нынѣшней Псковской губерніи (Холмскій и Торопецкій), два югозападные уѣзда Тверской губерніи (Ржевскій и Осташковскій), два западные уѣзда Московской губерніи (Можайскій и Верейскій) и можетъ-быть небольшія части западныхъ уѣздовъ Калужской, Орловской и сѣвернаго края Черниговской губерніи, почти вся губернія Могилевская, за исключеніемъ уѣздовъ Бѣлицкаго и части Рогачевского, ко-

торыя тогда принадлежали къ Черниговскимъ владѣніямъ. Новгородцы, иногда причислялись къ Смоленскимъ владѣніямъ восточныя уѣзды нынѣшней Витебской губерніи, т. е. собственно Витебской, Суражской и Валужской. Но тѣмъ не менѣе Смоленская земля въ XII и XIII вѣкахъ составляла одно изъ богатыхъ и сильныхъ княжествъ того времени; лѣтопись не одинъ разъ называетъ Смоленскъ сильнымъ и богатымъ и отчасти сравниваетъ съ Новгородомъ. Такъ, въ 1152 году, Изяславъ говоритъ Ростиславу: «тамо брате у тебе по Божѣ Новгородъ сильный и Смоленскъ» ⁽⁵¹⁶⁾. Подъ 1151 годомъ тотъ же Изяславъ говоритъ Ростиславу: «тамо по Божѣ у тебе сынъ твой и мой Новгородъ Ярославъ, а тамо у тебе Смоленскъ» ⁽⁵¹⁷⁾. Смольняне, имѣя въ своей землѣ истоки Дѣсны, Волги, западной Двины и часть Ловати, были самымъ торговымъ народомъ въ XII и XIII столѣтіяхъ; ихъ купцы посѣщали Кіевъ, Ригу, Новгородъ и землю Суздальскую; о чемъ мы имѣемъ прямыя указанія древнихъ памятниковъ. Такъ, Троицкая лѣтопись, подъ 1216 годомъ, говоритъ, что Ярославъ Всеволодовичъ, во время войны съ Константиномъ и Мстиславомъ, велѣлъ заключить въ Переславскую тюрьму Новгородцевъ и Смольнянъ, «иже бяху зашли гостебюю въ землю его» ⁽⁵¹⁸⁾. Поступокъ Ярослава показываетъ, что Смольняне, какъ и Новгородцы, особенно были торговымъ народомъ; Ярославъ, вредя Смоленской и Новгородской торговлѣ, имѣлъ въ виду принудить Смольнянъ и Новгородцевъ, дорожившихъ торговлею, къ скорѣйшему прекращенію войны; ибо, сажая въ тюрьму ихъ торговыхъ людей, онъ въ то же время не тревожилъ Ростовцевъ, также своихъ противниковъ, зная, что препятствіемъ торговлѣ ихъ не остановишь и не принудишь къ прекращенію войны. Въ этой же лѣтописи мы находимъ свидѣтельство, что Смольняне были одинаковаго характера съ Новгородцами: такъ одинъ опытный бояринъ говоритъ Ярославу и Юрію: «а мужи ихъ (т. е. Мстислава и братьевъ его) Новгородцы и Смольняне дераи къ боеви» ⁽⁵¹⁹⁾. При описаніи Липецкой битвы сказано: «Новгородцы же сѣдше съ конь, и порты и сажнозѣ сѣтавшие, боши поспочиша, а Смольняне такоже поспочиша

⁽⁵¹⁶⁾ Ипат., 69. ⁽⁵¹⁷⁾ Тамъ же, 58. ⁽⁵¹⁸⁾ Полн. Собр. лѣт. Т. 1, стр. 215. ⁽⁵¹⁹⁾ Тамъ же, 212.

пѣши» ⁽¹²⁰⁾. О торговыхъ отношеніяхъ Смоленска съ Балтійскимъ моремъ довольно ясно намекаетъ лѣтопись еще подъ 1148 годомъ, говоря, что по случаю пріѣзда Изяслава Кіевского къ Ростиславу Смоленскому: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускихъ земель (т. е. отъ Приднѣпровья) и отъ всѣхъ Царскихъ земель (т. е. отъ Константинополя) а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель (т. е. отъ Новгорода, земли Суздальской и Болгаріи-Камской) и отъ Варягъ» (т. е. съ Балтійскаго моря). ⁽¹²¹⁾ Изъ этого свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Смольняне были торговыми посредниками между сѣверными и южными землями Руси, что они доставляли на югъ произведенія изъ Новгорода, Болгаріи и съ Балтійскаго моря, а на сѣверъ произведенія приднѣпровья и Греціи. О сѣверной торговлѣ Смольнянъ указываютъ и самые товары, ими доставляемые: такъ, подъ 1160 годомъ, лѣтопись, рассказывая о дарахъ между Ростиславомъ Смоленскимъ и Святославомъ Черниговскимъ, говоритъ: «да бо Ростиславъ Святославу Соболями, и горностаими, и черными кунами и песци, и бѣлыми волки, рыбьими зубы; (т. е. моржовыми клыками, которые добывались изъ Югры и Печеры съ сѣвернаго Океана), а Святославъ да Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу» ⁽¹²²⁾. Еще въ XIII вѣкѣ мы уже имѣемъ ясное свидѣтельство о торговлѣ Смоленска съ Ригою, Готландією и разными Нѣмецкими городами; до насъ дошла договорная торговая грамота Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландією и Нѣмецкими городами, писанная въ 1228 году. Изъ этой грамоты открывается: что въ торговлѣ съ Смоленскомъ участвовали Рига, Готскій берегъ, Любекъ, Данцигъ, Минстеръ, Греннигенъ, Дротмундъ и Бременъ. Западная Двина, отъ верховьевъ до устья, была свободнымъ торговымъ путемъ для Нѣмцовъ и Смольнянъ, и послѣдніе ходили съ своими товарами не только въ Ригу и къ Готскому берегу, но и въ Любекъ и другіе Нѣмецкіе города; въ Смоленскѣ и на Волокѣ были даже Нѣмецкія божвицы ⁽¹²³⁾. О цвѣтущемъ состояніи и богатствѣ Смоленска и его земли, въ XII и XIII столѣтіяхъ, свидѣтельствуется многолюдство самаго города Смоленска: въ Троицкой лѣтописи, при опи-

⁽¹²⁰⁾ Тамъ же, 214. ⁽¹²¹⁾ Ипат. 39. ⁽¹²²⁾ Тамъ же, 86. ⁽¹²³⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. II.

заніи моровой язвы, бывшей въ 1230 году, есть извѣстіе, что на четырехъ Смоленскихъ кладбищахъ похоронено въ это время тридцать двѣ тысячи человекъ. Лѣтопись говорить: «бысть моръ въ Смоленскѣ; створша 4 скудельницы, въ дву положиша 16 тысящъ, а въ третьей 7, а въ четвертой 9 тысящъ» (**). Имѣя ясныя свидѣтельства о цвѣтущей и обширной торговлѣ Смольнянъ, зная изъ указанія лѣтописей о многолюдствѣ самаго Смоленска, мы не можемъ отрицать, что и вся Смоленская сторона была богата народонаселеніемъ, и, конечно, имѣла много городовъ, хотя указанія лѣтописей объ этомъ предметѣ и немногочисленны. Не должно забывать, что дошедшія до насъ лѣтописи только вскользь упоминають о Смоленскомъ краѣ; притомъ по всѣмъ извѣстіямъ мы знаемъ, что въ XII и XIII вѣкахъ Смоленская сторона несравненно менѣе всѣхъ другихъ краевъ тогдашней Руси подвергалась опустошеніямъ войны; слѣдовательно имѣла первое и главное условіе для свободного и сильнаго развитія народонаселенія.

(**) Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 220.

ГЛАВА 3-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ XV ВѢКѢ.

Москва, еще въ XIV столѣтіи получившая рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми владѣніями въ сѣверовосточной Руси, въ XV вѣкѣ дѣлается уже совершеннымъ средоточіемъ Русской жизни: къ ней, какъ къ центру, стягиваются не только всѣ сѣверовосточныя Русскія княжества, но и значительная часть западныхъ, имѣвшихъ въ XIV вѣкѣ центромъ своимъ Литву. А посему и при разсмотрѣніи географическихъ свѣдѣній на Руси за это время, мы должны обратиться прямо къ Москвѣ, какъ центру Русской жизни.

При наступленіи XV столѣтія, границами Московскихъ владѣній, на западѣ были Жиздра, гдѣ крайнимъ городомъ былъ Козельскъ ⁽¹⁾, потомъ Перемышль ⁽²⁾ и Калуга, съ Калуги граница шла на Угру, съ Угры на Мединь ⁽³⁾, съ Медини на Можайскъ, далѣе на Волокъ или Волочекъ близъ Берендеева, съ волока на Клинъ, который былъ пограничнымъ городомъ ⁽⁴⁾ и принадлежалъ еще къ Твери. Потомъ на Сестру и Волгу, которая отдѣляла Московскія владѣнія отъ Тверскихъ. Потомъ Волгою на Угличъ, на Бѣжецкъ и ⁽⁵⁾ до Устюжны ⁽⁶⁾. На сѣверѣ границы Московскихъ владѣній начиналась Устюжною и полузависимымъ отъ Москвы краемъ Бѣлозерскимъ, далѣе отъ Вологды на востокъ по Сухонѣ шли до Устюга, который хотя еще имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Москвы; отъ Устюга Московская гра-

⁽¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 70. ⁽²⁾ Тамъ же, 63. ⁽³⁾ Тамъ же, 59. Ник. V 26. ⁽⁴⁾ Новг. I, 103. 60. ⁽⁵⁾ Ник. IV, стр. 42. 253. ⁽⁶⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. I, стр. 70, 276.

ница шла на Вычегду, и потомъ въ глубокомъ сѣверовостокѣ терялась во владѣніяхъ Новгородскихъ, Пермскихъ и Вятскихъ. На востокѣ пограничными Московскими владѣніями были область Нижегородская, и потомъ Муромская, Мещерская и Мордовская земля ⁽⁷⁾, такъ что границею Московскихъ владѣній съ Казанскими была рѣка Сура, гдѣ стоялъ Нижегородскій городъ Курмышъ ⁽⁸⁾. На югѣ Московскія владѣнія сходились съ Рязанскими, гдѣ, какъ извѣстно по договорнымъ грамотамъ, границею была рѣка Ока по всему своему теченію въ верхъ до Алексина, который уже принадлежалъ къ Московскимъ владѣніямъ ⁽⁹⁾; потомъ отъ Алексина шла на Калугу, гдѣ при Устьѣ Жиздры южная граница сходилась съ западною, и шла на Козельскъ, самый крайній югозападный городъ Московскихъ владѣній, гдѣ примыкала къ мелкимъ Задѣпровскимъ удѣламъ Литвы. Такимъ образомъ Московскія владѣнія при самомъ началѣ XV вѣка являются обширѣйшими изъ всѣхъ владѣній сѣверовосточной Руси, за исключеніемъ развѣ Новгородскихъ, и притомъ занимаютъ пространство, самое богатое народонаселеніемъ, гдѣ жизнь Русская начала развиваться и цвѣсть еще съ половины XII вѣка; гдѣ въ продолженіе почти 300 лѣтъ съ самою мѣстностію были связаны многія историческія воспоминанія, драгоценныя и близкія къ сердцу для каждаго Русскаго. Раздѣленіе этой богатой и цвѣтущей страны на удѣлы очень немного значило для Москвы, какъ для государства, ибо удѣлы были невелики: такъ по смерти Донскаго изъ пяти удѣловъ самый большой, Владиміра Андреевича, состоялъ только изъ девяти городовъ. Притомъ они такъ были разъединены между собою, что никогда не могли составить одного цѣлаго; ибо четыре города: Серпуховъ, Боровскъ, Перемышль и Козельскъ, лежали на югозападѣ отъ Москвы, и почти первые подвергались нападеніямъ Литвы, потомъ еще четыре города: Угличъ, Ярославль, Юрьевецъ и Городецъ, лежали на сѣверѣ и востокѣ отъ Москвы и раздѣлены были между собою большими пространствами, принадлежавшими частію собственно Московскому князю, частію другимъ удѣльнымъ князьямъ, и наконецъ послѣдній городъ Радонежъ былъ совершенно разобщенъ со всѣми другими городами Владимірова удѣла и находился въ

(7) Ник. IV, 276. (8) Тамъ же, 34. (9) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I.

ближайшемъ разстояніи отъ Москвы (¹⁰). Таковое же расположеніе было и въ другихъ удѣлахъ, гораздо меньшихъ Владимірова, такъ, что не смотря на видимое раздѣленіе, Московскія владѣнія составляли одно государство, народъ всѣхъ городовъ жилъ одною общою Русскою жизнію, которой главнѣйшій представителемъ была Москва. Притомъ же для каждаго удѣла была своя доля и въ самой Москвѣ, и такимъ образомъ этотъ городъ во всѣхъ отношеніяхъ являлся средоточіемъ интересовъ почти всей сѣверовосточной Руси, или по крайней мѣрѣ наибольшей и наилучшей ея части.

Первое двадцати пятилѣтіе XV вѣка прошло для Москвы безъ вѣднѣйшихъ приобрѣтеній, хотя она и порывалась переступить границы, въ которыхъ ее застало настоящее столѣтіе; но попытки сіи были неудачны, и границы Московскихъ владѣній остались прежнія. Тѣмъ не менѣе географическія свѣдѣнія Московскаго народа не ограничивались предѣлами собственной земли. Положеніе Москвы, географическое жизненное и политическое, въ это время было таково, что народъ, почти по необходимости, по ходу самой жизни знакомился не только съ отдаленнѣйшими краями Русской земли, но и другими странами. Такъ, по церковнымъ дѣламъ, Москва, какъ главное мѣсто пребываніе Русскаго Митрополита, была въ постоянныхъ сношеніяхъ со всею Русскою землею, гдѣ только исповѣдовалась Православная вѣра. Литовская Русь, во всемъ ея объемѣ, не смотря на отдѣльную жизнь политическую и народную, до 1416 года была по церковнымъ дѣламъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Москвою; Московскіе Митрополиты сами ѣздили въ Волинскую, Полоцкую и Кіевскую земли и посылали туда своихъ наместниковъ, десятниковъ и другихъ повѣренныхъ людей, для сбора доходовъ и для надзора за тамошними церковными дѣлами. Кроме того, всѣ тамошніе Епископы большею частію присылались изъ Москвы, или по крайней мѣрѣ въ Москвѣ принимали поставленіе въ свой санъ. Такимъ образомъ знакомство Москвитянъ съ Литовско-Русскимъ краемъ не прерывалось. Еще въ 1416 году въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ исчисленіе Литовскихъ Епархій, кои были: Владимірская на Волыни, Холмская за Бугомъ, Червенская, Галичская, Туров-

(¹⁰) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 40.

ская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая и Луцкая ⁽¹¹⁾. Съ 1416 года, по случаю избранія особаго Митрополита для Литовской Руси, сношенія Москвы съ сими краемъ по церковнымъ дѣламъ прекращаются; но это не останавливаетъ знакомства Москвитинъ съ Литовскою Русью. Какъ бы въ замѣнъ церковныхъ сношеній, усиливаются сношенія княжескія: удѣльные Литовскіе князья, Ольгердовичи и Гелиминичи, тѣснимые Витовтомъ, толпами идутъ въ Москву съ своими боярами и слугами, и распространяютъ между Москвитянами свѣдѣнія объ оставленной отчизнѣ. Такъ, въ 1409 году, къ В. Кн. Василью Дмитріевичу пріѣхало вдругъ семь Литовскихъ князей: князь Свидригайло Ольгердовичъ изъ Брянска, князь Патрикій Звенигородскій, князь Александръ Звенигородскій изъ Путавы, князь Федоръ Александровичъ, князь Семенъ Перемышльскій, князь Михайло Хотѣвскій, князь Урустаменскій, и съ ними Епископъ Бринскій Исакій и бояре Черниговскіе, Брявскіе, Стародубскіе и Ярославскіе ⁽¹²⁾. Нѣкоторая зависимость Русской Церкви отъ Патріарха Константинопольскаго поддерживало знакомство Москвитинъ съ Греческою землею; продолжавшаяся еще зависимость Московскихъ государей отъ разныхъ Татарскихъ хановъ по прежнему открывала Москвитинамъ пути въ разныя Татарскія земли, и къ низовьямъ Дона, на Волгу и на Яикъ. Кромѣ того караулы по Хопру, Дону, а также развѣздныя станицы по степамъ, вѣроятно продолжались при Василіи Дмитріевичѣ, такъ же какъ и при отцѣ его, Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ, и конечно годъ отъ году далѣе подвигались въ степи и знакомились съ при-Волжскимъ и при-Донскимъ краями. Войны Василья Дмитріевича съ Новгородцами, преимущественно производившіяся на Двинѣ и въ Заволочѣ, открывали Москвитинамъ весь этотъ край до Бѣлаго моря. Такъ, мы знаемъ изъ лѣтописей, что въ 1417 году бояринъ, великокняжескаго брата Юрія Дмитріевича, Глебъ Семеновичъ съ Вятчанъ и Устюжанъ, спустился внизъ по Двинѣ въ насадахъ, «подолевалъ всю Двинскую землю, и Заволочьскую, и Колмогоры, и Барокъ, и Моржъ и Емецъ» ⁽¹³⁾. Это же извѣстіе показываетъ на близкія сношенія съ отдаленною Вяткою, ибо въ походѣ

⁽¹¹⁾ Ник. V, стр. 58. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 16. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 68.

участвовали и Витязе. Но, кромѣ сношеній съ разными странами, по дѣламъ церковнымъ, политическимъ и военнымъ, Москвичи въ началѣ XV вѣка имѣли большое и близкое знакомство съ разными землями по торговлѣ. Имѣя въ своихъ предѣлахъ Оку, Волгу, верховья Двины и ихъ многочисленныя притоки, Москвичи вели дѣятельную торговлю со всеми сосѣями. Мы знаемъ уже по прежнимъ указаніямъ, что Московскіе купцы торговали во владѣніяхъ Татарскихъ и Литовскихъ и во всѣхъ сосѣднихъ Русскихъ княжествахъ, что еще доказывается посѣщеніемъ Московскими торговцами лѣтней Болгарской ярмарки, потомъ пребываніемъ разныхъ пріѣзжихъ купцовъ въ Москвѣ. Въ лѣтописи подъ 1414 годомъ упоминается о Литовскомъ гостѣ Оомѣ Лазаревѣ, пріѣзжавшемъ неоднократно въ Москву для торговли, и во время одного Московскаго пожара потерявшемъ много своего богатства. Въ то время появляется даже особый богатый классъ Московскихъ торговцевъ, извѣстный подъ именемъ Сурожанъ, т. е. купцовъ, торгующихъ съ Сурожемъ. Договорныя грамоты Московскихъ князей съ князьями другихъ Русскихъ и Литовскихъ владѣній говорятъ также, что Москвичи дорожили торговлею и производили ее во всѣхъ сосѣднихъ краяхъ, такъ, что великіе князья всегда въ своихъ договорныхъ грамотахъ, въ числѣ другихъ условій, помѣщали и условіе о нестѣсненіи торговли, и даже опредѣляли количество торговыхъ пошлинъ. Условія сии обыкновенно выражались словами: «а новыхъ мытовъ намъ незымышлати, ни пошлинъ; а мыта съ воза и въ городѣхъ и всѣхъ пошлинъ денга, а новыхъ всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лошади съ доски по алтыну, а съ струга съ набой два алтына, а безъ набоя денга». Такъ это сказано въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ Федоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1402 году⁽¹⁴⁾. Въ договорной грамотѣ съ Тверскимъ княземъ говорится: «а гостемъ и торговцемъ Новгорода великаго и Торжку и съ пригороды дати ти путь чистъ, безъ рубежа сквозъ Тверь и Тверскія волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ незымышлати» и прибавляется о Московскихъ гостяхъ и торговцахъ: «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и тор-

(14) Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 67.

говцовъ; а путь имъ дати чистъ» ⁽¹⁶⁾. Или въ договорѣ съ Литовскимъ великимъ княземъ: «а межъ насъ посломъ Литовскимъ и нашимъ и Смоленскимъ и торговцамъ путь чистъ» ⁽¹⁷⁾. Въ другой грамотѣ съ Тверскимъ княземъ опредѣлены всѣ подробности взиманія торговыхъ и прежнихъ пошлинъ, чтобы отстранить всякое недоразумѣніе и поводъ къ стѣсненію торговцевъ: «а новыхъ те мытовъ незымышлати; а на старыхъ те мытехъ имати съ воза по моракѣ обѣушной, а кости съ челоуѣка мортка; а поѣдетъ на веревѣ съ торговлею ино мортка же; а кто промытется, ино съ воза промыты по штидесять, а заповѣди шестдесять одна колько бы возовъ ни было: а промыта то, гдѣ обѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, мытника у завора небудетъ, мыта и промыты нѣтъ; а можетъ его мытникъ, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ. А съ лодыи пошлинъ, съ доски по два алтына всѣхъ пошлинъ, а болѣ того пошлины нѣтъ, а струга алтынъ всѣхъ пошлинъ; а тамли и осминючаго отъ рубля алтынъ; а тамли и осминючее взять: а оже иметъ торговати, а поѣдетъ мимо знаетъ мытъ да кости, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торговли съ того мыта и пошлинъ нѣтъ. А межъ насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ безъ рубежа» ⁽¹⁸⁾. Самый городъ Москва былъ уже очень обширенъ и хорошо населенъ еще въ концѣ XIV столѣтія. Въ лѣтописи подъ 1395 годомъ упоминается о Московскомъ пожарѣ, отъ котораго на посадѣ сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ ⁽¹⁹⁾. Слѣдовательно въ Москвѣ дворы уже считались тысячами, что ясно говорить о многолюдствѣ города.

Послѣ перваго двадцатипятилѣтія XV вѣка географическія свѣдѣнія на Руси распространились очень значительно. По сношеніямъ съ Татарами, Русскіе проникли до самаго Крыма и ознакомились съ этимъ краемъ гораздо ближе, нежели какъ знали его прежде: ибо въ 1432 году зимовалъ въ Крыму у Ширинъ-Тягина князь Юрій Дмитріевичъ съ своею сватою ⁽²⁰⁾. Въ 1431 году, Московскій князь Василій Васильевичъ посылалъ своего воеводу, князя Федора Давыдовича Пестраго, въ Болгарію, который съ своими полками повоювалъ всю землю по

⁽¹⁶⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, 48. ⁽¹⁷⁾ Тамъ же, 52. ⁽¹⁸⁾ А. А. Э. Т. I, № 14. ⁽¹⁹⁾ Ник. IV, стр. 257. ⁽²⁰⁾ Ник. V, стр. 109.

Волгѣ и Камѣ ⁽²⁰⁾. Потомъ въ 1450 году Москвичи, при отраженіи Малбердея, гоняясь за Татарами по Воровежскимъ степямъ, проникли до рѣки Битюка ⁽²¹⁾. По сношеніямъ же съ Татарами мы узнаемъ, что Москвичи успѣли придвинуть границу своихъ владѣній на югозападъ до Бѣлева; ибо въ 1438 году при занятіи Бѣлева Ханомъ Улу-Махметомъ, Московскій князь посылалъ свои войска съ требованіемъ, чтобы Ханъ очистилъ Бѣлевъ ⁽²²⁾. Въ войнѣ В. Кн. Василья Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою особенно распространяются географическія свѣдѣнія о сѣверномъ краѣ тогдашней Руси: такъ въ 1448 году Москвичи въ первый разъ упоминаютъ о городахъ въ тамошней сторонѣ: Чухломѣ и Каргополѣ ⁽²³⁾. Потомъ въ войнѣ съ Вятчанами, помогавшими Шемякѣ, Московскіе воеводы проникли до Вятскихъ городовъ: Орлова и Котельнича, и привели ихъ въ подданство Московскому Государю ⁽²⁴⁾, и такимъ образомъ границу Московскихъ владѣній на сѣверовостокѣ поставили на рѣкѣ Вяткѣ. Въ 1452 году, Московскія войска, предводительствуемые государевымъ сыномъ, Иваномъ Васильевичемъ, преслѣдуя Дмитрія Шемяку, съ Суховы переправились на Кокшенгу и потомъ Кокшенгою вступили въ Вагу и проникли до впаденія ея въ сѣверную Двину; побравши всѣ городки, расположенныя по теченію сихъ рѣкъ, возвратились съ добычею и большимъ плотономъ домой ⁽²⁵⁾. Это извѣстіе лѣтописи для насъ чрезвычайно важно въ географическомъ отношеніи: оно указываетъ, что этотъ, теперь малонаселенный край тогда былъ многолюденъ, что торговля съ Бѣлымъ моремъ и разные промыслы звѣроловства и рыболовства влекли туда сперва Новгородцевъ, прежде всѣхъ проложившихъ сюда дорогу, а потомъ и другихъ жителей сѣверовосточной Руси, которые тамъ строили города, теперь уже исчезнувшіе вслѣдствіе направленія промышленности въ другую сторону. Не менѣе торговли и войны, къ распространенію географическихъ свѣдѣній на Руси способствовала и проповѣдь Христіанства. Такъ, лѣтопись подъ 1455 годомъ упоминаетъ, что въ этотъ годъ убитъ Вогуличами одинъ изъ преемниковъ Стефана Пермскаго, Епископъ Пятиримъ ⁽²⁶⁾. Это

⁽²⁰⁾ Ник. V, 98. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 218. ⁽²²⁾ Тамъ же, 125. ⁽²³⁾ Ист. Рус. Татищ. Т. IV, стр. 575. ⁽²⁴⁾ Ник. V, стр. 285. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 221. ⁽²⁶⁾ Тамъ же, стр. 278.

свѣдѣніе показываетъ намъ, что знакомство Москвитинъ съ Сѣверною Азією или Заурядьемъ, начавшееся въ XIV столѣтіи, продолжалось и теперь, и конечно распространялось все болѣе и болѣе, какъ проповѣдниками Христіанства, такъ и разными промышленниками; неоставлявшими преждеположенныхъ дорогъ въ эту сторону, богатую звѣроловствомъ. Мы скоро узнаемъ очень любопытное описаніе этого края, составленное, по всему вѣроятію, въ концѣ XV вѣка. Но обратимся теперь къ замѣчательнѣйшему географическому памятнику временъ Василия Васильевича Темнаго, къ путешествію Митрополита Исидора во Флоренцію, начавшемуся въ 1438 году и окончившемуся 1440 г. Этотъ памятникъ представляетъ намъ довольно подробное географическое знакомство съ тогдашнею Европою, и дошелъ до насъ въ одной древней рукописи, хранящейся въ Синодальной Патріаршей Библиотекѣ. Рукопись сія хотя уже не печатана въ древней Россійской Визлюфикѣ, но тѣмъ не менѣе, для полноты обзора географическихъ свѣдѣній на Руси въ первой половинѣ XV столѣтія, здѣсь не неугодно будетъ выписать хотя краткое содержаніе сего путешествія.

Въ путешествіе выѣхалъ съ Исидоромъ отправился Авраамій, Епископъ Суздальскій, Архимандритъ Вассіанъ и Митрополитычъ бояре со святою изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Изъ Москвы они выѣхали 8 Сентября; 14 Сентября прибыли въ Тверь, гдѣ къ нимъ присоединился посолъ Тверскаго князя Оумы. Изъ Твери они пошли на Торжокъ, потомъ на Вышній Волочокъ, откуда рѣкою Мстою въ Новгородъ. Кто велъ журналъ путешествія по Синодальному списку, мы не знаемъ; но очевидно это былъ трудъ оффиціальныи какого либо дьяка или инока, находившагося въ Митрополитчѣй свитѣ; ибо вездѣ отмѣчено время пребыванія путешественниковъ и разстояніе мѣстъ и ночлеги, какъ это обыкновенно водилось въ старинныхъ оффиціальныхъ бумагахъ Москвитинъ. Въ Черниковскомъ спискѣ путешествія, изданномъ Сахаровымъ, названъ составителемъ этого журнала иннокъ Симеонъ изъ Суздаля. Въ журналѣ сказано: «Отъ Москвы до Твери 200 верстъ безъ двадцати; отъ Твери до Торжка 60 верстъ, отъ Торжка до Волочка 70 верстъ, отъ Волочка до Новгорода и Мстою 300 верстъ». Путешественники пріѣхали въ Новгородъ Октября въ седьмой день; изъ Новгорода отправились въ Псковъ и прибыли туда Декабря 6-го, «а отъ

Новгорода до Пскова и ту была пиры мнози и дары велицы». Во Псковѣ путешественники пробыли семь недѣль, и выѣхали оттуда въ землю Ливонскихъ Нѣмцовъ, Января 22. Первый Нѣмецкій городъ, куда они пріѣхали, былъ Каспаръ (вѣроятно нынѣшній Кастеръ, неподалеку отъ Дерпта); съ Каспира они пріѣхали въ Юрьевъ (Дерптъ). Вотъ описаніе Юрьева: «Градъ же Юрьевъ великъ каменъ, палатяжъ въ немъ вельми чудны, намъ же невидящимъ дивящеся, церкви же бѣ мнози и монастыри велицы. Рѣкажъ бѣ обогла съ той страны откуда мы пріѣхали. Горыжъ бяху у нихъ, поля и садове красны. Церквижъ крестьянскіи бѣ двѣ у нихъ: Св. Николай и Св. Юрій, крестьянъ же мало. Отъ Юрьева до Риги 200 верстъ». По дорогѣ къ Ригѣ, которая шла на Волмаръ, путешественники видѣли множество городовъ, и пріѣхали въ Ригу 4 Февраля, гдѣ и пробыли до 5 Мая. Изъ Риги поѣхали моремъ къ Любеку, «сперва на Русскую землю, потомъ на Прусскую, Поморскую и Жунскую, оттолѣ на Свицкую» и наконецъ къ Любеку, куда прибыли 19 Мая. Любекъ описывается слѣдующимъ образомъ: «и видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля бяху и горы не велики, и садове красны, полаты вельми чудны повладѣнными верхи, и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны; и товара въ немъ много всякаго; и воды приведены въ него и текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки». Далѣе описывается божица и монастырь, гдѣ путешественники видѣли удивившее ихъ изображеніе Божіей Матери. «Яко жива стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на руцѣ младенческимъ образомъ; и зазвѣняше колокольчикъ, и слѣтять ангелъ сверху, и свесетъ вѣнецъ въ рукахъ и положить на Пречистую; и поиде звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряше нѣаху во-сви три, а предъ ними человекъ съ мечемъ, а за нимъ человекъ съ товаромъ, и внесоша дары Христу, злато и ливанъ и смирну, и привдоша ко Христу и Богородицѣ и поклоняшася, и Христосъ обратяся и благослови ихъ, хотяще руками взяти дары, яко дѣтя, играя у Богородицы на рукахъ; они же поклоняшася и отдаша; и ангелъ возлетитъ горѣ и вѣнецъ взя». Далѣе путешественникамъ показывали монастырскую библіотеку, гдѣ они видѣли болѣе 1000 книгъ.

Изъ Любека они отправились, въ пятницу, на Троицкой недѣли, и, отѣхавъ четыре мили, ночевали въ городѣ

Мельнѣ (нынѣ Мелленъ въ Лауенбургѣ). Около этого города путешественники видѣли — «озера, а съ другую страну приведена рѣка болѣ 20 верстъ изъ великія рѣки Елевы (Эльбы). А отъ Елевы рѣки Мечъ рѣка, и перевоза поперекъ ее три версты. А отъ той рѣки до Лунбрега (Люнебурга) града двѣ мили». Далѣе слѣдуетъ описаніе Люнебурга: «той убо градъ величествомъ подобенъ есть Любку, и среди града того суть столпы устроенны, въ мѣди позлащены, вельми чудны, третью сажень и выше, и у тѣхъ столповъ у коегождо люди прирѣжены около того же мѣдью; и истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены, у единого изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а инаго изъ локти, а у инаго изъ ноздрію, истекають же прытки яко изъ бочекъ». Отъ Лунбрега путешественники пошли на Брунзвигъ (Брауншвейгъ), отстоящій на 16 миль. Въ описаніи Брунзвига сказано: «что онъ величествомъ выше всѣхъ прежнихъ градовъ, и палаты въ немъ видѣти вельми чудны; и еще жъ рѣки велики приведены по всему граду тому, брега ихъ и дна морованы каменьемъ». Отъ Брунсвика они поворотили на востокъ къ Батмеру (11 миль) вѣроятно нынѣшнему Бернбургу, о которомъ путешественники говорятъ: «той бо градъ величествомъ Любку подобенъ есть, и подъ весь градъ той улицы морованы и палаты, а воды къ нему приведены отъ Аламанскія земли» (Нѣмецкія). Съ Батмера они пошли на Липесъ (Лейпцигъ), отъ Липеса на Афратъ, вѣроятно нынѣшній Эрфуртъ, о которомъ говорятъ: «великъ и чуденъ имѣніемъ многимъ и хитрымъ руководѣіемъ предумноженъ, и такого товара и хитра руководѣіемъ ни въ коемъ градѣ въ предписанныхъ не видѣхомъ». Съ Эрфурта они пошли на Бамбергъ, который называютъ Бембеверегъ, потомъ на городъ Понтъ, подъ которымъ рѣка Тискъ, и далѣе на Нурбергъ т. е. Нюренбергъ, о которомъ въ описаніи сказано: «вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и товара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ каменьемъ велики, чудны и хитры, тако же и рѣки приведены ко граду тому великими силами хитро. А отъ Любка до Нюрберга сто миль. И той Нурберхъ градъ стоитъ среди Аламанскія земли. А Аламанская земля, то есть не иная вѣра, ни иный языкъ; но есть единая вѣра Латинская, а языкъ Нѣмецкій же, но разный яко Русь съ Сербы». Отъ Нюренберга путешественники пошли на Аусбургъ или какъ сказано, Австорокъ, на Дунаѣ въ 17 миляхъ

отъ Нюрнберга. Объ этомъ городѣ составитель путешествія пишетъ: «величествомъ превзыдѣ всѣ предписанныя градовъ, и палаты въ немъ, и воды и иное строеніе весьма чудны, и божницы въ немъ устроенныя, съ надворья писано весьма хитро, а внутри якожъ нныя божницы подписаны; и ту писанъ Царь Юстиніанъ начальныи здатель града того, да нныя цари Римскіе писавы, тоже и Угорскіе и Аламанскіе».

Отъ Аусбурга они пошли къ Тирольскимъ Альпамъ (Полонныя горы) на Журнбрюкъ, вѣроятно Инспрукъ, о которомъ говорятъ: «городокъ не великъ, держитъ его князь зовомый Дукъ» (Герцогъ Австрійскіи). Отъ Инспрука къ Полоннымъ горамъ пошли на городъ Фреашу; (отъ Инспрука 24 мили), потомъ въ Фрескую (Итальянскую) землю до города Павды (Падуи), и всего шли горами 60 миль». О Полонныхъ, т. е. Альпійскихъ горахъ, путешественникъ говоритъ: «горыжъ тѣ не ту суть, но отъ Чернаго моря пошли даже и до Бѣлаго моря, яко поясъ зовется земныи каменныи; только же высоты суть, облаца вполъ ихъ ходять, и облаца отъ нихъ ся взимають. Снѣги же лежать на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ; въ лѣтъ же жаръ и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ же не таяше». Отъ Падуи путешественники пошли на Феррару, куда и прибыли 18 Августа. Здѣсь тогда находился 8-й вселенскіи соборъ, гдѣ уже поджидали Исидора. О Феррарѣ въ путешествіи сказано: «въ томъ же градѣ Феррарѣ на Панинѣ дворѣ возведенъ столпъ камень высокъ и великъ надъ торгомъ, и на томъ столпѣ устроены часы, колоколъ великъ, и коли ударитъ, на весь градъ слышати; и того столпа отведено крыльцо и двои двери; и коли при спѣетъ часъ ударитъ въ колоколъ, и выдетъ изъ столпа на крыльцо Ангелъ, просто видѣти яко живъ, и потрубитъ въ трубу, и входятъ другими дверцами въ столпъ, а людемъ всѣмъ видящимъ ангела, и трубу видящимъ, и гласъ его слышати; и потомъ въ тотъ великіи колоколъ восходяше на всякъ часъ Ангелъ ударяше». Далѣе отмѣчаются цѣны на разные припасы въ Феррарѣ: «и въ томъ же градѣ ѣсти купихомъ, яловца 20 золотыхъ, боровъ пять золотыхъ, а золотой по 30 грошей, а баранъ 2 золотыхъ; гусь три гроши, куря три гроши, хлѣба 9 проскуръ на грошъ, сыръ по золотому».

Потомъ Русскіи Митрополитъ, съ своею свитой, 27 Января, отправился изъ Феррары во Флоренцію, куда еще прежде

уѣхали Папа и Патріархъ Константинопольскій. Русскіе рѣкою По (въ журналѣ названа Пова) «поѣхали отъ Феррары на Арженъ (Рженти) 25 миль, потомъ на Бастію (Башты) семь миль, далѣе на Салвъ (Селжи) также семь миль». Отъ Селва путники перебрались на берегъ и пошли сухимъ путемъ на Луго (Алуга), далѣе на Фаенцу (Фензы) и оттуда во Флоренцію. Путь до Флоренціи описанъ такъ: «подъ Береномъ рѣка Ирчець быстра вельми, черезъ се мостъ камень, и садовъ множество масляныхъ, и мѣсто красно межъ горъ; и отъ Берена до града славнаго и прекраснаго Флоренцы 50 миль; а всѣ горы каменны высоцы, а путь тѣсенъ и тяжекъ вельми, нанъ же возы не ходятъ, но на вьюкахъ вѣзятъ, и вью родится въ горахъ тѣхъ вельми добро и сладко, красно». Далѣе слѣдуетъ описаніе самой Флоренціи: «той же градъ Флоренза великъ зѣло, такого необрѣтохомъ во предписанныхъ градѣхъ; божницы въ немъ красны зѣло и велицы, и палаты въ немъ устроены бѣлымъ каменіемъ, вельми высоки и хитры; и по средѣ града того течетъ рѣка велика и быстра вельми, именемъ Рна (т. е. Арно) и устроенъ на рѣцѣ той мостъ камень и широкъ вельми, и съ обѣ стороны моста устроены палаты. Есть же во градѣ тамъ больница велика, и есть въ ней до 1000 кроватей; тожъ устроена хасрадъ (богадѣльня) немощнымъ и пришельцемъ и страннымъ изъ иныхъ земель. Есть монастырь пный, устроенный бѣлымъ каменіемъ хитро и вельми твердо, а врата желѣзны; а божница вельми чудна, и есть въ ней службъ сорокъ, и мощей святыхъ множество, и ризъ драгихъ множество съ каменіемъ драгимъ, и со златомъ и съ жемчугомъ; старцовъ же въ немъ сорокъ, житіе же ихъ не изходно изъ монастыря. А погребеніе умершихъ тѣхъ старцовъ во устроенныхъ тѣхъ монастырѣхъ в гробы ихъ, новоумершаго старца выкладываютъ, а вѣткія кости вынимаютъ, и кладутъ въ кастеръ и на нихъ смотря поминаютъ часъ смертный. Въ томъ же градѣ дѣлаютъ камки и аксамиты со златомъ; товару же всякаго множество, и садовъ масляныхъ. И ту же сукна скарлатныя дѣлаютъ. Ту же видѣхомъ дровіе кедры и кипарисы, кедръ какъ Русская сосна много походила, а кипарисъ корою яко липа а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрава, магка, ашибки походили на сосновые. И есть во градѣ томъ божница устроена велика, камень мраморъ бѣлъ

да чертъ; и у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, такожъ бѣлый камень мраморъ, а хитрости ей недоумѣтъ умъ нашъ. И ходихомъ во столпъ той по лѣстницѣ, и сочтохомъ степени чотыреста и пятьдесятъ. Въ томъ же градѣ видѣхомъ лютыхъ звѣрей двадцать два. А около града того стѣнъ шесть миль». Въ Черниковскомъ спискѣ, вмѣсто миль, поставлено *поприщъ большихъ*, и прибавлено еще: «въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковые; да и то видѣхомъ какъ шелкъ емлютъ съ нихъ».

По окончаніи собора, Русскіе путники отправились въ отечество другою дорогою, такъ что, начавши путешествіе изъ Пскова, воротились домой черезъ Литву. Изъ Флоренціи они уже пошли на Скорпію, т. е. Скарперію, потомъ на Краненъ, т. е. Кавренъ и на Болонью; далѣе рѣкою Фарою въ По, и рѣкою По до города Кезы (Каза-де-Марина), откуда моремъ до Венеціи. Венеція описана слѣдующимъ образомъ: «а той градъ стоитъ въ морѣ, а суха пути къ нему нѣтъ, отъ берега 13 миль стоитъ въ морѣ; среди его проходятъ корабли и катарги; а по всѣмъ улицамъ воды и ѣзды въ баркахъ. Но вельми той градъ великъ, и палаты въ немъ чудныя а вавы позлащены, и товара въ немъ всякого много; занеже корабли приходятъ, изъ иныхъ земель, отъ Іерусалима, отъ Царя града, отъ Азова, изъ Турскія земли, изъ Сорочинъ и изъ Нѣмцевъ. Есть въ градѣ томъ церковь, святой Марко Евангелистъ, каменная, и столпы въ ней чудны, Гречинъ писалъ мусіею, и доверху видѣти вельми чудно, а внутри рѣзаны святые, мраморъ и вельми хитро. А сама велика церковь, а надъ предними дверми изнутри поставлены чотыре кони мѣдныя, позлащены великіи, видѣти яко живы, и повѣшены два змія велики убиты. Ту и самъ Св. Марко лежитъ; а мощей святыхъ много и изъ Царя града. И монастырей много около града того по островамъ на морѣ, близъ иныхъ церквей, много». Изъ Венеціи путешественники сперва пристали къ острову, гдѣ монастырь Св. Николая; потомъ шли 110 миль моремъ до города Печери, очевидно на нынѣшнемъ Истрійскомъ берегу, далѣе отъ Печери спустились моремъ еще на югъ, 30 миль, до города Помы, откуда спустились къ острову и городу Осарѣ, гдѣ простояли десять дней, и потомъ двинулись къ городу Семм, нынѣшній Сенижъ на Хорватскомъ берегу, здѣсь высадились изъ корабля

и пошам сухимъ путемъ сперва, черезъ землю Хорватскую, на городъ Бринь, 15 миль лѣсомъ на горы, потомъ къ городу Мудруны, нынѣшній Модрусь, далѣе на городъ Возоль, еще далѣе на городъ Истребискъ, откуда на Очки, гдѣ начинаются владѣнія Угорскаго царя. Съ Очкѣ на Загребъ, потомъ на Краковецъ и Крыжъ, можетъ-быть нынѣшніе Крыжевцы, на сѣверовостокъ отъ Загреба; далѣе на Веншъ, откуда на Бѣлгородъ и Будинъ, который описывается такъ: «отъ Бѣлграда до Фудна 40 верстъ, той убо градъ стольный есть Угорскаго королевства, на славней рѣцѣ Дунай, красенъ убо великъ, и посады по обѣ стороны рѣки. Королевъ дворъ есть, стоитъ во градѣ весьма крѣпокъ и хорошъ; есть убо на посадѣ за градомъ кладязь, кипятъ въ котлѣ горячая вода въ змѣи и мѣтѣ». Здѣсь прекращается журналъ путешествія, довольно уже краткій къ концу, особенно начиная съ дороги отъ Загреба.

Такимъ образомъ спутники Исидора, въ продолженіе путешествія во Флоренцію, прошли отъ Псковадо Риги, и потомъ моремъ до Любека, а отъ Любека сухимъ путемъ долиною между Эльбою и Рейномъ до Дуная, и, пересѣкши Дунай, черезъ Тирольскія горы проникли въ Италію, которою сперва прошли по восточному берегу до Флоренціи, а потомъ, идя назадъ изъ Флоренціи, отправившись на сѣверозападъ къ Болоньи и далѣе рѣкою По спустились въ Адриатическое море. Отъ Казы-Марины перебрались въ Венецію, изъ которой перешли на Хорватскій берегъ, и потомъ черезъ Хорватію прошли въ Венгрію и Венгріею достигли Литвы, откуда уже пріѣхали въ Москву. Это путешествіе познало Московитамъ съ Германіею, Италіею и Венгріею; они вывели оттуда извѣстія объ успѣхахъ Европейской жизни, которая, какъ увидимъ послѣ, не пропала даромъ, и принесла обильные плоды для развитія Русской жизни; ибо въ концѣ настоящаго же столѣтія Юмъ и III-й началъ выписывать въ Москву разныхъ художниковъ изъ Італіи и Германіи. Живое описаніе чудесъ Европейскаго искусства, привезенное спутниками Исидора, возбуждало въ Московскомъ Государѣ и народѣ сильное желаніе пересадить сѣмя искусства на Русскую почву. Увлечательныя рассказы очевидцевъ о великолѣпіи и устройствѣ Европейскихъ городовъ пришли очень кстати; ибо Москва, оставшись средо-

теміємъ обширнаго государства, удобно могло уже приступить къ заботамъ о собственномъ великолѣвіи.

За восемнадцать лѣтъ до Исидорова путешествія во Флоренцію, одинъ Москвитянинъ, Іеродіаконъ Зосима, совершилъ путешествіе на востокъ въ Царьградъ и Палестину, и оставилъ записки своего странствованія. Въ запискахъ онъ пишетъ, что изъ Троицкой Лавры сперва отправился на богомолье въ Кіевъ, и тамъ задумалъ идти въ Іерусалимъ. Это новое путешествіе онъ началъ въ сообществѣ со многими купцами и вельможами. Они изъ Кіева пустились на югозападъ и, пройдши 150 верстъ, достигли восточнаго Буга, у города Браславля; отъ Бра-славля они вступали въ степи Татаръ Бѣлгородской Орады, и шли 250 верстъ Татарскою дорогою, «которая зовется на Великій Доиъ». Пройдши этотъ путь они достигли Днѣстра подъ Мити-ревыми Кыминами, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку и Литов-ская граница съ Волохами. Отъ этого перевоза они шли три дня Волошкою землею и достигли Бѣлграда; изъ Бѣлграда, пройдши девять верстъ, спустились въ устье Днѣстра—«гдѣ стоитъ столѣтъ, называемый фонарь»; здѣсь сѣли на корабль и чрезъ три недѣли прибыли въ Царьградъ.

Іеродіаконъ Зосима, какъ видно изъ его описанія путеше-ствія, былъ человекъ бывалый, много видѣвшій и умѣвшій ве-дѣтъ шойти, чтобы посмотрѣть замѣчательное; онъ еще въ 1414 го-ду былъ въ Константинополѣ, въ свѣтѣ Княжны Анны Василье-вы, отправлявшейся тогда невѣстою къ Іоанну Палеологу, сыну Императора Мануила. Знакомый съ Константинополемъ, онъ во второе свое путешествіе осмотрѣлъ и описалъ всѣ та-кошнія достопримѣчательности съ такими подробностями, ка-кихъ не находимъ ни у одного изъ нашихъ путешественни-ковъ, и которыя въ настоящее время для насъ чрезвычайно драгоцѣнны, какъ полная и живая картина Константинополя въ какіе нибудь тридцать лѣтъ до его завоеванія Турками. Зоси-ма началъ свой обзоръ Цареградскихъ достопримѣчательностей съ Софійскаго храма; здѣсь онъ, между прочимъ, видѣлъ образъ Спасителя Исповѣдника, передъ которымъ поповѣдають свои грѣхи. Подлѣ Софійскаго храма осматривали Иосифъ Кови-чегъ, потомъ былъ въ монастырѣ Одиитріи, гдѣ чудотворный образъ Вожіей Матери; далее посѣщали другіе монасты-ри. По его разсказамъ, передъ вратами Софійскаго храма стояла

стоишь, а на немъ Царь Юстиніанъ на конѣ—сконь мѣднѣ, и самъ мѣдинъ вылитъ; правую же руку держитъ разпростертую, а зрѣтъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацынскіе цари; а Срацынскіе цари противу ему стоятъ, всѣ бываны мѣдны, держатъ въ рукахъ своихъ дань; въ другой же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ. Отъ памятника Юстиніану, яко въ стрѣловищѣ есть мѣсто, еже ся зоветъ подорожъ (ниподромъ) урыстанье конское, и туто поставленъ столпъ на насыпи, а насыпь есть вышвыны челоуѣка съ 3, а на насыпи той четыре лодыга мраморныя, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его 6 сажень, а ширина его одна сажень, единъ камень безъ става. И возлѣ стоятъ столпъ, три главы асидовы мѣдны силѣтены, вмѣсто одной главы. Есть столпъ илучи къ Студіискому монастырю весь подвисанъ, что на свѣтѣ есть; сей столпъ поставилъ Царь Аркадіи на память свою. Передъ вратами Апостольской церкви стоятъ Ангелъ страшенъ великъ и держитъ въ руцѣ скипетръ Царяпрада, а противъ его стоятъ Царь Константинъ, акъ мужъ живой, и держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ на соблюденіе тому Ангелу. А въ сторонѣ монастыря Пантократоръ, отъ два стрѣлища большая, есть монастырь, еже ся зовутъ, Аполлианти; предъ враты того монастыря лежить жаба каменная; оіа жаба при Царѣ Левѣ премудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала. Близъ стѣны монастыря Перепты стоятъ два болвана каменны велики, иже были суть при Левѣ премудромъ правосудіи». Зосима перечисляетъ въ Константинополѣ 22 монастыря, которые были посѣщены имъ, и которыхъ достопримѣчательности онъ описалъ въ своемъ путешествіи. Представивши замѣченныя имъ подробности Константинополя, Зосима переходитъ къ общему очерку всего города и говоритъ: «а Царьградъ стоитъ на три угла: двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ западу, приступа дѣла ратныхъ. Въ первомъ углѣ отъ Бѣлаго моря создавъ Студійскій монастырь; во второмъ углѣ создавъ Св. Юрія монастырь, зовемый Монгавъ: а сей бѣше первое градецъ малъ, зовемый Византия, напротивъ Скутара. А мѣсто зовемое Скутарь, есть на оной странѣ моря, и есть ту торговища; сѣдѣжуются Турчане, а съ сѣя страны Греки и Фразове, и торгуютъ межъ собою. Въ третьемъ углѣ стоитъ черковь Влахерна. Отъ Лимена повыше мало стоитъ Царева па-

лата; а за Лименомъ стоитъ Фражскій градъ, красенъ и добръ и лѣпъ».

Пробывъ ползими и лѣто въ Константинополѣ, Зосима отправился на Святую гору (Аѳонскую). Онъ въ Цареградской пристани сѣлъ на корабль и ѣхалъ 100 миль узкимъ моремъ (Дарданеллами) до острова Мармаръ, о которомъ говоритъ: «въ томъ бо островѣ всѣ Цареградцы колютъ мраморъ и мостятъ церкви и палаты въ Цареградѣ. Отъ Мармара 60 миль шелъ до Галлиполя, гдѣ Турецкій перевозъ. Отъ Галлиполя прошедши еще 60 миль, вступилъ въ устье и вышелъ на великое море Понтийское, которое иначе называлось Бѣлымъ гдѣ стоитъ градъ Троада въ самомъ устьѣ». Далѣе продолжаетъ рассказывать о пути на Аѳонъ: «отселе выходятъ пути на великое море: на право поити ко Св. Горѣ и къ Селуню, и ко Арменской землѣ и къ Риму; на лѣво же ходятъ правовѣрніи ко Іерусалиму. Илучи отъ устья десять миль, минухомъ островъ Зигрій, оттуду 300 миль островъ Лимбры; оттуду плыхомъ 100 миль и минухомъ островъ Лимность; и оттуду плыхомъ 60 миль подъ Св. гору». На святой горѣ Зосима исчисляетъ 22 монастыря, коихъ наименованія: Лавра, Ватопедъ, Хиландаръ, Монастырь Русскій, завоымъ Св. Пантелеймонъ, Пантакраторъ, Свѣмонъ, Верверскій, Зофгри, Дохіаръ, Ксеносъ, Алупъ, Капакалъ, Кулдумость, Протатій, Ксерапоталъ, Овлитон, Василевпиргій, Павлова пустыня, Діонисіевъ монастырь, Григоріевъ монастырь, Симона Петране, Кастомонитъ.

Съ Аѳона Зосима ходилъ сухимъ путемъ въ Селунь, на поклоненіе Св. Димитрію Селунскому и преподобной Θεодорѣ; изъ Селуня, вмѣстѣ съ тамошнимъ Митрополитомъ, отправился во Іерусалимъ. Путь его лежалъ на Лемность и потомъ на Хіосъ, о которомъ говоритъ, что «тамъ родится мастика, и рѣжия, и шелкъ и всякъ овощи». Съ Хіоса отправился на Патмосъ, потому 800 миль шелъ Понтийскимъ моремъ, наконецъ присталъ прямо къ Палестинскому берегу; въ Іерусалимъ пришелъ рано поутру въ Свѣтлое Воскресенье, и пробылъ тамъ цѣлое лѣто. Приступая къ описанію своего пребыванія въ Іерусалимѣ, Зосима прежде всего описываетъ празднованіе Воскресенія Христова, потомъ упоминаетъ о посѣщеніи Іерусалимскихъ церквей, причемъ рассказываетъ о разныхъ притѣсненіяхъ,

которыя Иерусалимскіе Христіане терпятъ отъ Арабовъ. Далѣе говорятъ о своемъ путешествіи на Іорданъ до Мертваго моря, о посѣщеніи Сихема, Внѣдеема, Рахилина гроба, Церкви Св. Иліи, Иверскаго монастыря и села Скудельнича. Разсказъ его довольно подробенъ и наполненъ разными Палестинскими преданіями о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Почти въ концѣ описанія Зосима сообщаетъ любопытное извѣстіе о владѣтеляхъ Египта и Дамаска и о городахъ, принадлежавшихъ Египетскому Султану. Вотъ подлинныя слова его: «а во Египтѣ Султанъ сирѣчь Царь, имя ему Тотаръ; а въ Дамаскѣ Цембакъ: се имъ Серацкии имена. А се полъ Египетскимъ княземъ Султаномъ градовъ: 1. Египетъ 2. Іерусалимъ, 3. Александрія, 4. Газа, 5. Дамаскъ, 6. Антіохія, 7. Веритъ, 8. Триполь, 9. Рамла въ Палестинѣ, 10. Ладда, 11. Вдалеми».

Въ обратномъ пути изъ Іерусалима Зосима шелъ на Раму, Ладду, Яфору и Ювѣю, гдѣ и сѣлъ на корабль, и, проплывъ 300 миль, прибылъ въ Кипръ. Описывая Кипръ, Зосима говоритъ: «въ семь островѣ градъ великій стольный Никесія: тутъ стоитъ Рига Фряжскій, сирѣчь князь, обладаетъ всѣмъ островомъ тѣмъ; и братъ его Арцибургъ тутже сѣдитъ; Греческихъ Епискупъ 4, и два мирянина и два черница. Во всѣхъ церквахъ Фряжскихъ со органы поютъ на великіе праздники. А второй градъ Киринія; въ семь градѣ родится сахаръ, и рожки, и гровдія, и аспадъ, а мустъ мала. Оттолѣ есть 10 верстъ село княже, зовется Оморео, сирѣчь хорошее; ту тако же родится сахаръ, и тутъ лежитъ Св. Мамантъ. Четвертый градъ Фамагуста; а пятый градъ Ларники; а шестой градъ Пафосъ, а седмый градъ Кикко, идѣже былъ Лазаръ четверодневный». Въ Кипрѣ Зосима пребылъ полтора мѣсяца. Потомъ 500 миль плывъ моремъ до острова Родоса; объ этомъ пути онъ говоритъ: «и видѣхомъ землю и горы, даъ же всия и въ писаніи не слышахъ, и ходихомъ по Дукморью». Это замѣчаніе нашего путешественника довольно прямо указываетъ, что путь въ Палестину нашимъ предкамъ, въ XV вѣкѣ, былъ уже знакомъ по книгамъ; что они изучали его еще дома, а во время самаго путешествія преимущественно старались посѣщать мѣста, уже знакомыя по описаніямъ, замѣченнымъ въ книгахъ; следовательно, видъ важна-

да географія, по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстъ, съ которыми связаны воспоминанія о земной жизни Христа. О Родосѣ Зосима говоритъ: «сей островъ предалъ Апостолъ ко Апостольской церкви въ Римъ; ту сидитъ отъ Папы Римскаго мистръ великій, и всѣ у него крестоносцы, а церковные люди, носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портицахъ нашиваны; и ту есть Митрополитъ Греческій и Епископъ и нѣпъ марлиниъ». Отъ Родоса нашъ путешественникъ плылъ моремъ 2500 миль, и присталъ къ острову Митилену, оттуда пошелъ къ Константинополю, гдѣ и зимовалъ; наконецъ въ Маѣ мѣсяцѣ сѣлъ на коѣбль, и Чернымъ моремъ отправился въ Русь.

Путешествіе Зосимы было какъ бы прощальнымъ съ Греческимъ Константинополемъ, ибо послѣ Зосимы, до завоеванія Константинополя Турками, въ нашихъ памятникахъ нѣтъ уже никакихъ извѣстій о посѣщеніи этого города. Путешествіе сіе для насъ очень важно не по однимъ извѣстіямъ о Константинополѣ и Палестинѣ, но и по географическимъ свѣдѣніямъ о за-Днѣпровской и за-Днѣстровской Руси, отъ Кіева до самаго устья Днѣстра, какъ мы видѣли выше. Подобныхъ извѣстій мы не встрѣчаемъ въ нашихъ отечественныхъ памятникахъ; они тѣмъ для насъ замѣчательны, что свидѣтельствуютъ, что эта сторона была еще знакома сѣверовосточной Руси и въ XV столѣтіи, и что въ этомъ краѣ еще продолжалась торговля съ Константинополемъ. Зосима прямо говоритъ, что онъ отправился изъ Кіева съ многими купцами, которые шли на Бугъ и Днѣстръ и оттуда въ Черное море.

Представивши обзоръ географическихъ свѣдѣній за первую половину XV вѣка у Москвитянъ, теперь обратимъ вниманіе на жителей другихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній сѣверовосточной Руси. Кромѣ Москвы, на сѣверовостокѣ Руси были самостоятельными владѣльцами; Новгородъ со Псковомъ, Тверь, Рязань и нѣкоторые незначительные удѣлы потомковъ Михаила Черниговскаго, находившіеся на югѣ отъ Московскихъ и Рязанскихъ земель. Изъ этихъ владѣній князей Черниговскаго дома, сѣверныя земли Московскими, Рязанскими и Литовскими, открытыя для Татарскихъ набѣговъ съ юга и притомъ слишкомъ слабыя по своей раздробленности, едва ли могли имѣть какіе либо успѣхи

въ развитіи народной жизни и въ знакомствѣ съ сосѣдними землями, выключая развѣ Татарскихъ степей, куда иногда жители преслѣдовали набѣгавшихъ на ихъ города Татаръ, и гдѣ можетъ-быть у тамошнихъ князей были станицы и разѣзды для наблюденія за Тарскими сакнами. Таковы были земли Торусскія, Воротынскія, Одоевскія, Бѣлевскія, Новосильскія и другія, мало по малу вошедшія въ составъ Московскихъ владѣній. Та же участь была и для земель Рязанскихъ; впрочемъ, это владѣніе, какъ довольно сильное, имѣло обширѣйшій кругъ дѣятельности, и слѣдовательно большее знакомство съ сосѣдними странами, по крайней мѣрѣ въ началѣ XV вѣка, на что есть указанія въ дошедшихъ до насъ разныхъ памятникахъ. Такъ, по договорной грамотѣ 1433 года, между В. Кн. Рязанскимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, съ тогдашнимъ Московскимъ В. Кн. Юрьемъ Дмитриевичемъ, мы находимъ, что Рязанскія земли на западъ граничили съ Торусскими владѣніями и что Тула и Берестье принадлежала къ Рязани, на востокъ же Рязанская граница сходилась съ Мещерскою и нѣсколько проникала въ земли Татарскія и Мордовскія ⁽¹⁷⁾. Слѣдовательно простиралась до рѣки Суры въ ея верховьяхъ, и далѣе на юговостокъ шла на Медвѣдицу, гдѣ былъ Черный Яръ, принадлежавшій къ землямъ Рязанскаго Епископа, и наконецъ до впаденія Медвѣдицы въ Донъ, какъ значится по грамотамъ Митрополитовъ Ѳеогноста и Алексѣя ⁽¹⁸⁾. Впрочемъ сія довольно обширная земля была раздѣлена на два, почти равныя, владѣнія, изъ коихъ первое, лежавшее на сѣверъ, называлось великимъ княженіемъ Рязанскимъ, а второе, примыкавшее къ южнымъ степямъ, составляло великое княженіе Пронское ⁽¹⁹⁾. Это послѣднее владѣніе было въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Татарами и преимущественно поддерживалось ихъ помощію, такъ что иногда Пронскіе князья захватывали и самую Рязань, какъ напримѣръ это было въ 1409 году, когда Пронскій князь Иванъ Владиміровичъ, при помощи Татаръ, выгналъ Рязанскаго князя Ѳеодора Ольговича. Рязанцы, какъ ближайшіе сосѣди съ Татарами, едва ли не лучше всѣхъ современниковъ знали Татарскія степи; ибо они и по мирнымъ сношеніямъ чаще всѣхъ бывали у Татаръ, а также нерѣдко, отражая Татарскіе на-

⁽¹⁷⁾ Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 48. ⁽¹⁸⁾ Ак. Ист. Т. I, № 1. и 3. ⁽¹⁹⁾ Ник. V, стр. 14.

бѣги, гонались за нхъ полчищами по Придонскимъ степямъ. Такъ въ лѣтописи упоминается подъ 1411 годомъ: «приходиша Татарове на Резачь изгономъ; Резавцы жъ ходиша за намъ въ погоню, и нхъ биша и полонъ отъяша» ⁽²⁰⁾. Тоже повторяется подъ 1426 годомъ ⁽²¹⁾ и упоминается о Татарскихъ набѣгахъ на Рязанскія границы подъ 1437, 1439 и 1442 годами. Подъ 1444 годомъ описывается битва Рязанцовъ и Москвичей съ Татарскимъ Паревичемъ Мустафою, причемъ упоминаются въ Рязанскихъ полкахъ Мордва и Рязанскіе казаки ⁽²²⁾. Рязанскими казаками здѣсь, вѣроятно, названы пограничные жители, поселенные по Хопру, Медвѣдицѣ и Дову, составлявшіе переводную стражу Рязанскихъ владѣній противъ Татаръ, — тѣ самые, о которыхъ упоминается въ извѣстныхъ грамотахъ Феогноста и Алексѣя, Митрополитовъ Московскихъ, на Червленый Яръ. Въ первые годы XV вѣка Рязань, при своемъ знаменитомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ, не ограничивала своихъ сношеній Москвою и Татарами, но иногда имѣла вліяніе и на дѣла Литовскія. Такъ, въ 1401 году, Олегъ Ивановичъ, желая помочь изгнанному изъ Смоленска князю Юрью Святославичу, вооружилъ противъ Витовта князей Муромскаго, Провскаго и Козельскаго, отнялъ у Литовцевъ Смоленскъ и посадилъ тамъ прежняго князя своего, союзника Юрія Святославича ⁽²³⁾. Потомъ, въ 1402 году, посылалъ своего сына Родослава на Брянскъ ⁽²⁴⁾. Такимъ образомъ географическія свѣдѣнія Рязанцевъ ограничивались землями Московскими, Муромскими, Мордовскими, Мещерскими, Татарскими и частию Литовскими. Можетъ быть, у Рязанцовъ были сношенія и съ другими странами по торговлѣ; но за ними нѣмъ Рязанскихъ лѣтописей, мы объ этомъ не знаемъ.

Но совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ со Псковомъ, соприкасаясь своими общирными владѣніями съ Литвою, Нѣмцами, Балтійскимъ моремъ, Сѣвернымъ Океаномъ, съ землями, лежащими по Оби, съ Камскою Болгаріею, составлявшею тогда владѣніе Татаръ, и съ землями Московскими и Тверскими. Притомъ, производя сильную и дѣятельную торговлю, Новгородцы, волей-не-волей, имѣли обширнѣйшія географическія свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ. Вотъ мѣста изъ

⁽²⁰⁾ Ник. V, стр. 36. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 92. ⁽²²⁾ Ник. V, стр. 192. ⁽²³⁾ Ник. IV, стр. 302. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 303.

дѣятельней, указывающія на дѣятельныя сношенія этого предприимчиваго народа съ разными землями. Въ 1401 году Новгородскіе бояре, Степанъ Ивановичъ съ товарищами, собравъ Вожатъ, бѣжали съ Москвичами въ Заволочѣ на Колмогорахъ ⁽²⁴⁾. Въ 1406 году Псковичи сперва воевали Полоцкія волости, потомъ ходили въ Нѣмецкую землю, побили Нѣмцовъ подъ Новымъ Городкомъ (можетъ-быть Нейгаузенъ) и гнались за ними до Кѣрѣянова. Въ слѣдующемъ году они взяли у Нѣмцовъ городъ Порхъ ⁽²⁵⁾. Подъ 1410 годомъ Новгородская лѣтопись, упоминая о войнѣ Литовцевъ съ Нѣмцами, говоритъ, что у Литовцевъ была три побѣда съ Пруссамъ и Нѣмцами, что Литовцы ходили по Нѣмецкой землѣ одиннадцать съ половиною недѣль, побрали всѣ Нѣмецкіе города, за исключеніемъ трехъ, и подъ Маріинымъ городомъ (Маріенбургомъ) стояли 8 недѣль ⁽²⁶⁾. Это извѣстіе, конечно, почерпнуто лѣтописцемъ не изъ Литовскихъ или Ливонскихъ хроникъ, въ которыхъ оно разсказано не такъ, а изъ разсказовъ самовидцевъ, т. е. или отъ Новгородцевъ и Псковитянъ, бывшихъ тогда въ Ливоніи, или отъ Ливонцевъ и Литовцевъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ; слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ указываетъ на близкія и постоянныя сношенія Новгорода и Пскова съ Ливоніею и Литвою. Подъ слѣдующимъ годомъ та же лѣтопись, разсказывая о войнѣ Новгорода съ Шведами, говоритъ, что Новгородцы, съ одной стороны преслѣдуя Шведовъ, проникли до Выборга, а съ другой, изъ Заволочья, отъ устьевъ Двины, прошли моремъ въ сѣверныя предѣлы Норвегіи ⁽²⁷⁾. Здѣсь мы ясно видимъ, что для Новгородцевъ была знакомъ и этотъ отдаленный край Скандинавскаго полуострова. Подъ 1414 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Новгородскомъ посольствѣ въ Литву, а подъ 1415 о нападеніи Татаръ на Елецкія земли и о сильныхъ пожарахъ въ Москвѣ и Смоленскѣ ⁽²⁸⁾. Очевидно, что Новгородцы хорошо знали всѣ событія не только въ Литвѣ, Смоленскѣ и Москвѣ, но даже въ краю, соприкасающемся съ Татарскими степями, въ одномъ изъ самыхъ южныхъ городовъ тогдашней Руси, Ельцѣ; слѣдовательно, всѣ сіи страны они постоянно посѣщали, и конечно не для чего иного, какъ для торговли. Подъ 1442 годомъ лѣтопись разсказыва-

⁽²⁴⁾ Новг. I, стр. 101. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 103. ⁽²⁶⁾ Тамъ же 104. ⁽²⁷⁾ Тамъ же, ⁽²⁸⁾ Тамъ же, 105.

еть объ убіеніи Литовскаго князя Жилимонта Александромъ Чарторижскимъ и братомъ его, Иваномъ, объ избраніи Казимира въ Литовскіе князья, по другихъ тамошнихъ прошествіяхъ⁽³⁹⁾. Сии извѣстія опять ясно свидѣлствуютъ, что весь Литовскій край былъ хорошо знакомъ Новгородцамъ, и они такъ интересовались тамошними событіями, что вносили ихъ въ свои лѣтописи. Подъ 1443 годомъ въ третьей Новгородской лѣтописи, при описаніи голода, упоминается, что многіе Новгородцы разошлись, иные въ Литву, иные въ Латинство, и иные въ Бесерменство изъ хлѣба⁽⁴⁰⁾. Здѣсь мы имѣемъ новое доказательство, что Новгородцы были знакомы не только съ Нѣмецкою и Литовскою землею, но и съ странами Мусульманскими, подъ которыми лѣтопись, конечно, здѣсь разумѣетъ земли Татарскія. Подъ 1445 годомъ четвертая Новгородская лѣтопись говоритъ, что Ливонскіе Нѣмцы, послѣ нападенія на городъ Ямы, прислали сказать Новгородцамъ: «мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорей изъ заморія Клевскій, про своего проводника Итолка Ругодизца»⁽⁴¹⁾. Это извѣстіе, подтверждаемое и бумагами Нѣмецкаго ордена, свидѣлствуетъ, что Новгородцы знали и герцога Клевскаго, слѣдовательно бывали и въ самой Германіи, или по крайней мѣрѣ знали ее по рассказамъ прѣѣзжавшихъ оттуда купцовъ. Это извѣстіе говоритъ о знакомствѣ Новгородцевъ съ землями, лежащими на западъ отъ Новгорода; а вотъ свидѣтельство о сношеніяхъ Новгорода съ востокомъ. По сказанію Никоновской лѣтописи, Новгородцы съ своими посадниками Анзаломъ, въ 1409 году, воевали въ Камской Болгаріи, причемъ часть ихъ рати, въ числѣ 100 насадовъ, отправилась Камюю, а другая часть, на 150 насадахъ, Волгою; но какъ Волжская часть рати опоздала прійти на соединеніе къ назначенному сроку, то Новгородцы и были разбиты Татарами⁽⁴²⁾. Четвертая Новгородская лѣтопись, подъ 1446 годомъ, говоритъ: что Василій Шенкурскій и Михаіла Яковль, воеводы Новгородскіе, ходили съ Заволоцкою ратью въ трехъ тысячахъ на Югру — «и поймающе Югорскихъ людей много, и жень и дѣтей, и разплочишася; онѣ же Югрицы доспѣша надъ ними область, а ркуа тако: мы хотимъ вамъ дань дати, а хотимъ счестися и указати вамъ, стати

⁽³⁹⁾ Новг. I, стр. 113. ⁽⁴⁰⁾ Новг. III, 240. ⁽⁴¹⁾ Новг. IV, стр. 126. ⁽⁴²⁾ Ник. V, 29.

ны, и острова и урочища. А въ то время скопившеся и ударившеся на островъ Васильевъ, и много людей, дѣтей болгарскихъ и удалыхъ людей избиша, человекъ съ 80; а Василей убѣжа съ сыномъ своимъ Семеономъ въ малѣ дружинѣ, а внѣи разбѣгшася по лѣсу. А другій воевода Михайло Яковль въ то время былъ въ иной рѣкѣ; и потомъ Михайло пріѣхалъ къ Васильеву острогу, видѣ острогъ разоренъ и своихъ побитыхъ, а иныхъ разбѣгшихся, и нача искати своихъ по рѣцѣ; и скопшася къ нему Василей съ сыномъ, и явивъ вси, и пріѣхаша во свою землю» (43). Изъ сихъ двухъ извѣстій мы ясно видимъ, что Новгородцы въ первой половинѣ XV вѣка не оставляли своего знакомства на востокъ ни съ Камскою Болгаріею, куда знали дорогу и Камою и Волгою, ни съ Югрою, куда ходили изъ Заволочья. Разсказъ о Югорскомъ походѣ Василья Шенкурскаго и Михайлы Яковлева живо характеризуетъ образъ странствованія Новгородцевъ по отдаленнымъ дикимъ землямъ; здѣсь Новгородцы являються предшественниками и какъ бы учителями познѣвшихъ казаковъ, которые такимъ же образомъ пролагали новые пути по Сибири, и, строя въ дикихъ лѣсахъ остроги или крѣпосцы, повенно покоряли эту обширную страну Московскому государю.

Собственно о Новгородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ географическія свидѣнія за первую половину XV столѣтія очень немногочисленны. Новгородскія владѣнія вообще, въ XV вѣкѣ, раздѣлялись на собственно Новгородскія земли и на Псковскія; граница сихъ двухъ владѣній была вдалеко отъ Дубровны. Такъ, въ Псковской лѣтописи подъ 1460 годомъ сказано: «посадники Псковскіи и бояре срътоша князя Юрья (шедшаго изъ Новгорода) за рубежомъ по Дубровнѣ» (44). Далѣе на юговостокъ Псковская граница подходила къ Порхову и Вышгороду, какъ свидѣтельствуется Псковская лѣтопись подъ 1428 годомъ (45); потомъ сворачивала на Ржеву къ западу (нынѣшній Новоржевъ на Лыстѣ), которая уже принадлежала Литвѣ, по крайней мѣрѣ въ это время; ибо въ лѣтописи подъ 1406 годомъ сказано, что «Псковичи повоевали у Литовцевъ Ржеву и Великіе Луки» (46). Въ Новгородской 1-й лѣтописи, подъ 1435 годомъ, около Ржевы

(43) Новг. IV, стр. 124. (44) Псков. I, стр. 219. (45) Тамъ же, 205. (46) Тамъ же, 197.

именно означенъ Псковской рубежъ. Отъ Ржевы граница шла къ верховьямъ рѣки Великой, гдѣ крайнимъ Псковскимъ городомъ была Опочка ⁽⁴⁷⁾; отъ Опочки Псковскія владѣнія шли къ верховьямъ рѣки Лужи, гдѣ вѣроятно былъ упоминаемый въ лѣтописи Псковской городъ Коложе ⁽⁴⁸⁾. Отсюда Псковская граница примыкала къ землямъ Ливонскихъ Нѣмцовъ, къ областямъ городовъ Мариенбурга и Нейгаузена, который въ нашихъ лѣтописяхъ называется новымъ городкомъ Нѣмецкимъ ⁽⁴⁹⁾. Немного на сѣверовостокъ отъ Нейгаузена, Псковская граница шла на рѣку Серицу ⁽⁵⁰⁾, можетъ-быть ту самую, на которой нынѣ стоятъ мѣстечко Печеры, гдѣ были Псковскія волости Лагозовица ⁽⁵¹⁾, Деманица, Залесье (нынѣшнее Залѣсье) ⁽⁵²⁾ и пригороды Изборскъ, и Выборъ, можетъ-быть на самомъ рубежѣ съ Нѣмцами, ибо въ лѣтописи сказано подъ 1434 годомъ: «того лѣта Псковичи новыи города укрѣпивше, стѣну и привалы къ стѣнѣ привалиша, одному на берегѣ во Гдовѣ, а другому въ Залѣсьи на Выборѣ» ⁽⁵³⁾. Отъ Лагозовицы начинался южный и восточный берегъ Псковскаго озера, далѣе восточный же берегъ Чудскаго озера, и наконецъ рѣка Нарова, составлявшая западную границу Псковской земли. При выходѣ Наровы изъ Чудскаго озера, кажется, Псковская граница выходила даже за Нарову; ибо въ лѣтописи подъ 1460 годомъ упоминается о спорѣ Псковичей съ Нѣмцами за Озольцу и Желачко, которые уже лежали на западѣ отъ Наровы ⁽⁵⁴⁾. Главныя поселенія Псковитянъ лежали по рѣкѣ Великой и ея притокамъ; тутъ находились ихъ города Псковъ, и, на югъ отъ Пскова Островъ, гдѣ-то неподалеку отъ Острова, Кателенъ ⁽⁵⁵⁾, потомъ Вороначь, нынѣшній Вороничъ, на Лѣстѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Великую ⁽⁵⁶⁾, и наконецъ Опочка, самый крайній Псковской городъ на югѣ. Между Островомъ и Вороничъ были еще города: Вельи, кажется, при впаденіи рѣчки Сии въ Великую ⁽⁵⁷⁾, и Вревъ, гдѣ-то въ той же сторонѣ ⁽⁵⁸⁾; на восточномъ берегу Чудскаго озера у Псковитянъ былъ городъ Гдовъ, о которомъ упоминается подъ 1431

⁽⁴⁷⁾ Пск. I, стр. 202. Новг. I, 111. ⁽⁴⁸⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁴⁹⁾ Тамъ же, 198. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же. ⁽⁵¹⁾ Тамъ же, 199. ⁽⁵²⁾ Тамъ же, ⁽⁵³⁾ Тамъ же, 207. ⁽⁵⁴⁾ Тамъ же, 218—219. ⁽⁵⁵⁾ Тамъ же, 204. ⁽⁵⁶⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁵⁷⁾ Тамъ же, ⁽⁵⁸⁾ Тамъ же, 204.

и 1434 годах^(*). Такимъ образомъ мы видимъ, что Псковскія владѣнія въ первой половинѣ XV вѣка были очень необширны и едва ли составляли половину нынѣшней Псковской губерніи; но дѣятельная и обширная торговля въ прежнее и тогдашнее время дѣлала сію небольшую землю довольно сильнымъ и значительнымъ владѣніемъ того времени, что доказывалось продолжительною войною Псковитянъ съ Ливонскими Нѣмцами и съ великимъ княземъ Литовскимъ, знаменитымъ Витовтомъ. Войну сію, продолжавшуюся три года, Псковитяне рѣшительно выдерживали одни, и кончили честнымъ для себя миромъ^(**). Псковъ и его пригороды были еще сильны своимъ народонаселеніемъ и богатствомъ, и даже не робѣли стоять отдѣльно отъ Новгорода въ продолженіе 34 лѣтъ^(***) противъ всѣхъ своихъ враговъ. Псковскіе города вообще были довольно хорошо укрѣплены, и при нападеніи непріятелей, почти всегда удачно отбивались или давали за себя оккупъ.

Западная граница собственно Новгородскихъ владѣній, въ первой половинѣ XV вѣка, начиналась нѣсколько сѣвѣннѣе Ржевы, ибо, какъ мы уже видѣли, Ржева и Великіе Луки, прежніе Новгородскіе города, принадлежали Литовцамъ хотя временно. Отъ Ржевы Новгородская граница шла на Вышгородъ, Порховъ, Дубровну и Ямъ-городъ, потомъ къ устьямъ Ижоры и Невы, на Лодожское озеро, гдѣ былъ Новгородскій городъ Ореховъ, нынѣшній Шлиссельбургъ^(***). Здѣсь лежали земли, составлявшія Вотыскую патицу. За Невой начиналась уже спорная земля у Новгородцевъ съ Шведами. Впрочемъ, у Новгородцевъ были уже здѣсь города по западному берегу Ладожскаго озера, Тиверскій и Корельскій. Отъ Орехова западная Новгородская граница шла на Узерку и по западному берегу Ладожскаго озера, на озера Пеглиарви, Тохмоярви. и Теласарви или Целецкое, гдѣ начиналась спорная Корельская земля, зависѣвшая то отъ Новгорода, то отъ Швеціи. Далѣе къ берегамъ Бѣлаго моря, Новгородскія владѣнія сходились съ Норвежскими, и не имѣли постоянныхъ границъ. Въ лѣтописи подъ 1419 годомъ въ этомъ краю упоминаются Новгородскія земли: Корельскій погостъ въ Варзугѣ, и Заволочскіе погосты: Не-

(*) Пск. I, стр. 206, 207. (**) Новгород. I, 103. (***) Новгород. I, 208; (****) Новгород. IV, 123.

ноксъ, Корельскій монастырь св. Николы, Конечный погостъ, Яковля Курья, Ондръяновъ берегъ, Кнгъ-островъ, Кяръ-островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонамъ и Хъчинниа, на которые въ этомъ году нападали Норвежцы, пришедшіе моремъ въ бусахъ и шнекахъ ^(*). Отъ Бѣлаго моря владѣнія Новгородскія на сѣверо-востокъ простирались по прежнему, до Сибири. Хотя Московскіе Великіе Князья старались утвердиться въ сосѣднихъ Новгородскихъ областяхъ, лежавшихъ по сѣверной Двинѣ, однако же не имѣли успѣха. За то Василию Дмитріевичу удалось занять Бѣжецкій верхъ, Волокъ Ламскій и Вологду. Его сынъ, Василий Темный, хотя въ 1435 году и обѣщалъ возвратить сія области Новгороду, но это намѣреніе осталось неисполненнымъ ^(**). Такимъ образомъ въ первой половинѣ XV вѣка Новгородъ потерпѣлъ значительныя утраты въ своихъ владѣніяхъ: съ одной стороны, Литовцы отодвинули Новгородскія границы за Ржеву, а съ другой, Москвичи выдвинули свою границу на Мологу, Шексну и Сухону, принадлежавшія прежде Новгороду. Изъ Новгородскихъ пригородовъ въ самомъ началѣ XV вѣка лѣтопись упоминаетъ о Русѣ, Ладогѣ, Орѣховѣ, Тиверскомъ, Копорѣ, Корельскомъ, Торжкѣ, Волокѣ - Ламскомъ, Порховѣ, Вышгородѣ, Высокомъ, Кошкнѣ и Городцѣ, которые въ 1404 году были отданы, временно, пришедшему въ Новгородъ Смоленскому князю Юрью Святославичу ^(***). Подробнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о Новгородскомъ краѣ за первую половину XV вѣка мы не имѣемъ; но за то за вторую половину мы найдемъ самыя полныя географическія свѣдѣнія объ этой сторонѣ; ибо, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, до насъ дошли официальные Писцовыя книги Новгородскихъ владѣній конца XV вѣка.

Тверскія владѣнія, сколько можно судить по извѣстіямъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ, въ первой половинѣ XV вѣка имѣли прежнія границы, въ которыхъ оставилъ ихъ знаменитый тамошній князь Михаилъ Александровичъ. Тогдашнее положеніе Твери было таково, что какъ по внутреннему состоянію Тверскихъ владѣній, такъ и по разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, Тверичи, окруженные сильными сосѣдами, Литовцами,

(*) Новг. I, стр. 108—109. (**) Тамъ же, 112. (***) Нов. IV, стр. 107.

Новгородцами и Москвитчами, ничего не могли предпринять къ распространенію своихъ границъ, а ежели когда и предпринимали что противъ Новгородцевъ, то не имѣли надлежащаго успѣха. Съ Москвою же и Литвою во все это время они оставались въ постоянномъ мирѣ, который, вѣроятно, много способствовалъ развитію Тверской торговли; впрочемъ мы не имѣемъ собственно Тверскихъ лѣтописей, а посему не знаемъ и подробностей объ этомъ предметѣ.

Сдѣлавши обзоръ географическихъ свѣдѣній на Руси за первую половину XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ перейти ко второй половинѣ, заключающей въ себѣ съ 1462 года правленіе Великаго Князя Іоанна III-го. Это время, по разнообразію географическихъ свѣдѣній на Руси, самое обильное и занимательное. Москва начала вступать въ болѣе близкія связи съ отдаленными государствами Европы и Азіи; прежнее знакомство Москвитянъ съ разными народами развилось въ болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія Московскаго правительства къ другимъ; самый географическій объемъ государства пріобрѣлъ болѣе опредѣленныя и обширныя границы; полузависимость русскихъ владѣній почти исчезла и превратилась въ полное соединеніе съ Москвою.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на то, какія географическія свѣдѣнія пріобрѣла Русь во вторую половину XV вѣка, съ какими землями она ознакомилась. Въ западной Европѣ Москву узнали еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, именно на Флорентинскомъ соборѣ, гдѣ представителями ея были Митролитъ Исидоръ съ своею свитою; въ это же время, какъ мы уже видѣли, и Москвитчи нѣсколько ознакомились съ западною Европою; это знакомство было добрымъ началомъ тѣхъ отношеній, въ которыя въ послѣдствіи Москва вступила съ нею. Путешествіе Исидора на Флорентійскій соборъ не пропахло даромъ ни для Москвы, ни для Европы, хотя и не достигло ближайшей цѣли, съ которою было предпринято. Европейцы, узнавши здѣсь Москвитянъ, какъ могущественныхъ представителей восточнаго Христіанства, ухватились за мысль войти съ ними въ ближайшія сношенія для замышляемыхъ походовъ противъ Турокъ, грозившихъ покорить Европу; Москвитчи же, узнавши отъ спутниковъ Исидоровыхъ о цвѣтущемъ состояніи вѣдѣнныхъ ими въ Европѣ городовъ, захотѣли воспользо-

ваться плодами Европейской опытности въ дѣлѣ искусствъ и гражданственности. Первое знакомство однако же начали сами Европейцы. Папа Павелъ II-й, думая подвигнуть Московскаго Государя противъ Турокъ, въ 1469 году отправилъ въ Москву Грека Юрія съ предложеніемъ Іоанну вступить въ бракъ съ Софією, дочерью владѣтеля Амморейскаго Оомы, воспитывавшеюся въ Римѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это чрезъ свое посольство въ Римъ, отправивъ туда Ивана Фрязина, который получилъ отъ Папы лсты, чтобы послать Великаго Князя ходить добровольно 2 года по всѣмъ землямъ, подчиненнымъ Папѣ (*). Въ 1472 году Московскій Государь отправилъ новое посольство въ Римъ, чтобы привести оттуда Царевну Софію, посольство сіе, бывшее подъ начальствомъ того же Ивана Фрязина, Венеціанскаго уроженца, было принято въ Италіи съ большими почестями и, возвращаясь назадъ съ Царевною, шло черезъ Германію до Любека, и, по наказу папскому, вездѣ находило почетныя встрѣчи и проводы. вмѣстѣ съ Софією пріѣхали въ Москву многіе Греки, проживавшіе въ Италіи. Все это съ одной стороны знакомяло ближе Европу съ Москвою, а съ другой еще больше знакомило Москвичей съ Европою; ибо послы Московскіе, не зажмурившись, разъѣзжали по Европѣ: кромѣ собственнаго любопытства, они, вѣроятно, имѣли и официальную обязанность сколько можно болѣе узнавать бытъ Европейцевъ и о всемъ, что услышать и увидать, доносить Государю. Конечно, мы не имѣемъ статейныхъ списковъ Фрязина, и слѣдовательно не можемъ прямо указать, какія именно свѣдѣнія о Европѣ доставило его посольство; но что были доставлены свѣдѣнія, и довольно значительныя, въ этомъ почти нельзя сомнѣваться, ибо тогдашняя администрація Московскаго Двора была такова, что къ ней всего ближе можно отнести извѣстное правило Римлянъ о посольствахъ, отправляемыхъ къ неизвѣстнымъ народамъ: «*ut mores, instituta totamque vivendi rationem ejus gentis, apud quam legationis nomine versabantur, diligenter litteris consignarent*». Существованіе подобнаго правила въ Москвѣ доказывается многими наказами и статейными списками послѣдующихъ посольствъ, о которыхъ мы будемъ говорить

(*) Львов. III, стр. 30.

въ своемъ мѣстѣ. Еще послѣ перваго посольства Ивана Фрязина въ Римъ, пріѣхалъ въ Москву посолъ Венеціянскаго дожа Николая Трова; но это посольство, скрытое Фрязинымъ и потомъ открытое въ Москвѣ, навлекло Государеву опалу на Венеціянскаго посла. Вслѣдствіе чего Московскій Государь, по заключеніи брака съ Софіею, отправилъ свое посольство въ Венецію; посломъ Государя былъ Россіянинъ Семень Толбузинъ. Ему, между прочимъ, наказано было привести изъ Италіи хорошаго архитектора, для построенія въ Москвѣ большой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы ^(*), и онъ вывезъ изъ Венеціи Болонскаго уроженца Аристотеля Фіораванти, пріобрѣвшаго уже знаменитость постройкою большой церкви и воротъ въ Венеціи ^(**). Мы не имѣемъ статейнаго списка посольства Толбузина; но, судя по рассказамъ о Венеціанской землѣ, сохраннымъ въ Русскомъ лѣтописцѣ Львова, статейный списокъ Толбузина заключалъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ подробностей о той странѣ. Такъ въ лѣтописцѣ Толбузинъ рассказываетъ о церкви Св. Марка и городскихъ воротахъ въ Венеціи, о пала-тахъ Аристотеля, объ избраніи Венеціянскаго дожа всею землею посредствомъ выниманія отмеченныхъ зеренъ изъ сосуда, о мощахъ Св. Екатерины, о городѣ, въ которомъ живетъ дожъ, и о первоначальномъ построеніи Венеціи, о которомъ говорятъ такъ: «а мѣсто де то, какъ сказываютъ старожители и книжники, сперва невелико было, да много де въ морѣ камнемъ придѣлали хитроки, гдѣ Венеція градъ стоитъ» ^(**).

Въ 1473 году былъ посланъ Беклемишевъ въ Крымъ. Въ дѣлахъ этого посольства упоминается, что ему приказано было между прочимъ захватить въ Кафу и требовать отъ тамошняго Генуэскаго консула, чтобы Генуэсцы выдали Русскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары, на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли. Это извѣстіе показываетъ, что торговыя сношенія Москвитянъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря продолжались по прежнему. Не смотря на то, что владѣльцы тамошняго края смѣнялись одна другими, Русскіе продолжали возить свои товары и одна-

(*) Ник. VI, стр. 52. (**) Львов. III, стр. 41. (***) Тамъ же.

ково торговали съ Крымцами, Итальянцами и Турками. При торговлѣ, постоянно продолжавшейся, конечно, и географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ годъ отъ году увеличивались на Руси. Русскіе не только знали различныя дороги въ эту страну, по которымъ было бы удобнѣе провозить товары, но также не были незнакомы съ обычаями и требованіями тамошнихъ жителей: ибо торговцамъ нельзя не знать, что требуется въ той сторонѣ, куда они везутъ свой товаръ, и откуда получаютъ тамошніе товары на обихъ. Конечно, до насъ не дошло никакихъ описаній тамошняго края, сдѣланныхъ торговцами; но самый фактъ торговли служитъ прямымъ свидѣтельствомъ о географическомъ знакомствѣ съ тою страной. Этотъ фактъ подтверждается не однимъ наказомъ Беклемишеву; въ Архивской лѣтописи подъ 1475 годомъ при описаніи занятія Кафы Турками сказано: «Турковъ взяша Кафу, и гостей Московскихъ многихъ побиша, а иныхъ поймаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ даваша» ⁽⁷⁰⁾. Изъ посольствъ же между Турецкими Султаномъ и Московскимъ Государемъ видно, что Русская торговля не ограничивалась только однимъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, но простиралась и на прочія владѣнія султана: такъ Баязетъ въ своей грамотѣ къ Іоанну, присланной съ Московскимъ посломъ Плещеевымъ въ 1498 году, говоритъ: «и гости свои въ мою землю отпускай, и пришеди увидать нашу правду къ тебѣ и тобѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостѣхъ писалъ ты ко мнѣ прежь сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ правдою» ⁽⁷¹⁾. Въ дѣлахъ посольства Голохвостова въ Константинополь въ 1499 году, то же говорится объ исходатайствованіи разныхъ выгодъ Московскимъ торговцамъ въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Контарини, Венеціанскій посолъ къ Персидскому шаху Узунъ-Гассану, въ своемъ путешествіи упоминаетъ, что онъ въ 1476 г. встрѣтилъ въ Экбатанѣ великокняжескаго посланца изъ Москвы, Марка Руфа, который велъ переговоры съ шахомъ Узунемъ. Московскій посолъ отправился назадъ въ Москву вмѣстѣ съ Персидскимъ и съ Венеціанцомъ Контарини; сей послѣдній въ своемъ путешествіи говоритъ: что они ѣхали изъ Тифлиса черезъ Ша-

(70) Ист. Гос. Рос. Т. VI, прим. 127. (71) Дѣл. Крым. № 1.

маху, богатую шелкомъ, Дербентъ и Астрахань. По его словамъ, городъ сей тогда состоялъ изъ землянокъ, обвѣсанныхъ худою стѣною; тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани и получали оттуда мѣха и сѣдла. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степамъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего кромѣ неба и земли; часто испытывали недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться чрезъ рѣки, и восхваляли милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ и совершенно безопасной для путешественниковъ. По Русскимъ памятникамъ нѣтъ извѣстій о посольствѣ Руфа къ Узунъ-Гассану; но что оно было, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, ибо Контарини не могъ же и не имѣлъ выгоды выдумывать отъ себя о встрѣчѣ съ Руфомъ въ Экбатанѣ, о путешествіи своемъ въ Москву и о приѣмѣ тамошнимъ Государемъ. Мы не знаемъ причинъ, для чего Маркъ Руфъ былъ посланъ въ Персію; но для насъ довольно и того, что онъ былъ; слѣдовательно Русскіе и въ XV столѣтіи знали дорогу въ эту сторону. Описаніе Донскихъ и Воронежскихъ степей у Контарини нѣсколько сходно съ описаніемъ тѣхъ же мѣстъ въ путешествіи Пимена въ XIV столѣтіи. Контарини, какъ иностранцу, вездѣ казалось, что его ведутъ наобумъ не зная дороги; тогда какъ провожатые Руфа были безъ сомнѣнія люди бывалые, хорошо знавшіе этотъ край, что доказывается и самымъ дѣломъ: ибо путники ни разу не встрѣтились съ хищными Татарами, о чемъ конечно и старались провожатые. Такимъ образомъ изъ путешествія Контарини мы узнаемъ, что Русскіе времяпъ Іоанна III имѣли нѣкоторыя географическія свѣдѣнія и о внутреннихъ земляхъ Персіи, по крайней мѣрѣ Шарвана. Но, кромѣ Персіи, Москвитинъ въ это же время вѣроятно хорошо знали всѣ земли отъ Каспійскаго моря на востокъ до Аральскаго и на сѣверъ до Иртыша; ибо въ этомъ краю кочевали союзники Іоанновы, Нагаи, съ которыми онъ очень часто сносился взаимными посольствами. Торговая предприимчивость Русскихъ еще далѣе посольствъ простиралась въ Азію. Такъ около 1470 года одинъ Тверскій купецъ Аѳонасій Никитинъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Деканѣ, на берегу Малабарскомъ, въ королевствѣ Голконаскомъ, и

оставилъ очень любопытныя записки своего путешествія, со-
держанія которыхъ мы не можемъ не помѣстить въ настоя-
щемъ трудѣ.

Никитинъ начинаеть свои записки такъ: «Господи Иисусе
Христе! помилуй мя раба Своего, грѣшнаго Аѳонасыя Никити-
на сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: пер-
вое море Дербентское, или дорія Хвалитская; второе море Ин-
дѣйское, дорія Индустанская; третье море черное, дорія Стам-
бульская. Поводохъ отъ Св. Спаса златоверхаго съ его мило-
стью отъ В. К. Михаила Борисовича и отъ Владыки Геннадія
Тверскихъ; поидохъ на низъ Волгою и приидохъ въ монастырь
къ Св. и Живоначальной Троицѣ, Св. мученикомъ Борису и
Глѣбу, и у Игумена сл. благословивъ у Макарья. Изъ Колязи-
на поидохъ на Угличъ, съ Углича на Кострому ко Князю Алек-
сандру съ иною грамотою, и къ Великому Князю всея Русіи
отпустилъ мя добровольно, и на плесо въ Новгородъ Нижній къ
Михайлу къ Киселеву, къ Намѣстнику и къ пошлявнику, къ
Ивану Сараеву, пропустили добровольно. А Василій Папинъ
проѣхалъ городъ, а язъ ждалъ въ Новгородѣ двѣ недѣли посла
Татарскаго Ширваншина Асамбека; а ѣхалъ съ кречеты отъ
Великаго Князя Ивана, а кречетовъ у него 90. И поѣхалъ съ
нимъ на низъ Волгою, и Казань есмь, и Орду, и Усланъ, и Сарай
и Берекзаны проѣхали добровольно, и въѣхали есмь въ Бузанъ
рѣку, и ту наѣхали на насъ три Татарины поганыя и сказали
намъ лживыя вѣсти: «Кайсымъ салтанъ стережетъ гостей въ
Бузани, а съ нимъ 3000 Татаръ». И посолъ Ширваншинъ Асам-
бекъ далъ имъ по однорядкы, да по полотну, чтобъ провели
мимо Астрахань, и оны вѣсть дали въ Асторохани Царю, и язъ
свое судно покинулъ, да полезъ есми на судно пословъ съ това-
рщи. По мѣсячу вочи ларусомъ Царь насъ видѣлъ, и Татаро-
ве насъ кликали: не бѣгайте! и Царь послалъ за нами всю свою
орду, и по нашимъ грѣхомъ насъ постигли въ Бузанѣ; застрѣ-
лили у насъ челоуѣка, а мы у нихъ двухъ застрѣлили, и судно
наше меньшее стало на езу, и оны его взяли часа того, да разгра-
били, а моя рухлядь вся въ меншемъ суднѣ. А большимъ есмь
судномъ пошли до моря, ино стали на усть Волги на мели, и
оны насъ тутъ взяли, да судно есмь взадъ тянули до езу, и тутъ
судно наше большое взяли и четыре головы взяли Русскія, а
насъ отпустили голыми головами за море. А вверхъ насъ не

пропустили вѣсти дѣля; и пошли есмь къ Дербенту двѣма суды: въ одномъ судѣ посолъ, а Русаковъ насъ 10 головами, а въ другомъ 6 Москвичъ да 6 Тверячъ; и встала фурставина на морѣ, да судно меньшее разбило о берегъ, и пришли Кайтаки да людей поймаи всѣхъ. И пришли есмь въ Дербентъ, и ту Василей (Папинъ) по здорову пришелъ, а мы пограблены; и билъ есмь челомъ Василью Папину да послу Шерваншину, что есмь съ нимъ пришла, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы (Тарки) Кайтаки. И Асамбекъ печаловался и ѣзидъ на гору къ Ширваншѣ-Бѣгу И Ширванша Бѣгъ того часа послалъ къ шурину своему Аляль-Бѣгу, Кайтаческому князю, что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди пришелъ людей поймаи, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы, мене дѣля, люди ко мнѣ прислалъ и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тебѣ будетъ надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ своему брату за то нестою. И Аляль-Бѣгъ того часа отослалъ людей всѣхъ въ Дербентъ добровольно, а изъ Дербента послали ихъ къ Ширванъ, въ ору его Койтулъ; а мы поѣхали къ Ширванъ въ Койтулъ, и билъ есмь ему челомъ, чтобъ насъ пожаловалъ, чѣмъ дойти до Руси, и онъ намъ не далъ ничего. Ано насъ много, и мы заплакавъ да разошлись кой кулы: у кого что есть на Руси, и той пошелъ на Русь, а кой долженъ, и той пошелъ куда его очи повесля; а иные остались въ Шамахъ, а иные пошли работать къ Бакъ».

Далѣе Никитинъ говоритъ, что онъ пошелъ въ Баку, гдѣ «горить огнь неугасаемый»; въ Баку сѣлъ на корабль и Каспійскимъ моремъ пришелъ къ Мазандеранскому берегу, гдѣ шелъ на Бокаръ, Сару, Амоль, потомъ на Димованъ (Демавену) и Корею (Кіеру), откуда поворотилъ направо въ Кошанъ, съ Кошана опять поворотилъ налѣво къ Навну и Езду, отъ Езда черезъ горы пошелъ на Сырчанъ, потомъ на Таромъ, (Таремъ) къ Лару, изъ Лары на Бендеръ и наконецъ въ Ормузъ, «гдѣ взялъ первый великъ день» (Пасху). О климатѣ Ормуза онъ говоритъ: «а въ Гурмызѣ есть солнце варно, чело-вѣка жечь». Изъ Ормуса шелъ онъ моремъ 10 дней до Моската, съ Моската на Дѣгу въ четыре дни, изъ Дѣга въ Кузрятъ (Гузуратъ), изъ Гузурата въ Коанбаатъ (можетъ-быть прежнюю Камбайю въ дельтѣ Инда); изъ Канбата въ Чувль. Отъ Орму-

за до Чувиль онъ шелъ все моремъ 6 недѣль. Съ Чувиль, по словамъ Никитина, начинается собственно Индѣйская страна, слѣдовательно Чувиль уже стоялъ на лѣвомъ берегу Инда. Изъ Чувиль нашъ путешественникъ пошелъ на Пали (Пили) сухимъ путемъ и шелъ 8 дней, отъ Пали на Умри (Орманъ) къ Индѣйскимъ горамъ десять дней, съ Умри въ Чунеръ, что на острову, семь дней; съ Чунеря до Бедеръ, нынѣшній Бедаръ, тогдашнюю столицу великаго султана, онъ шелъ цѣлый мѣсяцъ; изъ Бедера пошелъ въ Колонкеръ, и отъ Колонкеря до Колберга, отъ одного до другаго города онъ шелъ по пяти дней. По его счету «отъ Чувиль до Чунеря 20 кововъ, а отъ Чунеря до Бедера 40 кововъ, а отъ Бедера до Колонкеря 9 кововъ; а промежу тѣхъ великихъ градовъ, на всякъ день по три города, а иной по четыре гроды: колько кововъ, толко градовъ». О жителяхъ Индіи Никитинъ говоритъ: «а люди ходятъ вси наги, а голова не покрыта, а груди голы и власы въ одну косу заплетены; и всѣ ходятъ брюхаты, а дѣти родятъ на всякій годъ, а дѣтей у нихъ много, а мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны; язь куды хожу, ино за мною людій много да дивуются бѣлому человѣку». О климатѣ и произведеніяхъ земли рассказываетъ слѣдующее: «зима у нихъ стала съ Троицына дни, а зимовали есмь въ Чунерѣ, жили есмь два мѣсяца; еже день и ночь четыре мѣсяца, всюда вода да грязь; въ тѣ же дни у нихъ роютъ да сѣютъ пшеницу, да тутурганъ, да погутъ, да все съѣстное; вино же у нихъ чинятъ въ великихъ орѣхѣхъ кози Гувдустаньская; а брагу чинятъ въ Татну. Коня же кормятъ нофотомъ, да варятъ кичирисъ съ сахаромъ да кормятъ коня, да съ масломъ, порану же даютъ имъ шешин. Въ Индейской же земли коня ся у нихъ неродятъ; въ ихъ земли родятся волю да буболы, на тѣхъ же ѣздятъ, и товаръ возятъ, все дѣлаютъ. А весна у нихъ стала съ Похвалы Св. Богородица. А празднуютъ Шихуаладину веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднуютъ 8 днѣи; а весну держатъ 3 мѣсяца, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму у нихъ 3 мѣсяца». Изъ Бедера Никитинъ ѣздивъ въ Индѣйскій Іерусалимъ, т. е. въ Елморъ, о которомъ говоритъ: «тамошній храмъ величїиномъ будетъ съ пол-Твери», что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣланія тамошняго божества, это божество онъ называетъ Бутомъ, и пишетъ: «въ Буханѣ Бутъ вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку пра-

вую подвѣлъ высоко, да простеръ ее, аки Установилъ Царь Цареградскій, а въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего, а ядѣныя обезьянино; а шны Буты наги, нѣтъ ничего, а жонки Бутовы наги вырѣзаны и съ соромомъ и съ дѣтьми. А передъ Бутомъ же стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты». Далѣе онъ рассказываетъ о богомольцахъ, пріѣзжающихъ въ Елморъ: «къ Порвати же ѣздить о великомъ заговѣнѣ, къ своему ихъ тутю Иерусалиму (а Бесерменскы Икока, а по Русски Иерусалимъ, а по Индѣйски Порватъ); а съѣзжаются всѣ наги, а жонки всѣ наги, а шны въ фотахъ, да на шеяхъ жемчугу много, да яхонтовъ, да на рукахъ обручи да перстни златы олофакъ. А внутри въ Бухтану ѣздить на волѣхъ, а у вола рога окованы мѣдью, а на шеѣ у него 300 колоколицъ, да копыта подкованы мѣдью; а тѣ вола Аччен зовутъ». Изъ Еллора Никитинъ опять воротился въ Бедеръ, и въ этотъ разъ прожилъ тамъ болѣе года, отыскивая удобнѣйшую дорогу на Русь, потомъ пошелъ къ Келбергу, изъ Келберга въ Кулуръ, гдѣ пробылъ пять мѣсяцовъ, изъ Кулуръ въ Калики (вѣроятно Каликутъ), гдѣ большой базаръ, потомъ къ Ковобергу, далѣе къ Шихуаладину, а оттуда на Комендрию и Кивиярасу къ Сурѣ (Мизоръ), а изъ Суры въ приморскій городъ Дабыль, вѣроятно на Малаборскомъ берегу, о которомъ говорить: «Дабиль же есть градъ вельми великъ, а къ тому же Дабыли съѣзжается вся поморія Индѣйская и Ефіопская». Далѣе рассказываетъ о обратномъ своемъ пути въ Россію. «Туже (въ Дабили) окаянный азъ рабище Аѳонасіи устрѣмился умою пойти на Русь; и внидохъ и сговорихъ отколѣ на корабленемъ, а отъ главы своея два златыхъ до Гурмыза града дойти. Внидохъ же въ корабль изъ Дабыля града до Велика дени за три мѣсяца, идохъ же въ тавъ (Индѣйскомъ корабль) по морю мѣсяцъ, а не видѣхъ ничего, на другыи же мѣсяцъ увидѣхъ горы Ефіопскыя (Аравійскіи берега). Въ той же землѣ Ефіопской быхъ пять дени. А оттудова же идохъ 12 дени до Моската; въ Мошкатѣ же 6 великъ день (Пасху) взялъ, и поидохъ до Гурмыза 9 дени, и въ Гурмызѣ же быхъ 20 дени». Съ Ормуза онъ пошелъ на Лари, далѣе на Ширазъ, Вергъ, Ездъ, Испаганъ, Каманъ, Куму, Саву, Султанію и наконецъ прибылъ въ Тавризъ; изъ Тавриза пробрался въ Ширванъ, въ орду Асанъ-Бека (т. е. Узу-

Асана); пробылъ тамъ десять дней, но не найдя пути на Русь, по случаю войны, пошелъ на Арцицару (вѣроятно Арзерумъ) и оттуда въ Трепизонтъ; здѣсь сѣлъ на корабль и Чернымъ моремъ прибылъ въ Кафу.

Такимъ образомъ путешествіе Никитина по Индіи ограничивалось только западнымъ полуостровомъ; но географическія свѣдѣнія, собранныя имъ, простирались далеко за Гангъ, даже до Китайскихъ владѣній. Вотъ записанный имъ дорожникъ отъ Ормуза до Китая: «а отъ Гурмыза ити моремъ до Голата (Келатъ) 10 дени, а отъ Голата до Дѣгу 6 дени, а отъ Дѣга до Мошката 6 дени, а отъ Мошката до Кучъзрята 10 дени, а отъ Кучъзрята до Камбота 4 дени, а отъ Камбота до Чювиля 12 дени, а отъ Чювиля до Дабыля 6 дени, а отъ Дабыля до Келекота 25 дени, а отъ Келекота до Сияна (кажется Цейланъ) 15 дени, а отъ Сияна до Шавбата (Шахабадъ) мѣсяцъ ити, а отъ Шавбата до Певгу 20 дени; а отъ Певгу до Чини да до Мачина мѣсяцъ ити (моремъ все то хоженіе); а отъ Чини до Кита, а ити сухомъ 6 мѣсяцъ, а моремъ 4 дени ити». Кромѣ того, Никитинъ хотя и говоритъ «мене залгали пси Бесермены», а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю»; тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ тщательно всѣ торговые мѣста и пристани въ Индіи. Такъ о Бедерѣ говоритъ: «въ Бедери же торгъ на кони, на товаръ да на камки, да на шелкъ, на все и иной товаръ, да купити въ немъ люди черные, а иные въ немъ купли нѣтъ, все товаръ ихъ Индустанской Есть у нихъ одно мѣсто Шихбъ Алудинъ на годъ единый Базаръ, съѣзжается вся страна Индѣйская торговать, да торгуютъ 10 дена, отъ Бедера 12 кововъ, приводятъ кони до 20 т. коней продавать, всякой товаръ свозять; въ Индустанской земли той торгъ лучшій, всякой товаръ продають и купять, на память Шиха-Аладина, а на Рускій праздникъ на покровъ Св. Богородица». О пристаняхъ онъ говоритъ: «Гурмызъ же есть пристанище велико, всего свѣта люди въ немъ бывають, всякій товаръ въ немъ есть, что во всемъ свѣтѣ родится, то въ Гурмызѣ есть все; тамга же велики: десятое со всего смлютъ. Камбаятъ же пристанище велико Индѣйскому морю всему; а товаръ въ немъ, все дѣлають, алачи, да перстни, да княдики, да чинятъ краску нилъ, да родится въ немъ лекъ, да ахыкъ,

да лопъ. Дабымъ же есть пристанище вельми велико, а приво-
дять кони изъ Мисюрѣ, изъ Арабстанѣ, да ходять сухомъ мѣ-
сяцъ до Бедери да до Келбергу. А Келскогъ же есть пристанище
Индѣйскаго моря всего, а пройти его недай Богъ никакому коста-
ку, а кто его невидитъ, тотъ по здорову не придетъ моремъ; а
родится въ немъ перецъ, да зензебиль, да цвѣтъ да мош-
коть, да каланфуръ, да корица, да гвоздички, да пряное коренье
въ немъ родится много, да все въ немъ дешево. А Симянъ же
есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а въ немъ лежатъ Баба-
седамъ на горѣ на высоцѣ, да около нее родится каменіе дорогое,
да Червцы, да фатили, да бабурги, да бинчан, да хрусталь, да
сумбамъ, да слоны родятся, да продають ихъ въ локоть, да
девятикши продають въ вѣсъ. А Шабатское пристанище Индѣй-
скаго моря вельми велико; а Харасаницамъ даютъ алафу по денгъ
на день и великому и малому,—да родится въ Шабатѣ шелкъ, да
сандаалъ, да жемчугъ, да все дешево. А въ Певгу есть пристани-
ще немало, да все въ немъ Дербыши живутъ Индѣйскіе, да ро-
дятся въ немъ каменіе драгое, мавикъ, да кврпукъ, а продають
же каменіе Дербыши. А Чиньское же да Мачальское пристани-
ще вельми велико, да дѣлають въ немъ чини, да продаются же
чини въ вѣсъ, а дешево. Въ Кузрятѣ же родится краска далукъ.
Въ Орачурѣ же родится алмазъ, продають почку, по пяти руб-
левъ почка алмазу. Алмазъ родится въ горѣ каменной, а про-
дають же ту гору каменную локоть по 10 т. фунтовъ златыхъ;
а земля же та Амаликъ Хановова, а холопъ Салтановъ, а отъ
Бедера 30 кововъ, а сыто». Исчисливъ пристани и торговля мѣ-
ста съ ихъ товарами, вѣроятно изъ видовъ торговли, ежели не
для себя, то для своей братьи Русскихъ купцовъ, Никитинъ не
оставляетъ безъ замѣчанія и климатическихъ свойствъ каждой
тамошней страны; такъ онъ говоритъ: «въ Гундустанѣ сильна-
го вару вѣтъ, силенъ варъ въ Гурмизѣ да въ Кятобагриямѣ,
гдѣ ся жемчугъ родитъ, да въ Жидѣ да въ Мирѣ, да въ Ороб-
станѣ, да въ Лорѣ; а въ Хоросанской землѣ варно да нетаково;
а въ Чеготани вельми варно; въ Ширязѣ, да въ Ездѣ да въ Ка-
шани варно да вѣтеръ бываетъ; а въ Гиляни душно вельми да
парище лихъ, да въ Шамахею паръ лихъ; да въ Вавилонѣ вар-
но, а въ Ляпѣ (не Алеппо ли?) не такъ варно. А въ Севастіи гу-
бѣ да въ Гурмызской землѣ добро обильно всѣмъ, да Турская
земля обильна вельми, да въ Волоской землѣ обильно и дешево,

да и Подольская земля обильна воѣмъ». Въ запискахъ Никитина также разсыпано много дѣльных замѣчаній о жителяхъ пройденныхъ имъ странъ, о тамошнихъ владѣтеляхъ, о ихъ силахъ и отношеніяхъ другъ къ другу и объ управленіи народомъ. Никитинъ прожилъ въ Индіи около пяти лѣтъ; онъ матеріальныхъ выгодъ отъ своего путешествія не получилъ, ибо въ Трепизонтѣ лишился всего, что успѣлъ собрать въ Индіи, какъ свидѣтельствуется самъ: «а въ Трепизонтѣ ми же Шюбавъ да Паша много зла учиняша, хламъ мой весь къ себѣ внесли въ городъ на гору, да обыскали все, что мелочь были добренькая, и они выграбили все»; онъ даже не имѣлъ удовольствія возвратиться въ свой родной городъ, ибо, по свидѣтельству Софійскаго временника, умеръ не дошедъ Смоленска. Но записки его путешествія не пропали для соотечественниковъ: ихъ гости, по свидѣтельству того же временника, привезли въ Москву и отдали государеву дьяку Василью Мамыреву. Зналъ ли объ этихъ запискахъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ мы не видимъ, по нашимъ отечественнымъ памятникамъ, никакихъ правительственныхъ распоряженій о торговлѣ съ Индією, даже мы не знаемъ и частныхъ людей того времени, которые бы ходили по слѣдамъ Никитина; но тѣмъ не менѣе записки оія читались современниками и распространяли въ народѣ географическія свѣдѣнія объ отдаленной Индіи, о которой до Никитина знали на Руси только по рассказамъ пріѣзжавшихъ къ намъ Мусульманъ, расхваливавшихъ Индію, какъ страну, самую прибыльную для торговцовъ, о чемъ свидѣтельствуется и самъ Никитинъ. Онъ говоритъ: «мене залгали пси босермены, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничега на нашу землю». Что записки Никитина читались современниками, что ими дорожили, это доказывается присылкою ихъ изъ Смоленска къ государеву дьяку Мамыреву, и помѣщеніемъ въ лѣтописяхъ; такъ одинъ изъ списковъ помѣщенъ въ Софійскомъ временникѣ, а о другомъ упоминается въ Воскресенской лѣтописи; составитель этой лѣтописи даже старается опредѣлить время путешествія. Онъ говоритъ: «обрѣтохъ написаніе Оеонаса Тверитина купца, что былъ въ Инди четыре года, а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ. Азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ яречаты посломъ отъ Великаго Князя; а сказаша ми за годъ до Казанскаго похода пришелъ изъ Орды; коли князь Юрьи

подъ Казанью былъ, тогда его подъ Казанью застрѣлили. Се же написано, не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ, или въ кое лѣто пришелъ изъ Индіи». Такимъ образомъ записки Никитина познакомили Русскихъ съ Индіею почти за тридцать лѣтъ до прибытія туда знаменитаго Португальца Васко-де-Гамы.

Русскіе конца XV вѣка, знакомясь съ Азіею, въ то же время еще болѣе старались узнать Европу; кромѣ посольствъ въ Италію и Венецію, Іоаннъ сносился посольствами съ Молдавіею, Венгріею, Германскою Имперіею, Даніею и Швеціею. Сношенія сія также годъ отъ году распространяли наши свѣдѣнія о Европѣ; ибо посламъ всегда давались наказы развѣдывать о всемъ, чтó дѣлается въ той землѣ, куда кого посылаютъ, чѣмъ изобилуетъ та земля, въ какихъ отношеніяхъ она къ другимъ землямъ, какіе тамъ города и тому под. Такъ около 1480 года начались сношенія съ Господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ: послы Московскіе ѣздили въ Молдавію черезъ владѣнія Крымскаго Хана, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Государевъ наказъ, данный въ 1480 году князю Ивану Звенцу, посланному къ Менгли-Гирею; въ этомъ наказѣ сказано: «Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ ко мнѣ Стефанъ воевода Волошской о дѣлѣ, и азъ посылалъ къ нему своего человѣка молодого, и ты бы пожаловалъ меня дѣла, велѣлъ до Стефана моего человѣка до проводить; а ко мнѣ Стефанъ воевода пошлетъ своего человѣка, и ты бы отпустилъ его кониѣ съ моимъ бояриномъ». Сношенія Москвы съ Молдавіею были очень многочисленны, слѣдовательно тамошній край необходимо былъ хорошо знакомъ Москвитамъ. Волѣдъ за Молдавіею начала сноситься съ Москвою и Венгрія; первое посольство отъ тамошняго Короля Матеея Корвина прибыло въ Москву въ 1482 году; на что Великій Князь отвѣчалъ въ томъ же году своимъ посольствомъ въ Венгрію, куда былъ отправленъ дьякъ Федоръ Курицынъ, которому между прочимъ велѣно было привезти изъ Венгріи: художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ; размысловъ или ниженеровъ; серебряниковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной. Послѣ Курицына еще было нѣсколько посольствъ въ Венгрію; причемъ Государь наказывалъ посламъ развѣдывать о всѣхъ сношеніяхъ Венгерскаго Короля съ Турціею, Рамъ

скимъ Императоромъ, Богемією и Польшею; въ сихъ наказахъ встрѣчаются иногда значительныя географическія свѣдѣнія, которыя показываютъ, что Московскіе послы старались узнавать этотъ край, и свои свѣдѣнія сообщали правительству. Первое посольство отъ Германскаго Императора Фридриха сына его Максимилиана прибыло въ Москву въ 1488 году; на него Государь Московскій отвѣчалъ своимъ посольствомъ въ 1489 году. Первымъ Московскимъ посломъ къ Императору былъ Грекъ Юрій Траханиотъ и съ нимъ товарищи Иванъ Халая и Костя Оксентьевъ. Послы Московскіе ѣхали на Ревель, Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ они представлялись Римскому Королю Максимилиану. Посламъ между другими дѣлами наказано было пригласить въ Россію разныхъ мастеровъ: рудокоповъ, пушечниковъ, нижезеровъ, золотыхъ, серебрянныхъ и другихъ; а въ первой договорной грамотѣ съ Императоромъ въ заключеніи сказано: «послы и купцы наши да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ другую». Въ 1491 году было отправлено въ Германію второе посольство изъ Москвы; на этотъ разъ Траханиотъ ѣздилъ туда съ дьякомъ Васильемъ Кулешовымъ; въ наказѣ ихъ велѣно говорить имъ къ Максимилиану, что посламъ Нѣмецкимъ и Московскимъ лучше ѣздить впередъ черезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непріятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ Польскихъ владѣніяхъ. Это замѣчаніе ясно говоритъ, что Москвичи уже знали въ то время разныя дороги въ Германію. Въ 1492 году было третье посольство въ Германію; туда опять былъ посланъ Юрій Траханиотъ и при немъ дьякъ Михайла Яропкинъ: послы теперь ѣхали на Мекленбургъ и Любекъ, а не черезъ Данію; въ данномъ имъ наказѣ велѣно заѣхать къ курфюрсту Саксонскому и благодарить его за охраненіе Московскихъ посольствъ. Они также имѣли письма къ герцогу Мекленбургскому, къ бургомистрамъ и ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ; въ донесеніяхъ, писанныхъ Траханиотомъ и Яропкинымъ съ пути, находится много любопытныхъ подробностей не только о главныхъ дѣлахъ Европейской политики, но и о купечествѣ;—такъ, напримѣръ, они доносили, что во Фландріи ластъ ржи тогда стоилъ сто червонцовъ. Все это показываетъ, что Москвичи времени Іоанновыхъ, во время своихъ официальныхъ разъѣздовъ по западной Европѣ, старались сколько можно ближе познакомиться съ состояніемъ посѣщаемыхъ ими странъ, что

они не опускали безъ вниманія ни одного полезнаго свѣдѣнія, которое бы можно было сообщать правительству и соотечественникамъ. Но къ сожалѣнью до насъ не дошло ни одного полного статейнаго списка тѣхъ посольствъ, о которыхъ мы теперь говорили; и слѣдовательно мы не можемъ указать прямо, какія именно географическія и статистическія свѣдѣнія о западной Европѣ были распространены самими посольствами на Русь; но что таковыя свѣдѣнія были дѣйствительно доставлены ежели не прямо правительству, то по крайней мѣрѣ разсѣяны въ народѣ, и что въ это время Москвичи узнали много любопытныхъ и полезныхъ подробностей о земляхъ Молдавіи, Венгріи, Италіи и Германіи, о тамошнихъ жителяхъ, о ихъ промыслахъ, о городахъ, рѣкахъ, горахъ и разныхъ произведеніяхъ земли, въ этомъ мы почти не можемъ сомнѣваться. Одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ представляетъ знаменитый Герберштейнъ: онъ въ своей хорографіи Московскихъ владѣній передаетъ вѣсколько любопытныхъ разсказовъ о плаваніи по Ледовитому морю, и говоритъ, что разказы сіи сообщены ему разными Московскими посланіи въ Данію, по случаю войны съ Швеціею принужденными объѣзжать всю Норвегію. Но въ дѣлахъ посольскаго приказа, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, мы не встрѣчаемъ и помину о подобныхъ разказахъ; а посему мы имѣемъ право заключать, что ежели Московскіе послы въ Данію сообщали много любопытныхъ географическихъ подробностей даже иностранцамъ, то безъ сомнѣнія еще болѣе подробныя свѣдѣнія они доставляли правительству и своимъ соотечественникамъ, и что свѣдѣнія сіи были записываемы, но записки до насъ не дошли. Слѣдовательно то же дѣлали и послы, отправляемые въ другія государства, и неизмѣніе ихъ подробныхъ донесеній въ настоящее время ни мало не доказываетъ, чтобы не было сихъ донесеній въ свое время, т. е. въ XV столѣтіи. Тѣмъ болѣе нельзя допустить сомнѣнія въ существованіи таковыхъ донесеній потому, что изъ трехъ пословъ въ Данію, приводимыхъ Герберштейномъ, двое были посылаемы въ Италію и Германію; и ежели они хорошо описывали географическія подробности пути въ Данію, то конечно тоже хорошо знали подробности дороги въ Германію и Италію. Для болѣе очевиднаго свидѣтельства о тѣхъ географическихъ свѣдѣніяхъ, какія

распространялись на Руси въ XV вѣкѣ, чрезъ Московскія посольства въ разныя Европейскія государства, мы приведемъ здѣсь содержаніе повѣствованія Герберштейна о плаваніи по Ледовитому морю, заимствованныхъ имъ изъ рассказовъ Московскихъ пословъ, вѣзавшихъ въ Данію.

Герберштейнъ говоритъ: «во время моего посольства у Московскаго Государя, я познакомился съ дьякомъ государевымъ Истомою, который въ 1496 году вѣзидъ отъ своего Государя посломъ въ Данію и сообщалъ мнѣ вкратцѣ рассказъ всего своего путешествія. Онъ говорилъ: мы сначала пришли въ Новгородъ, но по случаю войны Государя съ Шведами, должны были оставить знакомый и обычный путь черезъ Шведскія владѣнія и избрать другой, хотя дальнѣйшій, но болѣе безопасный; посему мы изъ Новгорода, по самой трудной дорогѣ, проѣхали 300 миль до устья Двины и Потгавля (Potivulo). Въ Двинскомъ устьѣ, мы сѣли на четыре судна и поплыли около береговъ Онеана, держась правой стороны. Здѣсь передъ нами тянулись высокія и крутыя горы. Сдѣлавши такимъ образомъ 16 миль и прошедши одинъ заливъ, мы поплыли, придерживаясь берега съ лѣвой стороны и оставивъ вправо большое море, которое называется то по рѣкѣ Печерѣ, то по близъ лежащимъ горамъ, и подошли къ народамъ Финляпін, которые хотя обитаютъ въ низкихъ хижинахъ, разсѣянныхъ по берегу моря, и образомъ жизни почти не отличаются отъ звѣрей, но все гораздо лучше лопи, и платятъ дань Московскому Государю. Послѣ того, оставивши землю Лопи и проплывши 80 миль, мы достигли Норлпода, области подвластной Шведскому Королю, у Русскихъ извѣстной подъ именемъ Каянской земли; потомъ, миновавъ излучистый берегъ, который тянется вправо, подошли къ мысу, называемому Святому Носу. Святымъ Носомъ называется огромная скала наподобіе носа, выдающаяся въ море; подъ этою скалою видна пещера съ множествомъ закоулковъ; чрезъ каждые шесть часовъ море заливаетъ ее, и потомъ опять вода вытекаетъ съ большимъ шумомъ. Эту пропасть явныя называютъ нупомъ моря, а другія Халмбдою. Сила этой пучины такъ велика, что тянетъ и поглощаетъ въ себя: близко-проходящіе корабли и другія вещи; мы никогда не были въ такой опасности, какъ въ то время, когда проходили мимо этой пропасти; ибо наше судно едва не втянуло пучиною. Миновавъ Святой Носъ,

мы подошли къ одной утесистой горѣ, которую должно было обойти; здѣсь противныя вѣтры задержали насъ на нѣсколько дней. Корабельщикъ сказалъ намъ: гора, которую видите, называется Семесъ, и чтобы пройти мимо благополучно, то надобно умилостивить ее какимъ нибудь подаркомъ. Я съ бранью сказалъ корабельщику, что это пустое суевѣріе, онъ замолчалъ; но когда черезъ четыре дня вѣтры стихли и мы миновали гору, то онъ сказалъ: вы смѣялись надъ моимъ совѣтомъ задобрить Семеса, а ежели бы я не задобрилъ его тайно ночью, то намъ бы и теперь не было прохода. На мой вопросъ, что же ты далъ Семесу? отвѣчалъ, что онъ насыпалъ на выдавшійся къ намъ камень овсяной муки, смѣшанной съ коровьимъ масломъ. Потомъ, плывши такимъ образомъ, мы подошли къ другому огромному мысу по имени Мотка; онъ походитъ на полуостровъ и на концѣ его стоитъ крѣпость Бартъ, гдѣ короли Норвежскіе содержатъ ратныхъ людей для защиты границъ. Мысль этого такъ далеко вдался въ море, что его едва можно обойти въ 8 дней; посему мы, чтобы не тратить столько времени, перенесли свои суда и поклажу черезъ перешеекъ въ полмили ширины. Послѣ того приплыли мы въ землю дикой Лопи, къ мѣсту называемому Дронтъ, которое отстоитъ отъ Двинны на сѣверъ на 200 миль. Здѣсь, оставивши ладьи, мы остальной путь продолжали оухимъ путемъ на санияхъ. Въ этой странѣ мы видѣли такія же стада оленей, какъ у насъ стада быковъ. Тамошній олень побольше нашего, и у Норвежцевъ называется репъ; Лопи употребляетъ его вмѣсто выючнаго скота: они обыкновенно запрягаютъ оленей въ сани, сдѣланныя наподобіе рыбацкой лодки; человекъ, садясь въ такія сани, чтобы не вывалиться во время скорого бѣга, привязываетъ ноги къ санямъ, въ лѣвой рукѣ держитъ ремень, которымъ правитъ оленей, а въ правой палку, которой волепляется, чтобы не опрокинулись сани, и такимъ образомъ проѣзжаютъ по 20 миль въ день; по сдѣланіи переѣзда, оленей отпускаютъ, и они по привычкѣ сами уже приходятъ къ своимъ хозяевамъ. Мы такимъ же образомъ ѣхали до Норвежскаго города Бергенъ, который лежитъ въ горахъ; а оттуда уже въ Данию окончили путешествіе на лошадяхъ. Въ Дронтъ и Бергенъ лѣтній день продолжается 22 часа.

Потомъ Герберштейнъ приводитъ разсказъ другаго посла отъ хана жепути. «Власевъ, другой дьякъ Государя Московскаго,

который недавно былъ посыланъ къ Цезарю въ Испанію, рассказывалъ мнѣ о томъ же пути иначе и гораздо короче. Онъ говорилъ: «когда я былъ отправленъ изъ Москвы въ Данію къ Королю Іоанну, то сперва шелъ сухимъ путемъ до Ростова; здѣсь, сѣдши на суда, пошелъ на Переяславль (должно быть Ярославль), потомъ изъ Переяславля Волгою на Кострому, и отсюда, пройдши семь верстъ сухимъ путемъ, мы вошли въ одну рѣчку, которая привела насъ въ Вологду, изъ Вологды Сухоною мы прошли въ Двину и продолжали путь въ судахъ до Норвежскаго города Бергена (въ этомъ пути они выдержали всѣ тѣ опасности и труды, о которыхъ рассказывалъ Истома) и наконецъ прямо пришли въ главной Датской городъ Гафнію, который Нѣмцы зовутъ Капенгагеномъ».

Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о свидѣтельствѣ Дмитрія (можетъ-быть Ралея), того самого, который былъ посломъ въ Римъ, и изъ рассказовъ котораго Павелъ Іовій описалъ Московію. Этотъ Дмитрій по приведенному выше пути нѣсколько разъ ѣздилъ въ Норвегію и Данію, и подтвердилъ Герберштейну рассказы Истома и Власія. Въ нашихъ же лѣтописяхъ это путешествіе рассказано въ немногихъ словахъ: «Князь великій послалъ пословъ своихъ (1497 года) къ Датскому Королю въ Нѣмцы Дмитрея Зайцева да Дмитрея Ларева Грека; и шли на Колывань, а назадъ тудѣ несиѣли пройти, и они пришли на Двину около Свѣйскаго Королевства, и около Мурманскаго носу моремъ Океаномъ, мимо Соловецкій монастырь, на Двину, а съ Двины, мимо Устюгъ, къ Москвѣ» (75). Наконецъ, Герберштейнъ говоритъ, что тѣ же государевы послы рассказывали ему о замерзшемъ или ледяномъ морѣ, слѣдующимъ образомъ: «мы сами видѣли, что въ приморскихъ мѣстахъ того края текутъ многія и большія рѣки; своимъ обильнымъ и сильнымъ теченіемъ отгоняютъ морскую воду далеко отъ береговъ, и на извѣстныхъ пространствахъ вмѣстѣ съ моремъ замерзаютъ, какъ это бываетъ въ Ливоніи и другихъ краяхъ Швеціи; только въ морѣ вѣтры ломаютъ ледъ, что рѣдко случается въ рѣкахъ; и сіи обломки льда, выпертые отъ береговъ сильнымъ теченіемъ въ море, плаваютъ почти цѣлый годъ, и потомъ отъ стужи снова такъ смерзаются; что тамъ иногда можно встрѣ-

(75) Арханг. лѣт., стр. 173.

тять ледъ нѣсколькихъ лѣтъ, смерзшіисѧ вмѣстѣ, какъ это легко замѣтять на ледяныхъ глыбахъ, сплюю вѣтра выброшенныхъ на берегъ». Тѣ же послы говорили Герберштейну, что въ сторовѣ, занимаемой дикою Лопью, лѣтнее солнце не закатывается цѣлые сорокъ дней, и только по ночамъ на три часа заволакивается какимъ-то туманомъ, который закрываетъ его лучи, но не уничтожаетъ свѣта, такъ что во все это время мракъ не препятствуетъ работать людямъ. По свидѣтельству Москвитянъ, живущая тамъ Лопь даетъ дань Московскому Государю и выплачиваетъ ее рыбою и мѣхами; выплативши годичную дань, они не знаютъ никакихъ другихъ обязанностей и управляютъ сами собою. Эта Лопь питается только рыбою и звѣрями, не имѣетъ ни соли, ни хлѣба и отличается особеннымъ прожорствомъ; между ними стрѣлки такъ искусны, что дорогаго звѣря бьютъ въ морду, чтобы не испортить шкуры. Отправляясь на охоту, они оставляютъ купцовъ и другихъ пришельцевъ съ женами дома; возвратившись, ежели замѣчаютъ особенную веселость въ женѣ, то гостя дарятъ, а ежели пѣтъ, то выгоняютъ съ безчестіемъ. Но этотъ народъ, отъ частыхъ сношеній съ пришельцами, прходящими сюда для выгодъ торговли, начинаетъ уже оставлять свою природную дикость и дѣлается мягче. Лопи теперь охотно принимаютъ купцовъ и берутъ у нихъ платья, сшитыя изъ толстаго сукна, также топоры, иглы, ложки, ножи, стаканы, муку, горшки и тому подобное; они уже питаются вареною пищею и болѣе походятъ на людей своимъ образомъ жизни; носятъ платье, сшитое изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, и въ такомъ нарядѣ иногда приходятъ въ Москву. Очень немногіе надѣваютъ сапоги и шапки, шитыя изъ оленьей шкуры; у нихъ нѣтъ въ ходу ни золотой, ни серебряной монеты, и торговля производится мѣною товаровъ; такъ какъ они не знаютъ чужихъ языковъ, то прѣзжимъ кажутся нѣмыми; хижины свои покрываютъ древесною корою; не имѣютъ однако же постоянныхъ жилищъ, но вызовявши звѣрей и рыбу въ одномъ мѣстѣ, переходятъ въ другое. Сверхъ того тѣ же государевы послы рассказывали Герберштейну, что они въ тѣхъ краяхъ видали высочайшія горы, подобно Этнѣ, извергающія постоянно пламя, и что отъ такого же постоянного изверженія пламени и въ Норвегіи провалились многія горы. Это подтвердилъ Герберштейну и Норвежскіе начальники областей, съ которыми

ми онъ разговаривалъ во время своего посольства къ Датскому Королю Христіерну. Въ Москвѣ также слышалъ Герберштейнъ, что около устьевъ Печоры, которыя лежатъ направо отъ устьевъ Двины, много водится въ океанѣ разныхъ большихъ животныхъ, между ними есть одно величиною съ быка, которое тамошніе жители называютъ моржемъ; у этого животного ноги короткія, какъ у бобра, грудь въ сравненіи съ прочимъ тѣломъ нѣсколько высока и широка, а два верхнихъ зуба очень длинны и спущены внизъ. Эти животныя для отдохновенія и для дѣтей взбираются большими стадами на горы, и тамъ, прежде нежели предадутся сну, который у нихъ очень крѣпокъ, ставятъ подобно журавлямъ сторожа, который ежели уснетъ, или будетъ убитъ охотникомъ, то остальные ловятся уже безъ затрудненій; ежели же, по обычаю, подастъ знакъ своимъ крякомъ, то все стало, при помощи заднихъ лапъ и зубовъ, съ чрезвычайною быстротою спускается съ горъ въ море; иногда видятъ ихъ отдыхающихъ на плывущихъ льдинахъ. Это животное охотники преслѣдуютъ единственно изъ зубовъ, изъ которыхъ Москвичи, Татары и особенно Турки дѣлаютъ рукоятки мечей и кинжаловъ; посему у Турокъ, Москвичей и Татаръ они продаются на вѣсъ, и извѣстны подъ именемъ рыбьяго зуба. Ледовитое море простирается отъ Двины до Печоры и даже до устьевъ Оби; за нимъ, какъ говорятъ, лежитъ страна, называемая Гренландіей. Туда наши люди почти не ходятъ, по причинѣ высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и по большимъ льдамъ, постоянно плавающимъ въ морѣ». По этому о сей странѣ Герберштейнъ слышалъ только то, что она неизвѣстна ⁽⁷⁴⁾.

Такимъ образомъ рассказы о Ледовитомъ морѣ, приведенные Герберштейномъ, не только свидѣтельствуютъ о томъ, какія значительныя и любопытныя географическія свѣдѣнія распространялись на Руси посольствами Московскихъ Государей въ разныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, на какое далекое пространство Сѣверный Океанъ былъ знакомъ Русскимъ людямъ XV столѣтія. Это географическое знакомство свидѣтель-

⁽⁷⁴⁾ *Rerum Moscoviticarum auctores varij. Francofurt. anno M.DC. pag. 87—89.*

отвуетъ о сильномъ распространеніи промышленности въ той сторонѣ, производимой не только тамошними прибрежными жителями, но и людьми, пріѣзжавшими изъ внутреннихъ городовъ Руси, такъ что центръ тогдашней Россіи съ берегами Сѣвернаго Океана очевидно былъ въ ближайшихъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь; тамъ лежалъ главный свободный путь къ морю. Русскіе въ то время тамъ были полными хозяевами и распоряжались своею промышленностію свободно, а въ другихъ краяхъ у нихъ много было соперниковъ. Въ послѣдствіи для Русской промышленности много открыто новыхъ и удобнѣйшихъ путей; посему сѣверный негостепріимный край незамѣтно отдалился отъ центра, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Въ нашихъ нынѣшнихъ журналахъ нрѣдка встрѣчаются извѣстія о Ледовитомъ морѣ или о Сѣверномъ Океанѣ, иногда даже почерпнутыя изъ иностранныхъ книгъ, тогда, какъ въ XV столѣтіи, какъ видимъ, иностранцы собирали въ Москвѣ свѣдѣнія о Сѣверномъ Океанѣ, и выставляли ихъ своимъ соотечественникамъ какъ самыя рѣдкія и наполненныя любопытными подробностями. Впрочемъ мы объ этомъ предметѣ будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь слѣдуетъ указать на распространеніе географическихъ свѣдѣній между Русскими во 2-й половинѣ XV столѣтія, помимо посольствъ и путешествій.

Кромѣ посольствъ и путешествій, географическія свѣдѣнія на Руси, во 2-ю половину XV вѣка, распространялись завоеваніями Московскаго великаго князя Ивана Васильевича III-го, и присоединеніями къ Москвѣ разныхъ областей сѣверовосточной и западной Руси. Области сіи, вступая въ составъ Московскаго государства, немедленно приводились правительствомъ въ большую извѣстность въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: ихъ обыкновенно измѣривали и описывали по Московски; таковымъ измѣреніямъ и описаніямъ составляли особыя книги, которыя знакомили правительство съ состояніемъ вновь присоединенныхъ областей, съ ихъ естественными и промышленными средствами, указывали на выгоды или невыгоды того или другаго края и руководили при раскладкѣ податей и вообще въ дѣлахъ управленія. Въ то же время промышленность, получая болѣе простора и свободы, пролагала новые для себя пути, доселѣ иногда запертые чуждою властію, и съ

тѣмъ вѣстѣ болѣе знакома людей съ самыми отдаленными краями.

Первыя географическія свѣдѣнія отъ военныхъ дѣйствій Іоанна мы получаемъ по случаю похода въ Казанскій край въ 1468 году. Изъ описанія этого похода, по лѣтописямъ, мы знаемъ, что Москвичи хорошо знали дорогу въ Казанскій край съ разныхъ сторонъ; ибо отряды Іоанновы шли туда, однимъ обычнымъ, уже извѣстнымъ намъ путемъ, Волгою, изъ Муромъ, Владиміра и Нижняго, другіе прокладывали себѣ новую дорогу изъ Галича, пересѣкая Унжу, Ветлугу и Устю. Лѣтопись прямо говоритъ, что войска шли «лѣсами безъ пути» ⁽⁷⁵⁾; слѣдовательно верховья Унжи и Ветлуги тогда были еще пустыньны и не имѣли жителей. Наконецъ третьи начинали свой походъ отъ Устюга, соединялись на Вяткѣ подъ Котельничскимъ, и проходили Вяткою до Камы, потомъ Камою внизъ до Тамлуги, отъ Тамлуги вверхъ по Камѣ до Бѣлой Воложки, и возвращались домой уже на Великую Пермь и черезъ Пермь въ Устюгъ ⁽⁷⁶⁾. Изъ этого похода мы также узнаемъ, что Вятка, Кама и Тамлуга въ Казанскомъ краѣ были торными путями торговцевъ; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Москвичи по этимъ рѣкамъ побили и пограбили множество гостей и захватили суда съ товарами ⁽⁷⁷⁾. Туда также ѣздили и гости Московскіе; ибо лѣтопись, подъ 1469 годомъ, говоритъ: «того же лѣта Татары Казанскія пограбиша гостей Русскихъ» ⁽⁷⁸⁾. При описаніи втораго похода подъ Казань, бывшаго въ 1469 году, лѣтописцы говорятъ, что полки Московскіе рѣкою Окою вошли въ Волгу и направились сперва на Нижній-Новгородъ старый, что на Бечевѣ, потомъ съ Бечевы пошли на Рознежу (нынѣшнее Розовское, на лѣвой сторонѣ Волги, въ Макарьевскомъ уѣздѣ), отъ Рознежи на Чебоксарь, оттуда уже прямо подъ Казань ⁽⁷⁹⁾. Слѣдовательно въ эту сторону владѣнія Русскія выдвигались въ то время до Чебоксарь, тогда какъ прежде оканчивались около Суры, гдѣ при Васильѣ Васильевичѣ былъ выстроенъ городъ Василь-Сурекъ. Въ описаніи того же похода мы узнаемъ изъ лѣтописей, что Казанская земля тогда раздѣлялась на земли собственно Казанскую, Черемисскую по обѣимъ берегамъ Вол-

⁽⁷⁵⁾ Лвов. лѣт. Т. III, стр. 3. ⁽⁷⁶⁾ Тамъ же. ⁽⁷⁷⁾ Ник. VI, стр. 6. ⁽⁷⁸⁾ Лвов. III, стр. 6. ⁽⁷⁹⁾ Ник. VI, стр. 10.

ги, Камскую по Камѣ, Сыплинскую (не Сыплинскую ли по рѣкѣ Сылавѣ, которая впадаетъ въ рѣку Чусовую), Костятскую (можетъ-быть Остятскую), Бѣловоложскую, порѣвѣ Бѣлой Воложки, которая вытекаетъ изъ Уральскихъ горъ при верховьяхъ рѣки Яика и, протекши 790 верстъ, впадаетъ въ Каму ниже Чусовой ^(*); Вотяцкую, т. е. гдѣ живутъ Вотяки, и Башкирскую по рѣкѣ Уфѣ, по обоимъ берегамъ до Уральскихъ горъ ^(**). Такимъ образомъ мы видимъ, что земли Казанскаго Царства на югъ простирались, можетъ быть, до Самары, на западъ до Чебоксаръ и Кательничка, на сѣверѣ сходились съ землями Вятскими и Пермскими, гдѣ Вотяки подходили къ истокамъ Вятки, и на сѣверовостокъ терялись въ предѣлахъ Сибирскихъ до Оби, гдѣ жили Остяки, и наконецъ на востокъ въ острогахъ Уральскихъ горъ, до истоковъ Бѣлой Воложки и Уфы, гдѣ жилища Башкирцевъ простирались даже за Уральскія горы.

Войны съ Волжскою или Золотою Ордою, кажется, не могли оставить случая къ распространенію географическихъ свѣдѣній, ибо они ограничивались походами хана Ахмата и его сыновей на Московскія Украины. Москвичи въ продолженіе всего княженія Ивана Васильевича, не преслѣдовали Золото-Ордынцевъ далеко, и походы на Орду не предпринимали, выключая развѣ одною случая, когда Ахматъ въ 1480 году подступилъ къ Угрѣ, великій князь Московскій послалъ Нардаулата Городецкаго и князя Василья Новароватова, Волгою въ Золотую Орду, которые и опустошали ее, и тѣмъ заставили Ахмата отступить отъ Угры ^(*). Даже честь уничтоженія Золотой Орды принадлежитъ лично не Москвичамъ, а Ногайцамъ; ибо Ахмата Русскіе не преслѣдовали отъ Угры, напалъ же на него и разорилъ орду Ибакъ Шибанскій съ Нагайцами ^(**). Точно такъ же противъ дѣтей Ахматовыхъ Москвичи не предпринимали походовъ, воевали же съ ними и преслѣдовали ихъ по настояніямъ Московскаго князя или Крымцы или Ногайцы. Впрочемъ разореніе Золотой Орды все-таки способствовало распространенію Московскихъ границъ въ эту сторону, вплоть до Волги, по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, знакомство же съ краемъ шло гораздо далѣе за Волгу на востокъ и югъ; ибо въ 1489 году, на-

^(*) Кн. Бол. Черт., стр. 147. ^(*) Тамъ же, стр. 147. ^(**) Казан. Лѣт., стр. 38. ^(**) Архангелогор. Лѣт., стр. 189.

иѣстникъ, Муромскій князь Федоръ Хаванскій, писалъ къ Государю, что Ногайскіе послы, идучи къ Москвѣ, перевезались къ Волгу подъ Черемшаномъ, а провожали ихъ полемъ до Суры, «Панулы и Мордавино; а оттолѣ сказываютъ, ѣхали на князя на Ромодана, да на Кирданову Мордаву да на Саханы, а нынѣче Государь стоятъ за рѣкою (Окою) противъ города» (Мурома) (*). Слѣдовательно отъ устья Черемшана начинались Московскія владѣнія, ибо отсюда Ногайскихъ пословъ провожали Русскіе до Суры черезъ степи, или по крайней мѣрѣ противъ устья Черемшана стояла Русская сторожевая крѣпость. Въ это же время промышленники Московскіе проникали еще далѣе на югъ, можетъ-быть до Каспійскаго моря. Такъ великій князь пишетъ къ Ямгурчею мурзѣ Ногайскому: «ваши люди изъ Асторокана и сего лѣта нашихъ людей рыболовей на Волзѣ, побили и пограбили; мно пригоже ли ся такъ дѣлаетъ» (**). Волга была такимъ обычнымъ и знакомымъ путемъ для всѣхъ Русскихъ того времени, что еще, въ 1471 году, Вятчане Волгою проникли до самаго Сарая, столицы Хавской, и, пользуясь отсутствіемъ Ахмата, взяли Сарай и «полону множество и княгынъ Сарайскихъ» (**).

Войнѣ съ Ногаями, Крымцами и Турками не было во все продолженіе княженія Ивана Васильевича, слѣдовательно Московскія владѣнія въ эту сторону оставались при прежнихъ границахъ, т. е. терялись въ Приволжскихъ и Придонскихъ степяхъ, черезъ которыя уже свободнѣе ходили Московскіе промышленники къ Каспійскому, Азовскому и Черному морямъ. Но за то сильно измѣнились Московскія границы на западъ и сѣверъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ у Москвитянъ многопробыло географическихъ свѣдѣній о тамошнихъ земляхъ. Приобрѣтенія Москвитянъ на западъ начинаются присоединеніемъ мелкихъ Литовскихъ владѣній въ Задніпровьѣ. Первыя перешли отъ Литовскаго государя къ Московскому князю Одоевскіе, потомки Михаила Черниговскаго; потомъ ихъ примѣру послѣдовали князья Воротыньскіе и Бѣльскіе, которые, около 1488 года, съ своими вотчинами перешли также въ Московскую службу; а въ 1490 году перешли князья Перемышльскій и Бѣлевскіи, также съ своими вотчинами; кромѣ того въ 1483 году, князья Ольшанскіи

(*) Ист. Г. Р. Т. VI, примѣч. 308. (**) Арх. Ин. дѣлъ Дѣла Ногайскія, листъ 31. (***) Арх. Дѣт., стр. 149.

да Олѣмонича Федоръ Бѣльскій, хотѣлъ было отбѣчь изъ Москвитъ Литовскую землю по самую Березину^(*). Вся, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кончившіяся неудовольствія необходимо должны были вести къ войнѣ съ Литовцами, которая еще болѣе распространила Московскія владѣнія на югъ Литвы. Такъ въ 1492 году князь Федоръ Телепневъ Оболенскій взялъ Мицескъ^(**); въ слѣдующемъ году князь Воротынскій захватилъ Серпейскъ и Мещевскъ^(**); въ томъ же году князь Даниилъ Извея взялъ Вазму, а князь Михаилъ Романовичъ Мещидій самъ добровольно перешелъ въ Московскую службу съ своею вотчиною. Въ 1500 году, перешла въ Московскую службу съ своими вотчинами: князь Семенъ Бѣльскій, Семенъ Можайскій и Василій Шемякинъ^(**), причемъ въ Московское владѣніе перешли Черниговъ, Старолубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Трубчевскъ, Мосальскъ и Бѣльскъ^(**). Вслѣдствіе этого опять началась война съ Литвою, и полки Московскіе заняли Брянскъ, Путыль и Дорогобужъ^(**); потомъ осадили Смоленскъ, прошли къ Березинѣ и Двинѣ, выжгли деревни до Витебска, Полоцка и Мстислава, и взяли Оршу, такъ что рубежи Московскій въ эту сторону вытянулись на югъ до Путыля и на западъ до Чернигова, Гомеля и Дорогобужа; войска же Московскія проходили до Витебска и Полоцка. Старанія великаго князя Московскаго узнать положеніе Литовской земли, и торговая промышленность Москвитянъ, Новгородцевъ, Псковичей и Тверитянъ простиралась еще далѣе. Въ перепискѣ между Россією и Польшею въ продолженіе государстванія Ивана Васильевича III-го, мы находимъ многія указанія объ этомъ предметѣ, которыя открываютъ намъ, что географическія свѣдѣнія Москвитянъ о Литовскомъ краѣ были очень обширны. Такъ, въ 1568 году, въ наказѣ Московскимъ посламъ, отправленнымъ къ Польскому королю, между прочимъ велѣно, во 1-хъ, помогать объ отпускѣ Россійскихъ купцовъ, Фофанова и Ворошилова съ товарищи, пойманныхъ въ Пропойскѣ и отведенныхъ съ товарами въ Вильно, при возвращеніи ихъ изъ Кафы въ Москву; а также о сбавкѣ мытъ и пошлинъ, вновь наложенныхъ въ Польшѣ для Россійскихъ гостей, и о возвращеніи оныхъ назадъ; во

(*) Львов. глѣх. III, стр. 179. (**) Ник. VI, стр. 493. (**) Тамъ же. (**) Ник. VI, стр. 161. (**) Дѣла Крыи. № 2, стр. 733; (**) Львов. III, стр. 161 и 166.

2-хъ, вручить, для объявленія королю, два списка: первый о прибавкѣ пошлинъ, собираемыхъ съ Россійскихъ торговыхъ лавей въ городахъ Польскаго владѣнія: Киевѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Гомлѣ, Вильно, Новгородѣ - Свѣрскомѣ, Радогоштѣ, Трубецкѣ, Брянскѣ, Мамскѣ, Полоцкѣ и Люблинѣ; второй о обидѣхъ, причиненныхъ отъ Поляковъ Россійскимъ купцамъ въ разныхъ городахъ Польской державы, въ забраніи и отнятіи разныхъ шелковыхъ и прочихъ товаровъ. Въ 1490 году, Михайло Кляпикъ вторично былъ отправленъ въ Польшу съ представленіемъ о грабительствахъ, причиняемыхъ проезжающимъ черезъ Польшу и Литву съ товарами, Московскимъ, Новгородскимъ и Тверскимъ гостямъ, и о сборѣ лавиныхъ мытъ и пошлинъ ⁽³³⁾. Въ 1492 году, былъ отправленъ въ Польшу Беклемышевъ Берсонъ, которому между прочимъ наказана было привести жалобу на старосту Каменецкаго, который пограбилъ много товаровъ у Московскихъ купцовъ, во время проѣзда ихъ черезъ Подольскую землю; также требовать, чтобы были возвращены Русскимъ купцамъ товары, пограбленные у нихъ на Таваня, Дитпрѣ и другихъ мѣстахъ ⁽³⁴⁾. Въ 1498 году Московскій посланникъ Алексѣй Голохвастовъ долженъ былъ ходатайствовать о свободномъ проѣздѣ Русскимъ купцамъ по всей Литовской землѣ ⁽³⁵⁾; о томъ же говорили въ Москвѣ Литовскимъ посламъ въ 1499 году ⁽³⁶⁾. Въ 1501 году, Московскій Государь требовалъ, чтобы были освобождены захваченные въ Литвѣ, во время размирья, гости Новгородскіе, Московскіе и Псковскіе ⁽³⁷⁾. Всѣ свидѣтельства ясно говорятъ, что Москвитчамъ хорошо были извѣстны Польскія и Литовскія земли; что они для торговыхъ дѣлъ ѣздили изъ края въ край по самымъ землямъ, бывали въ Вильно и въ Люблинѣ, т. е. за Вепршемъ, въ Каменцѣ-Подольскомъ и въ Таваня; что Дитпрѣ для нихъ былъ стариннымъ обычнымъ путемъ въ Черное море. Само правительство Московское имѣло подробныя географическія свѣдѣнія о Литовскомъ и Польскомъ краѣ и при случаѣ старалось распространять ихъ. Такъ, въ 1495 году, въ наказѣ Московскому послу Третьяку Дадматову сказано, что Москов-

⁽³³⁾ Книги сношеній съ Польшею и Литвою въ Арх. Иностр. дѣлъ № I, листъ 14, 102. ⁽³⁴⁾ Тамъ же, листъ 151. ⁽³⁵⁾ Тамъ же, листъ 675. ⁽³⁶⁾ Тамъ же, 693—716. ⁽³⁷⁾ Тамъ же, № 2, листы 58—61.

скій Государь, желая послать помощь Литовскому государю противъ Крымцовъ, хочетъ знать, вышелъ ли Менгли-Гирей Ханъ изъ Перекопа, когда и на какія мѣста будетъ его нападеніе, и какимъ образомъ чинить Литовцамъ вспоможеніе (*)? Если Московскій Государь требовалъ, чтобы его увѣдомляли изъ Литвы, на какія мѣста Крымцы будутъ дѣлать набѣги, чтобы сообразоваться удобнѣйшею присылкою помощи: то конечно онъ зналъ расположеніе тамошнихъ мѣстъ, и можетъ-быть имѣлъ какіе либо чертежи, по которымъ могъ соображать движенія войскъ; въ противномъ случаѣ, подобныя требованія для него были бы вовсе ненужны. Доказательствомъ старанія Московскаго Двора распространять свои географическія свѣдѣнія относительно Польши и Литвы, мы имѣемъ два ясныхъ указанія: первое, наказъ посланнику Григорію Путятину, ѣздившему къ Казимиру въ 1489 году, въ которомъ предписано ему провѣдывать о принадлежащей къ Польшѣ Прусской землѣ, о Гданскѣ, Хвойняцкѣ, Торунѣ и другихъ (**); второе, предписаніе Ступишину, ѣздившему посломъ въ Литву, въ 1495 году, развѣдать, можно ли пробхать Датскому послу чрезъ Жмудъ на корабляхъ или въ бусахъ въ Данію (100).

Такимъ образомъ, изъ представленныхъ здѣсь немногихъ свидѣтельствъ, мы ясно видимъ, что Русскіе во 2-ю половину XV столѣтія имѣли довольно обширныя географическія и статистическія свѣдѣнія о Польскомъ и Литовскомъ краѣ во всемъ его объемѣ. Московское правительство, кажется, даже имѣло чертежи или карты Литовской земли или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ея частей. Относительно сего послѣдняго предмета за время Ивана Васильевича III-го прямыхъ свидѣтельствъ мы представить пока не можемъ; но при его сынѣ Василинъ Ивановичѣ находимъ неопровержимыя доказательства въ описаніи царскаго архива, изданномъ Археографическою Экспедиціею, гдѣ сказано: «ящикъ 21, а въ немъ книги, пріѣздъ Литовскимъ посламъ къ великому князю Василю въ размирницу при Максимьяновѣ послѣ . . . и списки черные и грамоты черные, и чертежъ Смоленской и рубежъ Смоленскимъ волостемъ. Ящикъ 22. А въ

(*) Тамъ же, № 1, листы 488—495. (**) Тамъ же, № 1, лист. 97. (100) Тамъ же, 409—423.

нѣмъ книги, и списки, и грамоты при великомъ князѣ Василиѣ Ивановичѣ съ Жигимонтомъ королемъ и чертежъ Себежской и Гуменской. Ящикъ 26. А въ немъ рознь, Списки Козличамъ, списки дорогъ Литовскихъ ото Пскова и отъ Лукъ. «Слѣдовательно что-то въ родѣ книги большого чертежа. Ящикъ 57. А въ немъ Чертежъ Лукамъ великимъ и Псковскимъ пригородкомъ съ Литовскимъ городомъ Полоцкомъ. Ящикъ 220. А въ немъ списки дорогъ старыя Литовскимъ городомъ»⁽¹⁰¹⁾.

Ко времени же вел. кн. Ивана Васильевича III-го относится слѣдующее описаніе путешествія великой княжны Елены Ивановны въ Литву, для бракосочетанія съ вел. кн. Александромъ Литовскимъ.

«Въ лѣто 7003 пошла съ Москвы великая княжна въ вторникъ, въ той же день по крещеніи, а съ нею пошли бояре князь Семенъ Ряполовскій да Михайло Русалка. Дневала великая княжна въ среду въ Дорогомилѣ, а съ Дорогомилѣ пошла въ четвергъ. А первой наслѣгъ въ Луцкомъ, 2) въ Звенигородѣ, 3) въ Алексинѣ, 4) въ Можайскѣ, 5) въ Варьскомъ, 6) на Холму на Брагнѣ, 7) въ Дуброви, 8) въ Вязмѣ, 9) на рѣчкѣ на Корѣ, 10) въ городѣ въ Литовскомъ въ Дорогобужѣ, 11) на Сверковѣ Лукѣ, въ монастырѣ церковь Рождество Пречистой 12) день пришла великая княжна въ Смоленскъ въ попятельникъ, а дневала два дня вторникъ и среду. А пошла изъ Смоленска въ четвергъ; а 1) наслѣгъ на рѣчкѣ на Кастьмѣ, 2) въ Мякульскомъ у Святого Николы, 3) въ Лешковѣ у Св. Петра, 4) въ городѣ въ Витепскомъ, а рѣка подъ городомъ Двина, а воевода въ Витепскѣ князь Михайло Юрьевичъ; 5) въ Выжлетѣ у великаго Георгія, 6) на рѣцѣ на Обьли, 7) въ городѣ въ Полотскѣ. Пришла великая княжна въ среду, а въ четвергъ дневала, а пошла въ пятокъ: а 1) наслѣгъ на озерѣ на Мотыринѣ, 2) въ селѣ въ Воръбовичѣ у Св. Николы, 3) въ селѣ въ Камениномъ у Спаса, а рѣка подъ селомъ Велья, 4) на рѣчкѣ на Вязынѣ; 5) въ селѣ въ Марковѣ у Св. Николы, а рѣка Голѣя, туто встрѣтилъ великую княжну панъ Станиславъ Яновичъ Жемотскій староста, 6) въ городѣ въ Крешѣ, 7) на рѣчкѣ на Ольшнѣ, 8) въ городѣ въ Мѣдникѣ, 9) въ селѣ отъ Вилни за мило. А встрѣтилъ князь великій Александръ великую княжну

(101) Ак. Ар. Э. I, № 289.

отъ города за три версты. Вѣѣхала великая княжна въ городъ въ недѣлю. А ѣхала великая княжна отъ Москвы четыре недѣли и два дни. А вѣнчался князь великій Александръ съ великою княжною въ ту жъ недѣлю.

Въ лѣто 7003 провожали бояре великаго князя великую княжну въ Литву князь Семенъ Рязоловской, да Михайло Русалка и съ женами, да съ ними дѣти боярскіе; пришли со княжною за недѣлю до за говѣйна до мяснаго; а жили въ Литвѣ 11-ть дней. А изъ Литвы пошли въ четвергъ на Масляницѣ: 1) наслѣгъ въ Шьмени отъ Вилни семь миль, 2) въ Марковѣ отъ Шьмени семь миль. А шла великая княжна дорогою отъ Смоленска на Полтескъ, а отъ Полтеска на Витепскъ, а отъ Витепска на Марково. А князь Семенъ Рязоловской шолъ изъ Вилни назадъ на Марково. А отъ Маркова пошолъ дорогою: 3) наслѣгъ въ красномъ селѣ, отъ Маркова пять миль, а рѣка подъ Краснымъ Ушъ; 4) въ Анинѣ отъ Краснаго семь миль, а тутъ заговѣли заговѣино масленое; 5) въ Борисовѣ, а рѣка подъ Борисовымъ Березыня, отъ Аньяна девять миль, а въ Борисовѣ пришелъ князь Семенъ въ понедѣльникъ, а тутъ днecalъ два дни, а пошелъ въ четнергъ; 6) на лѣсѣ, на рѣкѣ на Бобрѣ, отъ Борисова десять миль; 7) въ Орловѣ болотѣ; 8) отъ Друцка шесть миль, въ субботу въ съборную ѣлъ хлѣба князь Семенъ у князя Василья Ивановича у Краснаго, Друцкихъ князей; 9) въ городѣ въ Рьшѣ, а рѣка подъ городомъ Давырѣ, отъ Орлова болота семь верстъ, а тутъ князь Семенъ днecalъ, а держитъ Оршу князь Василій Шемячичъ; 10) у Кlementья Святого отъ Орши одиннадцать миль; 11) на рѣкѣ на Катынѣ, отъ Кlementья Святого восемь миль; 12) въ Смоленскѣ отъ Катыни четыре мили, приѣхалъ князь Семенъ въ Смоленскъ второй недѣли поста въ четвергъ, а поѣхалъ въ субботу, а ночавалъ въ Сватовѣ Дубровѣ, отъ Смоленска четыре мили. (Здѣсь вѣроятно въ подлинникѣ пропускъ) 5) на рѣкѣ Мениской Иотпи, шесть миль; на Сверхъ Лукъ, отъ Сватовы Дубровы шесть миль; 7) въ Дорогобужѣ; отъ Сверхъ Лукъ восемь миль, а жилъ два дни; 8) на Мстиславѣ отъ Дорогобужа шесть миль; 9) въ городѣ въ Вязмѣ, отъ Мстиславца 12 миль; 10) въ Дубровѣ, отъ Вязмы за семь миль, церковь Успенія Св. Богородица; 11) на Холму на Брагинѣ, отъ Дубровы тридцать миль 12) въ Варскомѣ, церковь святыхъ Богородица покровъ, отъ Холму тридцать верстъ.

(здесь очевидно въ подлинникъ пропускъ) 14) въ Олексинѣ отъ Можайска двадцать верстъ; 15) на Яму, церковь Спасъ святой, отъ Олексина 50 верстъ; 16) на Москвѣ отъ Спаса тридцать верстъ. А пришли къ Москвѣ 4-й недѣль поста». Это географическое извѣстіе конца XV вѣка, совершенно новое въ нашей исторической литературѣ, сохранилось въ современной рукописи, помѣщенной въ одномъ сборникѣ, хранящемся въ библиотекѣ Г. Погодина. Оно по складу своему принадлежитъ къ числу оффиціальныхъ источниковъ древней Русской географіи, и указываетъ на старый обычай Московскаго правительства поручать своимъ чиновникамъ составленіе подробныхъ географическихъ описей при отправленіи ихъ въ посылства, и вообще въ поѣздкахъ за границы Московскихъ владѣній. Таковыя описи хранились, какъ мы знаемъ; при дѣлахъ сперва у князя, а потомъ и въ приказахъ; а также вѣроятно вносились и въ оффиціальныя лѣтописи, какъ прямо сказано въ надписи къ настоящему описанію: «вынато изъ Русскаго изъ лѣтописца, изъ полнаго о князехъ великихъ Рускихъ».

По порядку мѣстностей послѣ распространенія Московскихъ владѣній въ Литовскомъ краѣ, теперь слѣдуетъ говорить о распространеніи тѣхъ же владѣній въ Тверской сторонѣ. Здѣсь дѣло присоединенія было окончено однимъ походомъ, въ 1486 году. Великій князь Московскій осадилъ Тверь 8 Сентября, а 12 дня того же мѣсяца ему отворили ворота города и вся Тверская земля всецѣло признала власть Государя Московскаго. Въ 1492 году, всѣ Тверскія владѣнія были уже описаны по-Московски въ сохи, слѣдовательно уже составлены для нихъ писцовыя и переписныя книги съ подробнымъ статистическимъ описаніемъ, съ показаніемъ земли населенной и ненаселенной, воздѣланной и неводѣланной, пахатной, сѣнокосной, лѣвонной подъ строеніями, дорогами, городами и проч. Причемъ Тверь описывалъ Федоръ Алабышъ, Старицу—Борисъ Кутузовъ, Зубцовъ и Опoki—Дмитрій Пенсковъ, Клинъ—Петръ Лобинъ Заболотной, Новгородъ или городокъ и Холмъ—Андрей Карамышевъ, и наконецъ Кашинь—Василій Карамышевъ⁽¹⁰²⁾. Впрочемъ это завоеваніе Твери не прибавило географическихъ свѣдѣній ни у Москвитанъ, ни у другихъ Русскихъ того времени; ибо Тверскія

(102) Лѣт. Нормат., стр. 6.

земли, лежащія на дорогѣ изъ Новгорода и Пскова въ страну Суздальскую, была давно извѣстны; но конечно въ статистическомъ отношеніи Москвичи, по завоеваніи Твери, приобрѣли много дѣльныхъ и новыхъ указаній объ этомъ краѣ.

Еще прежде присоединенія Тверскихъ владѣній, великій князь Московскій, въ 1478 году, завоевалъ землю Новгородскую. Это завоеваніе, довольно трудное и многосложное, протянуло границы Московскихъ владѣній: съ одной стороны отъ Невы до Бѣлаго моря, а съ другой отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, доставило Москвичамъ много географическихъ и статистическихъ новыхъ свѣдѣній о всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Москвичи не только исходили его какъ завоеватели, но и частію извѣдали какъ правители и промышленники; они рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ заступили здѣсь мѣсто прежнихъ хозяевъ края Новгородцевъ, и по своему обыкновенію принялись все описывать и приводить въ извѣстность, дабы знать, чѣмъ владѣютъ и какую пользу могутъ получить отъ приобрѣтеннаго.

Вотъ географическія свѣдѣнія за вторую половину XV вѣка, которыя мы можемъ почерпнуть изъ извѣстій о завоеваніи Новгородской земли. Завоеваніе Новгородскихъ владѣній великій князь Московскій началъ съ самой отдаленной и полузависѣвшей отъ Новгорода страны Югорской. Онъ, въ 1465 году, послалъ туда Устюжанина Василья Скрыбу съ охочими людьми, къ которому присоединился Вымскій князекъ Василій Ермолячъ съ Вымичи и Вычегжаны; эта сборная рать сосѣдей выбралась изъ Устюга 9 Мая и повоела землю Югорскую, вывела много племени и между прочимъ днухъ князей, которые были присланы въ Москву, гдѣ отъ великаго князя пожалованы Югорскимъ княженіемъ и отпущены домой; съ сего времени Югорская земля объявлена Московскимъ владѣніемъ⁽¹⁰²⁾. Конечно, на самомъ дѣлѣ здѣсь не было еще завоеванія всей страны до Оби; это только первое извѣстное намъ знакомство Москвичей съ тамошнимъ краемъ, но уже знакомство съ притязаніемъ на владѣніе. Въ 1467 году мы получаемъ еще этнографическое извѣстіе о Югорской землѣ, т. е. о краѣ, прилежащемъ къ Оби; въ этомъ году Вятчане вмѣстѣ съ Пермскими воевали Вогуличей, (вѣроятно ближайшихъ къ Пермскимъ, т. е. живущихъ въ

(102) Арханг. Лѣт., стр. 141.

горахъ при верховьяхъ Печоры), и привели тамошняго князика Ясыку въ Вятку ⁽¹⁰⁴⁾. Весною 1471 года, Государь Московскій открылъ походъ въ Новгородскія владѣнія съ трехъ сторонъ: одну рать послалъ на Русу чрезъ Тверскія владѣнія, другую на Вышній-Волочекъ и по Мстѣ чрезъ Бѣжецкій-Верхъ, в третью съ Устюга и Вятки, на Двину. Таковое распоряженіе ясно показываетъ, что въ Москвѣ хорошо знали топографію Новгородскаго края, и при составленіи плана войны умѣли выбрать дороги болѣе удобныя для движенія многочисленнаго войска. На знаніе мѣстности въ Новгородскомъ краѣ лѣтопись указываетъ прямо: въ ней сказано, что Государь въ совѣтѣ разсуждалъ: «идти ли нынѣ на нихъ (Новгородцевъ) или нейти, понеже лѣтнес уже время, а земли ихъ многи воды имать около себе и озера великія, и рѣки и болота многія зѣло непроходимы» ⁽¹⁰⁵⁾. Тройной походъ Московскаго Государя кончился, съ одной стороны, битвами подъ Русою на Шелони и у Демана, гдѣ сражались Новгородцы, а съ другой, страшнымъ боемъ на рѣчкѣ Шилегѣ, впадающей въ Двину, гдѣ сражались Двиняне, Печеряне и повольники Новгородскіе, предводительствуемые княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ и Двинскимъ воеводою Василіемъ Никифоровичемъ; бои продолжались съ четвертаго часа дня до вечера. Лѣтопись говоритъ: «бшася обон крѣпко поводася, и паде Двинянъ, повольниковъ и Печерянъ безчисленное множество» ⁽¹⁰⁶⁾. Эта битва доказываетъ, что Двинскія области Новгорода были довольно населены, что подтверждается и Двинскими списками земель, составленными въ томъ же 1471 году по случаю уступки ихъ Государю Московскому. Списки сіи весьма важны въ географическомъ отношеніи: она даютъ довольно полное понятіе о томъ, какъ былъ извѣстенъ географически этотъ отдаленный край во 2 половину XV вѣка. Изъ нихъ мы видимъ: изъ *перваго*, что Государю Московскому были уступлены земли по Двинѣ: 1) начиная отъ Верхней Тоймы, впадающей въ Двину съ правой стороны, и идя по теченію Двины на Юмышь, нынѣшняго рѣчка Устьюмежъ, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны, потомъ Искоозера, Кодяма, нынѣшняго

⁽¹⁰⁴⁾ Архангел. лѣт., стр. 142. ⁽¹⁰⁵⁾ Ник. VI, стр. 21. ⁽¹⁰⁶⁾ Арханг. лѣт., стр. 149.

Кодема, далѣе на Емецкій погостъ, нынѣшняя Емецкая на сѣ-
веръ отъ Шенкурска, на Мехренгу и Ваймугу, и на югъ къ
верховьямъ Емца, почти до рѣки Онеги, т. е. нынѣшній Шен-
курскій уѣздъ. 2) Устье Пинеги, Матигоры и Быстрокуръ
по Хурдогу рѣку и по Матигорское озеро, и рѣка Солга; сюда
же причислялись: полъ-Наваострова, полъ-Кура острова, полъ-
Чухчолема, Лукинъ берегъ, полъ - Ухта острова, великая
Курья, Квижъ-островъ, Коневъ-островъ, Соломбаза, Терпи-
ловъ погостъ съ землями на Лисичьѣ островѣ. 3) Морской
берегъ отъ устья Двины до Онеги; сюда же причислялись
соловарныя мѣста въ Ноноксѣ, Унасолъ, вѣроятно нынѣшній
Увской посадъ, Корела Варзунская и Умба. 4) Морской бе-
регъ отъ устья Двины до устья Мезени, на Пивегѣ волокъ, и
Пилія горы съ Немъюгой ⁽¹⁰⁷⁾. По второму списку, въ числѣ
спорныхъ земель исчисляются: 1) Емская гора, Ледъ рѣка отъ
верховья до устья, по обѣ стороны, и отъ устья Ледскаго по Ва-
гѣ, внизъ до ея впаденія въ Двину, Шоговаръ боярской наволокъ
и устье Сюмы; съ другого берега Ваги: Кошкара, Молода,
Керчала съ наволокомъ; отъ Сюмы, внизъ по Вагѣ: Сметанинъ
наволокъ, Овдропіевъ наволокъ, Бѣлый Песокъ, Тавно озеро,
Сюмачъ и Сенго со всѣми угодьями, составлявшія прежде вот-
чину князя Ивана Владиміровича Ростовскаго. 2) Заостровье,
Соколово, селъцо по Козловскому врагу, Кадима, Пучюга,
Искоозеро, Плесо, Юмышъ отъ устья до верховья, т. е.
земли, лежащія въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Ваги въ Двину,
составлявшія прежде вотчину князя Федора Андреевича Ростов-
скаго. 3) Воля и Пежма рѣки, по обѣ стороны отъ устьей и до
верховей и до Ярославскаго рубежа съ малыми рѣчками, ко-
торыя въ нихъ втекли: Тавренга, Поноша, Подвига, Синегя;
слободка Морозова, слободка Косткова, принадлежавшія князю
Ивану Александровичу Ростовскому. 4) Ему же принадлежали зем-
ли отъ усть-Кулуя вверхъ по Вагѣ до Ярославскаго рубежа, по
рѣкѣ Терменгѣ вверхъ, и по Двинѣцѣ вверхъ, Жары, Липки, Шо-
латы. 5) Его же Каменная гора по рѣкѣ Кокшенгѣ, по обѣ сто-
роны Кокшенги до устья, Пукома, Савкино, Ракулка и Пустынка.
6) Слобода великая, отчина великихъ князей изъ старинны оброч-

(107) Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 73.

пая. 7) Рѣка Колуй отъ устья и до верховья по обѣ стороны, волокъ отъ Кокшенги, бывшая отчина князя Ивана Володиміровича Ростовскаго. 8) Коломогоры, Падринъ погостъ Матигорская лука отъ Орлеца на Ольстровъ до Великаго Поля, Куръ островъ, Чюхчелема, Угтъ-островъ, великая Курія, Койдокурія, Кехта великая, Княжъ-островъ, Низовая лука вся до моря, Солонбалъ, Терпловъ погостъ, Уна, Ненокса; то все вотчина великихъ князей. 9) Волокъ Пинежскій, Пекернема, Шулонема, Кулуй гора, Воспала, побережье отъ Великаго Двора до Великаго Двора, да въ паволоцѣ двѣ деревни, да Вонга, Чушоло, Юрела, Буела, Заозерье, да въ Чинбалѣ четыре деревни; а то вотчина великихъ князей. 10) Шасто-озеро, Моржова гора, Коскошно до устья до Емецкаго, городокъ Емецкой, Чюкчинъ Конецъ, погостъ Емецкой, Ваймуга рѣчка, отъ устья до верховья по обѣ стороны, по Емцѣ вверхъ сельцо, Мехренга рѣка отъ устья до верховья по обѣ стороны, а за рѣкою Двиною Хавры горы, Задвинье, Пингишь, Челмахта, рѣчка Ся; то было князя Константина Володиміровича Ростовскаго. 11) У Емскія горы, по слѣ отвода, отнялъ Иванъ Васильевъ Онтонову Персвару, а въ ней семь деревень и съ луги; да при Левантін жѣ отняли Иванъ же Онтроповъ островъ съ пожнями и съ пашною землею; да при Левонтіи жѣ отнял Иванъ Шугору, а въ немъ 20 деревень да и дворъ становой. По третьему списку вычислены Двинскія волости великаго князя: на Пинегѣ Кегрола да Чакола, да Пермскія, да Мезень, да Выя, да Пинежска, да Немьюга, да Пилін горы; а тѣ волости отдали Новгородцы вел. князю Василью. А что Важка, то исконное мѣсто великаго князя Вычегодское Пермскія⁽¹⁰⁹⁾. Это исчисленіе разныхъ населенныхъ мѣстъ по теченію Ваги, Онеги, Двины и Мезени показываетъ, что край сей былъ хорошо извѣстенъ въ то время и населенъ едва ли не больше нынѣшняго; кромѣ того мы видимъ, что Новгородцы, по договору 1471 года, уступили великому князю далеко не все Заволочье, или Двинскую область, но преимущественно только морской берегъ отъ устья Онеги до устья Мезени, также земли, лежащія по теченію Пинеги, а по Двинѣ только до Верхней Тоймы съ одной стороны и до Юмына съ другой; осталь-

(109) Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 73—75.

ная же часть Двинской области, лежащая на югъ отъ Тоймы и Юмыша, собственно Заволочье, оставалась еще за Новгородомъ. Такъ говоритъ и договорная грамота: «а се волости Ноугородскія: Торжекъ, Бѣжычи, Городецъ, Палець, Шипина, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь (вѣроятно, Тра по прежнимъ Новгородскимъ грамотамъ, т. е. западный берегъ Бѣлаго моря), Пермь, Печера, Югра» ⁽¹⁰⁹⁾. На другой же годъ великій князь, не объявляя войны собственно Новгородцамъ, послалъ князя Оедора Пестраго въ Пермь, который тогда же и завоевалъ всю эту сторону и привелъ за великаго князя ⁽¹¹⁰⁾, и такимъ образомъ выдвинулъ Московскую границу къ верховьямъ Мезени и Печоры. Конечно, эта страна была уже давно извѣстна Москвитинамъ, ибо, начиная съ Св. Стефана, туда посылались Епископы изъ Москвы; но тѣмъ не менѣе совершенное завосваніе сдѣлало ее болѣе извѣстною, и Русскія поселенія, заведенныя тамъ прежде, теперь конечно стали распространяться. Самое уже описаніе похода, присланное княземъ Оедоромъ Пестрымъ въ Москву, представляетъ много географическихъ подробностей объ этомъ краѣ. Князь Оедоръ началъ, вѣроятно, походъ изъ Устюга и пришелъ къ устью Черной рѣки, впадающей въ Сысолоу, потомъ Сысолою на плотахъ достигъ Анеалова города (вѣроятно, построеніе извѣстнаго Новгорода Анеала). Подъ Анеаловскимъ городомъ князь Оедоръ раздѣлилъ свою рать; самъ пошелъ на верхнюю землю къ городу Искарѣ, т. е. къ предгоріямъ Уральскаго хребта, и разбилъ Пермянъ на Колвѣ, потомъ взялъ Искаръ и другіе городки, товарища же своего Гаврилу Нелидова послалъ на нижнюю землю, на Урось, Чердынь и Почку, который также завоевалъ указанныя ему мѣста; наконецъ оба отряда сошлись при впаденіи почки въ Колву, гдѣ князь Оедоръ построилъ городъ и засѣлъ тамъ ⁽¹¹¹⁾. Въ 1478 году Новгородъ подпалъ совершенно подъ власть Московскаго Государя, и всѣ Новгородскія владѣнія, лежащія по Двинѣ и за Двиною, по договору Новгородцевъ съ великимъ княземъ, признаны независимыми отъ Новгорода. Въ лѣтописи сказано: «пригородомъ всѣмъ да и Двининомъ и

⁽¹⁰⁹⁾ Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 100. ⁽¹¹⁰⁾ Архан. лѣт., стр. 151. ⁽¹¹¹⁾ Ник. VI, стр. 44.

Заволочаномъ крестное цѣлованье Новгородское съ себе сложити, а цѣловати имъ крестъ на великихъ князей имя» ⁽¹¹²⁾. Но, оставленные Новгородцами, Задвинскія земли не думали еще признавать власти Московской и продолжали управляться своими князьками. Посему снова начались походы Москвичей въ эту сторону. Въ 1481 году Андрей Мишневъ изъ Устюга съ охотниками и Устюжанамъ повторилъ походъ князя Федора Пестраго въ великую Пермь и проникъ въ страну Вогуличей, разбилъ ихъ подъ Чердынемъ, потомъ ограбилъ на Камѣ гостей и Тюменскихъ Татаръ ⁽¹¹³⁾. Вѣроятно, этотъ набѣгъ былъ сдѣланъ не по приказу Московскаго Государя, ибо кромѣ грабежа онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій; но настоящее извѣстіе лѣтописи въ нѣкоторой степени можетъ служить указаніемъ, что эту сторону посѣщали не одни повольники и завоеватели, но и торговцы, вѣроятно изъ Русскихъ городовъ, ибо въ лѣтописи прямо сказано, что Мишневъ ограбилъ гостей на Камѣ. Наконецъ, въ 1483 году, послѣдовалъ первый походъ велико-княжеской рати на Вогульскую и Югорскую земли. Лѣтописное описаніе этого похода сообщаетъ намъ нѣсколько географическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ, официально сдѣлавшихся тогда извѣстными Московскому правительству. По приказу государеву собрались Устюжане, Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысолчи и Пермьки, и, подъ предводительствомъ князя Федора Курбскаго и Ивана Гравина, 9 Мая двинулись изъ Устюга на Пермь въ страну Вогуличей, достигли устья Пельныи, гдѣ и разбили Вогуличей; потомъ изъ Пельныи спустились въ рѣку Тавду, и Тавдою, миновавъ Тюмень, вступили въ Сибирскую землю, воюя и забирая въ помонъ по дорогѣ; далѣе изъ Сибири, рѣкою Иртышемъ, вошли въ Обь и въ Югорскую землю; половеавъ Югорскихъ князей, возвратились въ Юстюгъ 1 Октября, откуда и прислало въ Москву, взятаго въ плѣнъ, старшаго Югорскаго князька Молдана. На другой годъ пришли въ Москву и другіе князья Вогульскіе, Югорскіе и Сибирскій князь Лятикъ, и просили Государя принять ихъ подъ свою высокую руку; просьба была уважена: великій князь, взявъ съ нихъ клятву и назначивъ съ тамошней земли дань, отпустилъ ихъ во сво-

⁽¹¹²⁾ Ник. VI, стр. 100. ⁽¹¹³⁾ Арханг. лѣт., стр. 160.

яси ⁽¹¹⁴⁾. Въ 1489 году была покорена и Вятка, старинная и богатая колонія Новгородская, издавна жившая независимо, жители которой, извѣстные своего предпріимчивостію и промышленностію, хорошо были знакомы со всѣмъ тамошнимъ краемъ; они далеко разъѣзжали по Волгѣ и Камѣ, и вѣроятно для промысловъ нерѣдко пропикали до Оби и, можетъ быть, за Обь ⁽¹¹⁵⁾. Въ одно время съ Вяткою Московскіе воеводы покорили и землю Арскую, лежащую между Вятскими и Казанскими владѣніями; тамошнихъ князей они отпранили въ Москву, и Государь, взявъ съ нихъ присягу, отпустилъ домой ⁽¹¹⁶⁾. Покореніе Вятки дало способъ Москвичамъ еще болѣе познакомиться съ тамошнимъ обширнымъ краемъ, лежащимъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ вплоть до береговъ Сѣвернаго Оксана. Вятскіе промышленники, исходившіе уже прежде всю эту сторону для промысловъ и грабежей, теперь сдѣлались главными путеводителями Москвичей въ этомъ пустынномъ и дикомъ краю. Великій князь, въ 1499 году, желая воспользоваться симъ цовымъ средствомъ для разузнанія и покоренія земель, лежащихъ за Уральскими горами, снарядилъ экспедицію на лыжную Югру; начальниками этого новаго похода назначилъ князей Курбскаго и Ушатаго, и съ ними Василья Бражнича, а въ путеводители придалъ къ ихъ отряду болѣе тысячи чело-вѣкъ Вятчанъ. Объ этомъ походѣ мы имѣемъ четыре извѣстія болѣе подробныя, не считая краткихъ упоминаній въ другихъ источникахъ. Первое извѣстіе сообщаетъ намъ Архангелогородская лѣтопись, гдѣ сказано: «лѣта 7007 князь Великій послалъ рать во Югру лыжную: Устюжанъ, да Вычагжанъ, Вымичъ, Сысолянъ, Двилянъ, Пиньяжанъ; а воеводы были съ ними князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, да князь Петръ Ушатоу, да Василій Бражничъ Ивановъ сынъ Гаврилова. Они же ходивше на лыжахъ пѣши зпму всю, да Югорскую землю всю по-воевали, и въ полонъ ввели» ⁽¹¹⁷⁾. Потомъ Герберштейнъ, въ своей хорографіи Московскихъ владѣній, приводитъ свидѣтельство объ этомъ же походѣ самого князя Семена Ѳедоровича Курбскаго, котораго онъ засталъ еще въ живыхъ въ быт-

⁽¹¹⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 160—161. ⁽¹¹⁵⁾ Арханг. лѣт., стр. 165—167. ⁽¹¹⁶⁾ Ник. VI, стр. 124. ⁽¹¹⁷⁾ Арханг. лѣт., стр. 117.

ность свою въ Москвѣ. Онъ рассказывалъ ему, что Государь однажды послалъ его вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Ушатымъ узнать хорошенько сторону, лежащую по ту и по сю сторону горъ, называющихся Каменнымъ Полсомъ, и покорить живущіе тамъ народцы, и что они въ продолженіе семнадцати дней переходили сіи горы и не могли взойти на вершину, которая называется Столпъ ⁽¹¹⁸⁾. Далѣе, до насъ дошло подлинное разрядное росписаніе о снаряженіи сей экспедиціи, въ которомъ сказано: «лѣта 7007 посылалъ князь великій въ Югорскую землю и на Гогуличи воеводъ князя Семена Ѳедоровича Курбскаго; да князя Петра Ушатаго, да Василья Иванова сына Гаврилова. А со княземъ Семеномъ дѣтей боярскихъ Цыгора да Володю Сугорскихъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина, да Лесу Иванова сына Алексѣева, да Петрушу Копова; а Устюжанъ съ ними 1304 ч. а Вязминъ и Вятчанъ (Вымянъ и Вычегжанъ) ⁽¹¹⁹⁾ 500 ч. Со княземъ Петромъ Ушатымъ дѣти боярскіе Вологжане Микита ТимоѢевъ сынъ Мотафтинъ, да Микита Кушниковъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Гаврила Сафонова да Ивашка Синксина Бобровникова, да Ивашка Юшина; а Вятчанъ съ ними и Важинъ и Пеплянъ 2000 безъ 80 человекъ. А съ Васильемъ съ Ивановымъ сыномъ Гаврилова дѣти боярскіе Вологжаня: Осипъ Савельевъ, да Ѳедка Неправдинъ, да Вятчане, которые живутъ въ Московской землѣ, Якушко Татаринновъ да Гришка Татаринновъ; а Вятчанъ съ ними 200 ч., Руси 100 ч., Ярянъ (Арянъ) ⁽¹²⁰⁾ и Татаръ и Осетяковъ вѣроятно Остяковъ). И всѣхъ съ воеводами людей со княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Курбскимъ съ товарищи 4024 человекъ» ⁽¹²¹⁾. Наконецъ въ нѣкоторыхъ разрядныхъ книгахъ упомянуто и самое донесеніе о походѣ. Вотъ оно: «лѣта 7009 повелѣніемъ государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи хоженіе воеводъ князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, да князя Семена Ѳедоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго Бражника въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогу-

⁽¹¹⁸⁾ *Rerum Moscovit. auctores varj* anno M.D.C. стр. 61—62. ⁽¹¹⁹⁾ Разряд. Кн. Архива Иностр. Дѣлъ № 131 . . стр. 16—17. ⁽¹²⁰⁾ Разряд. Императ. Академ. Наукъ № 44. ⁽¹²¹⁾ Разряд. Арх. Иностр. Дѣлъ № 129.

лпчя. Послалъ князь Великій Петра Федоровича, да подалъ ему дѣтей боярскихъ . . Вологжанъ, а пошли до Пиноковского (Пенежскаго) ⁽¹²²⁾ волоку рѣками 2000 верстъ, да тутъ ся сождали съ Двипяны да съ Важенъ; пошелъ съ Ильина дни (Колою) Колдою рѣкою 150 верстъ. Съ Оленія броду на многія рѣки ходятъ, и пришли въ Печеру рѣку до Усташу града; тутъ воеводы саждалсь князь Петръ со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ Гаврилова. Да тутъ остановились и городъ зарубили. Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на введеніе Пречистыя Богородицы. Отъ Печеры шли воеводы до Камени (Каменинаго пояса, какъ тогда назывались Уральскія горы) двѣ недѣли; и тутъ развелись воеводы князь Петръ да князь Семенъ, камень щелью; а камени въ оболочахъ невидитъ, коло вѣтрено пво оболоча раздраетъ, а длина сего отъ моря до моря. Убили воеводы на камени 50 человекъ Самоѣди, а взяли 200 олсней. А отъ камени недѣлю, до перваго городка Ляпина. А всѣхъ по камень верстъ шло 4650 верстъ. Изъ Ляпина встрѣтили Додоряня (Обдоряе можеть-быть) на олсняхъ, а рать на сабакахъ. Ляпинъ взяли и поймали 33 городы, да взяли 1009 человекъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Васплей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ; и пришли къ Москвѣ на великъ день къ Государю, всѣ далъ Богъ здорово» ⁽¹²³⁾. Судя по предложенымъ здѣсь описаніямъ, предстоящій походъ былъ направленъ сперва на Печору, потомъ отъ Печоры на Камень или Каменный Поясъ въ той его части, гдѣ живутъ Самоѣды, и съ Камня на городокъ Ляпинъ, принадлежащій Обдоряпамъ; это главные пункты похода. Вотъ и другіе пункты, болѣе частные, но необходимыя для объясненія главныхъ. По разрядному росписанію, какъ мы видѣли въ походѣ, должны были участвовать Вятчане, которые жпвуть въ Московской землѣ; а по лѣтописи намъ извѣстно, что въ Московской землѣ Вятчане были поселены въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ ⁽¹²⁴⁾. Слѣдовательно, походъ долженъ былъ начаться изъ Москвы, гдѣ получили назначеніе и сами воеводы; съ Москвы одинъ отрядъ пошелъ съ Ушатымъ Сухоною въ Сѣверную Двину, потомъ Двиною въ Пинегу, съ Пинеги во-

⁽¹²²⁾ Разряд. Акад. № 43. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, листы 23—24. ⁽¹²⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 168.

локомъ въ Колу (нынѣшній Кулой); прошедши по этой рѣкѣ 150 верстъ, онъ отъ Оленьяго броду (можетъ, черезъ Мезень) многими рѣками достигъ Печоры, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Цильма, ибо здѣсь съ Мезени почти прямой путь Пезою, Пескою, Чиркою и Цильмой до Печеры. Другой отрядъ съ Курбскимъ шелъ на Устюгъ, гдѣ принявъ Устюжанъ, далѣе поднялся вверхъ по Вычегдѣ и, принявъ по дорогѣ Выманъ, Сысоланъ и Вычегжанъ, черезъ небольшой волокъ въ Мылву, по Мылвѣ спустился въ Печору. Третій отрядъ съ Заболоцкимъ шелъ сперва Волгою на Каму, гдѣ взявъ, по росписанію, Татаръ Казанскихъ и Арянъ, потомъ Камою поднялся до Колвы и изъ Колвы волокомъ спустился въ Печору, по которой шелъ до устья Усы, гдѣ начинались жилища Остяковъ, которыхъ Заболоцкій, по росписанію, долженъ былъ принять въ свой отрядъ. Такимъ образомъ всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Уса, при устьѣ которой они и зарубили себѣ городокъ Усташъ. Но такъ какъ время было уже зимнее, т. е. какъ сказано въ донесеніи 21 Ноября, слѣдовательно рѣки уже покрылись льдомъ: то соединенные отряды, оставя суда, пошли къ Каменному поясу на лыжахъ, и шли до горъ двѣ недѣли, очевидно по направленію къ верховьямъ Усы, и въ продолженіе 17 дней, какъ говорилъ Курбскій Герберштейну, перешли Каменный поясъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаютъ изъ горъ рѣки Уса, Кара и Собь; ибо воеводы въ донесеніи пишутъ, что при переходѣ черезъ горы они были съ Самоѣдами; а по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа кочевая Самоѣдъ жила именно при верховьяхъ Усы, Кары и Соби и вплоть до устьевъ Оби ⁽¹²⁵⁾. Но направленію похода въ сію сторону сильно противорѣчитъ положеніе нынѣшняго мѣстечка Ляпина; воеводы пишутъ, что по переходѣ черезъ Камень, они недѣлю шли до перваго городка Ляпина; нынѣшній же Ляпинъ, находящійся на правомъ берегу Сысвы, заданъ слишкомъ далеко на югъ, чтобы отъ верховьевъ Соби можно было добраться до него въ недѣлю. Слѣдовательно, придерживаясь нынѣшняго Ляпина, переходъ черезъ Каменный поясъ должно предположить гораздо южнѣе, и никакъ не сѣвернѣе верховьевъ рѣчки Шугу-

(125) Кн. Бол. Черт., изд. 1846 г., стр. 189.

ра, откуда, переправясь черезъ горы, именно въ недѣлю можно дойти до Ляпина, но здѣсь въ горахъ Рускіе встрѣтили бы Остяковъ, а не Самоѣдовъ. Притомъ сами воеводы пишутъ, что изъ Ляпина вышли къ нимъ на встрѣчу Обдоряне на оленяхъ, а нынѣшній Ляпинъ, по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа, принадлежалъ Югрѣ, а не Обдорянамъ ⁽¹²⁶⁾; Обдоряне же, какъ называется та же книга, жили при устьяхъ Оби ⁽¹²⁷⁾; слѣдовательно былъ еще другой Ляпинъ Обдорскій, гдѣ вѣдѣно по теченію Соби, и къ нему-то подошли Рускіе по переходѣ черезъ Камень. Посему мы и не имѣемъ права отодвигать мѣсто перехода черезъ Камень на югъ отъ верховьевъ Усы, только потому, что Рускіе подошли къ Ляпину; здѣсь очевидно говорится о Ляпинѣ Обдорскомъ, а не Югорскомъ. Если это такъ, то настоящій походъ былъ направленъ къ устьямъ Оби и къ полуострову, образуемому Карскимъ моремъ и Обскою губою; слѣдовательно завоеванія и развѣданіе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской, или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, то есть въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ завоевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода. Туда, какъ мы уже видѣли, въ 1483 году Государь посылалъ князя Федора Курбскаго и Ивана Травина, которые проникли до Иртыша и Иртышемъ вошли въ Обь.

Походъ на лыжную Югру, или страну Самоѣдъ и Обдорянъ, былъ послѣдній въ этомъ краю при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III; имъ заключились завоеванія Москвитянъ въ земляхъ, принадлежавшихъ прежде Новгороду. Но присоединеніе Новгорода къ Московскимъ владѣніямъ поставило Москву въ ближайшія и непосредственныя сношенія съ западными сосѣдями Новгородскими, съ Ливонцами и Шведами; вызвало Московскаго Государя къ новымъ войнамъ на западъ, которыя естественно повели Москвитянъ къ ближайшему знакомству съ тамошнимъ краемъ и сообщили имъ много новыхъ географическихъ свѣдѣній, о которыхъ теперь и слѣдуетъ говорить, чтобы окончить обзоръ географическихъ свѣдѣній на Руси за XV столѣтіе.

(126) Кн. Бол. Черт., стр. 207. (127) Тамъ же, стр. 203.

Въ войнахъ Іоанна съ Ливонскимъ орденомъ, по дѣламъ Пскова и Новгорода, Москвичи исходили всю Ливонію до Ревеля и Риги, слѣдовательно распространили свои географическія свѣдѣнія до Рижскаго залива. На здѣсь Москвичи не сдѣлали никакихъ новыхъ приобрѣтеній; они только опустошали землю, а не останавливались въ ней, даже торговля въ этомъ краѣ производилась Псковитянами и Новгородцами, а не Москвичами. Слѣдовательно, свѣдѣнія о краѣ, приобрѣтаемыя въ сихъ войнахъ, пока оставались просто только свѣдѣніями, годными на будущее время, но безъ ближайшихъ видовъ пользоваться ими.

Совсѣмъ другое значеніе имѣли войны Іоанна съ Шведами. Здѣсь Москвичи старались утвердить и распространить свои владѣнія и въ нѣкоторой степени успѣли въ этомъ; причемъ проникли въ такой край, который еще не былъ знакомъ Русскимъ въ прежнее время. Іоаннъ, по своему обыкновенію, началъ войну съ двухъ сторонъ: одна рать его двинулась изъ Новгорода и опустошила Финляндію, или, какъ тогда называли, Гамскую землю; другая же рать, состоявшая изъ Двинянъ и Устюжанъ, подъ предводительствомъ князей Ивана Лапуна и Петра Ушатыхъ, отправилась изъ Двины моремъ Океаномъ и, обогнувъ Мурманскій носъ ⁽¹²⁹⁾ рѣкою Полвою, вступила въ землю Каянскоя Чуда, лежащую прямо за Лапландією и принадлежащую Шведамъ, какъ это объяснено у Герберштейна въ его разсказѣ о путешествіи Русскихъ пословъ по Ледовитому морю ⁽¹³⁰⁾. Здѣсь Русская рать прошла и поновела девять рѣкъ, которыя по лѣтописямъ называются: Кемь, Торна, Колоконъ, Олууи (или Авлуи), Сяговая (или Сягодая), Спѣжна, Гавка (или Головка), Путашь и Ляминга съ Полной. Присемъ жители Ляминги признали власть Московскаго Государя и отправили отъ себя посольство въ Москву ⁽¹³¹⁾. Такимъ образомъ Московскіе воеводы въ этотъ походъ прошли далеко за предѣлы походовъ Новгородскихъ, оканчивавшихся Лапландією, гдѣ была Новгородская область Тре. Мы въ настоящее время не можемъ указать всѣхъ десяти рѣкъ, поименованныхъ въ лѣтописи; но уже указаніе

⁽¹²⁹⁾ Арханг. лѣт., стр. 172—173. ⁽¹³⁰⁾ *Mer. Moscovit. auctor. varij. Francofort. anno M.D.C., стр. 87.* ⁽¹³¹⁾ Ник. VI, стр. 146.

Герберштейна, что Каянская земля лежитъ на западъ отъ Лапландіи, ясно говоритъ, въ какой сторонѣ должно искать упомянутыя рѣки. Точно, мы находимъ между рѣками, впадающими въ сѣверовосточный уголъ Ботническаго залива, Кемь, Торнео, Лиминга, которыя названіями своими совершенно сходны съ упоминаемыми въ лѣтописи: Тарна, Кемь и Лиминго. Слѣдовательно, Русскіе въ настоящій походъ проникли почти до сѣверовосточнаго угла Ботническаго залива, гдѣ они еще никогда до того времени не бывали, и не только прошли этотъ незнакомый до селѣ край, но и успѣли присоединить часть его по рѣкѣ Лимингѣ къ Московскимъ владѣніямъ.

Сдѣлавъ обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь, пріобрѣтенныхъ распространеніемъ границъ Московскаго государства, а также путешествіями и посольствами въ чужія земли во 2-й половинѣ XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ указать на тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ тогдашнихъ памятниковъ о статистическомъ состояніи Московскихъ владѣній того времени. По сему предмету мы имѣемъ два важныхъ памятника: духовное завѣщаніе вел. кн. Ивана Васильевича, и переписныя Новгородскія книги нѣкоторыхъ уѣздовъ. Памятники сіи имѣютъ различное значеніе: духовное завѣщаніе важно потому, что объемлетъ всѣ тогдашнія Московскія владѣнія, но статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя симъ памятникомъ, очень поверхностны и состоятъ только въ перечисленіи городовъ и волостей, и въ нѣкоторыхъ указаніяхъ на тогдашнее раздѣленіе Московскихъ владѣній въ правительственномъ отношеніи; напротивъ того, переписныя Новгородскія книги ограничиваются только нѣкоторыми Новгородскими уѣздами, но за то сіи немногіе уѣзды описаны съ такими статистическими подробностями, что мы ясно можемъ видѣть состояніе описаннаго края, его народонаселеніе и средства жителей, а также получаемые правительствомъ доходы.

Въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ около 1504 года, великій князь Иванъ Васильевичъ отказываетъ своему старшему сыну Василью: 1) городъ Москву со всѣми волостями и селы Московскими и съ Радонежемъ, также съ волостями и съ селы; 2) Коломцу съ волостями и съ селы; 3) Копиру съ зарѣчьемъ (что зарѣкою Окою), Тешиловъ, Веневъ, Мстиславль и Рославль и иныя мѣста по Рязанской рубежъ, и съ Ельцомъ и со всѣми

Елецкими мѣсты. Слѣдовательно, въ правительственномъ или административномъ отношеніи область Кошира тогда простиралась отъ Оки до низовьевъ Сосны и заключала въ себѣ, кромѣ Коширы, еще пять городовъ по западной границѣ Рязанскихъ владѣній. 4) Серпуховъ и Хотунь съ волостями и селы; 5) Торусу съ Городцомъ, и съ Исканью, и съ Мышегою, и съ Колодною; 6) Мценскъ со всѣмъ, что къ нему потягло; 7) Ворытинецкъ со всѣмъ тѣмъ, какъ былъ за Ворытинскими князьями, и съ Мещевскими и съ Олексинымъ. Здѣсь мы опять видимъ соединеніе нѣсколькихъ городовъ въ одну область въ административномъ отношеніи. 8) Городъ Боровскъ съ волостями; 9) городъ Ярославецъ; 10) городъ Медынь съ Вешками по Угрю и на Исанѣ слобода по Угрюжъ, и съ Песочною и съ другими слободами; 11) Можаскъ съ волостями даже за Угрю; 12) Вязму и Козловъ со всѣми Вяземскими мѣстами; 13) Дорогобужъ. Причемъ всчислены 32 волости Дорогобужскія: Погорѣлая, Нѣгомле, Хотомичи, Холмъ, Батино, Простъ, селцо Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынь, по рѣцѣ по Ужѣ, устье; Коскове, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климова, слободка Владычня въ Чертковѣ, селцо Путятино съ деревнями, Игумново, Мстиславецъ, Ощытовъ, Жулинь, Мошкова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылея и Ужница, Ведрошь и Озерница, Сверковы луки. Эти города и волости Московскаго князя на югъ и югозападъ отъ Москвы. Потомъ слѣдуютъ въ томъ же завѣщаніи города на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ Москвы въ такомъ порядкѣ: 1) Переяславль съ волостями; 2) Владиміръ съ волостями; 3) Юрьевъ съ волостями и съ Великою Солью; 4) Суздаль съ волостями да Солца малая, обѣ половины; 5) Ростовъ съ волостями; 6) Ярославль съ волостями и съ Ухрою да Инопажъ съ селцомъ и съ езомъ, что на Волгѣ подъ Рыбною слободою; 7) устье Шоксны по обѣ стороны погосты съ деревнями; 8) волости Заволжскія по обѣ стороны Шоксны. Слѣдовательно, были области, и безъ городовъ составлявшія одно административное цѣлое. 9) Бѣлоозеро съ волостями; 10) Вологда съ волостями; 11) Заозерье съ Кубеною и съ волостями; 12) Устюгъ съ волостями и къ нему Вычегда, Вышь, Удара и Сысола; 13) Заволоцкая земля, въ которой исчисляется 6 волостей: Ростовщина, Пинега съ Кегролюю и Чаколою, Прѣмскіе, Мезень Немъ-

юга, Пилья горы, Пинешка, Выя, Тойма, Кирыя горы, Емьская гора на Вагъ и при ней Онтонова перевара, Корбольской островъ, Шогогора, Кърчела, Сура поганая, и Лавела. 14) Югра съ Печерою; 15) Пермь Великая.—Описавши кругъ сѣверныхъ владѣній, завѣщаніе начинаетъ перечислять города по Волгѣ и ея притокамъ внизъ отъ Ярославля. Здѣсь первый городъ является Кострома, потомъ Галичъ съ Унжею и Чухломою; далѣе Нижній-Новгородъ съ тамошнею Черемисою и Мордвою; Муромъ съ Муромскою Мордвою и Черемисою; Мещера съ тамошними Мордовскими князьями и городомъ Кошковымъ, и наконецъ вся Вятская земля и Арскія владѣнія, составлявшія съ Вяткою одно административное цѣлое. Вятскою землею оканчиваются владѣнія, имѣвшія главнымъ центромъ управленія Москву. Засимъ завѣщаніе исчисляетъ владѣнія Тверскія и Новгородскія, хотя уже присоединенныя къ Москвѣ и вполне подвластныя Московскому Государю, но еще имѣвшія свои мѣстные центры администраціи, Тверь и Новгородъ. Изъ Тверскихъ земель собственно Тверь, Городецъ и Клинь со всѣми волостями, какія значатся по Писцовымъ Книгамъ за которыми городомъ, Государь назначилъ старшему сыну Василю; Кашинъ и Рузу другому сыну Юрію; Зубцовъ, Опоки и Ржеву третьему сыну Димитрію; Старицу, Холмъ и Новый городокъ меньшему сыну Андрею. Изъ Новгородскихъ владѣній въ завѣщаніи старшему сыну назначены: 1) Новгородъ Великій со всѣми пятью пятнами и принадлежащіе по управленію сюда же города: Иванъ-городъ, Яма-городъ, Копорье-городъ, Орѣшокъ-городъ, Ладога-городъ, Дѣманъ-городъ, Куръ-городъ, Порховъ-городъ, Высокій-городъ, Кошкинъ-городъ, и Руса-городъ; 2) Торжекъ со всѣми волостями и пошлинами; 3) городъ Холмъ и при немъ Велико, Буюцъ и Лонастици, составлявшіе одно управленіе; 4) Луки Великіе съ волостями, а къ нимъ же еще волости: Пуповичи, Вязъ, Часпля, Коротай, Дубно и Комша; 5) Ржева пустая со всѣми волостями; 6) Корельская земля съ Корельскимъ городомъ и съ Лопью лѣшею и дикою; 7) Заволочье, къ которому причислялись Ойѣга, Каргополь, все Поонежье, Двина, Вага, Кокшенга, Вельскій погостъ, Колмогоры и вся Двинская и Заволоцкая земля. Изъ Псковскихъ владѣній Псковъ съ городами, волостями и со всею Псковскою землею, безъ раздѣла весь назначенъ старшему сыну. Кромѣ того ему же назначены Торопецъ

да городъ Острее, составлявшіе съ своими волостями два отдѣльных управленія; и наконецъ въ Рязанской землѣ Старая Рязань и Перевитескъ. Прочимъ сыновьямъ великаго князя, кромѣ уже показанныхъ Тверскихъ городовъ, назначены въ удѣлы города съ ихъ волостями: второму сыну Юрію: Дмитровъ, Звенигородъ, Брянскъ и Серпейскъ; третьему сыну Дмитрію: Угличе поле съ Устюжною, Рожаловымъ, Велетовымъ и Кнестыною, составлявшіе одно управленіе, Молога, городъ Желепенъ съ Ротачевымъ и Негомиремъ и съ ихъ волостями, Месческъ съ волостями и Опаковъ съ волостями по Угрю; четвертому сыну Семену: Бѣжецкій Верхъ, Колуга и Козельскъ съ ихъ волостями; пятому сыну Андрею: городъ Верей съ волостями, Вышгородъ съ волостями, Олексинъ съ волостями и Любутескъ съ Вепринымъ ⁽¹³¹⁾. Такимъ образомъ изъ духовнаго завѣщанія великаго князя Ивана Васильевича мы узнаемъ всѣ земли и владѣнія, составлявшія Московское Государство въ послѣдніе годы XV столѣтія, и даже видимъ ихъ раздѣленіе въ административномъ отношеніи.

Новгородскія переписныя книги, составленныя въ 1500 и 1501 годахъ, дошли до насъ не всѣ, и въ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мы находимъ описаніе только уѣздовъ Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго, начинающееся 885 листомъ.

Описаніе Ладожскаго уѣзда начпнается такъ: «въ Ладожскомъ уѣздѣ погостъ Городенской, а въ немъ великаго князя волости и деревни оброчныя; а въ Ладозѣ помѣстей не давати, oprичъ Михайловскаго погоста на Волховѣ до Никольскаго погоста (что за Волховымъ) того дѣла, что на оброчныя обжи положенъ памѣстничъ кормъ. — Деревни Оелоровскія Телятева: деревни Погорелцы: Оелка да Кузка Михалева, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу шло: боранъ, пятакъ льну, а а изъ хлѣба треть, а ключнику четвертка ржи, четвертка овса, лопата боранья, сыръ, овчина, горсть льну. Деревня Дуброва: Оюка Ивашковъ, Онтушко Ивашковъ, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу

(131) Собр. Гес. Гр. и Догов. Т. I, № 144.

шло: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боронья, овчина, горсть льну. Деревня Наволокъ: Максимко Якушовъ, дѣти его Ивашко да Тараско, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, двѣ обжа; а старого доходу: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боранья, овчина, горсть льну. И по старому письму три деревни а дворовъ въ нихъ пять, а людей въ нихъ шесть человекъ, а обожъ пять, двѣ сохи безъ трети; а старого доходу шло: три борона, три пятки льну, а изъ хлѣба треть, а ключники пошлыны четвертка ржи, четвертка овса, три лопатки боранья, три овчины, три горсти льну, сыръ; и за тотъ доходъ и за хлѣбъ давали оброку полтина. А по новому письму три деревни; а въ нихъ четыре дворы, а людей въ нихъ семь человекъ, а обожъ шесть, а сохи двѣ, а въ сохѣ по три обжа. А нового оброку на нихъ положено пять гривенъ, а хлѣба положено поспомъ пять коробей ржи, пять коробей овса; а въ которомъ году не взяти оброку хлѣбнаго хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено денгами, за коробью ржи десять денегъ, за коробью овса пять денегъ, и того за хлѣбъ денгами пять гривенъ и пять денегъ, и всего оброку положено денгами и за хлѣбъ десять гривенъ и пять денегъ, oprичъ обожные дани. А намѣстнича корму намѣстника Ладожскаго и съ тивуномъ и съ доводчикомъ кормъ съ полутретьядцати обожъ, и всего корму въ весь годъ на три праздника со шти обожъ гривна 12 денегъ. И при старомъ убыло дворъ, а прибыло человекъ, обжа, треть сохи, а оброку прибыло двѣ гривны девять денегъ. —Деревня Конецъ у Ладogi на посадѣ, Яковлевская Губина сына Селезнева: Максимко Ивановъ сынъ Поповъ Стребыховъ, сѣетъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ на Ладожницѣ 20 копенъ, да на Лазаревской пожнѣ косятъ сѣна 30 копенъ, что въ жару; двѣ обжа, соха безъ трети. А старого доходу нешло; пахаль Яковлевской ключникъ, а оброка давали съ тое деревни три гривны; а нового оброку положено на ту деревню денгами полтина, oprичъ обожные дани; а намѣстнича корму съ тое деревни, кормъ съ полутретьядцати обожъ, и того съ дву обожъ корму намѣстнику и съ тивуномъ и съ доводчикомъ въ весь годъ на три праздника девять денегъ безъ четвертци; и при старомъ убылъ человекъ, а прибыло оброку четыре гривны и десять денегъ».

Далѣе такимъ же образомъ описаны и другія деревни погоста, всего числомъ 143 деревни; онѣ были расположены по Ладожско-

му, озеру и между рѣками Волховомъ, Ладужицею, Вельцей, Черной, Кабонай и Влоей; въ деревняхъ сихъ податныхъ людей мужескаго пола жило 381 человекъ, изъ нихъ 52 человека рыбныхъ ловцовъ и другихъ непашенныхъ людей; во всемъ погостѣ считалось: 805½ коробей (т. е. десятищъ) земли подъ пашнями, 5740 копенъ сѣнокосу, 23 тона рыбныхъ ловель; дохода въ казну получалось: 31 рубль 8 гривенъ и 11 денегъ Новгородскихъ, т. е. около 16 фунтовъ серебра, кромѣ обожной дани, которая не опредѣлена, и разныхъ мелкихъ поборовъ, которые положены натурою, а не деньгами.

Потомъ слѣдуетъ таковое же описаніе Ильинскаго погоста; въ немъ 27 деревень по рѣкамъ Волхову и Заклюкѣ; въ нихъ 62 человека податныхъ людей, изъ коихъ 3 человека непашенныхъ; земли: подъ пашнею 159 коробей, сѣнокосу 975 копенъ; доходу въ казну деньгами 2 рубля 5 гривенъ 10¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ обожной дани и разныхъ мелкихъ поборовъ натурою.

Погостъ Оелоровскій - Песочкій, въ которомъ 44 деревни по Ладогѣ и рѣкамъ Песочкой и Кипуѣ; въ нихъ 112 человекъ податныхъ людей, изъ коихъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнею 308 коробей, подъ сѣнокосами 2275 копенъ; дохода въ казну деньгами 8 руб. 8 гривенъ 9¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ мелкихъ доходовъ натурою.

Погостъ Егорьевскій-Теребожскій заключалъ въ себѣ 129 деревень, расположенныхъ по рѣкамъ и ручьямъ Сибелѣ, Кобонкѣ, Пелцелѣ, Штяшковѣ, Лавуѣ, Коксари, Душетвѣ, Гвари, Войпогалѣ, Красковѣ, Ярболѣ, Сарѣ, Кобани и Теребожкѣ; людей въ нихъ было 300 человекъ; земли подъ пашнями 802½ коробей, подъ сѣнокосами 5152½ копны, казеннаго дохода 14 руб. 12 гривенъ и 11¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ въ Лопцѣ; въ немъ 14 деревень, расположенныхъ по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Сосарѣ, Лидиѣ и Лавуѣ; людей въ нихъ 42 человека, изъ которыхъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнями 66 коробей, подъ сѣнокосомъ 640 копенъ; дохода въ казну 3 руб. 7 гривенъ и 9 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Потомъ слѣдуютъ погосты, которые изстари причисля-

лись къ Новгородскому уѣзду, а съ 1501 года перечислены къ городу Ладогѣ. Погосты сіи были: Михайловскій на порогѣ и Никольскій съ городища; въ нихъ, кромѣ дворцовыхъ волостей, писанныхъ въ дворцовыхъ книгахъ, состояло:

Въ Михайловскомъ погостѣ 55 деревень; расположенныхъ по рѣкамъ Сеглиницѣ, Волхову, Влоѣ и Чажечнѣ; людей въ нихъ 250 человекъ, изъ которыхъ шесть человекъ не на пашнѣ; земли подъ пашнями 500 коробей, подъ сѣнокосомъ 3410 копенъ, дохода въ казну 31 руб. 6 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Въ Никольскомъ погостѣ съ городища 8 деревень около Волхова; людей въ нихъ 30 человекъ; земли подъ пашнями 51 коробей, подъ сѣнокосомъ 410 поженъ; доходу въ казну 2 руб. 10 гривенъ и 13 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Орѣховскій уѣздъ начинается слѣдующимъ описаніемъ города Орѣшка: «Въ Вотцкой пятинѣ городъ Орѣшекъ.

А се дворы на посадѣ лучшихъ людей своеземцовъ, а живутъ сами. На Корельской сторонѣ (дв): Левка Васильевъ, дѣти его Прокошъ да Нестерикъ (д), Васька Пятута (д), Бориско Оомишъ сынъ Юрьева, (всего 12 дворовъ). На Лопьской сторонѣ (д), Васько Кламовъ; а городскихъ людей лучшихъ на Корельской сторонѣ (д): Иванко Кузминъ (д), Оомка Петровъ, (всего семь дворовъ). А на Лопьской сторонѣ (всего 5 дворовъ); а молодыхъ людей городчанъ, на Корельской сторонѣ (д) Ивашко Васильевъ (д), Васко да Семешко Ескины (всего 45 дворовъ). А на Лопьской сторонѣ 72 двора. А на Никольскомъ острову два двора. А внутри города пять дворовъ. А по новому писму дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ, своеземцевыхъ, и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ тяглыхъ сто и тридцать и девять дворовъ; а людей въ нихъ своеземцовъ и городчанъ сто и восемьдесятъ и девять человекъ тяглыхъ. А великаго князя оброку положено на нихъ восемь рублевъ денегъ.

А се на посадѣ жъ и внутри города дворы своеземцовы, а въ нихъ живутъ дворники. Внутри города (д) Ивашка да Никифорики Соткуевыхъ, а въ немъ дворникъ Іевко Сысоевъ. (д) Якона Панкратова съ братьею, а въ немъ дворникъ Матька Домантовъ. Всего внутри города семь дворовъ, а на посадѣ десять

дворовъ. И всѣхъ дворовъ своеземцовыхъ 17, а дворянскихъ въ нихъ восемнадцать человекъ; а дворянинъ съ горожанъ тянуть.

А се на Лопьской же сторонѣ на посадѣхъ великаго князя цезаревича Тимофеевича Грузова (а) Ермакъ Максимовъ, (а) Микитка Палкинъ; а великаго князя оброку давали одиннадцать денегъ безъ четвертца; а нынѣ продавы горожаномъ въ тогдѣ же оброкъ въ восемь рублей.

А саязъ Орешкъ жъ внутри города и на посадѣ, дворы пята-глые, а въ нихъ живутъ попы и дьяки и сторожи церковные, и великаго князя холопы, пищальники и воротники. Внутри города (а) помятъ Спаской Александро, (а) дьякъ Спаской Палка Куаминъ; на посадѣ на Корельской сторонѣ (а) помятъ Микуду Иванова-ской; а на остроу (а) дьякъ Никольской Иваншко; а на Лопь-ской сторонѣ (а) помятъ Мартынъ Рождества Пречистые (а) дьякъ Пречистые Кондратю Сваровъ (а) сторожъ Пречистые Фомка. А сепицальники внутри города — три двора, на посадѣ на Корельской сторонѣ — краше двора. А се воротники внутри го-рода, три же двора.

А пустыхъ дворовъ внутри города и на посадѣ дворян-скихъ дворянъ, дворъ Андрея Федоровича (всего 12 дворовъ). А пу-стыхъ мѣстъ: внутри города мѣсто Якимъ Фомина, мѣсто Ва-сюка Пятунъ. А на посадѣ на Корельской сторонѣ мѣсто дачи помѣщику Ивану Теркову съ дѣтми, подлѣ Ленка Васильева.

По описанію города по прежнему слѣдуетъ описаніе погос-товъ, въ такомъ городѣ другъ за другомъ:

Погостъ Спасскій-Городенский; въ немъ 91 деревня, изъ нихъ 39 деревень расположены по рѣкѣ Невѣ, и одна на Фоминѣ, остроу при устьѣ Невы въ море; протіе по рѣкамъ Охтѣ, Мойкѣ, Святой, Черной, Березовцу, Морьѣ, Мылѣ, Ойнопанѣ, Тосвой, Сонармѣ, Варисѣ и Ладожскому озеру. На Фоминѣ остроу, въ устьѣ Невы, находящееся село состояло изъ 33 дво-ровъ пахотныхъ крестьянъ, да четыре двора непашенныхъ крестьянъ, да дворъ тиуна, который стоялъ всюю волостію Городенскаго и Короборельскаго погостовъ. Крестьяне Фоминскаго села сѣли ржи 60 коробей, сѣва косями 300 коновъ; кроме того у нихъ было: полпята насѣга, и на два насѣга льготы на три года до 1500 гда. Крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 334 чело-вѣкъ, земли подпашенныя 571 доробей, кося, сѣянокосыи 4245.

погостъ, въ казну дохода 20 руб. 5 гривень и $11\frac{1}{2}$ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Ивановскій-Куйвошскій, въ немъ 260 деревень, изъ нихъ 25 лежатъ по озеру Лешбагалу и одна на Нѣмецкомъ рубежѣ, а остальные расположены у озера Ладожскаго, Савомжа, Ройкала, Паречина, Громбальскаго и Сазьскаго, да по рѣкамъ Влозѣ, Куйвошѣ, Корномѣ, Войногалу, Сазѣ, Мустьемо, Клегомѣ и Красной, крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 528 человекъ, земли подъ пашнями 1419 коробей, подъ сѣнокосами 7994 копенъ; въ казну дохода 89 рублей 13 гривень и $4\frac{1}{2}$ деньги Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Воздвиженскій-Корбельскій, въ немъ 180 деревень; изъ нихъ одна волость, состоящая изъ 11 деревень, расположена на Матеромъ острову въ Корнѣ Носу, и на Диснѣ острову на морѣ и на Кавгалѣ на Нѣмецкомъ рубежѣ; кромѣ того на Кавгалѣ расположены еще 9 деревень изъ другихъ волостей да на морѣ еще 4 деревни, на Охтѣ 10 деревень, а другія деревни еще расположены на Сестрѣ, на Лостелѣ, на Волцосарѣ, Саркѣ, Рогмѣ, Аввалѣ, Каменкѣ, Мендосарѣ, Сиротаѣ, Березовѣ озерѣ и на Глубокомъ озерѣ; крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 434 человекъ, изъ нихъ непашенныхъ крестьянъ 37 человекъ; земли подъ пашнями 1022 $\frac{1}{2}$ коробей, подъ сѣнокосами 5900 копенъ, въ казну дохода 39 руб. 6 гривень $12\frac{1}{2}$ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Келтушскій, въ немъ 86 деревень, расположенныя по озеру Тоскову и по рѣкамъ Гымокалу, Лезею и Охтѣ; людей въ нихъ 132 человекъ; земли подъ пашнями 501 $\frac{1}{2}$ коробей, а подъ сѣнокосами 2525 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревень по пять рублей девять денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Егорьевскій-Лепонскій, въ немъ деревень 133, онѣ расположены по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Лавуѣ, Нювѣ, Покостѣ, Шелдѣ, Вадѣ и Костѣ; въ нихъ людей 332 человекъ; земли подъ пашнями 1073 коробей, подъ сѣнокосами 6785 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревень 31 рубль съ полушью и три гривны съ деньгою Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Кромѣ помѣстныхъ пяти погостовъ къ Орѣховскому уѣзду великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ причислены были

старинные погосты Новгородскаго уѣзда: Веденскій, Лудоромскій, Никольскій-Ижерскій и Никольскій-Ярвосоольскій; изъ нихъ въ Веденскомъ погостѣ 161 деревня, а людей 701 человекъ; въ Никольскомъ-Ижерскомъ погостѣ 361 деревня, да рядокъ, въ которомъ живутъ торговые люди, а людей 1199 человекъ, изъ нихъ 20 человекъ торговые люди не на пашнѣ; въ Никольскомъ-Ярвосоольскомъ погостѣ 113 деревень и 394 человека.

Въ Вотцкой пятинѣ: городъ Корела на рѣкѣ на Узерѣ, въ городѣ Корелѣ на посадѣ всего 222 двора; изъ нихъ 16 дворовъ принадлежали лучшимъ рядовымъ людямъ, 33 двора молодымъ рядовымъ людямъ, 15 дворовъ лучшимъ рыболовамъ, 96 дворовъ молодымъ рыболовамъ, 20 дворовъ молодымъ посадскимъ людямъ безъ промысла, 6 дворовъ принадлежащихъ своеземцамъ, которые живутъ на городскихъ мѣстахъ на тагахъ, 4 двора принадлежащихъ дѣтямъ боярекамъ Мосаничамъ, 13 дворовъ принадлежащихъ Корельскимъ своеземцамъ, 6 дворовъ поповскихъ, 13 дворовъ принадлежащихъ пичальникамъ и воротникамъ. Дворы сии расположены на Сванскомъ острову за Федоровскою рѣкою, за Узервою рѣкою на Ореховской сторонѣ и въ Иломанскомъ концѣ. Собственно тяглыхъ дворовъ считалось 188, а людей въ нихъ 232 человека; а государена оброку на нихъ было положено под-однаццати рубль денегъ; да за худостію людей въ тотъ же оброкъ приписавъ къ посаду Сванской Волочекъ, купленный Государемъ у Валаамскаго монастыря. Въ Сванскомъ Волочкѣ по описи было 55 дворовъ рядовыхъ людей и рыболововъ, а людей въ нихъ 67 человекъ. Кромѣ того внутри города было два пустыхъ двора, дворъ на мѣстничѣ и дворъ владыченъ, да 28 дворовыхъ мѣстъ пустыхъ, принадлежащихъ Корельскимъ своеземцамъ.

Въ Корельскомъ уѣздѣ семь погостовъ: Городевскій, Михайловскій-Сокульскій, Васильевскій-Ровдужскій, это — въ передней Корелѣ; а въ задней Корелѣ остальные четыре погоста: Богородицкій-Кяръажскій, Никольскій-Сердовельскій, Ильинскій-Иломаньскій и Воскресенскій-Соломянскій. Погосты сии описаны, какъ и въ прежнихъ уѣздахъ.

Въ Городевскомъ погостѣ 136 деревень, которыя расположены по озерамъ Ильменю, Узерѣ, Гьерѣ, Легижевѣ, Тюярвскомъ и Гибалѣ, и по рѣкамъ: Тиврѣ, Ряжелѣ, Валгоиѣ, Силѣ,

Каугалъ, Хмелевой и Перви; въ нихъ крестьянъ 230 человекъ.

Въ погостъ Михайловсконъ-Сонульсконъ 244 деревни; онъ расположенъ по озерамъ: Кимеръ, Свѣтому, Свѣтискомъ, Петерви, Киривомъ, Ладожскомъ и Марви, и по рѣкамъ: Вязадъ, Свапи, Каменкъ, Каргалъ и Сонуль; въ нихъ крестьянъ 468 человекъ.

Въ погостъ Васильевсконъ-Ровлужсконъ 201 деревни; въ нихъ деревни, принадлежащія къ Прасольской волости, расположены противъ Нѣмецкой волости Нурмарвы, итъ пять деревень; деревни волости Корбы, также расположены на Нѣмецкомъ рубежѣ противъ Нѣмецкихъ волостей, Лапольи, Бѣлаго озера; ихъ шесть деревень; тутъ текутъ рѣчки: Воисей и Маселга. Также по Нѣмецкому рубежу расположены волости Маселга по рѣкѣ Маселгѣ, и Мегра у Леникальскаго озера; въ нихъ общинъ 16 деревень; прочія деревни расположены по озерамъ: Ладожскому, Сваньскому, Поноу, Нивкову и Плавному и по рѣкѣ Вегнаеу; людей во всѣхъ деревняхъ 396 человекъ.

Въ погостъ Богородицконъ-Кириажсконъ восемь переваръ; (такъ здѣсь названы волости); имена ихъ: перевара Кулдокая, Петкольская, Кириажная, Сорольская, Лапилашская и Сотковская, Островская, Нокольская, Очеламская, на Кумбѣ озерѣ, перевара Козвелапская у Ладожскаго озера; всего въ переварахъ 149 деревень; онѣ расположены по озерамъ: Ладожскому, Гьерву, Коверу, Свѣтому и Ярву, и по рѣкамъ: Ажелъ, Рогалъ, Кириашъ, Ярвѣ и по Нѣмецкому рубежу; людей въ сихъ деревняхъ 1057 человекъ. Здѣсь при описаніи имѣтъ раздѣленія земель на пашенныя и сѣнокошныя; но всѣ земли вѣдѣтъ названы луками, луки же равнялись обжами, т. е. каждая четверемъ коровьимъ пахатной земли.

Въ Някольсконъ-Сердовольсконъ погостъ, волость Нитяга падъ Китяжскимъ озеромъ на Нѣмецкомъ рубежѣ; перевары: Островская и Рекальская, Лахтиская у Завьяго озера и у озеръ Кокотарвы и Ускинсконъ, и по рѣкѣ Улядъ, Арѣнджская при озерѣхъ Ладожскомъ, Вагварви и Мувандъ; Кересюрская, по озеру Ладожскому и рѣкѣ Сумерѣ, Ундолаская, Ангольская, на озерѣ Пуроярви на Нѣмецкомъ рубежѣ, Вастѣвская у Ладожскаго озера и Ососекая; въ сихъ переварахъ

деревень: 244, а крестьянъ: 1122 человекъ. Земли также раздѣлены на луки.

Въ Иломанскомъ погостѣ четыре перевары: Иломанская у озера Роярвы, Новлашская у озера Новлаши; Чангольская по озеру Чанголь и рѣкѣ Пелецкой и по озерамъ Пелецкому, Тохмоярѣ и Койдерскому, и Пальгярвская по Заяцкому озеру и рѣкамъ Калдомъ и Пальгярвѣ. Во всемъ погостѣ какъ въ переварахъ, такъ и особо отъ переваръ 55 деревень, а людей въ нихъ 335 человекъ; земля считается по лукамъ, на каждую душу по луку; слѣдовательно въ погостѣ 335 луковъ земли, точно такъ же и въ прежнихъ погостахъ, гдѣ земли дѣлились на луки, т. е. сколько душъ въ какомъ погостѣ, столько и луковъ земли.

Погостъ Воскресенскій-Соломянскій, въ немъ деревень 32; онѣ расположены по рѣкамъ Янѣ, Соломянѣ и Уксеѣ, и по озерамъ Ладожскому и Суярвѣ; людей въ нихъ 519 человекъ, изъ нихъ одиннадцать человекъ непашенныхъ рыболововъ, у прочихъ же земля считается луками, безъ различія пахатной отъ сѣнокосной.

Далѣе переписная книга содержитъ подобныя приведеннымъ описаніямъ волостей, бывшихъ прежде дворцовыми и потомъ розданныхъ въ помѣстья, въ уѣздахъ Ямскомъ, Копорскомъ и въ Орѣховскомъ. Содержанія описаній здѣсь не представляю, ибо уже и изъ вышеприведеннаго видно довольно ясно, какія статистическія подробности о Новгородской землѣ были извѣстны Московскому правительству въ концѣ XV вѣка. Если же такія подробности шѣлись о владѣніяхъ Новгородскихъ, недавно завоеванныхъ, то безъ сомнѣнія правительство въ такихъ же или даже болѣе подробностяхъ знало свои давнишнія владѣнія; но къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одной писцовой или переписной книги Московскаго или другихъ уѣздовъ въ XV столѣтіи. Мы по необходимости должны отложить болѣе отчетливыя указанія о географическихъ и статистическихъ свѣдѣніяхъ на Русь до слѣдующихъ столѣтій, отъ которыхъ до насъ дошло довольно писцовыхъ, переписныхъ, окладныхъ и другихъ названій книгъ по разнымъ уѣздамъ. А такъ какъ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ источники географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Русской землѣ преимущественно состоятъ изъ оффиціальныхъ памятниковъ старой Московской ад-

министрація, которые дають совѣтъ иной видъ этому дѣлу, какъ по своимъ размѣрамъ и подробностямъ, такъ и по плану: то посему и настоящій трудъ, по необходимости, должно' оканчивать XV столѣтіемъ.

Д. Ч. О. И. Д. Бѣляевъ.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА И РѢКЪ ЕГО ОБОИХЪ СКЛОНОВЪ.

I.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРЕННАГО ВЪ 1847 Г.

Ученая экспедиція, снаряженная съ Высочайшаго соизволенія, Русскимъ Географическимъ Обществомъ, для изслѣдованія свѣрнаго Урала, подъ начальствомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковника Гофмана, имѣла сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ для начала дѣйствій своихъ, городъ Чердынь, Пермской губерніи. Отсюда, сдѣлавъ необходимыя приготовленія для путешествія, 30 Мая 1847 года, экспедиція начала свои изслѣдованія двумя отрядами. Гофманъ съ топографомъ Брагвымъ отправились по рѣкамъ западнаго склона Урала: Колвѣ, Вишерѣ, Березовкѣ, Вогулкѣ, озеромъ Чусовымъ и чрезъ Печорскій Волокъ, по р. Волосницѣ до деревни Усть-Волосницы; далѣе по р. Печорѣ до деревни Усть-Уньи; потомъ вверхъ по рѣкамъ: Уньи, Кисуньи, до вершины р. малой Печеры на Уралѣ. Другой отрядъ, на этотъ разъ гораздо многочисленнѣйшій, подъ начальствомъ майора Стражевскаго, въ которомъ находились: астрономъ Ковальскій, естествоиспытатель Брантъ и я, поднялся по р. Вишерѣ до самыхъ верховьевъ ея, на Уральскій хребетъ, по которому слѣдовалъ потомъ къ свѣру до вершины р. малой Печеры, гдѣ соединился съ первымъ отрядомъ.

Изъ сего послѣдняго общаго пункта, вся экспедиція, вмѣстѣ, перешла по Уралу до вершины р. Большой Печоры, до 62° сѣ-

верной широты. Здѣсь снова экспедиція раздѣлилась на означенные выше два отряда: Гофманъ отправился по рѣкамъ: Егра-Лагъ, Илычу, Кожину, Подчересту и Шугуру, а поднялся по послѣдней опять на Уралъ къ горѣ Тѣлпосъ-нѣъ, подѣ 64° сѣверной широты. Отрядъ же Стражевскаго въ это время продолжалъ свои изслѣдованія постоянно по Уралу къ сѣверу, до означеннаго выше пункта на р. Шугурѣ, гдѣ вторично соединился съ Гофманомъ 29 Августа.

Затруднительное путешествіе по горамъ, не смотря на всѣ старанія ускорить его, было причиною, что мы ранѣе не достигли этого пункта. Потомъ уже позанес время года и недостатокъ въ провизіи не позволяли всей экспедиціи вѣстѣ продолжать путь свой даѣе къ сѣверу, до парадиса деревни Оранца на р. Печорѣ, какъ это было предположено. Поэтому астрономъ Ковальскій отправился въ Чердынъ для зимнихъ наблюденій, а экспедиція, подвинувшись нѣсколько къ сѣверу, вновь раздѣлилась. Гофманъ, оставивъ весь багажъ, налегкѣ пустился даѣе къ сѣверу по Уралу, сколько позволятъ обстоятельства, не смотря на затрудненія, успѣлъ осмотрѣть полградуса почти сѣмюй дикой части Урала, до горы Квось-нѣръ. Стражевскій же спустился съ Уральскихъ горъ на востокъ, на р. Ланцу, и по этой послѣдней и рѣкою Сосвою прибыл въ г. Березовъ 19 Сентября; куда въ концѣ того же мѣсяца, застигнутый сибиремъ, и пологомъ, поспѣшилъ прибыть и отрядъ Гофмана.

Такимъ образомъ, съ 30 Мая по 19. Сентября, всѣ упомянутые пути экспедиціи по Уралу и рѣкамъ западнаго склона его, въ протяженіи отъ 61° до 64½ градуса сѣверной широты, снаты глазомерно маршрутами (въ масштабѣ 3 версты въ Англійскомъ дюймѣ) въ 1/100000 противъ настоящей величины. Всего снато въ 1847 году 13,850 кв. верстъ; въ 1848 же году, какъ означено выше, снато 9,680 кв. верстъ; и того 23,530 кв. верстъ.

Для опредѣленія направленія пути и измѣренія угловъ, преимущественно употреблялась отвратительная буссоль Шмалъкампфера; кромѣ того гдѣ экспедиція останавливалась на нѣсколько дней, была употреблена и мензула маляго устройства.

Расстоянія пути опредѣлялись по времени. При опредѣленіи проплытаго расстоянія вверхъ по рѣкѣ брали во вниманіе замѣняющуюся степень быстроты ея теченія, которая измѣнялась по возможности. Въ опредѣленіи же расстояній пути въ горахъ

считалось было затрудненіи. Путешествіе бывшаго частію совершалось пѣшкомъ; поэтому считали собовенные шаги которые по замѣченному времени равнялись обыкновенному ходу оленей; ибо проводники съ обозомъ шли тоже пѣшкомъ. Все это испытывалось по святой предварительной мѣстности, и по вымѣреннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ланіамъ; и изъ нѣсколькихъ такихъ наблюденій составлены таблицы для откладывавія линейной мѣры по масштабу.

Неудобный, мѣстами даже трудный, путь черезъ болота и крутые каменные склоны хребтовъ, въ особенности по каменнымъ розсыпямъ, покрытымъ лѣсомъ, заставлялъ часто останавливаться, обходить и дѣлать неправильное и непропорціональное движеніе относительно времени. Какъ этимъ весьма затруднялось опредѣленіе пройденнаго разстоянія временемъ, то я бралъ во вниманіе всѣ остановки, неудобства и даже степень крутизны скатовъ и записывалъ въ журналы среднее время, и изъ таблицы соответствующую ему линейную мѣру, исправленные уже по изображенію.

Самая съемка подробностей производилась обыкновеннымъ порядкомъ по способу глазомѣрной булсольной съемки. Шла рина маршрутовъ и подробностей ихъ записывалъ единственно отъ мѣстности, довольно ограниченнаго средства времени.

Для показанія хода съемки и для того, чтобы имѣть полное матеріалъ при составленіи общей карты мѣсть, особое вниманіе обращено на то, чтобы всѣмъ участкамъ, подлежащимъ осмотру, были присвоены нумеры (*). Въ нихъ быстро рисовали маршруты и записывали откладываемыя разстоянія, замѣчательныхъ предметовъ, направленіе пути и краткое описаніе мѣстности, что давало возможность на мѣстѣ ночлега навести тѣ подробности и замѣтки, которыхъ во время пути, по скорости, дождю или другимъ затрудненіямъ, не возможно было навести тотчасъ. Особое же вниманіе было обращено на направленіе и составъ подораздѣла Уральскаго хребта въ всѣхъ дункахъ, откуда только я могъ его видѣть.

Слѣдующій алфавитный списокъ нѣкоторымъ туземцамъ

(*) Подлинныя полевые журналы находятся въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; копіи — въ архивѣ Военно-Топографическаго Департамента.

слонантъ, я прилагаю къ нему означеніе съгласно тому, чтобы
пояснить довольно дикія названія мѣстностей, въ ономъ встрѣ-
чающіяся.

Вогульскія и Остяцкія:

(Ляпинскаго нарѣчія, почти общія).

Аля.	Верхній.
Ахутасъ.	Камни.
Гѣсенъ.	Холмы.
Гѣсса.	Долгій, далекій.
Кѣлыкъ.	Болото.
Кѣреуъ.	Каменные скалы, притѣсы.
Колъ.	Чумъ, шаламъ переносной.
Лѣнъ.	Дорога, путь.
Лѣокъ.	Курыя глухой заливъ вдающійся въ берега, онъ образующій полуостровъ.
Лунъ.	Нижній.
Манъсепалъ.	Восточный склонъ Урала, отъ слова <i>Манъси-Вогулы</i> и <i>Остакы-Ляпинцы</i> .
Манъ, Усь.	Малый, -ял, -ое.
Мѣна.	Отдѣльная скала, чурекъ.
Нѣмъ.	Конечъ хребта, мысъ, носокъ, острогъ.
Нѣръ.	Цѣпь горъ, каменный кражъ, камень.
Нѣссель.	Островъ.
Пауль.	Юрта, зимнія жилища.
Сѣры.	Долина, низменность.
Сыряпалъ.	Западный склонъ Урала; въ буквальномъ перево- дѣ Зырянская сторона.
Титъ.	Устье рѣки.
Тѣсемъ.	Сухой.
Тумпъ.	Отдѣльная значительная гора, если ее обходятъ вершины рѣкъ, или ограничиваютъ долины.
Турръ.	Озеро.
Убъ.	Плеса, значительное и пріямое /когда рѣка безъ острововъ, и одновѣкое теченіе.
Убръ.	Лѣсъ.
Убръ-урръ.	Лѣсной хребетъ.
Урръ.	Хребетъ вообще.
Чертѣсемъ-уръ.	Лѣнія раздѣляющія воду.

Чахль.	Сопка или вершина на хребтѣ.
Шошь.	Малая рѣчка, ручей.
Я.	Рѣка, большая рѣчка.
Явы.	Большой, великій.
Ятолауъ.	Вершина рѣки, истокъ.
Яхтель.	Порога на рѣкѣ и переборы.

Остяцкія:

(Обекаю нарѣчія).

Ай.	Малый.
Горатъ.	Юрты, селеніе.
Юсанъ.	Рѣка.
Южъ.	Дорога, путь.
Кёу.	Камень, гора, краѣ.
Ларъ.	Озеро.
Моангъ.	Скалы.
Нёрумъ.	Тундра.
Позъ.	Протокъ.
Соймъ.	Рѣчка, ручей.
Унъ.	Большой, великій.
Ягаръ, тей.	Начало, вершина рѣки, истокъ.

Самоѣдскія:

Пай-наэ.	Камень, гора, краѣ, хребетъ.
Ссъльа.	Мысль, носъ, носокъ.
Яла.	Рѣка.

Зырянскія:

Балбына.	Отдѣльныя скалы.
Динъ.	Устье рѣки.
Еъ.	Рѣчка.
Илжидъ.	Большой.
Изогъ.	Малый.
Изъ.	Хребетъ, камень, краѣ.
Иль.	Вершина рѣки.
Кырта.	Угосъ каменный, скала при рѣкѣ.
Пармъ.	Значительная отдѣльная высокая возвышенность.
Ю.	Рѣка.

Русские названія тѣмъ же:

Зибунъ. Трасина или зыбкое болото.

Переборъ. Часть рѣки, покрытая подводными или выставившимися изъ воды большими каменными отломками, между которыми вода съ особенною быстротою пробирается; это обстоятельство и быстрота теченія дѣлаютъ плаваніе на переборахъ затруднительнымъ и даже опаснымъ. *Переборъ* не значитъ пороги, который и на р. Вишерѣ употребляется туземцами въ настоящемъ значеніи своемъ.

Старйца. Прежнее направленіе рѣки какъ рукавъ, если она промыла себѣ другое русло, которое предпочитается прежнему по глубинѣ, широтѣ и удобству къ плаванію, а иногда только потому, что гораздо прямѣе.

Сора. Обширныя низменныя болотистыя мѣста, покрытыя преимущественно еловымъ лѣсомъ, и прилежащія къ берегамъ Вишеры называются *сорами*. Она начинаются по этой рѣкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оканчиваются отроги Уральскаго хребта, образующія горные берега ея.

Соръ, соровое мѣсто. Непроходимыя топи, прилежащія рѣкамъ Обя и Сосвѣ, образующія мѣстами родъ болотныхъ озеръ, въ особенности въ подую воду, называются *сорами*. Если же они понимаются водою только во время разлитія и высыхаютъ иногда, или по крайней мѣрѣ дѣлаются мѣстами доступными для стюкосовъ или пастбищъ, то они называются *соровымъ мѣстомъ*.

Тягунъ. Значительная покатость дна рѣки внизъ по теченію, какъ уступъ, усиливающая весьма быстроту теченія въ этомъ мѣстѣ. Она въ особенности ощутительна въ плаваніи противъ теченія: *нужно тянуться*.

Чемкосъ. Зырянская примѣрная лупчавая мѣра, около полверсты, которая считается по плесамъ, между примѣчательными мысами, островами и прочими предметами, для опредѣленія проплытаго разстоянія по рѣкѣ. Къ сѣверо-восточной части довольно неровныя почти всѣмъ мѣстамъ болѣе 5 верстъ Вишеры впрочемъ не такъ строга и не всегда придерживаются *чемкосовъ*; но въ издавнашней Печорѣ и рѣкѣ въ нее впадающей эта лупчавая мѣра въ общепринятомъ употребленіи у туземцевъ.

Чурокъ. Отдѣльно-стоящая небольшая конусообразная сопка (*) или скалы подобнаго же вида на хребтѣ, называются *чурками*; напримеръ: *Аичуэскіи чурокъ*, на лѣвомъ берегу Вишеры, у подошвы Тульяскаго камня. — *Моника чурки*, скалы на горѣ Монингъ-тумъ, находящейся при верховьяхъ этой рѣки.

Уральскій хребетъ, на протяженіи отъ 61 до 66° сѣверной широты, состоитъ изъ одной массы горъ, идущей въ приномъ направленіи съ юга на сѣверъ, въ видѣ параллельныхъ высокихъ каменныхъ хребтовъ, отстоящихъ одна отъ другаго отъ 5-ти до 12-ти верстъ. Эти хребты, находясь въ большей или меньшей связи между собою, прорѣзываются рѣками, протекающими въ глубокихъ и довольно широкихъ лѣсныхъ долинахъ раздѣляющихъ горы. Даже самыя отроги этихъ частныхъ хребтовъ, представляются въ томъ же меридіанальномъ направленіи какъ бы отдѣльными кряжами; поэтому ширина Уральского хребта въ общности простирается отъ 35 до 50 верстъ (**).

Верхи кряжей обнажены и не весьма широки; мѣстами они скалисты и вообще покрыты разсѣянными отломками камней и удобопроходимыми розсыпями; лишены почти отъ всякой растительности, кромя оленьяго мха. Вершины горъ конусообразны и достигаютъ высоты 3000 футовъ. Лощины, истоки рѣкъ, широки и мокры; мѣстами же обрывисты и составляютъ глубокия ущелья, покрытыя снѣгомъ, или занятыя водою малыхъ озеръ. Горныя долины покрыты большею частью лѣсомъ, который поднимается также довольно высоко по крутымъ каменнымъ скатамъ хребтовъ. Этотъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ: ели, пихты, лиственницы и кедра; сосна же встрѣчается рѣдко. Изъ лиственныхъ породъ попадаетъ только береза и по болотамъ ива. Однакожъ растительность иногда идетъ разбросанными и приземистыми елками и березками на снѣжный верхъ, и самая линия водораздѣла въ нѣсколькихъ мѣ-

(*) Сопкою называютъ туземцы каждую высокую вершину на горномъ хребтѣ.

(**) Между верховьями рѣкъ Печоры и Илыча представляются хребты въ четыре ряда. Самая же широкая и долгая изъ горныхъ долинъ — долина р. Цугура, доходящая до 10 верстъ въ ширину.

стахъ покрыта густымъ лѣсомъ, въ особенности гдѣ она проходитъ понижающимися сопками.

Многочисленные поперечныя долины, перерѣзывающія Уралъ, образовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удобные переходы чрезъ него, посредствомъ которыхъ туземцы имѣютъ между собою сообщенія, перегоняя стада оленей и переходя зимою цѣлыми караванами для торговли.

Направленіе линіи водораздѣла по Уралу весьма извилисто. Она дѣлаетъ многія колѣна, то спускаясь въ долины, то переходя съ одного хребта на другой, и не только не слѣдуетъ направленію хребтовъ, но даже нисколько не соответствуетъ высочайшимъ горамъ, а сохраняетъ лишь общее меридіанальное направленіе. Замѣчательно еще, что хребты, несоставляющіе водораздѣла, вездѣ почти выше главнаго хребта, въ особенности западные отроги, между которыми находится самая высочайшая изъ Уральскихъ горъ—гора *Телпосъ-изъ* или *Ненубы-неръ*, простирающаяся до 5000 футовъ высоты.

Около 64½ и 65° сѣверной широты находится самая высокая, широкая и дикая часть Урала; далѣе къ сѣверу, до 66°, она принимаетъ главное направленіе на сѣверовостокъ, становятся гораздо уже и ниже, не измѣняя общаго характера мѣстности и имѣетъ довольно высокія сопки и кражи. Къ несчастію, это протяженіе осталось неосмотрѣннымъ въ 1848 году по описаннымъ ниже обстоятельствамъ.

Отъ 66° широты, Уралъ идетъ все въ сѣверовосточномъ же направленіи, довольно высокою и весьма скалистою цѣпью горъ, по которой путь совсѣмъ невозможенъ. Здѣсь горы совершенно обнажены отъ лѣса, который одвѣкожъ находится вдалѣ отъ склоновъ хребта, но и тамъ начинается рѣдѣть съ приближеніемъ къ сѣверу до предѣловъ открытой тундры. На самомъ сѣверномъ Уралѣ, подъ 66° 42' сѣверной широты, находится высочайшая въ этихъ мѣстахъ, послѣ Телпоса, гора *Пай-яръ*, немного выше 4500 футовъ; имя ея въ буквальномъ переводѣ значитъ *Камень-хозяинъ*.

На всемъ осмтрѣнномъ протяженіи сѣвернаго Урала нигдѣ не встрѣчается настоящихъ снѣжныхъ горъ, и только въ горныхъ ущельяхъ лежатъ огромныя массы снѣга, не растаивающаго лѣтомъ.

Не доходя до Ледовитаго моря, верста 40, Уральскій хребетъ

совершенно оканчивается на тундрѣ краемъ *Минисей*, состоящимъ изъ трехъ значительныхъ горъ: *Арко-най*, собственно *Минисей*, и третьей, самой сѣверной, подъ $68^{\circ} 29'$, 4 сѣверной широты, $83^{\circ} 57'$, 5—долготы отъ перваго меридіана, названной *Константиновымъ Камнемъ*, по имени Августѣйшаго Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества.

Рѣка *Кара*, имѣя начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, подъ широтою $67^{\circ} 58'$, 9, и протекая къ сѣверу почти параллельно остальной части его, впадаетъ потомъ непосредственно въ Ледовитое море. За Карою, больше чѣмъ на 40 верстѣ къ западу отъ оконечности Уральскаго хребта, тянется въ сѣверозападномъ направленіи къ острову Вайгачу рядъ невысокихъ горъ, раздѣленныхъ одна отъ другой тундрою и возвышающихся надъ послѣднею въ видѣ отдельной цѣпи, подъ общимъ именемъ *Пай-хоя*. Эта отдельная цѣпь ошибочно принята на всѣхъ картахъ продолженіемъ Уральскаго хребта, съ которымъ она не можетъ имѣть никакой связи, будучи отдѣлена отъ него огромною тундрою и рѣкою Карою. Кромѣ того и самыя горы *Пай-хоя* почти не составляютъ между собою одного сплошнаго хребта.

Каменистый кражъ *Поритдичи-урръ*, подъ $61^{\circ} 38'$ сѣверной широты, заключающій главные истоки рѣкъ: *Вишеры* и *Малой Уньи*, текущихъ на западъ, и р. *Пурмы*, имѣющей начало съ восточной стороны, составляя линію водораздѣла, примыкаетъ на сѣверѣ къ горамъ *Хдле-чяхль Гѳрдіанъ-чяхль*. Въ долину, ихъ раздѣляющей, находится главный истокъ р. *Большой Уньи*, въ которую, верстѣ чрезъ 10, обойдя мысъ *Суѳмьляхъ-идль*, впадаетъ р. *Малая Унья* (*). Далѣе отъ *Гѳрдіанъ-чяхль* линія раздѣленія водъ дѣлаетъ колено около 8-ми верстѣ къ сѣверозападу, и слѣдуетъ хребтами *Поритдичи-чяхль* и *Манъ-Лундхусеъ-урръ* къ главному истоку р. *Лозьвы*, текущей на востокъ изъ озера, заключающагося въ глубокомъ, обрывистомъ и каменномъ ущельѣ хребта *Яны-Лундхусеъ-урръ*. Отъ сего послѣдняго къ сѣверу водораздѣлъ идетъ каменнымъ гребнемъ, горю *Уѳтенъ-чяхль*, чрезъ сопки *Митю-чяхль* и *Манъ-Гѳтисеъ-урръ*, къ верховьямъ рѣкъ *Малой Почоры* и *Сосвы*, отдѣленнымъ

(*) Протяженія Уральскихъ горъ, выраженные въ верстахъ, взяты изъ глазоизмѣрительныхъ маршрутовъ.

высокимъ краемъ *Яны-Гатчетъ-урръ*. Это колѣно, около 10 верстъ, отдѣляетъ верховья р. Сольпа, притока Лозьвы, отъ истоковъ рѣкъ Уныи и Печоры. Далѣе, къ сѣверу, отъ хребта Яны-Гатчетъ-урръ, линія раздѣленія водъ пролегаетъ между истоками рѣкъ Печеры и Сосвы маленькими извилинами около 24-хъ верстъ, почти прямо на сѣверъ по открытому и не очень широкому хребту чрезъ, многія сопки, къ горѣ *Пѣчеръ-Ятдлахъ-чяль*, у которой находится истокъ р. Большой Печоры.

Разстояніе между оходящимиися истоками противоположно текущихъ рѣкъ Печоры и Сосвы у послѣдней горы; менѣе 200 сажень.

Прямо къ сѣверу, отъ горы *Пѣчеръ-Ятдлахъ-чяль*, водораздѣлъ идетъ по довольно высокому, открытому, каменистому хребту *Енгалъ-нѣръ*, около 12 верстъ, отдѣляя: на западъ верховья рѣки Ольсъ-Манья (Егра-Лага, притокъ рѣки Илыча), на востокъ истоки Сосвы; потомъ онъ слѣдуетъ по лѣсной сопкѣ *Келыхъ-Тумпъ*, пройдя которую, спускается въ болотистую лѣсную долину *Келыхъ-тумпъ-соры*, гдѣ расходятся одна изъ истоковъ Ольсъ-Манья и р. Сосвы. Пройдя верстъ 6 лѣсомъ, поднимается опять на открытый каменистый хребтъ *Манъ-квотъ-нѣръ*, и пролегаетъ по немъ почти на 9 верстъ, имѣя по западному склону притоки рѣки Ольсъ-Манья: *Юулингъ-нелъ-соры-я*, *Ольсъ-манъ-я* и *Манъ-квотъ-нѣръ-оуль-я*, по восточному же истоки рѣки Лопчинъ-Манья.

Къ предъидущему краю примыкаетъ съ сѣвера хребетъ *Яны-квотъ-нѣръ*, со многими каменными сопками и непроходимыми розсыпями. Онъ составляетъ линію водораздѣла, до вершины рѣки Нанчуръ-я, вытекающей на западъ, при сопкѣ того же имени; восточный же склонъ его заключаетъ истоки рѣки Лопчинья. Сдѣлавъ около 7 верстъ до послѣдней сопки *Нанчуръ-чяль*, линія раздѣленія водъ спускается съ хребта *Яны-квотъ-нѣръ* на западъ, по одному изъ отроговъ его, и проходитъ поперегъ лѣсной долины, низменнымъ хребтомъ, къ другому открытому, каменистому краю *Нейлецъ-тумпъ*, совершенно параллельно означенному выше *Яны-квотъ-нѣръ*. Разстояніе между послѣдними хребтами болѣе 6 верстъ; это поперечное лѣсное колѣно Урала отдѣляетъ сѣверную вершину рѣки Ольсъ-Манья и южный истокъ рѣки Юудынгъ-я. Первая, протекая болѣе 20 верстъ въ южномъ направленіи, по широкой лѣсной долинѣ

между хребтами *Мань* и *Яны-кэотъ-нёръ*, *Ятымаузы* и *Тоссема-Ахутасъ-нёлъ*, и увеличившись многими притоками своими, поворачиваетъ на западъ у оконечности послѣдняго хребта, и соединяется съ своими южными вершинами.

Отъ *Нейленъ-тумпъ* линія раздѣленія водъ идетъ все почти въ сѣверномъ направленіи чрезъ многосопный камень *Аккеръ-тумпъ* и хребетъ *Пурмпата* къ сопкѣ *Яны-тумпъ*. На этомъ протяженіи, около 13 верстъ, ова пересѣкается дважды лѣсомъ въ долинахъ между означенными горами, и отдѣляетъ на западъ притоки рѣки *Ухъи*, рѣчки *Оугень-я* и *Саугка-я*, а на востокъ нѣсколько истоковъ рѣки *Юудынъ-я*. Послѣдняя рѣка, увеличившись многими своими истоками сѣверными и южными, и протекиши верстъ 18 съ юга на сѣверъ, вдоль подошвы хребта *Яны-кэотъ-нёръ*, поворачиваетъ на востокъ, прорѣзавъ глубокое ущелье между означеннымъ хребтомъ и краемъ *Пасынёръ*, составляющимъ какъ бы продолженіе къ сѣверу прорѣзаннаго хребта *Яны-кэотъ-нёръ*.

Съ сопки *Яны-тумпъ*, линія раздѣленія водъ, измѣнявъ направление свое нѣсколько къ востоку, спускается въ лѣсъ и проходятъ чрезъ открытыя вершины довольно высокаго лѣснаго хребта *Саманцы-урръ*, потомъ, слѣдуя нѣсколько понижаящимися лѣсными сопками до открытой горы *Габартне-тумпъ*, чрезъ верховья рѣкъ *Ухъи*, текущей на западъ и *Нясы-Мань* на востокъ. Пройдя болѣе 20 верстъ лѣсомъ до послѣдней горы, линія раздѣленія водъ слѣдуетъ опять хребтомъ *Габартне-урръ*, почти въ западномъ направленіи къ высокому, открытому, каменному хребту *Гамъ-урръ*. На всемъ этомъ протяженіи по западному склону находятся нѣсколько вершинъ рѣки *Ухъи*; къ восточному же прилежатъ истоки рѣки *Яны-нысы-я*. Первая, соединясь многими притоками своими, стремящимися съ сѣвера и юга, течетъ почти прямо на западъ около 35 верстъ, по широкой лѣсной долинѣ мимо южныхъ оконечностей параллельныхъ хребтовъ *Габартне-тумпъ*, *Гамъ-урръ* и *Хамбу-урръ*, западнѣе котораго, кажется, выходятъ изъ горъ.

Рѣка же *Яны-нысы-я*, имѣя главную вершину свою изъ хребта *Гамъ-урръ*, протекаетъ болѣе 30 верстъ въ горахъ; потомъ около отдѣльной высокой сопки *Нысы-мань-я-льпинъ-нёръ* соединяется съ рѣкою *Нысы-мань*.

По каменному хребту *Гамъ-урръ*, и далѣе до горы *Саньки-*

чяхль, линія раздѣленія водъ идетъ почти прямо на сѣверъ около 8 верстъ, имѣя на восточной сторонѣ истоки рѣки Яны-наысь-я, а на западной вершины рѣки Липка-я (Ширсью-я), подъ различными именами: Кельхъ-я, Липка-я, Монингъ-соры-я и Ганга-оуль-я. Последняя беретъ начало изъ скалистаго хребта *Гана-урръ*, и замѣчательна тѣмъ, что съ шумомъ пробирается по каменнымъ уступамъ, образуя озера въ глубокой обрывистой долинѣ своей; берега этой долины при впаденіи въ рѣку Липка-я становятся гораздо ниже и ниже.

Отъ горы *Санька-чяхль* линія раздѣленія водъ идетъ, верстъ 6, чрезъ скалистую гору *Гомсенъ-сорынель*, къ широкому, вѣтвистому и со многими сопками хребту *Липка-урръ* отдѣляющему верховья рѣкъ Липка-я и Шугура и связывающемуся съ хребтомъ *Туяхленъ-урръ*, который составляетъ послѣ *Гомсенъ-сорынель*, продолженіе Урала.

Рѣка *Шугуръ* (Сакнуръ-я) беретъ начало изъ хребтовъ *Липкаурръ*, *Туяхленъ-урръ* и *Яруте-урръ* многими ручьями подъ различными именами, главный же истокъ ея изъ *Туяхленъ-урръ*, служащаго водораздѣломъ Шугура и рѣки Тольи, текущей на востокъ отъ этихъ рѣкъ; ихъ истоки раздѣляются низкою лѣсною сопкою, связывающею означенный хребетъ съ *Яруте-урръ*, который въ свою очередь составляетъ потомъ продолженіе Урала къ сѣверу. Почти отъ самой вершины рѣки Шугуръ принимаетъ направленіе прямо на сѣверъ, и протекаетъ болѣе 60 верстъ по лѣсной и болотистой долинѣ, доходящей шириною до 10 верстъ. На правой сторонѣ этой долины пролегаетъ высокій, открытый хребетъ, составляющій водораздѣлъ. Онъ идетъ въ сѣверномъ направленіи каменными сопками и скалистыми вершинами, подъ частными названіями, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Мань-янкечъ*, *Яны-янкечъ*, *Санька-чяхль*, *Госса-неръ*, *Состель-неръ* и *Суомьяхъ-неръ*, до 64° сѣверной широты, имѣя по западному склону своему притоки рѣки Шугура. Восточная сторона его неизвѣстна подробно, по неудобопроходимости этого протяженія Урала. По одному изъ отроговъ послѣдняго хребта, линія раздѣленія водъ удалается къ сѣверовостоку отъ меридіанальнаго направленія и проходитъ лѣсомъ чрезъ вершины рѣкъ Нангъ-соры-я (озеро Собахъ-туръ), Уолья и Туяхленъ-я; потомъ, склонясь къ западу, пролегаетъ болѣе 25 верстъ открытыми хребтами *Хоръ-*

хури, *Нядый-салъ-нелъ*, *Сатанци-урръ* и *Педти-урръ* до вершинъ рѣки Хардеса, отдѣляя: по западной сторонѣ истоки рѣки *Нангъ-соры-я*, по восточной—вершины рѣкъ *Турпеть-я* и *Чортани*. Отрогъ хребта *Сатанци-урръ*, скалистый краѣъ *Ахутасъ-Люльнс-неръ*, со многими значительными истоками, составляетъ главные верховья рѣки *Турпеть-я*.

Далѣе, линія водораздѣла идетъ верстъ 20 довольно пологимъ и не очень высокимъ лѣснымъ хребтомъ съ нѣкоторыми открытыми вершинами, *Саука-мойка*, къ истокамъ рѣкъ *Хатемаль-я* (притокъ *Шугура*), и *Пуйвы*, текущей на востокъ. Восточный склонъ этого протяженія Урала заключаетъ болѣе 10 истоковъ рѣки Хардеса; а вдоль западнаго склона течетъ съ сѣвера на югъ р. *Хатемаль-я*; по правому берегу этой рѣки тянется къ сѣверу широкая, весьма высокая, скалистая и дикая хребетъ, который у вершинъ рѣки *Пуйвы* соединяется съ одною изъ высочайшихъ горъ *Шатмию*.

Отсюда линія раздѣленія водъ сѣверяе, идетъ описаннымъ предъ симъ скалистымъ хребтомъ, въ томъ же дикомъ и недоступномъ видѣ; чрезъ примѣчательныя горы *Ерре-урръ* и *Неръ-ойка*, до широты восточнаго отрога *Квасмъ-неръ*, т. е. до 64½ градуса сѣверной широты. Восточный склонъ, съ огромными и не менѣе дикими и вѣтвистыми отрогами своими, заключаетъ въ ущельяхъ и въ глубокихъ долинахъ вершины рѣкъ *Яны-мудъ-гѳмсенъ-я*, *Манъ-мудъ-гѳмсенъ-я* (притока рѣки *Сукеръ-я*), и главную вершину самой рѣки *Сукеръ-я*. На западномъ склонѣ Урала, говорятъ, находятся тутъ верховья рѣки *Косъ-я*, впадающей въ *Уссу*. Далѣе къ сѣверу, почти до 60° сѣверной широты, до замѣчательной горы *Яруте*, какъ видно издали, Уралъ имѣетъ все тотъ же дикій, широкій и неприступный характеръ, но отсюда примѣтно уже измѣняетъ главное направленіе свое къ сѣверовостоку и становится гораздо уже и ниже.

Отъ вершины рѣки *Вишеры* къ сѣверу по описанному протяженію до 65° сѣверной широты, отроги Урала въ совокупности, т. е. хребты, находящіеся въ линіи раздѣленія водъ, представляются весьма разнообразными, какъ по собственной высотѣ, величинѣ и виду, такъ и по расположенію ихъ между собою и относительно главнаго хребта, съ которымъ они состоятъ въ болѣе или менѣе связи. Путь нашего отряда экспе-

лиція пролегалъ большею частію по самой линіи раздѣленія водъ, для лучшаго изслѣдованія направленія и составныхъ частей ея, уклоняясь отъ оной только по мѣстамъ, неудобно-проходимымъ или совершенно недоступнымъ; поэтому я имѣлъ случай сдѣлать подробную маршрутную съемку по самому Уралу, опредѣляя и описывая только тѣ посторонніе хребты, которые я могъ видѣть съ разныхъ точекъ пути, и сколько притомъ позволяли ограниченное время и средства, также и мѣстные препятствія.

Изъ западнаго склона Уральскаго хребта на означенномъ протяженіи имѣютъ начало примѣчательныя рѣки: *Вишера, Кдла, Унья, Печора, Ильицъ, Подчеремъ и Шугуръ*. Противоположно же имъ, въ восточномъ склонѣ находятся вершины рѣкъ: *Лозьвы, Сосвы и Сымы или Лпины*. Всѣ описанные подъ разными именами истоки рѣкъ по линіи раздѣленія водъ суть притоки повменованныхъ здѣсь примѣчательныхъ рѣкъ, или лучше, составляютъ верховья ихъ.

Разсматривая Уральскія горы отдѣльными частями, прилежащими къ водамъ означенныхъ рѣкъ, можно удобнѣе представить ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ казались мнѣ съ разныхъ пунктовъ наблюденія.

Западные отроги Уральскаго хребта на всемъ описанномъ протяженіи простираются гораздо далѣе по долготѣ, нежели восточные. Высокіе, параллельные къ линіи раздѣленія водъ края, нѣсколькими рядами представляются весьма сложными и скалистыми, со многими сопками и едва ли не вездѣ возвышающимися надъ вершиною главнаго хребта. Восточные отрога почти вездѣ оканчиваются крутымъ склономъ хребта, служащимъ линіею раздѣленія водъ. Если гдѣ и видны гряды значительныхъ лѣсныхъ хребтовъ съ нѣсколькими на нихъ открытыми каменными вершинами, то онѣ представляются болѣе какъ предгорія Урала; ибо раздѣляются между собою болотистыми долинами и почти непроходимыми топами, подобно всему низменному лѣсному долу, который простирается къ востоку отъ подошвы Уральскаго хребта на необозримое пространство.

У вершинъ рѣкъ Вишеры, Колвы и Кисуньи (притока рѣкъ Уньи) находятся значительные края *Кдлинскій и Лопьинскій* камины и сопка *Гальсори-я-чхль*, отъ которыхъ по направленію

къ сѣверу, между рѣками Уньей и Печорою, тянутся такіе же хребты подъ частными названіями. Къ верховьямъ рѣки Печоры прилежатъ замѣчательныя по высотѣ и виду горы: *Сьдло*, *Медвѣжь-камень* и *Койбѣ*. Первая, состоя изъ двухъ конусообразныхъ сопокъ, образуетъ видъ сѣла, отъ чего и получила это названіе. Вторая образуетъ на хребтѣ своемъ изъ двухъ скалъ какую-то небольшую и неопредѣленную фигуру, въ видѣ двухъ зубцовъ, въ которой туземцы воображаютъ видъ лежащаго медвѣдя. Надобно замѣтить, что слишкомъ большая фантазія нужна для того, чтобы представить себѣ очертаніе этого звѣря изъ простой и невмѣющей никакого подобія фигуры означенныхъ скалъ.

Отъ *Койбѣ* къ сѣверу, вдоль праваго берега рѣки Большой Печоры тянется высокій каменистый хребетъ *Яны-пѣбы-нѣръ* или *Балбано-изъ* (*), на коемъ находятся четыре высокія, острые и отдѣльныя скалы, имѣющія видъ каменныхъ столбовъ. Западнѣе этого хребта ничего не видно; вѣроятно, еще далеко простираются разнообразныя отроги его. Отъ р. Егра-Ляги (Ольсъ-Манья) къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу р. Илыча, идутъ хребты параллельныя водораздѣлу, начиная отъ края *Тосемъ-Ахутасъ*. Примѣчательный между ними по высотѣ и дикому виду есть *Хамбу-урръ*, или *Укьюизъ*, сѣвернѣе р. Ухья, выходящей изъ горъ.

Далѣе же къ сѣверу, за рѣкою Липка-я (Пирсъ-ю) тянется непрерывная цѣпь горъ въ видѣ одного возвышающагося къ сѣверу хребта: *Тюндѣръ-урръ*, *Мань-Паллякъ* и *Яны-Паллякъ*, или *Кожимъ-изъ*, господствующая гора у верховьевъ р. Шугура. Западнѣе этой цѣпи, вѣтвистыми и длинными отрогами ея оканчиваются совершенно Уральскія горы, къ подошвѣ которыхъ примыкаетъ низменный и лѣсной доль, составляющій долину р. Илыча. На лѣвомъ берегу р. Кожима или Манзигумъ-я, между рѣками Шугуромъ и Кура-Халь-ею, находится примѣчательная сопка *Пырва*; на правомъ же берегу означенной рѣки Манзигумъ-я, высокіе крижи: *Лѣска-урръ*, *Саль-урръ* и *Саль-Сакутемъ-урръ*. Последній хребетъ, составляя лѣвый берегъ долины рѣки Шу-

(*) Последнее названіе Зырянское.

гура, идетъ къ сѣверу, параллельно этой рѣкѣ, постепенно возвышаясь подѣ частными именами: *Хайматолоу-урръ*, *Сынтитъ-урръ*, *Хальмеръ-саль-урръ* и *Муррай-члхль*, связывающійся съ горою *Нѣлубы-нѣръ* или *Тѣлпосъ-изъ*. Этотъ общій хребетъ значительно выше хребта, служащаго линіею раздѣленія водъ, въ особенности гора *Тѣлпосъ-изъ*, которая господствуетъ на всемъ осматрѣнномъ протяженіи Уральскаго хребта.

Верхняя часть горы *Тѣлпосъ-изъ* состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, острыхъ и скалистыхъ кражей, называемыхъ Остяками *Гвѣтъ-нѣръ* и собственно *Нѣлубы-нѣръ*. На верху видѣнъ снѣгъ, который, говорятъ, разстаетъ почти совершенно только въ жаркое лѣто, образуя, на верху между краями, озеро, называемое туземцами *Ледное*, изъ котораго вытекаютъ рѣчки *Дурная-ѣль* и *Филиппъ-ѣль* или *Тѣлпастъ-я*, впадающія въ р. *Шугуръ* (*). Отъ горы *Тѣлпосъ-изъ*, вдоль лѣваго берега р. *Шугура*, тянется огромный и высокій хребетъ *Удѣтъ-нѣръ*, сѣверную оконечность котораго обходитъ рѣка *Шугуръ*, измѣняя направленіе свое на западъ и выходя изъ горной долины.

Упомянутый выше хребетъ лѣваго берега долины *Шугура*, даетъ начало рѣчкамъ *Саль-Сакутемъ-я*, *Якечь-я*, *Гайматолоу-я*, *Нерцу-я*, *Хальмеръ-Саль-я*, *Сырту-я* и *Мурай-я*, впадающимъ въ *Шугуръ*. По вершинамъ ихъ растетъ лиственница, которая съ приближеніемъ къ *Шугуру* прекращается. Сѣвернѣе р. *Муррай-я*, ниже устья р. *Яхтель-я*, впадающей съ правой стороны, говорятъ, находится на *Шугурѣ* замѣчательный порогъ, называемый туземцами *Страшнымъ*. Самое названіе рѣчки происходитъ отъ слова *Яхтель-порогъ*. Западнѣе, у вершинъ рѣчки *Подчерема*, за описаннымъ хребтомъ *Сале-Сакутемъ-урръ* ни откуда я не могъ ничего видѣть.

На правомъ берегу *Шугура*, по притокамъ ея, рѣкамъ *Навгъ-сѣры-я* и *Хатемаль-я*, находится тоже значительное пространство лиственничнаго лѣса, который, по мнѣнію *Брайта*, годенъ для кораблестроенія.

О западныхъ отрогахъ Урала, начиная отъ выхода рѣки *Шугуры* изъ горъ и до 65° сѣверной широты, до горы *Яруте*,

(*) Названія этихъ рѣчекъ Зырянскія; Остяки же называютъ: первую *Нѣрцу-я*, вторую—*Эю-сеппаль-я*.

и не могу ничего утвердительно сказать, ибо они заслоняются высокимъ хребтомъ, составляющимъ на этомъ протяженіи линію раздѣленія водъ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что Уральскія горы отъ вершинъ рѣки Ичоры къ сѣверу понижаются до истоковъ Щугура, далѣе же опять начинаютъ постепенно возвышаться до горы *Телпосъ-изъ*, въ которой достигаютъ наибольшей высоты.

Путь нашего отряда, подъ начальствомъ майора Стражевскаго, лѣтомъ 1847 года пролегалъ въ Уральскихъ горахъ большею частію по самой линіи раздѣленія водъ; мѣстами онъ былъ весьма затруднителенъ, потому что нужно было проходить каменными розсыпами и подниматься на крутые склоны высокихъ хребтовъ. Мѣстами мы слѣдовали дикою чащею лѣса, гдѣ, прорубая себѣ дорогу или разчищая прогалины, двигались довольно медленно. Иногда болотистыя долины, глубокіе и быстрые притоки рѣкъ, заставляли насъ съ большою трудностію отыскивать переходы чрезъ нихъ. Не касаясь трудностей и лишеній, которымъ естественно подвергается каждый путешественникъ въ странѣ горной и необитаемой, нельзя, однакожъ, для болѣе удовлетворительнаго понятія о странѣ Уральской, не упомянуть о мѣстныхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя исключительно ей одной свойственны. Сильные дожди въ горахъ, порывистые вѣтры, холодные и густые пары, и вообще всѣ быстрыя перемѣны и непостоянства погоды суроваго климата, дѣйствуютъ здѣсь весьма ощутительно, въ особенности когда застигаютъ неожиданно. Кромѣ того, здѣсь безпокоитъ невѣроятное множество комаровъ столь мучительно, что превосходить всѣ трудности и лишенія. Нельзя представить себѣ, кто самъ не испыталъ свирѣпости этихъ наскоковыхъ, отъ которыхъ, къ несчастію, нѣтъ средства защищаться. Благодаря обстоятельствамъ, въ теченіе всего времени странствованія нашего въ горахъ мы пользовались довольно благоприятною погодой. Хотя въ полдень жары и превышали иногда +20 Реомюра, во полночамъ почти всегда термометръ показывалъ +1 или 0.—Августа 4-го видно было издали, что высокій и открытый краяхъ *Хамбу-урръ* покрылся уже прихвѣтнымъ слоемъ снѣга.

Послѣ нѣсколькихъ сильно ненастныхъ дней, напоминавшихъ

намъ пустынное отдаленіе отъ всякаго жилья, и располагающихъ жи́ть чувствовать и цѣнить пріятность удобной городской жизни, мы вознаграждались иногда своего рода удовольствіемъ, любясь прекрасными, дикими, но величественными горными ландшафтами. Не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ живописныхъ мѣстахъ, изображеніе которыхъ достойно хорошей кисти, а не робкаго и неопытнаго пера.

Особенно очаровательна мѣстность у верховьевъ р. Уньи. Представьте себѣ долину версты въ двѣ шириною, окруженную съ трехъ сторонъ высокими, открытыми и чудно обрисованными хребтами. Изъ крутыхъ свѣжыхъ долинъ сѣвернаго скалистаго края падаетъ нѣсколько потоковъ, которые, слившись вѣсть, образуютъ рѣку. Съ шумомъ пробивается она по узкому и обрывистому ложу своему, между каменными обломками крутой стѣны, замыкающей долину, и, окаймивъ ее голубою лентою своихъ водъ, окрывается въ чащѣ лѣса. По лѣвому отлогому берегу рѣки бѣжитъ длинный пласть снѣга, а далѣе разстилается зеленый лугъ у подножія скалъ, въ видѣ стѣбовъ и парамъ довольно высокихъ, рядъ которыхъ тянется параллельно рѣкѣ. На западномъ краю сначала стелется мелкій кустарникъ, потомъ видѣются группы низкихъ деревьевъ и наконецъ поворота заключается опушкою густаго дремучаго лѣса. Этотъ рѣзкій переходъ отъ бѣлаго снѣга къ мягкой зелени и къ голымъ дикимъ утесамъ сообщаетъ особенную прелесть картинѣ. Еще болѣе красоты придавало ей присутствіе нашего лагеря, оживлявшаго эту пустыню. Кое-какъ разбитыя нами палатки, нарты разставленныя въ разныхъ мѣстахъ, стада пасущихся оленей и наконецъ дымящіеся костры и суеящіеся вокругъ нихъ люди, различные и по своимъ нарядамъ и по физіогноміямъ,—это невольно останавливало взоръ и оставляло въ душѣ какое-то пріятное впечатлѣніе.

Не менѣе замѣчательно, по красотѣ своей, мѣстоположеніе въ окрестностяхъ верховьевъ р. Малой Печоры, украшенное видомъ на поднимающуюся въ отдаленіи гору *Койби*. Кромѣ того почти съ каждой высокой горы открывался взорамъ новый разнообразный горный ландшафтъ.—Здѣсь представлялось попеременно то удивительно дикосложенныя груды каменныхъ розсыпей, на которыя можетъ-быть не ступала еще нога человѣка, то покрытыя разными родами мховъ высокія

массы скалъ, въ разсѣлинахъ которыхъ растутъ кой-какіе дикіе кусты. Къ сожалѣнію, здѣсь все имѣетъ мертвый и неподвижный видъ, и эта мертвенность только изрѣдка нарушается завываніемъ вѣтровъ, какъ бы слиявшихся поворотъ спокойную стойкость каменныхъ великановъ, или пронзительнымъ и жалобнымъ крикомъ парящихъ надъ головою орловъ, которые какъ бы обнаруживаютъ этимъ свое опасеніе за цѣлость гнѣзда съ приближеніемъ смѣлаго путника, дерзнушаго подняться къ недоступнымъ вершинамъ. Отсюда вѣковые лѣса, растущіе у подножія, кажутся слившимися въ одну черную массу, а рѣка узкою чертой. Края горизонта во всѣ стороны окаймляются видами отдаленныхъ возвышенностей и многочисленныхъ кражей. Но вотъ погода начинаетъ нахмуриваться: до слуха доходитъ глухой шумъ лѣсовъ долины, волнуемыхъ вѣтромъ, раздается свистъ нагорнаго вѣтра и облака быстро несутся чрезъ горы; здѣсь, задерживаемыя высотой, они сгущаются въ черныя тучи и, обхвативъ вершины сопокъ, разражаются ослѣпительною молніею, ударяющею въ ихъ сѣрое, вѣковое тѣло. Проливной дождь и оглушительные раскаты грома заставляютъ скорѣе спускаться сверху и укрываться подъ навѣсы каменныхъ утесовъ. Мы любовались подобною величественно-ужасною и прекрасною картиною съ горы *Пирри* при р. *Шугурѣ* и, не смотря на всѣ лишенія страннической нашей жизни, находили въ созерцаніи природы пріятное удовольствіе.

Самая замѣчательная, по высотѣ и дикому виду, есть гора *Нѣпубы-керь* или *Телпосъ-изъ*. Она окружена группою сопокъ, отвѣсныхъ скалъ и каменныхъ розсыпей; вершины ея состоятъ изъ двухъ параллельныхъ кражей, поднимающихся скалистыми зубцами, и, по дикому обрывистому виду, кажутся мало доступными. Туземцы, Остаци и Зыряне увѣрили насъ, что на эту гору никто не смѣетъ взобраться; что встарину были будто смѣльчаки, увлеченные любопытствомъ, но оттуда никогда уже не возвращались. Они считаютъ мѣсто это обиталищемъ нечистаго духа. Смѣясь грубому предрасудку суевѣрныхъ туземцевъ, мы имѣли намѣреніе отправиться на эту гору, какіе бы мѣстные труды не предстояли; но наступившій Сентябрь мѣсяцъ съ раннею осенью не позволилъ тратить 1½ сутокъ на подобныя предпріятія любопытства, тѣмъ болѣе, что полковнику Гоemannу предстояло еще путь къ сѣверу на

поградуса широты; къ тому же сухари и прочіе припасы наши уже всё почти истощались.

Высокіе и почти недоступные края и сопки называются у туземцевъ *Яльпини-неръ*, что значать въ переводѣ по-Остяцки: недоступный, проклятый-камень или шайтанскій. Одинъ изъ таковыхъ находится на Уралѣ, южнѣе вершины р. Вишеры; другой, отдѣльный хребетъ на восточной сторонѣ Урала у верховьевъ рѣки Щугура: *Госса-Яльпини-неръ*; и третій, у впаденія рѣки Няйсь-мань-я въ Яны-няйсь-я. Неудивительно, что самый недоступный видъ подобныхъ горъ внушаетъ уже суевѣрнымъ туземцамъ разные предразсудки; къ тому же любопытство не управляетъ ими въ той степени, чтобы они могли повѣрить неаѣное преданіе, тѣмъ болѣе, что и самый промыселъ не влечетъ ихъ на эти любопытныя высоты.

Оленеводство, составляя главное богатство кочующихъ племенъ сѣвера, дѣлаетъ въ лѣтнее время дикій Уральскій хребетъ нѣкоторымъ образомъ обитаемымъ. Въ горахъ, сѣвернѣе 60° широты, встрѣчаются мѣстами кочевья Вогуловъ, Остяковъ и на самомъ сѣверѣ Самоѣдовъ, съ довольно многочисленными стадами оленей.

Вогулы Чердынскаго уѣзда, обитатели рѣкъ Конды, Туры и Тавды, такъ же и Остяки Лаппинской и Сосвинской волостей Березовскаго округа, общіе по языку съ первыми и называющіе себя общимъ именемъ *Манзси*, имѣютъ кочевья свои въ Уральскихъ горахъ только до вершинъ рѣки Сыгвы, т. е. 65½ градуса широты. Сѣвернѣе же этого мѣста по Уралу кочуютъ Обскіе Остяки, какъ съ собственными, такъ и принадлежащими Березовскимъ и Обдорскимъ жителямъ оленями. Зимнія жилища этихъ Остяковъ находятся на рѣкѣ Оби и разсѣяны въ лѣсахъ по протокамъ и побочнымъ рѣкамъ ея; простираясь къ сѣверу внизъ по означенной рѣкѣ за Обдорскъ до Обской губы, примыкаютъ къ району совершенно-скитающихся Самоѣдовъ. Эти полудикіе обитатели сѣвера, Вогулы и Остяки, имѣя зимою постоянныя жилища при извѣстныхъ рѣкахъ, какъ сказано выше, не всё занимаютъ оленеводствомъ подобно Самоѣдамъ, всегдашнимъ скитальцамъ сѣверныхъ пустынь; но многіе изъ нихъ снискиваютъ себѣ пропитаніе преимущественно звѣринными и рыбными промыслами и птицеловствомъ. Различалась меж-

ду собою языкомъ и одеждою, сходствуютъ болѣе или менѣе тѣлосложеніемъ, умственными способностями, нравами, обычаями и проч., смотря по тому, въ большемъ или меньшемъ сношеніи находятся они съ Русскими.

На осмотрѣнномъ нашимъ отрядомъ протяженіи Уральскаго хребта и по рѣкамъ восточнаго склона его, преимущественно кочуютъ Остяки. Они раздѣляются на разные поколѣнія, которыя различаются между собою по языку. Это раздѣленіе по языку увеличивается по мѣрѣ разстоянія между ними, и отдаленныя племена вовсе не понимаютъ другъ друга.

Жилища. Переносное жилище инородцевъ (*) *чумъ*, по удобству и несложному устройству оvensу, очень хорошо защищаетъ обитателей сѣвера отъ сильныхъ дождей, шкелей и другихъ, свойственныхъ суровому климату, переменъ погоды. Въ этомъ устройствѣ, кажется, никакого улучшенія придумать нельзя сообразно обстоятельствамъ жизни и средствамъ, какими сама природа надѣлила этихъ скитальцевъ. Чумъ составляется такимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ.

Лѣтомъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитой берестою, а наверху оставляется отверстіе для дыма; зимою же жерди, обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрывка шерстью внизъ, другая же вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрѣпленною берестою, или зимою оленьюю шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда полъ вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ, зимою снѣгомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣсится на крюкъ

(*) Инородцами называются тѣ изъ Сибирскихъ племенъ, которые платятъ государственную подать ясакѣмъ, и извѣстны подъ именемъ *ясачныхъ*.

укрѣпленный въ перекладниѣ котелъ, составляющій единственную ихъ кухонную утварь. Прямо противъ дверей складываются съѣстные припасы и вся домашняя утварь.

Вокругъ чума стоятъ нарты (*), съ увязаннымъ на нихъ имуществомъ, моетъ нужнымъ подъ руками. Такой чумъ раскидывается не болѣе какъ въ полчаса, и эта работа, разумеется, относится къ прямой обязанности женщинъ, равно какъ и всѣ совершенно домашнія работы, къ которымъ Остакъ и руки не приложить. Во всякомъ чумѣ является та же нечистота и неопрятность въ высшей степени; всѣ они совершенно похожи одинъ на другой, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго: вездѣ увидите въ дыму немывытыя, нечесаныя и закопѣлыя лица, сидящія поджавши ноги вокругъ огня, безмысленно посяматривая и поплеывая на огонь и несвязно и отрывисто разговаривая. Тутъ же съ визгомъ и крикомъ гнѣются голыя ребятишки и грязныя собаки, всѣ вмѣстѣ.

Женщины молча занимаются работами, суша оленьи шкурки для нитокъ, чиня одежду или растирая и выправляя зубами высушенную обувь мужчинъ и пр.; онѣ сидятъ обыкновенно поотдаля и, смотря по присутствію здѣсь родственниковъ, съ закрытымъ или открытымъ лицомъ, и сообразно этому обернувшись спиною къ огню или нѣтъ. Вотъ родственныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ лишаются онѣ иногда свѣта и теплоты въ чумѣ. У Остакъовъ искони ведется обычай, что жена младшаго брата никогда не должна показывать лица старшему брату, точно такъ же, какъ и внучка дѣду своему; этотъ обычай, равно какъ и другія тому подобныя причуды, строго соблюдается ими. Пребываніе въ чумѣ несносно отъ нестерпимаго дыма и духоты; грустно смотрѣть на эту жалкую и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную картину грязнаго быта; нечистота и неопрятность выгоняютъ изъ него, если только позволяет погода. Впослѣдствіи же свыкаешься съ этимъ образомъ жизни, дѣлаешься равнодушнымъ къ неопрятности и даже съ нѣкоторою пріятностію скрываешься въ чумѣ отъ непогоды.

Одежда. Вся одежда и обувь Остакъовъ состоитъ изъ олень-

(*) Легкія сани, употребляемыя инородцами лѣтомъ и зимою для ѣзды на оленяхъ.

ихъ шкуръ, подобно всѣмъ полуавскимъ обитателямъ Сибиря только съ нѣкоторыми отступленіями въ украшеніяхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они находятся въ сообщеніяхъ съ Русскими.

Малица, главное платье ихъ, лѣтомъ и зимою, шьется изъ оленьей шкуры, прямого покроя въ видѣ мѣшка, длиною по колѣно, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами и съ отверстіемъ для головы. Снизу на ней дѣлается опушка изъ собачьяго, волчьяго или другаго мѣха. Надѣваютъ ее прямо чрезъ голову шерстью къ телу.

Короткія замшевыя брюща, съ такими же чулками выше колѣна, нитяными въ ступнѣ родъ башмаковъ изъ твердыхъ частей оленьей шкуры, составляютъ всю нижнюю одежду и обувь ихъ лѣтомъ.

Малица подпоясывается довольно низко *пряжесю*, широкимъ коженнымъ кушакомъ съ огромною пряжкой, сдѣланною изъ мѣда или изъ оленьяго рога. Къ этому поясу, узланному мѣдными пуговицами, какъ чешуями, привѣшивается съ боку ножъ въ коженномъ или деревянномъ чехлѣ и сумочка съ кремнемъ и огнивомъ.

Голову почти круглый годъ не закрываютъ; волосы, въ родѣ косъ, обматываютъ красною шерстяною тесьмой; женщины привѣшиваютъ къ нимъ еще колокольчики и побракушки.

Бѣлье у нихъ въ маломъ употребленіи, и то только у тѣхъ Остяковъ, которые живутъ въ Русскихъ селеніяхъ, или находятся въ частыхъ сообщеніяхъ съ ними. У сихъ послѣднихъ употребляются вмѣсто малицъ рубахи Русскаго покрою, съ воротниками и нарукавниками, равно и коймою на груди и снизу, изъ толстаго цвѣтнаго сукна. Иногда же къ рубашкамъ придѣлываются твердые откладные воротники, странно вышитые изъ олова и узланые цвѣтными бусами и прочими прикрасами въ ихъ вкусъ. Изъ этихъ украшеній рубахи уже можно заключить, что она у нихъ употребляется не какъ бѣлье, а въ родѣ шегольскаго верхней лѣтней одежды, которую она изнашиваютъ до самаго вѣлья, не мѣня и не чиня ее, покуда совершенно съ плечъ не свалится. Для предохраненія же мадицы отъ дождя, надѣвается сверху, въ случаѣ надобности, *мусъ*, изъ толстой сермаги—такой же широкій мѣшокъ съ рукавами и канашономъ для покрыванія головы.

Единственная одежда женщинъ состоитъ изъ оленьей шубы шерстью вверхъ, наподобіе копота съ частыми завязками спереди, украшенная у нѣкоторыхъ кисточками и побрякушками. Снизу эта шуба подбивается песцовымъ, заячьимъ, или бѣличьимъ мѣхомъ, смотря по состоянію; надѣвается прямо на тѣло. Обувь такая же, какъ у мужчинъ. Бѣлье у нихъ еще въ меньшемъ употребленіи. Живущіе же постоянно при рѣкахъ, въ особенности близъ Русскихъ селеній, носятъ два длинныя сорочки изъ толстаго крапивнаго холста, вышитыя снизу суковными и другими узорами. Голову Остяки покрываютъ широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ длинными висячими бахрамами, закрывая имъ почти все лицо.

Къ описанному роду одежды нужно прибавить, что она не снимается и не перемѣняется у нихъ до самаго износа. Отъ такой неопрятности и нечистоты почти всѣ онѣ бываютъ въ чесоткѣ.

Зимою какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обувь состоитъ изъ длинныхъ чулковъ, сшитыхъ изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ шерстью къ тѣлу, называемыхъ *чижами*. Сверхъ этихъ надѣваются *нимы*, другіе, пестрые и узорчатые чулки, сдѣланные изъ черныхъ и бѣлыхъ оленьихъ ногъ. Эта обувь защищаетъ ихъ отъ самыхъ лютыхъ морозовъ.

Кромѣ того мужчины надѣваютъ сверхъ малицы другую такую же оленью шубу, только подлиннѣе и шерстью вверхъ, называемую *паркою* или *тусемъ*, смотря по тому, изъ молодыхъ ли шкуръ или старыхъ оленей она сдѣлана. *Парка* легка и узорчата, *тусь* же изъ толстыхъ длинношерстныхъ шкуръ, проченъ и хорошо защищаетъ тѣло отъ сильнѣйшихъ морозовъ и мятелей, свойственныхъ только суровому сѣверу.

Кромѣ описанной одежды, нѣкоторые въ домашнемъ быту носятъ изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ или другихъ мѣховъ шубы, въ родѣ халата, съ откладнымъ воротникомъ и шерстью вверхъ, называемыя *ла*.

Однимъ словомъ, одежда инородцевъ, хотя очень бѣдна, но вообще весьма удобна покроемъ своимъ, легка и вполне соответствуетъ ихъ климату и образу жизни; къ тому же прочная и недорогая, она шьется нитками изъ оленьихъ жилъ.

Пища. Остякамъ, занимающимся оленеводствомъ, главною пищею служатъ оленина валяная, вареная и сырая; въ послѣднемъ

видѣ она употребляется болѣе всего и составляетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ лакомство. Время, когда бьютъ оленя, составляетъ въ семействѣ Остяка праздникъ и возбуждаетъ особенное удовольствіе во всѣхъ членахъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ открывается кровавое пиршество. Вокругъ оленя, заколотога такъ, что вся кровь остается въ его внутренности, ободраннаго и вскрытаго, толпится все семейство, старій и малій; съ ножами въ рукахъ, всѣ съ жадностію вырѣзываютъ и ѣдятъ теплое мясо, обмакивая обыкновенно въ дымящуюся кровь, или запивая ею. Нужно притомъ удивляться, съ какимъ непостижимымъ искусствомъ они отрѣзываютъ ножомъ около самаго своего рта вверхъ къ носу куски мяса, захваченнаго зубами, и такъ бойко и ловко, что со стороны кажется непремѣнно задѣнеть за носъ. Мясо глотаютъ они кусками почти не жевавши, и трудно представить себѣ, сколько каждый изъ нихъ можетъ сѣсть его.

Послѣ такого пира мужичинъ, приступаютъ къ уборкѣ оставшагося мяса женщины. Онѣ вытягиваютъ зубами жилки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдятъ въ свою очередь. Когда ѣдятъ мужичины, тогда онѣ почти ничего не смѣютъ трогать; въ особенности, если есть тутъ гости, болѣе или менѣе почетные, которымъ предоставляется все лакомое.

Ребятишки, перемаранные совершенно въ кровь, долго остаются на мѣстѣ глотать кости и играть ими. Вообще всѣ они не любятъ мыться послѣ кровавой трапезы, покуда, временемъ, запекшая на лицѣ и рукахъ кровь не сотрется сама или не смоеся дождемъ.

Тѣ же Остяки, которые исключительно занимаются рыбными промыслами лѣтомъ, и живущіе постоянно при рѣкахъ, употребляютъ въ пищу рыбу сушеную, вареную, сырую, и нерѣдко протухлую предпочитаютъ даже сырой. Оленина же сырая считается у нихъ лучшею пищею, и употребляется въ особенныхъ празднествахъ.

Кромѣ того, всѣ они ѣдятъ сырую и вареную дичь, ягоды и проч., исключая только грибовъ, которыхъ не только не употребляютъ въ пищу, но даже съ удивленіемъ смотрятъ на Русскихъ, какъ они могутъ ѣсть ихъ: обстоятельство, впрочемъ довольно странное, что они не познакомились съ нѣкоторою питательностію грибовъ, употребляя все безъ исключенія въ пищу.

Хлѣбъ Остяки употребляютъ въ небольшомъ количествѣ, и болѣе муку, изъ которой варятъ густую похлебку, называемую *салыизъ*, заправляемую оленьюю кровью или рыбнымъ жиромъ. Варятъ также похлебку изъ сырой рыбы безъ муки; кромѣ того, пекутъ около огня тонкія лепешки изъ ржаной муки или изъ рыбьей мякоти, обращенной въ муку.

Всѣ они очень любятъ лакомства; нѣкоторые богатые пьютъ иногда чай, имѣя погребцы съ необходимыми приборомъ. Всѣ страстно предавы горячимъ напиткамъ,—слабость, которая перѣдко вводитъ въ нищету и раззоряетъ иноподцевъ. Если Остяка подпоять, то онъ по страсти къ напитку дѣлается весьма уступчивъ и, чтобы удовлетворить ей, готовъ за лишній стаканъ водки отдать лучшаго соболя. Поэтому они вообще весьма недовѣрчивы, боятся людей незнакомыхъ, которые могли бы воспользоваться ихъ слабостію, и сбываютъ добычу своихъ промысловъ преимущественно купцамъ знакомымъ, пріобрѣтшимъ ихъ довѣренность, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ добросовѣстно пользуются ихъ простотою.

Табакъ они мало курятъ, но почти всѣ, не исключая и большей части женщинъ; кладутъ тертый табакъ за нижнюю губу въ большомъ количествѣ и также сильно нюхаютъ его. А что всего гнуснѣе: они безъ всякаго отвращенія дѣлаютъ падалъ, не смотря на запрещеніе Православнаго духовенства, всегда отговариваясь тѣмъ, что не все ли равно, какимъ образомъ убить скотъ.

Оленеводство. Кочеваніе Остяковъ постоянно при извѣстныхъ рѣкахъ для рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ и значительное отдаленіе мѣстъ, удобныхъ для пастбищъ, не представляютъ возможности всѣмъ имъ заниматься оленеводствомъ, которое составляетъ главное и даже единственное средство жизни другихъ кочевыхъ племенъ сѣверной Сибири. Поэтому въ этой отрасли промышленности Остяки далеко уступаютъ богатымъ оленеводамъ Зырянскимъ и даже сѣвернымъ Самоѣдамъ, хотя и встрѣчаются между Остяками нѣкоторые богачи, имѣющіе отъ 500 до 5000 оленей, но всокупности стада ихъ, въ томъ числѣ и принадлежащія Русскимъ промышленникамъ Березовскаго округа, едва ли превышаютъ 50,000 головъ; изъ этого числа до 20,000 истреблено повальною язвою, свирѣпствовавшею лѣтомъ 1848 года на Уралѣ. Эта язва раззорила благосостояніе многихъ ту-

земцевъ и едва ли они скоро опять поправятся. Собственного оленеводства Остяковъ недостаточно даже для одежды, которою отчасти снабжаютъ ихъ Зыряне и Самоѣды; они считаютъ ее лучшею потому, что сами Остяки мало занимаются шитьемъ и не такъ искусны.

Нужно замѣтить, что оленеводство для инородцевъ не сопряжено ни съ какими особенными трудами и заботами: олень, благородное и полезнѣйшее животное, составляя все богатство полудикаго обитателя сѣвера, служить во всемъ хозяину своему, не требуя притомъ никакого о себѣ попеченія. Лѣтомъ и зимою онъ употребляется для трудныхъ и нерѣдко отдаленныхъ поѣздокъ; на немъ гоняется за звѣремъ туземецъ; въ послѣдствіи мясо его служитъ пищею; изъ шкуры его готовится одежда, жилище и другіе предметы. Былъ бы только въ мѣстахъ пастбищъ бѣлый мохъ, составляющій главную пищу оленя, и болѣе ничего ему не нужно. Немалого удивленія достойно и то, что стадо оленей, свыше 2000 головъ, не требуетъ большаго присмотра за собою ни днемъ ни ночью, ни въ хорошую ни въ дурную погоду. При нихъ обыкновенно находятся одинъ, а много два человѣка сторожей и пять, шесть маленькихъ собакъ; стадо же, менѣе 1000, днемъ почти всегда оставляется безъ пастуха при одинѣхъ только собакахъ.

Олени одарены быстрымъ бѣгомъ, большими и вѣтвистыми рогами, широкими копытами, которыми крѣпко могутъ легаться; они довольно пугливы въ дикомъ состояніи и не подпускаютъ къ себѣ человѣка. Ручные олени чрезвычайно смиренны и послушны и, не смотря на количество ихъ, человѣкъ можетъ дѣлать съ ними что хочетъ. Они даже боятся и повинуются нѣсколькимъ маленькимъ повалчивымъ собакамъ, которыя, по знаку пастуха, съ удивительнымъ инстинктомъ собираютъ, лаемъ и тьяканьемъ, все стадо и, бѣгал полукругомъ, загоняютъ его къ чуму. Въ случаѣ надобности выбирать оленей для упряжи или другой цѣли, нѣсколько человѣкъ окружаютъ стадо тонкою веревкою, чрезъ которую уже ни одинъ олень не покусится перескочить. На рога оленей, непопавшихъ въ кругъ, но предназначенныхъ въ упряжь, Остякъ накидываетъ орканъ мѣткою рукою и даже на всемъ ихъ бѣгу рѣдко дѣлаетъ промахъ.

Чумовище свое, мѣсто кочевья, Остяки перемѣняютъ доволь-

но часто, смотря по тому, когда въ окрестностях окажется недостатокъ въ мхѣ, нужномъ для пастбища оленей. Признакомъ этого недостатка служить слишкомъ большое удаленіе стада отъ чума. Тогда разбираютъ чумъ, связываютъ все пожитки свои на нарты, запряженные по 2, 3 и 4 оленя, смотря по тяжести, и все семейство тянется потомъ длиннымъ караваномъ по горамъ, голымъ камнямъ, по чащѣ лѣса, находя вездѣ себѣ проѣздъ, чему способствуютъ чудное устройство легкихъ нартъ и ловкая упряжь оленей. Мѣста пастбищъ выбираются преимущественно при истокахъ рѣкъ, гдѣ находятся большіе пласты нерастаивающаго лѣтомъ снѣга; тамъ олени могутъ находить себѣ прохладу въ жары, въ особенности въ комарное время.

Промыслы. Независимо отъ оленеводства, въ зимнее время звѣриная ловля составляетъ главный и общій промыслъ для всехъ инородцевъ безъ исключенія; лѣтомъ же большая часть изъ нихъ занимается рыбными промыслами и птицеловствомъ. Не имѣя возможности исчислить множество разнаго рода звѣрей и птицъ, водящихся въ сѣверной Сибири, и рыбъ, которыми весьма обильны рѣки ея, упомяну здѣсь только о главныхъ орудіяхъ и снарядахъ, употребляемыхъ на этихъ промыслахъ Остяками.

Звѣрей ловятъ капканами, западнями (слапцы), отравою, самострѣлами (*), огнестрѣльнымъ оружіемъ, метаніемъ изъ лука (смотря по звѣрю), разными стрѣлами (**); не рѣдко также бьютъ двихъ оленей и волковъ рогатинами, гоняясь за ними на легкихъ нартахъ, запряженныхъ оленями. Иногда и на медвѣдя идутъ, вооруженные рогатинами же.

Птицеловство производится силками, перевѣсомъ (***), слапцами, стрѣланіемъ изъ ружей, метаніемъ изъ лука и нѣкоторыми другими способами.

Для рыбной ловли употребляются сѣти, невода, морды (изъ

(*) Родъ большого лука, настороженнаго въ лѣсу на замѣченномъ слѣдѣ звѣря; стрѣла изъ лука значительно сильнѣе ручнаго.

(**) Напримѣръ: для бѣлки употребляется стрѣла съ шарообразнымъ чакочникомъ; понадаютъ имъ въ голову, чтобы не портить шкуры.

(***) См. въ концѣ описанія рѣки Сосвы, ловля птицъ перевѣсомъ.

прутьевъ), остроги и другіе способы. Для ловли обыкновенно загораживаются протоки и въ нихъ устанавливаются разные снаряды. Лѣтомъ Остяки рыболовы съ цѣлыми семействами переходятъ изъ зимнихъ юртъ къ значительнымъ рѣкамъ, гдѣ, на удобныхъ для промысла мѣстахъ, разбиваютъ себѣ временныя берестовыя шалаши, въ которыхъ живутъ, какъ оленеводы въ чумахъ. Добываемую рыбу они вялятъ на солнцѣ, сушатъ и солятъ.

Наружный видъ и умственныя способности. Остяки роста средняго, худощавы, довольно нескладны, вялы и неповоротливы; цвѣтъ лица желтоблѣдный, при маленькихъ черныхъ глазахъ, широкому носу и посредственному рту; волосы болѣею частію черныя; бородъ не имѣютъ; если же у кого и начинается пробиваться волосъ, то его сейчасъ выщипываютъ или стригутъ; наружность ихъ вообще очень старообразна; вѣроятно, суровый климатъ, дикій образъ жизни, труды, нужда и лишенія имѣютъ на то вліяніе. Нерѣдко встрѣчаются лица, обезображенные слѣдами губительной сифилитической заразы.

Кромѣ болѣзней, свойственныхъ климату и образу жизни, у Остяковъ природная оспа производитъ опустошительныя дѣйствія, не смотря ни на какія врачебныя пособія, даже прививаніе коровьей оспы.

Лѣтность и безпечность—болѣе или менѣе общая черта Остяковъ и главная причина ихъ бѣдности. Хотя они не лишены умственныхъ способностей, которыя развиты только соотвѣственно физическимъ потребностямъ жизни; но многіе изъ нихъ очень безтолковы. О лѣтахъ своихъ, можно сказать, никто не знаетъ изъ нихъ: прибавляютъ себѣ ихъ больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Шестидесятилѣтній *ойка* (старикъ почтенный), вѣрно скажетъ, что ему *«надо быть уже есть 100 лѣтъ»*. Да самыя понятія ихъ въ лѣтосчисленіи весьма ограпичены и едва переходятъ за десятокъ лѣтъ, впрочемъ они почитаютъ даже лишнимъ знать это. Раздѣленіе временъ года основано у нихъ на звѣриной и рыбной ловлѣ, на перелетѣ птицъ и проч.; мѣсяцы считаютъ по луннымъ теченіямъ и новый годъ начинаютъ съ послѣдней половины Октября мѣсяца.

Почти каждый изъ нихъ имѣетъ по два имени: одно Остяцкое, выражающее какое нибудь событіе, обстоятельство, вещь и проч., случившееся при рожденіи его; наирѣзвѣстнѣе: *Мань-пырьс*

моленскій мальчикъ), *хайдъ* (дикій), *лаача* (утка), *лакуръ* (неровная земля) и т. п.; другое же православное имя, и почти всегда въ уменьшительномъ видѣ: *Сенька*, *Васъка* и проч. Прозваній же своихъ большая часть не можетъ упомянуть: отъ того при сборѣ ясака встрѣчаются большія затрудненія. Обыкновенно при этомъ нѣкоторые Остяки, на вопросъ чиновника о прозваніи, отвѣчаютъ сердито: «*что ты у меня спрашиваешь? развѣ самъ не знаешь? посмотри въ книжъ, тамъ найдешь!*» Поэтому и прозванія свои они называютъ *лѣпокъ-неме*, что значатъ въ переводѣ бумажное имя.

О нравахъ, обычаяхъ и религіи. Остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы и хладнокровны; отличительная черта ихъ честность, дружелюбіе и гостепріимство. Ревность, свойственная всѣмъ восточнымъ народамъ, не сопровождается у нихъ сильнымъ мщеніемъ, особенною враждою или злопамятствомъ; съ жеванами же своими обходятся сурово, поварварски, какъ съ невольниками; женщины вообще у нихъ въ большомъ пренебреженіи и даже не считаются въ числѣ людей. Только въ пьяномъ видѣ Остяки затѣваютъ большую частію между собою ссоры, которыя оканчиваются нерѣдко дракою; пьянство есть общій и самый величайшій ихъ порокъ.

Большая часть изъ крещенныхъ Остяковъ, исповѣдуя Православную религію только по наружности, предается грубому идолопоклонству, отправляя въ сокровенной глуши лѣсовъ и на высяхъ горъ жертвоприношенія своимъ кумирамъ.

Свѣтъ Христіанскаго ученія проникнулъ въ Березовскій край еще въ царствованіе Царя Михайла Ѳеодоровича; но большая часть Остяковъ обращена въ Христіанство около 1714 года Преосвященнымъ Филовеемъ, Митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ.

Ограничившись этимъ краткимъ очеркомъ быта туземцевъ, кочующихъ на осмотрѣнномъ протяженіи Урала, я перехожу къ описанію рѣки Вишеры, святой мною на пути къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка *Вишера* (Пассеръ-я по-Вогульски), имѣя начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, изъ горы *Поримонитъ-урръ*, какъ описано выше, течетъ первоначально въ южномъ и юго-западномъ направленіяхъ малыми извилинами, оглябая мысы отроговъ *Няты-Крѣхте-Гдсса-нелъ*, *Мѣнкинъ-тумъ* и *Манэси-*

еуль-нелъ, и, увеличившись на этомъ протяженіи многими притоками своими, идетъ по глубокой горной долине, между послѣдними замѣчательными и скалистыми горами, около 15 верстъ, до устья рѣки *Лопы*, впадающей съ правой стороны. Берега долины по крутымъ склонамъ около версты вверхъ покрыты лѣсомъ, постепенно уменьшающимся до извѣстнаго предѣла своего; выше же обнажены отъ всякой растительности. Въ эту долину, хотя не безъ малаго труда, мы поднялись въ малыхъ лодочкахъ, упираясь шестами, по довольно быстрому и мелкому руслу *Вишеры*, между обнаженными изъ воды камнями. Выше устья рѣки *Лопы* на *Вишерѣ* имѣются броды для нартъ, далѣе же нигдѣ ихъ нѣтъ.

Отъ горы *Манзасигуль-нелъ*, дождавшись съ вершины малой *Печоры* оленей подъ тяжесть, мы пошли пѣшкомъ 5 Іюля, по отрогамъ западнаго склона *Урала*, къ горѣ *Пдри-монитъ-уррѣ* при вершинѣ *Вишеры*.

Отъ устья *Лопы*, *Вишера* течетъ почти прямо на югъ, по лѣсной и болотистой низменности, болѣе 45 верстъ, до высокой горы *Курыксерскаго камня* (*Якданъ* по-Вогульски), который скалистыми и крутымъ отрогомъ своимъ примыкаетъ прямо къ рѣкѣ съ лѣвой стороны.

Версть 20 вверхъ по *Вишерѣ* отъ послѣдняго пункта въ продолженіе *Курыксерскаго камня* къ сѣверу, тянется примѣчательный по высотѣ, виду и числу сопокъ, сѣдой, каменистый хребетъ *Тулымскій камень* (*Лю-неръ* или *Яхтель-я-неръ*), отстоящій отъ рѣки на 5 и 8 верстъ, смотря по колѣнамъ рѣки, которыхъ она дѣлаетъ около лѣсныхъ отроговъ его. Изъ послѣднихъ примѣчательнъ при самой рѣкѣ лѣсной курганъ *Аичуевскій чурокъ*.

На всемъ этомъ протяженіи отъ устья рѣки *Лопы*, *Вишера*, принявъ съ правой стороны рѣки *Лылю*, съ лѣвой рѣки *Муравью*, *Большую* и *Сухую Мойсу* и рѣчку *Доланиху*, значительно увеличивается въ ширинѣ и глубинѣ своей: первая отъ 20 до 70 сажень, послѣдняя до 4 футовъ. Грунтъ ея каменный, много острововъ и мелей, теченіе быстрое и неустойчивое.

Отъ сѣверной оконечности *Тулымскаго камня*, версть 5 выше рѣки *Лылы*, начинаются по *Вишерѣ* большіе и частые пороги, которые, въ связи съ мелями, каменными *переборами* и *тляунами*, непрерывно почти идутъ версть 12 до означенной рѣчки *Дол-*

гавики. Плаваніе по этому протяженію чрезвычайно затруднительно и довольно опасно, притомъ возможно не иначе, какъ въ малыхъ лодочкахъ, которыя можно подвигать противъ теченія, только упираясь веслами. По лѣсистымъ берегамъ рѣки всюду показываются каменныя обнаженія, мѣстами отдѣльныя скалы и большія груды розсыпей. Такъ какъ все протяженіе Вишеры, наполненное порогами, находится при подошвѣ Тулымскаго камня, поэтому у Вогуловъ хребетъ этотъ называется *Яхтель-я-неръ*, въ переводѣ *порожный камень*, а самая рѣка *Лышья*, впадающая на этомъ же протяженіи, называется *Яхтелья, порожная рѣка*, отъ слова *Яхтель-порогъ*.

Противъ Курыксерскаго камня, на правомъ берегу Вишеры, находится большая гора *Березовскій камень* (Кассепъ-нёръ), заключающая вершины значительной рѣки Березовки, впадающей въ Колву. Это названіе гора получила вѣроятно потому, что она почти вся, кромѣ южной вершины, покрыта березовымъ лѣсомъ. Отъ послѣдней горы, Вишера принимаетъ направленіе на юговостокъ до горы *Пропашинской* (Каластам-уоль-урръ), протекая малыми извилинами верстъ 20 по широкой и мокрой лѣистой долинѣ.

Въ связи съ Курыксерскимъ камнемъ, по лѣвому берегу рѣки находятся горы: *Ленга-неръ*, *Чувальскій камень* (Чоуль-пауль-неръ) и упомянутая *Пропашинская*. Съ устья рѣки Чувальской, между послѣдними горами, отходитъ оленья дорога на Уралъ, чрезъ Чувальскій камень. По этому пути отдѣлились изъ нашего отряда астрономъ Ковальскій и естествоиспытатель Брантъ, которые потомъ дошли по Уралу до вершины рѣки Малой Печоры, т. е. до общаго пункта соединенія всѣхъ частей нашей экспедиціи.

Брантъ представилъ рекогносцировку этого пути, изъ которой видно, что линія раздѣленія водъ, отстоя отъ Вишеры верстъ на 30, пролегаетъ высокими краями: *Имеримъ*, *Яльнимъ-неръ*, *Манъ-урръ* и *Муравѣйскій камень*; потомъ хребтомъ, менѣе возвышеннымъ *Ошенеръ* и *Кѣппай-туимъ* соединяется съ горою *Поримонитъ-урръ*, откуда началась уже непрерывная маршрутная съемка моя по Уралу.

На описанномъ предъ симъ направленіи отъ Березовскаго камня, Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣчки *Тѣлу*, *Веранію Рѣсью*, съ лѣвой *Большую* и *Малую Ивановскую* и

рѣку *Ирѣтскую*. Далѣе, отъ Прованшискаго камня, она измѣняетъ главное направленіе свое на югозападъ до деревни *Усть-Ульсѹя* и течетъ болѣе 50 верстъ рѣзкими и довольно долгими колѣнами, между крутыми и каменными берегами горной долины. На этомъ протяженіи изъ ущельевъ и глубокихъ овраговъ Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣки: *Большую Паниху, Баккую, Дыроватиху, Іодьму и Кедровку*; съ лѣвой стороны рѣки: *Пропѣщинскую, Малую Паниху, Велса, Большую и Малую Рагью*; наконецъ большую рѣку *Ульсуй*, впадающую въ Вишеру противъ упомянутой деревни того же имени. *Ульсуй* вытекаетъ изъ горы *Куаркуша* камня на Уралѣ, длина теченія ея до 100 верстъ, наибольшая ширина около 40 сажень; берега крутые и покрытые густымъ лѣсомъ. Она весьма удобна для сплава лѣса.

Ширина главнаго русла Вишеры, кромѣ острововъ и заострововъ, мѣстами болѣе 50 сажень, въ межинную воду становится значительно глубже; теченіе довольно быстрое; мѣстами каменистые переборы и тягуны чрезвычайно увеличиваютъ степень быстроты теченія. Острововъ и мелей очень много и они довольно значительны по пространству.

На правомъ горномъ берегу Вишеры, выше устья рѣки *Дыроватихи*, выдается каменный утесъ съ разсѣпною, называемый *Дыроватый камень*. Ниже устья рѣки *Іодьмы* правый горный берегъ идетъ высокими остроконечными скалами подъ именемъ *Іодьмскаго камня*. При устьѣ рѣки *Кедровки* стоитъ отдѣльная, острая и странной фигуры скала *Камень-Кедръ*. Потомъ на томъ же берегу, верстахъ въ 3-хъ ниже, находится скала *Бѣлый камень*. По лѣвому горному берегу отъ деревни *Усть-Ульсѹя* вверхъ, при крутыхъ поворотахъ рѣки выдаются замѣчательныя скалы и утесы подъ слѣдующими названіями: *Кириакладъ* верстахъ въ 3-хъ отъ деревни *Филиновъ-камень* противъ означеннаго *Бѣлаго камня*, *Думкинъ камень* выше рѣки *Іодьмы*. Близъ послѣдней на противоположномъ берегу рѣки находится изба, казарма Всеволожскаго. И наконецъ осталшая скала *Прокофьевскій камень*, находящаяся версты 4 выше рѣки *Велса*.

Самые берега рѣки окаймляются во многихъ мѣстахъ широкою половою луга или кустарника, по мѣрѣ того, какъ горные берега отклоняются отъ нея. Мѣстами же горные берега подхо-

лать къ самой рѣкѣ и, кромѣ поименованныхъ скалъ, идутъ каменными обнаженными скалами, выдающимися изъ лѣса и торчащими надъ водою.

Лѣсъ болѣею частію хвойный: пихта, ель, сосна, кедръ, береза, ива; другія породы лиственнаго лѣса попадаются изрѣдка. Отъ рѣки видны каменные кражи Урала верстахъ въ 10 къ востоку: *Большой и Милый Убрышкинъ-камень* и *Расъинскій-камень*.

Нужно замѣтить, что на всемъ пространствѣ отъ вершины Вишеры и до деревни Усть-Ульсуй, всѣ поименованныя выше рѣки, рѣчки, скалы, горы и проч., кромѣ Русскаго названія имѣютъ еще другое Вогульское имя. Даже самыя колѣна рѣки (плесы) на всемъ протяженіи имѣютъ двойныя имена, изъ коихъ нѣкоторыя соотвѣтствуютъ одно другому въ переводѣ, нѣкоторыя же произвольныя. Я счелъ лишнимъ вписывать сюда эти подробности изъ топографическаго журнала моего.

Деревня *Усть-Ульсуй* имѣетъ 7 дворовъ, которые расположены на скатѣ праваго горнаго берега Вишеры, противъ устья рѣки *Ульсуй*. Окрестности деревни закрыты густымъ еловымъ лѣсомъ; пахатной земли при ней почти не имѣется, кромѣ нѣкоторыхъ скудныхъ огородовъ. Это послѣдняя деревня вверхъ по Вишерѣ, выше жъ рѣка необитаема и заключается въ рубежѣ кочевыхъ Вогуловъ, такъ называемыхъ *лсачныхъ*. До сихъ поръ рѣка судоходна, въ особенности въ полную воду: мы поднялись до этой деревни въ 3-хъ довольно большихъ шиткахъ; а для дальнѣйшаго плаванія вверхъ по Вишерѣ, должны были всѣ разбѣститься на 20 малыхъ лодкахъ Вогульскихъ, на которыхъ уже поднялись до самыхъ верховьевъ описываемой рѣки.

Далѣе, внизъ, до слѣдующей деревни *Акчила*, Вишера течетъ болѣе 40 верстъ тремя главными и рѣзкими колѣнами, между крутыми и высокими горными берегами, почти всюду закрытыми густымъ лѣсомъ; впрочемъ, мѣстами горы значительно уклоняются отъ рѣки, образуя широкія луговые низменности; мѣстами же горы придвигаются къ самой рѣкѣ большими открытыми скалами и обнаженіями подъ различными именами. Первоначальнымъ почти западнымъ направленіемъ отъ Усть-Ульсуя, она протекаетъ нѣкоторыми извилинами до *Головскаго камня*, горы на правомъ берегу съ каменными обнаженными

скалами. Упершись же въ пратесы послѣдней горы, она круто поворачиваетъ прямо на югъ, образуя второе главное колѣно, и течетъ верстъ 15 до горы *Золотой*, находящейся на лѣвомъ берегу ея.

На этихъ двухъ колѣнахъ съ правой стороны впадаютъ въ Вишеру рѣчки: *Большал* и *Малая Вдл*, *Гостиниовская* и *Плещица*. Первая изъ нихъ, *Большая Вдл*, имѣющая начало изъ Березовскаго камня, послѣ 20-верстной длины теченія своего, скрывается вся въ землѣ, не дойдя $2\frac{1}{2}$ верстъ до Вишеры; въ полную же воду она на этомъ пространствѣ имѣетъ наружное теченіе и сливается съ главною рѣкою. Вишерцы увѣряютъ, что этотъ притокъ трубою проходитъ подъ самою Вишерою и, уже вышедши на противоположномъ берегу ея быстрымъ родникомъ изъ землѣ, вливается потомъ въ рѣку. Версты 2 выше устья *Большой Вдл*, примыкаетъ къ водѣ ливая скала отъ горъ *Вѣтринскаго камня*.

Съ лѣвой же стороны на означенномъ протяженіи Вишера принимаетъ въ себя послѣ *Ульсуа* рѣчки: *Ерѣмину*, *Мельничный-родникъ* (съ малою на ней водяною мельницею) и три *Золотихи*: *Верхнюю*, *Среднюю* и *Нижнюю*. Послѣднія три вытекаютъ изъ довольно высокой, открытой и широкой горы *Золотой*, названной вѣроятно по желтоватому виду ея; гора эта примыкаетъ лѣвыми отрогами къ самой рѣкѣ. Противъ Средней *Золотихи*, около высокаго и скалистаго камня *Бойца*, Вишера поворачиваетъ на западъ, и протекаетъ остальное разстояніе до деревни *Акчима*, еще тремя малыми, почти пятиверстными колѣнами: въ западномъ, югозападномъ и въ сѣверозападномъ направленіяхъ, принявъ съ лѣвой стороны рѣчки *Малую* и *Большую Ябурскую* и *Акчимъ*. По правому берегу означеннаго здѣсь югозападнаго колѣна рѣки, выше рѣчекъ *Ябурскихъ*, тянутся почти непрерывно каменные скалы въ родѣ стѣны, подъ именемъ *Ябурскаго камня*. Выше послѣдняго впадаетъ съ правой стороны въ Вишеру рѣка *Кобыльская*.

На описанномъ протяженіи между деревнями *Усть-Ульсумъ* и *Акчимомъ*, Вишера имѣетъ много и довольно большихъ острововъ, называемыхъ именами прилежащихъ къ нимъ рѣчекъ и скалъ, какъ то: *Ульсуйскій*, *Вѣтринскій*, *Головскій*, *Гостиниовскій*, *Березовый*, *Кобыльской*, *Вогульскій*, *Моховой*, *Пальничъ* и *Еловый*. Послѣднія одинъ за другимъ тянутся до устья рѣки *Ак-*

чима. Ширина Вишеры на этомъ протяженіи различна; наибольшая ширина главного русла простирается до 50 сажень, глубина около 6 футовъ; здѣсь по ней встрѣчается много острововъ и мелей. Быстрота теченія въ $\frac{30}{100}$ сажень; но значительные тагуны и каменные переборы мѣстами весьма увеличиваютъ эту быстроту.

Деревня Акчимъ находится на отлогой возвышенности правого горнаго берега Вишеры, имѣетъ 11 дворовъ. Поля простираются за деревню не болѣе какъ на 20 сажень; далѣе же въ окрестностяхъ сплошной лѣсъ, покрывающій берега рѣки почти на всемъ протяженіи. Въ верстѣ выше деревни впадаетъ съ противоположной стороны въ Вишеру рѣчка одного имени съ самою деревнею. Отъ Акчимской деревни Вишера течетъ прямо на сѣверъ 3 версты, гдѣ потомъ, упершись въ правый скалистый берегъ долины своей, круто поварачиваетъ на западъ; потомъ чрезъ версту, измѣнивъ главное направленіе къ сѣверозападу, протекаетъ верстѣ 12 плавными и незначительными отклоненіями отъ онаго до *деревни Сипуши*, имѣя на этомъ протяженіи по правому берегу деревни: *Писанную* съ 10 дворами, въ верстахъ 6 отъ Акчима, и другую чрезъ 3 версты еще ниже, *Вордню* въ 3 двора.

Съ правой стороны впадаютъ рѣки: *Вдлимъ*, *Писанка*, *Мал. Воронья*; рѣчки *Кимковская* и *Россомаца*. Съ лѣвонъ же стороны: р. *Большая Вордья*, противъ деревни того же имени.

Берега долины высоки и круты и попеременно возвышаются то одинъ, то другой. На версту отъ деревни Писанной, на правомъ горномъ берегу находится примѣчательная скала *Писанный камень*, примыкающая къ рѣкѣ Писанкѣ, текущей по глубокому оврагу. И вообще скалистый горный берегъ выше послѣдней рѣки извѣстенъ подъ тѣмъ же именемъ. Замѣчательно, что эта скала будто изчерчена и исцарапана какими-то довольно крупными чертами и углубленіями, что-то въ родѣ Славянскихъ буквъ, въ которыхъ однакожъ ничего разобрать нельзя. Писанный видъ скалы придастъ названія деревнѣ, рѣкѣ и всему скалистому горному берегу. У туземцевъ есть странныя повѣрья и предрассудки относительно этой скалы. Одинъ изъ Вишерцевъ говорилъ намъ: «старики сказывали, будто бы на этомъ камнѣ въ первобытныя времена написаны имена всѣхъ горъ, рѣкъ и проч. здѣшняго края»; и присовокупилъ, что достоверность этого преданія

подтверждается тѣмъ, что еще ни одинъ человѣкъ не могъ прочесть этой надписи: онъ ссылаясь въ томъ на многихъ ученыхъ людей, которые тщетно пытались разобрать ее, и указывалъ на насъ самихъ. Независимо отъ этого сказанія, мнѣніе нѣкоторыхъ основательныхъ людей приписываетъ эту надпись путешественникамъ. Въ старину чрезъ городъ Чердынь и эти пещенныя мѣста пролегалъ большой зимній путь въ сѣверные Уральскіе заводы и въ Сибирь; по всей вѣроятности, останавливавшіеся здѣсь проѣзжіе могли дѣлать на камнѣ разныя надписи, которыя теперь искажены и стерты рукою времени.

Деревня Сипучи, имѣющая 11 дворовъ, расположена въ долинѣ по обоимъ берегамъ рѣки *Большой Сипучанки*, впадающей въ Вишеру съ лѣвой стороны. Отъ этой рѣчки, почти на версту ниже, тянется по берегу Вишеры огромная, крутая и возвышающаяся надъ другими гора *Сипучій камень*, замѣчательная тѣмъ, что состоитъ изъ сплошной груды каменныхъ отломковъ и розсыпей, которыя отъ малѣйшаго толчка или даже отъ одного случайно скатывающагося съ верху камня въ большомъ количествѣ сыплются въ рѣку. По восточному склону этой горы находятся скудныя пашни поселянъ, а остальные части, кромѣ каменнаго берега Вишеры, покрыты мелкимъ ельникомъ и березою.

Далѣе отъ описанной деревни, рѣка течетъ въ западномъ направленіи мимо деревень *Потиккуеви*, на правомъ берегу, верстахъ въ 7 отъ Сипучи, и *Головской*, въ полуверстѣ ниже предъидущей на противоположномъ берегу. Отсюда Вишера принимаетъ совершенно южное направленіе; на правомъ берегу ея находятся деревни: *Гушмйни*, *Мартины* и *Велмуръ*. Первые двѣ, одна подлѣ другой, въ верстахъ 6 отъ Головской, а послѣдняя еще версты 4 ниже первыхъ.

Отъ послѣдней деревни, Вишера, круто и подъ острымъ угломъ, поворачиваетъ къ сѣверозападу и идетъ трехверстнымъ коленнымъ до устья рѣки *Малаго Шукура*; далѣе же, сдѣлавъ еще небольшие и рѣзкіе изгибы около деревни *Шукура*, на правомъ берегу верстахъ въ 5 отъ Велгура находящейся, принимаетъ направленіе на югозападъ и течетъ прямо безъ всякихъ извилинъ, долгими плёсами версты 12 до деревни *Колчима*, мимо деревни *Долноплѣсы*, въ 5 верстахъ выше первой находящейся.

Всѣ поименованныя здѣсь деревни незначительны: *Потаску-ега* имѣетъ 4 двора, *Головская* 1, *Гушминь* и *Мартинь* 4, *Велгуръ* 15, *Шугуръ* 7, *Долгоплёсы* 5 и *Колчимъ* 8 дворовъ. Всѣ они лишены почти всякой пахатной земли, какъ климатомъ, такъ и свойствомъ каменистой почвы горнаго берега, на которомъ они расположены; воздѣлываются только кое-какія полянки, огородики и болѣе ничего. Густыя чащи лѣса березоваго, еловаго и мѣстами смѣшаннаго, въ полномъ смыслѣ покрываютъ пустынные берега Вишеры. Кромѣ обнаженныхъ камней и мѣстами огромныхъ гарниковъ, ничего не представляется во время плаванія на всемъ протяженіи ея теченія.

На этой дистанціи съ правой стороны соединяются рѣчки: *Прилучная*, *Малая* и *Большая Шелюга*, *Члети́нская*, *Ластинская* и *Малый Шугуръ*. Съ лѣвой же стороны впадаютъ рѣчки *Малая Сипучанка*, *Головская*, *Дыроватиха*, *Гушуръ* рѣки *Велгуръ* и *Большой Шугуръ* противъ деревень, соотвѣтствующихъ названію; потомъ рѣчка *Маслянка* и наконецъ рѣка *Большой Колчимъ* противъ деревни того же имени. До деревни *Колчимъ* высокіе горные берега имѣютъ то же описанное выше свойство, возвышаясь одинъ надъ другимъ попеременно и выдаваясь обнаженными скалами къ рѣкѣ, и слѣдуютъ примкнутыми къ оной крутизнами. Только между деревнями *Сипучи* и *Гушминь* лѣвый берегъ дѣлаетъ значительныя уклоненія отъ рѣки, уступая мѣсто обширнымъ, мокрымъ, луговымъ кустарникамъ. Примѣчательныя изъ скалъ суть: на правомъ берегу *Долгинскій камень* и *камень Забачъ* между деревнями *Долгоплёсы* и *Шугуромъ*; в *Ластинскій камень* выше рѣчки того же имени. На лѣвомъ берегу выше деревни *Гушминь*, при устьѣ рѣчки *Дыроватиха* *Дыроватый камень*; горы *Лодкинъ* и *Притонскій камни* одна подлѣ другой, противъ деревни *Велгура*. Кромѣ того на правомъ берегу находятся примѣчательныя открытыя горы *Гремучая* и *Чистинская*; первая между рѣчками *Шелюгами*, вторая выше рѣчки того же названія.

Вишера стала значительно глубже; наибольшая ширина ея въ межпунную воду болѣе 60 сажень; здѣсь довольно тихое теченіе: въ $\frac{1}{2}$ сажень, въ особенности въ долгихъ плесахъ. Острововъ довольно; примѣчательные между ними *Сипучскіе*, съ большими при нихъ отмелями и каменными переборами, весьма затрудняющими плаваніе въ этомъ мѣстѣ.

Отъ дер. Колчима, рѣка имѣетъ главное направленіе къ сѣверо-западу, протекая мимо дер. *Говорухи*, села *Говорливо*, деревень *Владѣева* и *Романихи*; потомъ далѣе посредственными двумя югозападными и юговосточными колѣнами течетъ между деревнями *Ижениновою* и *Талицею*; наконецъ, принявъ направленіе прямо на югъ, идетъ мимо деревень *Бахары* или *Пахары* и *Митрокова* до рѣчки *Морчановки*.

Эти изгибы Вишера дѣлаетъ на протяженіи какихъ нибудь 27 верстъ теченія своего. Считая, по глазомѣрно снятому маршруту, послѣдовательныя разстоянія между ними суть слѣдующія:

Отъ Колчима до Говорухи, 6 верстъ.

— с. Говорливо, болѣе 4 — —

— Владѣева 2 — —

— Романихи, болѣе . . 1 — —

— Иженинова 3 — —

— Талицы, болѣе . . 2 — —

— Бахары 7 — —

— Митрокова 1 — —

Эти деревни расположены на правомъ берегу Вишеры, кромѣ только *Талицъ*, *Митрокова* и еще, неупомянутыхъ выше, деревень *Морданова*, *Березники* и *Ничкова*, на лѣвомъ берегу находящихся. Деревня Талица въ верстѣ въ сторонѣ отъ Вишеры, на рѣкѣ того же имени; а послѣднія три находятся ниже Митрокова, отстоя почти на версту одна отъ другой и постепенно удаляясь отъ Вишеры по правому берегу рѣчки Морчановки. Населеніемъ всѣ онѣ незначительны, подобно деревнямъ, выше описаннымъ: *Говоруха* имѣетъ 6 дворовъ, село *Говорливо* 10 при небольшой деревянной церкви, *Владѣева* 10 дворовъ, *Романиха* 15 и 4 двора, по другую сторону рѣчки Большой Романихи расположенныхъ, полъ особымъ именемъ деревни *Усть-Романихи*; потомъ дер. *Иженинова* 8 дворовъ, *Талица* 8, *Бахары* 5, *Митрокова* 8, *Морчанова* 18, *Березники* 4 и *Ничкова* 7 дворовъ

Вишера на этомъ протяженіи принимаетъ съ правой стороны рѣчки: *Говоруху*, *Говорливскую*, *Большую Романиху*, *Иженинову*, *Петруниху* и *Бахаревку*; съ лѣвой—*Сторожевскую*, *Саболѣху*, *Талицу*, *Ветланку*, *Митроковку* и *Морчановку*.

Высокіе горные берега рѣки на послѣднемъ описанномъ протяжении особенно замѣчательны тѣмъ, что они у деревень Бахары и Митрокова составляютъ предѣлъ оканчивающихся отраслей Уральскаго хребта. Кромѣ того, они отличаются видомъ, высотой и огромностію скалъ. Переходъ отъ топкихъ и низменныхъ лѣсныхъ береговъ рѣки, къ этимъ удивительнымъ каменнымъ высотамъ, поражающимъ взоръ путешественника, поднимающагося вверхъ по Вишерѣ, здѣсь весьма разителенъ. Вверхъ отъ дер. Бахары правый горный берегъ дѣлается сейчасъ обрывистымъ и тянется версты двѣ, выставившимися изъ разбросаннаго лѣса каменными утесами и скалами, между которыми по виду особенно любопытны *Острый камень* и *Филиновъ камень*; первая имѣетъ видъ развалины высокой башни съ остроконечнымъ шпиромъ; обѣ покрыты кое-гдѣ мхомъ и дикими растеніями.

Далѣе, на слѣдующемъ колѣнѣ, примыкаетъ къ самой рѣкѣ съ лѣвой стороны камень *Ветланъ*, удивительно гладкою и бѣлою стѣною, возвышающеюся совершенно отвѣсно надъ водою почти на 20 сажень; этотъ камень простирается версты на полторы по Вишерѣ сплошными скалами до рѣчки *Ветланки*. На правомъ берегу обращаетъ на себя вниманіе скала *Кедровичъ камень*. Наконецъ самая замѣчательная возвышенность по всей Вишерѣ есть *Говорливскій камень*. Эта каменная стѣна, отъ села *Говорливо*, постепенно возвышающаяся отвѣсно изъ воды до 30 сажень, простирается вдоль праваго берега рѣки сплошною массою высокихъ скалъ болѣе 2 верстъ до деревни *Говорухи*; прорѣзывается только глубокая и дикая долина р. *Говорухи*. Ея дикое очертаніе, съ выставившимися изъ разлоговъ большими наклонными лѣснами и гнѣздящимися кустами въ разсѣлинахъ, величественно отражается въ плавномъ и чистомъ руслѣ Вишеры, которая, протекая въ этомъ мѣстѣ по прямому направленію, омываетъ гладкое основаніе этой громадной стѣны.

Кромѣ вида и величія, *Говорливскій камень* обращаетъ на себя особенное вниманіе по удивительному эху, которымъ повторяется льстивно и даже звучнѣе не только каждое сказанное на рѣкѣ слово, но и малѣйшіе переливы звука, такъ, что забываешь, что это эхо, а не искусное подражаніе чловѣка. Есть даже такіе пункты на рѣкѣ, откуда эхо повторяется нѣсколько

разъ постепенно ослабѣвающимися и удаляющимися звуками. Я счелъ нелѣзнымъ приложить здѣсь видъ этого интереснаго камня въ томъ видѣ, какъ я успѣлъ и могъ нарисовать, плава-
я мимо его.

Видъ Говорливскаго камня. (*)

Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что суевѣріе и невѣ-
жество могли родить много предразсудковъ и нелѣпныхъ сказаній
между туземцами объ этой восхитительной игрѣ природы. Пла-
ваніе по этому протяженію рѣки весьма пріятно, тѣмъ бо-
лѣе, что противоположный берегъ Вишеры различается по
виду и дѣлаетъ мѣстность еще живописнѣе; онъ также крутъ
и высокъ, но далеко уступаетъ высотой правому, имѣетъ разно-
образными лощинами, оврагами и мысами, покрытыми густою
зеленію лѣса.

На сѣверозападѣ отъ деревни Бахары находится самая высо-
кая и скалистая гора изъ отраслей Уральскаго хребта, оканчиваю-
щихся у той деревни—*Полудова камень*, возвышающаяся около
1500 футовъ надъ поверхностію Вишеры, по приблизительному
барометрическому опредѣленію. Скалистая вершина горы от-
крыта и оканчивается съ сѣверной и западной сторонъ отвѣс-
ными каменными утесами, до самой лѣсной долины у ея подош-
вы; восточная же и южная стороны состоятъ изъ трехъ довольно
крутыхъ уступовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Верхній уступъ самый
крутой; на второмъ уступѣ находятся большія каменные розсы-
пи; третій же, нижній, не такъ крутъ и соединяется съ возвы-
шенностію праваго берега Вишеры, у означенной деревни Ба-
хары.

Скалистые бока *Полудова камня* представляются во время пла-
ванія по Вишерѣ съ разныхъ сторонъ, смотря по извилинамъ,
якія дѣлаетъ рѣка. Камень этотъ, будто бы, получилъ названіе

(*) А В. поверхность рѣки Вишеры. а) Церковь села Говорляво. б)
Устье рѣки Говорухи. с) Деревня Говоруха.

по имени *Полюда*, мужа, замѣчательнаго роста, силою и крѣпостію тѣлесною, жившаго нѣкогда въ пещерѣ горы.

Ниже рѣчки *Морчановки*, Вишера течетъ 70 верстъ до устья р. *Колвы*, по низменной, лѣсистой и болотистой мѣстности, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ незначительные обрывистые берега, образуемые лѣсными холмами и песчаными возвышеніями, примыкающими къ рѣкѣ. На этомъ протяженіи общее направленіе ея къ городу *Чердыню* западно-юго-западное; но она здѣсь такъ извилиста, что приходится нѣсколько разъ плыть по направленію одного и того же румба. Одна изъ извилинъ ея въ особенности замѣчательна: верстахъ въ 12 ниже дер. *Митрокова*, на лѣвомъ берегу рѣки, въ лѣсу находится протокъ *Волочекъ*, длиною менѣе версты; онъ служитъ въ полую воду для переволакиванія лодокъ чрезъ мысъ, въ избѣжаніе плаванія по Вишерѣ 13 верстъ до противоположнаго устья *Волочка*. Съ правой стороны, Вишера принимаетъ только одну рѣчку *Черную*, 5 верстъ ниже *Морчановки*; съ лѣвой впадаютъ рѣки *Вижаиха*, *Сарматиха*, выше *Волочка*, и *Усолку*, ниже его; конецъ большая рѣка *Язьва*, вытекающая изъ *Куаркуша камня*, впадаетъ верстъ 40 выше устья *Колвы*. Длина теченія ея до 200 верстъ (по разспросу), ширина отъ 25 и болѣе сажень.

По берегамъ Вишеры тянутся прекрасные сѣнокосы значительными полосами луга, подъ различными именами; во многихъ мѣстахъ удобно подниматься по рѣкѣ на бичевомъ тягѣ. Верстахъ въ 15 выше устья *Колвы*, извилистый рукавъ Вишеры, называемый *Криво*, образуетъ обширный островъ *Соропчиho*, состоящій изъ мокраго луга, покрытаго кустарникомъ. Вишера, припавъ р. *Колму* съ правой стороны, дѣлается значительно судоходною рѣкою во всякое время года до замерзанія, и течетъ далѣе верстъ 70, до впаденія ея въ р. *Каму*, у села *Кондратьева*. Эта осталная часть теченія не снята и не осмотрѣна мною, потому что она находится за предѣломъ пространства, предназначеннаго къ изслѣдованію нашей экспедиціи. Но по сдѣланнымъ мною разспросамъ извѣстно, что на правомъ берегу ея расположены деревни: *Остлякова*, *Кулакова*, *Аниковская*, *Чувашева*, *Сартакова* и село *Ледекеро*. Противъ дер. *Аниковской* на Вишерѣ находятся двѣ переправы на паромѣхъ, по обѣимъ сторонамъ большаго острова, чрезъ который пролегаетъ почто-

ная дорога въ городъ Чердынь. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ отлоги и удобны для спуска къ переправѣ.

Городъ Чердынь расположенъ на правомъ, высокомъ берегу р. Колвы, текущей съ сѣвера на югъ, въ 5 верстахъ выше впаденія ея въ Вишеру. Городъ съ прямыми и очень правильными улицами, довольно порядочно обстроенный, имѣетъ каменные церкви, казенныя и частныя каменные строенія. Почти на отдѣльной возвышенности горнаго берега, близъ соборной церкви, выстроена каменная часовня надъ могилою 85. гражданъ Чердынскихъ, убитыхъ въ сраженіи съ Нагайскими Татарами въ 1547 году. Слѣды бывшихъ земляныхъ укрѣпленій еще и теперь очень замѣтны.

Окрестность города закрыта лѣсомъ и гориста; поля, прилежащія къ оному и окрестнымъ селеніямъ, совершенно незначительны. Въ его окрестностяхъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ деревень, обращаютъ на себя вниманіе села *Сергеево* и *Помы*; оба на правомъ берегу, первое при устьѣ Колвы, послѣднее въ верстахъ 6 отъ Чердыни вверхъ по этой рѣкѣ. Противоположный берегъ рѣки низменный, луговой и покрытъ раскиданными группами и сплошными массами кустарника. Надъ этимъ обширнымъ пространствомъ луга, на сѣверо-востокъ, верстахъ въ 29 отъ города, возвышается отдѣльною скалою гора *Помыдовъ камень*, измѣненіе цвѣта котораго предсказываетъ жителямъ перемену погоды: бѣлизна предвѣщаетъ хорошую, а темноватый цвѣтъ дурную. Еще отдаленнѣе за рѣкою, видны тающіеся къ сѣверу Уральскія горы, между которыми примѣчателенъ хребетъ *Помыганый камень*. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ прелестный видъ, когда смотришь изъ города. Разливъ Вишеры близъ Чердыни начинается въ первыхъ числахъ Мая, и продолжается недѣлю четыре; вся широкая долина ея залезается водою. Глубина разливовъ мѣстами превышаетъ 5 сажней. Рѣка замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ Октября, а иногда и нѣсколько позже. Средняя глубина въ меженьную или въ обыкновенную воду отъ 3 до 5 аршинъ, на протяженіи судовой.

Удобреваемые здѣсь суда называются *шитиками*, *комками* и *малозками*. Первые, длиною отъ 8 до 12 сажней, поднимаютъ отъ 10,000 до 120,000 пудовъ; послѣдніе же, менши и на-

позки, отъ 5 до 8 сажень, и поднимаютъ отъ 1,200 до 2,000 и болѣе пудовъ; они плоскодонны и одноватковыя, строятся преимущественно при селѣ *Валыортъ* и дер. *Волиль* на Колѣѣ. Постройка ихъ обходится довольно дешево какъ по обилію лѣса, такъ и по недорогой платѣ за работу.

Жителей въ Чердынѣ до 3,000 человѣкъ, которые, вѣсть съ жителями ближайшихъ селеній, занимаются торговлею на значительныя суммы. Купцовъ и торговыхъ людей вообще очень много; главный предметъ торговли ихъ сѣмга, изъ низовьевъ Печоры, и пушные товары, сбываемые на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ; иные же скупаютъ хлѣбъ въ городѣ *Сарангуль*, и отправляютъ его на судахъ чрезъ Чердынѣ на низовья Печоры, доставляя оттуда произведенія того края. Большая часть жителей Чердынскихъ, равно какъ и крестьяне Вишерскіе и другихъ ближайшихъ деревень, занимаются звѣрловствомъ, добывая въ особенности много бѣлокъ. Они очень ловко ходятъ на лыжахъ и значительно удаляются отъ жилищъ своихъ. Нѣкоторые искусно выкармливаютъ въ кѣткахъ лисицъ, хотя шерсть посаѣднихъ всегда хуже пѣсколько, нежели на дикой лисицѣ; но Чердынцы употребляютъ всѣ средства къ тому, чтобы шерсть была пушиѣе и длиннѣе, напримѣръ: подъ конецъ выкармливанія они начинаютъ морить голодомъ этихъ животныхъ и, заставляя болѣе страдать ихъ, передавливаютъ имъ ноги. И действительно, отъ этого ли безчеловѣчнаго удабриванія шерсти, или отъ другихъ средствъ, весьма трудно бываетъ отличить шкуру дикой лисицы отъ домашней. Лѣтомъ главное занятіе крестьянъ состоитъ въ сплавлѣ дровъ съ верховьевъ рѣки и поставкѣ ихъ на солеваренные заводы; многіе же занимаются строеніемъ судовъ и работою на судахъ. Зимомъ перевозятъ грузы въ *Ирбитъ* прямо чрезъ горы, мимо *Верхотурья*, или *Яхтжекую пристань*, откуда опять въ *Чердынѣ* и въ *Усть-Еловскую пристань*.

Рѣки *Вишера* и *Колва* необильны рыбою, поэтому особенныхъ рыбныхъ промысловъ не имѣется на нихъ. Неблагодарная земля, по дурной почвѣ своей и холодному климату, несмотря на частыя удабриванія, не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльца; поэтому житбопашество здѣсь незначительно и собираемо хлѣба не достаетъ на прокормленіе. Въ иной годъ рѣдкая осень не позволяетъ даже и собрать хлѣбу. Многіе жители Чер-

дынскаго уѣзда переселяются въ Осинскій уѣздъ; нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ ведутъ какъ бы полуосѣдлую жизнь: выстроивъ дома, поживутъ и потомъ бросаютъ ихъ, переходя на другія отдаленныя и болѣе удобныя мѣста.

Описавъ по возможности собственно въ топографическомъ отношеніи пространство, снятое и осмотрѣнное на всемъ протяженіи, пройденномъ нами, и коснувшись поверхностно этнографіи этого края, я перехожу теперь къ подробному описанію возвратнаго пути съ Урала въ 1847 году, по отрогамъ восточнаго склона его и по рѣкамъ *Сымаъ* (Ляппи) и *Сосва*, до города *Березова*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о Березовскомъ краѣ.

Къ 1 Сентября вся экспедиція собралась на р. Щугурѣ, у оказаннаго выше пункта. Полковникъ Гофманъ, путешествовавшій по рѣкамъ западнаго склона Урала, встрѣтивъ кое-какія селенія, могъ пріобрѣсти нѣсколько хлѣба и надѣлать насъ, уже болѣе недѣли путешествовавшихъ безъ сухарей. Не смотря на это незначительное пріобрѣтеніе провизіи, недостатокъ былъ все-таки весьма ощутителенъ, и никакъ не позволялъ всеіи экспедиціи вмѣстѣ слѣдовать еще далѣе по Уралу до широты дер. *Оранѣца* на Печорѣ, куда потомъ должны были спуститься зимовать. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, а также отъ поздняго времени года, полковникъ Гофманъ долженъ былъ опять раздѣлиться съ майоромъ Стражевскимъ, чтобы снова соединиться уже въ городѣ Березовѣ; вслѣдствіе чего Гофманъ съ естественнѣйшителемъ Брантомъ и топографомъ Брагичинымъ отправился налегкѣ далѣе къ сѣверу по Уралу, до горы *Квосмъ-нѣръ*, упомянутой выше въ общемъ обзорѣ путешествія. Астрономъ Ковальскій спустился по р. Щугурѣ на Печору и оттуда далѣе до города Чердыни для наблюденій. Майоръ же Стражевскій спустился на востокъ со всемъ имуществомъ экспедиціи, направляя путь къ р. *Сымаъ*, и уже сею послѣднею и р. *Сосвою* до г. Березова. Находясь въ отрядѣ Стражевскаго, я слѣлалъ непрерывную маршрутную съемку нашего пути съ Уральскаго хребта до г. Березова.

Открытый хребетъ Урала въ этомъ мѣстѣ: *Хори-Хури-нѣръ*, *Мидѣ-са-ли-нѣль* и *Сатанци-урръ*, гдѣ находятся многіе истоки рѣки *Туркентъ*, и, пуская вѣтви ея, и покрывая всѣмъ отраслѣ

свои верёты на 20 къ востоку. Изъ послѣднихъ только открыты и примѣчательны по высотѣ: *Кердэжъ-урръ*, *Ахутасъ-люльмъ-неръ*, *Пѣттелова-нелъ* и *Кейталъпыль-неръ*. На этомъ протяженіи пролегающая значительными извилинами оленья дорога на р. Сыгву въ юрты Ляпинскіе, довольно удобопроходима до рѣчки *Кересъ-урръ-я*; далѣе же къ востоку отсюда отроги Урала почти совершенно кончаются, и начинается болотистая и лѣсная долина, перерѣзываемая невысокими лѣсными хребтами и возвышеніями, имѣющими менѣе или болѣе связь съ отраслями Урала. Въ лѣсу начинается появляться сосна, которой на Уралѣ не имѣется совершенно. Путь чрезъ болота мѣстами совсѣмъ не проходимъ; только широкія и раздвоенныя копыта легкаго и стройнаго оленя, простая, ловкая и хорошо придуманная упряжь и самое устройство нарты; саней Остяцкихъ, употребляемыхъ лѣтомъ и зимою, могутъ пролагать путь чрезъ эти жидкія трясины. Однимъ словомъ, дороги, называемыя оленьими, въ полномъ смыслѣ слова удобопроходимы единственно для однихъ оленей; камни, крутизны, кочки, чащи лѣса, кусты, топи и проч. не препятствуютъ ихъ проѣзду.

Не смотря на дикую пустыню этой страны, каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе, даже мелочавые, предметы, всѣ имѣютъ собственное названіе у туземцевъ. Остяки не затрудняются объяснять другъ другу мѣсто на дорогѣ, гдѣ именно что нибудь случилось съ ними и, кажется, нисколько не хуже нашего опредѣляютъ разстоянія между селеніями по верстамъ. Путь нашъ съ Урала и до дер. Согзы, пролегая чрезъ многія рѣчки, болота и горы, опредѣлялся вездѣ именами этихъ мѣстностей, напримѣръ: послѣ упомянутой рѣчки *Кересъ-урръ-я*, начинается болото, до 2-хъ верстъ шириною, *Гдисень-Кдыль*, къ нему примыкаетъ возвышеніе *Гурень-Сдуть*, потомъ р. *Кейталъпыль-урръ-я*, хребетъ *Халь-урръ*, болото *Тярыль-Кдыль* и рѣчка *Саклель-я*. Далѣе дорога идетъ по лѣсу чрезъ р. *Улетель-я*, вытекающую изъ обширнаго и открытаго болота *Улетель-насъ-кдыль*; потомъ поднимается на возвышеніе *Ахутасъ-коль-урръ*, съ глубокою каменною разсѣлою въ родѣ пещеры. Мѣловатъ это возвышеніе, покрытое почти чистыми есеновыми лѣсомъ, дорога спускается въ болото *Урсисъ-кдыль* и продолжаетъ чрезъ восточн. рѣчекъ *Маль* и *Ями-урсисъ-я* на хребетъ

Нирми-уррѣ; съ послѣдняго опять спускается чрезъ рѣку *Накэмалъ-я* въ болото *Тдсемъ-туръ* (сухое озеро въ переводѣ), простирающееся въ ширину верстъ 5 до самой рѣки *Ятри-я*.

Протяженіе описаннаго пути отъ р. *Кёрестъ-уррѣ-я* и до послѣдней рѣки, всего около 30 верстъ, имѣетъ направленіе почти восточное. Рѣка *Ятри-я* имѣетъ начало изъ самаго Урала, противъ истоковъ р. *Накэмъ-сдры-я*; принявъ съ лѣвой стороны р. *Турметъ-я*, она становится довольно значительною, разширивъ на 12 и болѣе сажень, и впадаетъ въ р. *Чортанъ*, а сія послѣдняя въ р. Сыгву. Отъ р. *Ятри-я* до юртъ *Али-хдрумъ-пауль*, на правомъ берегу Сыгвы, дорога имѣетъ направленіе юговосточное, пролегаетъ верстъ 8 по лѣсной возвышенности *Ятри-самъ-уррѣ* до рѣчки *Нялькинъ-я*; далѣе же слѣдуетъ внизъ по этой рѣчкѣ еще около 8 верстъ до сліянія ея съ Сыгвою, принимая ручьи и рѣчки, свои притоки, подъ различными названіями.

Въ юртахъ *Али-хдрумъ-пауль* мы оставили провожатыхъ съ оленями, и наняли лодки изъ ближайшихъ юртъ для дальнѣйшаго плаванія по этой рѣчкѣ. Нельзя было, однакожъ, нанять постоянныхъ проводниковъ съ лодками; Остяки весьма дорожили временемъ для рыбнаго промысла; поэтому мы плыли на перекладныхъ лодкахъ по р. Сыгвѣ и по Сосвѣ до самаго Березова.

Рѣка *Сыгва* или *Ляпина* (Сакъ-я по-Остяки) беретъ начало изъ самаго Урала, около 65½ градуса сѣверной широты, изъ горы *Хула*, и, говорятъ, очень извилиста у верховьевъ. На протяженіи около 200 верстъ теченія въ южномъ направленіи до юртъ *Али-хдрумъ-пауль*, принявъ много значительныхъ притоковъ, въ особенности р. *Чортанъ*, она дѣлается уже большою рѣкою. Отсюда ширина ея отъ 50 до 100 сажень; она довольно глубока; теченіе посредственное и даже тихое; острововъ не имѣется; грунтъ болѣею частию песчаный. Берега ея на всемъ протяженіи до сліянія съ Сосвою покрыты мѣшаннымъ лѣсомъ, низменны и мѣстами очень болотисты; по самымъ окраинамъ тянутся широкія полосы тальнику. Отъ юртъ *Али-хдрумъ-пауль* она течетъ болѣе 40 верстъ большими колѣнами и извилинами въ главномъ юговосточномъ направленіи до юртъ *Пуурми-пауль*. Между поименованными юр-

тами находятся еще на лѣвомъ берегу юрты *Луи-хэрумъ-пауль*, на правомъ *Осимъ-пауль* и *Мёзымъ-пауль*, и потомъ ниже, на лѣвомъ же берегу, *Лдлизса-пауль*, или *Лопомъ-вожъ* (дер. Ляпина по-Русски). Эта послѣдняя деревня расположена на рукавѣ, называемомъ *Сдрахъ*, который, отдѣлившись отъ рѣки верстахъ въ 7 выше *Али-хэрумъ-пауль*, образуетъ обширный островъ, и, говорятъ, течетъ верстъ 100 до слиянія ея опять съ Сыгвою при описываемой деревнѣ. Деревня *Ляпина* есть средоточіе Остяковъ Ляпинской волости; здѣсь живетъ ихъ старшина.

Около 1714 года, по присоединеніи къ Православной Церкви Остяковъ здѣшнихъ, была выстроена тутъ деревянная церковь; но въ концѣ прошлаго столѣтія она сожжена Остяками по той причинѣ, что недалеко отъ нея находилось и, говорятъ, даже и теперь существуетъ, въ глуши лѣса ихъ языческое капище. Впрочемъ, теперь опять предполагаютъ построить церковь въ этой деревнѣ, для раздѣленія обширнаго, по пространству, прихода Сосвинскаго на двѣ части, какъ это прежде было.

Ниже юртъ *Пугурни-пауль*, Сыгва принимаетъ главное направленіе восточное, до впаденія ея въ Сосву; но она дѣлаетъ чрезвычайныя извилины, протекая болѣе 40 верстъ. На этомъ протяженіи по лѣвому берегу находятся юрты и лѣтніе рыболовные балаганы: *Луски-пауль*, *Тѣлли-пауль*, *Рдссызундъ-пауль* и *Сакъ-сѣимъ-пауль*, при устьѣ Сыгвы.

Всѣ селенія Остяковъ, или лучше зимнія жилища ихъ, на снѣгомъ мною пространствѣ, малочисленны и состоятъ изъ нѣсколькихъ кое-какъ расположенныхъ юртъ и маленькихъ амбаровъ, устроенныхъ болышею частію на столбахъ. Юрты же ихъ не что иное, какъ бревенчатые избушки, закрытыя сверху, вмѣсто крыши, бревнами и покрытыя землею. Наверху оставлено отверстіе для дыма надъ каминомъ, устроеннымъ обыкновенно въ одномъ изъ угловъ или по срединѣ юрты. Въ стѣнѣ прорубается одно небольшое четырехугольное окошко, закрываемое прозрачнымъ листомъ, склееннымъ изъ рыбьихъ шкурокъ, или же вставленнымъ плотно толстымъ кускомъ льда; лѣворъ дѣлается весьма маленькая. Внутри юрты кругомъ низенькія пары съ перегородками, покрытыя прутяными коврами и оленьими шкурами. Полъ земляной и рѣдко гдѣ устланъ

досками; грязь, неопрятность, копоть и проч. составляют главныя принадлежности жилища Остяка.

Иногородцы, отправляясь съ семействами лѣтомъ на рыбныя промыслы или кочевье по оленеводству, оставляютъ юрты свои открытыми и пустыми; пожитки и нѣкоторый запасъ съѣстныхъ припасовъ она складываютъ въ амбары и не запираютъ ихъ, но просто оставляютъ притворенными или задвинутыми, не опасаясь хищничества, чего въ самомъ дѣлѣ почти никогда между ними не случается. Однако нѣкоторые изъ нихъ, затворяя двери, настораживаютъ большія стрѣлы съ жезлами и наконечниками, такимъ образомъ, что онѣ сильно поражаютъ неосторожно открывающаго дверь любопытнаго или поджигателя. На рыбныхъ промыслахъ по протокамъ и удобнымъ пескамъ по рѣкѣ они живутъ въ берестяныхъ балаганахъ, подобныхъ чумамъ кочующихъ.

Рѣка *Сосва*, или *Тдытъ-я*, вытекаетъ изъ Уральскаго хребта противъ вершинъ р. Печоры, и, по выходѣ изъ горъ, протекая вдоль восточнаго склона ея съ юга на сѣверъ, принимаетъ въ себя всѣ рѣки этого склона; кромѣ того, много значительныхъ рѣкъ южныхъ служатъ ей притоками, какъ то: *Демля*, текущая съ Урала же, *Тансиа*, *Курыя* и другія прямо съ юга, почти отъ 61½ градуса сѣверной широты.

Принявъ р. *Сымау* съ лѣвой стороны, она становится огромною рѣкою и течетъ величественно въ пустынныхъ берегахъ своихъ около 300 верстъ до г. *Березова*. Ширина главнаго русла ея, кромѣ острововъ и протоковъ, простирается отъ 100 до 300 и болѣе сажень. Берега, почти вездѣ низменные, покрыты лѣсомъ или сплошными кустарниками, мѣстами болотисты, мѣстами же отрасли значительныхъ лѣсныхъ возвышеній, примыкая къ рѣкѣ, образуютъ невысокіе, обрывистые берега.

Острововъ очень много и они довольно велики, особенно ближе къ Березову. Теченіе посредственное, однако быстрое, чѣмъ въ Сыгвѣ; грунтъ кажется болѣею частію песчаный, судя по берегамъ и большимъ песчанымъ островамъ. Селенія Остяковъ, но нѣсколько юртъ выстѣ, простираются внизъ по Сосвѣ отъ устья рѣки Сыгвы и до г. Березова въ слѣдующихъ послѣдовательныхъ между собою разстояніяхъ:

Верстахъ въ 10 *Соминскія юрты* или *Соманау*, въ около 40

версть *Гюанъ-пауль*; до 20 версть *Петкъ-пауль*; потомъ село *Сосвинское* или *Сортынъ-я-пауль* въ 15 верстахъ. Последнее село лежитъ версты 4 ниже устья рѣки Сортынъ-я на лѣвомъ берегу Соовы, съ небольшою и бѣдною деревянною церковью, заложенною почти одновременно съ церковью, бывшею въ дер. *Ляпинъ*. Здѣсь, кромѣ 10 юртъ Остяцкихъ, есть нѣсколько породочныхъ домиковъ: домъ священника, церковнослужителей и нѣсколькихъ другихъ Русскихъ, занимающихся здѣсь торговлею. Несмотря на бѣдность, селеніе это кажется едва ли не лучше города, послѣ продолжительнаго путешествія въ совершенно необитаемой странѣ и по пустыннымъ рѣкамъ между убогими и полуседелыми юртами Остяковъ, почти пустыхъ въ лѣтнее время.

Дѣй волости, *Ляпинская* и *Сосвинская*, составляютъ обширный приходъ этого села. Прибывъ сюда 14 Сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, мы имѣли случай быть у обѣдни послѣ четырехмѣсячнаго кочеванія и могли воспользоваться нѣкоторыми удобствами осѣлой жизни, купить хлѣба и другіе припасы. На другой же день поспѣшили отправиться далѣе, видя примѣтно приближающуюся зиму и опасаясь быть застигнутыми морозами въ плаваніи, съ довольно большимъ приномъ транспортъ.

Внизъ по Сосвѣ отъ описаннаго села къ Березову, юрты Остяковъ встрѣчаются уже чаще, какъ это видно изъ послѣдовательныхъ между ими разстояній.

Отъ Сосвинскаго

до Нянинъ-пауль	6 версть
— Тоболдинскихъ юртъ, подъ частными названіями:	
— Пуппенъ-пауль	20 —
— Куртъ-пауль	3 —
— Оль-тумпъ-пауль	10 —
— Сиппель-пауль	7 —
— Собаклонъ-пауль	13 —
— Улетемъ-пауль	5 —
— Анъ-я-пауль	5 —
— Луй-Анъ-я-пауль	4 —
— Росъ-пауль	5 —
— Нилтенъ-пауль	2 —

до Югринскихъ юртъ или Егринь-пауль	10 верстъ.
— Росъ-суи-пауль	12 —
— Люликорскихъ юртъ, находящаяся въ 3-хъ мѣ- стахъ еще ниже по рѣкѣ	5 —
— Лѣтнихъ Тары-соумъ-пауль	10 —
— Зимнихъ Тары-соумъ-пауль или Резимовскихъ юртъ	8 —
— Явы-Чортынъ-я-пауль	5 —
— Ваттеръ-нель-пауль	8 —
— Шуче-нель-пауль	7 —
— Шайтанскихъ юртъ или Яльпинъ-гель- пауль	20 —
— Нижне-шайтанскихъ юртъ	6 —
— г. Березова	20 —

Всѣ означенныя здѣсь селенія малочисленны и заключаютъ отъ 1 до 4 юртъ, исключая только Анъ-я-пауль и Люликорскихъ, гдѣ находится по 7 юртъ въ каждой.

Сосва течетъ отъ устья р. Сыгвы плавными и большими колѣнами, въ главномъ юговосточномъ направленіи, почти 800 около 130 верстъ, до соединенія съ рѣкою *Малою Сосвою*, выше Югринскихъ юртъ, образуя только въ одномъ мѣстѣ между юртами Сиппель-пауль и Анъ-я-пауль значительное уклоненіе къ югу, и потомъ крутой поворотъ прямо на сѣверъ, всего на протяженіи 30 верстъ; далѣе же, увеличившись еще въ ширинѣ, принимаетъ общее направленіе почти прямо на сѣверъ, и протекаетъ до самаго Березова.

Кромѣ многихъ малыхъ рѣчекъ и притоковъ изъ озеръ, подъ разными названіями, въ Сосву впадаютъ слѣдующія значительныя рѣки, съ правой стороны: *Сакъ-титъ-я*, противъ устья р. Сыгвы; *Петкаинъ-я*, ниже юртъ того же имени; *Яны-Яльпинъ-я*, выше Пуппель-пауль; *Куртъ-я*, при юртахъ также называемыхъ; *Миниуль-я*, ниже Оль-тумъ-пауль; *Саксонскъ-я*, выше Улетемъ-пауль; потомъ означенная выше рѣка *Малая Сосва* или *Манъ-тайтъ-я*, имѣющая начало въ болотистой низменности между Уральскимъ хребтомъ и р. Обью. На протяженіи почти 200 верстъ теченія своего съ юга на сѣверъ, на ея берегахъ много селеній Обскихъ Остяковъ, различающихся нарѣчіемъ отъ Ляпинцевъ и Сооинцевъ; наконецъ Сосва впадаетъ р. *Яны-чортминъ-я*, противъ юртъ того же имени.

Съ лѣвой стороны, начиная отъ устья Сыгвы, впадаютъ: *Гогангъ-я*, выше юртъ Гогангъ-пауль; *Одртыя-я*, близъ села Сосвинскаго; *Ангъ-я*, при юртахъ того же имени и р. *Шайтанка* или *Яльпини-нѣль-я*, впадающая при юртахъ Шайтанскихъ. Рѣка Сосва отъ Шуенелскихъ юртъ, на протяженіи 80 верстъ до впаденія ея въ Малую Обь, покрыта многими огромными островами и, находясь въ общей низменной долинѣ съ послѣднею рѣкою, течетъ параллельно ей съ юга на сѣверъ, отстоя не болѣе какъ на 20 верстъ одна отъ другой. На этомъ протяженіи въ Сосву втекаютъ изъ Оби четыре замѣчательнѣйшихъ притока: *Порылозъ*, *Пырсимъ*, *Большой Кочевъ* и *Вайсова*. Первые два и Вайсова судоходны и имѣютъ ширину до 150 сажень; какъ говорятъ, неизвѣстны и идутъ въ направленіи почти перпендикулярномъ къ обѣимъ рѣкамъ; устья первыхъ двухъ протоковъ находятся по Сосвѣ вер. 25 одно отъ другаго; потомъ Кочевъ въ 15 вер.; Вайсова же соединяется съ Сосвою около 3 верстъ ниже Березова. Суда, идущія изъ Оби въ Березовъ, не поднимаются прямо по Сосвѣ во избѣжаніе быстроты теченія, но дѣлаютъ обходъ по Оби, гдѣ теченіе нѣсколько умереннѣе, и спускаются уже по притоку Вайсову въ Сосву. Все низменное пространство между этими огромнѣйшими рѣками покрыто разбросаннымъ лѣсомъ и кустарникомъ и изобилуетъ озерами, множествомъ протоковъ и непроходимыми долинами и расклинами, называемыми *сорами* у туземцевъ. Рѣки Сыгва и Сосва обильны рыбою; кромѣ того, около послѣдней бываетъ очень много дичи; дикія утки, гуси и гадары многосотенными стадами покрываютъ рѣку, такъ что ихъ можно здѣсь сѣтьми и, при счастливой ловлѣ, однимъ человекомъ можетъ добыть разомъ до 100 штукъ. Такой уловъ можетъ показаться даже невѣроятнымъ людямъ, незнающимъ Сибири и привыкшимъ видѣть нашихъ охотниковъ, которыхъ труды цѣлаго дня едва вознаграждаются нѣсколькими птицами, а иногда почти ничѣмъ. Этотъ родъ ловли называется здѣсь *пересѣсомъ добывать*, и состоитъ въ слѣдующемъ: выбираютъ на рѣкѣ выдающіеся лѣсные мысы, или протоки и разрывы, закрытые лѣсомъ или тальникомъ къ рѣкѣ, и дѣлаютъ для пролета птицъ просѣки, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высокіе шесты, съ прикрѣпленными къ верху бочками и пропущенными въ нихъ тонкими веревками, прили-

ланными къ сѣти, которая лежитъ на землѣ до пролета птицъ. Спугнутая съ рѣки сталъ птицъ бѣдущимъ въ лодкѣ челоѣкомъ, или же произвольно перелетающая, поднимавшися нѣ сколько отъ поверхности воды, сильно стремителъ въ первую прогалину лѣса, гдѣ видна вода, или значительное открытое мѣсто; въ это время ловкій промышленникъ, лежащій на караулѣ, вдругъ поднимаетъ сѣть, и рѣкая птица нѣ цѣлой сталъ не будетъ добычею его. Эта ловля производится преимущественно на утренней и вечерней зарѣ. Ткихъ перелетѣ совѣ дѣлается много на рѣкѣ, и разумѣется, что въ иной попадаются и много и часто, въ другіе же рѣдко и мало дичи; впрочемъ туземцы очень опытни въ выборѣ мѣста для перелѣсовѣ. Благодаря этому легкому способу добыванія дичи, лучшая утка въ Березовѣ лѣтомъ стоитъ не дороже 3-хъ копѣекъ серебромъ.

Различны этихъ пустынныхъ рѣкъ простираются весьма широко, но не бываютъ глубоки; въ Октябрѣ почти всегда замерзаютъ и рѣко раньше Мая вскрываются. По самымъ рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ, и близъ береговъ ихъ, протекаетъ зимній путь изъ города Березова чрезъ Уральскій хребетъ, въ деревню Оранецъ на Печорѣ.

Березовъ, уѣздный городъ Табольской губерніи, лежитъ подъ 63° 55', 9 сѣверной широты, 82° 47', долготы отъ 1-го меридіана, среда пустынныхъ лѣсовъ и тундръ отдаленнаго сѣвера, на лѣвомъ довольно возвышенномъ берегу рѣки Сосвы, въ верстахъ 25 отъ сліянія послѣдней съ рѣкою Обью. Этотъ древній городъ, сначала острогъ, основанъ въ 1593 году при Царѣ Феодорѣ Ивановичѣ, близъ быншаго Остацкаго селенія *Сумуть-Вожъ*, означающаго въ переводѣ *березовый городокъ*, отъ чѣмъ иѣроятно и происходитъ названіе *Березова*; въ гербѣ этого города въ серебряномъ полѣ изображены три березы.

Въ длину городъ простирается по Сосвѣ, съ сѣвера на югъ около 400 сажень, въ ширину же не болѣе полуверсты. Въ Березовѣ всего 150 домовъ, всѣ деревянные и болѣею частію вѣтхіе. Въ городѣ двѣ прекрасныя каменныя церкви: Воскресенскіи соборъ и другая во имя Рождества Богородицы. Онѣ построены на самомъ горномъ берегу и величественно возвышаются надъ дикими окрестностями, радуя издали верхами своими утомленный взоръ приближающагося къ нимъ плавца пустынныхъ рѣкъ.

Издъ казенныхъ и общественныхъ зданій находятся являсь 14 деревянныхъ домовъ: 1-й вмѣщаетъ въ себя окружный и воеводскій суды и окружное казначейство; 2-й городскую полицію; 3-й духовное правленіе; 4-й городское хозяйственное управленіе; 5-й уѣздное училище, къ несчастію погорѣвшее лѣтомъ 1847 года; 6-й инородческую больницу для Остяковъ и Самоѣдовъ Березовскаго Округа (*), 7-й городской лазаретъ; 8-й почтовую контору; 9-й казенный магазинъ для складки душныхъ товаровъ и кладовая окружнаго казначейства; 10-й казачій провіантскій магазинъ; 11-й ссудный хлѣбный магазинъ для инородцевъ; 12-й городской хлѣбозапасный магазинъ; 13-й солонный магазинъ и 14-й пороховой погребецъ.

На берегу Сосвы, у подошвы и на склонахъ горнаго берега ея, выстроены для складки товаровъ сараи и амбары, съ устроенными въ нихъ 6 или 7-ю лавочками, составляющими гостинный Березовскій дворъ; зимою же, по случаю сильныхъ морозовъ, въ нихъ торговать бываетъ невозможно, поэтому всѣ товары продаются тогда въ домахъ купцовъ. Кромѣ трехъ продолговатыхъ и прямыхъ улицъ, весь городъ состоитъ изъ частыхъ переулковъ, дѣлающихъ общее расположеніе города неправильнымъ и разбросаннымъ; всѣ они не вымощены, и отъ того бываютъ весьма грязны; даже посреди города, въ видѣ огромной площади, находится невысыхающее и непроходимое гнилое болото, завалываемое мусоромъ и невоземъ; оно дѣлаетъ воздухъ невыносимо тяжелымъ въ лѣтнее время. За городскими островами виднѣются кое-гдѣ разбросанныя земляники и чумы Остяцкіе, и начинается сейчасъ дикая чаща лѣса безъ всякихъ дорогъ; ею закрыты окрестности города на огромнѣйшее пространство.

Съ сѣверной стороны города сливается съ Сосвою значительный протокъ *Вотулка*, истекающій изъ нея же, а съ юга онъ примыкаетъ къ глубокому оврагу, называемому *Колтушнымъ буеракомъ*, по которому течетъ маленькая рѣчка того же

(*) Къ сожалѣнію, инородцы неохотно подчиняются этимъ благотворнымъ мѣрамъ Правительства, по собственному грубому невѣжеству, сильной нетерпимости лекарствъ и по странному предубѣжденію къ больницѣ вообще. Изъ огромнаго числа инородцевъ Березовскаго Округа, свыше 15,000 душъ, рѣдко когда бываетъ въ больницѣ болѣе 10 человекъ.

имени. Черезъ рѣку изъ города представляется открытѣйшій видъ на необозримую луговую низменность, простирающуюся до самой рѣки Оби; на ней между разбросанными кустарниками и группами деревьевъ всюду видны большія массы воды, протоковъ, озеръ и забитыхъ болотъ, въ которыхъ какъ бы плаваютъ кусты и острова.

На всемъ лежатъ здѣсь печать суроваго сѣвера. Унылая природа зимою бываетъ облечена въ снѣжный саванъ почти въ теченіе 7 мѣсяцевъ; въ это время постоянно стоятъ сильнѣе морозы, которые доходятъ иногда до 40° Реомюра; погода отличается непостоянствомъ; особенно часто случаются страшныя бураны; застигнутые этою вьюгою, путешественникъ и дикій звѣрь ищутъ единственное спасеніе, спокойно ложась на снѣгъ, чтобы переждать вьюгу. Ночи продолжительныя и мрачныя; но этотъ мракъ сокращается по временамъ сѣвернымъ сіяніемъ: это величественное явленіе полярнаго горизонта, освѣщая темное царство зимы, служитъ утѣшеніемъ угрюмому обитателю сѣвера.

Продолжительныя оттепели, выпаденіе легкихъ снѣговъ, густыя туманы, непроницаемые даже для солнечныхъ лучей, частыя перелеты птицъ къ сѣверу, суть признаки появленія весны, начинающейся никакъ не ранѣе половины Апрѣля мѣсяца.

Кратковременное лѣто, начинающееся въ половинѣ Іюня, почти при постоянномъ сіяніи солнца, быстро распространяетъ въ воздухѣ плодотворную теплоту и оживляетъ природу послѣ продолжительнаго омертвенія. Не смотря на то, что въ первыхъ числахъ Іюля, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, теплота доходитъ иногда до + 28° и болѣе Реомюра, дурная почва земли, оттаивающей не болѣе какъ на шоларшина, не позволяетъ никакого земледѣлія. Поэтому въ Березовѣ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ при домахъ огородашниковъ, съ нѣкоторыми, а то не всегда успѣвающими, овощами. Въ половинѣ Августа, а иногда и ранѣе, начинается уже осень; пасмурное небо, постоянныя сѣверныя или сѣверовосточныя вѣтры, быстро увеличивающійся холодъ, туманныя и болѣе темныя ночи предвѣщаютъ приближеніе зимы. Это время года самое несподобное на сѣверѣ и, кажется, вредное для здоровья. Наконецъ, нужно замѣтить, что и самая одежда Березовцевъ и

образъ жизни вполне соотвѣтствуютъ суровому климату описываемой страны.

Жители въ Березовѣ считаются вообще до 1000 чело-вѣкъ; въ этомъ числѣ полный штатъ чиновниковъ уѣзд-ныхъ присутственных мѣстъ, духовенство, казацкое сословіе, купцы, мѣшане и разнаго другаго званія люди. Порядочныхъ ремесленниковъ вовсе не имѣется въ городѣ. Всѣ почти жители, не исключая и казаковъ, занимаются болѣе или менѣе мѣно-вою торговлею съ инородцами, доставляя этимъ себѣ пропитаніе.

Въ началѣ весны, скорѣ по вскрытіи рѣкъ, оживляется торговля въ отдаленномъ Березовѣ. Въ это время прибываютъ сюда изъ Тобольска досченики (*) съ разными товарами, состоящими въ хлѣбѣ и другихъ сѣбствныхъ припасахъ, въ желѣзныхъ вѣсахъ, сѣтяхъ и разныхъ снастяхъ, болѣе употребительныхъ въ инородческомъ быту; въ лыкахъ, холстѣ, сукнѣ крестьянскомъ, полуситцахъ, въ красномъ товарѣ и прочихъ Русскихъ издѣліяхъ и мелочахъ. Остающіеся здѣсь до Сентября мѣсяца Тобольскіе, Ирбитскіе и Туринскіе промышленники сбываютъ все это Березовскимъ торговцамъ и непосредственно самимъ Остакамъ, пріѣзжающимъ въ эту пору изъ зимнихъ юртъ на рыбные промыслы. Они вымѣниваютъ и покупаютъ отъ нихъ различныя туземныя произведенія, доставляемыя инородцами со всего Березовскаго округа. Вывозимыя изъ Березова произведенія суть: мягкая рухлядь: бобровыя, собольи, лисьи, горнастаевыя, росомаховыя, выдровыя, бѣличьи, бурундучьи, мелѣжьи, волчьи, песцовыя разныхъ сортовъ, заячьи, оленьи и лосинныя шкуры, на сумму около 30,000 т. рублей серебромъ; птичій пухъ и перо; мамонтова кость, кедровыя орѣха, добываемыя въ хорошій урожай до 20,000 пудовъ, на сумму болѣе 25,000 рублей; разнаго рода соленая и сушеная рыба, какъ то: осетры, муксуны, нельма, сырки и шуки, рыбій жиръ и икра, всего на сумму около 8000 рублей. Слѣдовательно ежегодный вывозъ этихъ произведеній изъ Березова превышаетъ 60,000 рублей серебромъ и могъ бы принести значительныя выгоды жи-

(*) Однопалубныя плоскодонныя суда, поднимающія груза отъ 3 до 25 тысячъ пудовъ, и поднимающіяся вверхъ по рѣкамъ Оби и Иртышу, почти постоянно на бечевомъ тягѣ.

телямъ, если бы все это они сами доставляли на Ирбитскую ярмарку; но теперь большею частію участвуютъ въ торговлѣ иногородные купцы. Изъ Березовскихъ же жителей только купцовъ пять имѣютъ нѣкоторую возможность непосредственно сбывать собранное на означенной ярмаркѣ, закупаая тамъ разные мелочные товары и болѣе нужнѣйшія для инородцевъ вещи, которыми послѣ торгуютъ какъ въ самомъ Березовѣ, такъ и на ярмаркахъ въ его округѣ.

Звѣриною и рыбною ловлею сами Березовцы мало занимаются, находясь почти круглый годъ въ разъѣздахъ по торговымъ дѣламъ, для вымѣна и покупки произведеній отъ инородцевъ. Въ послѣднихъ числахъ Мая начинаются рыбные промыслы: купцы и всѣ достаточные казаки, мѣщане, крестьяне отдѣльно или компаніями, имѣя собственные суда, поднимающія отъ 7 до 15000 пудовъ, нанимаютъ по контракту въ работники къ себѣ Остяковъ, съ платою по способности каждого, и сплавляютъ почти на 30 такихъ судахъ, внизъ по Оби, по протокамъ ея и на Обскую губу, къ Самоѣдамъ и Обдорскимъ Остякамъ муку, соль, разные мелочной товаръ, рыболовные снаряды и другія необходимыя въ ихъ быту вещи, табакъ, пряности и разные лакомства. Нѣкоторые изъ этихъ торговцевъ привозятъ собственный товаръ, другіе же берутъ для оборота отъ купцовъ на порядочныя суммы подъ разными условіями, выгодными для обѣихъ сторонъ. По прибытіи на мѣсто, мѣняють товаръ сначала на мягкую рухлядь и стараются какъ можно болѣе раздавать въ долгъ инородцамъ. Хотя каждый изъ торговцевъ имѣетъ почти своихъ знакомыхъ покупателей, но все-таки они стараются всѣми средствами болѣе пріобрѣсти должниковъ. Сбывши товаръ свой, торговцы остаются здѣсь до Августа мѣсяца собирать рыбу отъ туземцевъ, за розданный товаръ. Не смотря на весьма обильные рыбные промыслы, Самоѣды и Остяки не только не могутъ расплатиться, но, кажется, все болѣе и болѣе должны, потому что самые пустячные товары сбываются имъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Главная рыба *мурманъ*, *осетръ* и *нельма*; ихъ солятъ сейчасъ на мѣстѣ; другая же рыба шуки, сырки и проч. вялятся и сушатся; кромѣ того добываютъ рыбій жиръ и икру. Все это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ торговца хозяина, его работниками. Когда же весь товаръ вымѣняютъ на рыбу, тогда съ нагружен-

ными судами свѣшать въ Августѣ мѣсяцѣ обратно въ Березовъ, и продають оную на дощеники Березовскимъ и многороднымъ кунцамъ. Послѣ того инородцы остаются промыслять рыбу собственно для себя, сколько позволитъ осень и обстоятельства. *Муксунъ* есть единица цѣнности въ этой мѣновой торговлѣ; эта рыба принимается отъ Самоѣда по мѣркѣ, и должна быть не менѣе 9 вершковъ въ длину, въ противномъ случаѣ считаютъ 3 муксуна за 2, или, что чаще случается, 2 за 1; Самоѣда не будетъ спорить.

Муксуны отъ нихъ принимаютъ въ 10 коп. ассигн., но Самоѣды не привыкли и не умѣютъ считать на деньги, а всѣ почти цѣнить товары относительно песцовыхъ шкуръ; напримѣръ, *песецъ* равняется 20 *лапкамъ песцовымъ* (изъ которыхъ также сшивается особый мѣхъ), или же равняется 30 *муксунамъ*. Всѣ счеты ведутся у Березовскихъ и Обдорскихъ торговцевъ въ суммахъ песцовъ и лапокъ, перевода обыкновенно лапки въ песцы, какъ копѣйки въ рубли. Инородцы даютъ имъ палочки съ разными надрѣзами и зарубками, у каждаго по своему, въ родѣ росписокъ, въ полученіи товара, на означенное на нихъ число песцовъ и лапокъ, и по мѣрѣ выплачиванія долгу срѣзають собственноручно эти знаки, уменьшая счетъ.

Нужно замѣтить, что вещи, по видимому самыя обыкновенныя, и всякія бездѣлюшки, продаваемыя на муксуны и песцы, доставляютъ огромный барышъ торговцамъ. Изъ цѣны нѣкоторымъ вещамъ можно уже заключить о дороговизнѣ остальныхъ и болѣе необходимыхъ для Самоѣда вещей; напримѣръ: за лодку нужно заплатить столько муксуновъ, сколько въ нее помѣстится оловяныхъ; за котелъ платится чистаго рыбьяго жиру столько, сколько въ него можно налить; за простой ножикъ съ деревяннымъ черенкомъ, облитый оловомъ, платится отъ 30 до 50 муксуновъ; аршинъ простаго краснаго или желтаго драдедаму стоитъ 4 песца или 120 муксуновъ; даже простое мѣдное кольцо, стоющее едва ли $\frac{1}{2}$ коп. сер., продается за 1 и 2 муксуна. Сами же Березовцы получаютъ за муксуна соленаго, сдаваемого на дощеники, не дешевле 10 коп. сер. Теперь можно судить, какой барышъ съ лодки и другихъ означенныхъ вещей имѣютъ торговцы. Распродавъ же на дощеники все собранное лѣтомъ, нѣкоторые изъ Березовскихъ жителей отправляются еще въ верхъ по рр. Сыгвѣ и Сосвѣ, забирать и тамъ рыбу, дичь, ке-

дровые орѣхи, перо и проч., развозя такимъ же образомъ хлѣбъ и другіе товары и раздавая болѣе въ долгъ.

Здѣсь Остяками счетъ ведется уже не на месцы, а на бѣлки; бѣличья шкура цѣнится отъ 5 до 7 коп. серебромъ. Добытыя по этимъ рѣкамъ произведенія отправляются тоже осенью на дощеникахъ же въ Тобольскъ.

Этимъ оканчиваются лѣтніе промыслы Березовцевъ, до Октября или Ноября мѣсяца, покуда рѣки не покроются льдомъ. Тогда въ странѣ пустынной, безплодной, лишенной природою лѣтомъ почти всякихъ сообщений сухопутныхъ, зимніе морозы превращаютъ непроходимыя топи тундръ въ твердую массу льда: только тогда звѣринные промыслы, торговля и проч. нужды заставляютъ полудикаго туземца и отдаленнаго промышленника Русскаго проложить путь на лыжахъ, на оленяхъ или собакахъ за нѣсколько сотъ верстъ, какъ по рѣкамъ, тундрамъ, лѣсамъ, такъ и чрезъ самый Уральскій хребетъ. Это время года, по видимому благоприятствующее сообщеніямъ необходимымъ, имѣетъ иногда свои препоны. Хотя отъ лютости морозовъ, привычка и туземная теплая одежда и обувь предохраняютъ путника, но постоянныя мятели и снѣжные бураны бывають иногда ужасны, часто долговременны и нерѣдко губельны, заставляя цѣлые караваны загребаться въ снѣжные сугробы и пережидать вьюгу; въ особенности когда буря застигнетъ въ горахъ, во время перехода чрезъ Уралъ. Зимою Березовцы разсѣиваются по дикимъ и лѣсистымъ мѣстамъ, внутрь отдаленныхъ юртъ инородческихъ; развозя муку и разный товаръ, вышѣниваютъ и покупаютъ мягкую рухлядь. Кромѣ того съ 25 Декабря по 25 Января на Обдорской ярмаркѣ бываетъ главная торговля; сюда съѣзжаются даже купцы Тобольскіе или ихъ приказчики, Зыряне-Ижемцы изъ-за Урала съ огромными караванами и Самоѣды отдаленнаго сѣвера. Также на муку и прочіе товары, необходимыя въ быту инородческомъ, вышѣниваютъ равныя произведенія и дорогую рухлядь, и все это отправляется оттуда на Ирбитскую ярмарку.

Предъ Обдорскою ярмаркою въ концѣ Ноября съѣзжаются въ село Мужы, на р. Оби, Зыряне изъ-за Урала, образуя тутъ малую ярмарку, откуда уже нѣкоторые возвращаются опять за Уралъ, а другіе отправляются въ Обдорскъ.

Сообщенія въ этомъ краѣ бывають пять мѣсяцевъ водою,

способствующія къ сплаву тяжестей; а семь мѣсяцевъ зимнимъ путемъ, удобны только для легкой ѣзды, но затруднительны для перевоза грузовъ.

Этотъ малоизвѣстный сначала городъ, далеко удаленный къ сѣверу отъ центра Россіи, сдѣлался только въ послѣдствіи примѣчательнымъ ссылкою сюда Меншикова, Долгорукаго и Остермана. Прахъ ихъ и понынѣ покоится здѣсь, На восточной сторонѣ Воскресенскаго собора, внѣ ограды церковной, едва примѣтный дерновѣй холмъ съ деревяннымъ крестомъ и полясадомъ означаетъ убогую могилу князя А. Д. Меншикова (*), похороненнаго будто бы подлѣ гроба дочери его, княжны Маріи, несчастной невѣсты Императора Петра II. Отъ жилища Меншикова не имѣется здѣсь никакихъ слѣдовъ; только въ сѣверной части города, на песчаной возвышенности горнаго берега, осѣненной нѣсколькими вѣковыми лиственницами, у такъ называемой заручейной церкви (во имя Рождества Богородицы), показываютъ мѣсто, гдѣ былъ домъ знаменитаго изгнанника. Деревянная же церковь, выстроенная имъ на мѣстѣ означенной каменной, сгорѣла въ 1808 году.

Тутъ же у церкви Рождества Богородицы, въ саженьхъ 20 на сѣверозападъ, отдѣльно отъ городского кладбища, находится могила графа А. И. Остермана, бывшая долго въ неизвѣстности и случайно открытая полковникомъ Гофманомъ весною 1848 года, въ бытность Уральской экспедиціи въ г. Березовѣ. Подробности этого открытія заключаются въ слѣдующемъ дописаніи Гофмана: «чтобы узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, я велѣлъ бить шурфы. При этомъ, когда взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины 10-ти футовъ, то обнаружили въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами и лоскутками шелковой матеріи, и черепомъ, по-

(*) Генералиссимусъ князь Меншиковъ былъ сосланъ въ Березовъ въ 1727 году,—гдѣ и скончался въ 1729 году. Бренныя останки его были открыты въ 1820 году, Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Бантишъ-Каменскимъ.

крытымъ прахомъ и землею. Я тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ; а затѣмъ, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была вѣроятно могила какого нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками объ этомъ къ члену-корресподенту Рос. Геогр. Общества смотрителю здѣшнихъ училищъ, Абрамову; онъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что тутъ покоится прахъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана. Тогда я приказалъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею черный колосальной величины деревянный крестъ, къ которому прибита была мѣдная досочка съ изображеніемъ графской короны и латинскихъ буквъ А. О.; могилу обвели простою оградой и отслужили надъ нею похихиду» (*).

Могила, гдѣ покоится прахъ князя Федора Долгорукаго, и нынѣ достоверно неизвѣстна. Впрочемъ, преданіе указываетъ мѣсто близъ могилы княжны Маріи Меншиковой, что подтверждаетъ слѣдующій памятникъ: Абрамовъ, съ дозволенія Тобольскаго Епархіальнаго Преосвященнаго и Гражданскаго Губернатора, разыскивая рукописныя и вещественныя рѣдкости Березова, сообщилъ, между прочимъ, о замѣчательной рѣдкости, долго хранившейся въ здѣшнемъ Воскресенскомъ соборѣ — о золотомъ медальонѣ, въ которомъ вмѣщается свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ (**). Описывая этотъ медальонъ, Абрамовъ присовокупляетъ тщательно-собраннымъ свѣдѣніямъ, переданнымъ въ потомство церковными старостами и нѣкоторыми любознательными, коренными и престарѣлыми жителями Березовскими, знавшими о медальонѣ: «а) что онъ поступилъ въ Спасскую церковь (***) по смерти находившагося здѣсь князя Федора Долгорукаго, вмѣстѣ съ иконою, у которой висѣлъ на вѣнчикѣ изображеніе Святаго; б) что волосы, хранящіеся въ медальонѣ, взяты Долгорукимъ отъ умершей, будто бы, супруги его, Марьи Александровны, дочери князя Меншикова, съ которою вѣнчанъ онъ нѣкимъ престарѣ-

(*) Вмѣсто означенной мѣдной досочки, были впоследствии прибиты къ кресту графская корона и латинскія литеры Н. О. (Heinrich Ostermann), вырѣзанныя въ большомъ размѣрѣ изъ мѣди.

(**) См. Географическія Извѣстія, 4-й выпускъ 1848 г.

(***) Нынѣ Воскресенскій соборъ.

лымъ священникомъ; в) что за вѣнчаніе этому служителю церкви, между прочимъ, былъ подаренъ дорогой барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ; г) что Федоръ и Марья, въ дѣтнее время, вмѣстѣ прогуливались по городу, причемъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, съ окладною изъ серебрянаго позумента; д) что Марья Александровна, а потомъ вскорѣ и супругъ ея, скончавшись, были похоронены близъ деревянной Спасской церкви, на южной сторонѣ (на востокъ отъ нынѣшней каменной), и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, не больше какъ простые срубы въ два толстые бруса, покрытые въ двѣ доски (эти памятники еще теперь многіе старики помнятъ); наконецъ е) что медальонъ, съ 1739 былъ хранимъ въ церкви, какъ вкладъ кн. Долгорукаго».

Кромѣ этого медальона, въ Березовскихъ церквахъ показываютъ нѣкоторыя древнія утвари, книги, облаченія священниковъ и церковнослужителей, принесенныя въ даръ Меньшиковыми и другими извѣстными лицами. Въ Воскресенскомъ соборѣ на церковныхъ книгахъ, по которымъ и теперь служатъ, подписанныхъ княжною Еленою Долгорукою, сдѣлана ею же собственноручная надпись: «*на помяновеніе родителей*». Книги эти присланы въ Березовъ по возвращеніи ея въ Санктпетербургъ.

Городъ Березовъ былъ окончательнымъ пунктомъ занятій экспедиціи въ 1847 году, до котораго сдѣлана мною непрерывная маршрутная съемка, начиная отъ города Чердыня. Дождавшись же въ Березовѣ зимняго пути, который пролегаетъ по рѣкамъ Оби и Иртышу и по берегамъ послѣдней до Тобольска, экспедиція переѣхала чрезъ этотъ городъ и Тюмень до Екатеринбурга, гдѣ оставалась до весны 1848 года. Путь по означеннымъ рѣкамъ сейчасъ, по закрытіи ихъ, бываетъ иногда чрезвычайно затруднителенъ и даже очень опасенъ. Рѣка Обь, какъ и всѣ большія Сибирскія рѣки, не закрываются одновременно на всемъ протяженіи теченія своего, и замерзаніе восходитъ отъ устья къ вершинамъ ея довольно быстро. Отъ постепеннаго прибоа пловучаго льда и сплываванія одного съ другимъ, рѣка покрывается неровно и шороховато, мѣстами совершенно вертикально застывшими большими льдинами и грудами, затрудняющими ѣзду.

По значительной ширинѣ этой рѣки, доходящей до 3 верстъ, мѣстами по срединѣ и близъ береговъ ея, въ болѣе глубокихъ

быстринахъ, она совершенно не замерзаетъ, даже и въ сильные морозы; нѣкоторыя изъ этихъ полыхъ мѣстъ, называемыхъ вообще полыньями, подергиваются тонкимъ льдомъ и бываютъ весьма опасны, въ особенности въ темноту.

Во время нашей поѣздки съ полковникомъ Гофманомъ изъ Березова, по первому пути, мы провалились въ Обь, не смотря на то, что морозъ былъ выше 25° Реомюра. Къ счастью, образовался неширокій проломъ, и кошева наша осталась плавать надъ водою, поддерживая собою нѣсколько и лошадей, которыя только передними ногами цѣплялись за ледъ, а всѣмъ корпусомъ были погружены въ воду. Журналы и тому подобныя вещи болѣе важныя были сейчасъ спасены; остальные же, оставаясь долѣе въ водѣ, покрылись довольно толстою корою льда, равно какъ и мы сами. Выбравъ по одиночкѣ изъ савей всѣ вещи, успѣли мы вытащить и своихъ лошадей стеньгами; потеряли только походную аптеку и нѣкоторыя мелочи. Другое затрудненіе заключается въ томъ, что ледъ, иногда, почти въ продолженіе цѣлой зимы не покрывается на гладкихъ мѣстахъ снѣгомъ, который, падая, бываетъ тотчасъ сбитъ вьюгою; оттого ѣзда на некованыхъ лошадяхъ туземцевъ, дѣлается до такой степени невозможною, что приходится выпрагать ихъ и самимъ, вмѣстѣ съ проводниками, катить сани на значительное разстояніе, какъ это было зимою 1848 года.

II.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СѢВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРѢННАГО ВЪ 1848 Г.

Весною 1848 года, со вскрытіемъ рѣкъ, вся экспедиція собралась въ городъ Березовъ, откуда 7 Іюня спустилась по р. Оби до устья рѣки Войкара, впадающей съ лѣвой стороны и потомъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ около 50 верстъ, сколько возможно было приблизиться болѣе къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка Обь нѣсколько выше устья Сосвы, кромѣ раздѣленія на два главные рукава, *Большую и Малую Обь*, впослѣдствіи опять соединяющихся, дѣлится еще на множество протоковъ, образуя огромные острова, гдѣ разстояніе между крайними берегами ея доходятъ мѣстами до 30 и болѣе верстъ. Направленіе ея почти совершенно прямое съ юга на сѣверъ. Между устьями рѣкъ Войкара и Сосвы, въ верстахъ 100 ниже послѣдняго, впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны значительная р. *Синья*, имѣющая начало изъ самаго Уральского хребта. Между Синьей и Вайкаромъ, на лѣвомъ берегу Оби, находится село Мужн. Далѣе въ горы, отъ мѣста, гдѣ мы окончили плаваніе по Войкару, экспедиція отправилась на оленяхъ. Этотъ путь отъ Войкара на Уральскій хребетъ былъ въ то время года довольно затруднителенъ, по случаю полноводія рѣкъ, чрезъ которыя трудно было отыскать броды для нартъ. Кромѣ того на горахъ вездѣ лежалъ еще снѣгъ, отъ таянія коего быстрые потоки, наводняя все пространство, дѣлали путь нашъ чрезвычайно неудобопроходимымъ.

29-го Іюня, прирѣкѣ *Кдѣполъ* или *Мудазѣ-сесѣ-Іожемъ-Іоганъ*, на Уралѣ по 66° сѣверной широты, экспедиція раздѣлилась на два отряда: сѣверный и южный. Первый, главный отрядъ, подъ начальствомъ самого полковника Гофмана, состоя изъ астронома Ковальскаго, естествоиспытателя Бранта и топографа (нынѣ прапорщика) Брагина, отправился къ сѣверу по западному склону Уральскаго хребта до Ледовитаго моря, и потомъ къ сѣверозападу по хребту *Пай-хой*, къ острову Вайгачу. Весь путь этого отряда снятъ маршрутами Брагинымъ, всего около 8320 квадр. верстъ (*).

Въ южномъ отрядѣ, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго, находился я для съемки. Намъ предстоялъ путь по Уралу къ югу до горы *Квоосмъ-нѣръ*, т. е. до пункта, до котораго экспедиція дошла лѣтомъ 1847 года. За неимѣніемъ пунктовъ астрономическихъ на означенномъ протяженіи Урала, имѣющемъ болѣе нежели полутора градуса по широтѣ, который предположено было осмотрѣть и снять нашему отряду, сдѣлана мною, кромѣ маршрутной глазомѣрной съемки, непрерывная треангуляція по всему протяженію пути отъ начала и до пункта, гдѣ дѣйствія экспедиціи по несчастію должны были прекратиться. Въ случаѣ благополучнаго путешествія, я предполагалъ въ такомъ порядкѣ произвестъ съемку до самаго *Квоосмъ-нѣръ*.

Къ несчастію, мы потерпѣли бѣдственную неудачу, и нашъ южный отрядъ не достигъ цѣли, по случаю свирѣпствовавшей въ это лѣто на Уралѣ заразной язвы, отъ которой умирали люди и падали олени. Дошедши до горы *Диема-Кѣу*, и сдѣлавъ около 50 верстъ къ югу отъ мѣста раздѣленія экспедиціи, мы лишились всякой возможности продолжать путешествіе, потерявъ всѣхъ своихъ оленей, до 400 головъ, истребленныхъ язвою въ теченіе 11 дней. Кромѣ того маіоръ Стражевскій, увѣрившись лично, что на всемъ пространствѣ къ югу отъ насъ по Уралу, откуда шла зараза, не осталось ни одного живаго оленя изъ нѣсколькихъ тысячъ, и что инородцы тоже почти на половину померли, и не остается болѣе никакихъ средствъ и возможности пробираться далѣе до предполагаемаго пункта,

(*) Подробное описаніе Гофмана о дѣйствіяхъ сѣвернаго отряда экспедиціи помѣщено въ Географическихъ Извѣстіяхъ, 6 выпуска 1848 года.

закрѣлъ экспедицію Іюля 26 дня; поэтому съ 7 Іюля до закрытія экспедиціи снято только 1360 квадратныхъ верстъ.

Обратный путь по Уралу, преимущественно по восточному склону обреченносцированъ мною по возможности до восточнаго отрога *Лдита-кеу*. По окончательномъ же истребленіи заразою нѣсколькихъ оставшихся еще оленей, взятыхъ изъ кочевья, съверьяе насъ находящагося, для своа необходимыхъ вещей съ Урала, мы бросили все имущество; и 22 дня странствовали пѣшкомъ безъ дороги и проводника, по дикому, лѣсному, прерываемому тундрами и непроходимыми топями, низменному пространству, между Уральскимъ хребтомъ и р. Обью; сдѣлавъ около 200 вер. съ утомительными обходами, вышли наконецъ, 28 Августа, на р. Обь въ Остацкое село *Мужы*.

Водораздѣлъ Урала къ сѣверу, отъ высокой, многосопочной и скалистой горы *Янема-кеу*, до которой мы дошли, идетъ между истоками рѣкъ *восточной* и *западной Большой Янема*, отрогами этой горы, и далѣе малыми колѣнами, имѣя главное направленіе до сходящихся съ противоположныхъ сторонъ истоковъ рѣкъ *Малыхъ Янема*, прямо на сѣверовостокъ, и спускается въ мокрую долину. Изъ каменной сопки при южныхъ вершинахъ р. восточной Малой Янема видно, что линія раздѣленія водъ, поднявшись на другой берегъ долины, идетъ хребтомъ по каменнымъ розсыпямъ прямо по направленію 50°, т. е. N O, чрезъ сходящіяся вершины рѣкъ *западной Малой Янема* и *Мурама-Юганъ* до истоковъ р. *Нанъ-Яха*. Здѣсь она круто поворачивается на юговостокъ, по направленію 120°, и обойдя озеро, главный истокъ послѣдней рѣки, сдѣлавъ колѣно до 2 верстъ, поднимается еще нѣсколько выше по хребту въ направленіи 345° къ сѣверозападу, на довольно высокую сопку съ утесистымъ ущельемъ сѣвернаго истока р. *Нанъ-Яха*. Южное колѣно этого угла, образуемаго водораздѣломъ, называется *Машинъ* и состоитъ изъ довольно пологой возвышенности, съ разсѣянными всюду отдѣльно стоящими скалами, различными по величинѣ и виду, и отдѣляетъ истоки рѣки *Мурама-Юганъ* отъ *Нанъ-Яха*. Далѣе къ сѣверу, отъ описаннаго угла, направленіе водораздѣла 65°, слѣдуя пологамъ и широкимъ хребтомъ, отдѣляющимъ вершины р. *Нилде-Юганъ* и *Синъи*, болѣе склоняется къ востоку и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до одной изъ вершинъ *Нилде-Юганъ*, раздѣляющей

ся отъ истока р. Пиде-Юганъ высокою каменною сопкою. Къ несчастію, это протяженіе Урала, около 6 верстъ, пройдено ночью и въ значительный туманъ, чрезъ что вершины р. Сыннъ назначены болѣе по распросу.

Отъ послѣдней высокой сопки линія раздѣленія водъ значительно поворачиваетъ къ сѣверу и спускается въ широкую и болотистую долину; переходитъ ее узкимъ и едва примѣтнымъ хребтикомъ между двумя озерками, составляющими противоположно главные истоки упомянутыхъ рѣкъ Нгиде-Юганъ и Пиде-Юганъ. Далѣе же, поднявшись на другой берегъ долины, слѣдуетъ опять высокимъ хребтомъ, отдѣляющимъ истоки рѣки Хера-Юганъ, отъ верховьевъ Нгиде-Юганъ, въ прежнемъ же сѣверовосточномъ направленіи. Далѣе на сѣверъ не видно, какъ она идетъ чрезъ вершины рѣки Нялга-Юганъ, и потомъ до истоковъ рѣкъ *Лире-Юганъ* и *Коппола*, гдѣ экспедиція переходила чрезъ Уралъ. Судя по опредѣленнымъ пунктамъ мензульной триангуляціи, также и по распросамъ, линія раздѣленія водъ должна сдѣлать крутой поворотъ къ сѣверу или даже къ сѣверозападу до пункта, опредѣленнаго переходомъ экспедиціи чрезъ нее.

Въ заключеніе нужно сказать, что главное направленіе линіи раздѣленія водъ на описанномъ протяженіи, не смотря на колебанія, дѣлаемая ею, идетъ совершенно къ сѣверовостоку около 45° . Смотря къ югу съ горы *Тумболова*, находящейся почти въ 10 верстахъ прямо на западъ отъ водораздѣла, очень замѣтно это отклоненіе Урала къ сѣверовостоку; ибо можно видѣть съ боку почти весь Уралъ до широты хребта *Сабли* не на юговостокѣ, какъ бы слѣдовало, а на югозападѣ, начиная съ горы *Янемакеу*, которая представляется по направленію 200° ; самыя же южныя части, видимыя въ горизонтѣ, также и высокая пика *Сабли*, находятся по направленіямъ 235° , и 240° то есть *SWW*.

Ненужно никакихъ измѣреній и опредѣленій, чтобы убѣдиться въ болѣшемъ отклоненіи главнаго направленія Урала отъ истиннаго меридіанальнаго направленія; слѣдующее физическое явленіе подтверждаетъ это: находясь 23 Іюля, въ ясное утро, на Уралѣ, у вершинъ рѣки Малая Янема, откуда на большое пространство къ сѣверу ясно разсмотрѣть можно было Уралъ, я увидѣлъ, что восходящее солнце задолго ранѣе освѣщало западную сторону его, нежели восточную.

Западные отроги Урала, которые были видны на всемъ пространствѣ, отъ р. *Мудазы-сесты-Южесы-Юганъ* или Коппола и до горы *Янема-кеу*, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ высокой, господствующей горы *Янема-кеу* на западѣ, простираются, какъ видно, довольно вѣтвистыя и значительныя отрасли, заключающія въ долинахъ своихъ, вѣроятно, многіе истоки р. Большой западной *Янема*.

Къ сѣверу отъ нея, у верховьевъ рѣкъ Малая западная *Янема* и *Нангъ-яха*, находятся три значительныхъ каменистыхъ и обрывистыхъ горы, расположенныхъ, относительно, въ видѣ прямоугольнаго треугольника, и идущихъ многими сопками своими и скалистыми уступами и гребнями, въ сѣверовосточномъ направленіи, почти параллельно линіи раздѣленія водъ. Двѣ восточныя изъ нихъ составляютъ будто бы одинъ кражъ, прорѣзанный долиною рѣки Малой *Янема*, имѣя на западныхъ, болѣе пологихъ, своихъ склонахъ рядъ невысокихъ скалъ, въ родѣ уступовъ, параллельно самымъ кражамъ. Третья западная, на правомъ берегу означенной рѣки, примыкаетъ съ сѣвера къ высокому открытому хребту, идущему почти въ этомъ же направленіи до р. *Нгяде-Юганъ*, съ восточной же она оканчивается совершенно обрывисто.

Означенный хребетъ, къ которому примыкаетъ послѣдняя гора, отстоятъ къ западу отъ водораздѣла верстъ на 8 и прорѣзывается соединившимися истоками р. *Нангъ-яха*, образуя оканчивающимися на западѣ отрогами своими глубокую горную долину этой р. и лѣвый горный берегъ долины р. *Нгяде-Юганъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ начало нѣсколькимъ притокамъ означенныхъ рѣкъ. Далѣе же на западъ отъ него съ совершенно оканчивающимися холмообразными отраслями его, начинается лѣсистый и болотистый долъ, со многими всюду раскиданными озерами и топами. На этомъ хребтѣ и отрогахъ его видны мѣстами скалы на верху.

Между описаннымъ хребтомъ и линіею раздѣленія водъ, у вершинъ рѣки *Нангъ-яха*, выдаются отъ Урала значительные отроги.

Отъ сѣвернаго истока рѣки *Нангъ-яха*, къ сѣверо-востоку до верховьевъ р. *Нгяде-Юганъ*, тянется высокій и скалистый кражъ *Сатъ-Мони* или *Юръ-Монитъ* (въ переводѣ на Остяцкомъ и Самоѣдскомъ языкахъ значить: сто скалъ), который оканчи-

ваясь у означенной рѣки, какъ бы раздвѣивается: западный отрогъ его идетъ высокими, каменистыми краями *Нгиде-тей-кеу*, и *Тумболова-тей-кеу*, простирающихся по ту сторону рѣки Нгиде-Юганъ въ видѣ одного хребта, въ сѣверо-восточномъ направленіи, почти до вершины р. Мудазм-сесъ-Южемъ-Юганъ. Послѣдній хребъ составляетъ истоки р. Тумболова-Юганъ, которая не доходитъ до водораздѣла. За сѣвернымъ истокомъ послѣдней рѣки выдается версты 2 къ западу хребетъ параллельный хребту Тумболова-тей-кеу въ видѣ отрога, который оканчивается у самой рѣки Копполы, составляя вверхъ по этой рѣкѣ лѣвый берегъ горной ея долины.

Версты 4 восточнѣе хребта Нгиде-тей-кеу, идетъ параллельно ему другой, еще выше его, каменистый хребетъ *Гиддинъ-кеу* (названіе недостоверное), который южнымъ концемъ своимъ направляется къ р. Нгиде-Юганъ какъ бы на соединеніе къ восточному отрогу Сатъ-мони. Между названными параллельными хребтами течетъ въ южномъ направленіи одинъ изъ притоковъ р. Нгиде-Юганъ, который сходится почти съ главною вершиною р. Тумболова-Юганъ, у сопки Тумболова-тей-кеу.

Самый же водораздѣлъ Урала за послѣднимъ высокимъ хребтомъ не видѣнъ; по показанію проводника, онъ отстоитъ версты на 4 восточнѣе, и сѣверная вершина рѣки Нгиде-Юганъ обходитъ этотъ хребъ.

Кромѣ того, отъ р. Нгиде-Юганъ къ сѣверу, чрезъ верховья р. Тумболова-Юганъ и почти до р. Копполы, верстахъ въ 5 еще западнѣе явуются холмообразные отроги означенныхъ высокихъ хребтовъ, въ видѣ одного параллельнаго и не очень высокаго хребта, какъ предгорія, въ связи съ которыми находится скалистая гора *Тумболова*.

Всѣ означенные отроги западнаго склона Урала открыты и совершенно безлѣсны, даже мелкаго кустарничка не видѣется на краяхъ. Лощины и истоки рѣкъ во многихъ мѣстахъ покрыты толстымъ слоемъ снѣга, по показанію Остяковъ, нарастающаго даже въ самое жаркое лѣто. Въ глубокихъ долинахъ рѣкъ: Нгиде-Юганъ, Нангъ-яха и Малой Янема, начинается лиственничный лѣсъ, который впрочемъ не поднимается въ горы далеко и версты 8 не доходитъ до водораздѣла.

Восточные же отроги Урала, сколько удавалось видѣть, высоки и простираются довольно далеко; рѣки этого склона отъ

истоковъ почти сейчасъ текутъ въ глубокихъ горныхъ долинахъ. По долинѣ р. Пиде-Юганъ, вдоль праваго берега главного потока, тянется рядъ скалистыхъ сопокъ, примыкающихъ къ высокому и также скалистому хребту, составляющему правый берегъ этой долины.

Между верховьями рѣкъ: Мурома-Юганъ и восточною Большою Янема, видны параллельно Уралу два высокихъ скалистыхъ края: ближній верстахъ въ 5 отъ него, второй дальній отстоитъ верстъ на 8; за нимъ восточнѣе ничего уже не видно; къ сѣверу, кажется, въ продолженіе его, тянется гелый, также высокій каменный хребетъ. Эти края едва ли не выше главного хребта, исключая горы Янема-кеу, господствующей на обзорѣнномъ пространствѣ; отъ нея къ югу Уралъ еще возвышается. Вѣтви самаго Урала, между ближнимъ изъ означенныхъ параллельныхъ краевъ, представляются отдѣльными, довольно высокими продолговатыми горами, имѣющими направленіе параллельно линіи раздѣленія водъ.

Вообще отроги Урала отъ Янема-кеу, по западному склону до рѣки Нангъ-яха, по восточному почти до р. Пиде-Юганъ, представляются грядами открытых и каменныхъ горъ. Судя по мензуральной треоугуляціи, восточные отроги простираются далѣе западныхъ по долготѣ. У рѣки Нгяде-Юганъ, кажется, опять западные отроги гораздо длиннѣе, и возвышаются въ особенности края: Сатъ-Мони и другіе сѣвернѣе. При верховьяхъ р. Лире-Юганъ, восточные далеко превосходятъ западные отроги, имѣя широкія предгорія.

Рѣки *восточная и западная Большая Янема* (Унъ-Янема-Юганъ) берутъ противоположно одна другой начало изъ горы Янема-кеу многими истоками; первая имѣетъ направленіе сначала юговосточное, около 10 верстъ, далѣе же по выходѣ изъ горной долины, кажется, поворачивается на югъ. Вершины и первоначальное на правленіе р. западной Большой Янема, ни откуда не были видны, исключая дальнее направленіе ея, на низменномъ и болотистомъ долѣ, можетъ-быть верстахъ въ 20 отъ истоковъ.

Рѣки *восточная и западная Малая Янема* (Ай-Янема-Юганъ) главными верховьями своими сходятся въ болотистой долинѣ. Первая отъ истока своего течетъ по этой же долинѣ незначительными извилинами почти на югъ, принявъ съ правой

стороны изъ обрывистыхъ снѣжныхъ лошинъ два значительные притока, впадаетъ вереть чрезъ 7 въ рѣку Большую Янема съ лѣвой стороны.

Вторая же западная Малая Янема, отъ вершины своей увеличиваясь многими притоками, пробирается по глубокой обрывистой долинь, между тремя значительными и скалистыми горами, въ сѣверозападномъ направленіи около 7 верстъ, потомъ дѣлаетъ лукою поворотъ прямо къ сѣверу и, выйдя изъ горной долины, верстъ чрезъ 5 впадаетъ въ рѣку Нангъ-яха, съ лѣвой стороны; по послѣднему направленію описываемой рѣки начинается разбросанный лиственный лѣсъ, который ниже по р. Нангъ-яха дѣлается уже сплошнымъ.

Рѣка *Нангъ-яха* беретъ начало многими истоками изъ глубокихъ ущельевъ западнаго склона Урала; нѣкоторые же притоки ея изъ отроговъ и не доходятъ до линіи раздѣленія водъ. По соединеніи послѣдней вершинки съ правой стороны рѣки Нангъ-яха, входитъ въ довольно глубокую и широкую горную долину, покрытую разбросанною лиственницею. До мѣста перехода чрезъ нее она неширока, и мѣстами берега ея обрывисты и каменисты; по выходѣ изъ означенной долины, впадаетъ съ лѣвой стороны въ нее рѣка западная Малая Янема. Отсюда далѣе къ западу почти оканчиваются отрасли Уральскихъ горъ, и р. Янема идетъ далѣе почти прямо въ западномъ направленіи по лѣсистому и болотистому долу, гдѣ впослѣдствіи впадаетъ въ р. Большую Янема, съ правой стороны.

Рѣка *Мѣурома-Юганъ*, впадающая въ р. Синюю съ правой стороны, имѣетъ начало изъ Урала, противъ истоковъ рѣкъ Малой западной Янема и Нангъ-яха, изъ значительной снѣжной лошины, течетъ по глубокой наменистой долинь параллельно р. восточной Малой Янема около 5 верстъ; далѣе же круто поворачиваетъ прямо на востокъ и совершенно отходитъ отъ р. Большой Янема, и на этомъ послѣднемъ направленіи, кажется, соединяется съ сѣвернымъ истокомъ своимъ, доходящимъ также до линіи раздѣленія водъ.

Вершины рѣки *Синь* (Синя-Юганъ) назначены болѣе по распросу, ибо это мѣсто Урала, на возвратномъ пути, было пройдено ночью.

Рѣка *Нгаде-Юганъ* (Гвѣдингъ-Юганъ) имѣетъ начало изъ самаго Урала, и многими истоками, которые далеко вдаютъ-

ся на востокъ въ горы; главная же вершина ея изъ маленькаго озерка въ болотистой долинь, которое отдѣляется узкимъ хребтикомъ отъ другаго озерка, составляющаго противоположно главный истокъ р. Пиде-Юганъ; другія же вершины ея сѣвернѣе сходятся на линіи раздѣленія водъ съ истоками р. Хера-Юганъ и будто бы подходятъ къ вершинамъ р. Няга-Юганъ и раздѣляются одною горою отъ истока р. Лире-Юганъ и въ южномъ направленіи, обходя высокій каменистый кряжъ, идущій параллельно хребту Тумболова-тей-кеу, выходятъ по ущелью, между первымъ кряжемъ и Сатъ-мони, скалистымъ хребтомъ въ западномъ направленіи, гдѣ, принявши съ правой стороны еще одинъ притокъ, идущій между означенными параллельными хребтами отъ высокой сопки Тумболова-тей-кеу, выходятъ изъ горныхъ хребтовъ, слѣдуетъ по довольно глубокой и широкой долинь своей и, принявши еще нѣсколько притоковъ, верстъ чрезъ 5 отсюда, становится уже большею рѣкою, шириною съ островами отъ 20 до 60 сажень, глубиною мѣстами до 3 футовъ, не камениста; теченіе довольно быстрое; броды для нартъ глубокие и не вездѣ возможны. По долинь ея разбросанъ лѣственничный лѣсъ, который, по правому берегу, поднимается довольно высоко, въ особенности по лощинамъ идетъ почти на самый верхъ; лѣвый же берегъ долины, подверженный вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, совершенно открытъ, даже мелкой березки не имѣется на немъ. Верстъ чрезъ 15, по выходѣ ея изъ горъ, видно, что начинается сплошной лѣсъ по ней. Няга-Юганъ впадаетъ въ Большую западную Янема (по распросу).

Рѣка *Тумболова-Юганъ*, не доходя до линіи раздѣленія водъ, беретъ начало изъ каменнаго кряжа Тумболова-тей-кеу, тремя истоками; главная же вершина даже вдается въ этотъ кряжъ и выходитъ изъ глубокаго ущелья; версты чрезъ 3, соединившись съ двумя другими истоками, становится довольно значительною рѣкою и, прорвавшись изъ предгорія, течетъ почти въ западномъ направленіи, по открытой и пологой долинь своей, имѣя мѣстами обрывистыя мысы до крутаго заворота ея на сѣверъ; отсюда начинается по ней лѣсъ и недалеко, кажется, впадаетъ въ нее съ правой стороны большой притокъ ея (безымянная рѣчка), имѣющій начало изъ этого же кряжа и на всей длинѣ теченія своего имѣетъ направленіе параллельное описываемой рѣки. Рѣ-

ка Тумболова-Юганъ довольно быстра, но мелка и камениста, и броды для нартъ удобны.

Рѣки *Пиде-Юганъ* (Паради-яха) главный истокъ вытекаетъ изъ озера, въ болотистой долинѣ ея находящагося, противоположно главному истоку рѣки Нгяде-Юганъ, отдѣляющихся одинъ отъ другаго едва примѣтнымъ хребтомъ; другая вершина выходитъ изъ горнаго ущелья и, кажется, также доходитъ до линіи раздѣленія водъ. Верстъ 6 она течетъ по глубокой и широкой долинѣ своей почти прямо на югъ и, принявши нѣсколько притоковъ, становится довольно широкою; дальнѣйшее ея направленіе до впаденія въ р. Синью неизвѣстно.

Рѣка *Хера-Юганъ* вершинами своими отдѣляется однимъ хребтомъ отъ сѣверныхъ истоковъ р. Нгяде-Юганъ, и имѣетъ направленіе прямо на востокъ; по соединеніи съ истокомъ, сходящимся съ притокомъ р. Пиде-Юганъ, она входитъ въ широкую и открытую горную долину, берега которой, хотя не очень высоки, но покрыты по склонамъ каменными розсыпями, простирающимися до самой рѣки. Отъ розсыпей путь по берегамъ неудобнопроходимъ и самая рѣка мелка, и до горы Лопта-кеу вездѣ есть на ней броды для нартъ; далѣе она болѣе склоняется къ югу и идетъ на соединеніе съ р. Синью. Верстахъ въ 20 отъ истока, на правомъ берегу этой рѣки, похороненъ находившійся при экспедиціи горный мастеровой Павелъ Вакиновъ, сдѣлавшійся жертвою свирѣпствовавшей язвы.

Между рѣками Хера-Юганъ и Лире-Юганъ имѣетъ начало изъ восточнаго склона рѣка *Няли-Юганъ* (Нялькевъ), впадающая въ р. Войкаръ, и которая, говорятъ, сходится съ вершинами означенныхъ первыхъ рѣкъ и съ сѣвернымъ истокомъ р. Нгяде-Юганъ.

Рѣка *Лире-Юганъ* беретъ начало изъ самаго Урала, гдѣ главная вершина ея отдѣляется отъ истока рѣки Мудазн-сесь-Южемъ-Юганъ (текущей на западъ въ р. Ленву), весьма малою каменною сопкою. Первоначально она течетъ прямо на востокъ около 7 верстъ, дѣлая незначительныя извилины. Версты чрезъ 2, по этому направленію, она входитъ въ скалистое горное ущелье, гдѣ быстро пробирается по порогамъ и камнямъ около 5 верстъ, соединившись потомъ, съ правой стороны, съ другимъ своимъ истокомъ, который вѣроятно тоже доходитъ до линіи раздѣленія водъ и, говорятъ, недалеко отстоитъ

отъ сѣвернаго востока Нгаде-Юганъ и вершинъ р. Нальга-Юганъ. Далѣе она поворачивается на юговостокъ, вступая въ горную долину, и слѣдуетъ въ этомъ направленіи (мимо астрономическаго пункта, въ глубокой долинѣ рѣчки, впадающей съ правой стороны) около 3 верстъ. потомъ опять принимаетъ направленіе прямо восточное до горы *Хулемъ-лары-кеу*, на правомъ берегу. Здѣсь она, при выходѣ изъ горной долины своей, дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ, далѣе же принимаетъ направленіе сѣверовосточное до р. Пирбе-Юганъ, впадающей съ лѣвой стороны.

На описанномъ протяженіи ширина этой рѣки съ островами и протоками доходить мѣстами до 60 и болѣе саж. и совершенно неудобна для плаванія даже въ малыхъ лодочкахъ, какъ по порогамъ, такъ по мелкой и быстро пробирающейсѣя между камнями водѣ. По показанію туземцевъ, отъ означенной рѣки Пирбе-Юганъ, внизъ до впаденія ея въ Войкаръ, она также невозможна для плаванія. Во время лѣта, въ обыкновенную воду, плыютъ на ней во многихъ мѣстахъ броды для нартъ. Разбросанный по долинѣ ея лѣсъ начинаетъ уменьшаться по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ рѣки, подходя къ устью верхняго притока ея; встрѣчается еще кое-гдѣ раскиданная мелкая береза и рѣдко лиственница; далѣе же вверхъ за означеннымъ истокомъ совершенно прекращается.

Рѣка *Коппола* или *Мудазу-сесъ-Южсемъ-Юганъ*, плывущая начало противъ востока р. Лире-Юганъ, описанной выше, сперва течетъ маленькими колѣнами прямо на сѣверъ около 2½ верстъ; по выходѣ же изъ горной долины, она принимаетъ направленіе сѣверозападное и слѣдуетъ прямо, довольно быстро, между безлѣсными и отлогими своими берегами, плывя мѣстами каменные притесы и выдающіеся мысы.

III.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА,

ВЕДЕННАГО ВЪ ЮЖНОМЪ ОТРЯДѢ УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1848 Г.

Въ дополненіе къ сдѣланному мною топографическому описанію части Уральскаго хребта, сятаго въ 1848 году, неизлишнимъ считаю приложить извлеченіе изъ моего дневника, для болѣе подробнаго показанія обстоятельствъ, въ которыя мы были поставлены свирѣпствовавшею въ это лѣто на Уралѣ язвою, встребившею всѣхъ оленей, чрезъ что мы не могли достигнуть цѣли, оставя неосмотрѣннымъ и неслытымъ протяженіе Урала около 150 верстъ по широтѣ.

29 *Іюня 1848 года.* На Уралѣ подѣ 66° сѣверной широты, при рѣкѣ *Копполь* или *Мудазы-сестъ-Іожемъ-Іоганъ*, экспедиція раздѣлилась на два отряда, сѣверный и южный. Послѣдній нашъ отрядъ, подѣ начальствомъ Стражевскаго, сдѣлалъ переходъ къ югу, отъ пункта раздѣленія экспедиціи, на гору *Тумболова*.

30 *Іюня.* Оставались на мѣстѣ для того, чтобы я могъ измѣрить базисъ и начать основательную мензульную триангуляцію, которую предполагалъ продолжать потомъ непрерывно на всемъ протяженіи по Уралу до окончательнаго пункта горы *Космъ-неръ*. Производство такой триангуляціи мензулою болѣе затруднительно и неуспѣшно по недостатку времени и средствъ, нежели опредѣленіе какимъ нибудь малымъ инструментомъ астрономическихъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, я не былъ снабженъ подобнымъ инструментомъ, по непредвидѣнному раздѣленію экспедиціи въ 1848 году, поэтому долженъ былъ, для болѣе точ-

вой связи маршрутовъ, употреблять мензулу, не смотря на всѣ затрудненія.

4 Июля. Перешли чрезъ рѣку *Тумболова-Юганъ* къ рѣкѣ *Няде-Юганъ*. Съ 1 по 9 число, погода до такой степени была ненастная, что не было никакой возможности защититься отъ непрерывныхъ почти дождей, съ грозой по временамъ. Мы не могли подвигаться впередъ и по случаю сильнаго тумана, которыми все пространство было обнато въ продолженіе этого времени, такъ что кромѣ мѣста, гдѣ мы находились, ничего не было видно кругомъ. Поэтому мы принуждены были на мѣстѣ ожидать пока хотя нѣсколько прояснится, чтобы на пути что нибудь могли осмотрѣть. Въ надеждѣ, что погода сдѣлается лучше, мы обманывались; одинъ день замѣнялся другимъ болѣе или менѣе ненастнымъ.

9 Июля. Къ радости нашей погода прояснилась, и даже вершина высокой сопки *Тумболова-тей-кеу*, при истокѣ рѣки *Тумболова-Юганъ*, освободилась отъ облаковъ, которыми она была обната долѣе всѣхъ окрестныхъ горъ. Не тратя нисколько времени, майоръ Стражевскій и я, съ проводникомъ и талмачемъ, поѣхали на 3 нартахъ на означенную сопку, отстоявшую отъ лагеря верстъ на 10, и которая по показанію проводника должна была находиться на линіи раздѣленія водъ. Около 3 часовъ мы ѣхали, или лучше мучились съ оленями: на этихъ 10 верстахъ комары и оводъ сильно свирѣпствовали послѣ ненастья; олени падали, рвали упряжь и кружились. Кос-какъ добрались наконецъ до подошвы кряжа, и потомъ, не безъ труда, поднялись на верхъ съ инструментами (я бралъ и мензулу), по крутому и каменистому склону его. Только что успѣли взобраться, какъ облака, съ востока занесимыя, опять обняли насъ и окрестныя горы, такъ что промежутками можно было видѣть только одинъ долъ, гдѣ соединялись истоки р. *Тумболова-Юганъ*. Мы не могли ничего узнать отъ проводника о направленіи и составныхъ частяхъ водораздѣла, только видно было, что истоки р. *Няде-Юганъ*, текущей на западъ же, сходятся съ вершинами *Тумболова-Юганъ*, изъ чего заключили, что этотъ кряжъ не составляетъ линіи раздѣленія водъ, какъ онъ казался, и что р. *Тумболова-Юганъ* беретъ начало не изъ самаго Урала, а изъ его отрога.

Тщетно прождали мы нѣсколько часовъ, не прояснится ли небо;

облака сильно неслись чрезъ горы, и наконецъ начало уже темнѣть. Къ 11 часамъ вечера мы спустились съ горы къ оленямъ и поѣхали обратно въ лагерь. Такимъ образомъ поѣздка была неудачна и трудъ нашъ не вознагражденъ успѣхомъ.

Съ 10 на 11 число. Ночью, воспользовавшись нѣсколько благоприятною погодою, перейдя довольно глубокимъ бродомъ р. *Ниде-Юганъ*, сдѣлали переѣздъ на южный притокъ этой рѣки.

11 *Юля*. Оставались на мѣстѣ послѣ ночнаго перехода. Я занимался съемкою и трангуляціею по окрестнымъ горамъ, а Стражевскій отправился на скалистый кряжъ *Сатъ-Мони*, опредѣленный мною издали, съ тѣмъ, чтобы обозрѣть ливню раздѣленія водъ, которую мы не видѣли уже отъ Коппола, перехода чрезъ Уралъ. Погода благоприятствовала днемъ, а ночью была очень туманна, поэтому онъ не могъ возвратиться въ лагерь ранѣе утра слѣдующаго дня.

13 *Юля*. Мы не могли сдѣлать перехода болѣе 10 верстъ чрезъ рѣку *Нанъ-аха* къ южнымъ верховьямъ ея, по затруднительной мѣстности каменныхъ отроговъ западнаго склона Урала. Олени подъ транспортомъ выбивались изъ силъ, безжалостно мучимые комарами и оводами. Подрядчикъ и хозяинъ нашихъ оленей, Березовскій уроженецъ, Василій Усковъ, съ однимъ Остякомъ были того же числа вечеромъ отправлены нами для отысканія ближайшаго кочевья Остяцкаго, чтобы имѣть въ виду замѣнить изнуренныхъ оленей свѣжими, въ случаѣ надобности, и купить отъ нихъ сколько нибудь хлѣба, муки или сушеной рыбы; ибо наши сухари, взятые на три недѣли, уже истощались, а пунктъ, гдѣ приготовлена была провизія на Уралѣ, отстоялъ отъ насъ еще болѣе 60 верстъ; до него мы не надѣлись скорѣе добраться, по чрезвычайной слабости оленей. Продолжительное невѣстье, потомъ сильное комарное и оводное время (*), препятствовали оленямъ расходиться для корма. Стадо наше, до 400 оленей съ телатами, по цѣлымъ суткамъ почти постоянно лежало и сжималось вмѣстѣ близъ чума. Нужно представить себѣ только, какъ это множество комаровъ беспокоитъ нѣжнаго оленя, ливающаго въ это время года: сплошною массою

(*) Такъ называется время года и дня, въ которое преимущественно свирѣпствуютъ эти наѣкомыя.

они покрываютъ все его тѣло; отъ укушенія овода течетъ кровь.

Съ оленями мы должны были обходиться какъ съ больными. Когда нужно было дѣлать значительный переходъ, то запрягая ихъ, нужно было соображаться съ тѣмъ, ѣли ли они ночью или нѣтъ, также съ состояніемъ температуры и проч. Въ полдень необходимо было всегда переждать самую жару, ибо въ это время сильнѣе свирѣпствовалъ оводъ. На пути олени при малѣйшей остановкѣ сейчасъ ложились, и потомъ трудно было поднимать ихъ. Не говоря уже о томъ, что мы сами притерпѣвали отъ этихъ насѣкомыхъ, мы затруднялись скучнымъ и медленнымъ поѣздомъ нашего обоза. Сами туземцы удивлялись этому незапамятному множеству комаровъ, какое было лѣтомъ 1848 года; они приписывали это рѣдкой теплотѣ прошлой зимы. Вспомнивъ совѣты нѣкоторыхъ, будто комары не терпятъ смоляной запахъ, мы вымазали платки дегтемъ и покрывали по возможности ими лицо; но ничего не помогало,—комары роemъ льюли къ намъ.

14-го Юля. Подрядчикъ возвратился съ двумя Остяками изъ отысканнаго имъ чума въ верстахъ 20 сѣвернѣ насъ на Уралѣ, при вершинѣ р. *Пиде-Юдианъ*. Въ стадѣ у насъ палъ олень. Обстоятельство замѣчательное тѣмъ, что съ этого числа появилась язва.

15-го Юля. По собраніи свѣдѣній отъ пришедшихъ Остяковъ, майоръ Стражевскій одинъ поѣхалъ въ ихъ кочевье, какъ для сдѣланія распоряженія относительно продовольствія, такъ и для того, чтобы осмотрѣть ту часть Урала, которая осталась въ сторонѣ отъ насъ. Въ этотъ день пало 3 оленя, 16-го числа еще 4. Замѣтивъ съ 14-го числа постепенно увеличивающійся падежъ оленей, мы поспѣшили скорѣе перемѣнить мѣсто, опасаясь заразы.

17-го Юля. Къ ночи перешли на вершину р. *Малой западной Яныма*. У насъ почти вдругъ пало еще 7 оленей.

Съ 18 по 22 число. Пробыли на мѣстѣ. Въ эти дни былъ совершенный бурянь: проливной дождь съ грозой, и сильнѣй вѣтеръ кружилъ и нѣсколько разъ валилъ и рвалъ нашу палатку, такъ что мы по очереди спали. Все время термометръ показывалъ + 2°; олени начали сильно валиться во время ненастья. 18 числа пало ихъ 10.

19-ю Юля. Язва начала еще сильнѣе дѣйствовать: въ эти сутки пало 37 оленей, и большею частію ѣзжалыхъ, т. е. изъ годныхъ въ упряжь.

20-ю Юля. Погода не поправлялась. Утромъ толмачъ нашъ (*) на вопросъ маіора Стражевскаго о состояніи стада, отвѣчалъ: «Остатки счетъ матерьяла уже падали, и перестали даже шкуры сдирать Ваше Высокоблагородіе». Маіоръ приказалъ перегонять стадо съ мѣста на мѣсто, дабы около упавшихъ оленей не заражались и здоровые; но это не помогало: около валяющихся всюду пропавшихъ оленей и даже раздѣтыхъ уже, лежали или бѣгали телята, отыскивая матокъ, или послѣднія около своихъ телятъ, и вскорѣ, зараженные сами, тутъ же падали. Лишь перегонять стадо, пролежавшее около часа на мѣстѣ, на другое, 5, 6 оленей уже не встанутъ.

Въ первые дни падежа, проводники наши, Остатки и Самоѣды, не только снимали шкуры, но съ жадностію употребляли и въ пищу мясо. Предвидя сильную заразительность отъ этого, мы запрещали имъ не только ѣсть, даже и раздѣвать павшихъ оленей; но они не могли удержаться отъ этого, и украдкою или ночью продолжали свое, разсуждая: «гдѣ это слыхано, чтобъ отъ оленьей болѣзни умиралъ человѣкъ!» Даже два Самоѣда уже сильно заболѣли, и это не могло ихъ удержать. Впрочемъ, нельзя и удивляться ихъ невѣжеству, ибо такая язва только еще въ первый разъ у нихъ появилась; а они привыкли поступать такимъ образомъ въ обыкновенныхъ случаяхъ незначительнаго падежа оленей, отъ боли копытъ и другихъ незлокачественныхъ болѣзней.

Омерзительно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалко смотрѣть на жадность, съ какою они, переходя отъ одного павшаго оленя къ другому, стѣбаютъ лакомыя по ихъ вкусу части. Женщины по цѣлымъ днямъ просяживаютъ за раздѣтыми оленями, какъ звѣри, занимаясь обычною работою своею, вытягивая зубами жилы для нитокъ и безъ всякаго при томъ отвращенія, не разбирая, когда палъ олень. Они насушили себѣ въ первые дни большой запасъ оленьихъ.

Нельзя было видѣть предварительно никакихъ наружныхъ

(*) Кондинскій крестьянинъ.

признаковъ болѣзни скота, чтобы отдѣлять больныхъ оленей отъ здоровыхъ: вдругъ опухаетъ языкъ, горло или животъ, и вскорѣ въ сильныхъ конвульсіяхъ начинается изводитьсь животное. Пробовали нѣкоторымъ больнымъ оленямъ вливать въ горло спирта съ табакомъ, нашатыремъ или съ порохомъ и пускать кровь изъ ноги, но ничего не помогало. Зараза распространилась и на собакъ, которыя ѣли падаль: у нихъ тоже опухало горло и появлялись прочіе припадки, какъ у оленя.

Въ теченіе цѣлаго дня дождь и вѣтеръ не переставали бушевать, безпокая насъ донельзя, и наводили уныніе среди трудныхъ обстоятельствъ нашихъ. Подраччикъ, видя быстрое уничтоженіе своихъ оленей, составлявшихъ все имущество его, съ озабоченнымъ видомъ и въ отчаяніи выпросилъ у насъ кусокъ восковой свѣчи и пошелъ въ чумъ свой. Черезъ полчаса слуга нашъ (*), входя въ палатку къ намъ, сказалъ: «Василій Васильевичъ какую-то Божественную книгу читаетъ вслухъ, можетъ Богъ дать къ завтраму не проведрится ли, и олени перестанутъ падать. Дай-то Господа Истинный Христосъ!» По слѣднія слова его сопровождался крестнымъ знаменіемъ.

Суевѣрные Остяки и Самоѣды разсуждали по своему: «это вѣрно уже такое мѣсто пропащее; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ вѣрно чумъ когда нибудь стоялъ. Старики сказывали, если чумъ поставится на старое мѣсто, то уже не миновать бѣды. Это вѣрно!» Въ отвращеніе дальнѣйшаго бѣдствія, они говорили, что «нужно непременно заколоть бѣлаго здороваго оленя въ жертву; *потомъ шерстью его окуритъ стадо*». Мы только и ждали, чтобы погода нѣсколько стихла, и могли бы перейти съ этого вистинно *пропащаго мѣста*.

24-ю Іюля. Ночью лилъ сильный дождь. Утромъ пастухи сказывали намъ: «уже мало осталось живыхъ оленей; если не вѣрите, посмотрите сами». И дѣйствительно, ночью былъ страшный валежъ скота! Пополудни вѣтеръ стихъ и погода начала проясняться. Мы не могли на своихъ оленяхъ перейти съ этого отвратительнаго мѣста, не пѣлъ болѣе 20 оленей, оставшихся изъ 200 ѣзжалыхъ, остальные же все мелочь, или небывшіе еще въ упряжѣ.

(*) Горный мастеровой.

Нужно было снова послать въ отысканный чумъ взять оттуда хотя 30 оленей подъ необходимый транспортъ, чтобы только добраться до пункта, гдѣ были приготовлены наши припасы.

22-го *Юля*. Погода была хорошая, теплая и безъ вѣтра; комары, вопреки нашимъ расчетамъ, не уменьшались отъ прошедшаго ненастья, но всѣ ожили и, кажется, еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ ѣли насъ. До полудня мы не могли дожидаться посланнаго за оленями съ вѣстію, отъ которой зависѣлъ планъ дальнѣйшаго нашего путешествія. Вечеромъ подрядчикъ возвратился только съ 10 оленями, и то Остатки отпустили ихъ не иначе, какъ съ условіемъ, въ случаѣ падежа, заплатить за каждаго по 15 рублей ассигнаціями. Въ этомъ кочевьѣ, сѣвернѣе насъ, зараза начала уже дѣйствовать.

Къ 11 часамъ вечера, вскорѣ по приведеніи оленей, начали приготовляться къ ночному переходу на другое мѣсто далѣе къ югу. Собственно нашихъ оленей, годныхъ еще въ упряжь, оказалось только 12 изъ 200 ѣзжалыхъ. Мы бросили менѣе нужныя вещи и расколотили лишніе ящики, уменьшили кладъ изъ 15 нартъ до того, что уложили все на 7 нартахъ, запряженныхъ по 2 и по 3 оленя. Сами увѣсились инструментами и сумками, люди повесили на плечахъ по вязанкѣ дровъ изъ расколоченныхъ ящиковъ и нартъ, ибо лѣсъ отстоялъ верстъ на 15 и болѣе отъ склона Урала, почему добываніе топлива было затруднительно.

Безъ оглядки мы спѣшили отъ этого мѣста, оставляя за собою до 300 валяющихся оленей въ самомъ отвратительномъ видѣ, и толпу едва переставляющихъ ноги хворыхъ оленей и малыхъ телятъ при чумѣ съ больными самоѣдами и семействомъ ихъ. Не было уже столько оленей, чтобы перевести и чумъ этотъ на другое мѣсто. Къ тому же мы не нуждались уже въ столькихъ работниковъ-проводникахъ, по случаю совершенной потери оленей; каждый лишній человекъ уже затруднялъ дальнѣйшее путешествіе относительно продовольствія.

23-го *Юля*. Перейдя въ 2½ часа ночи чрезъ Уралъ, транспортъ остановился вскорѣ лагеремъ на рѣкѣ *восточной Малой Янемы*, а мы съ майоромъ Стражевскимъ продолжали путь свой еще версты 4 далѣе по ливніи раздѣленія водъ на одну изъ сопкокъ *Янема-кёу*, гдѣ онъ дѣлалъ по обыкновенію барометриче-

скія и геогностическія наблюденія, а я въ это время обрекогно-сцировалъ окрестности. Къ 5 часамъ утра мы спустились съ сопки и пошли въ лагерь.

Несмотря на усталость ночного перехода и ходьбы на означенную гору для наблюденій, майоръ Стражевскій нисколько немедленно собралъ оленей и, въ сопровожденіи подрядчика нашего, толмача и одного проводника, на трехъ нартахъ и со всѣми оставшимися живыми 18 оленями, отправился къ югу по Уралу до горы *Тонабе-нѣлз*, гдѣ надѣялся отыскать приготовленную зимою провизію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать распоряженіе сообразно обстоятельствамъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ, оставя меня въ лагерѣ со всѣмъ имуществомъ экспедиціи при двухъ горныхъ мастеровыхъ. Отправляясь на неопредѣленное время, онъ раздѣлилъ всѣмъ поровну сухари, фунта по 1½ каждому, взявъ себѣ такую же часть, по горсти крупы и соли.

Уѣзжая онъ говорилъ мнѣ, что если зараза не истребила оленей на Уралѣ южнѣ насъ, куда лежалъ нашъ путь, то, безъ особыхъ затрудненій, мы можемъ проѣхать, нанимая оленей отъ кочевья до кочевья. Въ противномъ же случаѣ, если найдеть уцѣлѣвшихъ отъ язвы хотя нѣсколько оленей, достаточныхъ для 2 нартъ, подъ провизію и необходимыя вещи, то оставить до зимы въ первомъ же кочевьѣ нашихъ двухъ слугъ, горныхъ мастеровыхъ, надѣля ихъ провизіею, которую предполагалъ навѣрное отыскать и бросить всѣ вещи, и только вдвоемъ со мною, съ однимъ проводникомъ и толмачемъ, пройдетъ непосредственно порученную ему дистанцію Урала во что бы не стало. Добравшись же до вершинъ Сыгвы, мы должны были встрѣтить кочевье богатаго Остяка *Тѣбина*, который могъ бы свезти насъ потомъ на отдѣльный хребетъ *Саблю* (*) и до деревни Оранца на Печорѣ.

Въ случаѣ же общаго и повсемѣстнаго падежа, мы имѣли намѣреніе, хотя на этихъ же оленяхъ, если возможно будетъ, обратиться за *Тонабе-нѣлз*, гдѣ, запасшись провизіею, сколотить себѣ плоты и спуститься по р. Сыгвѣ.

(*) Отдѣльный высокій краѣ на западною сторону, параллельно Уралу, верстахъ въ 40 отъ онаго. Господствующая вершина простирается до 6000 футовъ надъ поверхностію моря по опредѣленію Ковальскаго.

Эти планы давали возможность намъ обозрѣть почти всю порученную часть до горы *Космъ-нѣръ*, также и я могъ бы сдѣлать хорошую рекогносцировку этой части Уральскаго хребта, тѣмъ болѣе, что еще съ горы *Тумболова* я видѣлъ почти весь Уралъ съ боку до широты *Сабли* и взялъ, кромѣ магнитныхъ азимутовъ, ихъ направленія мензулою. Съ высокой горы южный *Пай-яръ* или *Вой-Халди*, на Уралѣ, на половинѣ всего предстоящаго пути, мы надѣялись, по показанію проводника, увидѣть всю южную часть Урала, къ сѣверу и югу. Кромѣ того высокая вершина *Сабли*, опредѣленная Ковальскимъ астрономически, служила бы мнѣ хорошимъ пунктомъ для боковыхъ пересѣчекъ на всемъ протяженіи пути нашего.

Къ полудню поднялся порядочный сѣверозападный вѣтеръ, обрадовавшій насъ облегченіемъ нѣсколько свѣрѣлость и комфорта для оленей и ускореніемъ тѣмъ пути Стражевскаго. Къ 5 часамъ вечера погода испортилась, вѣтеръ сдѣлался порывистымъ и пошелъ сильный дождь; я приготовился встрѣтить ненастье, съ которымъ мы уже свыклись на негостепріимномъ сѣверномъ Уралѣ. Почти всю ночь продолжался ливень и промочилъ нашихъ путниковъ, поѣхавшихъ налегкѣ и ночевавшихъ подъ открытымъ небомъ безъ палатки, на голомъ и безлѣсномъ Уралѣ.

24 *Юля*. Воспользовавшись до полудня нѣсколько благопріятною погодою, я выходилъ окрестности съ мензулою не безъ малага труда; былъ на двухъ ближнихъ сопкахъ.

Часа въ 4 пополудни, опять поднялась буря, вѣтръ грозилъ унести палатку нашу со всѣми колыями и шестами; мы прикрѣпляли и суетились подъ дождемъ и грозю, какъ моряки во время шторма; ливень продолжался почти всю ночь. Изъ оставленнаго чума нашего пришелъ Самоѣдъ съ извѣстіемъ ко мнѣ, что Остякъ работникъ Ускова померъ, послѣ двухдневной болѣзни.

25 *Юля*. Около 3 часовъ утра, неожиданно возвратился майоръ Стражевскій со своими спутниками нѣшкомъ, везя только на 3 уцѣлѣвшихъ оленяхъ кулъ сухарей, нѣсколько крупы и прочей мелочи. Озабоченный и изнуренный видъ его не обѣщали радостной вѣсти.

Найденная имъ провизія хотя и казалась утѣшительною для насъ, но неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя мы были поставлены заразою, заставили призадуматься. Къ югу

отъ насъ на всемъ протяженіи Урала, куда лежалъ путь нашъ, не осталось ни одного живаго оленя: всѣ были истреблены уже язвою. Сами Остяки въ чумахъ, тоже почти на половину померли, или были жестоко больны. Эпидемія шла довольно быстро съ юга на сѣверъ, на встрѣчу намъ, и замѣчательно, что, съ приближеніемъ къ сѣверу, она дѣйствовала гораздо слабѣе и медленнѣе, какъ это видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній:

Къ 14 Іюля, когда только что появилась у насъ въ стадѣ язва, чрезъ полградуса южнѣе насъ въ пяти кочевьяхъ, верстѣ на 10 одна отъ другой простиравшихся далѣе къ югу, зараза успѣла истребить уже всѣ стада до 8 тысячъ, въ продолженіе какихънибудь 10 дней. У насъ же съ 14 по 25 число, т. е. въ теченіе 11 дней, истребила стадо, состоявшее не болѣе какъ изъ 400 головъ.

Въ кочевьѣ на р. *Пиде-Іоанъ*, верстѣ 20 сѣвернѣе насъ, она появилась почти 5 днями позже нашего и дѣйствовала значительно медленнѣе, чѣмъ у насъ.

Еще же сѣвернѣе этого, какъ впоследствии оказалось, у верховья р. *Войкара*, въ стадѣ изъ 500 оленей, зараза не истребила и половины, далѣе же этого мѣста въ глубину сѣвера уже не проникала эпидемія; почему сѣверный отрядъ экспедиціи благополучно дошелъ до Ледовитаго моря, удаляясь болѣе и болѣе отъ заразы, а нашему южному отряду нужно было идти на встрѣчу ей.

Къ горѣ *Тонабе-нѣмъ* за провизіею ѣхали почти цѣлыя сутки безостановочно, не смотря на сильно ненастную погоду и усталость отъ путешествія прошедшаго дня; наконецъ, къ общей радости ихъ, они вдругъ увидѣли вдали четыре чума и лежащее на снѣгу огромное стадо оленей; они рѣшились дать отдыхъ выбившимся изъ силъ оленямъ, и между тѣмъ подкрѣпить себя хотя кратковременнымъ сномъ, не спавши двое сутокъ, не обращая вниманія, что нечѣмъ было укрыться отъ проливнаго дождя.

Къ утру 24 числа оказалась только половина живыхъ оленей изъ 18, на которыхъ наканунѣ выѣхали. Они и не тужили много объ этой потерѣ, увидя богатое кочевье впереди. Поѣхали версты 4 далѣе, олени вдругъ испугались, наѣхавъ на павшихъ, которые лежали въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ шкурахъ еще.

Всѣ надежды исчезли; они догадались, что и тутъ свирѣп-

ставуетъ язва и, вѣроятно; въ сильной степени, такъ что Остяки перестали уже и шкуры снимать. Подѣзжая ближе и ближе къ означеннымъ чумамъ, они стали различать, что обрадовавшее ихъ издали стадо оленей было неподвижное поле труповъ оленьихъ. Они оставили своихъ оленей съ проводникомъ въ отдаленіи отъ этого мѣста заразы и прошли пѣшкомъ около 5 верстъ къ самымъ чумамъ, по мѣстности, всюду устланной палыми оленями болѣе двухъ тысячъ. Они говорили, что воздухъ былъ такъ тяжелъ и невыносимо дурень, что нестерпимо было идти противъ вѣтра.

Два ближніе чума, по окончательномъ истребленіи оленей, сблизились вмѣстѣ, и въ одномъ изъ нихъ отыскались наши припасы, находившіеся на сохраненіи у Остяка Юра съ племянникомъ. Маіоръ Стражевскій распросилъ подробно у нихъ о времени появленія язвы, продолжительности ея, о количествѣ палыхъ стадъ, о смертности людей и проч. Въ этихъ двухъ чумахъ повалилось въ теченіе 4 дней у богатаго Остяка Лара 2000 оленей и самъ онъ померъ; у другаго же 1000 оленей. Въ двухъ сосѣднихъ чумахъ еще южиѣ пало тоже не менѣе 2 тысячъ. Далѣе же еще къ югу не помню достоверно, сколько пало оленей. (*)

Остяки не знали даже, сколько осталось живыхъ еще людей южиѣ ихъ на Уралѣ, ибо безъ оленей они не имѣли уже никакого сообщенія между собою. Смертность была сильная, — если не на половину, то по крайней мѣрѣ третья часть ихъ померла отъ язвы. У людей, какъ признакъ заразы, являлась на лицѣ болячка, въ родѣ вереда, потомъ вскорѣ лицо начинало опухать болѣе или менѣе. Кому уже было суждено сдѣлаться жертвою язвы, тогда голова опухала до такой степени, что не видно было мѣста глазъ, носа и проч.; съ распространеніемъ же опухоли ниже къ горлу и груди, человекъ немедленно умиралъ въ сильномъ удушьи. Къ распространенію заразы между людьми, Остяки сами способствовали своею невѣжественною, дикою привычкою употреблять въ пищу павшихъ оленей. Они сами рассказывали, что въ первые дни сильнаго валежа едва успѣвали снимать не болѣе пяти

(*) Стражевскій имѣетъ подробныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, собранныя на мѣстѣ.

шкуръ, какъ руки сильно опухали у нихъ, а нѣкоторые заболѣвали. Не смотря на эти ясные признаки заразительности, они продолжали свои занятія до тѣхъ поръ, покуда многіе изъ нихъ померли.

Остакъ, хранившій наши припасы, подалъ маіору длинную палку со многими на ней надрѣзами, дѣланными имъ ежедневно по одному, чтобы не сбиться со счета, сколько дней онъ хранилъ казенную провизію. Стражевскій наградилъ его, за исправность и отчетливость, тремя рублями серебромъ и отдалъ ему большую часть припасовъ, чего не могъ увести на оставшихся 5 оленяхъ; только не велѣлъ употреблять ихъ ранѣе 3 недѣль, изъ предосторожности, чтобы намъ самимъ не пришлось еще употребить ихъ, если по непредвидѣнному случаю засядемъ гдѣнибудь въ горахъ, точно такъ же, какъ и Остакъ, которые оставались въ этомъ жалкомъ положеніи до зимы, не имѣя средствъ съ семействами убраться съ Урала.

Этотъ трудный путь, болѣе 90 верстъ туда и обратно, маіоръ Стражевскій сдѣлалъ въ 1½ сутки; онъ стоялъ остальныхъ 18 оленей, на которыхъ мы далеко бы убрался съ Урала, если бы не имѣли надобности въ провизіи и могли достовѣрно знать, существуетъ ли впереди по Уралу зараза, и имѣются ли какія средства продолжать путешествіе, хотя бы и вдвоемъ, какъ предполагали. Но нельзя было положиться на слова какогонибудь посланнаго для узнанія, не убѣдившись лично во всемъ, для лучшаго распоряженія въ пользу возложеннаго на насъ порученія.

26-ю Іюля. Сообразно описаннымъ обстоятельствамъ, начальнику экспедиціи, видѣвшему, что не имѣется уже никакихъ средствъ продолжать дальнѣйшее путешествіе по Уралу, даже при возможно-ограниченныхъ средствахъ, оставалось заботиться единственно только о спасеніи ввѣреннаго ему отряда отъ явной гибели, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ слугъ нашихъ, горный мастеровой, уже заболѣлъ заразою, не смотря на всѣ мѣры осторожности, относительно сообщенія съ Остяками, пищи и проч. Обстоятельства наши были такъ трудны, что не только нельзя было думать о другомъ днѣ, но даже и о вечерѣ настоящаго. Постоянно ненастная погода не подавала никакой надежды къ прекращенію эпидеміи. Изъ возвратившихся оленей остался

только одинъ еще живымъ. Около 2 часовъ пополудни мы поспѣшили отослать этого оленя обратно въ чумъ на р. *Пиде-Юанъ*, откуда мы взяли 10 оленей подъ извѣстнымъ условіемъ и навьючили ихъ сухарями, какъ необходимымъ предметомъ для ретиреды нашей съ Урала. Толмачъ и одинъ горный мастеровой понесли тоже на плечахъ что могли изъ болѣе нужныхъ вещей. Виѣстъ съ тѣмъ подрядчикъ долженъ былъ освѣдомиться, осталось ли тамъ хотя сколько нибудь оленей, чтобы можно было намъ перейти въ этотъ чумъ, взявъ необходимыя вещи и жизненные припасы хотя на 2 или на 3 вяртахъ, полагая притомъ, что каждый изъ насъ понесетъ самъ не менѣе пуда на плечахъ.

Проводникъ нашъ, Синьскій Остякъ, Павелъ взялся провезти насъ изъ означеннаго чума на восточный отрогъ *Алпта-Кѣу*, съ котораго уже полагалъ въ непродолжительное время провести чрезъ низменный долъ на р. Обь, въ Остяцкое село *Мужы*, если только съ удаленіемъ отъ Уральскаго хребта олени перестанутъ падать или, по крайней мѣрѣ, если ихъ доставетъ хотя на половину пути нашего, чтобы перебраться чрезъ самыя непроходимыя топи трясины. Подрядчикъ тоже ручался за вызовъ проводника, зная его опытность, и кромѣ того ему самому случилось зимнимъ путемъ ѣздить изъ означеннаго селенія на Уралъ. Посланнымъ приказано было какъ можно спѣшить, дорожа малѣйшимъ временемъ. Если же къ несчастію нашему не найдется тамъ оленей, то мы предполагали бросить рѣшительно все, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и самыхъ необходимыхъ вещей по занятіямъ нашимъ, и вѣрившись опытности проводника туземца, пуститься въ путь, покуда нога будетъ служить намъ. Это было послѣднее и возможное средство къ удаленію отъ мѣста зараженнаго и опустошеннаго язвою. Впрочемъ мы льстили себя надеждою, что есть еще тамъ олени, потому что стадо у двухъ хозяевъ составляло виѣстъ не менѣе 2 тысячъ головъ и что надежъ начался у нихъ значительно позже нашего.

27-го *Юля*. Около часа пополудни возвратились наши посланные изъ вышесказаннаго, сѣвернѣе насъ находившагося чума, и къ величайшей радости нашей, съ 16 оленями, взятыми подъ прежнимъ же условіемъ. Мы забыли сонъ и начали сейчасъ же собираться въ дорогу.

Маіоръ Стражевскій передъ всѣми объявилъ мнѣ, что онъ, убѣдившись лично въ невозможности дальнѣйшаго путешествія по Уралу, закрываетъ экспедицію, и что ему остается теперь думать только о спасеніи вѣреннаго ему отряда и всего что важно для экспедиціи. Вслѣдствіе чего требовалъ онъ отъ меня, чтобы я показалъ всѣ вещи и инструменты мои, не исключая даже самыхъ мелочныхъ, чтобы, по усмотрѣнію своему, могъ назначить, какія бросить изъ нихъ и какія еще можно взять съ собою. Я повиновался. Онъ присовокупилъ еще, что дѣло въ томъ, чтобы уменьшить кладъ довользя и облегчить тѣмъ остатокъ оленей, которые безъ сомнѣнія и такъ падутъ современемъ отъ эпидеміи». Я самъ, «сказалъ онъ,» бросаю многое изъ собственныхъ вещей. Если мы теперь не примемъ предосторожности, которой требуетъ благоразуміе, то намъ послѣ придется бросить все, вли нести на собственныхъ плечахъ. Намъ въ скоромъ времени обѣщаетъ проводникъ провести на р. Обь въ с. *Мужжи*. Теперь дай Богъ самимъ здоровья только, и болѣе ничего не нужно. Если же вскорѣ мы доберемся до г. Березова, то освѣдомився сейчасъ же, можно ли достать южныя горы *Квозмъ-нѣръ* оленей: тогда мы вдвоемъ поднимемся по Сосвѣ опять на Уралъ, снявъ эту рѣку и часть Урала, съѣздимъ на *Саблю* и выйдемъ на р. Печору; а не успѣемъ, такъ нечего дѣлать: не пойдешь на перекоръ невозможности; по крайней мѣрѣ совѣсть будетъ спокойна: мы сдѣлали все, что зависимо отъ насъ и силъ нашихъ, сообразно обстоятельствамъ».

Намъ нужно было оставшуюся за разборкою кладъ уложить повемногу на 6 партахъ, чтобы не затруднить слабыхъ уже оленей, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ приведенныхъ сейчасъ палъ. Мы очень торопились разборкою и укладкою вещей, чтобы не лишиться еще на мѣстѣ многихъ оленей, и не смотря на все это, мы не успѣли однакожъ ранѣе 9 часовъ утра выступить въ путь. Къ несчастію, день былъ тихій и одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какого мы до сего времени не имѣли: + 25° Реомюра было въ полдень. Олени выбились изъ силъ, проѣхавъ по довольно трудной мѣстности около 3 верстъ; къ тому же комары и оводы довершали ихъ мученіе, довивая сильно и насъ, даже сивозъ легкую одежду. Мы остановились на одной изъ снѣжныхъ лошинъ вершины р. *Малой восточной Янела*, давъ

отдохнуть оленямъ, переждавъ жаръ, иначе они не дотащили бы обоза до мѣста. До 6 часовъ вечера стояло еще $+ 21^{\circ}$, и нельзя было пуститься въ дорогу; и то уже два оленя начали изводиться.

Потомъ, въ теченіе получаса, температура вдругъ упала на 8° , термометръ показывалъ уже $+ 13^{\circ}$ и началъ понемногу убывать; мы обрадовались, что можемъ подняться съ мѣста. Нужно сказать, что этотъ переходъ былъ истиннымъ мученіемъ: не мы оленей затрудняли, а они насъ. Мы прошли во всю ночь болѣе 20 верстъ, оставя на пути 3 палыхъ оленей и двѣ нарты съ вещами, и только къ 4 часамъ утра, 28 числа, прибыли въ чумъ на р. *Пиде-Юганъ*.

28 *Юля*. Около этого кочевья повсюду валялась падалъ; изъ двухтысячнаго стада оставалось еще до 700 головъ, между которыми и третя не было годныхъ къ упряжи, но и этотъ остатокъ видимо рѣдѣлъ отъ опустошительной язвы. Въ чумахъ Остяки почти всѣ были больны и двое изъ нихъ умерли. Они перемѣняли уже три раза мѣсто кочевья, дабы удалить стадо отъ палыхъ оленей, и собирались еще далѣе переѣхать, потому болѣе, что померъ Остякъ. Иностранцы ужасно боятся покойниковъ: если въ чумѣ помретъ кто, то сейчасъ разбираютъ его; по погребеніи покойника, окуриваютъ верестомъ или оленьимъ саломъ, и переходятъ на другое мѣсто.

Покойниковъ Остяки хоронятъ въ тотъ же день, или не далѣе какъ на другой; одѣвши въ ту одежду, которую онъ носилъ, завертываютъ его въ оленью шкуру. Въ могилу, неглубоко вырытую, кладутъ и запасную одежду его, которую покойникъ носилъ когданибудь при жизни. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ ружье, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ и прочія вещи, употребляемыя въ ихъ быту и на промыслахъ; въ женщинамъ: иголки, нитки, наперстокъ, ножъ и прочія хозяйственныя вещи. Одного изъ любимыхъ оленей покойника, въ особенности на которыхъ онъ всегда ѣздитъ, приносятъ въ жертву, убивая его мучительнѣйшею смертью, или просто душатъ его, дѣлая заключенія по страданію животнаго: если съ разу и безъ продолжительныхъ мученій удастся убить его, то это предзнаменуетъ, что изъ среды ихъ никто въ скоромъ времени не помретъ; въ противномъ же случаѣ призадумы-

ваются. Съѣдая оленя тутъ же, оставляютъ на могилѣ только голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ положыями. Возвратившись домой, опять все окуриваютъ. Они даже боятся говорить о покойникахъ, и никогда не трогаютъ вещей, съ нимъ положенныхъ.

Вечеромъ того же числа, отдохнувши нѣсколько отъ продолжительнаго ночнаго перехода, я былъ посланъ маіоромъ Стражевскимъ, съ 12 оленями, обратно, за двумя нартами съ вещами, оставленными верстахъ въ 15 на пути. Не доѣзжая до этихъ вещей, я оставилъ 10 оленей поодаль, и на рукахъ съ двумя проводниками и при помощи двухъ оленей отвезли нарту на $\frac{1}{2}$ версты отъ павшихъ оленей. Потомъ немедленно разложилъ я кладъ изъ 2 нартъ на 3, запряженныхъ четвернями, для легкости, и сейчасъ же поѣхалъ обратно. Около полуночи сильный туманъ, не позволявшій различать за 5 шаговъ кругомъ, задержалъ меня на пути; ибо каменистыя розсыпи, скалы, ущелья и проч. затрудненія мѣстныя не позволяли ощупью ѣхать; я оставался часа на три на мѣстѣ, покада нѣсколько прояснилось.

29-го *Юль*. Къ 7 часамъ утра, я возвратился благополучно на всѣхъ 12 оленяхъ, вопреки ожиданію маіора; въ дорогѣ на 30 верстахъ туда и обратно ни одинъ олень не палъ. Маіоръ Стражевскій, не желая медлить въ исполненіи своего намѣренія—скорѣе переѣхать затруднительный путь въ с. Мужи, старался сколь возможно болѣе достать оленей подъ свозъ нашего мааго транспорта и запасныхъ въ случаѣ постепеннаго падежа ихъ, чтобы только какъ нибудь переѣхать самыя почти непроходимыя болота, до *Мужинскаго Материка* (*). Но изъ оставшагося количества ѣзжалыхъ оленей въ стадѣ, Остатки не могли дать намъ болѣе 22, съ прежнимъ же условіемъ, платить по 15 рублей ассигнаціями за каждого, въ случаѣ падежа ихъ. Они даже не брали денегъ отъ насъ, а просили росписку потому, что большею частію всѣ эти олени принадлежали Березовскимъ жителямъ, которымъ впоследствии нужно было выплатить деньги.

Сообразно полученному числу оленей, мы начали еще умень-

(*) Возвышенность, премыкающая къ Оби, образуетъ лѣвый, невысокій горный берегъ этой рѣки, на которомъ расположено с. Мужи.

шать кладь, бросая многое и расколотивъ инструментные ящики, погребцы и проч. Даже Стражевскій околачивалъ собранные имъ минералы, и бросалъ лишніе экземпляры. Однимъ словомъ, все, что могло быть оставлено, бросалось. Уменьшеніе клади было тѣмъ болѣе необходимо, что одержимый язвою, горный мастеровой Павелъ Вакиновъ сдѣлался трудно боленъ; ему нужна была особенная нарта. Всякое же замедленіе на мѣстѣ имѣло бы дурныя послѣдствія, ибо зараза еще сильно дѣйствовала. Такъ какъ къ ночи не могли мы выѣхать, имѣя больного человѣка, повѣтому мы не брали съ вечера и оленей отъ Остяковъ, опасаясь, что они пропадутъ отъ язвы еще до выѣзда съ мѣста.

30 *Юля*. Поутру рано мы могли уже выступить въ походъ; все было готово и съ вечера уложено на нарты. Больному сдѣлалось еще хуже; мы устроили ему на нартѣ постелю и привязали его на ней, изъ предосторожности, чтобы не могъ упасть въ дорогѣ. Изъ полученныхъ 22 оленей, еще до выѣзда съ мѣста, уже пали 4. Мы выступили немедленно.

Переходя внизъ по берегу р. Хера-Юганъ, мы сдѣлали болѣе 20 верстъ; надѣялись, что, быть можетъ, когда спустимся съ Уральскихъ горъ, прекратится и эпидемія.

Путь былъ чрезвычайно затруднителенъ, пролегая постоянно по большимъ каменнымъ розсыпямъ. Нужно только представить себѣ положеніе слабыхъ оленей, тащущихъ сани съ кладью по голымъ камнямъ, по мѣстности, гдѣ съ большимъ трудомъ и осторожностію можно пѣшкомъ проходить. Съ какимъ сожалѣніемъ должны мы были смотрѣть на страдальца больного, совершенно опухшаго, въ этомъ безпокойномъ и тряскомъ пути отъ безпрестанныхъ толчковъ о каменные отломки, саней, которыя люди, поддерживая съ обѣихъ сторонъ, избавляли отъ безпрерывныхъ опрокидываній.

Мы часто останавливались, чтобы облегчить вѣсколю мученіе больного, который только жалѣлъ объ одномъ, что не можетъ уже отъ слабости и слѣпоты идти пѣшкомъ; не видно было глазъ на страшно опухшемъ лицѣ его. Нестерпима была бы и здоровому, не только больному, такая ѣзда. Хотьба пѣшкомъ, не смотря на сильную утомительность, по мѣстнымъ затрудненіямъ въ горахъ, намъ казалась всегда сноснѣе подоб-

шой поѣздки лѣтомъ на нартахъ, потому, можетъ быть, что мы привыкли уже къ этимъ маршамъ, слѣлавъ все путешествіе пѣшкомъ по Уральскимъ горамъ, болѣе 3 градусовъ по широтѣ, слѣдовательно всего пути, съ боковыми отлучками на сопки, около 600 верстъ, стоящихъ, относительно трудности, едва ли не тройнаго пути по хорошей дорогѣ, если это можно назвать привычкою, что Остяки очень легки на ходу, бѣгая почти цѣлый день по горамъ, гоняя стадо заводныхъ оленей.

Каждый сочувствовалъ больному, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; каждого изъ насъ могла постигнуть подобная же участь. Маіоръ предлагалъ больному, до выступленія въ походъ, остаться въ чумѣ на рукахъ Остяковъ, которыхъ хотѣлъ обязать беречь его; но больной ни за что не соглашался, думая еще скорѣе добраться до Березовской больницы. Мы опасались, что каждая мошка, слѣтѣвшая съ заразительной падали, могла принести намъ лэву, ибо укушеніе ихъ, почти всегда, сопровождается значительною опухолью того мѣста; но въ это время мы въ особенности должны были опасаться за каждую опухоль и прыщикъ, думая, не признакъ ли это заразы.

31 Юля. Больной задержалъ насъ до полудня на мѣстѣ, не соглашаясь ѣхать далѣе, прося лучше оставить одного его, нежели подвергнуться вчерашнимъ мученіямъ. Болѣзнь совершенно одолѣла его, опухоль горла и груди запирала ему дыханіе; онъ уже почти не могъ и говорить. Послѣдніе слова, уже съ великимъ трудомъ произносимыя, заключали еще просьбу о женѣ и пятерыхъ малюткахъ, которыя осиротѣютъ. Маіоръ успокоилъ его. Черезъ нѣкоторое время сильнаго боренія со смертію, страдалецъ скончался въ 9½ часовъ утра. Часа черезъ полтора, мы похоронили его въ неглубокой могилѣ, но съ трудомъ и почти общимъ усиліемъ вырытой въ каменистой почвѣ земли. Безмолвно зарывая могилу бѣдняка, каждый мысленно молился сколько могъ и какъ умѣлъ.

Вещи покойника съ нартою мы оставили на его могилѣ, и уменьшивъ еще кладъ, соотвѣтственно оставшемуся числу оленей, перешли бродомъ черезъ упомянутую рѣку за гору *Лоптакеу*, спустившись совершенно съ Уральскихъ горъ въ долину, гдѣ остановились вечеромъ на рѣчкѣ *Нимель-Юганъ*, впадающей въ р. Нялга-Юганъ.

До сихъ поръ я все еще дѣлалъ непрерывную маршрутную съемку, сколько позволяли время и обстоятельства.

1 Августа. Къ утру оказалось палыхъ оленей только два; мы уже думали, что въ самомъ дѣлѣ съ удаленіемъ отъ Урала перестанутъ падать олени; хотя у насъ оставалось уже только 10 изъ 22, но мы оставили еще одну нарту съ нѣе необходимыми вещами, какъ то: палатками, инструментами, ружьями, котелками и проч., такъ что повезли провизію и кладъ для четырехъ человѣкъ только на 2 нартахъ, думая съ этимъ обозомъ на 10 оленяхъ переѣхать хотя самыя топкія низменности, простирающіяся отъ Уральскаго хребта къ р. Оби.

2 Августа. Мы удалились отъ Уральскаго хребта еще на 15 верстѣ къ востоку и остановились у озера безымяннаго. Хотя день былъ жаркій, безвѣтренный и способствующій комарамъ и оводамъ, но дорогою палъ только одинъ олень, кромѣ павшаго въ прошлую ночь. У насъ оставалось еще 8 оленей, составлявшихъ всю нашу надежду, и за которыми мы особенно ухаживали.

Во время пути, другому горному мастеровому приключилось колотье въ боку. А къ вечеру проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, тоже заболѣлъ крѣпко, только не лавою; другой же проводникъ, Самоѣдъ Юхкоръ, имѣя уже болѣе двухъ недѣль признакъ разры на щекѣ, былъ все на ногахъ, и не чувствуя никакой слабости, вечеромъ того же числа захворалъ.

Насъ это очень озабочивало. Мы дали больнымъ возможные пособія изъ нашей походной аптеки, состоящей изъ 4 или 5 медикаментовъ: англійской соли, магнезіи, липоваго цвѣту, наштабры и пластыря двухъ сортовъ. А какъ мы уже добрались до мѣся, поэтому можно было около больныхъ развести порядочный огонь, въ замѣну палатокъ, которыя были брошены уже на предѣлѣющемъ ночлегѣ.

3 Августа. Мы жестоко ошиблись въ предположеніяхъ нашихъ, что съ удаленіемъ отъ Урала прекратится эпидемія; ночью пало 5 оленей. Мы имѣли еще надежду хотя на одной нартѣ свезти сухари и что нибудь необходимое, но въ этотъ день принуждены были оставаться на мѣстѣ, ибо проводники наши все еще лежали и стонали больные, а горный мастеровой поправился къ вечеру. Полагали, что и олени нѣсколько отдохнуть, если попадутся цѣлые сутки.

4 Августа. Утромъ мы увидѣли себя совершенно безъ оленей;

остальные три ночью пали. Оставалось любое избирать: на Уралъ ли возвратиться, или продолжать путь далѣе на востокъ. Въ первомъ случаѣ намъ пришлось бы питаться падалью, въ ожиданіи зимняго пути; въ послѣднемъ же мы предвидѣли безконечный и утомительный путь чрезъ непроходимыя въ лѣтнее время топи. Сухарей у насъ было дней на 7, а по малой порціи и болѣе нѣсколько; къ тому же надѣясь и на *подкожный кормъ*: грибы, ягоды, мы рѣшились продолжать путь къ р. Оби, что бы ни предстояло намъ.

Такъ какъ мы находились между двумя значительными рѣками *Войкаромъ* и *Сингеею*, въ разстояніяхъ около двухъ дней ходу отъ той и другой рѣки, поэтому могли бы перейти на одну изъ нихъ, околотить себѣ плоты и спуститься по ней на р. Обь. Но этотъ рискъ казался менѣе надежнымъ въ сравненіи съ избраннѣйшимъ уже планомъ, потому что, стративъ сухари въ двухдневномъ переходѣ къ рѣкѣ, и потомъ во время устроенія плотовъ, намъ не осталось бы пищи во время пути по теченію избранной рѣки. Каменное русло при верховьяхъ и значительная ширина близъ устьевъ этихъ рѣкъ, въ особенности Войкара, не обѣщали возможности плыть на плотахъ, кое-какъ сколоченныхъ, въ особенности въ непогоду.

Мы оставались еще на мѣстѣ, ожидая облегченія болѣзни проводника Павла. Самоѣдъ Юхкоръ былъ безнадежно боленъ и притомъ безъ ноги, имѣя по колено деревянную. Во всякомъ случаѣ мы предполагали оставить его: ему, въ случаѣ облегченія, возвратный путь на Уралъ былъ ближе и удобопроездимѣе, нежели подлежащій намъ.

Ночь была довольно темная; наши спутники: Усковъ, толмачъ, слуга и проводники, до сихъ поръ довольно равнодушные къ опасностямъ, видимо призадумались, и къ тому же увеличивали общее уныніе свое суевѣрными разсказами между собою о вѣрныхъ примѣтахъ несчастія, хотя нелѣпыхъ, но довольно неприятныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зловѣщее надъ нами карканіе вороновъ, ачностію привлеченныхъ къ павшимъ оленямъ, увеличивало страхъ ихъ: «*Вѣрна примѣта; не передъ добромъ!*» было эпилогомъ безконечнымъ разсказамъ ихъ о приключавшихся несчастіяхъ и бѣдствіяхъ тогда-то и съ тѣмъ-то.

Больные инородцы проводники, охая и стонав, увѣрили, что: «не даромъ дрова сдѣлали сильную вспышку съ необыкновеннымъ трескомъ, и распались къ западной сторонѣ; падо умереть кому нибудь изъ насъ, сидѣвшихъ вкругъ огня; такъ сказывали старики, это вѣрно». Спросивъ толмача о ихъ разсказахъ, я узналъ, что проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, хотя крещенный, но большой знахарь: умѣетъ отгадывать будущее, предсказывать выздоровленіе больному и проч.

5 Августа. Мы впятеромъ: майоръ Стражевскій, я, горный мастеровой, толмачъ и подрядчикъ, принуждены были отправиться въ трудный и неизвѣстный путь безъ проводника, потому что Самоѣдъ Юхкоръ былъ трудно боленъ, а другому Остяку хотя и легче казалось, но онъ не соглашался идти съ нами, вѣроятно не желая оставить умирающаго товарища своего; оставаться же и намъ далѣе на мѣстѣ было не возможно, ибо малѣйшій запасъ сухарей приходилъ уже быстро къ концу, а другой пищи у насъ не было.

Я записалъ въ свой дневникъ показанія проводниковъ о примѣтахъ мѣстности и о главномъ направленіи предстоящаго пути на р. Обь, въ Остяцкое селѣ Мужи, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

«Направленіе дороги: первоначально она идетъ на юговостокъ (130°), далѣе будетъ все склоняться къ востоку и потомъ пойдетъ прямо въ этомъ направленіи до р. *Хабины-Юганъ*, находящейся на $\frac{1}{3}$ всего разстоянія отсюда въ с. Мужи. Отъ этой рѣки дорога принимаетъ направленіе сѣверовосточное, до раздѣленія зимнихъ дорогъ на Мужинскомъ Материкѣ (*Вызинанъ-неръ*). гдѣ лѣвая отходитъ на Войкаръ, правая въ Мужи. До р. Хабина-Юганъ 3 дня ходу, отъ нея же въ Мужи 6, всего 9 дней, если только пойти какъ слѣдуетъ и достанетъ силъ перейти самыя топи до Мужинскаго Материка.

«Примѣты мѣстности: перейдя сосѣдній нашъ лѣсозъ, дорога будетъ пролегать малыми тундрицами, болотами и лѣсочинами до 2 большихъ тундръ; въ концѣ первой изъ нихъ находится *Соргъ*, (значительное озеро съ разливомъ), который останется влѣвъ; дорога идетъ правѣе. Отсюда пойдетъ къ Березовскому острову (бугорку), который тоже останется лѣвѣе; далѣе дорога входитъ въ густой лѣсъ, гдѣ она довольно примѣтна, и мѣстами есть затесы на деревьяхъ; потомъ выходитъ уже на вто-

рую упомянутую большую тундру. На этой последней встрѣтите *Идиаль-тей-идрдскую* дорогу, отходящую вправо на полдень, въ юрты на р. Синьи. Вамъ нужно держаться лѣвѣе, и если еще будутъ какія нибудь дороги, то онѣ всѣ свади выйдутъ на Мужинскую дорогу. Пройдя вторую большую тундру, дорога выходитъ на р. Хобинны-Юганъ, съ которой въ ясную погоду можно видѣть Мужинскій Материкъ: «къ морозу высокъ кажется, къ теплу же гораздо ниже» (слова Остяка Павла).

«Отъ р. Хабинна-Юганъ дорога идетъ маленькими тундрами чрезъ рѣдкій лѣсокъ, пересѣкаясь буграми, озерами, ручьями и болотами, потомъ выходитъ къ свѣтлому ручью, перейдя который, пойдетъ вдоль его (не помнитъ: вверхъ или внизъ по теченію), найдете слѣды чумовища; миновавъ его, выходитъ къ озеру *Хойне-лоръ* (въ переводѣ озеро на возвышенности).

«Еще отъ свѣтлаго ручья до этого озера начнутся по дорогѣ мѣстами *Курьинъ-сѣзы* (ловушки для звѣрей), и продолжаются далѣе. Отъ озера сейчасъ маленькая тундра до горѣлаго лѣса; за лѣсомъ, который довольно далеко тянется, начнется уже *Вызыманъ-нѣръ*, Мужинскій Материкъ. Потомъ скоро будетъ раздѣленіе дорогъ на рѣку Войкаръ и въ Мужи; надо правѣе держаться.

«Только бы благополучно чрезъ трудныя болота прошли, и добрались бы до этого мѣста, а тамъ дорога будетъ примѣтная, древняя, ѣзжая, и будетъ много малыхъ дорогъ; вы все держитесь только главной дороги и идите прямо на востокъ; тамъ уже не пропадете и выйдете въ Мужи».

Вотъ все, что могло служить намъ указателемъ пути, на пустынномъ пространствѣ между Уральскимъ хребтомъ и рѣкою Обью, по дикой и однообразной мѣстности, почти непроходимой въ лѣтнее время. Единственная надежда оставалась только на буссоль. Подрядчикъ тоже рѣшительно не зналъ дороги, привыкши дѣлать зимнія поѣздки на оленяхъ (*).

До полудня мы устроивали себѣ котомки съ болѣе удобными ламками, вложивъ въ нихъ необходимую одежду, сухари, взявъ

(*) Пѣшкомъ же, и еще лѣтомъ, это совсѣмъ другое дѣло, въ чемъ мы убѣдились впоследствии горькимъ опытомъ.

съ собою журналы, и другія записки, важныя для экспедиціи; котомка составила ношу, вѣсомъ около пуда у каждаго. Потомъ, увязавъ и запечатавъ остальные вещи, собранныя минералы, инструменты и проч. на двухъ нартахъ, оставили на тундрѣ, въ надеждѣ, что хотя эти вещи доставятся зимою, не говоря уже о большей части ихъ, разбросанныхъ на Уралѣ еще по мѣрѣ уменьшенія оленей. Наконецъ, оставивъ большимъ часть сухарей, отправились благословясь въ путь, съ надеждою, что когда нибудь доберемся до жилья, если будемъ здоровы.

Въ этотъ день мы сдѣлали только около 5 верстъ, держась направленія юговосточнаго (130°) по лѣсу, гдѣ дорога была довольно примѣтная и твердая до открытаго болота, на которомъ она потерялась потомъ. Покуда разъяснивали слѣдовъ проѣзда и прохода чрезъ нея, начало смеркаться; мы остановились почевать при опушкѣ лѣса, опасаясь въ темнотѣ застѣсть гдѣ нибудь на означенномъ болотѣ. Этотъ первый переходъ въ охотку, и притомъ съ сухарями, показался не такъ труднымъ.

6-ю Августа. Утромъ рано мы выступили, желая до сумерокъ сдѣлать порядочный переходъ. Погода была пасмурная, и свѣжій вѣтеръ способствовалъ нашему пѣшешествію, разгоняя вмѣстѣ съ тѣмъ сопутствующій намъ рой комаровъ. Я еще пытался хотя какъ нибудь дѣлать рекогносцировку этого пути; но утомительные и большіе обходы болотъ, кочки, чащи лѣса и прочія затрудненія пути не позволяли опредѣлять по времени пройденнаго разстоянія.

Нѣсколько часовъ мы проходили тонкими болотами, дѣлая значительныя зигзаги въ отыскиваніи кратчайшаго и возможнаго пути по извѣстному направленію. Добравшись потомъ до какой-то рѣчки, на которой сдѣлали привалъ для обѣда, мы не могли взять съ собою котелка, какъ лишнюю тяжесть; поэтому мѣдный чайникъ, стакановъ въ 6 величину, служилъ намъ и для варенія грибовъ.

Къ 8-ми часамъ вечера, послѣ труднаго пути цѣлаго дня, вышли къ значительному озеру, правѣе котораго остановились почевать въ лѣсу. Съ вечера началъ накрапывать дождь, который шелъ цѣлую ночь и до полудня другаго дня обратился потомъ въ постоянный ливень; промочивъ донельзя насъ, укрывав-

шихся подъ деревьями. Видя невозможность защищаться, мы hladнокровно лежали на мѣстѣ, какъ бы желая надоесть дождю и тѣмъ заставить его перестать.

7-ю Августа. Дождавшись утра, мы принуждены были устроить себѣ изъ елокъ кой-какой шалашъ, въ которомъ, укрывшись нѣсколько, вокругъ огня начали просушивать измокшую одежду и ношу, которая сдѣлалась вдвое тяжелѣе; а главная надежда наша и защита отъ холода суровыхъ ночей—малыца, оленья Остяцкая шуба, которую мы едва ли не болѣе всего берегли въ котомкахъ, требовала непремѣнной просушки и довольно медленной.

Намъ нельзя было всегда рѣшаться пережить ненастье, какъ бы продолжительно оно ни было, только бы было ясно и безъ сильного тумана, свойственнаго тѣмъ мѣстамъ; потому что намъ пришлось бы все равно мокнуть на мѣстѣ или въ пути. Къ тому же сухари не позволяли медлить, не зная, когда доберемся до Оби, судя по трудному пути, который мы имѣли наканунѣ. Такъ какъ этотъ день былъ очень туманный и дождливый, поэтому мы принуждены были оставаться на мѣстѣ, лстя себя надеждою, что завтра, хотя въ дождь, выступимъ по крайней мѣрѣ съ сухою и значительно легчайшею ношей.

Ночь была холодная и темная. Собака наша, въ сильномъ безпокойствѣ, то укрывалась съ ворчаніемъ между нами, то по временамъ съ лаемъ выскакивала все въ одну сторону, чуя вѣроятно приближеніе звѣря; но втемень ничего нельзя было различить. Поутру, отыскивая грибовъ, находили слѣды и пометъ медвѣдя. Мы вспомнили и отчасти пожалѣли, что никто не взялъ для всякаго случая съ собою ружья, да и нельзя было, во первыхъ потому, что ружья, свинецъ и порохъ были оставлены тогда, когда имѣли еще оленей и уменьшали кладь съ каждымъ переходомъ по мѣрѣ уменьшенія ихъ; во вторыхъ, выступая въ походъ пѣшкомъ и не болѣе какъ на 10 дней, по словамъ проводника, мы мало думали о пользѣ имѣть ружье при себѣ, заботясь только, чтобы сухарей было побольше и ноша за плечами возможно легче. Кромѣ того, торопясь выступить, чтобы выиграть время, мы не могли посылать за вещами, оставленными на Уралѣ еще за два перехода, до окончательнаго истребленія всѣхъ оленей заразою.

Такъ какъ сухари не были раздѣлены поровну, поэтому маіоръ собралъ ихъ вмѣстѣ со всѣхъ котомокъ нашихъ, и раздѣлилъ ихъ уже на другой день всѣмъ поровну, и не болѣе какъ фунта по 2 досталось каждому. Только въ этотъ день онъ далъ по маленькому кусочку, потому что, не сдѣлавъ перехода, мы не должны были тратить и сухари, не зная, во сколько дней доберемся до Оби съ подобными невольными остановами.

8 Августа. Утромъ поднялся вѣтеръ и къ радости нашей сквозь тучъ начало проглядывать солнышко. Мы начали немедленно собираться въ путь. Подрядчикъ, взлезая на высокую лиственницу, для обозрѣнія мѣстности, по которой намъ предстоялъ путь, увидѣлъ вдали значительное лѣсное возвышеніе, по мнѣнію его Мужинскій Материкъ, берегъ р. Оби. Я навелъ бусоль по указанному направленію; оказалось дѣйствительно возвышеніе на юговостокѣ, на главномъ направленіи котораго мы держались сообразно показанію проводниковъ. Маіоръ Стражевскій самъ взлезъ на это дерево, желая повѣрить показаніе подрядчика, и не предполагая, чтобы это незначительное возвышеніе былъ означенный Мужинскій Материкъ. (*):

Въ этотъ день мы блуждали не на шутку. Войдя въ густой лѣсъ, мы держались только направленія 130° и шли часовъ 7 по мшистому, вязкому и бугроватому грунту, пробираясь сквозь чащу и чрезъ топкія ямины, и не находя никакого слѣда человѣческаго. Этотъ путь былъ такъ труденъ, что мы едва плелись; наконецъ, къ общей радости, вечеромъ, на берегу рѣчки, на которой остановились мы ночевать, нашли большой пенъ срубленнаго когда-то дерева, который обнадежилъ насъ, что мы идемъ близъ оленьей дороги, и что вѣроятно кто нибудь зимою сворачивалъ сюда съ пути. Записанное же показаніе проводниковъ было почти бесполезно; мы нисколько не могли примѣнить его къ мѣстности, уже пройденной нами.

Останавливаясь на ночлегъ, мы не кончали этимъ дневныхъ

(*) Впослѣдствіи нѣсколько подобныхъ возвышеній прошли, но были еще далеко отъ берега Оби, или такъ занимающаго насъ Мужинскаго Материка, какъ вѣрной пристани къ спасенію и конца нашего странствованія.

трудовъ своихъ, а должны были всѣ разбрестись для добыванія хлѣба насущнаго—грибовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскивать признаковъ ѣзды, чтобы убѣдиться въ вѣрности направленія пути къ предположенному пункту. Съ этою цѣлію мы невольно удалялись значительно отъ становища нашего, сколько позволялъ вечеръ; а иногда приходилось продолжительными скличками отыскивать одинъ другаго, и тѣмъ выводить къ сборному пункту. Образъ путешествія нашего дѣлался ежедневно затруднительнѣе и утомительнѣе.

9 Августа. Ночь была довольно холодная, при сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ; комары не беспокоили насъ. Утромъ подрядчикъ опять лазилъ на дерево; но окружающій насъ густой лѣсъ не позволялъ ничего видѣть: казалось, что мы находились въ глубокой логвинѣ. Потомъ толмачъ нашъ съ подрядчикомъ были такъ счастливы, что отыскали въ верстѣ отъ насъ южнѣе затесы на деревьяхъ; насъ и это радовало, что мы не уклонились сильно отъ дороги. До полудня мы отправились отъ мѣста затесовъ по прежнему направленію, въ надеждѣ пересѣчь гдѣ нибудь ѣзжальный путь. Мы проходили сплошнымъ и топкимъ лѣсомъ; къ вечеру, когда уже смерклось, мы дошли до рѣчки, текущей съ сѣвера на югъ, шириною отъ 2 до 3 сажень, и которую сочли по глубинѣ за р. *Хабини-Юганъ*, означенную въ показаніи проводниковъ. Это немало насъ обрадовало, думая, что треть разстоянія пройдена уже и слѣдовательно перейдемъ вскорѣ самыя топи; незначительная ширина этой рѣчки привела насъ къ заключенію, что мы много лѣтѣ взяли, что вышли болѣе къ вершинѣ этой рѣки, пройдя прямо лѣсомъ, миновали двѣ большія тундры, означенныя въ показаніи проводниковъ. Вечеромъ же еще мы устроили переправу чрезъ нее по двумъ большимъ лѣснякамъ, чтобы на той сторонѣ наткнуться гдѣ нибудь на дорогу.

Въ обыкновенномъ отысканіи корма, я воротился вскорѣ со щепками недавно срубленнаго дерева, вмѣсто грибовъ, которыя радовали насъ болѣе пищи, потому что онѣ находились при довольно примѣтномъ слѣдѣ ѣзды, въ саженьхъ 200 отъ мѣста переправы.

Вечеромъ мы поспѣшно отправились съ буссолюю туда, для соображенія о направленіи этой части дороги, чтобы на другой день безъ хлопотъ выступить по этому направленію.

Надежда, что мы не совѣѣмъ обилие съ направленія, одушевляла насъ. Маіоръ Стражевскій велъ насъ по собственному усмотрѣнію; никто не могъ разсуждать о вѣрности и невѣрности дороги: всѣ были неопытны въ подобныхъ походахъ и не знали ничего. Недостатокъ въ пищѣ, довольно тяжелая ноша за плечами у каждаго безъ исключенія, топкій и вязкій путь сквозь дякую чащу лѣса и утомительные обходы избытковъ топей (звбуновъ), или отыскиванія переходовъ чрезъ оныя, не позволяли дѣлать большихъ переходовъ. Мы были довольны, если могли подвинуться отъ 5 до 10 верстъ по долготѣ къ востоку, не смотря, что почти цѣлый день мы находились въ пути, дѣлая большія изгибы. Судя по трудностямъ, которыя мы переносили, каждый опасался только, чтобы не заболѣть гдѣнибудь въ этой пустыни. Не видя же отвратительныхъ слѣдовъ язвы, мы начали забывать о ней и перестали опасаться о появленіи ея между нами.

10-го Августа. Путь этого дня былъ также утомителенъ, какъ и наканунѣ, пролегая по такой же непроходимой мѣстности, лѣсомъ и открытыми болотами, безъ всякой дороги, держась только извѣстнаго направленія. Въ лѣсу встрѣтили кочковатую тундрицу, довольно обильную ягодами (морощкою), сдѣлали привалъ, снявъ котомки свои и разбрелись обѣдать. Имѣя понемногу еще сухарей, мы посматривали только на нихъ, стараясь чѣмънибудь насытиться. Послѣ этого обѣда вскорѣ наткнулись на мѣсто чумовища—признакъ, что здѣсь останавливались когда-нибудь олениводы Обскіе, отправляющіеся весною на Уралъ или возвращающіеся осенью съ онаго. Далѣе въ лѣсу пересѣкли еще рѣчку, сочтя ее за другую вершину р. *Хдбини-Юганъ*. Примѣты мѣстности сходствовали нѣсколько съ показаніемъ проводниковъ. Выйдя на нѣкоторое возвышеніе, Уралъ казался уже далеко остался за нами, такъ что нельзя было различить извѣстныхъ намъ сопокъ, которыя мы узнавали, будучи еще въ недалекомъ разстояніи отъ него. Впереди двинулась какая-то возвышенность лѣсная, которую мы считали за Мужинскій Материкъ, или по крайней мѣрѣ предѣломъ болотъ, утѣшая себя надеждою, что проберемся вскорѣ куда-нибудь на р. Обь, хотя бы и не вышли прямо въ с. Мужин.

Въ 7 часовъ вечера мы остановились ночевать, не имѣя силъ брести далѣе, утоливъ голодъ только морощкою. Къ тому мы были

особенно изнурены этимъ переходомъ побугристымъ тундрамъ и заглохшимъ озерамъ, чрезъ которыя съ трудомъ пробирались, во избѣжаніе дальнихъ и утомительнѣйшихъ обходовъ. Вытаскивая одну ногу, другая глубже завязала; ранцы наши дѣлали насъ еще тяжелѣе на ногу; можно сказать, что мы почти пресмыкаясь проползали значительныя протяженія пути. Послѣ всего этого еще часа два бродили около становища, собирая грибы, которыхъ очень мало нашли. Холодный вечеръ заставилъ насъ разложить большой огонь на ночь, тѣмъ болѣе, что мы сильно перемокли, не говоря объ обуви, которая уже износилась почти.

11-го Августа. Ночью былъ сильный холодъ, все подернулось инеемъ. Не смотря на то, что лежали въ малицахъ, мы порядочно зябли, и сонные приближались болѣе и болѣе къ огню; отъ треска еловыхъ дровъ всѣ пожгли себѣ одежду въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности майоръ Стражевскій, который сильно пожегся въ эту ночь.

Довольно теплый лучъ солнца яснаго утра согрѣлъ странниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ нѣкоторыхъ враговъ нашихъ, комаровъ, для усиливанія трудности путешествія; впрочемъ ихъ не было такъ много, какъ прежде, и особенно къ первымъ числамъ Іюля.

Послѣ довольно большого перехода въ юговосточномъ же направленіи, по однообразной, затруднительной мѣстности, мы вышли къ 6 часамъ вечера къ довольно значительной рѣкѣ, текущей на югъ, и превосходящей шириною и быстротою двѣ прежнія. Ширина вездѣ болѣе 3 сажень; мѣстами же до 7; брода чрезъ нее отыскать не могли. Мы узнали, что эта есть настоящая рѣка *Хабини-Юганъ*, до которой, вмѣсто 3 дней, мы шли цѣлую недѣлю; слѣдовательно могли заключить, что оставшія $\frac{1}{4}$ разстоянія до с. Мужи мы не успѣемъ ранѣе двухъ недѣль пройти. Предъидущія же двѣ рѣчки, радовавшія насъ, были впадающіе въ нее притоки, которые мы пересѣкли потому, что, держась постоянного направленія, шли лѣсомъ нѣсколько правѣ зимней оленьей дороги, которая пролегаетъ по самымъ открытымъ топямъ. Мы отыскивали довольно примѣтную дорогу, которая, выйдя изъ лѣса, переходитъ эту рѣку.

Сухари уже совершенно кончились у насъ, и мы оставались единственно на подножномъ кормѣ, имѣя только еще горсть соли. Майоръ берегъ ее какъ лекарство отъ тошноты, которую

чувствовали мы послѣ грибовъ. Въ первые дни путешествія, мы употребляли соль довольно роскошно, привыкая къ грибамъ безъ сухарей; наконецъ пришлось и этой необходимости лишиться, усматривая впереди еще продолжительный путь, который вѣроятно будетъ съ каждымъ днемъ дѣлаться болѣе труднѣйшимъ для насъ, при недостаткѣ пищи. Сообразно этимъ обстоятельствамъ, майоръ Стражевскій предложилъ, что не лучше ли связать и сколотить себѣ плоты и спуститься по этой рѣкѣ въ Сянью, впадающую въ Обь, думая, что этотъ путь будетъ хотя продолжительнѣе, ноне такъ изнурителенъ, не дѣлая пѣшкомъ и голодомъ утомительнаго похода; всѣ раздѣляли это мнѣніе, кромѣ подрядчика; тѣмъ болѣе, что люди отзывались уже сильнѣйшимъ изнеможеніемъ.

12-го Августа. Послѣ дождливой ночи, день былъ лѣтний. Мы остановились на мѣстѣ для дѣланія двухъ плотовъ. Майоръ Стражевскій самъ отправился съ толмачемъ и горнымъ мастеровымъ рубить лѣсины для плота; а я въ качествѣ повара отправился собирать грибы и выѣсть съ тѣмъ для соображенія мѣстности по показанію проводниковъ. Къ полудню я возвратился въ становище съ грибами для двухъ чайниковъ, отыскавъ въ лѣсу верстахъ въ 4 по слѣду ловушку (курынгъ-сезъ).

Трудившіеся полдня надъ устроеніемъ плота видѣли, между тѣмъ, невозможность сдѣлать его наскоро и надежно для продолжительнаго и труднаго плаванія, по неизвѣстнымъ намъ рѣкамъ; къ тому же работа шла не очень успѣшно съ слабыми силами и съ однимъ только топоромъ и большимъ ножомъ.

Послѣ обѣда плотъ, изъ 7 лѣсинъ связанный, былъ готовъ и спущенъ на рѣку, который оказался довольно непрочнымъ и ненадежнымъ для плаванія вѣсколькихъ сотъ верстъ, и Богъ знаетъ въ какую погоду еще. Подрядчикъ нашъ не согласился плыть съ нами, представляя всѣ опасности, и желая лучше одинъ идти пѣшкомъ.

Мы сами впрочемъ видѣли ненадежный рискъ свой, рассуждая, что плывя не менѣе двухъ недѣль по рѣкѣ безъ провизіи, можемъ ли отыскать близъ берега рѣки вездѣ грибы, въ особенности если непогода задержитъ нѣсколько дней на мѣстѣ насъ. Сухимъ же путемъ идя, на всемъ протяженіи прой-

денномъ, мы могли отыскивать и цѣлый день собирать ихъ.

Рѣшились наконецъ все дойти до Оби сухимъ путемъ и по-маленьку уже извѣстнымъ намъ образомъ, что бы ни предстояло, претерпѣвая голодъ въ томъ и другомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ избавлялись опасности погибнуть въ водѣ, что очень легко могло бы случиться, если непрочный плотъ нашъ ударилъ бы о камень, или захваченъ былъ непогодю.

Вечеромъ же этого дня мы надѣли котомки и переправились по два человѣка на плоту, на другой берегъ рѣки, и, не желая тратить время, выступили въ путь, сколько позволила темнота и покуда дорога была примѣтна. По переходѣ верстѣ 5, сдѣлалось совершенно темно и пошелъ дождь; мы развели огонь, и легли на котомкахъ въ ожиданіи разсвѣта. Ночь была холодная; мы жались около огня, и разумѣется не безъ того, чтобы ктонибудь не сжегъ себя одеждою, и такъ уже изорванную до-нельзя.

15 Августа. Съ разсвѣтомъ мы уже поплелись далѣе, радуясь, что дорога была довольно торная, пролегая по мѣстности нѣсколько возвышенной отъ рѣки, лѣсомъ же была не такъ извилиста и имѣла направленіе сѣверовосточное и восточное.

Дѣйствительно ловушки для звѣрей (курынгъ-сеза), найденныя по этой дорогѣ, еще болѣе убѣдили насъ, что она идетъ въ какія нибудь Остяцкія юрты, находящіяся вѣроятно не въ дальнемъ разстояніи отсюда, изъ которыхъ есть какое нибудь возможное лѣтомъ сообщеніе съ этимъ мѣстомъ.

Лѣсной путь нашъ дважды пересѣкался значительными, открытыми, топками и бугроватыми болотами, называемыми Остяками *мѣруми* (тундра гомсиная). На послѣдней тундрѣ слѣды дороги совершенно исчезли и послѣ тщательныхъ розысканій, мы принуждены были пройти по тундрѣ къ противоположному лѣсу, держась извѣстнаго направленія буассоли. Въ одномъ изъ озеръ на тундрѣ увидѣли двухъ дикихъ гусей и маленькаго гусенка, нелетающаго еще. Эта первая дичь, которую мы встрѣтили на всемъ протяженіи пути отъ Уральскаго хребта и до этого мѣста, по заключеніямъ нашимъ предвѣщала близость рѣки Оби. Вторично пришлось вспомнить и крайне сожалѣть на этотъ разъ о томъ, что не взяли ружья и хотя нѣсколько за-

рядовъ пороху. Голодъ становился ежедневно ощутительнѣе; мы изнурились утомительными переходами и только на подножномъ кормѣ. Забывая о дальнѣйшемъ пути, мы сняли котомки свои и всѣ приступили къ озеру, съ жадностію желая добыть гусенка. Это озеро было хотя не болѣе 30 сажень шириною, но топкіе берега не позволяли вездѣ окружить его. Пугая и кидая палками въ озеро, мы старались всѣми силами выгнать гусенка на болотистый берегъ, гдѣ въ травѣ караулили двое изъ насъ. Послѣ двухчасовой, невольной и трудной охоты, удалось подшибить измученнаго до нельзя гусенка. Въ противоположномъ лѣсу случилось набрать достаточно грибовъ, поэтому мы радовались рѣдкому для насъ и неожиданному обѣду.

Маіоръ Стражевскій, видя, какъ трудно достался намъ этотъ ничтожный гусенокъ, и не надѣясь впредь на подобный промыслъ для прокормленія насъ, къ тому же не предвидя еще конца путешествію нашему, раздѣлилъ, къ общему удивленію, гусенка на 6 частей, на три обѣда и на три ужина для 4 человекъ. Варя всегда два чайника грибовницы, одинъ за другимъ, мы опускали по $\frac{1}{12}$ доли гусенка въ чайникъ, какъ приправу къ грибамъ, которые, отъ воображенія ли, казались несравненно вкуснѣе и питательнѣе, притомъ же не такъ сильно ощущали недостатокъ соли. Имѣя только двѣ ложки, мы хлѣбали поочередно, наблюдая обыкновенно, чтобы никто не взялъ лишняго разу. Даже поочередно оскребывали и чайникъ; такъ дорога для насъ была пища! Разваренный же между грибами кусочекъ дичи, Стражевскій аккуратно дѣлилъ всѣмъ, не исключая и себя, по ровной крошкѣ.

Трое слѣдующихъ сутокъ мы подвигались впередъ значительно бодрѣе, имѣя въ виду обѣдъ и ужинъ. Этотъ запасъ дичи мы вѣшали высоко на дерево, чтобы собака наша, не мѣшае насъ голодная, не съѣла ночью; не смотря на удивительныя попытки ея достать съ дерева, мы успѣли-таки сохранить его.

Въ этотъ день мы сдѣлали еще болѣе 5 верстъ; возвышенная мѣстность, по которой пролегла довольно твердая и торная дорога, была прекрасная; послѣ продолжительныхъ, однообразныхъ топей, тундръ и дикой чащи лѣса, она казалась намъ хорошимъ садомъ. Вправо отъ насъ большая рѣка, съ обрывистыми берегами, выдавалась къ дорогѣ, вѣроятно притокъ

р. Хабини-Юганъ. Не смотря на усталость, мы рѣшились идти до тѣхъ поръ, покада будетъ темно; поэтому на ночлегъ мы не хотѣли и собирать грибовъ на ужинъ, пообѣдавши *роскошнѣе и плотнѣе* противъ предъидущихъ дней; чѣмъ во первыхъ надѣялись сберечь порцію гусенка, и другое, сдѣлать побольше переходовъ.

Вечеромъ дорога въ лѣсу сдѣлалась тонкою, и перейдя возвышенность, наконецъ потерялась; мы остановились ночевать.

14-го Августа. Ночь была очень холодная; сильный сѣверный вѣтеръ принималъ насъ тѣмъ болѣе, что мы очень перемокли, а близко огня нельзя было лежать, изъ опасенія, чтобы не сжечь одежды, и то уже едва державшейся и изорванной.

Съ разсвѣтомъ я отправился съ подрачникомъ нашимъ назадъ, на раздѣленіе дорогъ, чтобы обоарѣть и сообразить съ направленіемъ ея, не примѣтиѣ ли она той, которую мы избрали. Дорога эта, пролегая топлин, была такъ же неудобопроходима, какъ и та, на которой мы остановились; только два курынгъ-сеза, найденные на курганчикахъ, заставили предпочесть ее. Возвратясь въ становища и сообщивъ Стражевскому видѣнное мною, въ полдень мы пошли на эту дорогу прямо сквозь лѣсъ. Къ сожалѣнію, этотъ путь былъ неудаченъ: новая дорога была, какъ видно, совершенно зимняя, ибо вывела насъ къ непроходимымъ зыбунамъ, чрезъ что правуждены были къ вечеру воротиться на прежде избранную дорогу. Не смотря на темноту и вязкую чащу лѣса, Маіоръ Стражевскій вывелъ насъ прямо на старое становище наше, по удивительной опытности и привычкѣ его ходить по лѣсамъ, находясь всоднукратно отъ Горнаго Правленія въ экспедиціяхъ въ этой странѣ.

Переходъ этого дня очень утомилъ насъ, потому болѣе, что былъ бесполезенъ. За то на возвратномъ пути въ старое становище мы не упустили набрать грибовъ, воображая, будто бы за грибами ходили; жаль только, что ранцы за спиною напоминали намъ походъ, а не прогулку за грибами.

15-го Августа. Такая же холодная ночь, какъ и вчерашняя; сильный сѣверный вѣтеръ продолжался уже 3-й день постоянно, продувая сквозь сожженную и изорванную одежду; намъ трудно было укрываться отъ холода. Огонь былъ единственное спасе-

ніе ночью, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе пистреляли нашу одежду. Днемъ же мы не боялись холода: котомки наши грѣли насъ донельзя. Не смотря на то, что сдѣлались нѣсколько легче противъ прежняго, мы, изнуренные холодомъ и усталостію, чувствовали ихъ значительно тяжелѣйшими и едва брели. Дорога, по которой мы слѣдовали, потерялась на большомъ зибунѣ (зыбкое болото, трясина), близъ того мѣста, куда мы заходили вчера, сдѣлавъ напрасный переходъ; мы убѣдились, что настоящая дорога есть объѣздъ весенній. Перейдя съ большимъ трудомъ и обходами этотъ зибунъ, мы нашли въ противоположномъ лѣсу дорогу, которая, пролегая около 2 верстъ по удобной твердой мѣстности, привела насъ опять къ большимъ топямъ. Смерклося; мы остановились ночевать на одномъ лѣсномъ бугоркѣ.

16 Августа. Погода была ясная и теплая; мы остановились на мѣстѣ до 4 часовъ пополудни. Люди отзывались слабостію и изнеможеніемъ; Майоръ Стражевскій далъ отдыхъ. Къ удивленію нашему, комары все-еще не пропали, послѣ нѣсколькихъ холодныхъ дней и при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Послѣ 3-часоваго, труднаго и топкаго пути, съ большими обходами, мы вышли на довольно возвышенную тундру съ многими озерами, между которыми одно обращало на себя вниманіе по величинѣ (*). Дорога была непримѣтна, только слѣды многихъ чумовищъ оленеводовъ показывали близость ея. Перейдя означенную тундру, мы шли еще лѣсомъ, покуда совершенно не стемнѣло; тогда остановились ночевать.

17 Августа. Холодная ночь съ вечера обратилась въ дождливую, и мы мокли почти до полудня. Во время обычнаго утренняго отыскиванія пищи въ лѣсу, мы нашли въ немъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ затесы, означающіе обыкновенно оленью дорогу; не смотря на то, на землѣ никакихъ слѣдовъ ѣзды не было замѣтно. Мы не знали навѣрно о мѣстѣ, гдѣ находились: на пути ли къ предположенному пункту на р. Обь находится эта частичка замѣтной дороги, или на р. Войкаръ, потому что ручей, пересѣченный ею, протекалъ на сѣверъ. Мы

(*) Мы полагали, не оно ли *Хойне-лоръ* (въ переводѣ озеро на возвышенности), о которомъ упоминали проводники.

знали, что далеко эта дорога насъ не доведетъ; первая открытая тундра, или непроходимая топь, чрезъ которая зимою прямо ѣздить, заставлятъ насъ сдѣлать большой и утомительный обходъ, чрезъ что мы опять собьемся съ направленія и должны будемъ идти по компасу прямо, и гдѣ только удобнѣе можно бы пройти. Эти признаки дороги потому и мало радовали насъ.

Вмѣсто сказанныхъ проводникомъ 5 дней, или много недѣль всего пути въ с. Мужи, мы странствовали уже 12 дней безъ проводника, и никакой надежды не было на скорое окончаніе путешествія. Не смотря на порядочный дождь, мы выступали по отысканной дорогѣ, которая повела насъ въ горѣлый лѣсъ и становилась торнѣе и примѣтнѣе; кромѣ того, мѣстоположеніе сходствовало съ показаніемъ проводника, послѣ озера Хойнелоръ. Мы думали, что не переходъ ли это отъ топей къ Мужинскому Материку, потому что мѣстность становилась примѣтно возвышеннѣе. Потемнѣло и похолодѣло; остановились ночевать на рѣкѣ, текущей на сѣверовостокъ. Болѣе удобный путь и надежда, что вышли уже на Мужинскій Материкъ, слѣдовательно находимся недалеко отъ Оби, утѣшали насъ; кромѣ того, мы обрадовались, что грибовъ находили болѣе нежели прежде, между которыми въ особенности такъ называемыя *сыропышки* или *силляки*, находимыя нами, замѣняли намъ вполне хлѣбъ, разумѣется не питательностію, но употребленіемъ. Находя въ мшистыхъ мѣстахъ много этихъ грибовъ, мы съ жадностію начали собирать каждый собственно для себя и берегла въ котомкахъ, какъ сухари, до другаго обильнаго ими мѣста, тѣмъ болѣе, что повднее время года и холодныя ночи съ вніемъ уже испортили ихъ; онѣ высыхали на корнѣ, были легче значительно и казались несравненно вкуснѣе свѣжихъ; хлѣбая грибаицу, мы прикусывали ими вмѣсто хлѣба; также не имѣя сахару, мы могли по четыре стакана чаю выпивать съ сухими грибами; не чувствовали голода, хотя разумѣется невадолго. Открывши эту новую *манну*, мы уже не переставали съ тѣхъ поръ постоянно жевать ихъ; цѣлую дорогу одинъ высматривалъ у другаго изъ-подъ ногъ, чтобы не упустить гриба. За ягодами, которыя впрочемъ изрѣдка попадались намъ, мы уже не вѣтнялись, потому что каждая ягодка не безъ труда доставалась, нагибаясь съ котомкою при истощенныхъ донельзя силахъ. Мы стали нѣсколько веселѣе, будто бы съ хлѣбомъ идешь; во

ободреніе нашимъ спутникамъ Маіоръ Стражевскіи говорилъ, что если не завтра прійдемъ въ Мужи, то по крайней мѣрѣ будемъ близко этого селенія; они перекрестились, снявши шапки, и были рады. Между тѣмъ по соображенію съ записаннымъ показаніемъ проводниковъ, мы не должны были ранѣе недѣли дойти до Обя, судя по утомленнымъ силамъ нашимъ.

18 Августа. Утро было ясное послѣ холодной ночи; восходящее солнце смягчало вѣскольکو суровость сильнаго сѣверовосточнаго вѣтра; около полудня мы выступили, по довольно торной дорогѣ, со свѣжими признаками ѣзды, вѣроятно весною; направленіе ея было сѣверовосточное, потомъ она поворотила прямо на сѣверъ, наконецъ даже на сѣверозападъ, пошла малыми колѣнами, пересѣкаясь значительными рѣчками, ручьями и болотами. Отходящей дороги на востокъ или юговостокъ не было; хотя это направленіе дороги и было несообразно съ нашею цѣлію, но мы шли по ней въ надеждѣ, что она повернетъ на востокъ. Ловушекъ на дорогѣ (курынгъ-сезовъ) не встрѣчали, кромѣ одного разрушеннаго близъ почлега нашего. Потомъ, перейдя довольно глубокимъ бродомъ значительную рѣчку, текущую почти на сѣверовостокъ, дорога повела насъ вдоль ея, гдѣ мы остановились въ сумерки.

19 Августа. Ночью былъ морозъ нестерпимый; мокрая обувь на ногахъ начала мерзнуть; мы принуждены были разуться и кое-какъ корчиться въ нашихъ малицахъ. Утромъ солнышко пригрѣло насъ вѣскольکو; а потомъ погода начала хмуриться и пошелъ сильный дождь. Подрядчикъ лазилъ на дерево, и видѣлъ сѣвернѣе насъ поперечный лѣсной хребетъ, вѣроятно берегъ рѣки Войкара, что показывало сильное уклоненіе наше къ сѣверу отъ настоящаго направленія. Мы опасались, чтобы эта дорога не вывела насъ въ Войкарскіе юрты, пустыя въ это время года, и притомъ на противоположномъ берегу.

Нашли въ лѣсу слѣды отходящей дороги въ верстахъ 3 отъ нашего становища. Пасмурный и дождливый день, склонявшійся уже къ вечеру, не позволялъ намъ выступить по отысканной дорогѣ, не осмотрѣвъ предварительно ее; къ тому же сильно перемокши, мы просушивались подъ елками, у довольно большаго костра. Слѣдали дневку.

20 Августа. Погода была хотя сумрачная, но недождливая и

нехолодная. Выступили рано. Версты чрезъ 3 пролегла чрезъ рѣку другая едва примѣтная дорога; рѣшившись держаться болѣе широкой и торной дороги, пошли по прежней; особенно потому мы не свернули съ нея, что нашли на ней опять старую ловушку.

Версть чрезъ 8, эта дорога исчезла на топкихъ и непроходимыхъ болотахъ, выведя насъ къ разливамъ большой рѣки, какъ оказалось, *Войкара*. Подрядчикъ видѣлъ съ высокой лиственницы и самую рѣку, къ которой нѣтъ доступа чрезъ топи безъ лодки. Принуждены были возвратиться къ отходящей дорогѣ, сдѣлавъ по пустому версть 16, и утомившись донельзя, остановились на рѣчкѣ, перебродивши ее съ вечера. Удивительно, какъ трудно было возвращаться, когда знаешь, что по пустому идешь. Однимъ словомъ трудность похода нашего увеличивалась чрезвычайно тѣмъ, что шли безнадежно, не зная, вѣрно ли идемъ и куда выйдемъ, въ особенности при трудныхъ и большихъ обходахъ зибуновъ, гдѣ три шага подаемся впередъ, а два назадъ.

21 *Августа*. Накрапывалъ постоянно дождикъ; мы выступили довольно рано. Въ лѣсу дорога становилась примѣтнѣе и торнѣе; на открытомъ мѣстѣ она опять раздѣлялась непримѣтно, ибо въ противоположномъ лѣсу нашли двѣ дороги: одна на югъ, другая на востокъ имѣли главное направленіе; мы пошли по послѣдней, которая приняла потомъ направленіе юговосточное и поднималась все выше и выше. На этомъ пути мы встрѣтили первый кедръ и услышали карканіе вороны, признаки близости рѣки Оби и жглаго мѣста; насъ это очень радовало. Наконецъ пришли къ значительной рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ, между глубокими и лѣсистыми берегами. Остановились на ней. Съ дерева же видѣли на юговостокѣ лѣсной хребетъ, по заключенію нашему, берегъ р. Оби.

22 *Августа*. Послѣ дождливой ночи лучъ солнца прекраснаго и теплаго утра, какого мы давно уже не видали, обогрѣлъ и оживилъ насъ; и какъ будто бы съ цѣлію обрадовать насъ въ дикой пустынѣ, среди тяжкихъ лишеній, въ Высочайшій праздникъ Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Мы всѣ были особенно веселы; какая-то надежда на скорое избавленіе отъ трудовъ утѣшала насъ. Желая воспользоваться отличною погодою, мы торопились

раньше выступить, чтобы сдѣлать больше перехода, тѣмъ болѣе, что, благодаря случайному обилію грибовъ, мы наѣлись поплотнѣ сырыхъ и вареныхъ. Маіоръ Стражевскій, желая по случаю праздника сдѣлать особенный обѣдъ, высыпалъ остатокъ соли въ грибницу, который онъ давно берегъ, какъ лекарство. И нужно сказать, что мы, не употребляя давно уже соли, почувствовали значительное подкрѣпленіе, не говоря уже о всобыкновенномъ вкусѣ этой пищи.

Дорога, пролегая по лѣсу, была довольно торна до первой тундры, далѣе стала менѣе примѣтна и раздѣлилась; мы пошли лѣвѣе, держась восточнаго направленія. Перейдя же рѣчку, дорога повернула на юговостокъ и вывела насъ на открытое холмистое мѣсто, со многими озерами, гдѣ она рѣшительно потерялась. Часа два мы тщательно розыскивали ее на этомъ пространствѣ, но никакихъ слѣдовъ не нашли. Пошли безъ дороги по направленію 130° на юговостокъ, гдѣ видѣнъ былъ далеко высокій лѣсной кряжъ, предъ которымъ параллельно находились еще два низкихъ хребта. Тогда-то мы узнали, что настоящій Мужинскій Материкъ еще впереди, не смотря, что самыя непроходимыя топи были уже перейдены за два перехода до этого пункта. Войдя въ лѣсъ по означенному направленію, мы пересѣкли довольно ѣзжалую Зырянскую дорогу, судя по найденнымъ обломкамъ нарты (*). Съ радости мы сдѣлали самый большой переходъ, котораго никогда еще не дѣлали въ продолженіе всего нашего странствованія. Мы сочли этотъ день однимъ изъ счастливѣйшихъ. Потемнѣло; мы остановились на рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ.

23 Августа. Уставши послѣ большого перехода, мы выступили за полдень; шли довольно скоро, желая до темноты пройти тундры, болота и мокрыя долины; добравшись же до лѣса, остановились почевать, изъ опасенія, чтобы не потерять дороги. Спутники наши, видя опять довольно трудную мѣстность и безконечный путь, начали упадать духомъ, ссылаясь на слабость

(*) Съ первымъ зимнимъ путемъ Зыряне изъ-за Урала пріѣзжаютъ ежегодно въ село Мужи для торговли, какъ бы на ярмарку мѣстную, куда съѣзжаются въ это время Обдорскіе и Березовскіе купцы и торговцы.

въ рукахъ и ногахъ; мы ободрали ихъ; Маіоръ не приказывалъ показывать никакого вида, что мы сами уже едва ноги представляемъ, и едва ли не хуже ихъ изнурены.

24 *Августа*. Эти ночи были довольно теплыя. Пасмурное небо предвѣщало сильное несчастье. Мы выступили опять поплудни, промѣшкавъ и побродивши въ отыскиваніи пищи дневной. Дорога была довольно твердая и примѣтная; шли довольно скоро; мѣстоположеніе казалось веселѣе и менѣе дико. Направленіе дороги было восточное и юговосточное; пересѣкли на пути двѣ рѣчки, текущія на сѣверъ. Далѣе дорога раздѣлилась: одна на югозападъ, другая на востокъ; пошли по послѣдней. Къ вечеру слуга нашъ, горный мастеровой, упалъ на дорогѣ, отъ сильной боли въ поясницѣ. Остановились тутъ же на ночлегъ. Вечеръ вдругъ сдѣлался сильно холоднымъ, ночью вода подернулась въ лужахъ тонкимъ льдомъ. Маіоръ Стражевскій самъ срубилъ на дрова три большія лиственницы.

25 *Августа*. Больной задержалъ насъ на мѣстѣ нѣсколько долѣе обыкновеннаго; однако мы выступили недолго за полдень. Дорога была хорошая, ѣзжая; пересѣкли рѣчку и начали подыматься выше, переходя видѣнные издали хребты. Не очень большой переходъ сдѣлали. Толмачъ нашъ тоже заболѣлъ животомъ; горный мастеровой поправился нѣсколько.

26 *Августа*. Не смотря, что ночь была холодная, день былъ прекраснѣйшій и теплый. Толмачу легче стало; только мы не совѣтовали ѣсть ему сырыхъ грибовъ. Выступили не поздно; чрезъ полверсты дорога раздѣлилась; обѣ шли въ с. Мужичи не болѣе одного дня ходу до этого селенія, подрядчикъ узналъ ихъ и увѣрялъ, что неоднократно ѣзжилъ тутъ зимою, но не ручался за удобопроходимость лѣтомъ, по случаю заливовъ рѣки, чрезъ которые переправа будетъ затруднительна безъ лодки. Другая же Зырянская дорога, болѣе торная, шла на юговостокъ; онъ говорилъ, что эта дорога дѣлаетъ большой кругъ; вслѣдствіе этого онъ отдѣлился отъ насъ и пошелъ по зимней дорогѣ. Мы долго промѣшкали на раздѣленіи дорогъ, потому что много малыхъ объѣздовъ находили и опасались, чтобы не упустить главной дороги. Пошли по Зырянской дорогѣ, покуда не стемнѣло и пошелъ дождь; мы остановились въ лѣсу.

27 *Августа*. Дождливая погода. Сдѣлали порядочный переходъ. Маіоръ Стражевскій говорилъ, чтобы мы собрали всѣ сѣ-

лы свои и шли до самого нельзя, ибо отдыхъ приближается; и не придетъ ли сегодня еще въ с. Мужи. Не смотря на пріятную надежду кончить скоро странствованіе, ноги не слушались и сильно ослабли; кажется, мы машинально переставляли ихъ; руки просто отнялись отъ слабости и лямокъ. Поднимаясь постепенно выше въ гору, по довольно хорошей дорогѣ, пролегающей въ восточномъ направленіи, пересѣкли мы двѣ рѣчки и проходили черезъ значительное болото; трудный переходъ черезъ послѣднее вознаграждался тѣмъ, что мы нашли много морошки на немъ и сдѣлали для корма привалъ на кочкахъ. Къ вечеру пришли къ довольно густому и мокрому лѣсу, при опушкѣ котораго, влѣво отъ насъ, увидѣли случайно вдоль долины рѣку Обь, верстахъ въ 8 или 10 отъ насъ. Съ радостными криками: «Обь! Обь!» мы сняли шапки и перекрестились, искренно благодаря Бога, сподобившаго намъ на 22-й день бѣдственнаго странствованія нашего показать надежду къ вѣрному спасенію. Одеревенѣвшіе члены наши будто электричествомъ были приведены въ быстрое движеніе и получили особенную живость и крѣпость; мы забыли и голодъ, думая только о томъ, что завтра навѣрно будемъ въ теплой избѣ и увидимъ людей. Въ лѣсу остановились ночевать.

28 Августа. Довольно холодная и дождливая ночь не дала намъ покою; мы рано поднялись для сбирания грибовъ, чтобы равьше выступить и придти къ вечеру на Обь. Удзлившись версты за 1½ отъ становища нашего, въ лѣсу вдругъ услышалъ я лай чужой собаки, обрадовался и пошелъ въ ту сторону, думая встрѣтиться съ какимъ нибудь Остякомъ звѣроловомъ, который, зная дорогу, выведетъ насъ прямо въ Мужи. Подвигаясь ближе въ ту сторону, начинаю слышать сигнальные оклики изъ становища, которыми зовутъ меня; перемѣнивъ направление пути, я вскорѣ вышелъ на мѣсто, и къ невыразимой радости увидѣлъ людей, пришедшихъ къ намъ на встрѣчу—Зырянинъ Филимонъ Рочевъ, съ двумя Остяками, работниками своими. Этотъ гостепріимный и радушный человѣкъ, услышавъ отъ подрядчика, пришедшаго вечеромъ въ Мужи, что мы отдѣлились отъ него въ верстахъ въ 30, на раздѣленіи дорогъ, послалъ сейчасъ трехъ Остяковъ по той дорогѣ искать насъ, а самъ ночью сдѣлалъ переходъ по другой дорогѣ. Этого радостнаго дня, кажется, никто не забудетъ изъ нашихъ спутниковъ. Принесенные

хлѣбъ, рыба, молоко, сахаръ, чай и нѣсколько вина, обрадовали насъ невыразимо. Маіоръ строго запретилъ, чтобы никто не смѣлъ безъ позволенія его кусочка съѣсть, изъ предосторожности, чтобы не заболѣть отъ неумѣреннаго употребленія пищи, послѣ продолжительнаго голода. Самъ раздавалъ пищу по усмотрѣнію. Пообѣдавши порядочно въ первый разъ чрезъ три недѣли и отдохнувши, мы выступили къ вечеру. Никто изъ насъ не отдалъ котомки своей Остякамъ, желая сама дотащить ее еще остальныхъ 16 верстъ до селенія. Уже смерклось, когда мы прибыли въ с. Мужи, и не снимая ранцевъ своихъ, прямо пришли въ церковь поблагодарить Всемогущаго за счастіе перевесенные труды и опасности. Этотъ переходъ въ 16 верстъ мы сдѣлали въ 2½ часа и кажется не чувствовали никакой усталости. Дорога была порядочная; пересѣкли на пути двѣ рѣчки; а къ самому селенію, около версты плыли въ лодкѣ по Сорю (заливу рѣки Оби). Если бы не встрѣтилъ насъ Зырянинъ Рочевъ, то намъ пришлось бы мучиться около залива и искать обхода за нѣскольکو верстъ. Подрядчикъ вышелъ версты четыре ниже селенія и, связавъ себѣ плотъ изъ двухъ лѣсницъ, переплылъ на немъ кое-какъ узкое мѣсто залива, и добрался такимъ образомъ въ село.

29 Августа; село Мужи, на рѣкѣ Оби. Послѣ трехдѣсячнаго кочеванія подъ открытымъ небомъ суроваго сѣвера, въ особенности послѣ скитальческихъ трехъ послѣднихъ недѣль, мы провели довольно спокойно первую ночь, въ теплой и гостепріимной избѣ Зырянина Филимона. Непривычка къ комнатной теплотѣ, радостное окончаніе труднѣйшаго пути и избавленіе отъ явной гибели, были вѣроятно причиною общей безсонницы. Если и засыпали на мгновеніе, то вдругъ страшно испуганные грезами минувшихъ опасностей, немедленно вскакивали, и, стараясь убѣдиться въ обманѣ, отгоняли еще далѣе сонъ.

Не смотря на постепенный и осторожный переходъ отъ грибовъ и голода къ хлѣбу, Маіору Стражевскому, сильно изнуренному, приключилась желудочная лихорадка, продолжавшаяся около 10 дней. Подрядчикъ крѣпко бредилъ въ первые два дня, какъ въ горячкѣ. Всѣ мы были какъ тѣни слабые, изнуренные, немые, обросшіе бородами, съ страшно взорванной и обожженою одеждою и почти безъ обуви. Бѣлзвѣ между пальцами показывала сѣде настоящій цвѣтъ рукъ обожженныхъ, опух-

шихъ и грязныхъ. На ногахъ ногти начали спадать, отъ постоянной сырости и холода, которымъ онѣ подвергались болѣе трехъ недѣль, не смотря на то, что однимъ изъ главнѣйшихъ занятій нашихъ на ночлегѣ и привалахъ была починка измокшей обуви и выжиманіе воды; просушиваться же было невозможно и бесполезно, не имѣя чѣмъ переменить измокшую одежду и обувь.

Питаясь 22 дня скудною пищею, добываемою ежедневно не въ одинаковомъ количествѣ и качествѣ, мы сильно ослабли отъ голода, который становился съ каждымъ днемъ тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что уже грибовъ не вездѣ можно было находить; ибо ранняя и холодная осень начала истреблять ихъ. Впослѣдствіи мы, не обращая вниманія на качество грибовъ, только бы не были ядовиты, все варили вмѣстѣ со мхомъ для сытности. Наконецъ же, съ увеличившимся сильно голодомъ и недостаткомъ *подножнаго корма*, мы начали уже простирать впады на собаку нашу, которая менѣе насъ голодала, питаясь земляными мышами. Майоръ Стражевскій неоднократно говорилъ нашимъ слугамъ, жаловавшимся на голодъ, что еще рано бить собаку, покада можно чѣмъ вибуть питаться, и беречь этотъ вѣрный запасъ пищи на всякой случай, въ особенности если къ несчастію пришлось бы кому нибудь изъ насъ заболѣть и остаться на мѣстѣ въ ожиданіи помощи. Кромѣ того, онъ хладнокровно и безъ всякаго озабоченнаго вида обнадеживалъ ежедневно, что чрезъ двое или трое сутокъ непременно будемъ на р. Оби, и въ этомъ ожиданіи проходили недѣли, едва ли не длиннѣе мѣсяцевъ казавшіяся.

Едва переставляя ноги въ ежедневныхъ переходахъ, мы только одно имѣли на умѣ и молили Бога, чтобы живыми дойти когда вибудь до жилья. Кромѣ изнуренія отъ голода и труднаго пути съ ношею, мы опасались за здоровье потому болѣе, что находясь подъ открытымъ и суровымъ небомъ негостепріимнаго сѣвера, должны были беззащитно переносить всѣ переменны погоды. Сверхъ того безпрестанно подвергались сильнѣйшей простудѣ: проходя ежедневно бродомъ рѣчки и заывая глубоко въ болотахъ, мы всегда останавливались на ночлегъ совершенно мокрые; а иногда и на мѣстѣ еще, цѣлую ночь дождь не оставлялъ насъ. Мы не имѣли средствъ и возможности ни защититься отъ мокроты, ни просушиваться, не могли переменить

мокрой одежды и обуви; болѣе потому мы принуждены бывали оставаться всегда въ мокрой одеждѣ, что съ равнымъ разсвѣтомъ и до глубокой ночи, мы бродили въ кругъ вчлега, отыскивая пищу, и не обращая вниманія на трудные переходы, отлучались иногда очень далеко и верѣдко теряли мѣсто становища своего.

Маіоръ Стражевскій часто повторялъ, что если кто заболѣетъ и не употребитъ послѣднихъ силъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ р. Оби, тотъ будетъ оставленъ одинъ въ этой дикой пустынѣ, покуда мы не дойдемъ до жилого мѣста, и не успѣемъ прислать помощи. И каждый изъ насъ хладнокровно разсуждалъ, что въ самомъ дѣлѣ изъ-за одного не должны же умереть всѣ.

Упомяная о трудностяхъ и лишеніяхъ нашего странствованія, не могу не замѣтить о постоянномъ и мучительномъ безпокойствѣ, сообразномъ нашему образу жизни и средствамъ, для изображенія котораго привожу слова изъ отчета Полковника Гофмана: «Насѣкомые дикіе и домашніе, летающіе и ползающіе, жужжащіе и тѣмные, мучили насъ; одно имя ихъ мнѣ страшно теперь, поэтому ихъ не называю». Днемъ мы какъ звѣри были предметомъ любопытства Остаковъ, собравшихся къ намъ изъ всего селенія, и толпившихся въ тѣсной избѣ и около ея, рассказывавшихъ одинъ другому о странствованіи нашемъ, и удивлявшихся только тому, что мы пытались три недѣли времени *«поганую траву»*, присовокупляя, что они лучше съ голоду померли бы, нежели стали бы ѣсть эту траву. Сверхъ того они не очень одобряли нашъ рискъ, что мы рѣшились идти въ этотъ трудный путь лѣтомъ, безъ оленей и проводника и еще безъ пищи, оставя столько тысячъ *«убитыхъ болѣзнію оленей на Уралѣ»*, которыми сколько угодно времени можно было бы питаться, сидя спокойно въ чумѣ. Она и слышать не хотѣла о заразительности подобной пищи. Также удивлялись и пелили на ихъ собратовъ-оленоводовъ, оставшихся на Уралѣ, какъ они не могли найти изъ стадъ своихъ столько бѣлыхъ, красивыхъ и здоровыхъ оленей для принесенія въ жертву Богу и тѣмъ отвратить неслыханный въ ихъ странахъ падежъ, прибавляя: «Надо быть чиновники Царскіе (*)»

(*) Такъ называли инородцы насъ, членовъ Уральской экспедиціи.

привезли эту оленью болѣзнь въ наши края; это вѣрно; старшки не видывали и не слыхивали такой бѣды!»

Слуха о неожиданномъ прибытіи нашемъ на рѣку Обь скоро дошли до города Березова, откуда не замедлили пріѣхать въ село Мужа исправникъ Березовскій Булыгинъ и Обдорскій застѣдатель Бекрѣвъ, для подробнаго узнанія о постигшемъ насъ несчастіи и инородцевъ, оставшихся безъ всякой помощи на Уралѣ. Маіоръ Стражевскій увѣдомилъ ихъ обо всемъ официально, какъ о мѣстахъ, опустошенныхъ язвою, такъ и о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ остались инородческія семейства, въ ожиданіи возможныхъ и зависящихъ отъ мѣстнаго начальства средствъ къ ихъ спасенію. Вслѣдствіе чего, по порученію исправника, Бекрѣвъ немедленно отправился для подавіи означенной помощи, желая подняться въ малыхъ лодкахъ по рѣкѣ Синѣ, сколь возможно выше въ Уральскія горы, къ тому мѣсту, гдѣ болѣе свирѣпствовала язва; но эта смѣлая попытка, обѣщавшая Бекрѣву большой переходъ пѣшкомъ по горамъ, не удалась ему, какъ впоследствии оказалось, по чрезвычайному мелководію и каменистому руслу этой рѣки, далеко непозволявшей подняться къ верховьямъ ея, не смотря на всѣ усилія его.

Не имѣя другаго средства для оказанія скорѣйшей помощи, Бекрѣвъ, въ концѣ Октября, дождавшись перваго зимняго пути, поднялся изъ Обдорска на Уралъ и въ сопровожденіи фельдшера и нѣсколькихъ казаковъ, обѣхалъ на оленяхъ все протяженіе его, почти до верховьевъ рѣки Сыгвы, раздавая необходимое число заводныхъ оленей своихъ и съѣстныхъ припасовъ бѣдствующимъ инородцамъ.

Дождавшись нѣкотораго облегченія болѣзни Стражевскаго, и вообще поправившись вѣскольکو силами, мы поплыли 4 Сентября въ городъ Березовъ, куда прибыли 10 числа.

Оканчивая этимъ дальнѣйшее извлеченіе изъ моего дневника, какъ неотвоящагося уже къ обстоятельствамъ, бывшимъ причиною бѣдственной всудачи экспедиціи, долгомъ вмѣняю привести искреннюю признательность и благодарность Маіору (нынѣ Подполковнику) Н. И. Стражевскому, отъ имени всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ его, которые вполне обязаны ему спасеніемъ своимъ, какъ отъ свирѣпства язвы на Уралѣ, такъ и въ послѣднее труднѣйшее странствованіе съ нимъ. Благодаримы-

ми распоряженіями, неуспыннымъ попеченіемъ о каждомъ изъ насъ и хладнокровнымъ перенесеніемъ тяжкихъ лишеній и трудовъ, онъ ободрялъ насъ, заставляя съ твердостью и надеждою слѣдовать его прекрасному и рѣдкому, сообразно обстоятельствамъ, примѣру.

Прапорщикъ Д. Юрьевъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЛѢСНАГО ПРОСТРАНСТВА

МЕЖДУ РѢКАМИ УРАЛОМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ ИКОМЪ.

I.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Горы въ юговосточной части Оренбургской губерніи раздѣляются теченіемъ рѣки Сакмары на двѣ главныя горныя системы: западную и самую значительную—составляютъ возвышенная равнина, ограниченная рѣчными долинами большаго Ика и Сакмары, восточную—хребетъ Ирындыкъ и плоскій увалъ, пролегающій между долинами рѣкъ Сакмары и Урала. Обѣ вмѣстѣ составляютъ южную оконечность гористой части Уральскаго хребта и представляютъ широкое плато, имѣющее къ западу и къ югу крутые обрывистые скаты, къ востоку же пологіе и длинныя.

Горная возвышенность, раздѣляющая долину Ика отъ долины Сакмары имѣетъ плоскую и почти горизонтальную вершину, ширину отъ 30 до 40 верстъ (*). Она понижается постепенно на протяженіи своемъ къ югу и раздѣляется около источниковъ рѣки Касмарки на нѣсколько отдѣльных хребтовъ, ограничивающихъ главныя рѣчныя долины сего пространства; далѣе же они пересѣкаются руслами рѣкъ Касмарки, Сакмары

(*) Осмотрѣнное мною пространство ограничивается къ югу и востоку теченіемъ рѣки Урала отъ Кизильской до Верхнеозерной крѣпости, къ сѣверу дорогою, ведущею изъ первой въ Каноникольскій заводъ, и далѣе теченіемъ рѣки большой Ика до Воздвиженской крѣпости.

и Урала, при поворотѣ ихъ теченія отъ востока на западъ, и теряются наконецъ отлогими покатостями въ Киргизскихъ степяхъ на лѣвомъ берегу Урала.

Западная часть горнаго пространства взволнована высокими известковыми хребтами, составляющими уступы главной возвышенности и оканчивающимися отлогими предгоріями у луговой долины большаго Ика. Восточная часть главной возвышенности представляетъ множество плоскихъ уваловъ, пролегающихъ между правыми притоками рѣки Сакмары, и образующихъ крутыми, утесистыми оконечностями своими западный ея, нагорный, берегъ.

Центръ горнаго пространства состоитъ изъ широкой, волнообразной равнины, покрытой темными лѣсами и прорѣзанной многими рѣчками и ручейками. По главному направленію послѣднихъ нетрудно заключить, что вся мѣстность должна имѣть отлогій скатъ къ западу и къ востоку, не смотря на то, что высота горъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ западу; но это нисколько не измѣняетъ общаго ея наклона.

Поверхность равнины взволнована широкими и отлогими горами, возвышающимися на плоскихъ увалахъ между рѣчными долинами; примѣчательнѣйшія изъ нихъ по высотѣ суть: горы Акъ-тау, Аркары-тау и Сугалмагышъ. Онѣ всѣ имѣютъ продолговатый плоскій гребень, покрытый неглубокимъ слоемъ растительной земли, изъ-подъ которой высовываются тонкіе пласты кварцевыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ. Скаты ихъ понижаются сначала отлогими и ровными покатостями до края рѣчныхъ долинъ, гдѣ они круто спускаются на значительную глубину, образуя скалистыми подножіями своими нагорные берега рѣчекъ.

Вся горная возвышенность понижается отъ источниковъ рѣки Касмарки замѣтнымъ образомъ къ югу и раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Куруюла, Касмарки и Идяша, на четыре отдѣльныя возвышенности. Восточную, самую значительную, составляетъ хребетъ Дзяу-тюбя, раздѣляющій долину Сакмары отъ долины Куруюла. Онъ начинается отлогими возвышеніями на плоскомъ увалѣ между вершинами рѣкъ Казанъ-Булака и Узалы, простирается рядомъ высокихъ горъ до русла рѣки Сакмары, гдѣ оканчивается тремя короткими и обрывистыми отрогами противъ д. Гумерової.

Гребень хребта состоитъ сначала изъ двойнаго ряда высотъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 3 до 5 верстъ. Отлогія, плоскія возвышенія восточной горной цѣпи отдѣляютъ къ долину Сакмаръ множество крутыхъ и скалистыхъ отроговъ, раздѣляющихъ долины ея притоковъ. Они состоятъ изъ короткихъ горныхъ отраслей, у коихъ вершины и бока взволнованы скалистыми буграми, и оканчиваются утесистыми обрывами близъ праваго берега рѣки Сакмары.

На западномъ склонѣ хребта находится второй рядъ высотъ, образующихъ нѣкоторымъ образомъ предгорія вышеописанныхъ главныхъ возвышеній. Онѣ состоятъ изъ острыхъ, продолговатыхъ горъ, прорѣзанныхъ восточными притоками рѣки Куруюла; имѣютъ узкіе, голые гребни, крутые, но ровные бока и оканчиваются отлогими предгоріями на поверхности возвышенныхъ уваловъ, образующихъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Куруюла (*).

Хребетъ Дзю-тюби раздѣляется у горы Куюкъ-тау на три отрога; изъ нихъ восточный и самый значительный отдѣляетъ рѣку Сакмару отъ рѣки Бишкужи, средний рѣку Бишкужу отъ рѣки Бухарчу, а западный, послѣднюю отъ рѣки Куруюла.

Первый имѣетъ видъ скалистаго отрога, коего вершина обставлена рядомъ каменистыхъ и продолговатыхъ горъ; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны небольшія отрасли, состоящія изъ многихъ остроковечныхъ бугровъ, соединенныхъ узкими перешейками. На скатахъ горъ обнажаются значительные утесы и большія каменные глыбы, отторгнутыя вѣроятно отъ скалистыхъ вершинъ первыхъ; ихъ поверхность покрыта безчисленными розсыпями и отломками, образующими большія каменные груды у подножія утесовъ. Другіе два отрога хребта Дзю-тюби состоятъ изъ плоскихъ, широкихъ возвышеній, имѣющихъ сначала отлогія и ровныя покатости, но ближе къ рѣчнымъ лощинамъ Бухарчи и Куруюла, они становятся круче, пересѣкаются многими оврагами и оканчиваются

(*) Въ геогностическомъ отношеніи эти горы примѣчательны тѣмъ, что состоятъ изъ толщей чернаго переходнаго известняка, необнаруживающаго правильнаго напластованія; подножія ихъ и вся окружающая мѣстность состоятъ изъ сланцевъ сѣровяжковыхъ и глинистыхъ.

весьма крутыми уступами близъ праваго берега рѣки Сакмары. Вторую часть южнаго склона главной возвышенности составляетъ плоскій, широкій увалъ, раздѣляющій долину рѣки Касмарки отъ долины Куруюла. Онъ состоитъ, отъ начала своего до западнаго поворота рѣки Касмарки, изъ возвышенной равнины, прорѣзанной нѣсколькими глубокими оврагами, въ конѣхъ протекають небольшіе ручейки, впадающіе въ рѣки Куруюль и Касмарку. Отъ устьевъ рѣки Казань-булака измѣняется характеръ мѣстности: плоская возвышенность принимаетъ видъ широко-выпуклаго увала, простирающагося къ западу между долинами Касмарки и Сакмары, взволнованнаго рядомъ высокихъ продолговатыхъ горъ, начинающихся близъ праваго берега Сакмары. Онѣ повидимому составляютъ южное продолженіе высотъ, образующихъ правый нагорный берегъ рѣки Касмарки. У вершинъ уваловъ находятся источники небольшихъ ручейковъ, текущихъ частію къ сѣверу, частію на югъ; лощины ихъ широки и изобилуютъ хорошими пахатными мѣстами.

Отрогъ, раздѣляющій рѣку Идышъ отъ рѣки Касмарки, состоитъ вначалѣ изъ широкаго возвышеннаго увала, покрытаго густымъ лиственнымъ лѣсомъ; отъ него отходитъ въ обѣ стороны множество плоскихъ отроговъ, образующихъ нагорные берега вышепоявутыхъ рѣкъ. Такимъ образомъ простирается отрогъ до горы Уткармакъ, гдѣ отъ приближенія рѣки Идыша къ руслу Касмарки онъ постепенно сгущивается и принимаетъ видъ остраго хребта, коего гребень взволнованъ длинными плоскими горами, образующими къ сѣверу крутые, къ югу же длинные и пологіе скаты. Бока хребта изрыты многими ручейками и лощинами, раздѣляемыми небольшими обрывистыми отрогами. Вершина послѣднихъ обставлена острыми буграми, оканчивающимися крутыми уступами близъ долинъ Идыша и Касмарки. Восточные скаты хребта становятся выше и круче, по мѣрѣ приближенія къ югу, и составляютъ противъ устья рѣки Казань-булака крутой обрывъ, обнаруживающій явные слѣды насильственнаго прорыва рѣчныхъ водъ. На противоположномъ берегу находится подобная утесистая гора; ея острый гребень понижается отлогимъ скатомъ къ югу и сливается съ поверхностію возвышеннаго увала, пролегающаго между рѣками Сакмарою и Касмаркою. По прямой линіи къ югу возвышает-

ся рядъ подобныхъ высотъ, оканчивающихся на правомъ берегу Сакмары близъ д. Барангуловой.

Послѣдній изъ южныхъ отроговъ главной возвышенности образуетъ горы между рѣками Зирганшемъ и Идяшемъ; онѣ начинаются между вершинами рѣкъ Ассели и Идяша въ видѣ плоскаго увала, отдѣляющаго ниже долину послѣдней отъ долины Зирганша и оканчивающагося на правомъ берегу Касмарки противъ д. Бикташевой. Вершина ея сѣуживается по мѣрѣ протяженія къ югу и принимаетъ, отъ горы Урта-елги-тау, видъ остраго каменистаго гребня, взволнованнаго продолговатыми горами. На бокахъ хребта возвышаются острые отроги, раздѣляющіе лощины правыхъ притоковъ рѣки Зирганша и лѣвыхъ притоковъ рѣки Идяша; узкій ихъ гребень понижается отлогимъ скатомъ къ лощинамъ главныхъ рѣчекъ и волнуется грядами известковыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ, имѣющихъ къ оси отроговъ перпендикулярное направленіе. Бока хребта изрыты многими сухими лощинами, достигающими значительной глубины и ширины по мѣрѣ удаленія отъ гребня хребта. Подножія горъ отлогія и ровныя; они взволнованы частію небольшими буграми, происходящими отъ розсыпей горнокаменныхъ породъ, частію же каменными грядами, обнаруживающимися изъ-подъ дерновой обшивки.

Южная оконечность хребта состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ высотъ, именуемыхъ Калакъ-тау; острые гребни ихъ имѣютъ отлогіи склоны къ югу и крутой къ сѣверу. Скаты боковъ изрыты многими лощинами, придающими имъ выпуклый, неровный видъ.

Къ западу и востоку отъ горы Калакъ-тау тянутся нѣсколько отдѣльныхъ острыхъ горъ, неимѣющихъ никакой связи между собою; скаты ихъ взволнованы продольными каменными грядами.

Западный склонъ горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ высокихъ горъ, простирающихся отъ сѣвера на югъ и пересѣкаемыхъ восточными притоками Большаго Ика. Главныя высоты составляютъ горы: Солейманъ-караулъ, Капчикъ, Іоанъ-тапканъ, Емашла и Капъ-сара-сарты; онѣ ограничиваютъ центральную возвышенную равнину съ западной стороны и образуютъ родъ горныхъ бастіоновъ, господствующихъ надъ окружающею мѣстностію на значительное разстояніе.

Гора Солейманъ-караулъ составляетъ высочайшую точку горнаго увала, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Иняка; она имѣетъ плоскоокругленную вершину, ровные скаты и оканчивается крутыми подножіями близъ лощины рѣки Буруль-бія. Отъ нее простирается къ югу возвышенный хребетъ, который оканчивается на правомъ берегу рѣки Иняка горою Каинъ-маякъ. Многіе боковые отроги, раздѣляющіе сѣверные притоки Иняка отъ южныхъ притоковъ Ика, придаютъ ему широкіи, выпуклый видъ.

Противъ горы Каинъ-маякъ на лѣвомъ берегу рѣки Иняка возвышается подобный хребетъ, составляющій раздѣлъ между рѣчными долинами Малаго Сюрjana и Азакли; онъ состоитъ изъ широкаго возвышеннаго увала, отъ котораго отдѣляются въ обѣ стороны не большіе, но крутые отроги, раздѣляющіе лощины боковыхъ притоковъ вышеописанныхъ рѣчекъ. Онъ оканчивается крутыми обрывами близъ устьевъ рѣки Азаклы, на правомъ берегу Малаго Сюрjana. На скатахъ хребта обнажаются мѣстами известковые и глинистые пласты, покрывающіе отломками своими поверхность горъ.

Группа высотъ между Большимъ и Малымъ Сюрjanaми составляетъ южное продолженіе вышеописаннаго хребта; она образуетъ широкіи горный увалъ, среди котораго возвышается гора Капчикъ-тау; она составляетъ центръ горнаго узла, отъ котораго отходятъ въ разныя стороны многіе боковые отроги. Вершина ея представляетъ продолговатую ровную плоскость, покрытую густымъ лѣсомъ. Отлогіе скаты изрыты глубокими лощинами, образующими вершины притоковъ обѣихъ Сюрjanъ. Примѣчательнѣйшія изъ боковыхъ отраслей суть: горный отрогъ, раздѣляющій вершины Урманъ и Капчикъ-елги отъ вершинъ Тугая и Исергапъ-уя; вѣтви, пролегающія между рѣчками Тугаемъ и Джиллею, между Большимъ и Малымъ Алабайталами; и отрогъ, раздѣляющій р. Малаго Алабайталя отъ р. Капчикъ.

Всѣ эти вѣтви имѣютъ плоскіи, широкіи гребень, крутые скаты и обрывистыя оконечности; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны многія второстепенныя отрасли, раздѣляющія лощины боковыхъ притоковъ главныхъ рѣчекъ.

На широкихъ увалахъ, раздѣляющихъ притоки р. Сюрjana отъ притоковъ р. Ямашлы, возвышается продолговатая острая гора

Іоанъ-тапканъ, составляющая продолженіе хребта Капчикъ; высочайшая точка ея находится около вершинъ р. Зиргаиша; она имѣетъ широкій плоскій гребень, крутые скаты и оканчивается крутыми обрывами на правомъ берегу р. Емашлы близъ устья Зиргаиша.

Къ югу отъ предыдущей возвышенности находится гора Емашла-тау, составляющая высочайшую точку горнаго увала между рр. Емашлою и Ускалыкомъ. Она имѣетъ видъ отсѣченного конуса, стоящаго на плоскомъ треугольномъ пьедесталѣ, отъ угловъ котораго отдѣляются три горныя отрасли. Сѣверная изъ нихъ упирается круто къ лѣвому берегу р. Емашлы, противъ оконечности горы Іоанъ-тапканъ; западная составляетъ продолженіе горнаго увала между рѣками Ускалыкомъ и Емашлою, понижается постепенно до горы Сараутъ-тамъ, гдѣ соединяется со вторымъ продольнымъ хребтомъ западнаго горнаго пространства. Отъ него отдѣляются къ югу и сѣверу небольшіе отроги, пролегающіе между притоками рѣкъ Емашлы и Ускалыка. Южная отрасль составляетъ продолженіе промежуточныхъ хребтовъ, соединяющихъ главныя возвышенности западной части горнаго пространства; она оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Малаго Ускалыка, возвышается снова на горномъ увалѣ между долинами обѣихъ Ускалыковъ и простирается къ югу до горы Капъ-сара-сарты.

Хотя съ перваго взгляда трудно замѣтить общую связь между означенными возвышенностями, потому что пересѣкающія ихъ рѣчки придаютъ имъ видъ отдѣльныхъ горныхъ отраслей, но, по составу горнокаменныхъ породъ и относительной высотѣ ихъ къ окружающей мѣстности, нетрудно удостовѣриться въ справедливости сего предположенія.

Южныя части сего хребта составляютъ высочайшіе отроги горныхъ уваловъ, пролегающихъ между лощинами рѣкъ: Ускалыковъ, Акберды и Ассели; значительнѣйшія горы ихъ находятся на гребнѣ означенныхъ уваловъ, имѣютъ широкія выпуклыя вершины, крутые скалистые скаты и обрывистыя подножія.

Вторые и третіе уступы западной части горнаго пространства образуются высокими известковыми хребтами, имѣющими общее протяженіе отъ сѣвера на югъ; они раздѣляются теченіемъ рѣкъ Иняка, Сюряней, Ускалыка, Ассели, Касмарки и Сакмары на отдѣльныя части, кои впрочемъ, по наружному виду горъ и по

внутреннему ихъ составу, немногимъ разнствуютъ другъ отъ друга.

Въ сѣверной части осматриваемаго пространства начинается главный известковый хребетъ у д. Юлдубаевой, на лѣвомъ берегу Большаго Ика; онъ состоитъ изъ двойнаго ряда продолговатыхъ высотъ, пролегающихъ по обѣимъ сторонамъ р. Арба-елги. Правый изъ нихъ оканчивается круто, близъ устья р. Акъ-ташъ; лѣвый же, самый значительный, простирается нѣсколькими отдѣльными высотами вдоль праваго берега р. Иняка до горы Кизилъ-ташъ, гдѣ оканчивается крутымъ скалистымъ обрывомъ.

Вершина хребтовъ состоитъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ возвышеній, отдѣляемыхъ небольшими впадинами или лощинами. Бока ихъ представляютъ выпуклыя, крутыя покатости, взволнованныя продольными каменными грядами; ближе къ гребню обнажается обыкновенно невысокій пластъ известняка, проходящій по всей длинѣ хребта. Подножія горъ оканчиваются отлогими скатами у луговыхъ долинъ рр. Арба-елги и Иняка, но образуютъ крутые обрывы тамъ, гдѣ прорѣзываются лощинами притоковъ сихъ рѣчекъ.

Отъ западнаго продольнаго хребта отдѣляются два горные отрога, составляющіе послѣдній уступъ горнаго пространства. Сѣверный изъ нихъ отдѣляетъ долину р. Майки отъ вершинъ притоковъ Ика и оканчивается близъ деревни Красной Мечети. Южный пролегаетъ между вершинами ручейковъ, текущихъ съ одной стороны въ р. Икъ, съ другой въ р. Арба-елги, и оканчивается довольно круто на правомъ берегу Иняка близъ д. Тупчаковой. Обѣ эти отрасли представляютъ широкія горныя возвышенности, раздѣленные рѣчными лощинами на множество боковыхъ отраслей и оканчиваются отлогими покатостями, близъ луговыхъ долинъ Ика и Иняка.

Вышеписанные продольные хребты продолжаютъ на лѣвомъ берегу Иняка въ слѣдующихъ направленіяхъ: восточный раздѣляетъ долину р. Ургени отъ долины Малаго Сюрjana, пересѣкаетъ ее выше деревни Бикбердиновой и является на пространствѣ между обѣими Сюрjanaми въ видѣ невысокаго хребта, оканчивающагося отлогими скатами на правомъ берегу Большаго Сюрjana. Западный простирается между лощинами обѣихъ Ургеней до деревни Итбоковой, оканчивается острымъ мысомъ на пра-

вомъ берегу Малаго Ургеня, возвышается снова на противоположномъ ей берегу и простирается далѣе чрезъ русло Мал. Сюрjana до р. большого Сюрjana, гдѣ упирается крутымъ утесомъ къ луговой лощинѣ.

Первый хребетъ представляетъ возвышенную горную цѣпь, которая сѣуживается по мѣрѣ приближенія къ Малому Сюрjanу; бока ея имѣютъ сначала крутые скаты, но становятся отложе къ подножіямъ. Боковые отроги, раздѣляющіе притоки Малаго Ургеня и Сюрjana, оканчиваются у береговъ первой многими крутыми и высокими предгоріями.

Второй продольный хребетъ имѣетъ первоначально плоскій гребень, крутые скаты и отлогія подножія, взволнованныя значительными предгоріями. На протяженіи между рр. Ургеню и Мал. Сюрjanомъ гребень его становится острѣе, скаты прорѣзаны многими лощинами и взволнованы небольшими выступами; на западной сторонѣ ихъ видны значительные известковые пласты, образующіе стѣнообразные уступы.

Изъ боковыхъ его отраслей заслуживаетъ особенное вниманіе горная вѣтвь, раздѣляющая долину Большаго Ургеня отъ долины Ика. Она состоитъ изъ высокаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Каншатъ, Казырматъ и Казырбай; бока хребта круты, въ особенности къ востоку; они изрыты многими лощинами, образующими вершины притоковъ Ика и Ургеня; подножія его взволнованы небольшими отрогами, оканчивающимися высокими предгоріями на лѣвомъ берегу Ургеня, къ западу же они простираются отлогими покатостями до луговой долины Ика.

Продолженіе хребта составляютъ на лѣвомъ берегу Ургеня горы Камя-тау и Маслги-мурунъ; онѣ тянутся небольшимъ изгибомъ отъ сѣвера на югозападъ и оканчиваются у русла Большаго Ика въ трехъ верстахъ выше д. Бурулчи. Высочайшую точку хребта образуетъ гора Камя-тау, находящаяся близъ источниковъ р. Багамъ-тугана; весь хребетъ понижается отъ нее къ сѣверу и къ югу отлогимъ острымъ гребнемъ. Скаты, обращенные къ востоку, круты, къ западу же они отлоги и взволнованы небольшими отрогами, раздѣляющими притоки Сюрjana и Ика. У горы Маслги-мурунъ хребетъ возвышается снова, но не на значительную высоту.

На пространствѣ между рр. Сюрjanомъ и Ускалыкомъ

являются продольные известковые хребты также двумя отдельными частями: восточная начинается отлогими горами на правом берегу Бол. Сюрюна, возвышается постепенно до горы Сараутъ-ташъ, отъ которой продолжается къ югу до русла Ускалыка въ видѣ высокаго хребта; западная простирается небольшимъ изгибомъ къ югозападу и оканчивается крутымъ обрывомъ близъ д. Андреевки. Онъ имѣетъ волнообразный гребень, шириною около 50 сажень; бока его круты, мѣстами утесисты и между главными лощинами отдѣляются небольшіе отроги, образующіе родъ контрфорсовъ главной горной возвышенности. Западные подножія его оканчиваются отлогими покатостями у лѣваго берега Ика и волнуются невысокими предгоріями.

Главную боковую отрасль сего хребта составляетъ гора Кирпы; она отдѣляется сначала отлогимъ сыртомъ, возвышающимся постепенно на протяженіи своемъ къ западу, и принимаетъ наконецъ видъ остраго стѣнообразнаго хребта, образующаго правый нагорный берегъ р. Кирпы. Восточные скаты его круты и ровны, западные отлоги, изрыты многими ямами и впадинами. Отлогій увалъ соединяетъ гору Кирпы съ хребтомъ Солейманъ-карауломъ, который раздѣляетъ лощины ручейковъ Кайраклы и Тюряклы; гребень его обставленъ отлогими невысокими горами, отъ коихъ отходятъ небольшіе отроги къ лощинамъ Ика и Сюрюна. Онъ составляетъ, въ соединеніи съ горою Маелги-мурунъ, послѣдній уступъ всей горной возвышенности.

Мѣстность между рѣками Ускалыкомъ и Касмаркою имѣетъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и вышеописанныя части западнаго горнаго пространства, но по причинѣ многихъ высокихъ отраслей, отходящихъ отъ главныхъ продольныхъ хребтовъ, трудно опредѣлить настоящее протяженіе послѣднихъ; соображаясь однако съ направлениемъ хребтовъ въ сѣверныхъ частяхъ, можно нѣкоторымъ образомъ найти южное продолженіе ихъ въ пространствѣ между рр. Ускалыкомъ и Касмаркою. И такъ восточный продольный хребетъ возвышается на лѣвомъ берегу Ускалыка подъ названіемъ Кара и Аби-тау, оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу р. Ассели, продолжается далѣе въ видѣ хребта Эси-аргазы до вершинъ р. Зиргаиша, гдѣ поворачивается небольшимъ изгибомъ къ западу, отдѣляя ниже рѣчныя лощины Зиргаиша и Бузяна.

Второй продольный хребетъ возвышается на лѣвомъ берегу Ускалыка подъ названіемъ Аптрынь-тау, простирается между рр. Ассели и Касмаркою въ видѣ хребта Артышлы-тау, переходитъ у деревни Кундуровки р. Сакмару и оканчивается къ западу отъ Верхнеозерной крѣпости Геріальскими горами.

Между этими главными хребтами простирается множество промежуточныхъ отраслей, раздѣляющихъ боковыя притоки Ассели и Касмарки. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ суть горы: Янчура-тау, Кама-тау, Куйганакъ-тау, Соплаякъ-тау, Асселибей-ширма, Бердали-тау, Тыкъ-булякъ, Тышыкъ-тау, Катыкъ-тамъ-тау, Сжикъ-курянъ-тау, Ассели-кисыкъ и Бабай-тау.

Всѣ эти возвышенія имѣютъ одинаковый наружный видъ; острый продолговатый ихъ гребень имѣетъ протяженіе отъ сѣвера на югъ; онъ по большей части голъ и покрытъ неглубокимъ слоемъ растительной земли. Крутые скаты ихъ изрыты многими сухими лощинами. Напластываніе горнокаменныхъ слоевъ примѣтно даже изъ-подъ дерновой покрывши; ближе къ вершинамъ обнажаются во многихъ мѣстахъ значительныя известковыя толщи въ видѣ невысокихъ утесовъ. Подножія горъ оканчиваются отлогими покатостями въ лощинахъ раздѣляемыхъ ими ручейковъ, и образуютъ крутые обрывы тамъ только, гдѣ перебѣкаютъ теченіемъ главныхъ рѣкъ. Родъ предгорія хребтовъ Аптрынь и Артышлы-тау составляютъ отлогія возвышенія, раздѣляющія низовыя притоки рѣкъ Ускалыка, Ассели, Белегужа и Касмарки. Главную возвышенность между первыми двумя рѣчками составляетъ гора Сафынь-тау, отъ которой отходятъ небольшія отлогія увалы между лощинами ручейковъ Аптрыни, Суліемъ-узика и Каракумъ-елги.

Предгорія хребта Артышлы-тау состоятъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ горъ, понижающихся постепенно къ западу и оканчивающихся отлогими покатостями у луговой лощины большаго Ика. Западная оконечность главнаго горнаго пространства образуется между рѣками Белегужемъ и Касмаркою хребтомъ Сагыль-тау; онъ простирается отъ сѣвера на югъ и отдѣляетъ притоки рѣкъ Белегужа и Сакмары отъ притоковъ Касмарки.

Восточныя покатости плоской возвышенности имѣютъ ха-

рактёръ несравненно единообразнѣе, чѣмъ западные; они раздѣляются теченіемъ обѣихъ Зилаировъ на два главные уступа, раздѣляющіе, въ видѣ широкихъ уваловъ, долины рѣкъ Урманъ-зилаира, Яланъ-зилаира и Сакмары.

Первый увалъ пролегаетъ сначала между вершинами Иковъ и притоками Яланъ-зилаира, составляетъ далѣе черту раздѣла между долинами обѣихъ Зилаировъ. Гребень его представляетъ отлогую выпуклость, взволнованную плоскими возвышеніями. По мѣрѣ приближенія къ югу, онъ постепенно расширяется и принимаетъ видъ возвышеннаго плоскаго увала, покрытаго густымъ лѣсомъ. Скаты его, обращенные къ западу, имѣютъ сначала отлогую покатость, но оканчиваются, на лѣвомъ берегу Урманъ-зилаира, крутыми, утесистыми обрывами, изрытыми многими глубокими оврагами, въ коихъ протекаютъ восточные притоки означеннаго Зилаира. Скаты, обращенные къ долинѣ Яланъ-зилаира, имѣютъ паденіе отлогое и ровное; они взволнованы узкими увалами, раздѣляющими лощины правыхъ ея притоковъ и образуютъ крутыми оконечностями своими западный нагорный берегъ рѣки Яланъ-зилаира. Вся возвышенность раздѣляется близъ источниковъ рѣки Баракала на двѣ отрасли, имѣющія впрочемъ одинаковый характеръ съ главнымъ уваломъ.

Югосточную оконечность увала образуетъ правый нагорный берегъ рѣки Сакмары между устьями обѣихъ Зилаировъ. Онъ представляетъ рядъ скалистыхъ утесовъ, возвышающихся надъ поверхностію рѣки сажень на 20; глубокіе овраги прорѣзываютъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и придаютъ имъ дикій, величественный видъ.

Второй уступъ горной возвышенности образуется уваломъ, раздѣляющимъ долину Яланъ-зилаира отъ долины верхней Сакмары; онъ простирается въ видѣ широкаго хребта въ недалекомъ разстояніи отъ русла Зилаира. На крутыхъ западныхъ скатахъ его возвышаются короткіе отроги, пролегающіе между притоками Яланъ-зилаира и оканчивающіеся на правомъ ея берегу крутыми высокими обрывами. Восточные скаты взволнованы, какъ и предъидущіе, многими боковыми отраслями, но они отложе и длиннѣе первыхъ. Не доходя версты на двѣ до русла Сакмары, они возвышаются замѣтно и образуютъ на правомъ ея, нагорномъ, берегу значительныя высоты.

III.

КРАТКІЙ ГЕОГНОСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СТРАНУ МЕЖДУ РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ.

Разсматривая направленіе главныхъ рѣчекъ, протекающихъ въ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, нетрудно заключить, что общая геогностическая ось всей горной возвышенности проходитъ между бассейнами притоковъ верхней и средней Сакмары, то есть, раздѣляетъ вершины обѣихъ Зилай-ровъ отъ вершинъ Ика и Касмарки. Господствующую горно-каменную породу въ центральныхъ возвышеніяхъ составляютъ широкіе пласты слюдястаго кварца, имѣющіе положеніе почти горизонтальное. Отъ примѣси полеваго шпата и слюды, они частію переходятъ въ гнейсъ, частію въ твердый слюдястый сланецъ, встрѣчаются преимущественно на увалахъ между притоками рѣки Яланъ-зилаира. Объемъ центральной горной формации необширенъ; она простирается 10-верстною полоскою къ югу до источниковъ рѣки Урманъ-зилаира, гдѣ теряется подъ глинистыми и сѣрвакковыми сланцами южной оконечности горнаго пространства.

Горнокаменные толщи первозданной формации покрыты слоемъ песчанистой глины, имѣющей въ долинахъ глубину отъ 2 до 4 аршинъ, на вершинахъ же горъ она не выше 1 аршина. Надъ этимъ слоемъ находится пластъ растительной земли, состоящей изъ глины, кремнезема и желѣзистыхъ частицъ, смѣшанныхъ съ растительными веществами; онъ такъ же, какъ и предъидущій пластъ, толще въ низменностяхъ и тоньше на горахъ; въ первыхъ обыкновенная его глубина до 1 аршина и болѣе, въ послѣднихъ рѣдко болѣе 1 фута. Онъ представляетъ вообще отличнѣйшую лѣсную и луговую почву, которая къ произведенію хлѣбныхъ растений менѣе удобна, частію по возвышенному положенію самой мѣстности, частію по малой ея способности удерживать теплоту. Влажность же самой почвы и изобиліе дождей и свѣговъ доказывается весьма явно тѣмъ, что вершины главныхъ притоковъ рѣкъ Ика и Сакмары находятся на скалахъ первозданныхъ горъ.

Къ югу и западу отъ вышеописанной формации примыкаютъ горнокаменные породы, принадлежащія къ древней переходной области; онѣ состоятъ въ восточной части изъ глинистыхъ и

тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся сланцы бѣлаго кварца въ видѣ подчиненной породы. Всѣ эти пласты простираются отъ сѣвера на югъ, весьма значительно наклоняясь къ востоку. За ними слѣдуютъ сланцы сѣровакковые и глинистые, обнаруживающіе въ западныхъ частяхъ области линую примѣсь извести, и тутъ встрѣчаются пласты кварцевые, но не столь часто, какъ въ предъидущихъ породахъ.

Горнокаменные породы древней переходной области занимаютъ пространство, ограниченное къ западу горами Солейманъ-караулъ, Капчикомъ, Емагила-тау и Капъ-сара-сарты, къ востоку предъидущею формациею и рѣкою Сакмарою.

Поверхность мѣстности представляетъ возвышенную равнину, взволнованную плоскими, широкими горами и изрытую глубокими оврагами. Почва земли вообще лучше на равнинахъ, чѣмъ въ оврагахъ; въ первыхъ она состоитъ изъ слоя чернозема, имѣющаго высоту отъ 1 до 1½ аршина и содержащаго глинистыя, кремнистыя и металлическія частицы, смѣшанныя съ растительными веществами; во вторыхъ же глубина чернозема въ половину меньше предъидущей и содержитъ множество камней и галекъ, отломившихся отъ обнаженныхъ горнокаменныхъ толщій. Подземъ образуется каменистою глиною, имѣющею толщину въ 2 и 3 аршина. Каменистая почва сей области впрочемъ нисколько не препятствуетъ прозябанію лѣсовъ, даже на совершенно голыхъ утесахъ растутъ деревья очень хорошо; притомъ розсыпи, въ долинахъ рѣчекъ, покрыты густою травою и кустами. Физическія свойства почвы земли оказываютъ весьма хорошее вліяніе на растительность вообще. Почва здѣсь болѣе вязкая, чѣмъ рыхлая; имѣетъ способность удерживать влажность и теплоту въ большей степени, чѣмъ земли предъидущей формациі, что и доказывается довольно хорошимъ произрастеніемъ нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ, какъ то: дуба, липы и клена, требующихъ почвы тучной и хорошей.

Горы на западномъ склонѣ плоской возвышенности состоятъ изъ толщій переходнаго известняка сѣросиневатаго цвѣта и пеленчатого пзлома; въ главномъ хребтѣ, т. е. въ горахъ Солейманъ-караулъ, Капчикъ, Іоанъ-тапкашъ и Емашлъ-тау, известковые сланцы перемеживаются съ сланцами глинистыми и сѣровакковыми, образуя такимъ образомъ общую границу между обѣими смежными формациями. Остальные два продолжные хребта,

равно какъ и все пространство между ими, состоятъ изъ толщей угленоснаго известняка, имѣющихъ весьма правильное напластованіе. Непосредственно надъ известнякомъ находится пластъ известковой глины желтоватаго или краснаго цвѣта, смотря по большей или меньшей примѣси желѣза; глубина слоя не вездѣ одинакова: въ долинахъ она бываетъ отъ 3 до 5 футовъ, на горахъ рѣдко болѣе 2 футовъ. Надъ глиною лежитъ тучный пластъ черной земли, состоящей изъ глинистыхъ, известковыхъ, кремнистыхъ и растительныхъ частицъ; онѣ образуютъ отличную почву для луговыхъ и хлѣбныхъ растений, особенно въ долинахъ и на отлогихъ покатостяхъ горъ. Гребень же хребтовъ, равно какъ и крутые скаты ихъ, каменисты и мало способны для прозябанія лѣсовъ, по сухости и скудости самой почвы. Исключеніе изъ сего составляетъ главный восточный хребетъ, который покрытъ сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ, произрастающимъ хорошо на восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ горъ.

Почва земли на западномъ склонѣ горнаго пространства теплѣе почвы центральной равнины, потому что господствующія лѣсныя породы въ первой состоятъ изъ дуба и липы, требующихъ несравненно болѣе теплоты, чѣмъ сосна и береза; впрочемъ, по немногимъ точнымъ наблюденіямъ надъ температурою ключей и колодцевъ, трудно доказать справедливость сего предположенія. Что же относится до способности почвы удерживать влажность, то нѣтъ сомнѣнія, что она на западномъ склонѣ горнаго пространства менѣе значительна, чѣмъ на возвышенныхъ центральныхъ равнинахъ.

Ближайшая къ рѣкѣ Ику мѣстность принадлежитъ къ формации древняго песчаника, составляющаго основаніе западныхъ предгорій плоской возвышенности. Горы Казырбай, Камл-тау, Кирпы и Сагилъ-тау состоятъ изъ крупнозернистаго, твердаго песчаника, коего кварцовыя, роговиковыя и яшмовыя зерна связаны известковымъ тестомъ (*). Между песчаникомъ находятся толщи гипсовыя, въ коихъ отъ теченія подземельныхъ водъ образовались значительныя впадины въ видѣ колодцевъ.

(*) Хорошіе жерновые камни выламываются на горѣ Кирпы.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Ику песчаникъ становится болѣе мелкозернистымъ и принимаетъ наконецъ сѣроватый цвѣтъ. Песчаниковые пласты покрыты въ долинахъ и на отлгахъ покатоствхъ горъ слоемъ желтоватой глины, толщиною въ 3 и 4 фута; за нею слѣдуетъ пластъ чернозема, глубиною въ 1 аршинъ, и состоящій изъ кремнистыхъ, глинистыхъ, известковыхъ и растительныхъ частицъ, образующихъ весьма хорошую почву для луговъ и пашень, но менѣе удобную для лѣсовъ; она довольно вязка, суха и удерживаетъ теплоту хорошо. На вершинахъ и на скатахъ горъ почва земли несравненно хуже и гребни высотъ большею частию голы. Луговая долина Ика имѣетъ влажную и отличную черноземную почву.

Отлогіе хребты, образующіе восточныя покатоствы центральной возвышенности, состоятъ изъ слюдястыхъ и тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся тонкіе пласты бѣлаго кварца. Они тянутся 20-верстною полоскою между рѣчными бассейнами Баракала и Юлука до рѣки Сакмары и теряются на лѣвомъ ея берегу подъ зеленокаменными и сѣрвакковыми породами, образующими основаніе горъ западной части Губерлинской возвышенности. Надъ слюдястыми и тальковыми сланцами находится пластъ желтой песчанистой глины, толщиною въ 1 до 3 аршинъ, а надъ нею черная земля, глубиною въ 1 и 1½ аршина. Главныя составныя части послѣдней образуютъ: слюдястый песокъ, глину, тальковую землю и металлическія вещества въ значительной примѣси растительныхъ частицъ. Почва земли вообще рыхлая, сухая и мало способна удерживать теплоту.

Горы, составляющія правый нагорный берегъ рѣки Сакмары отъ начала ея до устья рѣки Юлука, состоятъ изъ сланцевъ зеленокаменныхъ, имѣющихъ общее протяженіе отъ сѣвера на югъ и паденіе къ западу. Въ видѣ подчиненныхъ породъ являются мѣстами кварцевые, роговиковые и яшмовые сланцы. Горнокаменныя толщи сего пространства покрыты глубокимъ пластомъ глины, содержащей значительный процентъ песку, надъ ними находится рыхлый, сухой слой сорной земли, заключающій песокъ, глину, металлическія и растительныя частицы. Почва земли на семъ пространствѣ довольно скудна и мало удобна для произведенія хлѣбныхъ и луговыхъ растеній; она удерживаетъ влажность лучше, чѣмъ теплоту, но при всемъ томъ не представляетъ хорошей лѣсной почвы.

III.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РѢКАМИ УРАЛОМЪ И САКМАРОЮ (*).

Пространство между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляется въ орографическомъ отношеніи въ трехъ главныхъ видоизмѣненіяхъ. Въ сѣверной части хребетъ Ирындыкъ и его отроги придаютъ мѣстности характеръ гористый; средняя часть представляетъ плоскую и ровную возвышенность, которая къ югу оканчивается крутыми отрогами Губерлинскихъ горъ.

А. — Хребетъ Ирындыкъ.

Ирындыкъ составляетъ съ начала черту водораздѣла между долинами Сакмары и Урала; на протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ онъ болѣе и болѣе отклоняется отъ береговъ Сакмары и отдѣляетъ ниже долину Тавалыка отъ долины Урала.

Онъ имѣетъ видъ горной возвышенности, которой вершина представляетъ скалистую и вольнообразную площадь, ширину отъ 2 до 3 верстъ. Основаніе ея, считая отъ подножій главныхъ отроговъ, не шире 15 верстъ. Она поднимается едва замѣтнымъ образомъ къ югу до горы Су-урганъ, оканчивается тутъ крутымъ уступомъ и образуетъ далѣе до устьевъ рѣки Тавалыка плоскую, но довольно возвышенную равнину.

Геогностическая ось Ирындыка имѣетъ направленіе отъ сѣвера на югъ, сначала въ разстояніи 10 до 12 верстъ отъ Сакмары и въ 30 верстахъ отъ рѣки Урала. Ниже противъ Уртазымской крѣпости она отстоитъ верстъ на 8 отъ Тавалыка и верстъ на 40 отъ береговъ Урала.

На вершинѣ горной стѣны возвышается рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, составляющихъ центръ возвышенности; онѣ отчасти расположены на геогностической оси, отчасти въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. По мѣрѣ пониженія центральныхъ горъ, понижаются и соединяющіе ихъ увалы. Къ югу отъ горы Байура-тау они состоятъ изъ отлогихъ хребтовъ, имѣющихъ высоту незначительную въ сравненіи съ высотой соединяе-

(*) Осмотрѣнное мною пространство между Ураломъ и Сакмарою ограничивается къ сѣверу горою Тарывлы-тау и озеромъ Султанскимъ, гдѣ окончена съемка 1837 года.

мыхъ ими горъ. Срединѣ уваловъ нѣсколько вогнута въ видѣ сѣдла; перешейки, раздѣляющіе долины противоположныхъ скатовъ, составляютъ самыя низменныя части хребта, по коимъ пролегаютъ главные горные проходы.

Бока хребта, или сумма скатовъ главной горной возвышенности и ея отроговъ, представляютъ выпуклыя и неровныя плоскости, образующія нѣсколько уступовъ отъ вершины до подножія. На бокахъ хребта обнажаются мѣстами значительныя скалы, образующія частію утесы, частію зубчатыя гряды. Каменные глыбы и отломки покрываютъ большую часть поверхности скатовъ. Въ вогнутыхъ частяхъ хребта начинаются горныя лощины, по коимъ стекаютъ снѣговыя и дождевыя воды. До вершинъ рѣки Танаалыка, главные лощины имѣютъ направленіе перпендикулярное къ оси хребта; ниже онѣ отдѣляются подъ острыми углами. Главныя изъ нихъ имѣютъ начало свое на гребнѣ хребта у подножіи высочайшихъ горъ, въ видѣ широкихъ и отлогихъ полянъ, около коихъ сосредоточивается множество второстепенныхъ лощинъ; далѣе протяженіе ихъ соразмѣрится съ видомъ и формою прилежащихъ горныхъ отраслей.

Западные скаты вообще круче и короче восточныхъ. Они спускаются отъ гребня хребта подъ значительнымъ угломъ склоненія, но становятся по мѣрѣ приближенія къ подножіямъ отлогие и ровнѣе; уступы и обрывы на бокахъ хребта придаютъ имъ видъ весьма неправильный.

Восточные скаты имѣютъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и западные, но по причинѣ многихъ и значительныхъ отраслей, отдѣляемыхъ главнымъ хребтомъ въ эту сторону, они несравненно разнообразнѣе. Вся горная масса понижается къ востоку четырьмя главными уступами: первый образуется скалами центральныхъ высотъ; второй скалами высотъ, отдѣляющихъ вершины рѣкъ Кизила, Худалаза и Уртазыма; третій скалами высотъ, съ коихъ вытекаютъ степные притоки этихъ рѣкъ, и четвертый увалами, образующими ниже раздѣла между рѣчными бассейнами Кизила, Худалаза и Уртазыма.

Подножія сѣверной части Ирындыка отлоги и сухи; они перерѣзаны глубокими лощинами рѣчекъ и ручейковъ, впадающихъ въ Сакмару и Кизилъ. Горные отроги между лощинами тянутся рядомъ не высокихъ, но каменистыхъ высотъ, окан-

чивающихся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчныхъ долинъ. Оконечности западныхъ отроговъ образуютъ отъ озера Таналыка лѣвый нагорный берегъ рѣки Таналыка. Мѣстность между отрогами перерѣзана многими ручейками и представляетъ отчасти сухія, отчасти кочковатыя и болотистыя долины. Ниже озера Талкача западные подножія Ирындака оканчиваются у тонкаго болота, имѣющаго протяженіе отъ сѣвера на югъ верстъ на 25.

Центръ горной массы составляютъ горы, возвышающіяся около геогностической оси; изъ нихъ самыя значительныя: Тарывли-тау, Кузимъ-ташъ-тау, Янчусей-тау, Сыкертмы-тау, Кашъ-тау, Токта-ярганъ-бійкъ-тау, Карсига-башъ-тау, Калябашъ-тау, Имютай-тау, Яогазлы-тау, Улакъ-башъ-тау, Байгура-тау, Зарбалта-тау, Сара-ужъ-ташъ-тау, Байгужа-тау, Кирякъ-тау и Су-урганъ-тау. Между этими горами находится еще рядъ высотъ, составляющихъ непрерывную связь между первыми; онѣ, въ отношеніи высоты и крутизны, немногимъ уступаютъ главнымъ горамъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ гребень широкій, округленный и нѣсколько выпуклый въ видѣ купола; у другихъ, какъ то, у горъ: Янчусей, Кашъ-тау, Байчура, Байчума и Су-урганъ, гребень состоитъ изъ группы сопокъ, соединенныхъ острыми увалами; на вершинахъ ихъ высовываются значительныя горнокаменные толщи, частію въ видѣ утесистыхъ и зубчатыхъ стѣнъ, частію высокими пирамидальными шиханами, какъ то, на вершинахъ горъ: Кузимъ-ташъ-тау, Сеитъ-тау и Калябашъ-тау. Гребень горъ вообще каменистъ и голъ. Скаты сначала круты и утесисты, но ниже они становятся отложе, и по большей части завалены каменными глыбами, отломившимися отъ утесовъ. Бока горъ изрыты въ разныхъ направленіяхъ многими неглубокими лощинами, изъ коихъ вытекаютъ вершины горныхъ потоковъ. Скаты горъ, имѣя въ сложности одинакую покатость со скатами всей возвышенности, составляютъ главныя выпуклости ея боковъ; отъ главныхъ горъ отдѣляется большая часть боковыхъ отраслей и отроговъ. Послѣдніе состоятъ изъ ряда возвышеній, понижающихся по мѣрѣ удаленія своего отъ центральныхъ горъ. Составляя нѣкоторымъ образомъ продолженіе ихъ скатовъ, они образуютъ родъ контрфорсовъ, поддерживающихъ горную стѣну. Оконеч-

ности ихъ составляютъ широкія и каменистыя возвышенія, раздѣляющія лощины горныхъ ручейковъ.

Хребетъ Ирындыкъ отдѣляетъ къ западу слѣдующія боковыя отрасли:

1) У горы Кузимъ-ташъ-тау отходятъ три горныя вѣтви. Сѣверная тянется въ видѣ короткаго, но высокаго скалистаго отрога, составляющаго правый нагорный берегъ рѣки Тляпъ-тарки; оканчивается круто въ 2 верстахъ отъ русла Сакмары.

Средняя раздѣляетъ лощины двухъ главныхъ источниковъ рѣки Тляпъ-тарки и оканчивается обрывистыми скатами у точки соединенія ихъ.

Южная отрасль раздѣляетъ долину рѣки Тляпъ-тарки отъ долины рѣки Сатала; она обхватываетъ вершину лѣваго ея источника и поворачиваетъ круто на югъ, отдѣляя ниже, въ видѣ отрога и крутаго хребта лощины, обоихъ источниковъ рѣки Сатала. Она оканчивается отлогими скатами у соединенія обоихъ ручейковъ. Продолженіе отрасли возвышается на лѣвомъ берегу рѣки Сатала и образуетъ главную черту раздѣла между долинами Тавалыкомъ и Сакмарою.

Отъ горы Кузимъ-ташъ-тау до горы Кашъ-тау хребетъ Ирындыкъ не отдѣляетъ къ западу значительныхъ отраслей. Лощины притоковъ Тавалыка, какъ то, рѣки: Шугуръ, Караузякъ, Баталь-сазъ, Актушъ, Караганлы-сазъ, Тукмакъ, Акминзы-таллы-узякъ и Ташъ-китъ, раздѣляются короткими отрогами, отходящими отъ центральныхъ высотъ, и составляющими нѣкоторымъ образомъ пониженные уступы горныхъ скатовъ.

2) Отъ горы Кашъ-тау отдѣляется къ западу высокій и скалистый отрогъ, образующій правый нагорный берегъ рѣки Абу-уминъ-елги; онъ оканчивается высокою горою Ильсинбикка-тау на лѣвомъ берегу рѣки Тавалыка. Возвышенія, соединяющія гору Ильсинбикку съ центральною массою Ирындыка, имѣютъ видъ продолговатыхъ, острыхъ горъ, соединенныхъ отлогими скатами. Подножія ихъ взволнованы небольшими буграми, составляющими продолженіе скатовъ; они перерѣзаны многими лощинами, впадающими въ ручейки: Абу-ульманъ и Ташъ-китъ. Высочайшую точку хребта составляетъ гора Ильсинбикка; она немногимъ ниже центральныхъ горъ; имѣетъ вершину острую, скалистую и крутые обрывистые скаты. Небольшіе отроги.

отдѣляемые ею въ разныя стороны, образуютъ отлогіе уступы главной возвышенности.

Ниже сей отрасли отдѣляются четыре небольшіе отрога, составляющіе раздѣлъ между долинами рѣкъ: Абдулминъ-елги, Карсяги, Шурбамъ и Бакиръ-узяка. Они понижаются круто и оканчиваются невысокими пригорками у лѣваго берегу Таналыка.

3) Вправо отъ вершинъ Бакиръ-узяка отдѣляется отъ хребта Ирындыка утесистый отрогъ, оканчивающійся скалистымъ обрывомъ Сусканъ-мураною.

Рядъ бугровъ невысокихъ и отлогіхъ, раздѣляющихъ лощины Юалы и Бакиръ-узяка, составляютъ продолженіе сего отрога; онъ поворачиваетъ противъ д. Буронбаевой къ югу и раздѣляется на двѣ вѣтви: восточная, возвышаясь постепенно, принимаетъ видъ остраго, высокаго хребта, составляющаго правый нагорный берегъ лощины Юалы; высочайшую его точку образуетъ гора Сува-карышканъ. Западная составляетъ лѣвый нагорный берегъ р. Таналыка отъ устьевъ Бакиръ-узяка до устьевъ Юалы. Главныя возвышенности сей вѣтви составляютъ горы: Искизма-тау, Тюлюли-тау и Карагасъ-тюбя. Между ними находятся нѣсколько промежуточныхъ горъ, соединенныхъ широкими и возвышенными увалами. Гребень высотъ представляетъ выпуклую и округленную площадь, на которой обнажаются значительныя горнокаменные толщи. Крутые скаты ихъ голы и каменисты; они изрыты многими лощинами, имѣющими начало свое на увалахъ между возвышенностями. Отроги между лощинами понижаются къ западу рядомъ невысокихъ бугровъ, составляющихъ родъ уступовъ главной вѣтви. Восточные скаты оканчиваются отлогими подножіями у луговой долины Юалы.

4) Между лощинами Юалы и Шаланды отдѣляется отъ горы Байгура-тау отлогая и невысокая вѣтвь, которая оканчивается не высокимъ, но крутымъ уступомъ у долины р. Таналыка.

5) Невысокій и отлогіи увалъ, отходящій къ западу отъ горы Билекей-байчура, отдѣляетъ долину Шаланды отъ долины Карагайлы-узянъ и оканчивается у береговъ Таналыка продолговатыми высотами, отдѣляемыми небольшими лощинами.

6) Отъ горы Зоръ-балта отдѣляется къ югозападу невысокая отлогая вѣтвь, соединяющая гору Билекей-балту съ первою; она простирается далѣе рядомъ отлогіхъ высотъ, до русла Таналы-

ка, и отдѣляетъ лошину Карагайлы-узла отъ лошины Айры-сакъ. Гора Белекей-балта составляетъ высочайшую точку отрога. Продолговатая и острая вершина ея возвышается круто надъ всею мѣстностью. Она немногимъ ниже горы Зорь-балта.

Восточныя вѣтви Ирындыка раздѣляются, какъ выше сказано, на четыре главные разряда. Къ первому принадлежатъ всѣ короткіе отроги, отдѣляющіе вершины и горные притоки рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Они составляютъ продолженіе центральныхъ горъ, отъ которыхъ отдѣляются въ видѣ высокихъ хребтовъ. На острыхъ гребняхъ возвышаются скалистые шиханы, поддерживаемые небольшими отрогами или контрфорсами. Скалистые скаты понижаются крутыми утесами до самыхъ подножій и образуютъ узкія горныя долины, въ коихъ протекаетъ множество рѣчекъ и ручейковъ.

Этотъ видъ имѣютъ горные отроги первого разряда отъ горы Тарывлы-тау до горы Байгура-тау. Къ югу отъ послѣдней они отдѣляются отлогими увалами, соединяющими центральныя горы съ восточными оконечностями Ирындыка. Подобные увалы отдѣляются:

а) отъ горы Байзура-тау, которую соединяетъ съ группою горъ Карамалы и Уллу-тау, раздѣляя долины ручейковъ Бурулы и Карамалы-сегн, впадающихъ въ Уртазымъ.

б) Между горою Сараутъ-ташъ и группою горъ Бердакай, соединяющей ихъ увалъ, пролегаетъ между долинами рр. Карамалы и Туртукая.

в) Два увала, отходящіе отъ горы Байгужи; изъ нихъ сѣверный соединяется съ горами Бикберды и Акъ-кашъ, раздѣляющими лошину р. Туртукая отъ долины Тулбая. Южный образуетъ черту раздѣла между лошинами Тулбая и притокомъ ея Зилбашемъ.

г) Послѣдній отрогъ отходитъ отъ горы Кусякъ-тау и тянется горами Зилбашемъ и Усватомъ, между лошинами рр. Зилбаша и Мунчи. Этотъ отрогъ, въ соединеніи съ горою Су-урганъ, составляетъ крайній уступъ хребта Ирындыка.

Ко второму разряду восточныхъ отраслей принадлежатъ горныя вѣтви, отдѣляющія долины рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Боковыя отрога, отдѣляемые ими на сѣверъ и на югъ, составляютъ третій разрядъ горъ, отдѣляющихъ устья горныхъ ручейковъ отъ вершинъ степныхъ. Продолженіе хребтовъ второго разряда образуетъ четвертую группу возвышеній, проста-

рающихся между устьями рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма и образующих правый и горный берегъ р. Урала.

Горная отрасль, отдѣляющая долину Кизила отъ долины Худалаза, начинается у горы Янгузей-тау, въ видѣ высокаго и скалистаго отрога, понижающагося постепенно до озера Усь-куль. Она сохраняетъ въ началѣ характеръ центральнѣйшихъ горъ Ирындака: широкій гребень ея взволнованъ обрывистыми скалами, образующими родъ купола на главныхъ возвышеніяхъ. Скатъ крутъ и утесистъ; онъ оканчивается къ югу отложениями подожжіями у долины Худалаза. Близъ озера Усь-куль отрасль соединяется съ поперечнымъ хребтомъ, составляющимъ черту раздѣла между горными и степными притоками р. Худалаза. Онъ образуетъ, нѣкоторымъ образомъ, возвышенную вѣтвь первой отрасли, и простирается на правомъ берегу Замъ-елги подобнымъ же хребтомъ, именуемымъ Биксагалъ-тау. Поперечный хребетъ оканчивается къ югу отложениями скатами у береговъ р. Худалаза, ниже долины Ахмерової. Западные скаты хребта коротки и круты, къ востоку же онъ отложе и отдѣляютъ нѣсколько боковыхъ отроговъ, до края лощины Янраилы.

Первая отрасль продолжается къ западу до озера Уланды-куль, у котораго она поворачиваетъ къ югу и образуетъ западный и южный предѣлъ его долины. На протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ, она составляетъ черту раздѣла между долинами рр. Кизила и Худалаза.

Горная отрасль, раздѣляющая долину Худалаза отъ озера Калтыбака, отдѣляется у горы Сыкертмы-тау, въ видѣ высокаго и крутаго хребта, пролегающаго сначала къ востоку до горы Каратмалы, и поворачивая потомъ на сѣверъ, отдѣляетъ на правомъ берегу Худалаза долину горныхъ ручейковъ отъ долины степныхъ его притоковъ. На сѣверномъ своемъ протяженіи онъ представляетъ рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, соединенныхъ острыми и крутыми хребтами. Высочайшую точку составляетъ гора Бошлыкыр-тау. Хребетъ оканчивается круто на правомъ берегу Худалаза, противъ долины Ахмерової.

Хребетъ, раздѣляющій озеро Калтыбанъ отъ долины верхняго Уртазыма, простирается къ западу рѣки Карайгалы и вершинами Уртазыма до горы Сарынъ-тау. Отъ нея онъ поворачиваетъ круто на югъ и подраздѣляется на двѣ отрасли, пролегающія между долинами рѣкъ: Уртазыма, Лапаси и Жулуя.

На западномъ своемъ протяженіи онъ сокращаетъ характеръ центральныхъ горъ Ирындыка; высочайшія его точки составляютъ горы Шатра-тау и Сарынъ-тау. Южная часть хребта, принадлежащая ко второму разряду горныхъ отраслей, раздѣляется двумя отрогами долины горныхъ и степныхъ притоковъ Уртазыма. Западная, отдѣляющая рѣку Уртазымъ отъ рѣки Лопасы, имѣетъ видъ остраго и крутаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Шряу-ташъ-тау, Кингыръ-ташъ-тау и Галш-тау. Хребетъ оканчивается нѣсколькими отрогами близъ устья рѣки Лопасы. Вершина горъ острая и продолговатая; на ней обнажаются значительныя яшмовыя толщи, въ видѣ каменныхъ грядовъ. Подножія взволнованы не большими, но высокими отрогами, составляющими нагорный берегъ рѣкъ Уртазыма и Лопасы. Главный отрогъ оканчивается высокою горою Услу-тау, на лѣвомъ берегу Уртазыма.

Вторая отрасль отдѣляетъ лошину рѣки Лопасы отъ лошины Юлуя; она во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ предъидущею и оканчивается у д. Абдрахмановой горою Мурать-тау.

Между рѣкою Уртазымомъ и восточными подножіями Ирындыка тянется рядъ широкихъ и отлогихъ возвышеній, раздѣляющихся долинами рѣкъ: Бурулы, Карамалы, Табай и Лунчи; онѣ принадлежатъ къ четвертому разряду возвышеній, отдѣляющихъ долины озеръ Акъ-кашъ и Юмуркалы отъ долины нижняго Уртазыма.

Южную оконечность хребта Ирындыка образуетъ плоская возвышенность, раздѣляющая долину Таналыка отъ долины Малаго Уртазыма. Горы Карташъ-тау, Иликъ, Сукранъ, Кашъ-тюба и Утъ-ташъ возвышаются отдѣльными массами на срединѣ увала и составляютъ черту раздѣла между рѣками Таналыкомъ и Уртазымомъ. Онѣ имѣютъ значительное возвышеніе надъ окружающею мѣстностію, и принимаютъ видъ острыхъ большихъ конусовъ. У всѣхъ гребень острый и каменистый, бока круты и обставлены каменными грядами, подошва взволнована невысокими уступами и буграми, образующими предгорія главныхъ высотъ. Отъ горы Утъ-ташъ-тау вся возвышенность раздѣляется на нѣсколько широкихъ и отлогихъ сыртовъ, пролегающихъ между рѣками Таналыкомъ и вершинами рѣкъ Накановъ.

Западные скаты плоской возвышенности оканчиваются до-

вольно крутымъ уступомъ на лѣвомъ берегу рѣки Таналыка до устья рѣки Бузаулыка. Ниже она становится отложе и ровнѣе; къ востоку же понижается нѣсколькими продольными сыр-тами, отдѣляющими долину Таналыка отъ рѣки Урала.

Горы на пространствѣ между Сакмарою и Таналыкомъ составляютъ, какъ выше сказано, продолженіе западноіи отрасли Ирындыка, которая, отдѣляясь у горы Кузинъ-ташъ-тау, образуетъ сѣверный и западный предѣлъ долины озера Талкача и перерѣзывается теченіемъ рѣки Сатала. Она простирается далѣе подъ названіемъ хребта Сакъ-тау близъ праваго берега рѣки Таналыка, которую отдѣляетъ отъ рѣки Ассели. Главная возвышенность имѣетъ видъ не высокаго, но крутаго хребта, коего острый гребень взволнованъ рядомъ продолговатыхъ горъ; скаты въ обѣ стороны круты и ровны; ближе къ подножіямъ они перерѣзываются небольшими лощинами.

На протяженіи своемъ отъ озера Толкача до горы Беркутъ-тау, хребетъ отдѣляетъ къ западу двѣ боковыя отрасли. Первая тянется въ видѣ широкаго и отлогаго увала близъ лѣваго берега Сакмары и отдѣляетъ небольшими возвышеніями рѣку Каргалы отъ рѣки Ассели. Вторую отрасль составляетъ хребетъ Куянъ-тау; онъ отходитъ отъ главнаго хребта въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣвернаго берега рѣки Ассели, русло которой перерѣзываетъ его и продолжается далѣе на противоположномъ ея берегу до горы Беркута, посредствомъ которой онъ соединяется съ хребтомъ Сакъ-тау. И такъ хребты Куянъ-тау и Сакъ-тау, въ соединеніи съ горою Беркутъ-тау, образуютъ широкую котловину, изъ которой вытекаетъ рѣка Ассели.

Хребетъ Куянъ-тау по виду своему совершенно сходенъ съ хребтомъ Сакъ-тау; отъ него отдѣляются невысокія и отлогія боковыя вѣтви, простирающіяся между рѣками Ассели, Шармою, Бекелей и Зоръ-акмурукомъ.

Отъ горъ Беркутъ-тау, Кузанъ и Сакъ-тау хребты продолжаютъ далѣе верстъ на 10 скалистыми, крутыми высотами, между коими самыя примѣчательныя горы Уварашъ и Мечеть-тау. Эта часть хребта немногимъ ниже главной возвышенности Ирындыка и имѣетъ одинаковый съ ней характеръ. Гребень горъ широкъ и каменистъ; крутые скаты перерѣзаны многими лощинами и образуютъ то высокіе обрывы, то отлогіе уступы; вся поверхность, отъ вершинъ до подножій, покрыта каменными

глыбами и отломками. Между отлогими, но каменистыми предгоріями находятся частію болотистыя поляны, частію топкія лощины, покрытыя молодымъ березовымъ лѣсомъ. Въ этомъ видѣ простирается хребетъ до деревни Мелебестевой, у которой онъ раздѣляется на двѣ отрасли. Западная составляетъ черту водораздѣла между притоками Сакмары и Таналяка; пролегаетъ отлогою, плоскою возвышенностію между вершинами рѣчекъ Мякатины, Лайшеберды, Карамалы, Ильгасы и Карсыбашъ, впадающихъ въ Сакмару и между вершинами Большаго и Малаго Бузаулыка, Зирень-агача и Тирги-мышы, впадающихъ въ Танадыкъ. Она отдѣляетъ въ обѣ стороны между этими рѣчками отлогія и широкія вѣтви, оканчивающіяся къ востоку отлогими и ровными покатосями, близъ лощины Бузаулыка; къ западу же крутымъ уступомъ, близъ лѣваго берега Сакмары, образуя отъ устья степнаго Зилавра высокіе утесистые обрывы.

Вторая вѣтвь отдѣляетъ долины рѣкъ Бузаулыка и Таналяка. Она начинается широкимъ хребтомъ между вершинами рѣчекъ Мякатины и Мембетей-елги; понижается постепенно до вершинъ рѣки Кузая, продолжаясь отъ нея къ югу въ видѣ высокаго и крутаго хребта до горы Сантъ-тау, у которой оканчивается нѣсколькими плоскими и отлогими отрогами, отдѣляющими лощины притоковъ Бузаулыка и Таналяка. Вершину хребта составляютъ невысокія и плоскія горы, обросшія мелкимъ березовымъ лѣсомъ; скаты ихъ въ соединеніи со скатами хребта представляютъ выпуклыя и отлогія плоскости, перерѣзанныя многими топкими лощинами. Оконечность скатовъ образуетъ отлогіе уступы и предгорія, раздѣляющіе лощины незначительныхъ притоковъ Таналяка и Бузаулыка; высочайшую точку хребта составляютъ горы Шейникъ и Сантъ-тау.

Главныя отрасли составляютъ къ западу: а) рядъ горъ Бердубакъ и Янгизъ-каргалъ-тау, у коихъ вытекаетъ рѣка Большая Бузаулыка; б) гора Камя-тау, отдѣляющая двѣ небольшія лощины, впадающія съ правой стороны въ Бузаулыкъ; в) горы Карагасы и Айдаръ-суаки-тау, составляющія правый нагорный берегъ лощины Суртанъ-узякъ. Всѣ эти отрасли представляютъ небольшіе хребты, имѣющіе одинаковый характеръ съ хребтомъ, отъ котораго отдѣляются.

Къ востоку отходитъ значительный отрогъ между рѣками Кузай и Мембетей-елги; высочайшую точку его составляетъ гора

Баниръ-тау; подножія хребта возвышены небольшими дредгоріями, образующими правый нагорный берегъ рѣки Танадыка. Отъ горы Шейнякъ и Сентъ-тау отдѣляются къ востоку еще нѣсколько боковыхъ отроговъ, раздѣляющихъ болотистыя и топкія лощины, впадающія въ Танадыкъ съ правой стороны.

По лѣвому берегу рѣки Сакмары, между устьями рѣки Шары и Акимуруна, тянется отдѣльными частями рядъ высотъ, которыя не имѣютъ никакой связи съ отрогами Ирындыка; онѣ, какъ кажется, составляютъ продолженіе хребта Таиръ-тау, который оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Сакмары близъ устья Шары. Сѣверная часть этого хребта между д. Тамясевою и Муллакаевою имѣетъ видъ острой и крутой возвышенности, отъ которой отдѣляются на западъ нѣсколько крутыхъ отроговъ, составляющихъ лѣвый нагорный берегъ Сакмары; восточные скаты и отлоги образуютъ, съ западными отраслями Ирындыка, весьма значительную продольную долину. Средняя часть хребта между д. Еткуловой и Старашенкинымъ трактомъ образуетъ острую и крутую возвышенность, которая оканчивается круто у лощины Сакмары. Южная и самая значительная часть состоитъ изъ отрога и крутого хребта, на которомъ возвышаются горы Карымъ и Карагайлы-тюбя, раздѣляемыя теченіемъ рѣки Ширная. Крутые скаты хребта, обращенные къ Сакмарѣ, изрыты многими глубокими и крутыми лощинами; къ югу и къ востоку хребетъ оканчивается отлогимъ и широкимъ уваломъ.

Б.—Краткій геогностическій взглядъ на хребетъ Ирындыкъ и на боковыя его отрасли.

Господствующую въ хребтѣ Ирындыкъ горнокаменную породу составляютъ земнокаменные сланцы, имѣющіе болѣею частію правильное напластованіе и простирающіеся отъ сѣвера на югъ. Между ними являются, въ видѣ подчиненныхъ породъ, яшмовыя и роговакковые пласты, образующіе тонкіе, разноцвѣтные слои, въ земнокаменныхъ толщахъ. Скалистые шиханы, на вершинахъ центральныхъ горъ, состоятъ изъ плотнаго зеленого камня, въ которомъ незамѣтно никакой слоеватости; въ боковыхъ же отрогахъ Ирындыка, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, обнаруживаются на гребняхъ горъ яшмовыя и роговакковыя толщи, несравненно бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ на

главныхъ возвышеніяхъ; онѣ простираются весьма значительными пластами по всему пространству между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Не доходя однако верстѣ на 10 до береговъ Урала, проявляются между земнокаменными и яшмовыми породами порфировидныя толщи, занимающія постепенно мѣста послѣднихъ и обрезающія, вмѣстѣ съ земнокаменными сланцами, главное основаніе горъ восточной части сего пространства. Нагорные берега Урала состоятъ изъ толщей переходнаго известняка одинаковыхъ качествъ, какъ и въ горахъ на западномъ склонѣ возвышенности между Икомъ и Сакмарою; впрочемъ объемъ известковой породы здѣсь не такъ обширенъ, какъ въ рѣчномъ бассейнѣ Ика.

Центральный хребетъ, равно какъ и главныя боковыя отрасли его, покрыты густымъ, смѣшаннымъ лѣсомъ; мѣстность же, прилежащая къ долинамъ Сакмары и Урала, представляетъ гористую степь, покрытую ковылемъ и другими степными растеніями. Горная почва земли вообще лучше степной, особенно въ ложбинахъ и на пологихъ покатостяхъ горъ, гдѣ черная земля состоитъ изъ разрушенныхъ растительныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ песчаными и глинистыми розсыпами господствующихъ каменныхъ породъ. На главныхъ возвышеніяхъ почва земли хотя скуднѣе и болѣе каменста, но производитъ довольно хорошіе лѣса.

Степная мѣстность покрыта здѣсь неглубокимъ слоемъ чернозема, содержащаго множество кварцевыхъ и яшмовыхъ галекъ; главныя составныя ея части суть: кремнеземъ, глина, металлическія и разрушенныя растительныя вещества, образующія довольно рыхлую, но сухую почву. Глубина чернозема на вершинахъ горъ незначительная; въ низменностяхъ же она толщиною отъ 1 фута до 1½ аршина. Подземъ образуется слоемъ каменной глины, смѣшанной съ кварцевымъ пескомъ.

Хребетъ Ирындыкъ и отрасли его изобилуютъ многими рудами, изъ коихъ заслуживаютъ особенное вниманіе мѣдныя и желѣзные рудники на горахъ Уварашъ, Шейнякъ и Айдаръ-сакка-тау; онѣ въ прежнее время разрабатывались владѣльцами Преображенскаго мѣдиплавильнаго завода, но оставлены нынѣ по неимѣнію средствъ продолжать работы.

На восточной сторонѣ хребта Ирындыка, въ рѣчныхъ ложбинахъ и углубленіяхъ, находится подъ поверхностью земли

пласть золотоноснаго песку, доставляющаго впрочемъ весьма малое количество чистаго золота.

В.—Плоская возвышенность между Сакмарою и Ураломъ.

Мѣстность между рѣками Сакмарою и Ураломъ принимаетъ отъ рѣки Таналяка характеръ плоской возвышенности, понижающейся къ югу и востоку отлогими покатостями, къ западу же крутыми уступами, образующими лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары. Она раздѣляется теченіемъ рѣки Губерли на двѣ отдѣльныя возвышенности, изъ коихъ западная и самая значительная отдѣляетъ долину Губерли отъ долины Сакмары, восточная же долину Урала отъ долины Губерли.

Первая протекаетъ сначала между вершинами притоковъ Сакмары, какъ то: Миняуса, Катралы и Курагана, которыхъ отдѣляетъ отъ бассейна р. Губерли. Между источниками рѣкъ Чебаклы и Бялу, она поворачиваетъ на западъ и составляетъ главный водораздѣлъ между долинами Сакмарою и Ураломъ. Ширина самой плоской возвышенности не болѣе 15 верстъ; она представляетъ открытую равнину, взволнованную широкими и плоскими возвышеніями; неглубокія, отлогія лощины перерѣзываютъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Восточные скаты плоской возвышенности состоятъ изъ отлогихъ и широкихъ уваловъ, раздѣляющихъ правые притоки рѣкъ Таналяка и Губерли. Они, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ рѣкъ, принимаютъ видъ крутыхъ горныхъ отроговъ, составляющихъ правый нагорный берегъ рѣки Губерли.

Западные скаты плоской возвышенности понижаются двумя главными увалами. Первый отдѣляется между вершинами рѣкъ Миняуса и Курана въ видѣ широкой отлогой возвышенности, пролегающей между рѣками Сика-кургашлы и Катралы.

Онъ имѣетъ въ началѣ широкій гребень, взволнованный отлогими возвышеніями; по мѣрѣ приближенія къ долинѣ Сакмары, онъ постепенно суживается и принимаетъ видъ остраго и крутаго хребта, коего бока изрыты многими лощинами и рытвинами; подножія хребта оканчиваются круто у края лощинъ, впадающихъ въ Сакмару.

Отъ главнаго увала отдѣляется множество боковыхъ отроговъ, пролегающихъ частію между притоками Сакмары, частію между ручейками, впадающими въ рѣку Катралы съ сѣверной стороны.

Вторую оконечность западной части плоской возвышенности составляют горы на лѣвомъ берегу Сакмары между устьями рѣкъ Катралы и Курагана; онѣ тянутся въ видѣ вьюкаго и крутаго хребта отъ сѣвера на югъ и оканчиваются горою Улуту-башъ, близъ устья Курагана. Онъ отдѣляется отъ главной возвышенности между истоками Катралы и Курагана, въ видѣ плоскаго, отлогаго увала, который постепенно преобразуется въ острый и крутой хребетъ. На гребнѣ его возвышается множество конусообразныхъ, голыхъ горъ, соединенныхъ крутыми и утесистыми покатостями. Бока хребта изрыты многими лощинами и оврагами, а между ними высовываются значительныя каменные толщи, частію въ видѣ неправильныхъ скалистыхъ стѣнъ, частію каменистыми буграми и грядами. Крутыя подножія хребта изволнованы значительными предгоріями, образующими отдѣльныя возвышенности. Изъ нихъ примѣчательнѣйшія горы: Большой и Малый Шипъ, Кизляръ-тау, Канъ-гальды Султанъ-гуль-тау, Бабай и Исялбетъ-тау, находящіяся близъ праваго берега рѣки Курагана.

Къ западу главный хребетъ отдѣляетъ множество короткихъ, но крутыхъ отроговъ, раздѣляющихъ лощины рѣчекъ: Ямаша, Тереклы, Кизиль-яра, Ибалыки, Азупа, Санкися, Кіймазая, Кунакъ-гичана и Кимабая, впадающихъ въ Сакмару съ лѣвой стороны. Южные отроги раздѣляютъ лощины притоковъ Курагана.

Южная оконечность плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Губерлею раздѣляется теченіемъ рѣкъ Бялу, Чебаклы, Большаго и Малаго Каялы на 5 главныхъ отраслей. Изъ нихъ первая простирается между рѣками Курагана и Бялу и оканчивается крутыми и неровными скатами, перерѣзанными многими лощинами и оврагами.

Вторая отрасль пролегаетъ между вершинами Чебаклы и Бялу, поворачиваетъ далѣе на югозападъ и составляетъ главную черту водораздѣла между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Она сначала имѣетъ одинаковый характеръ съ прочими отраслями плоской возвышенности, но потомъ принимаетъ на западномъ своемъ протяженіи видъ широкаго возвышеннаго увала, обращающаго короткіе и крутые скаты къ Сакмарѣ, а длинныя и отлогіе къ рѣкѣ Уралу. На немъ возвышается рядъ продолговатыхъ горъ, имѣющихъ протяженіе отъ сѣвера на югъ и составляющихъ продолженіе высотъ между рѣкъ Сакмарою и Касмарою.

Горы понижаются отлогими покатостями къ долинамъ Сакмарѣ и Уралу, и раздѣляютъ рѣчныя долины ихъ притоковъ. Онѣ имѣютъ противъ Ильинской крѣпости острые гребни и крутые скаты, изрытые многими лощинами; между крѣпостями Ильинскою и Верхнеозерною онѣ становятся шире и отложе.

Третья отрасль плоской возвышенности, проходящая къ югу между рѣками Чебаклы и Каялы, оканчивается ниже Губерлинской крѣпости острымъ и крутымъ хребтомъ. Отроги, раздѣляющіе притоки Чебаклы и Губерли, взволнованы многими каменистыми буграми, и обращаютъ къ востоку крутые, неровные скаты, ограничивающіе долину Губерли.

Четвертая отрасль, отдѣляющая долину Большаго Каялы отъ долины Малаго Каялы, имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и выше описанныя, съ тою разницею, что она не такъ широка, потому что оба ручейка протекаютъ верстѣ на 8 въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Пятая отрасль раздѣляетъ лощину Большаго Каялы отъ лощины Губерли; она тянется верстѣ на 12 въ видѣ остраго, высокаго хребта, имѣющаго неровные скаты, взволнованные короткими отрогами или контрфорсами.

Восточная часть плоской возвышенности раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Сухой Губерли и Елшанки на три главныя покатости. Первая отдѣляетъ долину Большой Губерли отъ лощины Сухой Губерли; она простирается между ними широкою и отлогою возвышенностію и оканчивается близъ лощины Большой Губерли крутыми и неровными скатами; къ Сухой же Губерлѣ она понижается отлогими и длинными покатостями, перерѣзанными неглубокими, сухими лощинами; отлогія подножія возвышенности сливаются въ обѣ стороны съ подошвами рѣчныхъ долинъ.

Черту раздѣла между долинами Губерли и Урала образуетъ широкой возвышенный хребетъ, отстоящій отъ береговъ Урала верстѣ отъ 5 до 8. На гребнѣ хребта находится рядъ продолговатыхъ, широкихъ горъ, имѣющихъ вершину плоскую и голую; онѣ спускаются сначала крутыми и неровными покатостями, взволнованными частію уступами, частію небольшими буграми, но ближе къ подножіямъ онѣ становятся отложе и ровнѣе. Къ востоку онѣ образуютъ правый нагорный берегъ рѣки Урала и упираются къ краю луговой его долины не высокимъ, но кру-

тымъ уступомъ. Скаты, обращенные къ долинь Сухой Губерли, взволнованы многими короткими и крутыми отрогами, кои оканчиваются значительными обрывами у рѣчной ея лощины.

Около истоковъ рѣки Елшанки подраздѣляется хребетъ на двѣ отрасли; восточная изъ нихъ составляетъ раздѣлъ между рѣками Ураломъ и Елшанкою; она оканчивается отлогими, но довольно высокими горами близъ Орской крѣпости. Западную и самую значительную отрасль составляютъ горы Губерлинскія, раздѣляющія долину Елшанки отъ долины Губерли. Хребетъ имѣетъ въ началѣ характеръ возвышеннаго увала, коего гребень представляетъ отлогую равнину, шириною въ 4 версты; скаты, обращенные къ Елшанкѣ, отлоги, но 10 верстами короче западныхъ. Лощины ручейковъ: Краснаго, Разбойнаго, Банныаго и Климовки, раздѣляютъ ихъ на нѣсколько отлогихъ сыртовъ, оканчивающихся близъ луговыхъ долинь Елшанки и Урала. Западные скаты представляютъ безчисленное множество острыхъ хребтообразныхъ отроговъ, образующихъ глубокія лощины и крутые овраги. Гребень ихъ взволнованъ рядомъ конусообразныхъ острыхъ горъ, отъ коихъ отдѣляются къ обѣмъ сторонамъ небольшіе отроги втораго разряда, составляющіе родъ контфорсовъ главныхъ вѣтвей. На крутыхъ скатахъ возвышается множество каменныхъ грядъ и голыхъ бугровъ, придающихъ этой части хребта величественный, но весьма дикій видъ. Оконечности отроговъ образуютъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Губерли; онѣ оканчиваются крутыми и утесистыми обрывами у края рѣчной лощины, которая взволновывается, мѣстами, отдѣльно стоящими предгоріями и каменными розсыпями.

Подобные отроги составляютъ южную оконечность Губерлинскихъ горъ, съ тою однако разницею, что они не столь значительной высоты, какъ западные.

Г. — Краткій геогностическій взглядъ на плоскую возвышенность между рѣками Ураломъ и Сакмарою.

Земвокаменные и яшмовыя толщи, составляющія основаніе хребта Ирындыка и его отраслей, простираются въ восточной части плоской возвышенности до самыхъ Губерлинскихъ отроговъ, и оканчиваются на правомъ берегу рѣки Урала между Ильинскимъ и Хабарненскимъ отрядами; къ западу онѣ ограничиваются неширокимъ пластомъ слюдистыхъ и кварцевыхъ слан-

цевъ, начинающихся на правомъ берегу рѣки Сакмары между бассейнами обоихъ Зыланровъ и простирающихся до вершинъ рѣки Большой Губерли, гдѣ теряются подъ значительными сланцами, составляющими основаніе всей Губерлинно-Кураганской возвышенности. Лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары состоитъ отъ устья рѣки Миняуса до устья Кургана изъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ, переходящихъ постепенно въ земнокаменную породу.

Вся южная часть мѣстности между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляетъ безлѣсную ровную степь, покрытую ковылемъ и другими степными травами. Лишь западная часть ея между вершинами Миняуса и Катралы представляетъ хорошую лѣсную почву, гдѣ и теперь произрастаютъ посредственные лѣса; восточная же и южная части совершенно безлѣсны и самая почва земли мало способна къ ихъ произрастанію: во первыхъ потому, что она на обширныхъ открытыхъ равнинахъ отъ вліянія воздуха и свѣта совершенно потеряла качество лѣсной почвы, и во вторыхъ, что, отъ сухости воздуха и рѣдкости дождей, травы прежнихъ лѣтъ не разлагаются въ землистое вещество, а образуютъ родъ торфа, мало способнаго для прозябанія растеній.

IV.

ОПИСАНІЕ РѢКЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всѣ воды въ юговосточной части Оренбургской губерніи сосредоточиваются въ бассейнахъ рѣкъ Сакмары и Урала, соединяющихся близъ города Оренбурга въ одно общее русло. Онѣ берутъ начало свое въ центральныхъ возвышеніяхъ Уральскаго хребта и текутъ на всемъ протяженіи своемъ параллельно въ разстояніи отъ 60 до 30 верстъ другъ отъ друга. Главная масса водъ, падающихъ въ русло рѣки Урала, протекаетъ частію по скатамъ высотъ, образующихъ раздѣлъ между нею и рѣками, изливающимися въ Ледовитое море; частію же со скатовъ хребта Ирындыка и плоскихъ уваловъ, ограничивающихъ долину рѣки Сакмары съ восточной и южной стороны. Рѣка Сакмара составляетъ нѣкоторымъ образомъ главный отводный каналъ для всѣхъ рѣчекъ и ручейковъ, стекающихъ со скатовъ южной оконечности Уральскаго хребта.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи рѣкъ разсматривается: во первыхъ, рѣка Сакмара со всѣми ея притоками отъ вершинъ до Воздвиженской крѣпости; во вторыхъ, главные притоки рѣки Урала, находящіеся въ осмотрѣнномъ мною пространствѣ, между Кизильскою и Губерляинскою крѣпостями.

Рѣка Сакмара.

Рѣка Сакмара беретъ начало свое съ восточной стороны Уральскаго хребта у горы Кизакъ-Караула одною низменною долиною, которая, по соединеніи нѣсколькихъ ручейковъ, образуетъ настоящее ея русло. Она протекаетъ многими извилинами до устья рѣки Курагана, по общему направленію отъ сѣвера на югъ, склоняясь нѣсколькими градусами къ западу. Поворачиваетъ у л. Мелебетевоі круто на WNW и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до впаденія въ рѣку Уралъ, ниже города Оренбурга.

Долина рѣки Сакмары пролегаетъ верстъ на 80 отъ вершинъ между отлогими возвышеніями, состоящими изъ земнокаменныхъ сланцевъ; къ правому берегу отдѣляются небольшіе отроги, кои, по мѣрѣ приближенія къ руслу, становятся отложе и ровнѣе. Возвышенія же на лѣвомъ берегу, имѣя непосредственную связь съ вѣтвями Ирындыка, обращаютъ къ долиנѣ Сакмары крутые скаты. Разстояніе между обоими нагорными берегами бываетъ отъ 2 до 5 верстъ; подошва долины представляетъ отлогую равнину, шириною отъ 100 до 600 сажень; она имѣетъ почву глинистопесчаную, покрытую небольшимъ слоемъ черной земли. По возвышенному положенію надъ поверхностію рѣки, она рѣдко наводняется весенними водами, отъ чего не очень изобилуетъ луговыми мѣстами.

Рѣка Сакмара имѣетъ, отъ начала своего до устья рѣки Юлука, котловинистое русло, шириною отъ 2 до 6 сажень; дно ея большею частію глинистое, песчаное и топкое. Берега плоскіе, но обрывистые, мѣстами поросли мелкимъ кустарникомъ. Глубина водъ весьма различна: въ нивыхъ мѣстахъ она не выше одного фута, въ котловинахъ же болѣе сажени.

Отъ устья рѣки Юлука до устья рѣки Курагана, долина Сакмары представляетъ глубокій оврагъ, который съ лѣвой стороны обставленъ крутыми скатами плоскихъ возвышеній, составляющихъ продолженіе хребта Ирындыка; съ правой же сторо-

ны скатами высотъ, раздѣляющихъ долину Ика отъ долины Сакмары. На пространствѣ между устьями Юлука и Бирмаса основаніе прилежащей мѣстности состоитъ изъ слюдястыхъ и кварцевыхъ сланцевъ, образующихъ во многихъ мѣстахъ высокіе утесы; разстояніе между нагорными берегами превышаетъ рѣдко одну версту.

Русло рѣки Сакмары обсыяно большими каменными глыбами, которыя, удерживая илъ и песокъ, свесенные теченіемъ воды, образуютъ значительные перекаты, по коимъ вода течетъ сильнымъ стремленіемъ; они высоки и обрывисты.

Отъ устья рѣки Бирмаса до устья Курагана находятся лощины: лощина Сакмары расширяется версты на три и ограничивается съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами горъ, обнажающими во многихъ мѣстахъ высокіе утесы. Отлогая подошва лощины представляетъ хорошія луговья и пахатныя мѣста, равно какъ и значительныя колки лиственнаго лѣса. Русло имѣетъ ширину отъ 6—10 сажень; оно становится болѣе и болѣе ровнымъ, такъ что глубина водъ въ рѣдкомъ мѣстѣ превышаетъ два аршина; дно вообще каменистое, песчаное и твердое.

Отъ устья рѣки Курагана до устья Большаго Ика лощина рѣки Сакмары образуется возвышенными увалами, отдѣляющими ее отъ рѣкъ Касмарки и Урала. Небольшіе ручейки, протекающіе по скатамъ уваловъ, раздѣляются высокими продолговатыми горами, кои, приближаясь къ рѣкѣ Сакмарѣ, оканчиваются круто въ разстояніи одной версты отъ ея береговъ. Въ началѣ эти возвышенія состоятъ изъ различныхъ горнокаменныхъ породъ, принадлежащихъ къ формациі сѣрой вакки. Далѣе же между деревнями Янчуриною и Кувдоровкою лощина Сакмары пересѣкается высокими и крутыми горами известковой формациі; онѣ простараются въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ отъ сѣвера на югъ, и оканчиваются у праваго берега высокими обрывами. На лѣвомъ берегу продолженіе хребтовъ начинается отлогими высотами, которыя, возвышаясь, образуютъ подобные хребты.

Отъ Желтаго Релута до устья рѣки Ика лощина Сакмары обставлена отлогими возвышеніями древняго песчаника, отстоящими отъ рѣчныхъ береговъ версты на полторы. По лощинѣ Сакмары отъ устья Курагана до устья р. Ика встрѣчаются отлѣч-

нѣйшія пахатныя и луговыя мѣста, а близъ береговъ неширокія полосы листовнаго лѣса; ширина русла отъ 15 до 22 сажень, берега большею частію плоскіе, а дно глинисто-песчаное. Глубина рѣки весьма различная: въ иныхъ мѣстахъ она болѣе 2 сажень, въ другихъ не выше нѣсколькихъ футовъ.

Быстрота теченія рѣки Сакмары зависитъ частію отъ наклона и свойства русла, частію отъ количества воды. Въ началѣ, гдѣ она протекаетъ небольшимъ ручейномъ по отлогому котловинистому руслу, теченіе ея вообще медленно, въ поворотахъ быстрѣе, въ котловинахъ же не замѣтно ни малѣйшаго стремленія. Отъ устьевъ Юлуна до устьевъ Курагана теченіе Сакмары прерывается частыми быстотоками, въ коихъ скорость стремленія отъ 25—40 сажень въ одну минуту. Ниже устья Урманъ-Зилавра раздваивается русло Сакмары мѣстами и образуетъ небольшіе низменные острова, покрытые большею частію листовнымъ лѣсомъ. Отъ рѣки Курагана до устья Ика теченіе ея становится ровнѣе, вода пробѣгаетъ въ сложности 5 сажень въ одну минуту. Сплавъ дровянаго лѣсу возможенъ отъ дороги Тимасевой, отстоящей отъ вершинъ Сакмары верстъ около 25; строевой же лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ отъ устьевъ рѣки Юлука.

Весенній разливъ Сакмары начинается въ верхней части, около 20 Апрѣля, въ нижней же около 10 и 15 того же мѣсяца. Вода пребываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли и понижается до обыкновеннаго уровня столько же времени. Высота половодья зависитъ частію отъ большаго или мѣньшаго количества снѣга, выпавшаго въ продолженіе зимы, частію же отъ состоянія погоды во время таянія снѣговъ. Были примѣры, что высота воды при разливѣ превышала три сажени надъ обыкновеннымъ уровнемъ, но также нерѣдко случалось, что она даже не выступала изъ береговъ. По замѣчанію Башкирцевъ, наибольшій разливъ Сакмары бываетъ чрезъ каждыя 5 лѣтъ. Заливныя мѣста высыхаютъ скоро и вода застываетъ лишь въ одиѣхъ ямахъ и углубленіяхъ, гдѣ образуются небольшія озера; они находятся близъ береговъ и обросли кустами или молодыми деревьями. Изъ рыбъ водятся въ Сакмарѣ: щуки, судаки, сомы, окуни, налимы, язи, подузы, сохляки и проч.

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Шарлы, Белебей, Карася, Иткуль, Аркыя, Кусяба, Яманъ-ели, Кишлаубаръ, Баткаклы и Кувашы.* Небольшія рѣчки, имѣющія протяженіе отъ 10 до 15 верстъ, берутъ начало изъ болотистыхъ лощинъ на восточныхъ скатахъ отлогой возвышенности, отдѣляющей долину Сакмары отъ долины Яланъ-Зилаира; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару; имѣютъ низменные берега, покрытые мелкимъ лѣсомъ, частію каменистое, частію иловатое дно и ровное мелководное русло. Быстрота теченія значительная. Ширина рѣчекъ 2 и 4 аршина, глубина отъ 1 до 3 футовъ. Нагорные берега у вершинъ рѣчекъ отлоги и ровны; верстъ 8 не доходя до Сакмары, они становятся выше и круче; образуютъ небольшіе обрывы и суживаютъ рѣчную лощину. Правый нагорный берегъ открытъ, лѣвый же покрытъ лѣсомъ до самыхъ подножій высотъ. Въ лощинахъ находятся хорошіе луга.

Рѣчка Юлукъ. Вершины Юлука составляютъ рѣчки: Урусъ-Сапканъ, Кара-гяки, Карагайлы, Туганъ и Магашъ, кои вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножій отлогихъ горъ между Сакмарою и Яланъ-Зилаиромъ. Онѣ соединяются въ одно русло ниже Татарской деревни Юлукъ, и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Сакмару близъ деревни Абдулъ - Каримовой. Русло Юлука ровное и каменистое; въ рѣдкихъ мѣстахъ встрѣчается топкое дно; рѣчные берега ровны и покрыты молодымъ лиственничнымъ лѣсомъ; ширина рѣки Юлука отъ 1 до 2 сажень, глубина не выше 1 аршина. Теченіе имѣетъ быстрое, особенно весною, когда она потопляетъ большую часть рѣчной лощины. Лощина Юлука имѣетъ ширину отъ 50 до 150 сажень; она покрыта хорошими лугами и, мѣстами, небольшими перелѣсками. Нагорные берега имѣютъ съ правой стороны открытые и отлогіе скаты, съ лѣвой же крутые и лѣсомъ покрытые. Въ Юлукъ впадаютъ: справа, рѣки: Туганъ, Бигашъ, Таиръ-узакъ и Тура-атъ, слѣва рѣка Яманъ-ташъ.

Рѣка Яланъ-Зилаиръ (см. далѣе).

Рѣка Сакмаръ-тилли. Небольшая рѣчка, вытекающая на восточныхъ скатахъ возвышеннаго увала, между рѣками Яланъ-Зилаиромъ и Баракаломъ; впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ,

Имѣютъ въ началѣ шловатое, а ниже каменистое русло, низменные берега и быстрое теченіе; ширива и глубина ея незначительныя. По обѣимъ сторонамъ рѣки Сакмары-тилли тлаутся не въ дальнемъ разстояніи увалы; они имѣютъ близъ вершинъ отлогіе скаты, а ниже крутые и утесистые. Подошва лощины отлогая и покрыта молодымъ листовнымъ лѣсомъ. Въ Сакмарь-тилли впадаютъ справа рѣка Карамалы, слѣва рѣка Зибашка.

Рѣка *Баракалз* (см. далѣе).

Рѣчки: *Верхній Тиллякз*, *Нижній Тиллякз*, *Аскаразы*, *Бирмасъ* и *Танкасъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Каракала отъ долины Урманъ-Зилаира; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Сакмару. Русло имѣютъ ровное, каменистое мѣстами, шловатое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе. Самая значительная изъ нихъ рѣка Бирмасъ; она шириною отъ 1 до 3 сажень, глубиною отъ 1 до 4 футовъ. Текуть въ глубокихъ оврагахъ, шириною отъ 40 до 80 сажень; подошва оврага отлога и нѣсколько возвышена надъ поверхностію рѣки; близъ береговъ она поросла мелкимъ лѣсомъ и обилуетъ тучными лугами. Въ Бирмасъ впадаютъ: справа, рѣки Куру-елги, Ару-адашканъ, Кабагузъ и Игянь-елги; слѣва, множество небольшихъ безименныхъ рѣчекъ.

Рѣка *Урманъ-Зилаиръ* (см. далѣе).

Рѣчка *Увязамъ*. Беретъ начало свое на восточныхъ скатахъ хребта Дзяу-тюбя двумя главными источниками, течетъ отъ сѣверо-запада на юго-востокъ и впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ близъ д. Арслангуловой. Устья и вершины имѣютъ шловатое дно; плоскіе берега покрыты кустарникомъ и молодымъ лѣсомъ. Теченіе Увязама извилистое и быстрое; глубина отъ 1 до 3 футовъ, ширина отъ 1 до 2 сажень. Лощина отлогая и ровная, скаты и часть подошвы покрыты листовнымъ лѣсомъ и хорошими лугами. Въ Увязамъ впадаютъ: справа рѣки Арабаръ, Кушманъ, Кашкатай, Ирыкъ-салукъ и Бикбай, слѣва рѣки Уллу-ара и Кши-яра.

Рѣчки: *Албашъ*, *Кара-чуръ*, *Кисе*, *Ябалъ*, *Сакмалуизъ*, *Идибай*, *Тютяизъ*, *Сизякъ*, *Тейясъ*, *Турша-кузъ*, *Куюкъ*, *Бишкужа* и *Бухарчинъ*. Имѣютъ вершины свои на восточныхъ и южныхъ скатахъ хребта Дзяу-тюбя; входя въ луговую долину Сакмары, они теряются въ болотистой мѣстности; текутъ по каменистому

мѣстами иловатому дну; имѣютъ берега низменные, покрытые мелкимъ кустарникомъ и быстрое, но мелководное теченіе. Рѣчные лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами хребта Дзю-тюбя; имѣютъ ширину отъ 30 до 100 сажень и покрыты частію листовымъ лѣсомъ, частію хорошими покосными мѣстами.

Рѣчка Куруюль. Вытекаетъ двумя главными источниками на западныхъ скатахъ высокой, но плоской горы, находящейся на хребтѣ Дзю-тюбя. Течетъ на протяженіи 10 верстъ отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ на югозападъ, и впадаетъ въ Сакмару однимъ топкимъ рукавомъ. На теченіи отъ сѣвера на югъ она имѣетъ песчано-каменное дно, ровное русло и возвышенные берега. Ниже грунтъ становится глинисто-иловатымъ, берега низменными, а русло котловинистымъ. Плесы раздѣлены небольшими перекатами, по которымъ вода имѣетъ быстрое теченіе. Ширина котловинъ отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ. Нагорные берегалощины Куру-юля образуютъ отроги хребта Дзю-тюбя; они въ началѣ не высоки, но круты; ширина рѣчной лощины отъ 70 до 600 сажень; она имѣетъ хорошую почву земли и изобилуетъ луговыми и пахотными мѣстами. Въ Куру-юль впадаютъ: справа, рѣки Кашъ-Куль, Яргавшъ, Токъ-макъ-шишья, Кашкильды и Тутъя; слѣва, рѣки Акбай-куль, Аманчукъ-Минклибай, Аари-сазъ, Машбетъ, Карыкабаръ, Яргавшъ, Сартай, Езегуга, Ирыклы, Шишлы и Кашкильды.

Рѣчки: *Незай, Караайла, Мембетей, Янчура, Маль-кылды, Карамалы, Баселя, Белекей-асы, Темиръ-манлыкъ, Тукмакъ и Зириклы.* Вытекаютъ на южныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Сакмары отъ долины Касмарки; теряются въ луговой лощинѣ Сакмары; имѣютъ частію иловатое, частію твердое дно, низменные берега и незначительное теченіе; многія изъ нихъ высыхаютъ лѣтомъ. Рѣчные лощины узки, но ровны; онѣ обставлены острыми, невысокими увалами, простирающимися отъ сѣвера на югъ. На скатахъ и на подошвѣ лощинъ находятся отличныя мѣста для пашень и луговъ.

Рѣчки: *Сакмарка и Большой Икъ* (см. далѣе).

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Кукъ-и-диль, Тлалъ-тарка, Сапсалъ и Караалы.* Вытекаютъ въсколыми топкими лощинами съ западныхъ скатовъ

Ирындыка. Имѣютъ общее направленіе отъ востока на западъ и вливаются въ р. Сакмару каждая однимъ устьемъ; дво большею частію имѣютъ тинистое и топкое, берега низменные и поросшіе кустарникомъ. Котловинистыя русла имѣютъ глубину и ширину непостоянную, потому что наполняются, во время таянія снѣговъ, значительнымъ количествомъ воды, которая высыхаетъ лѣтомъ и образуетъ небольшіе плесы и болотистыя топи. Лощины рѣчекъ обставлены отлогими увалами, отходящими отъ подножіи хребта Ирындыка. Полошвы лощинъ отлогія, ровныя и поросшія хорошими луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Боковыхъ притоковъ не имѣютъ, а принимаютъ множество отлоговъ частію сухихъ, частію топкихъ лощинъ.

Рѣчка *Ассели*. Вытекаетъ нѣсколькими отлогими лощинами у подножіи горы Беркутъ-тау въ котловинѣ, образованной хребтами Куянь и Сакъ-тау; течетъ въ началѣ отъ юга на сѣверъ до прохода чрезъ хребетъ Куянь-тау, гдѣ поворачиваетъ круто на западъ, протеская по сему направленію до впаденія въ рѣку Сакмару. Мелководное русло представляетъ рядъ топкихъ плесовъ, соединенныхъ узкими рытвинами; имѣетъ песчановоловатое дно, плоскіе и голые берега, близъ которыхъ встрѣчается множество солончаковъ. Лѣтомъ вся рѣчка, за исключеніемъ немногихъ плесовъ, высыхаетъ; верстъ на 8 отъ вершинъ лощина Ассели обставлена ровными, но крутыми скатами хребтовъ Куянь и Сакъ-тау, отстоящими другъ отъ друга отъ 3 до 5 верстъ. Далѣе на западномъ своемъ теченіи она сопровождается отлогими увалами, составляющими невысокіе и плоскіе отроги хребта Куянь-тау. Подошва лощины сухая и отлогая; она поросла ковылемъ, нарѣдко луговыми травами.

Рѣчки: *Шармай-ели*, *Мурзибаева* и *Белекей-акмурунъ*. Вытекаютъ изъ топкихъ и отлогихъ лощинъ у подножіи отроговъ хребта Куянь-тау; текутъ всѣ по направленію отъ востока на западъ и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ р. Сакмару. Русло имѣютъ котловинистое, наподобіе всѣхъ степныхъ рѣчекъ; дно большею частію иловатое, мѣстами каменистое; берега плоскіе и поросшіе частію ковылемъ, частію луговыми травами; теченіе прекращается лѣтомъ и вода застываетъ въ небольшихъ плёсахъ. Русла находятся въ довольно широкихъ и отлогихъ лощинахъ, образованныхъ невысокими и плоскими отрогами хребтовъ Куянь и Уварить-тау; подошвы лощинъ имѣютъ мѣ-

стами хорошіе луга. Немногія сухія лощины, начинающіяся на скатахъ прилежащихъ уваловъ, составляютъ единственныя ихъ притоки.

Рѣчки: Акмурунъ, Мекатинъ, Карамалы, Танысакъ-аптыкай, Алаатъ-ульянъ, Курса, Куруткасъ, Акчура, Ильясъ, Василей-ели, Яманъ-куриа, Кару-ели, Кашъ-терекъ, Картусъ, Карси, Миняусъ, Караачла, Сари-узякъ, Туратъ, Карагла-айры, Аксаиръ, Чана-сапканъ, Большой и Малый Сикъ. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ и топкихъ лощинахъ на плоской возвышенности, разделяющей долину Сакмары отъ долины Таваляка; вливаются въ Сакмару, каждая однимъ устьемъ, которое прочемъ у многихъ высыхаетъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ котловинистыя русла имѣютъ топкое кочковатое дно, плоскіе болотистые берега и весьма пологое паденіе; далѣе же, по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ, онѣ болѣе и болѣе углубляются и принимаютъ видъ горныхъ ручейковъ, имѣющихъ дно каменистое, ровное, мелководное русло и плоскіе берега. Теченіе воды имѣетъ значительную быстроту до лощины Сакмары, гдѣ разливается топкими рукавами. Отлогія лощины рѣчекъ обставлены въ началѣ длинными покатостями плоской возвышенности; имѣютъ по большей части подошвы болотистыя и кочковатыя, по коимъ произрастаетъ мелкій березникъ; ближе къ устью лощины постепенно суживаются и ограничиваются крутыми, скалистыми, нагорными берегами Сакмары. Всѣ рѣчки принимаютъ множество сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ характеръ общій съ главными ручейками.

Рѣчка Катралы. Четыре отлогія лощины Лапакъ, Тюлку-улганъ, Букашбай-аси и Янгизъ-карагай составляютъ вершины рѣки Катралы; она протекаетъ сначала верстъ около 6 отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ круто на западъ, и слѣдуетъ по сему направленію до впаденія своего въ рѣку Сакмару близъ д. Аксюриновой. Отъ точки соединенія всѣхъ вершинъ р. Катрала имѣетъ ровное русло, каменистое дно, и плоскіе берега, обросшіе молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Она въ началѣ протекаетъ мелководнымъ ручейкомъ, который въ рѣдкомъ мѣстѣ шире одной сажени; далѣе постепенно увеличивается, такъ что ниже устьевъ Кургашы сплавъ дровянаго лѣса можетъ совершаться безпрепятственно до устьевъ ея. По всему теченію встрѣчается множество быстротоковъ, въ коихъ стремленіе

воды весьма значительное. Лощина Катралы образуется въ началѣ отлогими и длинными скатами плоской возвышенности, раздѣляющей долину Сакмары отъ долины Урала; далѣе отъ поворота къ западу она, болѣе и болѣе углубляясь, принимаетъ видъ крутаго утесистаго оврага, шириною отъ 50 до 300 сажень. Подолшва лощины ровная, но возвышена надъ поверхностію рѣки, отъ чего берега тутъ обрывисты. Она имѣетъ тучную почву, въ которую впадаютъ слѣдующіе ручейки: справа, Камышлы, Кургашлы, Узьякъ-карабашъ, Мунга-галы, Муратъ-елги, Куси-елги; слѣва, Тирмянъ-узьякъ, Ичинъ-баръ, Каиракты, Юль-сыкканъ и Кизымъ-елги. Всѣ эти ручейки мелководны, вытекаютъ изъ лощинъ плоской возвышенности, и имѣютъ каменистыя русла и узкія лощины.

Рѣчка: *Япашъ, Акташъ, Ямашъ, Тирыклы, Кизиль-яръ, Ибалыкъ, Агунъ, Малышъ-чериканъ, Санъкасы, Кляймазай, Кура-сайъ и Кунакъ-куанъ*. Имѣютъ вершины свои въ лощинахъ между западными отрогами плоской возвышенности, отдѣляющей рѣку Сакмару отъ рѣки Губерли. Повыходъ изъ горнаго пространства, онѣ всѣ, за исключеніемъ рѣки Ямаша, теряются въ лощинѣ Сакмары, протекаютъ по каменному руслу между плоскими берегами, обросшими кустами и луговыми травами. Русла имѣютъ въ началѣ значительную покатость, отъ чего теченіе воды быстрое; далѣе же въ лощинѣ Сакмары оно становится почти горизонтальнымъ и вода теряется въ несчаннстоиловатыхъ наносахъ. Крутые и высокіе отроги, составляющіе предѣлы между лощинами ручейковъ, тянутся въ видѣ острыхъ утесистыхъ хребтовъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подножія возмываны небольшими предгоріями, которыя придаютъ лощинамъ видъ неровный; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошія луга и изрѣдко кустарники.

Рѣчка *Курганъ*. Начинается нѣсколькими отлогими и топкими лощинами на гребнѣ плоской возвышенности, которая отдѣляетъ долину Сакмары отъ долины Губерли. Течетъ первоначально отъ сѣвера на югъ и поворачиваетъ у деревни Рысаевой на сѣверозападъ, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару у деревни Межбетѣвой. Рѣка Курганъ протекаетъ верстъ 8 отъ вершинъ рядомъ небольшихъ топкихъ плесовъ, кои не вездѣ имѣютъ постоянное между собою сообщеніе. Далѣе теченіе ея становится быстрѣе и степной ручеекъ постепенно принимаетъ

видъ горнаго потока, у котораго каменистое дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, плоскіе берега обросли мелкимъ кустарникомъ и молодымъ осокоревымъ лѣсомъ. Ширина русла впрочемъ незначительная и рѣдко превышаетъ 4 сажени. Глубина также не вездѣ одинакова, но большею частію не выше 1 арш. Отлогіе скаты плоской возвышенности, кои въ началѣ образуютъ лошину Курагала, становятся по мѣрѣ приближенія къ устью круче и утесистѣе; они придаютъ лошинѣ видъ глубокаго оврага, шириною отъ 100 до 700 саж. Подоснова лошины взволнована подножіями и предгоріями отроговъ, которые въ особенности значительны на правомъ берегу. Луговые и пахатныя мѣста находятся въ большомъ количествѣ по всей лошинѣ. Изъ притоковъ самый значительный р. Блау, которая впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ Курганомъ. Изъ прочихъ впадаютъ: съ правой стороны, ручейки: Урманъ-аятъ, Ишлаубакъ, Джирикъ-солокъ, Калакъ, Баки-ягуда, Кушъ, Улякъ, Кайтюря-псанчи, Япаръ, Тугаракъ, Таль-люзякъ, Мухдакай; съ лѣвой, ручейки: Башъ-калганъ, Иманлы, Каты-енганъ, Тазгара, Блау, Давлетъ-кужа, Аблеага, Тириклы, Тунъ-гарганъ, Сюлу, Каянъ-тюканъ, Айры-саяъ и Оглу-елги.

Рѣчки: *Кувандыкъ, Большой и Малый Кашкуръ, Туюзакъ, Абдулла-качканъ, Карай-сыръ, Ильчууль, Савакъ-калакъ, Малашъ-елим, Якутъ-елим, Таръ-елим, Аюлы, Сары-елим, Катраклы, Кулларъ, Кутерли, Джумануль, Чортанды и Сиперъ.* Имѣютъ вершины въ лощинахъ на возвышенности между Сакмарою и Ураломъ. Течутъ всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ, и оканчиваются въ лошинѣ Сакмары, гдѣ и теряются въ болотистыхъ топахъ; текутъ по глинистопесчаному, частію топкому, частію каменистому дну между голыми берегами. Имѣютъ въ началѣ быстрое теченіе, но по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ становятся медленнѣе и теряются напоследокъ въ луговой лошинѣ Сакмары. Лошины обставлены съ обѣихъ сторонъ поперечными хребтами, простирающимися на возвышенности между Ураломъ и Сакмарою; оны болѣе или менѣе сжаты, смотря по разстоянію хребтовъ, и изобилуютъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Яланъ-Зиламръ.

Небольшой ручеекъ Кусяба составляетъ главную вершину рѣки Яланъ-Зилавра; она вытекаетъ нѣсколькими топкими лоши-

нами у подножіи отлогой возвышенности, близъ дороги, ведущей изъ Кано-Никольскаго завода въ крѣпость Кизильскую. Течетъ до устьевъ рѣки Кундуруша, поворачивается далѣе къ ССО, и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до деревни Максютовой, у которой разливается въ рѣку Сакмару однимъ рукавомъ.

Верстѣ на 15 отъ вершинъ рѣки Зилаиръ протекаетъ мелко-воднымъ ручейкомъ, шириною въ одну сажень; отъ присоединенія многихъ боковыхъ притоковъ она вскорѣ увеличивается до того, что имѣетъ ниже устьевъ рѣки Шульки ширину отъ 4 до 10 сажень. Дно имѣетъ въ началѣ глинистопесчаное, топкое, зарытое многими котловинами, глубиною въ одну сажень, въ прочихъ же мѣстахъ вода не выше одного аршина. Отъ устьевъ рѣки Шульки русло становится болѣе каменистымъ, нежели иловатымъ; подводные камни и песчаные наносы образуютъ широкіе перекаты, по которымъ вода стремится значительною быстротою.

Берега рѣки Зилаира отъ вершинъ до крѣпости Зилаирской плоскіе и низменные, далѣе же они постепенно возвышаются и образуютъ во многихъ мѣстахъ яры, вышиною въ одну сажень. Рѣчные берега покрыты молодымъ лиственнымъ лѣсомъ, какъ то: олкою, березою и тальникомъ. Быстрота теченія весьма неравномѣрна, по причинѣ многихъ перекатовъ; въ средней сложности можно принять, что вода въ одну минуту протекаетъ 6 сажень. Рѣка Зилаиръ разливается несною, около 20 Апрѣля, и затопляетъ всю лощину, кромѣ возвышенныхъ мѣстъ, по которымъ расположены Башкирскіе хутора. Вода прибываетъ быстро въ продолженіе 5 дней, достигаетъ высоты отъ 6 до 10 футовъ противъ обыкновеннаго уровня и убываетъ потомъ столь же скоро, такъ что, по истеченіи полуторы недѣли, всѣ броды опять удобопроходимы. Во время полноводія сплавъ дровянаго лѣса возможенъ отъ устьевъ рѣки Шульки, строеваго же отъ устьевъ рѣки Кундуруша.

Отъ вершинъ до устьевъ рѣки Кундуруша рѣка Зилаиръ течетъ по низменной и ровной лощинѣ, шириною отъ 80 до 150 сажень; она обставлена съ обѣихъ сторонъ отлогими увалами, раздѣляющими ее отъ лощинъ боковыхъ притоковъ. До Зилаирской крѣпости лощина представляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ, кои ежегодно потопляются полыми водами; ниже крѣ-

пости подошва лощины возвышается, почва земли становится скуднѣе и наводненія рѣже, отъ чего и луговъ тутъ мало.

Отъ устьевъ рѣки Кунтутлу-ткава скаты прилежащихъ высотъ круты и образуютъ по всему теченію Яланъ-Зилаира обрывистые нагорные берега.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кайракъ-айры*, *Туузбай* съ притокомъ *Алабайталъ*, *Большой и Малый Калмакъ*, *Большой Пишады*, *Малый Пишады* и *Кундуруушъ*. Вытекаютъ всѣ на восточныхъ скатахъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Большаго Ика отъ долины Яланъ-Зилаира; текутъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ и разливаются каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Зилаиръ. Имѣютъ русло котловинистое, иловатокаменистое дно и низменные берега. Вода течетъ быстро, глубина ея не выше одного фута, а ширина отъ 1 арш. до одной саж. Во время весенняго половодія можно сплавлять дровяной лѣсъ по Калмаку, Большой Пишадѣ и Кундурушѣ, но не далѣе какъ на протяженіи двухъ верстъ отъ устьевъ. Русло рѣчекъ находится въ узкихъ, но отлогихъ лощинахъ, шириною отъ 25 до 40 сажень; онѣ обставлены съ правой стороны крутыми и мѣстами обрывистыми покатостями хребтовъ, составляющихъ продолженіе восточныхъ скатовъ главной возвышенности между долинами Ика и Сакмары. Съ лѣвой стороны скаты хребтовъ отлоги и открыты; подошва лощины представляетъ хорошія луговыя мѣста.

Рѣчки: *Танаэлы*, *Балыклы*, *Ирямышъ*, *Дехтярки-тажъ*, *Ускунушъ* и *Балушты*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Барыкала; текутъ отъ сѣверозапада къ юговостоку и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Зилаиръ. Русло и теченіе этихъ ручейковъ одинаковыхъ свойствъ съ предъидущими, съ тою разницею, что она еще мелководнѣе и незначительнѣе. Увалы, образующіе лощины ручейковъ, имѣютъ въ началѣ длинныя и отлогія покатоности; по мѣрѣ приближенія къ устью, она становятся круче и короче. Подошва лощины отлогая и поросшая лѣственнымъ лѣсомъ; она доставляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Кунтуплутканъ, Шулька, Большой и Малый Кикряуды, Большой Куся, Тимирчи, Большой Арба-елин, Аскаразы и Карасу-елин*. Вытекаютъ въсколькими источниками съ западныхъ скатовъ возвышеній, отдѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Сакмары; текутъ по направленію отъ востока на западъ, и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Зилаиръ. Текутъ всѣ мелководными ручейками по котловинистымъ русламъ; имѣютъ дво большую частію иловатое и мѣстами каменистое, берега плоскіе и низменные. Глубина и ширина ручейковъ весьма незначительная; лощины рѣчекъ раздѣляются небольшими увалами, составляющими продолженіе главной возвышенности между долинами Сакмары и Зилаира; они имѣютъ въ началѣ отлогіе скаты, но ближе къ устьямъ становятся круче и короче. Ширина лощины отъ 20 до 50 сажень, онѣ поросли частію молодымъ лѣсомъ, частію луговыми травами.

Рѣка Баракалъ (по-Башкирски Балакаръ).

Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, у подножій возвышеннаго увала, раздѣляющаго долину Яланъ-Зилаира отъ долины Урманъ-Зилаира; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару. Русло Баракала имѣетъ въ началѣ плоскіе тонкіе берега, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Иловатое дно взволновано небольшими наносами и углубленіями, придающими руслу видъ котловинистый. Отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса лощина Баракала становится шире и ровнѣе; къ ней примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ крутые скаты горныхъ уваловъ, раздѣляющихъ её отъ долины обоехъ Зилаировъ; на утесахъ обнажаются кварцевые и слюдястые сланцы. Ширина русла близъ устьевъ р. Кучукъ-бирмаса 2 сажени, но далѣе она увеличивается до 5 сажень. Дно становится ровнѣе и каменистымъ, въ особенности ниже хутора деревни Исянгуловой, гдѣ встрѣчается множество подводныхъ камней, крайне затрудняющихъ сплавъ лѣса. Устье Баракала обставлено съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими утесами, отстоящими не болѣе пятидесяти сажень отъ береговъ; оно не мелѣетъ, потому что русло большею частію каменистое. Теченіе Баракала весьма быстрое, но не вездѣ одинаковое;

можно принимать, что вода въ одну минуту пробѣгаетъ 8 саж. Глубина водъ также непостоянна, мѣстами около 1 саж., мѣстами не болѣе фута. Разливъ рѣки бываетъ около 15 Апрѣля и продолжается 10 дней: вода прибываетъ въ продолженіе пяти дней и убываетъ столько же времени; она достигаетъ наибольшей высоты въ одну саж. Заливныя мѣста изобилуютъ тучными лугами, и бываютъ лѣтомъ большею частію сухи. Если воспользоваться весеннимъ половодіемъ, то сплавъ дровянаго лѣса возможенъ по Баракалу отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса, т. е. всего на разстояніи 40 верстъ отъ устьевъ.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кучукъ-бирмась, Ямской-ключъ, Елговой-кустъ, Улянъ-джимась, 1-й Анау, 2-й Анау, 3-й Анау, Черная, Тамакей, Кунканъ, Ташекъ и Асетаи*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ лощинъ на восточныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Баракала отъ долины Урманъ-Зилаира. Течутъ всѣ отъ запада на востокъ и юго-востокъ, и впадаютъ въ рѣку Урманъ-Зилаиръ, каждая однимъ рукавомъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе мелководны; имѣютъ въ началѣ тонкое дно, низменные болотистые берега и неровныя русла; ближе къ устьямъ онѣ болѣе и болѣе углубляются; гальки и кругляши покрываютъ дно и образуютъ небольшіе перекаты, по коимъ вода протекаетъ быстрымъ стремленіемъ. Въ всходящихъ изгибахъ берега представляютъ небольшіе яры, вышиною въ 1 арш., глубина воды очень незначительная. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными увалами, понижающимися сначала крутыми спусками, далѣе отлогими. Подошва лощинъ шириною отъ 20 до 30 сажень; она суха и поросла молодымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошіе луга.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ левой стороны:

Рѣчки: *Кривой-мостъ, Кашкидыкъ, Атыкъ, Бальшикъ, Псык-тушакъ, Исаклы-кыланъ, Уссайры и Караай, Караушъ-уланъ*. Всѣ начинаются въ отлогихъ лощинахъ, на широкомъ и плоскомъ увалѣ, раздѣляющемъ долину Баракала отъ долины рѣки Яланъ-Зилаира. Течутъ отъ сѣверовостока, на югозападъ и впадаютъ каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Баракалъ. Близъ вершинъ русла имѣютъ шоватое топкое дно, низменные берега и отлогую, частію болотистую, лощину. Ниже по теченію онѣ по-

степенно увеличиваются, дно становится каменистымъ и русло ровнѣе. Широкія плоскія возвышенности, раздѣляющія долины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ отлогіе длинныя скаты, представляющіе хорошія пахатныя и луговыя мѣста.

Рѣчка *Баракаль-тилли*. Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, близъ вершины отлогой возвышенности, пролегающей между нею и рѣкою Баракаломъ. Течетъ сначала верстъ на 6 отъ сѣвера на югъ, поворачиваетъ большимъ изгибомъ на юговостокъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Баракаль. Теченіе Баракаль-тилли очень извилистое и быстрое, особенно въ изгибахъ, гдѣ чаще встрѣчаются пороги. Ровное русло пролегаетъ по песчаному грунту между плоскими берегами, обросшими ольховыми кустами. Въ Баракаль впадаютъ: справа, ручейки Акъ и Бівкъ и рѣка Аю-айры, слѣва рѣка Акту. Нагорные берега лощины въ началѣ отлогія, далѣе же становятся круче и обрывисте; правый нагорный берегъ открытъ, а лѣвый поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Подошва лощины отлогая, неровная, въ низменныхъ ея частяхъ находятся хорошіе луга.

Рѣка Урманъ-Зилаиръ.

Вытекаетъ двумя небольшими ключами изъ низменныхъ лощинъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину верхней Сакмары отъ долины Ика; она протекаетъ частыми и значительными изгибами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару у деревни Акюловой.

Верстъ на 15 отъ вершинъ рѣки Урманъ-Зилаиръ течетъ незначительнымъ ручейкомъ по глинистому и котловинистому руслу, между топкими берегами, покрытыми молодымъ лѣсомъ. Возвышенные увалы, пролегающіе по обѣимъ сторонамъ рѣчной лощины, обращаютъ къ ней отлогіе ровные скаты и волнуютъ подножіями своими узкую ея долину. Далѣе по теченію лощина болѣе и болѣе углубляется; прилежащіе къ ней увалы возвышаются и оканчиваются крутыми, частію обрывистыми, скатами, близъ самыхъ береговъ, такъ что подошва ея рѣдко шире 100 сажень; наносы и розсыпи отъ обрывовъ придаютъ ей значительное возвышеніе надъ поверхностію рѣки, отъ чего берега высоки и обрывисты, особенно въ исходящихъ изгибахъ. Хорошіе луга встрѣчаются лишь въ низменныхъ частяхъ ло-

щины, наводняемыхъ весенними водами; прочія мѣста сухи и покрыты рѣдкимъ кустарникомъ. Волнообразный видъ лощины служитъ причиною тому, что ширина русла не вездѣ одинакова: въ низменныхъ частяхъ она отъ десяти до двадцати сажень, а въ другихъ не болѣе двухъ саж. ширины. Каменистое дно изрыто многими котловинами, глубиною въ 2 аршина, обыкновенная же высота не болѣе поларшина. Теченіе Урманъ-Зилаира быстро, особенно тамъ, гдѣ русло загрождено наносами; вода пробѣгаетъ въ средней сложности 5 сажень въ одну минуту. Весною она разливается, около 20 Апрѣля, выступаетъ изъ береговъ и потопляетъ большую часть лощины, достигая наибольшей высоты въ одну саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; по истеченіи 10 дней вода опять входитъ въ русло свое и понижается въ продолженіе мѣсяца до того, что даже не покрываетъ поверхности многихъ наносовъ. Заливныя мѣста сухи и ровны. Осенью Урманъ-Залаиръ замерзаетъ въ первыхъ числахъ Ноября.

Въ рѣку Урманъ-Зилаиръ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кумахъ, Тюлюбиха, Верхній-шаръ, Большой-шаръ, Сосновка, Чувашскій-ключъ, Атыкъ и Муси-куза*. Вытекаютъ въ-сколькими источниками на восточныхъ скатахъ увала, разделяющаго долину Касмарки отъ долины Урманъ-Зилаира. Течутъ многими извилинами по общему направленію отъ сѣверозапада на юговостокъ, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Всѣ эти рѣчки начинаются незначительными лощинами на отлогихъ покатостяхъ плоской возвышенности и имѣютъ неровныя русла въ глинистопесчаномъ грунтѣ, низменные берега и медленное теченіе. По мѣрѣ углубленія самой лощины, онѣ получаютъ возвышенные берега, каменистое дно и быстрое теченіе, но вообще мелководны и незначительной ширины. Отлогія рѣчныя лощины принимаютъ постепенно видъ узкихъ и глубокихъ овраговъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутыми и частію обрывистыми скатами; подошвы овраговъ отлогія и ровныя; онѣ покрыты большею частію мелкимъ кустарникомъ и покосными мѣстами. Всѣ эти рѣчки принимаютъ съ обѣихъ сторонъ множество сухихъ овраговъ и лощанъ.

Рѣчка *Узала*. Вытекаетъ двумя главными источниками на

плоской возвышенности между рѣками Касмаркомъ и Урманъ-Зилаиромъ; имѣютъ извилистое теченіе отъ сѣверозапада на юго-востокъ, и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилаиръ; имѣетъ въ вершинахъ топкое и котловинистое русло, низменные берега и медленное теченіе. Ниже русло ея становится ровнѣе и теченіе быстрѣе; берега въ исходящихъ изгибахъ обрывисты и возвышены надъ поверхностію воды аршина на полтора и поросли молодымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ; близъ устья р. Узала шириною въ 2 сажени и глубиною въ 1 аршинъ. Лощина Узала въ началѣ болотистая и ровная; по мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, она постепенно углубляется, возгорные берега становятся круче и выше, въ особенности около устья, гдѣ она мѣстами утесиста. Подошва лощины, отлогая и нѣскольکو возвышенная надъ поверхностію рѣки, шириною отъ 50 до 200 сажень, имѣетъ хорошія луговые мѣста и частію покрыта молодымъ лѣсомъ. Въ Узалу впадаютъ: справа, рѣки Бурлатъ, Байгулъ и Зирень-алатъ, слѣва Иляубаръ и Сарагайлы.

Рѣчки: *Малый Узала, Яку-тюбли, Уллу-исякли, Куру-исякли*. Не большіе ручейки, вытекающіе на восточныхъ скатахъ хребта Дзлу-тюбя, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилаиръ. Имѣютъ глинистое, а ниже каменистое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ общаго свойства съ прочими притоками Урманъ-Зилаира.

Въ рѣку Урманъ-Зилаиръ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Игамашла, Мукайла, Ключъ-городобойной, Ключъ-рѣпниш-ный, Ключъ-столичный, 4 ключа безъ особыхъ названій, Ключъ-ирязный, Ключъ-самородный и Угара*. Берутъ начало въ отлогихъ лощинахъ на возвышеніяхъ, раздѣляющихъ долину Урманъ-Зилаира отъ долины Яланъ-Зилаира и Баракала; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Имѣютъ глинистое русло, иловатое дно и низменные берега; далѣе по теченію онѣ увеличиваются; гальки и кругляши покрываютъ неровную поверхность дна; теченіе становится быстрѣе и рѣчки эти принимаютъ вообще характеръ горныхъ потоковъ. Отлогія лощины, по коимъ протекаютъ онѣ, углубляются постепенно и образуютъ ниже глубокіе овраги, имѣющіе узкую ровную подошву. Скаты овраговъ покрыты большою частію смѣшаннымъ лѣсомъ.

Рѣчка *Бутурузъ*. Вытекаетъ источникомъ на скатахъ возвы-

шенности, раздѣляющей долину Урманъ-Зилаира отъ долины Баракала, течетъ небольшими извилинами по общему направленію отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Имѣетъ въ началѣ медленное теченіе по глинистому, отлогому руслу верстъ около 5; отъ начала своего она постепенно увеличивается, получаетъ быстрое, перекатистое теченіе, каменистое дно и возвышенные берега. Ширина ея близъ устья около 2 сажень, глубина же очень незначительная. Лощина Бутуруза имѣетъ ширину отъ 50 до 100 саж.; она обставлена съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами возвышенныхъ уваловъ, раздѣляющихъ ее отъ рр. Угары и Сакмары. Подосва лощины ровная и отлогая; близъ береговъ она покрыта молодымъ лиственнымъ лѣсомъ, а далѣе хорошими лугами. Въ р. Бутурузъ впадаютъ рѣки: Усманъ-уланъ, Лабакъ, Карагуль и Саурай.

Рѣка Касмарка (по-Башкирски Касмартъ).

Источники ея находятся на возвышенномъ увалѣ, раздѣляющемъ долину Сакмары отъ долины Сюряна; она начинается нѣсколькими топкими ключами у Старашетской дороги близъ Чувашской деревни Бердяшъ-ямъ; течетъ, отъ соединенія главныхъ источниковъ, многими извилинами отъ сѣвера на югъ до устьевъ р. Казанъ-булака, гдѣ поворачиваетъ къ западу, протекая по сему направленію до впаденія своего въ р. Сакмару.

Отъ вершинъ до устьевъ р. Казанъ-булака каменистое русло Касмарки имѣетъ ширину отъ 1 до 4 саж.; плоскіе, но возвышенные берега образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе обрывы, вышиною въ 2 арш. Грунтъ русла большею частію песчанокаменистъ; наносы и подводные камни волнуютъ поверхность дна, и образуютъ во многихъ мѣстахъ значительные пороги и быстротоки. Глубина водъ не вездѣ одинакова: во многихъ мѣстахъ она около двухъ арш., въ другихъ не болѣе одного фута. Отъ устьевъ Казанъ-булака русло ея становится болѣе иловатымъ, нежели каменистымъ; берега имѣютъ, какъ и прежде, возвышеніе на полтора арш. отъ поверхности воды и обросли молодымъ лиственнымъ лѣсомъ. Иловатое дно изрыто значительными котловинами, глубиною въ сажень; въ прочихъ же мѣстахъ глубина рѣки отъ 1 до 2 арш. Теченіе воды тутъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ выше, и быстротоки рѣже. Устье Касмарки

имѣть ширину въ 6 сажень; она не мелѣетъ отъ наносовъ и имѣетъ постоянную глубину въ 4 аршина.

Весенній разливъ воды начинается около 15 Апрѣля. Имѣетъ начало свое въ гористой, лѣсной странѣ, гдѣ таяніе снѣговъ происходитъ медленно, чѣмъ на степяхъ, окружающихъ низовья ея части; разливъ же бываетъ одновременно: по всему теченію вода пребываетъ быстро: въ первые 5 и 6 дней потопляя низменную луговую долину на значительное разстояніе, и убывая потомъ медленно въ продолженіе 10 дней. Заливные мѣста прорѣзаны многими шльменями и рытвинами, и представляютъ отличнѣйшіе луга.

Рѣчная лощина Касмарки имѣетъ крутые, нагорные берега, острые отроги, раздѣляющіе лощины боковыхъ притоковъ, и оканчивается утесистыми обрывами въ недалекомъ разстояніи отъ русла рѣки. Подошва лощины разширяется до устьевъ Казанъ-булака на одну версту; она взволнована частію отложениями подножіями нагорныхъ береговъ, частію невысокими наносами, образовавшимися изъ землястыхъ осадковъ во время весеннихъ наводненій. Ниже устьевъ Казанъ-булака, р. Касмарка поворачиваетъ на западъ и пересѣкаетъ южные отроги горнаго пространства, кои продолжаются на лѣвомъ ея берегу въ видѣ острыхъ параллельныхъ хребтовъ. Рѣчная лощина простирается версты на двѣ въ ширину, имѣетъ отличнѣйшую почву земли и изобилуетъ хорошими луговыми и пахатными мѣстами. По лощинамъ на нагорныхъ берегахъ вилны небольшіе колки лиственнаго лѣса.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Карагайлы, Тузь-уланъ, Саппакъ-кисканъ, Большой и Малый Якши-яланъ, Шалинны, Большой и Малый Мунча-юлы, Дзирикла, Асси-еласы и Каскына*. Ихъ вершины на восточныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Касмарки отъ долины Ика, впадаютъ, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Касмарку. Всѣ онѣ очень мелководны; имѣютъ каминисто-песчаное русло, плоскіе возвышенные берега и быстрое теченіе; ширина ихъ рѣдко превышаетъ одну сажень. Лощины рѣчекъ обставлены крутыми скатами, возвышающимися по мѣрѣ приближенія къ устьямъ. Подошва лощины отлогая и ровная; близъ береговъ поросла кустарникомъ и небольшими наклонами лиственнаго лѣса, ширина ея отъ 40 до 100 сажень. Всѣ эти

рѣчки принимаютъ множество боковыхъ, безименныхъ притоковъ.

Рѣчка Идяшъ. Вершины ея находятся въ топкихъ, болотистыхъ лощинахъ, на скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей вершины Касмарки отъ вершинъ Емашлы; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ близъ деревни Бикбердиновой. Имѣетъ отъ начала до конца каменисто-песчаное дно, возвышенные берега и очень быстрое теченіе; ширина ея отъ 1 до 4 сажень, глубина отъ 1 до 3 футовъ; броды часты и постоянны. Узкая и глубокая лощина, по которой протекаетъ р. Идяшъ, расширяется постепенно; острые отроги, раздѣляющіе лощины ея притоковъ, волнуютъ подпожіями своими самую подошву, весьма отъ этого неровную; въ низменныхъ частяхъ имѣются хорошіе луга и небольшіе перелѣски. Въ рѣку Идяшъ впадаютъ: справа, рѣки: Тюнъюкю-куль-елги, Артышлы-елги, Туслы-елги, Улу-куль-елги, Бабай-куль, Явтыганъ, Кара-айгыръ, Аркары-биль, Сунгуръ-елги, Кусъ-тушканъ, Таллука, Улика-елги, Касы-елги, Карамалы, Кызыл-имиявъ, Караматукмакъ, Искандеръ-елги, Булакъ-башъ-елги, Тирмянъ-елги и Ташъ-узякъ; а съ лѣвой: Кулъ-сукъ-каинъ, Язлаву-баръ, Магашъ, Аитъ-бія-ульганъ, Куръ-уины-сунгуръ-куль, Кара-атъ-ульганъ, Ябты-елги, Камай-сапканъ, верхней и нижній Уткармакъ-бекышъ и Кукея.

Рѣчка Каплакъ-зиргаишъ. Вытекаетъ четырьмя источниками у подножій известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Касмарки отъ долины Ассели; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку у деревни Старой Назаровой. Русло Зиргаиша имѣетъ въ началѣ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе; ближе къ устью дно ея становится болѣе вловатымъ, нежели каменистымъ; наносы и подводные камни образуютъ частые пороги и быстротоки. Рѣка Зиргаишъ очень мелководна, ширина ея рѣдко превышаетъ двѣ сажени. Нагорные берега лощины образуютъ крутыя подножія отроговъ, раздѣляющихъ лощины боковыхъ притоковъ; подошва лощины имѣетъ ширину отъ 50 до 200 сажень; она покрыта частію листовымъ лѣсомъ, частію тучными лугами. Въ Зиргаишъ впадаютъ: справа, рѣки: Кара-бія, Куинъ-урганъ (Азнай-бай-ляганъ), Кара-угызъ, Яръ-су-берганъ, Айры-гуванъ, Азанкуль,

Атъ-ульганъ, Тюляганъ-узякъ и Бузякъ; а слѣва: Куюлы, Бату, Иштай, Еракла, Талъ-узякъ, Игвай-талаганъ, Куйлю-дакъ и Кудашъ-сазы.

Рѣчки: *Уликляръ, Жириклы, Тириклы, Ирабля, Киратъ и Сазла*. Небольшіе ручейки, вытекающіе у подножіи известковыхъ горъ, текутъ отъ сѣвера на югъ и теряются въ луговой долинѣ Касмарки; имѣютъ мѣстами тицистое, мѣстами твердое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ облюютъ хорошими лугами, но они нешироки и частію порослы кустарникомъ.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Пыша-юртъ, Тяпакъ-баръ, Кусякай, Кашка-айыръ, Ибашка, Сала-какканъ, Большой и Малый Анпакъ, Агурды-зиришизъ, Картъ-ели, Искизма, Кызъ-берганъ, Аркады-тау-ели, Муртазай, Урманъ-аби-ели и Кара-булакъ*. Онѣ берутъ начало свое въ отлогихъ лощинахъ на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, разделяющей долину Сакмары отъ долины Касмарки; текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку. Всѣ эти рѣчки имѣютъ каменистое русло, плоскіе берега и быстрое теченіе; по уступамъ дна и между подводными камнями образуются небольшіе пороги и быстротоки; глубина и ширина рѣчекъ очень незначительная. Глубокія лощины, по коимъ протекаютъ рѣчки, принимаютъ, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ, видъ узкихъ овраговъ; подошвы лощинъ отлогія и ровныя; мѣстами встрѣчаются хорошіе луга и небольшіе колки лиственного лѣса.

Рѣчка *Казанъ-булакъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками на западныхъ скатахъ хребта Дзлу-тюбя, течетъ отъ сѣверо-востока на югозападъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ выше рѣки или деревни Юнуевой. Течетъ по глинистому и котловинистому грунту, между плоскими и возвышенными берегами; имѣетъ ширину отъ 5 до 14, а глубину отъ 1 до 3 футовъ. Теченіе воды быстро-стремительное въ порогахъ. Броды частые и постоянные. Казанъ-булакъ течетъ въ началѣ по крутому, неглубокому оврагу, шириною отъ 40 до 150 сажень; возвышенные увалы принимаютъ видъ острыхъ и крутыхъ хребтовъ, отстоящихъ

другъ отъ друга версты на двѣ. Подошва лощины отлогая, ровная, съ хорошимъ грунтомъ земля.

Рѣчки: *Бардели*, *Таль-узакъ*, *Сиръ-тюбъ*, *Якупъ*, *Сара-сюрпа*, *Уссъ-булакъ*, *Виръб-ирлякъ* и *Сазла*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на сѣверныхъ скатахъ возвышенности, раздѣляющей долину Касмарки отъ долины Сакмары. Течутъ отъ юга на сѣверъ и теряются въ луговой долины Касмарки. Имѣютъ иловатыя, топкія русла, изменные берега и незначительное течение; большая часть иссыхаютъ лѣтомъ. Лощины рѣчекъ оставлены съ обѣихъ сторонъ небольшими хребтами, составляющими продолженіе сѣровакковыхъ и известковыхъ горъ, на правомъ берегу Касмарки. Подошва лощины отлогая и ровная, съ хорошими пахатыми и покосными мѣстами.

Рѣка Большой Икъ.

Вершины Ика находятся на отлогомъ сыртьѣ, составляющемъ черту раздѣла между западными и восточными покатостями южной оконечности Уральскаго хребта; онѣ начинаются въ топкихъ лощинахъ, образующихъ два небольшіе ручейка, текущихъ отдѣльно верстъ пять и соединяющихся послѣ въ одно русло.

Направленіе Ика, за исключеніемъ небольшихъ изгибовъ, зависитъ совершенно отъ состава и образа напластованія горнокаменныхъ толщій, образующихъ логовище русла. Въ началѣ сѣровакковые и глинистые сланцы окружающихъ высотъ имѣютъ направленіе отъ NNW къ SSO. Воды Ика, протекая по линіи кратчайшаго наклоне слоевъ, принимаютъ направленіе отъ ONO къ WSW до устьевъ рѣки Кушъ-елги, гдѣ сѣровакковая формація замѣняетъ формацію переходнаго известняка, простирающейся до деревни Красной-Мечети. На семъ пространствѣ Икъ имѣетъ теченіе отъ OSO къ WNW; входя близъ Красной-Мечети въ формацію краснаго песчаника, рѣка поворачиваетъ круто на югъ, продолжая теченіе свое по сему направленію до впаденія въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости.

Отъ точки соединенія вершинъ Ика въ одно русло, она протекаетъ небольшимъ ручейкомъ верстъ около десяти по ровному и каменистому руслу, въ отлогой и узкой лощинѣ; по мѣрѣ увеличенія количества воды расширяется и углубляется логовище рѣки. У деревни Красной-Мечети ширина Ика 8 саж., но далѣе увеличивается отъ 10 до 15 сажень. Выѣстъ съ ши-

риною увеличивается и глубина рѣки, но впрочемъ она непостоянна по причинѣ многихъ котловинистыхъ углубленій и наносовъ, встрѣчаемыхъ по всему теченію Ика. Глубина бродовъ нигдѣ не превышаетъ трехъ футовъ, въ котловинахъ же вода имѣетъ высоту въ полторы сажени.

Берега Ика плоски и сухи; въ исходящихъ изгибахъ они образуютъ небольшіе яры въ полторы саж. отъ поверхности рѣки, противоположныя же части отлоги и покрыты гальками и кругляшами. Дно Ика до деревни Красной-Мечети большею частию ровное и каменистое, далѣе оно становится глинисто-песчанымъ; встрѣчаются и песчаные мѣста, но болѣе тамъ, гдѣ вода имѣетъ слабое теченіе. Прибрежная часть лощины покрыта тучными лугами, и въ мѣстахъ влажныхъ, около краевъ озеръ и ериковъ, лиственнымъ лѣсомъ; выше устья рѣки Емашлы ширина лощины рѣдко превышаетъ 40 сажень, но ниже деревни Красной-Мечети она отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 верстъ. Наружный видъ нагорныхъ береговъ зависитъ совершенно отъ состава и расположенія горнокаменныхъ породъ; лощина Ика отъ вершинъ до устья рѣки Кушъ-елги представляетъ узкій и глубокий оврагъ, котораго берега круты и мѣстами даже обрывисты.

Недоходя версты на три до устья рѣки Увары, начинается формация переходнаго известняка; главныя возвышенія, имѣя тутъ направленіе перпендикулярное къ теченію Ика, образуютъ по обѣимъ ея сторонамъ крутые, обнаженные утесы; въ особенности примѣчательно живописное ущеліе между обрывами горъ Хабакъ-усканъ и Тукай-ташъ-ташлаганъ, гдѣ долина Ика обставлена стѣнообразными утесами, возвышающимися надъ поверхностію рѣки сажень на 40. Ниже Красной-Мечети русло Ика входитъ въ формацию краснаго песчаника; отлогіе, невысокіе хребты тянутся съ обѣихъ сторонъ параллельно теченію рѣки, и отстоятъ на правомъ берегу около трехъ верстъ отъ русла Ика, на лѣвомъ же въ пяти верстахъ отъ него.

Весенній разливъ рѣки Ика не бываетъ въ одно время по всему ея теченію: въ верхнихъ частяхъ онъ начинается около 20 Апрѣля, въ низовыхъ около 15 того же мѣсяца; вода прибываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли, подымаясь на полторы саж. выше обыкновеннаго уровня и потопляя всѣ низменные части долины; достигнувъ до самой большой точки

высоты; она постепенно убывает до 1 Мая, когда всѣ броды становятся удобопроходимыми. Притоки Ика разливаются пятью днями раньше и половодіе продолжается не болѣе недѣли.

Течение Ика весьма различно, завися частію отъ массы воды, частію отъ покатости дна; вслѣдствіе сего быстрота теченія несравненно значительнѣе весною, нежели лѣтомъ или осенью; среднюю быстроту теченія можно принять около 7 саженъ въ одну минуту. Заливные мѣста Ика лѣтомъ сухи; многіе низменныя и рывины, коими перерѣзаны прибрежныя части долины, высыхаютъ совершенно. Часто случается, что воды Ика во время разлива прорываютъ новыя русла, которыя со старыми образуютъ небольшіе низменные острова. Рѣка Икъ впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости; ширина устья не болѣе 10 саженъ, а глубина около 5 аршинъ; оно не мелѣетъ отъ наносовъ, имѣя весьма быстрее теченіе.

Въ рѣку Икъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Урашбемъ, Карачіева, Калмычхи, Кара-ели, Ойнас-ниха (Миткаузы тожъ), Аси-баръ, Кишлау-баръ, Кизилъ-юртъ, Тюяуйанъ, Аркаюртъ и Акимбетъ*. Верхъ ручейковъ находится на вершинѣ плоской возвышенности, разделяющей долину Большаго Ика отъ долины Малаго Ика; онѣ начинаются нѣсколькими отлогими и топкими лощинами; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Икъ; всѣ имѣютъ русло ровное, дно каменистое, берега плоскіе. Онѣ образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе яры въ полтора фута высоты. Количество воды весьма незначительное, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ высыхаютъ лѣтомъ. Подошва лощинъ отлогая и не шире 50 саженъ; по ней встрѣчаются хорошіе луга и лиственные лѣса; лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и частію обрывистыми скатами, перерѣзанными многими второстепенными лощинами и оврагами, которые начинаются на гребнѣ возвышеній отлогими и плоскими углубленіями. Значительные притоки принимаютъ: рѣка Калмычхи, ручейки Дворянку и Кирюхину; рѣка Ойнас-ниха, ручейки: Горбатова, Попова, Лощенова, Долгій-мостъ и Андриухину; рѣка Кишлау-баръ принимаетъ, кромѣ множества овраговъ, рѣку Кушъ-баръ.

Рѣчка *Емашла*. Вытекаетъ многими низменными и отлогими

лощинами, на плоской возвышенности, между Большимъ и Малымъ Икомъ, у выселка Ивановскаго; течетъ многими павловками отъ сѣвера на югъ, и вливается однимъ устьемъ въ русло Большаго Ика. Свойства русла и теченія сходны съ вышеописанными рѣчками, съ тою разницею, что глубина и ширина его несравненно значительнѣе, такъ что отъ устьевъ Таллумбетъ-кирагаса, сплавъ дровянаго и строеваго лѣса бываетъ возможенъ во время весенняго полноводія. Лощина имѣетъ одинаковыя свойства съ вышеописанными рѣчками. Въ Емашлу впадаютъ: справа, ручейки: Таллумбетъ-кирагасъ и Куся; слѣва же нѣсколько глубокихъ, но сухихъ овраговъ.

Рѣчки: *Большой и Малый Кушъ-слим*. Вытекаютъ многими топкими лощинами, между выселкомъ Ивановскимъ и первое казармою на Каноникольской дорогѣ. Русло и теченіе сходны съ вышеописанными притоками Ика. Во время разлива сплавъ дровянаго лѣса удобенъ по обѣимъ рѣчкамъ на разстояніи трехъ верстъ отъ устьевъ. Общія свойства лощины сходны съ лощинами вышепомянутыхъ притоковъ.

Рѣчка *Малый Икъ*. Вытекаетъ нѣсколькими болотистыми источниками въ пяти верстахъ отъ Каноникольскаго завода, на плоской возвышенности, между рѣками Бѣлой и Икомъ; имѣетъ общее направленіе къ югозападу и впадаетъ въ Большой Икъ однимъ устьемъ, близъ деревни Ибрагимовой. Въ началѣ своей она имѣетъ общій характеръ съ прочими ручейками, протекающими по плоской возвышенности, но далѣе ширина русла увеличивается и во многихъ мѣстахъ оно простирается до пяти сажень. Каменьястопесчаное дно изрыто значительными котловинами и углубленіями. Берега плоски и поросли мелкимъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Малый Икъ удобенъ для сплава строеваго и дровянаго лѣса на разстояніи 15 верстъ отъ устьевъ. Ширина лощины измѣняется отъ 40 до 350 сажень; она обставлена крутыми и обрывистыми скатами, какъ и вообще всѣ рѣчки на семъ пространствѣ, и большею частію покрыта листовыми и смѣшанными лѣсами.

Рѣчки: *Уварье и Тассы*. Имѣютъ вершины своя у подножій горы Акъ-тау, гдѣ начинаются нѣсколькими топкими лощинами; первая течетъ прямо на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икъ, у деревни Мурадашовой; вторая обтекаетъ горы Акъ-тау на югозападъ и впадаетъ въ Большой Икъ, у дере-

нии Юлдубаевой. Русло и теченіе имѣютъ свойства общія съ прочими притоками Ика. Лощины обѣихъ рѣчекъ обставлены известковыми горами, особенно обрывистыми на лѣвомъ берегу рѣки Увары. Подосва лощины имѣетъ ширину отъ 80 до 700 сажень; она взволнована отлогими подножіями известковыхъ хребтовъ и покрыта хорошими лугами и небольшими пересѣками.

Въ рѣку Икъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчка *Кувалатъ*. Вытекаетъ тремя небольшими ручейками, именуемыми 1, 2 и 3 Кувалатомъ, близъ вершинъ Ика. По соединеніи ручейковъ въ одно русло, рѣчка Кувалатъ протекаетъ по направленію къ западу, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икъ. Лощины в русла имѣютъ свойства общія съ прочими ручейками плоской возвышенности; ширина и глубина воды такъ значительна, что возможенъ сплавъ не только дровяного, но и строевого лѣса отъ устьевъ 3-го Кувалата. Въ Кувалатъ впадаютъ съ правой стороны ручейки: Мурзаба-иха, Левониха, Ойнасниха и Каняюкинъ.

Рѣчки: *Мунаклы* и *Карамалы-инякъ*. Небольшіе ручейки, имѣющіе общія свойства съ вышеописанными притоками Большаго Ика.

Рѣчка *Большой Бердяшъ*. Беретъ начало свое отъ соединенія двухъ небольшихъ рѣчекъ Тутай-бердяшъ и Таусъ-бердяшъ, вытекающихъ нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, разделяющей долину Ика отъ долины Сюрjana. Рѣчка Большой Бердяшъ протекаетъ многими значительными поворотами отъ юговостока на сѣверозападъ и впадаетъ въ р. Икъ однимъ устьемъ. Рѣчка Большой Бердяшъ, отъ соединенія Таусъ и Тутай-бердяшъ, течетъ по ровному и каменистому руслу, шаряною отъ 2 до 5 сажень. Глубина не вездѣ одинакова, потому что дно изрыто мѣстами значительными углубленіями, мѣстами же взволновано наносами и подводными камнями. Теченіе воды очень быстрое, она протекаетъ въ средней сложности около 8 саж. въ одну минуту. Рѣчные берега плоски, но довольно возвышены въ исходящихъ изгибахъ рѣки. Сплавъ дровяного лѣса можно производить безопасно отъ самаго начала рѣки Большаго Бердяша, строевого же отъ мѣста впаденія въ нее рѣки Такаль-бердя-

ша. Рѣка Бердяшъ течетъ въ узкомъ и глубокомъ оврагѣ, ограниченномъ съ правой стороны крутыми обвѣшенными утесами, а съ лѣвой высокими и крутыми скатами, покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Подошва лощины ровная и поросшая молодымъ листовымъ лѣсомъ; ширина ея отъ 20 до 50 саж.; въ рѣку Бердяшъ впадаютъ: справа, рѣки: Туканъ, Такъ-ульганъ, Туитканъ, Кужаканъ-калышъ-берганъ, Такаль-бердяшъ, Карамалы-бердяшъ и Умирталы; съ лѣвой же стороны, кромѣ многихъ сухихъ лощинъ, рѣчныхъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Явашлы*. Имѣетъ вершины на плоской возвышенности между рѣками Инакомъ и Икомъ въ топкомъ болотѣ, именуемомъ Тумарлою. Течетъ многими извилинами по направленію отъ юговостока на сѣверозападъ, и вливается въ рѣку Большой Икъ однимъ устьемъ. Имѣетъ въ началѣ отлогое, пловатое русло, топкіе берега и неровное теченіе. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, рѣчка Явашла постепенно превращается изъ незначительнаго ручейка въ быстрый горный потокъ: дно становится ровнымъ и каменистымъ, берега плоскими и нѣсколько возвышенными надъ поверхностію рѣки. Отъ устья рѣчки Яшкикай-затканъ она начинаетъ быть удобною для сплава дровянаго лѣса. Отлогая лощина рѣчки Явашлы углубляется болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ устью и принимаетъ видъ глубокаго оврага, ограниченаго съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми скатами сѣровакковыхъ возвышенній. Въ особенности крутъ правый нагорный берегъ, на которомъ нерѣдко видны значительные утесы. Подошва оврага имѣетъ въ ширину отъ 30 до 80 сажень. Она ровна и покрыта большою частію мелкимъ листовымъ лѣсомъ. Въ Явашлу впадаютъ: справа, рѣчки: Сагтыюртъ и Яшкикай-затканъ, съ лѣвой стороны—Уллу-елги.

Рѣчки: *Сакмаклы, Арба-ели, Янчура, Катайчикъ, Бусай-узакъ, Сабаталлы, Бабай-узакъ и Буркутъ*. Небольшіе ручейки, вытекающіе въ лощинахъ между известковыми горами, составляющими западный предѣлъ горнаго пространства, текутъ отъ юга на сѣверъ и разливаются въ болотистыхъ углубленіяхъ въ лощинѣ Ика; имѣютъ сначала каменистыя русла и возвышенные берега; по выходѣ изъ горъ онѣ теряются въ болотистой долині Ика. Лощины рѣчекъ отлогія и ровныя; онѣ обставлены крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга версты

на волторы. Подошва лощины покрыта мелким кустарником и хорошими лугами.

Рѣчки: *Майки, Большой и Малый Утарь-сли, Каранъ и Нукай.* Вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножій песчанистыхъ горъ; текутъ отъ востока на западъ и вливаются каждая однимъ устьемъ въ рѣку Икъ. Руслу рѣчекъ неровны и котловинисты, дно глинисто-песчаное, далѣе иловатое; берега низменные и частію топкіе; теченіе воды очень медленное. Отлогіе увалы раздѣляютъ лощины этихъ рѣчекъ; скаты лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣка *Инякъ.* Беретъ начало свое двумя небольшими и топкими ручейками на плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Икомъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощины, обросшей большею частію сѣшаннымъ лѣсомъ. Далѣе глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обнаженные сѣрвакковые славцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые, скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки сажень на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инякъ отъ востока на западъ до устья рѣки Булакъ-буйлау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-караулъ, поворачивается къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья рѣкъ Казмашевъ, отъ которыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребетъ Солейманъ-караулъ; обрывисто-скалистые скаты хребта, которые съ обѣихъ сторонъ подходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизилъ-ташъ, простирающееся въ длину версты на двѣ.

Рѣчки: *Большой Каранъ, Джигтебулакъ, Токмакъ, Акъ-атканъ, Сазалы-джигтебулакъ, Караталъ и Зириклы.* Вытекаютъ нѣсколькими источниками у западныхъ подножій известковыхъ хребтовъ, составляющихъ западный склонъ горной возвышенности. Имѣютъ всѣ общее теченіе отъ востока на западъ и теряются въ луговой долиנѣ Ика. Протекаютъ въ началѣ по гористой мѣстности; имѣютъ ровное и каменистое русло, плоскіе, но возвышенные берега и весьма быстрое теченіе. Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ лощинѣ Ика, русло становится иловатѣе и отложе, теченіе воды медленнѣе и берега топкими. Они вообще всѣ мелководны. Невысокіе и отлогіе увалы, составляющіе предгоріе главныхъ хребтовъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ

параллельно ихъ теченію. Они обращаютъ къ нимъ длинныя отлогіе скаты, оканчивающіеся въ близкомъ разстояніи отъ самыхъ береговъ рѣчекъ, отъ чего полошва лощины незначительной ширины. Рѣка Сазалы-джитебулакъ принимаетъ съ лѣвой стороны множество боковыхъ притоковъ, изъ коихъ главные—рѣки: Уразъ-тазъ-тырниганъ, Булатъ-атканъ, Густай-туганъ, Каванъ-уй, Куянымчанъ и Салабашъ.

Рѣчка Ургень. Вытекаетъ однимъ источникомъ съ южныхъ скатовъ известковаго хребта, раздѣляющаго долину Иника отъ долины Малаго Сюряна; протекаетъ до деревни Итбаковой отъ сѣверовостока на югозападъ, а далѣе по направленію къ западу впадаетъ въ рѣку Икъ однимъ топкимъ рукавомъ, у деревни Исангуловой. До деревни Итбаковой рѣка Ургень протекаетъ по каменистому руслу, между плоскими, нѣсколько возвышенными берегами; имѣетъ глинисто-песчаное, частію каменистое дно и весьма быстрое теченіе; при поворотѣ на западъ русло ея становится отложе и теченіе медленнѣе. Низменные берега покрыты листовнымъ лѣсомъ, а дно имѣетъ иловатый грунтъ. Ширина Ургени отъ 3 до 1 саж., глубина отъ 2 до 5 футовъ. На теченіи своемъ по лощинѣ Ика, она образуетъ множество болотистыхъ озеръ и топей. На югозападномъ теченіи лощина рѣки Ургени обставлена высокими и крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи одной версты; подножія хребтовъ волнуютъ лощину, которая узка и крута. Отъ хутора деревни Девлеткуловой, она расширяется сажень на 80 и становится нѣсколько ровнѣе; у деревни Итбаковой она выходитъ изъ горнаго пространства и протекаетъ по отлогой и ровной лощинѣ, шириною отъ 200 до 600 саж. Вся лощина Ургени покрыта хорошими лугами и небольшими колками листовнаго лѣсу. Въ Ургень впадаютъ: справа, рѣки: Сунгуръ, Яныкъ, Сараатъ, Ульганъ, Турсай-алтынъ-туганъ, Тура-алабіа-ать-ульганъ съ притокомъ Сулейманъ-елги, Урмайъ-елги, Нази-елги и Ишкакъ-елги; съ лѣвой стороны, рѣки: Кулунъ-крылганъ, Булыръ-кашка, Малый Ургинъ, Багашъ-туганъ, Тамакъ и Тирьякъ.

Рѣчки: *Карай-сазъ, Каратахъ-люзякъ и Тунурлюкъ.* Небольшія топкія лощины, имѣющія вершины свои на западныхъ скатахъ песчаниковыхъ горъ. Онѣ терются въ луговой долині

Ика; имѣютъ болотистое дно и низменные берега, покрытые мелкимъ кустарникомъ и болотными травами.

Рѣчки: Кайраклы и Кирпя. Вытекаютъ у подножій горы Кирпы, текутъ по направленію отъ востока на западъ, и теряются въ луговой долині Ика. Имѣютъ глинисто-песчаное русло, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины узкія, съ хорошими покосными мѣстами.

Рѣчка Ускалыкъ. Беретъ начало свое отъ соединенія ручейковъ Большаго и Малаго Ускалыка, вытекающихъ у западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Космарки отъ долины Ика. Вершины Большаго Ускалыка составляютъ ручейки: Дюрлюръ, Кура, Ура, Буткасканъ, Уртайры и Тюбанайры. Вершины Малаго Ускалыка составляютъ ручейки: Еткуль-касканъ, Ишмякъ-карагасъ, Батыръ-балтапканъ и Кагалъ-елги. Ускалыкъ течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большой Икъ. Русло Ускалыка имѣетъ, до деревни Андреевки, каменистое дно, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе; броды частые и неглубокіе. Ниже Андреевки она протекаетъ по глинистому грунту; имѣетъ котловинистое русло и плоскіе берега, ширина ея отъ 2 до 4 саж., а глубина значительная. До деревни Андреевки лощина Ускалыка обставлена крутыми извесчковыми хребтами, отъ конхъ отдѣляются небольшіе отроги въ перпендикулярномъ направленіи къ ея теченію. Подошва лощины изволнована подножіями отроговъ; она крута, но имѣетъ въ низменныхъ частяхъ хорошіе луга. Ниже деревни Андреевки рѣчка Ускалыкъ выходитъ изъ горнаго пространства и лощина ея разширяется версты на двѣ. Она покрыта близъ береговъ молодымъ лиственнымъ лѣсомъ и изрыта ильменями и сухими ямами. Въ Ускалыкъ впадаютъ: справа, рѣки: Инчирсы съ притокомъ Аминъ-Инчанъ, слѣва—Акберды-мамаза, Имюгбай и Асфяганъ.

Рѣчка Ассели. Имѣетъ вершины свои въ лѣсистой возвышенности, вмѣуемой Алпу-урманъ; течетъ отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ въ Икъ двумя устьями: нижнее изъ нихъ высыхаетъ лѣтомъ. До деревни Юллубаевой, рѣчка Ассели имѣетъ быстрое теченіе по глинисто-песчаному, частію каменистому грунту. По выходѣ изъ горнаго пространства, русло ея становится пловатымъ и неровнымъ. Дно изрыто многими ямами, имѣющими значительную глубину. Берега низменные и поросли

кустарникомъ. Рѣка Ассели имѣетъ въ горномъ пространствѣ узкую лощину, обставленную съ обѣихъ сторонъ отрогами известковыхъ хребтовъ. Подошва лощины волнообразная, имѣетъ хорошую почву земли; она покрыта близъ береговъ кустарникомъ и небольшими колками лиственнаго лѣса. По выходѣ изъ горъ лощина Ассели расширяется на полтары версты. Въ нее впадаютъ: справа, рѣки: Авзянъ, Мустафа, Тагай, Аитъ-бѣйляганъ, Куся, Кара-сыиръ, Аранъ - сатканъ, Уликляръ, Акъ-кушъ, Куй-тапканъ и Соплаякъ; съ лѣвой стороны рѣки: Явки, Тукмакъ, Кабыкъ-кубымъ, Улу-тау, Аккурива, Юлъ - сыкканъ, Ибрасъ, Умя, Балагузъ-тугульганъ, Камышлы-елги, Ассел-елги, Тыка-булякъ, Шашма и Бердали.

Рѣчка *Белегушъ*. Два небольшіе ручейка Имилъ-уртайры и Арга-айры составляютъ вершины Белегуша; она течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Икъ двумя сухими рукавами. Русло Белегуша имѣетъ иловато-каменистое дно, плоскіе, возвышенные берега и весьма быстрое перекатистое теченіе. По выходѣ изъ горнаго пространства, они постепенно уменьшаются и теряются наконецъ въ луговой долины Ика. Лощина Белегуша обставлена съ обѣихъ сторонъ рядомъ известковыхъ хребтовъ, простирающихся перпендикулярно ея теченію. Подошва ея ровна и покрыта близъ береговъ кустарникомъ. Въ Белегушъ впадаютъ: справа, кромѣ множества безименныхъ ключей и ручейковъ, рѣки: Исамбетъ и Тамъ-елги, слѣва: Баткакъ и Сувлу-узакъ.

Рѣка Инякъ.

Вытекаетъ двумя небольшими и топкими ручейками на плоской возвышенности, между рѣками Сакмарою и Икомъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощины, обросшей большою частию смѣшаннымъ лѣсомъ. Далѣе, глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обнаженные сѣроватые сланцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки саженъ на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инякъ отъ востока на западъ до устья р. Булакъ-буйлау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-караулъ, поворачиваетъ къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья въ рр. Казмашевъ, отъ ко-

торыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребетъ Солейманъ-караулъ. Обрывистые, скалистые скаты хребта, конъ съ обѣихъ сторонъ сходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизиль-ташъ, простирающееся въ длину версты на двѣ.

По проходѣ чрезъ тѣснину, лощина Иняка, расширяясь, прелегается по сѣверозападному направленію до деревни Тупчановой; близъ которой поворачиваетъ на западъ, слѣдуя по сему направленію до самаго устья. Отъ Кизиль-тамской тѣсины до деревни Тупчановой лощина Иняка обставлена высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ, которыя, простираясь перпендикулярно къ руслу, образуютъ преграды, чрезъ которыя воды Иняка силою стремленія должны были отарыть себѣ проходы. На семь пространствъ встрѣчается множество хорошихъ луговыхъ и пахатныхъ мѣстъ, равно какъ и березовыхъ лѣсовъ, произрастающихъ преимущественно на скатахъ ближайшихъ горъ. Выше Кизиль-тамской тѣсины хотя и встрѣчаются хорошія луговые мѣста, но, по причинѣ дальнаго разстоянія отъ деревень, онѣ преимущественно служатъ лѣтними ночевьями для Башкирцевъ.

На западномъ теченіи рѣки Иняка, отъ деревни Тупчановой до устьевъ, лощина ея обставлена отлогими покатостями, образующими предгорія главнаго известковаго хребта, а далѣе такими же скатами высотъ, принадлежащихъ къ формаціи краснаго песчаника. Лощина имѣетъ постоянную ширину въ одну версту и изобилуетъ хорошими лугами.

Рѣка Инякъ на теченіи своемъ въ горномъ пространствѣ имѣетъ дно глинисто-песчаное, устьинное кварцевыми и сѣрвакковыми гальками; ближе къ устьямъ глина увеличивается и образуетъ во многихъ мѣстахъ непроходимыя топи. Русло же становится котловинистымъ и неровнымъ, такъ что высота водъ въ глубокихъ мѣстахъ превышаетъ одну сажень, а въ низкихъ она не болѣе 2 или 3 футовъ. Берега Иняка по большей части плоски и отлоги, но по выходѣ изъ горнаго пространства они возвышаются и образуютъ въ исходящихъ частяхъ обрывы вышиною въ одну сажень.

Рѣка Инякъ впадаетъ въ Икъ двумя устьями: изъ нихъ правое по незначительной глубинѣ своей изсыхаетъ лѣтомъ и наполняется водою во время весенняго разлива, лѣвое же имѣ-

еть постоянное теченіе: оно мелѣетъ отъ наносовъ, образующихъ при самомъ впаденіи въ Икъ перекалъ, по которому вода стремится значительнымъ быстротою.

Инякъ разливается весной около 15 Апрѣля, въ одно время по всему теченію; вода прибываетъ быстро въ первые пять дней и достигаетъ нерѣдко высоты полторы саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; послѣ же она убываетъ въ продолженіе одной недѣли, до того, что очищаются всѣ броды. Сплавъ дровяного лѣса возможенъ по Иняку отъ устья рѣки Сарагулъ-аъ-ульганъ. Заливные мѣста изрыты многими ямами и рытвинами, кои весной наполняются водою, и образуютъ небольшие озера; впрочемъ мѣста эти сухи и доставляютъ отличнѣйшіе покосы.

Лѣтомъ воды Иняка уменьшаются до того, что края русла остаются сухими; выше устьевъ Козмашевъ ширина Иняка отъ 2 до 3 сажень, ниже до впаденія своего въ Икъ, она расширяется сажень на 8.

Въ Кизиль-ташскомъ ущельѣ находятся весьма примѣчательный ключъ, выходящій у подножія известковой скалы сильною струею, шириною въ 4 саж. Отъ сего ключа русло Иняка расширяется по крайней мѣрѣ сажени на полторы. Изъ рыбъ водятся въ Инякѣ одѣ форели (пеструшки и харьусы).

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кизилгулъ, Любашъ, Абиулманъ, Сюргилуъ-аъ-ульганъ, Уссъ-айры, Муайлы, Абызъ-сыкканъ, Буруль-бія* и притокъ ея *Нугай-бикки*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ топкихъ лощинъ, на южныхъ скатахъ плоской возвышенности, разделяющей долину Иняка отъ долины Ика; текутъ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и разливаются въ Инякъ, каждая однимъ устьемъ. Имѣютъ въ началѣ отлогія, котловинистыя русла, глинистое дно и низменные берега. По мѣрѣ углубленія лощинъ усиливается быстрота теченія, дно становится болѣе и болѣе каменистымъ, а русло ровнѣе. Лощины рѣчекъ находятся въ глубокихъ оврагахъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутыми, частію обрывистыми скатами. Подошва лощинъ шириною отъ 20 до 50 саж.; она суха и нѣсколько возвышена надъ поверхностью рѣчекъ, отъ чего и не имѣетъ хорошихъ луговъ; мѣстами же покрыта лиственнымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчки: *Булатъ-Буйлау, Накитъ-улыанъ, Кизилъ-ташъ, Яннзъ-кайнъ, Усканы, Асси-ели, Тирманъ, Тура-айры, Яннзъ-карама, Акъ-ташъ и Белекей-асси-ели.* Начинаются нѣсколькими источниками въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ика; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Инякъ; имѣютъ болѣе или менѣе ровное русло, каменистое дно и плоскіе берега. Теченіе воды быстро, но глубина и ширина незначительныя; пороги и перекаты очень частые. По обѣимъ сторонамъ рѣчекъ простираются высокіе известковые хребты, у коихъ скаты крутые и обрывистые. Отлогія подножія волнуютъ подошву рѣчныхъ лощинъ. Множество ключей и ручейковъ, вытекающихъ у подножій известковыхъ горъ, впадаютъ въ эти рѣчки, а рѣка Акъ-ташъ имѣетъ даже значительные притоки, какъ то, рѣки: Тумакъ, Бурчаклы, Буруль-бія и Арба-ели.

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Савка-юртъ, Мирзай-курыкъ-яманъ, Сунгуръ-инякъ и Салдаръ.* Вытекаютъ изъ отлегихъ болотистыхъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Ика отъ долины Сюрюна; текутъ большею частію съ юга на сѣверъ и впадаютъ въ Инякъ однимъ устьемъ. Русла рѣчекъ, въ началѣ отлогіе и пловатые, имѣютъ неровное дно и топкіе берега. Ближе къ устьямъ они становятся покатище; гальки и кругляши покрываютъ поверхность дна и низменные части береговъ. Теченіе быстрое, но незначительное по малому количеству воды. Отроги, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, отлогія и ровны; далѣе по теченію они становятся круче и даже обрывисты. Подошва рѣчныхъ лощинъ покатая и ровная, ширина ея рѣдко болѣе 40 сажень. Грунтъ земли глинисто-песчаный, отъ чего по берегамъ почти вѣтъ луговъ; кустарники и молодые деревья покрываютъ часть лощинъ и окружающихъ скатовъ.

Рѣчки: *Большой и Малый Казмашъ.* Первая начинается тремя, а вторая двумя источниками на плоской возвышенности, между рѣками Инякомъ и Малымъ Сюрюномъ; текутъ съ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Инякъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Рѣчка Большой Казмашъ составляетъ главный притокъ рѣки Иняка, имѣя ширину отъ 1 до 4 сажень, а глубину отъ 2 до 3 футовъ; во время весенняго половодія, она удобна для сплава дровянаго лѣса, на протяженіи

отъ 4 до 5 верстъ, выше устья; имѣютъ обѣ каменистое русло, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе. Скаты плоской возвышенности, образующіе рѣчныя лощины Козмашевъ, сначала отлоги и ровны, ближе къ устьямъ они круче и выше; на подошвѣ лощины встрѣчаются изрѣдко-посредственные луга и небольшие колки лиственнаго лѣса.

Рѣчьи: *Шайтанъ-сулукъ, Утаръ-гулъ, Куль-юртъ, Караасъ-сыртъ, Таллуи, Казакъ-гулъ, Муяллы, Буйлау, Усакиръ, Исакъ-уй и Куй-бикка*. Имѣютъ источники свои въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ургеня; текутъ всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ. Многія изъ нихъ теряются въ болотистыхъ мѣстахъ лощины Иняка; имѣютъ всѣ короткое, но быстрое теченіе, каменистое русло и плоскіе берега, очень мелководные и незначительной ширины. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими отрогами известковыхъ горъ, кои понижаются къ лощинѣ Иняка отлогими и длинными покатостями. Подошва лощину взволнована небольшими предгоріями отроговъ, имѣетъ хорошую почву земли и изобилуетъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Большой Сюрянъ.

Небольшіе ручейки Битау-куанъ и Сюрянъ со многими боковыми притоками составляютъ вершины Большаго Сюряна; они извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ общимъ названіемъ Сюрянъ-башъ. Первый изъ нихъ вытекаетъ нѣсколькими ключами на западномъ скатѣ плоской возвышенности, отдѣляющей вершины Большаго Ика отъ притоковъ Верхней Сакмары. Второй у подножіи горы Сугальмагышъ, составляющей безъ сомнѣнія высочайшую точку всей плоской возвышенности. Оба текутъ отдѣльными ручейками на протяженіи 15 верстъ по отлогимъ и низменнымъ лощинамъ, поросшимъ смѣшаннымъ лѣсомъ; имѣютъ плоскіе берега и глинистое, котловинистое дно.

Ручейки Сюрянъ и Битау-куанъ, соединившись вмѣстѣ, у хутора деревни Нукаевой, составляютъ рѣку Большой Сюрянъ, которая протекаетъ многими значительными изгибами на протяженіи 74 верстъ отъ сѣверовостока на югозападъ до деревни Аскар-пой, гдѣ вливается однимъ устьемъ въ Большой Икъ. Отъ хутора деревни Нукаевой рѣка Сюрянъ представляетъ зна-

чительную рѣчку, по которой, въ весеннее время, дровами и частью строевой лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ въ Икъ.

Рѣка Большой Сюрянъ имѣетъ вообще дно каменно-песчаное; гальки и кругляши сѣроватковыхъ и глинистыхъ сланцевъ покрываютъ не только самое дно, но и низменные части береговъ; ближе къ устью грунтъ становится болѣе глинистымъ; отъ большей или меньшей быстроты теченія образовались песчаные наносы и значительныя углубленія, отъ чего глубина Сюряна весьма различна: въ ливняхъ она болѣе сажень, на перекатахъ не выше одного фута. Притомъ подводные камни и потонувшія лѣсныя во многихъ мѣстахъ препятствуютъ двобродному теченію воды. Ширина русла также не вездѣ одинакова: она бываетъ отъ 4 до 15 сажень, смотря по большей или меньшей возвышенности рѣчной лощины. Берега по большей части плоскія и ровныя; въ исходящихъ изгибахъ они образуютъ небольшіе обрывы, вышиною въ одну сажень; противоположный берегъ обыкновенно отлогъ и покрытъ гальками. Молодыя деревья и кустарники растутъ по нимъ рѣдко и не вездѣ.

Рѣчная лощина Сюряна обставлена въ началѣ крутыми обрывами плоской возвышенности, состоящей преимущественно изъ сланцевъ глинистыхъ и сѣроватковыхъ; отлогая и ровная подошва ея имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; покрыта тучными лугами и небольшими березовыми и осокоревыми перелѣсками. Ближе къ берегамъ встрѣчаются небольшія продолговатыя озера или рытвины, наполненныя весенними водами; изъ нихъ нѣкоторые открыли себѣ сообщеніе съ рѣчнымъ русломъ и образуютъ родъ заливовъ или боковыхъ рукавовъ. Отъ устья рѣки Берляца лощина Сюряна расширяется до того, что мѣстами имѣетъ ширину въ 700 сажень; но горы, сопровождающія ее, принимаютъ направленіе перпендикулярное къ ея теченію и образуютъ весьма узкія тѣснины. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ находятся: первая выше хутора деревни Ибраевои, гдѣ длинная и острая вѣтвь хребта Капчикъ оканчивается двумя крутыми отрогами у самаго берега Сюряна; вторая вѣтвь деревни Кугарчиной, гдѣ главный известковый хребетъ пересѣкаетъ лощину Сюряна и образуетъ весьма узкое, обрывистое ущелье. За исключеніемъ этихъ тѣсинъ, постоянная ширина лощины отъ 1 до 2 верстъ; подошва ея отлога и возвышенна.

подножіями прилежащихъ горъ; она имѣетъ хорошую почву земли и много такихъ же луговыхъ и пахатныхъ мѣстъ.

Около 20 Апрѣля начинается весенній разливъ: вода прибываетъ быстро два или три дня сряду, достигаетъ наибольшей высоты въ одну сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ въ продолженіе недѣли. По истеченіи сего времени, она опять удобна для проѣзда въ бродъ. Послѣ разлива случается часто, что вода откроетъ себѣ новое русло по озерамъ и ерикамъ, находящимся близъ береговъ, и образуетъ такимъ образомъ небольшія низменные острова. Воды Сюряна имѣютъ весьма неравномѣрную быстроту теченія: наносы, подводные камни, бѣлая или мѣлая покатость русла измѣняютъ ее отъ 4 до 15 сажень въ минуту. Большой Сюрянъ замерзаетъ осенью въ первыхъ числахъ Ноября. Изъ рыбъ водятся въ немъ: форели (берды, багры и пеструшки), щуки и налимь.

Въ рѣку Большой Сюрянъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчка *Тунлюкю*. Вытекаетъ двумя источниками изъ отлогихъ ложищъ у подножій возвышенности, отдѣляющей долину Сюряна отъ долины Иняка. Протекаетъ отъ сѣвера на югъ на протяженіи 16 верстъ и вливается въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ. Ровное ея русло имѣетъ каменистое дно, плоскіе берега, обросшіе кустами и молодыми деревьями. Она протекаетъ въ началѣ незначительнымъ ручейкомъ, который постепенно увеличивается до того, что близъ устья имѣетъ ширину пять сажень и глубину отъ 1 до 4 футовъ. Въ двухъ верстахъ выше устья она удобна для сплава дровяного лѣса. Лощина рѣчки Тунлюкю обставлена крутыми, утесистыми скатами возвышенныхъ уваловъ, прилежащихъ къ ней съ обѣихъ сторонъ; подошва ея, отлогая и большею частію ровная, имѣетъ хорошую почву земли и луговые мѣста. Ширина ея въ рѣдномъ мѣстѣ превышаетъ 50 сажень.

Рѣчка *Егишля*. Вершины Егишлы составляютъ ручейки Большой и Малый Наташлы и Мяснѣ-баръ; отъ соединенія ихъ она принимаетъ названіе Егишлы; течетъ прямо отъ сѣвера на югъ верстъ на 18, и разливается въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ. Русло и теченіе ея тѣхъ же свойствъ, какъ у рѣки Тун-

люкли. По ней возможенъ сплавъ дровяного лѣса, начиная верстѣ за 8 отъ устья; лощины и притоки, какъ у рѣки Туялюкю.

Рѣчки: *Эмля-атъ-улыанъ, Нагай, Мерланды, Телеанды, Та-тулыанъ, Куру-эли, Сазалы и Иинаръ*. Начинаются нѣсколькими отложениями лощинами на плоской возвышенности, отдѣляющей долину Малаго Сюряна отъ д. Большаго Сюряна; текутъ всѣ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и впадаютъ въ Большой Сюрявъ, каждая однимъ устьемъ. Русло и теченіе у всѣхъ рѣчекъ одинаковаго свойства; всѣ имѣютъ каменистое дно, плоскіе берега и котловинистыя русла. Ширина ихъ не выше одной сажени, а глубина нѣсколько дюймовъ. Лощины рѣчекъ отлогія и ровныя, но ширина ихъ рѣдко болѣе 50 сажень; хорошіе луга, кустарники и перелѣски встрѣчаются часто. Плоскіе увалы, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ крутые ска-ты; обрывы рѣдки.

Рѣчки: *Урманъ-эли* и притокъ ея *Умлу-тау-эли, Кыска, Капчикъ, Малый и Большой Алабайталъ, Джиллигал и Мибай*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками съ восточныхъ скатовъ горъ Юанъ-тапканъ и Капчикъ-тау; оканчиваются въ лощинѣ Сюряна, не доходя до самаго русла. Котловинистое русло имѣетъ иловатое дно и много подводныхъ камней; берега плоскіе, частію тонкіе. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая не выше одного фута, послѣдняя не болѣе сажени; теченіе быстрое. Лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными отрогами, отходящими отъ горы Капчикъ. Ширина лощины отъ 1 до 2 верстѣ, подошва же не шире 20 сажень; мѣстами топка и поросла лиственнымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ находятъ хорошіе луга.

Рѣка *Малый Сюрянъ* (см. далѣе).

Рѣчки: *Асси-эли и Зирикля*. Небольшіе ручейки, вытекающіе съ западныхъ и восточныхъ скатовъ горы Кама-тау, впадаютъ въ Большой Сюрявъ однимъ устьемъ; имѣютъ глинисто-песчаное и частію топкое русло, плоскіе болотистые берега и незначительное теченіе. Неширокія лощины покрыты рѣдкимъ кустарникомъ и посредственными лугами.

Въ рѣку Сюрянъ впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Асси-баръ, Большой и Малый Калдыкъ*. Вытекаютъ изъ отлогіхъ лощинъ со скатовъ плоской возвышенности, раздѣля-

ющей долину Урмаць-зилавра отъ долины Сюряна; текутъ по общему направленію отъ востока на западъ, и вливаются каждая однимъ устьемъ въ рѣку Большой Сюрянь. Небольшіе ручейки Асси-баръ и Калдыкъ текутъ въ началѣ по шловатому дну между низменными берегами, далѣе они болѣе и болѣе углубляются, русло становится каменнымъ и покатымъ, отъ чего вода получаетъ быстрое теченіе. Близъ вершинъ лощины рѣчекъ отлогія и топкия, далѣе суживаются крутыми и обрывистыми скатами высотъ, кои съ обѣихъ сторонъ тянутся въ видѣ возвышенныхъ уваловъ. Подошва лощины большею частию сухая и отлогая, рѣдко шире 20 сажень; лѣса и луга встрѣчаются по всему теченію ручейковъ.

Рѣчка *Тымауръ* или *Увантай*. Начинается однимъ источникомъ въ отлогій лощинѣ на западномъ скатѣ увала, раздѣляющаго долину Большаго Сюряна отъ долины Урмаць-зилавра, течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ рѣку Большой Сюрянь однимъ устьемъ. Въ шести верстахъ выше устья она удобна для сплава дровянаго лѣса. Имѣетъ близъ вершинъ шловатое дно и топкия берега; ниже русло становится ровнѣе, дно каменнымъ и берега возвышенными. Ширина увеличивается постепенно отъ 1 до 2 сажень, но глубина рѣдко превышаетъ 1 аршинъ. Теченіе воды быстрое; встрѣчаются часто пороги. Лощина имѣетъ общія свойства съ лощинами вышеописанныхъ рѣчекъ, съ тою разницею, что она нѣсколько шире. Въ рѣчку Увантай впадаютъ: съ правой стороны, притоки рѣчекъ Сызаяуртъ и Джувокъ-агачъ, съ лѣвой рѣчки Купай-изма и Улдаръ-гиганъ. Всѣ они мелководные ручейки, протекающіе по отлогимъ и сухимъ лощинамъ, дно имѣютъ топкое и берега низменные.

Рѣчка *Бердяшъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ и топкихъ лощинъ близъ Чувашской деревни Бердяшъ-ямъ на старой Исецкой дорогѣ; течетъ отъ юговостока на сѣверозападъ, и разливается однимъ устьемъ въ Большой Сюрянь. Она начинаетъ быть удобною для сплава дровянаго лѣса въ 10 верстахъ выше устья. Бердяшъ течетъ въ началѣ, въ видѣ незначительнаго ручейка, по глинисто-песчаному дну, между отлогими и частию топкими берегами. Ниже деревни Бердяшъ-ямъ, русло ея болѣе и болѣе увеличивается, такъ что обыкновенная его ширина отъ 2 до 6 сажень; глубина въ началѣ не превышаетъ одного фута, далѣе же болѣе одного аршина; берега возвышаются также

и образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе яры въ аршинъ высоты. Многіе пороги и значительная покатость дна приводятъ водѣ быстрое теченіе. Отлогая и ровная лощина Бердяша обставлена съ начала длинными покатостями возвышенныхъ уваловъ, но принимаетъ постепенно видъ глубокаго оврага, пролегающаго между высокими утесами. Подошва лощины сухая и ровная, ширина ея отъ 50 до 200 сажень; хорошіе луга находятся въ низменныхъ мѣстахъ, ежегодно наводняющихся полыми водами; кустарники и перелѣски встрѣчаются часто. Въ Бердяшъ впадаютъ: съ правой стороны, рѣчки: Кутай, Джираусъ-гванъ, Кыйратъ, Ильчи-бярванъ и Бурлагъ-елги; съ лѣвой, рѣчка Уртайръ-елга. Онѣ всѣ сходны съ прочими притоками Сюряна.

Рѣчки: *Карсаклы* съ притоками *Измабаръ-сіры* и *Кую-бара*, *Аккундузъ*, *Арту* и *Зиранишъ*. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ лощинахъ на возвышенности, отдѣляющей долину Емашлы отъ долины Большаго Сюряна. Течутъ всѣ отъ востока на западъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сюрянъ. Русло ручейковъ имѣетъ каменистое и котловинистое дно, плоскіе возвышенные берега; ширина и глубина незначительныя. Теченіе прерывается многими перекатами, по которымъ вода стремится быстро. Плоскіе, но крутые отроги, сопровождающіе теченіе рѣчекъ съ обѣихъ сторонъ, находятся въ началѣ очень близко другъ отъ друга, къ устьямъ же они болѣе расходятся, такъ что подошвы рѣчныхъ лощинъ расширяются на 150 сажень; они болѣею частию отлоги и поросли кустарникомъ.

Рѣчка *Емашла*. Вытекаетъ двумя источниками на сѣверныхъ скатахъ плоской возвышенности, между Большимъ Сюряномъ и вершиною Касмарки. Течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ, выше долины Кугарчиной. Отъ соединенія вершинъ рѣчка Емашла имѣетъ ровное каменистое русло, быстрое теченіе и плоскіе берега. Во время весенняго полноводія она удобна для сплава дровянаго лѣса версты на три выше устья. Лѣтомъ ширина и глубина ея незначительная: первая рѣдко болѣе 3 сажень, вторая не свыше аршина. Верстъ на 10 отъ вершинъ рѣчка Емашла протекаетъ въ узкомъ оврагѣ между крутыми и утесистыми покатостями. Подошва оврага отлогая и изрыта многими ямами и углубленіями. Ближе къ устью лощина расширяется сажень на 300; она обставлена съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ. По-

дошва лощины тутъ отложе и ровнѣе; она покрыта близъ береговъ листовнымъ лѣсомъ и имѣетъ хорошіе луга. Въ Емашлу впадаютъ: справа, рр: Султанъ-гиганъ, Кучукъ-узлахъ, Мойлы и Зирганшъ; съ лѣвой рр: Болькылы, Сазъ-елгъ, Болькы-боръ, Казанъ-берганъ, Башъ-коршаги, Ембетъ и Корабашъ.

Рѣчки: Кизаякъ, Карамалъ, Кара-агачъ, Тяки-турманъ и Кай-раклы. Небольшіе ручейки, вытекающіе у сѣверныхъ подножій известковыхъ горъ, между Большимъ Сюряномъ и Ускалыкомъ; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Они очень мелководны, имѣютъ каменисто-песчаное русло и плоскіе берега. Лощины ручейковъ нешироки и отлоги. Въ низменныхъ частяхъ ея находятся хорошіе луга.

Рѣка Малый Сюрянъ.

Вытекаетъ четырьмя небольшими ручейками съ западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долины рѣкъ Сакмары и Ика; она протекаетъ частыми извилинами по общему направленію отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Отъ точки соединенія ручейковъ, образующихъ вершины Малаго Сюряна, русло ея протекаетъ по узкому и крутому оврагу, обставленному съ обѣихъ сторонъ утесистыми скатами плоской возвышенности; подошва оврага рѣдко шире 50 сажень. По причинѣ песчано-каменистой почвы она не очень изобилуетъ лугами и поросла большею частію смѣшанно-лиственнымъ лѣсомъ. Отъ устья рѣки Акъ-таша лощина Малаго Сюряна ограждается крутыми отрогами известковыхъ хребтовъ, пересѣкающихъ теченіе ея и образующихъ весьма значительныя тѣснины противъ устья рѣчки Азаклы, между деревнями Бекбердиной и Аккундушемъ, а послѣднюю близъ деревни Биккужиной; въ прочихъ мѣстахъ постоянная ширина рѣчной лощины около одной версты.

Рѣка Малый Сюрянъ течетъ по ровному и каменистому руслу между плоскими берегами, обросшими листовнымъ лѣсомъ. Весною она разливается, одновременно, по всему теченію, около 10 Апрѣля, и затопляетъ низменные части рѣчной лощины на значительное разстояніе. Полноводіе продолжается не болѣе 10 дней, послѣ чего вода опять входитъ въ русло. Заливные мѣста высыхаютъ скоро, вода застаивается ненадолго въ ямахъ и рыт-

винахъ близъ береговъ. Лѣтомъ вода убываетъ до того, что рѣка дѣлается во всякомъ мѣстѣ удобопроходимую въ бродъ. Быстрота теченія очень неровная и зависитъ отъ большей или меньшей покатости дна; въ средней сложности она протекаетъ пять саженъ въ одну минуту. По Малому Сюрюну возможенъ сплавъ дровяного лѣса отъ устья рѣки Сіуртаганъ.

Въ рѣку Малый Сюрянъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Сырымбетъ-ели, Курумалки, Сеймуль-ели, Сіурташъ, Сукуръ-сартъ, Какмакъ и Азаклы*. Берутъ начало свое отъ соединенія нѣсколькихъ отлогихъ топкихъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Малаго Сюряна отъ долины Ургеня; текутъ всѣ отъ сѣверозапада на юговостокъ и вливаются въ Малый Сюрянъ однимъ рукавомъ. Течутъ въ началѣ по глинистому, а далѣе по каменисто-песчаному грунту; имѣютъ котловинистое русло, плоскіе берега и незначительное теченіе; подводные камни и наносы образуютъ частые пороги и быстроточки. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая рѣдко превышаетъ поларшина, вторая отъ 5 до 10 футовъ. Узкія лощины рѣчекъ пролегаютъ между крутыми скатами прилежащихъ уваловъ и хребтовъ; онѣ большею частію покрыты кустарниками и молодымъ лѣсомъ, въ особенности близъ самаго русла; въ лощинахъ Сукуръ-сарата, Какмака и Азаклы находятся превосходныя луговныя мѣста.

Рѣчки: *Тирекля, Уллу-ели, Куруль-ели, Сунуръ-ели, Сарай-ели, Кушъ-уй, Мяскау и Кара-атъ-джизанъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками у восточныхъ подножій известковаго хребта, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Сюряна, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малый Сюрянъ. Нѣкоторые изъ ручейковъ не имѣютъ постоянного теченія и высыхаютъ среди лѣта, другіе хотя имѣютъ теченіе въ продолженіе всего года, но также мелководны. Имѣютъ каменистое русло и плоскіе берега, глубина и ширина ручейковъ очень незначительная. Съ обѣихъ сторонъ лощинъ находятся высокія и крутыя горы, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 1 и 2 верстъ. Пространство между подножіями имѣетъ отлогія покатости къ берегамъ и представляетъ отличнѣйшія луговныя мѣста. По берегамъ и въ сухихъ лощинахъ растутъ мелкіе лѣса и кустарники.

Въ рѣку Малый Сюрянъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Херашлы, Ашташъ и Карасаклы*. Составляютъ главные притоки рѣки Малаго Сюряна; начинаются нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Малаго Сюряна отъ долины Большаго; текутъ по направленію отъ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малый Сюрянъ. Шарина русла отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 4 футовъ. Имѣютъ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе. Въ 2 или 5 верстахъ выше устьевъ они удобны для сплава дровянаго лѣса, въ особенности рѣчка Ашташъ, по которой уже сдѣланъ опытъ. Лощины рѣчекъ обставлены крутыми, обрывистыми скатами сѣровакковыхъ и глинистыхъ возвышеній; ровная подошва имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; молодые деревья и кустарники растутъ преимущественно близъ береговъ по заливнымъ мѣстамъ; кромѣ многихъ безыменныхъ ручейковъ, рѣчка Ашташъ принимаетъ притокъ Уллу-елги.

Рѣчки: *Ширганъ-уй, Турай, Джиллю и Сасыкъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками со скатовъ горъ Котикъ и Юнь-типканъ. Текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ въ рѣку Малый Сюрянъ однимъ устьемъ. Проходя въ горномъ пространствѣ, онѣ имѣютъ быстрое теченіе, каменистое русло и крутое дно; но приближаясь къ лощинамъ Малаго Сюряна, онѣ частію теряются въ небольшихъ болотистыхъ лощинахъ, частію протекаютъ медленно, по иловатому дну, между топкими берегами. Высокіе крутые отроги горъ тянутся въ началѣ по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Не доходя однако версты двѣ до Малаго Сюряна, онѣ понижаются отлогими и широкими скатами; подошва лощинъ вездѣ узкая и неровная, въ пныхъ мѣстахъ находятъ хорошіе луга.

Описаніе рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Уралъ съ правой стороны:

Рѣчка *Худалазъ* (по-Башкирски *Тюялестъ*).

Рѣчка *Худалазъ* вытекаетъ шестью небольшими ручейками съ восточныхъ скатовъ хребта Ирындыка; примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Куся, на которой устроены золотопромывательные станки компаніи Генералъ-Лейтенанта Жемчужникова, и рѣчка Катыша, вытекающая у подножія горы Сыкертмы-тау. Прочія вершины Худалаза носятъ общее назва-

ніе Тюяжъ и соединяются въ одно русло, ниже деревни Мукасовой. Рѣка Худалазъ течетъ отъ сѣверозапада на юговостокъ до вѣрности Кизильской, гдѣ вливается однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ; дно имѣетъ мѣстами иловатое, мѣстами каменистое; низменные, тонкіе берега покрыты мелкимъ кустарникомъ. Течение воды въ началѣ быстрое, но по выходѣ изъ горъ оно становится медленнѣе; русло расширяется постепенно и принимаетъ видъ степной рѣчки, представляющей рядъ продолговатоузкихъ озеръ, соединенныхъ неглубокими потоками. Вода хорошая, и въ озерахъ водится множество рыбъ, какъ то: караси, щуки, окуни и т. п. Весною рѣчка Худалазъ разливается около 15 Апрѣля; поноводіе продолжается не болѣе 10 дней, но вѣскольکو не способствуетъ къ сплаву лѣса. Заливныя мѣста орошаются лѣтомъ посредствомъ отводныхъ канавъ, отъ чего они большею частію топкіе и болотисты, но доставляютъ Башкирцамъ большое количество сѣна.

Ручейки, составляющіе вершины Худалаза, раздѣляются между собою высокими и крутыми отрогами хребта Ирындька, отстоящими другъ отъ друга не болѣе трехъ верстъ. Ниже деревни Ахмеровоіи лощина Худалаза суживается двумя острыми хребтами, простирающимися перпендикулярно къ ея течению; по выходѣ изъ тѣснины, рѣчная лощина Худалаза ограничивается отлогими возвышеніями, отдѣляющими ее отъ долины рѣчекъ Кизила и Уртазыма. Въ Худалазъ впадаетъ съ правой стороны степной ручей Мукасъ-елги, а съ лѣвой двѣ сухія лощины Япрыклы и Карыбаръ.

Рѣка *Большой Уртазымъ* (по-Башкирски *Уртаазымъ*).

Вытекаетъ многими топкими ручейками у подножія горы Каштау; главныя вершины составляютъ ручейки Исамбетъ, Куerner и Тройкасканъ, которыя по соединеніи образуютъ настоящее русло Уртазыма. Она протекаетъ верстъ около 40, отъ сѣвера на югъ, поворачиваетъ потомъ на востокъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ близъ Уртазымской вѣрности. Дно рѣки состоитъ изъ чернаго ила, изрыто многими ямами и углубленіями; вода имѣетъ, во многихъ мѣстахъ, теченіе подъ землею и образуетъ на поверхности русла топкія и кочковатыя болота; отъ устья же Юлуя она принимаетъ видъ непрерывнаго и быстрого потока, имѣющаго плоскіе и частію тонкіе берега.

Рѣка Уртазымъ разливается обыкновенно въ половинѣ Апрѣля,

вода; прибывая быстро и одновременно по всему течению, достигает наибольшей высоты отъ одного до двухъ аршинъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ столь быстро, что рѣка, по истеченіи 10 дней, входитъ въ старое русло. Заливные мѣста частію сухія, частію топкія, въ особенности тамъ, гдѣ проведены водопроводныя каналы для наводненія луговъ.

До устья рѣчки Юлуя лощина Уртазыма узкая и гористая; высокіе, крутые отроги Ирындыка тянутся параллельно ея течению въ 2 или 3 верстахъ отъ береговъ; боковые отроги, отходящіе отъ главныхъ вѣтвей, оканчиваются высокими горами близъ самаго русла рѣчки и образуютъ нагорные ея берега. Отъ устья Юлуя течение Уртазыма постепенно отклоняется отъ хребта Ирындыка, лощина расширяется сажень на 300 и становится отложе и ровнѣе.

Въ рѣку Большой Уртазымъ впадаютъ *справа*:

Рѣчка *Шурялы*. Имѣетъ вершину въ возвышенной и кочковатой лощинѣ на южномъ скатѣ горы Кушъ-тау. Небольшой ручеекъ, имѣющій иловатое дно, низменные берега и топкую узкую лощину, перерѣзанную въ разныхъ направленіяхъ водопроводными каналами, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Уртазымъ у деревни Бахтигиреевой; кромѣ незначительныхъ лощинъ, другихъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Бурлы*. Вытекаетъ нѣсколькими лощинами со скатовъ горъ Большой и Малой Байчура-тау. Течетъ сначала по иловатому и топкому дну между плоскими берегами. Лощина обставлена справа крутыми отрогами горы Байчуры, слѣва горами Улу и Карамалы-тау; по выходѣ изъ горъ она принимаетъ видъ степнаго ручейка,—рядъ продолговатыхъ озеръ, соединенныхъ небольшими рытвинами; лощина обставлена длинными и отлогими скатами возвышеній, отдѣляющихъ ее отъ долины Карамалы. Въ лощину рѣчки Буралы впадаетъ множество сухихъ и отлогихъ лощинъ. Она вливается однимъ устьемъ въ Уртазымъ.

Рѣчка *Карамалы*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножій Малаго Байчура и Зоръ-болта-тау. Имѣетъ иловатое дно, плоскіе обрывистые берега, русло до выхода изъ горъ ровное, далѣе же котловинистое. Лощина обставлена справа отрогами горъ Улу и Карамала-тау, слѣва подножіями горъ Аба

и Бердакой. Впадаетъ однимъ устьемъ въ Уртазымъ. По выходѣ изъ горнаго пространства, она принимаетъ нѣсколько ручейковъ и сухихъ лощинъ, изъ первыхъ самыя замѣчательныя—рѣчки Туртокой и Урема.

Рѣчка *Тулбай*. Вытекаетъ у подножіи горы Кусякъ, отъ которой идетъ по направленію къ востоку и впадаетъ однимъ сухимъ устьемъ въ Уртазымъ. Имѣетъ до выхода изъ горъ ровное русло, вловатое и частью каменистое дно, плоскіе берега и узкую, крутую лошину; далѣе она принимаетъ характеръ степнаго ручейка, въ которомъ сообщеніе между плесами прекращается среди лѣта. Сухая лощина обставлена слѣва отлогими подножіями горъ Акъ-кушъ и Бикберды, справа крутымъ отрогомъ, отходящимъ отъ горы Бойгужы. Замѣчательнѣйшія изъ притоковъ рѣчки: Зилбашъ и Бойгужа-саяъ.

Рѣчка *Мунча*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножіи горъ Зилбашъ, Кусякъ и Суурголъ. Впадаетъ въ Уртазымъ однимъ устьемъ, которое обыкновенно высыхаетъ лѣтомъ. Отлогая лощина обставлена подножіями горъ Зилбаша и Суурголъ. Вода высыхаетъ въ началѣ лѣта и образуетъ на днѣ русла кочковатыя топя. Вся лощина обросла мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчка *Малый Уртазымъ*. Вытекаетъ изъ возвышенной и топкой лощины у подножіи горы Бойдагулъ. Течетъ по направленію отъ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Большой Уртазымъ однимъ устьемъ. По свойствамъ она сходна съ степными ручейками; русло состоитъ изъ множества продолговатыхъ плесовъ. Вдоль лощины тянутся невысокіе увалы въ разстояніи полверсты. Въ Малой Уртазымъ впадаютъ топкія лощины Киндерин, Агреръ-отканъ и Коза-тылъ.

Рѣка Таналыкъ.

Начинается небольшимъ ручейкомъ изъ озера Толкача; течетъ на протяженіи 120 верстъ отъ сѣвера на югъ, до деревни Байкачкаровой, гдѣ поворачиваетъ на сѣверовостокъ; слѣдуя по сему направленію до хутора деревни Ямагузъной, она перемѣняетъ теченіе, поворачивая къ юговостоку и протекая далѣе по сему направленію до крѣпости Таналыцкой, у которой вливается однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ.

Русло Таналыка представляетъ въ началѣ топкое, кочковатое

болото, по которому вода не имеет постоянного течения. Ниже деревни Абулминевой она принимает вид степного ручья, коего котловинистое русло состоит из продолговатых озер, соединенных между собою неширокими потоками. От устья рѣки Бузаулыка озера увеличиваются и получают значительное протяжение в длину и ширину. Размеры русла весьма различные; встречается мѣстами ширина больше 10 сажень, а также есть мѣста, гдѣ она не превышает полусажени; глубина также не одинакова. Дно имеет по большей части илистый, тонкій грунт; по всему течению встречаются большіе лшмовые и зеленокаменные отломки, снесенные течением воды съ окрестныхъ горъ. Плоскіе, топкіе берега обросли рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ. Быстрота течения въ сложности незначительна, въ особенности лѣтомъ, когда сообщеніе между многими плесами вовсе прекращается. Весеннее половодіе начинается въ половинѣ Апрѣля, вода прибываетъ быстро въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, выступает изъ береговъ и наводняетъ часть лощины на нѣкоторое пространство; время разлива продолжается не болѣе недѣли, по истеченіи которой вода опять входитъ въ русло. Заливные мѣста высыхаютъ скоро и представляютъ отличнѣйшія луговые мѣста; въ ямахъ и рытвинахъ вода застываетъ долго и многія наполнены ею круглый годъ.

По всей лощинѣ Танаалыка находится множество соловцевъ, придающихъ водѣ нѣсколько солоноватый вкусъ, впрочемъ она годна для питья и изобилуетъ рыбою, какъ то; нарасами, щуками, окунями, лягушками, налимами. Рѣчная лощина Танаалыка ограничивается съ правой стороны хребтомъ Сакъ-тау, простирающимся верстъ тридцать параллельно ея теченію и отстоящимъ не болѣе трехъ верстъ отъ ея береговъ. Далѣе, хребты Уварамъ, Шейнакъ и Сейтъ-тау составляютъ западный предѣлъ лощины; они хотя и отклоняются болѣе отъ рѣки, но отдѣляютъ къ ней множество боковыхъ отроговъ, оканчивающихся высокими предгоріями у самого русла. Отъ устья рѣки Бузаулыка мѣстность принимаетъ характеръ плоской возвышенности; отлогіе скаты ея къ Танаалыку перерѣзаны неглубокими лощинами. На теченіи своемъ отъ деревни Байкачкаровой до хутора деревни Ямагузиной, нагорные берега Танаалыка представляютъ отдѣльно стоящія высокія горы.

Съ лѣвой стороны лощина Танаалыка обетавлена, отъ озера Толкача до устья Бузаулыка, западными отрогами хребта Ирындзика, оканчивающимися каменистыми предгоріями въ одной верстѣ отъ береговъ; они образуютъ съ отрогами хребтовъ Уварашъ, Шейнякъ и Сейтъ-тау тѣснины, чрезъ которыя воды Танаалыка постепенно могли открыть себѣ проходы. Главныя тѣснины находятся у деревни Адильбаевой, гдѣ гора Ильсинбикка-тау и отрогъ хребта Сокъ-тау заграждаютъ болотистую часть лощины Танаалыка. Ниже деревни Буранбаевой, лощина сужена горою Тюлюкли-тау и отрогомъ горы Уварашъ-тау. Последнюю тѣснину образуетъ боковая вѣтвь, отходящая отъ горы Сейтъ-тау и съ противоположной стороны отрогъ горы Кунакай. Впрочемъ лощина Танаалыка отлога и мѣстами болотиста, въ особенности близъ устьевъ горныхъ ея притоковъ; отличныя луговыя мѣста и небольшіе перелѣски встрѣчаются по всему ея теченію.

Въ рѣку Танаалыкъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Уварашъ, Ширмай-сазъ, Мембетей и Армъ-даукъ*. Вытекаютъ низменными и кочковатыми лощинами со скатовъ хребта Уварашъ-тау, текутъ къ востоку на протяженіи отъ 3 до 5 верстъ и впадаютъ въ Танаалыкъ, каждая однимъ сухимъ устьемъ. Имѣютъ низменные плоскіе берега, иловатокаменистое, неровное дно; лощины ручейковъ образуются отлогими и невысокими отрогами, отходящими отъ хребта Уварашъ-тау; скаты ихъ перерѣзаны неглубокими лощинами, впадающими въ русла главныхъ ручейковъ.

Рѣка *Бузаулыкъ*. Вытекаетъ въ низменной лощинѣ у подножіи горы Тукралъ-тау, имѣетъ протяженіе верстъ на 40 отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ въ Танаалыкъ однимъ устьемъ, близъ хутора деревни Килбцовбаевой. Русло имѣетъ котловинистое, какъ вообще всѣ степныя ручейки; озера и плесы соединяются небольшими ручейками. Низменные берега обросли камышемъ и кустарникомъ; встрѣчаются часто солонцы, отъ коихъ вода имѣетъ вкусъ нѣсколько солоноватый. Къ лощинѣ Бузаулыка пригнута съ правой стороны, отлогими покатосями, плоская возвышенность, отдѣляющая долину Сакмары отъ долины Танаалыка; слѣва подножія горы Кама-тау, Айдоръ-Сунка, Толявай-коскона, а ниже возвышенный хребетъ, составляющій юж-

ную оконечность хребтовъ Шейнякъ и Сейтъ-тау. Въ Бузау-лыкѣ впадаютъ: справа, рѣчки: Зириклы, Улу, Белекей, Бузау-лыкѣ, Камышъ-узакъ, Куруаюллы, Аюллы; слѣва, ручейки: Сур-талъ-Узакъ и Бурулга.

Рѣчки: *Зирень-Аючъ, Карсаклы и Тириямышъ*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенности между Сакмарою и Танаалы-комъ, протекаютъ по направлению къ юговостоку и впадаютъ въ Танаалыкъ, каждая однимъ устьемъ. Течение имѣютъ непостоян-ное, по причинѣ котловинистаго русла, въ которомъ вода ско-пится небольшими озерами среди лѣта; сообщеніе между ними прекращается и ручьи превращаются въ топкую лощину, порос-шую травой, камышемъ и кустарникомъ. Лощина рѣчекъ обра-зуется отлогими покатостями плоской возвышенности, по которымъ онѣ протекаютъ.

Въ рѣку Танаалыкъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Шууръ, Караузакъ, Куру-ели, Боталъ-сазъ, Актушъ, Караайлысазъ, Тукмакъ, Акминды, Таллы-узакъ, Ташъ-китъ, Абдуллинъ, Карсына и Бакирузакъ*. Вытекаютъ возвышенными широкими и болотистыми лощинами съ западныхъ скатовъ Ирындыка. Направленіе имѣютъ по большей части отъ востока на западъ и вливаются въ Танаалыкъ болотистыми устьями, кои пересыхаютъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ всѣ имѣютъ теченіе быстрое, каменистое дно и плоскіе берега, ближе къ устьямъ дно становится иловатымъ, паденіе его уменьшается и все русло принимаетъ видъ болотистой лощины. Лощины ручейковъ обра-зуютъ въ началѣ возвышенную болотистую поляну, въ которой сосредоточивается множество второстепенныхъ лощинъ; она обставлена высокими крутыми отрогами Ирындыка, отстоящими другъ отъ друга не болѣе какъ версты на двѣ. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, лощины ручейковъ углубляются и суживаются крутыми скалистыми подножіями его отроговъ. Низменные ча-сти лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣчки: *Шуръ-узакъ, Исмаиль-узакъ и Юлаки*. Вытекаютъ также изъ болотистыхъ лощинъ со скатовъ хребта Тюлкюш-ташъ-тау.

Рѣчки: *Тамъ-тюбъ-узакъ, Караайлы-узакъ, Айры-сазъ, Сан-кимъ-узакъ и Су-узакъ*. Вытекаютъ отлогими топкими лощинами съ западныхъ скатовъ возвышенностей, составляющихъ про-

долженіе Ирындыка, текутъ на западъ и впадаютъ сухими устьями въ Таналыкъ. Русло имѣютъ отлогое и котловинистое, берега и самое дно по большей части топкие и устланы каменными отломками. Лощины ручейковъ отлогія и сухія; они обставлены отлогими скатами плоскихъ уваловъ, отходящихъ отъ главныхъ возвышеній.

Рѣчка Макана. Вытекаетъ тремя источниками у подножій возвышенностей, раздѣляющихъ долину Таналыка отъ долины Урала. Имѣетъ теченіе отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ Таналыкъ выше деревни Исянгуловой. Течетъ по котловинистому руслу небольшими озерками; имѣетъ плоскіе берега, обросшіе рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ; дно большею частію топкое, а грунтъ мѣстами глинистый, мѣстами песчаный. Лощина обставлена отлогими и длинными покатостями возвышеній, отдѣляющихъ воды Макана отъ водъ Таналыка и Урала: Ширина подошвы отъ 20 до 100 сажень, она суха и обросла хорошимъ ковылемъ. Въ Маканѣ впадаетъ небольшой степной ручей Пыгизъ-кайнъ.

Рѣка Большая Губерля.

Вершины ея образуютъ нѣсколько топкихъ и отлогіхъ лощинъ, имѣющихъ начало свое на южныхъ скатахъ плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Ураломъ. По соединеніи главныхъ лощинъ (именуемыхъ аячлы): Губерля, Мрязь-аурганъ и Аби-ульганъ, общее ихъ русло составляетъ рѣку Большую Губерлю, текущую сначала по юговостоку до устья рѣки Сухой Губерли, далѣе она поворачиваетъ на юго-западъ и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до Губерлинской крѣпости, близъ которой впадаетъ въ рѣку Уралъ однимъ устьемъ.

Русло рѣки Губерли находится сначала въ отлогій, неглубокой лощинѣ, имѣющей видъ неширокой впадины; по мѣрѣ удаленія отъ вершинъ она постепенно разширяется и углубляется до того, что образуетъ широкій и крутой оврагъ.

Подошва лощины представляетъ отлогую равнину, шириною отъ 50 до 200 сажень; на ней встрѣчаются хорошія луговые мѣста, покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Ближе къ руслу она изрыта небольшими углубленіями и ямами, образованными теченіемъ воды во время полноводія; многія изъ нихъ наполнены водою и образуютъ продолговатыя озера, въ особенностяхъ часто

на пространствѣ между деревнею Байгазаковою и устьемъ Сухой Губерли. Вода прорываетъ иногда сообщеніе между этими озерами и образуетъ небольшіе рукава, которые часто превращаются въ настоящіе русла.

Быстрота теченія въ началѣ незначительна, но по мѣрѣ увеличенія количества воды, она усиливается и даетъ рѣкѣ Губерлѣ характеръ быстрого горнаго потока. Глубина рѣки не вездѣ одинаковая и зависитъ большею частію отъ качества грунта, по которому она протекаетъ. Въ первой половинѣ ея теченія, глинисто-песчаное дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, имѣющими глубину отъ нѣсколькихъ футовъ до одной сажени; во второй же половинѣ оно ровнѣе и покрыто большею частію каменными отломками; глубина воды здѣсь рѣдко выше 4 футовъ, а ширина не болѣе 3 сажень.

Весенній разливъ начинается обыкновенно въ началѣ Апрѣля; отъ скорого таянія снѣговъ на прилежащихъ возвышенныхъ степяхъ вода прибываетъ быстро, выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ низменные части лощины. По прошествіи 3 или 5 дней она опять уходитъ въ русло и понижается въ продолженіе 1½ недѣли до обыкновеннаго уровня. Вода хороша и въ ней водятся рыбы: щуки, лины, налимы, сабоки и пеструшки (форели).

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчка *Зирганшъ*. Вытекаетъ двумя отлогими лощинами у восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей вершины Губерли отъ вершинъ Курагана; течетъ по направленію къ юговостоку и впадаетъ въ Большую Губерлю устьемъ. Идетъ въ началѣ по болотистому руслу, въ которомъ вода застаивается въ небольшихъ плесахъ; ниже русло ея постепенно углубляется, дно становится каменистымъ и вода принимаетъ быстрое теченіе. По мѣрѣ углубленія русла, лощина Зирганша принимаетъ видъ оврага, имѣющаго въ ширину отъ 20 до 250 сажень; подошва его образуетъ отлогую ровную полосу, обросшую луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Бока оврага изрыты многими сухими лощинами; изъ нихъ главные: Аю-сазъ и Яманъ-сазъ.

Рѣчки: *Калмакъ-караулъ*, *Бзау*, *Кузаканъ*, *Ускунъ*, *Итъ-сура*, *Джиракля*, *Бугъ-джимя*, *Караганка* и *Райманъ*. Начинаются нѣсколькими лощинами изъ восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей долину Чебаклы отъ Большой Губерли; текутъ всѣ

къ востоку и оканчиваются сухими устьями въ лощинѣ Губерли. Имѣютъ по большей части сухія русла, въ конхъ ключевыя воды образуютъ мѣстами кочковатыя топи; подошва лощинъ представляетъ хорошія покосныя мѣста. Лощины по мѣрѣ приближенія къ устью образуютъ довольно крутые овраги, бока коихъ изрыты многими второстепенными лощинами.

Рѣчки: Чебаклы и Каялы. Вытекаютъ нѣсколькими болотистыми лощинами на восточныхъ скатахъ возвышеній, отдѣляющихъ вершины Кургана и Бляу отъ долины Губерли. Протекаютъ обѣ отъ сѣвера на югъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Губерлю, первая у самой Губерлинской крѣпости, вторая въ 15 верстахъ выше. Русло, теченіе и лощины во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ рѣчкою Зарганшемъ. Въ Каялу впадаютъ, кромѣ множества незначительныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, рѣчка Малая Каяла, имѣющая вершины свои 6 верстами ниже вершинъ Большой Каялы. Рѣчка Чебаклы принимаетъ также множество безименныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ начало свое на плоской возвышенности между Губерлею и Сакмарою.

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: Доусъбай, Самакъ, Султанкай и Япалакы. Начинаются нѣсколькими топкими лощинами на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, отдѣляющей рѣчку Большую Губерлю отъ Сухой Губерли. Русла составляютъ отлогія лощины, по коимъ стекаютъ дождевыя и снѣговыя воды со скатовъ возвышеній; лѣтомъ онѣ высыхаютъ и образуютъ отличныя луговыя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ руслу Губерли лощины углубляются и принимаютъ видъ узкихъ овраговъ, конхъ скаты перерѣзаны многими сухими лощинами.

Рѣчки Яланъ или Сухая Губерля. Начинается нѣсколькими сухими лощинами на южныхъ скатахъ сырта, отдѣляющаго долину Губерли отъ долины Таналяка; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большую Губерлю. По соединеніи овраговъ Куллукачи и Киранъ-кигана, ключевыя воды образуютъ нѣсколько болотистыхъ углубленій, отстоящихъ сначала въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; ниже жъ плесы увеличиваются и соединяются небольшими ручейками. Грунтъ русла состоитъ изъ чернаго ила, смѣшаннаго гольками и камеш-

ными отломками. Берега плоскіе, покрытые камышемъ и мелкими кустарникомъ. Лощина въ началѣ не шире 50 сажень и ограничивается отлогими скатами сыртовъ, отдѣляющихъ ее отъ Урала и Большой Губерли; ближе къ устьямъ она расширяется значительно и ограничивается скатами плоской возвышенности, кои ниже достигаютъ значительной крутизны. Подошва лощины перерѣзана многими племени и сухими рытвинами, по коимъ вѣроятно пролегало прежнее русло рѣки. По сторонамъ встрѣчаются хорошія пашенныя и луговыя мѣста. Въ Сухую Губерлю впадаетъ множество сухихъ овраговъ и лощинъ.

Ключи: *Султанъ, Берелъ, Прохорова и Кузмина*. Небольшіе каменные ключи, вытекающіе у подножій Губерлинскихъ отроговъ.

V.

ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ:
ИКОМЪ, САКМАРОЮ И УРАЛОМЪ.

Большая часть деревень въ осматрѣнномъ мною пространствѣ расположены по луговымъ долинамъ рѣкъ: Ика и Сакмары. Онѣ представляютъ родъ постоянныхъ зимовокъ, въ коихъ Башкирцы проживаютъ часть осени и зимы, лѣтомъ же онѣ остаются пустыми и всѣ жители выходятъ съ своими стадами на дальнія кочевья.

Видъ Башкирской деревни не представляетъ ничего любопытнаго: дома обыкновенно расположены безъ всякаго порядка и правильности; около нихъ находятся хозяйственные постройки, состоящія изъ амбаровъ и хлевовъ, для помѣщенія скота; остальное же пространство занято конопляными огородами и навозными кучами. Большая часть домовъ башкирскихъ построены изъ лиственнаго лѣса, по немнѣшю соснового близости селеній. Преимущественно выбираютъ для построекъ липовыя и осиновые бревна, потому что они легче и мягче прочихъ. Крыши строятся обыкновенно изъ лубковъ, бересты, соломы и жердей; одни дома богатыхъ покрыты тесомъ. Внутренняя отдѣлка домовъ также не очень тщательная: окна обклеиваютъ большею частію пузырями, а печи состоятъ изъ такъ называемыхъ шуваловъ, представляющихъ четырехугольный очагъ, отъ котораго проведена широкая прямая труба чрезъ крышу. Клева и конюшни строятся изъ жердей в лубковъ, въ видѣ обширныхъ, угольчатыхъ изгородовъ, раз-

дѣленийъ на нѣсколько отдѣленій; они крыты жердями, на которыхъ наваливаютъ большія кучи сѣна и соломы. Въ этомъ видѣ выстроены всѣ слѣдующія башкирскія деревни на пространствахъ между рѣками Икомъ, Сакмарою и Ураломъ:

На лѣвомъ берегу рѣки Большаго Ика находятся:

Деревня Мурадымова. 20 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 16 дворовъ, 37 душъ. Кочуютъ лѣтомъ на устьѣ рѣки Явашлы по рѣкамъ Кушъ-елги, Аксу-югалганъ, Уворы и по Большому Ику.

д. Юлдубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 387 душъ. Кочуютъ на горѣ Кушъ-тау по рр. Увары, Ябурятъ, Ульганъ, Секаси и Большому Ику.

д. Тупчанова. 19 юрты, 19 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 35 дворовъ, 173 души. Кочуютъ по рр. Сагрышъ, Карагай-елги, Майкѣ, Беркутѣ и Ику.

д. Ибраимова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 162 души.

д. Смакова, Красная Мечеть тожъ, 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 115 душъ.

д. Кашикарова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 21 дворъ и 98 душъ.

д. Якимбетова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 76 душъ.

д. Сейткулова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 70 дворовъ и 187 душъ.

д. Биклѣва. 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 81 душа.

д. Сапыкова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ, 70 душъ.

Всѣ семь деревень кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика по притокамъ рр. Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются къ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствахъ между рѣками Икомъ и Инякомъ.

д. Мукаева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 126 душъ.

д. Верхне и Нижне-Тюрюбаева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 105 дворовъ и 295 душъ.

д. Мурсалеева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 32 двора, 148 душъ.

Всѣ три кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика, по притокамъ рѣкъ Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются къ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствѣ между рр. Икомъ и Инякомъ.

д. Максютова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 304 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика, частію же по рр. Иняку, Ургени, Сазалы, Джитебулякъ и по Ику.

д. Ислямулова. 16 юрты, 9 кантона, той же волости; находится на р. Маломъ Ику; въ ней мечеть, 126 дворовъ и 377 душъ. Кочуютъ на правой сторонѣ Ика.

На р. Маломъ Икѣ находятся:

д. Бикбулатова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 213 душъ. Кочуютъ по верхнимъ притокамъ Большаго и Малаго Иковъ.

На р. Инякъ:

д. Нукаева. 19 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 189 душъ.

д. Тюкатова. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 56 дворовъ и 189 душъ.

д. Бастубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 147 душъ.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рѣкамъ: Абысканъ, Аюбашъ, Алтынъ-касканъ, Суягуль-атъ-ульганъ, Усь-айрѣ и по Иняку, около устьевъ Казмаша, Кизилъ-таша и Асси-елги.

На р. Джитебулякъ:

д. Давлеткулова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 40 дворовъ и 162 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика по вершинамъ рѣчки Чебенъки, частію по рр. Такмакъ, Инякъ, Маломъ Сюряиъ и Джитебулякъ.

д. Джитебулякова, Кугорчино тожъ, переселилась въ 1832 году изъ 12-го Башкирскаго кантона; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 106 душъ, не кочующія.

На р. Сазала-даштебулякъ:

д. Белекей-Абызова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 70 дворовъ и 368 душъ. Кочуютъ по

рр. Ургени, Кулупъ-крылганъ, Тураала-бія-ульганъ, Ювашлъ-костейтуганъ и на Чебенькѣ.

На р. Ургени:

д. *Итбакъ*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 50 дворовъ и 253 души.

д. *Чупанова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 115 душъ.

д. *Бикбова*. 16 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 25 дворовъ и 107 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ обонхъ Сюряновъ и Ургеній.

На р. Большомъ Сюрянѣ:

д. *Сюрмулова*. 13 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 48 дворовъ и 123 души. Кочуютъ по вершинамъ рр. Большаго Сюряна и Аштаму.

д. *Урмакчина*, *Ибраева* тожъ; въ ней мечеть, 66 дворовъ и 302 души. Кочуютъ по Аштану и по притокамъ Большаго Сюряна.

д. *Байтавлетева*. 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 205 душъ.

д. *Аккундузъ*, *Салихова* тожъ, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 15 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ виѣстѣ съ предыдущею деревнею по рр. Зыргашу, Берляшу и Емашлѣ.

дд. *Аскирова* и *Аслаева*. 14 юрты, 9 кантона, Тамянской волости; въ нихъ 16 дворовъ и 90 душъ. Кочуютъ въ началѣ лѣта на правой сторонѣ Ика, послѣ же около устья Большаго Сюряна и по берегамъ Ика.

На р. Большой Сюрянѣ, ниже устья Емашлы, предполагено переселить часть деревни Кугарчиной.

На р. Маломъ Сюрянѣ:

д. *Бикбердина*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 209 душъ.

д. *Бикбова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 38 дворовъ и 152 души. Кочуютъ обѣ по вершинамъ рр. Большаго и Малаго Сюряна и по Аштану.

д. *Биккужина*, *Анкужина* тожъ. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ и по рѣкамъ: Асси-елги, Чебенькѣ и Сюрянѣ.

На р. Ускалыкъ:

д. Мазитова, Габблязова тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 11 дворовъ и 38 душъ. Кочуютъ по Большой Ускалыку и по вершинамъ рѣки Касмарки.

д. Илбетова, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 33 двора и 134 души. Кочуютъ по вершинамъ Большаго и Малаго Ускалыка и по вершинѣ р. Касмарки.

д. Муйнакова. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, кузница, 95 дворовъ и 275 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ: Кирпѣ, Емашлѣ и Ускалыкѣ.

д. Самаза. На рѣкѣ Самазѣ, 12 юрты, 9 кантона, той же волости. Кочуютъ по рѣкамъ: Акбердѣ, Емашлѣ и Самазѣ.

На р. Асселъ:

дд. Алибаева и Аблянова. 12 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; въ нихъ мечеть, 53 двора и 219 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рѣкъ: Касмарки, Якши-елги, по Идышу (Алну-урманъ), Акбердѣ и Асселю.

д. Юлдашева, Еткулова тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 72 двора и 249 душъ. Кочуютъ по рр. Зирганшу (Тунгъ-юртѣ), Шаланнѣ, Караби и Асселю.

д. Азянова, Кузляшева тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 19 дворовъ и 62 души.

д. Нилзулова. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 3 мельницы, 18 дворовъ 65 душъ.

Обѣ кочуютъ по вершинамъ рр. Белегуша, Бердоли и Асселя.

д. Юлдубаева. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 20 дворовъ и 97 душъ. Кочуютъ на срединѣ рѣки Белегуша, иногда по вершинамъ Касмарки.

На р. Касмаркѣ:

д. Акмурдина. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней кузница, 22 двора и 68 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки по урочищамъ: Кысыкъ-баслѣ и Уйгызъ-суйганѣ.

д. Шеранова. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 24 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Казакъ-булакѣ по урочищамъ Яланъ-айрѣ, Карагасъ-айрѣ, Иманъ-айрѣ, и по вершинамъ Касмарки.

д. *Башлеа*. Уразъ тожъ. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 2 кузницы, 53 двора и 168 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки и по урочищамъ Кисыкъ-башъ и Уйгызъ-суйганъ.

д. *Юнаева*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 27 дворовъ и 80 душъ. Кочуютъ по вершинѣ рр. Курюла, Бердели и Кунтумышъ.

д. *Утлулова*. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мельницы, 38 дворовъ и 112 душъ. Кочуютъ по рѣкѣ Бердели.

д. *Бикбердина*. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Идышъ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 85 дворовъ и 258 душъ. Верхняя деревня кочуетъ по рр. Зирякъ и Зирганшу, по урочищамъ Ишаналъ, Ботъ, Куюлъ и Тунгъ-юртъ; нижняя же на р. Бердели.

д. *Бураулова*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 125 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Верхне-Бикбердиной.

д. *Бикташева*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 51 дворъ и 174 души. Кочуютъ на рѣкѣ Бердели.

д. *Назарова*. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мечети, кузница, 50 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ по рр. Белегушъ, Бузянъ и Касмаркъ.

д. *Рыскулова*. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 249 душъ.

д. *Султанбаева*. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Назаровою.

д. *Сукорчина*. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 63 души.

д. *Биктемирова*. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 40 дворовъ и 167 душъ. Кочуютъ объѣ на Среднемъ Белегушъ, Сазаръ, Касмаркъ и Сакмаръ.

На р. Идышъ:

д. *Актаеменова*. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 15 дворовъ и 33 души.

На р. Казакъ-булакъ:

д. *Идильбикова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 17 дворовъ и 94 души.

Обѣ кочуютъ на вершинахъ Касмарки и Идяши по урочищамъ Кумзоръ и Алту-урману.

На р. Сакмаръ:

д. *Тимлива*. 2 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 110 дворовъ и 297 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Куръ-елги, Топаръ-гузъ и Тляпъ-карли.

од. *Ирдисева* и *Амишева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Дямбетъ и Савтаръ-ульганъ.

д. *Кульчурина*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; здѣсь находится квартира кантоннаго начальника; въ ней мечеть, 41 дворъ, и 147 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гузъ и Карагай-елги.

д. *Муллакаева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 186 душъ. Кочуютъ по вершинамъ рр. Уппы и по Сакмаръ.

д. *Иткулова*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 116 дворовъ и 343 души.

д. *Яикбаева*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 78 дворовъ и 227 душъ.

д. *Тавлукаева*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 кузницы, 66 дворовъ и 241 душа. Кочуютъ всѣ три по вершинѣ рр. Яланъ-Зилавра, Карагайлъ, Бутагали и Сакмаръ.

д. *Синизова*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 63 двора и 177 душъ. Отъ нея переселилась на р. Шулу:

д. *Мухаметева*, 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 37 дворовъ, 113 душъ. Обѣ кочуютъ по вершинамъ Яланъ-Зилавра, Сакмаръ и Ассели.

д. *Кизябулатова*. 5 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 51 дворъ и 173 души. Кочуютъ по рр. Яланъ-Зилавръ, Сакмаръ, Ассели и Кункувакъ.

д. *Иткулова*. 5 юрты, 6 кантона; въ ней мечеть и 58 дворовъ, 188 душъ.

д. *Адильбаева*, *Шармаева* тожъ. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 55 дворовъ, 161 душа. Обѣ кочуютъ по рр. Яланъ-Зилавру, Сакмаръ и Акъ-мурунъ.

д. *Гумерова*. 6 юрты, 6 кантона; въ ней 24 двора, 87 душъ. Кочуютъ по рр. Камискъ, Пышадъ, Баткакъ, Аншурунъ и

Сакмарѣ. Отъ нея переселилась:

д. *Армухаметова*, въ коей 30 дворовъ и 92 души. Кочуютъ тамъ же.

На р. Магань:

дд. *Мурзакеева* и *Баишева*. 6 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 184 души. Кочуютъ по рр. Пыдашѣ, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

дд. *Яратова* и *Абсаллмова*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ нихъ мечеть, 52 двора и 157 душъ. Кочуютъ по рр. Пышадѣ, Калмаку, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

д. *Юмашева*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 75 дворовъ и 217 душъ. Отсюда переселилась: д. *Зильмидина*, на р. Яланъ-Зылаирѣ; въ ней 34 двора и 107 душъ. Кочуютъ по р. Маганѣ на озерѣ Карагайкулѣ, на Пышадѣхъ и на Сакмарѣ.

д. *Аптыкаева*. 7 юрты, 6 кантона, той же волости; отъ нея переселились дд. *Ишмурзина* и *Баймурзина* на р. Кундурушъ и Буруля; въ ней мечеть, 87 дворовъ, 249 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ Ташлѣ, Сакмарѣ и Пышадѣ.

д. *Абдуль-Каримова*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней мечеть, 44 двора и 205 душъ.

д. *Куватова*. 9 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 367 душъ. Кочуютъ обѣ на вершинахъ Танадыка, Бузаулыка и Уртазыма.

д. *Ишкузина*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Яланъ-Зылаирѣ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 218 душъ.

д. *Гумерова*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 35 дворовъ и 162 души. Кочуютъ обѣ по рѣкамъ Бузаулыку, Танадыку, на Сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Юллубаева*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни переселена на рѣку Яланъ-Зылаирѣ; въ ней 2 мечети, 1 кузница, 95 дворовъ и 445 душъ. Кочуютъ по рр. Бузаулыку, Танадыку, на сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Галиева*, *Лачикова* тошъ. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, кузница, 102 двора и 345 душъ. Кочуютъ на Маганѣ, Бузаулычѣ, Танадычѣ, Акюлѣ и Кайраклѣ.

д. *Байкачкарова*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости. Она расположена отдельными селениями по рр. Сакмаръ, Тиргямышъ, Ташлѣ и Таналыкѣ; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 278 душъ. Кочуютъ на Тиргямышѣ, Ташлѣ, Таналыкѣ и Сакмарѣ.

д. *Ултракова*. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 50 дворовъ и 133 души. Отъ нея переселилась д. *Урусь-Байка* на рѣку Узалу.

д. *Бикбова*. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 157 душъ. Обѣ кочуютъ по рр. Атъ-ингангѣ, Карсѣ и Сакмарѣ.

д. *Янтышева*. 5 юрты, 9 кантона; въ ней мечеть, 36 дворовъ и 119 душъ.

д. *Акназарова*. 5 юрты, 9 кантона, расположена тремя отдельными селениями на Сакмарѣ, Бирмасѣ и Карсѣ; въ ней мечеть, кузница, 63 двора и 265 душъ.

д. *Ишкильдина*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ и 94 души.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рр. Таналыку, Ташлѣ, Минлаузѣ, Сурѣ, Сакмарѣ и на Уралѣ, близъ Таналыкской крѣпости.

д. *Ак-Юлова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 196 душъ. Кочуютъ на Ташлѣ, на вершинахъ Минлауза, Самѣ и Сакмарѣ.

д. *Назаргулова*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 71 душа. Кочуютъ по Кульбердѣ, по рр. Божѣ, Тукумбетѣ и Катралѣ.

д. *Арслангулова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 45 дворовъ и 172 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. Акъюловой.

д. *Абышева*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 107 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Туратки, по урочищамъ Ташъ-уйганѣ, Ясангазѣ и Сыскагулѣ, по рр. Ташлѣ и Катралѣ, на урочищахъ Тукумбетѣ, Тулку-ульганѣ, Алантубазѣ, Ивукурѣ и Кузей-кургащѣ.

д. *Акчурина*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 22 двора и 75 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рр. Губерли, Катралѣ и по р. Сакмарѣ.

д. *Сураева*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 34 двора и 100 душъ.

д. *Утмулова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней

32 двора и 122 души. Кочуютъ обѣ по рр. Губерлѣ, Катралѣ, Кураганѣ и Сакмарѣ.

д. *Бикбердинова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 31 дворъ и 86 душъ. Кочуютъ по рр. Таласѣ, Урманн-айрѣ, Сянъ-нишѣ и по Сакмарѣ.

д. *Ибраимова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 162 души. Кочуютъ по рр. Губерлѣ, Курагану и на Сакмарѣ.

д. *Гумерова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 22 двора и 92 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. Бикбердиновою.

д. *Мамбетова*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 35 дворовъ и 105 душъ. Кочуютъ по рр. Курагану и Карагайлѣ.

д. *Тляутолова*. Въ ней 1 мечеть, 34 двора, 108 душъ; и

д. *Акбулатова*. Въ ней мечеть, мельница, 34 двора, 96 душъ. Обѣ 1 юрты, 9 кантона, Уирглинской волости; кочуютъ по рр. Ансакалѣ и Кара-елги.

д. *Баранулова*. 1 юрты, 9 кантона; квартира начальника 9 кантона; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 162 души. Кочуютъ на рѣчкахъ, текущихъ по лѣвой сторонѣ Сакмары.

д. *Кантурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 119 душъ.

д. *Янурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 45 дворовъ и 175 душъ. Кочуютъ обѣ по рр. Менетѣ, Кукракѣ, Ясѣ-таманѣ, Аколлѣ и Сакмарѣ.

д. *Куташева*, *Новочеркасская* тожъ. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 140 душъ. Кочуютъ по Сакмарѣ около устья р. Касмарки.

Крѣпость Воздвиженская. Часть жителей причислена къ 9 Башкирскому кантону, другая къ Оренбургскому казачьему войску; въ ней 2 мечети, 180 дворовъ и 489 душъ. Не кочуютъ.

На р. Большой Юлукъ:

д. *Юкаларъ*, *Муртазина* тожъ. 7 юрты, 6 кантона, Буйрянской волости; въ ней 35 дворовъ и 113 душъ. Кочуютъ по притокамъ Яланъ-Зиланра и Юлука.

д. *Алазика*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней 34 двора и 194 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Абдул-Каримовою.

д. *Исманаева*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; къ ней причислена также д. *Нягулова*; въ ней мечеть, 2 мельницы, 65 дворовъ и 221 душа. Кочуютъ на Бугаулыкѣ, Лашибердѣ и на Сакмарѣ.

На р. Яланъ-Зидаръ:

д. *Кашкорова*. 8 юрты, 9 кантона, Тунгурской волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 128 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. *Искузиною*.

д. *Измбетова*, *Имбулдина* тожъ. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 30 дворовъ и 145 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Макана, Кулдаръ-кулъ и на озерѣ Ялыръ-кулъ.

д. *Максютова*. 7 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 89 дворовъ и 273 души. Кочуютъ по рр. Манакъ, Таналыкъ, Бузаулыкѣ, Камышкѣ, Узакѣ, Сакмарѣ и Зиларѣ.

На р. Сакмаръ-тили.

д. *Юмаузина*. 7 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; часть деревни выстроена на Большикѣ. Въ ней мечеть, 77 дворовъ и 176 душъ. Кочуютъ по рр. Манакъ, Бузаулыкѣ, Таналыкъ, Камышкѣ, Узакѣ и Сакмарѣ.

На р. Баракалъ:

д. *Кильчинбаева*. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 32 двора и 98 душъ. Кочуютъ на Манакѣ, Бузаулыкѣ, Ильганѣ и Сакмарѣ.

На р. Тиллякъ:

д. *Куирбаева*, *Сабинова* тожъ. 6 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 105 дворовъ и 506 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею *Лачиновой*.

На р. Бухорчинъ:

д. *Клипова*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 4 мельницы, 13 дворовъ и 64 души. Кочуютъ на Аксаколѣ и на Кара-елги.

На р. Куру-юлъ:

д. *Мамбетчина*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 63 двора и 232 души. Кочуютъ на вершинахъ рѣки Куруюла.

д. *Кужанакоеа*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 4 двора и 176 душъ.

д. *Аскароеа*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 29 дворовъ и 103 души. Кочуютъ обѣ на Кукракъ и Ясъ-тамакъ.

На р. Кураганъ:

д. *Еманузина*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 95 дворовъ и 299 душъ. Кочуютъ на р. Губерль по урочищамъ Карагайлъ и Тюмя-тау, на рр. Кураганъ и Инялы-башъ.

д. *Псянина*. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 13 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ, вмѣстѣ съ слѣдующими пятью деревнями, по р. Бляу, на урочищахъ Ерыклы, Уптулуу-башъ, по рр. Губерли и Чебакълъ.

д. *Идилъбаева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 34 двора и 104 души.

д. *Рысаева*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 29 дворовъ и 75 душъ.

д. *Сарыбаева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 24 двора и 64 души.

д. *Кидрячева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 92 души.

д. *Ишмуратова*. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, мельница, 24 двора и 67 душъ.

На р. Бляу:

д. *Алчинбаева*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 29 дворовъ и 62 души. Кочуютъ на р. Бляу на урочищахъ Ерыклъ, Уптулуу-башъ, по рр. Губерли и Чебоклъ.

На р. Большомъ Кизилъ:

д. *Булатова*. 2 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 130 душъ.

д. *Алмуюметева*. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 97 дворовъ и 269 душъ.

д. *Абдряшева*. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 119 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ р. Кизила и его притокамъ.

д. *Ижбердина*. 1 юрты, 6 кантона, Бурянской волости, выстроена на р. Еткуль-елги; въ ней 20 дворовъ и 62 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Джіямбетъ и Саптаръ-ульганъ.

д. *Тактаулова*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мельница, 20 дворовъ и 62 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карагай-елги, и Аксаабатконъ, и на озерахъ Улянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

д. *Кустева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости, выстроена на р. Зашъ-елги; въ ней мечеть, мельница, 53 двора и 164 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карачай-елги, Аксабатканъ, и на озерахъ: Усянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

На р. Худалазъ:

д. *Исламбертева*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Анчаботкаъ, Сабсалъ и Карамалъ.

д. *Балаева*. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 58 душъ. Кочуютъ на р. Япрыканъ на пространства между рр. Бѣлою и Сакмарою и по Худалазъ.

д. *Трухменева*. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 76 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Худалазу, Ункъ и Кизилу.

д. *Ахмерова*. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 39 дворовъ и 110 душъ. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по р. Худалазъ.

д. *Абызкылды*. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на рр. Джіямбетъ, Коранги-юртъ и по Худалазу.

д. *Адилъша*; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по рр. Солажъ и Худалазу.

д. *Давлетева*. 6 юрты, 9 кантона, Бурянской волости; въ ней 19 дворовъ и 51 душа. Кочуютъ на Удунъ-созъ по рр. Зиракъ, Худалазу, Джіямбетъ и озеръ Срыкъ-кулъ.

д. *Мустаева*. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 85 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею деревнею по озеру Срыкъ-кулъ, по рр. Сакмаръ и Худалазу.

д. *Мукаева*. 3 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 121 душа.

д. Позорова. 9 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 22 двора и 99 душъ. Кочуютъ по вершинамъ Худалаза, по урочищамъ Сувокъ и Кашкайгиръ.

Около озера Колтабони:

д. Сабаева. 8 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 1 мечеть, 96 дворовъ и 296 душъ. Кочуютъ на озеръ Якулъ, Колтыбанъ, по рр. Игебиккъ, Корогойлъ и по Худалазу.

д. Янжеитова. 4 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 39 дворовъ и 95 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею, по озерамъ Колтыбанъ и Санграу, по рр. Карагойлъ и Уртазымъ.

д. Хосялова. 4 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 12 дворовъ и 28 душъ.

По р. Уртазыму и его притокамъ:

д. Абдрахманова. 4 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 14 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ на озеръ Колтыбанъ и Сангроу, по рр. Карагойлъ и Уртазуму.

д. Синтевлетева. 5 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 18 дворовъ и 63 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею по рр. Уртазыму-холоды, Ясонгонъ и по Согымъ-узякъ.

д. Фейзулина. 5 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 8 дворовъ и 73 души.

д. Бактырпева. 5 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 1 мечеть, 44 двора и 123 души. Кочуютъ по Ялыръ-кулъ по рр. Урау, Уртазыму и на Юлойлъ.

д. Галина. 8 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 21 дворъ и 64 души. Кочуютъ на озеръ. Яку-кулъ по рр. Алаъ, Аскунъ, Губерлъ, Юсъ-таккъ, Кугъ-Курикулаганъ, Косторень-туганъ и Куль-отъ-ульганъ.

д. Боймурзина. 7 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 30 дворовъ и 27 душъ. Кочуютъ на рр. Уртазымъ, Юлаъ, Таналыку и Бурулъ.

д. Ишмухаметева. 7 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ ней 33 двора и 95 душъ. Кочуютъ на Уртазымъ, Айры-сазъ, Таналыкъ и Карамолъ.

д. Туртокаева. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаюрской волости; считается выселкомъ изъ д. Алгазиной.

д. Исянильдина. 7 юрты, 6 кантона, Буранской волости; въ

ней 12 дворовъ и 40 душъ. Кочуютъ по рр. Зялбайгъ, Кун-
дурушъ и Байгушъ.

На р. Танылыкъ:

д. *Исянова*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 1 мельница, 38 дворовъ и 126 душъ. Кочуютъ между рр. Бѣлою и Сакмарою по озеру Толкачу и по р. Кошкайгиръ.

д. *Вахтыгресева*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 кузница, 38 дворовъ и 116 душъ. Кочуютъ между рр. Бѣлою и Сакмарою на озерѣ Толкачѣ.

д. *Мрясева*. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 20 дворовъ и 66 душъ. Кочуютъ на верш. Яланъ-Зялапра, по рр. Контутлутканъ и на Таназыкъ.

д. *Абдулмуклиева*. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 9 дворовъ и 26 душъ. Кочуютъ на рр. Таназыкъ и Асселя.

д. *Буранбаева*. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 35 дворовъ и 104 души. Кочуютъ по рр. Асселя, Акмурунъ, Кымакъ и Яланъ-Зялапръ.

д. *Мамбетова*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 1 кузница, 33 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Ююлхъ, на Тюбя-юртѣ, Аркарыкайнѣ, на Карагайлъ-кулъ и на Акмурунъ.

д. *Мурзина*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 20 дворовъ и 54 души. Кочуютъ по рр. Уртазыму, Кувакаъ и Искиэмъ.

д. *Ильясева*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 18 дворовъ и 76 душъ.

д. *Мамбетова*. 6 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 1 мечеть, 1 мельница, 40 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на рр. Мокавъ, на Туртакаъ и на Таналыкъ.

На р. Губерля:

д. *Халилова*. 4 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 1 мечеть, 56 дворовъ и 152 души. Кочуютъ по вершинамъ рр. Сухой и Большой Губерля.

д. *Ялибасва*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 1 мечеть, 38 дворовъ и 155 душъ. Кочуютъ по вершинамъ рѣкъ Сухой и Большой Губерля.

На р. Чебакль:

д. *Чебаклинская* и *Юлкуптина*. 1 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ нихъ 1 мечеть, 29 дворовъ и 121 душа. Кочуютъ по вершинамъ рр. Чебаклы и Курагана.

VI.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ, НЕВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ БАШКИРСКИХЪ СЕЛЕНІЙ.

д. *Увары*, *Багдашкина* тожъ, на р. Уварѣ. Дома выстроены въ одну ливію, хозяйственныя пристройки и огороды находятся сзади; крыты лубками; не имѣютъ стекольчатыхъ оконъ и отапливаются обыкновенными башкирскими шувалами; въ нѣсколькихъ домахъ имѣются татарскія печи. Въ ней одна деревянная мельница объ одной поставѣ (мутовка), деревянная мечеть, 15 дворовъ и 42 души. Жители принадлежатъ къ сословію ясашныхъ Татаръ и переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Земель собственныхъ не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную гоньбу до Канонкольскаго завода.

д. *Ассель*, на лѣвомъ берегу Большаго Ика. Деревня выстроена довольно правильно; въ срединѣ находится прямая улица. Дома крыты лубками и жерлями; имѣютъ татарскія печи и частію стекольчатые окна. Въ ней деревянная мечеть, 25 дворовъ и 84 души. Жители изъ сословія ясашныхъ Татаръ, переселившихся въ 1782 году изъ Казанской Губерніи, Судогскаго уѣзда.

Сельцо Петровское, на правомъ берегу р. Ассели, принадлежитъ помѣщику Крашеннинникову. Дома расположены вдоль берега р. Ассели, въ срединѣ проходитъ широкая прямая улица; крыты лубками и соломой, имѣютъ русскія печи и стекольчатые окна. Въ селѣ мельницы: 1 водяная и 2 вѣтряныя, 4 кузницы и 80 дворовъ. Жители, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, переселились въ 1800 году изъ Симбирской Губерніи. Количества земли неизвѣстно.

д. *Андреевка*, на правомъ берегу р. Ускалыка. Принадлежитъ Генералъ-Маіору Цюлковскому. Жители изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Количество земли неизвѣстно.

д. *Юлукъ*, на лѣвомъ берегу р. Большаго Юлука. Деревня вы-

строена по прямой линіи. Дома крыты соломою и жердями, имѣютъ частію татарскія печи, частію шувалы; въ нѣкоторыхъ домахъ стекольчатые окна. Въ ней деревянная мечеть, 50 дворовъ и 163 души. Принадлежатъ къ ясашнымъ Татарамъ; 72 души записаны мѣщанами въ г. Верхнеуральскѣ, 25 душъ купцами 3 гильдіи въ г. Оренбургѣ; переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Собственныхъ земель не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную гоньбу по Старонлецкому тракту.

Крѣпость Зилаирская, на правомъ берегу р. Яланъ-Зилаира. Деревня, выстроенная правильными улицами, имѣетъ хорошія строенія, русскія печи и стекольчатые окна. Въ ней мельница о двухъ поставахъ, общественный магазинъ, 42 двора и 99 душъ, изъ коихъ 57 душъ числятся въ Оренбургскомъ казначействѣ войскъ, а 42 души принадлежатъ къ сословію солдатскихъ малолѣтковъ и отставныхъ солдатъ.

д. Петровка, Мукайла тожъ, на р. Мукайлѣ; въ ней мельница о двухъ поставахъ, кузница объ одномъ горнѣ, 141 дворъ и 359 душъ.

д. Сосновка, Александровка тожъ, на р. Сосновкѣ; въ ней кузница, 71 дворъ и 169 душъ.

д. Аннинская, на р. Угарѣ; въ ней кузница, 57 дворовъ и 150 душъ.

Всѣ эти три деревни принадлежатъ къ Преображенскому мѣди-плавильному заводу; вообще выстроены хорошо и правильно; дома крыты тесомъ; имѣютъ русскія печи и стекольчатые окна. Хозяйственные строенія хороши. Жители принадлежатъ къ сословію крѣпостныхъ заводскихъ крестьянъ.

Заводъ Преображенской, медиплавильный, на правомъ берегу р. Урманъ-Зилаира; въ немъ каменная церковь, мукомольная мельница о 4 поставахъ, лѣсопильная о 2 рамахъ, 2 кузницы: одна о 4, а другая объ 1 горнахъ, 433 двора и 993 души.

Всего въ заводскомъ владѣніи состоятъ: 101,119 десятинъ и 326 квадратныхъ сажень. Въ томъ числѣ: подъ селеніями, гумнами, огородами и кладбищами 546 д. 2,100 с.; земли: пахатной 2,590 д., покосной 4,525 д. 1,030 с., подлѣсной 81,338 д. 566 с.; рубленнаго лѣсу 11,576 д. 1,430 с., и подъ дорогами, рѣчками и каменными мѣстами 542 десятины.

д. Бердяшъ-лѣшъ, на вершинахъ рѣки Бердяша. Деревня еще

не обстроена; въ ней 27 дворовъ и 103 души. Жители принадлежатъ къ сословію казенныхъ крестьянъ; всѣ Чуваша переселились въ 1833 году изъ Казанской и Оренбургской губерній, Белебеевскаго и Богорусланскаго уѣздовъ. Пущены на башкирскія земли для отправленія подводной гоньбы по Старошлецовскому тракту.

VII.

ОПИСАНІЕ ЛѢСОВЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Южная часть Оренбургской губерніи состоитъ изъ обширныхъ безлѣсныхъ степей, простирающихся отъ береговъ р. Урала до подножій горъ Общаго Сырта, образующихъ естественный предѣлъ между странами лѣсистыми и степными. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣшнія Оренбургскія степи въ глубокой древности изобиловали хорошими лѣсами, но они истреблены въ послѣдствіи времени полудикими Азіатскими народами, кочевавшими здѣсь до начала XVIII столѣтія.

Водвореніе Русскихъ поселянъ въ странѣ Заволжской и основаніе Оренбургской линіи произвели новыя опустошенія въ лѣсахъ, уцѣлѣвшихъ отъ паловъ и порубокъ кочующихъ Азіатцевъ. Суровость климата и образъ жизни новыхъ переселенцевъ увеличивали потребность въ лѣсѣ болѣе прежняго, а отъ небрежной вырубкы произошло во многихъ мѣстахъ не только совершенное уничтоженіе лѣсовъ, но и перемѣна въ свойствахъ почвы и климата.

Главныя занятія тамошнихъ жителей, нуждающихся менѣе всякой другой хозяйственной отрасли въ лѣсныхъ произведеніяхъ, состояли въ земледѣліи и скотоводствѣ. Недостатокъ въ лѣсахъ, слѣдовательно, еще не былъ такъ ощутителенъ, какъ нынѣ, когда возрастающее народонаселеніе и появленіе многихъ другихъ промышленныхъ отраслей требуютъ большихъ запасовъ лѣса. Правительство, желая отвратить всѣ неудобства, проистекающія отъ столь важнаго недостатка, приняло, въ послѣдніе годы, дѣятельныя мѣры для разведенія лѣсовъ въ прилинейныхъ Уральскихъ степяхъ; но неблагоприятныя свойства климата и степной почвы представляютъ большія препятствія для скорого ихъ произрастенія. Поэтому необходимо

было обратить большее вниманіе на сбереженіе нынѣ существующихъ лѣсовъ, доставляющихъ потребное количество строеваго и дровянаго матеріала для странъ безлѣсныхъ.

Главные лѣсныя заготовленія производились съ давнихъ временъ въ дачахъ 6 и 9 Башкирскихъ кантоновъ, расположенныхъ по рр. Сакмарѣ и восточному Ику. Они и нынѣ заключаютъ главный лѣсной запасъ для всей Нижне-Уральской линіи и должны были въ 1836 году обратить на себя главное вниманіе Правительства, частію по выгодному положенію самыхъ лѣсовъ относительно удобства доставки, частію по опустошительному образу заготовленій, производимыхъ до того времени, безъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, частвыми промышленниками.

Для приобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній о наличномъ количествѣ лѣса, произведено было обозрѣніе его въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1838 года; оно состояло въ измѣреніи и описаніи лѣсныхъ дачъ Башкирскаго войска, расположенныхъ между рр. Сакмарою и восточнымъ Икомъ, составляющими естественныя границы осматрѣннаго пространства съ восточной, западной и южной сторонъ; сѣверный же предѣлъ образуется сначала теченіемъ р. Малаго Ика до Кановикольскаго завода, а далѣе дорогою, ведущею чрезъ д. Тавлукаеву въ Кизильскую крѣпость.

Центръ сего пространства состоитъ изъ сплошной массы лѣсовъ, произрастающихъ на возвышенныхъ равнинахъ между вершинами притоковъ Ика и Яланъ-Зылаира; они тянутся въ видѣ непрерывной лѣсной полосы, шириною отъ 40 до 60 верстъ, по направленію отъ сѣвера на югъ до источниковъ р. Сакмарки. Господствующія лѣсныя породы состоятъ изъ березы, осины и сосны, а въ западной части появляются изрѣдка лиственницы, дубы и липы. Вся мѣстность покрыта здѣсь однимъ сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ являются небольшія поляны около селеній и береговъ рѣчекъ, образуя главные луговые и пахатныя мѣста лѣсныхъ жителей. Ни различіе въ положеніи мѣстности, ни свойство почвы не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастаніе лѣсовъ: вездѣ они принимаются одинаково успѣшно, и лишь отъ расточительнаго пользованія и отъ небрежнаго присмотра за ними произошли нѣкоторые различія въ общихъ ихъ свойствахъ.

Лѣсныя породы въ центральномъ пространствѣ не являются чистыми подосами, состоящими изъ одной породы деревъ; всѣ они вообще смѣшаны и образуютъ на вершинахъ горныхъ уваловъ, большею частію, лиственные перелѣски, на скатахъ же рѣчныхъ лощинъ лиственничной полосы. Относительно возраста деревъ, очевидно, что въ лѣсахъ, гдѣ владѣльцы не слѣдовали никакой хозяйственной системѣ, нельзя ожидать, чтобы деревья одного возраста образовали отдѣльныя массы; они вообще состоятъ изъ деревъ различнаго возраста. То же самое относится также къ образу насажденія лѣсовъ: въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются участки, гдѣ деревья растутъ такъ тѣсно, что дѣйствительно не могутъ достигать надлежащаго возраста, въ другихъ же они слишкомъ рѣдки, что также невыгодно для многихъ породъ.

Къ югу отъ источниковъ Касмарки измѣняются свойства центральныхъ лѣсовъ. Поляны становятся чаще и значительнѣе, въ особенности около рѣчныхъ лощинъ, гдѣ образуютъ обширныя покосныя и пастбищныя мѣста. Главная масса лѣсовъ покрываетъ вершины и скаты горъ, пролегающихъ между долинами рѣкъ Сакмары, Касмарки и Идаша. Различное положеніе мѣстности имѣетъ здѣсь значительное вліяніе на ихъ произрастеніе, такъ что скаты высотъ, обращенные къ югу и западу, большею частію голы и открыты; въ однихъ лощинахъ и впадинахъ встрѣчаются небольшія колки лѣсовъ; на сѣверныхъ же и восточныхъ скатахъ видны значительныя лѣсныя массы, покрывающія все пространство между хребтомъ Дзлу-тюбя и р. Сакмарою, равно какъ и правые нагорные берега долины Касмарки.

Въ сѣверной части сего пространства встрѣчаются тѣ же самыя породы, какъ и въ центральныхъ лѣсахъ, съ тою разницею, что сосны замѣняются лиственницами. Господствующія породы лѣсовъ въ южной части суть березы, осины, дубы и липы. Чѣмъ болѣе лѣса рѣдѣютъ, тѣмъ замѣтнѣе вредныя послѣдствія дурнаго лѣснаго хозяйства, не только въ томъ, что они всѣ безъ исключенія не полпонасажены и очень неправильны, но еще болѣе отъ значительнаго количества валежника, препятствующаго свободному всходу молодыхъ деревъ.

Западный склонъ центральной возвышенности покрытъ так-

же значительными лѣсными массами, составляющими нѣкоторые образы боковыя отрасли сплошныхъ, центральныхъ лѣсовъ. Они различаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что поляны между перелѣсками увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ западу и что вся мѣстность постепенно принимаетъ болѣе открытый видъ. Положеніе мѣстности оказываетъ весьма различное вліяніе на произрастеніе лѣсовъ въ семь пространствъ. Не трудно замѣтить, что скаты высотъ, обращенные къ западу и къ югу, большею частію голы и что встрѣчаемыя на нихъ колки произрастаютъ только въ однѣхъ лощинахъ и рывинахъ, гдѣ почва земли болѣе влажна, чѣмъ на поверхности самыхъ скатовъ. Различіе это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что мѣста, открытыя къ западу и къ югу, болѣе подвержены сильному и продолжительному дѣйствію солнца, отъ чего самая почва весною рано теряетъ влажность, необходимую для питанія молодыхъ деревьевъ. Отъ несоразмѣрной вырубкы старыхъ деревьевъ увеличивается это вліяніе и производитъ постепенное уничтоженіе лѣсовъ на западныхъ и южныхъ скатахъ горъ.

Относительно образа произрастенія лѣсовъ на семь пространствъ, можно замѣтить, что всѣ вообще участки болѣе или менѣе неполно насаждены, т. е. что не заключаютъ того числа деревьевъ, которое бы они могли производить при надлежащемъ присмотрѣ. Притомъ, во всякомъ перелѣскѣ, деревья всякаго возраста встрѣчаются, отъ чего всѣ участки получаютъ весьма неправильной видъ. Господствующія породы деревьевъ суть березы, осины, дубы и лиственницы; между ними встрѣчаются изрѣдка сосны, первыя болѣе въ восточной, а послѣднія въ западной части сего пространства.

Известковые хребты, составляющіе главные уступы горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, имѣютъ большею частію голую поверхность. Лишь на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ: Селейманъ, Караулъ, Кипчакъ и Емапла-тау находятся обширные лѣса, состоящіе изъ березовыхъ, осиновыхъ, дубовыхъ и липовыхъ породъ; на прочихъ же хребтахъ являются небольшіе перелѣски въ лощинахъ и на скатахъ горъ, прикрытыхъ съ западной и южной стороны. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ р. Ика уменьшаются и рѣдѣютъ лѣса, такъ что мѣстность, между подножіями главныхъ предгорій и русломъ р. Ика, припимаетъ видъ безлѣсной степи.

Въ луговой лощинѣ послѣдней тянется только неширокая полоса лѣсу, состоящаго изъ осокоревыхъ, вязовыхъ, ветловыхъ и липовыхъ деревьевъ, но и изъ нихъ много вырублено.

Лѣса, на пространствахъ между рѣками Яланъ-Зилавромъ и Сакмарою, составляютъ восточное продолженіе центральныхъ лѣсовъ; они тянутся значительными сплошными массами, по уваламъ, пролегающимъ между притоками Сакмары и Зилавра, оставляя около рѣчныхъ лощинъ широкія открытыя поляны, доставляющія хорошія покосныя и пастбищныя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Сакмары, лѣса болѣе и болѣе рѣдѣютъ, поляны становятся чаще, такъ что на разстояніи 2 и 5 верстъ отъ русла Сакмары мѣстность принимаетъ видъ открытой голыи степи. Главныя лѣсныя породы суть березы и осины, между коими изрѣдка встрѣчаются сосны. Положеніе мѣстности не имѣетъ большаго вліянія на произрастеніе деревьевъ; въ прочихъ отношеніяхъ качества лѣсовъ тѣ же самыя, какъ и въ предыдущихъ пространствахъ.

Описавъ въ краткихъ очеркахъ главныя свойства лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, считаю неизлишнимъ изложить подробно образъ произрастенія и свойства каждой лѣсной породы отдѣльно.

Сосны находятся исключительно въ среднихъ частяхъ горнаго пространства около источниковъ Ика, Сюрля и обоехъ Зилавровъ. Сосна растетъ преимущественно на крутыхъ каменистыхъ скатахъ высотъ, образующихъ нагорные берега рѣчныхъ долинъ, и требуетъ вообще почвы болѣе рыхлой; поэтому она рѣдко встрѣчается на вершинахъ уваловъ, гдѣ полземъ состоятъ изъ глубокаго слоя желтой глины.

Сосны не растутъ отдѣльными чистыми перелѣсками, а встрѣчаются всегда смѣшанно съ березами и лиственницами; на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ обыкновенно въ видѣ подчиненной имъ породы, на южныхъ же и западныхъ онѣ очень рѣдки. Впрочемъ общія свойства климата и мѣстности несколько не препятствуютъ успѣшному произрастенію сосновыхъ лѣсовъ, и главныя причины, останавливающія размноженіе сей породы, состоятъ частію въ обыкновеніи Башкирцевъ очищать принадлежащія имъ покосныя и пастбищныя мѣста палами, отъ чего не только молодой всходъ, но и самыя сѣмяна совершенно уничтожаются, частію отъ сильныхъ лѣсныхъ пожаровъ, опу-

стоющихъ нерѣдко значительныя пространства наилучшаго лѣса. Сосны же, какъ и вообще всѣ хвойныя породы, размножаются только посредствомъ сѣмянъ. Притомъ неправильный образъ вырубкы составляетъ столь же важное препятствіе для успѣшнаго произрастенія сосновой породы: она производится безъ всякихъ соображеній вездѣ, гдѣ только предстоитъ возможность для вывозки и обдѣлки бревенъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, остается ли достаточное количество деревъ для обсемененія очищеннаго пространства. Изъ вышесказанныхъ обстоятельствъ нетрудно заключить, что сосновая порода современемъ совершенно уничтожится, если заблаговременно не примутъ надлежащихъ сберегательныхъ мѣръ.

Сосновое дерево доставляетъ въ лѣсномъ хозяйствѣ большіи выгоды; стволъ его, обыкновенно правильный и прямой, предпочтительно употребляется на строеніе не только обыкновенныхъ зданій, но и для работъ подводныхъ и подземныхъ, потому что прочность его въ постоянныхъ сухости и сырости весьма значительная; при переменныхъ же обстоятельствахъ, оно болѣе подвержено гнилости. Сосновыя бревна употребляются также на строеніе машинъ и мельницъ, но впрочемъ онѣ, по незначительной твердости древесины, менѣе удобны на сей предметъ. Какъ подѣлочный матеріалъ, они не имѣютъ большой цѣнности, потому что древесина отъ неравномерной твердости слоевъ не принимаетъ красивой политуры. Сосновое дерево горитъ большимъ пламенемъ и производитъ сильный, но непродолжительный жаръ; впрочемъ горючесть его весьма различна и зависитъ частію отъ плотности древесины, частію отъ большаго или меньшаго содержанія смолы. Кубической футъ сыраго сосноваго дерева вѣситъ $62\frac{1}{2}$ фунта, въ сухомъ же состояніи отъ 55 до 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ сухаго и сыраго дерева равняется 0,553 и 0,947. Сосновый уголь содержитъ къ буковому какъ 3 : 4. — Кубическая сажень корней, вѣтвей и щепокъ сосновыхъ даютъ $1\frac{1}{2}$ четверика золы, изъ которой вывариваютъ около $\frac{5}{8}$ фунта поташу. Смола, варъ и голландская сажа составляютъ также немаловажныя произведенія, получаемыя отъ сосновыхъ лѣсовъ.

По рѣдкости сосновой породы въ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, было бы весьма полезно не

употреблять ея на дрова и уголь, потому что она болѣе выгодна, нежели строевой матеріалъ.

Лиственница растеть преимущественно въ западной части горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, гдѣ составляетъ одну изъ господствующихъ лѣсныхъ породъ. Она встрѣчается вездѣ, гдѣ только почва земли глинистая и неслишкомъ камениста. Верхнія части рѣчныхъ овраговъ, равно какъ и ближайшія къ нимъ увалы, обставлены почти исключительно лиственницами. Наивыгоднѣйшее для нее положеніе составляютъ сѣверозападные и сѣверовосточные скаты плоскихъ возвышеній. Лиственница находится во всемъ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ, Сюрянемъ и Касмаркою, простираясь къ западу до подножій горъ: Солейманъ-караулъ, Капчакъ и Емашла-тау. Она здѣсь распространена несравненно болѣе, чѣмъ сосна, и кажется, что свойства почвы и климата вообще болѣе благопріятны для нее, чѣмъ для послѣдней.

Лиственный лѣсъ считается здѣшними промышленниками мало способнымъ для употребленія. Полагаютъ, что выстроенные изъ него дома не теплы, потому что большое содержаніе смолы придаетъ дереву свойства хорошаго проводника теплоты; притомъ тяжесть и твердость его считаются также немаловажными препятствіями для вывозки и обдѣлки бревенъ. По моему мнѣнію, не слѣдовало бы слишкомъ полагаться на справедливость этихъ причинъ: большая часть ставицъ на верхней линіи выстроены изъ лиственничнаго лѣса и, сколько мнѣ извѣстно, жители нимаю не жалуются на холодъ въ домахъ. Тяжесть же и твердость дерева, хотя точно значительныя, но это нисколько не препятствуетъ употребленію его на строенія; въ особенности первая, которая уменьшается почти въ половину, если бревны въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ сохнутъ. Въ сѣ кубическаго фута сыраго лиственничнаго дерева 61 фунтъ, сухаго же—46 и 32 фунта.

Для топлива лиственничный лѣсъ менѣе удобенъ: онъ горитъ съ сильнымъ трескомъ, отъ чего нерѣдко повреждаются печи; притомъ же не производитъ много жару. Достоинство угля, получаемаго отъ лиственничнаго дерева, содержится къ буковымъ углямъ какъ 7 : 10.—25 пудъ дерева даютъ $4\frac{1}{4}$ фунта золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Изъ сѣры получается значительное количество вара и скипидару. Дерево лиственницы плотнѣе и

не такъ сучковато, какъ сосна: оно менѣе подвержено дѣйствіямъ влаги и сухости, чѣмъ всякое другое, и потому весьма способно для всѣхъ подводныхъ строеній. Сверхъ сего оно доставляетъ хорошій корабельный, машинный и мельничный лѣсъ.

Дубы растутъ преимущественно на западныхъ предгоріяхъ центральной возвышенности между рѣками Икомъ и Сакмарою. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются они на восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ горъ: Солейманъ-караулъ, Кипчакъ и Емашла-тау, равно какъ и на известковыхъ хребтахъ, простирающихся къ югу до устьевъ рѣчекъ Иляша и Зирганша. Въ западной части плоской возвышенности, дубъ является въ видѣ подчиненной породы между березами, осинами и лиственницами, не образуя нигдѣ отдѣльных чистыхъ перелѣсковъ. Дубы требуютъ вообще глубокой глинистой почвы, содержащей значительный процентъ черной земли. Свойства же грунта въ осмотрѣнномъ пространствѣ, какъ кажется, менѣе благоприятны для надлежащаго произрастенія сей породы. Рѣдко встрѣчаются дубы, у которыхъ толщина ствола превышала бы 10 вершковъ, а вершинникъ у большей части деревъ высыхаетъ уже на разстояніи 6 сажень отъ корня. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что почва земли не имѣетъ надлежащей глубины и что каменисто-известковая подпочва удерживаетъ часть влажности, потребной для питанія деревъ. Качество древесины также нелучшихъ свойствъ: большая часть деревъ имѣютъ гнилые слои внутри, и потому мало годны на строевой и подѣлочный матеріалъ. Суровость климата оказываетъ также весьма неблагоприятное вліяніе на произрастеніе дубовыхъ деревъ, молодой всходъ въ особенности страдаетъ отъ раннихъ весеннихъ морозовъ.

При всѣхъ вышеизложенныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, дубовыя деревья составляютъ одну изъ главнѣйшихъ породъ въ западной части лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, что вѣроятно происходитъ отъ небольшой потребности въ дубовомъ лѣсѣ. По значительной тяжести своей (*), онъ мало удобенъ для сплава и доставки въ

(*) Кубическій футъ сыраго дубоваго дерева вѣситъ 68 фунтовъ, въ сухомъ состояніи отъ 57 до 44 фунтовъ. Относительный вѣсъ дубоваго дерева—1, 060 и 0, 697.

отдаленныя мѣста. Дубовыя деревья употребляются рѣдко для топлива; они горятъ медленно, безъ сильнаго пламени, но доставляютъ довольно продолжительный жаръ. Получаемый отъ нихъ уголь относится къ буковому углю какъ 6 : 8. Отъ 25 пудовъ сухаго дубоваго дерева получается 23 $\frac{3}{4}$ фунта золы и 1 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Наибольшая польза дубовыхъ лѣсовъ составляетъ въ здѣшнемъ краѣ дубильное вещество, получаемое изъ коры; 460 фунтовъ молодой дубовой коры содержатъ, по изслѣдованію Профессора Деви, 32 фунта чистаго дубильнаго вещества; равное же количество коры деревъ средняго возраста содержитъ до 29 фунтовъ.

Липы растутъ вездѣ на западномъ склонѣ горнаго пространства, гдѣ только почва земли не слишкомъ влажна и гдѣ она открыта вліянію свѣта и воздуха. Впрочемъ нельзя полагать, чтобы свойства климата благопріятствовали произрастенію липовыхъ деревъ; они рѣдко достигаютъ большихъ размѣровъ и являются обыкновенно въ видѣ невысокихъ многовѣтвистыхъ кустовъ, покрывающихъ промежутки между дубовыми и осиновыми деревьями. Наибольшій вредъ причиняется имъ глубокими свѣгами, препятствующими молодымъ порослямъ произрастать правильно и прямо. Липовое дерево имѣетъ весьма посредственныя качества: оно мягко и подвержено скорому гніенію, при переменнѣйшій сухости и влагѣ; но не менѣе того, оно Башкирцами часто употребляется какъ строевой и подѣлочный матеріалъ. Для топлива оно менѣе выгодно потому, что доставляетъ малое количество жара. Липовый уголь относится къ буковому углю какъ 1 : 3. 25 пудовъ дерева даютъ 11 фунтовъ золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго липоваго дерева вѣситъ 54 ф., въ сухомъ же состояніи отъ 40 до 29 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,878 и 0,439.

Липовая кора весьма употребительна; изъ нее строятъ обыкновенно изгороды (карды) въ башкирскихъ деревняхъ для зимняго помѣщенія скота; ею крыты большая часть строеній; а изъ мочалы Башкирцы выдѣлываютъ хомуты, шлеи, возжи и веревки. Притомъ липовые лѣса приносятъ большую пользу въ мѣстахъ, гдѣ занимаются пчеловодствомъ. Сухіе листья липовые считаются хорошимъ зимнимъ кормомъ для овецъ и рогатаго скота.

Березы составляютъ господствующую породу въ лѣсномъ

пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарю; онѣ растутъ вездѣ успѣшно, несмотря на различіе въ положеніи мѣстности или въ свойствахъ грунта. Имѣетъ въ полномъ возрастѣ весьма значительные размѣры и составляетъ вообще лѣсную породу, наиболѣе свойственную здѣшнему климату. Береза размножается болѣею частію посредствомъ порослей, выходящихъ изъ пней или корней срубленныхъ деревьевъ; обсыяненіе же производится не столь успѣшно, потому что палы и лѣсные пожары много препятствуютъ всходу молодыхъ деревь. Наибольшій вредъ причиняется березовымъ деревьямъ сдираниемъ коры для ситки дегтя, отъ чего они нерѣдко совершенно увядають. Наваль снѣгу производятъ также большое препятствіе для успѣшнаго произрастенія деревь, особенно въ западныхъ частяхъ лѣснаго пространства, гдѣ мѣстность болѣе гористая, и гдѣ слѣдовательно въ долинахъ масса снѣговъ достигаетъ значительной глубины.

Березовый лѣсъ употребляется преимущественно для топлива; онъ горитъ сильнымъ пламенемъ и доставляетъ много жару. Березовый уголь содержится къ буковому углю какъ 4 : 5. Изъ 25 пудовъ дерева получается 14 фунтовъ золы и 1¼ фунт. поташу. Кубическій футъ сыраго березоваго дерева вѣситъ 61 ф., въ сухомъ видѣ, отъ 51 до 41 фунта. Относительный вѣсъ—0,924 и 0,629. По неправильному росту деревь и по малой прочности древесины въ перемежной сухости и влажности, она рѣдко употребляется для построекъ.

Осина встрѣчается болѣею частію на западныхъ и южномъ склонахъ горнаго пространства, гдѣ составляетъ одну изъ главныхъ лѣсныхъ породъ. Въ сѣверной же и восточной части она рѣдко является большими массами и находится въ незначительномъ количествѣ въ березовыхъ лѣсахъ. Положеніе мѣстности, свойство грунта и климата не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастеніе сей породы; она требуетъ вообще болѣе открытой мѣстности, чѣмъ береза, отъ чего и принимается хорошо на полянахъ и около лѣсныхъ опушекъ. Наибольшій вредъ причиняется молодому осиновому всходу налами и ранними осенними морозами; навалъ снѣга и засухи менѣе вредны для него.

Качества осиноваго дерева несравненно хуже березоваго. Для топлива оно менѣе выгодно, потому что доставляетъ малое количество жару. Осиновый уголь содержится къ березовому, какъ 3 :

4. Отъ 25 пудовъ осиновыхъ дровъ получается 11 $\frac{1}{2}$ фунт. золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго дерева вѣситъ 50 фунтовъ, въ сухомъ состояніи 26 фунт. Относительный вѣсъ—0,758 и 0,394.

Осиновыя бревна бываютъ обыкновенно прямы и мало сучковаты; и потому часто употребляются на постройку домовъ, хотя и они болѣе подвержены гніенію, чѣмъ березовое дерево.

Осокорь растетъ въ луговыхъ лощинахъ рѣчекъ и ручейковъ, выпадающихъ въ Сакмару, ниже устья рѣки Урманъ-Зылаира. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчается она въ рѣчныхъ долинахъ Сакмары и восточнаго Ика, гдѣ составляетъ весьма значительныя перелѣски около береговъ и краевъ озеръ. Она требуетъ тучной, но неглубокой почвы земли и низменнаго, сыроватаго мѣстоположенія. Суровость климата она переноситъ хорошо и достигаетъ въ полномъ возрастѣ значительной толщины и высоты.

Осокоревое дерево имѣетъ одинаковыя свойства съ липовымъ, и употребляется слѣдовательно на тѣ же предметы, какъ и послѣднее.

Вязъ растетъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и осокорь, съ которою составляетъ господствующую породу въ лѣсной полосѣ по долинамъ Сакмары и Ика. Онъ рѣдко достигаетъ такой величины какъ осокорь, потому что рано лишается своей вершины и верхнихъ порослей, которыя употребляются частію на кормъ для скота, частію же на устройство плетней и изгородъ.

Вязовое дерево доставляетъ хорошій подѣлочный матеріалъ, и также изрядное топливо. Вязовый уголь содержится къ буковому какъ 7 : 8. Отъ 25 пудовъ дерева получается 23 фунта золы и 3 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Вѣсъ кубическаго фута сыраго дерева—62 $\frac{1}{2}$ фунт., сухаго—50 и 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,947 и 0,553.

Ольха растетъ по всѣмъ рѣчнымъ лощинамъ въ средней и восточной части лѣснаго пространства; она является обыкновенно въ видѣ кустарника или невысокаго дерева, которое не имѣетъ большаго употребленія по дурнымъ качествамъ древесины.

Ольховыя дрова горятъ худо и доставляютъ мало жару. Получаемые отъ нихъ угли содержатся къ буковымъ углямъ, какъ 1:2. 25 пудовъ дерева даютъ 25 ф. золы и 3 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Относительный вѣсъ ольховаго дерева—0,864 и 0,455.

Вербь и иль растуть по берегамъ рѣчекъ и ручейковъ во всемъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою; онѣ рѣдко достигаютъ значительной высоты, и употребляются обыкновенно на устроение плетней и изгородь. Ивовое дерево не составляетъ хорошаго топлива: оно горитъ скоро и доставляетъ мало жару. Получаемый отъ нихъ уголь содержится къ буковому какъ 1 : 2. Относительный вѣсъ дерева — 0,985 и 0,485.

Важнѣйшій предметъ при описаніи всякаго лѣснаго пространства составляетъ опредѣленіе наличнаго количества лѣса, годнаго для рубки въ настоящее время. Оно служитъ главнымъ основаніемъ при всѣхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ, относительно выбора мѣста для главныхъ лѣсныхъ заготовленій и представляетъ весьма важные факты для надлежащаго устройства общаго лѣснаго хозяйства.

Таксація лѣсовъ въ осматрѣнномъ мною пространствѣ основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) на опредѣленіи поверхности всего лѣснаго пространства (*); 2) на количествѣ деревьевъ свыше 40-лѣтняго возраста въ каждомъ лѣсномъ участкѣ (**), и 3) на числѣ деревьевъ, составляющихъ 1 кубическую сажень, не принимая въ расчетъ вершинника, корней и вѣтвей (***).

Относительно вѣрности самыхъ результатовъ слѣдуетъ замѣтить, что они не могутъ быть математически точны, потому, что краткость времени и обширность всего пространства, долженствующаго войти въ кругъ обозрѣнія, не позволили мнѣ произвести таксацію такъ подробно и такъ тщательно, какъ бы оно слѣдовало по правиламъ лѣсной науки. Вообще результаты показаны нѣсколько меньше настоящаго, для избѣжанія важнѣй-

(*) Число десятинъ въ каждомъ лѣсномъ участкѣ исчислено по исправленной картѣ сего пространства. Масштабъ 250 сажень въ Англійскомъ дюймѣ.

(**) Количество высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревьевъ въ каждомъ лѣсномъ участкѣ опредѣлено счисленіемъ деревьевъ на нормальныхъ десятинахъ въ разстояніи отъ 5 до 5 верстъ по главнымъ дорогамъ и рѣчкамъ, гдѣ только оказывалось различіе въ образѣ насажденія и качествахъ лѣсовъ.

(***) 30 березовыхъ, осиновыхъ и осокоревыхъ деревьевъ составляютъ приблизительно 1 кубическую сажень. Липовыхъ, вязовыхъ и ветловыхъ деревьевъ идетъ около 40 на кубическую сажень.

шихъ неудобствъ отъ недостатка въ лѣсѣ, при распредѣленіи главныхъ заготовленій.

Во всякомъ лѣсномъ участкѣ раздѣлилъ я деревья по различному ихъ возрасту на три главные разряда: 1) на высокоствольные и низкоствольные деревья свыше 40 лѣтъ; 2) на молодые деревья отъ 10—40-лѣтняго возраста, и 3) на молодой подростъ до 20 лѣтъ. Всѣ эти разряды встрѣчаются въ каждомъ участкѣ смѣшанно и почти въ равномъ количествѣ; почему и полагаю, что для отвращенія чрезмѣрнаго истребленія лѣсовъ въ пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарою, надлежало бы производить вырубку высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревьевъ въ продолженіе 20 лѣтъ, дабы остальные разряды имѣли времени выростать до требуемой величины.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія количества лѣса въ различныхъ частяхъ пространства, раздѣлилъ я всѣ вообще лѣса между рр. Икомъ и Сакмарою на 9 участковъ по главнымъ рѣчнымъ системамъ, дабы выѣстѣ съ тѣмъ показать главные пути для сплава въ городъ Оренбургъ и на Уральскую линію.

Въ приложенной присемъ Таблицѣ исчислено также количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей. По немѣнію вѣрныхъ данныхъ для опредѣленія годовой пропорціи строеваго и дровянаго матеріала, принялъ я примѣрно: что для отопливанія cadaго двора нужно по 3 кубическихъ сажени дровъ. Строевой же лѣсъ опредѣленъ по числу дворовъ, полагая, что изъ 50 строеній одно должно строиться вновь, считая для cadaго по 50 бревенъ, что составляетъ ежегодный ремонтъ по 1 бревну на дворъ.

Таблица, показывающая наличное количество лѣса на пространствахъ между рѣками: Икомъ и Сакмарою.

Названіе лѣсныхъ участковъ.	Порода деревъ.	Наличное количество лѣса.		Ежегодная потребность лѣса для жѣсти жителей.		Остается лѣса для ежегодной продажи.	
		Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.
		Число кубическихъ сажень.	Число бревень.	Число кубическихъ сажень.	Число бревень.	Число кубическихъ сажень.	Число бревень.
Лѣса по р. Большому Ику съ притоками. 46166 десят: 2020 саж:	Березовыхъ . .	75,926	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	14,739	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	9,509	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	2,762	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	880	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	143,480	2,994	1,000	2,260	6,000
Лѣса по р. Иняку и его притокамъ. 25493 десят: 1060 саж:	Лиственныхъ . .	—	149,660	—	—	—	7,400
	Березовыхъ . .	37,396	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	15,781	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	12,709	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,046	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	33,000	360	120	3,151	1,530
	Лиственныхъ . .	—	118,000	—	—	—	5,900
Лѣса по обзвѣ Сюринямъ съ притоками. 71971 десят: 1424 саж:	Березовыхъ . .	106,071	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	29,716	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	31,028	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,141	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	61,500	939	313	7,608	2,762
	Лиственныхъ . .	—	463,300	—	—	—	22,165
Лѣса по рр. Ускалку и Асседи. 16481 десят: 295 саж:	Березовыхъ . .	55,614	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	10,105	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	11,618	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	823	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	58	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	84	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	58	—	—	—	—	—
	Лиственныхъ . .	—	5,054	963	321	2,955	— 70
Лѣса по р. Касмаркѣ съ притоками. 30419 десят: 615 саж:	Сосновыхъ . . .	—	—	—	—	—	—
	Березовыхъ . .	61,270	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	17,709	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	14,461	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	1,311	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	740	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	740	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	740	—	—	—	—	—

Название лѣсныхъ участковъ.	Порода деревъ.	Наличное количество лѣса.		Ежегодная потребность лѣса для мѣстн. жителей.		Остается лѣса для ежегодной продажи.	
		Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.
		Число кубическихъ сажень.	Число бревенъ.	Число кубическихъ сажень.	Число бревенъ.	Число кубическихъ сажень.	Число бревенъ.
Лѣса по р. Урманъ-Зилайру съ притоками. 21695 десят: 1575 саж:	Лиственничныхъ...	—	3,700	1,662	554	3,176	—3176
	Сосновыхъ...	—	2,500	—	—	—	—
	Березовыхъ...	42,606	—	—	—	2,136	—
	Осиновыхъ...	4,228	—	—	—	211	—
	Дубовыхъ...	1,648	—	—	—	82	—
	Липовыхъ...	—	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ...	—	9,300	—	—	—	468
	Лиственничныхъ...	—	71,100	—	—	—	8,556
	Березовыхъ...	65,206	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ...	7,513	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Бараклу съ притоками. 22291 десят: 1875 саж:	Дубовыхъ...	—	—	—	—	—	—
	Липовыхъ...	—	—	96	32	3,539	—
	Сосновыхъ...	—	19,000	—	—	—	918
	Березовыхъ...	107,815	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Яланъ-Зилайру съ притоками. 40,616 десят: 1200 саж:	Осиновыхъ...	5,559	—	630	230	—	—
	Сосновыхъ...	—	119,000	—	—	5,038	5,720
	Березовыхъ...	118,329	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Сакмаръ съ прочими притоками.	Осиновыхъ...	46,428	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ...	26,794	—	—	—	—	—
	Липовыхъ...	2,044	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ...	4,470	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ...	4,644	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ...	3,507	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ...	—	17,000	9,603	3,201	707	—2351
	Лиственничныхъ...	—	—	—	—	—	—
Итого 323817 десят: 984 саж:		962,318	1,215,594	17,247	5,771	30,857	54,836

Для дополненія общаго описанія лѣсовъ въ юго-восточной части Оренбургской губерніи, остается еще сказать нѣсколько словъ о лѣсныхъ участкахъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ. Они представляются двумя отдѣльными массами, произрастающими частію по скатамъ Ирындыка, частію на возвышенностяхъ у лѣваго берега р. Сакмары между устьями рр. Яланъ-Зилапра и Курагана.

Гребни и скаты центральныхъ высотъ хребта Ирындыка покрыты обширными лѣсами, простирающимися къ югу до источниковъ р. Уртазыма. Они образуютъ лѣсную полосу, шириною отъ 8 до 10 верстъ, въ которой являются небольшія прогалины около скалистыхъ вершинъ главныхъ горъ, также по лощинамъ ручейковъ, текущихъ въ рр. Кизилъ и Худолазъ, тянутся неширокія луговые поляны.

Господствующія лѣсныя породы въ семъ пространствѣ составляютъ березы, лиственницы и осины. Первые и послѣднія растутъ вездѣ, гдѣ только грунтъ земли не слишкомъ каменистъ и встрѣчаются, слѣдовательно, чаще въ низменныхъ, чѣмъ въ возвышенныхъ частяхъ хребта, гдѣ свойства мѣстности болѣе благоприятствуютъ произрастанію лиственницъ. Небольшіе перелѣски, встрѣчаемые въ лощинахъ и на скатахъ горъ южной оконечности хребта Ирындыка, составляютъ продолженіе вышеописанныхъ сплошныхъ лѣсовъ. Они уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу и исчезаютъ наконецъ совершенно въ разстояніи 25 верстъ отъ р. Таналыка. На лѣвой сторонѣ р. Сакмары, около устья р. Яланъ-Зилапра, тянется неширокая лѣсная полоса по скатамъ нагорныхъ ея береговъ; она расширяется по мѣрѣ приближенія къ югу и образуетъ около источниковъ рр. Сика и Минауса весьма значительное лѣсное пространство, ограниченное къ югу теченіемъ рѣки Катралы. Лѣсной участокъ этотъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе лѣсовъ между рр. Икомъ и Сакмарою, съ которыми имѣетъ большое сходство, какъ по господствующимъ лѣснымъ породамъ, такъ и по образу ихъ произрастанія. Въ сѣверной части господствуютъ березы и осины, между ними изрѣдка видны отдѣльно стоящія сосны; далѣе къ югу она исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются дубы и липы, березы же и осины остаются главными породами во всемъ лѣсномъ пространствѣ. Остальная часть мѣстности, между рѣками Сакмарою и Ура-

ломъ, представляетъ голыя, ровныя степи, на коихъ не замѣтно нѣмалѣйшихъ слѣдовъ прежнихъ первобытныхъ лѣсовъ (*); и даже свойства грунта измѣнились до того, что разведеніе новыхъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, должно встрѣтить большія препятствія.

По незначительному объему лѣсовъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ, нельзя ожидать отъ нихъ большихъ выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи; притомъ же самая вырубка должна производиться весьма осторожно, дабы не лишать молодыхъ деревьевъ надлежащей защиты отъ суровости климата и тѣмъ совершенно истребить остальные лѣсные участки. По примѣрному исчисленію можно положить, что лѣса по Ирындыку до горы Кузимъ-ташъ-тау занимаютъ пространство въ 48,000 десятинъ казенныхъ, т. е. 2400 квадратныхъ сажень на которомъ имѣется годнаго для рубки дровянаго лѣсу до 120,000 кубическихъ сажень и около 100,000 бревенъ лиственныхъ. Слѣдовательно, если въ продолженіе 20 лѣтъ производить вырубку деревъ, имѣющихъ теперь надлежащій возрастъ, то ежегодный матеріальный доходъ будетъ около 6,000 кубическихъ сажень дровъ и 5,000 бревенъ. Выключая изъ сего числа потребное количество лѣса для мѣстныхъ жителей (**), остается на продажу 2000 кубическихъ сажень дровъ и 3000 бревенъ, что почти составляетъ годовую потребность лѣса для Орской крѣпости. Доставка же можетъ производиться весьма удобно сплавомъ по рр. Кизилу и Уралу.

Объемъ лѣснаго пространства по лѣвому берегу р. Сакмары составляетъ около 13,000 десятинъ, содержащихъ до 46,000 кубическихъ сажень дровъ, годныхъ для рубки въ настоящее время. Слѣдовательно, если руководствоваться вышеозначеннымъ расчетомъ для опредѣленія ежегоднаго матеріальнаго дохода, то получатся 2,300 кубическихъ сажень дровъ, кои могутъ

(*) Многіе Башкирцы рассказывали мнѣ, что лѣтъ за 50 тому назадъ, вся возвышенность между рр. Ураломъ и Сакмарою покрыта была темными лѣсами, и что они еще помнятъ, когда ѣздили съ Сакмары въ Орскую крѣпость сплошнымъ лѣсомъ.

(**) Въ деревняхъ, расположенныхъ въ сѣверной части разсматриваемаго пространства, считаютъ около 1161 дворовъ, для которыхъ ежегодно нужно около 4000 куб. саж. дровъ и 2000 бревенъ.

быть вырублены безъ малѣйшаго вреда для всего лѣснаго пространства. Количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей (*), составляетъ около 1,500 кубическихъ сажень въ годъ, следовательно остается до 800 сажень для продажи.

(*) Въ южной части сего пространства находится 14 деревень, въ которыхъ считаютъ до 450 дворовъ.

А. А. Рехенбергъ.

1838 года.

**VI-й КНИЖКИ ЗАПИСОКЪ ИМП. РУССК. ГЕОГР.
ОБЩЕСТВА.**

Страницы.
1— 29.
30—182.
183—264.

✓

266—327.
328—338.
339—382.

383—394.
395—398.
399—415.
415—468.
468—483.
483—485.
493—510.

.....
.....
.....

DR 168

